

УДК 63.3(2):39
ББК 94(47)
Ф42

Составители:
М.Н. ГУБОГЛО, Н.А. ДУБОВА

Рецензенты:
доктор исторических наук И.В. ВЛАСОВА,
доктор исторических наук Л.Б. ЗАСЕДАТЕЛЕВА

Феномен идентичности в современном гуманитарном знании : к 70-летию академика В.А. Тишкова / [сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова] ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2011. – 670 с. – ISBN 978-5-02-036718-0 (в пер.).

В книге представлены новые образы и идентичности России, в создании которых немалую роль сыграли творчество и общественная деятельность В.А. Тишкова, более двух десятилетий возглавляющего Институт этнологии и антропологии РАН и по праву ставшего признанным лидером российских этнологов и антропологов.

Очерки, написанные авторами не только по плану научной работы, но и по призыву сердца, позволяют проследить, как круто менялись образы России, корреспондируя с ее прежней и, особенно, советской историей.

В первом разделе раскрываются кардинальные проблемы формирования воображаемых и реальных идентичностей, движения русской идеи от мессианства к прагматизму, соотношений категорий «российской цивилизации» и «полиэтничности», складывание условий и направлений формирования гражданской нации. Второй раздел акцентирует внимание читателей на позитивных и негативных тенденциях, оказывающих влияние на нациестроительство и современные этнокультурные процессы в различных социальных средах и этнических образованиях. В очерках третьего раздела представлены исторические, этнополитические и социальные аспекты развития образов и идентичностей России, раскрываются опыт и ключевые вопросы изучения конкретных ситуаций во времени, пространстве и в ответах на вызовы модернизации и глобализации.

Для специалистов и широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-036718-0

© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2011
© Губогло М.Н., Дубова Н.А., составление, 2011
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2011

УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН В МЕНЯЮЩЕЙСЯ СТРАНЕ

Авторитетный ученый, широко известный и признанный многими как в своей стране, так и за рубежом. Академик Российской академии наук. Директор исследовательского Института этнологии и антропологии РАН. Заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук Российской академии наук, руководитель Секции истории этого Отделения. Президент Ассоциации этнографов и антропологов России. Активный общественный деятель, член многих институтов и неправительственных образований молодого российского гражданского общества. Четкий и понятный многим популяризатор науки. Яркий научный и политический полемист, сплывающий вокруг себя единомышленников, а против себя – оппонентов разных течений и школ. Таким предстает Валерий Александрович Тишков в год своего юбилея.

Если правы те, кто видит смысл жизни в максимальной реализации способностей, дарованных человеку природой, и возможностей, предоставленных обществом и судьбой, то можно заключить, что Валерий Александрович полностью воплотил их в жизнь. Удастся такое не каждому, кто щедро наделен природой и кому улыбается судьба. Удастся тому, кто способен преодолевать уже *превратности* судьбы и *барьеры*, расставленные в обществе. Быть человеком, который «делает себя сам». Таковым Валерий Александрович зарекомендовал себя очень рано. Добивался и добился поставленных целей в разных ипостасях. Две из них – *ученого* и *гражданина* – представляются главными. В.А. Тишков старался дойти до самых глубин в науке, внести в нее собственный оригинальный вклад. И неизменно стремился использовать свои научные идеи для достижения позитивных – *демократических* и *гуманистических* – изменений в своей стране.

Творческая жизнь поколения, к которому принадлежит Валерий Александрович, может быть разделена на два, практически равных по продолжительности этапа. До второй половины 1980-х годов и после. Обозначим их как *советский* и *перестроечно-постсоветский*.

Внутри себя оба этапа были также неоднозначны. Юность и ранняя молодость Валерия Александровича, формирование его как гражданина и научного работника пришлось на счастливую эпоху хрущевской оттепели. Тинейджеры той эпохи жадно впитывали в себя гуманистические идеи и нравственность, заключенные в фильмах Г. Чухрая, М. Калатозова и М. Рома, в прозе А. Солженицина и В. Аксенова, в поэзии Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского и Е. Евтушенко. Они сбрасывали с себя духовные оковы сталинизма и стремились к максимальному интеллектуальному и духовному раскрепощению.

Так формировался и юный Валерий Тишков. Как и многим его сверстникам, ему приходилось сталкиваться с сопротивлением тех, кто прочно впитал в себя сталинские принципы и не желал поступаться ими. Вскоре после поступления в 1959 г. на исторический факультет Московского университета он был в первый раз серьезно испытан на прочность. Прочитав в

оригинале книгу И. Дойчера «Сталин. Политическая биография» (перевод на русский язык был тогда еще не мыслим), Валерий поделился радикальными суждениями о сталинизме на семинаре по истории КПСС, которую первоначально выбрал в качестве специализации. Кафедра КПСС сочла такую позицию несовместимой со своей дисциплиной. «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Юного критика сталинизма «перехватила» кафедра новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки. Руководитель кафедры мудрый И.С. Галкин был представителем «старой школы», но превыше всего в своих учениках и сотрудниках ценил научный талант. А таланты, как правило, относились с симпатией к избранному объекту исследования – странам Западной Европы и Америки. Так в хрущевскую эпоху сформировалась плеяда блестящих «западников» – не только в научном, но в той или иной мере в мировоззренческом смысле. А.В. Адо, В.С. Бондарчук, И.В. Григорьева, И.П. Дементьев, Н.В. Сивачев, В.П. Смирнов, А.И. Строганов, Е.Ф. Язьков – вот самые яркие имена.

В.А. Тишков оказался в той научной и интеллектуальной «стихии», которая ему как раз и была близка. Сам он в качестве специализации избрал историю Северной Америки. Историю США уже серьезно разрабатывали доценты И.П. Дементьев, Н.В. Сивачев и Е.Ф. Язьков, а вот история Канады оставалась по сути terra incognita. Ее и начал осваивать студент Тишков. Его курсовые и дипломная работы, написанные под руководством Д.Е. Меламиды и Г.Н. Севостьянова, послужили серьезным заделом для последующих глубоких научных исследований по истории Канады. Но погрузиться в нее без остатка выпускнику истфака 1964 г. Валерию Тишкову удалось только три года спустя.

Мой друг уехал в Магадан.
Снимите шляпу...
Уехал сам... уехал сам!
Не по этапу...

Эти строчки бардовской песни той эпохи для многих представителей молодежи 60-х, да и 70-х годов были почти что заклинанием. Магадан в данном случае был не только географическим понятием, но и яркой метафорой. Эта метафора свидетельствовала, как серьезно поменялась страна в хрущевский и постхрущевский периоды. До того Магадан был тоже метафорой, но совсем иного рода – сталинских репрессий и лагерей. Теперь же он стал метафорой устремлений многих молодых людей к свободному, по собственному выбору освоению огромных территорий Севера, Сибири, Дальнего Востока. При этом важным стимулом была романтика и желание высвободить и реализовать собственные таланты. Для В. Тишкова метафора *Магадан* и реальность совпали – именно этот город он выбрал при послеузовском распределении в 1964 г.

В Магадане В. Тишков проработал в общей сложности пять лет. Первые два года был преподавателем истории в Магаданском государственном педагогическом институте. Затем, отучившись три года в аспирантуре Московского государственного педагогического института и защитив кандидатскую диссертацию по истории Канады (под руководством академика А.Л. Нарочницкого), вернулся в Магадан уже в качестве декана историко-филологического факультета. Последующие три года углубили его профессиональный уровень, расширили жизненную социализацию, раскрыли новое

дарование – успешного организатора и руководителя научно-образовательного коллектива.

Работая в Магадане, Тишков поддерживал связи со своим студенческим научным руководителем Г.Н. Севостьяновым и Институтом всеобщей истории АН СССР. Вернувшись в 1972 г. в Москву, он был принят в сектор истории США и Канады этого института. 1970–1980-е годы были в деятельности истории сектора «золотым периодом». Такого созвездия американистов, которые работали в нем под руководством Г.Н. Севостьянова, не сложилось ни в предшествовавшие десятилетия, ни в постсоветский период. М.С. Альперович, И.А. Белявская, Н.Н. Болховитинов, А.А. Кислова, Г.П. Куропятник, В.Л. Мальков, Л.Ю. Слэзкин регулярно подготавливали фундаментальные индивидуальные и коллективные труды, вошедшие впоследствии в классику отечественной американистики. Сотрудничая с ними и впитывая их опыт, В.А. Тишков осваивал собственное научное направление – историю Канады, быстро утвердившись в качестве его лидера.

Валерий Александрович оказался востребован не только институтской американистикой. В 1976 г. директор института академик Е.М. Жуков, являвшийся одновременно академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, пригласил его на должность Ученого секретаря Отделения. Евгений Михайлович обладал способностью подбирать себе в помощники талантливых людей, максимально освобождая их от бремени организационной работы. Некоторые, отдавшись без остатка научно-организационной деятельности, работе с людьми, откладывали на будущее собственные исследовательские планы. В.А. Тишков, в высшей степени организованный ученый, смог сочетать работу для Отделения с разработкой собственного исследовательского проекта.

Тема кандидатской диссертации, посвященной предпосылкам Канадской революции 1837 г., расширялась и углублялась. В 1978 г. Валерий Александрович издал монографию, охватившую более ста лет канадской истории – от отвоевания в 1760 г. Англией Канады у Франции до обретения Канадой статуса независимого доминиона в 1867 г.¹ В 1979 г. она была успешно защищена в Институте всеобщей истории в качестве докторской диссертации. Столетняя история канадского общества была исследована комплексно. Вскрывались амбивалентные составляющие (капиталистические и сеньориальные) канадской экономики, эволюция социальной структуры, перипетии национально-расовых отношений, этапы и особенности углублявшегося конфликта с метрополией, влияние на канадское общество Американской и Французской революций конца XVIII в., как и питавшей обе эти революции идеологии Просвещения. Среди конфликтов канадского общества центральным для внимательного читателя представал не классовый, как того требовала советская историографическая ортодоксия, а национально-этнический – между английским большинством и французским меньшинством. В неспособности разрешить его, отразившейся не только в Конституции 1867 г., но и в фундаментальных трендах государственной политики, историк справедливо видел ключ к основополагающим перипетиям канадской истории последующих периодов.

Фундаментальная монография, беспрецедентная для отечественной канадистики, закрепила позицию В.А. Тишкова в качестве ее ведущего представителя. Она только упрочилась после опубликования им в 1982 г.

(совместно с Л.В. Кошелевым) первой обобщающей «Истории Канады»². Но Валерий Александрович в это время был поглощен уже новым проектом – перипетиями исторической науки другой страны, канадского соседа – США. 70-е годы, известные в современной историографии советского общества как период «застоя», были, однако, по совокупности не однозначны, а одной из позитивных сторон являлась внешнеполитическая «разрядка», включавшая улучшение советско-американских отношений, в частности укрепление научных контактов (по инерции они развивались некоторое время успешно даже после ввода в 1979 г. советских войск в Афганистан). В качестве Ученого секретаря Отделения истории В.А. Тишков внес свою лепту в развитие контактов и взаимообменов между историками СССР и США, пестованию, пусть и весьма острого, порой жесткого, но вместе с тем творческого и плодотворного диалога историков и историографии двух стран. Активно участвуя в этом диалоге, Валерий Александрович обратился к теме, прежде отечественной американистикой не разрабатывавшейся, – организация и функционирование исторической науки США. В 1980 г. он по стипендиальной программе в течение двух месяцев работал в ведущих центрах американской исторической науки, собрав богатый материал для нового фундаментального исследования. Оно увидело свет в 1985 г.³

В монографии скрупулезно и исчерпывающе раскрывалась система исторического образования и исторической науки в США. Историческое образование в высших и средних учебных заведениях, подготовка кадров историков-исследователей и учителей, состояние и функционирование государственных и частных архивов, организация исторических исследований, научные традиции и инновации, содержание и тренды научной периодики, деятельность национальных исторических ассоциаций – вот далеко не полный перечень тем, раскрытых в монографии на основе первоисточников, интервью с десятками американских историков, исследовательской литературы. До сих пор монография остается уникальным исследованием отдельной национальной исторической науки, одной из самых развитых в мире. Читатель, знакомый с состоянием отечественного исторического образования и науки, мог в случае непредвзятого мышления объективно сопоставить две национальные историографии и сделать собственные выводы. Сам В.А. Тишков воздерживался от типичной для отечественной историографии той поры пропагандистской критики, стремился сбалансированно раскрыть разные стороны исторической науки и образования в США. Он показывал необычные, с точки зрения советских обществоведов, американские парадоксы: консервативный в научных исследованиях американский мэтр Р. Биллингтон оказывался прогрессистом в своих политических пристрастиях, а ведущий исследователь марксистской ориентации Ю. Дженовезе выступал с откровенно консервативной политической позиции. Американская историческая наука была куда как более плюралистична, неоднозначна, богата противоречивыми нюансами, нежели тот ее стереотип, который закрепился в мейнстриме отечественной историографической критики.

В монографии В.А. Тишкова содержалась еще одна важная для историографических исследований инновация – обработка и выстраивание статистических данных при помощи ЭВМ. Интерес к новой методике был следствием установления и развития тесных научных отношений с выдающимся историком, основателем отечественной школы применения количественных

методов в исторической науке академиком И.Д. Ковальченко. Альянс двух исследователей, обладавших незаурядными организаторскими способностями, поспособствовал реальной подвиге в освоении отечественной историографией как количественных методов исследования, так и междисциплинарной методологии в целом. Речь, в первую очередь, должна идти об установлении ими самых тесных связей с школой американской клиометрии⁴. И.Д. Ковальченко и В.А. Тишков были инициаторами и организаторами серии коллоквиумов отечественных и американских клиометристов, которые, с учетом того, что американские исследователи обратились к использованию новой методики раньше и обладали большим опытом⁵, оказались для отечественных историков в высшей степени полезны⁶.

В 1982 г. в творческой судьбе В.А. Тишкова произошла еще одна принципиально важная перемена. Академик Ю.В. Бромлей, директор Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, пригласил его на должность заведующего сектором народов Америки. Профессиональный историк-американист, В.А. Тишков получил возможность исследовать американское прошлое и настоящее в новых ракурсах – этнографическом и антропологическом. Энтузиазм и работоспособность Валерия Александровича в короткий срок принесли серьезные результаты. Были проведены полевые исследования в целом ряде американских стран и регионов (Аляска, Британская Колумбия, Гавайские острова, Калифорния и др.). Главное внимание было уделено изучению индейских племен. На основе исследований подготовлены два коллективных труда, опубликовано пять сборников материалов симпозиумов по проблемам индеанистики.

В 1988 г. В.А. Тишков был назначен заместителем директора Института этнографии, а в 1989 г. демократическим волеизъявлением сотрудников избран его директором. В стране разворачивалась горбачевская Перестройка, за которой в 1991 г. последовала «бархатная» либерально-демократическая революция, а затем длительный период глубоких общественно-политических преобразований. В.А. Тишков принял трансформацию страны, пытаясь найти в ней собственное место. Главные задачи, сформулированные им для себя, – обновление теоретико-методологических основ собственной научной дисциплины и поиск на основе обновленного знания оптимальных и демократических способов формирования и обустройства российской нации – совмещали и синтезировали *научную* и *гражданскую* позиции.

Своего рода индикатором и символом теоретико-методологического обновления собственной научной дисциплины стало переименование Института этнографии в Институт этнологии и антропологии. Перемена заключала в себе ряд смыслов. Во-первых, повышение научного статуса дисциплины, ведь этнография по ваковской классификации являлась только поддисциплиной исторической науки. Во-вторых, и это самое главное, необходимо было вписать отечественную этнографию в мировую науку об этносах, а она именовалась именно *этнологией*. Переименование и вхождение в мировую этнологическую науку означало для В.А. Тишкова восприятие и освоение всего теоретико-методологического багажа, который последней был накоплен, но советской этнографии был чужд. По понятной причине. Как лаконично отмечалось в Большой советской энциклопедии: «Этнология (от греч. *éthnos* – “племя”, “народ” и “логия”), теоретическая этнография. В буржуазной науке

противопоставляется описательной этнографии. В советской науке термин “Э.” употребляется редко).

Переименование далось непросто. Часть этнографов, долго и плодотворно трудившихся на традиционной ниве, противились этому. Выстраивая взаимоотношения с ними, Валерий Александрович избрал тактику компромисса и сосуществования. Классические этнографические исследования не только сохранились, но и развивались. В 1992 г. была запущена фундаментальная серия «Народы и культуры». В 1994 г. издана этнографическая энциклопедия по народам России, а в 1998 г. (2000-й г. – переиздание) энциклопедия «Народы и религии мира». Как руководитель проекта и редактор изданий В.А. Тишков в 2002 г. был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники. В.А. Тишков и позднее не чурался традиционных исследований. В 2008 г. им была опубликована книга «Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости» – этнографическое и искусствоведческое описание и анализ уникальнейшего образца традиционного художественного ремесла⁷. Соотношение этнографии и этнологии определялось им следующим образом: «Этнография – это то, что этнолог или антрополог делает в поле, включая также и сам этнографический нарратив. Этнография есть цеховая основа дисциплины, которую называют “этнология” (российская, частично европейская традиция), “социальная антропология” (западноевропейская традиция), “культурная антропология” (североамериканская традиция)»⁸.

Реформа дисциплины проводилась на основе компромисса, но последовательно. Ее стимулировало расширение контактов, диалога и сотрудничества с мировой этнологией. В созданной в 1992 г. Европейской ассоциации социальных антропологов представители Польши, Венгрии, бывших ГДР, Чехословакии, Югославии именовали себя по-новому. В.А. Тишков был их единомышленником. В 1993 г. на конгрессе Международного союза антропологических и этнологических наук он был избран его вице-президентом (переизбран на конгрессе в Уильямсбурге, США, в 1998 г.). В собственном институте в те же 90-е годы зарубежный опыт использовался для организации теоретических, проблемных, этносоциологических групп, подразделений по разработке практических рекомендаций для государственных органов.

В 1992 г. состоялось прямое «хождение» В.А. Тишкова во власть. В феврале 1992 г. он был утвержден председателем Комитета по национальной политике, министром по делам национальностей Российской Федерации с сохранением должности директора академического института. Его установка на соединение научных подходов и политической практики натолкнулась на разнообразные, как выяснилось, непреодолимые препятствия. В октябре 1992 г. он вышел в отставку с поста министра, назвав впоследствии главной причиной «глубокий внутренний разлад по поводу исполнения законов и указов, которые мне представлялись несостоятельными именно с научной точки зрения». Но от сотрудничества с властью, активного воздействия на властный механизм национальной политики при помощи разработок академической науки не отказался. 10 лет спустя В.А. Тишков разяснял свою позицию: «...я не считал возможным уход в оппозицию и продолжаю сотрудничать с властью и оказывать по возможности содействие. Это моя страна и это моя власть, включая те мысли и предложения, которые политики вычитывают из наших текстов»⁹.

В Институте этнологии и антропологии не только не сужались, но расширялись прикладные научно-исследовательские разработки по проблемам национально-этнической политики. В 1990-е годы постоянно наращивалась серия «рабочих тетрадей» по «прикладной и неотложной этнологии» (название исследовательского направления института, инициированного В.А. Тишковым). В сотом выпуске ее позитивный результат был суммирован следующим образом: «Усилиями исследователей ИЭА РАН, а также ряда других научных центров России в изданных работах были проанализированы вопросы этнического состава, миграции и новых диаспор, этнополитическая ситуация в республиках и регионах России и ряде других государств бывшего СССР, этнонациональные движения и конфликты, современные этнокультурные процессы. Публикации данной серии нашли признание среди ученых и политиков. Эта репутация основана на добротности и точности этнологического анализа, который прежде всего опирается на полевые исследования»¹⁰. В 2011 г. серия насчитывала более 200 выпусков.

В 1993 г. В.А. Тишковым была создана при Институте этнологии и антропологии общественная экспертная организация – Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (в рамках международного проекта «Урегулирование межнациональных конфликтов в постсоветских государствах») ¹¹. От своих респондентов Сеть получала регулярную оперативную информацию из разных регионов бывшего СССР, публиковавшуюся в ежемесячном Бюллетене¹². В начале 2000-х годов Сеть получила статус региональной общественной организации «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов». Действуя как независимый от государства механизм, Сеть вместе с тем обеспечивала его экспертными материалами, получавшими неизменно высокую оценку как в академической среде, так и среди политиков.

Отметим также инициированные В.А. Тишковым независимые экспертные доклады с практическими рекомендациями для этнических общин и их руководителей, государственных служб и широкой общественности. За первым докладом «Пути мира на Северном Кавказе» (1999), содержащим 99 рекомендаций, последовали экспертные доклады по проблемам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, другим актуальным темам. Приобретенная В.А. Тишковым репутация ведущего российского эксперта по национально-этнической проблематике послужила основанием для приглашения его в состав самых высоких международных научно-экспертных сообществ. В 1994–1998 гг. он руководил научной программой по изучению конфликтов в Международном институте мира в Осло. В 1990-е годы являлся членом Научного совета Исследовательского института ООН по социальному развитию и членом экспертного совета Верховного комиссара ООН по делам вынужденных переселенцев. В 2005–2006 гг. входил в состав Глобальной комиссии по международным миграциям. В 2010 г. в составе Международной комиссии по расследованию событий на юге Киргизии лета того года принимал участие в изучении узбекско-киргизского конфликта (вошел в состав авторов заключительного доклада Комиссии)¹³.

В индивидуальных научных исследованиях В.А. Тишкова в постсоветский период в качестве главных обозначились две темы – этнонациональные конфликты¹⁴ и нациестроительство в России¹⁵. Отличительной их особенностью был этнологический подход в сочетании с методами других социаль-

ных наук¹⁶. Междисциплинарность позволяла создать новую теоретическую платформу для анализа конкретного полевого и исторического материала. Теоретическая платформа В.А. Тишкова, вобравшая опыт мирового обществознания, была непривычна для отечественных обществоведов, вызывала критику и неприятие, но росло и число ее приверженцев, а сам ученый, демонстрируя несгибаемую приверженность новым подходам, шаг за шагом укреплял собственную исследовательскую позицию.

Один из главных теоретических подходов, сформулированный В.А. Тишковым и обозначенный им как «историко-ситуативный», заключал пересмотр эссенциалистской традиции отечественной историографии и культурной антропологии, ее «позитивистско-марксистского» детерминизма¹⁷. Критикуя постулат об объективно исторической предопределенности поведения социума и политики, В.А. Тишков исходил из того, что общественно-исторические явления есть продукты человеческих действий, т.е. *социальные конструкты*. Это результат как непреднамеренных, так и целенаправленных усилий, формирующих альтернативные варианты общественно-исторического развития. Особая и важная роль человеческого фактора была специально разобрана В.А. Тишковым в книге «Политическая антропология». Ее предмет – человеческое измерение политического и политическое измерение человеческого. Одна из главных идей – политическое поведение людей определяют не только объективные интересы, но и субъективные представления о нормах, фобии, идиосинкразии и т.д. Эти субъективные представления, превращаясь в социальные конструкты, меняют ход общественно-исторического развития.

Феномен конструирования конфликтного политического пространства был подробно исследован В.А. Тишковым на примере чеченского конфликта. Ученый последовательно критиковал расхожие представления о чеченцах как «уникальном этносе», несовместимом с российской культурой, о «чеченстве» как социокультурной первопричине войны и доказывал, что конфликт имел не *историко-культурную*, а *политико-идеологическую* основу. Обращаясь к советскому периоду, он показывал, что индустриализация и урбанизация, механизмы социализации и культурные преобразования в Чечено-Ингушетии привели к глубокой трансформации чеченского общества и менталитета. Изменения носили столь принципиальный характер, что изображение чеченцев в духе этнографического романтизма, как «гордых и непримиримых горцев» или «обойденных» цивилизацией «варваров» – это наивный, а то и порочный миф, не имеющий отношения к науке. По убеждению исследователя, «исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов в регионе бывшего СССР, включая Чечню и в целом Северный Кавказ. Это, прежде всего, современные конфликты современных акторов (участников) социального пространства и по поводу современных проблем и устремлений»¹⁸. Чеченская декларация независимости и ее пропагандистские обрамления явились социальным конструктом, сформулированным этнонационалистической частью элиты (Д. Дудаев, А. Масхадов и др.) в собственных политических интересах и сумевших заручиться массовой поддержкой в условиях российской общественно-исторической аномии, острого кризиса российской государственности и гражданской национальной идентичности.

«Историко-ситуативный» подход высветил тот фактор происхождения этнополитических конфликтов, да и не только их, который до того не иссле-

довался полностью отечественным общественным сознанием, а то и вообще выпадал из поля зрения. В.А. Тишков применял его широко, в том числе и для анализа краха СССР. Объясняя последний, он в своем обобщении заключал, что «новая Россия возникла не в результате распада СССР, наоборот, СССР распался после того, как возникла новая Россия, т.е. после того, как Б. Ельцин и поддерживавшие его политические силы фактически одолели союзный центр главе с М. Горбачевым, вернее, лишили его способности и воли к сопротивлению и к отправлению власти»¹⁹.

Одна из главных исследовательских и гражданских задач В.А. Тишкова на современном этапе – обоснование полезности и жизненной необходимости для России *гражданской нации* и, что не менее важно, ее скорейшее создание на практике. Еще в бытность министром по делам национальностей в Федеральном правительстве он сформулировал свое кредо: «Россия – это национальное государство россиян, в состав которого входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством». Позднее он так оценивал его значение: «В постсоветской России это было первое высказывание о российской гражданской нации и культивировании чувства принадлежности к общности россиян на основе формулы “единство в многообразии”. Спустя год это положение попало в ежегодное послание президента Б. Ельцина»²⁰.

Восприятие концепции гражданской нации российским президентом отнюдь не повлекло ее триумфального шествия по российским научным, идеологическим и политическим просторам. Напротив, среди ученых, идеологов, да и политиков приверженцы этой концепции, одним из лидеров которых неизменно являлся В.А. Тишков, оставались в меньшинстве. В.А. Тишков был подвергнут массированным атакам со стороны оппонентов. В противовес его научным изысканиям и политическим предложениям было написано множество монографий, памфлетов, манифестов защитников чистого *этнического* (как абсолютной альтернативы *гражданского*) национализма. В.А. Тишков с ними перманентно полемизировал, развивал собственные концепции как в научных трудах, так и в публичных дискуссиях. Их основные результаты обобщены недавно в емкой, написанной лаконично и ярко, рассчитанной на широкого читателя книге²¹.

Что такое, согласно В.А. Тишкову, российская гражданская нация? Это *нация наций*: в ней существуют многие *этнические нации* – русские, тувинцы, башкиры, осетины, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы, евреи, армяне и т.д., но которые вместе с тем абсолютно на равных включены в главную, но уже *не этническую*, а *гражданскую* российскую нацию. Все они в равной степени россияне с абсолютно одинаковыми гражданскими, экономическими и политическими правами и обязанностями. Это *российская нация*, которая имеет сходство, но и определенное отличие с понятием *российский народ*. Российский народ – это территориальное сообщество, а российская нация – это сообщество гражданско-политическое. Российская нация, как и любая другая гражданская нация обладает некоторыми основополагающими признаками – *проживает в едином национальном государстве, скрепленном общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорий, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны*.

В.А. Тишков неизменно подчеркивает, что используемые им дефиниции коррелируют с современной мировой обществоведческой литературой и, подобно последней, отражают мировую практику нациестроительства XXI в. (но оформилась она в предшествующее столетие). Нация наций, сохраняющая этнические нации, но и объединяющая их в гражданскую нацию, существует сегодня в Великобритании, Франции, Испании, США, Китае, Индии и многих других странах. При этом существует как в развитых демократиях, так и в странах, вступивших на демократическую стезю недавно или даже остающихся в рамках недемократических режимов. С точки зрения нациестроительства все они восприняли оптимальную модель.

Подобный диалектический вариант – «единство в многообразии» (unity in diversity) – соотношения гражданской и этнических наций, как доказывает В.А. Тишков, оптимален и для российского нациестроительства. Он современен, он демократичен, он создает максимальные возможности для снятия конфликтов между этническими нациями и утверждения внутри- и внешнеполитических интересов национального государства. Но эту логику оппоненты В.А. Тишкова воспринимают с трудом, а часто категорически отказываются вступать в диалог, остаются к ней глухими, претендуют на абсолютную собственную правоту.

Тон среди них задают догматически мыслящие ученые и политики, заимствовавшие представления о нациях из советского прошлого или чужающиеся опыта зарубежных стран, и особенно этнонационалисты, не желающие жертвовать интересами своей «титულიной» этнической нации. Один из ведущих идеологов русского этнонационализма категорично утверждал: «Россия может быть только государством русского народа, или ее не будет вовсе»²². Другой видный этнонационалист также предельно категоричен: «Искусственное создание политической нации по франко-американскому типу (в нашем случае – нации “россиян”) не предполагается, да оно и невозможно в условиях России. “Лояльность русскому народу” – вот новый тест, обязательный для всех жителей нашей страны, коренных или пришлых – не важно»²³.

Этнонационализм присущ и представителям других этносов, проживающих на территории современной России. Один из них, с которым В.А. Тишков последовательно полемизировал, обосновывал невозможность существования российской нации, но уже отстаивая особые интересы собственного, а не русского этноса. Принципу «Единство в многообразии» он по сути противопоставлял принцип «Многообразие без единства»: «В Российской Федерации этническую дифференциацию невозможно нивелировать, наступила эпоха, стимулирующая культурное многообразие. В этих условиях пытаться конструировать нацию-государство «россиян» все равно, что пытаться плыть против течения в то время, когда в баке кончился бензин»²⁴.

Дискутируя с проявлениями этнонационализма, В.А. Тишков вскрывал объективные причины его распространения в современной России, как и в целом на постсоветском пространстве. Гносеологическая причина заключается в длительной изоляции отечественного общественнознания от мирового, как и в безраздельном господстве в СССР формулировок, отождествлявших нации исключительно с этническими общностями. Еще более важна причина онтологическая – распад СССР привел к мощному взрыву самосознания бывших этнических советских наций, многие, если не большинство среди

которых стали претендовать на роль «титულიной нации» в территориальных рамках прежних союзных республик и автономий.

Пагубные последствия этнонационализма в постсоветской России драматически проявились в истории Чеченской республики и ее взаимоотношений с Россией. Трагические следствия «титульного» этнонационализма запечатлены не только в Чечне. В республиках Северного Кавказа в условиях войны в Чечне началась пропаганда и насаждение среди населения, особенно молодежи, антироссийских взглядов на основе радикально ваххабитской исламистской доктрины. Своего рода «симметричным ответом» на этот вызов (иногда это явление называют «этнополитическим маятником») стала радикализация ультранационалистических доктрин и деятельности от имени русского народа. Уроки, преподнесенные этнонационализмом в постсоветской России, очевидны. Этнонационализм в качестве основы нациестроительства пагубен в любом варианте. Альтернативой ему может быть гражданская нация, нация наций – «единство в многообразии».

Один из главных посылов В.А. Тишкова в обосновании возможностей создания российской гражданской нации заключается в поиске наличия ее корней в российском прошлом. Зарождение национального российского государства прежде всего как формы дискурсивной практики (в категориях «Отечества и гражданина» и в понятии «россияне») он обнаруживает в эпохе Петра I, затем в трудах Н.М. Карамзина, в творчестве А.С. Пушкина, а затем во второй половине XIX – начале XX в. Накануне революции 1917 г., по заключению исследователя, Россия была как империей, так и национальным государством.

В.А. Тишков обосновал оригинальную концепцию и в отношении национальной характеристики советского общества: «В целом СССР при внешних формулах “дружбы народов” и интернационализма был мощным национальным государством, где народ с его социальной и идеологической однородностью и советским патриотизмом представлял собой несомненную нацию, к сожалению, не признанную в данном смысле внутри страны и значительной части внешнего мира»²⁵. А вот развернутая характеристика объединительных ценностей советской гражданской нации: «Советский народ имел свои объединяющие символы, ценности, представления, культурный арсенал, общие для всех пережитые драмы и достижения, но именовать их типологически невиданной в истории “интернациональной общностью” – псевдоакадемическая глупость. На самом деле советский народ был более чем ощутимой реальностью. Более того, существовал советский гражданский национализм без самого слова “нация”, причем в выраженной форме и во многих сферах. Советский национализм проявлялся прежде всего в социальной однородности и в солидарности многоэтнического населения, в широком распространении и использовании русского языка, в территориальной привязанности граждан страны к большой и малой родине. Национальная идентичность проявлялась в форме советского патриотизма, массовых культурно-спортивных манифестаций, в литературном, кинематографическом и театральном процессах и во многих других сферах и формах культурной жизни народа-нации»²⁶.

Одним из главных недостатков нациестроительства в СССР было то, что Советский Союз «был единственным в мире государством в том смысле, что

он отважился на рискованный эксперимент отказа от использования столь мощной объединяющей категории, как “нация”, передав ее в исключительное пользование проживающих в стране этнических групп»²⁷. Этнический национализм сыграл свою роль в распаде страны по границам этнотерриториальных образований (в советском научном и политическом языке они назывались «национальными государствами»), но его первой и главной причиной были не национальные конфликты, а глубокий кризис советской экономической системы и социалистического общественно-политического строя.

Обосновывая возможность утверждения в современной России гражданской нации, В.А. Тишков, следуя дискурсивному подходу, полагается на усилия политической и интеллектуальной элиты по выработке и воспитанию у россиян общенациональных ценностей, обычаев, традиций, составляющих в совокупности национальную идентичность. Вот типичное суждение: «Национальная идентичность – это особая форма идентификации, которая не является естественной, заданной, а должна вырабатываться и распространяться главным образом через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов, которые делают связь с нацией основополагающим компонентом сознания»²⁸.

В своей последней книге В.А. Тишков уделил пристальное внимание формулированию этих ценностей, а важнейшие среди них изложены в Послании Федеральному собранию 5 ноября 2008 г. Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым. Вот они:

«Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений.

Это свобода – личная, индивидуальная свобода.

Свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий. И свобода общая, национальная.

Самостоятельность и независимость Российского государства.

Жизнь человека, его благосостояние и достоинство. Межнациональный мир. Единство разнообразных культур. Защита малых народов...

Семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших.

Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре»²⁹.

Заслуги В.А. Тишкова в разработке новых подходов в обществознании, фундаментальных концепций национально-этнической политики признаны государством и научным сообществом. В 2002–2007 гг. он являлся Председателем Комиссии Общественной палаты РФ по вопросам толерантности и свободы совести, а в 2008–2010 гг. – заместителем председателя Комиссии Общественной палаты РФ по национальным отношениям и свободе совести. С 2008 г. он член научного совета при Совете Безопасности РФ. В 2005 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 2008 г. – ее действительным членом. С 2002 г. является заместителем академика-секретаря Отделения историко-филологических наук Российской академии наук,

а с 2008 г. – руководителем Секции истории Отделения. Его научная школа «Разработка новых методов и подходов в области социально-культурной антропологии», действующая с 2004 г. и объединяющая молодых и известных ученых, последователей теоретических подходов руководителя, включена в число ведущих научных школ Российской Федерации. С 2000-го г. В.А. Тишков руководит созданным им Учебно-научным центром социальной антропологии в Российском государственном гуманитарном университете. Признанием успехов стало завоевание в 2009 г. в рамках конкурса Минобрнауки России статуса Научно-образовательного центра по проблеме «Изучение социальных трансформаций российского города и подготовка кадров»³⁰.

На протяжении последних сорока лет В.А. Тишков принимал участие во всех Международных конгрессах исторических наук (проводятся раз в пять лет). О многих из них написал аналитические обзоры и статьи. Примечательна его статья о последнем, XXI Международном конгрессе исторических наук³¹, состоявшемся в августе 2010 г. в Амстердаме. Это размышления крупного историка, который глубоко осведомлен о состоянии современной мировой исторической науки, ее главных трендах и перипетиях, имеет собственные профессиональные о них суждения, легко и доступно излагает сложный материал читателю. Рассматривая историю как *историографическую культуру*, В.А. Тишков выделяет в ней несколько субкультур. Наиболее значимыми представляются три. Это *научная академическая субкультура*, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных критериев историописания. Это *государственно-политическая субкультура*, созданная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами в соответствии с запросом той или иной общественно-политической группы. Это *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием.

Подобная дифференциация, о которой имеют слабое представление даже многие профессиональные историки, не говоря уже о широкой общественности, помогает прояснить природу и причины того негативного, а то и откровенно пренебрежительного отношения к исторической профессии, которое присутствует в нескончаемых дискуссиях о нашем прошлом, озвучиваемых телеканалами, радиостанциями, национальными и региональными СМИ. Вроде того безапелляционного суждения писателя и публициста-историка Э.С. Радзинского, что науки истории вообще не существует. Или заявления-приговоры известного публициста и декана факультета телевидения Московского государственного университета В.Т. Третьякова: «Утверждаю и настаиваю: наши историки даром едят хлеб и со своей профессиональной задачей не справляются». Или позиции известных публицистов Л.М. Млечина и С.В. Кургиняна, которые в ходе многомесячного шоу на Пятом канале телевидения «Суд истории» твердо гнули каждый собственную идеологическую линию и решали вопрос об исторической истине при помощи зрительского голосования³².

Совершенно очевидно, что научно-академическая историографическая субкультура ко всем этим дискуссиям отношения не имеет, и если и присутствует в них, то в очень слабой мере. Именитые публицисты, скорее всего, не ведая того (оправданием это вряд ли может служить), выдают за историческую науку и выносят приговор совсем другим историческим субкультурам, к

которым сами принадлежат и которые сами пестуют. Задача профессиональной историографии, которую артикулирует В.А. Тишков, заключается в том, чтобы «продвигать» собственные методы и выводы в другие исторические субкультуры. Добавлю: так, как это делает сам В.А. Тишков, который, будучи ярким и одним из наиболее творческих представителей профессиональной исторической науки, сознательно и последовательно стремится вносить свои выводы в массовое и элитарное общественное сознание, воплощать их в общественно-политическую практику.

¹ *Тишков В.А.* Освободительное движение в колониальной Канаде. М.: Наука, 1978.

² *Кошелев Л.В., Тишков В.А.* История Канады. М.: Мысль, 1982.

³ *Тишков В.А.* История и историки в США. М.: Наука, 1985.

⁴ Такое название получило направление американских историков, использовавших количественные методы.

⁵ Два участника коллоквиумов с американской стороны, Р. Фогель и Д. Норт, являлись не много ни мало лауреатами Нобелевской премии.

⁶ Результаты коллоквиумов были отражены в научных публикациях. См., например: Количественные методы в советской и американской историографии: мат. советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе в 1979 г. и г. Таллине в 1987 г. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. М.: Наука, 1983.

⁷ *Тишков В.А.* Тундра и море. Чукотко-эскимосская резьба по кости. М.: Индрик, 2008.

⁸ *Козловский В.В.* Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4, № 4. С. 13.

⁹ Там же. С. 7, 8.

¹⁰ *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / Институт этнологии и антропологии. М., 1996. Вып. 100. С. 1.

¹¹ Подробно о ней см.: Валерий Александрович Тишков. Серия «Материалы к библиографии ученых» Российской академии наук // Сост. Г.М. Тихомирова, Н.М. Аверова. Авторы вступ. ст. Т.Б. Уварова, Е.Н. Викторова. М.: Наука. 2011. С. 223.

¹² С 1998 г. помимо Бюллетеня издается отдельный том Ежегодного доклада Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

¹³ Валерий Александрович Тишков... С. 24.

¹⁴ См., например: *Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: the Mind Aflame. L., 1997 [пер. на кит. яз., 2009]; *Тишков В.А.* Общество и вооруженные конфликты. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. *Он же.* Этнология и политика. М.: Наука, 2001, 2003.

¹⁵ См., например: *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир. 1997; *Он же.* Российский народ. М.: Просвещение, 2010.

¹⁶ Обоснование теоретических подходов см.: *Тишков В.А.* Политическая антропология = Political Anthropology. N.Y., etc., Mellen Press. 2000; *Он же.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

¹⁷ Развернутый анализ инновационного подхода В.А. Тишкова см.: *Малахов В.С.* Новое в междисциплинарных исследованиях («Историко-ситуативный» метод в работах В. Тишкова) // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 131–140.

¹⁸ *Тишков В.А.* Общество и вооруженные конфликты. Этнография чеченской войны. С. 61.

¹⁹ *Тишков В.А.* Политическая антропология. С. 43.

²⁰ Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М., 2008. С. 455.

²¹ *Тишков В.А.* Российский народ. М.: Просвещение, 2010.

²² *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 183.

²³ *Севостьянов А.* Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Политический класс. 2008. № 41.

²⁴ *Хакимов Р.С.* *Метаморфозы духа (к вопросу о тюркско-татарской цивилизации)*. Казань: Идеал-пресс, 2005. С. 64.

²⁵ *Тишков В.А.* *Российский народ*. С. 115.

²⁶ Там же. С. 120.

²⁷ Там же. С. 116.

²⁸ Там же, с. 136. См. также с. 17, 60, 77, 136, 137, 151, 166, 167, 169, 181.

²⁹ *Медведев Д.А.* *Послание Федеральному собранию Российской Федерации*. 5 ноября 2008 // www.kremlin.ru/transcripts/1968. См. также: *Тишков В.А.* *Российский народ*. С. 186 и далее.

³⁰ Валерий Александрович Тишков... С. 36–39.

³¹ *Тишков В.А.* *Новая историческая культура (размышления после XXI Международного конгресса исторических наук)* // *Новая и новейшая история*. 2011. № 2. Статья легла в основу брошюры: *Новая историческая культура*. М., 2011.

³² *Новая и новейшая история*. 2011. № 2. С. 3–4.

Раздел I

ОБРАЗЫ РОССИИ

А.О. Чубарьян

СТЕРЕОТИПЫ И ОБРАЗЫ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ МЫШЛЕНИИ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Реальные исторические события, отставание и отчуждение России от Европы в XIII–XVI вв., принадлежность России и к Европе и к Азии, в сочетании с геополитическими и иными интересами западного мира, влияли на отношение европейцев к России и привели к формированию устойчивых стереотипов и даже мифологизации, которые в значительной мере воздействовали и на политическое мышление и политическую культуру европейцев, и на их обыденное массовое сознание, имея в виду их восприятие России.

В XX столетии усилиями средств массовой информации эти представления стали даже некоторой отправной точкой для формирования в отношении к России и к россиянам стереотипов, которые, как оказалось, очень непросто уходят из политических настроений элит и массового сознания.

Значительное число современных специалистов – историков и литературоведов, этнологов и психологов, политологов и социологов – заняты изучением отношения Запада к России как на уровне элит, так и в массовом обыденном сознании. Исследования на эту тему облегчаются ныне тем, что в России за последние 10 лет издано или переиздано большое число записок путешественников, воспоминаний и трудов о России, которые были опубликованы в Европе в течение XV–XIX вв.

Упомянутые исследования ведутся не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и во многих российских региональных центрах и университетах. В Москве и Санкт-Петербурге сложились научные коллективы, которые изучают эту проблему в комплексном плане. Среди наиболее успешно работающих коллективов упомянем Центр «Восточная Европа в античном и средневековом мире», занимающийся изучением зарубежных источников по истории Руси и Восточной Европы под руководством Е.А. Мельниковой¹, труды С.А. Мезина (Саратов) и В.Д. Назарова, С.Я. Карпа и научных сотрудников Института российской истории, Института славяноведения, Института мировой литературы и других научных учреждений, университеты Санкт-Петербурга, Саратова, Калининграда, Казани, Новгорода и др. Значительный вклад в изучение этой проблемы внес Л.В. Копелев; им опубликовано шесть томов капитального исследования о взаимоотношениях русских и немцев на протяжении многих веков, об их взаимных образах и представлениях. В последнее время весьма распространенной стала тема «Западная Европа

и Россия в эпоху Просвещения)², и прежде всего в XVIII в., ибо именно в тот период в значительной мере сложились те стереотипы, которые существуют и по настоящее время.

В мировой науке сформировалось особое направление, которое получило название «Образы других»; в его сферу входят и теоретическое обоснование, и раскрытие механизмов формирования таких образов, причем как на внутренних материалах той или иной страны, так и в отношениях между народами, населяющими разные государства.

Ученые занимаются выяснением, как эти образы и представления формируются, что влияет на их превращение в устойчивые стереотипы и как они воздействуют на исторические традиции и на современные процессы.

Мы полагаем возможным рассмотреть не только характер современных западных стереотипов, касающихся России, но и обратиться к их формированию с древности и до нашего времени, чтобы представить их эволюцию и понять, насколько современное представление опирается на исторические особенности и традиции прошлого.

Применительно к теме «Россия и Европа» можно сказать, что созданные и распространенные на Западе представления о России и русских не только оказывают существенное влияние на отношение стран и народов Европы, европейской общественной мысли к России и по сей день, но в большой мере влияют на эволюцию российского европеизма. Ибо всякое неприятие, критика или осуждение России порождают недовольство и даже протесты в нашей стране и дают дополнительные аргументы тем, кто в России предостерегает от слишком тесных связей с Западной Европой и убеждает в глубоком различии путей развития России и Запада.

Стереотипы такого рода часто весьма устойчивы, они передаются из поколения в поколение и весьма непросто уходят из политики и сознания. Базируясь часто на действительных отдельных фактах и проявлениях, они в то же время становятся основой для формирования целой системы мифологических концепций и представлений.

Для того чтобы понять их реальное содержание и степень распространенности в сознании Западной Европы, следует, видимо, обратиться к истории их возникновения и к тем модификациям, которые они претерпели на протяжении многовековой истории взаимосвязей России и Западной Европы.

В древний период для многих ранних авторов, живших в западной части Европы, население, находившееся далеко на востоке, ассоциировалось, как правило, с кочевническим миром, с теми «дикими» и «варварскими» племенами, которые несли с собой угрозу для европейцев. Славянский этнос в конкретной практике часто противопоставлялся классическим западноевропейским стандартам. И даже процесс христианизации Руси и широкие династические связи русских князей с западноевропейскими правящими домами мало изменили бытующие представления о людях, живших в «русских степях». В то же время необходимо признать, что древняя и средневековая Русь развивалась действительно по византийскому образцу.

Конечно, в те времена в значительной мере эти представления основывались на неосведомленности западного общества о том, что происходило на

далеком и загадочном Востоке, и очень часто все население этого региона идентифицировалось с кочевническим миром.

В XV–XVII вв. связи России с Западом носили незначительный и спорадический характер; в основном они касались торговли и редких династических связей. На Западе слышали о царе Иване Грозном и о войнах, которые Московия вела с турками и с Ливонским орденом. Последнее уже прямо касалось Европы, затрагивая интересы христианской церкви.

В XVI–XVII вв. Россия постепенно выходила на авансцену европейской жизни, втягиваясь в соперничество европейских держав и на Балтике, и на южных окраинах. На севере, как уже отмечалось, Россия соперничала с Ливонским орденом, а на юге вела длительные войны с турками. В XVII в. связи Руси с Западной Европой становились все более активными и в политической, и в экономической областях. Поставки русского хлеба в 30-е годы XVII в. во многом позволили стабилизировать ситуацию во Франции и в Голландии. В Англии Кромвель и его соперники стремились заручиться поддержкой Москвы.

В ряде стран Западной Европы муслировались идеи о возможности освоения российского рынка. Именно в XV–XVII вв. в Западной Европе появились первые обстоятельные записки дипломатов, торговцев и путешественников, которые закладывали определенную традицию в описании русского государства и русских³. Эти записки привлекали внимание и многих российских исследователей, стали предметом изучения особенно в XIX–XX вв.⁴ Появление записок о далекой Московии явилось следствием значительного интереса в политических и общественных кругах Европы к далекой и во многом неведомой стране. Кардинал Ришелье во Франции, английская королева Елизавета I и Кромвель, испанский король Филипп II проявляли живой интерес к Московии, стремясь использовать ее в своих политических и экономических интересах.

Но и в духовной сфере Западной Европы был заметен интерес к России. О ней упоминали Шекспир и Рабле, Сервантес и другие великие писатели той эпохи, ученые Жан Боден, Томас Мор, Мишель Монтень и др. В европейских проектах и трактатах XV–XVII вв. также нередко встречались упоминания России или Московии.

Возросший интерес к России во многом стимулировал поездки в Московию и официальных представителей, и торговцев, литераторов, архитекторов, а также простых путешественников. Спектр их национальной принадлежности был весьма широк и разнообразен. В нашем распоряжении имеются записки и воспоминания немцев, французов, англичан, шведов, итальянцев, австрийцев, голландцев, поляков. В своей совокупности они составили обширную литературу, богатейшие источники, которые представляли может быть самый основной источник информации в представлениях западноевропейцев о России. Разумеется, все эти сочинения не были однородными и однозначными; на них лежала печать политических и религиозных пристрастий их авторов, их объективности или тенденциозности. Но в целом они составили образ России на Западе, который преобладал в Западной Европе в XV–XVII вв.

Подавляющее большинство этих сочинений было издано в Западной Европе, но затем они были переведены на русский язык и стали достоя-

нием исследователей и широкой общественности не только в европейских странах, но и в России, а также предметом рассмотрения и изучения в отечественной историографии. В дореволюционное время ими особенно интересовался В.О. Ключевский⁵. Впоследствии об этом писали историки М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто, А.А. Зимин, М.В. Нечкина и многие другие, те, кто внес наибольший вклад в исследование истории России в XV–XIX вв. Значительный вклад в изучение западных источников по истории России в XV–XVII вв. был внесен советским исследователем Ю.А. Лимоновым⁶.

Естественно, что оценки сочинений западноевропейцев о России по-разному оценивались в российской историографии. Для одних историков это был прежде всего важный источник по истории того времени, в котором наибольшую ценность имели многочисленные факты и описания российской жизни, государственного устройства, ее географии, природы, климата, уклада жизни и настроения людей. Другие выделяли политическую и религиозную пристрастность авторов, критиковали их за тенденциозность и за негативные оценки, дававшиеся России и ее народу.

Но в любом случае – как сами сочинения и записки составили значительное направление в литературе о России того периода, так и работы российских историков, главным образом в XIX–XX вв., также представляют собой отдельную и весьма существенную проблематику исторических исследований. При этом следует подчеркнуть с особой силой, что сами сочинения и записки и их оценки в российском обществе и историографии более позднего времени входят необходимой частью в то направление общественной мысли, которое прямо связано с российским европеизмом, его формированием и эволюцией. Мы остановимся здесь на некоторых записках, которые оказывали наибольшее влияние на представления о России, на формирование ее образа в официальных кругах и в общественном мнении стран Западной Европы.

Одним из первых сочинений стали записки венецианского дипломата Абреджо Контарини, посетившего Москву в конце 1476 – начале 1477 г. Он дал интересное описание жизни и быта Москвы, ее внешнего вида и архитектуры. Контарини был в Москве с официальной миссией, он встречался с Иваном III, с великой княгиней Софьей Палеолог и другими влиятельными лицами и во многом способствовал зарождению русско-итальянских отношений.

Наибольший интерес вызвало в то время сочинение Сигизмунда Герберштейна. Он родился в Каринтии и с детства общался со славянами, что определило его благожелательное отношение к славянскому миру и к Московии. Он также выполнял официальную миссию. Габсбургский император хотел втянуть Русь в борьбу с турками и восстановить нормальные отношения между Русью и Польшей. Герберштейн дважды посещал Московию – в 1517 и в 1526 гг. Он также встречался с великим князем Василием Ивановичем, со многими представителями русской знати.

По возвращении в Европу он написал книгу «Записки о московских делах», которая была издана в 1549 г.

Русь XVI в. описана в сочинении С. Герберштейна достаточно полно и объективно. Автор дал географическое описание страны, рассказал об истории возникновения древнерусского государства (о древних племенах,

живших на той территории и пришедших извне), о государственном строе (включая описание церемонии коронации великого князя), о соседях Московии – Литве, Польше, Белоруссии, Украине, о семейных делах российского великого князя, о быте, нравах как знати, так и простых жителей.

Сочинение Герберштейна как бы открывало для Европы Русь XV в.; оно сыграло значительную роль в представлениях на Западе о России в тот период, когда она постепенно становилась весьма существенным элементом европейской международной жизни.

В XVI в. количество свидетельств о России еще более возросло. В тот период особую активность развивали англичане. Из значительного числа записок стоит выделить Джерома Горсея. Он не был официальным представителем, а прибыл в Москву сначала в качестве приказчика-практиканта английской Московской компании. В отличие от большинства авторов Горсей прожил в России много лет в эпоху царствования Ивана Грозного. Горсей выполнял и другие функции. Так, он отвозил английской королеве Елизавете I личные послания Ивана Грозного и привозил ее ответные послания в Москву. Свои мемуары он написал в 90-е годы XVI в. Их публикация вызвала в Англии большой интерес. В отличие от авторов сочинений XV в. Горсей интересен не столько описанием фактов, сколько собственной интерпретацией русской жизни конца XVI – начала XVII столетия.

Значительный интерес представляют портреты двух выдающихся русских деятелей – Ивана Грозного и Бориса Годунова, с которыми Горсей имел личные встречи. Для него Борис Годунов был явно предпочтительнее, чем жестокий тиран Иван IV. Горсей в противоположность Герберштейну и другим дал более тенденциозное описание русской жизни, будучи ревностным протестантом. Он осуждал православие, критически оценивал русскую жизнь. Горсей много писал о необразованности и невежестве русских людей, в том числе и представителей знати.

В XVII в. наиболее известным сочинением стали записки капитана Маржерета. Он был одним из первых французов, который не просто посетил Россию, но и поступил на русскую службу. Находясь до этого во Франции, Маржерет принимал участие в религиозных войнах на стороне протестантов – Генриха III. Затем он воевал против турок на Балканах, служил в войске польского короля. В 1600 г. Маржерет завербовался на службу в Россию; при этом сначала он воевал против Лжедмитрия I, а с приходом последнего в Москву перешел к нему на службу. В 1611 г. он участвовал в подавлении восстания москвичей против поляков, в поджоге и разграблении Москвы.

До этого Маржерет, находясь в Париже, написал книгу о России. Сочинение Маржерета отражает противоречивость фигуры самого автора, которая повлияла и на содержание его книги. С одной стороны, в ней содержится масса информации о государственной власти в России, о Боярской Думе, о Приказах, о военных силах России, о финансовой системе. Особое место в книге занимают рассказы о взаимоотношениях Москвы и Польши, обо всех перипетиях, связанных со Лжедмитрием, с Мариной Мнишек и т.п. Но с другой стороны, авантюризм автора, участие в борьбе против русских во многом определили его явную тенденциозность и враждебность по отношению к России и к русским.

И в дальнейшем, если сама личность Маржерета вызывала явное неприятие и осуждение, то его сочинение оценивалось неоднозначно. Оно отличалось информативностью и в этом плане продолжало наметившуюся линию на предоставление западному читателю данных об устройстве, жизни и быте русского государства и его жителях в XVII столетии. Книга Маржерета содержала значительное число критических выпадов против уклада жизни русских, их характера и наклонностях, против государственной политики русских правителей. И в этом смысле она вносила свой «вклад» в формирование тех стереотипов, которые складывались о России. Они играли и политическую роль в условиях все большего выхода России на международную арену и возрастания ее участия в европейской жизни.

В заключение отметим еще одно сочинение XVII в., принадлежащее Адаму Олеарию, изданному под названием «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Адам Олеарий родился в 1599 г. в бедной немецкой семье. Он получил образование и научную степень в одном из лучших университетов Германии. Его поистине энциклопедические знания стали основанием включения в состав посольства, которое князь Шлезвиг-Голштинии Фридрих III решил направить в Москву в 1633 г., а затем в 1635 г. снова в Москву и в Персию. Оба посольства должны были содействовать установлению торговых отношений между Шлезвиг-Голштинией (Северная Германия) и Россией. Посольству поручалось добыть сведения о рынках и условиях торговли в России. Итогом посольских миссий стало получение значительной информации о России и ее распространение в Европе. И большую роль в этом сыграла книга А. Олеария о России, которую он написал и издал в 1634 и 1636 гг. В дальнейшем в 1643 г. Олеарий снова посетил Россию.

На всем содержании книги сказалась личность автора, который был прекрасным специалистом в математике, астрономии, географии, истории, этнографии, лингвистике и т.п. Его энциклопедизм снискал Олеарию уважение и признание в самых широких кругах Европы. И именно этот энциклопедизм проявился в его сочинении о путешествии в Московию и в Персию.

В сочинении Олеария освещается множество самых разнообразных сторон жизни России. Учитывая экономическую подоплеку миссии, посетивший Москву автор много внимания уделяет состоянию ремесел и торговли, наличию природных ископаемых, морских и сухопутных путей сообщения. Олеарий пишет подробно о российском государственном устройстве, о финансах и судопроизводстве. Значительное внимание автора обращено на быт и нравы москвичей. В поле зрения автора и внешняя политика страны. Олеарий отмечает, что русские доброжелательно относятся к иностранцам. «У них, – пишет автор, – нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью»⁷.

В сочинении Олеария есть немало критических выпадов и оценок. Как протестант, Олеарий не принимает многих православных норм и установлений. Несмотря на позитивные оценки некоторых черт характера русских, автор сообщает и о необразованности и невежестве многих русских, об отставании и отличии России от Запада. Разумеется, в конкретных условиях

того времени многие оценки Олеария отражали реальное положение дел. Но превалировала значительная информативность сочинения и его доброжелательное отношение к России и русским.

* * *

Сочинения западных дипломатов и путешественников, купцов и деятелей искусства, опубликованные в XV–XVII вв., сыграли большую роль в распространении информации о России в странах Западной Европы. Потребность в ней отражала значительное повышение роли России в международных делах Европы (и в экономическом, и в политическом плане). Правители Франции и Германии, Англии и Швеции, Италии и других стран хотели лучше знать своего набирающего силу партнера на востоке и поэтому всякая информация была им полезна. На общественном и бытовом уровнях в Европе также возрастал интерес к России.

Несмотря на различия, большинство сочинений западных авторов содержали многочисленные разнообразие сведения о положении и жизни в России. И говорим ли мы о позитивных оценках А. Олеария или С. Герберштейна или о критическом настрое Маржерета и ему подобных, все они давали основание говорить о существенном отличии России от Западной Европы (в государственном устройстве и в религиозной сфере, в развитии промышленности и торговли, в уровне образованности населения, в жизненном укладе и пр.). Страны Западной Европы уже прошли, причем многие десятилетия назад, те политические, экономические и прочие процессы, которые только еще начинались или зарождались в России. При этом большинство авторов отмечали явно замедленные темпы развития, которые могли принести свои результаты лишь спустя длительное время. Сочинения западных авторов о России в XV–XVII вв. давали ясное осознание того, что Россия нуждается в радикальных и быстрых реформах, исходя из потребностей внутреннего развития и для большего сближения с Западной Европой.

Общие заключения авторов записок и сочинений о России имели, к сожалению, еще одно последствие. Их выводы об отставании России, о необходимости в ней реформ, о низком уровне образования и многом другом закреплялись в сознании западноевропейской общественности и приобретали форму неких стереотипов, которые сохранялись даже тогда, когда Россия провела глубокие реформы и преобразования, развила экономику и финансовую систему и когда достижения российской культуры и науки получили всеобщее признание и стали символом общеевропейской и мировой культуры. И именно с этих позиций можно подойти к свидетельствам о России зарубежных авторов в XV–XVII вв.

* * *

Наступал XVIII век, который коренным образом изменил положение России в Европе. Реформы Петра I вели к превращению страны в подлинно европейскую державу, которая в результате длительных войн вышла к Балтийскому морю и отбросила османов на юг. И теперь в Европе уже смотрели на Россию, как на сильного и опасного конкурента. На этой основе начали формироваться новые представления о России и русских. Прежние идеи о русских людях, как о невежественных и невоспитанных дикарях, не исчезли, но модифицировались в убеждение, что хотя в России и начались реформы,

но все равно она намного отстает от европейских стандартов. Здесь следует учесть, что к этому времени на Западе полным ходом завершался процесс складывания сословно-представительной системы (еще со времен Средневековья функционировали французские Генеральные штаты и английский парламент); развивалась система, получившая название «Просвещенный абсолютизм». Западная Европа вошла в век Просвещения. Всего этого Россия еще не знала, и поэтому западноевропейская элита, хотя и с определенными модификациями, продолжала рассуждать об отсталости народа и архаическом государственном и политическом устройстве России, о «диких нравах» и необразованности ее населения.

Правда, в Западной Европе встречалось уже немало людей, которые видели Россию в ином свете – как развивающуюся страну, стремительно выходящую на европейский уровень. Они отмечали, в частности, рост в России числа способных и образованных людей. Но в целом образ России в глазах большинства европейцев все же не претерпел серьезных изменений. К этому прибавилось новое обстоятельство. Именно в XVIII в. в Западной Европе началось активное распространение идеи об «угрозе», связанной со стремлением России продвигаться в Европу силой армии и оружия.

В итоге формировался своеобразный симбиоз образа отсталой России с ее необразованным народом в сочетании с идеей страны, помышлявшей о завоеваниях и потому представлявшей опасность для просвещенной Европы и без того раздираемой войнами и распрями.

Ряд российских исследователей, и в частности С.А. Мезин, на многих примерах показали, как в некоторых странах – прежде всего во Франции и Пруссии и в меньшей степени в Англии – формировались и эволюционировали идеи о «русской угрозе» для Европы. В то же время именно в XVIII в., во времена Екатерины II, ряд известных французских просветителей, прежде всего Вольтер и Вольней и в меньшей степени Д'Аламбер и Дидро, преклонялись перед российской императрицей и ее политикой; они не сомневались в успехах российской культуры и в росте образованности русского общества.

Несомненно, что эти французские просветители во многом способствовали популяризации России в Европе и пробуждали к ней интерес не только во Франции, но и в остальных странах. К сожалению, блестящие труды Вольтера и других просветителей не отражали мнения большинства в самой Франции (например, Ж.-Ж. Руссо), и в Европе в целом продолжал распространяться образ России – отсталой и необразованной.

Многочисленные европейские проекты, о которых писалось ранее, в целом не включали Россию в число равноправных членов «европейской семьи», а если и предлагали предоставить ей место в европейских органах, то скорее в порядке исключения, чем правила.

Для общей характеристики образа России в европейских представлениях XVIII–XIX вв. мы отметим два сочинения, которые могут служить некими символами образа России на Западе Европы. Оба принадлежали перу французов. Первое сочинение было написано французским аббатом Ш. д'Отерошем («Путешествие в Сибирь»), совершившим путешествие в Россию в 1761 г.⁸, причем он посетил не только Петербург и Москву, но доехал до Тобольска. А второе сочинение широко известно; написанное в середине XIX столетия, оно принадлежит маркизу де Кюстину, труд которого на многие десятилетия

закрепил определенный образ России среди европейских элит и в массовом обыденном сознании.

Французский аббат Ш. д'Отерош совершил по указанию французского короля Людовика XV поездку в Россию для того, чтобы информировать монарха о том, что происходит в далекой и загадочной России. Автор скрупулезно записывал все детали своего путешествия, включая мельчайшие подробности. В итоге записки аббата, опубликованные во Франции в 1762 г., оказались резко антирусскими. Автор не скрывал своего пренебрежения к стране и ко всему русскому народу. В уничижительных выражениях и тонах он описывал государственное устройство России, ее быт и нравы. Автору не понравилось в ней практически всё. Он обращал внимание на самые различные стороны русской жизни – на плохие дороги и дома, на внешний вид русских крестьян; у него вызывал неприятие и раздражение даже облик русских женщин. Весь пафос труда французского аббата был направлен на доказательство того, что Россия и ее народ представляли собой варварскую и нецивилизованную страну, не имеющую ничего общего с просвещенной и цивилизованной Европой.

Книга не имела широкого распространения во Франции, а тем более в остальной Европе, но она находилась в русле взглядов тех авторов, которые стремились создать негативный образ России в Европе. В известной мере это была реакция на то, что усилиями Петра I и последующих российских монархов (особенно в царствование Екатерины II) Россия выходила на авансцену европейской жизни, становилась полноправным партнером в системе европейских держав. По своей направленности сочинение французского аббата расходилось со взглядами многих французских просветителей, прежде всего Вольтера, высоко оценивавших стремление России влиться в семью просвещенной Европы.

Книгу французского аббата можно поставить в один ряд с теми сочинениями и записками, что появились в Европе в XVII–XVIII вв. и сформировали некий стереотипный взгляд на Россию, смысл которого состоял в том, чтобы противопоставить ее Европе, доказать, что необразованная Россия не имеет ничего общего с европейским развитием.

Сочинение д'Отероша не получило бы большой известности, если бы не реакция на нее в России. Екатерина II ознакомилась с ней, и ее реакция была мгновенной и необычайно острой. Она была возмущена и оскорблена нападками на Россию. Вскоре в России была издана книга под названием «Антидот», бывшая ответом на сочинение французского аббата. В течение многих десятков лет велись дискуссии об авторстве «Антидота». Естественно, с самого начала не вызывало сомнений то, что Екатерина II была полностью осведомлена о ее содержании. Но постепенно среди тех, кто исследовал эту проблему, все более утверждалось мнение, что автором «Антидота» выступила сама императрица. В вышедшей недавно во Франции книге под названием «Императрица и аббат» известный французский историк, постоянный секретарь Французской академии наук Э. Карер д'Анкосс убедительно обосновала авторство Екатерины II.

В любом случае книга французского аббата была подвергнута подробному разбору и сокружительной критике. Автор «Антидота» разобрал сочинение француза с той же тщательностью и с теми же подробностями, что и само «Путешествие в Сибирь». Екатерина II, немка, принявшая православие

не просто формально, но «всем сердцем», с едким сарказмом опровергала нападки аббата, защищая Россию, ее строй и место в Европе. Особенное возмущение автора «Антидота» вызвали грубые нападки д'Отероша на русский народ. Екатерина II буквально не оставила камня на камне от утверждений аббата о дикости и необразованности России и ее народа. Весь смысл «Антидота» состоял в доказательстве равноправности России среди европейских держав, в ее движении по «просвещенному пути». Одновременно автор стремился обосновать своеобразие русского народа, отличительные черты духовного облика, уклада жизни и характера русских людей. В обобщенном плане можно утверждать, что российская императрица пыталась не только отстоять честь и достоинство русского народа, но и обосновать принадлежность России к просвещенной Европе, что может без сомнения рассматриваться как вклад в формирование российского европеизма.

* * *

XIX век по всем признакам должен был бы внести существенные перемены в европейские представления о России и русских. После Отечественной войны 1812 г. и восстания декабристов тема «Европа и Россия» стала все больше звучать и даже преобладать в общественных дискуссиях, что получило наиболее яркое выражение в спорах западников и славянофилов.

Россия развивалась быстрыми темпами, при этом она активно усваивала именно европейские идеи и уклад жизни. Санкт-Петербург поражал воображение своим архитектурным обликом. Многие представители русского дворянства и офицерства, деятели литературы и искусства подолгу жили в странах Европы. Среди российской интеллигенции распространялись идеи европейских просветителей. Казалось, что после того, как Европа познакомилась с творчеством Пушкина и Достоевского, Толстого и Тургенева, идеи о русской культурной и цивилизационной отсталости должны были постепенно измениться. Но на практике они продолжали распространяться в кругах европейских элит. Подобные настроения и представления «подогревались» позицией России на международном уровне, которая явно укрепляла свое положение, демонстрируя имперские амбиции и устремления. Именно в середине XIX в. довольно распространена была идея о России как о «жандарме Европы» (особенно после подавления революций 1848 г.). Однако, как известно, подавление освободительного движения в Европе и, в частности, упомянутых революций 1848 г. было связано не только с Россией, но и с другими европейскими державами, с участием государств-участников Священного Союза.

Разумеется, Россия продолжала отставать в своем политическом устройстве и в демократических реформах от многих других стран Европы, но реформы, проводимые в начале XIX столетия, обещали дальнейшие перемены в российском развитии.

В 1865 г. французский историк Анри Мартэн выпустил книгу под названием «Россия и Европа». В ней он утверждал, что русские, хотя внешне и похожи на европейцев, но «не имеют с ними ничего общего». По своему духовному строю они суеверны и непроницаемы для просвещения и работоспособны. Он считал, что вся русская культура не имеет ничего общего с Европой и что место России в Азии⁹. И это писалось уже после того, как Европа

признала И.С. Тургенева и Н.В. Гоголя, и когда Ф.М. Достоевский получил известность в Европе.

В связи с анализом европейских представлений о Европе следует поставить еще один важный и принципиальный вопрос. И в XVIII, да и в XIX вв. российское общество не только позитивно воспринимало Европу; во многих слоях российского населения было явно стремление перенимать и усваивать европейские ценности и уклад жизни. И, как мы отмечали, в споре западников и славянофилов и те и другие не отрицали роль европейских достижений в сфере государственного устройства и, особенно, в области науки и техники, желательность их использования в России.

Но необходимо с особой силой подчеркнуть, что распространение в Европе представлений о России как о нецивилизованной стране, от которой исходит постоянная угроза, влияли в весьма существенной степени на споры в самом российском обществе, усиливая позиции «антиевропеистов». Уничтожительные оценки русской жизни и особенно крайние характеристики, даваемые авторами отдельных сочинений и путешественников российскому народу, вызывали протест и неприятие даже у западников, убежденных российских европеистов. Так перекликались и взаимодействовали факторы внутренние и внешние, национальные и международные. Все они в своей совокупности существенно влияли на формирование и утверждение того, что мы называем «российским европеизмом».

В XIX в. во Франции была издана еще одна книга, оказавшая значительное влияние на формирование западных стереотипов по отношению к России. Эта книга принадлежала перу французского маркиза А. де Кюстина «Николаевская Россия»¹⁰, изданная в 1843 г. и вызвавшая сразу же огромный интерес. Для середины XIX в. общий тираж книги в 200 тыс. экз. был невиданным явлением.

А. де Кюстин – сын известных французских роялистов, казненных в эпоху робеспьеровского террора, ехал в Россию, как он сам говорил, в поисках новых аргументов против «представительного правления». Но в итоге его книга о России, написанная в резких антирусских тонах, заложила основу для многих последующих негативных стереотипов, утвердившихся в сознании многих деятелей в Западной Европе. В течение длительного времени, вплоть до наших дней велись активные споры вокруг сочинения французского аристократа. Одно из основных утверждений книги состояло в доказательстве крайней отсталости России, ее «рабского строя», «дикого» государственного и общественного устройства. Для ряда российских исследователей, писавших о книге де Кюстина, в том числе и в постсоветское время, эти выводы французского автора отражали реальную действительность царской России того времени. По сравнению со многими странами Запада Россия с ее крепостным правом, с жестким авторитарным режимом императорской власти, с архаичными формами управления и хозяйствования отставала от значительно более развитых государств Западной Европы.

И в этом смысле де Кюстин точно описал российские порядки того времени. Его рассказы о полном произволе русских чиновников и таможенников (при пересечении границы), об их неуважении к закону и к нормам, уже установленным по всей Европе, также отражали реальное положение дел. Автор пишет, что армия чиновничества испытывает страх и почтение только перед властью императора. Одновременно де Кюстин справедливо писал о

разрыве между богатством и пышностью царского двора, представителями знати и бедностью, неграмотностью и отсталостью русского народа.

«Русский государственный строй, – писал автор, – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства»¹¹. Весь этот пафос французского аристократа не был чем-то неожиданным для русской общест-венности. Российская литература, публицистика и отечественная мысль писали о том же самом; российские авторы критиковали самодержавие (на-сколько это было возможно в условиях жесточайшей цензуры), говорили о бедственном положении российского крестьянства, находившегося в крепо-стной зависимости, что было глубоким анахронизмом в условиях тогдашней Европы.

Однако не этот пафос де Кюстина вызвал столь сильную критику и даже возмущение в России. Главное состояло в том, что он перенес свое осуж-дение российских порядков на весь российский народ. Де Кюстин пытался доказать, что отсталые и раболопные, дикие нравы и т.п. – все это было за-ложено в глубинах российского менталитета с далекой древности. «Любовь толпы (так он называл русский народ) к царю напоминает любовь стада к своему пастуху, который его кормит, чтобы послать затем на убой»¹².

Повторяя почти дословно утверждения своего предшественника, аббата д'Отероша, де Кюстин уничижительно писал о внешнем облике русских, об их трусости и хитрости, то же о неприглядной внешности русских женщин и т.п. Даже русская природа вызывала раздражение автора. «Нет ничего печальнее, – писал он, – чем природа окрестного Петербурга... Дикий пустынный пейзаж, без красок, без границ и в то же время без всякого величия освещен так скупо, что его едва можно различить. Здесь серая земля вполне достойна бледного солнца, которое ее освещает»¹³.

Прибыв в Петербург, де Кюстин обнаружил «неровный и неудобный» бульжник. «Мне стало очень неудобно в Петербурге, – заметил де Кюстин, – после того, как я увидел Зимний дворец и узнал, скольких человеческих жиз-ней он стоил»¹⁴. И далее: «Я описал город, лишенный своеобразия, скорее пышный, чем величественный, скорее поражающий своими размерами, чем красотой, наполненный зданиями без стиля, без вкуса, без исторического значения»¹⁵. И это писал француз, прекрасно осведомленный, что Петербург и его дворцы были построены с учетом европейского стиля в архитектуре и во многом по образцам Парижа и Версаля.

Если верить де Кюстину, русские крестьяне все ходят босиком, а «дамы» в Петербурге ходят без шляп, с грязными косынками, в стоптанных туфлях и т.д.¹⁶ Пробыв в России довольно длительное время, в основном в Петербур-ге и в Москве, де Кюстин практически «не заметил» ничего позитивного, а главное, не увидел тех перемен, которые зрели в России с начала XIX столетия. Проекты реформ, предложенные Сперанским, положили начало даль-нейшим реформаторским усилиям. И даже в эпоху Николая I, когда многие либеральные идеи жестко подавлялись, продолжались острые дискуссии о настоящем и будущем России. Мы уже писали, что 1830–1840-е годы в Рос-сии были временем Пушкина, Лермонтова и многих других, и не замечать этого было необъяснимо и неоправданно для просвещенного европейца.

Отождествление народа, общества и власти свидетельствовало об узости взглядов де Кюстина и его подходов к анализу российской жизни. Блестящая

литература и публицистика, в том числе и явно оппозиционная к властям, полностью опровергали умозаключения автора.

Рисуя мрачную картину русской жизни, французский автор как бы подводил итоги своих наблюдений: «Подъяремный народ всегда достоин своего ярма, – писал он, – тираны – это создание повинующегося ей народа. И не пройдет 50 лет, как либо цивилизованный мир подпадет под иго варваров, либо в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор»¹⁷.

В заключение приведем несколько «обобщающих» заключений де Кюстина: «Все, чем я восхищаюсь в других странах, я здесь ненавижу, потому что здесь за это расплачиваются слишком дорогой ценой. Порядок, терпение, воспитанность, вежливость, уважение, естественные и нравственные отношения, существующие между теми, кто распоряжается, и теми, кто выполняет все, что составляет главную прелесть хорошо организованных обществ... все сводится здесь к одному единственному чувству – к страху. В России страх заменяет, вернее, парализует мысль»¹⁸.

«В России человек не знает ни возвышенных наслаждений культурной жизни, ни полной и грубой свободы дикаря, ни независимости и безответственности варвара. Тому, кто имел несчастье родиться в этой стране, остается только искать утешения в горделивых мечтах и надеждах на мировое господство... Россия живет и мыслит, как солдат армии завоевателей»¹⁹.

И, наконец, де Кюстин заканчивает свою книгу следующими словами: «Нужно жить в этой пустыне без покоя, в этой тюрьме без отдыха, которая именуется Россией, чтобы почувствовать всю свободу, предоставленную народам в других странах Европы... Когда ваши дети вздумают роптать на Францию,.. скажите им: поезжайте в Россию! Это путешествие полезно для любого европейца. Каждый, близко познакомившийся с царской Россией, будет рад жить в какой угодно другой стране. Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором немислимо счастье, ибо по самой своей природе человек не может быть счастлив без свободы»²⁰.

Все приведенные отрывки ясно выражают кредо автора; он не смог скрыть своего крайнего раздражения сразу же после пересечения российской границы. Справедливости ради стоит отметить, что в заключительных главах своей книги де Кюстин иногда смягчает свои оценки. Он писал уже о том, что «славянин по своей природе сметлив, музыкален, почти сострадатель». Автор писал и о том, что «русский народ представлял собой цвет человеческой расы», и т.д. Но все же это были частности, а в основном пафос всей книги был явно «русофобским».

В этих условиях книга де Кюстина вызвала всеобщее осуждение в России. Официально она была запрещена. С ведома и при поддержке официальных властей спустя несколько месяцев после выхода в свет книги де Кюстина появилась книга Н.И. Греча, который подверг француза резкой критике: причем осуждая оппонента, Греч восторженно писал о порядках в России и об императоре Николае I. Вслед за книгой Греча издается сочинение Я.И. Толстого – корреспондента Министерства народного просвещения (агента III Отделения), также резко бичующее де Кюстина. Одновременно старший советник Российского Министерства

иностранных дел К.К. Лабенский выпускает новую книгу с критикой сочинений де Кюстина.

Таким образом, если после выхода книги аббата д'Отероша сама императрица Екатерина II написала опровержение, то после издания книги де Кюстина эту миссию выполнили несколько авторов, несомненно, при поддержке официальных властей.

Книга де Кюстина встретила осуждение и российской передовой общественности. А.И. Герцен и Ф.И. Тютчев, А.И. Тургенев и П.А. Вяземский негодовали после выхода книги де Кюстина, о которой говорили в петербургских салонах. «Я не знаю ни одного дома, где бы не было сочинения Кюстина о России», – вспоминал А.И. Герцен в 1851 г.²¹ Ф.И. Тютчев писал об умственном бесстыдстве и духовном рабстве авторов, подобных де Кюстину.

Но спустя несколько лет, и особенно после выхода раблепной книги Греча, тот же А.И. Герцен писал: «Рабский, холопский взгляд и дерзкая фамильярность, цинизм раба, потерявшего всякое уважение к человеческому достоинству». «Греч предал на позор дело, за которое поднял подлую речь». «Своим отрицанием факторов, всем известных, Греч, – по мнению Герцена, – достигает обратного результата, он лишь усугубляет силу обличения Кюстина»²². Герцен уже пишет, что Кюстин виноват в том, что он не постарался ничего узнать о русском народе, о литературном и ученом мире, об умственной жизни России, ограничившись лишь тем миром, который он назвал «миром фасадов», и что ничего не захотел увидеть позади этих фасадов. А.И. Герцен и некоторые другие представители российской литературной и публицистической интеллигенции разделяли критику самодержавия и отсутствия свободы в России, но они по-прежнему сохраняли свое резко отрицательное отношение к русофобии А. де Кюстина.

Говоря об этой противоречивости, связанной с оценкой книги де Кюстина, необходимо отметить, что именно А. де Кюстин своей книгой и благодаря своему литературному таланту сумел во многом внедрить в сознание политических и интеллектуальных европейских элит представление о России, как о «варварской» и «дикой» стране, чуждой европейским стандартам, и противопоставить Россию цивилизации Европы. Мы пишем об этом, потому что подобная точка зрения и антирусские стереотипы продолжали существовать и в дальнейшем.

Начало XX столетия усилило связи России с Европой, с ее общественностью и правящими кругами. Международно-политический альянс России с Англией и Францией, массовый приток западных капиталов в Россию активизировали и углубили эти связи. Именно в период после революции 1905 г. в России и начала российских реформ (создание Думы, формирование различных российских партий) значительно расширились связи России со странами Европы.

На Западе рос интерес к российской науке, литературе и искусству. В России были изданы переводы многих известных западных философов, деятелей эллинической эпохи, даже мистиков. Появилось множество новых издательств и журналов, активно сотрудничавших с европейскими писателями и философами, историками и деятелями искусства. Журнал «Весы» был связан с французскими символистами, журнал «Мусагет» сотрудничал с партне-

рами в Германии. Русский авангардизм занял ведущее место в европейском модерне. Василий Кандинский, основавший в 1911 г. школу «беспредметного искусства», получает (правда, уже позднее, в 1925 г.) профессию в Веймаре. В России выступало множество западных артистов и музыкантов.

Может быть, именно эти годы служили ярким подтверждением слов Достоевского, что «у русского человека два отечества: Россия и Европа» и что всякий образованный русский думает прежде всего о Европе²³. А в самой России, как известно, развивались революционные, социальные и политические процессы, которые в итоге привели к созданию российского парламентаризма и конституционной монархии, к появлению многопартийной системы.

Но все эти процессы, как и все большее сближение России и Европы, были прерваны и отброшены русской революцией 1917 г. и установлением в России большевистского правления, которое изолировало Россию от Европы. К старым стереотипам добавились новые, которые оказывали большое влияние на настроения европейской общественности.

Идея «русской угрозы» трансформировалась в большевистскую, в опасения европейских общественных кругов перед попытками Москвы «коммунизировать» Европу. Эта идея была распространена в 1920–1930-х годах, но она особенно зазвучала после Второй мировой войны и установления в ряде стран Центральной и Восточной Европы под эгидой Советского Союза социалистических режимов. Старые идеи об имперских целях и амбициях России в отношении Европы соединились с теориями о стремлении Москвы к распространению коммунизма.

Прежние утверждения об отсталости России, о необразованности ее населения, о диких нравах в основном уходили в прошлое, особенно после советских успехов во Второй мировой войне, создания первого спутника, полета советских космонавтов и т.п. На первое место в содержании антирусских стереотипов выдвинулась идея о недемократической и тоталитарной России, о постоянных нарушениях прав человека, о преследованиях за инакомыслие, о массовых репрессиях и т.п. И именно эти проявления в Советском Союзе служили главными аргументами противопоставления России Европе, несоответствия демократических европейских традиций и ценностей советской (российской) действительности. И это было идейным и общественным подкреплением того, что и в новых послевоенных планах и проектах переустройства Европы не находилось места для «недемократической» России. Западная общественность принимала, так же как и официальная Западная Европа, международно-политический аспект российского участия в решении европейских проблем, но отвергала органическую российскую принадлежность к европеизму и соответственно подключение России к европейскому движению и строительству.

После распада Советского Союза и перехода России на путь либеральной рыночной экономики и проведения в России глубоких демократических преобразований и реформ фактически отпадали главные аргументы тех представителей общественности Западной Европы, кто говорил о несовместимости российских порядков с европейскими демократическими нормами и принципами. И тем самым постепенно создавались условия для отхода Западной Европы от старых антирусских и антисоветских стереотипов.

И действительно, они сильно деформировались, хотя, к сожалению, и не исчезли из европейских представлений о России. Сохраняются обвинения России в тенденции к авторитаризму, в нарушении прав человека (чеченская проблема), время от времени возрождаются старые антирусские стереотипы. Видимо, здесь действует сильная инерция прошлого, давление прежних устоявшихся стереотипов и клише, сформированных много веков назад и не уходящих из представлений определенных западных элит.

Многие стереотипы сохраняются и даже насаждаются некоторыми кругами западного общества и особенно средствами массовой информации, часто по явным политическим и идеологическим пристрастиям. Устойчивость негативных стереотипов базируется на неких традициях и исторической памяти о многовековом прошлом; они питаются все той же идеей о том, что Россия принадлежит и к европейской, и к азиатской цивилизациям и укладу жизни; и, наконец, на том, что в российской действительности, в ее традициях, в культуре и менталитете заложены те признаки и особенности, которые если не противопоставляют, то отделяют Россию от классической Европы. И именно эти обстоятельства в своей совокупности позволяют поддерживать и сохранять в ряде стран Западной Европы компоненты старых и новых стереотипов, что в немалой степени, как уже отмечалось, снижает возможности и темпы внутренней эволюции и утверждения «российского европеизма».

¹ Центр издает свод публикаций «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» (отв. ред. В.Л. Янин; вышло в свет 20 томов) и ежегодник «Древнейшие государства Восточной Европы» (отв. ред. Е.А. Мельникова). См. также: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 1999.

² Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп и С.А. Мезин. М., 2004; *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия: исследование и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998; От войны к миру. Россия и Швеция. XVIII век: каталог выставки. СПб., 1999. Вып. 1–5; Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2000; Русско-французские связи эпохи Просвещения: памяти Г.С. Кучеренко / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2001; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы. Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003; *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995; *Он же.* Екатерина II и Людовик XVI: русско-французские отношения 1774–1792. М., 2001; Россия и Франция: сб. ст. / Под ред. П.П. Черкасова. М., 1995–2005; *Le Mirage russe au XVIIIe siècle / Textes publiés par S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001.*

³ См.: *Контарини А.* Рассказ о путешествии в Москву в 1476–1477 гг. // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971; *Герберштейн С.* Записки о московских делах. СПб., 1908; *Горсей Дж.* Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. СПб., 1909; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982; *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию и обратно. СПб., 1906; *Де ля Невиль.* Записки о Московии. 1689; Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976.

⁴ О взаимоотношениях России и Запада и о записках зарубежных авторов о России см. интересную ст.: *Лимонов Ю.А.* Россия в западноевропейских сочинениях XV–XVII вв. // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 3–16.

⁵ См.: *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

⁶ См.: Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. С. 14.

⁷ Цит. по: *Мезин С.А.* Указ. соч.

⁸ См.: *L'Impératrice et l'Abbé. P., 2003 (Présenté par Hélène Carrère d'Encausse de l'Académie française).* О книге Ш. д'Отероша. см.: *Элькина И.М.* Французские просветители и книга Шаппа д'Отероша в России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. История, 1973, № 6. С. 77–81; *Эльки-*

на И.М. Шапп д'Отерош и его книга «Путешествие в Сибирь» // Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 361–388.

⁹ См.: Россия между Европой и Азией. М., 1993. С. 308.

¹⁰ *Маркиз Астольф де Кюстин*. Николаевская Россия. М., 1999.

¹¹ Там же. С. 75.

¹² Там же. С. 85.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ Там же. С. 145.

¹⁶ Там же. С. 221.

¹⁷ Там же. С. 93.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ Там же. С. 316.

²¹ *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и письма. Т. 6. С. 364.

²² Там же. Т. 3. С. 314–315.

²³ Многие факты и слова Достоевского взяты из статьи: *Стенуна Ф.А.* Россия между Европой и Азией // Россия между Европой и Азией. С. 326–327.

РУССКАЯ ИДЕЯ: ОТ МЕССИАНИЗМА К ПРАГМАТИЗМУ*

Прошло 20 лет с тех пор, как в России кардинально сменилась идентичность, но она до сих пор не обрела новую национальную идею, без которой народ остается в неведении о своем будущем. Хуже того, потеря традиционной идентичности приводит к хаосу не только в головах, но и в практических делах, что ставит под вопрос способность защищать независимость Отечества. Назрела необходимость перейти от традиционного российского мессианизма к национальному прагматизму.

Высшим проявлением идентичности народа является его национальная идея, которая «выступает как система социальных стратегий и тактик определения положения общества в историческом времени и пространстве, как единство самоопределения нации в контексте различия с другими системами социокультурных ценностей»¹.

В традиционном обществе идентичность обеспечивается соответствием жизнедеятельности социума идеально-нормативным образцам. В индустриальном – социальная реальность начинает раскалываться, а в постиндустриальном происходит смешение различных типов идентичности, что приводит к размытости самоидентификации, отсюда трудность формулирования современной национальной идеи. Однако глобализация вызывает ответную реакцию в виде роста этнокультурного национализма и подталкивает народы к защите своих национальных ценностей. Обостряется потребность в четком определении миссии нации на современном этапе. Поэтому перед Россией стоит задача преодоления незавершенности цивилизационной идентичности и формулирования новой национальной идеи².

Именно в нынешней критической ситуации ей необходима устойчивая национальная идентичность. В XX в. она дважды переживала разрушительные кризисы идентичности. Первый – в его начале, второй – в конце. Суть первого – потеря миссии вселенского православия, а второго – утрата «светлого будущего» человечества – коммунизма. Первый кризис обернулся перманентной борьбой между этими двумя идентичностями, почти столетней революцией, а второй – распадом великой державы, что поставило Российскую цивилизацию на грань мутации и выживания. Нынешняя миссия «энергетической державы» не устраивает ни наше Отечество, ни мировое сообщество. Развернулись отчаянные поиски новой идентичности, которые пока не привели к положительному результату.

Обретению русской идеи, разным трактовкам ее судьбы, посвящена огромная литература от летописца Нестора, который в «Повести временных лет» ставил вопрос «откуда есть пошла Русская земля?» до Никиты Михалкова с его «Манифестом просвещенного консерватизма». Нет никакой возможности проанализировать все это в краткой статье. Попытаемся вычленить и оценить главные этапы трансформации идеи, сформулировать подходы к ее современному осмыслению.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ 5236;2010.6.

В истолковании Русской идеи чаще всего сталкиваются два разных представления о ней: богословское и светское. А.Н. Боханов считает их непримиримыми и исключает «синтетический метод», оставаясь приверженцем космологического принципа³. Синтезировать не стоит, но и уходить от исторической реальности их взаимодействия трудно. Обожещаемая им царская власть руководствовалась в управлении страной и ее народами церковными заветами, но проводила-то она их в жизнь вполне светскими методами. Возникает дилемма: Русская идея – безжизненный фантом или историческая реальность? Если это историческая реальность, то она существовала в конкретных условиях и имела конкретные результаты. Задача заключается в том, чтобы понять их и по достоинству оценить.

Оказавшись составной частью христианского мира, приняв православие, Русь приобщилась к культурному богатству Византии, являвшейся наследницей греко-эллинистической культуры. Летописец Нестор поведал о пророчестве апостола Андрея Первозванного, ставшем впоследствии основой утверждения богоизбранности святой Руси – России⁴. Отсюда ее мессианское предназначение в Русской идее. Восточное (византийское) христианство исходило из того, что «невозможно христианам иметь церковь, а царя не иметь»⁵. Эту заповедь восприняли московские великие князья, которые стали именоваться царями, а их держава объявлялась вселенским «Благословенным царством».

После падения Византии Московское царство стало единственным православным государством. Эту мысль инок псковского монастыря Филофей облек в формулу: «Москва – третий Рим, а четвертому не быти». Руси предназначалась роль носительницы и хранительницы истинного христианства, православия. Россия – единственное православное царство, и в этом смысле царство вселенское, подобно первому и второму Риму. Идея богоизбранности Руси, задавая рамки мессионизма, трансформировалась в неприятие западного христианства, прежде всего католичества, и в теорию потенциальной перспективности России по отношению к Западу, что нашло отражение в поиске смысла Русской идеи мыслителями XIX в.

Именно тогда под влиянием побед над Наполеоном и создания в Европе «Священного Союза» во главе с Россией поиск Русской идеи приобрел особую остроту. В первой четверти века она из страны, которой постоянно угрожала внешняя опасность и континентальная изоляция, превратилась в своеобразную сверхдержаву. В этих условиях произошел некий сплав трех предшествующих фаз исторического самоосмысления россиян: принцип религиозный (православие – Киевская Русь), политический (самодержавие, «священное царство» – Московская Русь) и социальный (европейская цивилизация – Российская империя). На этом поприще выступали наиболее колоритные фигуры общественной мысли страны.

В 30-е годы XIX в. П. Чаадаев, сравнив Россию с Западной Европой и выявив их абсолютную несхожесть, сделал вывод о том, что наша страна находится в особых отношениях с божественным Провидением. Она «получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки». Это, с его точки зрения, и должно стать Русской идеей в отличие от уже осуществленных идей Востока и Запада. Замысел Провидения о России видится Чаадаевым в том, «что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества»⁶.

Славянофилы (40-е годы XIX в.) сформулировали концепцию, в рамках которой Русская идея оказалась тотально превосходящей основы западноевропейской цивилизации. Единственной альтернативой грядущей катастрофе Запада, по убеждению славянофилов, может быть только Русская идея, т.е. православие, заложившее духовные основы русского народа и гармонично вписавшееся в формы изначальной славянской социальности.

На конкретном материале это показал Н. Данилевский в своей книге «Россия и Европа». С его точки зрения, уникальность России состоит в том, что она единственная обладает здоровым общественно-экономическим строем, позволяющим прогнозировать ее устойчивость. Европе (германороманскому типу), с одной стороны, грозит Харибда цезаризма или военного деспотизма, с другой – Сцилла социальной революции. Трактовка Русской идеи Данилевским придала ей новый геополитический смысл. Она оказалась знаменем, под которым вокруг России должны объединиться славянские народы для того, чтобы навсегда решить «Восточный вопрос» – отвоевать Константинополь как традиционный центр православно-славянского мира⁷.

Это привело к переосмыслению христианской составляющей Русской идеи и придало ей универсально-всечеловеческое измерение. Ключевыми фигурами здесь стали Ф. Достоевский, Вл. Соловьев и Н. Федоров. Достоевский сопоставлял Русскую идею с основными конфессиями христианства. Уже проявила себя католическая (французская) идея, эволюционировавшая в антихристианский социализм. Противопоставила себя ей протестантская (германская) идея, зависимая от католицизма. «А между тем на Востоке, – констатирует Достоевский, – действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся, – может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы»⁸. Он именовал русских «народом-богоносцем», не придавая этому термину шовинистического значения, что переводило проблему из сферы национального в сферу христианского служения. Размышления о «всецелности, всепримиримости, всечеловечности», по мнению Достоевского, составляют содержание Русской идеи. Это те черты, которые сформировались как результат гармонического развития многочисленных этносов в пределах России, их приобщения через русскую культуру к высотам мировой культуры. Поэтому Русская идея рассматривалась в многонациональной России как общенациональная. Именно в этом видел Достоевский роль русского народа в процессе всемирного человеческого единения. Он подчеркивал, что Россия постоянно жертвовала своими национальными интересами в угоду интересам других народов, неоднократно защищала Европу и европейскую цивилизацию от вторжения со стороны Востока и спасала ее от собственных тиранов.

Н. Федоров обосновал фундаментальную теорию разделенности мира на «Восток» и «Запад». В данном контексте определялось призвание России. Будучи правопреемницей христианской Византии, она приняла на себя вселенское дело последней – «дело внутреннего и внешнего примирения Запада с Востоком». Главное препятствие на этом пути по Федорову – враждебность Запада (Европы). Он писал: «Запад, употребляя исламу как орудие, силится нанести удар по славянству, которое своею грудью защищало тот же Запад; и как только будет разбита эта грудь, исламу, не опасаясь бо-

лее России, сбросит с себя оковы Запада... затем по трупам России исламизм шагнет к самому Западу»⁹. Как современно это звучит в свете последних событий на Балканах, Северном Кавказе и в Африке.

Наряду с передовыми представителями общественной мысли своего времени трактовку Русской идеи дала царская власть устами министра народного просвещения графа С.С. Уварова. Она получила название «Теория официальной народности: самодержавие, православие, народность». Эта теория была резко раскритикована в годы Советской власти. Между тем, в ней заключался определенный смысл, который оберегал незрелую политическую культуру страны от внутренних и внешних радикалов, что, впрочем, не спасло ее от трагических событий начала следующего века. Триада официальной народности утверждала единство национального самосознания и властной вертикали, что так не достает нынешней России, разумеется в современном понимании.

У некоторых современных авторов существование Русской идеи заканчивается в начале XX в. В частности, А.Н. Боханов, назвав свою фундаментальную монографию «Русская идея от Владимира святого до наших дней», почему-то завершил ее основное содержание 1917 годом. Неужели тогда, столетие назад, кончились наши дни? Конечно, после революции 1917 г. прервалось ее православное понимание, но она продолжала жить в народном сознании и в новой форме присутствовала даже в большевистской лексике. Стоит только вспомнить триаду официальной народности, чтобы убедиться в этом. На месте самодержавия оказалась диктатура пролетариата, православия – марксизм-ленинизм, народности – новая историческая общность – советский народ. А девиз «Москва – Третий Рим» превратился в «Третий Интернационал».

В ходе Октябрьской революции 1917 г. и советских преобразований возторжествовала так называемая Красная идея, которая, с одной стороны, унаследовала мессианский характер Русской идеи, а с другой – категорически отвергла ее религиозное содержание. Мессианизм проявился прежде всего в попытке развернуть мировую пролетарскую революцию с целью избавления трудящихся в первую очередь европейских государств от капиталистической эксплуатации. В дальнейшем он вылился в масштабную помощь странам, освободившимся от колониальной зависимости. Если первая попытка не увенчалась успехом, то вторая сыграла огромную роль для молодых развивающихся государств. Стержнем Красной идеи был девиз «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Она призывала к строительству коммунизма, своего рода «царству Божьему» на земле. Однако создать земной рай не удалось. В силу объективных и субъективных причин социалистическая идея в Советском Союзе оказалась дискредитирована, что привело к катастрофическим последствиям для страны.

Несмотря на то что марксизм пришел из Западной Европы, советское руководство отгородилось от нее «железным» занавесом по причинам как внешним, так и внутренним. Западные страны сначала пытались осуществить интервенцию в Советскую Россию, а потом организовали ее блокаду. С точки зрения внутренней политики, Советская власть была не заинтересована в широком контакте с Западом, поскольку жизненный уровень населения в СССР ниже, чем там, что подрывало веру в преимущества социализма.

В определенной мере осуществился тезис о всеславянском единстве, особенно после Второй мировой войны, когда образовалось социалистическое содружество государств в Восточной Европе. Правда, в него не вошла Греция, которая в русской идее всегда фигурировала как оплот православного мира. Вообще после Второй мировой войны с созданием социалистического лагеря, расположенного не только в Европе, но и в Азии, укреплением социально-экономической и военной мощи СССР превратился в супердержаву, фактически в Третий Рим, но существовал и Четвертый – США. А нынче после распада СССР именно последний вершит судьбы мира.

Божественный смысл Русской идеи был полностью отвергнут большевиками, что, однако, не мешало им подчеркивать если не богоизбранную, то по крайней мере особую роль России в мире. Во внутреннем плане советский атеизм нанес огромный урон культуре и нравственности народов СССР. Отрицая в теории богоизбранность русского царя, коммунистические лидеры на практике так возвысили свою власть, что она оказалась куда большей, чем царская. Этому способствовало имперское прошлое, порожденное традиционным обществом, незавершенной модернизацией. Сам советский строй, с одной стороны, базировался на европейской социалистической идее, а с другой – на общинных началах российской жизни. Это противоречие породило гибрид догоняющей модернизации, что вело к аномалиям, крайностям и жестокостям сталинского режима, который представлял собой сплав советского авторитаризма и имперского традиционализма.

Красная идея подвергалась ожесточенной критике как внутри страны, так и за ее пределами, особенно среди русской эмиграции за рубежом. Наибольший интерес представляют взгляды Н. Бердяева и И. Ильина. Н. Бердяев писал: «В России революция могла быть только социалистической... По русскому духовному складу революция могла быть только тоталитарной. Все русские идеологии всегда были тоталитарными, теократическими или социалистическими. ... Марксизм был приспособлен к русским условиям и русифицирован. Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей... Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен»¹⁰.

И. Ильин приложил большие усилия к разработке Русской идеи в новых условиях, альтернативной большевизму. По его мнению, «эта идея должна быть *государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриотическая, государственно-религиозная*. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из духовного склада»¹¹. По Ильину «это есть *идея воспитания в русском народе национального духовного характера*... Без этого России не быть...» «Для русского народа, – по утверждению Ильина, – нет выбора: если он не вступит на этот путь, то он вообще не может удержаться на исторической арене. Тогда он будет отвеян в пространство, как историческая мякина, или затоптан другими народами, как глина»¹². Дальновидная позиция Ильина по поводу национальной идеи исключительно важна в современных условиях, когда в муках ведется ее поиск на постсоветском пространстве.

После распада СССР и отказа от Красной идеи, на заре либеральных реформ была поставлена задача обретения новой Русской идеи. Ее подготовку президент Б.Н. Ельцин поручил Б. Березовскому, В. Гусинскому, Г. Бурбулису и их сподвижникам¹³, но позитивного результата не последовало. Одни восприняли ее как выражение нашего национального самосознания, другие как доктрину русского национализма и шовинизма, третьи видели в ней программу действий в новых условиях, а четвертые скептически отрицали саму идею как никчемную и даже вредную в переходный период. Возникает вопрос: если в ее необходимости сомневаются в переходный период, когда требуется определить вектор движения и стратегию развития, то так ли она нужна после его завершения? Видимо, дело не в том, что идея не нужна России, а в том, что ее трудно сформулировать в нынешней крайне противоречивой ситуации в стране.

К началу 2000-х годов относится попытка сформулировать эту идею в Институте истории и археологии УрО РАН, которая была обсуждена и одобрена Всероссийской научно-практической конференцией «Россия в поисках национальной стратегии развития» (апрель 2003 г.). Она звучала так: «Просвещение, гражданственность, достоинство».

Слово «просвещение» в русском языке имеет более широкий смысл, чем просто путь к знаниям. Оно происходит от христианского «просветление» и означает не только накопление знаний, но и высокую нравственность. Просвещение разума и духа знаменовало важнейшие вехи национальной истории России, периоды ее взлетов и побед. Просвещение – это идея последовательной и целеустремленной борьбы с бездной отсталости, бескультурья, мизерных жизненных целей, за право и правду – это культ знаний, приоритетное развитие науки и высоких технологий как основы решения задач модернизации страны в широком смысле слова.

Гражданственность должна видоизменить взаимоотношения общества и государства, сделав благо рядового российского гражданина конечной целью и смыслом деятельности последнего. Идея гражданственности означает примат закона над бюрократическим произволом. Традиционный идеал сильного Российского государства в современных условиях немислим вне идеи гражданственности.

Идея достоинства связана с преодолением в российском обществе массового настроения самоуничтожения, пренебрежения ко всему отечественному, порожденное «лихими» 1990-ми годами. Достоинство – это то, что должно в конечном счете помочь России найти свой собственный, органичный путь к экономическому процветанию и культурному прогрессу, опираясь на собственный труд, интеллект и волю.

В совокупности эта триада отражает наиболее значимые проблемы нынешней России¹⁴, но она нуждается в осмыслении места страны в современном мире. На пути формирования национальной идеи в нынешней сложной российской действительности очень много трудностей, но их необходимо преодолевать в условиях натиска глобализма. Во всем мире с каждым годом нарастает противоречие между глобализмом и регионализмом. Понимая неизбежность глобализации, многие народы пытаются сохранить свои основные этнонациональные ценности. Для России эта проблема обретает особую остроту, поскольку народ, прежде всего молодежь, после 20 лет

неопределенности теряет надежду на выход из нее, что чревато большими неприятностями для Отечества.

Между тем, национальные идеи имеют не только передовые державы, но и развивающиеся. Известны идеи (девизы) 175 стран мира. Среди них такие классические широко известные как «Свобода. Равенство. Братство» (Франция), «Бог и мое право» (Англия), «На Бога уповаем. Новый порядок на века» (США), «Свобода или смерть» (Греция), «Социализм с китайской спецификой» (Китай), «Земля обетованная» (Израиль), «Единство в многообразии» (Европейский Союз) и др. Есть и экзотические «Звезда и ключ Индийского океана» (Маврикий), «Куда кривая выведет» (Бермуды)¹⁵. Для России последняя формулировка никак не подходит, хотя нынче на практике дело обстоит почти так. По оценке Отдела политического анализа и национальной безопасности Информационно-аналитического управления Совета Федерации РФ «со времен Ленина–Сталина и доктрины «экспорта революции» в России отсутствует доктринальное мышление как форма государственного управления и развития»¹⁴. Следствием этого обстоятельства является то, что в приведенном выше обзоре в графе «Российская Федерация» записано: «Закон. Справедливость. Процветание. Свободная Россия – надежда мира». Этих декларативных фраз хватит на несколько государств, но они не отвечают сути реальных процессов и не дают представления о перспективах России.

А какой же все-таки быть новой Российской идее? На этот вопрос еще в начале прошлого века ответил знаменитый английский геополитик Х.Дж. Маккиндер. Сравнивая национальные идеи Англии, Франции, Германии и Соединенных Штатов Америки¹⁷, он выдвинул идею Хартленда (сердцевинной, срединной, земли от англ. heart – «сердце» и land – «земля, суша»), под которой понимал Россию с ее огромными природными ресурсами, многомиллионным населением, выгодным геополитическим положением¹⁸. В ходе Второй мировой войны ученый доработал свою концепцию, получившую мировой резонанс, благодаря принципиально значимой стратегической безопасности региона. По Маккиндеру «Хартленд является величайшей естественной крепостью на земле»¹⁹, которую необходимо беречь не только для нашего Отечества, но и для мирового сообщества.

Более того, сформулировав концепцию «географической причинности во всемирной истории», он называл Россию осевым государством (pivot – центр, ось вращения), которое служит стабилизатором мировых процессов. При этом «никакая социальная революция, – с его точки зрения, – не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования»²⁰.

Первая и Вторая мировые войны и третья – холодная, с нашей точки зрения, наряду с конкретными территориальными притязаниями воюющих стран друг к другу преследовали цель разрушить осевое государство – Россию, лишить ее важного стратегического преимущества. А последовавший за всем этим распад Советского Союза «деформировал ось мировой истории», что фатально нарушило международную стабильность и привело к катастрофическим последствиям.

В интересах мирового сообщества восстановить status quo. Генеральная же задача России на нынешнем этапе заключается не в возвращении к славе Третьего Рима, не в создании оплота мировой пролетарской революции, не

в поиске приюта в Европейском общем доме, а в сохранении и упрочении Хартленда, что означает обретение ее современной национальной идеи.

По этому поводу сталкиваются самые разные точки зрения. Раздаются голоса о том, что Россия должна разработать оригинальный подход к нынешней критической ситуации в мире и сформулировать спасительную идею. Это не исключено, но какими силами она будет ее осуществлять? Видимо, сегодня преждевременно надеяться на третье издание мировой мессианской идеи. Необходимо найти ее реальный, оптимальный, обобщенный вариант для выхода из внутреннего тяжелейшего кризиса страны.

Сущность этого кризиса неоднократно излагалась различными политическими и научными силами, что избавляет нас от необходимости лишней раз обращаться к нему. Целесообразней сопоставить подходы к конструированию современной национальной идеи. В этой связи заслуживает особого внимания мнение Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Национальная идея не может ограничиться формулированием неких пусть даже фундаментальных истин, она должна иметь непосредственный выход в практическую сферу, призвана быть движущей силой при совершении людьми определенных деяний»²¹.

Немало сделано в этом отношении Московским центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Нельзя не согласиться с их тезисом: «Для человека важна идея, смысл существования и преодоления. Они, зачастую более весомы, чем материальные условия... Страна в целом побеждала тогда, когда воины знали, за что они воюют. Страна прирастала территориями, осваивала их – когда людьми двигала значимая и осознанная идея»²².

Национальная идея в понимании Центра: «Это устойчивое представление индивида о прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его жизненные усилия, а также состояние общественного сознания»²³. С индивидом в данной формулировке все в порядке, но идея-то национальная (государственная), а его-то в ней и нет, как нет и упоминания о месте в современном мироустройстве. Идея должна быть государственной (национальной), сочетающей интересы страны и человека в определенную историческую эпоху. За такую идею люди будут бороться и побеждать.

Центром впервые поставлен вопрос об управленческом потенциале национальной идеи, что, безусловно, очень важно в современных условиях, но пока не ясно, как он будет решаться. Скорее надо думать о реализации идеи в широком смысле и гарантированном ее выполнении, а для этого требуется гигантская аналитическая работа, которая намечена Центром, но она пока не завершена, и национальная идея не сформулирована.

На нынешнем этапе, при многогранности и сложности бытия эту идею трудно свести к какой-то краткой формуле, броскому слогану. Она не может звучать как политический лозунг на злобу дня, а должна служить интегрированной долгосрочной общенародной программой действий. В условиях же острой политической борьбы за перспективы развития страны, отсутствии фундаментальных научных разработок в данной области сложно и рискованно формулировать так необходимую законченную национальную идею. Придется ограничиться кратким девизом: «*Безопасность, идентичность и справедливость, стабильность*». Эта триада соответствует назревшим потребностям Отечества. Она не содержит чьих-то особых классовых или этни-

ческих, экономических или политических интересов, никому не угрожает, не противоречит нормам международного права.

Безопасность – категория двойственная: внешне- и внутривнутриполитическая, которая свойственна истории и нынешнему положению государства. Территория Хартленда – России издавна была надежным бастионом безопасности. Несмотря на потери, связанные с распадом СССР, она в принципе остается таковой до наших дней и в состоянии обеспечить стране «положение крупнейшей сухопутной державы на Земном шаре»²⁴. Теперь проблема заключается в том, чтобы сохранить ее неуязвимость от современных средств массового поражения и так называемого «организационного оружия». Внешняя безопасность Хартленда – проблема не только российская, но и мировая.

Внутренняя безопасность зависит от множества причин: экономических, политических, социальных, демографических, научно-образовательных, культурных и др. Однако сегодня на первый план выходят технологические и террористические угрозы, криминалитет, этнический и социальный радикализм, правовой нигилизм, обнищание народа. Для их преодоления требуется единство общества, государственная и личная самодостаточность.

Идентичность (самотождественность, самоценность, равнозначность мыслимого и реально существующего) – корневая категория национальной идеи. Столетия она опиралась на православие и самодержавие, десятилетия – на социалистическое мировоззрение и советскую власть, а в конце XX в. в одночасье после распада СССР произошел полный крах идентичности, которая не восстановлена до сих пор. Большинство населения не понимает с кем себя отождествлять в политическом, экономическом, социальном, национальном, ментальном и других отношениях. Отсюда неразбериха во всех областях жизнедеятельности, что ставит под вопрос способность защищать интересы Отечества и грозит распадом Российской Федерации. Без идентичности нет единого народа. Именно это обстоятельство со всей остротой ставит задачу разработки объединяющей национальной идеи.

Особую остроту приобрела национальная идентичность. Россия исторически обеспечивала мир и процветание многочисленным народам, самобытность которых не ущемлялась центральной властью и способствовала гармонии государственных интересов. В конце XX в. эта гармония была нарушена, что привело к многочисленным этническим столкновениям и в конце концов к распаду великой державы. Чтобы избежать подобного с Россией XXI в., необходимо обеспечить всем ее народам разумную идентичность, поскольку в многонациональной державе приходится находить равновесие между правом на самоопределение и правами человека, не ущемляя ни то, ни другое.

Сегодня миллионы граждан России находятся за границами страны, а в нее прибывают миллионы иностранцев, прежде всего гастарбайтеров с иными национальными, конфессиональными, культурными и другими традициями. Какова их идентичность? От этого зависит много экономических, социально-культурных и других проблем государства. Идентичность становится ключевой в их решении.

Обретение новой идентичности абсолютно необходимо в условиях нынешней разобщенности российского общества. Она позволит возродить духовное богатство страны, аккумулировать достижения имперского, советского и постсоветского периодов, снять остроту социальных и националь-

ных противоречий, собрать напрасно растроченные силы для преодоления смутного времени и успешного продвижения вперед по пути прогресса.

С идентичностью тесно связана *справедливость* в обществе. Она является спутником Православной цивилизации. Со времени раннего христианства и до наших дней за нее борются все народы, особенно русские. За правду и справедливость выступали выдающиеся мыслители Отечества и предводители народных движений. И хотя справедливость в России неоднократно попиралась правящей элитой, она остается надеждой и чаянием народа. В нынешний трудный и ответственный период российской истории от нее зависит будущее российской цивилизации, поскольку новых крупных потрясений из-за пренебрежения справедливостью ей не выдержать. Подавляющее большинство населения встретит включение понятие «справедливость» в формулировку современной национальной идеи с энтузиазмом. Конечно, абсолютная справедливость недостижима, но вопиющее неравенство, которое существует в России, должно быть устранено.

Стабильность – главное условие сохранения российской идентичности и осуществления национальной идеи. России как воздух нужна передышка от войн и революций, эпохальных побед и поражений XX в. Ее силы необходимо восстановить на поприще новой идентичности, что предполагает развитие гражданского общества, экономики, образования, науки и культуры. Не последнюю роль в этой связи играет умение распоряжаться свободой. Она, по мнению Маккиндера «не может быть выучена или преподаана; она может быть только представлена тем, кто умеет ею пользоваться»²⁵.

Стабильность предполагает опору на исконные ценности Отечества. Успеха добиваются именно те страны, которые ценят и сохраняют свои традиции: Китай, Япония. Россия тоже обладает этими традициями, несмотря на их трансформацию в советский и либеральный периоды. Более того, практика показывает, что без учета таких традиций огульная опора на иноземные не дает должного эффекта, отравляет сознание населения и ведет к отторжению зарубежных инноваций. Учет мирового опыта абсолютно необходим в условиях глобализации, но он должен умело сочетаться с национальными традициями. В противном случае модернизационные процессы начинают пробуксовывать, что происходит в нынешней России.

Существенную роль в стабильности государства играют его доктринальные постулаты. Самоотречение от христианского православия в пользу европейского социализма, а затем от него в сторону западного либерализма привело к катастрофическим последствиям для России. Не все благополучно и с либерализмом. Не исключено, что произойдет ныне трудно представимый синтез православия, социализма и либерализма. Такое возможно на базе возрождающегося в стране православия, выдыхающейся критики социализма и реформируемого либерализма.

Подводя итоги, можно утверждать, что возраст Русской идеи практически равен истории государства Российского. Она формировалась веками усилиями иерархов церкви, государственных мужей, философов и писателей. Одни ее положения сыграли важную роль в жизни страны, другие потерялись в веках, третьи были переиначены советской властью, четвертые формируются в наши дни. При этом надо иметь в виду прежде всего то, что Русская идея в многонациональной империи всегда была общенациональной, поскольку она создавалась не на этнических принципах, а на основе

духовной (православной) общности. Существенно и то, что в ней звучала гражданственность, устойчивая идентичность, самоидентичность народов своей Родине, служение всех сословий единой цели, защите Отечества и его стабильности, национально-государственному достоинству. Ее обретение соответственно историческим эпохам прошло несколько этапов – от клерикального до светско-имперского и от марксистско-ленинского советского до либерального. Современная формулировка опирается в крупные доктринальные противоречия в обществе, выход из которых видится на пути отказа от вселенского мессианизма и переходе к внутренним жизненно важным проблемам страны.

¹ *Ершов Ю.Г.* Государство без идеи – просто населенная территория // Дискурс Пи. Дискурс идентичности. 2005. Вып. 5. С. 9.

² Там же.

³ *Боханов А.Н.* Русская идея от Владимира святого до наших дней. М., 2005. С. 12.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 96.

⁷ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1995.

⁸ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. СПб., 1999. С. 304.

⁹ *Федоров Н.Ф.* Соч. М., 1982. С. 294.

¹⁰ *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 1997. С. 216.

¹¹ *Ильин И.А.* Собр. соч. М., 1998. Т. 7. С. 457–458.

¹² Там же. С. 458, 464.

¹³ Россия в поисках идеи. Рабочие материалы Группы консультантов при Администрации Президента Российской Федерации. М., 1997; *Подберезкин А.* Русский путь. М., 1996. С. 17.

¹⁴ См. подробнее: *Алексеев В.В.* Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 386–398.

¹⁵ *Арбатская М.Н.* Национальная идея в национальных девизах // Россия и современный мир. 2010. № 2(67). С. 113–118.

¹⁶ Там же. С. 121.

¹⁷ *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории / Пер. с англ. М.А. Тимофеева // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 163.

¹⁸ *Маккиндер Х.Дж.* Круглый мир и достижения мира / Пер. с англ. К.И. Зубкова // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 152–157.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории. С. 169.

²¹ *Арбатская М.Н.* Указ. соч. С. 121.

²² Национальная идея для России. Программа действий (постановка задачи). Под ред. С.С. Сулакшина. М., 2009. С. 5.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ См. подробнее: *Маккиндер Х.Дж.* Круглый мир и достижение мира. С. 152–157.

²⁵ Там же. С. 157

Ю.С. Пивоваров

РУССКАЯ ВЛАСТЬ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЯ,
или
ДВА ВЕКА РУССКОЙ МЫСЛИ

Но тебя опишу я,
Как свой Витебск – Шагал.

Анна Ахматова

Вот уже много десятилетий русская власть и русская мысль являются предметом моего самого жгучего интереса. Мне не раз приходилось обсуждать ее с Валерием Александровичем Тишковым, и всегда меня подкупала его повышенная чувствительность к ходу российской истории, как общей истории русских и многих других народов России. В какой-то момент в сознании автора эти темы объединились, туго сплелись между собой. Стало ясно: природа русской власти, ее особость не могут быть поняты вне русской мысли. И наоборот, эссенция мысли недоступна вне властного контекста.

В структуре, существовании обоих феноменов есть что-то близкое, родственное. Это, конечно, в высшей степени странно. Власть и мысль...

Constitutional state и русское государство

В 1921 г. известный ученый Р.Ю. Виппер подводил итоги свершившихся событий: «Произошло все как раз наоборот предвидению теории – мы притягивали историю для объяснения того, как выросло Русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет... проверить свои суждения. Он властно требует объяснения, надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования... науки»¹. С тех пор с «Русским государством» произошло еще много чего – оно возрождалось, вновь «падало», вновь пыталось возродиться. Однако «толкования науки» так и не изменились. То есть до сих пор мы не удосужились разработать методологию, с помощью которой можно адекватно описывать, изучать, анализировать феномен русского государства. Более того, большинство исследователей даже не подозревают, что «Русское государство» есть нечто в высшей степени специфическое. И оно весьма отличается от того, что мы привыкли называть государством...

Дело в том, что в современной науке под псевдонимом «государство» скрываются различные, по своей природе очень далекие друг от друга типы власти. Государство Древнего Рима, государство инков, государство Китая и т.д. Говорят: «да, все это – государства, хотя и несхожие». С этим можно было бы, наверное, согласиться, если бы не одно обстоятельство.

На всех основных европейских языках «государство» звучит одинаково: state, Staat, état, stati, estado (от лат. status). Этот термин возник относительно недавно – четыре столетия назад. Раньше для обозначения властного устрой-

ства европейцы использовали другие понятия: polis, res publica, civitas, regnum, imperium и т.д. В XVI–XVII вв. в европейском самосознании и природе европейского социума происходят фундаментальные сдвиги. Реформация, гуманизм, созревание капитализма, возникновение наций, постепенное разрушение сословной организации, рождение идеи прав человека и вообще нового понятия о праве – в определенном смысле все это события одного ряда, свидетельствующие о наступлении принципиально новой эпохи. Государство (state) также «событие» из этого ряда. Оно, повторяю, есть форма организации не власти вообще, но – того типа власти, который характерен для Западной Европы начиная с XVI–XVII столетий (а затем и «дочерних предприятий» фаустовской цивилизации по всему свету). А «state» есть понятие, с помощью которого описывается **этот** (и никакой другой!) тип власти.

По поводу происхождения и природы государства (state) очень важные наблюдения были сделаны Карлом Шмиттом: «Государство (Staat)... есть в высшей степени единичное, конкретное, обусловленное временем явление, которое следует датировать эпохой с XVI по XX столетие христианского зона и которое вышло из этих четырех веков, из Ренессанса, Гуманизма, Реформации и Контрреформации; оно есть нейтрализация конфессиональной гражданской войны, а также специфическое достижение западного рационализма и т.д. Государство есть по преимуществу продукт религиозной гражданской войны, ее преодоление посредством нейтрализации и секуляризации конфессиональных фронтов, т.е. детеологизация»².

Итак, государство (state) явилось (во многом) и результатом, и способом выхода из полуторастолетнего кровавого конфессионального конфликта. Причем результатом и способом весьма своеобразным. Ни одна из конфессий не одержала победу. Однако не победила и «дружба» между католиками и протестантами. Компромисс был достигнут путем выхода из сферы религиозного. Произошла, по словам К. Шмитта, «детеологизация». Детеологизация сознания и социума. Самоидентификация человека не только по конфессиональному, но и вообще по религиозному принципу уступила место самоидентификации по принципу государственно-политическому (или национально-государственному). Религиозное как таковое вытеснялось из сферы властных отношений. Строилась новая Вселенная – антропоцентричная. Теоцентричный мир был отправлен на свалку истории. State и есть властное измерение антропоцентричной европейской цивилизации последних четырех веков.

Но подчеркнем: Бог не был изгнан из этого brave new world. Он «лишь» перестал быть смысловым центром этого мира... Государство (state) лишь отчасти пришло ему на смену; как мы понимаем, ни о какой полной «смене вех» не может быть и речи. К. Шмитт роняет: «Государство: от христианской веры к объективному разуму»³, «Левиафан – смертный Бог, Deus mortalis»⁴. «Объективный разум» и «смертный Бог» – два лика нового универсума. За «объективным разумом» стоят европейская наука, Гегель со всей его проблематикой, включая апологию государства (state), социальные революции и т.д. «Deus mortalis» – это ужас перед неотвратимой бездной смерти («то вечности жерлом пожрется»), которая открылась после детеологизации мира. Это ужас похотей человеческих, сбросивших державшую их в узде Высшую Волю. Похотей, ведущих к смерти. «Desire of power that ceaseth only in death»⁵.

Государство (state) и становится «защитой» от этого страха смерти. Фасадом перед ее «лицом». Одновременно государство есть результат страха, охватившего европейцев в холодной неуютности победившего гуманизма. Это позже сентиментализм и романтизм сделают этот мир более теплым и приятным. И западный конституционализм во многом явится плодом этих (разумеется, и других) коллизий, новаций, «необходимостей». Тот же К. Шмитт фиксирует: «...право на религиозное заблуждение стало основой современного конституционного права»⁶. Иными словами, конституции рождаются там и тогда, где и когда «религиозное» в социальном отношении становится относительным. Конституционное государство – это примета мировоззренчески релятивистского мира. Но оно невозможно (по сути, а не как прикрытие чего-то иного) в социумах теоцентричных и атеистических.

Constitutional state возникает в обществе посюстороннего консенсуса, где религия – частное внутреннее дело человека, «выдвинув положение о том, что человек не нуждается в посредниках для общения с Богом, он (Лютер. – Ю.П.) заложил основы европейской демократии, ибо тезис «Каждый сам себе священник» – это и есть демократия»⁷. В этих словах «схвачено» содержание современного Запада – христианская полисубъектность, полагающая отношения человека с Богом делом сугубо внутренним, личностным, интимным. И потому общественный договор, социальный консенсус строится здесь относительно ценностей «предпоследних» (политических, правовых, экономических и т.д.). Религиозно-метафизическое выведено за пределы социального порядка, выведено за штат (дословно: за Staat, state, état).

Потому-то главный субъект западных конституций – гражданин, гражданское общество, нация. Последняя является способом, средством, путем интеграции всех элементов гражданского общества в политическое единство – государство. Именно с этой целью (интеграция) нация создает конституцию. Но в основе всего, скажем об этом еще раз, человек – гражданин, живущий в секуляризованном, антропоцентричном мире, поделенном на публичную и частную сферы. Это – homo occidentalis...

Подчеркнем: современное государство (state) есть по преимуществу государство конституционное, живущее по духу и букве Основного закона! Поэтому его природа и зашифрована в конституционных текстах. Следовательно, необходимо четко представлять себе, чем является современная Конституция. Сделаем это, опираясь на воззрения двух классиков социальной мысли XX столетия (кстати, антагонистов), – Карла Шмитта и Ганса Кельзена.

Конституция непременно соответствует императиву гражданских свобод и содержит твердые гарантии этих свобод. Причем под свободой здесь прежде всего имеется в виду гарантированная законом свобода индивида от государства. В Конституции подобная свобода закрепляется следующим образом: признаются основные права, фиксируются принципы разделения властей и участия народа в законодательном процессе. Провозглашение в Конституции основных прав означает, что общество усвоило идею свободы. Осуществление же принципа разделения властей свидетельствует о том, что идея свободы получила организационные гарантии против возможных злоупотреблений властью со стороны государства.

Конституционное государство есть законническое государство в том смысле, что единственной формой его вмешательства в сферу свободы индивида является вмешательство, основанное на законах. Да и оно рассматривается как исключение. В подобном государстве правят законы, а не люди. Администрация же руководит только в том смысле, что следует существующим позитивным нормам. Легитимность конституционного государства обусловлена законностью всех действий его властей.

Государство, построенное по канонам идеально-типической конституции, контролируется обществом, занимает по отношению к нему служебное и подчиненное положение, отождествляется с системой норм. «Это – нормы или процедуры и больше ничего» (К. Шмитт). «Государство понимается как правопорядок»; «государство есть относительно централизованный правопорядок» (Г. Кельзен). Важнейшей организационной характеристикой такой государственности является независимая судебная система.

Это шмиттовско-кельзеновское понимание «идеи» Конституции необходимо дополнить следующим. Задача Основного закона состоит не только и не столько в «освящении» той или иной властной структуры, а в *упорядочении открытого* (по своей природе) *политического процесса*. Видеть в Конституции нормативное закрепление **определенной** формы правления – значит, обеднять ее содержание. Это – *открытая норма*, в рамках которой возможна как сегодняшняя политическая система, так и некие другие ее варианты в будущем. «Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент. Различные политические режимы могут... функционировать в одних и тех же юридических рамках», – писал двадцать пять лет назад Морис Дюверже⁸.

Конституция как норма, упорядочивающая политическую жизнь, имеет два измерения. *Первое*: сила, организующая и регулирующая институциональную систему правления. *Второе*: регулятор *своего собственного изменения*, а следовательно, и этой системы. Соответственно, конституционные нормы должны иметь различную степень жесткости. Наиболее жесткие, наиболее трудноизменяемые – это нормы, в наименьшей мере предопределяющие политическую деятельность (например, регулирующие права человека). Самые гибкие – нормы, регулирующие процесс отправления власти, т.е. нормы, в рамках которых совершается выбор в пользу конкретной организационной формулы.

Кроме того, «идеально-типическая» Конституция обязательно закрепляет принцип *функционального* разделения власти на три ветви, каждая из которых в большей или меньшей степени соответствует трем сферам жизнедеятельности современного социума: 1) гражданскому строю, т.е. области «субъективного» и гражданского права, личной свободы, частной автономии; 2) административному строю или системе – области централизации и сосредоточения государственной власти, социального обеспечения, авторитарного руководства; 3) конституционному строю, т.е. конституции, понимаемой одновременно и как пространство, в котором происходит самоограничение государственной власти, и как способ этого самоограничения – установление *правильного соотношения (и в этом смысле равновесия)* между различными государственными органами. Это – сфера *децентрализации власти*, ее **непосредственного** функционального разделения.

В соответствии с таким подходом орган народного представительства, власть законодательная, корреспондирует конституционному строю, является главным его выразителем, исполнительная власть, правительство (government) – административному строю, а судебная власть – гражданскому (суды-то и существуют прежде всего для того, чтобы защищать субъективные права личности как от повреждения их другими гражданами, так и от нарушения их государством).

Весьма удачное, на мой взгляд, определение Конституции дал восемьдесят пять лет назад русский юрист Е.В. Спекторский. По его словам, она «обещает много, но далеко не все. Она не устраняет социальной борьбы, религиозной, классовой и иной. Зато она вводит ее в культурную форму. Она не производит социальных реформ. Зато она создает для них законную возможность. Она вообще не разрешает по существу ни одного общественного вопроса, ибо она устанавливает пути для разрешения всяких общественных вопросов... Она носит... не столько принципиальный, сколько технический характер. Хорошая конституция – это все равно, что хорошие пути сообщения. Кто заботится о них, тот не спрашивает, почему и зачем едут пассажиры, должны ли они вообще ехать, тот просто старается увеличить число поездов, ускорить их ход, удешевить проезд и т.п. Подобным же образом и конституция формальна. Она стремится всем обеспечить свободу передвижения, слова, веры, участия в государственных делах. И при этом она не читает в сердцах, не справляется об убеждениях, о принадлежности к той или иной партии. Вот почему, в свою очередь, все партии при всей своей борьбе по другим вопросам и могут и должны сойтись на вопросе о конституции, ибо она гарантирует общечеловеческие блага – свободу и порядок»⁹.

...И еще одна тема, важная для понимания природы constitutional state. Эта тема принципиальной *безличности* современной государственной власти. К примеру, М. Дюверже называет «правителей» «слугами», «должностными лицами». По его мнению, государство тем совершеннее (т.е. тем больше оно государство), чем государство-«идея», государство-«абстракция» отдельнее, отдаленнее от конкретных носителей власти¹⁰.

Другой классик французской политической науки Жорж Бюро пишет: «Люди изобрели государство, чтобы не подчиняться другим людям»¹¹. Поначалу они не знали, кто имеет право командовать, а кто нет. И потому пришлось придать власти *политическую и правовую* форму. «Вместо того, чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет, они разработали форму власти, которая независима от правителей. Эта форма и есть государство»¹². Согласно Бюро, государство возникает как *абстрактный и постоянный* носитель власти. По мере развития этого процесса правители все больше и больше предстают в глазах управляемых агентами государства, власть которых носит преходящий характер. Подобная трансформация (если угодно: эволюция) власти явилась в истории человечества огромным шагом вперед. «В этом смысле идея государства есть одна из тех идей, которые впечатляющим образом демонстрируют интеллектуально-культурный прогресс... Ведь отделение правителя, который командует, от права командовать позволило подчинить процесс управления заранее оговоренным условиям. В результате стало возможным оградить достоинство управляемых, которому мог наноситься ущерб при прямом подчинении какому-нибудь конкретному человеку»¹³.

Конституция возможна, т.е. действительна и необходима, **только** при такой и для такой власти. Конституция является формулой и формой такой власти. Предпосылка (обязательная) конституции – возникновение абстрактно-безличностной власти. Суверенитет должен отделиться от лица-носителя власти, от лица-персонификатора власти.

Надо сказать, что в европейской истории процесс отделения суверенитета от властного лица нередко проходил в форме отделения головы этого лица от его туловища. Карл I Стюарт, Людовик XVI Бурбон... Современный американский исследователь А. Хардинг пишет: «Английская революция показала, что суверенитет, “сосредоточенный” в короле, может находиться и в другом месте. 19 мая 1649 г. в ходе пуританской революции парламент провозгласил: “Народ Англии... постановил быть политическим сообществом и свободным государством и отныне управляться как политическое сообщество и свободное государство высшей властью этой нации – представителями народа в парламенте”. Джон Мильтон назвал короля “врагом народа”»¹⁴.

Таким образом, формирование государства (state) проходит обряд инициации – «обрезание» суверенитета в виде головы у монархической власти. Затем эта власть (монархическая) может быть даже восстановлена, но суверенитет к ней уже не вернется. Реставрация неосуществима в принципе. «Не Робеспьер, но Меттерних разбил монаршую корону... Реставрация – это специфический метод уничтожения и разрушения реставрируемого»¹⁵. Или: что упало, то пропало...

Из всего этого явствует: с помощью термина state нельзя описывать другие, незападные типы власти. State намертво закреплен за Западом, за его неповторимой и уникальной историей. Это касается и России; в ней человек, общество, власть развивались иначе. Иным оказался и результат. Русская власть никак не может быть описана и понята через призму концепции и реальности constitutional state (nation state). Термин же «государство» вполне подходящ. В нем, по крайней мере этимологически, отражены и природа генезиса, и природа функционирования этого особого типа власти.

Трудность лишь в том, что в мире и у нас господствует один-единственный тип научного познания, которому соответствует и универсальная терминология. За этими «универсалиями» скрывается принципиально различный опыт уникальных цивилизаций. Скрывается, а не отражается. Как не отражается и историческая неповторимость той или иной эпохи. Причем даже в рамках европейской культуры. Ведь state не применим не только к западным обществам, но и к Европе, скажем, XII–XIII столетий.

Все это надо держать в уме, когда мы говорим и о «государстве». И конечно, в 1921 г. Р.Ю. Виппер думал о таких новых «толкованиях науки», которые могли бы объяснить именно «Русское государство», а не «государство вообще». Здесь уместно вспомнить двух гениальных и очень разных русских людей, оказавшихся по воле судьбы в самой гуще современной западной культуры. Их нельзя заподозрить в плоском и провинциально затхлом и бесплодном русском «самобытничестве». Напротив, оба этих деятеля подчеркнута всемирны. Илья Пригожин: «Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном-единственном языке». Иосиф Бродский: «Любой опыт, исходящий из России, даже отраженный с фотографической точностью, просто отскакивает от английского языка, не оставляя видимого следа на его поверхнос-

ти. Безусловно, память одной цивилизации не может и, наверное, не должна стать памятью другой. Но когда язык не в состоянии воспроизвести реалии другой культуры, может возникнуть наихудшая из тавтологий».

* * *

Теперь же обратимся к России. Специфика ее социокультурного развития отразилась и на особом характере русской власти. Об этом хорошо сказано у Р. Пайпса: «Каждый, кто изучает политические системы незападных обществ, скоро обнаружит, что в них разграничительная линия между суверенитетом и собственностью либо вообще не существует, либо столь расплывчатая, что теряет всякий смысл... В условиях первобытного общества власть над людьми сочетается с властью над вещами, и понадобилась чрезвычайно сложная эволюция права и институтов (начавшаяся в Древнем Риме), чтобы она разделилась на власть, отправляемую как суверенитет, и власть, отправляемую как собственность. Мой центральный тезис состоит в том, что в России такое разделение случилось с большим запозданием и приняло весьма несовершенную форму. Россия принадлежит *par excellence* к той категории государств, которые... обычно определяют как «вотчинные» (*patrimonial*). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно суверенным государством и его собственником»¹⁶.

Конечно, термины «политическая система» и «политическая власть» не вполне корректны при описании обществ незападного типа; конечно, весь этот понятийный аппарат несколько устарел, но в целом и по существу Ричард Пайпс прав. Власть (а именно ее, а не «государство» – *state* имеет в виду американский исследователь) в России по своей природе вотчинная (патримониальная). На протяжении многих столетий разделительная линия между властью и собственностью почти не проглядывается (это было в Новгороде и Пскове, но московско-ордынские Даниловичи пожрали этот «анзатический» Остланд). Великие князья и цари Московской Руси были действительно в полной мере хозяевами своей страны. Как отмечал Н.Н. Алексеев, «у Петра I, если не совсем, то в значительной степени можно считать... изжитыми те патримониальные представления о государстве, которые владели старыми московскими князьями. До Петра... в ходячем политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общежитии домохозяин юридически сливается со своим домом»¹⁷.

Это все так, хотя образ Петра в значительной мере «модернизирован». На самом деле власть и представления о ней перестают быть патримониальными лишь в ходе пореформенной (после 1861 г.) эволюции российского социума. Да и к 1914 г. власть еще далеко не окончательно потеряла вотчинное измерение. Этот тезис весьма убедительно развивает в своей знаменитой книге В.В. Леонтович. Причем тему патримониального характера власти он напрямую связывает с темой конституции. «Я неоднократно подчеркивал, что считаю неправильным называть Конституцию 23 апреля 1906 г. лжеконституцией. Но если бы даже можно было так ее определить, то уж во всяком случае не потому, что в России не было парламентского строя или не было всеобщего голосования, и не потому, что царь не присягал на Конституции, а только потому, что конституционный строй в России не был основан на развитом гражданском строе, который вообще всегда является необходимой

основой для всякой либеральной конституции. (А настоящая конституция ведь по сути своей не может быть не либеральной.) Как раз неразвитость гражданского строя, гражданской свободы и повела к исчезновению политической свободы, к крушению конституционного строя в России»¹⁸.

Под «неразвитостью гражданского строя» ученый-эмигрант полагал то обстоятельство, что к началу Первой мировой войны еще не был закончен «процесс распространения на крестьян гражданского строя» (в крестьянской стране!). Или, иными словами, «не был превзойден старомосковский принцип верховной собственности государства на землю»¹⁹.

Следовательно, к 1917 г. у нас еще не было закончено строительство, формирование государства в смысле «state» (хотя прогресс очевиден). В немецкой науке той эпохи по отношению к России применялась такая квалификация: «Конституционная монархия, под самодержавным царем». В этом определении очень важна разделительная запятая, устанавливающая подлинную властную иерархию (очень странную для западного сознания) в поздней петербургской империи.

Кстати, вотчинный характер самодержавия (русской власти), его принципиальную несовместимость с частной собственностью на землю, и – по логике вещей – с утверждением в России гражданского строя (гражданского общества), а на его фундаменте – конституционного государства, очень глубоко понимал Л.Н. Толстой. В августе 1865 г. ему приснился сон (по гениальной пронзительности напоминающий сны Декарта), содержание которого он зафиксировал в записной книжке: «Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности. “La propriété c’est le vol”²⁰ останется большей истиной, чем истина английской конституции, до тех пор, пока будет существовать род людской. Это истина **абсолютная**, но есть и вытекающие из нее истины относительные... Первая из этих относительных истин есть воззрение русского народа на собственность. Русский народ отрицает собственность самую прочную, самую независимую от труда (т.е. частную собственность вообще, как институт. – Ю.П.) и... собственность поземельную (частную на землю. – Ю.П.). Эта истина не есть мечта – она факт, выразившийся в общинах крестьян, в общинах казаков. Эту истину понимают одинаково ученый русский и мужик... Эта идея имеет будущность. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности... *Самодержавие не мешает, а способствует этому порядку вещей* (курсив мой. – Ю.П.)»²¹.

Самый органический русский гений с непревзойденной точностью выразил то, что сложилось в ходе тысячелетней русской истории. Он дал почти математическое соотношение власти – собственности – конституции по-русски и объяснил причины мощного антиконституционализма русской мысли. Особенно той ее части, которая, подобно Льву Николаевичу, имела абсолютный слух на «русское». Следовательно, прав был и В.И. Ленин с его «зеркалом русской революции». Эта самая революция полностью подтвердила предчувствия Толстого...

Но не только, конечно, патримониальный характер власти и соответствующий тип ее понимания стали преградой на пути укоренения у нас конституционализма. Можно назвать еще целый ряд природных черт русской власти, которые также препятствовали формированию конституционной государственности.

К ним относится унаследованная от Византии модель взаимоотношений государства и церкви по типу симфонии. Эта модель не предполагала никакого ограничения или разделения светской власти. В отличие, скажем, от модели «двух мечей» (папы и императора), господствовавшей в средневековой Европе. Там церковная и светская власть были разделены изначально (в том числе – и это немаловажно – они были отделены друг от друга и географически) и тем самым были ограничены сферы их компетенций. «Два меча» – это уже, хоть и интенционально, начало плюрализма.

Далее, тягловый характер русского социума. Если на Западе сословия отличались друг от друга объемом и типом повинностей и свобод, то у нас – только повинностей (тягла). Следовательно, проблематика автономии индивида, прав человека возникнуть здесь не могла. Как, впрочем, и основы для формирования правового государства. Вместо Rechtsstaat строится «государство правды», которое, по словам евразийца М. Шахматова, проникнуто стремлением «соблюсти изначальною истину, покорить человеческую волю, человеческое “самочинение” религиозно-государственной правде»²². В идеале «государство правды» есть подчинение «государства началу вечности». Первостепенное значение для него имеет «вопрос о преемстве благодати от Бога». Цель «государства правды» – спасение душ подданных, защита чистоты православия. «Государство правды» – институт не только и не столько внешний, но «внутри нас есть»²³. П.Б. Струве весьма удачно квалифицировал это государство как литургическое.

В принципе нет ничего специфического в том, что на определенных этапах своего развития русская власть имела яркое и глубокое религиозное измерение. Это знала и Европа. Своеобразие заключено в категории «правда», которая до известной степени подменила у нас «право» и заблокировала на столетия возможность его появления (речь идет о «праве» в европейском смысле слова; «русское право» существовало, но содержательно это был иной феномен). Ведь «правда», как еще в XI в. учил митрополит Иларион, есть и истина, и добродетель, и справедливость, и закон. Религиозно-нравственное начало растворяет в себе начало юридическое или, точнее, не дает этому последнему кристаллизироваться.

Созданная на обломках Святой Руси петербургская империя также была сущностно враждебна идее конституционализма. Полицейское государство, регламентирующее государство, воспитательная диктатура – так называют устройство послепетровской власти. Но еще это государство было «оформлением», формой, которая стягивала распавшуюся на две субкультуры страну²⁴. Такая форма оказалась неизбежно деспотической. Однако в деспотизме новой государственности таились и сила репрессивно подавляющая, охранительно-удерживающая, и сила просвещеннически реформистская, прогрессистски-революционаристская (недаром Пушкин скажет, что «все Романовы – революционеры»). Иными словами, отечественная государственность XVIII–XIX столетий имела принципиально двусосновый характер. В определенном отношении все цари-императоры были папой и Лютером в одном лице.

Важно подчеркнуть: обе эти силы, как правило, реализовывали себя деспотически, насильственно. И реформы, и контрреформы, и прямая реакция, и действия, смахивающие на «крутую» революцию, – все это осуществлялось именно так (за некоторыми, разумеется, исключениями). Причем речь

идет не о властных технологиях, а о самом характере власти. Не о насилии «внешнем», но – о сущностном. Не о том, в белых ли перчатках и «бархатно» действует власть, или, напротив, поступает так, словно ведет боевые действия.

Да, русская власть после Петра была одновременно и папой, и Лютером. И в этом коренилось страшное ее противоречие. Однако было нечто, в значительной мере это противоречие «снимающее». Это «нечто» – та самая изначальная природа власти – насильственно-деспотическая. Она и позволяла Романовым быть то Лютером, то папой. Позволяла быть функциональным Лютером и функциональным папой. Все зависело от того, кем для самосохранения и господства надо было быть в данный момент; какую стратегию избрать – стратегию Сперанского или Аракчеева.

Исторически известно несколько вариантов. После реакционного царствования наступает реформистское, и наоборот. В рамках одного и того же царствования «период Сперанского» сменяется «периодом Аракчеева» (а вот наоборот не бывало; но бывало в такой последовательности: «Сперанский» – «Аракчеев» – «Сперанский»). А при Александре III весьма органично уживались Витте и Победоносцев. Вообще-то, все эти «варианты» и «стратегии» носят скорее идеально-типический, типологический характер. В реальной жизни все было сложнее, перемешаннее, хаотичнее.

И все-таки до конца – в силу целого ряда причин, о которых мы здесь говорить не будем, – изначальная природа власти не «сняла» этого ее же коренного противоречия. Так и оставались Романовы о двух лицах, а монархическая государственность их – двуосновой.

Соответственно, и идеологии, с избытком возникавшие в русском обществе в XIX в.: славянофильство, официальная народность, западничество, шестидесятничество, почвенничество, либерализм, народничество и т.д., – самоопределялись во многом в процессе выработки отношения к этому типу государственности. Иными словами, идентичность приверженцев той или иной идеологии строилась на особом, лишь им присущем восприятии власти. Но при *особости* отношения все эти идеологии можно разделить на две группы. Те, кто относился к первой, принимали лишь одну (для нас сейчас не важно, какую) «компоненту» двусложного петербургского самодержавия, ее хотели совершенствовать, а другую – отменить. Идеологии, входившие во вторую группу, вообще отрицали этот тип государственности.

Результатом всего этого – и типа власти, и типов ее осмысления, и многого другого – и явилась весьма своеобразная Конституция 1906 г. Она была компромиссом различных элитных групп по поводу именно власти. Но не консенсусом относительно прав человека, который, как уже отмечалось, лежит в основе западных либеральных конституций. Причем подчеркиваем: основные государственные законы 23 апреля 1906 г. суть компромисс, а не консенсус. Последний-то как раз и не был достигнут.

Скажем еще несколько слов – последних в этой части работы – о специфике русской власти. Точнее, о существовании ее *перестроек*. Это ведь вообще любимое занятие наших правителей – постоянно что-то менять в деятельности властного механизма. Правда, при этом существование власти практически не трансформируется. И в конечном счете все возвращается на круги своя. Затем начинаются новые перемены...

Вообще-то, реформы, как и контрреформы, – дело нормальное, исторически будничное и вполне прогнозируемое. На Западе *кардинальные* изменения власти обычно фиксируются в конституциях, а их реализация обеспечивается функционированием *институтов* управления. У нас происходит по-другому. И с конституцией, как мы знаем, в России по-своему, и с институциональной системой тоже.

Во-первых, практически всем верховным российским начальникам конституции или какие-то сопоставимые с ними «основные законы» всегда узковаты, а потому и преодолеваются. Так сказать, из конституционного поля осуществляется трансцендирование в поле властно-волевое, властно-силовое. Во-вторых, результатом этого преодоления является создание новой, неинституциональной, системы управления. Органы этой системы можно условно назвать чрезвычайными комиссиями²⁵ (никакой аллюзии на ЧК Дзержинского у автора в данном случае нет). Они образуются для решения каких-то специальных задач. Такое мы можем наблюдать все последние пять столетий отечественной истории. У истоков чрезвычайных комиссий стоит Иван Грозный со своей опричниной. Далее это петровская гвардия, Канцелярия Его Императорского Величества, Коммунистическая партия (номенклатурное ядро прежде всего). При типологической схожести судьба чрезвычайных комиссий различна. Одни, выполнив (или не выполнив) определенную задачу, отмирают, другие сосуществуют с институтами, третьи оттесняют их на периферию социальной жизни, четвертые подменяют собой. Разумеется, возможно и некое смешение вариантов. В-третьих, конечно, не исключено, что со временем чрезвычайные комиссии становятся чем-то схожим с институтами. Хотя это происходит редко. В-четвертых, чрезвычайные комиссии могут существовать довольно долго. При этом их цели и методы видоизменяются.

Однако, со всеми оговорками, наличие такого рода комиссий подрывает конституционные устои, принцип разделения властей и институциональную систему. Подчеркнем: здесь принципиальное отличие традиционных российских реформ власти от конституционных и институциональных реформ европейского (западного) типа.

Безусловно, все это не только не случайно, но и коренным образом связано с природой российской власти.

* * *

Хорошо известно: русская мысль XIX–XX столетий подготовила несколько оригинальных моделей обустройства общества; прежде всего властного его измерения; и при этом следует заметить, что она не менее, чем литература, **креативна**. Обе они «пророчествуют», и пророчества – в известной степени – сбываются. Поразительно и то, что креативность обращена не только в будущее, но и в прошедшее, прошлое.

Лев Толстой пишет «Войну и мир» и завершает созидание мифа «1812 год». Это один из основополагающих мифов отечественной культуры. И для нее он во много раз существеннее и важнее, чем сама героическая эпоха. Но, подчеркну, Толстой именно «созидает» (создает). Что, кстати, не всегда вполне понятно даже проницательнейшим, умнейшим наблюдателям. Так, Петр Вяземский и Константин Леонтьев обвинили его в том, что персонажам 1812 г. приписан психический строй людей 1860-х годов, современ-

ников Льва Николаевича. Будучи замечательно умными людьми, они «почему-то» не догадались, что «Война и мир» не про это...

В этом же ряду Анна Ахматова. По свидетельству Л.К. Чуковской, Анна Андреевна рассуждала следующим образом: «Исторической стилизацией – стилизацией в хорошем смысле слова, в смысле соблюдения признаков времени – он никогда не занимался. Высшее общество в «Войне и мире» изображено современное ему, а не александровское... При Александре... оно было гораздо образованнее, чем потом. Наташа – если бы он написал ее в соответствии с временем – должна была бы знать пушкинские стихи. Пьер должен был бы привезти в Лысые Горы известие о ссылке Пушкина. И, разумеется, никаких пеленок: женщины александровского времени занимались чтением, музыкой, светскими беседами на литературные темы и сами детей не нянчили. Это Софья Андреевна погрузилась в пеленки, потому и Наташа».

Анна Ахматова объясняла все это тем, что Толстой был «полубог» и мир творил по своему образу и подобию («из себя и через себя»). Это-то, конечно, так. Но Толстой, разумеется, не случайно не коснулся Пушкина и пушкинского в творимом им мифе. Причин было несколько. Пушкин сам по себе стал мифом – пушкинским; Александр Сергеевич мог быть только смысловым центром мифа и потому в «1812 год» не укладывался. Там же центральное место было занято...

Вяземский, Леонтьев, Ахматова судили Толстого как литератора. А он был действительно «полубог», творец новой реальности (условно – мифа). Причем *эта* реальность, в свою очередь, порождала новые смыслы, новые типы личности, новое восприятие жизни. Настоящее толстовство – это не то, что под этим названием вошло в мир. Толстовство есть совокупность, целостность и цельность созданных им мифов (помимо «1812 года» были и другие). И *это* толстовство является важнейшей движущей силой русской истории – силой, повторю, смыслообразующей и преобразующей социоисторическую, социопсихическую и личностную «материю».

Толстой, конечно, один из примеров, образцов особой русской креативности. Иной тип мифотворца и мифотворчества представляет собой Н.М. Карамзин. Это «пророк», обращенный в прошлое. Он «предсказывает» то, что было. И его предсказания сбываются. Для всякого русского русская история – карамзинская. Даже если мы не читали Карамзина, даже если мы читали современных историков, опровергающих Николая Михайловича. Какое нам до этого дело! Карамзинский миф по поводу России и ее истории столь конститутивен для русского сознания, сколь конститутивны «дураки», «дороги», «зима, Барклай иль русский бог», «татаро-монгольское иго», «Петр», «Минин и Пожарский», «за державу обидно» и т.д.

Или мифотворчество по поводу будущего. Ф.М. Достоевский «запланировал» русскую революцию «Бесами» и «Карамазовыми». Это – общее место, это признали все. Порою кажется, что персонажи Семнадцатого года были порождением его воображения. Вплоть до физического сходства, до ситуативных повторов... Ну а тема отцеубийства, отцовства вообще, артикулированная Федором Михайловичем и одновременно проходящая через его собственную жизнь. Учеба в Инженерном училище, расположенном в Михайловском замке, где все вопиет об убийстве отца с ведома детей (Павел – Александр, Константин), убийство отца будущего писателя (крестьяне-

дети против помещика-отца), убийство Карамазовыми – сыновьями Федора Павловича, смерть Верховенского – старшего как (во многом) следствие деяний сына Петруши (опосредованное убийство), убийство Александра II (царя – отца) подданными (детьми), до которого Достоевский не дожил всего несколько дней, – однако воздух последних лет его жизни был пропитан запахом царской (отеческой) крови.

И тема эта не исчерпана поныне. Проклятием легла она с нележкой руки «омского каторжанина» на русскую историю. Убийство Николая II, будучи эпилогом в чреде насильственных или «странных» смертей Романовых (убиты Петр III, Павел, Александр II, Николай II; при не вполне ясных обстоятельствах кончили жизни Александр I, Николай I), стало кровавым прологом для красных вождей. Ленин, Троцкий, Сталин (убежден: если не в деталях, то по сути Авторханов прав: три толстяка – Георгий, Лаврентий и Никита – «замочили» отца народов) – убиты. Да, да и Ленин тоже: Политбюро «помогло» Ильичу, отправив его под фактический арест в Горки.

Сталин – последний в ряду правителей-отцов. Затем, от Хрущева до Горбачева, власть постепенно изживает отцовскую природу. Происходит очередная, после Петра и Ленина – Сталина, десакрализация русского *chatos-a*. Поэтому «мужицкого царя Никиту» и могильщика коммунизма Горбачева уже не убили, а лишь погнали вон. Процесс этот так углубился, что следующего правителя россияне уже *выбирали* (впервые, подчеркнем²⁶). Отцов же, как известно, не выбирают...

Но тема, повторю, не исчерпана. Достоевский еще актуален. Борис Николаевич Ельцин, как мы хорошо помним, из всех возможных политических ролей как-то больше предпочитал отцовскую (эдакий папаша Карамазов), и политики-«отцы» (Примаков, Лужков) в народном сознании явно теснили политиков-«женихов» (Явлинский, Лебедь, Жириновский, Немцов). А уж если «жениха» и приняли, то лишь такого, которого сам «папаша» благословил и которого страстно хотят видеть «отцом». Да и о воссоздании монархии все поговаривают. Не исключено, что и договорятся. И за всем за этим одна интенция: ох, несладкой оказалась безотцовщина, трудно деткам без отцовской власти. А значит, и не изжит этот комплекс русской жизни, эта тема: «отцы и дети» и «власть и ее убийство».

Напомним только, что все это пришло на смену другой властно-психологической «диспозиции». Петр был первый царь, умерший «странно» (есть подозрение, что помогли умереть – Меншиков и Екатерина), и последний отец – персонификатор власти, убивший своего сына. До этого отцы детям укорот делали (Иван IV, Иван III отчасти – внука, имевшего шансы на трон, уморил). Это, конечно, другая тема. Но держать ее в уме следует. Она, как мы в дальнейшем увидим, тоже имеет некоторое отношение к русским мифам и их особой креативной силе²⁷.

Этой силой в особой, кстати, мере обладал Н.В. Гоголь. Хлестаков, Чичиков, Коробочка, Собакевич, Манилов и другие пришли в Русский Дом и поселились в нем навеки «с подачи» Николая Васильевича. До него их не было. То есть были, но не явленно, не ощущаемо и не зримо. Гоголь сказал: «Вот они!» И они зажили, задвигались, задышали. Пошли плодиться и размножаться. И, конечно, мутировать. В редком русском не найдешь одновременно Хлестакова, Манилова и Чичикова.

И это не метафора: «Хлестаков» и «Чичиков» суть социологические категории, с помощью которых адекватно познается и описывается русская жизнь. Это также инструменты русской гносеологии, как и Обломов, Штольц, Онегин, Печорин, Чацкий, Рахметов и др. Более того, «лишний человек» («лишние люди») – совокупный образ, созданный нашей литературой, – стал важнейшей, фундаментальной категорией отечественной истории XIX – начала XX столетия.

* * *

Ну а теперь пора вернуться к русской мысли. Она, как отмечалось, тоже в высшей степени креативна. Однако в силу ряда обстоятельств это ее качество недостаточно осознано, попросту недостаточно известно. Что, кстати, весьма прискорбно, поскольку «домашние заготовки» вполне быгодились сегодня русскому уму в его стремлении «обустроить Россию». Да и многое бы прояснили относительно того, что представляется «тем-то и тем-то», но на самом деле «тем-то и тем-то» не является. Или наоборот...

Правда, для того, чтобы это обсуждать, надо отказаться – пусть на время, пусть не совсем – от привычного знания (полузнания, наслышенности и т.п.) русской мысли, от привычного ее восприятия, от устоявшихся классификаций мыслителей и их исторических репутаций.

Прежде всего, следует иметь в виду, что «русская мысль» – это социоинтеллектуальный феномен, имеющий достаточно четкие хронологические рамки, границы. Русская мысль «просыпается» в прологе XIX в. Позади столетие заимствований, ученичества, подражательства. Она готова к зрелому творчеству. Да и эпоха верит. Корабль Просвещения потерпел крушение в штормах Французской революции. Наполеоновские войны, романтизм, историческая школа права, немецкая философия, консерватизм (Штабериан), либерализм (Бенжамен Констан), социализм и т.д. – на все это необходимо было дать ответ. **Какая** эпоха уходила! **И какая** вступала в свои права! Все-му этому ренессансному восторгу и порыву, гносеологическому оптимизму и самоуверенности пришел конец. Зато явились болезненная саморефлексия, иррационализм, пессимизм и новые утопии социальной гармонии.

А за плечами России был век Петра и Екатерины, век, расколовший Отечество на два «враждебных склада жизни» (В.О. Ключевский), – европеизированный, петербургско-имперско-дворянский, и старомосковский, традиционно-патриархальный. И этот раскол в большой мере определит судьбы страны. Русская мысль просыпается, когда исторические часы указывают на «1812 год» (в широком смысле – и то, что к нему привело, и его последствия), который занес нас в Париж, произведя русского царя в «главу царей». Но и в недавнем прошлом пугачевщина и незнание того, что делать с крепостным правом. Все это и многое другое, сойдясь в какой-то точке, стало причиной «большого взрыва» – рождения оригинальной и субстанциальной русской мысли (включая и социально-политическую).

Но и верхняя граница не менее значима и значительна. Национал-социалистическая революция в Германии, расцвет фашизма в Италии и салазаризма в Португалии, вот-вот разразится гражданская война в Испании, мировой экономический кризис и спасительный New Deal, энциклика Пия XI «Quadragesimo anno», явившаяся поддержкой свободной рыночной экономики и критикой капитализма с социал-реформистских позиций. А в

России – полная победа Сталина и его режима... Иллюзии развенчаны повсюду. Немецкий национализм, так радостно и бодро начинавшийся в «Замкнутом торговом государстве» Фихте, логично завершается «тотальным государством» К. Шмитта. Все продумано до юридических деталей. За работу, немецкие товарищи! И палачи, засучив рукава, принялись за дело... – «Полмира в крови и в развалинах век». – Вместе с немецкими палачами выступили, реализуя собственные и заимствованные утопии, интенсивно создававшиеся более столетия, палачи русские, итальянские, испанские и прочее, прочее.

Конец первой трети XX столетия подвел кровавую черту, разделившую социальную историю нашего времени на эпоху «слова» и эпоху «дела».

Русская мысль тоже «закругляется». Последние великие ее поколения («бердяевское» и «евразийское») уже высказались. Принципиальные вопросы сформулированы, принципиальные ответы получены. Разумеется, движение, развитие мысли не останавливаются. Однако последовавшие десятилетия *субстанциально* и *тематически* нового почти не принесли.

Это дает мне основание утверждать: русская мысль XIX – первой трети XX столетия есть некая, вполне завершенная целостность. Именно как целостность я и предлагаю ее понимать. И именно ее проекты и предложения рассматривать.

Нет, я не хочу сказать, что в Древней Руси не думали. Что лишь насильственная прививка некоторых элементов европейской культуры побудила наших прадедов к философствованию, к гнозису. И поучившись эдак около столетия, они вдруг заговорили собственным языком. Конечно, и допетровская Русь мыслила. Мы являемся наследниками великой и великолепной интеллектуальной традиции русского православия – от митрополита Иллариона до Юрия Крижанича и Симеона Полоцкого. Мы наследуем и определенные измерения византизма (модель симфонии, паламизм и т.д.). В нашем сознании, безусловно, навечно отпечатались и черты ордынства. Не в меньшей мере, чем Abendland, Русь вобрала в себя и общехристианские (т.е. поверх конфессиональных различий) идеи. В том числе эсхатологизм, хилиазм, учение о трех царствах (у нас – «Третий Рим») и др. Не стоит забывать и о языческом пласте русского сознания (как утверждают историки, весьма живучем). Однако все это не привело к становлению субстанциальной интеллектуально-философской культуры и мысли (включая социальную). И не могло привести в рамках той, московско-допетровской, цивилизации. Ей там попросту не было места; так сказать, не предполагалось.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ известное выражение, рождение русской мысли было русским ответом на французскую политическую и английскую промышленную революции. А также, о чем отчасти уже говорилось, на революцию Петра, на революцию русского сознания XVIII в. и т.д. Рубеж осьмнадцатого и девятнадцатого столетий был ознаменован вступлением России в Современность (Modernity). Это была, разумеется, Современность по-русски, или, другими словами, у России в пространстве Modernity было свое место.

Соответственно, по одежке и пришлось протягивать ножки. Ухнул «большой взрыв», и Россия «вдруг» заговорила голосами Карамзина и Сперанского. Вполне неповторимыми и современными голосами.

Итак: что же они (и те, что пришли вслед за ними; и приходили, приходили, пока всё не провалилось куда-то в небытие) завещали нам? Назовем, укажем на ряд (далеко не полный) предложений конкретных, деловых. Небезнадежных, полагаю, для русского служебного пользования.

* * *

Начнем ab ovo, т.е. с этого Николая Михайловича Карамзина, этого классического джентльмена, певца бедной Лизы и Марфы Посадницы, путешественника по закатным странам и подмосковного затворника, придворного историографа и советника царя. Ему (повторим) навек принадлежит русская история. Его миф по поводу прошлого Отечества стал одной из констант русского сознания. Миф, сводящий историю родины к истории власти, истории самодержавия. Недаром он пишет не «Историю России», а «Историю государства Российского».

Но вопрос в другом. Какова «практическая польза» карамзинского наследия. Что из его идей открыто и актуально для нас?

...В 1809 г. он знакомится с великой княгиней Екатериной Павловной, младшей сестрой Александра I. Одна из самых блестящих и образованных женщин своего времени, она имела значительное влияние и на венценосного брата, и на придворные круги. Вместе с тем открыто выступала против либерального и реформистского курса царя (главным врагом почитался находившийся тогда в зените славы Сперанский). Разумеется, Карамзин со своим резким и твердым неприятием духа первого александровского десятилетия пришел здесь ко двору. Николай Михайлович читает у ее высочества начальные тома «Истории», осваивает роли «советника царей» и своеобразного светского духовника членов императорской фамилии. (Пройдет несколько лет, и перед нами Карамзин, вольно и даже в поучающем тоне беседующий с матерью Александра I Марией Федоровной. Императрица Елизавета Алексеевна читает ему свои дневники, дойдя же до мест «слишком интимного свойства», протягивает тетрадь, и Карамзин дочитывает молча.)

В 1811 г. по просьбе великой княгини он пишет «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Специально для Александра I, чтобы объяснить ему, *что такое* Россия и как надобно с ней поступать. А также: показать всю пагубность либеральных реформ, которые начал царь со своим молодым окружением, а продолжил М.М. Сперанский. Обстоятельства возникновения этого произведения крайне показательны. Точно так же во второй половине XX столетия по инициативе того или иного крупного партийного начальника будут готовиться для генсеков, членов и кандидатов в члены ЦК секретарей ЦК различного рода записки, доклады, проекты относительно «древней и новой России» во всех ее отношениях. Иначе говоря, это коренное наше качество: политическая мысль, апеллирующая к Власти и только к Ней, и Власть, снисходительно разрешающая это. Но только, чтобы интимно, «сов. секретно», эксклюзивно. Чтобы ни в коем случае общество об этом не знало. Чтобы все было сплошной эзотерикой. И ни-ни, чтобы напечатать. «Записку» Карамзина, кстати, и не печатали...

Так явилось на свет произведение, которое каждому русскому, собирающемуся во власть, пишущему или говорящему о власти, следует знать назубок (а это ведь уже большинство русских людей; рассуждение по поводу власти есть чуть ли не характернейшее национальное качество; и в этом смысле,

быть может, искомая ныне верхними чиновниками и их интеллектуальной службой «Русская идея» и есть «Идея Власти» (ее формула), адекватная потребностям сегодняшнего времени). Государственные деятели и политики Запада проходят свой «кликбез», изучая «Государя» Макиавелли, нашим, повторю, было бы полезно обратиться к «Записке»: это и автореферат «Истории государства Российского» (а знать историю действительно полезно), и наставление власти, как ей «обустраивать» (а не разрушать) Россию.

И еще в одном отношении «Записка» оказалась новаторской и символической. Впервые в нашей истории представитель общества выразит более консервативные позиции, чем те, что занимает Власть. Карамзин твердо отстаивает идею незыблемости господствующего порядка, открыто критикует легкомысленные (по его мнению) и противоречащие русской органике либерализацию и «модернизацию». В **таком** контексте «Записка» стала предшественницей многих позднейших «предупреждений» Власти. Если сравнивать ее с подобными документами современной эпохи, то ее, видимо, следует поместить где-то между «Не могу поступиться принципами» и «Как нам обустроить Россию». Первая наследует яростную, горячую принципиальность «Записки», вторая – мудрое и неспешное охранительство.

В марте 1811 г. Екатерина Павловна представляет Карамзина императору. Тот благосклонно выслушивает главы из «Истории государства Российского» и рассуждает с автором о самодержавии. Мнения их расходятся: мыслитель твердо отстаивает идею незыблемости господствующего порядка, самодержец склоняется к необходимости его либерализации и модернизации. Ночью, перед отъездом из Твери (где и произошла эта встреча), Александр знакомится с карамзинской «Запиской о древней и новой России». Прощается он с Николаем Михайловичем холодно...

А ведь Карамзин утверждает: единственно возможный для России политический строй – самодержавие (оно есть «палладиум России»). Само самодержавие понимается как «надклассовая», надсословная сила, обеспечивающая движение русского общества вперед (движение вперед для Карамзина заключается по преимуществу в нравственном совершенствовании народа). В ходе исторического процесса самодержавие становится все более мягким и «разумным», оно постепенно переходит от «самовластия» к своеобразному варианту просвещенного абсолютизма. Своеобразие это состоит в патриархальном («отеческом») типе правления. Монарх руководствуется не юридическим законом, а действует по «единой совести», воля самодержца – «живой закон».

Кроме того, в «Записке» содержатся и такие классические принципы (точнее, здесь они звучат впервые, «классикой» станут позднее) русского охранительного государственничества: «Требуем более мудрости охранительной, нежели творческой», «Всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому надо прибегать только в необходимости», «Для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу».

Яркими красками рисуются «идеальный тип» самодержавного правления и образ русского властителя – строгого и доброго отца, мудрого и осторожного водителя своих детей (народа), крепкого в православной вере и отстаивании заветов старины. Впервые под русским пером рождается *русский* Государь, рождается портрет вечной Русской Власти, Власти-Констан-

ты. Лишь следование за ней, лишь сохранение ее, лишь борьба со всем тем, что представляет для нее угрозу, обеспечивает русскому народу социальную безопасность и процветание. Властная Норма создана. Отныне она будет разрабатываться русской мыслью – Уваровым, славянофилами, Кавелиным, Катковым, Леонтьевым, евразийцами, Ильиным и др. Отныне все участники русской политической игры будут соизмерять себя, свои действия, свои планы и программы с *этой* Нормой. Даже не читая Карамзина, даже не зная о существовании какой-то там его «Записки»! Вот она – креативная сила русской мысли; сила, выражающая и отражающая органическую стихию, нутро, первоинстинкт («основной инстинкт») Русской Системы, т.е. того, во что оформились и перманентно (на протяжении веков) оформляются русская история и ее субъекты (тем самым, кстати, теряя свою субъектность).

Но если бы «Записка» ограничивалась только этим! Создавая идеальное самодержавие, Карамзин резко критикует самодержавие реальное. И самодержцев тоже. По сути дела, он *противопоставляет* наличному, историческому самодержавию – идеальное. Зачем? Наверное, Николай Михайлович шел на это с определенным умыслом – с *умыслом назидания, поучения*. Как не вспомнить здесь вновь, что именно в годы работы над «Запиской» Карамзин примеривается к роли «советника царей», затем придут роли светского духовника членов императорской фамилии и даже некоего светского старца. Эти странные роли (особенно последняя) вовсе не странны в той культуре, которая окончательно сложилась в России на рубеже XVIII–XIX вв. Одной из ее особенностей было то, что в «общей диспозиции» церкви отводилось очень скромное место. И многие функции «алтаря» взяли на себя другие институты. Одним из таких институтов стала литература/мысль (я намеренно объединяю их, поскольку одно мертвое связано с другим и питаются они общими соками) – «церковь» русской интеллигенции. Правда, в эпоху Карамзина «церковью» литература/мысль еще не была, в этом качестве она только созидалась. Расцвет же ее придется на вторую половину столетия. Но Карамзин приложил немало сил для ее строительства. Более того, он первый великий «старец» этой, им же творимой, «церкви». Он первый русский литератор и мыслитель, присвоивший себе право поучать власть и общество. Вслед за ним явились другие «старцы», другие «учителя»: Гоголь, Достоевский, Толстой. В советское время – Горький, сегодня – Солженицын.

Но лишь назиданием и поучением объяснить противопоставление исторического самодержавия идеальному нельзя. Здесь все и тоньше, и сложнее. И противопоставление это связано с *определенными качествами* мировоззрения Карамзина. Так, заметим, самодержавие для него есть институт сакральный, но самодержцев он критикует, как «обычных политиков». Карамзинская критика практически всех русских императоров есть типично *политическая* (по своей сути) критика. Она характерна для европейской культуры Нового времени²⁸, но ее совершенно невозможно представить в рамках той культуры, которая и выработала идею сакральной власти (в нашем случае – самодержавия). Следовательно, налицо сочетание блоков идей, принадлежащих принципиально различным типам культур – «традиционной» и современной (культуры просвещения).

Все это далеко не случайно. Дело в том, что певец русских традиций, русской архаики и русского охранительства был одновременно главной фигурой русского Просвещения (которая, по Канту, есть выход человека из состояния

несовершеннолетия). Он – первый русский независимый и автономный (от Власти) социальный индивид, социальная личность. Карамзин – первая среди русских социально субстанциальная личность²⁹. Человек, заговоривший с Богом, властью, обществом, женщиной и самим собой на частном языке, который и стал русским литературным языком – и остается (несмотря на все модификации) им и сегодня. Отсюда это, казалось бы, странное сочетание архаико-традиционалистского и современного (в смысле modern). Отсюда это сочетание несочетаемого. Отсюда весь карамзинский миф – выражение архаичного современным способом. Досовременный по содержанию и современный по форме. Это и фундаментальное противоречие, и фундаментальное качество нашей культуры. Причем по сей день!

Посмотрите на всенародно избранного (тип легитимности и форма власти соответствуют требованиям Modernity) (бывшего) президента Бориса Ельцина. С балкона резиденции патриарха в Троице-Сергиевой лавре он как-то возвестил *orbi et urbi* о том, что является президентом «от Бога». То есть Богом поставленный. Первый глава демократической России очень быстро усвоил себе манеры «царя Бориса». И стиль его правления – царский. Вот она, карамзинщина! (А на язык и на ум приходят и карамазовщина, и кармазиновщина Достоевского; разумеется, не просто так все это; и не звуковое здесь созвучие, а содержательное хотя и глубинное; к Николаю Михайловичу не относящееся). Но это лишь пример из великого множества явлений и событий, подтверждающих описанное выше качество русской культуры и тем самым актуальность Карамзина.

И еще о Карамзине. Он первым сформулировал то, что надобно знать всякому русскому политику. «Гражданские учреждения должны быть сообразаемы с характером народа: что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле³⁰. Конечно, сегодня это звучит совершенно тривиально. Звучит-то безусловно, но руководством к действию за два столетия не стало! Значит, не так уж тривиальна эта мысль Карамзина. Что касается за ней следующей, то ей и вовсе полагается быть «судьбоносной». Но ее забыли – напрочь. Надеюсь, не навсегда... «Законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств... Русское право также имеет свои начала, как и Римское; определите их, и вы дадите нам систему законов»³¹.

Это – пророческие слова. Это – задача, которую Россия еще не решила, но решить обязана. Иначе *своего* государства и общества ей никогда не построить. И пока мы не «определим» «начала» русского права, у нас не будет эффективной и адекватной «системы законов». Сделав же это, мы покончим с господствующим заблуждением относительно якобы неправовой по сути природы России. Это заблуждение губительно для отечественной истории, поскольку, с одной стороны, несет в наши души правовой нигилизм, а с другой – открывает возможность для любого иного регулятора социальных отношений. Будь то деспотия или чуждые русской культуре заимствованные юридические нормы. Все это лишь **заменители**, уродующие народный организм...

* * *

Михаил Михайлович Сперанский – и об этом надо сказать, как говорил Карл Шмитт, со всей сюрреалистической открытостью и откровенностью – есть отец-основатель всей современной русской политико-правовой традиции. И вместе с тем это, наверное, самый недооцененный отечест-

венный мыслитель. Более того, его не поняли, не захотели понять и Толстой, и Достоевский, и Герцен, и Чернышевский, и отчасти Ключевский. А ведь это почти все «наше все»! К счастью, и здесь Пушкин стоит особняком. Он называл Сперанского «Гением Блага» и всячески ухаживал за ним в свете.

Значение Сперанского становится очевидным после простого перечисления того, что он завещал нам. Того, чего русские до него не имели: правовое государство, разделение властей, конституционную схему организации власти, систему министерств, кодификацию законов, теорию элит, социальное христианство, просвещенную бюрократию. А также «по мелочи» – Царскосельский лицей, Училище правоведения, Киевский университет, систему управления Сибирью, ряд кодексов, регулировавших хозяйственную деятельность страны в XIX в., новое церковное образование. Помимо того, был крупнейшим государственным деятелем, богословом, преподавателем.

В 1809 г. он напишет «Введение к Уложению государственных законов». Наряду с карамзинской «Запиской о древней и новой России» я бы включил эту работу в список экзаменационных для кандидатов на занятие государственной должности. И если в «Записке» была создана русская Властная Норма и заложены основы господствующей у нас поныне психологии восприятия Русской Власти, то «Введение» стало конституционным текстом, Конституционной Константой России XIX–XX вв.³² Для сведения современников: «уложение государственных законов» есть практически синоним термина «конституция». В ту эпоху и ранее наши предки предпочитали говорить «уложение».

Подчеркну: здесь креативность русской мысли достигает апогея. Судите сами.

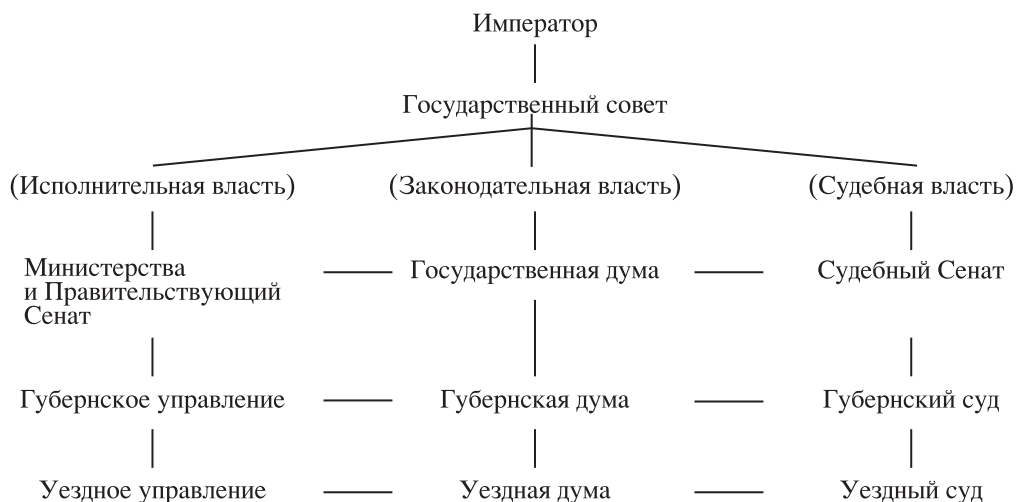
Первая русская конституция, октроированная Николаем II в апреле 1906 г., и так называемая ельцинская конституция 1993 г., подобно отечественной литературе, вышедшей из «Шинели», вышли, из властно-организационной схемы, предложенной Михаилом Михайловичем во «Введении». Нет, конечно, это не копии оригинала, однако их генетическая преемственность несомненна. При жизни самого Сперанского реализовалась лишь одна деталь его плана: был создан Государственный совет – законосовещательный орган при императоре, институция, члены которой составляли круг влиятельнейших сановников.

В эпоху «великих реформ» Александра II (ему в середине 30-х Сперанский читал лекции по правоведению и «политическим наукам») через введение системы земского уездного и губернского самоуправления и создание независимого (от власти) суда план был осуществлен на среднем и нижнем уровнях. То есть новый конституционно-правовой дом строили, как и полагается, с низа, с фундамента.

Несколько огрубляя и модернизируя (с целью опустить детали и не запутаться в частности), можно составить представление о схеме Сперанского (см. схему).

В 1906 г. дом достроили, был завершён верхний уровень. Государственный совет фактически превратился в первую палату парламента (одна половина его членов отныне избиралась, другая назначалась царем); Дума стала второй. Правительство сохраняло ответственность перед императором.

Схема государственного управления М.М. Сперанского

В 1993 г., проведя антикоммунистическую и антисоветскую революцию, Россия вновь избирает себе – по крайней мере, в ключевых моментах и на верхнем уровне – схему Сперанского. Разумеется, в соответствии с реалиями конца века. Власть президента огромна, он не «вписан» в разделение властей, а располагается над ними (в *этом* смысле – *римейк* царской власти); правительство ответственно перед президентом; Госсовет преобразился в Совет Федерации, который вместе с Думой (ограниченной, как и ранее, в реальном влиянии на политический процесс) составляют двухпалатный парламент.

Так, на протяжении почти двух столетий (за исключением социалистического периода, но об этом еще скажем) Россия живет фактически с одним конституционным текстом (сначала в теории, затем на практике), который, повторим, следует признать Конституционной Константой. А заодно – прекратить безграмотно-бессмысленные заявления о том, что Конституция-93 сделана под г-на Ельцина, а за образец взяты французские порядки. Это оскорбительно для русской истории, которая (воспользуемся метафорой Ленина) выстрадала (плоха ли она, хороша) *эту* Конституцию. Кстати, это не отменяет возможного исторического факта: (якобы) придворные юристы стремились уложить Россию под президента. Нет, это не они – «здесь дышат почва и судьба»; здесь «разряд ядра, не властного не рваться»; здесь «история орет».

И далее, мимоходом, бегло, поскольку тема разработана недостаточно. Но если это условие будет выполнено, последствия окажутся грандиозными. Николай Николаевич Алексеев, известный в качестве крупнейшего евразийского государствоведа и правоведа (на самом деле значение алексеевских идей выходит далеко за пределы этого политико-идеологического направления), в работе «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)», написанной в середине 1920-х, утверждал: «В самых общих формах при снятии монархического принципа из системы Сперанского и выходит то, что действует ныне в России в виде системы Советов»³³. Естественно, что Н.Н. Алексеев представляет и некоторые –

вполне, кстати, убедительные – доказательства этого своего тезиса. Действительно, под *определённым* углом зрения советская власть в ранней форме (до Конституции 1936 г.) напоминает организацию власти, предложенную Сперанским во «Введении». Повторю: тема требует серьезной разработки. Но и сегодня уже видно – Алексеев нащупал золотую жилу, попал в «десятку».

Это рушит все устоявшиеся воззрения на политическую историю страны! Это возводит Сперанского на высочайший пьедестал. Это опровергает мнение Ленина, что Советы суть продукт творчества народных масс, абсолютно народная форма самоорганизации и самоуправления... Да нет, не опровергает. По-своему Ленин, безусловно, прав. Трудящие люди Иваново-Вознесенска и Шуи, пролетарии Питера и полуграмотные бронштейны-носари слыхом не слыхивали о проектах Сперанского. Это – тоже «почва и судьба», тоже рев истории, ее инстинкты и повадки. Однако каков Михаил Михайлович! И это учуял, «запланировал», «напридумывал»! Вот и не верь в «пророчески-мистическую» силу русского слова, русской мысли...

Теперь несколько слов о Сперанском как теоретике элитизма. Современная политическая наука (political science) сводит политический процесс к конкуренции и взаимодействию элитных групп. Лишь элиты признаются действенными политическими «актерами». Конечно, в первой половине прошлого века political science еще не существовала. Но в разных странах мира творили мыслители, которые закладывали (как это выяснилось впоследствии) ее основы. У нас это – Сперанский. Он обнаруживал в России пять элитных образований, которые, по его мнению, держали будущее России в своих руках. Сохранение монархии он связывал с необходимостью регулирования и контроля над взаимоотношениями элит, с необходимостью иметь институт, находящийся «над схваткой». Но сейчас я хочу коснуться другой части элитистской концепции Сперанского.

Михаил Михайлович мечтал о создании в России наследственной политической элиты, аристократического политического класса наподобие того, что в Великобритании заседает в палате лордов и носит название «establishment». Именно как орган этого класса и планировался им Государственный совет империи. Зачем? Ну конечно, ему глубоко импонировала самая стабильная из политий – английская. Однако и не в этом только было дело. 5 апреля 1797 г. в истории России произошло в высшей степени важное событие. В этот день Павел I издал Акт о престолонаследии. Тем самым Россия превратилась из наследственной монархии по завещанию в наследственную монархию по закону. Этот Акт вносил в отечественную государственность реальные конституционные начала; он же избавлял страну от потрясений, преследовавших ее весь XVIII в. (да фактически и раньше, от момента становления Русской Власти, от Ивана IV). Он отменил несчастное и неудачное правило наследования престола, введенное его великим прадедом. И одновременно достроил здание примогенитуры (власть переходит от отца к старшему сыну; при отсутствии сыновей – к братьям по старшинству и т.д.).

Павел совершил главное для нормального функционирования власти – узаконил эффективный и логичный механизм ее трансляции от одного лица к другому. Как только это было сделано, Россия вступила в эпоху стабильности. Сперанский мог планировать дальнейшее развитие русской систе-

мы лишь опираясь на *этот* фундамент. Его конституция включает в себя павловский Акт. В *этом* контексте «введение» наследственной политической элиты (в основе которой и частная собственность, т.е. абсолютное, от Власти независимое, обладание неким имуществом, некоей субстанцией; и здесь трансляция – по закону – носит «объективный» характер) было вполне оправданным. И если бы Россия избрала этот путь, не исключено, что «великих потрясений» в ее судьбе было бы несколько меньше. Исторический союз наследственного монарха по закону с наследственными по закону членами Госсовета: союз, опирающийся на закон, охраняющий закон, принимающий закон и законом гарантированный, – чем не преграда всем этим стихиям и демонам разрушения, всем этим пугачевым и ульяновым?

Не удалось... Что же, Сперанскому удалось многое другое – и в первую очередь, заложить основы современного русского политико-правового мышления. А нам неплохо бы на ус намотать: проблемы трансляции власти и трансляции имущества суть центральные для устойчивого бытования общества. Михаил Михайлович помнил об этом постоянно.

* * *

Между смертями двух «отцов-основателей» – Карамзина и Сперанского, между 1826 и 1839 гг. в интеллектуальной жизни России произошли существенные изменения. Сначала явились декабристы (точнее те, кого так стали называть впоследствии, всё сформулировали и выступили раньше, но общеизвестными их идеи стали именно в этот период), затем идеология «официальной» народности и – Чаадаев. С декабризмом в Россию пришла Революция. И стала целью, способом, формой жизни нескольких поколений русских образованных людей. Одновременно это была последняя попытка нашей аристократии ограничить Власть. Последний гвардейский переворот и первое революционное выступление в одном лице – вот что такое декабризм.

И то и другое, заметим, оказалось неудачным! Власть благодаря Павлу I и Сперанскому настолько окрепла, что даже в неблагоприятных обстоятельствах отстояла самое себя. А «золотой век» дворянства, дворянократия, окончился. Для победы же Революции было еще рано. Однако вот что интересно. В рамках этого движения было выдвинуто два принципиально различных проекта (революция-проект; проект фундаментального социального изменения, т.е. реформы) обустройства России. И полярный характер эти проекты имели не только по линии декабризма. Они вобрали в себя тогда еще лишь пробивавшиеся в русской мысли тенденции. Но их витальность и креативность и в начальной стадии были столь интенсивны, что сохранились – реализуясь попеременно – вплоть до наших дней.

Павел Пестель, вождь «Южного общества», создает модель республиканского, централистского, унитарного, русифицированного, культурно- и административно-политически однородного и нивелированного государства. С господством полиции, в том числе и тайной. При этом крепостное состояние отменяется и половина всех земель отдается во владение волостному обществу. Иначе говоря, крестьяне освобождаются с землей, но она не становится их частной собственностью. Мир получает ее как «общественную землю». Таким образом, рождается следующая политико-организационная схема: «якобинская», жесткая диктатура с социальными и экономическими гарантиями для большей части населения. Схема, не «предполагающая» по-

литическую свободу и перевод крестьянства в состояние частных собственников.

Идеолог «Северного общества» Никита Муравьев строит в России федеративное государство с четко проведенным принципом разделения властей, с правительством, ответственным перед законодательной властью. Сохраняется, но резко ограничивается монархия, гарантируется политическая свобода. Крепостное право ликвидируется, и крестьяне получают в собственность землю – на каждый двор по две десятины (что для выживания в русских условиях ничтожно мало). У политико-организационной схемы Никиты Муравьева либеральные очертания: федеративное устройство с гарантиями политической свободы (в том числе и через разделение властей) и частной собственности крестьян на землю, но без социальных и экономических гарантий для большей части населения.

Различия между Пестелем и Муравьевым в самом сжатом виде можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, рабство с гарантиями, с другой – свобода без гарантий. Таковы две тенденции русской мысли, идущие от декабризма. Таковы два главных социальных проекта Русской Революции. В целом они сохранились не только до ее «победы», но и, как оказалось – до конца XX столетия. Ельцинская Россия 1990-х годов, безусловно, социально воспроизвела муравьевский вариант. Что поразительно, поскольку, наступив на грабли «гарантийного деспотизма», мы, ни на минуту не задумавшись, бросились на другие грабли – «безгарантийной свободы». И не попытались даже уравнение «рабство с гарантиями против свободы без гарантий» преобразовать в «свободу с гарантиями против деспотизма без гарантий». По-прежнему уравнение редуцировали до одной составляющей; вторая – аннигилировалась.

Что же касается проекта Муравьева, то он был «альтернативным» не только пестелевскому, но и плану Сперанского. Уже отмечалось: Михаил Михайлович был создателем русского Конституционного Текста, Конституционной Константы. Однако параллельно с этим в русской интеллектуально-политической традиции существует – причем тоже постоянно – другой текст (другая константа). Он еще ни разу не воплотился, но всегда присутствует в качестве альтернативы – альтернативы, горячо желаемой значительной частью общества. В период думской монархии (1906–1917 гг.) борьба за реализацию этого конституционного проекта сведется к лозунгу: требуем «ответственного министерства». Иными словами, речь идет о парламентской форме правления, базирующейся на принципе ответственности правительства перед законодательной властью.

Именно в этом отличие Муравьева от Сперанского. У последнего, как мы помним, правительство несет ответственность перед императором (в конституции 1906 г. тоже, 1993 г. – перед президентом, «выборным монархом»). Никита Муравьев первым в России убедительно сформулировал принцип парламентского правления, хотя, конечно, его оригинальность как мыслителя типически русская: заемная (в данном случае североамериканская) модель пересаживается на нашу почву, затем начинается процесс подгонки; если мыслитель настоящий, а не фиговый, «заемность» подгоняется под русскость; в противном случае наоборот.

Но декабристы стали отрицанием (во многом) не только Сперанского, на идеях которого выросли. Другой учитель, не менее великий – Карам-

зин, – был тоже отвергнут. Всем известно **это**, классическое: декабризм есть критика «Истории государства Российского» вооруженной рукой. Данное выражение **столь** классично и столь часто подвергалось всевозможным комментариям, что освобождает меня от поиска каких-то новых коннотаций. Скажу лишь: идейно различие между Карамзиным и декабристами установил тот же Никита Муравьев. Карамзин, по мнению декабриста, полагал, что «история народа принадлежит царю». Муравьев утверждал, что «история принадлежит народам».

Таким образом, он отвергает один из основополагающих мифов русской мысли – карамзинский миф о России, миф, сводящий историю России к истории русской Власти, Самодержавию. Никита Муравьев обнаруживает в русской истории ростки гражданского общества, одним из первых теоретиков и сторонников которого он и стал у нас (по *этой* линии его ярчайшими и серьезными «наследниками» были в целом чуждые муравьевскому духу славянофилы).

В этом контексте и следует рассматривать политико-организационную схему Муравьева. Она соответствует реальности гражданского полисубъектного общества. Она не Властечентрична и не «предполагает» в качестве фундамента социальный консенсус по поводу Власти. Она «рассчитана» на эволюцию русской цивилизации в сторону антропоцентричности. Говоря несколько иначе, муравьевский проект подобен западным конституциям, главный субъект которых, напомним, гражданин, гражданское общество, нация.

У нас же главный субъект Конституции – Власть, порождающая, «октроирующая» самую конституцию (1906, 1993 гг.). Таким образом, Власть дарует обществу Основной закон при условии и на условиях признания ее главным субъектом этого Закона. Ну а такое признание возможно лишь на основе *общего* для всего социума (в лице его ведущих акторов) понимания природы и механизма функционирования Власти. Повторю: конституции Николая II и Бориса Ельцина *par excellence* таковы.

Это – принципиальное различие между двумя властными моделями. Отечественная публика полагает (и полагала), что конкурируют «президентская» и «парламентские» республики, а на самом деле – два различных типа общества с соответствующими им политико-организационными структурами. Западное гражданское общество в зависимости от национальной или историко-ситуативной (как во Франции) специфики с большим или меньшим успехом (но успехом!) отливается и в президентскую, и в парламентскую модели. В России под псевдонимами «президентский» и «парламентский» типы правления прячутся два различных типа общества. Точнее – две властные схемы, корреспондирующие тому или иному варианту социума: «президентский» – традиционно Властечентричному, «парламентский» – возможному (в обозримом будущем – основания для этого *сегодня* есть; но страстно желаемому издавна) полисубъектному, антропоцентричному, гражданскому обществу. (Конечно, это не означает принципиальной невозможности для русского полисубъектного общества избрать себе президентскую форму правления; я лишь подчеркиваю *историческую* связность в России двух властных моделей с двумя вариантами социального развития.)

Вот что такое по сути проект Сперанского и проект Муравьева. При этом я не хочу сказать, что конституционный план Сперанского «отвергает» граж-

данское общество: вовсе нет. Более того, сам Михаил Михайлович был крупным теоретиком и безусловным сторонником *этого* типа социума. Но его конституционный план (так исторически сложилось) как-то очень органично «вписался» во Властечетричность и стал даже ее правовым оформлением. Хотя сам план этим не исчерпывается. Это русская жизнь **так** приспособила к себе и под себя идеи Сперанского.

Конечно, «президентская» республика (или ранее русская монархия) есть юридическая форма отцовской власти и отражение гетерономистской формы сознания (согласно терминологии Канта «гетерономия» – подчинение извне приходящим нормам). «Парламентская» республика (или ранее лозунг «ответственного министерства» в условиях сохранения и – одновременно – ограничения монархии) **должна** соответствовать гражданскому обществу (обществу «совершеннолетних», не нуждающихся в патерналистской власти, власти отца-опекуна) и автономистской форме сознания («самопорождающей» нормы – также по Канту). Но я не случайно выделил глагол «должна». Прежде мы обязаны точно знать, что русское общество таково, что оно готово взять на себя ношу громадной ответственности.

* * *

И еще немного об эпохе 1826–1839 гг. В начале 1830-х приходит граф Сергей Семенович Уваров с триадой «Православие. Самодержавие. Народность». По заказу императора рождается первая официальная идеология, первая государственная идеология. **Обязательная для всех**. Это как раз то, что совсем недавно пытались сформулировать по распоряжению первого президента России. Правда, пользовались эвфемизмом – «Русская идея». Больно уж термин «идеология» скомпрометирован. Что в «официальной народности» было совершенно внове русскому уму той эпохи? Негативное отношение к Западу. Более чем вековой период подражательства и заимствований закончился. Россия, по крайней мере отчасти, возвращалась к традиционному для нее восприятию Запада – отрицательному, критическому. А в русском сознании прочно утверждалась дихотомия «мы – они», «Россия» – «Европа».

Вообще-то, враждебное отношение к Европе не бог весть какое новшество. Оно красной нитью проходит через историю последних столетий допетровской Руси. Но это уваровское, антизападничество обретает иные черты. Отныне процесс *самоопределения* России, русского и русских будет обязательно включать в себя и некое представление о Европе – как правило, негативное, причем даже у западников (но это особая тема), и сопоставление себя с Европой, и заимствования у нее, и выработку оружия для борьбы с этой «гниющей блудницей» и одновременно «страной святых чудес».

Неудивительно в *этом* контексте, что идейный наследник Сергея Уварова (в определенном, разумеется, смысле – весьма ограниченном) скажет: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия... Европа так же точно была отечеством нашим, как и Россия». И еще: «...Русский... получил способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец». Это устами своего любимого персонажа Версилова («Подросток») говорит ярчайший антизападник Федор Достоевский. Теперь, вот уже два века, русское сознание может быть *противуевропейским* или *проевропейским*, однако не *внеевропейским*.

Внешне, это, конечно, парадоксально; «самобытник» Уваров утверждает – пусть через «враждебное слово отрицанья» – нашу связность с Европой, наши какие-то с ней счеты, нашу с ней обреченность на общность (еще раз: пусть даже «единство и борьбу противоположностей», но ведь – и *единство!*). И здесь, как мне кажется, к месту и ко времени сказать несколько слов в защиту графа Уварова. Его оценка Пушкиным хорошо известна. Великий историк и едко-злой мемуарист С.М. Соловьев в своих «Записках» дал формулу уваровской исторической репутации. По выражению Сергея Михайловича, Уваров внушил императору мысль, что он, Николай, является творцом «какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т.е. слова: православие, самодержавие и народность; православие – будучи безбожником... самодержавие – будучи либералом, народность – не прочитав за свою жизнь ни одной русской книги... Люди порядочные, к нему близкие... с горем признавались, что не было никакой низости, которой он не в состоянии сделать, что он был кругом замаран нечистыми поступками».

Да, наверное, все так и было. Но вот что гораздо важнее. Вся (в целом) русская культура классического и золотого XIX столетия была православием безбожников, самодержавием либералов и народностью людей, не читавших русских книг. Уваров лишь картинно-показательный образец персонификаторов этой культуры, да еще и человек, произнесший заветные слова. Утонченный и искушенный западник, стоявший у истоков русского самобытничества.

Эту характеристику Уварова и им отчасти порожденной русской культуры (хотя многие с этим не согласятся) можно дополнить еще одним, «зеркальным» измерением: атеизм православных, либерализм самодержавников, русские книги, выросшие из чтения европейской литературы. Вот он, наш XIX век! Вот он, граф Сергей Семенович! И заметим, эта культура в своих первоначальных интуициях и конечных выводах совсем не умерла в России, «которую мы потеряли». Это ведь и сегодняшнее русское самоощущение и мировосприятие...

Но уваровская «система» – это и русский ответ Французской революции. Каждому элементу их триады *со-ответствовал элемент нашей триады*. «Православие. Самодержавие. Народность» versus «Свобода. Равенство. Братство». А еще Уваров учил: самодержавие не есть только и просто историческая форма русской власти. Это – Константа нашей истории; это – вечная Русская Власть. Другой не было и не будет. То же можно сказать о Православии. Впервые прозвучало: русский = православный; если не православный, то не русский. В «народности» были заложены и антизападничество, и редукция высоких и сложных форм культуры к «элементарным», «простонародным».

Как это все живуче! Как близко нашему времени! Да и всем пришедшим после уваровского открытия. Власть каждый раз возвращается на круги своя в качестве самодержавной. А уж какие силы выставлялись против этой Субстанции. Даже институт выборов ей не помешал. И убежден – в обозримом будущем в Кремль по-прежнему будут приходить самодержцы. Поначалу-то, конечно, самодержцами они могут не быть, но затем русские условия заставят их пойти по исторической колее... И православие даже после истребления *почти всех* священников потихонечку встает на ноги. И все увереннее наставляет: если русский – значит православный. А начальник со свечой в

храме – это такая же примета времени, как мобильный телефон, рассказы о заграничных поездках и убегание от налоговых служб; это – примета удачи, обязательный ее аксессуар.

Что же касается народности, то она переживает ныне чуть ли не эпоху «акмэ». Это просто товарищи патриотически настроенные писатели не поняли, не догадались. Они думали: народность – «бабы в сарафанах, мужики с балалайками и замученный евреями Есенин», о котором Анна Ахматова сказала «Очень плохо, очень однообразно, и напомнило мне нэповскую квартиру: еще висят иконы, но уже тесно, и кто-то пьет и изливает свои чувства в присутствии посторонних... Все время – пьяная последняя правда, все переливается через край, хотя и переливаться-то, собственно, нечему». Замечу, это не оценка поэта поэтом, это человек высокой культуры о «народно-простонародном» есенинском мифе... Так вот народность как редукция высоких форм к низким и есть знамение нашего времени. Заготовленная на Западе специально для «пролов» (сытых и физиологически опрятных) «маскультура» очень хорошо пошла здесь, на просторах бывшего СССР, бывшей Российской империи. Нам, выросшим на русско-советской народности (ее позднекоммунистический ярчайший выразитель – Алла Пугачева, которая, по словам моего покойного учителя профессора Николая Никаноровича Разумовича, принесла на эстраду свежую струю советской торговли), как ни полюбить было всю эту латино-северо-американскую сарафан-балалайщину, всех этих просто-санта-барбаро-марий...

Приходится признать: Уварову удалось редкостное. В трех словах передать, выразить важнейшие, конститутивные стороны русской психеи. Эта триада наряду с «Москвой – Третьим Римом» и коммунизмом принадлежит к важнейшим идеологиям русской истории. Но третьеримская и коммунистическая теории суть универсалистские, не русские по происхождению, по истокам. Они усвоены и переработаны под себя русскими, но не порождены ими. Это в конечном счете универсалистские схемы – в контекст которых *вписывается* Россия. Уваров же говорит *только* о России. Учительный старец Филофей и «старик» Ильич создают, так сказать, *про-русские* схемы, про-Русь-Россию в рамках мирового процесса. Уваровская – же не прорусская: но единственно русская формула самоопределения России. Это уникальное партикуляристское русское уравнение: Россия = Православие + Самодержавие + Народность.

В сравнении с ним ленинское «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» с ходу проигрывает. Ни слова о России; к тому же оно какое-то инженерно-безличностное, унылое. «Москва – Третий Рим», напротив, по красоте, эстетике, поэзии, вполне сопоставимо: особенно эти: «падоша», «не быти», «аки тать в нощи» и т.п. Но это все-таки «всеобщая история», как, впрочем, и коммунизм. Нет в них той домашности, той самодостаточности, того органического чувства, которое испытывает всякий русский, возвращающийся из мировой истории к себе, в свою. Это то, что переживал Пьер Безухов, оставляя блестящий Петербург и вступая в «белокаменную». «В Москве, как только он въехал в свой огромный дом с засохшими и засыхающими княжнами, с громадной дворней, как только он увидел, проехав по городу, эту Иверскую часовню с бесчисленными огнями свеч перед золотыми ризами, эту кремлевскую площадь с незаезженным снегом, этих извозчиков и лачужки Сивцева Вражка, увидел стариков москов-

ских, ничего не желающих и, никуда не спеша, доживающих свой век, увидал старушек московских барынь, московские балы и московский Английский Клуб, он почувствовал себя дома, в тихом пристанище. Ему стало в Москве покойно, тепло, привычно и грязно, как в старом халате».

Или Александр Блок: «Три раза преклонится долу, / Семь осенить себя крестом, / Тайком к заплеванному полу / Горячим прикоснуться лбом. / Кладя в тарелку грошик медный, / Три, да еще семь раз подряд / Поцеловать столетний, бедный / И зацелованный оклад». Ведь и в уваровской «системе», отразившей всю эту двойственность русской культуры (о которой уже говорилось), звучит блоковское: «Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне».

Это толстовско-блоковское чувство всегда было и остается поныне коренным свойством русской культуры. Особой силы оно достигло в поэзии Б. Пастернака. «Из кухни вид. Оконце узкое / За занавескою в оборках, / И ходики, и утро русское / На русских городских задворках».

Иными словами, Филофею и Ленину не Россия мила, а участь, ей выпавшая. А Уварову мила и *эта, такая Россия*. Вот почему, нравится это нам или нет, его триада **всегда** будет греть русское сердце. И нам как минимум стоит это знать и не сбрасывать со счета, с исторического счета...

В 1836 г. напечатано первое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева. И в развитии русской мысли начинается новая эпоха зрелости. По сути дела, основные темы уже сформулированы: философия истории, и русской в особенности, избранничества России, противоположности Западу, исторической отсталости, определяющей роли религиозного начала для любой культуры, исторической самокритики или критики исторического опыта и некоторые другие. Это было мощное завершение пушкинского периода русского развития и одновременно начало «сороковых годов». Времени славянофилов и западников.

* * *

Невероятную с точки зрения классического либерализма модель политического обустройства России предложил один из классиков отечественного либерализма К.Д. Кавелин. Следует подчеркнуть: этот мыслитель действительно был по своим убеждениям либералом, но – либералом типически русским. То есть с большой склонностью к социализму (Чичерин и Милуков здесь скорее исключения), с подозрением (вплоть до отрицания) к частной собственности, с отказом от разделения властей, конституции и т.д. Однако здесь не место развивать эту тему; Кавелин – в контексте данной работы – интересует нас как предшественник русской политической науки, как важное действующее лицо русской предполитологии.

Каким же видит он тот строй жизни, который ограничен и поэтому единственно возможен для России? «Позвольте мне... напомнить вам одно очень умное слово Ю.Ф. Самарина. Он где-то сказал: “В идеале русском представляется самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народным мнением”. Мне кажется, что это вполне верно. Тут выражено органическое единство власти и народа, а так как народ, без сомнения, по самому существу своему самодержавен, то единая с ним власть ео ipso (тем самым. – Ю.П.) должна быть самодержавной»³⁴. Это, так сказать, общая формула. Но име-

ется и расшифровка того, что есть «самодержавный народ» и как реально воплощается «органическое единство власти и народа» (кстати заметим, политическую формулу западник Кавелин практически заимствует у славянофила Самарина; вот вам и раскол русской мысли на западничество и славянофильство! Вот вам русское либеральное западничество!).

Сначала о «самодержавном народе». Это такой народ, который «убережен судьбою от принципов римских (т.е. в первую очередь от института частной собственности; вообще от правовых принципов. – Ю.П.), уже и теперь не знает сословных разделений»; народ – «как нельзя более веротерпимый и стремящийся к осуществлению своего исторического идеала не в грубой конституционной борьбе большинства с меньшинством, но в общинном единогласии под эгидой самодержавной власти»³⁵. Причем Кавелин уверен, что «семидесятиmillionный крестьянский мир не пойдет ни за дворянством, ни за буржуазией»³⁶.

Далее: о том, в какой властной форме осуществится «органическое единство» самодержавия и народа-крестьянина. «Царь есть единственный и самый верный оплот крестьянства против аристократических или мещанских (читай: буржуазных. – Ю.П.) конституций; он и в будущем лучшая гарантия против возникновения всяких привилегированных правящих классов. И нет сомнения, что всею массой своей, дружно и уверенно Россия может идти только за самодержавным, т.е. свободным (!!! – Ю.П.) царем, не зависящим ни от бояр, ни от плутократии. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как – *самодержавная республика*»³⁷.

Этот «небывалый» политический строй – самодержавная республика (!!!) – и должен будет провести *социалистические* преобразования в России. (Как бы хотелось, чтобы этот текст увидели современные отечественные либералы; в наивности своей они и не подозревают, что русский либерализм родился как социал-либерализм и одно из важнейших измерений – социалистическое; кстати, и западный либерализм вот уже несколько десятилетий во многом социал-либерализм; могу напомнить известные слова классика европейского либерализма XX в. Ральфа Дарендорфа: «в своих лучших проявлениях наше столетие было социал-демократическим и мы – либералы – тоже социал-демократы»). В общем же Кавелину видится такая страна: «Я начинаю с крестьянской общины, вполне автономной во всех делах, до ее одной касающихся; затем союзы общин уездные и губернские или областные со своими выборными представительствами: а целое завершится общим земским собором под председательством самодержавного, наследственного царя. Для того наследственного, чтобы не было борьбы партий и смуты при его избрании, для того самодержавного, чтобы он мог быть всегда царем *всех*, а не того случайного большинства, благодаря которому он бы царствовал»³⁸.

Таково политическое кредо Кавелина. Еще раз подчеркнем: в нем нет места традиционным либеральным идеям и ценностям. Напротив, всему этому объявляется война не на жизнь, а на смерть. Кстати, для Кавелина характерно онтологическое неприятие интеллигенции («Если верховная власть и действует иногда как бы в согласии с интеллигенцией, так это с ее стороны только временная ошибка, со стороны интеллигенции – это злой расчет»³⁹). Единственные же позитивы его *либеральной* программы, как мы видим, – социалистически-общинный уклад, пронизывающий Русь по всей социальной

горизонтали, и самодержавие – организующий принцип властной вертикали. При этом, повторим, социалистически-общинный народ «самодержавен», а самодержавие – «народно». И эти предикаты не случайны. Здесь устанавливается *внутренняя, сущностная* (а не внешняя, формальная, юридическая) связь царя с народом и народа с царем. Это даже не связь в привычном смысле этого слова, а некая диффузия друг в друга. Это не мужское и женское начала, но мужско-женское или женско-мужское. Это – *социальный андрогин*. Для понимания такого организма не подходит веберовская социология с ее типами господства и рациональности. Перед нами – скажем это с некоторой иронией – воплощенное *всеединство*.

Поразительным образом – но об этом в скобках, кратко, мимоходом – совершенно неожиданно эти идеи Кавелина оказались близкими, родственными идеям другого русского гения – Константина Леонтьева. Внешне это полностью чуждые друг другу люди. Трудно представить себе мыслителей более несхожих. Общее у них только имя... И тем не менее оба (эти «полюса») – в конечном счете – думали об одном. Лидер русского либерализма и лидер русской (жесткой, «без страха и упрека») реакции думали об одном и, определим это герценовским словом, «**одинако**». Это одно: как самодержавный тип власти сохранить и соединить с общинно-социалистическим народом, вообще с социализмом (да и убрать с дороги то, что мешает этому). Безусловно, у каждого были свои побудительные мотивы, резоны, целеполагания, характеры и темпераменты. Для нас же – сейчас – важно то общее, что их связывало, поверх, казалось бы, непреодолимых барьеров, и то, что важно для формирования русской науки о политике.

За полтора года до смерти (умер осенью 1891 г.) бедный, больной, несчастный, ослепительный и великий Константин Леонтьев, не очень-то и веря, но с последней (а на что еще? – могу подтвердить я более чем через сто лет) надеждой, напишет: «Иногда я думаю (не говорю, мечтаю, потому что мне, вкусам моим, это *чуждо*, а *невольно* думаю, объективно и беспристрастно предчувствую), что какой-нибудь русский царь – быть может и недалекого будущего, – станет во главе социалистического движения (как св. Константин стал во главе религиозного...) и *организует* его так, как Константин способствовал организации христианства, вступивши первый на путь Вселенских Соборов».

А еще раньше в по-ницшевски гениальном «Среднем европейце» (чего только стоит (полное название – «Средний европеец, как идеал и орудие всемирного разрушения»)!) он желал России «заразиться... несокрушимой в духе своем китайской государственностью и могучим мистическим настроением Индии». Затем соединить их в нечто цельное и «подчинить им европейский социализм». И все, честно говоря, исполнилось. Не беда, что вместо православного царя явился Председатель Совнаркома («Председатель Совнаркома, Наркомпросса, Мининдела»!). Не беда, что в «Третьем Риме» прошли не Вселенские соборы, а конгрессы Коминтерна. И европейский социализм мы подчинили себе. И китайским несокрушимым духом заразились: «Сталин и Мао слушают нас», «Русский, китаец – братья навек», «Эта местность мне знакома, как окраина Китая». И могучее мистическое настроение Индии не минуло нас. Иностранной отдел ОГПУ через художника и мыслителя Рериха, через эмиссаров Коминтерна соединил советский социализм с этим

древним духовным источником. *По сути* исполнилось все. Все, о чем мечтал Константин Леонтьев.

Впрочем, как и Константин Кавелин. Безусловно, властный строй СССР можно квалифицировать как «самодержавную республику». Безусловно, система советов («союзы общин уездные, губернские или областные со своими выборными представительствами» – внизу и «общий земский собор», пленум ЦК плюс Верховный Совет – во главе) была народна, а сам советский народ – самодержавен. То есть без всяких там «римских принципов» социалистичен. Вот только власть генсека не была наследственной. Этот-то «пустячок» и пустил под откос «наш паровоз», который «летит вперед» (конечно, не одно лишь это...).

Но никогда еще в русской истории власть не была столь народной, а народ – столь властен. Над формулой такого всеединства, такой близости (а ведь как развел их Петр I) бились лучшие умы XIX столетия. Ленин и большевики оказались возможными именно в этой атмосфере. И ленинский марксизм в этом не противоречит кавелинско-леонтьевской формуле (на самом-то деле соавторов была тьма-тьмушая, многие поработали...). Он и укладывается в нее, и модернизирует, и адаптирует, и развивает.

* * *

Очень важный шаг в развитии русской государственной идеи был сделан критическими, свободомыслящими марксистами-ревизионистами. После первой революции они составят ядро сборника «Вехи» и прославят себя в качестве виднейших мыслителей-идеалистов, после второй революции окажутся в эмиграции и мир узнает о существовании великой русской религиозной философии. Но в период 1890–1906 гг. эти молодые люди – П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.И. Изгоев, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский – были видными марксистами, участвовали в социал-демократическом движении. Правда, их марксизм был крайне своеобразным; такими же стали и интеллектуальные плоды **этого** марксизма: скажем прямо, ошеломительно неожиданными и имеющими самые серьезные последствия.

Итак, что же за новый государственный проект был выдвинут в начале века «странными» отечественными марксистами? Обратимся к мнению А.С. Изгоева, проницательного политического мыслителя и либерального общественного деятеля. «Русский марксизм (т.е. ревизионизм. – Ю.П.), – пишет он, – был несомненно *отцом русского демократического конституционализма* (курсив мой. – Ю.П.). Внешним образом это выразилось в том, что значительная часть марксистов отдала свои силы теоретической и практической пропаганде конституционных идей в России. Внутренне это сказалось тем, что *только марксизму удалось теоретически обосновать необходимость для России конституционного строя* (курсив мой. – Ю.П.), и это обоснование было так блестяще, так оправдывалось событиями жизни, что очень скоро от старых народнических анти-конституционных иллюзий не осталось и следа. Эти иллюзии потом возродились – такова ирония судьбы – в лагере «твердо-каменных» социал-демократов из интеллигенции. Марксисты доказали, что конституции требуется ход экономического развития, что *переход к правовому строю от феодально-самодержавного обуславливается переходом от натурального, преимущественно земледельческого, быта*

к современному меновому индустриальному денежному хозяйству (курсив мой. – Ю.П.). Жизнь блестяще оправдала их теорию»⁴¹.

Но одно дело – теоретическое обоснование – пусть и блестящее – необходимости перехода к конституционному строю, демократическому правовому государству, а другое – практическое осуществление этих идей. Где тот исторический субъект, который сможет взяться и решить эту задачу? Поэтому-то «неортодоксальные марксисты не делали себе кумира из пролетариата, а добросовестно искали те социальные силы, которые способны были... перевести Россию в разряд правовых государств»⁴²... В этих поисках неортодоксальные марксисты и пришли к интеллигенции»⁴³. Дворянство было отвергнуто как разрушающийся и реакционный класс, буржуазия как еще слабое, малоразвитое и малокультурное сословие, к тому же никогда и нигде непосредственно, прямо не управляющее государством. И получалось, что «силой для конституционной реформы», «опорой конституционного строя» могут быть «только интеллигенция, лица свободных профессий, педагоги, так называемый «третий элемент», земский и городской, всякого рода технические работники, близко стоящие к населению...»⁴⁴

Таким образом, необходимый исторический субъект был найден. Однако интеллигенция, по убеждению Изгоева, была тоже не совсем готова к великой роли – 1905 год убедительно показал это. Следовательно, интеллигенции предстояло «переродиться и возродиться». «Из антигосударственной, антипатриотической – интеллигенция должна стать творческой, созидательно-государственной, по своим идеям, силой, не теряя в то же время своего духа, не сквернясь холопством, в котором морально и умственно погибло наше нынешнее служебное сословие. Из антирелигиозной, фантастически атеистичной – интеллигенция должна превратиться в группу людей действительно культурных. Она должна научиться ценить силу и значение для жизни подлинных религиозных идей, разделяемых сотнями миллионов, но в то же время не унижаться до лицемерного ханжества, убивающего человеческий дух. Из духовно-высокомерной и нетерпимой она должна сделаться истинно гуманной, отвергающей всякий террор, как физический, так и моральный. Из замкнутой в себе узкой группы теоретиков-фантазеров интеллигенция должна превратиться в широкое, открытое национальное общество умственно развитых людей, смотрящих на жизнь открытыми глазами...»⁴⁵

Понятно, что эта программа-максимум для интеллигенции звучала как-то нереалистично, уж слишком многое в себе должна была она изменить. Но Изгоев знал, о чем говорил и «что ныне лежит на весах». «Скажут, что поставленная задача не разрешима, что она утопична. На это могу дать только один ответ: разрешение его необходимо. Если не удастся создать в России государственную интеллигенцию сознательными усилиями, она в ней народится как результат целого ряда катастроф, если только за это время не погибнет и не расчленится само государство. Пока мы живы, наша задача предупреждать эти катастрофы и готовить людей, способных к творческой работе»⁴⁶.

В сущности, на эту тему шесть бывших ревизионистов и «примкнувший к ним» М.О. Гершензон и написали «Вехи». А тот скандал, который разразился вокруг «отважной семерки» («клевета», «пасквиль», «рenegатство»; да ленинская злоба, да милюковская тупость), лишь свидетельствовал об оправданности их опасений. Не понял «третий элемент», либерал-социал-де-

мократ, что «резкость и сконцентрированность... нападков на интеллигенцию тем и вызвана, что они (авторы «Вех». – Ю.П.) слишком ясно видят огромную роль, предстоящую русской интеллигенции, и сознают, как много надо сделать, чтобы она стала достойна это роли...»⁴⁷

Но в чем все-таки принципиальная новизна государственной идеи, разработанной ревизионистами? И почему ревизионизм готовил русскую интеллигенцию к восприятию государственной идеи?

Выше уже говорилось о природе той государственности, которая возникла у нас в результате преобразований Петра I. Так вот к концу XIX столетия творческая потенция *этого* властного организма начинает затухать. Нарушается и равновесие между ее «консервативной» и «прогрессивной» компонентами. Этот организм постепенно перестает соответствовать тому типу социальности, который формируется в России в ходе «великих реформ». Ослабевают и витальность основной привластной силы – либерально-консервативной просвещенной бюрократии, пережившей свой звездный час в эпоху Александра II. На повестке дня встает вопрос о необходимости выработки новой властной формулы, новой властной идеи для России. Необходимыми условиями для решения этой задачи были трезвый анализ природы петровского самодержавия, отказ от утопических проектов его «подмораживания» или полной замены чем-то совершенно иным, из него как бы не вырастающим, нахождение той социальной силы, того исторического субъекта, который мог взяться за реализацию этой новой идеи.

Эта проблема и была решена группой молодых ревизионистов в период 1890–1905 гг. России была предложена *государственная* формула – демократическое, конституционное, правовое *государство*. Эта формула соответствовала тому типу социальной, экономической, политико-правовой, социо-психологической эволюции, которую переживала страна в конце прошлого – начале нынешнего столетий. Был найден и исторический преемник просвещенной бюрократии – интеллигенция. Но интеллигенции еще предстояло возвыситься до уровня стоявших перед ней грандиозных задач. Ей предстоял труд внутреннего «перерождения» и тяжелейшая работа по организации всех творческих сил русского общества – нарождающейся в городе буржуазии, поднимающегося в деревне самостоятельного хозяина, «остатков» (впрочем, не таких уж и малых) просвещенной бюрократии. Позднее к этим силам мог присоединиться и рабочий класс, окультуренный и ведомый динамичной и конструктивной социал-демократией. Так складывался исторический блок, которому было вполне по плечу строительство в России общества «совершеннолетних».

И еще об одном очень важном элементе русской государственной идеи. Предложенная формула имела не только демократическое, конституционное и правовое измерения, но и – *социальное*. Эта тематика была блестяще разработана Б.А. Кистяковским. Он полагал, что правовое государство со временем станет «социалистическим правовым государством». По его мнению, «правовой строй нельзя противопоставлять социалистическому строю. Напротив, более углубленное понимание обоих приводит к выводу, что они тесно друг с другом связаны, и социалистический строй есть только более последовательно проведенный правовой строй. С другой стороны, осуществление социалистического строя возможно только тогда, когда все его учредения получают вполне правовую формулировку». Термин «социалисти-

ческое правовое государство» не должен отпугивать современного читателя. Это понятие принадлежит своей эпохе. На языке сегодняшнего дня оно звучит так – «социальное правовое государство». Его мы можем обнаружить, например, в Конституции ФРГ. А смысл заключается в том, что демократические принципы распространяются не только на политико-правовую сферу жизнедеятельности общества, но и на социально-экономическую. Подразумевается необходимость дополнения демократии политической демократией социальной и экономической. Право же выступает основным инструментом реализации демократических принципов.

Следует сказать, что впервые эти идеи появляются (почти одновременно) у классика немецкого либерализма Фр. Наумана, с чьим именем связано зарождение социального либерализма, у теоретиков германской социал-демократии начала XX в. в учении об этическом социализме⁴⁸ и у русских ревизионистов. Кистяковский же обосновывал необходимость соединения принципов социализма и правового государства также и с точки зрения хозяйственной эффективности. Для капитализма его времени были характерны кризисы и анархия производства. Покончить с ними, считал он, можно лишь с помощью социалистических механизмов, которые упорядочат процесс производства и сделают более справедливым механизм распределения материальных благ.

Но, повторяю, не надо «пугаться» слова «социализм». У ревизионистов он означает наиболее справедливый и высший тип социальной политики (кстати, сам Кистяковский впоследствии отказался от термина «социалистический строй» в пользу термина «социально-справедливый строй»).

Так русская политическая мысль в виде марксистского ревизионизма сделала принципиально новый выбор. Говоря языком Канта, – выбор в пользу *автономии*, автономистского типа сознания, выбор в пользу правового государства. И хотя идея Rechtsstaat не была внове русскому сознанию (Сперанский, Муравьев, Чичерин, Соловьев и др.), именно в рамках ревизионистского марксизма она получила *практическое* обоснование. То есть доказательство возможности построения у нас, на Руси, *такого* типа власти. Великая заслуга этих мыслителей состоит в том, что им удалось – в высшей степени убедительно – связать *желательность* правового государства с потребностями и логикой социально-экономического развития России.

* * *

Как известно, события 1905 г. привели к существенному изменению государственного строя России. И вместе с тем они стимулировали разработку новых подходов к теме «государство». Так, к примеру, в марте 1908 г. П.Б. Струве напишет: «...Русская революция научила меня живо ощущать и понимать что такое **государство**»⁴⁹. Действительно, сразу же после ее затухания он приступает к написанию «Книги размышлений о государстве и революции». И хотя она оказалась незавершенной, из этих набросков вырастает замысел «Вех». Некоторые фрагменты автор публикует самостоятельно, в виде отдельных статей. Их появление встречено обществом бурей непонимания, несогласия, негодования. Особый шум вызывают две работы – «Великая Россия» и «Отрывки о государстве».

Сначала (в январе 1908 г.) появляется «Великая Россия». В ней Петр Бернгардович формулирует несколько *принципиальных* и *неожиданных* (для рус-

ского общества) положений. Первое. «Можно как угодно разлагать государство на атомы и собирать его из атомов, можно объявить его «отношением» или системой «отношений». Это не уничтожает того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия»⁵⁰. Второе. Этот закон гласит следующее: «Всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически «самодержавное» или «суверенное», но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным значит обладать непременно «внешней» мощью»⁵¹. Третье. Не внешняя политика является продолжением и следствием внутренней, а наоборот. Внутренняя политика должна исходить и «подчиняться» императивам внешней. «Оселком и мерилom всей т.н. «внутренней» политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует т.н. внешнему могуществу государства?»⁵². Четвертое. «...Государство есть «организм», который во имя **культуры** подчиняет народную **жизнь** началу **дисциплины**... Дисциплина, в свою очередь, есть основное условие государственной мощи»⁵³. Пятое. «Дух государственной дисциплины был чужд русской революции»⁵⁴. Но и русской реакции тоже. Шестое. «Как носители власти до сих пор смешивают у нас себя с государством – так большинство тех, кто боролся и борется с ними, смешивали и смешивают государство с носителями власти»⁵⁵. Иными словами, в России и реакционеры, и революционеры путают «государство» с конкретными физическими лицами, в *данный* момент отправляющими властные функции.

Заключает этот теоретический этюд следующий пассаж: «Государство должно быть революционно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку это подрывает его могущество. Это «закон», который властвует одинаково и над династиями и над демократиями. Он низвергает монархов и правительства; и он же убивает революции. Понять это, значит понять государство в его истинном существе, заглянув ему в лицо, которое, как лик Петра Великого... «прекрасно» и «ужасно»»⁵⁶.

Через несколько месяцев (в мае 1908 г.) публикуются «Отрывки о государстве», в которых Струве развивает тему: «Государство есть существо мистическое», – заявляет бывший социал-демократ и (de facto) бывший кадет⁵⁷. Мистичность же государства «обнаруживается в том, что индивид иногда только с покорностью, иногда же с радостью и даже с восторгом приносит себя в жертву могуществу этого отвлеченного существа. Ницше говорил о холоде государства. Наоборот, следует удивляться тому, как это далекое существо способно испускать из себя такое множество горячих, притягивающих лучей и так ими согревать и наполнять человеческую жизнь. В этом именно и состоит мистичность государства, что, далекое индивиду, оно заставляет жить в себе и собою. Говоря это, я имею в виду не те технические приспособления государства, как упорядоченного общежития, которые служат индивиду, а сверхиндивидуальную и сверхразумную сущность государства, которой индивид служит, ради и во имя которой он умирает. Мистичность заключается именно в этой полнейшей реальности сверхразумного»⁵⁸.

Струве утверждает, что сверхразумная природа государства выражается и выражает себя в его стремлении к могуществу, «мощи во вне». С этим стремлением связано «империалистическое» измерение государства, госу-

дарственный империализм – «забота о внешней мощи государства». Но оно обладает и другим измерением – «либеральным» («забота о справедливости во внутренних отношениях»). Таким образом, империализм и либерализм суть конститутивные элементы государственности вообще.

В «Отрывках о государстве» делается также важное наблюдение по поводу природы власти: «Жизнь государства состоит, между прочим, во властвовании одних над другими. Давно замечено, что власть и властвование устанавливают между людьми такую связь, которая нерациональна и сверхразумна, что власть есть своего рода очарование или гипноз»⁵⁹.

Таким образом, по Струве, мистическим (сверхразумным, нерациональным) характером обладает не только государственное, но и властное. Однако и более того – все то, что связано с государством и властью, а именно: нация, культура, язык. Или, иначе говоря, мистичен весь этот круг явлений: государство – власть – культура – нация – язык. В подтверждение этой своей мысли Струве с сочувствием цитирует Вильгельма Гумбольдта: «Мне всегда казалось, что тот способ, каким в языке буквы соединяются в слоги и слоги в слова, и каким эти слова в речи спрягаются между собою, сообразно своей длине и своему тону, что этот способ определяет или указывает умственные и в значительной мере моральные и политические судьбы нации». Для самого же Петра Бернгардовича мистичность государства лучше всего подтверждается историей Североамериканских штатов. «Идеи... могут создать государственность... Так, идея свободы, перенесенная пуританами в леса Северной Америки, создала там новую государственность»⁶⁰.

Надо сказать, что в этих статьях 1908 г., написанных еще по горячим следам первой революции, представлен (разумеется, *in puse*) тот подход к государству (к «государству» вообще, а не только русскому государству), который в окончательном виде будет сформирован на Западе в межвоенный (20–30-е годы XX в.) период. Таким образом, Струве в очередной (но не в последний!) раз оправдывает свою репутацию первопроходца. Что же касается русской мысли вообще, в целом, то этот интеллектуальный прорыв подтверждает мой тезис: в эти годы она становится *современной* (*modern*). Как, кстати, современной становилась и Россия...

Что же касается нового подхода к государству в межвоенный период, то прежде всего он связан с именем Карла Шмитта. «Бывают странные сближения». И это, наверное, тоже может вызвать некоторое удивление. Хотя, думаю, лишь в первый момент. Если вчитаться в тексты обоих авторов, очень быстро убеждаешься в сродстве их мысли. Но не по каким-то конкретным, практическим вопросам, а по существу. А существо это таково.

Современная западная мысль, тип сознания и наука (способ рационального понимания мира и человека) родились во многом как результат спора схоластов, спора двух школ – номиналистов и реалистов. Возобладала номиналистическая линия. Затем явились Декарт, Паскаль, Ньютон, Гоббс, другие; началось «расколдовывание» действительности. Пришло Просвещение с призывом к *Homo sapiens* выходить из состояния несовершеннолетия и т.д. Что касается русской культуры и русской мысли, то их участие в этом интеллектуальном процессе в целом оказалось скромным. Более того, есть ощущение, что русский человек как будто и не знает о сути этого спора. То есть мы как бы люди «до спора номиналистов и реалистов». И еще более того, «наше все», наши гордость и совесть, к примеру, последний герой и

титан отечественной мысли А.Ф. Лосев прямо заявлял: русская философия до и вне всех этих западных интеллектуальных революций. Она – до-логическая, до-рациональная – до-, до-, до-. В «Диалектике мифа», тем не менее, А.Ф. Лосев говорит о необходимости проведения «чистки понятий» (кстати, в это же время разворачиваются партийные чистки). Это, безусловно, свидетельство того, что зловерные номиналисты проникли и в нашу обитель.

Но это – с одной стороны. С другой – в XX столетии в сфере естественных наук произошла революция. Эйнштейн, квантовая физика, Гейзенберг и т.д. – все это символы этой революции (читателю-гуманитарию содержание ее объяснили в книге «Порядок из хаоса» Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс). Науки же социальные и науки о человеке по-настоящему в революционную фазу вошли намного позже, скажем, во второй половине века. Хотя, конечно, и Мартин Хайдеггер, и Карл Шмитт, и другие вовсю развивались в этом фарватере уже в 20-е годы, да и раньше.

Развивались куда? Революция в чем? Отвечая очень общо: поиск нового соотношения между номинализмом и реализмом. При сохранении номиналистического подхода определенная реабилитация реалистического. Или – релятивизация номинализма посредством «реализации». В науках политической и государственной во главе авангарда шел Карл Шмитт.

В России же складывалась ситуация не просто неудачная, но, так сказать, дважды неудачная: «проспали» эпоху номинализма и, понятно, оказались вне игры в ходе новой революции сознания – однако не все. Петр Струве и его соратники по ревизионистскому марксизму оказались людьми вполне современными и открытыми этим *качественным* переменам.

Внешне воззрения Струве на государство представляют собой какую-то странную смесь социал-демократических, социал-реформистских и вполне позитивистских идей с «мистицизмом», апологией силы и т.п. Он одновременно либерал, социалист, консерватор, империалист, мистик и т.д. и т.п. Как же это понять? С помощью этих, таких, подобных определений понять невозможно. А вот в *ином, новом* контексте – вполне.

Струве утверждает первичность внешней политики по отношению ко внутренней. И казалось бы, ставит привычное нам понимание с ног на голову. Но для современного исследователя, прошедшего школу «мир-системного» анализа (И. Валлерстайн), это не кажется чем-то экстравагантным. Ибо, конечно, внутренняя политика всякого государства обусловлена жизнедеятельностью феномена «мир-система» (мир как система, мировая система). Просто Петр Бернгардович еще не имел адекватного научного языка и потому был вынужден новое выражать в старых терминах.

Или идея Струве о том, что государство покоится на двух китах, – «либерализме» и «империализме». В конце 20-х годов XX в. К. Шмитт в «Учении о конституции» убедительно покажет и докажет, что государство обладает двумя измерениями: либерально-правовым и властно-политическим. По сути он воспроизведет идею Струве (в целом, в общем, с некоторыми иными коннотациями).

Теперь о «мистике» государства и власти. В современной физике фундаментальным является понятие «энергия», в политической науке – понятие «власть». Причем сами политологи говорят об энергичности власти, об определенной схожести природ энергии и власти. Точно так же наука XX столетия подтверждает связь между строем языка того или иного наро-

да и властно-политической организацией этого народа. Приведенная выше мысль В. Гумбольдта, столь понравившаяся Струве, была подхвачена и научно доказана в наши дни. Речь идет об известной гипотезе Сепира-Уорфа (гипотеза лингвистической относительности). Смысл ее заключается в том, что структура социальной и политической жизни человеческого коллектива определяется типом языка. Им диктуется нормативное мышление и поведение (в том числе и государственно-политическое).

В *таком* контексте нет ничего странного, когда Струве говорит о мистике государства и власти. Нам лишь следует поместить его «мистику» в поле той науки, которая занята проблемами бессознательного, подсознания, обратимости и необратимости времени, порядка из хаоса, энтропии и т.д. Это мистика той же пробы, что звучит в словах К. Шмитта: «Сегодня каждый физик знает (раньше это было ясно лишь теоретикам познания высокого уровня), что наблюдаемый объект меняется в процессе наблюдения над ним»⁶¹. Мистика Струве сродни мистике К.Г. Юнга и квантовой физики. Скажем, известному уравнению Шредингера, которое «описывает не какой-то особый уровень реальности. В его основе лежит скорее предположение о существовании макроскопического мира, которому принадлежим мы сами»⁶². Мистическое государство-существо, государство-личность тоже своего рода феномен «макроскопического мира».

Квантовая механика покончила с «замкнутыми» физическими теориями позитивистского XIX в. Но и идеи Струве о мистике государства и власти, о первичности внешней политики, безусловно, ломают «замкнутые» концепции социального и политического, порожденные тем столетием.

С пониманием государства как особого «существа», особой «личности» связана и мысль Струве о том, что носители государственной власти не могут быть смешиваемы с самим государством. Это – нормальное номиналистическое положение, не вполне усвоенное русской культурой. Но для *modern political science* эта идея играет ключевую роль.

Следовательно, воззрения Струве на государство не только не «странны», но и совершенно современны. При этом, повторим, они обгоняли его эпоху, выдвигали русскую государствоведческую мысль на самые передовые позиции.

Но главное все-таки в другом. Для Петра Бернгардовича «государство» есть антитеза «революции». В *известном* смысле «Государство и революция» Струве (не важно, что он так и не закончил книгу с таким названием, – по существу большинство его работ об этом) подобна «Войне и миру» Толстого. «Война» для Льва Николаевича – это отрицание «мира» и «мира». В то же время она связана с ними неразрывно (по негативу).

У Струве социальное состояние «государство» прямо противоположно социальному состоянию «революция». Напомню: «Государство есть «организм», который во имя культуры подчиняет народную жизнь началу дисциплины». И еще: «Дух государственной дисциплины был чужд русской революции». Иными словами, государство является не просто состоянием, прямо противоположным революции, но и путем, средством, способом ее обуздания и подчинения культуре и дисциплине. По-своему Струве здесь близок Гоббсу и всей великой европейской традиции, идущей от него. И – полярен Ленину, у которого государство (коммунистическое) – воплощение революции, способ осуществления революции, результат революции и т.п.

При этом ленинское государство предполагает – в ходе своей самореализации – отмирание и западного nation-state, и русского государства.

В эмиграции Струве продолжил свои исследования «государства» – и специфически русского, и специфически европейского. Он пишет работу «Никита Муравьев и Павел Пестель. «Российская» (имперская) и «русская» (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» (Муравьев – теоретик «российской», Пестель – «русской»). Он подчеркивает: «В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собой связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различие между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было *в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием Империи* (курсив мой. – Ю.П.)»⁶³.

Итак, Струве фиксирует фундаментальное различие между двумя типами власти: «национально-сплоченное, национально-целостное государство» и Империя, под властными крыльями которой объединяются «разнородные в национально-этническом смысле территории». В России оба этих, противоположных, властных типа складывались одновременно, параллельно. «При Петре, – продолжает мыслитель, – национальная консолидация вчерне... почти закончилась и начался процесс построения Империи. Имперский характер образования русского государства даже в московский период имел свое яркое словесное выражение в том, что слово “государство” прилагалось не только ко всему государственному целому, но и к отдельным его частям (например, к Новгороду Великому, к Казани) и после их окончательной инкорпорации в московское государство»⁶⁴. И поясняет: «Самый яркий и законченный тип образования единого национального государства представляет в истории великих европейских народов создание французского государства. К этому типу приближается процесс образования московского государства, поскольку оно, это образование, держалось в пределах территорий, освоенных великорусским племенем, и состояло в присоединении к Москве двинских областей, Новгорода, Вятки, Пскова, Твери, Рязани. Тут чисто русские государства, и притом государства великорусские, объединились в некое единое политическое целое, с единым национальным составом. Тут не было еще Империи. На имперский путь Москва встала, когда она стала присоединять татарские государства»⁶⁵. А также («несмотря на племенное родство») Малороссию, существенную часть Польши, Грузию, Финляндию, Бессарабию и т.д.

Далее Струве говорит о специфике Российской империи: «Различие между целостно-национальным государством и многоплеменной и многокультурной империей во всяком случае имеется налицо, при наличии известных реальных бытовых условий, какие бы юридические формы ни принимало государственное устройство данного государства. Империя *может быть*, но отнюдь не всегда является, федерацией в точном государственно-правовом смысле. По определению Н.М. Коркунова, “федерация есть соединение нескольких государств для совместного осуществления союзною властью

общих им задач государственной жизни”. Историческая Россия никогда не была федерацией в этом смысле, даже если считать, что в разные исторические моменты Малороссия, Финляндия, Царство Польское с коренным ядром государства вступали в отношения или находились в отношениях какой-то “унии”.

Империя в том смысле, в каком я говорю сейчас о России, с момента присоединения Казанского царства и кончая установлением русского верховенства над Хивой и Бухарой в 1873 г., есть *понятие историко-социологическое*. Трудно и сейчас определить юридическую природу Британской империи, но не может подлежать сомнению, что Великобритания уже давно с историко-социологической точки зрения представляла империю. Такой же империей уже со второй половины XVI в. являлось и Российское государство.

Рядом с процессом сложения огромной, многоплеменной и многокультурной Российской империи происходил и процесс скрепления и сплочения этой империи цементом преобладающей национальности, русской, давно уже переросшей племенные рамки, великорусского племени»⁶⁶.

Скажем сразу: в этих рассуждениях Струве много архаичного. Нынешняя наука довольно далеко ушла от подобного понимания темы государства (правда, не наша наука, а западная...). Тем не менее попробуем увидеть, обнаружить в этой позиции, в этом способе осмысления то, что не только не устарело, но и является принципиально важным для дня сегодняшнего.

Струве связывает «государство» с «национальным». И это правильный ход. Ведь в *political science* термины «state» и «nation-state» практически синонимы. Правда, у Петра Бернгардовича основная и даже преимущественная коннотация «nation» – этнически-территориальная, у современных исследователей она – второстепенная, хотя и важная. У них «nation» в первую очередь – «общество», «гражданское общество», этнос, организованный в *civil society*, «полисубъектный социум». В принципе, если судить и по этой работе, и по всему творчеству в целом, Струве шел к такому пониманию и в значительной степени достиг его. Но не до конца. Весь вопрос в том, почему не до конца. Не сумел, не смог или... Или что-то «субстанциальное» не пустило, остановило?

Уверен: именно «субстанциальное». Он, подобно ряду других русских мыслителей и ученых, далеко не случайно не усвоил себе на все сто процентов *modern-науку*. Струве был современником Леона Дюги, сформулировавшего концепцию *nation-state*. Вне всякого сомнения, имя и идеи этого великого французского государствоведа и конституционалиста были ему известны; наверняка, Петр Бернгардович читал его работы. Как, впрочем, многих иных западных классиков XX столетия.

Имя этому «субстанциальному» – Россия. «Русский материал» сопротивляется (сопромат) *modern-науке*. Русский гений всегда немного (больше – меньше) несовременен, архаичен, провинциален. (С западной точки зрения, с точки зрения *Modernity*.) И в этом залог, *непременное условие* адекватности русской психеи, русской энтелехии. Нет, нет, это не очередная попытка «пославянофильствовать», не очередной опыт «самобытничества». Это лишь – констатация...

Конечно же, Струве не мог встать на позицию Леона Дюги. В России XVI–XVII столетий он обнаружил два по содержанию и смыслу противоположных друг другу процесса властеобразования. *Nation-state* возник в Европе

в XVI–XVII–XVIII вв. Как результат, следствие, продукт разложения феодализма (в том числе и Священной Римской империи германских народов) и Великой капиталистической революции. Затем в XIX столетии некоторые «национальные государства» становятся колониальными империями. При этом они не только не перестают быть «nation-state», но и совершенствуются в этом. После отпадения колоний эти страны по-прежнему сохраняются как «национальные государства».

У нас в те же самые исторические эпохи каждый шаг власти в сторону «национально-целостного государства» был одновременно движением по направлению к империи, имперскому устройству. Струве говорит о двух процессах, «тесно между собой связанных и в то же время в известной мере и известном смысле расходящихся». На самом деле это был один процесс. Но чтобы понять генезис Русской Власти как один процесс, необходимо пользоваться совершенно определенной методологией исторического познания. Петр Бернгардович ее не имел и иметь не мог. Не приспели еще тогда сроки. Его величайшая заслуга состоит в том, что он указал на *принципиальное* отличие формирования Русской Власти от «nation-state».

* * *

Что же сказать в заключение этого краткого очерка идей русских мыслителей XIX – первой трети XX столетия... Вслед за дебютной стадией пришли не менее великолепные миттельшпиль и эндшпиль, которые еще не изучены и не поняты нами. Кто, к примеру, знает конституционный проект Михаила Сперанского, для кого актуальны и животворны идеи Николая Карамзина, Павла Пестеля, Никиты Муравьева, Сергея Уварова, Петра Чаадаева, Юрия Самарина? Кто держит в уме концепцию «самодержавной республики» Константина Кавелина или теорию эволюции русской общины Александра Изгоева? Кто анализировал новаторские воззрения на государство Петра Струве (и вообще русских легальных марксистов-ревизионистов) или попытку сформулировать русскую доктрину права (помните завет Карамзина), предпринятую в эмиграции Николаем Алексеевым? Да и всю его политико-правовую доктрину, да и все его воззрения на русскую политику в прошлом и настоящем? Кто усвоил основы «МЫ-миросозерцания» Семена Франка и модель перехода России от коммунизма к иному состоянию, предложенную Иваном Ильиным?..

Русская мысль лежит перед нами большой непрочитанной книгой. Ее страницы испещрены знаками, которые начертаны «кровью былей» (Пастернак, «Высокая болезнь»), кровью мировой культуры и кровью русской истории. Мы, начисто проигравшие XX век, нуждаемся в этом витальном кровотоке. Это не просто одна из последних надежд, это обретение того прошлого-настоящего, которое путем наших усилий сможет стать основой нашего настоящего-будущего.

Советская посткоммунистическая Россия

Весной 2011 г. Совет по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ выступил с инициативой проведения в стране десталинизации и десоветизации. Предложенные меры и комментарии к ним авторов проекта были крайне осторожными, ограниченными и рассчитанными

ми на неопределенно длительный срок. Однако в обществе, в его подавляющей части, от крайних неосталинистов до людей, называющих себя социал-демократами и вроде бы не совсем чуждых либеральным идеям, поднялась волна благородной ярости и священной ненависти к кучке немолодых окловластных интеллигентов, верноподданно выступающих за медведевскую модернизацию. Некоторые медийно-публичные персонажи зашлись в такой истерике, как будто весьма робкие призывы к весьма ограниченному демон-тажу сталинистской системы на самом деле означали бы проведение опера-ции по концу света. И это через двадцать лет после антикоммунистической и антисоветской революции, активное участие в которой принимали в том числе и трибуны, идеологи, ныне грудью вставшие на защиту Советской Родины от зловещих танковых колонн М. Федотова и С. Караганова...

А теперь представим себе Москву 1937 года. Двадцать лет спустя по-сле свержения самодержавия и большевистской революции. Политбюро ЦК ВКП(б) учреждает Комиссию при Центральном Комитете, Верховном Совете СССР и Совнаркоме по преодолению последствий трехсотлетнего режима Романовых и помещичье-буржуазного произвола. Комиссия, в свою очередь, выдвигает следующие инициативы: создать в ЦК рабочую груп-пу по «десамодержавизации». В первую очередь работа должна коснуться исторической памяти. Предлагается пересмотреть различные памятные даты и праздновать День чекиста 20 декабря, поскольку именно в этот день в 1917 г. была создана ВЧК. Соответственно отказаться от празднования даты 7 июня (в этот день Петр I учредил в России полицию). Далее, на-чать работу по рассекречиванию архивов дома Романовых, создать сносные условия жизни жертвам преступлений царского режима, построить в СССР (Москва, Ленинград) два мемориальных комплекса жертвам репрессий со стороны старого порядка. Кроме того, запретить руководящим партийным и советским работникам восхваления династии Романовых и самодержавно-крепостнического строя.

При этом руководство Комиссии (тов. Н.И. Бухарин и К.Б. Радек) под-черкивает, что ни в коем случае речь не может идти о закрытии хотя бы од-ного храма и разрушении многочисленных памятников (в СССР) Николаю I, Александру II, Александру III, Николаю II и другим российским историче-ским деятелям.

Однако эти предложения Комиссии были встречены шквалом негодо-вания, который прошел по бескрайней советской земле и за ее пределами. Возмущение трудящихся СССР и всего мира было беспрецедентным. От-поведь этим «врагам России» дали тов. Ежов, Ворошилов, Вышинский, Бе-рия. Они заявили, что как бы ни старались наймиты англо-французского, германского, итальянского, японского, польского, латвийского, румынского и аргентинского империализма, они не позволят вытравить из памяти со-ветского народа победу в Отечественной войне 1812 года, подвиг русской армии в Освободительной балканской компании 1877–1878 годов, создание Периодической таблицы Д.И. Менделеева, изобретение А.С. Поповым ра-дио и бессмертные опыты И. Павлова над собаками, героическую индустри-ализацию С.Ю. Витте, «великие реформы» 60-х годов XIX в., деятельность П.А. Столыпина, русскую литературу и русские сезоны в Париже.

Надо отметить, что даже заклятый враг рабоче-крестьянского Советско-го Союза «иудушка Троцкий» из своей «зловонной мексиканской берлоги»

выразил возмущение инициативами Бухарина–Радека. А Общевоисковой российский союз в Париже (организация матерых белогвардейцев) заочно приговорила этот тандем к смертной казни...

Эту тридцать седьмого года историю я воображал себе утром 8 мая 2011 года в электричке «Москва – Гагарин» (кстати, один из самых пафосно-драматических доводов против десоветизации: у нас хотят отнять подвиг Юрия Гагарина. Мне почему-то подумалось: нет, Федотов и Караганов точно этого не хотят, а вот я бы был не против «разменять» космос на приличные электрички, на возможность безпроблемно попасть к хорошему стоматологу, учиться в классической гимназии, написать свои двенадцать книжек не на кухне, а в собственном кабинете, увидеть Париж в двенадцать лет...). Народу в вагон набилось немислимо. Мне повезло, я сидел у окна и от нечего делать вот такое придумывал... И вдруг неподалеку от меня начался стихийный митинг против десоветизации. Его «закоперщиками» стали мужик средних лет с пачкой газет «Правда», «Советская Россия», «Завтра» и т.п., проявлявший совершенно великолепную ловкость, пробираясь сквозь сверхплотную массу тел, и пожилая женщина, крашенная в ярко-медный тон, утконося и с двумя смешными бородавками на кончике носа и кончике подбородка. Они в унисон, как-то не перебивая, а дополняя друг друга, кричали, что мол завтра великий праздник, фашистов разбили, а есть некоторые, одетые с иголки, ботинки блестят, знамо где покупали, которые хотят лишить нас Победы. А это – наш советский праздник, мы здесь все люди советские, Сталин никого зря не сажал. А женщина еще в паузу добавила: мне мать говорила, что он ни одного хорошего человека не убил, ни одного. Что убивал и сажал, тут же дополнила она, время такое было. Везде, все убивали, все сажали. И вдруг, поразив меня в самое сердце (вот уж не ожидал услышать): а Робеспьер их сколько людей казнил. То-то! И весь вагон (почти весь, я наблюдал) зашумел, заголосил. Правильно говорят. Нападают на нас, последнего хотят лишить, мы советские люди... Минут через пятнадцать успокоилось, многие вышли в Голицино, Тучкове. Пришли контролеры, женщина-трибун была без билета, после долгих препирательств ее увели, затем деловито и дисциплинированно вагон покинула группа белобрысых ребят лет восемнадцати, одетая в черную униформу, с черными пилотками и черными рюкзаками, нарукавными шевронами напоминающими нацистскую свастику... Должен сказать, что подавляющее большинство людей в вагоне были одеты добротнo-современно, женщины с недавними стрижками, все с мобильными телефонами, большинство, судя по разговорам и повадкам, ехали на собственные дачи...

Василий Васильевич Розанов, непревзойденно в нашей культуре чувствовавший «русскую энтелехию», так приветствовал большевистскую революцию: «Ты победил, проклятый хохол». Идеи (образы) Гоголя живут и побеждают, слегка расшифруем мы. Да, это была победа, метафизически выражаясь, свинских рож, придуманных Николай Васильевичем. Прошло почти сто лет с момента этого розановского восклицания, и вот я, один из многочисленных поздних его учеников, твержу: «Ты победил, проклятый грузин». Ты слепил и вырастил советского человека. И он, плодясь, воспроизводит себе подобных. Это – твоя Россия. И в вагоне электрички «Москва – Гагарин», и во властных кабинетах, и в городских много- и немногoэтажках, и в офисах нефте-газового воря, везде и всюду.

- ¹ *Bunney P.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 3.
- ² *Schmitt C.* Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. В., 1991. S. 19.
- ³ *Ibid.* S. 19.
- ⁴ *Ibid.* S. 39.
- ⁵ «Желание власти, которое прекращается лишь со смертью» (англ.). – Известные слова Гоббса из «Левиафана».
- ⁶ *Schmitt C.* *Op. cit.* S. 6.
- ⁷ *Манн Т.* Собр. соч. в 10-ти т. М., 1961. Т. 10. С. 317.
- ⁸ *Duverger M.* *Echec au roi.* P., 1978. P. 10.
- ⁹ *Спекторский Е.* Что такое конституция. М., 1917. С. 15–16.
- ¹⁰ *Duverger M.* *Institutiones politiques et droit constitutionnel.* P., 1960. P. 21.
- ¹¹ *Burdeu G.* *L'Etat.* P., 1970. P. 15.
- ¹² *Ibid.* P. 10.
- ¹³ *Ibid.* P. 12.
- ¹⁴ *Harding A.* *The Origins of the Concept of the State // History of Political Thought.* Exeter, Spring. 1994. Vol. XV, N 1. P. 70.
- ¹⁵ *Schmitt C.* *Op. cit.* S. 185.
- ¹⁶ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 10–11.
- ¹⁷ *Алексеев Н.Н.* Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Женева, 1958. С. 14.
- ¹⁸ *Леонтович В.В.* История либерализма в России: 1762–1914. Париж, 1980. С. 539.
- ¹⁹ Там же. С. 301.
- ²⁰ «Собственность – кража» (фр.).
- ²¹ *Толстой Л.Н.* Собр. соч. в 22-х т. М., 1985. Т. 21. С. 259–260.
- ²² *Шахматов М.* Государство правды: (Опыт по истории государственных идеалов в России) // *Евразийский временник.* Берлин, 1925. Кн. 4. С. 270.
- ²³ Там же. С. 291–305.
- ²⁴ Об этом см., например: *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура пореформенной России. М., 1994. С. 109–137.
- ²⁵ Впервые А.И. Фурсов и я писали об этом в «Русской Системе».
- ²⁶ О выборе царей Земским собором (1598, 1613) русские люди уже забыли. Да и сама природа тех, земских, выборов была иная. Отчасти, кстати, схожая с выборами президента СССР на Съезде народных депутатов.
- ²⁷ Особое место в ряду правителей-отцов занимает Сталин. И не только потому, что исторически завершает их череду. Он вновь принимается за убийство детей. И своих, и вообще «детей».
- ²⁸ Отчасти, как «предвестие», ее можно обнаружить и у Аристотеля.
- ²⁹ Конечно, у него были предтечи: Ломоносов, Радищев, некоторые другие исторические персонажи. В определенном смысле даже Петр I и Аввакум.
- ³⁰ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
- ³¹ Там же. С. 91.
- ³² То, что работа Сперанского явилась на свет двумя годами ранее произведения Карамзина, с исторической точки зрения большой роли не играет.
- ³³ *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 350.
- ³⁴ *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 439.
- ³⁵ Там же. С. 436.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 440.
- ³⁹ Там же. С. 439.
- ⁴⁰ См.: *Александров А.* Памяти К.Н. Леонтьева. Сергиев Посад, 1915. С. 195.
- ⁴¹ *Изгоев А.С.* Интеллигенция и «вехи» // *Русское общество и революция.* М., 1910. С. 4–5.
- ⁴² Там же. С. 7.
- ⁴³ Там же.

- ⁴⁴ Там же. С. 8.
- ⁴⁵ Там же. С. 10–11.
- ⁴⁶ Там же. С. 11.
- ⁴⁷ Там же. С. 9.
- ⁴⁸ *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. М., 1916. С. 92.
- ⁴⁹ *Струве П.Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С. 410.
- ⁵⁰ Там же. С. 74.
- ⁵¹ Там же. С. 74–75.
- ⁵² Там же. С. 75–76.
- ⁵³ Там же. С. 80.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 80–81.
- ⁵⁶ Там же. С. 95–96.
- ⁵⁷ Там же. С. 98.
- ⁵⁸ Там же. С. 98–99.
- ⁵⁹ Там же. С. 100.
- ⁶⁰ Цит. по: *Струве П.Б.* Указ. соч. С. 102–103.
- ⁶¹ *Schmitt C.* Op. cit. S. 56.
- ⁶² *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986. С. 204.
- ⁶³ *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 248.
- ⁶⁴ Там же. С. 249.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. С. 250.

ИМПЕРИЯ, ГОСУДАРСТВО И НАЦИЯ В РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

(по мотивам идей В.А. Тишкова)

Одно из распространенных объяснений революции 1917 года: Российская империя пала под ударами национально-освободительных движений угнетавшихся свободолюбивых народов, разделив тем самым неизбежную судьбу всех империалистических диктатур. Эта идея питается из нескольких источников. Прежде всего, из наследия В.И. Ленина, из его определения России как «тюрьмы народов» и его теоретической установки на право наций на самоопределение, восходящей корнями к австро-марксизму с его представлениями о нации как этнической общности. «При самодержавии в тяжких условиях находились все трудящиеся, но особенно невыносимым было положение трудящихся нерусских национальностей, или, как их тогда презрительно называли, “инородцев”, – читаем в классическом советском труде под редакцией И.В. Сталина. – Экономическая эксплуатация в отношении их усугублялась жесточайшим национальным угнетением. Даже те жалкие права, которыми пользовались трудящиеся русские, безгранично урезывались для угнетенных национальностей. Политическое бесправие, административный произвол и культурный гнет несло самодержавие порабощенным народностям.... Тучи прожорливых чиновников, как саранча, поедали последние крохи у трудящихся угнетенных национальностей»¹. И далее в том же духе. Эту позицию вполне разделяла российская либеральная мысль. Проклятьем страны она считала (словами известного историка, правоведа и масона Максима Ковалевского) «тот самый союз национализма с самодержавием, который считается величайшей преградой и на пути к свободе России»². С тезисом о «тюрьме народов» всегда соглашалась западная общественность.

И она стала центральной для национальных идеологий и историографий тех государств, которые возникли на территории бывшей Российской империи. Новые правящие элиты отрунули общую историю, представили ее в изолированном от России виде. Первыми это сделали Польша и Финляндия, где собственные истории давно рассматриваются как самостоятельные континуумы. То же произошло и в новых независимых государствах, где историографии концентрируются на собственном этносе, на территории недавно обретенного государства, проецируя их в прошлое. Для них империя – только тягостный контекст, в котором просыпалась, героически зрела и боролась за свою независимость поднимавшаяся нация. При этом логика центральных властей не интересна для исследования, поскольку известна априори: она не могла якобы диктоваться ничем иным, кроме стремления сделать жизнь нерусских подданных как можно более невыносимой.

Такая точка зрения весьма распространена и в современной России, где большевистский этнонационализм все еще весьма силен. Наше прошлое часто рассматривается как история «последней лоскутной империи», которая сводилась к завоеваниям, колонизации и угнетению, с добавлением детерминистских ноток об обреченности империй. Поэтому большая часть ли-

тературы о национализме и государственности в дореволюционной России сводится к изучению либо национально-освободительных движений, либо крайней реакции шовинистического толка. В лучшем случае, авторы скажут несколько добрых слов о терпимости и патернализме власти по отношению к нерусским народам.

С другой стороны, правая российская мысль неизменно превозносила Российскую империю как высший образец терпимости и патернализма. «В этой “тюрьме народов” министрами были и поляки (гр. Чарторийский), и грек (Каподистрия), и армяне (Лорис-Меликов), и на Бакинской нефти делали деньги порабощенные Манташевы и Гукасовы, а не порабитители Ивановы и Петровы, – утверждал Иван Солоневич. – В те времена, когда за скальп индейца в Техасе платили по пять долларов (детские скальпы оплачивались в два доллара), русское тюремное правительство из кожи лезло вон, чтобы охранить тунгусов и якутов от скупщиков, водки, сифилиса, падения цен на пушнину и от периодических кризисов в кедровом и пушном промысле... Вообще, если вы хотите сравнить быт тюрьмы и быт свободы, то сравните историю Финляндии с историей Ирландии. Сейчас обо всем этом люди предпочитают не вспоминать. Ибо каждое воспоминание о русской государственной традиции автоматически обрушивает всю сумму наук. Если вы признаете, что в самых тяжелых исторических условиях, которые когда-либо стояли на путях государственного строительства, была выработана самая человеческая государственность во всемирной истории, то тогда вашу философскую лавочку вам придется закрывать»³. В этой части идеологического спектра весьма распространено мнение об органичности имперской формы для существования России⁴.

Вместе с тем, только начинается научное прояснение таких важнейших для судеб Российской империи вопросов, как структурирование пространства государства, сложная система отношений между центром и окраинами, имперской властью и локальными сообществами, асимметрия административно-правовых систем, ресурсы устойчивости государства, его способность обеспечивать стабильность в этнически и культурно разнородном обществе, государственный гражданский национализм с его постулатами народного суверенитета, российская идентичность, сам феномен российского народа, составными частями которого веками являлись самые разные национальности. Далеко не прояснен вопрос и о природе Российской империи: чего в ней было больше – от империи или от национального государства.

Вовсе не претендуя даже на подход к исчерпывающим ответам на эти исключительно сложные и спорные вопросы, попробую вкратце разобраться, была ли Россия классической империей, а если да, то какой; существуют ли какие-либо основания говорить о ней как о нации-государстве; и были ли национально-освободительные движения причиной революции и крушения?

Исчерпывающих ответов не может быть уже потому, что не существует общепризнанных определений «империи» или «нации». Но как бы мы их ни определяли, мир начала XX в. состоял почти полностью из империй и колоний, исключение из крупных стран составляли, возможно, лишь Соединенные Штаты, которые только заканчивали зачистку и освоение американского континента и переходили к экспансии в Западном полушарии, молодые республики Южной Америки и далеко не суверенный и поделенный на сферы влияния Китай. Глобальные империи – Британскую, Французскую,

Испанскую, Португальскую, Бельгийскую – отличало наличие «большой воды» между метрополией и периферией, чего у России не наблюдалось. Как и государства Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов, она принадлежала к числу континентальных империй, представлявших собой сложную макро-систему с весьма непростыми пограничными, этническими и религиозными противоречиями между ними. Все выступали покровителями отдельных конфессий, причем не только на своей территории, но и на сопредельных. Романовы были защитниками православных, Турция – мусульман, Австро-Венгрия в союзе с Ватиканом – католиков, Германия – протестантов. Каждая из континентальных империй предлагала собственную панэтническую идеологию: панславизм, пантюркизм и пангерманизм, которые имели тенденцию усиливать и подзуживать друг друга. Это не только оказывало влияние на отношения между этим государствами, но и создавало внутри каждого из них этнорелигиозные меньшинства, ориентированные на внешние силы и потому подозреваемые в нелояльности.

При этом у России имелось немало особенностей, выделявших ее и из ряда континентальных империй. Первое и главное: *она не была этнической империей*, в чем ее как раз чаще всего и обвиняли. Как справедливо подчеркивает эту мысль чикагский профессор Р. Суни, «ни Российская империя, ни Советский Союз не были этническими “русскими империями”, в которых метрополия полностью бы совпадала с господствующей русской национальностью. Место господствующей национальности занимал институт господства – дворянства в одном случае, коммунистической партийной элиты – в другом. Данный институт господства был многонациональным, и хотя в российском дворянстве... преобладали русские, он управлял в имперской манере русскими и нерусскими народами»⁵. В чем Суни не прав: в российском дворянстве в действительности русские роды составляли меньшинство, остальных представляли знатные фамилии из присоединенных территорий – татарские, литовские, польские, остзейские, немецкие и украинские.

Подтверждение неэтнического характера Российской империи находим у ведущего современного исследователя дореволюционного национализма Алексея Миллера: «Правящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась “национализации”, господствующее положение в империи занимало полиэтническое дворянство, а русский крестьянин долгое время мог быть, и был в действительности, крепостным у нерусского, не православного – и даже нехристианского – дворянина. Нация “не правила” и не имела системы политического представительства»⁶. Историк Владимир Булдаков с возмущением пишет, что «Российская империя ухитрилась являть миру феномен “внутреннего колониализма” в форме закрепощения сословий»⁷.

В России в меньшей степени, чем в других колониальных империях, действовал принцип территориальной этничности, который, кстати, будет положен в основу национально-государственного деления уже в Советском Союзе. «От империи Габсбургов Россию отличала существенно менее сильная феодальная традиция в структурировании пространства империи, – подчеркивает Миллер. – Здесь не было прагматической санкции, четко фиксировавшей границы “коронных земель” и права их местных дворянских сеймов. Лишь Царство Польское, Финляндия и, до некоторой степени, Остзейский

край имели в определенные периоды сравнимый с габсбургскими коронными землями (Land'ами) статус»⁸.

Известный российский правовед Николай Коркунов в конце XIX в. обращал внимание еще на одну специфическую особенность нашей страны: «Колонии приобретались для экономической их эксплуатации. Присоединение русских окраин не было делом экономического расчета. Россия постепенно овладела своими окраинами и на западе, и на востоке в силу чисто политических побуждений, как необходимым условием обеспечения своего могущества и независимости»⁹. Действительно, российская экспансия диктовалась, по большей части, соображениями геополитики и национальной безопасности, а не экономики. Окраинные территории не служили источником обогащения, а многие и не могли быть в принципе, коль скоро большая часть империи была либо совершенно нерентабельна даже для проживания в силу климатических условий, либо сильно отставала в развитии от центра, который выступал источником инвестиций, а не наоборот.

В отличие, скажем, от Османской империи, которую все справедливо считали обреченным «больным человеком», Российская империя, несмотря на трудности, несмотря на очевидное унижение в российско-японской войне, находилась на подъеме, увеличивала свою военную и экономическую мощь, и никто не предсказывал ее распада в какой-либо обозримой перспективе.

Наконец, Россия была страной, которая, по моему глубокому убеждению, вступала, как и другие крупные европейские страны, на путь формирования нации-государства.

«Расширение политического пространства и появление гражданства социального пришлось на период, захвативший все начало XX века, – пишет видный знаток вопроса Майкл Манн. – Именно в это время и большей частью в Европе зародились первые настоящие нации-государства»¹⁰. В российском сознании, да и во многих государственно-правовых документах понятие нации все еще имеет отчетливую этническую окраску – один язык, одна религия, одна психология и т.д. К современным теориям национальной политики и к современному миру подобная трактовка не имеет никакого отношения. Обратимся к их определению, которое предлагает директор Института этнологии и антропологии РАН академик Валерий Тишков: «Понятие “нация”..., по сути, подразумевает народ в смысле государственного территориального сообщества. Связь понятий *нация* и *государство* отражена в сложной категории “нация-государство” (nation-state). Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных наций и считающих себя государствами-нациями»¹¹. При этом полиэтничный состав населения вовсе не служит непреодолимым препятствием для формирования гражданской нации и создания нации-государства.

Считается общепризнанным, что в начале XX века Великобритания, Франция, Германия и даже Испания, уже были нациями-государствами, хотя все они при этом оставались глобальными империями, имели крайне неоднородное в этноконфессиональном плане население и внутренние колонии. Не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Великобритании, Бретань и Корсику в составе Франции, лоскутную империю, созданную Бисмарком, Кастилию, Каталонию и Страну Басков в Испании. Многоэтничность и поликонфессиональность – абсолютная норма для сов-

ременных национальных государств. По многообразию этнических, религиозных и расовых групп многие страны оставляют далеко позади и дореволюционную, и тем более современную Россию с ее 135 народами. Вот как, по данным ООН, выглядит количество этнических групп в некоторых странах современного мира: Китай – 205, Камерун – 279, Индия – 407, Нигерия – 470, Индонезия – 712, Папуа–Новая Гвинея – 817¹². Все они являются безусловными нациями-государствами. Почему же нашу страну никогда не относили к этой категории? А ведь основания для этого есть.

Еще в XIX в. система управления окраинами строилась с учетом местных традиций и особенностей, в первую очередь национально-культурных и религиозных. Это отражалось и в разнообразии учреждений и должностных лиц, это управление осуществлявших, и в особом административно-территориальном делении – наместничества, генерал-губернаторства, области, округа, магалы и т.д. Однако, чем дальше, тем более очевидной становилась тенденция к постепенному втягиванию окраин в общероссийскую систему управления, выравниванию различий в управленческих моделях. «После Великих реформ Россия, – пишет Тишков, – становилась все более современным (“национальным”) государством в смысле административной, правовой, культурной унификации всех частей империи и интеграции общества по вертикали через сословные, религиозные и регионально-этнические барьеры, которые имелись среди населения»¹³. За этим скрывалась не только и не столько злая воля «колонизаторов из тюрьмы народов», сколько объективная потребность развития индустриального общества, связанная с необходимостью развивать максимально широкое и единое экономическое пространство, стягиваемое бурно развивавшейся транспортной инфраструктурой.

Имело значение и желание предотвратить распространение сепаратистских настроений. На практике это означало стремление царского правительства рационализировать систему госуправления, создать единое административно-правовое и культурно-языковое пространство, а значит – и гражданскую нацию. Однако любые практические шаги к унификации системы регионального управления вызывали бурю негативных эмоций. И, напротив, националистические тенденции по окраинам страны с восторгом поддерживались либеральной и социалистической интеллигенцией, причем как в регионах, так и в столицах.

Формулировалась ли задача создания нации-государства, гражданской нации концептуально на уровне государственной политики? Скорее, нет. «Самодержавие просто пыталось “воспитывать” народы (начиная с православных и делая это довольно грубо) соответственно собственным удобствам управления по ходу освоения новых территорий, – описывает логику власти Булдаков. – Самодержавие исходило из восприятия народов и территорий как пластичной этногеографической среды, и потому старалось действовать осторожно. Разумеется, это не имело ничего общего с гуманизацией межэтнических отношений, – на жесткую политику сил не находилось»¹⁴. Конечно, не все так просто. В умах управленческой элиты, безусловно, существовал образ России как страны, где лояльность окраин обеспечивают не только власть и сила, но и цивилизационное притяжение. Однако российский политический класс не предложил убедительной и привлекательной концепции русскости, не сводимой ни к этническому, ни к имперскому государству.

К началу XX столетия доминирующей в российских интеллектуальных и политических кругах по-прежнему оставалась идея национального единства, национальной государственности империи, основоположником которой выступал известный публицист Михаил Катков. По этой теории Россия могла существовать только как государство, где обеспечено преобладание титульной нации, поддерживается единство правового поля, властных институтов и государственного языка. При этом другие народы могли сохранять свою культурную, языковую и религиозную автономию в пределах, не угрожающих целостности страны¹⁵. К подобному мнению склонялись и приверженцы охранительной «теории официальной народности», и вполне либеральные идеологи равноправия в рамках «этнически единого национального государства».

Следует заметить, что споры о критериях «русскости» – язык? православие? кровь? – вплоть до революции носили весьма острый характер. Приверженцы отождествления понятий «русский» и «великорусский» находились в очевидном меньшинстве, доминировала идея общерусской нации, объединяющей всех восточных славян. В классическом исследовании известного этнолога и географа Александра Риттиха «Славянский мир» говорилось, что Россия «в смысле славянства представляет сплошное тело, заключающее в Европейской России, без Кавказа и Финляндии, 82% славян, из которых на долю одних русских приходится 75%. Последние делятся на три наречия: великорусское – 49%, белорусское – 5% и малорусское – 20%»¹⁶. Причисление к русским также украинцев и белорусов было тогда общепринятым не только в России, но и за ее пределами. В «Народоведении» немецкого автора Ф. Ратцеля говорилось, как о само собой разумеющемся, о трех ветвях единого народа, которые «вообще можно назвать северно-, южно- и западно-русскими»¹⁷.

Представление о православии как сути русскости было чревато проблемами с интеграцией сектантов, старообрядцев, белорусов-католиков, с созданием полноценной армии. Вспомните сцену присяги в «Поединке» Куприна: сначала батюшка приводит к присяге православных, потом ксендз – поляков, за неимением пастора штабс-капитан Дитц – лютеран, мулла – мусульман, затем язычнику-марийцу на шпаге подносят хлеб, и он клянется солнцем и луной в верности царю.

Единства в понимании русскости даже в официальных трактовках не существовало, и в этом заключался один из основных факторов слабости российского национализма.

Однако нельзя не подчеркнуть, что в России существовало пусть немногочисленное, но достаточно влиятельное интеллектуальное течение, еще в начале XX в. сформулировавшее концепцию политической полиэтнической российской нации, которая и должна была в будущем в идеале охватить всю империю. Эту идею гражданской нации активно проповедовали Петр Струве и его сторонники. «Нация – это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нем творимого для будущего»¹⁸. Главный акцент при этом делался на расширение политического участия, воспитание гражданской лояльности империи. В теориях Струве и его школы перекрещивались либерализм, национализм и империализм, что являлось тогда нормой, причем не только в России, но и везде в Европе.

Но не мешала ли формированию гражданской нации реально шедшая русификация? Полагаю, непримиримого противоречия тут не было. Как подчеркивает историк Борис Миронов, «правительство было вынуждено проводить модернизацию под знаком русификации, которая в тех условиях означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а, прежде всего, систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию»¹⁹. Встает вопрос и о степени русификации, которая неизменно инкриминировалась царскому режиму.

«Более или менее жесткие ограничения сферы применения языка в администрации, образовании, печати, публичной сфере касались в разное время, особенно во второй половине XIX века, всех языков, распространенных на западных окраинах империи, включая не только Царство Польское и Западный край, но и остзейские губернии»²⁰, – подтверждает Миллер. По его обоснованному мнению, реальное ограничение применения «развитых» языков – немецкого, польского, а также татарского – сопровождалось реальным их вытеснением из тех сфер, где они ранее имели сильные позиции. Это было связано, с одной стороны, с опасениями, как бы материально и культурно сильная группа на окраине не реализовала собственный ассимиляционный проект в отношении более слабых соседей. А с другой стороны, являлось частью сложного соревнования с соседними континентальными империями, одни из которых – Германия и Австро-Венгрия – проявляли прямой интерес к национальной ситуации в Западном крае, а другая – Турция – претендовала на роль альтернативного центра притяжения мусульман и тюркских народов.

Что же касается «развивающихся» и эмансипирующихся языков – литовского и латышского, эстонского и белорусского, украинского и идиш, – то речь шла не о вытеснении, а о создании препятствий для освоения ими новых функций в образовании, администрации и публичной сфере. Особым способом регламентации языковой сферы являлось изменение привычного алфавита. Так, литовский и латышский перевели с латиницы на кириллицу; в выборе алфавита для казахского, чувашского и ряда других языков кириллицу предпочли арабской графике; для татар арабское написание не запрещали, но параллельно для крещеных татар был разработан кириллический алфавит, и т.д. Ограничивалась публикация книг на украинском и белорусском языках, что отражало стремление предотвратить эмансипацию этих «наречий русского языка». Но, скажем, никаких ограничений на издание литовских и латышских книг на кириллице никогда не возникало²¹. В этом, как и в подавляющем большинстве других случаев, речь шла не об ассимиляции, а о стремлении обеспечить аккультурацию и лояльность центральной власти.

Если посмотреть на статистику издательской деятельности, то обнаружим, что в 1913 г. общий тираж изданных в России книг на русском языке составил 98,8 млн экземпляров, на других языках – 20 млн, из них: на польском – 4,8 млн, латышском – 3,8 млн, арабском – 2,3 млн, немецком и идиш – по 1,5 млн, иврите – 867 тыс., эстонском – 1,1 млн, татарском – 1 млн, украинском – 725 тыс., литовском – 669 тыс., белорусском – 33 тыс. В том же году выходило 2167 периодических изданий на русском языке и 748 – на иных языках. В общем количестве газет и журналов разных жанров насчитывалось 303 – на польском, 81 – на немецком, 73 – на латышском, 60 – на иврите и идиш, 55 – на эстонском, 34 – на грузинском, 30 – на армянском,

28 – на литовском, 23 – на татарском, 17 – на украинском, 6 – на азербайджанском, по 3 – на белорусском и румынском²².

Но в целом в предреволюционные десятилетия позиции русского языка как официального укреплялись, русская культура пронизывала и иноязычную элитную среду. Происходило это далеко не только в результате насильственной аккультурации, но и через создание позитивной мотивации. Как и в любой империи, овладение доминирующим языком открывало качественно более высокие возможности для социальной мобильности, образования и карьеры. «Во многих районах империи вестернизация шла из России и через русские институты, и модернизационные стратегии локальных сообществ могли предполагать частичную, инструментальную русификацию, – подчеркивает Миллер. – Так, мусульманская интеллигенция... в конце XIX – начале XX века могла ратовать за усвоение русского языка именно как инструмента, во-первых, облегчающего доступ к западноевропейской мысли и образованности, откуда можно было черпать идеи и ресурсы для собственных националистических проектов, а во-вторых, дающего возможность более эффективно отстаивать интересы локального сообщества в отношениях с властями империи и перед общественным мнением»²³. Русский был языком образованной элиты. В этом смысле, как и английский в современном мире, его не требовалось навязывать.

Валерий Тишков обнаруживает, что «в элитной среде гражданский национализм был доминирующей идеей, и он превосходил другие формы национализма – от почвенного русского (в узкоэтническом смысле) до периферийного этнонационализма... Более того, немецко-балтийская элита была одним из катализаторов формирования российского национализма как соединения государственных и этнических элементов в составе основополагающей общности, и она поддерживала понятие российской нации». Академик также обращает внимание на наличие отчетливой общей идентичности, понимаемой как разделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним. «В исторических анналах обнаруживаются достаточно сильные проявления российской идентичности (гораздо сильнее, чем этнические формулы и призывы) среди нерусских народов, даже среди населения Финляндии и Польши, не говоря уже о Поволжье и Кавказе. При этом следует помнить, что в то время сами по себе слова “русский” (в широком смысле, а не как великороссы) и “российский” были взаимозаменяемыми... Поэтому более легитимными были такие понятия, как “русская Польша”, не говоря уже об Украине и Белоруссии, которые считались русскими регионами, как и их население»²⁴.

Так чем же была Россия – империей или национальным государством? По моему убеждению, и тем, и другим. В этой позиции я не одинок. Так оценивал нашу страну Петр Струве: «С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различия между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием Империи»²⁵. Взгляд на дореволюционную Россию не просто как на империю, но как на централизованное государство с феде-

ралистскими и культурно-автономистскими элементами, нашел свое место и в западной историографии. Ее представители вслед за гарвардским профессором-эмигрантом Михаилом Карповичем не защищали «империю как таковую; скорее они пытались написать историю России в большей или меньшей степени как историю национального государства, или, по крайней мере, национального государства, находящегося в стадии формирования»²⁶. Валерий Тишков, подтверждает: «Россия накануне революции была как империей, так и национальным государством на основе многонародной нации»²⁷.

Первая мировая война показала относительную слабость внутренних государственных скреп, особенно в условиях, когда австро-германская коалиция предпринимала небезуспешные попытки разыгрывать карту национальной самобытности и прав на самоопределение населявших ее народов. «В ходе мировой войны великие державы стали использовать поддержку национального сепаратизма в лагере соперника без ограничений, характерных для предшествующего периода, когда они больше были озабочены сохранением определенной солидарности между империями в борьбе с национальными движениями»²⁸. Особенно успешно это удавалось делать Центральным державам на западных окраинах Российской империи, ощутивших на себе не только мощь пропагандистских машин противника, но и все тяготы войны. Брожение наблюдалось и в других регионах – в Закавказье и даже в Средней Азии.

Центральная власть активно противодействовала агитации неприятеля и центробежным тенденциям, создавая специальные органы (в частности Особый политический отдел МИД), экспериментировала с реформами системы управления окраинами, пробуя самые различные рецепты, порой противоположные и взаимоисключающие. Но, даже учитывая обострение национального вопроса в годы войны, можно ли говорить, что национально-освободительные движения разорвали Империю изнутри и вызвали революцию? Ответ найдем, проанализировав ситуацию в различных национальных регионах и с различными этническими группами.

О напряжении, волнениях, сепаратистских настроениях на окраинах страны в Петрограде было хорошо известно. Департамент полиции докладывал 30 октября 1916 г.: «Боязнь немецкого засилия объясняют эстонцы свое недоверие правительству, что, будто, заставляет их искать сближения с немцами, значение которых в Прибалтийском крае, по мнению эстонцев, и после войны будет прежнее, почему останется и экономическая зависимость крестьян от немецких помещиков.

Армяне недовольны центральным правительством за то, что, по их мнению, оно готовится отклонить автономию Армении.

По-прежнему отрицательно отношение к русской власти в Финляндии, которая, однако, не возлагает уже надежд, как ранее, на русские оппозиционные партии (кроме финляндских социал-демократов, рассчитывающих на помощь российского пролетариата), а надеется более на “давление” из-за границы.

Наконец, настроение туземного населения Туркестанского края представляется также значительно повышенным и нервным, долженствующим вылиться... даже в формы открытого выступления против русского владыче-

ства в крае»²⁹. Однако Департаментом полиции все эти проблемы справедливо воспринимались как «частные» причины недовольства населения в сравнении с общими для страны экономическими затруднениями и набравшим силу политическим кризисом.

Действительно, силы национального освобождения были далеко не главным фактором Крушения России. «Как это ни покажется неожиданным, но расписанные в исторических текстах буквально по минутам “национальные движения” в империи Романовых были маргинальной формой культурных и социально-политических манифестаций, крайне редко облекаемые в риторике национализма, а тем более в его сепаратистской форме, – подчеркивает академик Тишков. – ...Историческая драма состояла в том, что правящий центр оказался слабым, и верх одержали силы радикального передела и социальной революции, которые взяли в союзники быстро народившиеся периферийные национализмы этносепаратистского характера»³⁰. Толчком к дезинтеграции страны были не национальные движения, а события в центре власти. Эти движения стали не причиной, а следствием Февральской революции 1917 года.

¹ История гражданской войны в СССР. Т. 1: Подготовка Великой пролетарской революции. М., 1937. С. 40, 44.

² Ковалевский М. Очерки по истории политических учреждений России. М., 2007. С. 237.

³ Солоневич И.Л. Великая фальшивка Февраля. М., 2007. С. 292–293.

⁴ См., например: Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М., 2005; Куренной В. Политический и аполитический национализм // Логос. 2007. № 1 (58); Нарочницкая Н.А. Русский мир. СПб., 2007. С. 23.

⁵ Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский подход в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 36–82.

⁶ Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 152.

⁷ Булдаков В. Quo Vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 34.

⁸ Миллер А. Указ. соч. С. 154–155.

⁹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1899. Т. 1. С. 180.

¹⁰ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М., 2002. С. 384.

¹¹ Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 558.

¹² Видимые руки. Ответственность за социальное развитие: доклад исследовательского института по проблемам социального развития при ООН. М., 2001. С. 78–82.

¹³ Тишков В.А. Указ. соч. С. 574.

¹⁴ Булдаков В. Указ. соч. С. 37.

¹⁵ Административно-территориальное устройство России. История и современность / Под ред. Е.М. Смирнова. М., 2003. С. 170–171.

¹⁶ Риттих А.Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. Варшава, 1885. С. 23.

¹⁷ Ратцель Ф. Народоведение: пер. с нем. СПб., 1903. Т. 2. С. 816.

¹⁸ Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 248.

¹⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 41.

²⁰ Миллер А. Империя Романовых и национализм. С. 82.

²¹ Там же. С. 82, 92–93, 67.

²² Россия накануне Первой мировой войны: статистико-документальный справочник. М., 2008. С. 354, 356–357, 369–370.

²³ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. С. 62.

²⁴ *Тишков В.А.* Указ. соч. С. 574–575.

²⁵ *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 248.

²⁶ *Фон Хаген М.* История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 24.

²⁷ *Тишков В.А.* Указ. соч. С. 576.

²⁸ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. С.181.

²⁹ Буржуазия накануне февральской революции. М.; Л., 1927. С. 137–138.

³⁰ *Тишков В.А.* Указ. соч. С. 576.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

На рубеже двух веков, отвечая на вызовы современности, Россия вступила на путь масштабных экономических, социальных и политических преобразований, существенно изменивших жизнь российского общества и превративших его в объект, сложный и отчасти таинственный даже для социологов – представителей науки, способной, познавая социальный мир опытным путем, видеть за неадекватной интерпретацией событий и явлений их действительную суть.

К числу проблем, активно дискутируемых сегодня научным сообществом, несомненно, относятся *практики становления в России гражданского общества*, формирование которого было объявлено руководством страны одной из приоритетных задач российских реформ.

Исходя из того, что сфера «гражданского» пронизывает все важнейшие области жизнедеятельности современного социума (политико-правовую, экономическую, социальную, экологическую и др.), его институты, идеологию, культуру, этнонациональные и конфессиональные отношения, свои точки соприкосновения с проблематикой гражданского общества находят представители практически всех общественных и гуманитарных дисциплин. Мультидисциплинарность исследований позволяет высветить множество граней и аспектов изучаемого явления, однако, обратной ее стороной становится *фрагментарность* получаемого знания, препятствующая созданию *целостной картины* состояния «гражданственности» общества в России, выявлению и оценке направления его трансформаций.

Не отрицая непреходящую актуальность данной проблематики как для стабильных демократий, так и для переходных обществ, прошедших сквозь горнило либерализации авторитарных и тоталитарных режимов, зададимся вопросами: какое гражданское общество существует в России в действительности, и существует ли оно вообще?

Дать однозначный ответ на них – дело непростое. Непростое хотя бы в силу той существующей сегодня и потрясающей воображение своими масштабами пестроты мнений наших (и не только наших) сограждан относительно критериев развитости гражданского общества. Если одни утверждают, что оно остается слабым, находится на очень низкой, фактически эмбриональной стадии своего формирования, ассимилируется или даже вообще не существует, а потому говорить о его существовании в стране «могут только люди с сильно развитым воображением»¹, то другие, включая лидеров реально действующих в России независимых общественных организаций, считают, что это не так: с их точки зрения, гражданское общество в России объективно наличествует и, более того, опирается на давние традиции².

Думается, что столь очевидное несовпадение или даже противоположность оценок происходящего объясняется целым рядом моделей развития, к числу которых относится, например, *различие «точек отсчета»*, т.е. *тех референтных моделей, с которыми сопоставляется нынешняя российская*

ситуация. Так, если в качестве подобной модели используется некий идеальный, сконструированный на основе западноевропейских и североамериканских представлений, тип гражданского общества как *объединения свободных, независимых индивидов, обладающих определенными правами и способных эти права защитить*, то выводы о наличии такого в современной России получаются скорее негативными. Если же сравнивать Россию начала XXI в. с советским обществом времен Л.И. Брежнева, то прогресс гражданского общества несомненен.

Вполне возможно, что истоки радикальных расхождений в оценках состояния российского гражданского общества кроются и в *национальных особенностях трактовки, и в весьма разноплановых и многообразных подходах к использованию данного понятия* российскими академическими кругами и официальной риторикой³. Отсутствие консенсуса в отношении того, что понимать под «гражданским обществом», широкая интерпретация содержания понятия и использование его как популистского лозунга в политической демагогии могут породить серьезные проблемы. И не только в части, касающейся эффективности практик формирования гражданского общества и развития его институтов. В этом случае есть веские основания ожидать, что призыву «Даешь гражданское общество!» грозит судьба другого слогана, крайне популярного в конце 1980 – начале 1990-х годов и связанного с попытками превращения России в «правовое государство», неумелая реализация которых привела к откровенному нарушению и дискредитации в российских условиях самой концепции государства этого типа. Подобно тому, как термин «перестройка» трансформировался в общественном сознании в «катастрофку»⁴, а лишенная смысла попытка осуществить построение «правового государства» и «рыночной экономики» путем рывка привела к разрушению и государства, и экономики, точно так же спешная, непродуманная и не учитывающая национальной специфики кампания по построению «гражданского общества» в России может иметь скорбные последствия.

Немаловажным фактором, предопределяющим восприятие складывающейся в стране ситуации с формированием и укреплением позиций гражданского общества, выступает *специфика российского контекста, в котором протекают указанные процессы*. Эта специфика обусловлена:

Во-первых, парадоксальными и абсолютно непродуктивными (а, по сути, выливающимися в инициирование государством разнообразных имитаций) попытками развития гражданского общества сверху, властными усилиями.

Во-вторых, практическим отсутствием независимых и неподконтрольных властному официозу СМИ, формирующих общественное мнение.

В-третьих, тем фактом, что права человека и гражданина по-прежнему остаются на периферии массового сознания и общественных практик, равно как и практической деятельности власти⁵.

В-четвертых, продолжающимся и ведущим к социальной атомизации и дезинтеграции социума *размыванием нормативно-ценностного комплекса социального доверия* как фундамента любой социальности⁶.

В-пятых, предпринимаемыми социальными архитекторами современности попытками неосмысленного внедрения и развития в стране западных моделей гражданского общества, которые, не будучи адаптированы к российской специфике, неизбежно вступают в противоречие с многовековыми традициями русского народа. Причем попытками, эпигонскими и по духу, и по

содержанию, начисто игнорирующими тот факт, что общественный строй – не пустая и мертвая оболочка, которую можно менять, как кому заблагорассудится: он неразрывно связан с жизнью народа, с природой и размерами страны, ее геополитическим положением, историческими судьбами, более того – с характером и духом народа, т.е. его религией, обычаями, уровнем правосознания или культурой в целом⁷.

И, наконец, в-шестых, *углублением социальных неравенств*, воспроизводимых в достаточно устойчивых формах, как отражение политической, культурно-нормативной, но, прежде всего, экономической структуры современного российского социума, и проявляющихся в разном качестве отдельных аспектов жизни россиян – практиках распределения собственности и доходов, социально-психологическом состоянии, здоровье, открывающихся возможностях, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, в восприятии людьми жизни в целом.

Следует особо отметить: тормозя развитие экономики и блокируя ее переход к инновационной стадии, опосредуя поляризацию общества, порождая апатию и пассивность определенных его слоев, подталкивая их к нелегитимным формам протеста и политическому экстремизму, разрушая нравственные устои общественного единения⁸, социальные неравенства создают климат конфронтационности и нетерпимости, препятствуют достижению национального согласия. В сложившихся условиях ослабевает, если не сказать разрушается, гражданская солидарность – глубинная основа самого понятия гражданства как сопричастности всех членов общества к общенациональным целям и государственной публичной политике. Единение общества затрудняется даже по тем вопросам и позициям, которые, казалось бы, касаются каждого гражданина. Пагубные последствия социального неравенства накладываются на быстро трансформирующееся российское общество, и без того разделенное по целому ряду идеологических и социальных показателей.

Социологам очевидно, что проблема построения гражданского общества в современной России коренится в области практической применимости той или иной модели государственного устройства к данным конкретным социальным условиям при определенных исторических обстоятельствах, включающих географические, климатические, пространственные, ментальные и прочие факторы. Здесь уместно будет заметить, что действенные политические и экономические формы создаются не логическим, но историческим путем: каждый народ приходит к ним самостоятельно в процессе собственного развития. И если этого нет, не поможет никакое принуждение, ибо народ все равно будет отторгать их от себя.

Думается, что в многонациональной России созидание гражданского общества возможно лишь на *наднациональной основе*, т.е. при условии превращения россиян в политическую нацию, внутри которой национальные различия имели бы исключительно конфессиональный и социокультурный характер⁶. Таким образом, *одной из базовых предпосылок становления полноценного гражданского общества в России оказывается формирование гражданской идентичности россиян*. Настаивая на этом, мы существенно расширяем наш дискурс, выводя его за рамки *традиционно* обсуждаемых практик укрепления российской гражданственности и проблем, связанных с их реализацией¹⁰. К слову сказать, подобный подход к решению актуальной

и острой для России проблемы становления гражданского общества вполне соответствует общемировым стандартам и тенденциям определения последнего как «социального пространства, благоприятствующего чувству солидарности между людьми и любви к своему сообществу»¹¹.

Проблема российской идентичности, формирования и укрепления российской нации как гражданского надэтнического политического сообщества оказалась в последние годы в центре научных и политических дискуссий¹². При этом отечественные традиции ее обсуждения, разворачиваются на двух уровнях – *теоретического анализа* и *концептуализации политических проектов*, направленных на конструирование национальной идентичности.

Вслед за психологами, усилиями которых данный термин и был введен в научный оборот в XX столетии, социологи отмечают, что эпоха *modernity* и порожденные ею социальные трансформации способствуют *ослаблению* одних (*примордиальных и этнокультурных*¹³) и *усилению* других (*социально-конструируемых*) идентичностей, к числу которых, несомненно, относится и принадлежность к государственному образованию – нации¹⁴.

Особое звучание проблема идентичности, динамика идентификационных процессов, приобретают в контексте глобализации. Представляя диалектический процесс всеобъемлющей интеграции и столь же масштабной дифференциации, глобализация, с одной стороны, *создает невиданные ранее возможности* для сближения культур, расширения коммуникативного пространства, обогащения образа жизни людей новыми знаниями, технологиями, идеями, а с другой – *порождает множество серьезных проблем и деструктивных тенденций*, одной из которых (наряду с культурным хаосом, утратой привычных жизненных ориентиров, формированием кризисного типа сознания) выступает кризис идентичности¹⁵.

Несмотря на всю дискуссионность вопроса о степени интеграции России в процессы глобализации, проблемы трансформации идентичности российского общества в условиях глобального мира (трансформации, потенциально способной дезорганизовать и дезориентировать социум) приобретают с течением времени все большую актуальность и значимость. Именно с ними, а точнее с их решением, связываются сегодня прогнозы дальнейшего развития страны, ее способность отвечать на многочисленные вызовы современного мира, осуществлять полноценную культурную, экономическую, социальную и политическую модернизацию. От того, какие образы идентичности будут доминировать в массовом сознании, что будут представлять собой важнейшие референтные группы самоидентификации, во многом зависят перспективы становления в России структур гражданского общества, эффективность функционирования политических институтов, характер механизмов представительства интересов и политического участия и, в конечном счете, социальный климат общества.

На глобальном уровне сохранение российской идентичности способствует успешному интегрированию России в мировое сообщество и ее позиционированию на международной арене. На личностном же – утверждению жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках «своего» общества, подавлению тревоги и фрустрации на фоне фиксируемого социологами с начала 2009 г. увеличения доли российских граждан,

испытывающих чувство страха, ощущающих собственную беспомощность и невозможность повлиять на происходящее вокруг. И это не случайно, ибо только при условии прочной национальной солидарности, ощущения самоидентичности, имея возможность отнести себя к какой-то системе, направляющей его жизнь и придающей ей смысл, человек не рискует остаться в одиночестве перед натиском бури глобализации. В противном случае, утрачивая свои идентификационные качества, человек «теряет себя», поскольку идентичность есть основа онтологической безопасности и непрерывности его бытия. Человеку нужна идентичность как «для всякого плода», по мысли Ф.М. Достоевского, «нужна своя почва, свой климат, свое воспитание».

Активное изучение мировоззренческих аспектов общероссийской идентичности развернулось с начала 90-х годов XX в. Многочисленные исследования разных лет убедительно доказали, что ее формирование не было линейным процессом, но проходило в сложном противоречивом контексте культурно-цивилизационных взаимодействий, динамичных социально-экономических преобразований, распада многонационального государства, встраивания в новую систему отношений, освоения новых социальных смыслов и значений, переосмысления этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся структуры общества.

Отрадно осознавать, что идея «российской гражданской нации», категория гражданско-государственной (или национально-гражданской) идентичности, пришедшая на смену исторически сложившемуся в России пониманию нации как этнокультурной общности, уже не режет слух отечественных политиков. Немалая заслуга в этом принадлежит академику РАН В.А. Тишкову – автору многочисленных работ в области изучения наций, нациестроительства и национальной идентичности россиян.

Представление о России как об уникальной цивилизации, соединяющей в себе европейские и азиатские начала, одной из характеристик которой является мирное содружество множества национальностей и религий, понимание российского народа как исторического целого и гражданской нации высказывались неоднократно руководством государства. Эта формула была позитивно воспринята многими интеллектуалами и политиками как единственно возможная для России и полностью отвечающая накопленному мировым сообществом опыту существования крупных многоэтничных государств.

Современная идентичность населения России, по справедливому замечанию профессора Л.М. Дробижевой, представляет собой «...сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Естественно, все политические, социально-культурные, экономические трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в ней судят о направлениях в развитии социума, но и она сама, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии»¹⁶.

Что же представляет собой идентичность россиян как ресурс государства и общества? Каковы социальные основы формирования гражданской нации в России? Попытаемся ответить на эти вопросы, опираясь на результаты

ряда общероссийских исследований, осуществленных ИКСИ РАН и ИС РАН за последние 12 лет¹⁷.

Еще в ходе исследования 1998 г. были получены веские доказательства того, что после первой семилетки радикальных реформ *структура российского социума продолжала обеспечивать достаточно надежную трансляцию базовых жизненных ценностей, мотиваций и способов восприятия действительности*. Среди доминант массового сознания выделялись смысложизненные установки, имеющие глубокие социокультурные корни и характеризующие тип «среднего» россиянина как человека, готового к неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями и склонного к автономности. Свое призвание он видел не столько в приумножении благ, сколько в стремлении жить как хочется, получая от этого моральное удовлетворение.

В то же время на первый план выходил преимущественно «неэкономический» характер положительных качеств русских, объективно тормозящих вхождение России в рынок, но, вместе с тем, способствовавших менее болезненному восприятию ими реалий постиндустриальной цивилизации. Устоять и выжить в условиях радикальных изменений всего и вся, сопровождавшихся к тому же глубочайшим системным кризисом, русскому человеку помогали смелость, изобретательность, приспособляемость и терпеливость.

Жизненные ценности российских граждан, их представления о том, «что такое хорошо, а что такое плохо», являются смысловым и психоэмоциональным ядром национальной идентичности. Сравнительный анализ значимости для россиян различных сфер их жизни (семья, друзья, работа, свободное время, религия, политика) не выявлял (и не выявляет сегодня) каких-либо качественных особенностей, отличающих ситуацию в России от тех, что складываются в ряде других стран (Германия, США, Великобритания, Швеция). Самой значимой для россиян сферой их жизни выступает семья. Что же касается наиболее типичной для них идеальной модели жизни, то она может быть описана формулой *«любимая работа, счастливая семья, хорошие друзья, чистая совесть и уровень жизни не хуже, чем у других»*. Эта же модель предполагает хорошее образование, интересную и престижную работу, хорошие отношения между супругами и т.д.

Гораздо меньше распространены в России «достижительные» установки, такие ценности, как власть, известность, желание попасть в «статусный» круг или иметь собственный бизнес. Вместе с тем, десятилетняя динамика последних говорит о том, что со временем они набирают все большее число сторонников, тогда как такая базовая для подавляющего большинства россиян сфера их жизни, как работа утрачивает значение важной формы самореализации и способа общения, приобретая все более инструментальный характер (способ заработка).

Повторное обращение к данной проблематике произошло в середине 2000-х годов, когда пережившее дефолт российское общество вошло в полосу относительно устойчивого экономического и политического развития. Как трансформировался в этих условиях ценностный мир россиян, их мировоззренческие установки, мотивация поведения и жизненного выбора?

Первое, что вновь привлекло наше внимание – это плавность, с которой, несмотря на радикальный характер происходивших в стране перемен, изме-

нялись социокультурные стереотипы, определявшие общий склад сознания российских граждан.

Анализируя историческое самосознание россиян, мы вынуждены были признать: слегка пошатнувшись под натиском «разоблачений» первой половины 1990-х годов, советская парадигма оказалась на удивление устойчивой. Как следствие, *несмотря на существование вполне естественной поколенческой и региональной специфики в отношении к различным этапам и явлениям российской истории, подавляющее большинство россиян продолжало считать основными предметами общенациональной гордости события и достижения советской эпохи, не допуская возможностей для ценностного раскола российского общества.*

Значимые расхождения выявлялись, пожалуй, лишь в связи с историческим выбором общества, в котором россиянам хотелось бы жить в данный период времени. Повторное исследование продемонстрировало, с одной стороны, явное стремление молодежи и представителей средних (наиболее активных в экономическом плане) возрастных групп жить в нынешней России со всеми присущими ей проблемами и противоречиями, а с другой – очевидную ностальгию представителей старшего поколения по жизни в СССР, их желание оказаться в обществе «брежневского образца». К слову сказать, если в 1998 г. сторонники жизни «в брежневском обществе» доминировали над «современниками» в соотношении 46% на 25%, то в условиях пореформенной России (а именно в 2007 г.) в общенациональном сознании россиян произошел примечательный перелом: около 60% сделали выбор в пользу современного российского общества, и только 20% – в пользу общества брежневского типа.

В современной социологии принято использовать и такой интегральный показатель состояния социального самочувствия, как *самооценка гражданами своего положения в обществе*, иначе говоря, своего социального статуса. В этой связи необходимо отметить следующий, весьма показательный, результат: за время преодоления системного кризиса 1990-х годов в российском обществе произошло радикальное переосмысление социальных статусов. Доля россиян, довольных своим социальным положением, стала доминировать над долей недовольных им в соотношении 4 : 1. По всей видимости, мы имеем дело с весьма существенным обстоятельством, являющим собой не только важнейшую предпосылку социальной стабильности, но и значимое для людей условие комфортности их социально-психологического состояния в целом.

В настоящий период можно утверждать: *социальная структура российского общества, построенная на основе оценки самими гражданами своего места в нем, приближается к модели, характерной для стабильно развивающихся стран.* Социологический анализ показывает, что изменения в самоощущениях людьми своего места в обществе за последние 7–8 лет поистине колоссальны. И проявляются они, прежде всего, в значительном сокращении числа тех, кто ощущает себя «социальными аутсайдерами», и, одновременно, в росте рассматривающих себя в качестве представителей средних слоев. И это, безусловно, влияет на укрепление стабильности российского общества. Обнадешивает и то, что в последние годы коренной перелом в социальных самоощущениях произошел во всех без исключения возрастных группах населения.

Однако успокаиваться рано. Исследуя социальную структуру российского общества посредством использования индекса уровня жизни, учитывающего широкий спектр не только денежных, но и любых других доступных населению экономических ресурсов, а также возможности удовлетворения групп потребностей, связанных с различными видами внепроизводственной деятельности людей¹⁸, мы приходим к выводу, что большинство (59% населения на начало 2009 г.) россиян характеризуется сегодня тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности». Наиболее тревожными в этом контексте выступают проблемы бедных слоев населения. При этом особую обеспокоенность вызывает не столько численность бедных, сколько причины попадания в бедность, свидетельствующие как о неадекватности государственной социальной политики, так и о нездоровой ситуации на рынке труда.

Понимание особенностей и социальных основ формирования российской гражданской нации невозможно вне анализа тех социальных общностей, с которыми отождествляют себя наши сограждане. Результаты исследования идентификационных характеристик позволяют считать, что в пореформенной России концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум.

По данным, ИС РАН роль россиянина, гражданина России является в настоящее время наиболее распространенной «Я-идентификацией» (почти 60% поддержки). Такая идентификация как «житель определенной местности» и даже «представитель конкретной национальности» от нее заметно отстают. Добавим к этому, что и в структуре «Мы-идентификации» чувство общности с россиянами с той или иной частотой испытывают свыше 80% населения страны. Приведенные данные свидетельствуют о достаточно высокой и нарастающей внутренней интегрированности российского общества и даже о возможности формирования в обозримой перспективе в России гражданской нации.

Еще в начале 90-х годов XX в., после краха великой державы – СССР, многие не понимали, в какой стране они живут. На вопрос «Что такое Россия?» – респонденты четкого ответа дать не могли. Сегодня «простые люди» его дают. Россию считают страной, которая имеет собственные цели развития, может их выражать и защищать, не заискивая перед Западом. С социолого-политологической точки зрения, это можно назвать «возрождением державности», новым обретением чувства гордости за свою страну.

Результаты наших исследований говорят и о том, что в пореформенной России сосуществуют традиционалистски настроенная часть общества и те сограждане, в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы, иначе говоря, носители модернистского сознания. Выделяется и та часть населения, которую следует охарактеризовать как носителей промежуточного типа сознания, сочетающего в себе элементы традиционализма и модернизма.

Анализ динамики национального самосознания позволяет сделать принципиально важный вывод: преодолев системный кризис 1990-х годов, кризис, опасный своей способностью поражать все без исключения ячейки и сферы общества, *Россия реформирующаяся превратилась в Россию*

пореформенную, где относительно сложившиеся и укрепляющиеся государственные, политические и общественные институты опираются на поддержку гражданского большинства, стабильные общественные унаследования. Не отрицая очевидных проблем, мы видим, что современная Россия «...уже не то полупарализованное полугосударство, каким была еще десять лет назад»¹⁹. Она самоопределяется, постепенно встает на ноги, обретает собственную субъектность, причем не только на внешнеполитической сцене, но и как страна с самостоятельной судьбой, собственными планами на будущее.

Вместе с тем, национальное самосознание россиян остается противоречивым. Слабость, недостаточная интенсивность общегражданской идентичности, во многом носящей пока что формальный характер, компенсируются в ряде случаев усилением роли этнических компонентов, включающихся в процесс формирования самосознания. Однако за стремлением испытать чувство общности с русскими стоят в большей степени социокультурные, нежели какие-либо иные, факторы.

Русский радикальный национализм остается уделом меньшинства, а доля его носителей в течение последнего десятилетия стабилизировалась на отметке в 11–15%. Еще меньше тех, кто идентифицирует себя с политическими организациями радикально националистической направленности.

И еще один момент. Общенациональное сознание пореформенной России характеризуется резким повышением удельного веса в нем массовых суждений и оценок внешнеполитической направленности.

Подобное явление имеет свое объяснение. К середине 90-х годов XX в. в массовом сознании россиян постепенно утвердилось мнение, согласно которому при всей своей привлекательности западный путь развития, опыт которого переносился когда-то на отечественную почву, для России не приемлем. Как следствие, культурно-историческая самобытность российского общества стала интерпретироваться в качестве непреходящей базовой ценности. В соответствии с новой парадигмой стало переосмысливаться и отношение между «Мы» и «Они», в том числе применительно к внешнеполитическим задачам государства.

Отметим, что Запад выступает в российском самосознании в различных образах, сменяющих друг друга в зависимости от конкретных условий. В качестве доминирующего субъекта международных отношений он представлен разного рода политическими, военно-политическими и экономическими структурами, наиболее проблемной из которых является в глазах россиян НАТО, отношение к которому в российском обществе продолжает оставаться устойчиво негативным в течение ряда лет.

Что думают россияне по поводу перспективы интеграции России с Евросоюзом? В 2002 г. количество «еврооптимистов», связывающих будущее России с ее вступлением в объединенную Европу, превышало количество «евроскептиков» в соотношении 42% на 30%. К началу 2009 г. картина полностью изменилась: противники объединения с Евросоюзом составляли около 50%, в то время как доля еврооптимистов упала до 30%.

Означают ли приведенные данные, что россияне в большинстве своем являются откровенными противниками сближения России и Европы. Нет, не означают. Даже при том, что психология и культура российского общества, а также конкретная внешнеполитическая ситуация накладывают на эту про-

блему целый ряд условий ограничительного характера. В отличие от какой-либо другой внешнеполитической ориентации подобный процесс не вносит в российское общество нежелательной психологической напряженности и не провоцирует в нем значительных духовных расколов. Образно выражаясь, осуществление разумной стратегии сближения с Европой не потребовало бы от россиян «переступить через самих себя». И это само по себе достаточно важно. В конечном счете «европейский путь» может быть без особого внутреннего сопротивления (хотя и с определенными оговорками) принят всеми основными социально-демографическими группами и слоями населения. При условии, что движение по данному пути не принесет россиянам очевидных и болезненных разочарований, что зависит уже не только от России, но и от ее партнеров.

* * *

Подводя итоги, заметим, что, с социологической точки зрения, у России есть все основания для формирования и укрепления российской нации как гражданского надэтнического политического сообщества.

Не стоит забывать, что нация являет собой «...не просто результат этнокультурной унификации и “длительного исторического формирования”, а результат целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению среди населения представлений о народе как нации, общих ценностях, символах, устремлениях»²⁰. Такие общие представления существуют в странах и с более разобщенным населением, чем в России. В современной России наблюдается складывание реальной общности россиян на основе исторических и социальных ценностей, патриотизма, культуры и языка. И важно, чтобы усилия элиты общества были направлены на утверждение этой общности через многие механизмы и каналы, но прежде всего посредством обеспечения гражданского равноправия, системы воспитания и образования, государственного языка, культурного и масс-медийного производства.

¹ Факт существования в России гражданского общества ставится под сомнение не только в ряде серьезных публикаций (см., например: Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития: мат. научн. конф. Москва, Институт федерализма и гражданского общества. 7 дек. 2000 г. М., 2001. С. 11, 19, 20), но и в оценках и мнениях рядовых граждан. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в начале 2008 г. лишь 25% опрошенных считали, что гражданское общество в России уже сложилось и существует. При этом наиболее часто респонденты объясняли существование «гражданского общества» тем, что «есть законы, и они соблюдаются» (3%); «есть право отстаивать свои права» (1%); «есть митинги и акции протеста» (1%); «есть партии, общественные организации» (1%) и т.п., что, разумеется, никоим образом не исчерпывает характеристик гражданского общества. См.: *Канунников А.А.* Гражданское общество в России: настоящее и будущее // Мир и политика. 2008, № 12.

² Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития. С. 132.

³ См., например: *Ольшанский Д.В.* Политико-психологический словарь. М.: Академический проект, 2002; *Дилигенский Г.Г.* Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4; *Кара-Мурза С.Г.* Истмат и проблема Восток – Запад. М., 2002 и др.

⁴ *Зиновьев А.А.* Катастрофка. Повесть о перестройке в Партграде. М., 2003.

⁵ *Патрушев С.В.* Результатом становления и критерием гражданского общества является гражданин // Горбачевские чтения. Вып. 5. Гражданское общество: настоящее и будущее.

1937–2007: память и ответственность. М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), 2007.

⁶ Речь в данном случае идет об *обобщенном, или социальном, доверии*, уровень которого снизился в период с 1989 по 2007 гг. с 54% (данные ВЦИОМ) до 18% (данные ФОМ). Иными словами, в середине относительно благополучного, с социальной точки зрения, 2007 г. лишь 18% россиян полагали, что большинству людей можно доверять, тогда как 78% считали, что в отношениях с людьми следует быть осторожными. Подробнее см.: Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Под ред. Л.И. Якобсона. М., 2008. С. 168–169.

⁷ Здесь уместно и должно вспомнить слова великого русского философа, писателя и публициста И.А. Иванова, писавшего, что государственный строй – это не «одежда», которую можно сменить в любой момент; это, скорее, органически свойственное ему «строение тела», его костяк, несущий мускулы, органы, кровообращение и кожу. Только политические верхогляды, считал философ, могут воображать, будто народам возможно «даровать» их государственное устройство, будто существует единая государственная форма, «лучшая для всех времен и народов», а посему нет ничего опаснее и нелепее стремления навязывать народу то, что не соответствует его историческому бытию. См.: *Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России*: в 2-х томах. М., 1992. Т. 1. С. 194.

⁸ *Красин Ю.А.* Социальное неравенство в политическом измерении [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/rus/gos/socialnoe_neravenstvo_v_politicheskom_izmerenii_2008-11-4-16-29.htm>.

⁹ *Гуторов В.А.* Современные концепции гражданского общества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <<http://go.philosophy.pu.ru/bib/index.html>>.

¹⁰ *Зарщиков А.* Проблемы становления Гражданского общества в современной России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <<http://www.pareto-center.ru/smi-38.html>>.

¹¹ *Havel V., Klaus V., Pithart P.* Civil Society After Communism: Rival Visions // *Journal of Democracy*. January 1996. Vol. 7, No. 1. P. 18.

¹² См., например: *Арутюнян Ю.В.* Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4; *Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В.* Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М., 2010; *Дробижева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в политическом российском обществе // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2; *Горшков М.К.* Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // *Вестник российской нации*. 2008. № 1; *Паун Э.А.* От Третьего Рима к гражданской нации // *Независимая газета*. 14 февр. 2006 г., № 30 (3710); *Российская идентичность в Москве и регионах* / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2009; *Россия на рубеже веков* / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2000; *Русская идентичность на постсоветском пространстве* / Под ред. С.Ю. Пантелеева. М., 2008; *Тишков В.А.* Нация и национальная идентичность в России // *Вестник российской нации*. 2008. № 1 и др.

¹³ К этой группе относятся прежде всего положение в аскриптивных группах (половозрастных, семейных, расовых), а также принадлежность к различным формам культурных групп (цивилизационной, этнокультурной, конфессиональной). Подробнее см.: *Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В.* Указ. соч. С. 10–11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Мартынов В.Ф.* Альтернативное пространство глобализации // *Диалог культуры и перспективы социокультурной глобализации в современном обществе*: Сборник научных статей / Под ред. В.Ф. Мартынова. М., 2005. С. 5.

¹⁶ *Дробижева Л.М.* Указ. соч.

¹⁷ Здесь и далее мы будем обращаться к результатам исследований: «Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (Институт комплексных социальных исследований, 1998 г.); «Новая Россия: десять лет реформ» (Институт комплексных социальных исследований, 2001 г.); «Европа и Германия глазами россиян» (Институт комплексных социальных исследований, 2002 г.); «Богатые и бедные в современной России» (Институт комплексных социальных исследований РАН, 2003 г.); «Социальное неравенство в социологическом измерении» (Институт социологии РАН, 2006 г.); «Городской средний класс в современной России» (Институт социологии РАН, 2006 г.); «Российская идентичность в социологическом измерении» (Институт социологии РАН, 2007 г.); «Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?» (Институт социоло-

гии РАН, 2008 г.); «Чего опасаются россияне» (Институт социологии РАН, 2009 г.); «Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов» (Институт социологии РАН, 2009 г.); «Готово ли российское общество к модернизации?» (Институт социологии РАН, 2010 г.).

¹⁸ Исходной гипотезой при построении индекса выступало предположение, что дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у него есть, но и в том, чего у него нет. Тем самым, рассмотрение реального уровня жизни включает не только оценку уровня благосостояния, но и оценку уровня депривации – испытываемых лишений и ограничений в общепринятом наборе потребительских благ. Подробнее см.: Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2009.

¹⁹ *Медведев Д.* Россия, вперед! // Российская газета: Федеральный выпуск. 11 сентября 2009 г. № 4995 (171).

²⁰ *Тишков В.А.* Нация и национальная идентичность в России.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН¹

В последние годы проблема гражданской идентичности россиян оказалась в центре внимания научных и политических дискуссий. И это понятно, потому что с конституированием новых независимых государств прежде всего решался вопрос о смене гражданской идентичности населения союзных республик бывшего СССР. Вместо граждан СССР без тяжелых потерь и страданий начался процесс новой государственно-гражданской самоидентификации. Российская Федерация – Россия провозгласила себя, и это было признано мировым сообществом, воспреемницей СССР и Российской империи, проведя десоветизацию страны. Из чего, как бы само собой, вытекала необходимость возрождения понятия «россияне» как самоидентификации народов прошлой России. Этот шаг преследовал также далеко идущую цель – построение в стране политической нации по западноевропейскому образцу.

Отметим, что в старороссийской и советской науке понятие «нация» рассматривалось сугубо в историко-социально-культурологической, а не политической интерпретации. То есть иначе, чем в западноевропейской традиции, которая, начиная с периода крушения феодализма, под «нацией» подразумевает не этническую, а гражданскую солидарность, «народ» как источник власти. Попытки отдельных ученых не только советской, но и постсоветской России ввести в научный лексикон понятие «нация» как согражданство отторгались, прежде всего в республиках, и не получили формально-юридического признания ни в одном из нормативных правовых актов Российской Федерации. И это объяснимо. Советская национальная политика во главу угла ставила задачу формирования новых, социалистических наций и в основу государственного устройства заложила принцип этнической федерации. Впоследствии, опираясь на тезис, что национальный вопрос в СССР решен, была поставлена амбициозная стратегическая задача формирования новой исторической общности – «советского народа», как надэтнической, политической структуры. Данное положение было закреплено в решениях КПСС. По сути, это был западноевропейский взгляд на «нацию» как политическую общность. Однако, несмотря на показное единомыслие того времени этнонациональные элиты в СССР настороженно отнеслись к этим партийным новациям, усмотрев в них скрытую форму идеи «слияния наций», о которой в свое время говорил В.И. Ленин.

Дискуссии вокруг понятия «российская нация», особенно оживившиеся в связи с рядом публикаций академика РАН В.А. Тишкова, до времени не перерастали в политическую полемику и не становились объектом внимания высших органов государственной власти. И вот 5 февраля 2004 г. в Чебоксарах (Республика Чувашия) на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал следующее: «Мы имеем все основания говорить о россий-

ском народе, как о единой нации, и мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное и историческое единство»².

Вступив в должность в 2008 г., Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, выступая на церемонии открытия V Всемирного конгресса финно-угорских народов в Ханты-Мансийске, подчеркнул, что «само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды, на многовековом мирном опыте проживания в одном государстве более ста шестидесяти народов. Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости»³.

Казалось бы, точки над «и» расставлены. И все же, в отличие от прежних времен, когда слова руководителя государства автоматически становились аксиоматическими, вышесказанные сентенции большим отрядом ученых и, во многом, гражданским сообществом не были восприняты как безальтернативные. Даже, казалось бы, безупречное по форме и содержанию высказывание В.В. Путина о «советском народе» как большом достижении СССР в формировании политической нации вызвало настороженность, когда он спроецировал его на «российский народ». Многие сочли, что при путинской политике «жесткой руки» и «вертикали власти» идея «российской нации» станет новым форматом слияния наций.

На сегодня преобладают три точки зрения по вопросу российской нации. Первая: да, российская нация сформирована, развивается. В подтверждение этого приводятся впечатляющие выкладки социологических исследований и опросов, по результатам которых уровень российской идентичности граждан приближается к 70%. Вторая: идея российской нации – не что иное как новая попытка русификации, умаления национального-этнического, угроза федерализму. Третья: «российская нация» как политическая нация, согражданство, – это то, к чему должна стремиться Россия. Однако Россия никогда не была государством-нацией в силу своей политической отсталости от Европы и не является таковой сегодня, поскольку в ней не сформировано гражданское общество.

Не ставя перед собой задачи анализировать названные точки зрения (каждая из них имеет достаточно широкую литературу типа «pro et contra»), мы попытаемся в общих чертах дать свое видение этой проблемы.

Первое. Естественно, трудно отрицать, исходя из чисто формальных признаков, что Россия по меньшей мере со времен буржуазных реформ Александра II не может не быть названа государством-нацией в общепринятой европейской трактовке. Государством-нацией, безусловно, был и СССР, и таковой, конечно же, является современная Россия.

Второе. Эти государства-нации (Российская империя, СССР, Российская Федерация) имеют принципиальное отличие от государств-наций Западной Европы и США. Суть этих отличий состоит в том, что Россия исторически – это православно-исламская, славяно-тюрко-финно-угорская цивилизация, а Запад, и прежде всего США, – это преимущественно протестантско-индивидуалистическая цивилизация. В данном контексте Россия – это многообразие. Здесь невозможна унификация. Страны Запада формировали свою государственность в том числе и путем ассимиляции, как правило, насильственной. Россия же эволюционировала как многонациональное, многорели-

гиозное, многоцивилизационное государство путем адаптации, интеграции, сожительства многих племен и народов. Она не понимала и не принимала ассимиляторство, сохранив в своем лоне все языки и верования.

Выступая в Храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси, Д.А. Медведев особо подчеркнул, что «реализация такого исторического выбора позволила нашим предкам глубже осознать собственную идентичность, серьезно укрепить национальное самосознание. Он отметил при этом, что уже на стадии своего зарождения российская нация, как и сама государственность, стала складываться как полиэтническая и реально сформировалась на базе синтеза восточных и западных культур. Имея в своей основе православное ядро, она была изначально открыта для других верований и культур»⁴.

Повторимся: в СССР суть национального вопроса состояла в том, чтобы формировать и развивать социалистические нации. Накануне распада СССР отмечалось, что в его составе живут и процветают 53 социалистические нации (по числу республик, автономных областей и округов). Можно сколько угодно иронизировать по этому поводу, но в национальном самосознании народов СССР фактор нации – не как согражданства, не как политической общности, а как общности этнической – был, говоря философским языком, категорическим императивом.

Третье. Означают ли названные выше посылы, что в условиях такой глубокой этнической дифференциации невозможна интеграция народов России в форме политической нации? Сразу же ответим: конечно, нет, не означает.

Приоритетная роль в разработке теории нации как политического феномена отечественным научным сообществом справедливо отводится академику В.А. Тишкову. В своих трудах он дал глубокий анализ эволюции понятия «российский народ», «россияне» как политической нации, опираясь на исследования, в том числе и выдающихся российских историков Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского.

Размышляя о таких понятиях как «нация», «народ», эти историки опирались на западноевропейскую методологическую мысль, что «государство – это форма народа». Исходя из этого, они связали формирование российской политической нации с периодом, когда государство начало «восторжествование над родовыми отношениями». По мнению Соловьева, уже при Иване IV Россия готовилась вступить в смью европейских народов. Шло фактическое и во многом юридическое уравнивание народов и религий, активно развивалась совместная деятельность сословий в делах хозяйственных и политических, входили в жизнь Земские соборы⁵. Конечно, это были лишь зачатки политической нации, которые впоследствии были заглушены введением крепостного права.

По Ключевскому, благодаря реформам Александра II, все российское сообщество уравнивалось перед законом. «Теперь оно, – писал историк, – состоит из одинаково свободных граждан, на которых падают одинаковые общественные и государственные повинности... До реформы Россию можно было называть Русским государством только в условно преувеличенном смысле. Это не было государство русского народа... Россия и в XIX веке оставалась невольничьей страной; только верхние классы ее населения (дворянство, духовенство и городской состав) были полноправными в тогдашнем размере русского полноправия...»⁶ С реформами Александра II сельские по-

датные классы (около 90% всего населения Русской империи)... «вступили в правовой состав государства, получили звание правоспособных граждан». Примечательны в этой связи слова канцлера Нессельроде, который 40 лет управлял дипломатическим ведомством в России: «мы знаем только одного царя; нам нет дела до России»⁷.

Этот краткий исторический экскурс позволяет сделать и такой вывод: процесс формирования политической нации (это относится не только к России) не есть непрерывное поступательное движение от низшего к высшему. На этом пути бывают откаты и даже полное затухание движения. Как замечает О. Шпенглер, «название римляне во времена Ганнибала обозначало народ, а во времена Траяна – только население»⁸. История российской политической нации также пережила такие перепады.

По всем формальным признакам, и это закреплено в преамбуле Конституции Российской Федерации, многонациональный народ России – суть российский народ – является единственным источником государственной власти, а значит (мы считаем, что это вытекает из данной преамбулы), и «российской нацией». В то же время здесь важна не столько формальная, чисто юридическая сторона вопроса, выражаемая словами «многонациональный народ – источник власти», сколько факт чувствования и сопричастности к России индивидуумов и народов как к своему Отечеству. Важна их самооценка прочности этого единства. Ведь общество в целом понимает, что после распада СССР в новой России – Российской Федерации – не могла сразу же политическая нация «советский народ» трансформироваться в политическую нацию «российский народ» путем замены паспортов, тем более с учетом таких составляющих «политической нации», как государственный, социальный, общественно-политический строй, характер господствующей идеологии, классовые отношения, религия и т.п. В этом понимании, конечно же, «российская нация» царских времен, «советская нация» времен СССР и «российская нация» нашего времени, сохраняя в чем-то преемственность, суть разные ипостаси. Соглашаясь с тем, что «российская нация» сегодня – это объективная реальность, мы считаем, что она находится лишь в начале своего пути после «реинкарнации», в поисках новых средств общероссийской идентичности. И поэтому сегодня речь должна идти о консолидации, об углублении политического, духовного единства всех этносов, всех индивидуумов страны, для которых Российская Федерация, Россия является общим Отечеством. Такой подход мы считаем главенствующим в сплочении народов, образующих российскую нацию. В этом процессе важны также и приоритеты.

Представляется методологически неверными формулировки в социологических исследованиях и опросах, когда респондентов спрашивают: «Кем вы себя больше чувствуете: русским, татаринном или россиянином, европейцем (человеком мира)?». Это затуманивает существо вопроса. Ведь даже стопроцентный ответ, скажем, что человек ощущает себя больше всего россиянином, дает ли он основания для умаления идентичности? И наоборот, умаляет ли уровень сплоченности российской нации более высокий процент этнической самоидентификации? Здесь мы подходим к главному, по нашему мнению, теоретико-методологическому требованию при оценках уровней российской идентичности и, следовательно, к проблеме консолидации российской нации. Суть этого требования видится в том, чтобы при изучении

степени сплоченности российской нации не следовать слепо принципу иерархии идентичностей.

Выдающийся русский философ Г.П. Федотов писал: «Наше национальное сознание должно быть достаточно сложным и гибким, чтобы учитывать многонациональную специфику государства. Для народов великороссийской ветви это сознание должно быть *одновременно* великорусским, русским и российским. В том случае, когда речь идет о малороссах, формула приобретает такой вид: малоросское, русское, российское. Учет единокровного сопутствует в этих формулах расширению национального сознания и его тяготению к заботе об общем для всех нас доме. Задача каждого русского состоит в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его «русскости») в сознание российское. Это значит воскресить в нем, в какой-то мере, духовный облик всех народов России». Иными словами, Г.П. Федотов выстраивал национальное сознание (идентичность) как «множественное и не взаимоисключающее, а как бы расширяющееся и включающее в себя все более высокие уровни вплоть до общероссийского»⁹.

Как говорили древние: «Я римлянин, и притом галл». Примечательны в этой связи и слова О. Шпенглера: «Отличие народа от населения, то, что выделяет народ из населения, заключается во внутреннем переживании понятия “Мы”. Чем глубже это чувство, тем сильнее жизненная сила объединения»¹⁰.

В то же время не может быть возвышенного чувства любви к России (российская идентичность) без возвышенной любви к родному очагу (этническая, региональная, родовая идентичности). Соглашаясь с мыслью Г.П. Федотова о важности «одновременности сознания великорусского, русского и российского» в воспитании личности приоритетным, на наш взгляд, должно быть все же воспитание любви к первой ипостаси (этничности). Именно здесь заложен могучий потенциал расширения этнического самосознания в сознание более широкое, «без ущерба» для первого. Как отмечал И. Ильин, любовь к прошлому, к своим предкам, к истории своего народа порождает в человеке здоровую гражданственность, чувство Родины. И лишь духовно и национально самоутвердившемуся человеку доступна та высота, с которой перед ним открывается всечеловечность¹¹. С большой страстью об этом сказал А.С. Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, –
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества.

Мы разделяем в этой связи формулу, предложенную В.А. Тишковым: «Россия – это нация наций». Первое слово – «нация» – означает надэтническую (гражданскую) идентичность. Второе слово – «наций» – конституирует

этнонациональную (этническую) идентичность. Таким образом, конструкция «Россия – нация наций» не отменяет идентичности и целостности этнонаций (этносов), ни русской, ни татарской, ни чувашской, ни какой-либо другой. Да, в этой формуле прослеживается некая аналогия с «советским народом» в ее первой части. Но она не однополярна, потому что вторая ее часть говорит об этнонациях как важнейшей составляющей единой российской нации.

Введение в широкий не только научный, но и политический оборот понятия «российская нация» оказывает большое влияние на формирование общественного сознания и в то же время требует выверенных подходов к трактовкам, относящимся к этническим процессам в современной России.

Опасения перехлеста в сторону деэтнизации, ассимиляционных тенденций высказываются довольно настойчиво не только в республиках, но и от имени русского народа. Характерна в этом отношении, например, статья писателя и журналиста А. Самоварова «И заспорили славяне...» в газете «Завтра» (9 сентября, 2009 г., № 37). Автор ставит вопрос: «Какая может быть правильная иерархия ценностей в нынешней РФ?». И отвечает: «Только когда во главу угла ставятся интересы русского народа. А почему русского, а не многонационального российского? Да потому, что нет в реальности этого многонационального народа, и народ РСФСР образца 1991 г. был более единым, чем нынешний народ РФ после двадцати лет строительства многонационального государства. Нет такого субъекта как российский народ, не к кому обращаться. Татары сами по себе, башкиры сами по себе, чеченцы сами по себе, и даже каждый народ многонационального Дагестана сам по себе». То есть во главу угла он ставит проблему не российской, а русской нации.

В той же газете (23 сентября 2009 г., № 39) политолог С. Кургинян дал развернутую критику позиции Самоварова, как глубоко вредной, возрождающей «племенную рознь», и, естественно, губительной для сохранения целостности российского государства. Соглашаясь в главном с Кургиняном, (лозунги типа «Грузия для грузин», «Украина для украинцев» и т.д. уже настолько дискредитированы, что добавление к ним призыва «Россия для русских» вряд ли покажется более привлекательной), все же заметим, что в статье Самоварова затронута очень серьезная проблема – проблема «кризиса старой идентичности».

Нация – «советский народ» – распалась. Самым разделенным оказался русский народ (около 30 млн россиян, идентифицирующих себя с «русской нацией»), остались за пределами Российской Федерации, подвергаясь нередко дискриминации). На постсоветском пространстве создаются по сути новые нации, причем в большинстве в виде этнонаций. В порядке исключения назовем Казахстан, где принцип политической нации стал конституционным, и даже ранее именуемая «Ассамблея народов Казахстана», возглавляемая президентом страны, обрела имя: «Ассамблея народа Казахстана».

Все это, конечно, не могло не вызвать кризиса идентичности русского народа, русской этнонации. Настрой Самоварова – не исключение. Если ранее, с петровских времен и до образования СССР, понятия «русский» и «россиянин» воспринимались в качестве синонимов, то за 70 лет советского периода понятие «россиянин» исчезло из лексикона. Сегодня оно зачастую воспринимается настороженно не только в республиках, но и среди русских. Это нужно учитывать и, не отступая от намеченной цели по консолидации

«российской нации», действовать на всех уровнях, начиная со школьной скамьи, продуманно и с большим тактом.

В то же время мы видим, что после политических ориентировок относительно «российской нации», данных первыми лицами страны, начался соревновательный зуд во многих социологических службах. Даже самые авторитетные из них спешат сообщить: «Последние социологические замеры показывают, что российская гражданская идентичность стоит на первом месте по сравнению с другими формами идентичности, включая этнонациональную».

Как это расценивать? Если бы так было в действительности, то это тревожный сигнал: значит, граждане России утрачивают собственное «национальное самосознание», ведь национальная (этническая) идентичность занимает особое место. Как замечает академик РАН А.А. Гусейнов, «национальная идентичность... сродни ценностной оценке отношения к матери и отцу». Не может быть прочной российская идентичность, если утрачиваются глубинные корни «в отчем доме». Да и сама реальность говорит о другом. Например, социологические опросы, проведенные в ряде республик и городов России в 2000 г., дали следующие результаты. На вопрос «Должны ли, по вашему мнению, республики, входящие в Российскую Федерацию, иметь право выхода из нее?» положительные ответы респондентов расположились так: Мордовия – 28%; Ставрополь – 32%; Татарстан – 32%; Ассамблея народов России – 36%; Уфа – 38%; Волгодонск – 46%; Астрахань – 47%; Кабардино-Балкария – 58%; Ингушетия – 73%¹².

По данным опросов населения, проведенных Институтом социологии РАН в 2010–2011 гг., в России очень высока вероятность конфликтов на национальной почве, а 51% россиян выражают готовность надолго или навсегда покинуть родину¹³.

Мировой и отечественный опыт подсказывает, что политическая гражданская нация не может возникнуть вне базовой основы, каковой является зрелая, сформировавшаяся этнонация. А это значит, что и осознанная российская идентичность (российская политическая нация) не может быть ничем иным, как синтезом этнических идентичностей всех народов (этносов) России. И в развитии этого процесса в целях достижения «единства в многообразии» важны выверенные не только методологические, но и дидактические подходы. Суть этих подходов логично вытекает из того, чтобы всегда учитывалась жесткая и непротиворечивая взаимосвязь «нации» как категории политической и «нации» как категории социально-исторической (этнонации).

Нация (этнонация) и производные от нее понятия «межнациональные» и «межэтнические» отношения, «этнокультурная» и «этнонациональная» политика исторически всегда играли огромную роль в организации государства, в преодолении разделенности общества, формировании его единства, сплоченности, в развитии демократии, что в полной мере проявилось в эпоху становления капитализма.

По мере этногенеза нации, наряду с ее духовно-нравственными, психологическими ценностями, растет осознание «нации» как самое себя в качестве суверена, источника власти, носителя общественных интересов, т.е. субъекта политики. Так, обнаруживается двойственная природа этнонации (духовная и политическая), которая проявляла себя ситуативно и легитимизирует максимальное сближение этнической и гражданской (политической) иден-

тичности. И чем мощнее будет потенциал этнической идентичности, подкрепленный ее политической волей, тем прочнее будет осознаваться идентичность применительно к России, т.е. общероссийская, а значит, сплоченнее будет российская нация. При этом важно, чтобы «национальное (этническое) самосознание» как можно полнее отражало и общие интересы страны. Тогда этничность и гражданственность все больше будут входить в русло сближения и становиться равноправными элементами как национального (этнического), так и общественного сознания, что создаст благоприятные условия для формирования и укрепления гражданского общества, в котором права человека и права наций (этносов) будут гармонично взаимодействовать как неконфликтные элементы одной системы.

Отмечая эту взаимосвязь, уместно еще раз процитировать О. Шпенглера: «Физиологическое происхождение существует только для науки, а не для сознания (духа) народа, и что ни один народ не воспринимает с энтузиазмом идеал “чистой крови”»¹⁴.

Как и в национальном вопросе, в развитии национального (этнического) самосознания действуют две тенденции: тенденция к этнической идентичности и тенденции к общероссийской (гражданской) идентичности. Здесь важно соблюдение баланса и, конечно же, наличие общей, объединяющей все народы гуманистической идеи. В противном случае национальное (этническое) самосознание может замкнуться на узкопрагматических интересах, а то и повернуть в сторону агрессивного этнического национализма.

В последние годы значительно возросло влияние религии на общественное и национальное (этническое) сознание. Исторически длительное время идет соперничество (а в ряде случаев взаимосвязь) между идентичностью национальной (этнической) и идентичностью религиозной. Известно, что в царской России, например, идентичности этнической не было, а была идентичность по вероисповеданию. В Западной Европе национальные различия оказались сильнее религиозных, в то же время в мусульманском мире не угасают идеи как панисламизма, так и пантюркизма при ведущей роли религиозной идентичности.

По данным исследования, проведенного Социологическим центром РАГС при Президенте РФ, в 35 высших учебных заведениях страны религия как объединяющий фактор людей одной национальности в ряде случаев выходит на ведущее место. Наиболее ярко это было выражено у студентов, исповедующих ислам. Для них религия была названа главным элементом идентичности (выше, чем язык, история, культура, территория). Большую роль религии в самоидентификации отводят студенты, условно говоря, симпатизирующие буддизму, иудаизму, протестантизму.

В то же время, исследования показали, что этническая и религиозная самоидентификация для студентов русской национальности значительно менее важна, чем для студентов других национальностей и вероисповеданий¹⁵. Это – сигнал, свидетельствующий о серьезном кризисе идентичности у русских молодых людей, требующий, по мнению экспертов, радикальных перемен, прежде всего в школьном гуманитарном образовании и воспитании, особенно с учетом того, что у учащихся очень плохие знания об истории и культуре народов России, высокий уровень ксенофобии и интолерантности.

Нациестроительство – громадная проблема воспитания. В обществе, в молодежной среде много рвачества, недружелюбия. России нужна новая

культура этнических межличностных отношений. Когда речь идет о ценностном статусе тех или иных народов, надо исходить из того, что все они – одинаковы, равны. Равны, несмотря на реальные различия между ними. Одно признание этого создает благоприятный фон, адекватную атмосферу межнациональных, межэтнических контактов¹⁶.

* * *

Все эти часто трудноуловимые, но весьма существенные факторы надо обязательно учитывать в процессе формирования и укрепления единства российской нации. Задача эта по своему значению имеет масштаб общенациональной идеи. От ее решения зависит судьба государственности России. По своей внутренней структуре, содержанию и форме обновляющаяся российская нация не может просто повторить себя как российская нация периода Российской империи, как «советская нация» или как современное государство-нация Запада. Она не должна поддаться западноевропейским соблазнам, как «плавильного котла» этнической ассимиляции, так и «мультикультурализма», ведущего к формированию параллельных этнических сообществ. Ее высшая цель видится в том, чтобы новая российская нация вобрала в себя все лучшее из предшествующего тысячелетнего опыта России и СССР, зияющего на политике взаимообогащения и сохранения этнического многообразия, на диалоге культур и этнокультурной солидарности, межэтнической лояльности, на единстве политической воли всех народов России.

Мы представляем себе процесс консолидации и упрочения российской нации не как движение к государству-нации, а как движение, опирающееся на культурно-цивилизационное многообразие России, – к формированию новой сущности России как государства-цивилизации. Этот смысловой ориентир этнонационального развития России может стать мощным фактором сближения идентичностей, когда обе самоидентификации личности – этническая и политическая (россиянин) – будут не конкурирующими, а взаимодополняющими друг друга.

¹ В основу статьи положена публикация автора в журнале «Вестник российской нации» (2009. № 9).

² Официальный сайт Президента Российской Федерации. www.president.kremlin.ru

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Соловьев С.М. Собр. соч. Кн. IV. С. 373.

⁶ См.: Ключевский В.О. Собр. соч. Т. 5. С. 277; 433–434.

⁷ Там же. С. 349.

⁸ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. М., 1995. Т. 1. С. 810.

⁹ Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Судьба и грехи России: в 2-х т. СПб.; София, 1991. Т. 2. С. 181.

¹⁰ Шпенглер О. Указ. соч. С. 810.

¹¹ См.: Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 1. С. 168.

¹² См.: Иванов В.Н., Яровой О.А. Российский федерализм: становление и развитие. М., 2001, С. 137, 142, 145, 150, 152, 156, 161, 166, 170, 186, 197.

¹³ См.: Независимая газета, 23 июня 2011 г.

¹⁴ Шпенглер О. Указ. соч. С. 879.

¹⁵ См.: Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России: этническое самосознание и межэтнические отношения. М., 2008. С. 11–12.

¹⁶ См.: Гусейнов А.А. Этика межнациональных контактов // Миграционные процессы и межэтнические отношения в Москве. М., 2007. С. 34.

КАТЕГОРИЯ «РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И ФЕНОМЕН ПОЛИЭТНИЧНОСТИ

В исследовательской литературе существуют различные мнения как о сущности цивилизации, так и о цивилизационной природе России. Хотя ряд авторитетных авторов отказывает цивилизационному подходу в познавательной ценности, считая его «научно несостоятельным и морально ущербным»¹, все же немало историков, культурологов, социологов и иных исследователей используют его, стремясь к постижению закономерностей исторического развития – в том числе развития России. Довольно распространен подход к данной проблеме в русле концепции локальных цивилизаций. Полагаю, что применение этой концепции в общем корректно, поскольку позволяет не только изучать особенности развития России, но и определять ее место в системе других аналогичных систем.

Основные параметры российской цивилизации обычно сводят к следующим позициям: а) промежуточное положение между Востоком и Западом, что обуславливает сочетание в ней черт восточных и западных; б) цивилизация состоит из русской «сердцевины» (Руси), вокруг которой накапливались заимствованные явления и институты; в) периодические цивилизационные рывки в сторону Запада; г) огромное евразийское пространство – малозаселенное на востоке, без естественных сухопутных границ в качестве причины и фактора бурной военной и политической истории России (как формулировал А. Тойнби, двойной «вызов» – со стороны Запада и Степи); д) образование авторитарного государства; е) нередкое пренебрежение юридическими регламентациями, отсутствие фетишизации закона (по словам Н.А. Бердяева, Россия – самая государственная и самая безгосударственная страна в мире); ж) поликонфессиональность; з) полиэтничность.

При всех различиях в подходах многие исследователи едины в признании чрезвычайной устойчивости некоторых основных цивилизационных характеристик России. Такая устойчивость нередко (и, очевидно, верно) интерпретируется как традиционность, приверженность установленным жизненным стереотипам, а сама российская цивилизация относится к числу по преимуществу традиционных – в противовес либеральным цивилизациям. Исходя из исторических аналогий и закономерностей, нетрудно прийти к заключению, что хранителем цивилизационных традиций выступало прежде всего крестьянство², а их нарушителями, инициаторами инноваций оказывались политические и интеллектуальные элиты.

Определенному консерватизму способствовало сочетание некоторых специфических признаков, которые находились в противоречивом взаимодействии друг с другом³. Специфика развития России видится, во-первых, в значительной, доминирующей роли государства как централизованной структуры, организующей социум, выстраивающей его в иерархическую систему, которая подчинена целям социального и политического регулирования всей жизни населения; во-вторых, в синтетической, многослойной культуре (включая религиозную сферу) как комбинации традиций и новаций, восточных и западных заимствований⁴, а также совокупности нравственных

норм и ценностей, не одинаковых для разных общественных страт и народов страны; в-третьих, в доминирующей роли русского народа во всех сферах жизни, несмотря на полиэтничность населения.

Рассмотрение цивилизации как сложной структуры позволяет предположить наличие в ней некоего ядра, центра притяжения инокультурных элементов и источника стабильности культурно-исторической системы. В случае с Россией совершенно очевидно, что таким ядром являются русские государственность и культура.

Многие авторы специально выделяют русско-славянскую или русскую цивилизацию, порой придавая ей не свойственный научной терминологии экстатический антураж (цивилизация «Святой Руси», «Невидимого града Китежа» и т.п.). Политический кризис на Балканах в 90-е годы XX в. обострил внимание к теме славянского братства и особенно русско-сербской солидарности, что сказалось и на предмете исследования. В то время активно разрабатывалась (или скорее пропагандировалась) концепция цивилизационного единства православных славян. В сочинениях авторов левопатриотического толка подчеркивалось духовное единство славяно-православного мира, а Сербия изображалась в виде «форпоста нашей цивилизации»⁵. Таким образом, чисто академическая, казалось бы, теория превратилась в фактор политической жизни.

Авторы, изучающие русскую, или русско-славянскую цивилизацию, кажется, определились с ее специфическими чертами⁶: а) кровное родство составляющих ее народов и близость их языков; б) геополитическое положение между Востоком и Западом; в) единение с природой; г) соборность и «соборные черты славянской ментальности»; д) общинное устройство жизни, народовластие; е) православие и при этом веротерпимость; ж) общее культурное наследие. Кроме того, ее отличия склонны видеть в нестяжательстве, трудолюбии, добролюбии, высокой духовности и прочих идеальных конструкциях.

Как видим, в самом названии объекта изучения заложены трудно стыкующиеся компоненты: цивилизация славянская, но не охватывает неправославных славян (поляков, хорватов и др.), православная, но не охватывает неславянские православные народы⁷ (греков, румын, чувашей и др.). В целом представляется, что разработчики данной концепции ставили цель изучения законов развития прежде всего русского «народа-богоносца», и на фоне этой задачи нелогичность их цивилизационной конструкции уже не имела значения как второстепенная проблема. В данном случае мы сталкиваемся с явлением, которое знакомо и другим национальным историографиям, – некое самолюбование носителей якобы высшей цивилизации. М. Лахбаби метко обозначил таковых как «нарциссующих цивилизаторов»⁸. Характерно, что при тщательном препарировании особенностей развития и культуры русского народа адепты разбираемой концепции не устаивают сколько-нибудь пристальным вниманием прочие цивилизации, отчего подобные исследования превращаются в апологию всего русского, далекую от профессионального научного анализа.

Конечно, мы не вправе игнорировать ни славянское ядро, ни русский культурно-исторический фундамент российской цивилизации (ее «этнический стержень», по определению А.С. Сеньявского, или «несущую конструкцию», по выражению В.К. Трофимова⁹). Однако авторы, более глубоко

изучающие историю России, не могут не учитывать также полиэтничность и поликонфессиональность ее, поэтому порой под обозначением «русская цивилизация» у них скрывается в действительности многонациональный российский социум, вовсе не сводимый к русскому народу¹⁰. Впрочем, известно, что во многих языках все россияне называются русскими (безотносительно к действительной этнической принадлежности).

В самом деле, постигать развитие России без составляющих ее народов непродуктивно, и в литературе уже отмечались как опасность искажения общей картины цивилизационных признаков России при подобном подходе, так и методологические и исследовательские трудности, связанные с преодолением руссоцентризма¹¹. В.А. Тонких и Ю.Л. Ярецкий резонно, на наш взгляд, предлагают рассматривать российскую цивилизацию как «совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов, населяющих Россию, объединенных единым жизненным пространством, историческим временем и устойчивыми социально-экономическими отношениями»¹². Поэтому другим заметным направлением в историографии является исследование сочетания в российской истории и культуре разнородных элементов – восточных и западных, оригинальных и заимствованных, традиционных и инновационных... Это направление совершенно необходимо для познания закономерностей развития нашей страны, поскольку позволяет составить представление о ее государственности и культуре как о сложных, развивающихся, синтетических явлениях.

Тезис о России как своего рода мосте между Европой и Азией, Западом и Востоком, как зоны «встречи» христианского, мусульманского и языческого миров находит выражение в определении ее как цивилизации пограничной (например, «днепровско-волжско-сибирской»¹³) или чаще евразийской. Развернутое обоснование последнего подхода сделала И.Б. Орлова. По ее мнению, под евразийской цивилизацией следует понимать культурно-историческую систему, которая сложилась в ходе более чем тысячелетнего опыта взаимодействия народов, населяющих «срединный континент», что располагается между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом Европой». Люди, живущие на очерченном пространстве, обладают особой евразийской идентичностью, или «общеевразийским национализмом»¹⁴.

Евразийская концепция приобрела популярность среди российских гуманитариев в 90-е годы XX в. – одновременно с открытием ими для себя цивилизационного подхода¹⁵. С одной стороны, сказался тогдашний повышенный интерес к трудам русских эмигрантов, с другой – евразийство в новых условиях показалось одной из удобных теорий для объяснения исторической общности народов и государств на просторах распавшегося Советского Союза. Эта общность сложилась благодаря единой территории огромного государства, присутствия в нем почти всех основных конфессий, связующей роли русского языка, единой исторической судьбе (в том числе в советский период). Адепты неоевразийства утверждают, что необходимо построить евразийскую цивилизацию как «ожидаемый плод... сознания миллионов ностальгирующих по СССР людей»¹⁶. Безусловно, повлияло и осознание исторической общности всех жителей распавшегося Союза – бывшего советского народа.

Драматические повороты в судьбе страны с необходимостью порождали вывод о ряде принципиальных, переломных вех ее развития. Любой хоть не-

много знакомый с отечественной историей человек без труда сможет назвать несколько таких событий: принятие христианства, монгольское завоевание, петровские реформы, революция 1917 года... Именно с такими событиями в работах некоторых авторов и связываются этапы цивилизационного развития России. Причем, отмечается, что «балансирование» ее между Западом и Востоком смещалось то в одну, то в другую сторону. В науке о цивилизациях впервые сходную точку зрения сформулировал, очевидно, А. Тойнби, который считал, будто русские на протяжении примерно тысячелетия принадлежали к византийской цивилизации, а затем совершили два мощных рывка в сторону Запада – стараниями Петра I и большевиков¹⁷. Впрочем, надо отметить, что тезис о византийском компоненте развития России не нашел поддержки у последователей Тойнби. Как правило, речь ведут о компонентах западных и восточных.

Здесь следует упомянуть продуктивную гипотезу А.С. Ахиезера об инверсионном пути развития России, ее постоянном «метании» от западной ориентации к восточной и наоборот¹⁸. В таком случае получается, что, например, период X–XIII вв. был эпохой в основном европейской ориентации, на протяжении последующих трех столетий царил азиатский инверсионный процесс, а с конца XVII в. вновь возобладало равенство на европейские образцы. Распространяя такой подход на советский период, отдельные исследователи склонны видеть в нем своеобразное возвращение к восточной парадигме развития¹⁹. Очевидно, в подобной интерпретации есть рациональное зерно: полное огосударствление всех сфер жизни в СССР было в некоторой мере сопоставимо с устройством восточных деспотий.

Иногда для анализа исторического пути российской державы используется критерий степени модернизации ее экономики и внутренней жизни в целом. Вновь, уже в который раз, ожил спор о значении преобразований Петра I. В чем-то этот спор повторяет на новом витке «вечную» дискуссию, начатую в XIX в. западниками и славянофилами. Одни авторы видят в петровских реформах начало истинной модернизации (фактически вестернизации) всех областей жизни – процесса противоречивого, не одинакового для различных регионов, растянувшегося на два столетия и выразившегося в конце концов в радикальной ломке устоев русского бытия после 1917 г.²⁰ Другие считают, что к началу царствования Петра сложился уже настолько прочный собственный социально-культурный фундамент российской цивилизации, что преобразования по западным образцам были обречены на системное отторжение, поверхностное внедрение и, стало быть, на неудачу²¹.

Последнее мнение обретает многообразные формы, и радикальные отличия развития России от Европы и Америки по-разному трактуются приверженцами различных политических сил. Так, один из лидеров радикально-демократического «лагеря» Е.Т. Гайдар был убежден в том, что она уже с XVI в. «оказалась в положении перманентно догоняющей Запад цивилизации», и вел речь о «вечно догоняющей русской цивилизации»²². Подобный подход традиционен для западных интеллектуалов, смотрящих на Россию как пытающуюся вестернизироваться и приобщиться к европейско-американским стандартам, преодолеть колебания между своей греко-византийской сущностью и стремлением перестроиться по образцу западных соседей²³. Отсюда и историю цивилизационного развития страны иногда начинают с первых централизованных мер по ее европеизации, т.е. с реформ Петра I²⁴.

Конечно, несоответствие российских особенностей западным едва ли может служить серьезным основанием для отказа России в собственной цивилизационной модели. Да и «Запад» при ближайшем рассмотрении оказывается вовсе не столь однородным, чтобы служить цельным образцом для подражания и копирования.

Для представителя же левопатриотических сил Н.И. Рыжкова «ясно, что западная цивилизация не смогла поглотить, ассимилировать русскую цивилизацию... Воспринимая западные технологические достижения, наша страна, будь то Россия Петра I или Россия Сталина, никогда не вливалась в западноевропейскую цивилизацию, а наоборот, обретала новые возможности для проявления своей яркой самобытности»²⁵.

Таким образом, несоответствие западным историко-культурным стандартам в одном случае трактуется как потуги (тщетные?) дотянуться до этих стандартов, в другом – как показатель историко-культурной самостоятельности российской цивилизации, которая изначально вовсе не ориентирована на следование нормам и устоям Запада. Впрочем, надо заметить, что ни тот, ни другой цитированный автор не предпринимают глубокого анализа истории и культуры страны, но опираются на общеизвестный фактический материал, интерпретированный посредством соответствующих политических убеждений.

На основании разнородности составляющих компонентов российского населения и его культуры некоторые исследователи вообще отказывают нашей стране в цивилизационном своеобразии. Эта точка зрения зиждется на авторитете все того же Тойнби, который в середине XX в. постулировал убеждение, будто «Россия до сих пор не создала собственной оригинальной цивилизации»²⁶. Подобное заключение зависит от критериев, что понимать под цивилизацией: западные ли демократии как светоч для всего человечества, сферу ли распространения одной из мировых религий или нечто иное. Однако и те исследователи, которые не считают степень приближения к западным стандартам уровнем цивилизованности, порой тоже не расценивают Россию как особую цивилизацию – прежде всего из-за механического, с их точки зрения, сочетания сегментов других, устоявшихся цивилизаций – как правило, здесь упоминают восточнохристианскую (православную) и исламскую. Иными словами, в данном случае берется конфессиональный критерий – один из многих и далеко не универсальный для такого явления, как цивилизация.

Многообразие и поливариантность развития российского социума не всегда позволяют применять к нему четкие мыслительные конструкции, выработанные для сравнительно гомогенных обществ Европы и Азии. Отсюда проистекает определенный скептицизм некоторых авторов, которые вообще не видят целесообразности в применении категории «цивилизация» для изучения России. Они считают, что данное понятие в целом правомерно, но в научном смысле бессодержательно, и в «российском контексте» способно выполнять лишь чисто описательные функции²⁷. Может быть, такой скептицизм вызван в том числе не окончательной сформированностью науки о цивилизациях: как известно, даже само это фундаментальное понятие имеет несколько равноправных значений.

Обратимся теперь к такой черте российской цивилизации, как полиэтничность. Прежде всего отметим, что понятие многонационального (до

формирования наций – полиэтничного) государства раскрывается в двух значениях: во-первых, как государство с этнически смешанным населением, во-вторых, как совокупность территориально ограниченных этносов, входящих в его состав²⁸. Особенностью таких сложных и обширных образований, как Россия, была сложная структурированность, несимметричность в отношениях между имперским ядром и периферией.

Сформировавшаяся в социологии система взглядов на парадигму связей «центр (ядро) – периферия» позволяет описывать и анализировать в том числе и межэтническое взаимодействие. Тем более что в конкретных условиях Российской империи на окраинах сохранялись собственные центры и, соответственно, локальные периферии (Польша, Грузия, Финляндия, среднеазиатские протектораты и др.), весьма прочные и долговечные. Один из ведущих исследователей данной проблемы Э. Шилз, в частности, выделяет три типа центрально-периферийного взаимодействия: 1) центр воспринимается большинством населения в качестве источника руководящих указаний относительно поведения, стиля жизни и убеждений; 2) между центром и периферией простирается большое расстояние, и периферия находится за пределами радиуса действия центра; кроме того, в отдаленных регионах имеются относительно независимые центры; 3) между центром и периферией опять-таки существует большое расстояние, которое заполняется целой лестницей уровней власти, каждый из которых в известной мере самостоятелен, но признает главенствующую роль «большого центра»²⁹. Полагаю, что третий тип (промежуточная модель между первыми двумя, по Шилзу) наилучшим образом отражает характер связей между правительственными инстанциями и провинциями колоссальной Российской державы.

Разумеется, все, кто брался за рассмотрение особенностей развития России, признавали многонациональный состав (и связанную с ним поликонфессиональность) ее населения в качестве одной из ее специфических черт. Даже сторонники концепции «этнически чистой» русской цивилизации не обходили его вниманием. Однако зачастую авторы ограничиваются простой констатацией, иногда давая лишь небольшие пояснения: каким образом им видится влияние указанных факторов на облик российской цивилизации. Как правило, это сводится к общим фразам – «многонациональный суперэтнос на изначально полиэтнической основе», возникший в результате интеграции народов; «многообразие народов, отличающихся различными нормами жизни, не способными к механическому сращиванию»; «переплетение множества культур»; «совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов...», объединенных единым жизненным пространством, историческим временем и устойчивыми социально-экономическими отношениями», и т.п.³⁰

Фактор полиэтничности неразрывно связан с особенностями исторического развития государства. Включенность в него нерусских компонентов вовсе не означало отсутствия цивилизационной цельности, непреодолимого раскола, например, между христианским и мусульманским «полюсами». Образулся сложный синтез культур, несводимый к какой-либо одной конфессии, хотя представители неправославных вероисповеданий действительно изначально принадлежали к иным локальным цивилизациям, да и во время пребывания в составе России продолжали сохранять свои духовные центры вне ее пределов. Такое различие между регионами и народами державы

требовало анализа причин ее вековой устойчивости, отсутствия глобальных межэтнических (т.е. в данном контексте межцивилизационных) конфликтов. Сам факт относительной социально-культурной стабильности в империи и Советском Союзе – за исключением, естественно, периодов революционных кризисов – не позволяет согласиться с пренебрежительным отношением к широкому межэтническому взаимодействию там как к легенде, пропагандистскому вымыслу³¹.

Напротив, «Россия выработала такой тип межнациональных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал многовековой, относительно мирной совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и этнических ориентаций»³². При этом формировалась «многослойная» идентичность – очевидно, характерная в целом для империй: наряду с принадлежностью к своему этносу (а у некоторых народов еще и к клану, племени, патронимии, тейпу и т.д.), его представитель начинал осознавать себя еще и россиянином – жителем, подданным, наконец, гражданином общего Отечества. Причем, если до 1917 г. такое осознание еще во многом персонифицировалось в фигуре монарха, то позднее, как мне представляется, выработалась идея причастности именно к советскому «надэтническому» государству как общей Родине населяющих его народов.

Неизбежно встает вопрос о причинах и факторах этих сложных интеграционных процессов. Первое место здесь занимает организующая роль государства. Национальная политика в России была (и во многом является сейчас) этатистской – полностью подчиненной политическим соображениям, интересам имперской государственной машины. Обычная для империй идеология требовала в первую очередь преданности монарху, исполнения обязанностей перед ним вне зависимости от национальности и вероисповедания. В таких условиях принадлежность подданного к определенному этносу отходила на второй план, уступая место по значимости его социально-сословной и конфессиональной принадлежности.

Именно государство являлось той системой, которая инициировала включение все новых и новых элементов в российское сообщество народов. Как правило, присоединяемые к России подданные сначала сталкивались с деятельностью государственной машины в лице армии и пришлого провинциального чиновничества и лишь затем подвергались воздействию новых, привнесенных экономических и культурных явлений.

Попробуем выделить некоторые закономерности во взаимодействии власти и этнических групп. В контексте государственной истории данный вопрос предстает в виде анализа отношений Центра и периферийных регионов (в том числе национальных).

Разделение территории на административные единицы было присуще всей истории России, как и любого другого государства. За последние пятьсот лет российская политико-административная система прошла длительный и сложный путь развития. Параллельно шло налаживание системы связей с «инородческим» населением. Основными факторами, определявшими особенности этих процессов, являлись следующие: а) огромная территория с редконаселенными северными и восточными регионами; б) многонациональность населения и в том числе правящей элиты; в) постепенное накопление и сочетание собственных традиций и внешних заимствований;

г) использование в государственном управлении административных систем новоприсоединенных владений; д) доминирующая роль государства и государственной бюрократии (по сравнению с частной инициативой) в освоении новых территорий и в развитии экономики; е) абсолютное преобладание на всех уровнях управления русских чиновников («православных», по терминологии XVIII–XIX вв.).

Перечисленные характеристики в разной степени проявлялись и после 1917 г., хотя в советский период государственное строительство велось гораздо более целенаправленно, чем до революции, и к тому же сопровождалось изощренным идеологическим обоснованием, чего не было в прежние времена.

В целом для системы административно-территориального деления и управления в России можно определить некоторые фундаментальные принципы.

В отличие от СССР, где управление всей территорией было унифицированным, в Российской империи имелись значительные региональные различия в принципах и приемах управления. Главная причина этого разнообразия заключалась в постепенности формирования государственной территории и населения, а также в неодинаковых исторических обстоятельствах присоединения регионов. Таким образом, административная структура была объективно обусловлена самим ходом истории и развития страны. В определенной степени вся система управления представляла собой сочетание общеимперских и местных административных канонов. Например, деление на крупнейшие провинции сопровождалось сохранением традиционных «дорусских» подразделений на низшем уровне: округов, волостей, улусов и т.д.

Как правило, правительство стремилось без резкой ломки адаптировать дороссийские институты к целям управления. Это вызывалось, во-первых, нехваткой русских чиновников на громадном пространстве державы, во-вторых, стратегией на постепенное приспособление новых подданных к жизни в составе России. Полный слом национального государственного механизма происходил лишь после присоединения государства военным путем (татарские ханства, имамат Дагестана и Чечни). Но и в этом случае нижние звенья администрации (общинные, волостные и пр.) могли оставаться в том виде, в каком они существовали до прихода русских.

Время от времени правительство предпринимало радикальные преобразования провинциального деления и местного управления. Самые крупные из них – это областные реформы Петра I 1708 и 1719 гг. и губернская реформа Екатерины II 1775 г. Идея и терминология губернской системы порой копировали германо-шведские образцы³³, но на российской почве эта система в ряде элементов соответствовала допетровским структурам (некоторые звенья управления, слепо перенесенные из Европы на российскую почву, довольно быстро отмерли).

Наряду с сохранением существенных локальных различий, центральная власть в то же время пыталась постепенно унифицировать административную структуру регионов, и карта империи в результате данных мероприятий существенно перекраивалась. Во всех губерниях учреждалось единообразное штатное расписание чиновников с детальной проработкой их функций и обязанностей. Окраинные территории одна за другой утрачивали особый статус и превращались в обычные губернии с унифицированной системой

налогообложения, правовым режимом и т.д. Тем не менее к 1917 г. в России еще имелось несколько регионов со специфическим юридическим положением: области казачьих войск, протектораты, горные округа, Польша и Финляндия.

Указанные мероприятия проходили в русле объективной тенденции к выработке единого стандарта имперского подданства и управления и объяснялись именно ее действием, а вовсе не зловещим умыслом удушить этническую самобытность подданных народов – вопреки утверждениям националистически настроенных историков в странах бывшего СССР. Эта тенденция просматривается в России с начала XVII в. (введение воеводского управления после Смуты), действовала на протяжении последующих столетий и обрела законченное выражение в XX в.

В досоветское время территория России не делилась по национальному признаку. Причина заключалась в обычном для империй принципе равенства всех подданных перед престолом, вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Пожалуй, было бы и невозможно ввести невиданное для нашей страны регионально-этническое деление, поскольку это нарушило бы всю историческую логику складывания государственной территории. Формально в разное время сохранялись присоединенные «царства», а также азиатские протектораты; но, во-первых, все они были многонациональными, во-вторых, имели обозначения не по населявшим их народам, а по историческим областям и столицам (Польша, Бухара, Хива, Казань, Астрахань, Сибирь, Урянхай).

После Октябрьской революции одни народы бывшей империи стали «титularными» для союзных республик, вторые – для автономных республик, третьи – для автономных округов, а четвертые остались без «собственных» административных образований. При этом русские не попали ни в одну из перечисленных категорий. Различия в статусе национальных образований сыграли негативную роль и показали заложенную в них опасность только в 80–90-е годы XX в., когда Советский Союз вступил в стадию необратимого кризиса.

Одним из принципов государственной жизни являлось разграничение юрисдикции и, следовательно, компетенции между центральным правительством и региональными властями. Как правило, на всех подданных империи распространялись уголовные уложения. Административное же законодательство чаще всего формировалось местными властями, с учетом управленческих установлений (а иногда и патриархальных обычаев) местного населения. Соответственно и отдельные функции судопроизводства передоверялись местным этническим элитам.

Для отдельных территорий разрабатывались особые законодательные установления: решения Боргоского сейма 1809 г. для Финляндии, «Устав об управлении сибирских инородцев» 1822 г., «Правила по управлению калмыцким народом» 1825 г. и др. Особое место в имперской структуре занимали договоры о протекторате над Бухарским эмиратом 1867 г., Хивинским ханством 1873 г. и Урянхайским краем (Тувой) 1914 г.

Кроме того, все государство делилось на округа по ведомственному принципу – военные, жандармские, судебные, учебные, церковные (епархий). Здесь на местах уже действовали общеимперские нормы, и никаких

локальных вариаций не допускалось. Столь же унифицированными были статус и обязанности служащих окружных учреждений.

Важным элементом регионального управления являлось сотрудничество центрального правительства с местными национальными элитами. Включение народов и племен в число имперских подданных происходило как военными, так и мирными путями. Но в любом случае для новоприсоединенных земель избирались способы наименее болезненного вовлечения их в административную структуру империи. Правительство шло на сотрудничество с местными элитами (дворянством, земельными магнатами, князьями, родоплеменной верхушкой), оставляя им определенную долю власти при условии лояльности и исправного исполнения финансовых и управленческих обязательств.

Отношения с традиционной знатью народов на окраинах строились на совершенно иных принципах, нежели с губернским чиновничеством, которое получало должности по назначению, а оклады – из государственной казны. Здесь также сказывалась второстепенность для имперской власти этнической принадлежности подданных. Ликвидация местной аристократии практиковалась лишь в единичных случаях, на первых этапах создания многонациональной державы (завоевание татарских ханств в XVI в.). Абсолютно доминировало вовлечение элит в структуру управления, что достигалось: а) сохранением традиционных сословных прав и привилегий; б) включением в общий корпус российского дворянства; в) при переходе в православие – возможностью беспрепятственной карьеры на государственной и военной службе или при дворе.

На протяжении XVI–XIX вв. при управлении окраинами правительство почти никогда не заостряло вопроса о формальном статусе территорий. Считалось достаточным, чтобы данный регион значился в высшей государственной символике (царском титуле, затем гербе империи); включался в сферу компетенции внутри-, а не внешнеполитических центральных ведомств; входил в одну из крупных административных единиц – воеводство, губернию, наместничество и т.п.; на него распространялось действие общероссийского законодательства; его население выплачивало налоги в казну и выполняло прочие обязательные повинности (например, рекрутскую)³⁴.

Некоторые региональные особенности в административном устройстве и управлении, равно как и привилегии, дарованные местным элитам, воспринимались в качестве царских пожалований. Поэтому не могло возникнуть мысли о разработке каких-то самостоятельных, помимо правительства, законодательных актов, и тем более конституционных проектов. Разве что в западных провинциях местная интеллигенция и дворянство предпринимали подобные попытки, что вызывалось воспоминаниями об утраченной польской и литовской государственности. На восточных окраинах лишь в период революционного кризиса начала XX в. стали действовать общественные движения, которые занялись в том числе и разработкой основ национальной государственности.

Советское административно-территориальное устройство в целом радикально отличалось от имперского, но некоторые основополагающие принципы сохранялись в неприкосновенности, поскольку были присущи любой государственной системе (принцип деления территории, направление на места эмиссаров центральной власти, привлечение к управлению представителей

местного населения, в том числе разных национальностей и др.). Наиболее же существенным новшеством коммунистических властей была сознательная политика по формированию национальных управленческих элит.

Советский период в истории российской цивилизации занимает особое место. Объективная логика исследования побуждает авторов продолжать линию культурно-исторического развития России и на XX век, т.е. на время после Октября 1917 г. Постепенно политизированные интерпретации советского общества и Советского Союза как империи-монстра, «идеологически мотивированной сверхдержавы» (по С. Хантингтону) отходят в прошлое, уступая место более спокойному и объективному анализу. Правда, оценки советской эпохи пока только формируются в науке о цивилизациях, и, похоже, по степени дискуссионности эти оценки смогут в будущем встать в один ряд со спорами о значении петровских реформ. Так, если К. Вайцзеккер считает, что в России (как и в Китае) старая империя сумела в результате социалистической революции соединить социализм с традиционной структурой централизованной правительственной власти, то В. Кантор убежден в том, будто с отменой частной собственности большевики как бы отменили и принцип последовательного, преемственного развития российской цивилизации³⁵.

Действительно, невозможно отрицать, что многие жизненные устои империи подверглись сознательному уничтожению после революции. В результате индустриализации, урбанизации, массовых миграций (иногда принудительных, в том числе репрессивных) и утверждения атеизма, а также все более широкого распространения сферы применения русского языка и многого другого началось стирание межнациональных различий народов Советского Союза, особенно в среде городского населения. Унификация культуры и образа жизни, а также формальное уравнивание всех граждан перед законом без различия национальностей создали необходимые предпосылки для формирования единой цивилизационной общности – явления, которое до начала XX в. существовало в России лишь как нарастающая тенденция. Параллельно можно вести речь и о формировании так называемой гражданской нации – сообщества граждан государства без различия национальностей.

Особое значение при этом имела советская идеология и ее носительница Коммунистическая партия. Марксистско-ленинская идеология (в ее своеобразной, конъюнктурно-схоластической интерпретации) и партия соединяли страну в одно целое, предлагали общую советскую идентичность, маскируя исторические и культурные различия регионов.

Цивилизационная общность населения России XX в. получила наименование «советского народа». Напрасно некоторые критики «тоталитарного режима» считают это понятие фикцией, безжизненной идеологемой. Советский народ, безусловно, существовал, как отмечает В.А. Тишков, не только в гражданском обществе, но и в социально-культурном смысле, о чем говорят общие признаки ментальности и повседневной культуры на всем пространстве бывшего СССР³⁶. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в докладе на XXIV съезде незаслуженно приписал партии заслугу формирования этой «новой исторической общности»³⁷. На самом деле общность оказалась как раз далеко не новой, а сформированной и подготовленной предшествующим долгим развитием российской государственности и культуры.

Наряду с отмеченной выше преобладающей тенденцией к унификации, в России XVII–XX вв. действовала противоположная тенденция – центро-

бежная, выражавшаяся в сепаратизме отдельных регионов и национальных окраин. Во времена кризисов она усиливалась (начало XVII в., 1917 г.), а в конце XX в. проявилась в крайней форме – как дезинтеграция и распад союзного государства. Это второе направление развития как бы дремало или было подавлено на протяжении 20–70-х годов XX в., но не исчезло вовсе. Стремление к децентрализации продолжало подспудно существовать в массовом сознании (прежде всего у интеллигенции) и в среде эмигрантов. В эпоху «перестройки» набравшие силу республиканские элиты смогли добиться все большей самостоятельности и в конце концов полной государственной независимости.

Показанные выше некоторые особенности исторического развития России позволяют утверждать, что понятие «российская локальная цивилизация» имеет право на существование и охватывает самые разные сферы социокультурного бытия российского народа. Будут ли это организация управления или законодательство, экономика или культура, межэтническое сближение или конфликты – во всех этих областях обнаруживаются признаки интеграции, многие из которых прошли проверку на прочность на протяжении XVI–XX вв.

¹ Шнирельман В.А. Слово о «голом» (или не вполне голом) короле // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 56. См. также: *Алаев Л.Б.* Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 87–112.

² *Сеняевский А.С.* Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века // Россия и мировая цивилизация: к 70-летию чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова / Редколлегия: А.Н. Боханов и др. М., 2000. С. 567.

³ Вероятно, лишь Н.Я. Данилевский увидел в России непротиворечивое и гармоничное сочетание религиозных, культурных, политических и общественно-экономических факторов. См.: *История России (Россия в мировой цивилизации): курс лекций / Под ред. А.А. Радугина.* М., 1998. С. 26. Об этих факторах и признаках подробнее см.: *Аствацатурова М.А.* К вопросу о цивилизационном своеобразии России. Владикавказ, 1995 [Деп. в ИНИОН РАН, № 50836]. С. 8; *Ахизер А.С.* Россия – специфическая цивилизация // Россия и Запад: диалог культур / Твер. гос. ун-т. Отв. ред. Б.Д. Губман. Тверь, 1994. С. 22–24; *Везегова В.В.* Геополитический аспект формирования российской цивилизации // Русская цивилизация: исторический феномен или миф? тез. докл. регион. конф. / Отв. ред. Л.Я. Шмарковский. М., 1998. С. 33; *Ерасов Б.С.* Антиномии российской цивилизации // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты / Отв. ред. Е.С. Елбакян. М., 1998. С. 45–46. *Он же.* Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3: Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения / Гл. ред. Б.С. Ерасов. С. 14; *Карадже Т.В.* Диалектика взаимодействия цивилизации и культуры: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1995. С. 14–15; *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995. С. 17; *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995. С. 22, 27; *Пастухов В.Б.* Особенности взаимодействия элементов российской цивилизации // Цивилизационные исследования / Отв. ред. Б.И. Коваль. М., 1996. С. 190–196; *Савруцкая Е.П.* Цивилизационно-коммуникативные аспекты российского образа жизни // Культура и цивилизация: вопросы теории и истории: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. С.А. Ермаков. Н. Новгород, 1998. С. 25–26; *Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л.* Россия: цивилизация и культура. М., 1998. С. 26.

⁴ Обычно выделяют три совокупности инокультурных компонентов в истории и культуре России: влияния и заимствования византийские, восточные (по преимуществу золотоордынские и более поздние тюрко-татарские) и западные (до Петра I – польские, затем западноевропейские, а в конце XX в. американские). Об этом см., например: *Трепавлов В.В.* Государственная традиция в России (вопросы типологии, периодизации, источников происхождения) // Историческое познание: традиции и новации / Сост. и общ. ред. В.В. Иванова, В.В. Пузанова.

Ижевск, 1993. С. 173–176; *Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России. Статья 2: Россия – варварская цивилизация? // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6. С. 78–79; *Trepavlov V.V.* Traditions In Russian Statehood // *State and Minorities: a Symposium on National Processes In Russia und Scandinavia*, Ekaterinburg, March 1996 / Ed. by V.V. Alekseev, S. Lundkvist. Stockholm, 1997. P. 17–20.

⁵ См., например: *Рыжков Н.И.* Конфронтация или диалог? // *Независимая газета*. 1999. 28 сент. С. 8.

⁶ См., например: *Агафонов В.П.* Русская цивилизация. М., 1999; *Платонов О.А.* Русская цивилизация. М., 1992; *Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности* / Сост. Е.С. Троицкий. М., 1998.

⁷ Развивая теорию А. Тойнби о религии как ведущей составляющей цивилизации, болгарская исследовательница В. Николова выделила особую православную цивилизацию, включающую Византию и Болгарию, но без России. См.: *Николова В.* Православная цивилизация. Според на философско-историческа модел на Арнолд Тойнби. София, 1994.

⁸ *Lahbabi M.A.* Du clos à l'ouvert. Vingt propos des cultures nationales et la civilization humaine: 2-e ed. Alger, 1971. P. 153–161.

⁹ *Сенявский А.С.* Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века // *Россия и мировая цивилизация*. С. 566; *Трофимов В.К.* Душа русской цивилизации. Ижевск, 1998. С. 129.

¹⁰ См., например: *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* История человечества и русская цивилизация. Ростов н/Д., 1995; *Стојнић М.* Руска цивилизација. Београд, 1994. Пытаясь примирить цивилизационные категории «русский» и «российский», отдельные исследователи трактуют русскую цивилизацию как часть цивилизации российской, но имеющую самостоятельное общемировое значение. См.: *Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л.* Указ. соч. С. 26.

¹¹ См., например: *Кателер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 10–12; *Флиер А.Я.* Об исторической типологии российской цивилизации // *Цивилизации и культуры*. М., 1994. Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения. С. 95.

¹² *Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л.* Указ. соч. С. 26.

¹³ *Семенов С.И.* Особенности политической культуры в пограничных цивилизациях как фактор прогресса или инволюции // XVI конгресс Международной ассоциации политических наук, Берлин, 21–15 августа 1994 г. М., 1994. С. 1.

¹⁴ *Орлова И.Б.* Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998. С. 109, 112.

¹⁵ В последнем десятилетии XX в. были созданы основные концептуальные разработки по этим теоретическим конструкциям применительно к России. Позднее интерес к данной тематике, как мне представляется, значительно снизился.

¹⁶ *Сааданбеков Ж.* Мы необходимы друг другу // *Независимая газета*. 2000. 23 февр. Прилож. «Содружество НГ». С. 12.

¹⁷ *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106.

¹⁸ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: в 3-х т. М., 1991; см. также: *Смирнова М.В.* Историческое место России в мировой цивилизации // *Актуальные проблемы современной цивилизации* / Под ред. В.В. Романова, В.Н. Никитенко, В.М. Пескова. Хабаровск, 1996. С. 59. М.В. Смирнова пишет не об «инверсиях», а о смене цивилизационных ориентаций, т.е., в конечном счете, о том же явлении.

¹⁹ См., например: *Флиер А.Я.* Указ. соч. С. 113. Один из вариантов детальной периодизации подобного рода разработал Ю.В. Яковец. См.: *Яковец Ю.В.* Путь к партнерству локальных цивилизаций // *Локальные цивилизации в XXI веке: столкновение или партнерство?* // *Мат. к X Междисциплинарной дискуссии* / Под ред. Ю.В. Яковца. М., 1998. С. 51–52).

²⁰ *Семенникова Л.И.* Цивилизационные парадигмы в истории России. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. 1996. № 9. С. 53–55.

²¹ *Яковенко И.Г.* Указ. соч. С. 79.

²² *Гайдар Е.Т.* Соч. в 2-х т. М., 1997. Т. 1: Государство и эволюция. Дни поражений и побед. С. 48.

²³ См., например: *Dennes M.* Russie – Occident. Philosophie d'une difference. P., 1991.

²⁴ *Современные теории цивилизаций* / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. С. 10 (Ф. Бэгби); *Gong G.* The Standard of «Civilization» in International Society. Oxford, 1984. P. 100–106.

²⁵ Рыжков Н.И. Конфронтация или диалог? С. 8.

²⁶ Тоунбее А. A Study of History. L.; N.Y.; Toronto, 1961. Vol. 12. P. 6.

²⁷ Панфилова Т.В. Проблематичность осмысления специфики России с помощью «цивилизационного подхода» // Русская цивилизация: исторический феномен или миф? С. 45–47.

²⁸ С.Н. Артановский определяет названные значения как многонациональность соответственно долокализованную и локализованную. См.: Артановский С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций: исторические формы общения народов. СПб., 1994. С. 75.

²⁹ Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Ред. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 174–175.

³⁰ Аствацатурова М.А. Указ. соч. С. 8; Смирнов В.В. Место России в мировой цивилизации // Русская цивилизация: исторический феномен или миф? С. 15; Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л. Указ. соч. С. 26.

³¹ См., например: Кантор В. «...Есть евразийская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997. С. 102.

³² Трофимов В.К. Указ. соч. С. 129.

³³ Федосова Э.П. Из истории российской государственности (шведский опыт) // Россия и мировая цивилизация. С. 185–194.

³⁴ Трепавлов В.В. Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России (XVI–XX века) // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.А. Михайлов. М., 1999. С. 115–117.

³⁵ Кантор В. Указ. соч. 1997. С. 271; Weizsäcker K.F. The Ambivalence of Progress. Essays on Historical Anthropology. N.Y., 1988. P. 46–47.

³⁶ Тишков В. Народ и символика // Независимая газета. 2000. 5 дек. С. 3.

³⁷ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1971. Т. 2. С. 232.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ КАК УСЛОВИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

*Отсутствие эффективного государства –
угроза национальной безопасности России*

Благополучное развитие страны, совместное и солидарное существование различных этнических групп, межэтническое и межконфессиональное согласие возникают только в условиях обязательной, равной и полной ответственности перед законом всех – и правящей элиты, и граждан, а также компетентной деятельности чиновников и граждан. Соблюдение закона всеми участниками общественных отношений, своевременное и качественное решение возникающих проблем может обеспечить только эффективное государство, которого сегодня в России нет.

В настоящее время в России плохо работают и судебная система, и прокуратура, и полиция, так как государство не обеспечивает соблюдение закона в стране, не работает рыночная конкуренция и, как следствие, отсутствует мотивация к производительному труду. Результатом является низкий уровень жизни у абсолютного большинства россиян, высокий уровень смертности, безработица, постоянно растущий уровень миграции из страны образованной и способной молодежи.

Абсолютно неэффективное российское государство, состоящее из ни за что не отвечающих и, следовательно, некомпетентных чиновников, не только не способно обеспечить в стране соблюдение закона, но с огромным трудом и на крайне низком уровне исполняет свои прямые обязанности по управлению страной. Поэтому можно с достаточной определенностью утверждать, что сегодня в России государство как таковое фактически отсутствует.

Показательной вершиной этого стала ситуация в уральском поселке Сагра. События, которые там произошли 1 июля 2011 г., – это схема существующего порядка, когда власть не только не обеспечивает соблюдение закона, но и сама его нарушает. Так, полиция преступно не вмешивалась в деятельность наркомафии, и когда люди дали ей отпор, бандиты попытались их наказать, приехав из Екатеринбурга на 15 автомобилях. Посельчане вынуждены были самостоятельно и с оружием в руках защищать себя от бандитов.

Все произошедшее напоминает времена Гражданской войны, когда по просторам страны носились всевозможные банды на тачанках, захватывая села. Разница лишь в том, что сегодня бандитские повозки сменились внедорожниками. Только в условиях отсутствия государства вооруженная банда из нескольких десятков человек могла собраться и приехать за 50 километров «наказать» поселок, будучи уверенной в полнейшей беззащитности жителей и в своей безнаказанности.

За отсутствие государства российское общество платит огромную цену – жизнями людей. Подтверждение тому – трагические события последних двух лет, унесшие сотни жизней россиян. В их ряду – авария на Саяно-Шушенской ГЭС, пожар в ночном пермском клубе «Хромая лошадь», взрыв на шахте «Распадская», летние пожары прошлого года, взрывы армейских

арсеналов в Ульяновске, Башкирии и Удмуртии, террористические акты по подрыву «Невского экспресса», взрывы в московском метро и в аэропорту «Домодедово», постоянные террористические акты на Северном Кавказе. А крушение теплохода «Булгария» в Куйбышевском водохранилище стало символом гнивающей, нежизнеспособной системы общественных отношений, характеризующейся имитацией функционирования государства.

Отсутствие государства угрожает взрыву межэтнических отношений. Первые звонки уже состоялись на Манежной площади 11 декабря 2010 г. По сути, коррупция власти, беззаконие, воспринятые людьми как острая несправедливость, приобрели межэтнический конфликт.

Для решения всех вышеназванных проблем необходима система жесткого внешнего (государственно-законодательного) ограничения эгоистичных поступков индивидов, приводящих к нарушению прав, свобод и интересов, здоровья и благосостояния других людей. Но такая система может быть создана и обеспечена только эффективным государством. А чтобы воплотить ее в жизнь, нужна просвещенная, компетентная и национально ориентированная правящая элита, обладающая достаточными для этого знаниями и волей.

Пока же, прикрываясь необходимостью «поиска модели солидарного мира», представители российских элитарных групп и кланов на встречах с Президентом и премьером страны, а также в Федеральном собрании пытаются «по-тихому» договориться между собой, чтобы, как это всегда было в отечественной истории, реализовывать свои эгоистичные интересы за счет остального населения России. При этом они стремятся избежать какого-либо упоминания о своих обязанностях и ответственности перед страной и многоэтническим российским народом.

Правящая элита – движущая сила модернизации страны

Благополучными могут быть только страны, способные в нужное время и в нужной очередности проводить необходимые преобразования. Но для этого их правящие элиты должны быть ответственными и компетентными и обладать необходимой политической волей. Под правящей элитой в политической науке принято понимать социальную группу, занимающую вершину государственной власти, контролирующую крупную собственность, значительные финансовые, медийные и иные ресурсы, которые позволяют ей принимать государственные решения, вести за собой общество, определять стратегию развития страны.

Верхняя социальная группа, принимающая государственные решения, по-настоящему становится элитой только тогда, когда защищает национальные интересы своей страны. Если правящая элита своевременно и компетентно проводит назревшие реформы, то страна укрепляется и эффективно развивается. В противном случае элита не справляется с вызовами времени и терпит крушение, а на смену ей приходит новая правящая элита, осуществляющая необходимые преобразования.

Внутри любой правящей элиты существуют противоречия между недальновидными, невежественными, алчными и безответственными ее представителями, живущими одним днем, и иной, просвещенной частью элиты,

ориентированной в будущее, стремящейся укрепить свое положение, а вместе с ним и положение страны путем проведения необходимых реформ.

Каждый раз, когда в правящей элите верх берут первые, в стране наступает кризис политических, экономических и общественно-государственных отношений, приводящий к резкому обострению комплекса противоречий внутри самой правящей элиты, между элитой и народом, а также между элитами разных стран.

Современной российской элите надлежит усвоить следующее. Во-первых, правящая элита, которая является единственной реальной силой, способной к проведению в России требуемых преобразований и обладающей для этого всеми необходимыми ресурсами – властью, богатством и крупной собственностью, – возлагает на себя тем самым повышенную ответственность перед страной и народом. И именно признание этой ответственности приводит к появлению национально-ориентированной элиты.

Во-вторых, для того чтобы что-либо получить, элите и ее представителям необходимо прежде чем-то пожертвовать, в том числе поделиться с народом частью властных полномочий и получаемых доходов (прибылей).

В-третьих, только в сильной стране с эффективно функционирующим государством, обеспечивающим верховенство закона и необходимые условия для мотивации граждан к высокопроизводительному труду, а тем самым и эффективную экономику, элита может чувствовать себя защищенной со стороны внутренних и внешних конкурентов при любом изменении политической обстановки.

Нынешняя Россия – крайне слабая страна, которой необходима кардинальная перестройка сложившейся системы общественно-государственных отношений, в первую очередь политико-экономических. Стать сильной Россия может только при появлении в ней компетентной, национально-ориентированной правящей элиты, обладающей соответствующими мотивами, необходимыми знаниями и достаточной политической волей. Поэтому просвещенной части правящей элиты, осознавшей насущную необходимость модернизации страны, предстоит выступить в качестве главной движущей силы этого процесса.

Конечной целью преобразований для элиты оказывается создание сильной страны, а главным инструментом, позволяющим это достичь, становится эффективное государство, которое на определенном этапе становится и целью, и средством модернизации. Однако вследствие некомпетентности и безответственности современной российской элиты, ее нежелания и неумения отстаивать национальные интересы России, ей так и не удалось создать эффективное государство – главный инструмент обеспечения устойчивого и благополучного развития страны.

В настоящее время в России возможны два пути дальнейшего развития событий – революционный (путь «снизу») и эволюционный (путь «сверху»). Если российская правящая элита по-прежнему будет заниматься лишь имитацией модернизации, то неизбежен худший вариант – социальный взрыв (подобный произошедшим в Киргизии, Тунисе, Египте, Йемене и других странах Северной Африки), который сметет эту элиту с политической арены, лишив ее власти, денег и собственности, и погрузит страну в хаос. Кому это выгодно? Только мировым конкурентам. Нужен ли такой сценарий российской правящей элите? Конечно, нет, да и народу он ни к чему.

Альтернатива социальному взрыву – эволюционный процесс преобразований политических, экономических, социальных отношений, осуществляемых сверху просвещенной частью правящей элиты страны, ставшей движущей силой модернизации. Но для этого российской элите необходимо осознать неотложность преобразований, обрести политическую волю и принять соответствующие решения.

При этом возникает тема ответственности просвещенной части правящей элиты, основанной на ее готовности к осуществлению реформ и компетентности – знанию того, что, как и в какой последовательности надо делать. В настоящее время недостаточно произносить правильные слова, следует еще обладать знаниями и политической волей, а с этим у российской элиты большие проблемы. Сегодня требуется не организация самовлюбленного пиара, а реальное осуществление необходимых реформ.

По сути вопрос стоит не столько о выживании России, так как она в любом случае выстоит и будет благополучно развиваться, как это случалось уже не единожды в ее истории, сколько о выживании нынешней правящей элиты страны. Сейчас на повестку дня поставлен вопрос о том, с нынешней элитой, или без нее (уже с другой элитой) будет происходить дальнейшее развитие России.

Все надежды российской элиты на сохранение в стране политико-экономической стабильности, прочности власти и обеспечение устойчивого развития России в условиях благоприятного развития мировой экономики и высоких цен на энергоресурсы – в корне ошибочны. Устоявшийся порядок нынешней системы политических, экономических и социальных отношений в стране – иллюзорный и кажущийся, скрывающий истинный беспорядок множества разнонаправленных личных и групповых эгоистичных устремлений и интересов представителей правящей элиты.

Еще больший беспорядок присутствует в деятельности государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти и чиновников, озабоченных лишь набиванием мощны, погрязших в коррупции и воровстве бюджетных средств, в массе своей безответственных и некомпетентных. Поэтому без изменения структуры государственно-властных отношений и создания механизмов прозрачности и ответственности, воспроизводящих компетентность всех участников существующей политико-правовой и экономической систем России, невозможно успешное осуществление модернизации страны и сохранение нынешней элитой своих внутренних и внешних позиций.

В процессе модернизации, как изменения системы сложившихся экономических, политических и социальных общественных отношений, на «старую матрицу» личных и групповых (клановых) интересов и противоречий, сформировавшуюся и устоявшуюся внутри существующей правящей элиты, неизбежно накладывается конфигурация иных интересов и противоречий. Они возникают либо у прежних членов элиты (в том числе составляющих наиболее просвещенную ее часть, которая понимает необходимость проведения перемен и готова к ним), либо у неизбежно сменяющих их представителей новой элиты, старающихся воспользоваться имеющимися противоречиями и обеспечить собственные эгоистичные интересы.

Причем эта новая конфигурация «внутренних» противоречий и интересов правящей элиты, вызывающая нарушение существующей структуры по-

литических и экономических отношений ее представителей, всегда является отражением возникшего в стране «внешнего» кризиса общественно-государственных и социально-экономических отношений, связанного с неэффективностью государства, некомпетентностью и безответственностью власти. В свою очередь, кризисы общественно-государственных и социально-экономических отношений всегда оказываются следствиями жадности, глупости и эгоизма представителей правящей элиты, неизменно живущих и решающих свои проблемы за счет остального населения страны.

Получается порочный замкнутый круг, благополучно выбраться из которого правящей элите никогда не удастся без жертв – существенных потерь и уступок народу. И именно они составляют суть любой модернизации.

Как было сказано выше, чтобы что-либо получить, элите необходимо прежде чем-то пожертвовать. Для того чтобы сохранить свои власть, богатства и собственность, а подчас свободу и жизнь, представителям элиты придется пожертвовать, поделиться с народом частью властных полномочий и поступиться сверхприбылями. Ибо лучше сохранить что-то, чем потерять все.

В этой связи главным условием самосохранения правящей элиты, от действий и воли которой зависит судьба необходимых преобразований в стране, оказывается не только защита ее представителями личных интересов, но и учет интересов народа, а следовательно, отстаивание национальных интересов России. В соответствии с этой первоочередной для нее задачей самовывживания элите предстоит создать сильную страну и эффективное государство, способное обеспечить соблюдение закона всеми участниками общественных отношений, а также условия для мотивации населения к высокопроизводительному труду, рост уровня жизни народа и повышение качества человеческого потенциала.

Итак, для успешного преобразования страны правящая элита должна решить основную задачу – сформировать эффективно функционирующее государство, являющееся главным инструментом модернизации России и способное придать процессам реформирования целенаправленный и управляемый характер. При этом совершенствование всей совокупности общественных отношений напрямую зависит как от обеспечения законности, соблюдения и защиты прав и свобод человека, так и от ответственного, компетентного и своевременного решения возникающих проблем, т.е. от эффективности деятельности системы государственного управления.

До тех пор пока государство не сможет обеспечить неукоснительное соблюдение закона всеми участниками общественно-экономических отношений и тем самым поставить надежный барьер монополизму сращенных с чиновниками и силовиками коммерческих структур, не заработает конкуренция – движущая сила рыночной экономики. Только конкуренция способна побудить бизнес к наращиванию производительности труда с помощью внедрения инноваций и организации труда.

При неэффективном государстве, не способном бороться с монополизмом в экономике, нельзя рассчитывать на то, что российские частные и государственно-частные монополии вдруг начнут заниматься сокращением издержек и повышением производительности труда. Ибо им и так хорошо при современных высоких стоимостях энергоресурсов, в разы завышенных ценах и тарифах на услуги, способствующих заоблачным уровням прибы-

ли. Поэтому до тех пор, пока государство не начнет эффективно работать, надеяться на успешное проведение модернизации российской экономики бесполезно.

В этой связи важнейшей задачей правящей российской элиты становится срочное проведение активных и компетентных действий по построению эффективного государства. Если она этого не сделает, то существующая в стране политико-правовая система неизбежно развалится, а элита будет сметена с политической арены и канет в небытие, как развалились ранее царская Россия и Советский Союз и исчезли соответствующие элиты.

Создание механизмов прозрачности и ответственности – инструмент строительства эффективного государства

Чтобы настроить государство на эффективное функционирование, элите придется кардинально изменить структуру и принципы государственных отношений. Суть этих изменений – во внедрении в структуру властно-государственных отношений механизмов прозрачности и неукоснительной личной ответственности исполнителей, единственно позволяющих устранить коррупцию, некомпетентность и неэффективность чиновников и государственной системы в целом. А в этом и состоит основной смысл модернизации государства.

Мы хотим еще раз повторить, что добиться ответственности чиновников за принимаемые ими решения и осуществляемые действия можно только с помощью системы полной прозрачности всей их деятельности. При этом под прозрачностью следует понимать свободный доступ граждан к полной, достоверной, своевременной и регулярной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Представляется важным конкретизировать понятия, составляющие смысл прозрачности. Свободный доступ граждан к информации о деятельности органов власти подразумевает возможность получения информации в первую очередь с помощью системы Интернет. Достоверная информация означает информацию, не вызывающую сомнений. Своевременная информация – та, которая поступает оперативно и в нужный момент. Регулярная информация – информация, предоставляемая равномерно и правильно, через определенные промежутки времени. В настоящее время прозрачность деятельности государственных органов и органов местного самоуправления законодательно не обеспечены, поэтому правящей элите необходимо незамедлительно внести в законы соответствующие поправки.

С 1 января 2010 г. вступил в силу закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Как отмечалось выше, закон позволил значительно расширить возможности контроля граждан и всего общества над деятельностью органов власти и их должностных лиц. Вместе с тем в этом законе отсутствует механизм прозрачности; как следствие, он работает формально и потому нуждается в значительных дополнениях.

Первое из них состоит в установлении законодательной нормы, согласно которой все властные учреждения обязаны сообщать для всеобщего сведения

полную информацию о своей деятельности за исключением той, перечень которой определен законом о государственной тайне. Данная норма позволит, во-первых, полнее раскрыть деятельность государственных органов и органов местного самоуправления и их должностных лиц; во-вторых, сделать размещаемую информацию об их деятельности императивной. В настоящее время вышеприведенный закон не устанавливает ни полноты, ни обязательного характера размещаемой информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Второе дополнение должно предусматривать обязательное упоминание как авторов любых решений, т.е. конкретных должностных лиц, подготовивших проекты этих решений, так и лиц, принявших их (в том числе и коллегиально) в органах исполнительной, законодательной и судебной власти и органах местного самоуправления.

Третье дополнение – все принимаемые органами власти решения вступают в силу только после опубликования (размещения) их в Интернете и соответствующих информационных источниках. Работа этих норм и публичность принимаемых решений приведут к повышению персональной ответственности государственных и муниципальных служащих, судей, депутатов, иных представителей власти и их компетентности.

Четвертое дополнение – вся информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления должна быть достоверной, своевременной, регулярной и постоянно обновляемой. Функционирование данной нормы позволит гражданам и всему обществу осуществлять регулярный и повсеместный контроль над деятельностью государственных и муниципальных служащих, судей, прокуроров, сотрудников органов внутренних дел, иных представителей власти.

Следует подчеркнуть, что прозрачность должна касаться всех ветвей и структур органов государственной власти, а также монополизированного бизнеса. Смысл свободного доступа граждан к полной, достоверной, своевременной и регулярной информации о деятельности представителей власти состоит в том, что госслужащие, депутаты, судьи, прокуроры, сотрудники органов внутренних дел, муниципальные служащие и прочие должностные лица всегда должны быть на виду. Ибо закрытость и секретность их деятельности неизбежно приводят к нарушению закона, коррупции, безответственности и некомпетентности.

Имея такую информацию, народ и институты гражданского общества могут оперативно оценивать деятельность органов власти и должностных лиц. При безответственном исполнении последними своих обязанностей и нарушении закона российские граждане получают возможность легитимного давления на власть путем проведения журналистских расследований, выступления в СМИ, обращения в органы власти, подачи судебных исков, перевыборов депутатов всех уровней, глав местного самоуправления, публичных акций – митингов, шествий, демонстраций и т.п.

Законодательное введение механизма прозрачности обеспечит двойной контроль над представителями органов государственной власти. С одной стороны, им придется работать в условиях повышенной ответственности и внутренней конкуренции, так как их руководители и коллеги по работе будут знать, кто, чем и как занимается. С другой – все они оказываются под пост-

янным контролем общества – конкурирующих между собой партий, СМИ, общественных организаций, профсоюзов и рядовых граждан.

Интегрирование указанных выше норм в закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» позволит укрепить правовое обоснование прозрачности и, как следствие, создать благоприятные условия для результативного общественного контроля над деятельностью государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц. Кроме того, прозрачность будет способствовать активному вовлечению институтов гражданского общества (СМИ, общественных палат, партий, общественных организаций, профсоюзов) и простых граждан в процесс модернизации России.

Важная роль в создании эффективной и компетентной власти, а как следствие, эффективного государства принадлежит задействованию механизма всеобщей и неукоснительной ответственности. Для его реализации в закон «О противодействии коррупции» необходимо внести статьи, не утвержденные Государственной думой при ратификации Россией в 2006 г. «Конвенции ООН против коррупции», – о «конфискации имущества» и «незаконном обогащении». Именно конфискация доходов и имущества, нажитых преступным путем, как убедительно свидетельствует мировой опыт, являются наиболее действенным методом повышения ответственности.

Эффективным инструментом ответственности является также норма 20 статьи Конвенции, устанавливающая уголовное наказание за незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать. Ратификация норм «конфискации» и «незаконного обогащения» и внедрение их в российское законодательство позволит значительно повысить ответственность должностных лиц в государственных органах власти и органах местного самоуправления.

Существенную роль в создании механизма ответственности может сыграть использование такого инструмента, как полиграф (детектор лжи). Практическая польза от применения полиграфа в органах государственной и местной власти очевидна, так как он способен выявлять коррумпированных служащих, пресекать разворовывание государственного бюджета и так называемые «откаты», минимизировать риски, связанные с незаконными действиями недобросовестных чиновников. Применяя полиграф при отборе кадров, уже на начальном этапе можно отсеять тех, кто совершал ранее какие-либо преступления (в том числе не выявленные правоохранительными органами), имеет порочные наклонности (алкоголь, наркотики, азартные игры) или тех, кто на предыдущих местах работы использовал свое служебное положение для личного обогащения.

В настоящее время в России отсутствует правовое обеспечение использования полиграфа в органах государственной и местной власти. В этой связи представляется актуальным установление в российском законодательстве норм, касающихся использования полиграфа как одного из инструментов повышения ответственности государственных служащих.

Внедрение в государственно-властные отношения механизма ответственности, включающего перечисленные выше инструменты, откроет возможности для воспроизводства компетентности среди представителей власти, которая будет основываться на законе естественного отбора. В результате в

государственных органах управления останутся те, кто умнее, инициативнее, ответственнее, – люди, способные компетентно и эффективно работать. А лица, нарушающие закон, вымогающие и берущие взятки, безответственно относящиеся к своим обязанностям и не способные к компетентной деятельности, сами уйдут со своих постов. При таких условиях естественной конкуренции окажутся ненужными искусственные (президентские, губернаторские) «списки перспективных кадров».

С использованием механизма ответственности у российских граждан возникнут возможности быть востребованными во власти не по принципу личной преданности, дружбы, совместной учебы или службы, но единственно в соответствие с их деловыми и профессиональными, умственными и моральными способностями. А у элиты появится эффективный инструмент ротации кадров.

Реформа судебной и правоохранительной систем – ресурс модернизации России

Огромную роль в создании эффективного государства играют суды, прокуратура и органы внутренних дел. В настоящее время они нуждаются в серьезном реформировании. Обновление судебной и правоохранительной систем будет определять качество и скорость процесса создания эффективного государства. Цель реформы судов, прокуратуры и органов внутренних дел – добиться, чтобы они обеспечивали работу закона в Российской Федерации и строго стояли на его страже, т.е. были эффективными. Создание эффективной судебной и правоохранительной систем требует решения ряда взаимосвязанных задач.

Во-первых, общество начнет доверять российской судебной и правоохранительной системам лишь тогда, когда те начнут работать эффективно. А для этого деятельность судей, прокуроров, сотрудников внутренних дел следует сделать открытой для контроля общества. Судебная и правоохранительная системы будут оставаться неэффективными, пока не уйдет в прошлое закрытая от общества, бесконтрольная и, как следствие, безответственная и порождающая некомпетентность система государственно-властных отношений. В этой связи задача реформирования судебной и правоохранительной систем состоит в законодательном обеспечении прозрачности и ответственности деятельности судов, прокуратуры и органов внутренних дел.

Здесь под прозрачностью следует понимать свободный доступ граждан к полной, достоверной, своевременной и регулярной информации об исполнении обязанностей судьями, прокурорами и сотрудниками органов внутренних дел, за исключением информации, относящейся к государственной тайне и оперативно-розыскной деятельности. В настоящее время прозрачность деятельности судов, прокуратуры и органов внутренних дел, равно как и иных органов государственной власти, законодательно не закреплена, поэтому правящей элите необходимо незамедлительно внести в законы соответствующие поправки.

Во-вторых, модернизация судебной и правоохранительной систем должна обеспечить качественную социальную защиту сотрудников органов внутренних дел, судей и прокуроров: они должны получать достойную за-

работную плату, иметь гарантированное бесплатное жилье и медицинское обслуживание, солидную пенсию. Если судьи и прокуроры уже обладают такой социальной защитой, то сотрудники органов внутренних дел этого пока лишены. Достаточно сказать, что в настоящее время заработная плата сотрудников органов внутренних дел в 8–10 раз ниже таковой у судей и в 3–4 раза ниже, чем у прокурорских работников.

В-третьих, реформа судебной и правоохранительной систем заключается в создании механизма ответственности судей, прокуроров и сотрудников органов внутренних дел. Одной из составляющих механизма ответственности, наряду с прозрачностью, является размещение полной и достоверной информации о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера судей, прокуроров, руководящих сотрудников органов внутренних дел, а также членов их семей на официальных сайтах данных органов. В настоящее время из-за неполной информации об отчете судей, прокуроров и сотрудников МВД, а также из-за отсутствия проверки достоверности представленных сведений данный механизм работает формально.

Действенным инструментом повышения ответственности судебной и правоохранительной систем может быть полиграф. Процедура проверки на детекторе лжи должна стать обязательной для любого судьи, прокурора и сотрудника органов внутренних дел, начиная от проверки абитуриентов юридических вузов и курсантов вузов МВД, рядовых и заканчивая старшими офицерами.

В настоящее время процедура обследования сотрудников органов внутренних дел на полиграфе проводится выборочно и не имеет правового закрепления. Судьи и прокуроры практически не проходят такую проверку. В этой связи проверка на детекторе лжи (полиграфе) на предмет нарушения закона и коррупции должна стать обязательной для всех судей, прокуроров и всего личного состава МВД, проводиться регулярно, записываться на видео и храниться в архиве постоянно.

Эффективным инструментом механизма ответственности является конфискация имущества и лишение льгот. Однако из-за отсутствия в российском законодательстве международных норм института конфискации борьба с коррупцией в судебной системе, прокуратуре и органах внутренних дел, равно как и других государственных органах, осуществляется неэффективно. В этой связи необходимо незамедлительно интегрировать нормы международного права института конфискации в российское законодательство, о чем говорилось выше.

Ряд мер по осуществлению реформы МВД в части повышения ответственности уже закреплен целой серией указов Президента России и законопроектов, рассматриваемых сейчас Государственной думой. В том числе инициированы поправки в Уголовный кодекс, согласно которым статус сотрудника МВД при совершении им преступления будет считаться отягчающим обстоятельством. В целях создания эффективной правоохранительной системы эта норма должна распространяться также на судей и прокуроров.

Целесообразно добавить в эту норму положение, устанавливающее, что после вступления в силу приговора суда необходимо лишать чинов, званий и наград, служебной квартиры и т.п. осужденных судей, прокуроров и сотрудников полиции. Это заставит их перед совершением правонарушений задумываться о судьбе своих близких в случае уголовного преследования.

Следует также законодательно запретить возможность условного наказания для судей и сотрудников правоохранительных органов.

Прозрачность деятельности судей, прокуроров и сотрудников органов внутренних дел поставит их под действенный контроль российского общества. Институты гражданского общества – СМИ, общественные организации, общественные палаты, политические партии и граждане – благодаря прозрачности получают возможность осуществлять эффективный контроль над ними в различных формах и способах. В этих целях следует дополнить Закон «О полиции» и ряд иных законов соответствующими поправками и дополнениями.

Так, в Закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» необходимо ввести следующую норму: «В Интернете в обязательном порядке размещать всю информацию о деятельности судов, за исключением сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну». А пристальный общественный контроль неизбежно заставит суды выносить законные, доказанные и обоснованные решения.

Представляется целесообразным отменить нормы, позволяющие судьям выносить субъективные решения, следуя так называемым личным убеждениям и тому подобными положениями. Необходимо руководствоваться только статьями действующего законодательства с обязательным детальным законодательно-правовым обоснованием выносимых ими решений, чтобы сразу становились видны их некомпетентность или коррупционный интерес.

В целях повышения эффективности работы прокуратуры и органов внутренних дел законы «О прокуратуре Российской Федерации», «Об Общественной палате Российской Федерации», «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и «О полиции» следует дополнить следующими нормами:

1) «На сайтах общественных палат и Уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации публиковать все жалобы граждан в органы внутренних дел и прокуратуру по ненадлежащему исполнению сотрудниками полиции своих обязанностей. Руководство МВД и прокуратуры обязано отвечать на данные жалобы на этих же сайтах».

Российские граждане должны видеть, кто пострадал, кто виноват и как виновный ответил за нарушение закона. Действуя в условиях прозрачности, судьи, прокуроры и сотрудники внутренних дел будут вынуждены ответственно и компетентно решать свою главную задачу по обеспечению соблюдения законов Российской Федерации, исполнению, охране и защите конституционных прав и свобод граждан. А безответственным и некомпетентным сотрудникам придется покинуть службу.

2) «На сайтах общественных палат и Уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации организовать рубрику обращений и жалоб сотрудников органов внутренних дел на произвол начальников в системе МВД. Обязать руководство МВД и прокуратуру отвечать на данные жалобы на этих же сайтах».

Такие жалобы откроют для всего общества нарушения в деятельности должностных лиц в органах внутренних дел и покажут, насколько добросовестно и профессионально они исполняют свои служебные обязанности.

Все это повысит ответственность и правовую культуру должностных лиц системы МВД, обеспечит их компетентность.

3) «На сайтах общественных палат, Уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации публиковать данные общественного контроля о деятельности дежурных частей ОВД и порядке содержания граждан в изоляторах временного содержания».

Случаи унижения и издевательства над людьми при этом станут открытыми для реагирования Уполномоченного по правам человека и прокуратуры. Это будет способствовать повышению ответственности сотрудников органов внутренних дел при исполнении ими своих служебных обязанностей.

4) «На сайтах общественных палат, Уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации публиковать жалобы граждан на произвол сотрудников ГИБДД, связанные с вымогательством взяток, неполным, необъективным и/или несвоевременным выяснением ими обстоятельств ДТП. Обязать руководство ГИБДД и прокуратуру отвечать на данные жалобы на этих же сайтах».

Реформа судебной и правоохранительной систем достигнет своих целей лишь тогда, когда данные системы станут эффективными. Но для обеспечения эффективной работы судам, прокуратуре и органам внутренних дел необходимы постоянная поддержка и помощь общества. Однако российское общество поддержит их только в том случае, когда увидит в них защитников прав и свобод граждан. А такими судебная и правоохранительная системы станут только тогда, когда будут открытыми для граждан и подконтрольными обществу.

Именно прозрачность деятельности судей, прокуроров и сотрудников органов внутренних дел поможет сформировать ответственные государственно-властные отношения. Как следствие, судьи, прокуроры и работники полиции начнут следить за обеспечением и соблюдением закона всеми участниками общественных отношений – должностными лицами органов государственной и местной власти, бизнесменами и обычными гражданами. А Россия начнет двигаться по пути создания эффективного государства.

Пока же в шумихе, поднятой по национальному вопросу после известных событий на Манежной площади представителями правящей элиты и обслуживающими их журналистами СМИ, больше чисто предвыборной риторики и политики, а также желания отдельных групп и кланов, прежде всего этнических, под этим прикрытием урвать свой кусок «пирога» из государственного бюджета страны и перераспределить собственность. А также поправить пошатнувшееся финансовое положение, нежели в действительности заниматься проблемами национальных республик, входящих в состав Российской Федерации.

Между тем главными из проблем по-прежнему остаются полная некомпетентность представителей региональных и местных элит, повсеместная коррупция и разворовывание бюджетов, клановые войны, ведущиеся под прикрытием борьбы с терроризмом, монополизация чиновничеством бизнеса, сращивание властных, правоохранительных и судебных органов с бандитскими группировками, массовая безработица населения и отсутствие у граждан мотивации к производительному труду.

Выводы

Благополучие России, солидарное и гармоничное развитие различных этнических групп и конфессий, мир, доброжелательный для всех культур, могут быть достигнуты лишь тогда,

– когда в стране начнет править Закон, независимо от этнической и религиозной принадлежности населяющих ее людей, традиций и мировоззрений, которых они придерживаются, а также от социального статуса, экономического положения человека и занимаемой им должности в системе властно-политического управления государством;

– когда неотвратимая ответственность каждого за принимаемые им решения и совершаемые поступки выдавит из органов власти безответственных и некомпетентных, замаранных в коррупции и разворовывании бюджета чиновников;

– когда представители правящей элиты сумеют показать в этом достойный пример всем остальным гражданам России.

Создание эффективного государства – главного инструмента модернизации России может обеспечить только просвещенная и национально-ориентированная элита страны, знающая, что, как, когда и в каком порядке надо делать и обладающая достаточными волей и ответственностью перед страной и народом. Ибо лишь элита обладает необходимыми для этого властными, политическими, экономическими, и финансовыми ресурсами. И прежде всего на правящую элиту в полной мере ложится ответственность за соблюдение Закона всеми субъектами общественных отношений, межэтнический и межконфессиональный мир в нашей стране.

ЧТО СТРОИМ: КРЕПОСТЬ ИЛИ АВТОСТРАДЫ?
ОБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
В ГОСУДАРСТВАХ–УЧАСТНИКАХ СНГ

Вызовы глобализации

Все европейские страны (и, фактически, большинство стран в мире) находятся в определенной ситуации, обусловленной глобализацией, – они становятся субкультурами не только на региональном и локальном уровнях, но также и на национальном. В мировом масштабе ситуация выглядит аналогичной именно в силу разнообразия. Средства массовой информации отражают этот status quo. Для исследований культуры и особенно культурной политики это означает определенный методологический вызов.

Традиционный взгляд, который нашел свое выражение практически во всех национальных докладах по культурной политике, подчеркивает множественность культур. Каждая из них может быть массовой, но не глобальной (по определению). Каждая из них отражает обычаи и ценности той группы, которая определяет себя как культурно самобытную. Обычно подразумевается, что границы той или иной культуры более или менее определяются этническими группами. В то же время, культурное многообразие имеет множество других аспектов: территориальный (локальные или региональные культуры, будь то в широком смысле, представленном в определениях документов ЮНЕСКО, например в Европе, Центральной Азии, Латинской Америке, либо в европейском понимании региона как субнационального подразделения), религиозный, лингвистический (языковой), гендерный, социально-демографический, надгосударственный (Европейский союз, Содружество Независимых Государств) и т.д.

Во времена Советского Союза так называемые союзные республики (которые обрели независимость после 1991 г.) имели, как правило, два официальных языка для прессы и эфирного вещания – соответствующий национальный язык и русский. После обретения ими независимости русский язык потерял свой статус в большинстве этих стран, но сохранился, хотя и в значительно меньшем объеме, в средствах массовой информации. Фактически, английский как язык транснационального общения заменил русский для новой элиты и молодежи. Это последнее замечание также справедливо и для большинства восточноевропейских славянских стран (Польша, Чешская Республика, Болгария и т.д.). Фактически глобализация поглотила все пространство, где региональные объединения потеряли свое бывшее значение.

Глобализация других частей Европы проходила легче. Крупные транснациональные компании стремились к вне-национальному статусу: Nokia – не финская, Philips – не голландская, Siemens – не немецкая и т.д. Либерализация рынка принесла продукты массовой культуры в Западную Европу ранее Восточной (сразу после Второй мировой войны). Глобализация Восточной Европы проходила позднее, но более активно и быстро. Эти процессы способствовали новому пониманию культурной политики.

Культурная политика как специальное направление деятельности государства была сформирована во второй половине XX века. Уже в это время «право на культуру» и свободное участие в культурной жизни было зафиксировано во Всемирной декларации прав человека (1948), а позднее был ратифицирован Международный пакт ООН по экономическим, социальным и культурным правам (1966). Культурная политика была определена законодательством большинства стран как деятельность, целью которой являлось управление и планирование в сфере культуры. Так, в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (1992) мы находим следующее определение культурной политики: «Государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) – совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры»¹. Такая интерпретация культурной политики была основана в первую очередь на идее государственной поддержки профессиональных искусств, «высокой культуры» и ее популяризации.

В конце XX в. благодаря деятельности ЮНЕСКО произошло переосмысление понятия «культура». Она стала пониматься как образ жизни, общие (для данного сообщества) нормы и ценности во всех видах человеческой активности². Это определение бросило вызов традиционному восприятию «отрасли культуры» и привело к глубинному пониманию культурного разнообразия.

Проводя дискуссии в области культурной политики во всем мире, ЮНЕСКО стремилось инициировать международное осмысление нового профиля культурной политики, который явится ответом на вызовы устойчивого развития и мира³. Его значение двояко. Во-первых, он позволит стимулировать понятие сферы культуры как таковой (наследие, творчество, культурные индустрии, народные промыслы, культурный туризм), а также актуальные задачи культурной политики, учитывая потребности в области законодательства и профессиональной подготовки менеджеров культуры и помимо этого посредничества и управления культурными ресурсами. Во-вторых, он явится гарантией того, что культура займет свое полноценное место в политике развития – особенно же в области образования, науки, коммуникации, окружающей среды и социальной сплоченности.

Ключевые элементы этой новой стратегии в настоящее время обсуждаются. Пока они могут быть сформулированы в рамках следующих направлений:

- Планирование в сфере культуры должно быть интегрировано в общее государственное планирование, сопровождаемое и поддерживаемое развитием инфраструктуры.
- Институционализация процессов на местах должна содействовать укреплению связей между культурой и социальной сплоченностью, устойчивостью развития и благополучием людей, создавая синергию между различными сферами политики и/или направлениями, выходящими за пределы конкретных отраслей.
- Новые стратегии должны способствовать продвижению межкультурных компетенций в планировании и новому осознанию в государственных институтах и общественных организациях того факта, что матери-

альное обеспечение культуры есть важнейшая часть инфраструктуры национального развития в целом.

- Деятельность в сфере культуры должна учитывать последние теоретические результаты и практические рекомендации межкультурных/межрелигиозных исследований, межкультурные компетенции и диалог, влияние коллективной памяти, народной культуры, сохранение материального и нематериального культурного наследия, поддержку разнообразных форм культурного самовыражения.
- Эффективная координация этих механизмов на национальном и локальном уровнях должна способствовать распространению инновационных подходов поверх традиционных, институциональных или географических границ.

Картина общих тенденций и локальной специфики в переходный период везде неоднородна и, следовательно, связывает осмысление будущего развития стран СНГ и с теориями мультикультурализма, и с новым пониманием культурного разнообразия и социальной сплоченности. Последняя определяется следующим образом: «Социальная сплоченность в понимании Совета Европы характеризует способность общества обеспечить благополучие всех своих членов, минимизируя неравенство и избегая поляризации. Сплоченное общество – это сообщество свободных индивидов, преследующих общие цели демократическими методами и ориентированное на взаимную поддержку»⁴.

Национальное строительство против разнообразия

Исследования в области культурного разнообразия лежат в основании большинства обсуждаемых преобразований. Они стали объективной действительностью во второй половине XX столетия. В новом культурном ландшафте культурное разнообразие превратилось в отличительную особенность каждого общества. Однако есть серьезные опасения, что в ситуации глобализации и культурного разнообразия почти каждое из обществ может быть стремительно вовлечено в политический, социальный или любой другой тип конфликта. Это ощущение нашло выражение во Всемирном Докладе о Культуре (2000)⁵, где слова «культурное разнообразие, конфликт и плюрализм» вынесены на его титульный лист⁶.

На протяжении более пятидесяти последних лет Центральная и Восточная Европа явилась привилегированным местом социальных и культурных экспериментов. После трагических событий Второй мировой войны большая часть континента была вынуждена более или менее строго следовать за советской моделью: централизованная плановая экономика и абсолютное право коллективной собственности на средства производства. В терминах культуры это означало идеологический контроль, инфляцию национальных культурных ценностей и недостаточное финансирование по остаточному принципу.

Трансформации 90-х годов XX в. принесли свободу прежним «союзникам» и привели к образованию новых независимых государств: Латвия, Литва и Эстония в Балтийском регионе; Белоруссия, Молдова и Украина в

сердце Европы; Грузия, Армения и Азербайджан на Кавказе; Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан в Центральной Азии, и наконец, Россия. Эти изменения сопровождались введением новых правил, продиктованных «рыночной экономикой», глобализацией (часто воспринимаемой как «американизация») и частично Европейским союзом, к которому присоединились Балтийские государства. Культура в традиционном смысле (искусство и наследие) потеряла свое значение (и большую часть субсидирования), уступив место средствам массовой информации, системе звезд и знаменитостей и глобальной массовой культуре, ошибочно трактуемой как антикультура и не-искусство. Все это в начале 90-х годов XX в. создало новый контекст для культурной политики.

Вновь образованное Содружество Независимых Государств могло теперь базироваться только на исторически устоявшемся социокультурном и политическом средстве, экономической взаимозависимости, миграции и личных связях. СНГ оказалось неустойчивой структурой для развития межгосударственных отношений между вновь образованными нациями. Укрепление национальных культур и преодоление негативных последствий глобализации фактически стали главными целями национальной культурной политики для стран-участниц СНГ, так же как и для всего региона в целом. В каждом новом государстве возникла парадоксальная ситуация, ставшая необходимой частью национального строительства: с одной стороны, государства строились, преодолевая сопротивление прежней советской империи, с другой – стремились к принятию и поддержанию предлагаемой тенденции культурного разнообразия. Это противоречие было свойственно также и бывшим югославским республикам.

В то же время развитие инновационной культурной политики в странах СНГ превратилось в одну из ключевых задач для выполнения общих сценариев развития, принятых государствами. В настоящее время отмечается также и практическая потребность сохранить некогда единое культурное пространство и развивать культурное сотрудничество.

Достижение этих целей находится в контексте преобразований социальных и политических систем, институций и обычаев. Реформы 90-х годов породили пространство, где различные цивилизации и культуры сосуществовали и сосуществуют многие века, где культурное разнообразие – важнейшая часть исторического процесса и где межкультурный диалог является критическим фактором для культурной идентичности, чувства личной принадлежности и психологического комфорта.

В течение переходного периода, который все еще продолжается, каждой стране и каждому сообществу требовалось выбрать свою собственную линию поведения (или протестную позицию) по отношению к постмодернизму и постиндустриальному миру, к информационному или трансформационному обществу, или к «обществу знаний». Во всем мире интеллигенция и художники указывают на противоречия между рыночной экономикой, которая правит в мире, и фундаментальными культурными ценностями, на которые все еще опирается большинство народов мира. Иными словами, на противоречия между экономическим и культурным развитием, которые проявляются, в частности, в форме хронического недофинансирования сферы культуры. До существующего экономического кризиса только экономисты и политики не видели никаких фундаментальных антагонизмов между куль-

турой и рыночной экономикой, как локальной, так и глобальной. Для большинства из них процесс измерения экономики культуры сосредотачивается исключительно на «добавленной стоимости», означающей приращение богатства благодаря культурному и творческому секторам.

Корни противоречия между позицией интеллигенции и политической элиты уходят далеко в глубь веков. Проект Просвещения в эпоху модерна рассматривал культуру и образование как непреходящие ценности, неизмеримые экономически (даже для Карла Маркса). Эпоха постмодерна (а фактически глобальной массовой культуры XX и XXI веков), основанная на принципе развлечения, напротив, декларировала превосходство экономических критериев во всех сферах.

Ранее предназначение советской культуры заключалось в том, чтобы стать своего рода метакультурой. Однако в 90-е годы этнические и религиозные группы укрепили свою идентичность на основе исключительности, связью с традицией и реконструкции коллективной памяти, так же как общего менталитета, образа жизни, традиционных форм коммуникации и т.д. Новые нации и их влиятельные диаспоры перестроили культурные ландшафты и породили новую игру идентичностей, образов жизни, ценностей и отношения к наследию. Все это культурное пространство делится между коренным населением, диаспорами и миллионами трудовых мигрантов, между новыми социальными сообществами, возникшими на основе возрастных или гендерных групп, в то время как общие объединяющие культурные основания потеряли свое прежнее значение.

В этой ситуации осмысление разнообразной и постоянно изменяющейся действительности, ее адекватное представление в дебатах и документах, потребность в инструментализации необходимых понятий и разработки соответствующих определений, которые могут использоваться в законодательстве, становятся жизненно необходимой.

Культурные права против традиционных ценностей

Новые ситуации выдвигают на первый план факторы инклюзивной культуры, которая основана на принципе открытых границ; в правовом поле они опираются на культурные права и обеспечивают культурное разнообразие и межкультурный диалог. С этой целью правовые инициативы, предлагающие формулировки в поддержку культурного разнообразия, укрепляют конституционные гарантии в области культуры и усиливают устойчивость стратегий развития⁷.

Продвижение нового гражданского и правового мировоззрения, основанного на межкультурных компетенциях, является важнейшим условием создания правовой системы, предназначенной для поддержания культурного разнообразия и межкультурного диалога. Поскольку разнообразный культурный ландшафт стал неотъемлемой характеристикой любого общества, культурное взаимодействие развивается в повседневной практике и на местах, восстанавливая в своих правах конструктивный принцип «мыслить глобально и действовать локально».

Эта концепция противоречит многим традиционным ценностям. Высший Совет Русской православной церкви официально заявил, что западная концепция прав человека не действительна для его конгрегации, поскольку в ней отсутствуют некоторые фундаментальные ценности, в частности прямая ссылка на Бога и человеческое достоинство.

Религиозное возрождение иногда рассматривается как всеобщее спасение. Представителям нескольких религий – православной и католической версий христианства, исламу и даже буддизму в их традиционных ипостасях – обычно не хватает связи с текущими проблемами. Политика национальной культурной автономии не решила всех проблем мусульманских сообществ в России, но помогла смягчить некоторые конфликты. Как подчеркивают представители Министерства культуры России, в стране нет культурной сегрегации мусульман, что доказывают в частности Дни культуры Татарстана в Москве. Однако политические и военные проблемы остаются актуальными во многих регионах Европы и мира.

В докладе о культурной политике Азербайджана говорится в основном о нынешних проблемах азербайджанской культуры со ссылкой на мусульманскую традицию, но военные вопросы не затрагиваются. В документе указывается, что Азербайджан действительно является частью Европы, но испытывает недостаток в контактах с другими европейскими странами.

Более комплексный обзор этнических, религиозных и культурных традиций в их отношениях к противоречиям индустриального и постиндустриального развития дается в скандинавских исследованиях, рассказывающих о вере и судьбе аборигенов Севера, важности их тысячелетнего опыта общения с природой для концепции устойчивого развития.

Многие исследования посвящены этническим конфликтам в различных частях обширной территории Восточной и Центральной Европы и СНГ в их отношении к культуре. Недавние и сегодняшние войны иногда рассматриваются как результат не культурных, а чисто политических конфликтов, в которых культура использовалась лишь в качестве аргумента. При этом подчеркивается роль культурной оппозиции к воюющим режимам.

Большинство ученых отказывается признавать культурные основания современных конфликтов, сосредотачиваясь в основном на их экономических, политических и военных аспектах. Напротив, радио- и телевизионное вещание распространяет по некоторым территориям политически и культурно приемлемые образы принципиально неприемлемых войн и конфликтов.

Рассмотрение общих тенденций и местной специфики различных преобразований в контексте теории мультикультурализма определило многообразие не только культур, но и сценариев будущего развития стран Восточной и Центральной Европы. Главным вопросом здесь является проблема культурной адаптации.

Большинство исследователей полагают, что все еще имеется потребность в некоей протекционистской политике для сохранения существующих культурных идентичностей.

Политика, основанная на уважении и гарантии культурных прав в контексте культурного многообразия, может быть социально эффективной и стимулировать устойчивое развитие в том случае, если она порождает включенность в культурную жизнь. Последняя может быть в общем смысле интегрирована в управление культурой как процесс реагирования на разно-

образе потребностей любых граждан через увеличение активного и креативного культурного участия и сокращения изоляции.

В этой связи следует рассмотреть понятие «общей культуры», которое основывается на принципах свободы и сотрудничества внутри постоянно меняющегося культурного ландшафта⁸. Непрерывное мультикультурное образование, содействующее общности культуры, и художественное образование в частности, становятся необходимыми предварительными условиями для того, чтобы научиться понимать разные образы жизни и общаться с людьми, не похожими на тебя самого, избегать негативных стереотипов и влияния ложных представлений, распространяемых, в частности, средствами информации.

Массовая культура и искусство: глобальные преобразования

Традиционные большинства и меньшинства определялись и определяются совместным проживанием. Новые культурные сообщества не только отражаются в информационных структурах (например, каналы меньшинств в Германии), но также во многих отношениях создаются ими. Транслокальные культурные сообщества, сформированные Интернетом, служат наилучшим примером этой последней тенденции. Крупные культурные сообщества определяются своим общим языком, отличным на государственном уровне от государственного и на международном уровне – от английского. Здесь мы снова вступаем в противоречие, отраженное в злободневной шутке о том, что Англия и США – это две страны, разделенные одним и тем же языком. С этой точки зрения, международный английский язык отличается от национальных и региональных вариантов английского, каждый из которых отражает особенности культурного меньшинства. Еще больше это относится к акцентам.

Средства информации могут использовать разные языки. Некоторые меньшинства (в Западной Европе больше, чем в Восточной по экономическим и иногда политическим причинам) имеют газеты и телевизионные каналы, вещающие на их родных языках, отражая новые тенденции политики мультикультурализма. Некоторые меньшинства все еще добиваются таких возможностей. Как правило, эти средства информации не могут содержать сами себя и выживают за счет государственных средств или помощи диаспорам с «родины».

Основной проблемой в отношениях между обществом и средствами информации становится культурное разнообразие в пределах глобальной массовой культуры. С этой точки зрения, внешние отношения превращаются во внутренние, и процессы общения становятся еще более сложными. Разгадкой этого является разница в значении терминов «популярный», «народный» и «массовый».

Существуют разные виды популярной культуры: балканская культура, а внутри нее хорватская культура; существует популярная культура в России и в отдельных регионах России, во Франции, а также в Бургундии, Эльзасе и в марсельском регионе. Каждый раз, когда что-то нравится всему народу, а не только образованной его части, к нему может быть применен термин «популярный». «Народный» обозначает культурную продукцию, создаваемую самостоятельно. Поэтому мы можем сказать, что во всем мире существуют различные популярные культуры, и они нередко взаимодействуют одна с

другой. Когда европейцы говорят «массовая культура», они обычно имеют в виду «ужасный призрак» американизации, который насаждается среди бедных людей по всему миру, и те просто не знают, что со всем этим делать и как противодействовать его «плохим» последствиям. Глобализация понимается как культурная унификация.

Есть другая точка зрения. Некоторые исследователи не считают, что «массовая культура» представляет собой однородное явление, они полагают, что она обладает объединяющей силой: стремясь покрыть весь земной шар, понравиться любому возрасту и любому социальному слою, массовая культура пытается быть универсальной. Конечно, она никогда по-настоящему не достигает успеха, какую бы ее часть мы не взяли – музыкальный хит, фильм-блокбастер или звезду, – но благодаря своему разнообразию (с которым никогда не сравнится ни одна отдельная популярная или даже «высокая» культура), способности очень быстро, еженедельно или ежедневно, переключаться от одной мелодии, одного общественного деятеля или бестселлера к другому, она непрерывно адаптируется к разным видам аудитории, объединяя их в более или менее глобальную сеть.

Использование слова «сеть» здесь не случайно, поскольку каждый, по крайней мере в Европе (Западной и Восточной), говорит о налаживании сетей связей и знакомств. Тем не менее огромное расстояние разделяет формирование сети культурной политики, установление связей между группами интеллектуалов и потенциальный глобализм телевизионных сетей или киберпространства, включая все: от видеоигр до всемирной паутины. Массовой культурой управляют импульсы, главным из которых является коммерческий импульс – получение максимальной прибыли. Для этого надо максимально увеличить аудиторию, что означает необходимость найти общий знаменатель для населения всей планеты.

Как таковое, это население делится на группы и, как я уже подчеркивал, каждая имеет свою популярную неспециализированную культуру. Они формируют закрытые миры, несмотря на существование некоторой взаимосвязи между ними. Племенная культура части Африки и российская традиционная фольклорная площадка могут быть связаны группами посещающих их туристов. Но между ними двумя нет никакой интеграции. На самом деле по ряду причин такая интеграция невозможна. Эти два вида популярной культуры просто недостаточно близки друг другу, чтобы начать настоящий диалог. И, конечно же, существует великое множество схожих, но с небольшими местными различиями, популярных культур.

Каковы их отношения с глобальной массовой культурой? Большая часть этих локальных культур не имеет никаких шансов заполнить глобальные сети средств информации. Но иногда это происходит.

Если мы посмотрим внимательно на российскую часть глобальной массовой культуры, мы обнаружим самые разные явления: адаптации (дайджесты либо фильмы и телесериалы) классических романов, особенно произведений Льва Толстого или Достоевского, идея «русской души», Путин и Распутин, русская мафия, водка и теннисистки...

Самым недавним и единственным примером ассимиляции элементов российской индустрии развлечений является группа «Тату»: две очень юные певички, притворяющиеся лесбиянками-тинэйджерами, больше оружие, чем поющие о своих страстях и своей боли. Любовь и секс интересуют молодую аудиторию повсюду.

И другой пример того же рода: в одном из регионов Алжира мы находим местную разновидность популярной музыки, в которой поется в основном о любви и сексе. Подобные местные непристойные частушки существуют повсюду. Здесь эта музыка называется «раи». И этот маленький региональный продукт, не пользующийся особой популярностью даже в Северной Африке, почти случайно (и в этом он очень схож с российскими певичками) вошел в глобальную массовую культуру и какое-то время был ее феноменом. Это можно объяснить частично тем, что, как водится, большинство людей интересуют две основные вещи – секс и насилие, которые могут выражаться самыми разными способами. Но как именно: «Тату», раи, регге или ламбадой?

Я изучаю массовую культуру и считаю себя специалистом в этой области. Однажды я выехал за пределы Москвы в старинный город Тверь, обладавший большой властью в Средние века, но сейчас превратившийся в глубоко провинциальный и значительно уступающий своими размерами столице, с которой когда-то соперничал. Здесь я познакомился с ламбадой. Ее танцевали все, хотя я, изучающий популярную культуру, в то время ничего о ней не слышал. Потом я узнал, что ламбаду танцевали не только в Твери, но и по всему миру. Танцующие не занимались исследованиями популярной культуры, это были обычные люди, живущие в массовой культуре. Я смог познакомиться с популярной мелодией из Латинской Америки в небольшом российском городе только потому, что она стала универсальным глобальным явлением, превратившимся в доступное для всего мира благодаря средствам массовой информации.

Конечно, помимо ламбады в Латинской Америке существуют тысячи других мелодий. Имеются различные виды музыкальных групп в России и типов популярной музыки в Северной Африке, а рядом с «Тату» и раи можно найти сотни и тысячи (и даже миллионы) других исполнителей, которые никогда не пытались или которым не удалось войти в состав глобальной массовой культуры. Просто случается, что массовая культура может адаптироваться и находить способ интегрировать эти популярные культурные явления, и диалог между «Тату», регге, раи и ламбадой может состояться повсюду, в том числе и здесь, на европейской или российской территории. И этот вид диалога фундаментально отличается от традиционных путешествий художников или туристов. В глобальных сетях разнородные культурные явления не экзотичны, а равны.

Другой вопрос – отношение между массовой культурой и субкультурами, включая на этот раз не только региональные или национальные, но также «высокую», «молодежную» и другие культуры, в том числе культуры «меньшинств». Эти и другие субкультуры имеют тенденцию также становиться закрытыми мирами, они явно не хотят быть частью сети средств массовой информации, предпочитая культивировать групповые идентичности.

Последней общей тенденцией стал структурный сдвиг к искусству: хотя в целом количество библиотек и культурных центров сокращается, к концу XX в. число театров, концертных залов, музыкальных исполнительских групп, музеев и художественных галерей стало возрастать. Творческий потенциал и упрощенная процедура создания новых учреждений культуры изменили соотношение кадровых ресурсов в пользу «новых», т.е. небольших театров, трупп, музеев и галерей. (В случае библиотек и культурных центров наблюдается обратный процесс: их становится меньше, но они укрупняются.)

Пиратские рынки в Центральной и Восточной Европе

	Кино		Фонотрансляции		Программное обеспечение, офис		Программное обеспечение, развлечения		Книжки	Общие потери*
	Потери*	Доля пиратства	Потери*	Доля пиратства	Потери*	Доля пиратства	Потери*	Доля пиратства		
Украина	45	90%	125	75%	59	91%	д/нет	85%	д/нет	229
Россия	275	75%	405	64%	704	87%	д/нет	80%	40	1424
Беларусь	д/нет	д/нет	22	74%	д/нет	д/нет	д/нет	д/нет	д/нет	22
Болгария	4	25%	7	80%	16	71%	д/нет	д/нет	0,3	27,3
Венгрия	20	30%	8	30%	55	42%	д/нет	д/нет	4	87
Латвия	д/нет	85%	10	80%	10	57%	д/нет	95%	д/нет	20
Литва	д/нет	д/нет	13,5	85%	10	58%	д/нет	90%	д/нет	23,5
Польша	30	30%	34	45%	171	58%	д/нет	д/нет	5	240
Румыния	8	35%	18	80%	28	73%	д/нет	д/нет	2	56
Словакия	2	25%	д/нет	д/нет	24	50%	д/нет	д/нет	д/нет	26

Источник: Долгин А. Экономика символического обмена. М., 2006. С. 495–497. *В млн долл. США.

Другая сторона кризисного управления проявилась в индустрии культуры, которая, как считалось, способна функционировать по строго рыночным правилам. Ключевым понятием здесь была приватизация. На самом деле, глобализация пришла к власти там, где потерпели поражение региональные блоки. Эти процессы породили кардинальное трансформирование понимания культурной политики.

В частности, полностью частный (и пиратский) видеобизнес возник по всей Центральной и Восточной Европе и в странах СНГ, поскольку государственные предприятия оказались абсолютно неконкурентоспособными из-за бюрократических ограничений и необходимости соблюдения законодательства в области авторского права. Пиратство было главным итогом рыночной мантры, провозглашающей невмешательство государства в экономику⁹. Новое законодательство о правах на интеллектуальную собственность, воплощенное в жизнь в большинстве постсоциалистических государств, свелось к пиратству.

Кино и телевидение стали ключевыми сферами культурного развития на перекрестках Искусства и Индустрии, связывающими различные культурные сообщества. За исключением устаревших производственных единиц больших студий, по-прежнему принадлежащих государству, и совместных производств с государственными телеканалами, производство фильмов в Европе по большей части осуществляется частными компаниями, иногда создающимися специально для одного-единственного фильма. Это не означает, что они не используют государственные деньги. Напротив, европейская система организована таким образом, что требует состыковки грантов от различных национальных и наднациональных фондов и учреждений, таким образом, перераспределяя то, что является по существу бюджетными средствами. В Восточной Европе принцип перераспределения государственных средств работает еще более явно.

В некоторых странах СНГ каждый сектор кинопроизводства и кинопроката субсидируется отдельно. Например, в России частный прокатчик может получить фильм, финансируемый государством, почти даром, затем попросить субсидию на фильмокопии и рекламу и продать фильм региональным и местным прокатчикам (которые используют деньги из региональных и местных бюджетов). Вся система работает только благодаря государственным средствам, поскольку низкая посещаемость и минимальные цены лишают кинотеатры возможности покрыть даже текущие расходы (электричество, отопление, водоснабжение и т.д.). В результате доход большинства частных прокатчиков поступает полностью из государственных источников. Единственным исключением является возрождение кинорынка России, где местные блокбастеры после 2000 г. пользуются большим успехом, чем голливудские.

Транскультурализм – ключевое слово для будущего профиля культурной политики

Ученые и политические деятели сходятся в том, что невозможно автоматически адаптировать традиционные «восточные» ценности к западным стандартам. Неправильная адаптация или радикальный отказ от модернизации заводит в тупик. Что касается двух других сценариев – выборочной адаптации и коадаптации или модернизации конвергентного типа – их ре-

зультаты зависят от специфической комбинации ведущих национальных культур и культур меньшинств, а также их взаимосвязи в каждой стране, выявляющих патологии переходного периода. Для каждого из этих случаев требуются различные политические опции. Однако диалог культур, понимаемый в духе последних международных документов¹⁰, остается основным средством обеспечения устойчивого развития.

Главным вопросом является необходимость адаптировать политику модернизации к культурным традициям и стандартам, включая культуры большинства и меньшинств (см. <http://www.culturalpolicies.net>). Темой, регулярно встречаемой в исследовательских работах и особенно в западных публикациях, ориентирующихся на Восток, является необходимость сохранения некоторых преимуществ государственного культурного сектора коммунистического периода в условиях рыночной экономики¹¹.

Экономические трудности переходного периода создали необходимость значительной государственной поддержки не только традиционной и классической культуры, но также индустрии культуры и средств массовой информации. Однако основным направлением культурной политики и политики развития должно быть не нынешнее состояние так называемых развитых стран, а будущие этапы информационного и даже пост-информационного общества, где роль культуры должна чрезвычайно возрасти.

В то же время глобализация является частью повседневной жизни во всем мире. Конечно, существуют отдельные интеллектуалы, которые объявляют себя невосприимчивыми к глобализации: они не смотрят (и даже не имеют) телевизор дома и не ходят в «Макдоналдс», предпочитая французские рестораны, не слушают ту музыку, которую слушают их дети (или водители такси), а посещают симфонические концерты. Но они не правы в отношении иммунитета: эти концерты сами прошли через сети рыночной экономики так же, как их платья и костюмы, офисное оборудование или мебель. Даже если мы хотим держаться в стороне от этой ужасной массовой культуры, на деле мы ее часть как потребители и/или участники. Вопрос в том, как глобальная культура взаимодействует с сетью субкультур, локальными, демографическими и прочими культурами?

Нынешние понятия мультикультурализма (сосуществования многих культур в одном обществе) и даже интеркультурализма (взаимодействия между этими культурами) очень быстро устаревают. Откуда понятие транскulturализма, означающее возможность выйти за пределы своей собственной (суб)культуры и перейти в соседнее, более крупное или просто другое культурное сообщество, расширяя контекст, что может (а может и нет) означать конец глобализации. Это становится повсеместно возможным благодаря Интернету и другим новым коммуникационным технологиям. Этот аспект не предусмотрен в традиционной концепции культурного разнообразия, ограничивающегося мультикультурализмом – сосуществованием этнических культур. Именно поэтому транскulturализм показывает путь в будущее.

Традиционно культурное лидерство означало представление интересов и ценностей культурного сообщества перед внешним миром. В большинстве случаев лидеры представляли свою собственную культуру, но некоторые культурные лидеры действовали как поверенные другой стороны. Ярким примером являются идеологи марксизма, выступавшие от имени рабочего класса, или колониальные защитники прав аборигенов.

Приведенные примеры могут рассматриваться как предвестники пост-постмодернистской концепции культурного лидерства, основанной на необходимости преодолеть последствия культурного разнообразия, сохраняя принцип плюрализма культурных сообществ. Не случайно и то, что Владимир Ленин был первым, кто указал на существование (по крайней мере) двух культур в каждой национальной культуре. Для него они виделись: первая – прогрессивной, пролетарской, вторая – реакционной, буржуазной, а для нас сегодня их стало значительно больше: этнические, гендерные, религиозные, социально-демографические и т.д.

Современная концепция культурологии и культурной антропологии возникла в Великобритании в 50-е годы XX в., когда некоторые социологи обнаружили, что рабочий класс, живущий в тех же городах и разговаривающий в основном на том же языке, имел культуру (обычаи, традиции и ценности), отличную от культуры британских же университетских профессоров. Распад колониальных империй (последней из которых считалась советская) узаконил культурный плюрализм, ведущий к множественной идентичности и/или к множеству культур, носителем которых может одновременно выступать отдельный индивид.

Тем временем мультикультурализм по-прежнему основывался на отдельном лидерстве в каждом культурном сообществе. Интеркультурализм ввел в оборот концепцию диалога между сообществами (и их лидерами). Следующий шаг – это признание транскультурализма как парадигмы новой концепции лидерства.

Какие профессии и личности способны породить новых лидеров? Мы можем найти их прототипы в реальной жизни, а также в виртуальном и воображаемом мирах, где они существуют как результат художественного творчества. Вот несколько примеров:

- переводчики (устные более, чем письменные), сближающие людей, говорящих на разных языках;
- дети от смешанных браков (этнических, национальных, религиозных и т.д.), воспитанные в двух (или более) культурах одновременно;
- транссексуалы и бисексуалы, сближающие представителей разных полов, сексуальное большинство и различные типы сексуальных меньшинств;
- приграничные торговцы как локальная версия транснациональных корпораций;
- люди, много путешествующие по миру и не имеющие постоянного места жительства;
- атеисты как единственные люди, способные сблизить между собой разновидности религиозного фундаментализма;
- блоггеры и другие «сетевые люди», живущие в виртуальной реальности больше, чем в реальном мире, и способные произвольно менять собственную виртуальную идентичность;
- воображаемые персонажи разного рода, особенно оборотни, сближающие человеческий и животный мир...

Общей чертой всех этих (и других) потенциальных лидеров является их способность не только трансформировать себя, адаптируясь к различному окружению (принцип хамелеона в «Зелиге» Вуди Аллена), но также преодолевать различия между культурами и соединять их вместе, используя внутренний индивидуальный транскультурный опыт.

Принцип метаморфоз становится основным механизмом выживания и развития людей, сообществ, наций и человечества в целом. Будущее лежит не только в расширенном информационном обществе, но и в **трансформационном** обществе. Люди, готовящие всех нас к этим изменениям, являются транскультурными лидерами завтрашнего дня.

Многие интеллектуалы стараются ограничить глобализацию политикой и экономикой. Они вынуждены согласиться, что транснациональные корпорации активно действуют повсюду, но для них не существует такого явления, как глобализация культуры. Невозможно согласиться с этим мнением. Глобальные культурные явления существуют, включая «Макдоналдс» и «Кока-Колу», но не ограничиваясь ими. Когда в период распада Советского Союза видеопиратство возобладавало над социалистическим процессом образования, российская молодежь через популярную голливудскую или гонконговскую продукцию смогла приобщиться к той же системе ценностей, что и молодежь в Китае, Африке, Латинской Америке и других частях самой Европы. Подростки слушали те же песни, любили (или не любили) те же фильмы, восхищались теми же звездами спорта и т.д. Это был гигантский шаг вперед по сравнению с изоляцией периода «холодной войны» (даже если, будучи интеллектуалами, мы не любим всю эту продукцию популярной индустрии).

Как упоминалось выше, культурное разнообразие стало неотъемлемой чертой каждого общества. Принимая во внимание этот факт, следует рассматривать культурное разнообразие в качестве предпосылки мирного развития, источника интеллектуального, эмоционального и духовного благополучия и средства социально-экономического прогресса и экологической устойчивости. Культурное разнообразие, признаваемое и ценимое в международных высказываниях, рассматривается иными как угроза национальной стабильности и социальному согласию. В ответ на эти опасения международное сообщество все больше и больше признает ценность межкультурного диалога в понимании и позитивном оформлении процесса культурных преобразований и трансформаций, которые переживает общество. Транскультурализм – следующий шаг в этом направлении.

Таким образом, культурная политика, следуя за меняющимся пониманием культуры, эволюционировала с годами. Однако всегда сохраняется зазор между институциональным реагированием и новыми задачами и последними событиями, требующими внимания. Это справедливо в отношении культурного разнообразия, межкультурного и транскультурного взаимодействия. В любом случае инновационные политические подходы должны принимать во внимание сдвиг в понимании культурного разнообразия от статически расположенных рядом единиц, идеально соответствующих границам наций-государств, к представлению о культурном разнообразии как процессе, обладающем способностью регенерировать культуры, вызывая скрытый или открытый диалог.

На пороге XXI столетия культура и культурная политика были объединены в концепции устойчивого развития, а культурная перспектива признана жизненно важной для воплощения целей и стремлений индивида в обществе¹². Однако обоснование поддержки культуры искалось и принималось на внекультурных основаниях даже от имени самой узко понимаемой сферы культуры. Также одобрялось влияние культуры на различные виды деятельности, повышающее их эффективность, в то время как ценность культуры

сама по себе и культурное развитие ради него самого ставились под сомнение. В известной мере подобное отношение обобщенно представлялось в следующем виде: «Признание развивающей роли и социального вклада культуры поэтому своевременен и важно. Это не только позволит культурному сектору играть более центральную роль в жизни многих миллионов людей, но также поможет сфере культуры выразить свою ценность в контексте главных социальных, экономических и политических вопросов наступающего столетия»¹³.

Оценивая происходящий в настоящее время мировой кризис, бывший Генеральный директор ЮНЕСКО г-н Коитиро Мацуура (1995–2009 гг.) подчеркнул его комплексный характер: «Финансовый кризис осложняет продовольственный кризис, энергетический кризис и кризис развития. Мы должны признать, что, взятые вместе, эти кризисы аргументированно предупреждают нас, что наши модели развития просто не устойчивы. Однако мы также должны признать, что вместе с кризисом появляется уникальная возможность для изменения. Мы должны ухватиться за этот шанс и использовать его для формирования общества, предоставляющего всем более равные возможности, для обеспечения более стабильного и равномерного роста и более ответственного характера потребления. ... Мы также должны взглянуть на моральные основы нашего международного сообщества. Наши институты сильны ровно настолько, насколько сильны ценности, лежащие в их основе»¹⁴.

Глобальная «возможность для изменения» ставит задачу подвергнуть переоценке культуру и культурную политику, изменить направление интересов, переместив их на сферу, производящую ценности и формирующую мнения, и на общую приверженность культуре во всех обществах. Курс на культуру может быть наилучшим политическим и юридическим образом установлен при должном внимании к культурному разнообразию, межкультурному диалогу и транскультурному взаимодействию как к инструментам устойчивости. В связи с этим необходимо предпринять следующее. Шаг 1 – ввести понимание культуры как основного социального актива. Практический шаг 2 – интегрировать планирование культуры в более широкий процесс планирования. Уникальный опыт стран СНГ, все еще переживающих интенсивные преобразования, может дать необходимый пример выживания и развития в нынешнем мировом кризисе.

Источники

UNESCO

- Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (1954)
- Convention for the Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Cultural Property (1970).
- Convention on the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (1972).
- Universal Declaration on Cultural Diversity (2001).
- Convention for Protection of the Underwater Cultural Heritage (2001).
- Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (2003).
- Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions (2005).
- World Report on Cultural Diversity (2008).
- Report of the Alliance of Civilizations (2006).
- Final Communiqué of the Expert Meeting on Mainstreaming Principles of Cultural Diversity and Intercultural Dialogue in Policies for Sustainable Development (May, 2007).

The Council of Europe

- European Cultural Convention (1954).
European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities (1980).
Framework Convention for the Protection of National Minorities (1995).
Opatija Declaration (2003).
Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society (2005).
Faro Declaration on the Council of Europe's Strategy for Developing Intercultural Dialogue (2005).
Baku Declaration for the Promotion of Intercultural Dialogue (2008).
White Paper on Intercultural Dialogue «Living Together as Equals in Dignity», Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008).
- Актуальные проблемы культурной политики современной России / Ред.-сост. Б.Ю. Сорочкин. М., 2008.
Бенхабиб С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2005.
Десять лет, которые потрясли культуру: очерки культурной жизни России на рубеже веков / Ред. Б.Ю. Сорочкин. М., 2002.
Мир культуры. Международная мозаика: сравнительный анализ культурной политики зарубежных стран / Сост. Е.И. Кузьмин, В.Р. Фирсов. М., 2003.
Пахтер М. Культура на перепутье: культура и культурные институты в XX в. М., 2003.
Право и культура / Под ред. В.К. Егорова, Ю.А. Тихомирова, О.Н. Астафьевой. М., 2009.
Разлогов К. и др. Трансформация образовательных технологий гуманитарного профиля в условиях множественности культур и идентичностей: научно-методические материалы. СПб., 2008.
Эволюция культурной деятельности в новом столетии: в 3-х т. / Под общ. ред. А.Я. Рубинштейна, Б.Ю. Сорочкина. СПб., 2005.
- Council of Europe / ERICarts. 2008. Compendium of Cultural Policies and Trends in Europe: 9th ed. 2008, see <http://www.culturalpolicies.net>
Everitt A. The Governance of Culture: Approaches to Integrated Cultural Planning and Policies. Strasbourg, 1999.
Held D. et al. Global Transformations (in Russian). 1999. (Глобальные трансформации: политика, экономика и культура: пер. с англ.). М., 2004.
Liutkus V. «Lithuania». Privatization / Désétatisation and Culture: Limitations or Opportunities for Cultural Development in Europe? (Conference Reader), Amsterdam, 1997. P. 136–138.
Ohana Yael. Rapporteur General. Supporting Cultural Actors of Change in Belarus, Moldova and Ukraine. Synthesis Report. Bratislava, September 2007.
Robinson K. Culture, Creativity and the Young: Developing Public Policy, Strasbourg, 1999.

¹ «Основы законодательства РФ о культуре», ст. 3: «Основные понятия».

² Определение, вошедшее во Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, указывает что культура «должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, и что помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования».

³ Обсуждению Нового профиля политики в сфере культуры ЮНЕСКО была посвящена Региональная конференция Содружества Независимых Государств с участием международных экспертов (г. Ереван, 5–7 ноября 2009 года). См. подробно: <http://www.policyforculture.org/>

⁴ Белый Доклад по межкультурному диалогу «Жить вместе – жить в равном достоинстве».

⁵ UNESCO. World Culture Report 2000. Cultural Diversity, Conflict and Pluralism. UNESCO Publ., 2000.

⁶ Например, см.: Keys of the 21st Century. 2004.

⁷ См., например: Культурные права и проблемы, связанные с их признанием // Сб. очерков, посвященных празднованию 50-й годовщины принятия Всеобщей декларации прав человека. М., 2003.

⁸ См.: Council of Europe. Draft European Manifesto for Multiple Cultural Affiliation. [Strasbourg], 2007. P. 26.

⁹ *Bennett O.* Cultural Policy in the United Kingdom: Collapsing Rationales and the End of a Tradition // *European Journal of Cultural Policy*. 1995. Vol. 1(2). P. 199–216.

¹⁰ Белая Книга о межкультурном диалоге «Living Together as Equals in Dignity» дает следующее определение: «Межкультурный диалог понимается как открытый и уважительный обмен мнениями между отдельными лицами, группами лиц различного этнического, культурного, религиозного и языкового происхождения и наследия на основе взаимного понимания и уважения. Он действует на всех уровнях – внутри обществ, между обществами Европы и между Европой и остальным миром».

¹¹ *Bakacsi G.* et al. Eastern European Cluster: Tradition and Transition // *Journal of World Business*. 2002. Vol. 37. P. 69–80.

¹² См.: European Task Force for Culture and Development. In from the Margins: a Contribution to the Debate on Culture and Development in Europe. Strasbourg, 1997.

¹³ *Matarasso F., Landry Ch.* Balancing Act: Twenty-one Strategic Dilemmas in Cultural Policy. Strasbourg, 1999. P. 17.

¹⁴ 2 марта 2009 г. вступительное слово Генерального директора ЮНЕСКО г-на Коитиро Мацууры на первом Форуме Будущего «Глобальный финансовый и экономический кризис: его последствия для системы многосторонних отношений и деятельности ЮНЕСКО». См. <http://portal.unesco.org/en/ev.php>

М.Ю. Мартынова

АКАДЕМИК В.А. ТИШКОВ
И РОССИЙСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ:

Об исследованиях Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Моя статья посвящена работе Института этнологии и антропологии в последние годы, состоянию этнологической науки в России сегодня. Период 1990-х годов, когда Валерий Александрович Тишков стал директором института, был временем существенных перемен в российском обществе и других постсоветских государствах. Процессы трансформации не могли не оказать влияние на науку. В России она оказалась на распутье. Наблюдался даже некоторый ее кризис. До сих пор идут бурные дискуссии о реорганизации Российской академии наук, сокращении количества институтов и научных сотрудников, даже о приватизации институтов. Что касается Института этнологии и антропологии, которому в 2013 г. исполнится 80 лет, то это сейчас одно из преуспевающих в Российской академии наук научных учреждений. В нем работают около 200 человек, и их деятельность востребована как никогда.

В начале 1990-х годов в институте отмечался поистине издательский бум. Раньше его книги печатались главным образом в одном издательстве – «Наука». Сейчас можно обратиться в любое издательство. Есть у института небольшая собственная типография. За последние 20 лет учеными института было издано около полутора тысяч книг¹. К сожалению, особенно в начале 90-х годов многие из них выходили мизерными тиражами, и их сейчас невозможно купить. Сегодня типографское качество изданий стало лучше, мы печатаем около 50 книг в год. Значительное число заслуживающих внимания публикаций выходит также на страницах периодических и серийных изданий: «Этнографическое обозрение», «Расы и народы», «Вестник антропологии», «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»².

Тематика исследований разнообразна. В последнее десятилетие XX в. этнология как научная дисциплина вступила в новый период развития, произошло переосмысление ее предметной области. Напомню, что в 1990 г. Институт этнографии сменил свое название на Институт этнологии и антропологии. Отчасти этому способствовал новый директор В.А. Тишков, который пришел на место Ю.В. Бромлея, но дело не только в этом. В стране происходили перемены, которые выдвинули в обществе этническую проблематику на передний план. И этнология стала активно изучать процессы, происходящие в стране, изменился ее реальный статус в научном пространстве, появились новые направления. Сейчас институт состоит из 20 отделов, организованных как по региональному, так и по проблемному принципам. Есть четыре небольших кабинета-музея: этнографический, антропологический, пластической реконструкции, археологический. Имеются библиотека, научный архив, фото- и видеотека.

Современное более емкое понимание этнологии как антропологии (социально-культурной и физической) расширяет круг научных интересов. Вместе с тем основные направления исследований по-прежнему определяются

предметной сферой науки о народах, опираются на этнографическую полевую работу и архивные изыскания.

Научные исследования можно объединить в несколько крупных направлений: теория и история этнологической и антропологической науки; этнология русского народа, других народов России и сопредельных стран; происхождение и этнокультурный облик народов мира; физическая или биологическая антропология и эволюция человека; религиоведение; кросскультурная психология; этническая социология; межэтнические отношения и конфликты; медицинская антропология; гендерные исследования; аудиовизуальная антропология. Учеными института применяются как традиционные этнографические методы полевых исследований, так и новейшая методика.

Работа по академическим научным программам

В последние годы в исследовательской деятельности российских ученых разработки по общеакадемическим программам, объединяющим проекты многих институтов Российской академии наук, вышли на передний план. Первая такая трехлетняя программа была принята в 2003 г. и называлась «*Этнокультурное взаимодействие в Евразии*»³, вторая под названием «*Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям*» разрабатывалась с 2006 по 2008 г.⁴ По третьей, на период с 2009 по 2011 г., «*Историко-культурное наследие и духовные ценности России*» мы работаем в настоящее время.

В институте в течение последних трех лет разрабатываются 14 проектов по этой академической программе. Назову некоторые из них. Под руководством заведующего отделом русского народа доктора исторических наук А.В. Буганова выполняется проект «*Героическое и повседневное в массовом сознании русских*». Особое внимание уделяется соотношению локальной, региональной и общероссийской идентичности. Исследуются патриотические, этнические, конфессиональные и социальные их компоненты; повседневная жизнь российских деревень и городов с учетом региональных особенностей.

По проекту «*Современный российский город в единстве и многообразии культурных ценностей*» (руководитель доктор исторических наук М.Ю. Мартынова) изучается демографическая ситуация, этнический и конфессиональный состав, социальная ситуация и уровень жизни, культурно-образовательная сфера и духовная жизнь в городах разных регионов России. Полевые исследования проводятся в небольшом городке Давлеканово, одном из районных центров Республики Башкортостан, в самом западном регионе России – Калининградской области, в городах Сибири и некоторых других.

Среди тем института значительное место занимают религиоведческие. Наряду с традиционным исследованием православия в Центральной России собираются новые полевые и архивные материалы о современной религиозной жизни в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Абхазии по проекту «*Возрождение христианских традиций на Кавказе*» (руководитель доктор исторических наук И.Л. Бабич). Изучаются исторические документы о развитии христианства на Кавказе, подготовлены фотографии и видеоматериалы о православной жизни и обрядности в этом регионе. Другому религиозному направлению – исламу посвящен проект «*Традиционные и новые формы*

ислама в России» (руководитель кандидат исторических наук А.А. Ярлыкапов). Исследование также проводится преимущественно на Северном Кавказе. Оно показало, что ислам на Кавказе представляет собой гораздо более многослойное явление, чем принято считать.

В основе проекта «Кросскультурный анализ социального пространства и механизмов регулирования социальной напряженности» (руководитель доктор исторических наук И.А. Морозов) – компаративное исследование поведения русских и осетин, как в Осетии, так и в разных областях Центральной России.

По проекту «Историко-культурное наследие в современной картине мира народов Севера и Сибири» (руководитель заведующий отделом доктор исторических наук Д.А. Функ) изучается обычное право аборигенных народов этого региона; полевые работы проводились в Бурятии, Иркутской и Сахалинской областях. Готовятся к публикации архивные материалы 1920-х годов по культуре эвенков и русских старожилов юга Иркутской области. Уделяется внимание эпическому наследию сибирских аборигенов.

Отечественная тематика

Среди важнейших достижений последнего десятилетия можно назвать две уникальные историко-этнографические энциклопедии – «Народы России» (1994) и «Народы и религии мира» (1998, переиздания в 1999, 2000). К ним по значимости примыкает издание этнографической карты «Народы России и сопредельных стран». Этому циклу работ в 2001 г. была присвоена Государственная премия Российской Федерации в области науки и техники. Большой интерес для широкого круга специалистов и всех интересующихся представляют новые энциклопедические труды, выполненные при участии сотрудников института. Один из них – «Народы России. Атлас культур и религий» (М., 2009) содержит краткую информацию о 100 наиболее многочисленных народах.

Еще одним крупным проектом, над которым институт работает с начала 1990-х годов, является многотомная этнографическая серия «Народы и культуры». Уже вышли 15 томов (среди них «Русские», «Белорусы», «Украинцы», «Народы Поволжья и Приуралья», «Татары», «Народы Дагестана», «Буряты», «Прибалтийско-финские народы», «Народы Западной Сибири», «Тюркские народы Сибири», «Тюркские народы Восточной Сибири», «Народы Северо-Востока Сибири», «Тюркские народы Крыма: караимы, крымские татары, крымчаки», «Абхазы», «Молдаване»). Подготовлены тома о чеченцах, армянах, гагаузах и др. (1997–2011). Эти книги представляют собой обстоятельный свод данных о том или ином народе.

В региональном аспекте наиболее востребованы и объективно перспективны труды, посвященные России и другим постсоветским государствам. Безусловным научным приоритетом является изучение этнологии *русского народа*, его духовной и материальной культуры⁵. В 1993 г. Государственную премию Российской Федерации получил цикл работ по истории и культуре русского народа. Особо отмечу книгу «Русский Север», а также двухтомную коллективную монографию «Русские Рязанского края»⁶, которая стала итогом многолетних экспедиционных исследований, музейных и архивных изысканий, проведенных сотрудниками института на Рязанщине.

В работах по русской проблематике важное значение имеет тема православия и его роли в истории и культуре. Интересно, что часть из них отражает взгляды глубоко верующих людей, что не мешает им практиковать светскую науку высокого уровня. В разработках последних лет существенное внимание уделяется миграциям и адаптации русских в зонах позднего расселения, их социально-культурному статусу, трансформациям в историко-культурном развитии, этническим аспектам формирования новой гражданской идентичности. Заметный вклад внесен в комплексное изучение темы «Русские за рубежом»⁷.

Как уже было отмечено, большую долю проектов института составляют этнологические исследования в разных регионах России и других стран. Например, молодежь сейчас привлекает тема *народов Крайнего Севера и Сибири*. Большое не только научное, но и прикладное значение имеют вопросы, связанные с современным положением коренных малочисленных народов Севера, с проблемами их адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям. Об интересе к этому региону, и не только в России, свидетельствует тот факт, что, например, Банк Швеции поддержал коллективный проект по этой теме, и он выполнялся совместно с учеными Швеции и Финляндии. В опубликованных работах, посвященных исторической этнографии, этнодемографии, социальной организации, материальной и духовной культуре народов Крайнего Севера и Сибири, значительное внимание уделяется адаптивным функциям традиционной культуры, что делает их особенно актуальными⁸.

Существенный вклад внесен в изучение социальной организации большинства сибирских народов. Особое внимание уделяется вопросу практической реализации научных разработок, полученных по проектам, в сегодняшней общественной практике. В качестве примера можно привести независимый экспертный доклад, посвященный малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока. В нем не только содержится анализ проблем, но и предложена стратегия многовариантного саморазвития в рамках так называемой культурно ориентированной модернизации вместо длительно господствовавших традиционалистских охранительных установок на основе государственного патернализма⁹.

В работах *кавказоведов* наибольшее внимание отводится современной этнополитической ситуации в регионе. В частности, проведен анализ текущих в Чечне процессов и высказаны предложения по актуальным мерам урегулирования существующего конфликта. На эту тему выпущено несколько книг. Изучаются также традиционные институты и культурное наследие народов Кавказа. Исследования показывают, что общественное мнение здесь настроено против агрессивных инновационных воздействий. Одним из механизмов противостояния воспринимается верность традиции, в которой видится спасение от глобализации. Вместе с тем многие стороны современной кавказской жизни подверглись за последнее время существенным изменениям, причем не только в сфере материального и хозяйственного быта, но и в области соционормативной культуры¹⁰.

В поле зрения ученых находится также этнокультурная ситуация на *пограничных территориях*. Например, в координации с белорусскими и украинскими коллегами разрабатывается тема по проблемам русско-украинско-белорусского пограничья. Исследуется идентичность и культурная специфика

населения этих территорий, региональные особенности в демографической, языковой и конфессиональной сферах¹¹.

Проблемы идентичности и культуры изучаются также в Калининградской области, самом западном регионе России, бывшей Восточной Пруссии, территория которой отошла к Советскому Союзу после Второй мировой войны. Тогда оттуда полностью были выселены немцы, и область осваивалась переселенцами из других регионов страны. После распада СССР Калининградская область стала анклавом России, она не имеет границ с остальной территорией страны.

Изучение зарубежных народов

Проекты по этому направлению тоже есть в институте. Хотя возможности полевых работ здесь весьма ограничены, в последние годы они велись не только в странах Европы, но и на других континентах, в таких «экзотических» регионах, как Австралия и Центральная Африка.

Важной составляющей деятельности института являются проекты по *этнологии народов Европы*. Они охватывают комплекс проблем от исторических до современных культурно-бытовых и этнополитических процессов. Классикой стали такие вышедшие в 1980-е годы историко-этнологические труды, как «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы» в четырех томах, «Брак у народов Зарубежной Европы» в трех томах, «Типология жилища в странах Зарубежной Европы». Благодаря им в этнологии стал популярен метод комплексного, сравнительного исследования большого региона по единой программе. Эта традиция была продолжена в недавно опубликованной коллективной монографии, выдержавшей два издания: «Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны Зарубежной Европы»¹². Ученые Центра европейских исследований предполагают дальнейшее комплексное изучение традиционной обрядности.

Вместе с тем в последние годы тематика европеистики существенно расширилась. Большое внимание уделяется современным этническим процессам. Причем этнологические разработки современности не ограничиваются спектром культурно-бытовых процессов. Новое актуальное направление – этнополитика. Оно включает в себя изучение особенностей националистических идеологий и этнополитических движений, роли этногенетических идей в идеологической конфронтации. Анализируются характерные черты этнической политики государств Европы, формы и методы ее реализации, механизм урегулирования межэтнических отношений. В центре внимания роль национализма в решении проблем сохранения этнической культуры, родного языка, групповой идентичности, а также особенности социо-культурного облика этнических и иммигрантских групп населения¹³. Опубликован целый ряд монографий, среди них коллективные: «Этнические проблемы и политика государств Европы» (1998), «Европа на пороге третьего тысячелетия» (2000). Результатом полевых работ антропологического характера, анализа статистических данных и различных источников стал недавно изданный трехтомный труд «Европейская интеграция и культурное многообразие».

Одним из важных направлений стало совместное с французскими антропологами обсуждение проблем идентичности и нациообразования в европейских странах, а также мультикультурной природы современных наций¹⁴.

Темой ряда трудов являются межэтнические конфликты, кризисные ситуации, национальные движения в Европе. Актуальной проблеме современного балканского конфликта посвящены монографии М. Мартыновой «Балканский кризис: народы и политика» (1998), М. Кашубы, М. Мартыновой «Новая этнополитическая карта Балкан» (1995), в которых дается анализ событий, повлекших распад СФРЮ и создание на ее основе новых государств, показаны истоки кризиса, суть военных столкновений в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово, межэтнические противоречия в других районах Балкан, первые шаги существования новых государств¹⁵. С исследованием этнических аспектов современных общественных процессов связана работа по воссозданию общей историко-этнографической характеристики населения в пределах одной страны или региона, судеб малых народов в зарубежных странах, этнических общин за пределами основной территории их проживания¹⁶. Например, в книге О. Фаис-Леутской «Модернизация Сардинии» (М., 2003) рассказывается о трансформационных процессах, охвативших под воздействием вызовов глобализации традиционное, жившее на протяжении веков в замкнутом пространстве общество.

Большая комплексная проблема – этнографическое изучение российского зарубежья в XX в. Интерес вызывает история формирования и культурного развития различных групп выходцев из России в странах Европы. Сотрудники Центра европейских исследований заканчивают работу над книгой по этой теме. В ней представлены региональные группы мигрантов, их этнокультурные особенности, процессы взаимовлияния традиционной культуры нового окружения и вновь образовавшихся групп, проводится сравнительный анализ диаспор, возникших в результате распада двух государств – СССР и СФРЮ¹⁷. По заказу Министерства иностранных дел выполнялся проект «Российская диаспора в странах СНГ», опубликована книга.

По материалам российских архивов, содержащим сведения о балканских народах, издана монография М. Керимовой¹⁸. Уделяется внимание гендерному фактору в политике, религии, экономике, в структуре и функциях семьи, специфические этнические черты народов в семейной сфере, истории зарубежной науки¹⁹.

В отечественной *американистике*²⁰ отмечу симпозиумы по проблемам индеанистики (1982, 1985, 1988, 1992, 1997) и выпущенные по их результатам сборники статей. Успех последнего десятилетия – подготовка наиболее полного издания архивных и других документов по истории русской Америки «Россия в Калифорнии. Колония Росс и российско-калифорнийские связи в первой половине XIX в.».

Большое внимание уделяется народам *Зарубежной Азии*²¹. Традиционно очень сильна в институте *этнология Центральной Азии и Казахстана*. Новым направлением стало изучение вопросов социального поведения славянского населения в государствах этого региона (миграции, адаптация к новым условиям жизни, реакция на этнократическую внутреннюю политику, актуальные тенденции в межэтнических отношениях). В поле зрения ученых находятся и процессы преобразований в социальной области и культуре народов Центральной Азии, механизмы и пути модернизации²².

Традиционно в институте есть несколько отделов, специализирующихся на *физической антропологии*, изучении древнейших этапов эволюции человека и его современных особенностей. Учеными института было проведено большое число экспедиций во все уголки бывшего Советского Союза. Теоретическая и практическая разработанность антропологических методик (краниология, остеология, одонтология, дерматоглифика, соматология) позволили отечественным ученым сделать Россию и сопредельные страны наиболее антропологически изученной территорией. Все более перспективными становятся комплексные антрополого-археологические исследования. Сегодня палеоантропологи и археологи института принимают участие в археологических экспедициях не только на территории нашей страны (Северный Кавказ, Поволжье, Прибайкалье), но и за ее пределами (Туркменистан, Египет). Они являются участниками работ на таких выдающихся и всемирно известных памятниках, как, например, Пор Бажын в Туве²³ и Гонур Депе в Туркменистане²⁴. Наряду с традиционными направлениями в физической антропологии, возникли и новые: антропогенетика, антропоэстетика и др.²⁵ Гордость института – лаборатория пластической реконструкции, в которой по уникальной методике, разработанной полвека назад антропологом М.М. Герасимовым, делается скульптурная реконструкция головы по черепу. Восстанавливается облик исторических персонажей, кроме того, есть заказы от криминалистов.

Хочу отметить, что новые темы и области интересов возникают часто в ходе диалогов с другими научными дисциплинами. Взаимоотношение между тем, что раньше было в центре этнологической науки, и тем, что было на ее периферии, существенно изменилось. Это видно даже при формальном раскладе тем исследований, диссертаций и семинаров.

Междисциплинарную природу новейших подходов особенно ярко демонстрирует *поведенческая антропология* – наука, которая играет связующую роль между биологией человека и социальными областями знаний. Изучается взаимодействие людей в повседневной жизни (родственные связи, родительское поведение, репродукция и выбор брачных партнеров, социальные отношения в коллективах сверстников и в разновозрастных группировках, межгрупповые взаимодействия), модели поведения в разных культурах, стратегии освоения поведенческих навыков в процессе социализации²⁶.

Одним из новых направлений в нашей стране является также *психологическая антропология* или *кросскультурная психология*. Усилиями наших ведущих специалистов этого направления были выполнены работы по межэтническим установкам и дистанциям, психологическому восприятию социальных перемен и миграций, социальной психологии диаспор²⁷.

Востребованным в научном и политическом отношениях остается *религиоведение*. В институте выполнен обстоятельный анализ религиозной ситуации в Москве, при этом учитывались малые конфессии, религиозные группы и направления. Энциклопедия «Народы и религии мира» – уникальный справочник, в подготовке которого участвовали многие специалисты²⁸.

Проводящиеся в институте исследования включают и такие междисциплинарные темы, как *этносоциология*, *этнодемография*, *этноэкология*, *этноархеология*. Их основы были заложены в 1960–1980 гг. Целый ряд направле-

ний (гендерное, юридическая антропология, аудиовизуальная антропология) возникли относительно недавно. Всеми этими областями знания занимаются самостоятельные подразделения.

Этноэкология находится на стыке естественнонаучной и гуманитарной проблематик. В 1980–1990-е годы разрабатывался проект «Этническая экология переселенческих групп. Русские старожилы в Закавказье», явившийся продолжением большого советско-американского проекта конца 1970–1980-х годов по изучению популяций с повышенным процентом долгожителей²⁹. Были исследованы процессы адаптации русского крестьянского населения, мигрировавшего сюда в прошлые века, к условиям жизни в Закавказье. Тематика работ была комплексной и включала в себя изучение демографических, медико-антропологических и психологических характеристик русских старожильческих групп, их брачных связей и семейной структуры, традиционной и современной систем питания, специфики расселения, особенностей поселений и жилищ, хозяйственной деятельности, духовной культуры и социальной структуры конфессиональных общин. Итогом многолетних наблюдений стала серия монографий и сборников, которые пишутся по собранным в экспедициях материалам³⁰. Разработанная методология была применена при анализе современных этносоциальных и этнодемографических процессов в разных регионах постсоветской России³¹. В 2003–2006 гг. исследованы этносоциальная динамика современного социума на примере изменений в экономике, демографии и культуре сельского населения Абхазии, изменения состояния здоровья и физического развития населения³². Особое внимание было уделено проблемам современных трудовых мигрантов³³. Разработка теоретико-методологических основ этнической экологии как междисциплинарной области знаний продолжается, определяются задачи и способы практического применения этноэкологических знаний и исследовательских методик³⁴.

В 1990-е годы активизировалась разработка *гендерного направления*. Институт издал ряд трудов по вопросам семьи и семейного строя, функциям женщин в семье, проблемам семейного и общественного воспитания детей, формирования гендерных стереотипов поведения, мужским социальным статусам и ролям³⁵.

Последнее десятилетие стало новым этапом развития *юридической антропологии*, изучается народное право. С 1995 г. в институте работает семинар по юридической антропологии, который объединяет сотрудничество этнологов и юристов. Проблемы юридической антропологии, связанные с управлением и регулированием жизни коренных малочисленных народов Севера, попали в поле научного интереса ряда наших сотрудников, когда институт стал организатором нескольких крупных конференций. Особенно важную роль в становлении юридической антропологии для России сыграл проведенный в 1997 г. в Москве XI Международный конгресс по обычному праву и правовому плюрализму. Отдельное направление юридической антропологии представляют работы по проекту «Этнографический мир императорской России: экономика, право, власть, политика». Это несколько сборников, включающих архивные документы и извлечения из ранее опубликованных, но редких изданий³⁶.

Несколько проектов осуществляется по *истории этнологической науки*. Выделяется своей фундаментальностью академическое Собрание сочинений

Н. Миклухо-Маклая (1990–1999). Это плод многолетних изысканий участников проекта в архивах и библиотеках, которые выявили сотни рукописей, неизвестные современникам публикации и рисунки Н. Миклухо-Маклая. К числу крупных источниковедческих работ относится также переиздание трехтомной «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера³⁷.

В 1999 г. вышел в свет первый, а в 2003 – второй том книги «Репрессированные этнографы», вызвавшей большой общественный резонанс³⁸. Опубликованы монография «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века», книги воспоминаний о крупнейших ученых С.А. Токареве и академике Ю.В. Бромлее. Активизировалось изучение истории отдельных направлений российской этнографии. Пример такого коллективного труда – сборник «Страницы отечественного кавказоведения»³⁹. Частью историографических и источниковедческих исследований стали источники, а также труды классиков отечественной и зарубежной этнографии. Предпринимаются усилия для того, чтобы богатейший архив фото- и кинодокументов не был потерян для потомков. Издан альбом фотографий старейшей сотрудницы А. Смоляк «Народы Нижнего Амура и Сахалина», выполнена реконструкция нескольких уникальных видеозаписей из архива института и созданы новые фильмы о традициях народов мира, в частности о народах Севера.

Важное место в тематике института принадлежит *теории и методологии изучения* этнических процессов, развития культуры. В этой связи нужно особо отметить серию «Этнографическая библиотека», в которой вышло около 20 книг классиков этнологической науки, в том числе и в переводе с других языков⁴⁰. В 2003 г. опубликована книга В. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии», в которой изложен новый взгляд на эту науку. Дискуссии о месте и роли этнологии в современном обществе развернулись и на страницах журнала «Этнографическое обозрение». (Кстати, со сменой главного редактора он был модернизирован не только внешне, но и содержательно.)

Изучение современных общественно-политических проблем

Выше отмечалось, что представления о *предмете этнологии* и ее важнейших исследовательских задачах не остаются неизменными. Сегодня уже никто не воспринимает этнологию как науку об экзотических народах. Параллельно с преобразованиями социальной действительности происходит пересмотр ее предметной области, связей и отношений с другими науками. Примерно со второй половины 1980-х годов усилилось внимание к исследованию так называемых этнонациональных процессов. Общественно-политические события последнего десятилетия – «этническое возрождение», рост националистических движений, обострение межэтнических противоречий – усилили интерес к этнологической тематике, потребовали от ученых гибкой реакции на научные и общественные запросы. В связи с этим в работе института был сделан акцент на изучение современных проблем общественной жизни России, таких, как рост этнического самосознания (этническая мобилизация) и формы национализма, причины сепаратизма и конфликтов.

Исследования данного направления охватывают многие районы России и страны СНГ. При этом значительное место отводится таким феноменам, как идентичность, коллективные формы самоопределения, этническое представительство в системе властных отношений, а также таким явлениям, как ксенофобия, этнический и религиозный экстремизм, социальные конфликты.

Прикладные исследовательские работы Института этнологии и антропологии РАН, связанные с обеспечением практических потребностей государства и российского общества, осуществляются по следующим основным направлениям: по запросу государственных министерств и ведомств, научное консультирование государственных структур, социологические и экспертные проблемы, составление проектов нормативных правовых документов федерального уровня, этнологическая экспертиза.

В конце 1990-х годов были внесены некоторые изменения в структуру института в пользу проблемных групп, организован ряд подразделений, занимающихся актуальными вопросами современной этнологии и разработкой на их основе практических рекомендаций для государственных органов разного уровня. Два подразделения института – Центр этнополитических исследований (заведующий академик В.А. Тишков) и Центр по изучению межнациональных отношений (заведующий доктор исторических наук М.Н. Губогло) развернули широкие исследования по мониторингу этнических проблем и этнополитической тематике. В 1993 г. на базе института создана Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, в которой сотрудничают эксперты из различных регионов России.

Мониторинг этнополитической ситуации в постсоветских странах, разработка мер по предупреждению и урегулированию конфликтов играют важную роль в предотвращении конфликтных ситуаций, нейтрализации этнического сепаратизма, для поддержки толерантности в межэтнических отношениях. Система этнологического мониторинга освещает состояние этнических отношений в 12 постсоветских государствах и 40 субъектах Российской Федерации. Ее методология и методика представлены в специальной монографии⁴¹. На основе данных мониторинга написана также монография прикладного характера, ориентированная на ознакомление государственных лиц, принимающих решения, с этнокультурной ситуацией в российской части Кавказа⁴².

Опубликованы экспертные доклады «Пути мира на Северном Кавказе» и «Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах, 1999, 2000, 2001». Подготовлен доклад о современном положении и перспективах устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера и Сибири.

Центр по изучению межнациональных отношений (ЦИМО) был создан в 1989 г. Его усилиями с привлечением коллег из многих регионов России и стран СНГ собрана уникальная документальная база по этнополитическим проблемам многоэтнических регионов и этнотерриториальных автономий России, а также некоторых других стран, изданы специальные работы в трех сериях: «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» (под общей ред. М.Н. Губогло, 1989–2010) – 130 томов; «Феномен Удмуртии» (под ред. М.Н. Губогло и С.К. Смирновой, 2001–2006) – 10 томов в 12 книгах, в том числе две монографии⁴³; «Курсом развивающейся Молдовы» (под общей ред. М.Н. Губогло, 2006–2010) – 10 томов. Можно сказать,

что жанр прикладных и экспертных научных разработок по неотложным этническим проблемам утвердился и завоевал общественное признание. Аналитические материалы, подготовленные специалистами института, поступают в министерства и ведомства страны.

Аналитические и прикладные исследования этничности и национализма, этнических конфликтов и способов их разрешения входят в число приоритетных направлений работы института⁴⁴. Большое значение для прогнозирования межэтнических отношений и профилактики конфликтов имеет издание серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»⁴⁵. Публикуемые в ней материалы находят применение в деятельности политиков и политологов, социологов и экономистов, журналистов и органов законодательной и исполнительной власти.

Вкладом в российскую науку стал труд института, созданный совместно с Бергховским центром Германии. Предмет изучения – конструктивные и методологические возможности урегулирования конфликтов. На русском языке опубликована книга «Этнополитический конфликт»⁴⁶.

Институт принимает активное участие в научном обосновании некоторых вопросов государственной политики и управления в этнической сфере. Он выступил одним из основных разработчиков «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации», «Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», ряда законов и документов. В рамках прикладных исследований по запросу Совета Федерации создана концепция федерального закона «Об основах государственной национальной политики в Российской Федерации».

Также самое активное участие ученые института приняли в подготовке методических материалов для Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. В связи с этим институт оказался в центре политических дебатов, которые инициировали националистически настроенные политики и ученые в ряде республик. Вышли в свет два тома из серии трудов, посвященных переписи 2002 г. Осуществляется оценка хода и результатов проведения переписи 2010 г. в вопросах фиксации социальной идентичности населения⁴⁷.

В 2009 г. был подготовлен специальный доклад для Совета Европы «Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации» в связи с перспективами ратификации Россией Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств. Совместно с Министерством регионального развития РФ, Представительством Европейской Комиссии в России в рамках совместной программы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» был разработан ряд рекомендаций.

По заказу Министерства регионального развития РФ выполнен проект «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации». В ходе его реализации на материалах этнологического мониторинга были получены данные о гражданской и этнической идентичности россиян и даны рекомендации по совершенствованию государственной этнической политики⁴⁸.

Важнейшим свидетельством актуальности и востребованности знаний и методов этнологической науки для выработки базовых основ управле-

ния обществом и государством стала работа института по реализации целевых программ «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия» и «Столица многонациональной России». Исследование было нацелено на научно-аналитическое осмысление современных социальных процессов в столице, поиск эффективных механизмов снижения социально-психологической напряженности в обществе, мер противодействия экстремизму, а также на выработку механизмов мониторинга, диагностики и прогнозирования ситуации в мегаполисе.

По решению Правительства Москвы с участием ведущих ученых, специалистов московских и федеральных структур работает Курс повышения квалификации государственных служащих социальной сферы, работников правоохранительных органов и средств массовой информации. Апробированы тренинги по налаживанию межкультурного диалога с ориентацией на молодежь. Подготовлены и опубликованы несколько книг, в том числе «Молодые москвичи. Кросскультурное исследование», «Молодежь Москвы. Адаптация к многокультурности», «Молодежные субкультуры Москвы» и др.⁴⁹

С 2002 г. велась работа по федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Разрабатывалось несколько проектов: этническая толерантность в традиционных культурах народов мира, психология этнических конфликтов и толерантность в средствах массовой информации. Были изданы около 10 книг. Тема *межкультурной коммуникации* – актуальное направление исследований⁵⁰.

Большое внимание уделяется разработке методологических концепций и практических рекомендаций для популяризации этнологической науки. Проблемы поликультурного образования, межкультурной коммуникации с позиций этнолога рассмотрены, например, в книге М. Мартыновой «Мир традиций и межкультурное общение. В помощь школьному учителю»⁵¹. В ней опубликованы избранные лекции по этнологии, которые могут быть использованы в школах. Одним из новейших является проект института «Этническая политика России в сфере образования: разработка методов анализа нормативно-правовых документов для оптимизации системы принятия решений». На основе результатов исследований подготовлены материалы для парламентских слушаний по теме «Федеральный государственный образовательный стандарт – стратегический ресурс устойчивого развития многонационального общества».

Ведется популяризация и трансляция научных знаний средствами кино и фотографии, в том числе и на центральных телеканалах России. Среди последних фильмов – «Наследники таймырских шаманов», «Наедине с волками», «Тайны древних гробниц».

Серьезным достижением стало создание электронного фотоархива института с обеспечением внешнего доступа через Интернет к богатым собраниям фотографий, накопленных более чем за столетие экспедиционной деятельности отечественных ученых. Наиболее уникальные среди них – это фотографии русских экспедиций на Памир в конце XIX в., материалы экспедиций в Арктику, акварели и рисунки художников, сделанные в 1950-е годы в экспедициях.

Заключение

В целом российская наука в последние годы поражает разнообразием тематики, приверженностью классическим этнографическим методам добытия нового знания и очень высокой продуктивностью большинства научных работников за достаточно скромное материальное вознаграждение. Правда, наиболее активные ученые получили материальную поддержку через систему грантов двух фондов – Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований. Их поддержка проектов, экспедиционных работ, издательских проектов, научных конференций и поездок для участия в них во много раз превосходила все другие внешние источники финансирования отечественной гуманитарной науки.

Исследованиями проблем этнологии и антропологии помимо Института этнологии и антропологии РАН успешно занимаются ученые и других научных учреждений, а также университетов страны, особенно на немногочисленных кафедрах этнологии и социально-культурной и физической антропологии. В сфере социально-культурной антропологии и на стыке дисциплин теперь активно работают историки, лингвисты, социологи, психологи, политологи и культурологи. В 1990 г. по инициативе института была создана Ассоциация этнографов и антропологов России. С этого времени раз в два года проводятся конгрессы этнографов и антропологов России. Состоялось уже 8 таких конгрессов, число их участников растет год от года. На очередной конгресс, который состоялся в Петрозаводске в начале июля 2011 г., прислали заявки около 1500 человек из многих регионов России и из других государств. Конгрессы этнографов и антропологов России с участием иностранных ученых стали настоящими общероссийскими смотрами состояния антропологической и этнологической науки в масштабах всей страны.

Как институт в целом, так и все без исключения его подразделения, продолжают активно сотрудничать с учеными из многих исследовательских центров страны и мира. В институте учатся в аспирантуре и докторантуре, проходят стажировку представители учреждений разных регионов России и бывших союзных республик. Институт этнологии и антропологии РАН имеет международные контакты в самых различных формах. Сотрудничество осуществляется также и в рамках проектов и соглашений Российской академии наук с академиями других стран.

¹ Полную библиографию книжных изданий института см.: Труды ученых Института этнологии и антропологии РАН. 1990–2002: Тематический указатель / Сост. О.Л. Милова. М., 2003; за последующие годы – в ежегодных отчетах ИЭА РАН (М., 2003–2010). Библиографический обзор важнейших работ института за предшествующий 50-летний период см.: *Чистов К.В.* Из истории советской этнографии 30–80 годов XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР // Советская этнография. 1983. № 3; *Бромлей Ю.В., Чистов К.В.* Ордена Дружбы народов Институту этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР – 50 лет // Советская этнография. 1983. № 4.

² Обстоятельный анализ тематики публикаций в журнале «Советская этнография»/«Этнографическое обозрение» сделал С.В. Соколовский. См.: *Соколовский С.В.* Российская этнография в конце XX в. (библиометрическое исследование) // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 3–54.

³ Этнокультурное взаимодействие в Евразии / Ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2006. Т. 1, 2.

⁴ Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2010.

⁵ Русские народные традиции и современность. М., 1995; Русские: этнотерриториальное расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). М., 1995; *Кузнецов С.В.* Русское крестьянское хозяйство: аграрная деятельность и религиозно-нравственные воззрения. М., 1995; *Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начала XX в. М., 1996; *Витов М.В.* Этнография Русского Севера. М., 1997; Русские: историко-этнографические очерки. М., 1997; Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997; Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. М., 1998; Вопросы этнографии русского народа // Расы и народы. М., 1998. Вып. 25; *Носова Г.А.* Традиционные обряды русских (крестины, похороны, поминки). М., 1999; Русские: этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). М., 1999. Т. 1; Русские: народная культура (история и современность). М., 2000. Т. 3, 4; *Власова И.В.* Дорогами земли Вологодской: этнографические очерки. М., 2001; Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001; *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000.

⁶ Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2002; Русские Рязанского края / Отв. ред. С.А. Иникова. М., 2009. Т. 1–2.

⁷ *Гинзбург А.И.* Русское население в Туркестане (конец XIX–XX в.). М., 1991; *Григорьева Р.А., Шлыгина Н.В., Будина О.Р.* Быт русской семьи в малом эстонском городе. М., 1996; Русские в новом зарубежье. Средняя Азия: этносоциологические очерки. М., 1993; Русские в ближнем зарубежье. М., 1994; Русские в новом зарубежье. Киргизия: этносоциологические очерки. М., 1995; Русские нового зарубежья: итоги этносоциологического исследования в цифрах. М., 1996; Русские нового зарубежья: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. М., 1997; *Субботина И.А.* Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. М., 1998; Русские в современном мире. М., 1998; *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2002.

⁸ Народы Советского Севера (1960–1980-е годы). М., 1991; Демографические, экономические, социальные и культурные проблемы развития народов Дальнего Востока в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994; Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994; Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. М., 1995; *Лопуленко Н.А.* Народы Российской Севера: экономика, культура, политика (по материалам региональной прессы). М., 2000; *Афанасьева Г.М.* Традиционная система воспроизводства нганасан. М., 1990; *Соколова З.П.* Эндегамный ареал и этническая группа. М., 1990; Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990; *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М., 1991; Обские угры (ханты и манси). М., 1991; *Симченко Ю.Б.* Нганасаны. Очерки традиционных верований. М., 1993; *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993; Народы Сибири и Севера России в XIX в. М., 1994; Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1994; *Симченко Ю.Б.* Тайга селькупская. М., 1995; *Сирина А.А.* Катангские звенки в XX в. Расселение, организация среды жизнедеятельности. М., 1996; Этнодемографические особенности воспроизводства народов Севера России. М., 1996; *Соколова З.П.* Животные в религиях. СПб., 1998; *Она же.* Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998; Этнические стереотипы в меняющемся мире. М., 1998; Коренные малочисленные народы Севера и Сибири: руководство для исследователей. М., 1999. Вып. 29; *Пивнева Е.А.* Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999; Сибирь: Этнос и культуры // Народы Сибири в XIX в. М.; Улан-Удэ, 1999. Вып. 4; Челканцы в исследованиях и материалах XX в. М., 2000; Этнография народов Западной Сибири: Сибирский этнографический сборник. М., 2000; Этнодемографический сборник. Народы Севера России. М., 2000; *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья. М., 2001; *Смоляк А.В.* Народы Нижнего Амура и Сахалина. Фотоальбом. М., 2001.

⁹ Практика постсоветских адаптаций народов Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Х. Бич, Л. Силанпя. М., 2006; Этнокультурное взаимодействие и социокультурная адаптация народов Севера России / Отв. ред. В.И. Молодин, В.А. Тишков. М., 2006; *Миссонова Л.И.* Ульта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М., 2006; *Батьянова Е.П.* Род и община у телеутов в XIX – начале XXI в. М., 2007; *Функ Д.А.* Мир шаманов и сказителей (комплексное исследование телеутских и шорских материалов). М., 2005.

¹⁰ *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Старый Тбилиси: Город и горожане в XIX в. М., 1990; *Житие и деяния Иллариона Грузина.* М., 1991; *Духоборцы и молокане в Закавказье.* М., 1992; *Мусукаев А.И., Першиц А.И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992; *Калоев Б.А.* Скотоводство народов Северного Кавказа: с древнейших времен до начала XX в. М., 1993; *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Этническая история Северного Кавказа. XVI–XIX вв. М., 1993; *Абдушелишвили М.Т., Арутюнов С.А., Калоев Б.А.* Народы Кавказа: антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994; *Арутюнов С.А., Сергеева Г.А., Кобычев В.П.* Народы Кавказа. Материальная культура: Пища. Жилище. М., 1995; *Бабич И.Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995; *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. М., 1995; *Цулая Г.В.* Абхазия и Абхазы в контексте истории Грузии: домонгольский период. М., 1995; *Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в.* М., 1996; *Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998; *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999; *Калоев Б.А.* Вторая родина Коста Хетагурова. Владикавказ, 1999; *Он же.* Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999; *Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор.* М., 2001.

¹¹ *Белорусско-русское пограничье / Отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова.* М., 2005.

¹² *Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны Зарубежной Европы.* М., 1997.

¹³ *Этнические проблемы и политика государств Европы / Отв. ред. М.Ю. Мартынова.* М., 1998; *Европа на пороге третьего тысячелетия. / Отв. ред. М.Ю. Мартынова.* М., 2000; *Этнические меньшинства в современной Европе / Отв. ред. М.Ю. Мартынова.* М., 1997; *Европейская интеграция и культурное многообразие / Отв. ред. М.Ю. Мартынова.* М., 2009. Ч. 1–3.

¹⁴ *Диалоги об идентичности и мультикультурализме / Под ред. Е. Филипповой и Р. Ле Коадика.* М., 2005; *Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / Ред. Е.И. Филиппова.* М., 2008.

¹⁵ *Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Новая этнополитическая карта Балкан. М., 1995; *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.

¹⁶ *Кожановский А.Н.* Народы Испании во второй половине XX века. Опыт автономизации и национального развития. М., 1993; *Грацианская Н.Н.* Словаки. М., 1994; *Решина М.И.* Фризы. Проблема этнокультурного развития. М., 1996; *Заринов И.Ю.* Путь длиннее века. Этническая история поляков в Бразилии. М., 1998; *Деметер Н.Г., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган. Новый взгляд М., 2000.

¹⁷ *Новые славянские диаспоры / Отв. ред. М.Ю. Мартынова.* М., 1996.

¹⁸ *Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия: этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX века. М., 1997.

¹⁹ *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. М., 1995; *Современная семья у народов Зарубежной Европы.* М., 1993; *Семья в современном европейском обществе.* М., 1996; *Проблемы и методы исследований современной семьи.* М., 1997.

²⁰ *Население Нового Света: проблемы формирования и социокультурного развития.* М., 1999; *Очерки по культурной антропологии американского города.* М., 1997; *Лопуленко Н.А.* Эскимосы США и Канады. М., 1998; *Александренков Э.Г.* Стать кубинцем. Проблемы формирования этнического самосознания. М., 1998; *Нитобург Э.Л.* Евреи в Америке на исходе XX в. М., 1997; *Комарова Г.А.* Русский Бостон. М., 2002; *Коренное население Северной Америки в современном мире.* М., 1990; *Америка после Колумба: взаимодействие двух миров.* М., 1992; *Американские индейцы: новые факты и интерпретации.* М., 1996; *История и семиотика индейских культур Америки.* М., 2002.

²¹ *Жуковская Н.Л.* Судьба кочевой культуры: рассказы о монголах и Монголии. М., 1990; *Истоки формирования современного населения Южной Азии.* М., 1990; *Арутюнов С.А., Джарылгасинова Р.Ш.* Япония: народ и культура. М., 1991; *Кузнецов А.И.* Индонезийцы за рубежом. М., 1991; *Этнокультурные процессы в странах Зарубежной Азии. XX век.* М., 1991; *Арутюнов С.А., Щебенков В.Г.* Древнейший народ Японии: судьбы племени айнов. М., 1992; *Кочнев В.И., Седловская А.Н.* Европейцы в Южной Азии и образование «евразийских» групп. М., 1992; *Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии: годовой цикл.* М., 1993; *Календарь в культуре народов мира.* М., 1993; *Календарно-праздничная культура народов Передней Азии: традиции и инновации.* М., 1997; *Shukovskaja N.* Kategorien und Symbolik in der traditionellen Kultur der Mongolen // *Studa Eurasia.* В., 1996. Bd. V; *Шинкарев В.Н.* Человек в традиционных представлениях тибето-бирманских народов. М., 1997;

Он же. Кварц, кровь, одержимость. Очерки традиционного мировоззрения горных народов Южного Вьетнама. М., 2002.

²²Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990; Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. М., 1992; *Моногарова Л.Ф., Мухиддинов И.* Таджики. М., 1992. Ч. 1; *Моногарова Л.Ф.* Таджики. М., 1992. Ч. 2; *Жилина А.Н., Томина Т.Н.* Традиционное жилище народов Средней Азии. XIX–начало XX в. М., 1993; *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. М., 1995; *Жилина А.Н.* Новое и традиционное в современном сельском жилище Узбекистана (вторая половина XIX–XX в.). М., 1995; *Ярлыкапов А.А.* Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. Махачкала, 1998; *Наумова О.Б.* Структура животноводческого хозяйства в Западно-Казахстанской области Казахстана. Мэдисон, 1999; *Ситнянский Г.Ю.* Сельское хозяйство киргизов. Традиции и современность. М., 1998; Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000; Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2001. Вып. IV; *Брусина О.И.* Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы: конец XIX – конец XX века. М., 2001.

²³Крепость Пор-Бажын. Научный альманах / Ред. И.А. Аржанцева. М., 2008.

²⁴У истоков открытия цивилизации / Ред. М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова. М., 1999; Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. В.И. Сариниди. М., 2008; На пути открытия цивилизации // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3 / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб., 2010.

²⁵Новые методы – новые подходы в современной антропологии. М., 1997; Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие. М., 2001; Вестник антропологии. М., 1995–2002. Вып. 1–9; Женщина в аспекте физической антропологии. М., 1994; Человек: его биологическая и социальная история / Отв. ред. Н.А. Дубова. М., 2010. Т. 1, 2; Горизонты антропологии. М., 2003.

²⁶*Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004; Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. М., 2006; *Бутовская М.Л., Дьяконов И.Ю., Ванчатова М.А.* Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы. История и современность. М., 2007; Человек в прошлом и настоящем: поведение и морфология. М., 2008.

²⁷Духовная культура и этническое самосознание наций. М., 1990–1991. Вып. 1, 2; *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993; *Она же.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1995; *Она же.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999; Этническая психология и общество. М., 1997; Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994; Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995; Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Леокадии Дробизиной. М., 1996; *Дробизинова Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996; Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996; Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., 1998; Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России. М., 1998; *Арутюнян Ю.В., Дробизинова Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. М., 1999.

²⁸Религия мира: история и современность. М., 1990; *Смоляк А.В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М., 1991; Традиционные ритуалы и верования. М., 1995; Шаманизм и ранние религиозные представления. М., 1995; *Симченко Ю.Б.* Традиционные верования нганасан. М., 1996; *Функ Д.А.* Телеутское шаманство: традиционные этнографические и новые исследовательские возможности. М., 1997; Религия, культура и общество: библиографический указатель религиозно-богословской, религиоведческой литературы, изданной в России с XVI до начала XX века. М., 1993; *Курило О.В.* Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). М., 1996; *Литинская В.А.* Старообрядцы в Румынии: русские писатели о липованах. М., 1994; *Нитобург Э.Л.* Церковь афроамериканцев в США. XVIII–XX вв. М., 1995; Москва: народы и религии. М., 1997; *Басилов В.Н., Кармышева Д.Х.* Ислам у казахов. М., 1997; Ислам и народная культура. М., 1998; Буддизм: словарь. М., 1992; Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001.

²⁹Феномен долгожительства: Антрополого-этнографический аспект исследования / Отв. ред. С.И. Брук. М., 1982; Абхазское долгожительство / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1987; Долгожительство в Азербайджане / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1989.

³⁰Русские старожилы Азербайджана: материалы по этнической экологии / Отв. ред. В.И. Козлов, Н.А. Дубова. М., 1990. Ч. 1, 2; Духоборцы и молокане в Закавказье / Отв. ред. В.И. Козлов, А.П. Павленко. М., 1992; *Григулевич Н.И.* Этническая экология питания: традиционная пища русских старожил и народов Закавказья. М., 1996; Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1995; Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М., 2001.

³¹Этнические проблемы регионов России / Ред. Н.А. Дубова, Н.А. Лопуленко. Вып. 1: Пермская область М., 1999; Вып. 2: Северный Кавказ. Калининградская область. Крайний Север. М., 2002.

³²Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования / Ред. Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. М., 2006.

³³Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения / Сост. Н.А. Дубова; общая ред. М.Н. Губогло. М., 2006; Гастарбайтерство. Факторы адаптации / Сост. Н.А. Дубова. Под общей ред. М.Н. Губогло. М., 2008.

³⁴Этническая экология: теория и практика / Ред. В.И. Козлов, Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков. М., 1991; *Козлов В.И.* Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994; *Степанов В.В.* Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999; *Комарова Г.А.* Предтеча Чернобыля. Этнокультурные аспекты экологической катастрофы на р. Теча. М., 2002; Этноэкологические исследования / Ред. Н.А. Дубова, Н.И. Григулевич, Н.А. Лопуленко, А.Н. Ямсков. М., 2004. С. 39–60; Этноэкологические аспекты духовной культуры / Ред. В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М., 2005. С. 266–296; *Ямсков А.Н.* Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 31–33; Этническая экология: народы и их культура / Ред. Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева. М., 2008; Этнос и среда обитания / Отв. ред. Н.А. Дубова, ред. Н.И. Григулевич, А.Н. Ямсков. М., 2009. Т. 1, 2; Расы и народы. Вып. 34 / Сост. Н.А. Дубова. М., 2009.

³⁵Семейный быт народов СССР. М., 1990; Семья: традиции и современность. М., 1990; Этнические стереотипы мужского и женского поведения. М., 1991; Современная семья у народов Зарубежной Европы. М., 1993; Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. М., 1994; *Kon I.S.* Sexual Revolution in Russia. From the Age of the Czars to Today. N.Y., 1995; Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. М., 1995; *Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е.* Народы Кавказа. Семья и семейный быт. М., 1995; *Соловьева Л.Т.* Грузия: этнография детства. М., 1995; *Пушкарева Н.Л.* Женщины России и Европы на пороге нового времени. М., 1996; Семья в современном европейском обществе. М., 1996; *Kon И.С.* Сексуальная культура в России. М., 1997; Проблемы и методы исследований современной семьи. М., 1997; *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX века: невеста, жена, любовница. М., 1997; Семья, гендер, культура: мат. международных конференций 1994 и 1995 гг. М., 1997; Гендерные проблемы в этнологии. М., 1998; *Kon И.С.* Введение в сексологию. М., 1998; *Он же.* Вкус запретного плода. Сексология для всех. М., 1998; *Он же.* Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М., 1998; *Он же.* Роль и место сексуальной культуры в становлении цивилизованного государства. СПб., 1999; *Он же.* Социологическая психология. М.; Воронеж, 1999; *Золотухина М.В.* Мир американской семьи. М., 1999; Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001; Мужчина в традиционной культуре. М., 2001; *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина. Прошлое и современность. М., 2001; Гендерные проблемы в этнографии. М., 1998; Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы. М., 1999; Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. М., 1999. Т. II.

³⁶Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997; Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия). М., 1997; *Homo Juridicus:* мат. конференции по юридической антропологии. М., 1997; Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки. М., 1998; Обычное право народов России: библиографический указатель (1890–1998 гг.). М., 1998; Обычное право и правовой плюрализм: мат. XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму (август 1997 г.). М., 1999; *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999; Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999; Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000; Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока. М., 2000; Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. М., 2000; Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002.

³⁷ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1; М., 2000. Т. 2; М., 2005. Т. 3

³⁸ Репрессированные этнографы / Ред. А.М. Решетов, Д.Д. Тумаркин. М., 1999. Вып. 1; М., 2003. Вып. 2.

³⁹ Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве. М., 1995; Страницы ответственного кавказоведения. М., 1992; *Смоляк А.В.* Народы Нижнего Амура и Сахалина. Фотоальбом. М., 2001.

⁴⁰ *Морган Л.Г.* Лига ходенасури. М., 1983; *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983; *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988; *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989; *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М., 1991; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991; *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. М., 1996; *Мосс М.* Общество, обмен, личность: труды по социальной антропологии. М., 1996; *Максимов А.Н.* Избранные труды. М., 1997; *Ван Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999; *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции. М., 2001; *Пирцио-Биролли Д.* Культурная антропология Тропической Африки. М., 2001; *Лич Э.* Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. М., 2001; *Эванс-Причард Э.* История антропологической мысли. М., 2003.

⁴¹ *Тишков В.А., Степанов В.В.* Измерение конфликта. М., 2004.

⁴² Российский Кавказ: книга для политиков / Под. ред. В.А. Тишкова. М., 2007.

⁴³ Полный список изданий в данных сериях см.: *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Т. 9: Траектории деинфантилизации. М., 2006. С. 710–716.

⁴⁴ *Биркенбах Х.-М.* Расследование фактов как средство превентивной дипломатии. Взгляд международных организаций на конфликт по вопросу гражданства в Эстонии и Латвии. М., 1998; Межтаджикский конфликт: путь к миру. М., 1998; *Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Закон и этничность. М., 1998; *Косиков И.Г., Косикова Л.С.* Северный Кавказ: социально-экономический справочник. М., 1999; *Осинов А.Г.* Российский опыт этнической дискриминации: месхетицы в Краснодарском крае. М., 1999; Разрешение конфликтов: Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. М., 1999; *Воронина Н., Хелтон А.* Вынужденные перемещения и человеческая безопасность на территории бывшего Советского Союза: право и политика (на англ. яз.). Нью-Йорк, 2000; Сотрудничество НПО и государства на приоритетных направлениях миграционной политики: мат. круглого стола. М., 2000; «Видимые руки». Ответственность за социальное развитие. М., 2001; Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2000. М., 2001; *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001; Чечня от конфликта к стабильности. М., 2001.

⁴⁵ Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1990–2011. Вып. 1–225.

⁴⁶ Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра / Отв. ред. В.А. Тишков, М.Я. Устинова. М., 2007.

⁴⁷ На пути к переписи / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2003; Этнография переписи / Отв. ред. Е.И. Филиппова, Д. Арель, К.М. Гусеф. М., 2003; Этнокультурный облик России. Перепись 2002 г. / Ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М., 2007.

⁴⁸ Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2008.

⁴⁹ Молодые москвичи. Кросскультурное исследование / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. М., 2008; Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. М., 2007; Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2009.

⁵⁰ Идентичность и толерантность. М., 2002; Толерантность и культурная традиция. М., 2002; *Малькова В.К., Тишков В.А.* Этничность и толерантность в СМИ. М., 2002; Диагностика толерантности в СМИ. М., 2002; *Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* В мире жить – с миром жить. Хрестоматия для школьников. М., 2002; Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия. М., 2003; *Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю.* Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности. М., 2003.

⁵¹ *Мартынова М.Ю.* Мир традиций и межкультурное общение. В помощь школьному учителю. М., 2004. См. также: *Шницерльман В.А.* В поисках престижных предков: этнонационализм и школьные учебники. Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе: мат. международной конференции. Москва, 15–17 сентября 1998. М., 2000; *Мартынова М.Ю.* Поликультурное пространство России и проблемы образования // V конгресс этнографов и антропологов России. М., 2003.

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ЭТНОЛОГИИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ*

Этнология – это независимая отрасль, возникшая в середине XIX в. на Западе. Например, с книги «Расоведение», вышедшей на китайском языке в 1903 г., и книги «Антропология» в высших образовательных учреждениях Китая начался отсчет официального существования этнологии в стране. Таким образом, этнология в Китае имеет более чем столетнюю историю. Этот временной промежуток принято подразделять на три этапа: старый Китай, новый Китай и новая эра. Каждый из них имеет свои особенности.

Этнология старого Китая

Появление в Китае этнологии было связано с политической обстановкой в стране. Новое время увеличивало число контактов с Западом, порождая в китайцах понимание необходимости учиться у него и осознание опасности сохранения статуса закрытой для внешнего мира страны. С первых дней контактов Китай перенимал опыт у Запада: сначала он осваивал западный принцип «крепкого флота и мощной артиллерии», затем – законодательную систему и общественные науки. В то время китайская интеллигенция заимствовала западный опыт с целью реформирования старого Китая и создания общества нового образца. Этнологические теории Запада играли важную познавательную роль, имели большое значение в деле строительства единого многонационального государства и помогали избегать чужих ошибок. Поэтому можно сказать, что активное проникновение западной этнологии в Китай в новое время являлось результатом большого спроса на знания, накопленные западными общественными науками, и провоцировалось обществом того времени.

Небольшое число китайских ученых, поддерживавших связи с зарубежьем или учившихся за границей, не имея возможности заниматься этнологическими исследованиями официально, не привлекая внимания, активно переводили статьи и работы западных авторов для знакомства с ними китайского научного сообщества и представителей научных кругов. На китайский язык переводились американские, английские, французские, немецкие и другие работы, параллельно сопровождаемые пояснениями научных терминов и содержания. Были случаи, когда переводы не совпадали. Например, перевод с японского на китайский язык отличался по форме от перевода, выполненного с китайского языка на французский.

Однако такое знакомство с западной наукой было неполным. К тому же некоторые статьи имели однобокие или даже ошибочные разъяснения. Это обстоятельство вскоре обнаружилось. Особенно отчетливо стали видны расхождения в трактовках разъяснений сущности этнологии, принятых в Великобритании, Америке и континентальной Европе. У всех было свое

* Перевод с китайского О.И. Курто.

мировоззрение. Китайский ученый либо из-за того, что учился за рубежом, либо из-за того, что проникся идеями какой-либо зарубежной книги, нередко давал собственные трактовки. Кроме того, время работы китайских ученых в этой отрасли науки было коротким, не хватало исследовательского опыта и знаний. Перевод на китайский язык осложнялся отсутствием проработанной и унифицированной системы терминов. Существовало множество различных вариантов названия самой науки, как то: «Расоведение», «Народоведение», «Социология» (как наука о массах людей), «Этнология» и др.

После 1920 г. в таких китайских государственных университетах, как Пекинский, Нанкинский, университет Чжуншань и других стали готовить кадры по специальности «Этнология». Кроме того, в университетах, сотрудничавших с западными странами, и в частных университетах (например, Яньцзин, Циньхуа, Цзиньлин, Хуаси, Линнань, Фужэнь, Чжунфа и др.) также стали готовить студентов по специальностям «этнология» и «социология». В то время курс этнологии и антропологии чаще всего читался на факультете социологии. Первыми большинство таких курсов стали читать ученые, стажировавшиеся на Западе, например учившиеся в Германии Цзинь Юаньпей, во Франции – Лин Дуньшэн, Ян Чэнчжи, в США – Ли Цзи, Лань Гуандань, У Вэньцао и другие, которые, окончив в начале XX в. обучение на Западе, вернулись в Китай с докторской степенью по социологии и этнологии.

Приехав на Родину, они независимо друг от друга создали в университетах факультеты этнологии, социологии или антропологии. Кроме обучения студентов началась подготовка аспирантов и была создана специальная система проведения исследовательских работ в области этнологии. Например, в 1927 г. Университет Чжуншань создал Исследовательский институт истории и лингвистики, набирающий аспирантов по специальностям «антропология», «национальная культура», «национальные традиции» и др. В том же году народное правительство основало Центральный исследовательский институт, ставший основой высшей научно-исследовательской структуры Китая. Цзинь Юаньпэй, исполняя обязанности директора института, создал отделение этнологии при департаменте общественных наук Центрального исследовательского института.

Независимость этнологии как отрасли науки в Китае подтверждает еще один важный факт. Начиная с 1920-х годов стали проводиться полевые исследования, в 1928 г. Исследовательский институт истории и лингвистики при Университете Чжуншань приступил к полевым работам. Это дало толчок к независимым масштабным этнологическим исследованиям китайских ученых.

В это время кроме создания большого числа образовательных и научно-исследовательских учреждений, а также развития полевых исследований китайская этнология совершила рывок в разработке исследовательских методов, в применении теорий на практике. Ученые первого поколения внесли огромный вклад в систему образования, их заслуга состоит также в переводе на китайский язык теоретических работ западных этнологов.

В то время среди стажировавшихся за рубежом было много тех, кто обучался непосредственно у крупнейших ученых – лидеров различных теоретических направлений западной этнологии и антропологии. Например, научным руководителем Лань Гуанданя в период его обучения в исследовательском институте Колумбийского университета (США) был основатель

исторической школы Ф. Боас. Кроме того, на китайского исследователя также оказал большое влияние известный ученый, основатель эволюционизма Л.Г. Морган. В период стажировки в Колумбийском университете У Вэньцао на факультете антропологии работали практически все самые известные в этнологическом сообществе американские ученые того времени – научная элита этнологии и антропологии, например основатель исторической школы Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Мид и др., т.е. крупнейшие профессора и ученые, чьи имена приобрели большую известность в этнологическом сообществе. Ян Чэнчжи защитил докторскую диссертацию в Парижском университете. Там же он приобщился к функционализму.

По возвращении в Китай исследователи писали статьи, делали переводы, читали лекции, активно знакомили коллег с теоретическими разработками научных направлений Запада. Именно в это время Китай познакомился с теориями эволюционизма, функционализма, исторической школы, с теорией культурных кругов и т.д. Китайские ученые тщательно анализировали эти теории и методы. В результате достижения мировой этнологии в сфере теоретических разработок и методологии получили большое распространение и применение в Китае. Вместе с тем китайские ученые приглашали известных западных исследователей читать лекции в Китае, а своих учеников отправляли на стажировки к западным специалистам. На этом этапе независимо друг от друга отправляются на стажировку в США и Великобританию ученики У Вэньцао – Фэй Сяотун, Линь Яохуа и др.

Параллельно с этими процессами в Китае были переведены и получили распространение некоторые этнологические работы, в основе которых лежала марксистская теория. Таким образом, несмотря на то что этнология в стране находилась в самом начале своего развития, она довольно комплексно осваивала теорию и методологию различных научных направлений Запада.

В то время на занятиях по социологии и этнологии в различных университетах часто использовались работы и учебные материалы, вышедшие на Западе на английском языке. Работы китайских ученых также часто писались либо переводились на английский язык, что давало возможность представлять их на мировом уровне. Все перечисленное выше способствовало благоприятному сотрудничеству китайской науки с международным научным сообществом. Тем не менее, несмотря на наличие такого способа обучения достижениям западного мира, по-прежнему существовала проблема постепенной замены специфических китайских понятий европейскими терминами. Однако это не мешало ведущим ученым международного и китайского научного сообщества сохранять тесные связи и взаимопонимание. Когда в 1936 г. Бр. Малиновский закончил свою «Научную теорию культуры», но она еще не была опубликована, У Вэньцао поручил Фэй Сяотуну эту рукопись перевести на китайский язык. К этому времени китайская этнология в исследовательской и образовательной деятельности уже обрела независимость и собственную относительно законченную структуру. Было положено начало всестороннему освоению передовых научных теоретических разработок.

В годы китайско-японской войны Япония вынашивала планы по выведению из состава Китая Маньчжурии и Монголии, в результате границы Китая оказались под угрозой. В таких условиях правительство начинает проявлять повышенное внимание к вопросу границ. В это время большинство высших учебных заведений перемещаются из восточной части страны в западную и

в приграничные районы. Важной особенностью исследовательской деятельности китайских этнологов и антропологов становится изучение западных границ и районов проживания национальных меньшинств. Именно тогда зародилась традиция делать упор на исследования определенных территорий, которая сохраняется и до сих пор.

В ходе углубленного изучения китайского общества этнология, развивающаяся в Китае, преобразуется из копии зарубежной в самостоятельную отрасль знаний с местной спецификой. Ниже мы попытаемся рассмотреть особенности китайской этнологии.

1. *Внимание к применению на практике.* Если сравнивать китайских этнологов с их западными коллегами, то следует сказать, что они в большей мере используют этнологические знания на практике как способ решения существующих общественных вопросов. На протяжении всей истории китайская интеллигенция считала, что она лично ответственна за происходящее в стране. Политическая обстановка вокруг Китая за последние сто лет вынудила китайских ученых уделять больше внимания практической стороне. На первом этапе формирования данной научной дисциплины существовала необходимость строительства нового государства, нового общества. Затем, в годы противостояния с японскими агрессорами перед китайским обществом стояла задача защиты и укрепления государственных границ. В результате ученые были склонны видеть в этнологии больше практический инструмент, находящийся на службе у общества, нежели область чисто научных исследований.

2. *Северное и южное научные направления.* С точки зрения теории, исследовательского метода и т.д. в китайской этнологии того времени можно выделить два направления – северное и южное. К южному направлению относятся главным образом ученые Южного и Восточного Китая. Его представителем является Ян Чэнжи из университета Чжуншань. Это направление испытало влияние американской исторической школы. Здесь большое внимание уделялось древним документам и археологическим артефактам, а в качестве объектов изучения рассматривалась культура различных народов. В ходе исследований данное направление рассматривало эволюционизм как главную теоретическую позицию с акцентом на всестороннее описание явлений и накопление материалов.

Северное направление было представлено в основном университетом Яньцзинь, его последователями являются У Вэньцао и другие исследователи. Оно сформировалось под влиянием теоретического анализа европейской школы функционализма, тщательного изучения ханьских общин, выяснения сущности теории. Важной особенностью направления было внимание к анализу причин возникновения различных социальных феноменов и их связь с другими явлениями. Вместе с тем для направления характерен интерес к историческим документам.

За многотысячелетнюю историю Китай накопил огромное количество исторических документов. В таком сложном обществе, как китайское, кажется неуместным простое заимствование методов, предложенных западными учеными для исследования колониального общества.

Южное и северное направления имеют свою специфику. Оба они уделяют большое внимание историческим исследованиям, но применяемые ими методы изучения документов различаются.

3. «Своя» этнология и изучение общин. На Западе развитие этнологии началось с изучения колониальных народов и особенно тех, кто не имел письменной истории. В западном научном мире их было принято называть «примитивными». Но Китай является многонациональным государством, не имеющим ничего общего с колониальными державами. Здесь имеются «внутренние районы», «пограничные районы» и «места проживания национальных меньшинств», но нет подразделения на «державу» и ее «колонии». А потому западная этнология, занимавшаяся изучением различных народов, отличалась от китайской. Основываясь на таком традиционном подходе, китайская этнология претерпела многочисленные преобразования в сферах трактовки теоретических позиций, методологии и в исследовательских областях. Все это привлекло к ней международное внимание.

Западная этнология и социология имеют четкое различие в предметах исследования и методологии. Социология тщательно наблюдает и изучает конкретное общество, «образованное общество». Место проведения ее исследований – город. У этнологии – это народы, «примитивные сообщества», деревенские общества, бесписьменные сообщества. Научно-исследовательским методом У Вэньцао в социологии служил метод, основанный на анализе данных трех наук – демографии, географии и социологии. Кроме того, он использовал теоретические подходы функционализма, а также проводил полевые исследования в Китае. В результате его метод работы получил название «метод исследования общин». Комментируя свою работу, он писал: «С точки зрения автора, антропология и социология на самом деле – две неразрывно связанные вещи. В особенности так должно быть в Китае».

В рассматриваемый период работы, проводимые местными этнологическими школами, применявшими «метод исследования общин» (например, «Сельское хозяйство деревни Цзянцунь» Фэй Сяотуна, «Деревня Цзинь'и (“Золотые крылья”»)» Линь Яохуа и «Уезд Дяньсянь» Ли Цзинхяня и др.), оказали влияние на крупные труды мировой этнологии, антропологии и социологии. Бр. Малиновский лично в предисловии к книге Фэй Сяотуна написал: «Осмелюсь взять на себя роль предсказателя, предположив, что книга “Жизнь китайского крестьянства” (“Сельское хозяйство деревни Цзянцунь”)» доктора Фэй Сяотуна станет важной вехой в развитии теоретической работы и практических исследований в антропологии».

Вплоть до настоящего времени часть западных ученых считает китайский «метод изучения общин» чрезвычайно важным в истории антропологии. И хотя они полагают, что этот метод, вероятно, попал под влияние только-только зарождающегося метода американской социологии, однако американские антропологи того времени во многом опирались на зарубежные разработки, в то время как китайские этнологи руководствовались главным образом своими.

Этнология нового Китая

После образования КНР китайская этнология взяла курс на заимствование опыта у Советского Союза. Китайская социология и антропология стали рассматриваться как «западная капиталистическая наука», а физическая антропология, согласно новым представлениям, сохранилась только в Исследовательских институтах археологии и палеонтологии Академии наук.

В соответствии с системой деления, принятой в СССР, этнология стала относиться к историческим наукам.

Несмотря на то что этнология сохранилась, в 1952 г. в ходе реорганизации университетских факультетов страны на всех имеющихся факультетах этнологии штат преподавателей этнологии был сокращен, а по специальности «этнолог» студентов больше не набирали.

Первым шагом образовательных учреждений высшего уровня по изучению советского опыта стал перевод соответствующих научных работ и учебных материалов. В начале 1950-х годов СССР предоставил Китаю огромное количество учебной литературы. Согласно данным статистики, в период с 1949 по 1955 г. Китай выпустил около 3 тыс. наименований советских книг, переведенных на китайский язык, общим числом 20 млн томов. В прошлом китайская этнология училась исключительно у Запада, а знания о советской этнологии были весьма поверхностны, но, переведя за короткий срок огромное количество книг, ей удалось совершить большой рывок в восприятии советского опыта. Ученые очень быстро освоили наработки советской этнологии и по заслугам оценили их. В этот период много советских специалистов, включая этнологов, приезжали в Китай с лекциями и совместно с китайскими учеными исследовали различные этнологические проблемы. Число китайских студентов, побывавших на стажировке в СССР за это время, составило 11 тыс. человек, среди которых были и студенты, изучавшие этнологию. Среди самых известных этнологов, посетивших в эти годы Китай, был руководитель кафедры этнологии МГУ профессор Н.Н. Чебоксаров. В Центральном институте национальностей он прочитал для китайской группы аспирантов-этнологов курс лекций по советской этнологии. В том же году аспиранты этой группы защитились и стали известными в Китае специалистами. По мнению западных ученых, научное мировоззрение большинства этих людей до сих пор развивается в русле советской этнологической школы.

Большинство базовых учебных материалов по специальности «этнология» в Китае являлись переведенными на китайский язык советскими пособиями.

Советская этнология участвовала в разработке национальной политики СССР. Она отстаивала интересы марксистско-ленинской теории и боролась с империализмом. Поэтому советские этнологические исследования имели политическую направленность и их главной целью была возможность применения достигнутых результатов на практике. Под влиянием советской этнологии китайская наука быстро приобрела ту же направленность. Некоторые области исследований испытали особенно сильное воздействие, например, изучение первобытных обществ, хозяйственно-культурных типов и др. В 1961 г. была опубликована совместная работа приехавшего с лекциями в Китай Н.Н. Чебоксарова и Линь Яохуа «Хозяйственно-культурные типы Китая», среди прочего рассказывающая о каждом из национальных меньшинств Китая.

После всех преобразований китайская этнология полностью интегрировалась в советское научное русло и вместе с тем стала отрицать или даже относиться враждебно ко всем научным направлениям Запада. Китайская этнология полностью прекратила контакты и научный обмен с этнологическими кругами Запада. Став одним из подразделений советской этнологической

школы, она осуществляла устойчивый научный обмен со странами социалистического лагеря, например с Восточной Германией, Болгарией, Чехословакией, Северной Кореей, Румынией, Внешней Монголией и Вьетнамом. Ознакомиться с некоторыми результатами этнологических исследований этих стран можно было главным образом в публиковавшем научные переводы «Вестнике переводов текстов, посвященных национальным вопросам».

В новом Китае как в многонациональном государстве в начале 1950-х годов правительством стала разрабатываться национальная политика, требовавшая теоретической базы и активного накопления материала. В этом процессе участие этнологов было обязательным. Освоив азы марксистской теории и теоретических основ советской этнологии, китайская наука полностью посвятила себя изучению народов, живущих в пограничных областях, и национальных меньшинств. Это привлекало повышенное внимание общества и правительства, и китайские этнологи получали государственную поддержку. Начиная с 1950-х годов, китайские этнологи сумели получить правительственную поддержку на проведение полномасштабного изучения всех народов Китая сроком на 14 лет и истории национальных меньшинств сроком на 8 лет. Это позволило дать комплексную оценку национальной обстановки в стране. Результатом этой работы стало издание свыше 400 наименований книг по истории и лингвистике. Кроме того, ученые и различные исследовательские структуры в провинции опубликовали множество работ, значительно превышающих по объему упомянутые выше. Труды, призванные выявить отличия между народами, внесли неоценимый вклад в создание обширной базы для последующей исследовательской работы по этнологии и для разработки национальной политики нового Китая.

В 1957 г. по всей стране начались политические движения. Под удар попали многие ведущие специалисты в области этнологии. В этот период они подверглись гонениям и критике. Их стали называть «учеными капиталистической этнологии», критиковать за использование традиционных западных теорий по этнологии. Несмотря на это, этнологические исследования продолжались, хотя этнологию стали расценивать как слабое место науки. В это время практически прекратились научные разработки в сфере теории и методологии. Начиная с 1958 г. китайско-советские отношения ухудшаются. Практически сразу советская этнология, ранее воспринимавшаяся как образец для подражания, подвергается критике и получает название «этнография ревизионизма». Под влияние новой политики попадают ученые, которые занимались изучением советской этнологии. Тем не менее структура, формы и ключевые исследовательские позиции данного периода сохраняют особенности советской школы этнологии вплоть до 1978 г., когда этнологическая наука вошла в новый этап развития.

В 1958 г. Академия наук Китая приняла решение создать Исследовательский институт по вопросам этнологии, но во время официальной процедуры его учреждения вместо предложенного названия был утвержден вариант «Исследовательский институт по вопросам национальностей». В начале 1960-х годов термин «изучение национальностей» окончательно вытеснил «этнологию».

Изначально на историческом факультете Центрального института национальностей существовала кафедра этнологии, а в высших учебных заведениях континентального Китая в ряде названий образовательных учреждений

использовался единый термин «этнология». В 1964 г. в ходе преобразований кафедры была переименована в «кафедру этнографии». В этот период название «исследование национальных вопросов» заменило «этнологию».

В годы культурной революции (1966–1976) этнология была провозглашена «капиталистической наукой», а исследовательская и образовательная деятельность, осуществление которой прикрывалось названием «исследование национальных вопросов», полностью прекратилась.

Этнология новой эры

Весной 1978 г. состоялось открытие V Съезда Всекитайского собрания народных представителей. В докладе правительства было провозглашено отделение этнологии от философии, юриспруденции, экономики, истории и других наук. Этнология была объявлена независимой отраслью научных знаний, относящейся к области общественных наук Китая. Этнология обрела новую жизнь.

Исследовательская и образовательная структуры. В 1980 г. начался новый этап развития китайской этнологии. В настоящее время в Китае насчитывается почти 2 тыс. членов Союза этнологов Китая, среди них 45% являются членами Союза национальных меньшинств в Китае, а также представителями свыше 40 национальностей.

Союз этнологов Китая имеет три подразделения: Отделение по изучению национальности хань, Отделение по изучению национальности хуэй (дунгане) и Отделение визуальной антропологии.

Союзы этнологов, исследующие население регионов и различные национальности, создаются в Китае повсеместно, например Юго-западный союз этнологов Китая, Общество исследователей народов провинции Хэйлунцзян, Союз народов провинции Гирин, Союз этнологов и антропологов Синьцзян-Уйгурского автономного района, Союз народов провинции Юньнань, Союз исследователей народов провинции Гуандун, Союз исследователей народов Гуанси-Чжуанского автономного района, Союз исследователей народов провинции Хубэй, Союз исследователей народов провинции Фуцзянь и др. Представители некоторых национальностей учредили собственные исследовательские общества. В 1981 г. был создан Союз антропологов Китая, в настоящее время он насчитывает почти 1000 членов. В Китае существует 13 различных высших учебных заведений, специализирующихся на национальных вопросах. Их возглавляет Центральный университет национальностей. Большинство из них организовали соответствующие исследовательские лаборатории, факультеты и институты. Кроме того, Юньнаньский университет, университет Чжуншань, Сямэньский, Ланьчжоуский и Пекинский университеты, а также свыше десяти высших школ также открыли факультеты этнологии и антропологии. За последние годы непрерывно растет число вузов, в чьих стенах читается курс этнологии.

Центральный университет национальностей на базе прежнего исследовательского отдела в 1983 г. создал факультет этнологии, в 1994 г. – Этнологический исследовательский институт с пятью факультетами и исследовательской лабораторией. В 2000 г. учреждение вновь было переименовано в Институт этнологии и социологии. В настоящее время институт готовит спе-

циалистов, магистров и докторов. Исследовательские области включают изучение национальных сообществ и культуры, народов мира, этнологической теории и методологии, практической этнологии, исторической этнологии, национальной экономики, межнациональных взаимоотношений, истории этнологии, экологической этнологии, археологии, физической антропологии и еще несколько десятков направлений.

Базовые теоретические и практические исследования. Изучается методология и теория этнологии и антропологии. 1980-е годы – начальный период возрождения этнологии и антропологии. В эти годы китайские ученые, выполняя переводы, делают упор на работы теоретического и учебного характера. После 1990-х годов китайские исследователи также стали выпускать научную литературу. Вместе с тем выходят в свет лучшие произведения зарубежных ученых, изданные в 1920–1950-е годы. В последнее время китайские ученые уделяют больше внимания современным работам своих зарубежных коллег, особенно опубликованным в течение текущего десятилетия. Материалы некоторых западных журналов по этнологии и антропологии почти одновременно выпускаются на китайском языке, что явилось следствием улучшения и углубления научного обмена между Китаем и зарубежными странами.

Практические этнологические исследования. В основе развития китайской этнологической науки лежит тесная связь с китайским обществом. Верное понимание китайских национальных сообществ, с точки зрения этнологии и антропологии, служит развитию китайского общества.

В последние годы китайская этнология в базовых теоретических и практических исследованиях добилась очень больших результатов. Во-первых, это доработка и улучшение традиционных теорий, распространенных в международной этнологии и антропологии. Во-вторых, последовательное обогащение и усиление специфических особенностей теории и методологии китайских этнологических исследований.

За последние тридцать лет китайская этнология, имеющая вековую историю, добилась особенно больших успехов. Достижения китайских ученых вносят неопределимый вклад в сокровищницу мировой науки. Мы надеемся, что это научное направление будет активно развиваться в Китае и продолжит корреспондировать с основными постулатами марксистской теории.

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:

Механизмы и перспективы развития глазами историка

Вряд ли у кого вызовет сомнение утверждение, что гуманитарное сотрудничество призвано играть колоссальную, а по некоторым параметрам едва ли не ведущую стабилизирующую роль в современном мире, в котором тенденции глобализации, расширения экономического сотрудничества и укрепления взаимозависимости экономических процессов, формирования единого информационного пространства сочетаются с политическими и идеологическим противоречиями, острой конкурентной борьбой за влияние, экстремизмом и терроризмом в различных формах. В этих условиях гуманитарная составляющая представляется важнейшим инструментом сближения позиций различных государств, обмена новейшими достижениями и идеями, в итоге направленными на достижение стабильности и прогресса.

Особенно важным представляется то обстоятельство, что гуманитарное взаимодействие проникает в сферы, которые зачастую мало затрагиваются традиционными дипломатическими отношениями. Именно сферы образования, культуры и искусства являются основными институтами, обеспечивающими преемственность, сохранение и преумножение духовного, культурного и научного наследия предшествующих поколений, формирование позитивных мировоззренческих установок. Объектами гуманитарного сотрудничества являются прежде всего сами индивидуумы, отдельные конкретные личности. Это фактически переносит процессы социокультурной интеграции на базовый уровень.

Как историк я убежден, что указанная особенность, в случае если она учитывается при определении государственной политики, позволяет эффективно воздействовать на сам процесс складывания интересов и жизненных приоритетов людей. Мало того, упор на формирование соответствующих мировоззренческих установок путем оказания влияния средствами науки, образования, культуры и искусства не только обеспечивает стабильное и поступательное развитие общества, но и позволяет оказывать серьезное влияние на внутренние процессы в других странах, создавая либо дружественную, либо враждебную среду в окружающем мире. На протяжении последних двадцати с небольшим лет это неоднократно демонстрировали события, происходившие в мире и на постсоветском пространстве.

Как важную форму международного гуманитарного сотрудничества в современном мире необходимо рассматривать межкультурный диалог. С одной стороны, он является системой мер и ценностей, целенаправленно реализующихся тем или иным государством или организацией. С другой – это понятие включает в себя целый комплекс дружеских, семейных, рабочих и творческих контактов, которые являются его неотъемлемой частью и вне зависимости от времени играли и будут играть важную роль во взаимодейст-

вии людей и народов. Сегодня межкультурный диалог связан с новыми вызовами, перед которыми встало человечество. При этом следует учитывать, что помимо глобализации на межкультурное взаимодействие оказывают влияние и такие факторы как стремление стран и народов сохранить и укрепить свою особенность, идентичность.

В современном глобализирующемся мире приобретает большую роль расширение многоуровневого партнерства в гуманитарной сфере, с одной стороны, основанное на существующих историко-культурных связях, а с другой – опирающееся на новейшие инновационные достижения. Одна из важнейших составляющих взаимодействия в гуманитарной сфере – образовательное и научное сотрудничество, способствующее сближению интеллектуальных элит наших государств, обмену опытом и новейшими достижениями, разработке и реализации совместных инновационных проектов в различных сферах деятельности.

Проблематика межкультурного диалога важна практически для всех макрорегионов и стран. Особую актуальность она имеет для России – государства, которое на протяжении истории неоднократно меняло свои границы, вовлекая в орбиту своего развития и влияния различные народы, сформировав с ними прочный фундамент общего историко-культурного наследия. Особо в данном разрезе следует отметить постсоветское пространство – совокупность стран, объединенных общим историческим прошлым и тесными политико-экономическими связями. Страны, входящие в него, развивают собственные внешнеэкономические и внешнеполитические связи, выстраивают новые системы двусторонних и многосторонних союзов. Одновременно на постсоветском пространстве продолжаются и интеграционные процессы. Огромное значение в их развитии играет социокультурная интеграция, которая делает возможным глобальный межкультурный диалог между народами и которая в меньшей степени зависит от политической или экономической парадигмы.

Исторические исследования последних лет убедительно доказывают, что процессы возрождения и/или укрепления этнонационального начала в культурах стран постсоветского пространства, хотя и сказались благотворно на ряде сфер общественной жизни, вместе с тем обнажили ряд болезненных проблем¹. Последние столетия русская наука и культура служили как для украинцев и белорусов, так и для представителей других наций и национальностей, населявших СССР, проводником мирового социального опыта и научно-технических достижений. История наглядно свидетельствует – синтез культурных начал способен многократно усилить культуру каждого народа. Именно поэтому роль интеграционного взаимодействия в республиках бывшего Советского Союза как инструмента политического и культурного диалога между ними трудно переоценить.

Особое место в полноценном приобщении к культуре, к духовным, нравственным и интеллектуальным ценностям и традициям принадлежит языку. Падение роли и значения русского языка в перспективе, безусловно, способно вызывать все большие проблемы в межкультурной коммуникации.

Известно, что успешность коммуникации в ситуации культурного контраста (так называемой «межкультурной коммуникации», а применительно к постсоветскому зарубежью, несмотря на наличие большого пласта культурно-исторической общности, все же приходится говорить и о серьезных

культурных различиях проживающих там народов) зависит от действия ряда факторов. Филологи указывают на то, что одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница, определяемая как «наше», «свое», «безопасное» и т.д., которому противостоит «их-пространство» – «чужое», «враждебное», «опасное»².

Поэтому тезис о русском языке как основе интеграции уже отмечен на самом высоком политическом уровне в ряде стран Содружества. При этом русский язык необходимо рассматривать как мощный фактор стимулирования культурного развития народов СНГ, приобщения их к передовому социальному и научно-техническому опыту.

Исследователи отмечают, что распад СССР дал русскоязычному населению несколько вариантов жизненной стратегии. В их число включают ассимиляцию в титульную культуру и язык, отъезд в Россию и отстаивание равного статуса в новом сообществе. При этом, что является вполне логичным, именно третий вариант представляется многим историкам и этнологам оптимальным для России, для соотечественников и для Русского мира в целом³.

Несомненным историческим фактом является то, что Россия как в географическом, так и в культурно-историческом плане принадлежит в равной степени и Европе, и Азии. В связи с этим современные историки, как и многие из их предшественников, делают важнейший методологический и практический вывод: предназначение России – выступать в качестве синтеза двух великих цивилизаций⁴.

С понятием постсоветского зарубежья тесно связано понятие российского зарубежья. Последнее является уникальным объектом, в развитии которого можно наблюдать специфику взаимоотношений между феноменами языка, культуры и этноса. Значению и роли российского зарубежья в отечественной и мировой истории, а также в современном мире посвящена обширная историография⁵. Концепт «Русского мира» в последние годы становится частью внутренней и внешней политики Российской Федерации, поскольку позволяет соединить в единый комплекс те проблемы развития, которые связаны с миграционными потоками всех направлений.

Осмысление роли и места Русского мира в международном контексте, в первую очередь на постсоветском пространстве, где накопилось наибольшее количество проблем, связанных с неопределенностью статуса русского и русскоязычного меньшинства, является не только условием формирования объективного взгляда на мировой исторический процесс, но и важной составляющей для понимания современных социокультурных процессов и их прогнозирования. Русский мир в странах бывшего СССР, помимо сугубо образовательной и научной составляющей, в равной степени является субъектом международной политической деятельности. Наиболее остро вопрос о положении русскоязычного меньшинства и этнически русской диаспоры стоит сейчас в государствах Балтии, однако имеется ряд проблем и в других странах постсоветского зарубежья.

Современное российское академическое и образовательное сообщество в целях поддержки научно-образовательного сотрудничества России и зарубежных государств, углубления посредством этого межкультурного диалога придает особое значение активизации сотрудничества между вузами, включая реализацию совместных образовательных и научных программ; интенсификации академического и межбиблиотечного обмена; открытию центров

и представительств российских образовательных учреждений за рубежом; интенсификации и модернизации сотрудничества в сфере межрегионального межвузовского взаимодействия, в том числе посредством создания межрегиональных вузовских консорциумов или форумов (примерами этого могут служить, в частности форумы ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов России и ряда зарубежных стран, в том числе государств–участников СНГ, на чем подробнее остановлюсь немного ниже).

Большую роль в укреплении позиций русского языка в сопредельных странах и регионах будет, вне всяких сомнений, играть межрегиональное приграничное сотрудничество. Безусловно, отдельным направлением работы должна стать поддержка программ подготовки и переподготовки, повышения квалификации педагогических кадров.

Именно путем развития гуманитарного взаимодействия, как представляется академическому сообществу, возможно добиться одной из важнейших стратегических целей на постсоветском пространстве – формирования такой культурной среды, в жизни которой российская культура играла бы все более значительную роль. А интерес к российской культуре в различных ее проявлениях, в свою очередь, будет способствовать укреплению взаимопонимания и стабильности в отношениях России с другими государствами.

Важную роль в области гуманитарного сотрудничества и в процессах межкультурной интеграции должны играть и играют историческое образование и наука. Нет нужды подробно останавливаться на общепринятом тезисе о том, что сфера истории на постсоветском пространстве на протяжении уже как минимум двух десятилетий после распада СССР (а применительно к ряду стран можно говорить и о более ранней точке начала отсчета, с конца 1980-х годов) переживает период глубокой трансформации, обусловленной становлением национальных исторических школ на основе сформулированных политическими и интеллектуальными элитами концепций исторического прошлого и преемственности с настоящим, а также современных задач развития новых независимых государств.

Вне всяких сомнений, наличие общего исторического прошлого и культурного наследия, с одной стороны, представляет широкую площадку для самого активного взаимодействия историков России и других государств постсоветского зарубежья. С другой – это создает ряд проблем, обусловленных различными, а нередко и диаметрально противоположными характеристиками событий минувших исторических эпох в национальных историографиях, чрезмерной политизацией оценок тех или иных исторических явлений.

В числе наиболее спорных тем прежде всего необходимо выделить сюжеты, касающиеся процесса вхождения тех или иных территорий в состав Московской Руси (одна из наиболее острых тем в современной украинской историографии), а также Российской империи и Советского Союза (наиболее противоречивая тема в современной историографии государств Балтии и Молдовы). К подобным темам относятся период коллективизации и сталинских репрессий (наиболее острая тема в современной украинской историографии), вопросы взаимодействия национальных окраин и центра в рамках империй, наконец, период распада СССР и образования новых независимых государств. Поэтому процесс взаимодействия отечественных исследователей и педагогов и их коллег в новых независимых государствах является сложным, и поиск оптимальных форм сотрудничества продолжается до сих пор.

Серьезную проблему для сотрудничества современных историков России и других стран постсоветского зарубежья представляет, вне всяких сомнений, разрушение существовавшей на протяжении многих десятилетий общей для рассматриваемого пространства системы архивов, без комплексного использования которых не может идти речи об углублении существующих знаний о прошлом, о развитии ранее достигнутого уровня исследовательской работы и разработке новых проблем. В данном направлении работу нужно проводить посредством не только обмена специалистами для прохождения разовых архивных стажировок, но и создания общих баз данных, налаживания схемы постоянного информационного обмена, который позволил бы современным исследователям иметь предельно полное представление о наличии архивных материалов по определенной тематике в конкретных архивных учреждениях. Перспективной формой сотрудничества в данном направлении также является составление и выпуск совместных сборников ранее не публиковавшихся архивных документов.

Немаловажную роль в данных процессах призвано играть Российское общество историков-архивистов, которое в последнее время предпринимает целенаправленные усилия по укреплению контактов с сообществами историков и архивистов в странах постсоветского зарубежья.

Очень важно обеспечить доступность архивной информации по ключевым вопросам общего исторического прошлого для образовательных учреждений всех уровней. В этой связи хочется особо отметить важные проекты и своевременные инициативы Федерального архивного агентства по расширению возможностей электронного доступа к архивным материалам и документам, включая вопросы, связанные одновременно с историей как России, так и сопредельных стран, проект «Архивы – школе».

Нельзя не согласиться с мнением о том, что наиболее перспективным и массовым направлением сотрудничества школы и архивов постепенно становится доступ к оцифрованным архивным документам и средствам их поиска через Интернет⁶. И в этом направлении российские высшие образовательные учреждения гуманитарного профиля также должны проводить постоянную целенаправленную работу, подключая к ней, в том числе, коллег-историков и архивистов из стран постсоветского зарубежья.

Говоря о конкретных механизмах укрепления взаимодействия в области истории на постсоветском пространстве в рамках гуманитарного сотрудничества и процессов межкультурной интеграции, я остановлюсь на примере Российского государственного гуманитарного университета.

Неотъемлемой составляющей международной деятельности РГГУ, способствующей развитию контактов между российскими историками и их коллегами в ближнем зарубежье, является укрепление контактов с ведущими научными и образовательными центрами государств СНГ и Балтии. В последние годы РГГУ подготовил и заключил договоры, рамочные соглашения и рабочие программы сотрудничества с крупнейшими вузами Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Украины и Эстонии. Договоры предусматривают развитие академического и библиотечного обмена, издание совместных учебно-методических работ и научных трудов, разработку и реализацию информационных социокультурных проектов. В рамках договоров организуется чтение курсов, отдельных лекций и семинаров преподавателями РГГУ в вузах стран СНГ и Балтии и их зарубежными кол-

легами в стенах РГГУ, в летние месяцы студенты университета регулярно направляются в страны специализации для прохождения практик по языкам и истории в летние школы.

В 2006 г. в РГГУ была образована кафедра стран постсоветского зарубежья. В рамках кафедры идет процесс подготовки специалистов по странам СНГ, а также Грузии и государствам Балтии, т.е. по всем новым независимым государствам. Студенты и аспиранты кафедры изучают историю, политическую и физическую географию, современное политическое устройство, экономику, культуру и, конечно, языки стран постсоветского зарубежья. Кафедра является одним из базовых центров развития сотрудничества с историками и представителями других отраслей гуманитарного знания стран постсоветского зарубежья.

С 2009 г. в РГГУ функционирует специальное Управление по гуманитарному сотрудничеству со странами постсоветского зарубежья, которое целенаправленно занимается курированием работы по развитию партнерских связей с научной элитой и образовательными центрами стран СНГ и Балтии. Управление ведет целенаправленный диалог с историками из этих стран, привлекая их к участию в совместных мероприятиях по актуальным темам, содействуя академическому обмену и организации чтения курсов лекций и семинаров российскими историками в странах СНГ и Балтии. Управление активно взаимодействует с Россотрудничеством и его центрами на постсоветском пространстве, с профильными российскими и международными фондами, с посольствами и культурными центрами стран СНГ и Балтии и дипломатическими миссиями России в них.

Университет – один из ведущих в России координационных центров исследовательской работы, посвященной истории стран постсоветского зарубежья. В этой связи большое значение имеет участие в деятельности профессиональных объединений, как сугубо исторических, так и направленных на решение более широкого спектра задач в разрезе социокультурной интеграции на пространстве бывшего СССР. В числе таких объединений следует отметить Российское общество дружбы с Азербайджаном, Российско-украинскую комиссию историков, в работе которых деятельное участие принимают ректор и ряд сотрудников университета. В 2009 г. РГГУ выступил инициатором возобновления деятельности Российской Ассоциации украинистов (РАУ) – общественной организации, объединяющей отечественных научных и педагогических работников, чья профессиональная деятельность связана с украинской проблематикой.

Именно историческая украинистика была одной из главных на Первой конференции РАУ, прошедшей 10 ноября 2010 г. в РГГУ, и поэтому особенно отрядно подчеркнуть большое внимание к данному мероприятию, проявленное Посольством Украины в России и украинскими коллегами-историками. Работа вышеперечисленных организаций, привлекающих большое внимание коллег из профильных стран ближнего зарубежья, способствует повышению международного престижа российского исторического образования и науки, расширению и укреплению имеющихся образовательных и научных связей, поиску новых партнеров.

Как свидетельствует опыт РГГУ, развитию продуктивного диалога, посвященного обсуждению общего исторического прошлого, способствует организация международных научных конференций и круглых столов, при-

уроченных к юбилеям памятных исторических дат, таких как победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 г., Отечественной войне 1812 г. и т.д., отмена крепостного права 1861 г. и другие Великие реформы императора Александра II, первый полет человека в космос. В качестве одного из ярких примеров следует отметить прошедшую в университете 23–24 апреля 2010 г. международную конференцию «Общая Победа: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Историки из России и стран СНГ, принимавшие в ней участие, особое внимание уделили вкладу народов бывшего СССР в общую Победу в Великой Отечественной войне, а также вопросам исторической памяти и национального самосознания в новых независимых государствах.

Определенное значение в консолидации профессиональных усилий историков из России и других стран СНГ имела международная научно-практическая конференция «Университетский потенциал исторического знания и исторического образования в контексте современной модернизации». Необходимо отметить активное сотрудничество в ходе подготовки и проведения конференции между российскими историками и их украинскими коллегами.

Россиеведение является одним из наиболее перспективных сюжетов для научно-исследовательского и образовательного взаимодействия между историками России и других стран постсоветского зарубежья. Это хорошо видно на примере РГГУ, профильные подразделения которого реализуют ряд россиеведческих программ, в рамках которых важное место занимает освещение общих для всего постсоветского пространства вопросов исторического развития.

Нельзя недооценивать важность внимания к изучению и обсуждению исторической роли крупнейших деятелей науки, искусства и культуры в формировании общего культурного ареала в огромном по своим размерам регионе. В числе объектов для подобных мероприятий можно рассматривать деятельность крупных ученых, писателей, художников, архитекторов и композиторов, чья жизнь и творчество в равной мере связаны с историей нескольких, а нередко и всех стран постсоветского зарубежья; известных историков дореволюционного и советского периодов – основателей исторических школ и направлений в области славистики, кавказоведения, изучения истории и культуры народов стран Балтии и Центральноазиатского региона.

Перспективной формой взаимодействия между гуманитариями представляется развитие таких проектов, как уже упоминавшаяся организация форумов ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов стран–участников Содружества Независимых Государств. Цель первого Форума была определена как создание постоянной площадки для результативного обмена опытом между руководителями ведущих гуманитарных вузов стран СНГ, а также для разработки и реализации совместных инновационных проектов в целях достижения нового уровня образовательного, научного и культурного взаимодействия государств Содружества. Усилия университета были поддержаны Россотрудничеством, Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств–участников СНГ и Министерством образования Азербайджанской Республики, столица которой, Баку, стала местом проведения первого Форума 12–13 октября 2010 г. Участниками его помимо российских вузов стали представители университетов – партнеров РГГУ в Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Тад-

жикистане, Узбекистане и Украине, вошедшие в состав Координационного совета Форума.

Ключевые идеи, высказанные в ходе заседаний, были зафиксированы в итоговом меморандуме, получившем наименование «Бакинской инициативы», и в целом соответствуют общей стратегии международной деятельности университета, направленной в том числе на поиск и реализацию оптимальных форм диалога между историками. В них входят: разработка программы взаимодействия, направленной на открытие и развитие совместных учебных программ, научных проектов, программ академического и библиотечного обмена; открытие интернет-портала Форума, на котором будет размещаться информация о целях, задачах и деятельности Форума и который будет выполнять роль информационного кластера межвузовского сотрудничества в гуманитарной сфере; создание в рамках портала сайтов или рубрик по отдельным направлениям гуманитарного знания, в том числе исторической рубрики; организация ежегодных межвузовских научных чтений по основным направлениям гуманитарного знания, включая историю, и учреждение научного сборника Форума, а также информационно-аналитического сборника, посвященного вопросам межвузовского взаимодействия на пространстве СНГ. Для углубления взаимодействия между сообществами историков в рамках форумов представляется целесообразным проведение исторических секций, а также организация постоянно действующей межвузовской комиссии историков стран СНГ. Подобная комиссия может стать координационным центром сотрудничества между вузами в различных областях, включая организацию международных мероприятий, развитие межвузовского академического и библиотечного обмена, разработку и внедрение совместных образовательных программ и реализацию международных научно-исследовательских проектов.

Конечно, эффективное научно-образовательное взаимодействие между российскими вузами и учебно-научными центрами стран постсоветского зарубежья невозможно без знания российскими специалистами языков изучаемых стран. Важнейшая составляющая подготовки студентов и аспирантов подразделений РГГУ, занимающихся данными регионами, – занятия по языкам стран специализации, которые проводят квалифицированные преподаватели с большим педагогическим стажем. В целях обеспечения учебно-методической базы РГГУ проводит большую работу по разработке и изданию комплекса учебной и методической литературы по языкам. Так, в 2010 г. РГГУ в рамках работ по договору целевого финансирования мероприятия (проекта) с Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ выпустил учебник «Украинский язык для стран СНГ» (автор – доцент Г.М. Лесная). Учебник стал уникальным, не имеющим аналогов изданием не только в России, но и за рубежом, предназначенным для студентов гуманитарных, в том числе исторических, факультетов университетов СНГ: международников, регионоведов, филологов, переводчиков, историков, а также всех, кто желает изучить украинский язык. В том же 2010 г. в университете был выпущен учебник «Азербайджанский язык для начинающих» (автор – преподаватель А.А. Аскеров). Ведется работа по подготовке к изданию еще ряда учебников и учебных пособий по языкам.

Безусловно, владение языками стран специализации позволяет педагогам и ученым, а также студентам и аспирантам привлекать в работе широкий

спектр источников по интересующим их вопросам и хронологическим периодам и, соответственно, создает необходимые условия для комплексного и объективного изучения актуальных вопросов прошлого на основе полной источниковой базы. Регулярное чтение курсов по истории, страноведению, географии, экономике, а также преподавание языков стран постсоветского зарубежья в профильных структурных подразделениях университета позволяет проводить работу по разработке совместных магистерских программ по исторической проблематике с университетами-партнерами в странах СНГ. В частности, в настоящее время РГГУ разрабатывает такую программу: «Россия и Украина: история новейшего времени» – совместно с историческим факультетом одного из крупнейших вузов Украины – Харьковского национального университета им. В.И. Каразина.

Перечисленные мною направления деятельности РГГУ являются фундаментом для углубления контактов с учеными и педагогами из стран постсоветского зарубежья, для реализации совместных научных и образовательных проектов, содействуют обмену мнениями, педагогическим опытом и исследовательскими достижениями, выработке взвешенных и объективных концепций общего исторического прошлого.

Это, в свою очередь, является эффективным элементом международного гуманитарного сотрудничества и важным фактором, способствующим межкультурной интеграции.

¹ Историографию вопроса см.: *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк: изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2010. С. 8–15.

² *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 175.

³ *Тишков В.А.* Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии / Доклад на Общем собрании РАН 19 декабря 2007 г. // Валерий Тишков – личный сайт: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkoyazychnoe_naselenie_v_stranah_sng_i_baltii.html#

⁴ *Чубарьян А.О.* Российский европеизм. М., 2006. С. 412.

⁵ Историографию вопроса см.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен: роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 13–37.

⁶ «Российские архивы – школам». Выступление Руководителя Федерального архивного агентства, доктора исторических наук А.Н. Артизова на I Всероссийском съезде учителей истории (31 марта 2011 г.) // Официальный сайт Росархива – http://archives.ru/reporting/Artizov_310311.shtml

В.И. Васильев

АКАДЕМИК В.А. ТИШКОВ
В ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченный мысли цвет...*

Афанасий Фет

Вряд ли есть необходимость убеждать кого-либо в том, что итоги многогранной научной и научно-организационной деятельности академика Валерия Александровича Тишкова как в зеркале отражают и его личный вклад, и вклад возглавляемого им коллектива ученых в развитие российской и мировой науки и культуры, а вместе с тем – и вклад в обогащение научно-издательской деятельности Академии наук. Рассмотрим «путь» ученого именно в этом контексте, попытавшись оценить его в разрезе публикаций в академических изданиях, прекрасно понимая при этом, что это лишь часть «продукта» ученого и Института, но, по нашему мнению, – все же наиболее значимая и объемная.

Первая публикация В.А. Тишкова в академическом журнале относится к 1970 г.: в «Новой и новейшей истории» № 5 за этот год помещена его статья «Восстание 1837–1838 годов в Канаде: (обзор литературы)». В 1973 г. опубликована первая статья в продолжающемся издании – «Американский ежегодник» по теме «Проблема законности и развития капиталистических отношений в Канаде в период английского колониального господства». В 1974 г. ученый опубликовал статью в журнале «Новая и новейшая история» в рубрике «Навстречу XIV Международному конгрессу исторических наук», а в 1976 г. в этом же академическом журнале (в соавторстве с С.Л. Тихвинским) – обзорный материал под заголовком «Проблемы Новой и новейшей истории на XIV Международном конгрессе исторических наук» (Сан-Франциско, 22–29 августа 1975 г.). Это были первые публикации автора о научных форумах. Первая работа в жанре интервью (беседы) “Мир должен прийти нам на помощь” (беседа с индейским вождем) опубликована в выпуске 15 академического ежегодника «Расы и народы» за 1985 г. К 1988 г. относится начало участия В.А. Тишкова в качестве одного из авторов справочно-энциклопедических изданий («Народы мира: историко-этнографическая справка»). С 1977 г. ученый начал публиковать материалы, посвященные научной деятельности выдающихся ученых («К 70-летию академика Е.М. Жукова» // История СССР. 1977. № 5). Первый научно-популярный труд В.А. Тишкова вышел в 1977 г. в общеакадемической научно-популярной серии «Страны и народы» под названием «Страна кленового листа» (М.: Наука, 1977. 175 с.), а первая монография – в 1978 г. («Освободительное движение в колониальной Канаде». М.: Наука, 1978. 384 с.).

Нельзя не отметить всеядность ученого (в хорошем смысле, конечно): его труды можно «увидеть» на страницах изданий практически всех основных видов как по целевому назначению, так и читательскому адресу: издания научные, научно-популярные, учебные, монографии индивидуальные и коллек-

тивные, научные публикации в периодических и продолжающихся изданиях: ежегодники, труды исследовательских и учебных институтов, многотомники, в том числе энциклопедического и справочного характера, моноиздания, собрания сочинений (читатель, надеюсь, уже успел это заметить и оценить из приведенного выше «перечня» первых публикаций В.А. Тишкова). При этом работы соответствовали самым высоким стандартам, характерным для группы выделенных в ГОСТе изданий с наивысшими показателями – «академические издания».

Для ученого, проявившего себя еще и трибуном, характерны публикации в самых различных формах и жанрах: интервью, беседы, размышления; выступления (на Общих собраниях РАН и Отделения, на встречах Президента Академии наук с ведущими учеными-историками); доклады на Президиуме РАН, научных сессиях Общего собрания Академии, ученых советах и др.; свободный рассказ, рецензии на труды российских и иностранных ученых и многое, многое другое.

Здесь можно было бы отметить, например, беседу В.А. Тишкова с Е.П. Бусыгиным на тему «Полвека полевой этнографии» («Этнографическое обозрение». 1996. № 1); интервью В.А. Тишкова «Жизнь в ожидании катастрофы», опубликованное в № 6/7 журнала «Персона» за 2005 г. и «России не перенести религиозных войн» («Огонек». 2010. № 19); размышления о проекте новой Программы КПСС «Между прошлым... и будущим?» («Правда», 1991 г.).

Нельзя, конечно, не назвать фундаментальные монографические исследования В.А. Тишкова, опубликованные в разные годы в общеакадемическом издательстве «Наука»: «Освободительное движение в колониальной Канаде» (1978), «История и историки в США» (1985), «Этнология и политика. Научная публицистика» (2001), «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)» (2001), «Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии» (2003), «Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны» (изд. 2-е, 2003), «Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг.» (изд. 2-е, 2005). На стадии подготовки к печати новая монография ученого «Российский народ: формирование национальной идентичности».

Особо следует отметить обширную и многогранную деятельность В.А. Тишкова в качестве составителя, главного, ответственного (титульного) редактора, члена редколлегии многих ведущих в сфере его научных интересов сериальных, моно- и многотомных изданий (ряд из них мы уже называли). Вот лишь некоторые примеры: «Проблемы историографии Канады» (1981), «Исторические судьбы американских индейцев» (1985), «Американские индейцы: новые факты и интерпретации» (1996), «Чеченская Республика и чеченцы: История и современность» (2006), «Этнокультурный облик России: Перепись 2002 года» (2007), «Национализм в мировой истории» (2007), «Навеки в памяти: Члены РАН о Великой Отечественной войне: 65 лет Победы» (2010), и др.

Необычайно широкий круг научных интересов ученого можно оценить также и по многим десяткам научных статей, опубликованных в ведущих общеакадемических журналах и сериальных изданиях. Среди них: • журналы – «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Вестник АН СССР (позднее – РАН)», «США: экономика, политика, идеология» (в настоящее время «США – Канада: экономика – политика – культура»), «Общественные

науки», «Общественные науки и современность», «Общество и экономика», «Советская этнография» (в настоящее время «Этнографическое обозрение»), «Вопросы философии» и др.; • сериальные издания – «Американский ежегодник», «Расы и народы», «История и историки», «Исторические записки», «Народы и культуры», «Полевые исследования Института этнологии и антропологии», «Среднеазиатский этнографический сборник», «Свод этнографических понятий и терминов», «Проблемы индеанистики», «Труды Отделения историко-филологических наук» и др.

Характерны и такие публикации: в Год русского языка к Общему собранию Российской академии наук (декабрь 2007 г.) под редакцией академиков А.П. Деревянко, А.Б. Куделина и чл.-корр. РАН В.А. Тишкова вышел объемный труд «Русский язык в странах СНГ и Балтии» (по материалам Международной научной конференции, состоявшейся в Москве 22–23 октября 2007 г.), а в форме отчета по программе фундаментальных исследований Президиума РАН вышел фундаментальный труд «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» за 2004 г., координаторами которого были В.И. Молодин и В.А. Тишков (2005 г.).

Крупным достижением Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ИЭА РАН) является подготовка к изданию шеститомного собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая (тома 4–6 – с участием Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, а том 4 – еще и Зоологического института). Все тома вышли в общеакадемическом издательстве «Наука»: 1-й – в 1990 г., 2-й и 3-й – в 1993 г., 4-й – в 1994 г., 5-й – в 1996 г., 6-й – в 2 частях в 1999 г. В.А. Тишков не только курировал проект в целом, но и являлся членом редакционной коллегии этого собрания сочинений.

В.А. Тишков как автор, а также фундаментальные труды ученых возглавляемого им академического института многократно отмечались высшими наградами международных, национальных и всероссийских конкурсов научно-издательских проектов. Здесь прежде всего хочется отметить «урожай», собранный выдающейся серией «Народы и культуры», идеологом и главным редактором которой является В.А. Тишков. Судите сами:

1998 г. –

- Госкомпечать России в рамках Московской международной книжной выставки-ярмарки впервые провел конкурс и отобрал **100 лучших книг России**. Среди книг-победителей – том «Русские».

- Победителем конкурса «Пушкинская библиотека», проведенного в рамках Международной программы поддержки российских библиотек, – вновь стал том «Русские».

- Диплом победителя Всероссийского конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года» вручен за том «Белорусы».

2003 г. – Специальный диплом III Международной специализированной выставки-ярмарки «Книжковый сад-2003» (Украина, Киев) получила книга «Украинцы».

2005 и 2007 гг. – На III и IV Международных книжной и полиграфической ярмарках «По Великому шелковому пути» (Республика Казахстан) Диплом победителя в номинации «Лучшая издательская серия. Научно-познавательная литература» вручен за книжную серию «Народы и культуры».

2006 г. – На II Всероссийском конкурсе региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» серия «Народы и культуры» награждена Спе-

циальным дипломом как фундаментальный сериальный труд, освещающий историю возникновения и развития народов Российской Федерации.

2011 г. – На II Международном конкурсе на лучший научно-издательский проект «Научная книга», проходящем под эгидой Международной ассоциации академий наук, три тома серии «Народы и культуры», изданные в 2010 г. («Народы Северо-Востока Сибири», «Молдоване» и «Калмыки»), были удостоены Диплома лауреата в номинации «Гран-при».

На сегодня в серии уже вышли 18 томов: «Белорусы» (1998), «Русские» (1999, 2003, 2005), «Народы Поволжья и Приуралья» (2000), «Украинцы» (2000), «Татары» (2001), «Народы Дагестана» (2002), «Прибалтийско-финские народы России» (2003), «Тюркские народы Крыма» (2003), «Буряты» (2004), «Народы Западной Сибири» (2005), «Тюркские народы Сибири» (2006), «Абхазы» (2007), «Тюркские народы Восточной Сибири» (2008), «Молдоване» (2010), «Калмыки» (2010), «Народы Северо-Востока Сибири» (2010), «Гагаузы» (2011), «Узбеки» (2011).

Немало наград получили и другие труды Института. Высшей награды в сфере отечественного книгоиздания – «Книжного Оскара» и Диплома победителя национального конкурса «Книга года» в номинации «Эврика» удостоен монументальный труд Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая «Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века» (2002 г.). Два диплома Всероссийского конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года» получили труды Института «Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века» и фотоальбом «Народы Нижнего Амура и Сахалина» А.В. Смоляк (2002 г.). В этом же году среди книг-победителей национального конкурса «Золотой лотос» в номинации «Вклад в образование» отмечен труд Н.В. Зорина «Русский свадебный ритуал». На Всероссийском конкурсе Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года» (2007 г.) Дипломом отмечен этнографический альбом С.И. Дмитриевой «Традиционное искусство русских Европейского Севера» в номинации «Лучшая книга в области социальных наук». Диплом лауреата VI Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» (2010 г.) в номинации «Промышленность, наука, технологии» получило фундаментальное научное исследование З.П. Соколовой «Ханты и манси: взгляд из XXI века».

Победителем национального конкурса «Золотой лотос» (2002 г.) в номинации «Вклад в образование» признан труд Валерия Александровича Тишкова «Общество в вооруженном конфликте». В 2011 г. на V Сессии Научного совета по книгоизданию при Международной ассоциации академий наук (МААН) по итогам международного конкурса на лучший научно-издательский проект ученый удостоен Диплома МААН за крупный вклад в развитие исторической науки и культуры как главный редактор серии «Народы и культуры».

Бесспорно, что не только сам ученый, но и возглавляемый им Институт многое сделали для развития науки и введения в научный оборот новых фактов и материалов. Особое внимание В.А. Тишкова как директора Института к научно-издательской деятельности позволило ИЭА РАН войти в число лидеров в этой важной сфере уставной деятельности Академии наук. Важно и другое: место и роль В.А. Тишкова – ученого, организатора науки и общественного деятеля можно и должно определять как данность и явление в общем культурно-историческом процессе.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И СМЕШАННЫЕ БРАКИ НА ОКРАИНЕ
ЛАТИНСКОЙ РОМАНИИ
(Тана, XIV–XV века)

С о времен античности и до конца Средневековья в Приазовье и устье Дона существовал небольшой греческий анклав, затерянный в мире окружающих его кочевников. Он снабжал византийскую столицу важнейшими для нее продуктами – зерном, рыбой, солью, не говоря уже о многочисленных транзитных товарах, таких как пушнина, шелк, пряности или драгоценные металлы и камни¹. В XII столетии эти территории, видимо, находились непосредственно под властью Византии². Греческое население не покинуло их и после татаро-монгольского завоевания 1236–1237 гг.

Роль Северного Причерноморья в международной торговле с середины XIII в. повышалась по мере того, как его порты приобретали все большее значение в товарообмене между Востоком и Западом. Сначала Солдайя (Судак), а затем Каффа (Феодосия) и Тана (Азак, Азов) стали важными терминалами международной торговли Латинской Романии и Золотой Орды, Византии и Руси, Западной Европы, а также узлами местной, внутрорегиональной торговли.

Тана стала одним из наиболее колоритных, притягательных и вместе с тем опасных поселений, основанных итальянцами в самом дальнем “углу” Латинской Романии. Она была расположена, по словам хорошо знавших ее венецианцев, “на границе мира, в пасти врагов наших”³. Но она служила и источником богатств, привлекала колонистов из самых разных уголков Европы.

В узком смысле слова Тана – это название двух итальянских факторий (венецианской и генуэзской), расположенных на периферии большого кочевоего золотоордынского города Азака, расширительно называемого западноевропейскими писателями также Таной. Разделение итальянской Таны и Азака относительно, хотя я и буду употреблять имя «Тана» для обозначения итальянских поселений. Дело в том что итальянская Тана соседствовала не только с менявшим свой облик в зависимости от условий кочевания орд татарским городом, но и с кварталами, населенными греками, адыгами, славянами, армянами и евреями. Между ними осуществлялись интенсивные экономические, культурные и личные связи. Сначала греки (чье поселение возникло раньше итальянских), а затем и иные этнические группы обосновывались и на самой территории укрепленной итальянцами Таны.

Венецианцы стали вести торговлю в устье Дона с середины XIII в., генуэзцы – чуть позже. Поселения купцов обеих морских республик начали возникать там во второй половине 60-х годов XIII в. Постепенно они обрели свой юридический и административный статус. Генуэзский консулат сформировался не позднее 1304 г., а вероятнее всего в конце 80-х – начале 90-х годов XIII в., венецианский – около 1320 г. В 1332 г. венецианская торговая фактория получила специальные права и привилегии от хана Золотой Орды, и в феврале 1334 г. Сенат республики разработал правила управления факторией. Генуэзцы обрели аналогичные права, но точная дата их предо-

ставления ханом неизвестна. Во всяком случае, оба поселения имели обширную автономию, управлялись по законам своих республик и признавали верховный сюзеренитет хана, уплачивая ему специальные налоги⁴.

Периоды мирного соседства и конфронтации, вплоть до вооруженных столкновений, между итальянцами и татарами, генуэзцами и венецианцами, «латинянами» и византийскими греками сменяли друг друга. Бывало, Тану разрушали до основания или разграбляли золотоордынские ханы или их противники (как знаменитый Тимур), местные эмиры или отряды кочевников. Так случалось в 1343, 1395, 1410, 1412, 1418 гг. Но с 20-х годов XV в. каменные укрепления лучше защищали поселения, да и сознание большей выгоды от торговых налогов и поземельных сборов, чем от нападений, руководило ханами Золотой Орды, а потом и крымскими Гиреями⁵. Встает вопрос: можно ли ситуацию военных конфликтов и грабительских набегов экстраполировать на социокультурные отношения между западными колонистами, местными православными христианами (греками и славянами) и их степными соседями? Возникали ли брачные союзы между разными этносами и как они воспринимались современниками? Мы постараемся пролить некоторый свет на эти проблемы, прекрасно осознавая частичность и неполноту наших ответов, обусловленную и состоянием источников, и начальным этапом разработки темы.

Помимо немногих традиционных и хорошо известных источников о ситуации в Танае, вроде немногословных и попутных экскурсов византийских историков или, особенно, свидетельств венецианских послов и путешественников Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини⁶, мы располагаем гораздо большим фондом еще неисследованных нотариальных актов, хранящихся в Венецианском и Генуэзском государственных архивах. Из картуляриев нотариев Таны до сих пор опубликован лишь один – Моретто Бона (1407–1408). Между тем, проведенные нами исследования в итальянских архивах в 1977–2010 гг. позволили выявить 1194 нотариальных акта 34 венецианских нотариев и 15 документов 16 идентифицированных генуэзских нотариев Таны. Разумеется, для генуэзцев Каффа представляла большее значение и нам известно пока 1508 составленных там актов 209 нотариев. Все эти цифры, разумеется, носят предварительный характер, работа в архивах продолжается, и новые находки вполне вероятны. Кроме того, мы учитывали лишь документы, составленные *in situ*, в то время как упоминания Таны встречаются и в актах, составленных в Генуе, Венеции и в других городах Италии, Леванта и Причерноморья. Акты судебного делопроизводства (например, протоколы судей по петициям Венецианского архива⁷) способны дополнить картину. Конечно, латинские нотариусы работали в итальянских поселениях и для жителей факторий. Другие местные жители встречаются в актах в том случае, если они выступали партнерами, участниками или договаривающимися сторонами сделок. Многие из них имели юридический статус *burgenses* или пользовались правами «колониального гражданства» Венеции или Генуи, состоя под защитой их консулатов. Это означает, что лишь часть местных жителей прямо обнаруживает себя в документах, и мы в состоянии рассчитывать на математические реконструкции общего числа жителей фактории только в случае достаточно репрезентативных выборок⁸. Среди попавших в нотариальные акты лиц нелатинского происхождения можно выявить три группы людей: 1) купцы и ремесленники разного имущественного положения; 2) лица, служившие по найму; 3) бывшие или действительные рабы и

слуги. Это – очевидное сужение поля исследования. Но изредка, особенно в годы конфликтов или при заключении договоров с местными правителями, когда и их приближенные упоминаются в документах, на страницы источников попадают и иные категории лиц.

Существует и другая, методологическая проблема: различал ли средневековый нотариус расовое, этническое, «национальное» происхождение и имел ли он мотивацию указывать его? В случае работорговли, ответ достаточно ясен: цены на рабов в большой мере зависели от расовых, физических и половозрастных характеристик⁹. Но подчас упомянутое имя раба не соответствует его происхождению или этносу. Бесспорно, имелись случаи крещения раба с присвоением ему нового имени или ошибочных этнических атрибуций, подчас и ради повышения стоимости раба, и в случае неумения писца отличить, скажем, «куманского» раба от татарина. И все же, как правило, нотариусы достаточно точны, ибо они принимали во внимание и соматические характеристики, и иные признаки, стараясь отличить, например, монгольского раба (их совсем мало) от татарского.

Для дифференциации других категорий местного населения нотариусы не были столь же мотивированы. Обычно они принимали ту атрибуцию, которую давали сами контрагенты и транскрибировали имя так, как слышал его, учитывая и индивидуальный опыт, и традицию написания. Многое зависело от его знания языков, местной ситуации, просто уровня культуры. Конечно, он мог и обобщать, называя, например, «сарацинами» всех мусульман, хотя, как правило, в Северном Причерноморье в XIV в. этим этнонимом обозначали уже татар¹⁰. Таким образом, главной проблемой является выяснение того, как каждый нотариус работал со своими клиентами, как он воспринимал имена и какими буквами передавал непривычные для романского уха звуки. В ряде случаев исключительно трудно без дополнительной информации о месте жительства, семейных связях и прочего в том же духе отождествить упомянутое лицо и еще сложнее «реконструировать» подлинное имя армянина или мусульманина в переложении на латинский язык или венецианский диалект. Но и реальная ситуация представляла еще более путаной, ибо этноконфессиональные характеристики, в иных случаях ясные и недвусмысленные, существенно варьировались в Тане. Что можно сказать, например, о еврее с мусульманским именем или о мусульманине – с армянским? Необходим специальный анализ в каждом случае, и далеко не всегда он приведет к успеху...

В данной статье я старался выбрать случаи, когда этноконфессиональные атрибуты не вызывают больших сомнений. Начнем с греков. Часть из них служила по найму в Тане, получая содержание от венецианской «коммуны». В 1413 г. два портных-грека, Michali Sachalari и Andreas из Кефалонии предъявили иск на взыскание долгов по невыплаченным окладам¹¹. Грек из Кандии Georgius Chalotari нанимает в Тане мальчика-болгарина 14 лет в качестве слуги на три года, обязуясь лишь кормить и одевать его¹². В указанном картулярии венецианского канцлера в Тане Донато а Мано (1413–1417) мы находим семь греков из Таны, восемь – из Кандии, четырех – из Ретимно на Крите, одного – из Корона, троих – из Модона, двоих – из Негропонта, одного – из Кефалонии, двоих – из Патр, четырех – из Константинополя и одного – с Тенедоса. Все они состоят в тесных партнерских связях с итальянцами Таны и, как видим, происходят из различных областей, часто за пределами Черного моря. Одна супружеская пара греков из Таны упоминается несколько раз. Жена Iolmelich а Candelis – была домо- и землевладелицей в Тане, а

ее муж Michali Mitrioti назван *habitor Tane*. Еще до 1408 г. он эмигрировал из Салоник в Тану, где к 1414 г. женился на указанной Iolmelich, приобрел за 550 безантов участок земли у венецианского патриция Джустиниани и активно занимался торговлей. Его супруга была православной, а ее сестра Наракатон известна как строительница греческого храма св. Николая в Тане¹³.

Совсем иной социальный статус был у гречанки-рабыни Баракомы, получившей от хозяев новое имя Катерины¹⁴. Такой случай «переименования» совсем не редок.

Русское население Таны, о котором почти ничего не было известно, также отражено в нотариальных источниках. Разумеется, и здесь возникают проблемы атрибуции. После долгого пребывания в фактории русские могли усваивать иные имена или получали от итальянцев прозвища, под которыми и фигурировали в документах. Бондарь в Тане Iohannes de Amadeo купил в 1411 г. русскую рабыню Марию. Через три года, в 1414 г., брат Марии Самуил прибыл в Тану и постарался освободить сестру. Дело было решено за 200 безантов и кусок сукна с немедленной выплатой 130 безантов. Остальные 70 надлежало выплатить в течение года или более. Мария обязывалась оставаться служанкой в течение двух лет, а затем освобождалась из рабства вместе с возможными детьми. Акт добавляет интересную деталь: в течение двух лет Мария должна была воспитывать дочь, рожденную от ее хозяина. Соглашение пришлось переводить на русский язык (*in lingua rusca*), что и сделал толмач – драгоман Николо Тальяпьетра¹⁵. К счастью, нам известен конец этой истории. В 1417 г. Iacobus de Amadeo de Ruscia женился на Марии, бывшей рабыне и бывшей служанке (*olim serve*) Iohannes de Amadeo, и получил в приданое 300 безантов звонкой монетой и товарами. И вновь условия договора потребовалось переводить для нотариуса, который официально оформлял сделку¹⁶. Iacobus de Amadeo точно идентифицируется в акте как русский, хотя его патроним не похож на русское имя. Это означает, что прежний хозяин Марии Iohannes de Amadeo также являлся русским. Имя искажено, но как? Сделки производились несомненно среди русских в Тане. Мы можем лишь гадать, как татары захватили Марию и продали ее соотечественнику в Тане, как она стала его конкубиной и как ее брат, возможно, купец, отыскал ее. История закончилась в Тане через шесть лет после продажи Марии в рабство. Она преумножила состояние, родила дочь, обрела свободу и вышла замуж за возможного родственника ее прежнего господина. Хотя все события происходили в итальянской фактории, мы имеем дело не со «смешанным браком». Тому есть другие примеры. Anthonius de Ruscia *condam Daut, habitator Tane*, женился на итальянке Агнесине, дочери покойного Джованни из Тревизо. Он получил хорошее приданое, оцененное в 1100 безантов, но был обязан по договору растить и содержать малолетнего брата Агнесины Джакомо, погашая все расходы на него (*facere expences*) в течение грядущих четырех лет. Приданое включало лавку и участок земли на территории венецианской фактории¹⁷.

Другой русский, Cosmas Raphan(ello) de Ruscia, *Tane habitator*, получил от жены Марии в качестве приданого 600 безантов. Возможно, это был брак между людьми невысокого социального положения и, к тому же, с плохим знанием латинского или итальянского языков: стороны также прибегали к переводчику¹⁸.

Еврейское поселение в Азаке, возможно, существовало уже во второй половине XIII в.¹⁹ Близ Азака находился еврейский посад или предместье, ко-

торый в венецианских документах назывался Джудеккой (такое именование отмечено не позднее 1339 г.²⁰). В переводе на латинский язык ярлыка хана Джанибека, данного венецианцам в 1342 г., Джудекка появляется в испорченном варианте – Cudencha. Джудекка прилегала к территории, пожалованной ханом венецианцам, но была отделена от нее рвом²¹. Некоторые евреи, например, Azarias Mussa iudeus quondam Iosua, habitator Tane, были работоторговцами²², другие – купцами и ростовщиками, как Leo Callazi condam Elye zudeus mercator in Tana, плававший в Константинополь и ведущий свои счета на еврейском языке (zedulla banbazina scripta manu dicti Leonis in iudaico)²³. Но подчас мы встречаемся и с евреями-рабами²⁴. Однако никаких данных о браках между евреями Таны и лицами иных этносов и вероисповеданий нами не обнаружено.

В Тане также проживало армянское население²⁵. Нотарий Бенедетто Бьянко даже упоминает там армянскую судебную курию в 1359 г.²⁶ Astlan condam Sirim de Arzeron armenus habitator in Tana в 1360 г.²⁷ и армянин Ivanes (очевидно, Ованес), habitator Tane, в 1414 г. были работоторговцами²⁸.

Среди самого большого собрания нотариальных актов, составленных в Тане Бенедетто Бьянко (1359–1364), первым венецианским канцлером после кризиса середины XIV в., когда все итальянцы вынуждены были надолго покинуть Тану (1343–1358)²⁹, нет упоминаний о смешанных браках между «латинянами» и местными жительницами. И это не удивительно. Слишком мало времени прошло с момента восстановления деятельности фактории в 1358 г. Тем не менее встречается интересный случай квази-брака по контрактному соглашению. Венецианец Джованни ди Бенедетто заключил нотариальный договор с гречанкой Феодорой, которая была замужем за генуэзцем или греком, имевшим генуэзское гражданство по имени Ieorgius. Джованни обещал женщине жить с ней и относиться к ней как муж к жене (eam tractare...ut maritus uxorem). Он был должен уплатить бывшим хозяевам женщины 4 сомма, а ей самой – 6 соммов в случае его брака с *другой* женщиной или при его желании расстаться с Феодорой³⁰. Разумеется, Феодора, именуемая в акте «жительницей» (habitatrix) Таны, являлась служанкой, но не рабыней. Ее соотечественники-греки появляются в качестве свидетелей договора.

Подчас «латиняне» прибывали в Тану вместе с женами. Однако это редкий случай в «досье» Бенедетто Бьянко. К примеру, Джирардо Барбафелла, венецианец и житель (habitator) Таны, получил 16 соммов от своей жены, венецианки Катерины Боны, находившейся также в Тане³¹. Имеются даже редкие завещания, составленные венецианками, проживавшими в Тане с мужьями и детьми³². Но и конкубинат с рабынями получил весьма широкое распространение. В некоторых случаях, когда женщина рожала ребенка от господина, она получала свободу³³.

По прошествии века ситуация изменилась и стала более сложной. В середине XV в. есть уже много упоминаний о смешанных браках³⁴. Мария Грасса, принадлежавшая к римско-католической церкви, была замужем за русским по имени Феодор (Feodor). В своем завещании она оставляет небольшую сумму денег (26 безантов) своему духовнику, монаху-генуэзцу Терамо, или Эразмо Саломоно. Ее деньги находились у некоей Фетинки, жены другого русского Федора (Fetinchia uxor alterius Fedoris) – еще один пример русской или русско-«латинской» семьи в Тане. Семья Марии и Феодора не была бедной. Мария оставила рабыню Олиту своему единственному сыну Андрею.

Ее душеприказчица также происходила из той же смешанной православно-католической среды. Ее звали Магдалина, а замужем она была за греком, судебным приставом Янисом (*Ianis plazarius*). Среди тех, кому Мария завещала имущество, называлась Перина, дочь Марины и покойного Гульельмо, также наполовину славянка. Ей предстояло получить шелковую рубашу³⁵.

Русский по имени Куна (*Cuna*), имевший брата Минку (*Minca*), женится на Катарине Ландо, дочери покойного *Iohannis Murarii*, служившего лучником-баллистарием в Тане и получавшего (а точнее, не получившего) оклад за службу в венецианском замке Таны. Долг в 800 безантов был признан венецианским советом в Тане и местной судебной палатой еще в 1439 г., но до 1452 г. оставался невыплаченным. Безо всякого результата Катарина пыталась получить деньги, назначая своим доверенным лицом сначала бывшего канцлера в Тане нотарию Николо де Варсиса, хорошо знавшего обстоятельства дела³⁶, затем – главу артели плотников Джованни Нигро³⁷. Куна упоминает этот невыплаченный долг в качестве обещанного приданого в 1450 г.³⁸ После составления завещания Куна не умер и спустя два года выдал поручение своему доверенному лицу Филиппо *Diclai* получить сумму приданого своей жены, названной им совсем по-русски Тиной³⁹.

Лука Чиврано, носитель вполне венецианского и даже патрицианского имени, называет себя, тем не менее, русским (*ruthenus sive russicus, habitator eiusdem loci Tane*). Это может указывать на связь его или его предков с бывшим венецианским хозяином-нобилем по имени Чиврано⁴⁰. Наш Лука Чиврано достаточно состоятелен, хорошо интегрирован в «латинскую» среду и, возможно, католик. Все его душеприказчики – итальянцы; его жена, Магдалина, также, вероятно, «латинянка». Лука оставляет на службу заупокойных месс 3 дуката. Его мастерская (*fabrica*), где он также проживал, была расположена на территории католической скуолы св. Марии и Антония, которой он завещал 50 безантов⁴¹. Но такую же сумму он определил строящейся греческой церкви св. Николая – на ее возведение, ремонт и приобретение всего необходимого. Такого рода дарения как католической, так и православной церквам могут показаться странными. Но в действительности это, возможно, не считалось таковым в ситуации тесного сотрудничества христиан разных конфессий перед лицом постоянной татарской угрозы, а также в период после Флорентийской унии и до падения Константинополя (1439–1453 гг.). Возможно, в контролируемых генуэзцами и венецианцами областях Северного Причерноморья уния имела бóльшие успехи, чем на собственно византийской территории. Имущество Луки, оставленное его слугам и благотворительным учреждениям, оценивалось в 200 безантов и 7 дукатов (52,45 дуката в целом). Кроме того он владел мастерской на территории скуолы, которой и завещал ее, а также тремя рабами: черкесом Иоанном и двумя русскими – Ориной и ее сыном Костой. Все они были домашними слугами. Иоанн и Коста сразу же получили свободу по завещанию, а Орина освобождалась через восемь лет, в течение которых она должна была служить вдове покойного. Но и Коста после освобождения также оставался в качестве слуги. Все другое движимое и недвижимое имущество (безусловно, большую часть состояния) Лука завещал вдове и детям, а в случае их смерти – на благотворительные цели. Лука представляется нам богатым ремесленником славянского происхождения, из семьи бывших рабов, но уже давно осевшей в венецианской фактории Таны.

Словом, число браков между лицами разных христианских конфессий и среди разных социальных слоев в Тане возрастало. Но подобные отноше-

ния между христианами и мусульманами или иудеями не просматриваются. В Танае существовал довольно высокий уровень этнорелигиозной терпимости на бытовом уровне. Такая ситуация изменилась после османского завоевания Таны в 1475 г.⁴²

¹ См.: *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge. Leipzig, 1885–1886. Т. 1–2; *Ковалевский М.М.* К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Танае в XIV веке // Тр. XII Археологического съезда в Харькове, 1902. М., 1905. Т. 2. С. 109–174; *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle // *Thesaurismata*. 1970. Vol. 7. P. 15–51; *Скржинская Е.Ч.* История Таны // *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 29–64; *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siècle) // *Turcica*. 1976. Т. VIII/1. P. 110–201; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. Т. I. P. 151–156; *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // *État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / Sous la direction de M. Balard*. Lyon, 1989. P. 251–266; *Idem.* Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle // *Le Moyen Âge*. 1988. Т. 94, N 3/4. P. 363–379; *Martin M.* Some aspects of trade in Fourteenth Century Tana // *България Понтика II*. София, 1988. С. 128–139; *Карпов С.П.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // *Причерноморье в средние века*. М., 1991. С. 191–216; *Он же.* Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–1360 гг.) // *Причерноморье в средние века*. М.; СПб., 2001. Вып. 5. С. 9–26; *Карпов С.П.* Le comptoir de Tana comme le centre des rapports économiques de Byzance avec la Horde d'Or aux XIIIe–XVe siècles // *Byzantinische Forschungen*. 1999. Bd. XXV. S. 181–188; *Очерки истории Азова*. Азов, 1992–1994. Вып. 1–2; *Pubblici L.* Venezia e il Mar d'Azov: alcune considerazioni sulla Tana nel XIV secolo // *Archivio Storico Italiano*. 2005. N 163. P. 435–483.

² См. указания на литературу вопроса в ст.: *Карпов С.П.* Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // *ВВ*. 1997. Т. 57(82). С. 5, примеч. 1.

³ *Arhivio di Stato di Venezia*. (Далее: ASV.) Senato, Misti. (Далее: SM.) LIX, f. 158 (160)r [Thiriet F. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*. Paris; La Haye, 1961. Т. III, N 2412] – 18/III 1436.

⁴ См.: *Карпов С.П.* Когда и как возникла Тана... С. 5–18.

⁵ О ситуации в XV в. см.: *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? ... P. 251–266.

⁶ *I Viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini / A cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca, M.F. Tiepolo*. Roma, 1973 [II Nuovo Ramusio, VII].

⁷ ASV. Giudici di Petizion. Frammenti antichi appartenenti a serie diverse; Sentenze a giustizia; Extraordinario Nodari; Sentenze a interdetti.

⁸ См., например: *Пономарев А.Л.* «Кого нет, того не считать»? или сколько в Византии было знати и купцов // *Математические модели исторических процессов: сб. ст. / Отв. ред. Л.И. Бородкин*. М., 1996. С. 236–244.

⁹ *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. Т. 2: Italie. Colonie italiennes du Levant latin. Empire Byzantin. Gent, 1977; *Idem.* La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // *Studi in onore di Gino Luzzatto*. Milano, 1950. Vol. 2. P. 1–25; *Idem.* Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XIVe siècles) // *Miscellanea historica in honorem Leonis van der Essen*. Bruxelles; Paris, 1947. P. 287–298; *Idem.* Orthodoxie et esclavage au bas Moyen Âge // *Mélanges E. Tisserant*. Т. V. [Studi e Testi, 235]. (1964). P. 427–456; *Gioffrè D.* Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. Genova, 1971; *Balletto L.* Stranieri e forestieri a Genova: schiavi e manomessi (sec. XV) // *Forestieri e stranieri nelle città basso-medievali: Atti del Seminario int. di studi*. Firenze, 1988. P. 263–283; *Balard M.* La femme esclave à Gênes à la fin du Moyen Âge // *La femme du Moyen Âge*. P., 1990. P. 299–310.

¹⁰ *Balard M.* “Infidèles” ou Comans? A propos des “Sarraceni” de Caffa // *Bulletin d'Études Karaites*. 1989. N 2. P. 83–90.

¹¹ ASV. Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, doc. 14: 17/X 1413.

¹² ASV. Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, doc. 17: 9/V 1414.

¹³ ASV. Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, doc. 19: 4/VI 1414; 37: 24/X 1414; 39:29/III 1415; 76:24/IX 1415; 84: 10/X 1415; *Tzavara A.* «Εἰς τὸν Τάναϊν ἀποδημῶσαντα»:

Esempi di immigrazione greca a Tana nei testamenti ivi rogati da notai veneziani (prima metà del XV° sec.) // Atti dell'incontro scientifico: Oltre la morte. Testamenti di Greci e Veneziani redatti a Venezia o in territorio greco-veneziano nei sec. XIV–XVIII. Venezia, 22–23 gennaio 2007 / A cura di Chryssa Maltezou e Gogò Varzelioti. Venezia, 2008. P. 65–71.

¹⁴ ASV. Cancellaria Inferior, 19, N 7, I cart., f. 5v N 38: 19/IX 1359 [Пергеста документа в: Verlinden Ch. Le recrutement.. N 104].

¹⁵ ASV. Cancellaria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, f. 4, doc. 20: 16/VI 1414.

¹⁶ ASV. Cancellaria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, f. 17, doc. 103: 28/VII 1417.

¹⁷ ASV. Cancellaria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, f. 16, doc. 90: 11/VII 1416.

¹⁸ ASV. Cancellaria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, f. 16, doc. 91: 21/VIII 1416. Мария названа в акте «olim chuma ser Marci de Allega», который и заплатил за нее приданое.

¹⁹ Ср.: Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные и иные надписи из иных мест. СПб., 1884. С. 208–209, 217–218 (надпись на листе Пятикнижия Торы, подаренной евреями Азака, из синагоги в Каффе/Феодосии) – 1274 г. За указание на этот источник благодарю Н.М. Фомичева.

²⁰ ASV. SM. XIX, f. 25v [публ.: Venezia-Senato. Deliberazioni miste. Registre XIX (1340–1341) / Par F.-X. Leduc. Venise, 2004. N 172]: 5/VII 1340.

²¹ Diplomatarium Veneto-Levanticum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia / Ed. G.M. Thomas. Venetiis, 1880. T. 1: a.1300–1350. P. 262.

²² ASV. Cancellaria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, N 22: 20/VII 1414.

²³ ASV. Cancellaria Inferior, 19, I cart., f. 24r, N 142: 6/VII 1360.

²⁴ ASV. Cancellaria Inferior, 19, I cart., f. 3r N 18 [Пергеста: Verlinden Ch. Le recrutement des esclaves à Venise aux XIVe et XVe siècles // Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome. T. XXXIX (1968) N 10]: 14/IX 1359 .

²⁵ См.: Фомичев Н.М. Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака – Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова. Азов, 1994. Вып. 2. С. 13.

²⁶ ASV. Cancellaria Inferior, 19, I cart., отдельный лист, после f. 12v: 19/IX 1359.

²⁷ ASV. Cancellaria Inferior, 19, I cart., f. 28v, N 161 [Пергеста: Verlinden Ch. Le recrutement... N 59]: 28/VII 1360.

²⁸ ASV. Cancellaria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, N 15: 13/II 1414.

²⁹ Карпов С.П. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византизм между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 220–238; Он же. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. 1994. Т. 55(80), ч. 1. С. 121–126.

³⁰ ASV. Cancellaria Inferior, 19, I cart., f. 14v: 30/XII 1359.

³¹ ASV. Cancellaria Inferior, 19, I cart., f. 17v: 15/IV 1360. Аналогичный случай также: Ibid.: 24/IV 1360.

³² См., например: ASV. Cancellaria Inferior, 19, I cart., отдельный лист, после f. 29v: завещание Елизаветы, жены Франческино Элиана, венецианского гражданина (Elysabet uxor Franciscini filii ser Bonaveri Elian civis Veneciarum habitatrix in Tana): 29/VII 1360.

³³ Moretto Bon, notaio in Venezia, Trebisonda e Tana (1403–1408) / A cura di S. de'Colli. Venezia, 1963. N 27: 28/VII 1407.

³⁴ Эта проблема рассматривалась нами также в ст.: Карпов С.П. Orthodox Christians in Italian – Tartar Surrounding: New Archival Evidences on Rich and Poor in Venetian Tana, XIVth–XVth Centuries // Ricchi e poveri nella società dell'Oriente Grecolatino / A cura di C. Maltezou. Venezia, 1998 P. 453–472. См. также: Doumerc B. La Tana au XVe siècle...

³⁵ ASV. Notarili, Testamenti, 826, N 11: 28/X 1447.

³⁶ ASV. Cancellaria Inferior, 148/2, с. N 13: 21/X 1447.

³⁷ ASV. Cancellaria Inferior, 148/2, с. N 31: 10/IX 1448.

³⁸ ASV. Notarili, Testamenti, 826, N 12: 4/IX 1450.

³⁹ ASV. Cancellaria Inferior, 148/2, N 76: 11/III 1452; ASV. Cancellaria Inferior, 148/2, N 77–78: 27/III 1452.

⁴⁰ Случаи, когда освобожденные рабы принимали родовое имя бывших господ, известны со времен античности. Встречались они и в средневековой Тане. См., например: Doumerc B. Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle // Le Moyen Âge. 1988. T. 94, N 3/4. P. 259.

⁴¹ ASV. Notarili, Testamenti, 826, N 48: 5/XII 1450.

⁴² Berindei M., Feinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane ...

Раздел II

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Ю.В. Арутюнян

РУССКИЙ ЭТНОС: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Важность темы статьи очевидна. Ведь русский этнос во многом «климато-образующий» для настоящего и будущего и не только России. Осмысление сущности демографических изменений и расселения русских важно для понимания переживаемых общих социально-этнических процессов как в границах нашего государства, так, в известном смысле, и за его пределами.

В числе масштабных в этом плане перемен бросается в глаза то, что пространственное распространение русских, заданное в XIV–XV столетиях утверждением российского государства и охватившее к XIX–XX вв. обширнейшее евразийское пространство, на наших глазах стало обретать контрастные перемены. По сути, веками расширявшиеся границы расселения русских в сжатые сроки уплотнились. Симптомы таких изменений исторически как бы символизировались переименованием в свое время Российской империи в Союз республик – СССР, а в наше время в Российскую Федерацию. Хотя в сталинскую эпоху республики – союзные, а тем более автономные, – носили скорее символический характер, сама эмблема «союзных государств», а потом и амбиции пробуждавшихся там элит, настраивали их на ожидание и претензии, что в ситуации намечавшейся демократизации стало приобретать реальный смысл.

В новообразованных государствах, окаймляющих теперь Россию, русские, в прошлом воспринимаемые в образе «старшего брата», вдруг стали обретать непривычные для них ролевые функции «национальных меньшинств». Конечно, есть все основания считать, что, условно говоря, культурные границы достаточно широко цивилизованного «русского мира»¹, как французского или английского, не совпадают с границами государственными. Но все же это не снимает (если не сразу, то в перспективе) необходимости для русских, вдруг оказавшихся как бы за пределами в прошлом «своего государства», адаптации к доминирующей, теперь уже достаточно чужой – инонациональной для них среде и, соответственно, освоения ее культуры, языков и норм образа жизни.

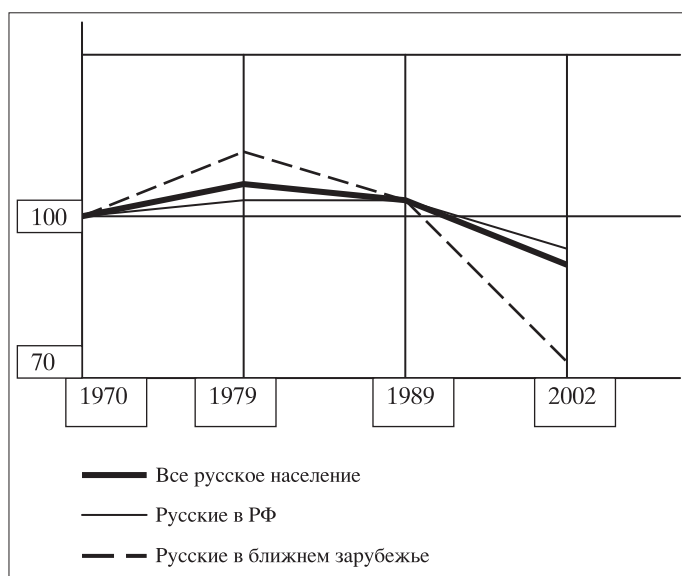
Ситуация, связанная с распадом СССР, нередко осложняемая этническими конфликтами, естественно, не могла не сопровождаться волной миграционных перемещений русских. В странах СНГ и Балтии за десять с небольшим лет – с 1989 по 2000 г. (в раунде) – русское население сократилось

почти на одну треть – с 25,2 млн человек до 17,8 млн. Значительная часть русскоязычных мигрантов ближнего зарубежья, естественно, переместилась в Россию. По зафиксированным отечественной статистикой, по-видимому, неполным данным, миграционный прирост населения в РФ в 1992–1998 гг. составил около 4,5 млн человек, в основном по национальности русских (75%). (В последующие 2000–2006 гг. наступил спад массовой миграции, отток населения из стран ближнего зарубежья в РФ сократился до 680 тыс. человек, среди которых свыше 400 тыс. человек были русскими².)

Процессы депопуляции русских, исключительно острые в странах ближнего зарубежья, хотя не с такой интенсивностью, но достаточно явно проявлялись и «дома», в самой России. В результате оказалось, что миграционный приток русских из стран ближнего зарубежья никак не покрывал здесь в РФ их естественной убыли. Впервые за все годы, фиксируемые послевоенными переписями, именно теперь русское население стало повсеместно сокращаться (табл. 1).

Вот графическое изображение зафиксированных в таблице изменений происшедшего перелома в динамике русского населения.

Динамика численности русского этноса с 1970 по 2002 г.

В итоге, как отражено в графике, несмотря на существенный приток русских извне, их численность в самой России по данным переписи 2000 г. сократилась на 4 млн человек. Удельный вес русских в населении страны 2002 г. составил 79,9%, вместо 81,5% в 1989 г.³ Депопуляция русских по регионам была далеко не одинакова. По интенсивности убыли населения в России заметно выделились Северо-Кавказские республики, где контрастно, по сравнению с их коренными национальностями, численность русских снизилась – особенно в Ингушетии, Чечне и Дагестане. Если на Северном Кавказе убыль русских с лихвой возмещалась коренными национальностями, то на Дальнем Востоке население как русское, так и нерусское сократилось почти на одну пятую (19%), включая русских (15%) без всякого «возмещения». В целом, в азиатской части России население уменьшалось значительно быстрее, чем в европейской. Тогда как в европейской части с

Таблица 1

Русские в России и странах ближнего зарубежья (по итогам переписей населения)

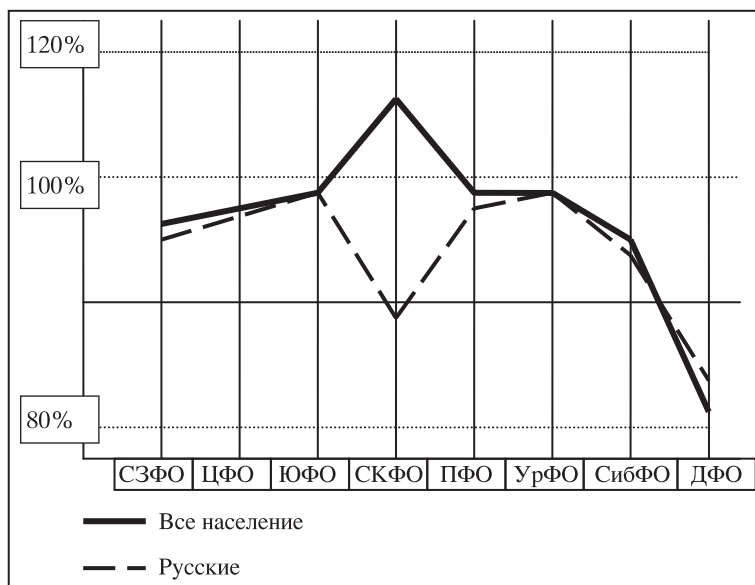
	1979		1989		2000 (в раунде)	
	Тыс. чел.	В % к 1970 г.	Тыс. чел.	В % к 1979 г.	Тыс.чел.	В % к 1989 г.
Все русское население	137 397	106,7	145 162	105,7	133 731	92,1
в том числе в России	113 522	105,4	119 866	105,5	115 889	96,7
в странах СНГ и Балтии	23 875	112,1	25 296	106,0	17 842	70,5

Источник: Рассчитано по материалам: Итоги переписи населения в странах Содружества Независимых Государств (раунд 2000 года): статистический сб. М., 2006. С. 171, 178, 204, 210, 230–234, 264, 268, 279, 283, 314, 316, 344, 346, 416, 418, 446, 447, 458, 464, 470; Population and Housing Census. Tallinn, 2001. Vol. II. P. 64; Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007, С. 75; Русские. Этносоциологические очерки / Автор программы и руководитель исследования Арутюнян Ю.В. М., 1992. С. 19, 449.

1989 по 2002 г. оно было почти стабильно, в азиатской численность его стала меньше почти на 8% (7,8)⁴. Представляется, особую тревогу государства должен был вызвать спад численности населения на Дальнем Востоке, где, по мнению академика П.А. Минакира, директора Института экономических исследований Дальнего Востока, может оказаться «весьма реальной угроза трансформации экономики Дальнего Востока в сегмент общекитайского рынка, ...сырьевую базу китайской промышленности»⁵.

Происходящие этнодемографические изменения по регионам РФ отражены в предлагаемом графике.

Численность населения Федеральных округов РФ в 2002 году по сравнению с 1989 годом (численность всего населения и русских по каждому ФО принята в 1989 году за 100%)

Данные рассчитаны по материалам: Итоги переписи населения в странах СНГ. М., 2006. С. 366, 373; Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. Т.1, ч. 1. С. 11–34.

Резкое изменение общей численности русских было связано не только с их миграционной динамикой, но и с естественной депопуляцией, вызванной в значительной мере низкой рождаемостью. Среднее число детей на одну женщину по статистическим данным в РФ давно упало ниже норм, необходимых для естественного воспроизводства населения. В 1988–1989 гг. оно на одну женщину в России составляло 2,07 человек, а в 2007 – 1,41⁶. Тогда как рождаемость на одну женщину для простого воспроизводства населения должна составлять не менее 2,3 человека⁷. Этнические различия в значительной мере объяснялись детностью – у русских она была самая низкая. По данным переписи 2002 г. на одну русскую женщину в России приходилось 1,44 детей, на армянку – 1,68, на татарку – 1,71⁸, что во всех случаях было далеко до нормального естественного воспроизводства. Робкие попытки материального стимулирования детности, по мнению специалистов, не могут привести к существенным переменам. В целом по прогнозу Федеральной службы статистики РФ к 2025 г. сокращение населения РФ в трудоспособном возрасте составит 16,7 млн человек, т.е. почти четверть занятых сейчас в экономике страны⁹.

Социально-демографическое прогнозируемое ожидание делает очевидным, что если не сейчас, то в перспективе возрастет необходимость использования внешних источников для восполнения демографической убыли населения. С преодолением переживаемого экономического кризиса необходимость пополнения трудовых ресурсов страны, безусловно, обострится. Ответить этим потребностям, особенно в таких «малокомфортных» регионах, как Дальний Восток, за счет русскоязычных мигрантов из стран ближнего зарубежья, пока мало реально. Такого рода попытки, даже в более благоприятных, чем Дальний Восток, регионах, при ограничении средств материального стимулирования мало к чему привели. Специальные правительственные решения о перемещении русскоязычного населения оказались нерезультативными. В 2008 г. вместо намеченных 85 тыс. переселенцев-соотечественников из ближнего зарубежья в Россию мигрировали всего около 8 тыс.¹⁰ Пробуксовка переселенческой политики делает совершенно очевидной необходимость активного стимулирования пополнения людских ресурсов страны и неизбежность использования при этом внешних источников. В такой ситуации лозунг «Россия для русских», справедливо оценен В.В. Путиным, как придуманный «придурками» или «провокаторами»¹¹. Необходимость разумного стимулирования интегративных процессов осознана властными структурами.

В реальной жизни в РФ уже очевидны симптомы формирования интегративного типа россиянина, в котором как бы совмещаются наследуемые культуры взаимодействующих этногрупп. Более активные среди них чаще ассоциируют себя не со своей этнической принадлежностью, а с полиэтническими образами «россиянина», «европейца», «человека мира». Это обнаружилось достаточно четко и при исследовании русских. Приоритет своей этнической принадлежности характерен примерно для половины русских: в Краснодаре – 54%, в Москве – 44%. Другие в подавляющем своем большинстве (соответственно 39–40%) чувствуют себя «россиянами» и немногие (4–8%) условно говоря, «глобалистами», точнее «европейцами», «людьми мира» (остальные затруднились сделать выбор). Группы с самосознанием россиянина заметно выделялись – активным возрастом, образованием, отно-

Таблица 2

Социально-демографические характеристики русских
(в % к общему числу выделенных групп)*

Характеристики	г. Москва, всего русско- го населения	В том числе групп:		
		«этнофоров»	«россиян»	«глобалистов»
В возрасте 18–49 лет	62	52	71	79
С высшим образованием	40	28	36	50
Специалисты, руководители, пред- приниматели	40	35	46	58
Характеристики	г. Краснодар, всего русско- го населения	В том числе групп		
		«этнофоров»	«россиян»	«глобалистов»
В возрасте 18–49 лет	61	55	67	81
С высшим образованием	21,5	19	24	28
Специалисты, руководители, пред- приниматели	25	21	28	48

* Группы по приоритету в самосознании «этнофоров», «россиян», «глобалистов» выделялись в частности по ответам на вопрос: Кем Вы себя больше чувствуете – «русским», «россиянином», «европейцем», «человеком мира)?
Здесь и в следующей таблице (№ 3) приводятся материалы по исследованию, выполненному по регионам РФ в 2000-х годах. О методике исследования и выборки см.: Арутюнян Ю.В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. М., 2007. С. 3–11; Русские. Этносоциологические очерки. С. 452–462.

сительно статусными занятиями – по сравнению с теми, кто ограничивался доминантой (приоритетом) своей этнической принадлежности (другими словами, образами «этнофоров», т.е. носителями этнического – по В.В. Пименову) (табл. 2).

Выявленные исследованием относительно активные группы «россиян» и «глобалистов» отличались от «этнофоров» более благоприятными установками в межнациональных отношениях и большей этносоциальной толерантностью (табл. 3).

В целом в обследованных регионах на данном этапе очевидно проявление интегративных межэтнических ориентаций, благодаря чему постепенно утверждается общероссийская, по сути гражданская, идентичность и формируется коллективный образ россиян. Преодоление порой в значительной мере искусственной этнонациональной дистанции в сознании и культуре – результат политики, эффективность которой во многом зависит от социальной зрелости общества. Нельзя уйти от того, что и сейчас иногда заметны в России агрессивные националистические настроения. Они тормозят и мешают межнациональным интегративным процессам. Даже по официальным данным, преступность, связанная с проявлениями жесткого этнонационализма, в 2000-е годы не ослабевала. Достаточно сказать, что до 2% москвичей-русских сочувствовали скинхедам, до 15% относились к ним «безразлично», иными словами, не противостояли своими внутренними установками. Это говорит о резервном потенциале националистической идеи, которая может быть актуализирована, если общая ситуация в стране будет складываться неблагоприятно. Ведь судя по данным Москвы и Краснодара, в менталитете

Таблица 3
Социально-этнические ориентации русских

А. Этнонациональные ориентации				
Относятся позитивно к:	Взрослое население	В том числе		
		«этнофоры»	«россияне»	«глобалисты»
г. Москва				
русским	94	94	94	94
армянам	66	60	70	73
евреям	71	62	77	85
азербайджанцам	50	43	55	60
чеченцам	41	32	42	60
г. Краснодар				
русским	98	98	98	98
армянам	83	80	80	86
евреям	79	77	80	92
азербайджанцам	67	н/д	н/д	н/д
чеченцам	49	н/д	н/д	н/д
Б. Социально-политические ориентации				
Относятся позитивно к:	Взрослое население	В том числе		
		«этнофоры»	«россияне»	«глобалисты»
г. Москва				
предпринимателям	54	47	57	59
банкирам	38	31	33	42
коммунистам	23	28	18	18
г. Краснодар				
предпринимателям	61	51	68	87
банкирам	31	28	29	61
коммунистам	31	38	25	11
<i>Источник – см. примечание к табл. № 2.</i>				

населения и сейчас выражены консервативные настроения и негативные национальные ориентации. Так, среди русских 64% москвичей и 61% краснодарцев отрицательно относятся к инонациональным мигрантам, считая, что они «могут осложнять» обстановку. К пребыванию таких групп в России они относятся отрицательно. Противоположной точки зрения придерживаются немногие – соответственно только 16% и 19%¹².

Естественно, поэтому «курс на постепенное разгосударствление и деполитизацию этнических и межнациональных отношений, на ослабление... национальной принадлежности в пользу множественной и многоуровневой этнической идентичности», о чем писал В.А. Тишков много лет назад, и сейчас остается «в плане стратегического приоритета»¹³. Реализация этого курса определяет межэтническую интеграцию при сохранности относительно устойчивого этнического самосознания.

Схема 1
Взаимодействие этносов: интеграция
или дезинтеграция

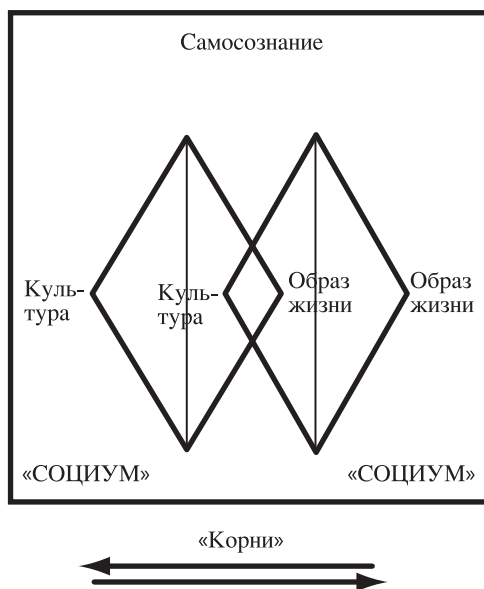
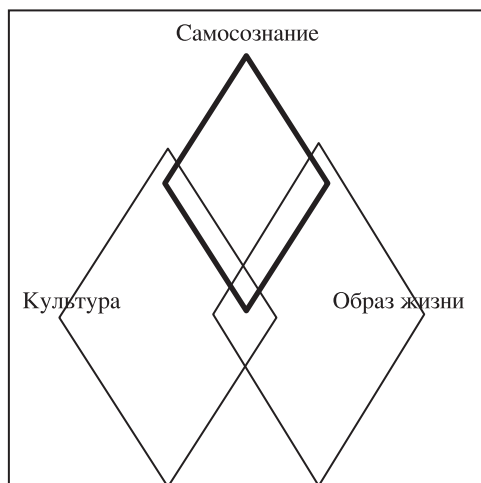

Схема 2
Надэтническая общность

Объективно востребованный, этот процесс имеет достаточные жизненные основания. Этносы вступают во взаимодействие, что, в конечном счете, обуславливает в разной степени выраженную межэтническую интеграцию, заметную в культуре и образе жизни. Дифференциация в этническом самосознании при этом наиболее устойчива (схема 1).

В итоге, исторические судьбы во многом определяют динамику разных по происхождению этнообразований. По логике модернизации современного общества «этнические ромбы» сближаются, что, однако, далеко не неизбежно. В общих процессах такого направления вполне очевидно, как показывает практика, размежевание, столкновения, конфликты, столь частые в современном мире.

Но на определенном этапе цивилизационного развития, хочется думать, преобладают интегративные тенденции, что может предполагать в перспективе формирование новых «надэтнических» общностей со сходными чертами в культуре, образе жизни, а в конечном счете и в самосознании (схема 2).

Именно это реальный путь восполнения «демографического дефицита», неизбежного для русских как современного европеизируемого этноса. Таким образом, межэтническая интеграция не отрицает созидательного этнического потенциала, а, наоборот, пробуждает и стимулирует его. Для современных активных этносов такой исход неизбежен. И российское общество не составляет здесь исключения.

¹ Тишков В.А. Русский мир // Русский язык в странах СНГ и Балтии, М., 2007. С. 68–80.

² Демографический ежегодник России: официальное издание. М., 1999. С. 354–357; 2001. С. 370–371; 2007. С. 498.

³ Итоги переписи населения в странах Содружества Независимых Государств (раунд 2000 года). М., 2006. С. 380, 382.

⁴ Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России 1897–2007. М., 2007. С. 20.

⁵ Минакир П.А. Россия–Китай на Дальнем Востоке: неожиданная угроза или грозное ожидание // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 99.

⁶Население России. 2007 / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2009. С. 167.

⁷Гундаров И.А. Демографическая катастрофа России: причины и пути преодоления // Почему вымирают русские. М., 2004. С. 115.

⁸Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2005. Т. 12. С. 658–663.

⁹Мукомель В.И. Вызовы иммиграции // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Казань, 2009. С. 138.

¹⁰Русский век. 2009. № 3(17). С. 14.

¹¹Русский национализм в политическом пространстве. М., 2007. С. 170.

¹²Арутюнян Ю.В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. М., 2007. С. 43; Он же. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 96.

¹³Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 281.

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

События на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 г. заставили власть и общество глубже взглянуть на проблемы межэтнических взаимодействий в нашем обществе. Премьер-министр В.В. Путин поехал вместе с футбольными болельщиками к могиле Свиридова. Президент Д.А. Медведев заговорил об этом на первом же заседании Государственного Совета после этих событий и 11 февраля 2011 г. провел специальное заседание Президиума Госсовета о мерах укрепления межнационального согласия. Он считал необходимым рассматривать «вопрос сохранения межнационального единства как важнейший вопрос, потому что без межнационального единства у нас не может быть государства»¹. И в то же время он призвал не драматизировать ситуацию.

Действительно, массовое сознание довольно противоречиво. Последние этносоциологические исследования (март 2011 г.) отражают достаточно высокое неприятие людьми радикализма в этнической сфере – 89% русских и столько же людей других национальностей считают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо». Но в то же время 41% были согласны с мнением «Все средства хороши для защиты интересов моего народа»². Реальность заставляет и научную общественность по-новому взглянуть на свои выводы.

Российские ученые не раз замечали, что воспринимаемые у нас западные оценки социальных явлений нередко рассматриваются в качестве реальных, тогда как там они уже пересматривались или ущербно интерпретировались. Так произошло и с рядом теоретических выводов, которые осмысливались в терминах «этничности».

Одним из них был вывод о том, что этничность теряет значение в условиях глобализации. Между тем, в ряде последних публикаций сами западные ученые утверждали, что этнический национализм «далек от смерти», и показывали, как политики успешно используют этнические чувства для политической мобилизации, особенно в связи с антииммигрантскими настроениями³.

Надо сказать, что исследования отечественных этносоциологов тоже не давали оснований забыть об этничности. И не только потому, что у небольшой части нашего населения сохраняются этнические предубеждения, чем активно пользуются политики радикального направления, а в районах с постконфликтной ситуацией на Северном Кавказе сохраняется тревожащий уровень этнической мобилизации. Этническая идентичность как у русских, так и у людей тех национальностей, которые дают название республикам, не только остается столь же распространенной, что и десять лет назад (у 80–90% населения и более), но и у очень значительной части наших граждан сохраняется ощущение «сильной связи» с людьми своей национальности. По данным Европейского Социального исследования, подобные ощущения сохраняются более чем у 60% русских. Последние исследования Института социологии РАН⁴ по всероссийской выборке в 2011 г. показали,

что 82% опрошенных относят себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности», и 79% полагают, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности». Всё это дает основание полагать, что исчезновение этничности в условиях глобализации – скорее «миф», чем реальность. Не только социальная реальность корректирует ее, очевидно, и сама глобализация может ее стимулировать. Ведь именно с ней связано свободное перемещение капитала, а за ним и рабочей силы, которая в значительной мере культурно разнообразна и рождает сопоставление: «мы и другие».

Глобализация означает переток информации, а получаемые новые знания о других тоже рожают сопоставления, подпитывают чувства относительной депривации, если люди ощущают, что живут хуже других, в других случаях фобий перед чем-то иным, незнакомым или, наоборот, желаемым, но недосыгаемым, и тогда тоже ищут виноватых в «своих бедах» из других стран и культур. В этих условиях этническая идентификация постоянно подпитывается. Но как? В понимании этого процесса у нас уже более десяти лет поддерживается миф, родившийся из-за искаженной интерпретации идей наших зарубежных теоретиков о конструировании этничности.

Известно, что у нас с трудом утверждалось понимание этничности как конструкта. И скорее всего именно потому, что преподносилось в «том смысле, который нынче так распространен», как выразился об этом Томас Лукман в интервью главному редактору журнала «Социология и социальная антропология». У нас это воспринималось как социальное конструирование этничности «этническими антрепренерами». А. Лукман говорил, что их концепция «основывалась на идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида». Теоретическим обоснованием их синтеза является феноменология жизненного мира (Гуссерель, Шютц). По Шютцу же, «мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью, в своем социальном мире»⁵.

Для П. Бергера и Т. Лукмана социальный мир – сконструированная объективность, а общество – субъективная реальность⁶. П. Бурдьё, рассуждая об объективистском и субъективистском подходе, делает вывод: «... оба подхода... находятся в диалектической связи». Используя его, интерпретируем этнополе, с одной стороны, как «конфигурацию социокультурных процессов, практик (структура)», а с другой – как результат социального конструирования самими людьми, приобретающий характер структуры по отношению к входящим в этнополе индивидам⁷.

Таким образом, миф о возможности понимания этничности через конструктивистский подход, который сам по себе был очень важным, корректировался, а практики изучения этнически маркированной социальной реальности стали изучаться там, где это было необходимо, через «конструктивистский структурализм».

Этот подход, на мой взгляд, может быть эффективным и для изучения российской идентичности. Ее социологическое изучение прежде всего сделало необходимым разделить понимание ее на государственную и гражданскую идентичности⁸. Первая мыслится как отождествление людей с госу-

дарством, с людьми, живущими на данном государственном пространстве, как представления и переживания, связанные с этой общностью и готовностью действовать во имя нее. Гражданская идентичность – это отождествление себя именно с гражданами страны, с гражданской общностью, представления о ней и связанные с этим переживания, как ответственность за судьбу людей в стране, готовность действовать в связи с этим.

В одних случаях идентификация себя с Россией – это только государственная идентичность, в других – это идентификация себя с политической нацией, с согражданами. Именно поэтому во время опросов мы стараемся развести эти понятия через систему идентификаторов. Но в целом пока можем говорить в общей форме как о национально-гражданской, так и о государственно-гражданской идентификации.

Ни для кого не секрет, что гражданское общество у нас еще только формируется. И акты гражданской активности⁹, хотя и совершенно очевидны, но пока не массовы. Отсюда критики использования понятия «гражданская идентичность» и «политическая нация» применительно к российским гражданам рассуждают о нашей гражданской идентичности скептически, как о своего рода создаваемом мифе.

Естественно, гражданская идентичность, равно как политическая российская нация, – конструкт. Но каркас этой конструкции очевидно достаточно успешный для его инициаторов¹⁰. В ходе реализации нашего проекта «Российская идентичность в Центре и регионах» Е.М. Арутюнова, анализируя выступления В.В. Путина, показала, как наполнялся этот каркас изменяющимся идеологическим содержанием. Сравнивая мнения и установки населения по материалам наших исследований с данными Левада-Центра, можно заключить, что основания для соответствия декларируемых политической элитой идей и осознаваемыми людьми потребностями реальной жизни имелись (сильное государство, обеспечение благосостояния и безопасности, гордость культурой и историей).

Данные Европейского Социального исследования за 2008 г., Российского мониторинга, экономического положения и здоровья населения 2006 (РЛМЗ) показывали, что не менее 65–68% населения ощущали себя российскими гражданами. По данным исследований под руководством М.К. Горшкова, в 2009 г. с россиянами себя идентифицировали 85% опрошенных. Правда, данные не только Института социологии, но и Института этнологии и антропологии РАН, проекта «Будущее России» (на 2006 г.) выявляли достаточно большое разнообразие доли людей с такой идентичностью. В каких-то районах с доминирующим русским населением с россиянами себя идентифицировали до 80–90% (Томск, Екатеринбург, Якутия), в других – до 70% и более (Калининград, Владивосток), а в Чеченской Республике – 35%.

Важно еще и то, что «для того, чтобы считаться настоящим россиянином», респонденты считали важным иметь «чувство ответственности за страну» (88%), быть патриотом, любить Россию (88%). Причем 67% считали эти характеристики «очень важными». Свыше 80% гордились природными богатствами и более 70% – историей России. Но тем, что создается живущим поколением (образование, успехи в науке), гордились заметно меньше¹¹. Таким образом, есть известный потенциал формирования гражданской идентичности, в том числе критической направленности. Более того, избавиться от мифа об отсутствии не только государственной, но и гражданской иден-

тичности основания имеются. Однако и с новыми идеями возникают немалые трудности.

Тематический репертуар методологических подходов к пониманию нации за последние четверть века сменился, по меньшей мере, дважды. Не успело российское научное сообщество прийти к некому общему представлению о политической нации как «общности граждан», как была выдвинута идея возможности понимания политической нации как «нации наций»¹² – по модели испанской нации, т.е. нации каталонцев, кастильцев, басков. Теперь еще предстоит изучить интерпретацию и восприятие такого толкования среди ученых и политиков в регионах и центре.

Другой методологический вопрос, требующий изучения: каков социально-культурный субстрат консолидации, на который опирается российская идентичность в конкретных этнокультурных сегментах общества, а именно в среде русского большинства и других российских народов и в адаптирующихся мигрантских группах. Для формирования гражданской идентичности важно, насколько изживаются противопоставления групп на основе «имперского синдрома» в идеологии и психологии большинства. В то же время применительно к людям тех национальностей, которые дают название республикам, индикатором гражданской идентичности будет преодоление «постколониального синдрома» и отношение к этническим меньшинствам в республиках. Для новых же иммигрантов, желающих остаться в России, актуальным будет их готовность к политической, культурной и структурной адаптации.

Сегментом, требующим специального рассмотрения, являются группы населения, явно или латентно заинтересованные в укреплении гражданской идентичности и интеграции российской общности. Это могут быть представители транснационального бизнеса, которым этноцентричная территориальная бюрократия не способствует в развитии деловых контактов, специалисты-интеллектуалы, заинтересованные в культуре без границ; это могут быть люди русской и не только русской национальности, у которых совмещается сильная этническая идентичность с сильной гражданской. Наконец, к ним могут относиться те адаптировавшиеся в России бывшие и новые иммигранты, для которых «не быть иными», а являться просто москвичами, саратовцами, питерцами и, естественно, россиянами, комфортнее.

Эти в чем-то новые подходы родились на основе анализа социальной практики, но они требуют специальной разработки. Осуществляться она может только на конкретных группах в регионах с различной социально-политической, экономической и культурной ситуацией. Представление ряда отечественных и западных ученых о том, что российской научной традицией является описание этносоциальных проблем (или «расизма», как говорят в некоторых частях западного мира) через отношение между большими группами – «нациями» или «этносомами», – является «мифом». Такой оптический ракурс давно ушел из исследовательского поля. Объектом изучения в этнической социологии является этническая группа в конкретном пространстве, в конкретное время. И изучение ее идет через личность.

Возможно, оппоненты обращали внимание на то, что социологи выясняют установки на готовность к общению в разных сферах взаимодействия, отношения к представителям конкретных этнических групп. Такая традиция существует в мировой социологии со времени исследований Томаса и

Знаниецкого. Но, как правило, изучая установки, мы всегда ставили вопросы и относительно реальных ущемлений, дискриминации по принципу этнического происхождения (при приеме на работу, на учебу, продвижение по службе, а теперь и в доступе при найме квартир и т.д.). Фиксация таких явлений как раз и дает возможность оценивать распространение избирательного отношения к людям по их этническому происхождению, по принципу равенства–неравенства.

А вот в чем правы наши критики, концентрирующие внимание на проблемах «исключения», «избирательного» отношения к людям по расовому или этническому происхождению, так это в том, что в исследованиях российских ученых редко выдвигаются (а чаще вообще не ставятся) вопросы, насколько «ущемления» и «исключения» превращаются в норму, в принятую форму поведения в нашем обществе, и как они характеризуют это общество. Еще совсем недавно встретить объявление о сдаче или найме помещения с упоминанием желаемой национальности было редкостью, а теперь это случается наиболее часто. Но, к сожалению, открыто обсуждаем мы эти явления редко.

Так, обсуждаются случаи насилия на этнической почве. Безусловно, то, что привлекают внимание к экстремистским проявлениям естественно и необходимо для поддержания безопасности в наших городах и селах. В 2009 г., по данным «Совы», произошло 90 убийств на почве национальной неприязни. Это даже чуть меньше, чем в предыдущие годы, потому что судебные решения чаще стали завершаться обвинительными актами, но в то же время создавать представление о состоянии межэтнических отношений на основе этих экстремальных проявлений, означает тоже формировать определенный миф.

Ведь общий климат межэтнических отношений не может характеризоваться только экстремальными фактами. Исследовательские центры, которые работают в соответствии с международными правилами проведения социологических исследований, проводят опросы. Эти материалы и исследования Института социологии, социологов из регионов с анализом происходящих в стране событий дают возможность всесторонне оценить ситуацию в этой сложной сфере межличностных отношений.

По данным систематических опросов Левада-Центра, негативные межэтнические установки удерживались в последние годы примерно у трети населения. Исследования Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН в Москве и в ряде регионов страны фиксировали примерно такие же показатели. Хуже фиксировались такие установки в отношении иммигрантов, мигрантов иной этнической принадлежности для принимающего населения. Но даже если сравнить долю людей, наиболее радикально настроенных против приема инациональных мигрантов, то в России, по данным Европейского Социального исследования, она составляла 28–24% в 2006–2008 гг., так же как в Чехии или Эстонии. Эти данные были хуже, чем в Великобритании, Франции, Германии, но лучше, чем в Венгрии, Израиле, Португалии и Испании. Но, конечно, надо не забывать про очень большое разнообразие ситуаций, в которых отношения осмысливаются в терминах этничности (национальной принадлежности).

В 2008–2009 гг. реализовывался проект «Иммигранты в России» (рук. В.И. Мукомель) через Российский мониторинг экономического положения

и здоровья населения (РМЭ). Репрезентативный опрос показал, что 45% опрошенных поддержали точку зрения, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах. Это некая общая позиция к иному, возможному конкуренту на работе или соседу по дому. Соседями чаще всего не хотят видеть именно приезжих из Закавказья, Северного Кавказа или Средней Азии (46–48%).

Любопытно, что настроены против инациональных мигрантов чаще всего те, кто опыт контактов с ними не имел. А вот тот, кто имел дело с наймом таких работников, говорят: «И выгодно, и деваться им некуда, и не воруют». Выполнение ими работы в срок, честность, порядочность, исполнительность отмечали 73–82% респондентов, нанимавших мигрантов¹³.

В последние годы за рубежом и у нас в стране обсуждается вопрос об индикаторах, фиксирующих характер межэтнических предубеждений. Существует мнение, что население в современном мире часто не высказывает негативного отношения к людям иной культуры, цвета кожи, поскольку в обществе осуждается избирательное и тем более враждебное отношение к ним, и граждане знают, что их вежливое поведение должно соответствовать идеалам равенства и справедливости. Именно поэтому в опросные листы помимо известной шкалы Богардуса, а иногда и вместо нее вводятся вопросы, фиксирующие так называемые «вежливые, “тонкие”» виды предубеждений (Т. Петтигрю, Р. Мертон). Это выражается в том, что этнические предубеждения осуждаются респондентами, но ими поддерживается протест против предоставления этническим, расовым меньшинствам привилегий с целью преодоления неравенства (меньшинства, «территории с иноэтничным населением, получают от государства слишком много»), а также против оказания специальной помощи. Так, С. Гартнер и Д. Довидно полагают, что люди на рациональном уровне могут верить в расовое равенство и одновременно испытывать неосознаваемую неприязнь к расовым меньшинствам (аверсивный расизм)¹⁴.

Кроме того, существуют так называемые амбивалентные предрассудки. Люди имеют одновременно и позитивные, и негативные аттитюды к этническим меньшинствам. Хотя со времен Адорно мы знаем, что, если люди испытывают предубеждения к людям одного этнического происхождения, в иных ситуациях они будут испытывать их к другим. Аверсивный или амбивалентный расизм оправдывает дискриминацию каким-то иным способом, например профессиональной непригодностью, защитой культурных ценностей, преувеличением культурных различий (Т. Петтигрю, Р. Меертенс).

Остановлюсь еще на одном мифе в нашей области исследований. Предубеждения, негативные установки именуют у нас чаще всего теперь ксенофобией. Я так же, как некоторые исследователи (А. Осипов), считаю, что это понятие «служит дурную службу». Фобии – это страхи, психологическое состояние. Но то, что негативное отношение к иным определяется только страхами, – тоже миф. Причем миф, который способен прикрывать истинные причины неблагополучия в обществе, которые проецируются в сферу межэтнических взаимодействий. И события на Манежной площади в Москве в связи с гибелью Е. Свиридова 11 декабря 2010 г. только еще раз подтвердили это.

При изучении предубеждений обращение к психологическим фактам, к так называемым «тонким формам», не избавляет нас от необходимости выявить и дать оценку положения групп, находящихся в условиях жесткой эксплуатации, выявить, осмысливается ли оно в категориях этничности, оценивается ли и связано ли с этническим представительством социальное неравенство, позиции социально-профессиональных групп в конкретной городской (сельской) среде, имеет ли место социальное исключение по признаку этнического происхождения, наконец, кто попадет в ситуацию «козла отпущения», приписываются ли людям социальные характеристики в связи с их этничностью.

Довольно сложные вопросы встают в связи с пониманием и интерпретацией дискриминации на этнической или расовой основе. Дискриминацией считается проведение различий между людьми, находящимися в одинаковом положении или имеющими одинаковые социальные характеристики. При этом же надо доказать, что проведение различий носило необоснованный характер. Нередко с такой ситуацией мы сталкиваемся при назначении, скажем, на престижные места в вузах (профессора, заведующие кафедрой). В индивидуальных случаях очень трудно дать обоснование дискриминационных практик, например, в Карачаево-Черкесии или Кабардино-Балкарии. Но если сопоставить реальные назначения с социально-профессиональными характеристиками претендентов на протяжении нескольких лет, то существует возможность объективной оценки.

Анализируя идеи, дискурсы, политические решения, социальные практики, в том числе аттитюды, стереотипы, дискриминационные действия, включая и агрессивные проявления, – в целом мы имеем основания дать оценку состоянию системы, общества. Скажем откровенно: нередко мы уходим от этих общих оценок.

Социальные неравенства не уменьшаются, в них присутствует этническая составляющая. Но в то же время существует опасность и расширения границ видения этнического, этнического окрашивания проблем. В последнее время особенно очевидно это было в намеренном завышении данных о преступлениях иммигрантов. Нельзя допускать, чтобы один чиновник во всеуслышание заявлял, что у нас больше половины преступлений совершается иноэтничными приезжими иммигрантами, а директор миграционной службы Ромадановский официально сообщает, что только 3,5%. Преступления проявляются в виде конкурентной «разборки», а его интерпретируют как преступление на этнической почве.

В Татарстане половина населения – татары, и не все из них придерживаются исламского вероисповедания, а всю республику называют исламской. В Москву приезжает глава одной из северокавказских республик с открытой вооруженной охраной, что само по себе очень приятно, но в эфире говорят об оккупации Москвы северокавказцами. Стигматизация, приписывание ведут к печальным социальным последствиям. У нас вообще сместился весь фокус исследований на проблемы, связанные с быстрым и в 1990-е годы значительным притоком иноэтничных мигрантов. Это явление характерно и для стран Запада. Но у нас кроме мигрантов живет в разных концах России многокультурное население. На разных конференциях, круглых столах постоянно раздаются призывы к правительству декларировать политику в

отношении людей разной этнической принадлежности. Такая политика, если внимательно присмотреться, все же прослеживается – это политика деполитизации этничности.

Это проявлялось во многих вещах, начиная с принятия Конституции 1993 года, когда республики стали называть просто республиками, а не национальными. В 2000-х имели место постановления Конституционного суда, которые отменили суверенитет республик. Отмена так называемого национального компонента в школе, отказы от президентских постов в республиках РФ относятся к той же тенденции. Мы постепенно уходим от понятия «этнический федерализм». Все конституции республик приняты от имени граждан республик, а не от имени титульной этнической группы. Опыт показывает, что отмена суверенитетов и укрепление вертикали власти никаких массовых протестов не вызвали.

Изменилась и сама федеральная власть. Укрепление ее всегда способствует тому, что претензии территорий сокращаются. Какие-то из этих претензий на «этническую государственность», которые получили закрепление в региональном законодательстве, не нашли подтверждения и реализации для повседневной жизни людей. Люди были разочарованы и не встали на их защиту, когда центр выступил за их отмену.

В результате всех этих событий у нас произошла заметная деполитизация этничности. Но это оказалось связано и с изменением федеративных отношений. И здесь не все было сделано рационально. Слишком высокая централизация, осуществленная за счет укрепления вертикали власти, привела к тому, что, если в советские времена наш федерализм был декларативным, то сейчас он стал просто имитационным. Его даже не декларируют. Но постепенно и центральная власть начала осознавать минусы завышенной централизации. В последнее время ряд функций снова передан на места. Правда, средств регионам не выделили, поэтому бюджетный федерализм все время трещит по швам и подвергается критике со всех сторон.

Надо открыто сказать, какова будет политика в социальной и культурной сфере и прежде всего для людей разной этнической принадлежности; как намерено правительство реализовывать правовые нормы, содержащиеся в Конституции 1993 г. и в международных документах, ратифицированных нашим государством. Без этого правовые нормы не будут восприниматься реальностью.

¹ [http://state:Kremlin.ru/state.council/10312](http://state.Kremlin.ru/state.council/10312)

² Исследование Института социологии РАН «20 лет спустя». Руководитель М.К. Горшков. Автор статьи является участником проекта. Исследование проведено по всероссийской выборке при поддержке фондов Ф. Эберта и М. Горбачева.

³ *Мюллер Дж.* Мы и они // Россия в глобальной политике. 2008. № 3.

⁴ Исследования 2011 г. / Под рук. М.К. Горшкова «20 лет спустя».

⁵ *Schutz A.* Seus commun et interpretatiou scientifique de e'action hur naine // Le chercheu et le quotidien. P., 1987.

⁶ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 213.

⁷ *Бурдые П.* Начала Choses Dites. М., 1994. С. 159; *Ильин В.* Социальное неравенство. М., 2000.

⁸ *Дробижева Л.М.* Государственная и этническая идентичность, выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности / Отв. ред. В.С. Магун М., 2006. С. 12–14; *Она же.* Национально-гражданская и этническая идентичность: Проблемы позитивной

совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2008. Вып. 7. С. 218–219.

⁹ *Халий И.А.* Институты гражданского общества в современной России // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2007. Вып. 6. С. 265–280; *Карнозогова Л.М., Климова С.Г.* Суд присяжных как институт гражданского общества: Потенциал гражданского участия // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков М., 2007. Вып. 6. С. 332–350.

¹⁰ *Тишков В.А.* Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1; *Он же.* Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12.

¹¹ Данные проекта «Будущее России» 2006 г. при поддержке Иноцентра. Ресурсная группа Института социологии – Л.М. Дробижева, М.Ф. Черныш, А.Е. Чирикова.

¹² *Тишков В.А.* И русский, и российский // Вестник российской нации. М., 2009. № 2(4).

¹³ Российская газета. 2009. 13 ноября.

¹⁴ *Нельсон Т.* Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб., 2003. С. 170–175; *Биллинг М.* Расизм, предрассудки и дискриминация // Биллинг М. Социальная психология. СПб., 2007. С. 47–83.

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ РУССКОГО НАРОДА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ РАН
(1990–2010 годы)

Важнейшее место в деятельности института всегда занимали исследования по этнологии русского народа. Велись они в первую очередь сотрудниками отдела русского народа (название отдела в разные годы слегка варьировалось – с 1944 г. в структуре института существовал восточнославянский сектор, состоявший из Московской и Ленинградской частей; в конце 1986 г. московский сектор получил название сектора этнографии русского народа, в 1990 г. стал именоваться отделом).

В рассматриваемый период в институте изучались самые различные аспекты этнической истории русских, формирования народной культуры в процессе освоения новых территорий, хозяйственного освоения земель, судеб традиционно-бытовой культуры на этнотерритории русских и в этноконтактных зонах и т.д.

Было осуществлено историко-этнографическое районирование русских, исследовались особенности духовной культуры русских различных регионов (в связи с этногенезом и этнической историей), духовные аспекты аграрной культуры в новых экологических и социальных условиях. Важными направлениями исследований стали также этнография различных социальных слоев и сословий, локальных и конфессиональных групп, этнография русского города (от феодального до современного), семьи и семейных отношений в прошлом и настоящем, традиционных методов воспитания детей, статуса женщины в семье и обществе, правовой культуры, особенно обычного права, а также традиционной празднично-обрядовой, игровой культуры, прикладного и изобразительного искусства и фольклора и др.¹

Существенным достижением стало написание обобщающих трудов и сборников, посвященных русскому народу и отдельным русским регионам². В 1997 г. в свет выходит фундаментальный труд «Русские» (серия «Народы и культуры») и до 2004 г.³ выдерживает четыре издания. В книге помещены обобщающие очерки по материальной и духовной культуре, содержащие новые архивные и экспедиционные данные и по-новому рассматривающие многие аспекты историко-культурного развития. Первая часть издания показывает динамику расселения русских, антропологические и лингвистические особенности, систему жизнеобеспечения. Особенностью подхода в исследовании материальной культуры стало изучение своеобразия культурных комплексов. Специфические черты, свойственные отдельным историко-культурным группам, рассматриваются в общерусском контексте в динамике социально-экономического развития. Вторая часть книги охватывает круг вопросов, посвященных различным аспектам общественного быта, духовной культуры, народных знаний и искусства. В отличие от предыдущих трудов в настоящем издании значительное внимание уделено таким новым для этнологии русских сюжетам, как национальное самосознание и народная память, традиционный нравственный идеал и вера, народная религиозная концепция

зарождения и начала жизни, женщина в русской семье, гражданские праздники и др. При анализе современных этнических процессов акцент сделан на развитии русской диаспоры за рубежом.

В начале XXI в. тема этнографии русского народа разрабатывалась в основном в двух направлениях: 1) региональная этнография; 2) развитие самосознания русских и его отражение в народной культуре (история и современность). Велись исследования по этнокультурному развитию севернорусского, южнорусского населения и ряда районов Центральной России.

На основе многолетней экспедиционной деятельности и архивных изысканий авторов опубликована книга «Русский Север»⁴. В ней рассмотрены вопросы этнокультурного развития Русского Севера с периода его славянского освоения до последних десятилетий XX в. Особое внимание в этнической истории края обращено на происхождение и развитие народной культуры. Проведено историко-культурное районирование изучаемой территории, определено соотношение общерусских, севернорусских и узколокальных черт в культурном наследии русских северян. Очерки по этнической истории, материальной культуре, семейному быту и антропологии севернорусского населения помещены в работе И.В. Власовой «Дорогами земли Вологодской. Этнографические очерки»⁵.

Итогом многолетних полевых и архивных изысканий исследователей стал сборник статей «Мировоззрение и культура севернорусского населения»⁶. Он содержит статьи по исторической этнографии Русского Севера и продолжает традиции отечественной науки по разностороннему изучению населения отдельных регионов. Пристальное внимание уделено развитию народной культуры в ходе этнической истории Севера, на взаимодействие таких видов сознания северян, как этническое, религиозное и крестьянское.

В фундаментальных коллективных монографиях последних лет «Русские Рязанского края» и «Очерки русской народной культуры»⁷ основное внимание (в первой преимущественно на рязанском материале, во второй – на общерусском) обращено на формирование мировоззрения, исторической памяти, многовекового народного опыта и знаний во всех сторонах жизнедеятельности русских.

Двухтомная коллективная монография «Русские Рязанского края» написана на основе многолетних экспедиционных исследований, музейных и архивных изысканий, проведенных сотрудниками ИЭА РАН в Рязанском крае. Книга посвящена русской народной культуре, прежде всего сельского населения. Первый том включает главы, в которых анализируются процессы заселения края и особенности формирования населения, представления рязанцев о соотношении общерусской и региональной истории. Главы о материальном быте – хозяйстве, жилище, одежде – дополняются исследованиями о духовно-обрядовом оформлении этих компонентов культуры. Второй том монографии посвящен семье, являвшейся основой крестьянского уклада. В работе показаны также особенности религиозности русских Рязанского края и быта сословий, контактировавших с крестьянством.

В коллективной монографии «Очерки русской народной культуры» воссоздана картина региональной этнокультурной ситуации во взаимосвязи с общерусским культурным развитием.

Обширнейшая информация о расселении, быте, обычаях, религиозных верованиях и духовной культуре русского народа с X в. до наших дней содер-

жится в коллективной монографии «Русские: история и этнография»⁸. Как возник и что есть русский народ? В чем отличие русских от других народов? Какие особенности характера и быта помогли русским освоить огромные территории Евразийского материка и внести крупный вклад в развитие человеческой цивилизации? Эти и многие другие вопросы освещены в работе.

В конце 1980 – начале 1990-х годов по инициативе М.М. Громыко формируется новое не только для советской, но и для российской науки направление – православие и русская народная культура. Особенностью подхода православных ученых стало исследование православия, исходя из аутентичных оценок, когда исследователь разделяет религиозный взгляд с последователями изучаемой конфессии. Подобный подход позволяет ученому, изучающему православие как систему традиционных ценностей русского народа, объективно говорить о смысловой стороне явлений, связанных с религией.

Заявленная позиция апробировалась в течение двух десятилетий в рамках научной деятельности ИЭА РАН. Для междисциплинарных обсуждений был создан научный семинар «Православие и русская народная культура», действующий и по настоящее время. Семинар посетили десятки ученых Москвы, Санкт-Петербурга и других городов Российской Федерации. Несколько лет по итогам семинара издавался научный сборник «Православие и русская народная культура». Вышло шесть выпусков этого издания⁹.

Более массовым тиражом с 2002 г. выходит единственный в стране научный православный журнал «Традиции и современность», представляющий самой широкой аудитории православное мировоззрение научными средствами. В издании публикуются авторы – гуманитарии разных отраслей знания: этнологии, истории, археологии, культурологии, филологии, искусствоведения и педагогики. К настоящему времени издано семь номеров журнала, объем каждого из них от 14 до 18 авторских листов¹⁰.

За последнее десятилетие в издательстве «Наука» вышли три коллективные монографии по православной тематике, а также целый ряд сборников статей¹¹. Влияние православия на духовный облик народа, особенности православной религиозности в различной сословной и социальной среде рассмотрены в книгах «Православная жизнь русских крестьян» и «Православная вера и традиции благочестия...». Авторами представлены результаты исследований по таким проблемам, как почитание святынь русскими дворянами, православные обряды и обычаи в русском крестьянском доме, тайная милостыня; народные представления о душе, религиозность купечества и других сословий по материалам духовных завещаний, православие в русской армии XIX – начала XX в., православный приход в России в XIX в., духовенство и его роль в жизни населения в XIX – первой трети XX в., практика русского православного поста в 1917–1991 гг. Впервые введены в научный оборот редкие источники: церковная летопись; религиозные письма мирян; документы о хозяйственной жизни монастыря, вынужденного стать колхозом; неизданные письма оптинского старца к духовным детям; документы по русскому сектантству и др.

В монографии «Святыни и святость в жизни русского народа» исследованы феномены святыни и святости в религиозной традиции русских. Значение их рассматривается с нескольких сторон: и с точки зрения опыта непосредственного общения людей с этими явлениями, и через проявление

внимания к святости в государственной, общественной и семейной жизни. Авторы также обращаются к проблеме бытования народной агиологии, привлекая как письменные, так и устные источники. Необходимо отметить также монографии М.М. Громыко, А.В. Буганова, Х.В. Поплавской, О.В. Кириченко, Т.А. Ворониной¹².

В монографии «О воззрениях русского народа» на обширном документальном материале рассмотрены представления и убеждения русского народа XIX – начала XX в. Авторы показывают, как православная вера формировала государственное сознание народа, пронизывала соборное решение дел в общине и определяла нравственные устои семьи, отношение к труду и богатству. Прослежено сохранение или возрождение этих традиций в современных условиях.

В книге О.В. Кириченко разносторонне раскрывается место православия в повседневной жизни дворян: воспитание детей; завещания; милостыня; иконы и другие домашние святыни; домовые церкви и пр. Представлен новый культурно-психологический тип дворянина времен петровских преобразований. Вопросу идентичности двух исторических лиц: сибирского старца Феодора Кузьмича и императора Александра I посвящена монография М.М. Громыко. Почитание иконы в церкви, в доме, в повседневной жизни и на войне исследуются в работах К.В. Цеханской¹³.

Значимость православного направления определяется не только пробелами в этнографии, связанными с идеологическим давлением советского периода, но и той ролью, которая отводится православию в современной России. Группа православных ученых ведет разностороннюю организационную работу, поддерживает тесное сотрудничество с Московским департаментом образования и с рядом учебных заведений, имеющих этнографическую специализацию. Установлены связи с Русской православной церковью, благодаря чему с 2004 г. в Сарове и Москве проходят ежегодные научно-богословские конференции, посвященные памяти преп. Серафима Саровского. По итогам работы этого форума было издано пять сборников материалов конференции¹⁴. В 2000 г. силами группы был подготовлен юбилейный международный научный этнографический симпозиум «Православие и культура этноса», итогом которого стал выход сборника трудов¹⁵.

Двухтысячелетний юбилей христианства ознаменовался быстрым ростом новых религиозных движений, частью которых является неоязычество. Какова сущность этих движений, какие цели они ставят перед собой, чем они привлекают вчерашних атеистов, можно ли выделить среди неоязыческих движений региональные модели, различающиеся между собой по своим ориентациям? Эти и другие вопросы впервые обсуждались российскими этнологами на специальной секции, организованной 9 июня 1999 г. в рамках проходившего в Москве III Конгресса российских этнографов и антропологов (8–11 июня 1999 г.)¹⁶.

В 1990-е годы родилось также новое направление гендерных исследований. Велась работа (в основном на русском и восточнославянском материале) по изучению этнических аспектов гендера: формирование гендерной идентичности, гендерных стереотипов, установок и их проявлений в разных этнических средах. Исследовались институты социализации в традиционных и современных обществах, вопросы социализации детей. Особое внимание уделялось выявлению гендерных изменений в обществе: статусно-ролевых

позиций мужчин и женщин, гендерного разделения труда; изменений механизмов и институтов социализации, а также стереотипов маскулинности и фемининности.

Вопросы женской культуры, анализ общих направлений исследования «женской темы» в нашей стране и за рубежом в XVIII–XX вв. представлены в работах Н.Л. Пушкаревой¹⁷. Несколько выпусков «Мужского сборника» включают в себе статьи и публикации, посвященные мужским социальным статусам и ролям, способам поддержания и закрепления этих статусов, в том числе и магическим, мужской атрибутике и формам поведения, а также мужскому фольклору. Рассмотрены вопросы о состоянии экстремальности, проявлении в ней «мужской картины мира», о приоритетах стратегий мужского поведения и мужской логике, о поведенческих, ментальных, языковых реакциях в подобных условиях и их обусловленности этнокультурными факторами¹⁸.

В последнее десятилетие началось этнологическое изучение русского зарубежья. Проблемам адаптации русскоязычных иммигрантов в Америке посвящена книга Г.А. Комаровой¹⁹. Ее основу составляют материалы этносоциологического обследования бывших граждан бывшего СССР, проведенного автором в Бостоне (США) в сентябре 1999 – июне 2000 г. В работе использованы литературные, архивные, статистические данные, а также результаты полевых исследований и углубленных интервью «русских» бостонцев.

Несколько работ опубликовано Т.В. Таболиной²⁰. В книге «Живет душа России»²¹ в редких документах, фотографиях из архивов, малодоступных музеев и личных собраний из разных стран прослежены судьбы наших соотечественников в Болгарии, Франции, Норвегии, США, Канаде, Аргентине, Парагвае, Австралии и Океании, их вклад в различные сферы жизни этих стран.

Заметным вкладом в комплексную разработку темы «Русские за рубежом» стала книга Э.Л. Нитобурга²² о русской диаспоре в США – крупнейшей в странах дальнего зарубежья. На основе разнообразных и многочисленных источников освещены история русской диаспоры, русская православная церковь и русскоязычная пресса в США, сектанты и староверы, положение русских общин в американском городе, механизмы ассимиляции русской диаспоры в американском обществе, персональный вклад сотен русских людей в экономику, науку и культуру США.

В последние годы предметом исследования стала социально-демографическая структура русских, их культура, выраженность этнической идентичности в разных социально-культурных средах. Существенное внимание было уделено миграционной подвижности и адаптации русских в зонах позднего расселения, их социально-культурному статусу, трансформации в историко-культурном развитии русских, этническим аспектам формирования новой гражданской идентичности²³.

Положение более чем 20-миллионного русского населения в 14 бывших союзных республиках рассмотрено в монографии С.С. Савоскула²⁴. Как новая политическая ситуация повлияла на социально-экономическое положение этой части русских, их языковой статус и поведение, этнополитические ориентации и предпочтения, на формирование у них новой гражданской идентичности, какие изменения вызвали политические перемены в межэтнических отношениях, какова реальная миграция русских, как видят они свое будущее – это основные проблемы, затронутые в книге. Их анализ проведен

на документальной основе по итогам массовых и экспертных опросов, а также другим, в том числе статистическим, материалам.

Подавляющее большинство трудов сотрудников института, посвященных этнографии русского народа XX в., базируется на полевых материалах, нередко впервые вводимых в научный оборот²⁵. Лишь этнография до XIX в. изучалась преимущественно на архивных и других письменных источниках. В последние два десятилетия полевая работа по русской этнографии велась в Архангельской, Брянской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Костромской, Московской, Новгородской, Оренбургской, Пензенской, Вологодской, Псковской, Ростовской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Ульяновской и Ярославской областях, в Пермском крае, в Башкортостане, Белоруссии, Украине и Казахстане. Основными темами исследований были повседневная практика населения города и села, православный приход в современной жизни русских, особенности конфессиональной ситуации и специфика семейной обрядности в разных районах России. Изучалась также современная этнокультурная ситуация на украинско-российском и российско-белорусском пограничье²⁶.

Исследованиями по русской этнологии определен вклад русских в развитие общей культуры населяющих Россию этносов, их этнокультурный облик в настоящее время²⁷. При всем разнообразии тематики и подходов общим для трудов двух последних десятилетий стало преимущественное внимание к проблемам народного сознания, менталитета, идентичности современных русских.

¹Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Воронина Т.А. Русский лубок 20-х–60-х годов XIX в.: производство, бытование, тематика // Российский этнограф. М., 1993. № 5; Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае XVII – начала XX в. М., 1996; Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В.А. Липинская. М., 2004; Витов В.М. Этнография Русского Севера. М., 1997 (Серия «Библиотека Российского этнографа»); Духовная культура Русского Белозерья. М., 1997; Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. / Отв. ред. Л.Н. Чижилова. М., 1997; Носова Г.А. Традиционные обряды русских: (крестины, похороны, поминки). М., 1999 (Серия «Библиотека Российского этнографа»); Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX–XX вв. М., 1999 (Серия «Новые исследования по этнологии и антропологии»); Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения в 1980–1990-е годы. М., 1999; Она же. Казачество: формирование правового поля. М., 2001. Т. 2: Российское казачество / Отв. ред. и сост. Т.В. Таболина. М., 2003; Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов: Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязань, 2001; Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост. С.С. Крюкова. М., 2001; Морозов И.А., Слепцова И.С. (Кызласова). Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина: (конец XIX – начало XX в.). М., 2004; Дмитриева С.И. Традиционное искусство русских Европейского Севера: Этнографический альбом. М., 2006; Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2001. Вып. 28: Рязанская традиционная культура первой половины XX в.: Шацкий этнодиалектный словарь / Сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Н.Н. Гилярова, Л.Н. Чижилова; Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири / Сост. А.А. Сирина, О.А. Акулич. М., 2008 (Серия «Этнографическая библиотека»); Кузнецов С.В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских XIX – начало XXI в. М., 2008; Мартынова М.Ю. Особенности повседневного уклада жизни русских. М., 2009; Фролова А.В. Русский праздник: Традиции и инновации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века. М., 2009; Переславское Залесье: Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского. М., 2011. Вып. 1 / Отв. ред. С.С. Савоскул; Макашина Т.С., Фролова А.В., Тучина О.А. Календарные и семейные праздники Русского Севера в конце XIX – начале XX в. М., 2010.

² *Шмелева М.Н.* Русские: Историко-этнографический очерк традиционной культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1992. Вып. VI; Русские: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. Г.А. Носова. М., 1997 (Серия «Народы России»); Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа / отв. ред. И.В. Власова. М., 1998; Расы и народы: Ежегодник. М., 1998. Вып. 25 / Отв. ред. И.В. Власова; Русские: этногеография, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). М., 1999. Т. 1 / отв. ред. И.В. Власова; Русские в современном мире: Сб. статей / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.А. Шервуд М., 1999 (Серия «Библиотека Российского этнографа»); Русские: народная культура (история и современность). М., 2002. Т. 5: Духовная культура. Народные знания / Отв. ред. И.В. Власова.

³ Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полишук. М., 1997; 1999; 2001; 2004 (Серия «Народы и культуры»).

⁴ Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX веков / Отв. ред. И.В. Власова. М., 2001.

⁵ *Власова И.В.* Дорогами земли Вологодской: Этнографические очерки. М., 2001.

⁶ Мировоззрение и культура севернорусского населения / Отв. ред. И.В. Власова. М., 2006.

⁷ Этнография Рязанского края / Отв. ред. С.А. Иникова. В 2 т. М., 2008; Очерки русской народной культуры» / Отв. ред. и сост. И.В. Власова. М., 2009.

⁸ Русские: История и этнография / Отв. ред. И.В. Власова и В.А. Тишков. М., 2008.

⁹ Православие и русская народная культура: сб. статей. М., 1993. Кн. 1, 2; М., 1994. Кн. 3, 4; М., 1995. Кн. 5; М., 1996. Кн. 6.

¹⁰ Научный православный журнал: традиции и современность / Отв. ред. О.В. Кириченко. М., 2002–2010. № 1–10.

¹¹ Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований / Отв. ред. Т.А. Листова. М., 2001; Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв.: Этнографические исследования и материалы / Отв. ред. О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская. М., 2002; Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / Отв. ред. О.В. Кириченко. М., 2010.

¹² *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000 (2-е изд. в 2007 г.); *Поплавская Х.В.* Паломничество, странничество и почитание святынь в Рязанском крае в XIX–XX вв. Рязань, 1998; *Воронина Т.А.* Русский православный пост: советы благочестивой хозяйке. М., 1999; *Кириченко О.В.* Дворянское благочестие. М., 2002.

¹³ *Громыко М.М.* Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр Благословенный: Исследование и материалы к житию. М., 2007; *Цеханская К.В.* Икона в жизни русского народа. М., 1998; *Она же.* Иконопочитание в русской традиционной культуре. М., 2004.

¹⁴ Наследие Серафима Саровского и судьбы России: мат. научн. конф. / Отв. ред. Т.А. Воронина, О.В. Кириченко, М.А. Кулькова. Н. Новгород, 2004; Россия в духовных поисках современного мира: мат. научн. конф. / Отв. ред. Т.А. Воронина, О.В. Кириченко, М.А. Кулькова. Н. Новгород, 2006; Возрождение православных монастырей и будущее России / Отв. ред. О.В. Кириченко, Т.А. Воронина. Н. Новгород, 2007; Православная церковь и государство в исторической судьбе России: мат. IV всерос. конф. Н. Новгород – Сарово – Дивеево, 28 июня – 2 июля 2007 г. / под ред. Т.А. Ворониной, Е.В. Тростниковой. Н. Новгород, 2008; Почитание новомучеников XX столетия и восстановление национального исторического самосознания / Отв. ред. Т.А. Воронина, Е.В. Тростникова. Н. Новгород, 2009.

¹⁵ См.: Православие и культура этноса / Отв. ред. Т.А. Воронина, К.В. Цеханская. М., 2000; Исторический вестник. № 2–3 (13–14), 2001; Научный журнал. Москва; Воронеж, 2001. Спец. вып.: мат. междунар. научн. симпозиума «Православие и культура этноса» (Москва, 9–13 октября 2000 г.).

¹⁶ См.: Неоязычество на просторах Евразии / Отв. ред. В.А. Шнирельман. М., 2001.

¹⁷ *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: Прошлое и современность. М., 2002; *Она же.* Мать и дитя в русской традиционной культуре (X – середина XIX в.). М., 2003, и др.

¹⁸ Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / Сост. И.А. Морозов; Отв. ред. С.П. Бушкевич. М., 2001; Мужской сборник. М., 2004. Вып. 2: «Мужское» в традиционном и современном обществе / Сост. И.А. Морозов; М., 2006. Вып. 3: Мужчина в экстремальных ситуациях / Сост. И.А. Морозов.

¹⁹ *Комарова Г.А.* Русский Бостон / Ред. М.Н. Губогло. М., 2002.

²⁰ *Таболкина Т.В.* Русское кладбище в канадском Роудоне. М., 2002. Вып. 2; *Она же.* Русские от Галлиполи до Океании: Неизвестные рисунки из собрания Николая Мишутушкина.

М., 2002. Вып. 3; *Она же*. Святыни Русского зарубежья в США / Отв. ред. и сост. Т.В. Таболина. М., 2006.

²¹ «Живет душа России»: неизвестные страницы русского зарубежья / Отв. ред. и сост. Т.В. Таболина. М., 2007. Вып. 2.

²² *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этноисторический очерк. М., 2005.

²³ Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах / отв. ред. С.С. Савоскул. М., 1996; Русские нового зарубежья: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / ред. С.С. Савоскул. М., 1997; *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: миграция или интеграция? М., 1997; *Они же*. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М., 1998; *Гриценко В.В.* Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999.

²⁴ *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М., 2001.

²⁵ Были изданы новые программы и вопросники для проведения этнографических исследований. См., например: Традиционная народная культура русских: сб. программ и вопросников для этнографических исследований // Рязанский этнографический вестник / Отв. ред.-сост. Б.В. Горбунов. Рязань, 1997; Православие в народной жизни: Программы сбора полевого этнографического материала / Отв. ред. М.М. Громько. М., 2000.

²⁶ *Григорьева Р.А., Касперович Г.И.* Население Белорусско-Русского пограничья: демография, язык, этническая идентификация. Минск, 2004.

²⁷ См. также историографические обзоры: *Власова И.В.* Народная культура в трудах Русского отдела Института этнологии и антропологии РАН 1960–2000-х годов // Народна творчість та етнографія. Київ, 2010. № 2. С. 15–20 (на укр. яз.); *Пушкарева Н.Л.* Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях: (1945–1990). СПб., 1997.

ПРОБЛЕМА НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Термин «нациестроительство» в последние годы возвратил к жизни академик В.А. Тишков, посвятивший вопросам государственной национальной политики множество своих исследований. По моему мнению, такой подход правомерен, так как именно в данной транскрипции становятся понятными составляющие этого процесса, а именно принципы национально-государственного строительства с их особенностями и специфическими сторонами, присущими только этой сфере государственной национальной политики. Основные положения ее нашли конкретное отражение в принятой еще в 1996 г. Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, одним из разработчиков которой был и академик В.А. Тишков.

И хотя в начале 2000-х годов указывалось о внесении коррективов в концептуальный документ, как якобы не соответствующий уже требованиям времени, тем не менее основные положения документа все же остаются актуальными по настоящее время. Это не случайно. Именно в них дана характеристика эпохи 1990-х годов в России, которую переживало российское многонациональное сообщество. «После распада СССР, – читаем в документе, – начался новый этап в развитии государства на основе традиций российской государственности, принципах федерализма и гражданского общества»¹. В Концепции даны также характеристики многих направлений по реализации государственной национальной политики, частично раскрыты механизмы проведения намеченных мер.

Однако не подвергался глубокому анализу такой аспект национальной политики, как национально-государственное строительство. На мой взгляд, эта сторона проблемы в последние годы растворилась в проблеме федеративных отношений, в разработанных положениях их развития и совершенствования и т.д.

Тем не менее отсутствие внимания к накопленному опыту формирования государственности по-прежнему оставляет те наслоения и ошибки, которые были допущены в прошлом в процессе становления и развития государственности этнических общностей на территории бывшего Советского Союза (с 1922 г.), когда именно и разворачивалось национально-государственное строительство. Правда, к этому времени советское общество уже прошло определенную стадию формирования трудовых коммун, национальных областных образований, которые в последующем ликвидировали сами себя, трансформируясь в автономные национальные государственные образования.

Их строительство осуществлялось уже на четко сформулированных принципах: национально-территориальном и административно-территориальном. В первом случае определяющими факторами выступали титульные этнические общности, по названию которых на географической карте страны появлялись национальные округа и автономные области. Естественно, учитывались территории исторического проживания этнической общности (Ка-

бардинская автономная область, Кабардино-Балкарская автономная область, Карачаевская автономная область, Черкесский национальный округ и др.).

Во втором случае приоритетным был административно-территориальный фактор. Примером проявления подобной государственности являлись Горская Республика (декрет ВЦИК от 20 января 1921 г.), Туркестанская Республика, Крымская автономная область (она получила свое название не от наименования этнической общности крымских татар, а как географическое производное, т.е. по названию территории расположения – Крымского полуострова). Все эти государственные образования были многонациональными по составу населения и призывались с самого начала своего существования к консолидации этнических общностей в едином образовании, улучшению их экономического положения в той ситуации, в которой пребывали районы юга страны, к их этнокультурному развитию.

Перечисленные государственные образования создавались как составная часть Российской Федерации, как ее субъекты. Это были неформальные объединения многочисленных этнических общностей, состоявшиеся уже в новых условиях, когда завершилась Гражданская война и на первый план выдвинулись меры мирного характера, хотя и оставалась еще нерешенной задача по окончательному разгрому остатков контрреволюции.

По нашему мнению, применительно к Северному Кавказу объединение всех ранее разрозненных этнических общностей в условиях относительного мира было удачной формой сосуществования, так как никакой из входящих в его состав этнических общностей каких бы то ни было предпочтений не отдавалось. В новом государственном образовании все провозглашались равными в правах.

Тем не менее на фоне революционных преобразований в послевоенный период в условиях повышенной этнической мобильности и социальной натурализации в национальных районах региона был низким уровень экономического развития, грамотности населения, ощущалась нехватка образованных кадров, знакомых с основами государственного национального строительства и советского строительства, а в целом и слабая готовность их к управлению государственностью.

Горская республика просуществовала недолгое время, так и не успев раскрыть свои возможности и положительные качества, не проявился, по выражению И. Сталина, сыгравшего большую роль в создании этой государственности, принцип «самоуправления горских народов с народами России»².

Победили возникшие центробежные тенденции, в которых преобладало стремление этнических общностей региона к строительству своей национальной государственности. Первой об этом заявил Кабардинский национальный округ. Ускоренности действий в этом направлении способствовало и признание нежизненности своих идей и ранних убеждений И. Сталиным. В активной форме вырабатывались основы дальнейшего национально-государственного строительства.

Зачастую многие решения на этот счет принимались спонтанно. Главной задачей, однако, выступало стремление как можно быстрее отделиться, разойтись по «собственным квартирам»³. Лидер Кабарды Б. Калмыков констатировал, что «создание (Горской республики. – Н.Б.) только с учетом национального принципа и непризнанием экономической стороны было ошибочным»⁴. Судя по всему, Б. Калмыкова волновали более широкие эко-

номические возможности Кабарды, особенно наличие крупных земельных территорий и их использование в интересах других этнических общностей Северного Кавказа, входивших в состав Горской республики. В связи с тем, что существовала установка, согласно которой республики с территорией, на которой проживали менее 500 тыс. жителей, нельзя было создавать, Кабарда потребовала выделить трудящихся в Кабардинскую автономную область. Выход Кабардинского национального округа географически отрывал Карачаевский и Черкесский национальные округа от основной территории Горской республики.

Затем последовал и выход из ее состава Карачаевского и Балкарского национальных округов. Это не могло не подорвать основы самого государственного образования – Горской республики. Конечно, изменялся и сам аппарат управления. Не случайно А.И. Микоян констатировал: «Советский аппарат в Горской Республике в большинстве русский, состоящий из прежних чиновников, не знающих горцев, а если знающих, то, как бандитов..., не понимающих их быта»⁵.

Тем не менее Горская республика влачила свое существование, осуществляя меры по борьбе с бушевавшим бандитизмом (действовали 27 бандитствующих групп, насчитывавших 4212 штыков и сабель и 23 пулемета), а также по экономическому строительству, этнокультурному развитию этнических общностей, остававшихся в составе Горской республики. По мере возможности проводилась земельная помощь, а также социальная политика по удовлетворению нужд местного населения и беженцев из голодных районов страны (около 30 тыс. человек). Судьба вышедших из состава республики Балкарского и Карачаевского национальных округов (2 июня 1921 г.) складывалась у каждого по-своему, но цель была очевидная – создание автономных областей по наименованию титульных этнических общностей.

Что касается Балкарского национального округа, то он был как самостоятельный субъект объединен с Кабардинской автономной областью, создавших Кабардино-Балкарскую автономную область.

Вопрос о создании самостоятельной Карачаевской автономной области в мае 1921 г. был поставлен в Карачаевском национальном округе, который прошел сложный путь в национально-государственном строительстве. Возможно, что в тех условиях он был оправданным и соответствовал реалиям политической и экономической ситуации на Северном Кавказе. Было бы уместным несколько сконцентрировать внимание на этой стороне проблемы, в том числе и с учетом сложной ситуации в национально-государственном строительстве в Карачаево-Черкесской республике в условиях современности⁶.

Центр проявлял определенную осторожность по вопросу об образовании автономной административной единицы в составе Карачаевского и Эльбурганского округов⁷. 9 января 1921 г. все-таки было принято решение о создании Карачаево-Черкесской автономной области. Предполагалась работа исполкомов для карачаевцев и для черкесов, предписывалось формирование общего исполкома, «составленного из представителей двух исполкомов на паритетных началах»⁸. В состав Карачаево-Черкесской автономной области включались Черкесский национальный округ и шесть казачьих станиц из Баталпашинского отдела.

12 января 1922 г. ВЦИК утвердил образование Карачаево-Черкесской автономной области как неотъемлемой части Российской Федерации. Таким

образом, можно сделать вывод, что сепаратистские начала и у балкарцев, и у карачаевцев преобладали не в меньшей степени, чем у соседних кабардинцев.

Применительно к органам государственной власти указывалось, что «своеобразие названных областей сводится лишь к своеобразию порядка организации высших органов власти области (судя по всему, имелось в виду введение паритетного начала. – *Н.Б.*). Но компетенции последних те же, что и во всех других областях, т.е. компетенция губсъезда и губисполкома»⁹.

Затем Карачаево-Черкесская автономная область с ее восемью округами наряду другими 21 административными единицами была включена в состав Северо-Кавказского края. В области остро стоял земельный вопрос. Пришлось на первых порах проводить большую работу по его регулированию.

Однако совместное существование этнических общностей в одном государственном образовании длилось не так долго в крайне напряженной обстановке в самой Карачаево-Черкесской автономной области.

В декабре 1924 г. Северо-Кавказский крайком партии, обращаясь ко всем членам крайкома и к членам национальной комиссии крайкома писал: «С самого начала организации Карачаево-Черкесской области по сегодняшний день не было более или менее продолжительного момента, когда руководящие работники были спаяны, и не было бы между ними напряженной борьбы. Эта борьба имеет особое значение в Карачаево-Черкесии, поскольку эти конфликты или вытекают исключительно из источников национального антагонизма, или же приобретают национальный характер»¹⁰.

По мнению А.И. Микояна, которое он изложил в письме «О взаимоотношениях в национальных районах Северного Кавказа» В. Молотову, «состав области предопределил ту обостренную национальную борьбу по каждому мельчайшему вопросу, которая во многом парализовала творческую деятельность Советской власти в Карачаево-Черкесской области. Эти отношения доходили до такой остроты, в особенности в первой половине 1925 г., когда все *три национальные группы* (карачаевцы, черкесы, русские. – *Н.Б.*) *не находили возможности* (возможным. – *Н.Б.*) *дальнейшее совместное жительство в составе единой области* и выдвинули необходимость упразднения единой области и создания двух, независимых друг от друга областей – Карачаевской и Черкесской с присоединением русских казачьих районов к Армавирскому округу».

Несомненно, в этой ситуации необходим был более конструктивный выход. «Мы пошли, – продолжает далее А.И. Микоян, – по пути реформы строительства области, исходя из ее единства... уже недавно закончили перестройку округов, объединив раньше разноплеменной состав населения по принципу национальному... В связи с выделением национальных округов мы сильно ограничили право областной власти в области бюджетной, земельной, просвещения и внутреннего управления... областной исполком лишен права в будущем менять земельные границы между национальными округами, причем бюджеты округов в начале года утверждаются в Ростове, чем устраняется возможность национальной борьбы... Областная власть организовывается на началах паритетного – равного представительства со стороны всех трех национальных групп»¹¹. Конечно, этими мерами, как полагал А.И. Микоян, будет снят с повестки дня вопрос о разделении Карачаево-Черкесской автономной области.

Однако реализовать задуманное не удалось. В документе читаем: «Принятые Северо-Кавказским крайкомом партии меры по стабилизации обстановки в Карачаево-Черкесской автономной области даже на короткое время не сняли напряженности во взаимоотношениях между черкесами и карачаевцами¹²».

В марте 1926 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) вынесло решение о разделе Карачаево-Черкесской автономной области по национальному признаку. Исполняя его, Президиум крайисполкома 1 апреля 1926 г. принял решение «О реорганизации Карачаево-Черкесской автономной области». Определенный интерес вызывает констатация этого факта в документе:

«Ввиду выявившегося желания населяющих Карачаево-Черкесскую автономную область народностей и *нецелесообразности дальнейшего объединенного существования названной области*, разделить Карачаево-Черкесскую автономную область на 3 единицы: 1) Карачаевскую автономную область; 2) Черкесский автономный округ с прямым подчинением краю; 3) Баталпашинский район, объединяющий Баталпашинский и Зеленчукский округа с присоединением к Армавирскому округу». Административные центры всех трех единиц временно оставались в Баталпашинске¹³. Постановление Президиума ВЦИК 26 апреля 1926 г. «О расчленении Карачаево-Черкесской автономной области по национальному признаку»¹⁴ закрепило решение краевых властей.

Для строительства административных центров новых единиц решением крайисполкома были выбраны географические районы: Черкесского округа – на верхнем Мамонтовском участке против юрта аула Тахтамышевского, Карачаевской автономной области – в месте слияния рек Кубани и Теберды. Центр Черкесского округа назывался Эркин Шахар, Карачаевской автономной области – Микоян-Шахар¹⁵.

Постановлением Малого Президиума крайисполкома от 18 июля 1928 г. было утверждено деление Карачаевской автономной области на 4 округа: Мало-Карачаевский с центром в г. Кисловодск (10 сельсоветов), Учкуланский с центром в ауле Учкулан (7 сельсоветов), Хумаринский с центром в ауле Каменноостском (11 сельсоветов); Марухо-Архызский с центром в с. Марухское (8 сельсоветов), последний округ имел смешанное в национальном плане население¹⁶.

Таким образом, на рассматриваемой территории Северного Кавказа как будто бы все было поставлено на свои места, удовлетворены чаяния всех этнических общностей, сняты спорные вопросы. Правда, длительное время продолжалась работа по распределению отдельных земельных участков в целях удовлетворения экономических интересов, связанных с национально-административным делением.

Карачаевская автономная область существовала до выселения карачаевской национальной общности в декабре 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета от 12 октября 1943 г. «О ликвидации Карачаевской автономной области и административном устройстве ее территории» прекратилось ее существование.

В 1956 г. с карачаевцев и членов их семей, находившихся на спецпоселении, были сняты ограничения по поселению. ЦККП Казахстана и ЦККП Киргизии одновременно предписывалось «провести необходимую работу по закреплению карачаевцев в местах настоящего проживания, исключив

возможность их массового выезда с мест поселения»¹⁷. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г. (ст. 2) карачаевцам пока не предоставлялась возможность возвращаться на прежнее место жительства. Однако в последующем, а точнее в феврале 1957 г., утрачивала силу статья 2 Указа от 16 июля 1956 г. в части запрещения карачаевцам возвращаться в прежнее местожительство. Численность уже снятых с учета спецпоселенцев-карачаевцев по Указу составила 60 204 человека¹⁸.

В 1957–1958 гг. возвращались бывшие спецпереселенцы и в Черкесскую автономную область, как отмечалось, ставшую некоторое время спустя Карачаево-Черкесской автономной областью. В целом к 1960 г. прибыли 21 тыс. семей – 73 тыс. граждан, главным образом карачаевской национальности, которые расселились в шести районах области. Из 31 тыс. трудоспособных к лету 1960 г. были трудоустроены только более 20 тыс. человек, в том числе 7 тыс. женщин¹⁹. Облисполком считал в числе неотложных задач организацию профессионально-технического обучения молодежи. В области ощущалась потребность в специалистах – горняках, металлургах, работниках сахарной промышленности.

Основная масса возвратившихся карачаевцев проживали в купленных домах, а также построенных (были построено свыше 13 тыс. домов) или коммунальных и ведомственных. В решении этой задачи материальную помощь оказывало государство. Следует отметить, что среди спецпереселенцев численность карачаевцев, оставшихся в местах депортации, составляла на август 1960 г. около 10 тыс. человек.

На Всероссийском совещании²⁰ в г. Нальчик 25 августа 1960 г., где заслушивались итоги реабилитационных мер по народам Северного Кавказа, констатировалось, что реабилитация балкарцев, чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев завершена. Заместитель председателя Карачаево-Черкесского облисполкома Баучиев, подчеркивал, что в области особое внимание уделялось сфере культуры, образования, культурно-просветительской работе. За истекший период были открыты 205 школ, в которых обучались 47 тыс. учащихся, из них – 15 тыс. детей из карачаевских семей. Вновь построено было 24 школы (16 начальных) на 2400 ученических мест. Были также открыты 7 школ-интернатов на 1710 мест. Начал свою работу педагогический институт с заочным отделением. Уже к 1960 г. состоялся первый выпуск 26 учителей²¹, которые направлялись для работы в национальных школах.

Баучиев также заметил: «На капитальное строительство по народному образованию мы получаем средств достаточно. По линии здравоохранения в 1960 г. выделено 2 млн рублей. Строится областная больница и районная больница в Малокарачаевском районе. Одна районная больница уже в 1960 г. была введена в эксплуатацию. На 1961 год Госпланом было предусмотрено выделение средств в сумме 4 млн рублей для строительства объектов здравоохранения. В районах вводились в строй также Дома культуры»²². Повсеместно ощущалась нехватка стройматериалов. Особенно требовались строительные материалы для решения вопросов электрификации поселков, как и для дорожного строительства.

Кстати, в ходе упоминавшейся безудержной эйфории, охватившей массы в середине 1990-х годов, в связи с озвученной реабилитацией репрессированных этнических общностей, существовало общественное мнение, что такая акция со стороны государства вообще проводилась впервые. Архивные документы свидетельствуют совершенно об обратном. Однако голос

отдельных ученых и журналистов, пытавшихся более осмысленно подойти к оценкам событий (они касались в том числе и реабилитации народов, когорт населения, отдельных граждан, принадлежавших к разным национальностям), не был услышан. Их выступления и публикации, которые отличало стремление дать объективную оценку этому периоду, показать роль и место реабилитации народов России, сказать правду о роли других народов в этих процессах, также остались не замеченными.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область» от 9 февраля 1957 г. восстанавливалась национальная автономия карачаевского народа в составе Ставропольского края РСФСР, с установлением границ и административно-территориального устройства автономной области.

В данном случае возникает вопрос о юридической стороне принятого Указа «О преобразовании Черкесской автономной области...». При создании Карачаево-Черкесской автономной области в январе 1922 г. было ясно, что происходило объединение двух субъектов: Карачаевской автономной области и Черкесского национального округа. В новой ситуации второй половины 1950-х годов произошло механическое объединение Черкесской автономной области (как отдельного субъекта Российской Федерации) не с другим субъектом (например, с Карачаевской автономной областью), а с вернувшимися бывшими спецпоселенцами – карачаевцами. Имел ли правовое обоснование подобный указ?

1990-е годы – начало XXI в. вскрыли и новые возможности совершенствования национально-государственного строительства. Это ощущали на себе и сами этнические общности, особенно проживающие в российских республиках. Руководствуясь положениями Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (это особый вопрос), по настоянию депутатов-карачаевцев на сессии Верховного Совета Карачаево-Черкесской Республики было принято решение о восстановлении автономии Карачая в статусе Карачаевской Республики в составе РСФСР (подобного статуса, кстати сказать, он не имел в 1943 г.).

Однако этот вопрос возник с новой силой в условиях противостояния народов республики в конце 1990-х годов, а также в связи с принятием Конституции Карачаево-Черкесской Республики. В документе не были четко изложены основополагающие принципы совместного проживания этнических общностей в условиях демократии (сменяемость власти, соблюдение принципа паритетности при формировании депутатского корпуса и др.). Все это в целом привело в республике к крайне негативным последствиям, особенно в сфере межнациональных отношений.

Судя по всему, необходимо было восстановить государственность карачаевской этнической общности, а потом, на основании волеизъявления народов двух самостоятельных субъектов, осуществлять объединение в одно государственное образование. Возникает в связи с этим и другой вопрос: почему в современном административно-территориальном и национально-государственном строительстве со стороны органов государственной власти приветствуется объединение субъектов (Пермский край, Камчатский край, Забайкальский край и др.), однако отсутствует соответствующее положение, разрешающее разъединение субъектов. Ощущается определенное нарушение прав этнических общностей. Если они не изъявляют желание совместного проживания в одном государственном образовании (субъекте), а на-

оборот, наблюдается тенденция к разъединению, хотя в отдельных случаях (как показала практика разъединения Чечено-Ингушской Республики на две самостоятельные – Чеченскую и Ингушскую республики) это было бы более выгодным, то почему-то невозможным остается, например, разъединение Карачаево-Черкесской Республики и создания двух административных областей с учетом границ, существовавших на 1957 г. (т.е. некоего подобия Ростовской, Волгоградской и других областей).

Вероятно, такой подход принес бы большую пользу в плане урегулирования взаимоотношений между этническими общностями, проживающими по соседству на незначительном клочке территории Северного Кавказа. Одновременно решалась бы и вторая не менее важная, постоянно возникающая политическая задача – уравнивание всех субъектов Российской Федерации в правах.

Однозначно, те принципы национально-государственного обустройства, которые отражали в большей степени сущность функционировавшего Советского Союза, устарели. Необходимы определенные реформы, что свидетельствовало бы и о единстве Российского государства. Оно вполне может функционировать без наличия республик, а иметь однообразное административно-территориальное обустройство. Это повлечет за собой и определенное сокращение государственного аппарата в субъектах, и формирование единой управленческой системы, и усиление вертикали власти, и снижение денежных расходов и т.д. Отпадет нужда и в институте президентства в республиках как порождения перестроечного периода и перехода от существования Союза ССР к новому формату государственности на территории России.

По моему же мнению, общество в этой сфере остается во власти старых стереотипов, преодолевая их в жестких межнациональных противоречиях, и это очевидно особенно в многонациональных республиках (Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская и другие). Удалось этого избежать по известным причинам только в бывшей Чечено-Ингушской Республике. В новых условиях народы создают самостоятельно свои материальные и духовные ценности и пользуются ими. Несомненно, подобные меры должны проводиться с глубокой проработкой, иметь обоснование, а не осуществляться на основе известного лозунга «берите суверенитета столько – сколько хотите». Разумеется, это не государственный подход.

Рассмотрение названной проблемы даже на примере одной республики показывает, насколько сложной остается тема нациестроительства, включающая один из важных компонентов – национально-государственное устройство на территории Российской Федерации. Конечно, параллельно необходима разработка методов совершенствования федеративных отношений. Подобные преобразования не проходят в одночасье. Требуется большая кропотливая разъяснительная и правовая работа. Однако, по нашему мнению, в этом есть глубокий смысл, если мы говорим о строительстве демократического единого государства, главной опорой которого является многонациональный российский народ.

¹ Реабилитация народов России: сб. документов. М., 2000. С. 9.

² См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 40–403.

³ См. подробнее: Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995, и др.

⁴ ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 34.

⁵ РГАСА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 278. Л. 7.

⁶ См. об этом: Адыгее Хасэ КЧР. 2010. 18 января.

⁷ См.: Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). С. 84.

⁸ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 112 об., 113.

⁹ ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 3. Д. 8. Л. 8–9.

¹⁰ ГАДНИ Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 80. Л. 19.

¹¹ Там же. Д. 194. Л. 12–16.

¹² См.: Там же. Д. 80. Л. 19.

¹³ ЦГА РКБ. Ф. Р–2. Оп. 1. Д. 1666. Л. 39 об.

¹⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР за первое полугодие 1926 года (№ 1–34). М., 1926. С. 197–199.

¹⁵ ЦГА РКБ. Ф. Р–2. Оп. 1. Д. 438. Л. 410; Д. 480. Л. 222 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р–9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 108.

¹⁸ «По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003. С. 748.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 15. Л. 34.

²⁰ Тема его была определена как рассмотрение вопроса «завершения трудового и хозяйственного устройства возвращающегося на прежние места жительства населения и о мероприятиях по завершению этой работы». В работе совещания принимали также участие специалисты Госплана РСФСР, Российской республиканской конторы Госбанка СССР, Министерства сельского хозяйства РСФСР, Министерства коммунального хозяйства РСФСР, Министерства здравоохранения РСФСР, Министерства просвещения РСФСР и Роспотребсоюза. См.: ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–60.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 35.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

К государственной национальной политике в ее традиционной трактовке относят вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны, учет и реализацию прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, связанных с сохранением их культуры, традиций, языка; разработку и анализ действия конституционно-правовых норм и деятельность специализированных государственных институтов в данной сфере, государственные программы и проекты в области развития, сохранения культуры и языка, деятельность общественных движений и организаций этнокультурного направления, мониторинг этноконфессиональной ситуации и прикладные научные исследования.

В постсоветский период к ним добавились проблемы межэтнических отношений, включая возможные конфликты и методы их предотвращения и разрешения, а со времени этнополитического конфликта в Чечне – вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного радикализма, международного терроризма. Вместе с такими явлениями российской жизни, как ксенофобия и экстремизм, направленными в основном против иностранцев и выходцев из регионов Южного и Северного Кавказа и Средней Азии, как собственных граждан, так и наших соотечественников за рубежом, они стали самыми серьезными вызовами молодой российской демократии¹.

Основным концептуальным документом в сфере национальной политики является Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ в 1996 г.² Признавая необходимость внесения корректив в Концепцию государственной национальной политики в соответствии с реальным развитием событий в данной области, Президиум Госсовета РФ отмечает важную роль, которую Концепция сыграла в переходный постсоветский период³.

В современном научном дискурсе все чаще по отношению к вопросам национальной политики употребляют термин «этнополитика», подчеркивая тем самым значение политической функции этничности. Такой подход в целях разделения двузначного (гражданского и этнического) использования в общественно-политической практике и общественном сознании россиян понятий «нация» и «национальный», позволяет более целенаправленно акцентировать внимание исследователей на этнических аспектах общественной жизни. Вместе с тем, в сфере государственного управления этнополитическими процессами и деятельности общественных этнически ориентированных организаций данная проблематика обычно обозначается как национальная политика.

Перед тем как перейти к современным проблемам национальной политики, напомним о ее особенностях советского периода. СССР являлся одним из самых крупных многонациональных государств, в котором значительная часть нерусских народов имели автономные образования разного уровня, так называемые национально-государственные образования. Известная «со-

ветская матрешка» (союзные и автономные республики, автономные области и округа, национальные районы и сельские советы) возникла в первые десятилетия существования СССР и после ликвидации в декабре 1937 г. национальных районов и сельсоветов⁴, с некоторыми изменениями просуществовала до его распада. Эта система основывалась на территориальной и государственно-политической нагрузке этнического фактора. Советская национальная политика являлась не столько политикой государство-строительства на основе гражданской общности, сколько политикой развития и сближения социалистических наций на основе формул интернационализма и дружбы народов. Такой подход, во многом пропагандистский и умозрительный, имел свои серьезные риски из-за стимулирования не только «национальных форм» развития этносов, но и их потенциального изоляционизма, сепаратизма и антироссийскости⁵. В советский период они носили скрытый, латентный характер, поскольку положение спасали жесткий идеологический диктат и унитарный партийно-политический режим, а также идеология советского патриотизма и концепция советского народа. Советский народ был реальностью, но не «новым типом исторической общности людей», как об этом заявляли лидеры КПСС⁶, а представлял собой историческое продолжение российского (русского в широком смысле этого слова) народа, который существовал веками, несмотря на утрату части территорий государства в 1917 г. и приобретение новых территорий в 1940 г.

Тем не менее 20 лет назад СССР прекратил свое существование, а на его карте появились 15 новых государств. Правопреемником СССР стала Российская Федерация (Россия), являющаяся и после отделения союзных республик одним из самых многонациональных государств мира.

Этнодемографическая ситуация

Основным и единственным источником информации о национальном составе страны являются данные переписей. В конце марта 2011 г. обнародованы самые общие итоги переписи населения 2010 г.: численность населения по стране в целом, по субъектам федерации и муниципальным образованиям с выделением среди них городского и сельского населения, мужчин и женщин⁷. Население России составляет 142 905,2 тыс. человек. Тенденция к его сокращению, впервые проявившаяся в период между переписями 1989 и 2002 гг., в последние годы даже усилилась: если в период с 1989 по 2002 г. население России уменьшилось на 1,85 млн человек (или 1,3%)⁸, то с 2002 по 2010 г. – на 2,26 млн или 1,6%⁹. Его сокращение в постсоветский период происходит из-за естественной убыли (превышения смертности над рождаемостью), которую по подсчетам специалистов наполовину компенсирует миграционный прирост: с 1992 по 2009 г. он составил 12,6 млн человек. Около половины его – 5,6 млн пришлось на период между переписями 1989 и 2002 гг.¹⁰

Сведения о национальном составе населения, родном языке, владении языками по данным переписи 2010 г. должны быть опубликованы к 30 июня 2012 г., о мигрантах – к 31 декабря 2012 г.¹¹ По оценкам экспертов, этнический ландшафт страны усложнился, но соотношения между этническими группами не претерпели значительных изменений, поэтому для оценки современной ситуации корректно пользоваться данными предыдущей переписи.

По итогам переписи 2002 г. в стране на основании ответов о национальности были выделены 182 этнические группы. Из них около 100 в соответствии с определением Концепции государственной национальной политики РФ рассматриваются как коренные народы страны, поскольку они «на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России»¹².

В переписи 1989 г. на территории РСФСР учитывалось 128 «национальностей». Усложнение этнического состава страны по материалам переписи 2002 г. в основном произошло из-за изменения порядка фиксации этнической (национальной) принадлежности опрашиваемых. Стремясь в условиях демократизации как можно полнее учесть право граждан на самостоятельный выбор этнической и языковой идентификации, учитывали их принадлежность и к этническим группам в составе отдельных народов. Яркий пример – внутри русских отдельно фиксировались, например поморы и казаки, среди мордвы – мокша и эрзя, мари – горные и луговые, среди финнов – финны-ингерманландцы и т.п. Представители таких групп смогли указать свою двойную этническую принадлежность по принципу «группа – основной этнос», реализовав свое право в соответствии с реальным самосознанием. По итогам переписи их учли дважды – как подгруппа и в составе основного этноса. Подобных этнических подразделений второго уровня в 2002 г. было выделено 40 и еще 22 малочисленные общности впервые получили статус самостоятельных. Последних, как правило, в прошлом учитывали в составе более крупных этносов (бесермян в составе удмуртов, нагайбаков – среди татар, кумандинцев, теленгитов, телеутов – среди алтайцев и др.), или в силу малочисленности (например, водь – 73 чел.) – в графе «другие национальности». Основой для заявлений о неоправданно завышенных данных о числе российских народов по результатам переписи 2002 г. стало включение в их состав представителей крайне малочисленных групп, основная часть которых проживает за пределами России: например – грузинских евреев (53 чел.), переднеазиатских евреев (54 чел.), а также представителей гражданских наций других государств: англичан (529 чел.), американцев (1275 чел.) и др.¹³ Хотя их, вероятно, целесообразно учитывать в графе «другие национальности». В 2002 г. такие этнические группы составляли около трех четвертей от общего списка «национальностей» страны, выделенных по итогам переписи¹⁴.

По мнению специалистов, итоги переписи 2002 г., несмотря на политизацию обсуждения инструментария по учету в переписи этнических и языковых характеристик, являются легитимными¹⁵. Перепись показала несостоятельность разговоров об «этноциде», особенно по отношению к русскому народу, якобы имевшем место в 1990-е годы, и о радикальных изменениях в этническом составе населения страны. Численность русских сократилась всего на 3,3%, а доля в составе населения страны – на 1,7%. Однако следует заметить, что в значительной мере относительная демографическая устойчивость русского населения в России поддерживается миграционным притоком.

Вместе с тем, очевидны и различия в динамике отдельных народов страны. Они особенно показательны при сравнении материалов переписей 1989 и 2002 гг. по 23 самым многочисленным национальностям (свыше 400 тыс. чел.), составляющим 96% населения страны (табл. 1).

Таблица 1

Этнический состав населения Российской Федерации
в 1989 и 2002 годах

	2002 г.		1989 г.		Рост в 2002 г. к 1989 г., в %
	тыс. чел.	% к итогу	тыс. чел.	% к итогу	
Все население	145164,3	100,00	147021,9	100,00	98,74
русские	115868,5	79,82	119865,9	81,54	96,67
татары	5558,0	3,83	5522,1	3,76	100,65
украинцы	2943,5	2,03	4362,9	2,97	67,47
башкиры	1673,8	1,15	1345,3	0,92	124,42
чувашаи	1637,2	1,13	1773,6	1,21	92,31
чеченцы	1361,0	0,94	899,0	0,61	151,39
армяне	1130,2	0,78	532,4	0,36	212,28
мордва	844,5	0,58	1072,9	0,73	78,71
белорусы	814,7	0,56	1206,2	0,82	67,54
аварцы	757,1*	0,52	544,0**	0,37	139,17
казахи	655,1	0,45	635,9	0,43	103,02
удмурты	636,9	0,44	714,8	0,49	89,10
азербайджанцы	621,5	0,43	335,9	0,23	185,03
марийцы	604,8	0,42	643,7	0,44	93,96
немцы	597,1	0,41	842,3	0,57	70,89
кабардинцы	520,1	0,36	386,1	0,26	134,71
осетины	514,9	0,35	402,3	0,27	127,99
даргинцы	510,2*	0,35	353,3**	0,24	144,41
буряты	445,3	0,31	417,4	0,28	106,68
якуты	444,0	0,31	380,2	0,26	116,78
кумыки	422,5	0,29	277,2	0,19	152,42
ингуши	411,8	0,28	215,1	0,15	191,45
лезгины	411,6	0,28	257,3	0,18	159,97
другие и не указавшие	5780,0	3,98	4036,1	2,70	143,21

* Для категории «аварцы» приводится цифра с учетом численности андоцезских групп и арчинцев, а для категории «даргинцы» – с учетом кайтагцев и кубачинцев.
** В 1989 г. в составе аварцев учтены андоцезы и арчинцы; в составе даргинцев – кайтагцы и кубачинцы.
Источник: Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г.) // http://socis.isras.ru/SocIsArticles/2005_09/stepanov_tishkov.doc

Перепись показала, что заметно сократилась численность финно-угорских народов: мордвы, коми, удмуртов, мари, коми-пермяков, что в большей степени наблюдается в случае их проживания среди народов, имеющих меньшую численность – карелов, финнов, вепсов, ижоры¹⁶. Менее значительна убыль чувашей, хакасов, алтайцев и некоторых коренных малочисленных народов – шорцев, чуванцев, удэгейцев и др. Уменьшилась численность украинцев, белорусов, немцев и евреев. В то же время резко возросло – почти в два раза – число армян и азербайджанцев. Эти изменения связывают в основном с миграционными процессами¹⁷. В сокращении украинцев и белорусов значительную роль отводят также и процессам этнической ассими-

ляции¹⁸. В то же время увеличилась численность осетин, башкир, якутов, бурят, татар, но особенно значительный рост произошел у ингушей, чеченцев и некоторых народов Дагестана – аварцев, даргинцев, кумыков и др.¹⁹

Общий тренд изменений в период между переписями 1989 и 2002 гг. в этнической структуре населения России показывает начало процесса снижения удельного веса населения, принадлежащего к финно-угорским (с 2,2 до 1,9%) и славянским (с 85,4 до 82,3%) народам, при росте тюркского населения. Последнее увеличилось примерно на 1 млн человек, а его доля возросла в населении страны с 8,05 до 8,6%²⁰. Насколько устойчива данная тенденция, покажут данные переписи 2010 г.

Если оценивать характер изменений в региональном аспекте, то среди всех субъектов РФ не более чем в двадцати регионах (пятая часть) за межпереписной интервал произошли заметные этнические перемены. Абсолютным лидером является Чечня. В этой республике ситуация коренным образом изменилась: раньше население было многоэтническим, теперь – практически моноэтническое. За Чечней следует Ингушетия, где этнокультурное разнообразие также заметно снизилось. В 1989 г. в Чечено-Ингушской АССР проживало 264,3 тыс. русских, а в 2009 г. (по экспертным оценкам) в Чечне и Ингушетии их осталось всего около 29 тыс. человек, т.е. доля русского населения снизилась почти на 90%. Сейчас русские не превышают 2% от общего населения данных республик. В Дагестане доля русских сократилась с 9,2 до 3%, в Карачаево-Черкесии – с 42,4 до 32,8; в Кабардино-Балкарии – с 31,9 до 24,3%, в Северной Осетии – с 29,9 до 20,9%²¹. Среди остальных регионов, частично изменивших свой этнический облик, числятся Тува, Чукотский и Корякский округа, Якутия, Тюменский регион. С гораздо меньшей интенсивностью менялась ситуация на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Незначительные перемены произошли в Западной Сибири и на Европейском Севере. Еще менее заметны изменения в Поволжье и на Урале, в столичном Центре и Центральном Черноземье. Практически без этнических перемен остался Волго-Вятский регион.

По мнению экспертов, наиболее тревожным в тенденциях изменения этнодемографической ситуации на региональном уровне остается продолжающийся отток русского и другого «нетитульного» населения из республик Северного Кавказа. Специалистами данный процесс оценивается как серьезная этнополитическая угроза, поскольку он «обусловлен не только причинами социально-экономического и этнополитического характера, но и ощущением своего статусного неравенства с представителями титульных национальностей северокавказских республик²².

Нормативно-правовое обеспечение и правоприменительная практика

Вопрос государственного регулирования национальной политики приобретает особую важность в многонациональных государствах. Длительное время управление в данной сфере общественных отношений в нашей стране являлось прерогативой исполнительной власти. В период демократизации начался процесс формирования законодательства в области межэтнических отношений²³. Важнейшие положения о правах народов и национальных меньшинств нашли отражение в новой Конституции России, принятой в

1993 г. всенародным голосованием²⁴. Она закрепила статус России как демократического, федеративного, правового государства, в которой носителем суверенитета и единственным источником власти выступает ее многонациональный народ. Впервые в истории России соблюдение гражданских, политических, социальных и культурных прав и свобод человека, защита прав национальных меньшинств, коренных малочисленных народов РФ в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права были признаны конституционной обязанностью государства. Конституция в статье 68 утвердила статус русского языка как государственного, предоставила право республикам в составе РФ устанавливать свои государственные языки и гарантирует «всем народам страны право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

В конституции определена и ответственность органов государственной власти разного уровня за соблюдение данных норм. В полномочия федеральной власти входит регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; регулирование и защита прав национальных меньшинств (ст. 71, п. «в»); установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного экономического, экологического, социального, культурного и национального развития РФ (ст. 71, п. «е»). Зоной ответственности Президента РФ в соответствии с конституцией и федеральными законами является определение основных направлений внутренней и внешней политики (ст. 80, ч. 3), Правительства РФ – проведение единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии... мер «по обеспечению законности, прав и свобод граждан» (ст. 114, пп. «в» и «е»). В компетенцию органов власти субъектов федерации отнесены: защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (ст. 72, пп. «б» и «м»).

Одним из важнейших законов в сфере защиты языковых прав народов и национальных меньшинств является закон «О языках народов Российской Федерации» (октябрь 1992 г.)²⁵. Он принимался в период, когда вопросы языковых прав народов и национальных меньшинств являлись одними из самых актуальных в общественной жизни страны. Основные положения закона стали конституционными нормами. Закон основывался на принципах равноправия всех языков народов России, защиты их государством и признании за республиками права принятия собственных решений о статусе языков народов, проживающих на их территории и мерах по их поддержке. Особые гарантии законом предусматриваются по защите языков коренных малочисленных народов. Важнейшие положения закона в сфере воспитания и образования признаются определяющими для сферы образования федеральным законом «Об образовании». В статье 6 «Языки обучения» закона об образовании констатируется, что «Общие вопросы языковой политики в области образования регулируются законом “О языках народов Российской Федерации”».

Возможностями закона «О языках народов Российской Федерации» в значительной степени воспользовались многочисленные народы страны. В большинстве республик были приняты законы о государственных языках, которые способствовали развитию языков коренных народов и расширению

их функций. В некоторых из них государственные языки изучаются в школах как обязательный предмет всеми учащимися.

По официальным данным с 1989 г. к настоящему времени количество языков, используемых в системе образования в качестве языков изучения и обучения, увеличилось с 55 до 89. Из них 39 языков (как языки народов России, так и языки национальных меньшинств: азербайджанский, армянский, грузинский, казахский и др.) являются не только предметами изучения, но на них проводится и преподавание ряда гуманитарных дисциплин. В качестве учебного предмета в российских школах изучается еще 50 языков. При этом предмет «родной язык» преподается в основном на всех ступенях общеобразовательных школ.

В регионах растет число школ (в основном, в городской местности), где преподавание ведется на родном языке. Увеличилось и количество детей, обучающихся на родных языках. В Якутии школы с родным языком обучения составляют более 40%, в Башкортостане – 45%, Татарстане – 59%, в Республике Тыва – более 80%. В среднем по республикам Российской Федерации процент общеобразовательных учреждений с обучением на родном языке, исключая русский, возрос с 1991 г. с 13,5% до 56% к 2009 г.²⁶

Значительно сложнее обстоит положение с использованием в системе образования языков малочисленных народов. Среди них усиливается языковая ассимиляция: от 20 до 70% представителей тех или иных этнических групп даже в местах традиционного проживания считают русский «родным языком»²⁷. В свою очередь ошутимая утрата малочисленными народами языков своей национальности снижает эффективность мер, которые предпринимаются в системе образования для возрождения их языков. В этой сфере необходимо принятие со стороны государства особых мер по ревитализации языков малочисленных народов, в том числе и использование международного опыта по возрождению исчезающих языков.

Весьма высокие стандарты по защите прав народов и иных этнических общностей на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания утверждены и Федеральным законом «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятом также в эпоху активной мобилизации национальных меньшинств (октябрь 1992 г.).

В июне 1996 г. был принят специальный закон в сфере национальной политики «О национально-культурной автономии», которая рассматривается как форма этнического объединения, призванная решать проблемы исключительно национально-культурного развития этнических меньшинств, реализуя «самоорганизацию и общественную инициативу заинтересованных граждан»²⁸. К настоящему времени в РФ действует 829 национально-культурных автономий, в том числе 16 федеральных национально-культурных автономий, 221 региональная, 592 местных национально-культурных автономий и 367 национальных общественных объединений (ассоциаций, центров национальных культур, землячеств)²⁹. Все это можно рассматривать как совершенно новое социокультурное явление в полиэтнической жизни России. В целом данным законом на начало 2011 г. воспользовались 59 национальностей. Наибольшее количество национально-культурных автономий создано немцами (53), татарами (96), евреями (75), армянами (20), цыганами (7), украинцами и представителями других этнических групп, преимущест-

венно проживающими за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих таких вообще.

Для реализации возможностей института национально-культурной автономии создана система общественных органов управления и взаимодействия с органами власти. На федеральном уровне действует Консультативный совет по делам национально-культурных автономий при Министерстве регионального развития РФ (Минрегион).

В дальнейшем внимание законодателей к проблемам национальной политики практически ограничилось формированием законодательства в сфере защиты прав коренных малочисленных народов. В 1999 г. был принят базовый закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»³⁰, в 2000 г. – «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»³¹, в 2001 г. – «О территориях традиционного пользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»³². Вместе с тем общая оценка правового регулирования общественных отношений в сфере защиты прав коренных малочисленных народов признается несовершенной. По заключению экспертов, оно «страдает излишней декларативностью, нередко – отсутствием конкретных правовых механизмов реализации провозглашенных прав»³³. О наличии в нем «коллизий, правовых лакун, устаревших норм, в том числе положений, противоречащих действующему законодательству», отмечается и в докладе Госсовета РФ «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе»³⁴. В 2009 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Она должна стать программой действий органов власти по отношению к коренным малочисленным народам Севера на 2009–2025 гг.³⁵

В России, как и в большинстве других стран, этническая и религиозная идентичности граждан часто взаимосвязаны. Зачастую религиозность является лишь дополнительным маркером этнической самобытности. В других случаях религиозная традиция, не отвергая этнокультурной самобытности верующих, тем не менее, остается базовой идентичностью. По сведениям Министерства юстиции РФ на 1.01.2010 г. зарегистрировано 23 494 религиозные организации. Большая часть из них – 12 941 – принадлежат к Русской православной церкви Московского патриархата; 4127 являются мусульманскими организациями, 291 – иудейскими, 208 – буддистскими, 4438 – протестантскими и 1489 относятся к остальным вероисповеданиям³⁶. Основой их деятельности является закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (сентябрь 1997 г.)³⁷.

Создание специальных структур в исполнительной власти, ответственных за реализацию законодательства в сфере национальной политики началось еще в период «перестройки». В 1989 г. в Правительстве РСФСР был создан Государственный комитет по национальным вопросам, который продолжил свою работу в постсоветский период³⁸. Впоследствии он неоднократно менял свой статус и название³⁹. С 2004 г. данную функцию осуществляет Минрегион, в компетенцию которого входит нормативно-правовое регулирование государственной национальной политики и межнациональных отно-

шений, защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов РФ, взаимодействие с казачьими обществами⁴⁰.

На региональном уровне вопрос в сфере национальной политики о структурах решается по-разному.

По официальным данным из 83 субъектов РФ в 24 регионах действуют министерства, комитеты или департаменты по национальной политике, в 31 – данные вопросы находятся в компетенции подразделений по взаимодействию с общественными организациями и органами местного самоуправления, в 13 – в управлениях или департаментах внутренней политики, в 4 – находятся в ведении региональных органов образования или культуры, в 11 – в аппаратах глав регионов. В 69 регионах созданы консультативные советы по межэтническим отношениям или взаимодействию с национально-культурными организациями; в 59 – действуют региональные целевые программы или подпрограммы в сфере этнокультурного развития народов, гармонизации межэтнических отношений, профилактики этнополитического экстремизма, в том числе в молодежной среде⁴¹.

В декабре 2006 г. в закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» были внесены изменения, предусматривающие право органов местного самоуправления на выделение средств из местного бюджета «на создание условий для осуществления деятельности, связанной с реализацией прав местных национально-культурных автономий; на оказание содействия национально-культурному развитию народов; на реализацию мероприятий в сфере межнациональных отношений»⁴². Это позволяет им принимать целевые муниципальные программы в сфере межнациональных отношений, создавать соответствующие структуры и консультативные органы по вопросам межнациональных и межрелигиозных отношений. Вместе с тем практика показывает, что далеко не во всех регионах, и тем более в муниципальных образованиях, используют возможности законодательства для принятия целевых программ и создания структур, обеспечивающих их реализацию, в основном по причине слабого ресурсного обеспечения (финансового и кадрового).

Весьма резко деятельность региональных органов власти по реализации национальной политики оценил Президент РФ Д.А. Медведев заявив, что «работа по вопросам межнациональных отношений никогда не относилась к приоритетам региональной деятельности, она обычно отнесена на второй план, а зачастую носит просто имитационный характер»⁴³.

С учетом имеющихся проблем, новых вызовов и угроз в сфере межнациональных отношений реализация государственной национальной политики по ряду направлений нуждается в модернизации. В докладе «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе», представленном рабочей группой на заседание президиума Государственного Совета РФ (11 февраля 2011, Уфа), ключевыми проблемами в данной сфере обозначены:

– отсутствие четко выраженных концептуальных подходов к реализации государственной национальной политики, несоответствие действующей Концепции государственной национальной политики Российской Федерации современным вызовам и угрозам, отсутствие региональных концептуальных документов, определяющих основные направления реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации;

- недостаточная координация государственной национальной политики как на федеральном, так и на региональном уровне;
- ситуативная реакция на существующие и возникающие вызовы и угрозы в этнополитической сфере, включая противодействие геополитическим угрозам;
- отсутствие полномочий у органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере реализации государственной национальной политики, как следствие, недостаточное внимание региональных и местных властей к межэтническим отношениям на подведомственной территории;
- отсутствие на федеральном и региональном уровне системы мониторинга и прогнозирования состояния межэтнических отношений, а также оперативного реагирования на рост межэтнической и межконфессиональной напряженности;
- недостаток или полное отсутствие финансовых ресурсов для реализации эффективной государственной национальной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях, при значительном зарубежном финансировании проектов этнополитического и религиозно-политического характера на территории Российской Федерации⁴⁴.

Достижение поставленных задач возможно только при совместных усилиях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества. В настоящее время неблагоприятными факторами для установления межнационального согласия в общественно-политической сфере являются: слабая общероссийская гражданская идентичность, в том числе в среде северокавказской молодежи, которая происходит на фоне роста этнической и религиозной самоидентификации; этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм в молодежной среде; сложное социокультурное самочувствие русского народа на фоне этнической мобилизации других этнических сообществ и роста числа мигрантов; неудовлетворенность его этнокультурных потребностей; рост националистических настроений в среде русской молодежи⁴⁵.

Взаимодействие национальных общественных объединений и органов власти

Особая роль в преодолении данных негативных явлений принадлежит национальным общественным объединениям как наиболее активным институтам гражданского общества. Анализ развития национально-культурного движения в России позволяет констатировать, что национально-культурные автономии, другие общественные объединения можно трактовать как устойчивую форму социального бытия, стремящуюся к приобретению своих институциональных форм, к расширению диалога между гражданами и государством.

При установлении партнерских взаимоотношений между общественными объединениями и государственными структурами этнической и религиозной факторы не только способствуют гармонизации в сфере межнациональных отношений, политической и экономической стабильности, но и способны являться мощным ресурсом развития страны.

Отдельные общественные объединения в Российской Федерации имеют статус общероссийских: Ассамблея народов России, Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации, Конгресс народов Кавказа, Российский союз молодежи, Ассоциация общественных объединений «Национальный Совет молодежных и детских объединений России», Всемирный конгресс русскоязычного еврейства, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и другие, что естественно, потребовало расширения их функций и задач. Они постепенно берут на себя координирующую роль, становятся своеобразными методическими центрами в общественном движении по регулированию межнациональных отношений, взаимодействию с исполнительными и законодательными органами государственной власти, прикладывают немало усилий для достижения согласия в отношениях между народами и устранения возникающих противоречий в этих отношениях, способствуют их предотвращению уже в самом зародыше.

Национально-культурные автономии и национальные общественные объединения как совершенно новый демократический общественный институт в России взаимодействуют с государственными органами власти всех уровней и другими ведомствами, включая федеральные, региональные, международные, религиозные и т.д. Применительно к Российской Федерации на первый план выдвигались формы взаимодействия с органами федеральной власти, затем с аппаратами полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, с аппаратами администраций регионов страны⁴⁶.

Деятельность некоторых общественных объединений содействует расширению международного сотрудничества в сфере защиты прав национальных меньшинств. Они устанавливают связи с посольствами стран, являющихся их исторической родиной, организуют совместные мероприятия и т.д.

Наиболее активно действуют ФНКА татар, Федеральная еврейская НКА, ФНКА азербайджанцев России «АзерРос», ФНКА российских немцев, ФНКА «Белорусы России». Многие федеральные этнокультурные объединения имеют собственные периодические издания: газеты «Татарский мир», «Финно-угорская газета», «Азеррос», «Греческая газета», «Ноев ковчег» (независимая информационно-аналитическая международная армянская газета), «Еврейская газета», «Российские корейцы», «Ариран» (газета о жизни корейской диаспоры стран СНГ) и др.

Одна из главнейших задач национально-общественных организаций и объединений состоит в обеспечении максимальной деэскалации этнокультурной сферы. Этнический фактор существовал всегда, а проблемы возникают лишь тогда, когда этничность чрезмерно политизируется, когда на ее основе можно спровоцировать ксенофобию, изоляционизм, разрушительные действия, поскольку в экстремальных ситуациях верность своей этнической группе оказывается сильнее всех других обязательств и привязанностей. Научные исследования говорят о том, что уходит время конфликтов, возникающих между государствами: они все чаще возникают внутри государств и могут начинаться под любыми лозунгами, но в ходе борьбы этничность и конфессиональность, как правило, выходят на первый план.

В настоящее время главными целями государственной национальной политики должны стать укрепление гражданского единства российской нации

и обеспечение этнокультурного развития народов России при гармонично развивающихся межэтнических и межрелигиозных отношениях.

Идеологема «российской (гражданской) нации» является реальным фактором, объединяющим многоэтническое сообщество граждан России. Результаты проведенных в 2008 г. по заказу Минрегиона социологических исследований позволяют выявить наметившуюся тенденцию укрепления в обществе общероссийской гражданской идентичности. По данным опроса ВЦИОМ⁴⁷, 73% школьников прежде всего идентифицируют себя в качестве граждан России и только во вторую очередь в качестве представителей своей национальности (35%).

Результаты опроса зафиксировали наиболее высокий уровень гражданской самоидентификации у школьников в Калининграде (85%), Белореченске (82%) и Воронеже (81%), наиболее низкий – в Санкт-Петербурге (63%), Якутске (65%) и Нальчике (66%). Примерно для трети школьников Калининграда, Томска и Нальчика весьма значимой также является региональная идентичность («сибиряк», «кавказец» и т.д.).

Стремление идентифицировать себя с представителями своей национальности наиболее выражено у школьников Казани (43%) и Москвы (42%). При этом степень актуализации этнической идентичности возрастает по мере их взросления. Так, если в 5–6 классе она уступает место самоидентификации по роду занятий (29 против 32%), то в 9–11 классах уже 40% школьников идентифицируют себя со своей национальностью⁴⁸.

С точки зрения государства, гражданская идентичность должна быть базовой у граждан России, что не означает отмены других самоидентификаций (этнической, родовой, религиозной, социальной, профессиональной, корпоративной и пр.). В этом заключается мощный потенциал общегражданской солидарности.

Важную роль в современном этнокультурном развитии народов России играют средства массовой информации. По данным на 2008 г. теле- и радиовещание проводилось на 50 национальных языках, в СМИ использовалось 66 языков, в том числе языки народов России и бывшего СССР.

К концу 2010 г. отмечена тенденция некоторого сокращения количества периодических печатных изданий на языках народов России с одновременным резким увеличением числа электронных СМИ, что объясняется как последствиями мирового финансового кризиса, так и глобальной тенденцией постепенного перехода печатных СМИ на интернет-версии⁴⁹.

Важнейшим направлением удовлетворения этнокультурных потребностей народов России является государственная поддержка в сфере культуры. Под эгидой Министерства культуры России Центрами (Домами) народного творчества ведется работа по поиску и сохранению празднично-обрядовых, семейно-бытовых, песенных, инструментальных, хореографических, ремесленных и других традиций народов России. В стране действует около 15 тыс. фольклорных коллективов, 150 из них – государственные народные хоры, ансамбли песни и танца, ансамбли народной музыки; открыто более 500 фольклорных отделений в музыкальных школах и школах искусств; более чем в 5 тыс. клубных учреждений работают фольклорные студии, школы, мастерские. Более 3 тыс. клубов, в первую очередь сельских, изменив свой профиль, стали центрами и домами фольклора, ремесел, музеями быта и т.п.

В течение последних лет во многих городах России были открыты государственные учреждения (Дома дружбы, Центры национальных культур

и т.п.), основой деятельности которых является работа с национальными общественными организациями, формирование в местном сообществе атмосферы уважения к культурному многообразию, сохранение этнокультурной идентичности и укрепление атмосферы межнационального мира и гражданского согласия. Подобные учреждения есть в Москве, Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Оренбурге, Иваново и многих других городах. Важную роль в воплощении в жизнь государственной национальной политики играют музеи. В рамках реализации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и федеральной целевой программы «Культура России (2006–2011 годы)» осуществляется поддержка мероприятий музеев, направленных на представление культурного многообразия России, а также на формирование активной гражданской позиции и негативного личностного отношения к различным проявлениям религиозного экстремизма, ксенофобии и национализма⁵⁰.

Цель любой национальной политики – это удовлетворение конституционных прав наших граждан, этнических и конфессиональных, а также обеспечение общественно-политической стабильности. Это двуединая задача. По нашему мнению, формула стабильности – это жесткий треугольник, где одну сторону составляет исполнительная власть, другую законодательная власть, третью – гражданское общество в лице общественных национальных и религиозных организаций. Если любая сторона этого треугольника ужимается, то треугольник теряет устойчивость, а если вообще выпадает, то случаются коллапсы, как это наблюдалось в 90-е годы XX в. Необходим постоянный мониторинг этнополитической стабильности и раннего предупреждения конфликтов, публичное обсуждение проблем межнациональных отношений, оценки результативности деятельности государственных структур в данной сфере.

Решения, принятые по итогам заседания президиума Госсовета РФ по вопросам сохранения межнационального мира 11 февраля 2011 г. (г. Уфа), свидетельствуют об усилении внимания к проблемам национальной политики на всех уровнях государственной власти⁵¹.

С целью координации данной деятельности на федеральном уровне создается Правительственная комиссия по вопросам государственной национальной политики. Основные задачи поставлены перед региональными властями: им предстоит создать постоянно действующие рабочие группы по вопросам гармонизации межэтнических отношений с участием представителей религиозных организаций; разработать и принять комплексные планы действий по гармонизации межэтнических отношений, обратив особое внимание на взаимодействие с национально-культурными объединениями, религиозными организациями, общинами и землячествами; предоставлять ежегодно доклады о реализации комплексных планов действий по гармонизации межэтнических отношений⁵².

Для достижения этих целей необходимо продолжить совершенствование законодательной базы в сфере национальной политики, учитывая мнение этнически ориентированных общественных объединений; разработать при активном взаимодействии с общественностью действенные механизмы его выполнения с предоставлением необходимого ресурсного обеспечения.

¹ Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах // Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2009. М., 2010. С. 284–288.

² Собрание законодательства РФ. М., 1996. № 25. Ст. 3010.

³ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе: Доклад Президиума Государственного Совета Российской Федерации (11 февраля 2011, г. Уфа). 2011. С. 3.

⁴ Зорин В.Ю. Национальная политика в России: История, проблемы, перспективы. М., 2003. С. 197.

⁵ Тишков В.А. 20 лет советской этнополитике // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах, 2009: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2009. М., 2010. С. 8.

⁶ Брежнев Л.И. Речь по случаю 50-летия со дня образования СССР // История КПСС. М., 1982. С. 657.

⁷ Российская газета. 2011. 28 марта. См: <http://www.rg.ru/2011/03/27/perepis-rosstat-site.html>

⁸ Доклад «Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года» // <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=7&docid=10715289081450>

⁹ Российская газета. 2011. 28 марта. См: <http://www.rg.ru/2011/03/27/perepis-rosstat-site.html>

¹⁰ Российская газета. 2011. 28 марта. См: <http://www.rg.ru/2011/03/27/perepis-rosstat-site.html>

¹¹ Постановление Правительства РФ от 12 ноября 2010 года № 896 «О подведении итогов Всероссийской переписи населения 2010 года». См.: <http://www.referent.ru/1/167557>

¹² Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 3010.

¹³ http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php

¹⁴ См. таблицу «Национальный состав населения России по данным переписей 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 годов» // Демоскоп Weekly. 2004. № 141–142. 1–25 января. (http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php) Наряду с численностью этнических групп, проживающих в России, в ней представлена информация, к какой из категорий принадлежит та или иная группа: к проживающим преимущественно в РФ, проживающим преимущественно в других странах, а также имеющих статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

¹⁵ Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г. // http://socis.isras.ru/SocIsArticles/2005_09/stepanov_tishkov.doc

¹⁶ Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. С. 27–28, 39.

¹⁷ Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении.

¹⁸ Мкртчян Н. Влияние миграции на изменение этнического состава России и ее регионов: Предварительная оценка итогов Переписи 2002. М., 2004. С. 55.

¹⁹ Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении.

²⁰ Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 38.

²¹ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. С. 47–48.

²² Там же. С. 21.

²³ Трофимов Е.Н. Государственная национальная политика России: законодательный аспект (1906–2007 годы). М., 2008. С. 5–9.

²⁴ Конституция Российской Федерации. М., 1993.

²⁵ Последнюю редакцию закона см.: <http://www.internet-law.ru/law/smi/iazyk.htm>

²⁶ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. С. 11.

²⁷ Зорин В.Ю. Материалы к выступлению на международной конференции в г. Цюрихе (29 апреля 2010 года). См: <http://www.convivenza.ch/fileadmin/Dokumente/2010/Zorin.pdf>

²⁸ Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.

²⁹ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. С. 13.

³⁰ Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

³¹ Собрание законодательства РФ. 2000. № 30. Ст. 3122.

³² Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

³³ Постников А.Е., Андриченко Л.В., Бандорин Л.Е. Анализ федерального законодательства Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на предмет соответствия международным стандартам. М., 2007. С. 128.

³⁴ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. С. 36.

³⁵ <http://www.minregion.ru/WorkItems/ListDocs.aspx?PageID=462>

³⁶ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. С. 21.

³⁷ <http://www.sclj.ru/law/rus/detail.php?ID=1129>

³⁸ Образован Указом Президиумом Верховного Совета РСФСР 15 ноября 1989 г.

³⁹ О преобразованиях ведомства по вопросам национальной политики см.: Долгий путь Миннаца из МВД в МВД // Коммерсантъ – Власть. № 42(444). 23.10.2001; См.: <http://www.kommersant.ru/Doc/288415>

⁴⁰ Положение о Министерстве регионального развития Российской Федерации // <http://www.minregion.ru/upload/ministry/100220-pprf40.rtf>

⁴¹ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. С. 33–34.

⁴² Последняя версия Закона РФ « Об общих принципах организации местного самоуправления » см.: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/>

⁴³ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. С. 3.

⁴⁴ Там же. С. 4–5.

⁴⁵ Там же. С. 4.

⁴⁶ Зорин В.Ю. Размышления о национально-культурной автономии // Жизнь национальностей. 2010. № 3. С. 58–64.

⁴⁷ В ходе исследования ВЦИОМ «Формирование общегражданских установок и этнических стереотипов в школьной среде» было опрошено 6800 учащихся средних общеобразовательных учебных заведений в 16 городах России. Тип выборки – квотная по полу и возрасту; в точках опроса в национальных республиках был введен дополнительный критерий квотирования – по национальности. Опрос охватил следующие подвыборки: учащиеся младших средних классов (5–6 классы), учащиеся старших средних классов (7–8 классы), учащиеся старших классов (9–11 классы). Опрос проводился методом аудиторного анкетирования школьников по месту их учебы. См.: О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. С. 7.

⁴⁸ О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. С. 7–8.

⁴⁹ Там же. С. 13.

⁵⁰ Там же. С. 42.

⁵¹ О заседании Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия см. : <http://www.kremlin.ru/news/10312>

⁵² Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации 11 февраля 2011 г. (г. Уфа). Приказ Президента РФ № 488 от 27 февраля 2011 г.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕРАЛЬДИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ЭТНИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В ГЕРБАХ
РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Любой герб призван визуально маркировать некое сообщество и отличать его от других подобных сообществ. В идеале герб разрабатывается на основе универсальных правил геральдики, не имеющих отношения к этничности. В дальнейшем, будучи принят к использованию, герб начинает жить своей, не предусмотренной создателями жизнью, становясь элементом культуры. Он может приниматься или, наоборот, отвергаться сообществом; может происходить переосмысление его значения. В наши дни геральдическая символика проникает в повседневность через изображение на печатях и бланках, на вывесках официальных учреждений, пропагандируется через систему школьного образования, средствами массовой информации и в сувенирной продукции.

Общество воспринимает любой геральдический символ через призму своей культуры, культурного опыта, встраивает эти символы в уже существующую структуру стереотипов. Таким образом, геральдические символы становятся составной частью и этнического самосознания (идентичности) – одной из форм группового самосознания, ведущего признака этноса, в основе которого лежит оппозиция «мы – они», ярко проявляющаяся при межэтнических контактах.

Процесс принятия гербов республик Российской Федерации в основном происходил в 1990-е годы. Это был период относительно свободного творчества, когда разработка гербов еще не превратилась в бизнес, а централизованный контроль со стороны федеральных органов (в 1992 г. была создана Государственная геральдическая служба, с 1999 г. функционирует Геральдический совет при Президенте РФ) еще не осуществлялся в должной мере. С одной стороны, это приводило к ряду нарушений геральдических правил, но с другой – позволяет анализировать гербы республик, как объекты, создававшиеся непосредственно представителями данных регионов и культур и позиционирующие республику именно так, как того хотели разработчики.

В процессе рассмотрения проектов представители республиканских элит сознательно стремились к тому, чтобы изображение в наибольшей степени отражало связь региона с культурой титульной национальности. Это, например, прямо отмечено в Положении о гербе Чеченской Республики: «В основу композиции герба легло образное стилизованное решение, соответствующее национальному менталитету и месту чеченского народа в современном мире»¹.

Наследием советской геральдики является приверженность многих национальных регионов к круглой форме щита и указание на традиционные занятия населения через изображение сельскохозяйственных культур (колосьев или, например, хмеля в гербе Чувашии).

Непрерывными атрибутами гербов республик Северного Кавказа стали изображения гор, которые наделяются позитивными характеристиками. Белая гора «о двух вершинах» – Эльбрус – является центральной фигурой

гербе Карачаево-Черкесии и означает «вечность, силу, величие»². Эльбрус присутствует и в гербе Кабардино-Балкарии. Изображения Столовой горы («Маът лоам») и Казбека («Башлоам») помещены в герб Ингушетии³, абстрактные горы – в гербе Дагестана («бело-золотого цвета снежные вершины» в нижней части щита), Адыгеи (под скачущим всадником, в описании не упоминаются) и Чечни.

Более сложное объяснение имеет композиция, выбранная при разработке герба Северной Осетии–Алании. В данном случае в щите изображены семь горных вершин, расположенных в три ряда⁴. Создатели герба осмыслили это изображение через сакральное значение числа «семь», характерное в древности для многих народов и, в частности, для осетин – этноса, говорящего на языке индоевропейской семьи и возводящего свое происхождение к кочевникам аланам. Источником послужил мифологический образ Мировой Горы с семью вершинами: «на верхнем уровне – одна вершина, она означает божественный абсолют, верховную власть; средние – символизируют мир людей, нижние – стороны света, географические пределы страны. Серебряный

Гербы республик Российской Федерации

		
Республика Адыгея	Республика Алтай	Республика Башкортостан
		
Республика Бурятия	Республика Дагестан	Республика Ингушетия
		
Кабардино-Балкарская Республика	Республика Калмыкия	Карачаево-Черкесская Республика

		
Республика Карелия	Республика Коми	Республика Марий Эл (герб 2006–2011 гг.)
		
Республика Мордовия	Республика Саха (Якутия)	Республика Северная Осетия–Алания
		
Республика Татарстан	Республика Тыва	Удмуртская Республика
		
Республика Хакасия	Чеченская Республика	Чувашская Республика

цвет их служит символом чистоты и мудрости»⁵. Вспомнили и о числе семь в кобанской культуре (например, семиконечные звезды), и о языческом божестве аланского происхождения Авд-дзуары, сочетающего в себе семь богов.

Популярными оказались изображения геральдических животных. Орел встречается в гербах Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии. Закон Республики Ингушетия трактует фигуру орла с распростертыми крыльями как «символ благородства и мужества, мудрости и верности»⁶. На официа-

ном сайте Президента Кабардино-Балкарской Республики отмечается, что орел представляет «верховенство разума, власть закона, прозорливость»⁷. В гербе Северной Осетии изображен барс («золотой с черными пятнами»). Эту фигура имеет историческое обоснование и восходит к так называемому знамени Осетии, известному из труда грузинского историка и географа Вахушти Багратиони (1695/96–1758).

Создатели герба Адыгеи обратились к национальному эпосу. Так в гербе появился богатырь Саусрыко из нартских сказаний «на огненном летящем коне» и с факелом в руках⁸.

Кроме перечисленных фигур можно отметить и некоторые другие. Вайнахская боевая башня присутствует в гербах Ингушетии и Чечни. В гербе Адыгеи изображен национальный стол (анэ) с хлебом и солью – символ «гостеприимства и устойчивости жизненного уклада»⁹. Гостеприимство символизирует чаша в нижней части герба Карачаево-Черкесии, а дружбу – «рукопожатие» в гербе Дагестана. В гербе Кабардино-Балкарии символом плодородия, стойкости и постоянства является трилистник¹⁰. Типичной фигурой выступает солнце, которое в гербе Ингушетии дополнено еще и солярным знаком из традиционного орнамента, «символизирующим вечное движение Солнца и Земли, взаимосвязь и бесконечность всего сущего»¹¹. Промышленное развитие отражено только в гербе Чечни (нефтяная вышка).

В утвержденных гербах отсутствуют исламские символы, хотя в проектах они встречались. В современных гербах ислам отражен только в гербе Чечни – золотой полумесяц и звезда в верхней части щита. Флаги республик Кавказа используют зеленый цвет, который принято ассоциировать с исламом. В описаниях этот цвет может иметь и иные характеристики. Так, зеленый цвет полотнища флага Кабардино-Балкарской Республики объясняется как символ «свободы в мыслях и делах, поступках, радости общения и понимания, надежды на светлое будущее»¹². Зеленый цвет не является доминирующим ни в одном из гербов, а объяснение его выбора многозначно. Зеленый цвет в гербе Ингушетии «олицетворяет природу, изобилие и плодородие земли Ингушетии, а также – это символ Ислама»¹³.

В некоторых гербах республик Сибири также присутствуют природные объекты. Герб Республики Алтай включает изображение трехглавой горы (гора Белуха – Юч Сюмер), «символизирующее красоту и мощь родной земли». Орнамент в нижней части круглого щита обозначает реки Бию и Катунь с их притоками, а волнистые линии под фигурой треножника-очага – Телецкое озеро (Алтын-Кель)¹⁴. В гербе Бурятии волны указывают на озеро Байкал. Кроме того в гербе присутствуют и три абстрактные горные вершины, «характерные для местного ландшафта»¹⁵.

Гербы Тувы, Бурятии, а также схожий по структуре герб Калмыкии, подчеркивают связь регионов с буддистской культурной традицией. В щитах появляется лента «кадак» (Тува), «хадак» (Бурятия) или «хадыг» (Калмыкия) – почетный дар или подношение в храме, символизирующий гостеприимство и мир. Важной фигурой в гербе Бурятии является «соембо» – «традиционный символ вечной жизни», включающий три элемента: солнце, луну и очаг¹⁶.

Пятилепестковая форма щита тувинского герба осмысливается как «стилизованная древнебуддийский знак вечности»¹⁷. Вообще, герб Республики Тыва (Тува) стоит несколько особняком от других, поскольку имеет в основе герб Танну-Тувинской народной республики, сохранявшей независимость

до 1944 г. Таким образом, его основная фигура, золотой всадник, скачущий к солнцу, связана с другой исторической эпохой. Закон 1996 г. указал, что «изображение скачущего на лошади всадника в национальной тувинской одежде отображает традиционный уклад жизни и основной хозяйственной деятельности людей, на протяжении многих веков проживавших на территории Республики Тыва»¹⁸.

Герб Калмыкии отличается использованием еще нескольких этнокультурных символов. Его главный элемент – «улан зала» (кисточка на шапке) – отличительный признак одежды калмыков. В верхней части помещен «дорин тоолг» – комбинация четырех колец, напоминающая о союзе четырех ойратских племен, также о жизни в мире и согласии с народами всех четырех сторон света. В нижней части герба изображен лотос – центральная фигура флага Калмыкии – знак чистоты, ясности и просветленности¹⁹.

К древней мифологии обращены гербы Алтая и Хакасии. Центральной фигурой герба Республики Алтай является «кан-кереде» – волшебное существо с головой и крыльями птицы и туловищем льва, которое в традиционной геральдике ассоциируют с грифоном. Считается, что изображения «кан-кереде» восходят к пазырыкской культуре (VI–IV вв. до н.э.). Уже после утверждения герба возникла дискуссия о символике грифона. Оппоненты герба связывали его с миром мертвых и стихийными бедствиями. Автор герба И. Ортоңулов, напротив, отстаивал идею, что «кан-кереде» «олицетворяет собой священную солнечную птицу, стерегущую покой, мир, счастье, богатство родной земли, покровительницу зверей, птиц и природы»²⁰. В гербе Хакасии помещен серебряный крылатый барс, корни которого также уходят в тюркскую мифологию²¹.

Оригинален герб Якутии. В круглом гербовом щите размещено наскальное изображение всадника со знаменем (его оригинал находится у д. Шишкино на р. Лене), которое относится к культуре скотоводов курумчинцев – предков якутов. С точки зрения создателей герба, три хвоста знамени символизируют единство племен, составлявших вместе один народ – курумчинцы. Семь ромбических кристаллов, расположенные дугой в верхней части щита, означают не только якутские алмазы, но и единство местных народов: якутов, русских, эвенков, эвенов, чукчей, долган и юкагиров²².

Среди республик Поволжья типологическое сходство с якутским имеет герб Башкортостана. Здесь также выбран реально существующий объект – памятник Салавату Юлаеву – башкирскому национальному герою, сподвижнику Е.И. Пугачева, а также поэту-импровизатору. Дополняют композицию восходящее солнце и зеленый цветок курая (в нижней части щита) – растения, характерного для лесостепи²³.

Соседняя республика, Татарстан, напротив, ориентировалась на мифологическую символику. В красном круге, осмысляемом как солнце, изображен крылатый барс, которого рассматривают как древний символ волжских булгар, восходящий к VII в.²⁴ Указаний на религиозную принадлежность татар и башкир гербы Татарстана и Башкортостана не содержат.

Герб еще одного тюркского региона, Чувашии, отличен от уже рассмотренных формой щита, который в описании назван геральдическим термином «германский». Такая форма получила дополнительное осмысление как шкура животного, которую приносили в жертву в «киремете» (месте моления). Желтый и пурпурный (также описан как «сандалово-красный») цвета были

широко распространены в чувашской культуре. Желтый считали самым красивым цветом, а красный был наиболее популярным в вышивке. Основной фигурой является так называемое «Дерево жизни». Согласно описанию, оно выполнено «на основе древнечувашского рунического письма, силуэт которого напоминает почитаемое чувашами дерево дуб, могучее и долговечное, стойкое в природных ненастьях». Второй аспект символики «Древа жизни» – единство народов, проживающих на территории Чувашии. Над щитом расположена эмблема «Три солнца». Она составлена из трех солярных знаков, которые названы в описании восьмиконечными звездами. С точки зрения создателей герба, эмблема означает «солнечный свет, дарящий жизнь и оберегающий благополучие», а также символизирует «чувашское народное понятие “Пулна, Пур, Пулатпар” (“Были. Есть. Будем”))»²⁵.

Упомянутый солярный знак, называемый создателями гербов «восьмиконечной звездой», обычно описывается геральдистами как вырубной крест. Он же приобрел известность как эмблема, связанная с финно-угорскими народами, поскольку используется в символике муниципальных образований с финно-угорским населением и таких регионов, как Удмуртия и Карелия.

Гербы республик Коми и Удмуртии созданы с использованием мифологических образов. В гербе Коми присутствует фантастическая птица, дизайн которой обращен к пермскому звериному стилю. Согласно описанию, это «хищная птица, обращенная прямо, на груди которой – лик женщины, обрамленный шестью лосиными головами (без рогов), по три с каждой стороны; все фигуры золотые»²⁶. Создатель герба Коми А.И. Неверов объяснял, что птица олицетворяет собой государственность и власть, призванную охранять Родину и народ, способствовать их развитию и процветанию. «Птица изображена на взлете. Упругими крыльями она как бы охватывает республику, защищая ее от бед. В то же время распахнутость крыльев означает и гостеприимство, приглашение к сотрудничеству»²⁷. Лик женщины на груди птицы – солнечная богиня «Зарни Ань» (Золотая баба). Головы лосей также имеют корни в мифологии и связаны с силой, благородством и красотой²⁸.

Основная фигура удмуртского герба – белый лебедь (он же – человекоптица) – является символом возрождения, мудрости, мужества и совершенства. «Его основа – мифология удмуртского, русского, татарского и других народов Удмуртской Республики». Изображение сопровождается тремя солярными знаками (восьмиконечными звездами или вырубными крестами), которые, «по преданию, оберегают человека от несчастий. Большой солярный знак является земным воплощением оберегающих сил, малые – космическим»²⁹.

В гербе Марий Эл 1992 г. и его более поздней версии, которая использовалась до 2010 г., изображен национальный орнамент (в виде косоугольного креста), который был назван «древним символом плодородия»³⁰.

Герб Мордовии построен на основе исторического герба Саранска, дополненном, в частности, изображением традиционного мордовского женского украшения «нашейной гривенной» и солярным знаком («восьмиконечной розеткой»)»³¹.

Историческую основу имеет и герб Карелии, изображающий медведя в щите цветов флага республики. Его предшественником является герб финского художника А. Галлен-Каллела, который был принят в марте 1920 г. на заседании делегатов Карельских волостей в селе Ухта (ныне Калевала). В ва-

рианте 1920 г. медведь держал в лапах резак-весури и топтал разорванные оковы³². После установления Советской власти на всей территории Карелии этот герб не использовался. Над щитом современного герба помещена золотая восьмиконечная звезда (вырубной крест). В данном случае ее связывают с карельской, вепсской и севернорусской национальной вышивкой. Это «символ вечности и путеводности, источник жизни и процветания, счастья и изобилия, богатства, символом высоких устремлений и идеалов народа. Восьмиконечная звезда также и символ защиты, т.е. “оберег”»³³.

В наши дни гербы республик продолжают восприниматься как значимые символы, создающие определенный образ региона. На это указывают регулярно возникающие дискуссии о необходимости изменить тот или иной герб – так сказать, «улучшить» его. Примером может быть произошедшее в 2011 г. изменение герба Марий Эл, инициированное президентом этой республики. Основным элементом вместо креста становился медведь с мечом, молотом и щитом. Обсуждение целесообразности этого решения приобрело крайне ожесточенный характер и фактически продолжается до сих пор (гербу отказано в регистрации в Государственном геральдическом регистре).

Подводя итог, следует отметить, что существующие ныне гербы республик Российской Федерации по большей части создавались «с нуля». Только Северная Осетия–Алания, Республика Тыва, Мордовия и Карелия используют геральдические прототипы. Для презентации этнической специфики региона разработчики гербов использовали следующие приемы:

- 1) выделение значимых природных объектов (горы, водные объекты);
- 2) мифологические персонажи или мифологические символы (солярные знаки);
- 3) объекты, связанные с традиционной материальной культурой (кисточка от калмыцкого головного убора, мордовская нашейная гривна, адыгейский стол – «анэ»);
- 4) официальное осмысление изображенных объектов как символов гостеприимства и дружбы народов;
- 5) включение в герб религиозных символов (встречается редко: гербы буддистских регионов – Бурятия, Тувы, Калмыкии, а также герб Чечни).

¹ Положение о Государственном гербе Чеченской Республики. Приложение к Указу Президента Чеченской республики от 22 июня 2004 г. № 125 // <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=81>

² Закон Карачаево-Черкесской Республики «О государственном гербе Карачаево-Черкесской Республики» от 26 июля 1996 г. № 148-XXII // <http://geraldika.ru/symbols/16596>

³ Закон Республики Ингушетия «О государственном гербе Республики Ингушетия» от 26 августа 1994 г. N 2-РКЗ // <http://geraldika.ru/symbols/2158>

⁴ Закон «О Государственном гербе Республики Северная Осетия – Алания» от 24 ноября 1994 г. № 521А // <http://geraldika.ru/symbols/10432>

⁵ Сапрыков В. Символы Северной Осетии–Алании // Наука и жизнь. 1995. № 9. – <http://geraldika.ru/symbols/2457>

⁶ Закон Республики Ингушетия «О государственном гербе Республики Ингушетия» от 26 августа 1994 г. N 2-РКЗ // <http://geraldika.ru/symbols/2158>

⁷ Президент Кабардино-Балкарской республики // <http://www.president-kbr.ru/kbr/flag-embblem.html>

⁸ Закон Республики Адыгея «О государственных символах Республики Адыгея» от 7 июня 2007 г. № 90 // <http://geraldika.ru/symbols/18877>

⁹ Сапрыков В. Новые символы Адыгеи // Наука и жизнь. 1994. № 6 // <http://adygea.narod.ru/docums/symbols.htm>

¹⁰ Президент Кабардино-Балкарской республики // <http://www.president-kbr.ru/kbr/flag-emblem.html>

¹¹ Закон Республики Ингушетия «О государственном гербе Республики Ингушетия» от 26 августа 1994 г. N 2-РКЗ // <http://geraldika.ru/symbols/2158>

¹² Президент Кабардино-Балкарской республики // <http://www.president-kbr.ru/kbr/flag-emblem.html>

¹³ Закон Республики Ингушетия «О государственном гербе Республики Ингушетия» от 26 августа 1994 г. N 2-РКЗ // <http://geraldika.ru/symbols/2158>

¹⁴ Положение о государственном гербе Республики Алтай. Приложение к Постановлению Верховного Совета Республики Алтай от 6 октября 1993 г. № 3–9 // <http://geraldika.ru/symbols/108>

¹⁵ Закон Республики Бурятия «О государственном гербе Республики Бурятия» от 20 апреля 1995 г. № 119-1 // <http://geraldika.ru/symbols/139>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Герб Республики Тыва // <http://geraldika.ru/symbols/380>

¹⁸ Закон Республики Тыва «О государственных символах Республики Тыва» от 31 декабря 1996 г. № 697 // <http://geraldika.ru/symbols/2459>

¹⁹ Закон Республики Калмыкия «О государственных символах Республики Калмыкия» от 11 июня 1996 г. № 44-1-3 // <http://geraldika.ru/symbols/226>; Сапрыков В. Белый лотос Калмыкии // <http://geraldika.ru/symbols/227>

²⁰ <http://new.bestiary.us/kan-kerede>; Положение о государственном гербе Республики Алтай. Приложение к Постановлению Верховного Совета Республики Алтай от 6 октября 1993 г. № 3–9 // <http://geraldika.ru/symbols/108>

²¹ Закон Республики Хакасия «О государственном гербе Республики Хакасия» от 19 марта 2003 г. // <http://geraldika.ru/symbols/3342>

²² Герб Республики Саха (Якутия) // <http://geraldika.ru/symbols/294>

²³ Сапрыков В. Цветок курая Башкортостана // <http://geraldika.ru/symbols/2466>; Закон Республики Башкортостан «О государственной символике Республики Башкортостан» от 6 июля 1999 года N 10-з // <http://geraldika.ru/symbols/112>

²⁴ Закон Республики Татарстан «О государственных символах Республики Татарстан» от 14 июля 1999 г. № 2284 // <http://geraldika.ru/symbols/369>

²⁵ Описание Государственного Герба Чувашской республики. Приложение к Закону Чувашской республики «О государственных символах Чувашской республики» от 14 июля 1997 г. № 12 // <http://geraldika.ru/symbols/7539>

²⁶ Закон Республики Коми «О внесении изменений и дополнений в закон Республики Коми “О государственном гербе Республики Коми”» от 26 декабря 1997 г. № 50-РЗ // <http://geraldika.ru/symbols/266>

²⁷ Сапрыков А. Птица Республики Коми // Наука и жизнь. 1995. № 2 // <http://geraldika.ru/symbols/263>

²⁸ Там же.

²⁹ Закон Удмуртской республики «О Государственном гербе Удмуртской республики» от 18 сентября 2002 г. № 52-РЗ // <http://geraldika.ru/symbols/3020>

³⁰ Положение о государственном гербе Республики Марий Эл // <http://geraldika.ru/symbols/278>

³¹ Закон Республики Мордовия «О Государственном Гербе Республики Мордовия» от 19 ноября 2002 г. № 49-3 // <http://geraldika.ru/symbols/16944>

³² Сапрыков А. Медведь – древний символ Карелии // Наука и жизнь. 1995. № 4. – <http://geraldika.ru/symbols/238>

³³ Историческая справка об официальных символах Республики Карелия (Управление протокола и обеспечения протокольных мероприятий Администрации Главы Республики Карелии) // <http://geraldika.ru/symbols/4358>

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

Отечественная этнография традиционно сопряжена с историей, археологией, антропологией, демографией и другими родственными науками, а развитие междисциплинарных научных направлений на их основе всегда считалось предметом особой заботы академического руководства. Так, С.П. Толстов, бывший с 1943 по 1965 г. директором головного (главного) в СССР этнографического подразделения – Института этнографии АН СССР, призывал «развивать те отрасли науки, которые связаны с этнографией и позволяют представить происхождение и жизнь народов». Неслучайно, еще в годы его руководства «институт стал этим славиться»¹. Ведущие сотрудники ИЭ АН СССР полагали, что «этнография, сохраняя определенную специфику методики, вносит свой вклад в разрабатываемое комплексом обществоведческих наук понимание процессов, происходящих в общественной жизни современных народов», и утверждали, что в советской науке «имеется не только методологическая, но и конкретно-историческая основа для сотрудничества и координации усилий обществоведов различных специальностей»².

Опыт междисциплинарных исследований в отечественной этнографии велик и разнообразен. И он уже достаточно широко представлен в исследованиях российских ученых³. Следует также упомянуть ряд концептуально важных коллективных сборников, изданных в ИЭ АН СССР в 1960–1980-х годах и посвященных новаторским исследованиям междисциплинарного характера сотрудников Сектора общих проблем, Сектора по изучению истории первобытного общества, Сектора этнографии народов Севера и ряда других подразделений ИЭ АН СССР, а также их коллег из других городов и регионов СССР.

Моя статья посвящена опыту интеграции и взаимовлияния этнографии и этносоциологии в 60–80-е годы минувшего столетия. Междисциплинарная интеграция отечественной этнографии с науками социогуманитарного цикла, формирование и развитие на их основе таких новых научных направлений, как этническое картографирование, этнодемография, этноэкология, этнография детства, этноэкономика, этнолингвистика, этнопсихология, этностатистика, этносоциология и другие, особенно активно происходила именно в этот период. Мне, этнографу по университетскому образованию, посчастливилось общаться и работать со многими из тех известных ученых, кто стоял у истоков, формировал и развивал различные междисциплинарные научные направления в советской этнографии. И я неоднократно, в том числе и на собственном опыте, убеждалась, насколько интересной и плодотворной может быть кооперация исследователей с разным базовым образованием, но прошедших общую школу становления того или иного междисциплинарного направления, имеющих одну научную школу и работающих над общими

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 10-01-00105а «Отечественная этнография/этнология как практика междисциплинарных исследований».

проектами. Особое место в этом ряду, на мой взгляд, принадлежит этнической социологии. Именно это междисциплинарное направление, возникшее в конце 1960-х годов на стыке относительно молодой в СССР конкретной социологии и традиционной этнографии оказало наиболее существенное влияние на развитие этнографической науки рассматриваемого периода.

Предыстория возникновения этносоциологии

Интерес к исследованию народов глубоко традиционен для российской социально-исторической науки, что весьма наглядно выразилось еще в дореволюционных трудах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, А.П. Шапова и др.⁴ Сразу после Октябрьской революции изучение народов велось под лозунгом «переустройства быта на социалистических началах» и имело практическую направленность. Однако унаследованный от классического эволюционизма взгляд на науку о народах как всеобъемлющую еще сохранялся. Неслучайно, в 1925 г. факультет общественных наук МГУ был преобразован в этнологический факультет, и в его учебных курсах духовная и материальная культура рассматривались в контексте социальной жизни⁵. Но в начале 1930-х годов после бурных дискуссий этнология превратилась в этнографию и обрела статус отрасли исторической науки⁶. С тех пор этнография в СССР воспринималась как наука об архаике, и вплоть до 1960-х годов о ее соединении с конкретно-социологическим подходом не могло быть и речи. Приоритетным научным направлением в советской этнографии 1940–1950-х годов стало монографическое описание этнографически малоизученных или неизученных народов СССР.

Подобное происходило и в социологии. Соединение социологической теории с эмпирией наблюдалось в России с 1890-х годов. Два наиболее сильных течения социологической мысли в России – позитивизм и марксизм – до начала XX в. сосуществовали достаточно мирно, но с победой Октябрьской революции и установлением советской власти ситуация кардинально изменилась. После короткого периода оживления социологии в 1920-е годы надежды нового режима на ее воссоединение с марксистским социализмом не оправдались, в результате чего в СССР началось размежевание между «марксистскими» и «буржуазными» социологами. Вскоре многие из «буржуазных» социологов подверглись репрессиям или покинули страну. Марксистская социология была официально объявлена единственным научным направлением социологии, а к середине 1930-х годов и она оказалась поглощена историческим материализмом. У тоталитарной власти отсутствовала заинтересованность в науке, объективно изучающей социальную действительность, нужен был догматический и апологетический истмат. На протяжении почти 30 лет российская социология находилась в условиях фактического запрета. Фундаментальные и прикладные исследования были прекращены. Развитие эмпирически обоснованной социологии, объективно изучающей социальную действительность, было прервано на долгие годы. Эмпирические данные были сведены к официальной статистике, а социологическая теория – к историческому материализму.

Лишь после XX съезда партии советским ученым было разрешено заниматься социологией с целью подтверждения политики КПСС. В 1960-е годы

в СССР появились первые профессионально выполненные эмпирические исследования, ориентированные на разработку фундаментальных проблем социального развития советского общества⁷.

Причины возникновения этносоциологии

Регулирование межэтнических отношений всегда было камнем преткновения для советской власти. Долгосрочный исторический эксперимент по строительству в СССР федерального государства на этнической основе требовал постоянного осмысления и теоретического анализа. Однако обсуждение национальной проблематики почти 30 лет находилось под запретом. Лишь в 1956 г. она вошла специальным разделом в Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. В результате в СССР возник заказ на фундаментальные социологические знания, отражающие изменения в жизни народов с обязательным учетом этнического многообразия населения страны, 45% которого составляли нерусские. Выдвинутая перед советской наукой задача в результате стала одним из объективных факторов возникновения этносоциологии в СССР.

В советской этнографии тех лет также наметились определенные изменения. Они были вызваны тем, что во внешней политике СССР появился особый интерес к странам, получившим независимость после Второй мировой войны; а во внутренней политике советское руководство стремилось продемонстрировать свои успехи в национальной сфере. Перед этнографами ставилась задача изучения актуальных проблем современности, т.е. процессов и явлений, выходящих за рамки традиционного этнографического знания, к чему они ни теоретически, ни методологически оказались не готовы. В советском этнографическом сообществе (как и в западной науке) наметился кризис, вызванный изменением объекта исследования этнографической науки в промышленно развитых странах, где этническая множественность социальных явлений и усложнившаяся социальная дифференциация этнических процессов уже не могли быть в достаточной мере изучены методами традиционной этнографии. Этнографам «для прорыва в современность» был необходим переход с микроуровня исследований, отражаемого в их работах, на макроуровень, освещаемый социологами⁸.

Одновременно с этим советские социологи также стремились «расширить границы конкретных исследований и усилить их результативность в понимании исключительно важных для страны социально-национальных процессов»⁹. Взаимное стремление «социологизировать» этнографию и «этнографизировать» социологию (а по сути дела фундаментальный конфликт внутри самих дисциплин) послужило еще одним важным объективным фактором рождения этносоциологии.

Наряду с объективными причинами существовали и субъективные факторы. В 1966 г. директором Института этнографии (ИЭ АН СССР, а с 1990 г. – ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН) был назначен Ю.В. Бромлей. В те годы он не только занимал достаточно влиятельные позиции в Президиуме АН, но и был склонен к научным инновациям. Возглавляя Научный совет по национальным проблемам Президиума АН СССР, он понимал новые задачи и перспективы этнографии.

Перед советскими этнографами стояла дилемма: либо отказаться от изучения современности, либо кооперироваться с социологами. Между тем они знали о том, какие важные изменения происходили в социальной и культурной антропологии на Западе. В частности, было известно, что изучение индустриальных обществ, социально значимых проблем современных народов и межэтнических отношений все более переходило к социологии. Однако дискуссия, разгоревшаяся в западной социологии между «качественниками» и «количественниками» в 1960–1970-е годы¹⁰, ярко отразила разочарование ученых в объяснительной силе социальных наук в целом и социологии в частности. Так, В. Филстед утверждал, что «теоретические, методологические и понятийные тенденции углубляют пропасть между социологами и эмпирическим социальным миром ... Возрастающая тенденция к квантификации ведет к уменьшению понимания этого мира ... Если мы хотим лучше понять человеческое поведение, то вместо того, чтобы постоянно увеличивать дистанцию от феноменов эмпирического социального мира, социологи должны вступать с людьми в прямой контакт»¹¹.

Советские этнографы в «споре о позитивизме» участия не принимали. Но среди них были такие, кто также разделял опасение, что увлечение количественной социологией ведет к гигантскому разрыву между миром социальным и миром социологическим, сконструированным учеными. Наряду с этим они считали, что важнейшие, с точки зрения этнографии, методы исследования: неструктурированное включенное наблюдение и нарративное интервью – социологи несправедливо считают второсортными, хотя именно с их помощью можно понимать и анализировать социальные действия. К числу этих ученых относился и Ю.В. Бромлей. Он заявил: «Мы сделаем другой институт, в котором будет развиваться социология национальных отношений как новая самостоятельная область»¹².

В 1966 г. в ИЭ АН СССР был создан сектор конкретных социологических исследований, переименованный позднее в отдел этносоциологии, что и положило начало возникновению этого вида советской науки. В ее становлении и развитии в 1960–1980-е годы можно выделить, на мой взгляд, три периода:

- 1) 1966–1971 гг. – период становления;
- 2) 1972–1985 гг. – академический период;
- 3) 1986–1990 гг. – период перестройки.

Период становления этносоциологии

Ю.В. Бромлей полагал, что «наиболее перспективный путь дальнейшего прогресса в изучении национальных отношений – кооперация специалистов, представляющих различные научные дисциплины»¹³. С целью формирования и развития этносоциологического направления в Институт этнографии АН СССР были приглашены историки, социологи, психологи, философы и даже математики (Ю.В. Арутюнян, В.А. Большаков, Л.М. Дробижина, И.С. Кон, В.С. Кондратьев, А.Д. Коростелев, А.А. Сусоколов, О.И. Шкартан и др.). В отдел этносоциологии влились этнографы, профессионально подготовленные к изучению современности: М.Н. Губогло, В.К. Малькова, А.П. Новицкая, Л.В. Остапенко, С.С. Савоскул, Л.А. Тульцева и др.

Многие «традиционные» этнографы также проявили большой интерес к новому направлению и в дальнейшем работали в тесном сотрудничестве с этносоциологами. Однако в целом советское этнографическое сообщество отнеслось к появлению этносоциологии неоднозначно и настороженно. Были такие, кто считал ее чуждой этнографии. Так, по мнению В.Н. Басилова¹⁴, «Ю.В. Бромлей, расширив рамки предмета этнографии, по сути дела разрушил эту науку»¹⁵. Правда, позднее сам В.Н. Басилов не согласился с такой оценкой своей позиции и откорректировал ее следующим образом: «Ю.В. Бромлей сузил предмет этнографии, отняв у нее задачу исследования современности... У отечественной этнографии в ходе экспериментов Ю.В. Бромлея отнимались и предмет исследования, и молодые кадры, и жизненное пространство»¹⁶. Мнение определенной части советских этнографов выражалось в том, что «этносоциология не оправдала связанных с ней ожиданий»¹⁷.

Наряду с этим многие отечественные ученые, напротив, полагали, что расширение границ традиционной этнографии и сближение ее со смежными общественными науками – тенденция современного познания мира, и считали огромной заслугой академика Ю.В. Бромлея то, что он понимал и разделял подобный научный подход. По их мнению, «если бы нашим парадом вместо Ю.В. Бромлея командовал Басилов, ни этносоциологии, ни этнопсихологии, ни этнографии детства у нас бы не было»¹⁸. А ведь именно фундаментальные исследования в области междисциплинарных направлений позволили советским этнографам и этносоциологам даже в условиях идеологического прессинга изучать реальные процессы развития народов СССР.

Этносоциологию с момента возникновения определили как междисциплинарное направление, изучающее социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах. «Судьбы наций в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов – изменения общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов, т.е. явлений, выходящих за рамки традиционных этнографических интересов. Это, скорее, проблемы социологические, но, со своей стороны, без этнографического анализа, и в первую очередь внимания к этнической множественности социальных явлений, они также не могут быть осмыслены»¹⁹, – таким было представление о новой дисциплине.

Становление этносоциологии сопровождалось дискуссиями о предмете и объекте науки, а также о применении специальных методов получения научного знания. Взаимосвязь общих социальных явлений и процессов с этническими явлениями и процессами составляла предмет исследований этносоциологии в период ее формирования. На следующих этапах развития этносоциологии видение предмета трансформировалось от «общего определения»²⁰ к развернутому представлению о предметной области этносоциологии как дисциплины, изучающей социальные аспекты развития и функционирования этносоциальных и этнокультурных групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды, взаимодействий между личностью и этнической общностью, закономерности социальных действий

и коллективного поведения этнических групп»²¹. Объектом этносоциологии стали народы (этноты) в их социальном многообразии. В советской науке тех лет этноты изучались прежде всего этнографами. Этносоциологический подход отличался тем, что в соответствующих исследованиях объект рассматривался через личность, включенную в этническую группу. Этнические группы в социологическом понимании – это сегменты, части общества, члены которых осознают себя (или считаются, с точки зрения других) носителями общей культуры и обладают чувством солидарности²².

По словам ведущих отечественных этносоциологов²³, они сразу же отказались от построений и концепций макросоциологического уровня, сознавая слабость высокоабстрактных теорий. Они предпочли частные теории – среднего уровня или диапазона действия, где теоретико-методологические предпосылки четче соотносятся с эмпирическими данными и ориентируются на изучение именно конкретного избранного предмета исследования. Таким образом, этносоциология в СССР с самого начала формировалась как специальная социологическая теория среднего уровня на основе эмпирических исследований.

Конкретный анализ в этносоциологии осуществлялся как с учетом макросреды (т.е. общих социально-экономических и политических условий в стране), так и различных уровней микросреды (начиная с особенностей этнической и социокультурной ситуации в различных типах городов и сел и кончая средой личного общения людей: работа, учеба, семья и т.д.). С этой целью в дополнение к традиционным этнографическим методам широко используются методики, разработанные в социологии, психологии, статистике, демографии и т.д.

Исследования в этносоциологии базировались на двух видах источников. Во-первых, это – официальная деловая документация, начиная с данных государственного статистического учета в масштабах страны и кончая отчетами государственных учреждений, домовыми и похозяйственными книгами, документами органов ЗАГС, МВД и т.п. Во-вторых, это – массовая первичная информация, полученная на основе репрезентативных выборочных обследований населения. Столь широкая источниковедческая база позволяет получить целостное представление о предмете этносоциологических исследований, а именно – о системной взаимосвязи социальных и этнических явлений и процессов. Неслучайно, начиная с первых же крупных проектов, этносоциологи выделяли две стратегические линии исследований – изучение социальных процессов в различных этнических средах и этнокультурных процессов в их социальном разнообразии.

Как известно, каждая научная дисциплина, в силу специфических, присущих только ей объекта и предмета исследования, выдвигает свои требования к исследовательским методам, ограничивая или расширяя использование одних и модифицируя в некоторой части процедурное содержание других. Это наблюдение в полной мере можно отнести к практике применения в советской этнографии этносоциологических методик, в частности выборочного метода.

Следует отметить, что использование статистических данных в советской этнографии имеет давнюю историю²⁴. Обращаясь к ней, необходимо назвать имена таких исследователей, как М.В. Витов, Т.В. Пучкова (Лукуянченко), В.Ю. Крупянская, Л.Ф. Моногарова, С.Б. Рождественская, Л.Н. Терентье-

ва, В.Р. Кабо и многих других, которые в своей практической деятельности учитывали и характеризовали количественную сторону изучаемых явлений. Особенно активно подобное стремление проявилось в деятельности участников Всесоюзной комплексной экспедиции по изучению современности в начале 1960-х годов. Однако, хотя в подобных работах статистические данные и занимали существенное место, их применение носило иллюстративный и усеченный характер. Использование же собственно количественных (статистических) методов в советской этнографии началось в конце 60-х годов и прежде всего под влиянием этносоциологии. Этот процесс происходил постепенно, и в нем можно выделить по крайней мере два этапа.

На первом этапе целый ряд советских этнографов (Ш. Аннаклычев, Л.А. Анохина, К.Д. Басаева, Ю.В. Гагарин, О.А. Ганцкая, А. Даниляускас, Л.А. Ефремова, В.Ю. Крупянская, С.М. Мирхасилов, А.С. Морозова, А.Е. Панян (Тер-Саркисянц), П.П. Фокин, М.Н. Шмелева и др.) при исследовании современных этнических процессов обращались к массовым источникам, получая их в ходе полевой работы с помощью анкет, интервью и другого инструментария. Но при этом они не ставили перед собой задачу строгой представительности первичной информации. Затем, когда в рамках новой дисциплины, этносоциологии, стал широко применяться собственно выборочный метод, многие этнографы (Г.П. Белорукова, В.Н. Белявина, В.И. Бойко, В.К. Бондарчик, И.Н. Браим, В.Ф. Вавилин, Р.А. Григорьева, З.И. Етоева (Строгальщикова), В.П. Иванов, Н.Ф. Мокшин, В.В. Пименов, Н.А. Томилов, Л.С. Христолюбова, Т.П. Федянович, Н.С. Шаляев, Н.И. Шатинова, Г.К. Шкляев, М.Я. Эндзеле и др.) активно использовали его в своих исследованиях, успешно решая тем самым проблему представительности данных в массовых этнографических обследованиях.

Естественно, что дальнейшее развитие не только этносоциологических, но и этнографических исследований потребовало совершенствования методик сбора и обработки массовых данных. В результате этносоциология, адаптировав совокупность социологических методов, сыграла роль передаточного звена этих методик из социологии в этнографию. Важно подчеркнуть, что уже в годы становления этносоциологии ее методики начали «проникать и в “собственно” этнографические исследования современности»²⁵ и оказали плодотворное воздействие на их дальнейшее развитие.

В частности, этнографы обратились к новым подходам, разработанным этносоциологами под руководством Ю.В. Арутюняна и О.И. Шкаратана, при изучении социальной структуры народов с анализом изменений, выделением групп по характеру труда, выяснением темпов межпоколенной и внутрипоколенной мобильности и т.д. Так, разработанная ими методика изучения этносоциальной структуры была удачно применена В.И. Бойко при изучении народов Сибири и Амура²⁶. Позднее в том же исследовательском направлении работали этнографы А.Б. Дзадзиев, О.В. Котов, Р.А. Разин, Ю.П. Шабалев и др.

Вслед за М.Н. Губогло, который первым в отечественной науке выделил и плодотворно изучал этносоциальные аспекты национально-русского двуязычия²⁷ и тем самым положил начало развитию целого научного направления, новые методы, методики и методические приемы исследования этнолингвистических процессов использовали не только этносоциологи (З.В. Анайбан, А.П. Галстян, С.Л. Нестерова и т.д.), но и этнографы (Г.П. Белорукова,

Р.А. Григорьева, Н.Ф. Мокшин, М.Б. Рогачев, Н.С. Шалаяев, Г.К. Шкляев, Л.С. Христоробова).

Работы О.И. Шкаратана, выполненные в соавторстве с Ю.В. Бромлеем и раскрывающие необходимость исследования этнокультурных условий протекания экономических процессов и значения этнокультурного фактора в производственной жизни общества²⁸, привели к успешному объединению усилий этносоциологов и этнографов в этом направлении²⁹.

Бесспорно, что социальный заказ на науку в СССР (впрочем, это – общеизвестная мировая практика) носил идеологический характер. И этот факт объясняет, в частности, почему в 1960-е годы становлению этносоциологии уделялось особое внимание. Ей оказывалась не только идеологическая, но и серьезная финансовая поддержка. Например, были выделены большие средства на экспедиционный фонд для организации массовых долгосрочных обследований в регионах. Этносоциологические исследования активно велись с конца 1960-х годов. Так, в Литве, Латвии и Эстонии изучались процессы интернационализации быта и культуры населения; в Узбекистане – проблемы интернационального воспитания молодежи; в Грузии и в Молдавии – межэтнические контакты на промышленных предприятиях; в Таджикистане – межэтнические браки; в Белоруссии – духовная культура различных этносоциальных групп городского и сельского населения, этнические аспекты миграции и семейных отношений. Однако эти исследования, проведенные в рамках отдельных республик, были представительны для конкретных предприятий, групп населения, жителей определенных городов или сельских районов.

Сравнительные исследования советских наций реализовывались поэтапно. В 1967–1969 гг. было проведено первое репрезентативное исследование в Татарской АССР. Коллективная монография «Социальное и национальное: опыт этносоциологического исследования в Татарской АССР» обобщила его результаты и явилась преддверием следующего общесоюзного исследования, завершив тем самым первый период развития советской этносоциологии.

Академический период этносоциологии

В 1972 г. в стране отмечалось 50-летие образования СССР. Для этносоциологов этот год стал началом проведения первого общесоюзного исследования, одного из самых масштабных в мировой практике. По своей выборке, задачам и избранным для анализа ситуациям оно было сходно с Гарвардским проектом по социальным и культурным аспектам развития, проведенным под руководством А. Инкелеса³⁰, американского социолога и антрополога, изучавшего в русле постэволюционистских идей факторы модернизации путем фундаментальных массовых опросов в ряде стран Европы, Азии, Африки и Америки.

Направление и ход общесоюзного этносоциологического исследования определяла специально разработанная программа «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» (далее: ОСУ). Генеральная гипотеза ОСУ «сводилась к идее детерминации культурного развития и сближения наций общими социальными факторами. Предполагалось, что принципиальное сходство этих факторов – прежде всего единая

социально-политическая и экономическая система, процессы индустриализации и урбанизации создают основу для общности в образе жизни и культуре народов, в процессе трансформации которой национальные особенности, чем дальше, тем больше перемещаются из сферы материальной в духовную, социально-психологическую, связанную с национальным самосознанием»³¹.

Комплексные исследования в рамках ОСУ велись в Эстонии, РСФСР, Молдавии, Грузии, Узбекистане по единой программе сотрудниками отдела этносоциологии Института этнографии АН СССР под руководством Ю.В. Арутюняна вместе с учеными, в том числе и этнографами, из союзных республик Ю.Ю. Какком, С.М. Мирхасиловым, В. Квачахия, Р. Грдзелидзе и В.С. Зеленчуком.

По сходной программе были проведены обследования в Армянской ССР, Киргизской ССР, а также в ряде автономных республик – в Карельской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР, позднее – в Саратове, в Калининской (Тверской) области, Краснодарском крае. Дополнения, вызванные спецификой отдельных регионов, делались таким образом, чтобы не нарушать принципов строгой сопоставимости полученных материалов. В итоге были собраны два массива данных: информация о среде, отражающая социально-культурные условия жизни; и материалы, характеризующие поведение социально-этнических групп населения. Выборка на разных ступенях охватила 30 тыс. респондентов в возрасте 18 лет и старше в 42 городах и 250 сельских поселениях. Исследование завершилось в 1982 г. Методическое обоснование проекта ОСУ и его научные результаты нашли освещение в ряде коллективных научных монографий³².

Проект ОСУ стал одним из первых, в ходе которого удалось осуществить комплексный подход, т.е. исследовать особенности не только макросреды, но и мезосреды, и микросреды. Проведение комплексных исследований обычно сопровождается большими трудностями. Во-первых, задача обеспечения комплексности требует серьезной финансовой поддержки и долгосрочных исследований в масштабах всей страны. Во-вторых, обеспечивать такие исследования должен крупный коллектив ученых, имеющих одну научную школу. В-третьих, о динамике социальных процессов в различных этнических средах можно говорить, лишь опираясь на результаты серий замеров, проводимых в разное время по сопоставимым методикам. На данном этапе развития этносоциологии все эти задачи были выполнимы. Удачному проведению комплексных исследований, в частности, способствовало то, что они не только хорошо финансировались за счет бюджетных средств, но и имели разные формы поддержки со стороны партийных и правительственных органов.

Осуществление масштабных проектов также стало возможным благодаря удачному решению кадрового вопроса в этносоциологии. К началу 1970-х годов в Институте этнографии уже сформировался творческий научный коллектив, состоящий из молодых ученых с разным базовым образованием, но прошедших общую школу становления этносоциологии. Многие из них к тому же получали дополнительно второе образование (математики – историческое, историки – социологическое и т.п.). Для работы в области этносоциологии приглашались выпускники философского, экономического и исторического факультетов МГУ. Школа этносоциологии также создавалась

через аспирантуру ИЭ АН СССР, где ей ежегодно отводилось 25–30% всех мест. Среди них были так называемые целевые места, выделявшиеся специально для представителей отдельных республик, в результате чего во многих союзных и автономных республиках возникли коллективы этносоциологов, участвовавшие как в совместных общесоюзных проектах, так и проводившие собственные исследования. Здесь нелишне напомнить, что первыми аспирантами в секторе конкретных социологических исследований ИЭ АН СССР были Е.И. Клементьев, Л.В. Остапенко, Аустрис Аписитис, Г. Трапезников, М. Кумахов и др.

Помимо таких крупных научных центров СССР, как Москва, Ленинград, Новосибирск, Казань, на рубеже 1970–1980-х годов в Армении, Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Молдавии, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане и Киргизии начали работать кадры этносоциологов, обученные в большинстве случаев в Москве и Ленинграде. В Академиях наук Армении, Украины, Белоруссии, Казахстана и Узбекистана были сформированы отделы этносоциологии. В 14 из 16 автономных республик РСФСР также работали этносоциологи, подготовленные в основном в Институте этнографии АН СССР. Все это позволило проводить широкомасштабные репрезентативные исследования не только в союзных республиках, но и во всех республиках Урало-Поволжья, в Туве, Кабардино-Балкарии, Карелии, Коми, Северной Осетии, в других регионах страны.

В эти годы этносоциологи активно разрабатывали социальные и социально-психологические проблемы³³. В этнокультурной тематике внимание фокусировалось на особенностях этносоциального поведения, процессах модернизации, а также соотношении современных и традиционных элементов в культуре социальных групп, городских и сельских жителей³⁴. Под руководством О.И. Шкаратана продолжалось изучение влияния этнических факторов на модернизационные процессы в городах Татарии, Узбекистана и др.³⁵

Исследования этноязыковых процессов также являлись одним из важных направлений этносоциологических исследований. Именно в эти годы этносоциологи изучали степень влияния на различные факторы (социальное продвижение, мобильность, урбанизационные и, в целом, модернизационные процессы) знания второго (русского) языка представителями народов СССР; выявляли роль школы, армии, этнической среды и контактов людей в различных сферах жизнедеятельности в качестве факторов распространения русского языка как средства межнационального общения; устанавливали потребности населения союзных и автономных республик в школах с тем или иным языком обучения и др.³⁶

Одним из наиболее популярных направлений этносоциологии этого периода стало исследование межэтнических браков. Их изучение в разных регионах СССР позволило этносоциологам выявить основные теоретические принципы, которые связали отдельные региональные исследования в этой проблематике: взаимосвязь этнической и социальной разнородности межнациональных браков; влияние национального состава этнически-смешанных браков на межэтническую трансмиссию культуры, на развитие этнического самосознания и т.д. Этносоциологи (И.М. Гришаев, М.Г. Панкратова, А.А. Сусоколов, Р.Н. Мусина, В.В. Гриценко, А.П. Новицкая, А.П. Пономарев, Л.И. Семенова, И.А. Снежкова и др.) находили в этой проблематике

свой аспект. В их поле зрения оказывались этнические традиции, влияющие на состав семьи и внутрисемейные отношения, и характер влияния специфически этнических отношений на социальную мобильность, распределение ролей в семье³⁷.

В то же время тема семьи и семейно-брачных отношений народов СССР по-прежнему была очень популярна среди советских этнографов. Но с развитием этносоциологии их исследования получили новый импульс. Многие этнографы (Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Н.Ф. Беляева, Р.А. Григорьева, Э.-Б.М. Гучинова, В.П. Иванов, П.П. Кальнюс, Г.А. Комарова, М.Б. Рогачев, Г.Р. Столярова, Т.П. Федянович, П.П. Фокин, Р.И. Уразманова, М.Я. Устинова, Н.И. Шатинова и др.) плодотворно использовали конкретно-статистический подход при изучении современной семьи, национально смешанных браков, семейно-брачных отношений, семейной обрядности у народов СССР. Состав семьи, внутрисемейные взаимоотношения, функции современной семьи и ряд других проблем рассматривались при этом в комплексе и во взаимосвязи с учетом социально-профессиональной и национальной принадлежности членов семьи, их демографических характеристик и т.п., что способствовало пониманию особенностей современных социальных отношений.

Очень важной темой в этносоциологии стала проблематика, исследующая сферу межэтнических отношений и этническую идентичность. Ранее уже упоминалось о том, что этносоциологи выделяли и разрабатывали два уровня исследования национальных отношений: институциональный (межреспубликанский) и межгрупповой, межличностный. Отметим, что исследование межгрупповых межэтнических отношений на межличностном уровне проводилось впервые в отечественной науке и в то же время было наиболее востребовано мировой научной общественностью. Важно напомнить, что существовавшая в те годы изоляция отечественной науки порождала как ее своеобразие (оригинальность советской теории этноса), так и определенный провинциализм. Однако ведущие советские этносоциологи стремились, во-первых, преодолеть оторванность от мировой науки, знакомясь с ее идеями не только в виде критики буржуазных теорий, но и в оригинале, и, во-вторых, вносить в нее и свой вклад. В частности, изучение групповых межэтнических отношений стало как раз той тематикой, с которой советская этносоциология входила в мировую науку. Этносоциологи рассматривали межэтнические отношения (как это было принято и в мировой науке тех лет) не только в широком, но и в более узком смысле. В первом значении они изучались при исследовании взаимодействия культур (социально-культурная тематика), а во втором значении (социально-психологическая проблематика) – как межэтнические, межнациональные, или межгрупповые отношения, проявляющиеся на межличностном уровне. Этнографы, хотя и не сразу восприняли подобный уровень исследований, но постепенно и в их сообществе этот подход получил признание и достаточно широкое применение. Опыт и достижения этносоциологов (Л.М. Дробижевой, Р.К. Трдзелидзе, Г.В. Старовойтовой и др.) в этой области знаний в своих исследованиях использовали многие этнографы (Т.С. Гузенкова, В.П. Иванов, О.В. Котов, Н.Ф. Беляева, Л.С. Христолюбова, Г.К. Шкляев и др.).

Комплексность как задача-максимум в проведении исследований в 1970–1980-е годы стимулировала этносоциологов в поиске нестандартных исследовательских подходов. Наиболее актуальными проблемами для них

в этот период были: общесоюзная унификация программ по основным исследовательским направлениям и совершенствование системного подхода в изучении этносоциальных процессов. Особое внимание уделялось использованию опыта прикладной социологии в области сбора и обработки информации (методы проверки надежности первичной информации, методы статистико-математической обработки и применения ЭВМ). Все большее распространение получали методы формализации, типологизации, квантификации и моделирования. В результате дискуссий были сформулированы главные методологические принципы этносоциологических исследований: конкретное, комплексное, всестороннее и целостное изучение проблемы в ее историческом развитии.

Стремление рассматривать явления и процессы в исторической перспективе было характерной чертой этносоциологических исследований второго периода. Важный шаг в этом направлении был сделан теми научными коллективами, которые проводили повторные исследования, сохраняя основной блок вопросов в анкетах с тем, чтобы иметь возможность сравнивать динамику изменений. В результате были созданы банки данных исследований, проведенных по сопоставимым программам (Татарстан, Эстония, Грузия, Узбекистан, Молдова, ряд областных центров РСФСР: 1967–1968, 1971–1976, 1984–1986, 1991–1994 гг.). Их научная ценность бесспорна, так как современные методики и технические достижения предоставляют возможность вторичного анализа имеющихся материалов. Данный факт необходимо особо отметить.

Несомненно, на втором, наиболее благоприятном, этапе своего развития этносоциология проделала серьезное движение по пути сочетания теоретического и эмпирико-методологического компонентов этносоциологического знания. Но все же разрыв между теоретическим анализом и практикой, между огромным разнообразным материалом, полученным в ходе конкретных исследований, их результатами и их интерпретацией был одним из основных недостатков этносоциологии этого периода. Во многих работах тех лет наблюдался известный отрыв теории от практики: либо добросовестно описывалась эмпирическая информация без серьезных попыток ее теоретического обобщения, либо преподносилась чистая «теория», иллюстрируемая отдельными фактами, подменяющими глубокий анализ всей совокупности данных. Вот почему возможность вторичного анализа данных исследований 1970–1980-х годов представляет несомненный научный интерес.

И все же наиболее важной особенностью рассматриваемого периода стала дальнейшая крепнущая кооперация этносоциологов с этнографами, причем этот процесс был взаимополезен. Например, этносоциологи в своих исследованиях помимо количественных методов опроса (анкетирование и интервьюирование) все чаще использовали этнографические (качественные) методы, в том числе неструктурированное включенное наблюдение и нарративное интервью. Традиционные для этнографии приемы сбора информации они применяли на первых этапах своих исследований с целью предварительного обследования изучаемого объекта, что позволяло выбрать и выдвинуть проблемы для представительного статистико-этнологического исследования, выдвинуть новые гипотезы, поставить новые и скорректировать старые задачи, которые могли быть решены при повторном исследовании и т.д. Отметим при этом, что «включенное наблюдение» в этносоциологии (в отличие

от этнографии) – это, когда «исследователь вступает в сетевые отношения социальных акторов на объекте исследования»³⁸.

В свою очередь, этнографы, понимая, что возможности количественных методов не исчерпываются простым привлечением массовых данных или использованием методов изучения статистических связей, корреляционного анализа и другой техники, уже вошедшей в их употребление, не ограничивались накопленным капиталом. Вслед за этносоциологами они вели разработку новых для них методов, необходимых для более углубленной интерпретации массовых данных и нацеленных не только на статистическую представительность, но и на глубину понимания отдельных ситуаций. Например, с целью экспериментальной проверки метода экспертных оценок в 1973 г. в Удмуртской и Мордовской АССР параллельно с массовым обследованием населения был проведен опрос экспертов³⁹.

Как известно, этнографы в своей практике и ранее постоянно обращались к мнению некоторых своих наиболее компетентных информаторов (обычно из среды местной сельской интеллигенции) по поводу изучаемых объектов или процессов. Но эти оценки были случайными, никак не упорядочивались и специально не обрабатывались. На материалах удмуртского и мордовского обследований этнографы, вслед за этносоциологами, применили метод экспертных оценок в этнографии на качественно новом уровне. В последующие годы его разработку этнографы проводили и в других регионах Урало-Поволжья (В.Н. Петров, С.К. Жидкова, Л.С. Христолюбова). Метод экспертных оценок позволял, по их мнению, выявить общие тенденции и закономерности современных этнических процессов, их типологии, характеристики соотношения тенденций развития разных народов и т.д.⁴⁰ Помимо того, этнографы рассматривали экспертные оценки как базу «для научно обоснованного планирования и организации массовых обследований: определения объектов (представителей типов), программ и проблематики обследований».

Вслед за этносоциологами Л.М. Дробижевой, М. Лауристин, В.К. Мальковой, первыми в нашей стране применившими качественно-количественный анализ содержания массовых однотипных документов (контент-анализ) для изучения национальных проблем, этнографы также широко использовали этот метод в своих работах, прежде всего при анализе материалов СМИ. Этнографы высоко оценили возможность применения контент-анализа для перевода информации нарративных источников в количественную форму и ее дальнейшего статистического анализа⁴¹.

Этнографы, не без влияния этносоциологов, расширяли и круг этнографических источников. Например, Г.А. Комарова первой использовала материалы Службы знакомств, возникшей в 1980-е годы в СССР. Информационные карты абонентов Службы знакомств, брачные газетные объявления и архивы и т.д., содержащие не только количественные, но и качественные характеристики представителей разных этносов, позволяли использовать их в качестве ценных этносоциологических источников. Их безусловные достоинства состояли в том, что они носили массовый характер, содержали оперативную текущую информацию, отличались высокой степенью достоверности и сопоставимости⁴².

Весьма ценным и взаимополезным стало в эти годы совместное участие этнографов и этносоциологов в общих научных проектах (в частности, в международном проекте Венского научного центра «Культурная деятель-

ность в рамках семьи и трансмиссия культуры» и т.п.), в объединенных научно-методических семинарах, конференциях, ежегодных полевых сессиях, в заседаниях ученых советов, в совместных полевых экспедициях, в выпуске междисциплинарных научных изданий и т.п. Первая научно-практическая этносоциологическая конференция была организована в Кабардино-Балкарии в 1975 г., затем были проведены школы-семинары в Ереване, Баку, Киеве, Львове, Элисте, Ташкенте и Таллине.

В результате тесных и взаимополезных контактов с этносоциологами советские этнографы с середины 1970-х годов все чаще проводили массовые этностатистические опросы, выборки которых были обширными, а их тематика – все более многоаспектной и многофакторной. И это было весьма закономерно, так как круг проблематики всякой науки в значительной мере определяется возможностями и уровнем развития ее методического инструментария. Применение количественных методов в этнографии на рубеже 1960–1970-х годов, о чем ранее уже упоминалось, расширило технический арсенал ее средств и позволило обратиться к решению ряда новых содержательных задач, выдвигаемых не только логикой развития самой науки, но и современной практикой. Привлечение массовых статистических материалов в этнографических исследованиях, в отличие от традиционного сбора сведений от довольно ограниченного числа информаторов, позволяло судить об общих тенденциях в современных этнических процессах и обращаться к новой для советской этнографии проблематике. Так, В.В. Коротева изучала этносоциальные аспекты рождаемости, Г.А. Комарова первой из этнографов исследовала гендер как инструментальный этносоциологический анализ, Н.Ф. Беляева выявляла этническую специфику процесса социализации детей и подростков в МАССР и т.д. Важно подчеркнуть, что не только этносоциологи, работавшие на базе Института этнографии, имели в эти годы достаточные финансовые и интеллектуальные возможности для проведения крупномасштабных полевых исследований. Помимо репрезентативных исследований под руководством крупнейшего этносоциолога Ю.В. Арутюняна в автономных республиках Поволжья в эти же годы были выполнены представительные исследования этносоциальных процессов под руководством известного этнографа В.В. Пименова, с именем которого связывают становление статистико-этнологического подхода в этнографии⁴³. Это научное явление заслуживает особого внимания, поэтому остановимся на нем поподробнее.

Напомним, что использование статистических данных в советской этнографии имеет давнюю историю, однако применение собственно количественных (статистических) методов произошло под влиянием этносоциологии. И в дальнейшем, по словам В.В. Пименова, статистическое направление в этнографии формировалось частично во взаимодействии, а частично параллельно с этносоциологией⁴⁴.

К сожалению, в работах представителей этого направления (подхода) нет терминологической ясности и определенности. Еще в 1976 г. казанские этнографы, работающие под руководством Е.П. Бусыгина и Н.В. Зорина, предложили называть исследовательское направление в этнографии, использующее количественные (преимущественно статистические) методы сбора и анализа этнографической информации, «статистической этнографией». Однако в работах В.В. Пименова и его последователей это направление опре-

делялось как «системный или, точнее, системно-статистический подход»⁴⁵, затем как «системно-структурный» подход⁴⁶ и т.п. Позднее эти же исследователи вслед за казанскими этнографами в некоторых своих работах⁴⁷ обозначили его «статистической этнографией», но потом вновь вернулись к прежней терминологии⁴⁸.

В любом случае системно-статистический или системно-структурный подход, родоначальником которого стал В.В. Пименов, получил определенную популярность в советской этнографии 1970–1980-х годов и был связан с формированием системных представлений об этносе, что определялось господствующей в тот период в СССР марксистско-ленинской теорией этноса. Представители этого направления определяли этнос как «относительно обособленную динамическую самовоспроизводящую социальную систему чрезвычайно высокой степени сложности, структурные компоненты которой входят в нее “на правах” также весьма сложных подсистем, а последние “подвижно скреплены” между собою многочисленными и разнообразными связями, имеющими характер отношений числа, порядка, направления, силы, координации и субординации». Исследователи представляли «этнос сложным сочетанием следующих компонент: демографической структуры данной общности, ее экономики, территориального размещения (расселения), социальной структуры, языка или языков, функционирующих среди членов данной общности, материальной и духовной культуры (фольклорной и профессиональной), быта (иначе говоря, стереотипных форм поведения) членов данной общности, их этнического самосознания и некоторых (этнических) черт психики. Другими словами, этносы суть большие группы людей, “взятые” в реальном контексте социальных, культурных, языковых и иных отношений и характеристик»⁴⁹.

Впервые проблема целостного (системного) анализа этноса с помощью статистических методов была поставлена и изучена в трудах В.В. Пименова⁵⁰. Их автор рассматривал исследования подобного рода как попытку дальнейшего развития идей и принципов, ранее сформулированных советскими этнографами, социологами, этносоциологами и психологами. В.В. Пименов стремился расширить понятийный аппарат этнографии путем введения в научный оборот терминов «компонента этноса», «этнофор», «основание этноса», «социально-этническая ситуация» и др. По его определению, «этнофор» – это личность, выступающая в качестве носителя этнических черт и характеристик; «компонента этноса» – это его структурная единица высшего порядка, его существенная сторона, имеющая (в свою очередь) сложное строение и членящаяся на элементы (признаки, переменные, факторы) более низкого таксономического порядка; «социально-этническая ситуация» – совокупность характеристик объекта на момент его исследования и т.д.

С рубежа 1960–1970-х годов Институтом этнографии АН СССР совместно с научными учреждениями Урало-Поволжья был осуществлен целый ряд массовых этнографических (статистико-этнографических) исследований, посвященных изучению современных этнических процессов в республиках Поволжья и Приуралья (руководитель – В.В. Пименов). Такие исследования прошли в Удмуртии (1968, 1979), в Мордовии (1973), Чувашии (1981), Марийской республике (1984–1985), Калмыкии (1985), Башкирии (1986). Отметим, что в качестве объекта этнографического изучения начиная с 1973 г. наряду с коренной национальностью республик выступало и местное насе-

ление других национальностей. В результате этнографы ИЭ АН СССР в сотрудничестве с исследователями из институтов и университетов Казани и Ижевска, Саранска и Чебоксар, Уфы и Йошкар-Олы и некоторых других поволжских городов провели серию массовых многоаспектных обследований, в программах которых учитывались самые различные проблемы.

В результате этих и последующих обследований этнографы с позиций системного подхода изучали очень широкий круг проблем: семью и семейно-брачные отношения (Р.А. Григорьева, Э.-Б.М. Гучинова, В.П. Иванов, Г.А. Комарова, М.Б. Рогачев, Г.Р. Столярова, Т.П. Федянович, П.П. Фокин, М.Я. Устинова и др.); пищу (Н.Ф. Гайнуллина, Р.А. Григорьева, А.С. Лузгин, П.М. Мезин, А.Е. Пахутов, Е.Я. Трофимова, Л.С. Христюлова), жилище и поселения (В.Ф. Вавилин, З.И. Етоева, А.Д. Коростелев, Г.К. Шкляев), одежду (Г.Б. Матвеев, Т.Л. Молотова, Г.А. Никитина, С.В. Суслова), обряды (Э.-Б.М. Гучинова, Н.И. Шатинова, Т.П. Федянович, М.Я. Устинова), межэтнические отношения (В.А. Балашов, Т.С. Гузенкова, В.П. Иванов) и т.д. Был также накоплен опыт исследования статистическими методами этнотерриториальных групп, живущих в условиях иноэтнического окружения (Р.А. Григорьева, В.П. Иванов, М.Д. Киекбаев, А.Д. Коростелев, О.В. Котов, Г.К. Шкляев).

Большое внимание уделялось методике проведения подобных исследований. Инструментарий строился с расчетом на получение как формализованных данных для переработки их на ЭВМ, так и протоколно фиксированной информации, пригодной для традиционной разработки, разнообразия описания и т.п. Переработка данных на ЭВМ позволяла преобразовать информацию и получить ее в форме промежуточных и окончательных результатов. Промежуточные результаты (двумерные и многомерные, т.е. таблицы и статистические распределения) давали возможность исследовать связи между факторами и охарактеризовать каждый из показателей, заложенных в инструментарий исследования, получить представление о динамике, определить тенденции в развитии изучаемых явлений.

Системный подход в этнографии, по мнению В.В. Пименова, выражал тенденцию к изучению этноса как целостности с ее внутренними и внешними связями, отношениями и взаимодействиями⁵¹. Однако, как утверждали сторонники системного подхода в этнографии, «собственно системно-статистический анализ этноса, включающий выявление внутренней структуры отношений между его компонентами и более мелкими таксономическими единицами, образующими “живую ткань” изучаемого этноса, начинается лишь с переходом к его структурному моделированию»⁵². Такое моделирование осуществлялось путем исчисления так называемых информационных коэффициентов связи, выражающих меру связи каждого фактора со всеми остальными. В результате довольно сложных исследовательских процедур строились «вполне обозримые и пригодные для дальнейшего анализа модели этноса в виде графов». Анализ общей модели этноса, по мнению В.В. Пименова, выявляет ее принципиальную структурную композицию, дальнейший анализ связей, вскрытие их характера и особенностей, определение меры их существенности и ролей в системе отношений. Иначе говоря, познание логики отношения между факторами – таков главный путь исследования модели⁵³.

Использование структурного моделирования давало возможность исследования общих свойств этноса, выступающего как целостность. Системно-статистическому подходу к этносу свойственны такие черты и особенности, как применение статистических процедур при сборе, переработке и анализе этнографической информации, а также соответствующих приемов, открывающих возможности моделирования структуры этноса, логический анализ моделей, их интерпретация на основе всей суммы этнографических знаний, определение детерминирующих «начал» и выявление системного характера детерминации этнических структур и процессов⁵⁴.

К середине 1980-х годов в различных этнографических центрах СССР (Москва, Ленинград, Петрозаводск, Казань, Саранск, Ижевск, Чебоксары, Уфа, Йошкар-Ола, Горноалтайск и др.) не только отдельные исследователи, но и научные группы работали с применением различных статистических методов и приемов. Однако степень и характер их использования в этнографических исследованиях имели большой диапазон: от элементарного соблюдения требований статистических методик и арифметических подсчетов тех или иных характеристик до анализа качественных изменений и использования системного анализа и моделирования структур при изучении этноса и его отдельных компонент⁵⁵.

При этом сами исследователи осознавали, что, изучая модели, те или иные статистические тенденции, нельзя забывать, что «за формальными построениями скрыты живые люди и их реальные судьбы». Они отмечали, что системно-статистический подход к этносу имеет не только достоинства, но и значительные ограничения. «Мы научились выявлять и изучать структуры, но еще плохо умеем воспроизводить движение, процессы (в частности, этнические). Наши модели пока статичны». Системно-статистическое направление в этнографии имело также и сторонних критиков, считающих что «в его (В.В. Пименова) увлечениях системными подходами и теорией информации были случаи надуманности или просто незнания достоверной статистики»⁵⁶.

Истины ради следует отметить, что, действительно, наряду с успешными результатами в истории кооперации этнографов и этносоциологов встречались и неудачи: например, недостаточно корректное использование отдельными исследователями математических методов, их чрезмерное увлечение «этническим» моделированием, квазинаучные поиски «ядра этноса», конструирование «структуры наций и народностей» и все то, что могло дискредитировать достижения этносоциологии. Однако подобные экспериментально-исследовательские опыты просуществовали недолго, не получив одобрения прежде всего со стороны этносоциологов.

Особые реальные трудности этносоциологии были связаны с тем, что национальная проблематика в СССР принадлежала, в первую очередь, представителям научного коммунизма. Этносоциологи находились с ними в постоянном конфликте, так как «в отличие от “научных коммунистов” они не просто толковали цитаты столетней давности, а обсуждали реальные проблемы межнациональных отношений»⁵⁷. По словам этносоциологов, «было прямое идеологическое давление. Например, мы не могли опубликовать прямые данные о межэтнических установках населения Эстонии. Мы их публиковали в закодированном виде, в индексах, чтобы нельзя было установить абсолютные числа по социальным и этническим группам. По Грузии были “плохие” дан-

ные. Их тоже “камуфлировали”, но специалисты могли понять суть. Данные об азербайджанских стереотипах в Армении были столь разительны, что о них вообще нельзя было упомянуть». И все же, по мнению Л.М. Дробизевой, преувеличивать давление идеологии на этносоциологию тех лет не следует: «Все-таки мы родились уже в другую эпоху, и можно было заниматься своей профессией без страха. Конечно, все наши труды брали “на просмотр”. Но надо было соблюдать определенные правила... Иногда помогало специфическое умение интерпретировать данные. Например, количество желающих обучаться на родном языке и обучающихся на нем не совпадают. Это можно интерпретировать как признак скрытого конфликта, но можно показать и как свидетельство успеха культурного строительства. О социальных и национальных конфликтах можно было думать, но писать было нельзя. Зато мы никогда не говорили о расцвете и сближении наций и народностей: это было прерогативой научного коммунизма. “Расцвет” мы считали ботаническим понятием. В наших работах не было словосочетания “развитой социализм”. Аргумент у нас был простой: социализм не может быть “недоразвитый”»⁵⁸.

Сравнительно спокойное существование этносоциологии в СССР обычно объясняют тем, что она развивалась в лоне этнографической науки. Так, западные ученые, отмечая, что в отличие от советских историков, творческий потенциал и научные возможности которых сковывала и ограничивала жесткая зависимость от марксистского подхода к историографии, полагали, что советские этнографы в своей работе не имели подобных ограничений, так как власти рассматривали этнографию как идеологически безопасное поле⁵⁹. Отечественные ученые также подчеркивали, что этнография в 1970–1980-е годы контролировалась не столь пристально, как, например, социология или философия. У этносоциологов «не было и половины тех бед, которые были у других, например в Институте социологических исследований и в Институте философии. В значительной степени научная и психологическая атмосфера в институтах зависела в те годы от личности руководителя... Не случайно, коллеги из других институтов отмечали, что уровень теоретического мышления, включая и возможность научных дискуссий, в Институте этнографии был выше, а психологическая атмосфера лучше, чем в других исторических, не говоря уже о философских, учреждениях»⁶⁰.

Безусловно, этносоциология в рассматриваемый период по-прежнему выполняла социальный заказ господствующей в СССР идеологии. Это сдерживало, но не останавливало ее развитие. Это был хотя и специфический, чрезвычайно непростой, долгосрочный, но тоже путь познания, неоспоримым итогом которого стали новые научные знания, новые идеи. Но все же главный результат состоял в том, что благодаря этносоциологии этнография в эти годы, во-первых, в целом преодолела былую традицию делить культуру на материальную и духовную, без учета социального контекста и сложных социальных взаимодействий; во-вторых, начала активное исследование этнических проблем современности и, в-третьих, перестала восприниматься лишь наукой об архаике. В итоге все это позволило покончить с существовавшей в СССР практикой изоляции этнографии как науки о культуре от наук о человеке и обществе.

Немаловажно также напомнить о том, что лучшие научные труды этносоциологов заметно повысили в эти годы интеллектуальный уровень и престиж этнографии как в СССР, так и за рубежом⁶¹. Не случайно, ряд зарубежных ав-

торов⁶² специально привлекали внимание западных ученых к работам таких сотрудников Института этнографии АН СССР, как Арутюнян, Бромлей, Кон, Шкаратан, отмечая, что «некоторые глубокие теоретические моменты в них представляют особую ценность для социологии».

Американская исследовательница Л. Гринфелд, указывая на «многочисленные примеры этносоциологического подхода в советской этнографии», особо подчеркивала, что «Арутюнян и Сусоколов⁶³ продемонстрировали методологические преимущества совместного исследования социоэкономических и демографических индикаторов в переписях населения с этническими и культурными показателями. Многие другие (советские ученые. – Г.К.) провели “этносоциологический” анализ урбанизации, семейных отношений, демографических тенденций, производительности труда, классовой структуры в различных советских республиках»⁶⁴.

Другой авторитетный эксперт – Дж. Волзайнер, оценивая работы И.С. Кона, выполненные в рамках этносоциологии, писал о том, что подход к развитию ребенка, разрабатываемый в ИЭ АН СССР, «более эрудирован, чем его западные аналоги», поскольку он «интегрирует историческое, семиотическое, этнографическое и социально-психологическое знание», что редко делается в западноевропейской и североамериканской психологии⁶⁵. Попутно отметим, что труды И.С. Кона и его коллег по этнографии детства (прошу не путать с пресловутой «этнопедагогикой». – Г.К.) по-прежнему высоко оцениваются зарубежными и отечественными специалистами, утверждающими, что подобное исследовательское направление и ныне остается весьма значимым и перспективным для науки. Уже упоминавшаяся выше Л. Гринфелд, в свою очередь, описывая примеры этносоциологического подхода в советской этнографии, также подчеркивает заслуги И.С. Кона, который «в 1983 году предложил и сделал первую теоретическую попытку применить это в исследовании гендерной стратификации»⁶⁶.

Зарубежные ученые, знакомя западное научное сообщество на рубеже 1980–1990-х годов с состоянием наук гуманитарного цикла в СССР, особо выделяли целый ряд важных достижений советских этносоциологов: во-первых, «они хорошо знали работы западных социологов и использовали их как источник сравнительных данных»; во-вторых, их исследования «содержали массу интересных социографических материалов»; в-третьих, советские этносоциологи, «в отличие от советских социологов, давали не просто сырые данные, но и старались интерпретировать свои материалы, объяснять их и стремились к пониманию реальности»⁶⁷.

Столь высокая оценка работ советских этносоциологов западными коллегами, обычно скупыми на похвалы, наряду с другими рассмотренными выше обстоятельствами дают нам полное основание считать второй период развития советской этносоциологии «академическим».

Период перестройки в этносоциологии

Начавшиеся во второй половине 1980-х годов процессы перестройки поначалу оказали на развитие этносоциологии достаточно благотворное влияние. Этносоциологи оценивали эти годы для себя как «романтические»⁶⁸. Деидеологизация и академическая свобода советской науки; рост общественного интереса и внимания СМИ к деятельности этносоциологов;

возрастание удельного веса внебюджетного финансирования (поддержка научных фондов, государственных и частных организаций); компьютеризация (распространение персональных компьютеров, приобщение к электронной почте и Интернету); интеграция в мировую науку (участие в международных научных конференциях; выполнение зарубежных заказов; совместные международные проекты; обмен научными визитерами; возможность профессионального общения с зарубежными специалистами); активизация грантоискательской деятельности ученых; возможность осуществления интердисциплинарных проектов; крепнущая кооперация с представителями других наук – все это настраивало этносоциологов на оптимистический лад.

Они «впервые за двадцать лет перестали ощущать себя аутсайдерами»⁶⁹ и в самой социологии. До этого научные контакты этносоциологов и социологов были минимальными. Работы этносоциологов, как правило, публиковались в исторических изданиях и не выходили на широкую социологическую аудиторию. Социологи не интересовались деятельностью этносоциологов, считая их маргиналами, изучающими социальные проблемы «народов». К тому же специальный курс этносоциологии читался лишь в нескольких вузах, причем нерегулярно. В результате, в 1970–1980-е годы этносоциологи постоянно, планомерно и, на мой взгляд, достаточно успешно «вводили» социологию в этнографию, однако «ввести» этносоциологию в социологическую сферу им долгие годы не удавалось.

Лишь в годы перестройки, когда национальная проблематика в СССР стала крайне актуальной и вышла на первый план в академических исследованиях, социологи оценили заслуги и достижения своих коллег. Этносоциология была принята в социологию. Этносоциологи установили прочные контакты с социологами, проводили совместные исследования, публиковались в социологических изданиях, участвовали в научных дискуссиях, конференциях, симпозиумах, были приглашены на Первый съезд советских социологов, где впервые открыто говорили о межнациональных конфликтах, о возможности выхода Прибалтийских республик из СССР, о других жгучих проблемах современности. Именно в этот период знания и идеи этносоциологов были широко востребованы обществом на всех уровнях: от ЦК КПСС до национальных движений. «На заседаниях Комитета по этнической социологии Советской социологической ассоциации (председатель Л.М. Дробижева), образовавшегося Комитета по этнополитологии (председатели Г.В. Старовойтова и И.М. Крупник), конференциях этносоциологов в Киеве, Львове, Москве, Бишкеке обсуждались проблемы национальных движений в Прибалтике, на Украине, конфликты в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и др., принимались прямые обращения в Правительство, ЦК КПСС. Этносоциологи Л.А. Арутюнян из Армении и Г.В. Старовойтова, избранная тоже от Армении, социологи М. Лауристин и К. Халлик стали народными депутатами СССР и активно выступали с трибуны съездов. Специалисты по этносоциологии приглашались консультантами в Верховный Совет СССР, затем РСФСР и Российской Федерации, Государственную думу, Совет Федерации, правительственные учреждения (М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева, Э.А. Паин, ставший членом Президентского совета, А.А. Сусоколов, В.Н. Шамшуров – заместитель министра по делам национальностей и региональной политики и др.)»⁷⁰

Этносоциологи повсюду выступали в качестве экспертов, их охотно печатали, приглашали на телевидение. Этносоциологи активно участвовали в

работе Советской социологической ассоциации, создав свой комитет этносоциологии под руководством Л.М. Дробижевой. Но уже вскоре часть ученых вышла из него и образовала новый комитет этнополитической социологии во главе с Г.В. Старовойтовой и И.И. Крупником. Вызвано это было тем, что наиболее «радикальные» этносоциологи хотели участвовать в перестройке не только в качестве экспертов, но и практически. Позднее некоторые из них ушли из науки в политику, стали народными депутатами, лидерами национальных движений, госчиновниками высокого ранга и т.д. Из этносоциологии в этот период шла не только внутренняя, но и внешняя утечка мозгов. К тому же после распада СССР произошло отделение республиканских ученых. Все это не могло не нанести определенный урон этносоциологическому сообществу. Этносоциологию не миновали и проблемы рубежа 1980–1990-х годов, приведшие затем российскую науку к кризису: разрушение системы научных коммуникаций, плохая обеспеченность информацией, кризис системы воспроизводства кадров, двойная и прочая занятость ученых, падение престижа научного труда и др.

К счастью, этносоциологии удалось преодолеть все эти симптомы кризиса достаточно быстро. Даже в эти сложные годы они сумели осуществить ряд таких важных проектов, как, например, исследования отдела этносоциологии Института этнографии АН СССР совместно с учеными из Таллина (1988, 1991 гг.) и Ташкента (1988, 1991). Наряду с этим они активно использовали и обширный банк данных предыдущих обследований. Именно в эти годы тематика этносоциологических исследований даже расширилась и актуализировалась.

Вывод о негативной трансформации современной российской науки уже банален. Одной из основных ее причин обычно называют плохое финансирование. Однако причина негативной трансформации науки в современной России – это ее глубокий функциональный кризис. Ее главные проблемы связаны с теми основными функциями, которые наука призвана выполнять в обществе. При всем разнообразии этих функций их обычно сводят к четырем основным: познавательная, образовательная, технологическая, экспертная. Соотношение между основными функциями науки и их конкретное наполнение не постоянны, а зависят от общества и избранной им траектории развития.

Современные проблемы российской науки вызваны ее функциональным кризисом, состоящим в том, что прежние, советские функции – оборонная, престижная, идеологическая – не востребованы (или востребованы в незначительной степени), а к потреблению первостепенной (как принято в передовых странах) функции науки – технологической современное российское общество не созрело. В результате наметился своеобразный «функциональный вакуум». Как отмечают российские ученые, в современной России произошло «переключение отечественной науки с прежней “космической” траектории развития на новую “политическую” траекторию»⁷¹. И в этих новых обстоятельствах положение любой науки, в том числе и нашей, зависит от социального заказа. И даже не от его характера, а от самого факта существования этого заказа. В советские времена и этнография, и этносоциология достаточно успешно выполняли функции, возложенные на нее обществом, прежде всего познавательную, идеологическую, престижную и др. В условиях перестройки и в последующие годы они (и прежде всего этносоциология)

оказались востребованными в основном лишь для выполнения экспертной функции. Безусловно, подобный социальный заказ в свое время помог и этнографии, и этносоциологии, как и некоторым другим социогуманитарным наукам, справляться с проблемами кризисного периода.

Однако это в целом позитивное явление в последние 10–15 лет вызвало к жизни ряд далеко не однозначных тенденций в развитии науки. В частности, имея лишь один вид социального заказа на выполнение экспертной функции, даже самые великие ученые, поглощенные зарабатыванием денег, причем не только для себя и своей семьи, но и для своего научного подразделения, своего научного коллектива, вынуждены меньше времени и сил отводить анализу и теоретизированию. Существующая ныне стратегия выживания ученых сказывается и на проведении эмпирических исследований. Они менее тщательно готовятся и проводятся, многие этапы работы перепоручаются аспирантам, студентам и даже непрофессионалам, хотя общеизвестно, насколько важны в нашей работе все этапы, так как никакая высокая теория руководителя проекта не исправит те провалы, что были допущены другими его участниками.

Еще один пример. Увеличение количества этнологических и этносоциологических подразделений в стране, особенно в различных ее регионах, можно оценить как факт положительный. Но зачастую это происходит за счет малооправданного и малоэффективного дробления прежних исследовательских коллективов или (что еще печальнее) в результате волшебного перерождения бывших научных коммунистов, историков партии, бывших партчиновников и т.п. – в этнографов, этносоциологов и т.д. Причем с единственной целью – для получения экспертных заказов, т.е. для получения денег. И конечно же в таких случаях ни о каких фундаментальных научных исследованиях речь не идет. И соответственно, результаты деятельности подобных «экспертов и аналитиков» лишь профанируют науку этнографию.

Можно называть различные причины, мешающие продуктивной научной деятельности. Но все они лишь производные от функционального кризиса отечественной науки, главный симптом которого – падение престижа научного труда в современном российском обществе. Повторим, что в советские времена наша наука успешно выполняла функции, возложенные на нее обществом, прежде всего идеологическую и престижную. В условиях перестройки, переключившись в основном на выполнение экспертной функции, она также оказалась востребованной. Отталкиваясь от подобного функционального подхода к науке, можно представить обозначенную выше схему развития советской этносоциологии в 1960–1980-е годы (период становления, академический период, период перестройки) в виде следующей «функциональной» периодизации:

- 1) 1966 – 1971 гг. – идеологический период,
- 2) 1972 – 1985 гг. – престижный период,
- 3) 1986 – 1990 гг. – экспертный период.

Экспертный период (или период перестройки) этносоциологии продолжается и по сей день. Его первый «романтический» этап закончился в конце 1980-х годов, и затем в развитии этносоциологии наметился процесс размежевания. Начало новому этапу положило создание Центра по изучению межнациональных отношений (ЦИМО), который возглавил М.Н. Губогло. Затем выделилась группа О.И. Шкаратана. Вскоре произошло структурное

деление отдела этносоциологии ИЭА РАН на два сектора, возглавляемые Ю.В. Арутюняном и Л.М. Дробижевой. По сути этот процесс обозначал не только административное размежевание, но и расщепление самого предмета этносоциологии на субпредметы.

И все же важнейшим итогом периода перестройки для советских этносоциологов, на мой взгляд, стало то, что они начали изучать этническую проблематику по новому для себя кругу источников. Фундаментальный пересмотр теоретической базы в конце 1980-х годов подготовил почву для многочисленных научных дискуссий. Они были вызваны потребностью разработки новых теоретических подходов и особенно активно велись в 1990-е годы. Одним из результатов подобных дискуссий стало то, что в современной российской этносоциологии существует большое разнообразие теоретических направлений и течений. Их невозможно представить в виде логично завершенной схемы. Причина заключается в сложности и неоднозначности интерпретации различными учеными природы объекта этносоциологии – этноса.

Анализ современного состояния этносоциологии не входит в мою задачу. Однако следует отметить, что о значении отечественной этносоциологии и ее вкладе в науку красноречиво говорит тот факт, что сегодня представители других, причем не только гуманитарных наук (социологи, психологи, культурологи и т.д.), но и психиатры⁷², математики⁷³ и другие готовы «породниться» с этносоциологией, широко используя и ее достижения, и ее методологию.

¹ *Тишков В.А.* Нелишне узнать из первоисточника (с бывшим зам. директора ИЭ АН СССР С.И. Бруком беседует В.А. Тишков) // ЭО. 1995. № 1. С. 94.

² История и социология / Ред. В.В. Альтман, В.А. Куманев. М., 1964. С. 252–253.

³ Об этом подробнее см.: *Комарова Г.А.* Этнография детства: междисциплинарные исследования. М., 2010. С. 3–29.

⁴ *Лашук Л.П.* Введение в историческую социологию. М., 1977.

⁵ *Преображенский П.Ф.* Курс этнологии. М.; Л., 1929.

⁶ *Тишков В.А.* С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // ЭО. 1994. № 1. С. 118–133.

⁷ Социология в России / Ред. В.А. Ядов. М., 1998; Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Ред. Е.И. Кукушкина. М., 2004.

⁸ Интервью Л.М. Дробижевой, данное Г.С. Батыгину. М., 2003 // <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj4-01drob.html>.

⁹ *Арутюнян Ю.В.* и др. Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологического исследования. М., 1986. С. 3.

¹⁰ *Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999; *Семенова В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.

¹¹ *Filstead W.J.* Soziale Welten aus erster Hand // *Exploratoren Sozialforschung* / Hrsg. K. Gerdes. Stuttgart, 1979. S. 29.

¹² Интервью Л.М. Дробижевой, данное Г.С. Батыгину.

¹³ Основные направления изучения национальных отношений в СССР / Ред. М.И. Куличенко. М., 1980. С. 319.

¹⁴ *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // ЭО. 1992. № 4. С. 8–9.

¹⁵ *Кон И.С.* Несвоевременные размышления на актуальные темы // ЭО. 1993. № 1. С. 3–8.

¹⁶ *Басилов В.Н.* Письмо в редакцию // ЭО. 1992. № 6. С. 161.

¹⁷ *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? С. 9.

¹⁸ *Кон И.С.* Указ. соч.

¹⁹ Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований. М., 1984. С. 4.

²⁰ Социальное и национальное: опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР / Ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1973; Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. О соотношении истории, этнографии и социологии // СЭ. 1969. № 3. С. 3–19; *Они же*. О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии // СЭ. 1978. № 4. С. 3–18.

²¹ Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1999; Губогло М.Н. К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России // Отечественная история. 2002. № 6. С. 110–129; Интервью Л.М. Дробижневой, данное Г.С. Батыгину.

²² Дробижнева Л.М. Этносоциологическое изучение современности // Расы и народы. М., 1976. Вып. 4.

²³ Арутюнян Ю.В. и др. Социально-культурный облик советских наций; Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984.

²⁴ Толстов С.П. Русские крестьянские постройки: критический обзор литературы // Этнография. 1927. № 2. С. 362–363; Маторин Н.Н. Мордовия на путях культурной революции // СЭ. 1934. № 3; Абузов С.С. Комплексная экспедиция по изучению Мордовии. Революция и современность. М., 1935.

²⁵ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 251.

²⁶ Бойко В.И. Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск, 1973; *Он же*. Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск, 1977.

²⁷ Губогло М.Н. Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинев, 1979; *Он же*. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984.

²⁸ Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. Национальные традиции в социалистической экономике // Вопросы экономики. 1983. № 4.

²⁹ Перепелкин Л.С. и др. НТР и национальные процессы. М., 1987.

³⁰ Inkeles A. What is Sociology? An Introduction to the Discipline and Profession. Prentice Hall: Englewood Cliffs, 1964; *Idem*. (with contribution by D. Smith, K. Miller, O. Singh, V. Bengston, J. Dowd). Exploring Individual Modernity. N.Y., 1983; Инкелес А. Личность и социальная структура // Американская социология. М., 1971. С. 37–53.

³¹ Арутюнян Ю.В. и др. Социально-культурный облик советских наций. С. 6.

³² Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология; Арутюнян Ю.В. и др. Социально-культурный облик советских наций; Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1986; Губогло М.Н. Развитие двуязычия в Молдавской ССР; *Он же*. Современные этноязыковые процессы в СССР...; *Он же*. Язык и национализм в постсоветских республиках М., 1994; Дробижнева Л.М. Духовная общность народов СССР: историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981; Какх Ю.Ю. Черты сходства. Таллин, 1973; Сближение социально-классовой структуры советских наций / Ред. Ю.В. Бромлей. М., 1977; Социологические очерки о Советской Эстонии / Ред. Ю.В. Арутюнян. Таллин, 1979; Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей / Ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1978.

³³ Арутюнян Ю.В. и др. Социально-культурный облик советских наций; Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М. Этносоциологические исследования в СССР // Социс. 1981. № 1; *Они же*. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1986; Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе. Л., 1987; Шкаратан О.И. Этносоциальные проблемы города. М., 1986.

³⁴ Бойко В.И. Указ. соч.; Бондарчик В.К., Иванов В.Н., Браим И.Н., Белявина В.Н. Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии. Минск, 1976; Губогло М.Н. Развитие двуязычия в Молдавской ССР; Какх Ю.Ю. Указ. соч.; Этнические процессы и образ жизни (на материалах исследования населения городов БССР) / Ред. В.К. Бондарчик. Минск, 1980.

³⁵ Шкаратан О.И. Указ. соч.

³⁶ Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР.

³⁷ Дробижнева Л.М. Этносоциологическое изучение современности; Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987.

³⁸ Дробижеева Л.М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии / Ред. М.Н. Губогло. М., 2004. С. 16.

³⁹ Христолюбова Л.С. К вопросу о возможности применения метода экспертных оценок в этнографии // Статистика в этнографии. М., 1985. С. 50–59.

⁴⁰ Пименов В.В., Кондратьев В.С. и др. Статистика в этнографии. М., 1985. С. 52.

⁴¹ Там же. С. 7.

⁴² Комарова Г.А. Современная чувашская женщина в семье и в обществе (по материалам этностатистических обследований в ЧАССР). М., 1987.

⁴³ Пименов В.В., Филиппов В.Р. Массовые этнологические исследования. Методы и техника. М., 1995; Коростелев А.Д. [Рец.] В.В. Пименов, В.Р. Филиппов. Массовые этнологические исследования. Методы и техника. М., 1995 // ЭО. 1997. № 2. С. 146–147.

⁴⁴ Пименов В.В., Кондратьев В.С. и др. Статистика в этнографии. М., 1985. С. 5.

⁴⁵ Пименов В.В. Удмурты. Л., 1977.

⁴⁶ Пименов В.В., Кондратьев В.С. и др. Указ. соч. С. 156.

⁴⁷ Там же. С. 5.

⁴⁸ Исследования по древней и современной культуре чувашей / Ред. В.П. Иванов и др. Чебоксары, 1987.

⁴⁹ Пименов В.В. Удмурты.

⁵⁰ Пименов В.В., Христолюбова Л.С. Удмурты. Этносоциологические очерки. Ижевск. 1976; Пименов В.В. Удмурты.

⁵¹ Пименов В.В. Удмурты. С. 4.

⁵² Пименов В.В., Кондратьев В.С. и др. Указ. соч. С. 89.

⁵³ Там же. С. 90.

⁵⁴ Там же. С. 97.

⁵⁵ Там же. С. 5.

⁵⁶ Соколовский С.В., Перепелкин Л.С. Этническая социология. Новосибирск, 1996.

⁵⁷ Кон И.С. Несвоевременные размышления на актуальные темы // ЭО. 1993. № 1. С. 3–8.

⁵⁸ Интервью Л.М. Дробижеевой, данное Г.С. Батыгину.

⁵⁹ Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union // Annual Review Sociology. 1988. Vol. 1. P. 119.

⁶⁰ Кон И.С. Несвоевременные размышления на актуальные темы. С. 3–8.

⁶¹ Greenfeld L. Op. cit.; Valsiner J. Developmental Psychology in the Soviet Union. Bloomington, 1988. С. 303–306; Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социс. 2002. № 10. С. 55–62.

⁶² Gellner E. The Soviet and the Savage // Current Anthropology. 1974. Vol. 16(4). P. 595–601; Idem. Ethnicity and Anthropology in the Soviet Union. Archive European Sociology // 1977. Vol. 18. P. 201–220; Idem. Review of M. Matthews and T.A. Jones. Soviet Sociology 1964–1975 // Slavic East Europa Review. 1979. Vol. 57. P. 473–490; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Plotkin V.I., Howe J. The Unknown Tradition: Continuity and Innovation in Soviet Ethnography // Dialectical Anthropology. 1984. Vol. 19. P. 1–4; Voronitsyn S. A Directory of Prominent Soviet Economists, Sociologists and Demographers by Institutional Affiliation. Radio Liberty Researches // RL (Radio Liberty). 1987. Vol. 183/87.

⁶³ Арутюнян Ю.В., Сусоколов А.А. Переписи населения СССР как источник качественного анализа этнокультурных процессов // СЭ. 1983. № 5. С. 13–23.

⁶⁴ Greenfeld L. Op. cit. P. 120.

⁶⁵ Valsiner J. Op. cit. P. 306.

⁶⁶ Greenfeld L. Op. cit. P. 120.

⁶⁷ Plotkin V.I., Howe J. Op. cit.; Voronitsyn S. Op. cit.; Greenfeld L. Op. cit.; Valsiner J. Op. cit.; и др.

⁶⁸ Интервью Л.М. Дробижеевой, данное Г.С. Батыгину.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Юревич А.В. Новая траектория развития российской науки: из космоса в политику. М., 1999. С. 118.

⁷² Немировский Д.Э., Тургетов Д.И. Этносоциология и психогигиена (опыт взаимодействия). Харьков, 1996.

⁷³ Гуц А.К. Глобальная этносоциология. Омск, 1997.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Уважаемый юбиляр, академик Валерий Александрович Тишков сыграл в «лихие 1990-е» и играет в наши, совсем непростые дни важную роль в развитии фундаментальности современных гуманитарных исследований; именно благодаря ему Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН все еще сохраняет свою специфику академического учреждения, занимающегося изучением динамики этнокультурного разнообразия человечества, и не совсем утонул в море «этнологических центров», «антропологических институтов», «этносфер» и прочих организаций; по его инициативе созданная Ассоциация этнографов и антропологов России не просто сохраняет не очень-то популярный ныне термин «этнография», но и раз в два года проводит свои конгрессы, привлекающие все большее число участников не только из России. Пройти мимо, не заметив юбилея В.А. Тишкова, было бы неправильным. Но небольшое научное эссе в качестве выражения своего уважения к юбиляру – очень непростое дело. Обычный путь – написать некоторый текст, который ему было бы интересно прочитать, который бы затронул сферу его интересов. Но, увы, интересы, направления мысли биолога редко пересекаются с гуманитарными. А если и пересекаются, то далеко не всегда бывают взаимопонимаемы. Другой из возможных путей – найти среди своих работ такую, аспекты которой ранее обратили внимание юбиляра, развить, уточнить их, и таким образом быть «опубликованной». К сожалению, исследования биологического разнообразия современных представителей вида *Homo sapiens* приводили и приводят меня не к тем выводам, которые получают положительный отклик у лидера отечественных этнологических или социально-антропологических исследований. Однако, учитывая вышесказанное, мне захотелось все же найти тот ракурс своей работы, который бы и не заставлял говорить иносказательно, и был бы интересен юбиляру. Мне подумалось, что юбилей – это не только подведение промежуточных итогов своей работы, не только ретроспективный взгляд на то, что было сделано. Это – и яркие воспоминания о том, с чего все начиналось. Получилось так, что одна из самых больших экспедиций, в которых мне посчастливилось принять участие, которой руководили будущие академики Валерий Павлович и Татьяна Ивановна Алексеевы и в которую меня взяли сразу после окончания биофака МГУ, была на Чукотку. Эта земля, удаленная от Москвы на несколько тысяч километров, произвела на меня столь сильное впечатление, что все последующие мои и научные, и отпускные поездки даже в очень «экзотические» страны так и не затмили его. Не раз мне доводилось быть свидетелем, когда и Валерий Александрович тепло говорил о своей работе на Чукотке сразу после окончания университета. Так появился небольшой текст под лирическим названием «Зеленые закаты и Аляска на горизонте». Но оказалось, что он сильно вырывается из контекста и названия сборника, и всех других работ, в него включенных. Но именно Валерий Александрович был в конце 1980-х годов инициатором переименования Института этногра-

фии АН СССР в Институт этнологии и антропологии, в котором был заложен немалый смысл и которое не шло гладко и безболезненно. Именно академик Тишков не раз пытался провести разграничение между рядом гуманитарных и биологических направлений. Подумалось, что некоторые размышления автора о современном состоянии и направлениях развития пары отечественных наук о человеке могут быть небезыntenесными. Речь пойдет о таких, связанных между собой лишь частично, отраслях знания, как антропология и этническая экология, к которым автор имеет определенное отношение.

Несколько слов о терминах

Как известно, антропология начинает оформляться в конце XVIII–XIX вв. В России этот процесс связывается с именем выдающегося естествоиспытателя К.М. Бэра¹. На разных этапах границы ее расширялись, включая многие биологические и социальные науки о человеке, и сужались до изучения лишь морфологии. История изменений смыслового значения и употребления термина «антропология» от Аристотеля до наших дней неоднократно была предметом специальных исследований², затрагивается она под соответствующими углами зрения и в учебниках по этой дисциплине³. В последнее время в нашей стране, вслед за американским и французским научными сообществами, особенно среди представителей гуманитарных дисциплин, вновь все более распространенным становится применение этого термина для обозначения сразу нескольких научных направлений – физической (или биологической) антропологии (собственно антропологии в традиционном русском смысле этого слова), археологии, этнографии и лингвистики и др.

В Интернет-издании «Википедия: Свободная энциклопедия» отмечается, что вопрос о связи культурной антропологии (иногда называемой также социальной или социально-культурной антропологией) с этнологией остается не решенным, а также приводятся четыре варианта ответа на него⁴. Можно было бы считать верным и более широкое заявление: опираясь на тематику исследований, в наши дни очень сложно разграничить предметные области разных «антропологий»: социально-культурной, культурной, культуральной⁵, социальной, философской, экономической, политической⁶... – а также культурологии, этнографии, этнологии, политологии и др. Не стоит, видимо, даже и пытаться без перевода с английского языка понять такие направления, как, например «антропология власти»⁷ (antropos+logos+власть = человекознание, человековедение власти?) или «антропология религии». Не могу не упомянуть и распространившуюся многозначность трактовки и употребления термина «исторической антропологии»: одни под ней подразумевают раздел физической (биологической) антропологии, исследующей преимущественно историю возникновения современного человека и сложение его биологических вариантов (антропологических типов, комплексов антропологических признаков), когда исследуется историческая динамика изменчивости биологии человека⁸; а другие – культурно-центрическую парадигму современной исторической науки, когда подходы и методы культурной антропологии применяются для целей и задач изучения истории⁹. То же характерно, например, в отношении медицинской антропологии¹⁰ и др. Можно сказать, что большинство, желающих высказаться, оперирует опре-

деленным объемом близких ему публикаций, отмечая все остальные, «мешающие» стройности изложения собственной позиции, делая вид, что они не существуют или даже не достойны упоминания.

Стоит ли употреблять один и тот же термин для обозначения разных научных направлений и их совокупностей? Каждая сторона, видимо, будет приводить свои доводы «за» и «против». Увы, но прекрасное предложение Б.Г. Ананьева, обосновавшего, в частности, необходимость интеграции научных дисциплин и междисциплинарных связей для изучения целостной, комплексной концепции человека, о введении для описания этого интегрированного знания вместо термина «антропология» более широкого – «человекознание»¹¹, не получило поддержки. Но в любом случае, те, кто ставит (или почти ставит) знак равенства между антропологией и человекознанием, в случае необходимости упомянуть исследования, затрагивающие географическую или историческую изменчивость биологических характеристик человека, будут говорить о «физической антропологии», т.е. видят специфику каждой науки.

Как было показано уже неоднократно, сам термин переживал периоды и расширительного, и «суженного» понимания. Сейчас, по-видимому, наступает опять первый. Характерно также, что, пытаясь противодействовать смысловой замене термина, сами «биологические» или «физические» антропологи все чаще резко сужают предметные границы своей специальности, подчеркивают сугубо биологические ее интересы. Не всегда текстуально, но нередко фактически игнорируются исследования антропологических общностей, сформированных на основе социальных связей. Исследователи по какой-то причине на деле стараются дистанцироваться от работ, затрагивающих пограничные с гуманитарными науками проблемы, хотя в даваемых определениях подчеркивают специфику науки по сравнению с другими биологическими дисциплинами.

Дело доходит до курьезов. Например, в учебнике для вузов «Антропология»¹² рекомендуемая литература по разделу «Этническая антропология (расоведение)», подготовленному В.А. Бацевичем и В.М. Харитоновым, включает всего 6 названий, среди которых нашлось место такой библиографической редкости, как учебник «Антропология» В.В. Бунака, М.Ф. Нестурха, Я.Я. Рогинского 1941 г. издания (что вполне естественно, учитывая бесспорную содержательную ценность этой книги), но не упомянута ни одна работа академика В.П. Алексеева, в том числе такие его фундаментальные книги, как, например, «Географические очаги образования человеческих рас» (1974) и «Историческая антропология» (1979)¹³. Кроме как именно «курьезом» этот факт обозначить невозможно, так как предисловие к этому учебнику написано академиком Т.И. Алексеевой, а сам он подготовлен ведущими отечественными антропологами В.М. Харитоновым, Е.З. Годиной, Е.Н. Хрисанфовой, В.А. Бацевичем, а также А.П. Ожиговой.

Конечно же, любая наука не есть что-то замершее и костное: необходимо и расширение тематики в пограничных областях, и введение новых методов анализа, и разработка антропологических проблем комплексно, с привлечением разнообразных специалистов. Это, как пишет А.А. Зубов, «здоровое явление, если его не подменять произвольным соединением под тем же названием набора плохо подогаанных друг к другу дисциплин. Новая антропология – это все, что приходит в науку, обогащая ее и обогащаясь

ее традициями, но не нечто внешнее, оставшееся инородным, не пережившее периода «срастания» с антропологией, случайно собранное»¹⁴. Мне представляется, что за конкретным термином «антропология» в советской науке закрепилось определенное понятие со своим предметом, задачами и методами, которое, кстати, характерно и не только для отечественных исследований.

Но проблема предмета антропологии затрагивается здесь исключительно для того, чтобы обозначить границы области, исследования внутри которой предполагается обсудить. Автор, продолжая традиции отечественной науки, попытается говорить о положении исследований, опосредствующих, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории», подразумевая под антропологией науку «о человеке как биологическом виде: его происхождении и биологической изменчивости во времени и пространстве»¹⁵, во всем многообразии социальных и биологических факторов, на эту изменчивость влияющих, понимая при этом, что многие «проявления его биологической природы во многом опосредованы социальной средой»¹⁶. В отличие от других случаев только в этом мы имеем четкий предмет науки, ее конкретные задачи и единые своеобразные методы изучения.

Медицина и антропология

В данной работе автор ни в коей мере не претендует на какой-либо охват и анализ всех антропологических работ, ведущихся в России. Задачи намного скромнее – наметить современные направления и тенденции развития исследований в этой области знания, прежде всего тех проблем, которые касаются изучения разнообразия человеческих популяций, образующихся в связи с социально-культурными общностями.

Первое, на что нельзя не обратить внимание, это тот факт, что накопленные антропологией знания по вариабельности различных систем организма человека пока, к сожалению, если и востребованы, то фрагментарно, даже такими, приближенными к человекознанию направлениями, как, например, теория функциональных систем П.К. Анохина. Еще более удивительно, что многие достижения антропологии могли бы оказать существенную помощь медицине – науке, от которой она «отпочковалась» более двух столетий назад, но также практически не используются. Подчеркну здесь главное: именно биология человека и антропология, в частности, дают в руки теории медицины так необходимую ей концепцию человека как целостной системы¹⁷. Именно благодаря достижениям антропологии возможно успешнее ориентировать лечение в зависимости от степени реактивности организма на разные внешние воздействия. Тот факт, что степень реактивности организма является индивидуальным показателем, доказан уже давно. Уже более полу столетия назад отмечались групповые (возможно и расовые) различия в чувствительности к различным лекарственным препаратам¹⁸. Есть основания полагать, что у представителей разных групп человечества пределы вариации физиологических, гуморальных показателей также различаются. Такие данные накапливаются современной медициной¹⁹, но опять же аналитическому синтезу пока не подвергались. Но то, что медицинские фунда-

ментальные исследования в большинстве случаев опираются на абстрактные «группы» населения (например, население такого-то города, представители такой-то национальности, когда место рождения людей игнорируется и т.п.), а не на биологические совокупности, именуемые популяциями, ведет к затуманиванию закономерностей изменчивости и непониманию ее причин.

Появляются, правда, и обнадеживающие суждения: «Определяющим направлением в гуманитаризации и профессионализации современного медицинского образования является, на наш взгляд, антропологизация медицинского знания, теоретической и практической медицины, подготовки медицинских кадров»²⁰. Но, увы, под «антропологизацией» имеется в виду ее философская составляющая: «Системный подход к человеку и феномену его здоровья дает интегральная медицина, методологической основой которой явилась философская антропология — целостная концепция человека, построенная на новом интегративном подходе (Б.В. Марков), рефлексии мировоззрения и антропологической онтологии, развивающей взгляды о единстве природы и человека, общества и личности, творческой сущности бытия человека (В.Н. Сагатовский)»²¹.

Но почему медицина почти «не замечает» сделанного антропологией, несмотря даже на подготовку специальных изданий?²² Наверное, есть и причины внутри самой медицины, которая все же остается нацеленной, прежде всего на изучение патологии и поиск путей ее искоренения.

Научные антропологические центры

Постараюсь обратить свое внимание и на тех, кто в России профессионально занимается изучением антропологии. Самый крупный и один из самых «старших» центров – Научно-исследовательский институт и Музей антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина²³. С ним тесно связан научный коллектив кафедры антропологии биологического факультета МГУ – ныне единственное в стране учебное заведение, где готовятся специалисты в этой области. Основные направления научной работы НИИ и Музея антропологии обозначены так: Биологическая и социальная эволюция человека; Временная и этнотерриториальная изменчивость современного человека; Музей в системе наук о человеке и университетском образовании. Но исследования его все же больше нацелены на проблемы биологии человека, даже еще уже – только морфологии, морфо-физиологии человека.

После значительного промежутка времени, когда отсутствовал профильный рецензируемый антропологический журнал, усилиями нового директора Института члена-корреспондента РАН А.П. Бужиловой, свершившей не одно важное преобразование, с 2008 г. начал выходить «Вестник МГУ. Сер. XXIII. Антропология», включенный в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий по специальности «антропология».

В составе отдела теории и методики Института археологии РАН академиком В.П. Алексеевым в 1990 г. с целью развития экологического направления в археологических и палеоантропологических исследованиях была создана группа физической антропологии²⁴. До 2007 г. группу возглавляла академик Т.И. Алексеева. Исследования ведутся по двум основным направлениям: историческая экология человека и методика биологических исследова-

дований. Проводятся исследования биологии палеопопуляций, воссоздаются особенности демографической ситуации, социальной стратификации внутри общества, состояния здоровья людей, показателей их физического развития, видов физических нагрузок, характера питания и др. Усилиями группы начал издаваться журнал «Орус: Междисциплинарные исследования в археологии».

Один из старейших в Европе научно-исследовательских центров по изучению антропологии древнего и современного человечества, получивший свое название в 1878 г. – Отдел антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН²⁵. Область основных научных интересов сотрудников отдела – антропогенез, этническая антропология и происхождение народов России и мира, методика антропологических исследований, приматология. Среди главных направлений, разрабатываемых в отделе – этническая краниометрия и краниоскопия, интеграция данных различных систем антропологических признаков, а также исследование биологических и культурных факторов человеческого поведения. Самое видное место у сотрудников Отдела занимают антропологические проблемы, связанные с северо-западом Европейской части России.

Пожалуй, самый крупный региональный антропологический центр организован ныне в Тюмени в Институте проблем освоения Севера благодаря усилиям В.А. Дремова, А.Р. Кима и А.Н. Багашова (лаборатория антропологии, куда перешел на работу Д.И. Ражев, ранее трудившийся в Екатеринбург), но его круг интересов ограничивается палеоантропологией и палеопатологией. К нему «тяготеет» и кабинет антропологии (зав. М.П. Рыкун), восстановленный на историческом факультете Томского государственного университета в 2005 г. Также на палеоантропологии (хотя там предпринимались и попытки изучения дерматоглифики и одонтологии современного населения Башкортостана) сконцентрировала свое внимание антропологическая лаборатория Института истории УНЦ РАН в г. Уфе (после неожиданного и раннего ухода из жизни в 2011 г. Р.М. Юсупова, создавшего и много лет возглавлявшего это подразделение, здесь работает А.И. Нечвалода). В Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) работает сектор антропологии (руководитель Т.А. Чикишева). Приоритетным направлением исследований сектора является изучение общих закономерностей и региональных тенденций процесса расообразования в Западно-Сибирском ареале Северной Евразии²⁶.

Сохраняются и развиваются «очаги» антропологии в Самарском (Волго-Уральская палеоантропологическая лаборатория – А.А. Хохлов), Алтайском (кабинет-лаборатория антропологии Музея археологии Алтая – С.С. Тур²⁷) университетах, Башкирском Музее естественной истории (г. Уфа – В.В. Куфтерин), в ЮНЦ РАН в г. Ростове-на-Дону (Кабинет физической антропологии ЮНЦ РАН – ЮФУ – Е.Ф. Батиева, В.Ф. Кашибадзе) и антропологическое подразделение при Волгоградском государственном университете (НИИ археологии нижнего Поволжья – М.А. Балабанова, уже имеющая ряд учеников).

В Институте общей генетики РАН (Москва) действуют организованная в 1979 г. благодаря усилиям Ю.Г. Рычкова лаборатория генетики человека, а ныне – несколько подразделений, изучающих популяционную генетику человека (О.Л. Курбатова, О.В. Жукова, Н.К. Янковский и др.). В Медико-генети-

ческом научном центре РАМН исследования по выявлению географической изменчивости генофондов и системы «генетического родства» различных групп народонаселения проводит лаборатория популяционной генетики человека (зав. лаб. Е.В. Балановская)²⁸. В новосибирском Институте цитологии и генетики СО РАН создана и ведет активные исследования лаборатория молекулярной и эволюционной генетики человека (зав. лаб. Л.П. Осипова). Эти работы, по мысли В.В. Бунака, должны привести к слиянию антропологического и генетического направлений изучения человека. В НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков РАМН, в Российской государственной академии физической культуры (РГАФК), в некоторых других научных учреждениях г. Москвы существуют антропологические «островки» разного размера. Появляются молодые люди, интересующиеся антропологией в Воронеже, Симферополе, других городах России. Вновь после небольшого перерыва успешно ведутся антропологические изыскания в Казани (И. Газимзянов). Есть интерес к ауксологии – в Иваново, к изучению этнической антропологии – в Ижевске...

Поскольку только в 2007–2008 гг. крайне медленно начинает возрождаться после почти двадцатилетнего перерыва диспансеризация школьников, давно перестали существовать и подавляющее большинство санитарно-гигиенических кабинетов разного подчинения, о которых говорил В.В. Бунак в своей известной работе на симпозиуме «Антропология 70-х годов», перечисляя научно-исследовательские и учебные кабинеты, лаборатории, кафедры страны²⁹. Хотя, конечно, исследования проблемы роста и развития детей и подростков продолжают занимать видное место среди антропологических работ как в НИИ антропологии МГУ, так и в РАМН. Хуже обстоит дело с прикладными исследованиями. В 1970–1980-х годах при многих заводах, фабриках, в соответствующих ведомственных НИИ и подразделениях Министерства обороны, Министерства гражданской авиации, Министерствах текстильной и легкой промышленности и др. активно проводились работы по эргономичности и стандартизации производимой продукции легкой промышленности (обуви, одежды, мебели, рабочих мест и пр.). Развал отечественного производства, вал продукции из зарубежных стран (в большинстве своем низкокачественной не в малой степени из-за падения покупательной способности населения) за прошедшие 30 лет привели к тому, что большинство таких лабораторий перестали существовать. Соответственно перестали проводиться и массовые договорные работы по подобным темам, в том числе и в НИИ и Музее антропологии МГУ. Учитывая отсутствие заинтересованных структур, сильно сокращены и исследования в этом направлении³⁰.

В странах СНГ антропологические исследования также продолжают проводиться. Расширился и переместился из Института искусствоведения, этнографии и фольклора языка и литературы в Институт истории Национальной академии наук Республики Беларусь отдел антропологии в г. Минске (Л.И. Тегачо, И.И. Саливон, Т.И. Полина, О.В. Марфина, А.И. Микулич и многие их коллеги, ученики). В весьма сократившемся составе, но разделившийся на две части, функционирует академический антропологический центр в г. Киев на Украине (С.И. Круц, С.П. Сегеда, И. Потехина, и др.). В Армении, в г. Ереване работает несколько антропологических групп, разместившиеся как в Академии наук, так и в государственном университете. Организованный в Институте истории академии наук Грузии в г. Тбилиси и вели-

колепно оборудованный в 1970-е годы усилиями М.Г. Абдушелишвили отдел антропологии также продолжает свою деятельность, к сожалению, правда, в сильно усеченном виде (руководитель Л. Битадзе). Во всем среднеазиатском регионе остался один антрополог – О. Бабаков, являющийся сотрудником Института истории (г. Ашхабад) восстановленной в 2010 г. Академии наук Туркменистана, сохранивший и систематизировавший богатейшую краниологическую коллекцию с территории этой страны. Возможности его работы, увы, жестко ограничены границами республики.

В г. Алма-Ата Республики Казахстан в таком же «ограниченном» режиме имеет возможность заниматься антропологией несколько более многочисленная группа сотрудников (О. и А. Исмагуловы, К. Сихимбаева). В Литовской республике все большее развитие получают исследования по экологии человека (Р. Янкаускас и его коллеги), сокращены историко-антропологические направления. Центр антропологических исследований Эстонии переместился из г. Таллинна в Университет г. Тарту. Большинство исследований посвящены проблемам ауksологии и изучению физического развития человека (Х. Каарма с большой группой коллег), издается ежегодное серийное издание *Papers on anthropology* (опубликовано более 20 выпусков).

Этот беглый обзор пунктирно очертил географию антропологических точек на пространстве бывшего СССР. Конечно, в его задачи не входила подробная характеристика проблематики, над которой работают антропологи стран СНГ и Балтии. И в других, не упомянутых ведомствах, в регионах также есть отдельные исследователи, которые вносят весомый вклад в антропологию как науку об изменчивости человека во времени и пространстве.

Антропология в ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Сознательно не упомянутые выше антропологические подразделения Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН занимают среди этих антропологических центров особое место. Именно здесь М.М. Герасимовым была создана и ныне плодотворно трудится уникальная Лаборатория пластической реконструкции (руководитель Т.С. Балужева), чьи работы успешно сочетают восстановление облика исторических личностей, людей древнейших эпох с более повседневной – криминалистической – практикой. В 2002 г. в ИЭА, благодаря инициативе М.Л. Бутовской, организована группа – Центр эволюционной антропологии со своими особыми задачами, которая в 2008 г. была объединена с сектором этнической психологии и преобразовалась в сектор кросскультурной психологии и этологии человека. Основными задачами этой группы являются исследования эволюции социальных отношений с использованием, в том числе, и данных физической антропологии.

И, наконец, отдел антропологии ИЭА РАН (руководитель С.В. Васильев), созданный более 70 лет назад и некогда объединявший всех антропологов института. Сейчас в его составе находится и Кабинет-музей им. академика В.П. Алексеева, создание которого инициировал В.А. Тишков. Отдел имеет свою богатую историю. Его лицо представляли крупнейшие отечественные ученые, снискавшие и широкую мировую известность – В.В. Бунак, М.Г. Левин, Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев, М.М. Герасимов, Т.А. Трофимова, А.А. Зу-

бов, И.М. Золотарева, Г.Л. Хить. Как-то принято считать, что главной задачей этого подразделения являются исследования по этнической антропологии.

Некоторые (и их немало!) полагают, что этническая антропология – это использование антропологических данных в этногенетических реконструкциях. Мне думается, что это – суженное понимание задач данного направления. Цель этнической антропологии – изучение всего многообразия взаимосвязей биологических совокупностей – человеческих популяций – и социально-культурных, культурно-языковых, историко-культурных общностей – народов, этносов, национальностей... Кроме всего прочего, и изучение самой проблемы, как и почему в одних случаях границы популяции совпадают с этническими, а в других – с языковыми, а в третьих – с этнокультурными, а в четвертых – с государственными.

Но и в таком расширенном понимании целей и задач этнической антропологии ею не ограничивались никогда и не могут быть ограничены теперь направления развития антропологии в ИЭА РАН. Главная их специфика мне видится в комплексности разработки проблем, будь то истории или биологии, т.е. именно пограничных, антропологических. Благодаря комплексности подхода к изучаемым проблемам отдел долгое время был единственным подразделением такого рода в нашей стране.

Антропологические исследования всегда составляли заметную часть в деятельности института³¹. В некогда триединстве археология–антропология–этнография именно антропология занимала особое место, дополняя знания двух гуманитарных дисциплин естественнонаучными достижениями. Если десятилетия назад динамика особенностей внешнего облика населения использовалась смежными науками практически лишь для прояснения спорных вопросов сложения народов, то ныне, благодаря успехам экологии, геохимии, почвоведения, палеопатологии и др., антропология помогает обрисовать образ жизни, систему питания, состояние здоровья, окружающую среду древних популяций, т.е. полнее представить всю их систему жизнеобеспечения. Представляется, что именно комплексный, многосторонний подход к изучению исторического процесса может объективнее охарактеризовать его. Такой подход прекрасно зарекомендовал себя в разных ситуациях: и при исследовании этногенеза народов Средней Азии, когда энергией С.П. Толстова уже в 1940-е годы были организованы археолого-антрополого-этнографические экспедиции в разные ее регионы (см. программную статью С.П. Толстова 1947 г.³², а также серии: Труды ХАЭЭ; Материалы ХАЭЭ и мн. др.); и в процессе изучения народов Прибалтики, когда М.В. Витов предпринимал попытки сочетать широкомасштабные антропологические изыскания с применением количественного анализа в этнографической работе (см., например, работу М.В. Витова, изданную, к сожалению, лишь в 1997 г.³³, а также Труды Прибалтийской экспедиции, 1959³⁴); и в многоплановых выездах Чукотской, Камчатской, Тувинской и др. экспедиций, организованных, благодаря В.П. и Т.И. Алексеевым, содружеством Института этнографии АН СССР и НИИ и Музея антропологии МГУ, успешно сочетавших археологические и этнографические работы не только с антропометрическими, одонтологическими, дерматоглифическими, физиологическими обследованиями, но и с генетико-демографическими и антропогенетическими, серологическими исследованиями³⁵; и по-своему уникальное, но, увы, не доведенное до этапа синтеза данных исследование группы под руководством Ю.Б. Симченко и

Г.М. Афанасьевой по медико-генетическому, генеалогическому и этнографическому изучению обособленных популяций Крайнего Севера в содружестве с СО РАН³⁶.

Упомянутый коллектив под руководством М.Л. Бутовской проводит также комплексные исследования межкультурного взаимодействия среди хадза Танзании с использованием этологических, антропологических и психологических методов³⁷.

Автор данной работы, будучи антропологом, в меру своих возможностей прилагает усилия в направлении экологии человека в рамках сектора этнической экологии Центра междисциплинарных исследований, поэтому скажу несколько дополнительных слов и об истории этноэкологических исследований, которые, бесспорно, теснейшим образом связаны с собственно антропологическими.

Этноэкологическое направление исследований

Подобно антропологии, как выше говорилось, осуществляющей взаимосвязь целого спектра естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, этническая экология также является «научной дисциплиной, расположенной на стыке этнографии с экологией человека (социальной экологией) и имеющей зоны перекрытия с этнической географией, этнодемографией и этнической антропологией». Ее основополагающие принципы были изложены В.И. Козловым³⁸. Особое внимание российскими этнологами в этой концепции уделяется теме адаптации и жизнеобеспечения этноса. Серьезный вклад в разработку теоретических положений в этом направлении внесен А.Н. Ямсковым³⁹ являвшимся в 1998–2005 гг. руководителем сектора этнической экологии, созданного еще в 1992 г. В.И. Козловым.

Заметный толчок оформлению этнической экологии как науки и формулировки ее задач дала начатая с 1977 г. разработка силами многих учреждений России, Украины, Грузии, Абхазии и США темы «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей» под общим руководством Ю.В. Бромлея, С.И. Брука, В.И. Козлова и А.А. Зубова⁴⁰. Функции головного учреждения для работы в этом направлении взял на себя Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН). Над этим проектом, в том числе осуществляя и сбор полевого материала, работали специалисты многих, в том числе медицинских, учреждений, да и большая часть сотрудников Института этнографии.

Опыт этих работ сектор этноэкологии во второй половине 1980-х–1990-е годы использовал при изучении постсоветских трансформаций в Пермской области⁴¹, а также для изучения взаимосвязанной исторической динамики в областях культуры, демографии и биологии человека у переселенцев (комплексная программа «Этническая экология переселенческих групп. Русские старожилы в Закавказье», осуществлявшаяся в ходе экспедиций 1986–1992 гг. к русским крестьянам-старожилам Закавказья, молоканам, духоборам, субботникам)⁴². Последняя из оригинальных разработок – социально-этнографическое и медико-антропологическое изучение сельских населенных пунктов Абхазии – восполняет явные лакуны в наших знаниях о направлениях

и масштабах трансформации условий жизни населения стран СНГ в постсоветский период⁴³.

Перечисленным экологические исследования в ИЭА РАН не ограничиваются. Надо упомянуть и серьезное монографическое исследование, правда, раскрывающее несколько другой аспект экологии: имеется в виду работа Г.А. Комаровой, посвященная анализу динамики систем жизнеобеспечения разных этносов, попавших в зону повышенной радиации⁴⁴.

Еще один пример: проект «Историческая антропология и экология населения Туркменистана с эпохи бронзы до современности». Это исследование отличается от предыдущих прежде всего тем, что в нем данные антропологии древнего и современного населения анализируются вместе с археологическими сведениями. В основе работы – новейшие уникальные материалы эпохи бронзы с памятника Гонур Депе (Южная Туркмения, раскопки В.И. Сарияниди). Цель исследований – выяснение характера связей между экологическими событиями и развитием системы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса⁴⁵. С использованием методов разных наук (географии, геологии, зоологии, ботаники, одонтологии, кефалометрии, кефалоскопии, палеоантропологии, палеопатологии, остеологии и др.) проводятся исследования в направлении реконструкции динамики палеоэкологических условий Гонурского оазиса; реконструкция динамики структуры жизнеобеспечения населения; оценка благоприятности экологической обстановки для жителей населения; описания процесса сложения антропологического облика населения региона с эпохи бронзы до современности с учетом демографических процессов и экологической ситуации; изучение мировоззрения населения эпохи бронзы⁴⁶.

Я перечислила, с моей точки зрения, наиболее крупные проекты, но список, конечно же, может быть расширен⁴⁷. В ИЭА РАН выполнялись и более частные проекты. Так, тема «Взаимодействие этносов на Южном Урале в X–XX вв. Комплексное этнолого-антропологическое исследование», получившая поддержку РГНФ (проект № 01-01-00375а, руководитель Р.И. Якупов), предполагала изучение истории формирования населения Южного Урала (прежде всего северной части Республики Башкортостан и прилегающих областей), исторических контактов народов, живших на данной территории, и современных этнических процессов по антропологическим и этнокультурным характеристикам. Особый аспект проблемы – изучение древнейшей истории взаимодействия финно-угорских и тюркских народов⁴⁸.

Было проведено и небольшое комплексное исследование (результаты которого, к сожалению, пока не увидели публикации) по проекту «Историческая антропология Молдавии». Главная цель проекта состояла в комплексном антрополого-генетическом, этнодемографическом и социологическом исследовании населения Молдавии⁴⁹.

Можно упомянуть и еще один проект, попадающий в рамки такого рода исследований. Это обобщение имеющегося материала по антропологии ногайцев⁵⁰. В подготовленной книге нашли место и палеоантропологические данные, и результаты изучения современных жителей, одонтология древнего и современного населения, демографические, остеометрические и генетические сведения.

Бесспорно, можно такое перечисление продолжать, но важно подчеркнуть: с одной стороны, речь идет о понимании необходимости интег-

рации разных знаний о человеке, а с другой – что в большинстве случаев собственно синтеза данных даже внутри самой антропологии, увы, не происходит – специалисты разных специальностей работают самостоятельно, не координируя свои исследования с «соседями».

Изучение разнообразия живущего человечества методами антропологии

Крайне удручает еще одно обстоятельство: исследования по этнической антропологии, особенно касающиеся изучения современного населения, практически прекращены. Более того, они по каким-то, явно не научным обстоятельствам, получают в последнее время разную оценку не только специалистов смежных специальностей, но и самих антропологов. Причин этому, конечно, много. И среди них главная – именно то, о чем уже говорилось: сужение границ научных направлений, узкая углубленная специализация, непонимание языков даже близких смежников⁵¹.

Тем не менее исследователи, накопившие к настоящему времени большой объем специализированных знаний, чтобы в полной мере их оценить и осмыслить, обращаются к достижениям пограничных дисциплин. Очень показательна в этом отношении, например, генетика человека, которая в начале бурного своего развития пыталась отрицать многие концепции морфологии, антропологии, физиологии, но сейчас поворачивается именно к этим направлениям, чтобы от атомизированного гена, кодирующего синтез того или иного белка, подойти к представлениям о передаче по наследству системных особенностей.

Представляется весьма печальным тот факт, что направления комплексных исследований, основой которых являются антропологические, развиваются крайне слабо. Так, например, перспективы развития отдела физической антропологии в Институте этнологии и антропологии видятся его руководителями ныне лишь «в развитии традиционных исследований антропологии народов России и в изучении проблем эволюции человека, а также в развитии новых перспективных направлений физической антропологии: палеоэкологии человека, палеопатологии человека, палеодемографии и гендерных исследований»⁵². Именно поэтому хотелось бы хотя бы в форме пожелания наметить несколько более широкие возможности данного направления, в том числе и в ИЭА РАН.

Перспективы

Исходя из вышесказанного, первое, что важно подчеркнуть, – это сохранение именно комплексности и антропогенетических, и этногенетических исследований. Безусловно, целесообразно сохранить все многообразие подходов к изучению человеческой изменчивости – дерматоглифики, одонтологии, остеологии, соматологии, кефалометрии, краниометрии и проч., пытаясь дополнять их современными методами – молекулярно-генетическими, физиологическими, биохимическими, микроморфологическими... Уже сейчас антропологи ИЭА обладают уникальными материалами, собранными с применением многих из перечисленных методик в одной и той же популяции,

на одних и тех же индивидуумах: это результаты уже упоминавшихся многоплановых Чукотской, Камчатской, Тувинской и др. экспедиций, проектов по изучению обособленных популяций Крайнего Севера и по исследованию популяций с повышенным процентом долгожителей в Абхазии и Азербайджане. Еще раз хочу обратить внимание на то, что благодаря таким комплексным данным возможно ставить вопросы об изучении всей системы человеческого организма, влияния разных факторов на его сложение и функционирование, да и на наследование как морфологических, так и физиологических характеристик. В настоящее время синтез знаний разных дисциплин – одно из передовых направлений науки, в развитие которого именно антропологи, в том числе и из ИЭА РАН могли бы внести весьма существенный вклад.

Не менее важно и более узкое, глядя с какой-то стороны, направление исследований, нередко считающееся единственной задачей этнической антропологии, – изучение антропологического состава населения земного шара. Широко распространено представление, что все главные проблемы в этой сфере знаний решены, основные группы народов на всех континентах изучены, и в общем-то оригинального предмета у этнической антропологии, да и у расоведения в целом, как бы и нет. Думается, что на таком же основании вполне могут быть «закрыты» и география, и геология, ряд фундаментальных биологических дисциплин (например, ботаника, зоология) и т.д., в которых тоже уже давным-давно так называемые основные проблемы решены...

Одним из оснований для создания подобного рода иллюзий в области изучения антропологического состава народов мира был широкий размах исследований в нашей стране в 1950–1970-х годах, осуществленных в значительной мере усилиями сотрудников именно Института этнографии АН СССР. Простое перечисление только монографических публикаций на эти темы заняло бы не одну страницу. И, тем не менее, кефалометрия, кефалоскопия, одонтология и др. системы даже аборигенного населения большинства стран мира, в том числе Европы, не говоря уж о современных городских жителях или, например, мигрантах, не могут считаться изученными даже в первом приближении. Все имеющиеся зачерпывания или безнадежно устарели (относятся, например, к 1920–1930 гг. – это не менее трех поколений до современности, Вторая мировая война, развал СССР, политические изменения на Африканском, Европейском, Южноамериканском, Азиатском континентах...), или подробно характеризуют лишь популяции отдельных государств или их регионов (например, Болгарии, Польши, Японии, Китая и др.). Каковы антропологические особенности, например, современных французов или итальянцев разных областей, чем отличаются французы-парижане от французов-жителей Алжира или Корсики, чем современное население Осло отличается от такового в начале века и проч., не знает в настоящее время никто. Путем логических заключений, вероятно, можно предположить возможные направления различий, но реальные показатели (по большинству антропологических систем) в публикациях отсутствуют. А ведь в Архиве ИЭА РАН уже более 60 лет хранятся результаты обследования представителей почти всех народов Европы, проведенного крупнейшими антропологами нашей страны – В.В. Бунаком, Г.Ф. Дебецем, М.Г. Левиным, Н.Н. Чебоксаровым и др. Данные по населению Японии были проанализированы М.Г. Левиным⁵³, а вот европейские материалы, будучи даже в значительной степени статистически обработанными, до сих пор ждут своей очереди.

Можно привести и более частные примеры. Антропологический состав коми описан Н.Н. Чебоксаровым в 1946 г. на основании изучения студентов Сельскохозяйственного института г. Сыктывкара (!)⁵⁴. К специальному изучению этого народа обратилась лишь Советско-финляндская комплексная экспедиция 1976 г.⁵⁵, и ряд локальных их групп были исследованы в качестве сравнительных. Изданная не так давно книга «Антропология коми» (2005)⁵⁶ обобщила все данные, которые имеются в настоящее время. Но ответственный редактор тома Г.А. Аксянова отмечает, что локальные группы этого народа неравномерно изучены по разным системам признаков. Тем не менее эта публикация обобщила материалы, собранные в разное время, не всегда, увы, представляющие одни и те же популяции по разным системам признаков, и ввела в оборот данные по антропоэстетике, новые палеоантропологические и генетико-демографические сведения.

То же можно сказать о многих народах Поволжья и Приуралья, включая даже такие крупные, как татары и башкиры. Заканчивая описание антропологии современного населения Башкортостана, М.С. Акимов в своих последних работах конца 1960-х годов писала, что для окончательного решения очень сложной проблемы этногенеза народов этой территории необходимо иметь значительно большие антропологические материалы⁵⁷. Некоторое движение в этом направлении, конечно, имеется⁵⁸, но с сожалением приходится говорить о том, что новые полевые исследования крайне скудны.

Работа Т.А. Трофимовой 1949 г., являвшаяся ее кандидатской диссертацией⁵⁹, до сих пор остается основной по этнической антропологии татар Поволжья. В научной литературе практически нет сведений о женщинах и детях Африки. Да и по отношению к мужчинам данные уже устарели. Пока сводка Ж. Ерно 1968 г., охватывающая лишь часть мужского населения континента⁶⁰, остается практически исчерпывающей характеристикой степени изученности антропологии всего этого региона. Думаю, что исследователь любого уголка мира может продолжить этот список.

Классические антропологические исследования – гордость отечественной науки. Сравнимыми с ними объемами материалов не может похвастаться практически ни одна другая страна мира. Но сейчас такого рода работы практически приостановлены в силу иных принципиальных подходов. Увы, но проведению таких расоведческих работ и опубликованию ранее собранных уникальных материалов мешает скорее всего ложное представление о том, что измерения головы и лица людей, даже с их согласия, является посягательством на «права личности». Поэтому «публичное признание» в виде публикации, что такие измерения проводились и изредка (увы!) проводятся в нашей стране до сих пор, может, дескать, повредить международному имиджу страны. По собственному достаточно богатому опыту подобного рода исследований⁶¹, последние из которых проводились зимой 2009 г., могу сказать, что при разумно организованной информации об исследованиях, разъяснении в каждом конкретном случае их целей и задач, полной добровольности обследования представители самых разных народов не просто «разрешали» себя измерять, но нередко в прямом смысле слова требовали, чтобы измерили именно их, даже тогда, когда сам измеритель от значительной нагрузки в течение дня почти «валился с ног». Представляется, что такая показная «забота о правах личности» в научной среде приводит к закрытию целых научных направлений, потере уникальных, разрабатывавшихся и

уточнявшихся десятилетиями методик измерения и описания биологического разнообразия человечества.

Не в такой ли «полной изученности» коренится нерешенность многих основных проблем антропологии: например, полового диморфизма, закономерности возрастной динамики кефалометрических признаков, наличия или отсутствия иерархии человеческих популяций, расового разнообразия современного и древнего человечества и многих других!? Насколько более эффективные методы лечения разнообразных заболеваний можно было бы разработать, скольким людям реально помочь, зная региональные биологические особенности людей!.. Поэтому, как мне представляется, важнейшая задача – изучение антропологического состава народов мира, заполнение белых пятен на антропологической карте – остается приоритетной среди прочих, стоящих ныне перед антропологией.

Для выделения в этой большой задаче «генеральных направлений» необходимо продолжить и завершить начинание В.П. Алексеева по подготовке многотомной, справочной, богато иллюстрированной и написанной доступным для специалистов разных дисциплин языком сводки «Антропология народов России и сопредельных стран», начало которой, благодаря усилиям Т.И. Алексеевой, положено выходом в свет книги «Восточные славяне: антропология и этническая история» (1999). По степени изученности и готовности данных в ближайшее время могли бы быть, наверное, доведены до публикации аналогичные сводки как раз по Приуральско-Поволжскому региону, по Сибири.

Следует обратить внимание и на то, что «полностью и окончательно» изучить антропологический состав народов земного шара вообще невозможно. Через любой, даже очень незначительный, промежуток времени внешний облик земных жителей изменяется – в этом и заключается историчность многих антропологических категорий, тем более так или иначе увязанных с социально-культурными, культурно-языковыми и другими общностями, которые сами не менее изменчивы. И в этом «всеобщем движении и изменении» антропология может сказать свое слово. Так, в разделе «Общий обзор расообразовательного процесса» одной из своих работ В.П. Алексеев выделил четыре этапа расообразования или, как можно было бы сказать шире, – формирования внутривидовой изменчивости⁶². Первый отнесен им к эпохе нижнего или среднего палеолита и связан с выделением первичных очагов расообразования, сложением основных расовых стволов – западного (объединяет европеоидов, негроидов и австралоидов) и восточного (азиатские монголоиды и американоиды); второй – к эпохе верхнего палеолита и частично мезолита и связан с выделением вторичных очагов и расширением ойкумены; третий – к концу мезолита и неолиту, связан с увеличением численности человечества, более интенсивной хозяйственной эксплуатацией уже освоенных районов, с освоением новых экологических ниш в пределах ранее заселенных территорий, с формированием третичных очагов расообразования и в их пределах – локальных рас и, наконец, четвертый – к эпохе бронзы и частично раннего железа, связан с оформлением той картины расового состава человечества, которую мы застаем в настоящее время. Важными характеристиками всех этих этапов В.П. Алексеев считает демографическую ситуацию (в том числе плотность населения и миграции), давление факторов среды и смешение. Но эти факторы существенно изменяют свое влияние и на формирование

историко-культурных общностей, и на популяционную структуру человечества, начиная уже с IV тыс. до н.э. (а может быть, и ранее), когда важнейшую роль начинают играть населенные пункты с особой структурой населения – города. Мне приходилось специально останавливаться на антропологических аспектах процесса урбанизации. Эта тема и направление исследования были подсказаны автору А.А. Зубовым. Автором была высказана мысль, что города, которые являются очагами нового типа формообразования внутри вида *Homo sapiens*, где происходит интеграция генетической информации с определенной территорией⁶³, можно считать новым, в рамках концепции, предложенной В.П. Алексеевым, этапом формообразования внутри вида *Homo sapiens*. Ведущими факторами этого этапа следует считать: а) процесс метисации различных генофондов, особенностью которого по сравнению с предыдущими эпохами является смешение между собой не различных целых (или крупных частей) популяций, а только отдельных представителей таковых, и б) формирование нового морфо-функционального комплекса особенностей (по-видимому, сопряженного и с своеобразными психо-соматическими и психологическими характеристиками), наиболее приспособленного к городской среде обитания, в значительной степени созданной самим человеком.

Население города на современном этапе представляет собой сложную систему популяций, находящихся между собой в тесном взаимодействии. Результатом этого взаимодействия являются появление и закрепление новых своеобразных, свойственных только городскому населению, особенностей физического типа. Поэтому, с другой стороны, вполне возможно говорить о выделении, наравне с тропическим, арктическим, аридным и другими адаптивными типами в рамках концепции, предложенной Т.И. Алексеевой, и особого – городского адаптивного типа. Но, как справедливо отмечено Т.И. Алексеевой, «антропология городских популяций, как проблема современной науки, пока еще находится в стадии становления»⁶⁴. Здесь не место подробно останавливаться именно на этом аспекте антропологических исследований, но важно подчеркнуть, что как экологические сюжеты в целом, так и урбанистические, в частности, могли бы занять достойное место в тематике специалистов этой отрасли знания, в том числе и в ИЭА РАН. Кроме всего прочего, именно экологическая тематика могла бы быть серьезным продолжением и развитием идей академика В.П. Алексеева, имя которого носит кабинет-музей института.

Развивая эту же идею, в более общем плане можно было бы остановиться также на возможности кооперации и проведения коллективных прикладных исследований с физиологами, психологами, медиками разных специальностей, так как именно в этих областях, как показывает участие в совместных научных мероприятиях, специалисты уже вплотную подошли к осознанию variability нормы, т.е. фактически к необходимости применения антропологических наработок в своих отраслях. Другими словами повторю то, что уже было сказано – перспективы развития антропологии вообще и в ИЭА РАН, в частности, мне видятся не просто в сохранении комплексных пограничных исследований на стыке разных разделов знания, а в расширении объема работ именно такого рода. Можно по-разному организационно решать эти проблемы. Хотелось бы подчеркнуть, что мало у кого, кроме уважаемого юбиляра, имеются возможности дать ускорение подобным направле-

ниям. Не исключено, что «двинуть дело вперед» возможно будет только при поддержке Валерия Александровича.

Увы, коммерциализация всего и вся в стране, отсутствие реального финансирования фундаментальных исследований, изменение приоритетов приводят к невозможности расширения или хотя бы продолжения в том же масштабе работ, как это было, например, в 1950-е или 1970-е годы. Соответственно происходит и снижение реальной ценности фундаментальных научных изысканий в целом. Можно, конечно, говоря о перспективах развития антропологии, исходить только из весьма ограниченных кадровых возможностей, которые ныне имеют многие научные коллективы. Будут ли это собственно перспективы – большой вопрос. Не формулируя для себя актуальных проблем науки, не обрисовывая каких-либо ориентиров, к которым можно было бы стремиться, не предпринимая усилий для улучшения ситуации (в том числе кадрово-возрастной), вряд ли можно успешно преодолеть явно имеющиеся место кризисные явления.

Однажды в обычной беседе один из ведущих антропологов России доктор биологических наук Илья Васильевич Перевозчиков сказал очень важные слова: «Мы – антропологи – владельцы уникального знания. Нас очень мало, и мы должны сделать все, чтобы сохранить это знание и передать следующим поколениям». Я целиком согласна с тем, что нельзя терять достижения предыдущих поколений, нельзя забывать классики. Но сохранить знания путем их «консервации» можно, но со временем они могут потерять свою «всхожесть». Мне кажется, мы должны не только сохранять достигнутое основателями, но и преумножать, развивать это, переходя на новые иерархические уровни, применяя современные знания, используя вновь открываемые, в том числе и в пограничных биологических и гуманитарных дисциплинах, закономерности.

¹ Бэр К.М. О происхождении и распространении человеческих племен. СПб., 1822.

² См., например: Тэйлор Э.Б. Антропология: Введение к изучению человека и цивилизации. СПб., 1882; Вишневский Б.Н. Естественная история человека: (Очерк исторического развития антропологии) // Вселенная и человечество. Л., 1928. Кн. 6; Левин М.Г. А.П. Богданов и русская антропология // СЭ. 1946. № 1; Рогинский Я.Я. Методологические основы антропологии // Научные доклады высшей школы: Биологические науки. 1966. № 3; Алексеев В.П. Горизонты антропологии // Будущее науки. М., 1972. Вып. 5; Он же. Историческая антропология. М., 1979. С. 39–42; Он же. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. С. 24–35; Зубов А.А. Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР // СЭ. 1982. № 5. С. 21–33; Дубова Н.А. О некоторых аспектах содержания антропологической науки // СЭ. 1983. № 6; Эванс-Притчард Э.Э. История антропологической мысли / отв. ред. В.А. Тишков. М., 2003; и многие др.

³ См., например: Бунак В.В. Антропология, ее разделы и содержание // Бунак В.В., Нестурх М.Ф., Рогинский Я.Я. Антропология. М., 1941. С. 5–12; Левин М.Г., Рогинский Я.Я. Основы антропологии. М., 1955; Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1963; 1979; Акинщикова Г.И. Антропология: Учебное пособие. Л., 1973. С. 3; Дерягина М.А. Антропология: Эволюция и биология человека: Курс лекций. М., 1994. С. 4; Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология: Учебник. М., 1999. С. 6–7 (1-е изд.: 1991); Харитонов В.М., Ожигова А.П., Година Е.З. и др. Антропология: Учебник для вузов. М., 2004. С. 4–5; Хомутов А.Е. Антропология: Учебное пособие. Ростов н/Д., 2002. С. 3–4; Тегакко, Марфина. Практическая антропология. Ростов н/Д., 2003. С. 3–5; Тегакко Л.И., Кметинский Е. Антропология: Учебное пособие. М., 2004. С. 4–5, и др.

⁴ Среди этих четырех вариантов присутствует явно ошибочный. Так, автор говорит о том, что ряд исследователей считает, будто бы «этнология по своему предметному полю значительно шире культурной антропологии, которая, по их мнению, не выходит за рамки науки о биологической и физической природе человека» (Садохин А.П. Связь этнологии с другими

науками // Этнология. М., 2000). Хотя в приведенной цитате не вполне ясно, какая из двух наук – этнология или культурная антропология – не выходит за рамки науки о биологической и физической (не понятно также это «и») природе человека, но можно уверенно сказать, что обе они к биологическим дисциплинам не имеют ни малейшего отношения.

⁵ Культуральная антропология: Учебное пособие / под ред. Ю.Н. Емельянова и Н.Г. Скворцова. СПб., 1996.

⁶ Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. Ростов н/Д., 1995; Вольтман Л. Политическая антропология. СПб., 1995.

⁷ Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 2006, 2007. Т. 1, 2.

⁸ Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979; *Он же*. Историческая антропология и этногенез. М., 1989; *Богатенков Д.В., Дробышевский С.В.* Введение в антропологию: Учебное пособие / Под ред Т.И. Алексеевой. М., 2004; *Они же*. Введение в антропологию: Курс лекций (Электронный учебник) <http://imp.rudn.ru/psychology/anthropology/metod.html>

⁹ См.: Историческая антропология в: «Википедия. Всемирная энциклопедия»; см. также: *Бюрджер А.* От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // *Nomo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного.* М., 2003. Кн. I, II.; Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998; *Кром М.М.* Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. 1-е изд. СПб., 2000; 2-е изд. СПб., 2004; *Historische Anthropologie: Kultur, Gesellschaft, Alltag.* Gottingen, 1984–1998.

¹⁰ Так, на одной из страниц сайта Института этнологии и антропологии РАН В.И. Харитоновой дается такое определение: «Медицинская антропология/этнология ... исследует в первую очередь комплекс медицинских знаний и систем различного характера и уровня, существовавших и существующих в разных обществах, формы и традиции врачевания, способы оказания помощи больным, восприятие и переживание состояний здоровья и болезни в различных человеческих сообществах, варианты сохранения здоровья человека, сообразно каким-либо культурным традициям. Эта дисциплина, исходно связанная с этнографией, социологией, гендерными исследованиями, включает как составную часть этномедицину, тесно соприкасается с антропологией сознания, психологической антропологией» (<http://jmaib.iea.ras.ru/russianversion/index.html>). На медицинских сайтах приводятся такого рода определения: «В. Вайцеккер (V. Weizsacker) в психосоматическом учении о болезнях, в котором телесное и душевное не только понимаются как взаимодействие двух субстанций, как психофизика, психосоматика или соматопсихика, но и предполагают новые перспективы их изучения. Вайцеккер определил эти новые перспективы как “медицинскую антропологию”, в рамках которой болезнь человека должна оцениваться врачом и приобретать определенный смысл» (<http://www.medidea.ru/articles/741/140/>). Те, кто считает, что медицинская антропология является естественнонаучной дисциплиной, пишут: «Медицинская антропология изучает изменчивость организма и личности в норме и патологии, фактор благополучия и риска, предболезнь, изменчивость этиологии и патогенеза заболеваний в связи с конституциональными, генетическими, экологическими и социальными факторами» (<http://zaichenko1958.narod.ru/anthrop1a.htm>). Одни полагают, что «выделение медицинской антропологии получило официальное признание в 1968 г. на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио» (Там же), а другие, что подобный подход – «свой собственный, отечественный вариант медицинской антропологии», что «на Западе, главным образом в США и Великобритании, медицинская антропология как раздел наук о человеке успешно развивалась уже с 1970-х годов», что «медицинская антропология в англо-американском варианте стала комплексом знаний о медицинских системах, существовавших и существующих в разных обществах, о формах и традициях врачевания и способах оказания помощи больным, о культурном контексте медицинских практик, о разнообразных социокультурных аспектах производства медицинских знаний и т.д.» (*Михель Д.В.* Медицинская антропология: что это такое?) // <http://www.countries.ru/library/anthropology/medant.htm>).

¹¹ *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человековедения. М., 1977.

¹² Антропология: Учебник для вузов / Ред. Т.И. Алексеева. М., 2004.

¹³ Последняя из упомянутых, кстати, подготовлена на основании курса лекций, прочитанных в Воронежском университете, а первая – вышла двумя изданиями (М., 1979; Историческая антропология и этногенез, 1989) большими тиражами и имела повсеместный успех.

¹⁴ *Зубов А.А.* Указ. соч. С. 32.

¹⁵ *Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология. М., 1999. С. 7.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Несколько больше внимания уделено этому аспекту в работах: *Дубова Н.А.* О биологическом аспекте групповой адаптации // *Методы этноэкологической экспертизы.* М., 1999. С. 30–40; *Она же.* Этномедицинское обследование населения // Там же. С. 254–294; *Дубова Н.А., Созинова Н.Д.* Антропологический подход к характеристике заболеваемости // *Вестник антропологии.* М., 1998. Вып. 4. С. 17–29.

¹⁸ См., например: *Vallois H.V.* *Race* // *Anthropology Today.* Chicago, 1952. P. 161. Уже давно показаны различия в иммунологической реактивности представителей разных рас: *Эфроимсон В.П.* *Иммуногенетика.* М., 1971.

¹⁹ Например, трансплантологи сталкиваются с тем, что почки представителей одной расы имеют большую вероятность отторжения представителями другой; делаются попытки разработки (даже в США!) лекарственных средств, более эффективных для применения, например, только афроамериканцами (см., например, <http://www.americaru.com/news/7151>); техника микрооперации на глазах у населения Ближнего Востока, например, отлична от таковой для средней полосы России, так как практически выявлены групповые отличия в расположении мышц века и глаза; и т.д.

²⁰ *Курсаков В.И.* Антропологизация медицинского знания // *Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции.* СПб., 2005. Вып. 3 / Под ред. В.В. Парцвания. С. 307 – http://anthropology.ru/ru/texts/kursakov/postsoviet_35.html

²¹ Там же. С. 308.

²² См., например: *Антропология – медицине* / Ред. Т.И. Алексеева. М., 1989.

²³ <http://www.antropos.msu.ru/>

²⁴ <http://www.archaeolog.ru/index.php?id=52>

²⁵ http://www.kunstkamera.ru/museums_structure/nauchnye_otdely/otdel_antropologii/

²⁶ <http://archaeology.nsc.ru/Lists/List36/>

²⁷ <http://hist.asu.ru/faculty/museum.shtml>

²⁸ <http://med-gen.ru/science/staff/popgen/>

²⁹ *Бунак В.В.* О перспективах развития антропологии как особой науки // *Антропология 70-х годов.* М., 1972.

³⁰ В этой связи нельзя не упомянуть колоссальные материалы, собиравшиеся регулярно во всех регионах СССР, дающие возможность, в том числе и проанализировать динамику изменения физического типа человека на данной территории на протяжении многих десятилетий: см. работы Ю.С. Куршаковой, Т.Н. Дунаевской, В.Е. Дерябина, А.Л. Пурунджана и многие др.

³¹ Далее в работе основное внимание уделяется исследованиям по этнической антропологии. Это не означает, однако, что автор считает проблемы антропогенеза, конституциологии, морфологии человека и др. менее важными. Переживания за будущее этой области знания (в том числе уникальной, наработанной не одним поколением отечественных специалистов методики описания внешнего облика современных популяций, «носителей») которой ныне является всего несколько человек) заставили автора сконцентрироваться именно на ней.

³² *Толстов С.П.* Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // *СЭ.* Вып. VI–VII: Сб. статей. М.; Л., 1947.

³³ *Витов М.В.* *Этнография Русского Севера.* М., 1997.

³⁴ *Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции.* М., 1959. Т. 1, 2.

³⁵ См. сводные тома публикации результатов этих исследований: *Антропоэкология Центральной Азии* / Ред. Т.И. Алексеева, Р.М. Мунчаев, О.М. Павловский, Б.Б. Прохоров, В.А. Спицин. М., 2005; *Антропоэкология Северо-Восточной Азии* / Ред. Т.И. Алексеева, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, М.В. Добровольская. М., 2008.

³⁶ См. ряд их публикаций: *Афанасьева Г.М.* Традиционная система воспроизводства гна-насан: (Проблемы репродукции обособленных популяций). М., 1990. Ч. 1–3; *Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б.* Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатурах родства и брачных нормах: Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1992. Вып. XXI: Методика этнологических и антропологических исследований. Кн. 1; *Сукерник Р.И., Шур Т.Г., Стариковская Е.Б., Уоллес Д.С.* Изменчивость митохондриальных ДНК у коренных жителей Сибири в связи с реконструкцией эволюционной истории американских индейцев // *Генетика.* 1996. Т. 32. № 3; и др.

³⁷ См., например: *Бутовская М.Л., Драмбян М.Ю.* Хадза Танзании: традиции и современность // *Азия и Африка сегодня.* 2007. Вып. 7. С. 105–110; *Бутовская М.Л., Мабулла А.* Процессы социальной трансформации в сообществах охотников-собирателей (по материалам

антропологического исследования племени хадза, Северная Танзания) // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: Сб. статей. М., 2008. Вып. 6.*

³⁸ *Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 8; Этническая экология: теория и практика / Ред. В.И. Козлов, Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков. М., 1991.*

³⁹ *Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования: Сб. статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова / Ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, Н.А. Лопуленко, А.Н. Ямсков. М., 2004; Он же. Концепция экологической ниши в этноэкологии // Вестник МГПУ. 2005. № 2 (9): Географический выпуск; Он же. Этноэкосистема: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы. М., 2009. Вып. 34: Проблемы этнической экологии / Ред. Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева; Он же. Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. М., 2009; и др.*

⁴⁰ *Абхазское долгожительство / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1987; Долгожительство в Азербайджане / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1989; Феномен долгожительства: Антрополого-этнографический аспект исследования / Отв. ред. С.И. Брук. М., 1982; Proceedings of the First Joint US-USSR Symposium on Aging and Longevity. N.Y., 1982. Vol. 1, 2. и др.*

⁴¹ *См., например: Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1995. Вып. 81; Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1995. Вып. 87; Этнические проблемы регионов России: Пермская область / Ред. Н.А. Дубова, Н.А. Лопуленко. М., 1999.*

⁴² *Духоборцы и молокане в Закавказье / Ред. В.И. Козлов, А.П. Павленко. М., 1992; Русские старожилы Азербайджана: Материалы по этнической экологии / Ред. В.И. Козлов, Н.А. Дубова. М., 1989. Ч. 1, 2; Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы / Ред. В.И. Козлов. М., 1995; и др.*

⁴³ *См., например: Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования / Ред. Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. М., 2006; Этноэкологические аспекты духовной культуры / Ред. В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М., 2005; Этническая экология: народы и их культура / Ред. Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева. М., 2008; Этнос и среда обитания: Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова / Ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков. М., 2009. Т. 1, 2; и др.*

⁴⁴ *См.: Комарова Г.А. Предтеча Чернобыля. М., 2002; Она же. Этнокультурные аспекты техногенной катастрофы. М., 2002, и др.*

⁴⁵ *См., например: У истоков цивилизации / Ред. М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова. М., 2004; Труды Маргианской археологической экспедиции / Отв. ред. В.И. Сариниди. М., 2008; На пути открытия цивилизации / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб., 2010; и др. исследования.*

⁴⁶ *Здесь также следует оговориться, что исследования на стыке археологии с естественными науками пользуются все большей популярностью. Правда, анализируются, в отличие от вышеперечисленных проектов, только древние периоды. Достаточно упомянуть хотя бы такие: работу, получившую высокую оценку как на государственном уровне (Государственная премия России), так и научном (премия РАН им. акад. В.П. Алексеева), посвященную подробнейшему изучению алтайских мумий (см., например: Феномен алтайских мумий / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск, 2000, и др. работы); Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура: Исследования материалов. Самара, 2010, а также и другие издания.*

⁴⁷ *Было бы несправедливо считать, что комплексному изучению проблемы взаимодействия человеческих коллективов между собой, с окружающей природной и социальной средой не уделяется внимание в других учреждениях. Так, например, на кафедре этнографии и музееведения Омского государственного университета (зав. каф. Н.А. Томилов) с 1993 г. действует ежегодный Международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований». Цель работы семинара состоит в выработке новых методологических и методических подходов к проблеме реконструкции и исследования ранних этапов человеческой истории, культуры и социума через развитие комплексных, взаимодополняющих и согласованных методов и методик археологии и этнографии, а также смежных с ними научных дисциплин. См., например, одно из последних изданий: Интеграция археологических и этно-*

рафических исследований: Сб. науч. трудов / Гл. ред. Н.А.Томилов; отв. ред. К.Н.Тихомиров, М.Н.Тихомирова, С.С.Тихонов. Омск, 2010.

Близкая задача является основной для тюменского Института проблем освоения Севера (г. Тюмень). В нем, наряду с уже упоминавшейся группой антропологии и этнографии, работают лаборатории археологии, палеоэкологии человека, социально-исторических исследований, устойчивости биоценозов, а также ландшафтных и фитоценологических исследований. В г. Горно-Алтайске в 2008 г. была, например, проведена международная конференция «Биоразнообразие, проблемы экологии Горного Алтая и сопредельных регионов: настоящее, прошлое, будущее» (см.: Биоразнообразие, проблемы экологии Горного Алтая и сопредельных регионов: настоящее, прошлое, будущее: Материалы Международной конференции [22–26 сентября 2008 г.]. Горно-Алтайск, 2008). В ее рамках работала секция IV. «Интегративная антропология (Integrative anthropology)», на которой были представлены такие, например, доклады, как «Специфика среды существования и развития человека»; «Концептуальный комплекс «человек–природа–культура» в контексте культурно-экологического дискурса»; «Эколого-виктимологические аспекты поведения преступника и агрессии»; «Влияние факторов окружающей среды на организм подростков Республики Алтай», и многие другие. На этой же базе регулярно проводятся экологические конференции. Нельзя не напомнить и про те усилия, которые предпринимались членом-корреспондентом РАМН Б.А. Никитюком в направлении интеграции медицинского, анатомического и антропологического знаний (см., например: Кузин В.В., Никитюк Б.А. Интегративная биосоциальная антропология. М., 1996; Материалы IV Международного Конгресса по интегративной антропологии. СПб., 2002; и др.).

⁴⁸ Взаимодействие этносов на Южном Урале: Комплексные этнолого-антропологические исследования / Отв. ред. Р.И. Якупов. Уфа, 2006; Дубова Н.А., Нечвалода А.И., Рожанская Е.А., Суворова Н.А., Якупов Р.И. Комплексные этнолого-антропологические исследования в Башкортостане // ПИИЭ 2002. М., 2004.

⁴⁹ Дубова Н.А., Варзарь А.М., Суворова Н.А., Рожанская Е.А. Антропологические исследования на юге Молдавии // ПИИЭ. 2002. М., 2004; Varsahr A.M., Dubova N.A., Kutuyev I.A. Serological Researches in the south of Moldavia in Connection with the Problem of the Ethnogeny of the Gagauzes, the Moldavians and the Bulgarians // Anthropologische Anzeiger. 2003. Dec; 61(4). S. 395–411.

⁵⁰ Антропология ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2003. Вып. IV / Отв. ред. вып. М.М. Герасимова.

⁵¹ Немаловажную роль играет здесь и политика. Подробнее см., например: Дубова Н.А. Биологическая и социально-культурная дифференциация человечества: (История, экология и политика) // Расы и народы. М., 2009. Вып. 34.

⁵² http://www.iea.ras.ru/cntnt/levoe_meny/struktura/struktura_1/otdel_antr/otdel_antr1.html

⁵³ Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М., 1975.

⁵⁴ Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2.

⁵⁵ Somatology and Population Genetics of the Bashkirs / Eds. P. Kajanoja, A.A. Zoubov // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Series A. Helsinki, 1986. V.: Medica. 175.

⁵⁶ Антропология коми / Отв. ред. Г.А. Аксянова. М., 2005.

⁵⁷ Акимова М.С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и география. М., 1974.

⁵⁸ Башкиры-гайнинцы Пермского края / Под общ. ред. Р.М. Юсупова. Уфа, 2008; Антропология башкир / Ред. Н.Х. Спицына, Н.А. Лейбова (Суворова). СПб., 2010.

⁵⁹ Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // ТИЭ. М., 1949. Т. VII.

⁶⁰ Hiernaux I. La diversite humaine en Afrique subsaharienne. Bruxelles, 1968.

⁶¹ Начиная с 1970 г. автором в разных районах СССР и в других странах мира по кефалометрической и кефалоскопической программам измерено около 30 тыс. человек.

⁶² Алексеев В.П. Человек: Эволюция и таксономия: Некоторые теоретические вопросы. М., 1985. С. 281–284.

⁶³ Дубова Н.А. Антропологические аспекты урбанизации // СЭ. 1989. № 6. С. 76–89.

⁶⁴ Урбозология. М., 1990.

ОМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение становления и развития этнографических (этнологических) научных центров, научных школ и коллективов актуально прежде всего в историографическом плане. История региональных этнографических сообществ, как и ведущих российских центральных этнографических школ – это возможность на основе изучения их научных концепций и научных исследований более глубоко познать закономерности и особенности истории и современного развития российской этнографической (этнологической) науки, а также ее социальной обусловленности и социальных функций. В.А. Тишков считает (и мы с ним солидарны), что важное место в современных исследованиях должна занимать «проблема места науки в жизни человека и научного знания – в жизни общества, а заодно – история самого российского общества в этноисторическом ракурсе»¹.

В настоящей статье будет рассмотрен ряд аспектов формирования и развития этнографического научного центра в Омске, в том числе роль ведущих ученых и научных школ в создании этого центра, основные периоды и этапы истории омской этнографии, разработки омских этнографов в области теории этнографии (этнологии) и ее некоторых субдисциплин. Сегодня нередко говорят об омской этнографической школе. Недавно отмечался юбилей – 35 лет Омского этнографического научного центра (в 2011 г. это уже 37 лет). Многие коллективы, учреждения и отдельные ученые прислали омичам поздравления с этой датой. Особо ценны для нас высокие оценки из уст ведущих ученых России. Так, академик РАН В.А. Тишков пишет, что Омск стал «ведущим российским научным центром в области этнографии и этнологии, создавшим омскую школу этнологии»². Об омской этнографической научной школе в своих поздравлениях пишут нам академики РАН А.П. Деревянко и В.И. Молодин³, заведующий кафедрой этнологии МГУ профессор А.А. Никишенков⁴ и другие ученые. Появились суждения об этнографической научной школе в Омске и в зарубежной литературе⁵. Но сами омские этнографы больше говорят о своих преемственных связях с московской этнографической (этнологической) научной школой, отчасти с ленинградской (позже санкт-петербургской) школой, отмечают существенный вклад ведущих ученых России в создание и развитие культурологического и этнографического научных центров в Омске⁶.

В последние два десятилетия меня и некоторых моих коллег все больше стали занимать проблемы историографического плана – история отдельных этнографических центров Сибири (дальневосточного, новосибирского, омского, томского и др.), периодизация этнографического сибиреведения и общая периодизация истории российской этнографической науки, периодизация истории российских археолого-этнографических исследований, в том числе этноархеологического научного направления. Освещение результатов исследования названных проблем даже в кратком виде заняло бы много места в данной статье. Да и они достаточно полно опубликованы в научных изданиях⁷. Остановлюсь лишь на кратком изложении периодизации истории

русской этнографии (этнологии), впервые доложенной мною на VIII конгрессе этнографов и антропологов России⁸.

Актуальность выделения и характеристик периодов истории русской этнографии (этнологии) связана с необходимостью на основе исторической ретроспекции определить круг основных направлений исследований и решенных проблем в предшествующие периоды этнографии, дать характеристику современного состояния и определить перспективы русской этнологии (этнографии). Ранее проблеме периодизации истории русской этнографии уделяли внимание С.И. Вайнштейн, И.С. Гурвич, М.О. Косвен, М.В. Крюков, Л.П. Лашук, С.А. Токарев и другие видные ученые⁹.

Омскими учеными предлагается выделить четыре периода в истории русских этнографических исследований. Первый период охватывает XII – первую половину 40-х годов XIX в. и характеризуется накоплением этнографических материалов, созданием источниковой базы и в конце периода первыми научными интерпретациями. В нем выделяются два этапа. Первый этап – XII – третья четверть XVII в. – это время начального накопления этнографических материалов. В этом этапе просматриваются два подэтапа: первый – XII – 70-е годы XVI в. (отсутствие систематического, организованного сбора материалов), второй – 80-е годы XVI – третья четверть XVII в. (расширение сбора этнографических сведений в связи с присоединением к Русскому государству новых территорий). Второй этап – это последняя четверть XVII – первые годы 40-х годов XIX в. Он характеризуется появлением большого количества научных работ (в том числе монографических и энциклопедических изданий) по этнографии и появлением в них научных интерпретаций.

Второй период русской этнографии, как нам представляется, приходится на середину 40-х годов XIX – середину 20-х годов XX в. Он характеризуется появлением в России самостоятельной этнографической науки и ее развитием под влиянием мифологической, эволюционной и других научных школ. В нем выделяются два этапа: 1) середина 40-х–60-е годы XIX в. (становление самостоятельной этнографической науки в России, в основном в рамках Императорского Русского географического общества); 2) 70-е годы XIX – середина 20-х годов XX в. (на этом этапе происходит расширение этнографических исследований за счет появления вузовской и музейной этнографии, а также наблюдается влияние и марксистской научно-материалистической методологии в рамках методологического разнообразия).

Третий период – это время с конца 20-х годов до конца 80-х годов XX в. Он характеризуется мощным организационным характером этнографических исследований в СССР, их большим размахом и развитием отечественной этнографии на основе марксистской методологии с разработкой ряда теорий в сфере изучения этнических и этнографических общностей, этнической истории (включая современные этнические процессы), культуры и социума народов мира и т.д. В этом периоде мы выделяем три этапа: 1) конец 20-х годов – первая половина 40-х годов XX в. (сложности в организации научных исследований, развитие прикладных исследований в плане решения национальных проблем, переход ученых на методологические основы марксизма); 2) вторая половина 40-х–50-е годы XX в.; 3) 60-е–80-е годы XX в. Последние два этапа характеризуются прежде всего мощными теоретическими разработками, появлением и развитием новых научных направлений на стыке с

другими науками, возникновением и развитием новых региональных центров отечественной этнографии и др.

Четвертый период начинается с 90-х годов XX в. и продолжается в настоящее время. Его характеризуют внедрение в российскую этнографию (этнологию) методологического разнообразия, переосмысление ряда концепций и понятий, появление новых научных направлений и новых научных центров, затухание исследований в некоторых традиционных научных направлениях, возрастание международного авторитета российской этнографии, поиск и появление новых подходов к самой этнографии как науки в связи с тем, что, как пишет В.А. Тишков, ее «сегодня более адекватно называть этнологией и социально-культурной антропологией»¹⁰. И надо сказать прямо, что новации и трансформационные процессы в российской этнологии выделяемого нами четвертого периода во многом связаны с ведущей ролью здесь Валерия Александровича Тишкова.

Конечно же, предложенная схема периодизации истории российской этнографической науки требует углубленного изучения истории ее отдельных периодов и этапов. При этом источниковую базу таких историографических исследований должны составить сами этнографические издания и работы разных эпох, статьи и книги по истории российской этнографической науки, книги об ученых-этнографах. Из последних книг отметим, например, работы об этнографах, подготовленные группой по изучению истории отечественной науки, созданной в Институте этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН¹¹. Важное значение для историографических исследований в этнографии имеет создание новых источников. И здесь особую ценность приобретает многолетняя работа В.А. Тишкова по взятию интервью у крупнейших специалистов-этнографов, работавших во второй половине XX – начале XXI в.¹² Отмечу и тот факт, что определенный вклад в изучение истории российской этнографической (этнологической) науки сегодня вносит и работа постоянной секции «Историография отечественной и зарубежной этнографической науки» на конгрессах этнографов и антропологов России, основателем которой был замечательный санкт-петербургский ученый А.М. Решетов¹³.

У омских этнографов есть замысел – подготовить и издать очерки истории некоторых этнографических научных центров Сибири. Одну книгу мы опубликовали – она посвящена таким центрам Западной Сибири¹⁴. Наибольшее внимание в ней уделено проблеме периодизации истории этнографического сибиреведения в целом, периодизации истории отдельных региональных этнографических центров, а также становления и развития омского этнографического центра.

Этнографические исследования омских ученых берут свое начало с работ Ч.Ч. Валиханова. Первый период охватывает 1854–1875 гг. – это становление и первые шаги омской этнографии. Второй период приходится на 1876–1920 гг. и связан в основном с исследованиями ученых Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Третий период – 1921–1973 гг. характеризуется этнографическими работами музеев Омска. А вот четвертый период, начавшийся в 1974 г. и продолжающийся до сих пор, – это и есть время складывания и развития омского этнографического центра. В каждом периоде выделяются этапы, но для их характеристик мы

отсылаем читателей к уже опубликованным результатам по истории омской этнографии¹⁵.

Только о современном периоде скажем, что в нем просматриваются два этапа: 1) 1974–1984 гг. – годы накопления этнографического потенциала в стенах Омского государственного университета – ОмГУ (организация ежегодных экспедиций, Музея археологии и этнографии, первых научных конференций, выход на монографические исследования этнической истории народов Сибири); 2) с 1985 г. по настоящее время.

Основная черта четвертого периода – резкая интенсификация этнографических исследований, в основном в рамках Омского государственного университета (ОмГУ создан в 1974 г.) и позднее в Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (создан в 1991 г., в 2006 г. преобразован в Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН) и Сибирском филиале Российского института культурологии Минкультуры РФ РАН (создан в 1993 г.). В ОмГУ этнографические исследования проводятся на кафедре этнографии и музееведения (образована в 1985 г.) и на кафедре музееведения, экскурсоведения и туризма (выделилась из кафедры этнографии и музееведения ОмГУ в 2000 г.; из этой же кафедры еще ранее, в 1994 г., выделилась кафедра современной отечественной истории и историографии ОмГУ), а также в четырех научно-исследовательских лабораториях ОмГУ. Это связано с постепенным, но неуклонным формированием в Омске под прямым влиянием ленинградской, московской и томской этнографической науки целого коллектива этнографов: О.Н. Артемьева, Ш.К. Ахметова, М.Л. Бережнова, А.Р. Бетхер, А.Н. Блинова, В.Б. Богомолов, О.М. Бронникова, Ф.М. Буреева, Н.Н. Везнер, М.А. Жигунова, И.В. Захарова, Т.Н. Золотова, А.А. Ильина, Л.М. Кадырова, О.П. Коломиец, Д.Г. Коровушкин, М.А. и С.Н. Корусенко, А.А. Крих, Н.В. Кулешова, С.Р. Курманова, Н.А. Левочкина, И.В. Лоткин, Д.М. Лукманова, А.В. Матвеев, Д.А. Мягков, Г.М. Патрушева, С.А. Рублевская, Т.В. Савранина, А.Б. Свитнев, А.Г. и И.А. Селезневые, Б.К. Смагулов, Е.Ю. Смирнова, Т.Б. Смирнова, М.Н. Тихомирова, Н.А. Томилов, И.В. Чернова, И.Н. Чернова, Л.Т. Шаргородский (погиб в экспедиции), А.А. Ярзуткина и др., плюс к этому 4 этноархеолога с археологической базовой подготовкой (С.Ф. и Л.В. Татауровы, К.Н. Тихомиров, С.С. Тихонов), с подготовкой кадров этнографов не только для Омска, но для других городов (выходцы из коллектива омских этнографов работают сегодня по специальности в Барнауле, Екатеринбурге – там трудится первый доктор наук из выпускников-этнографов ОмГУ, член-корреспондент РАН А.В. Головнев, – Краснодаре, Москве, Новосибирске, Санкт-Петербурге, Тобольске, Тюмени и других городах России, а также в Казахстане, а главное, с проведением целенаправленных исследований в областях этнической истории, этноархеологии, этнической генеалогии, этнодемографии, этносоциологии, этнохореологии, этнической экологии, этнографического музееведения, исторической этнографии, этномузыковедения, этнопедагогики, этнографического религиоведения, культурологии традиционных сообществ, музееведения, историографии культурологических и этнографических исследований, охвативших десятки народов и национальных групп Сибири, отчасти Казахстана, Европейской России, а также Западной и Восточной Азии.

Итак, первый этап охватывает 1974–1984 гг. В основном он связан с деятельностью в ОмГУ В.Б. Богомолова, Н.И. Новиковой, Н.А. Томилова и

его учеников Г.М. Патрушевой, О.М. Бронниковой (в тот период Проваторова) и др.

Второй этап начался открытием в 1985 г. кафедры этнографии ОмГУ (ее последнее название – кафедра этнографии и музееведения) – фактически первого этнографического научно-образовательного учреждения в Омске и до сих пор единственного в вузах Сибири. Этот этап продолжается и в настоящее время. Его основное содержание – широкие научные изыскания (в том числе и теоретические) в области нового для России этноархеологического направления путем консолидации усилий омских археологов и этнографов (в группу этноархеологов вошли М.Л. Бережнова, В.Б. Богомолов, В.А. Ерохин, А.В. Жук, Л.М. Кадырова, М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко, А.В. Матвеев, Б.В. Мельников, А.Г. Селезнев, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, К.Н. Тихомиров, М.Н. Тихомирова, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов), в области этнической истории Сибири XVI – начала XXI в. с проведением изучения и современных этнических процессов, в области традиционной культуры и социальных отношений, позволившие выйти на издание трех многотомных серий – «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» (17 томов), «Культура народов России» (7 томов), «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума» (12 томов), а также на издание журнала «Культурологические исследования в Сибири» с правом распространения его в странах СНГ¹⁶. Данный этап характеризует также увеличение научных учреждений в Омске с наличием в них этнографических подразделений (имеются в виду два названных выше филиала научно-исследовательских институтов), качественный рост этнографических кадров, подготовка их через аспирантуру и докторантуру ОмГУ, через аспирантуру Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, признание в России Омска как одного из этнографических научных центров страны и другие показатели.

В последние два десятилетия омские этнографы, этнокультурологи и этноархеологи стремятся придать Омску роль научно-координирующего центра по ряду проблем научных направлений. С этой целью, работающей на достижение новых научных результатов, они организовали несколько регулярно проводимых научных конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров.

В плане распространения накопленного омскими этнографами опыта в преподавании гуманитарных дисциплин и проведении этнографических практик студентов и экспедиций ими изданы программы лекционных курсов, избранные лекции и сборник вопросников и программ для проведения сбора полевых материалов¹⁷.

Сегодня в Омске (в НИИ, вузах и музеях) работают более 60 этнографов. За 37 лет омского этнографического центра защищено 5 докторских и более 50 кандидатских диссертаций, изданы десятки монографий, сотни сборников научных трудов, подготовлено около десяти программ и проектов профилактики межнациональных конфликтов, стабилизации межэтнических отношений и решения национально-культурных проблем и т.д. И во всех наших исследованиях и научно-организационных делах существенную помощь оказывали столичные этнографические учреждения и ведущие ученые страны.

На первых порах в середине 1970-х годов существенную поддержку археологии и этнографии в ОмГУ оказали академик А.П. Окладников (Новосибирск)¹⁸ и московский исследователь В.А. Могильников.

На первом этапе истории этнографической науки в ОмГУ существенно помогли ее развитию московские ученые. У меня лично тесные связи были тогда с Институтом этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, где я проходил годичную стажировку еще в 1971 г., а затем защитил там сначала кандидатскую (научный руководитель И.С. Гурвич) и затем докторскую (научный консультант Ю.В. Бромлей) диссертации, имел друзей и хорошие деловые связи со многими учеными этого института. Да и с кафедрой этнографии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова тоже было полезное сотрудничество. Назову некоторых коллег-москвичей, внесших свой вклад в поддержку и развитие этнографии в ОмГУ. Это прежде всего С.А. Арутюнов, Ю.В. Бромлей, В.И. Васильев, И.С. Гурвич, Л.Б. Заседателева, К.П. Калиновская, Л.П. Лашук, Г.Е. Марков, В.В. Пименов. Некоторые из них читали курсы лекций в ОмГУ, многие участвовали в организации научных конференций в Омске, писали рецензии на научные труды омских этнографов и т.п. В 1983 г. вместе с Геннадием Евгеньевичем Марковым (он был тогда заведующим кафедрой этнографии МГУ) мы провели в Омске Первую всероссийскую студенческую этнографическую научную конференцию¹⁹.

Существенную поддержку оказал нам тогда ленинградский ученый, директор Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР и заведующий кафедрой этнографии и антропологии Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Рудольф Фердинандович Итс. Он читал в ОмГУ курс лекций «Введение в этнографию», принял переводом двух наших студентов на учебу в ЛГУ. Мы посылали на учебу наших студентов-этнографов и в МГУ, стремились, чтобы они получили высокую квалификацию в ленинградской и московской научных школах. В 1984 г. Р.Ф. Итс пытался перевести меня на работу в Ленинград и ратовал вместе с И.И. Барановой за то, чтобы меня назначили директором Государственного музея этнографии народов СССР.

Второй этап развития этнографии в Омске начался с создания в 1985 г. кафедры этнографии и музееведения ОмГУ. На этом этапе существенную поддержку и помощь дальнейшему развитию этнографического научного центра оказали академики А.П. Деревянко, В.И. Молодин, член-корреспондент РАН В.А. Лихолобов, а также А.В. Бауло, С.И. Вайнштейн, И.Н. Гемуев, П.И. Пучков, К.Э. Разлогов, В.В. Тихомиров, В.А. Тишков (сегодня это академик РАН), В.А. Шнирельман, Я.В. Чеснов и др. Они читали курсы лекций на историческом факультете ОмГУ, рецензировали научные труды омских ученых, проводили совместные научные конференции. Так, в 2003 г. благодаря усилиям Валерия Александровича Тишкова в Омске работал V конгресс этнографов и антропологов России²⁰. Становлению и развитию в Омске этноархеологии значительную помощь оказал В.А. Шнирельман²¹. Гуманитарную науку в Омске очень весомо поддерживает губернатор Омской области Л.К. Полежаев.

С 1986 г. мы стали издавать тома научной серии «Культура народов мира в этнографических коллекциях российских музеев». Выпуск ее первых томов весомо поддержал тогда академик Дмитрий Сергеевич

Лихачев. Он дал краткий отзыв на первые два тома, посвященные коллекциям по этнографии народов Сибири Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Вот эта запись: «Прекрасное и очень нужное издание. Это наука, основанная на учете. На века. Д. Лихачев 14.XI.91».

Существенное расширение культурологических исследований омскими учеными напрямую связано с внедрением культурологических дисциплин в вузовскую систему, но, главное, с образованием здесь Сибирского филиала Российского института культурологии Министерства культуры РФ и РАН. Его открытию и дальнейшему развитию особенно способствовали академик Е.П. Челышев, руководители Российского института культурологии К.Э. Разлогов, Ю.М. Резник, Э.А. Шулёпова, а из омских руководителей – Н.М. Генова и Л.К. Полежаев.

Ведущие научные центры и ведущие ученые поддержали издание в Омске названных выше многотомных научных серий. В состав главных редакционных коллегий этих серийных изданий вошли наиболее выдающиеся российские ученые. Особое место занимает сегодня издаваемый в Омске российский журнал «Культурологические исследования в Сибири», которому идет уже двенадцатый год²². Фактически он стал первым периодическим журналом по культурологии в сибирском научном сообществе.

И искренне отмечу ту значительную и постоянную поддержку наших исследований и научных мероприятий, которую оказывает нам начиная с 1990-х годов академик Валерий Александрович Тишков. В октябре 1993 г. он приехал в Омск, где принял участие в организации и проведении Всероссийской научно-практической конференции «Региональные проблемы межнациональных отношений в России», выступил на ней с пленарным докладом «Этничность и национализм в постсоветском пространстве», посетил селения Азовского немецкого национального района Омской области, возглавил делегацию ученых на приеме у губернатора Л.К. Полежаева, проконсультировал местных ученых, принял участие в организации Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», пригласив на него В.А. Шнирельмана, выступившего с основным докладом об этноархеологии²².

В 2001–2003 гг. кафедра этнографии и музееведения ОмГУ и Институт этнологии и антропологии РАН работали совместно по Программе поддержки кафедр Мегапроекта «Развитие образования в России. Высшее образование» Института «Открытое общество», учрежденного Джорджем Соросом. Руководителем этих работ со стороны Института был В.А. Тишков. Нашей кафедре была оказана существенная помощь – это и кураторство по линии аспирантуры, и стажировки преподавателей кафедры в Институте, и обеспечение кафедры коллекцией этнографических видеофильмов, и чтение курсов лекций ведущими учеными страны (лекции читали А.В. Головнев, П.И. Пучков, К.Э. Разлогов, В.А. Тишков), и участие московских аспирантов в экспедициях кафедры, а аспирантов кафедры в летних и зимних научных школах, и многое другое. Сам В.А. Тишков прочитал курс лекций «Политическая антропология» и издал программу по этому курсу²⁴.

По этой программе в Омске были организованы несколько научных и научно-практических мероприятий. Главным из них стал проведенный в Омске в июне 2003 г. V конгресс этнографов и антропологов России²⁵.

В.А. Тишков вместе с С.В. Чешко являются ответственными редакторами серии «Народы и культуры», основанной в 1992 г. А в 2006 г. вышел в свет очередной том серии под названием «Тюркские народы Сибири»²⁶, который издан под грифами Института этнологии и антропологии РАН и Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Ответственными редакторами тома было поручено стать Д.А. Функу и мне.

В.А. Тишков совсем недавно так отозвался о нашем сотрудничестве: «Впечатление о совместной работе наполняет наши сердца чувством благодарности и удовлетворения от осуществления общего дела. Мы надеемся, что наше сотрудничество будет продолжаться»²⁷. И мы, омские ученые, конечно же, довольны нашими творческими и дружескими связями с замечательным ученым и крупным организатором науки В.А. Тишковым и также надеемся на их дальнейшее развитие.

Самостоятельный этнографический научный центр, наверное, должен иметь свои концепции и теоретические наработки. О том, что делается в этом плане омскими этнологами, нам приходилось писать ранее²⁸. Мои личные разработки в теоретической (в том числе и в методологической) области этнологии достаточно полно опубликованы как многочисленными статьями²⁹, так и в виде монографий и учебных пособий³⁰. Эти исследования охватывают вопросы объектно-предметной области, дефиниций и проблематики прежде всего этнологии и ряда ее субдисциплин (этноархеологии, этнической истории, этнической экологии, этнографического музееведения и др.), но и некоторых других гуманитарных наук – культурологии, музееведения, фольклористики, а также общих вопросов классификации наук в целом и происходящих в научной сфере процессов. Были сформулированы и разрабатываются теоретические положения об интегрированных хозяйственно-культурных типах, этнографо-археологических социокультурных комплексах и др.

Моя последняя монография посвящена изучению российскими учеными народной (традиционно-бытовой) культуры разноэтничных групп городского населения Сибири во второй половине XX – начале XXI в.³¹ В первой главе этой монографии раскрываются актуальность изучения этнографии города в России, общие представления о работах исследователей по изучению народной культуры горожан Сибири, периодизация этого изучения, методологические разработки проблемы городской (в том числе и народной) культуры в работах Д.А. Алисова, В.А. Дмитриева, М.А. Жигуновой, В.Г. Рыженко, О.Г. Севан, Г.В. Старовойтовой, С.А. Токарева, Н.А. Томилова, М.П. Черной и других ученых³².

Теоретическими аспектами этнической истории на протяжении двух с половиной десятков лет занимается С.Н. Корусенко. Существенные результаты получены ею в изучении этнической генеалогии как научной субдисциплины, сформировавшейся путем интеграции генеалогических и этнографических знаний³³. В ее фундаментального уровня монографии «Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках» есть специальная глава о теоретических, методологических и источниковедческих проблемах этнической истории, генеалогии и этнической генеалогии³⁴. В ней рассмотрены вопросы возникновения, развития этих научных дисциплин, их объектно-предметных сфер, применения

в исследованиях генеалогического метода (создание фонда семейных родословных, как записанных во время сборов полевых материалов, так и реконструированных по архивным источникам, и изучение этого фонда), классификации генеалогических источников и др.

Сегодня в области этнической генеалогии существенные наработки получены омичами – помимо работ С.Н. Корусенко это труды Н.В. Кулешовой, М.Л. Бережновой и других ученых. Объектная сфера исследований была расширена за счет включения в изучение населения полиэтнических и с многокомпонентным в этническом отношении населением сельских поселений. Были выработаны специальные методы сбора и обработки генеалогий, основанные на достижениях московских коллег и адаптированные к данной полиэтнической ситуации. В объект этногенеалогических исследований вошло и население, структура которого изучается по архивным материалам (прежде всего по первичным документам переписей населения) и по соединению (сопряжению) этих материалов с современными родословными. Благодаря этому проблематика генеалогических исследований существенно расширилась, стала во многом самостоятельной³⁵.

Теоретические разработки в изучении интеграции археологических и этнографических знаний, в характеристике методов археолого-этнографических исследований, в выявлении и изучении компонентов этнографо-археологических комплексов содержатся в ряде работ омского ученого С.С. Тихонова³⁶.

Теоретические исследования К.Н. Тихомирова проводятся в двух направлениях – изучение этнического взаимодействия населения в виде миграций и в виде контактов. Им предложены методики выявления, доказательства и исследования миграций населения археологическими методами, определение понятия миграций как движение маркеров миграций (поселенческий, погребальный, орнаментальный, керамический, антропологический и другие комплексы), изучается влияние переселений на трансформацию традиционной культуры мигрантов и аборигенного населения, проводится работа по выстраиванию гносеологической иерархии этнических контактов по археологическим материалам и т.д.³⁷

В сферу научных интересов Т.Б. Смирновой, защитившей недавно докторскую диссертацию³⁸, входят современные этнические процессы, вопросы этнической демографии и этнических миграций, проблемы этнической истории, в том числе проблемы формирования и развития диаспор³⁹. Ею дано определение диаспорной группы, под которой понимается часть диаспоры, сформировавшаяся на определенной территории и обладающей выраженными особенностями в культуре, языке и идентичности, выявлены влияющие на формирование и развитие диаспорных групп факторы (время миграций, количество миграционных потоков и самих мигрантов, их этнический (с множественностью этнической идентичности) и социальный состав, профессиональная деятельность, наличие (или отсутствие) устойчивых культурных комплексов, социально-политические аспекты), определены и изучены особенности культурного воспроизводства в диаспорной группе и др.

М.А. Жигунова активно занимается историографией изучения культуры русских Сибири, проблемами самосознания и идентичности, изучением современных этнических процессов и традиционно-бытовой культуры,

проблемами этнографического музееведения и сохранения этнокультурного наследия⁴⁰. Ею подчеркивается необходимость использования при изучении городской культуры принципа историзма, системного метода, метода ретроспективных реконструкций, междисциплинарного подхода, в том числе использования методов и данных разных наук – не только этнографии, но и этносоциологии, языкознания, фольклористики, этнопсихологии, философии и др. Интересны результаты, полученные М.А. Жигуновой при изучении региональной идентичности. Она выделяет пять основных подходов к определению «сибиряки» (топонимической, историко-хронологической, антропологической, природно-географической, психологической) и приходит к выводу, что при определении сибирской идентичности существенную роль играют личностно-психологические характеристики⁴¹. Теоретические результаты исследований М.А. Жигуновой получили уже одобрение в научной литературе⁴².

А.Г. Селезнев на протяжении многих лет успешно разрабатывает концепцию традиционной культуры (включая региональные языковые диалекты) как самостоятельной сферы культуры вообще, принципиально отличной и несопоставимой с этнической (национальной) культурой, включающей в себя в качестве составной части литературный язык. Исследуются специфические социальные объекты – локальные культурные комплексы, культурные диалекты (в литературе есть и другие термины для их обозначения), являющиеся способом существования традиционной культуры. Подход апробирован при изучении традиционных форм хозяйства и сопутствующих компонентов культуры и при исследовании региональных («народных») форм мировой религии⁴³. Концепция нашла отражение в исследованиях других ученых. Как отметили авторы информационно-методического справочника «Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона», методологической основой издания стали концепции и подходы, связанные с исследованием локальных (ареальных) культурных комплексов, разрабатываемых А.Г. Селезевым⁴⁴.

Докторант кафедры этнографии и музееведения ОмГУ И.И. Назаров (работает в Алтайском государственном университете) проводит работу по корректировке имеющихся в отечественной науке подходов к изучению природопользования, необходимость которой вызвана появлением новых теоретических и практических положений, сформулированных в документах международных организаций (например, в Концепции о биологическом разнообразии). Разрабатывает он и теорию традиционных знаний и использования их в современной культурной деятельности⁴⁵. И.И. Назаров считает, что определенным прорывом, оказавшим значительное влияние на научные взгляды отечественных ученых и на общественное движение коренных этносов, стало включение в перепись 2002 г. малочисленных этнических общностей, находящихся в условиях иноэтничного окружения. Отмечу, что существенный вклад в обеспечение прав таких общностей именоваться самостоятельным этносом при подготовке Всероссийской переписи населения внес В.А. Тишков. И.И. Назаров указывает на сложные процессы трансформации этнической идентичности и противоречивость взаимоотношений коренных общностей Республики Алтай и Алтайского края, на противоречивые точки зрения по выделению из алтайского этноса кумандинцев, челканцев, тубаларов. По мнению И.И. Назарова, признания за этнической общнос-

тью права самостоятельно определять свою этничность, включая и наличие множественности идентичностей, позволяет более объективно исследовать различные аспекты современного развития. Эти методологические установки нашли отражение в публикациях И.И. Назарова, посвященных кумандинцам⁴⁶.

Молодой исследователь Д.А. Мягков, занимаясь изучением традиционного хозяйства барабинских татар, выявил факторы развития хозяйственного комплекса этой группы – это экологические факторы (абиотические – усыхание озер и болот), биотические (сокращение фауны Барабы), антропогенные (вырубка лесов, истребление животных) и социальные – демографические (иммиграция поволжско-приуральских татар), экономические (развитие товарно-денежных отношений), технологические (модернизация орудийной базы), политические (коллективизация хозяйства)⁴⁷.

Обоснованием и изучением феномена традиционной культуры путешествия в Омске занимается А.В. Матвеев⁴⁸. Под этим феноменом он предлагает понимать комплекс народных знаний и представлений, вещественных атрибутов, направленных на обеспечение достижения цели путешествия человека в конкретных природно-географических условиях в рамках сложившейся системы восприятия мифологического пространства⁴⁹. А.В. Матвеев смоделировал систему мифологических сюжетов культуры путешествия и поэтапную структуру самого путешествия, рассмотрел элементный состав системы дорог, историю ее сложения и развития, определил двухуровневую систему дорог (элементарный уровень включает материальные элементы дорог и путешествующих; уровень моделей маршрутов путешествий), изучил вопросы происхождения и развития системы дорог и т.д.

М.А. Корусенко, занимаясь изучением погребальных комплексов разных групп тюркоязычного населения Западной Сибири, объединенного позднее этнонимом «сибирские татары»⁵⁰, осуществляет методологические поиски по теме своего исследования. Так, совместно с А.В. Полеводовым им даны определения дефиниций «сооружение», «конструкция», «элемент» и выстроены их связи со следами погребальных практик XVII – XX вв.⁵¹

В рамках работ по совершенствованию теоретического инструментария М.А. Корусенко и А.В. Полеводов начали разработку понятия «некротфера» и его структуры, включающей некротферу пространства, вещи и ритуала⁵². Они же дали и определение некротферы пространства – это «система, формирующая и регламентирующая существование “живых и мертвых” в пределах освоенного человеческим коллективом пространства (например, уровня локальной общины). Это пространство имеет как постоянную топографическую локализацию (в виде погребения и могильника / кладбища – “поселения мертвых”), так и ситуационную локализацию (возникающую, например, в связи с нахождением умершего в пределах “поселения живых” в этнографической реальности)»⁵³. Сегодня эти два омских ученых приступают к разработке и наполнению понятий «некротфера вещи» и «некротфера ритуала».

И.А. Селезневой разрабатываются проблемы этнографического изучения ислама, тех его реальных проявлений, которые сложились в конкретных исторических условиях в жизни разных народов (особенно сибирских

татар)⁵⁴. Это проявляется в форме религиозного синкретизма, который, как считает исследовательница, почти всегда представляет собой результат смешения различных верований и культов и функционирует в рамках «народной», фольклорной, локальной версии мировой религии. Такой подход к изучению ислама соотносится в общем плане с теорией так называемых региональных или локальных культов. Они определяются как культы отдельных религиозных общин, находящихся на периферийном по отношению к религиозному центру положении. В их состав входят местные почитаемые святые, культовые места, могилы святых, локальные области молений и жертвоприношений и т.д. В рамках концепции региональных культов И.А. Селезневой рассматривается и культ святых в исламе, являющийся одним из наиболее интересных элементов мусульманской культуры. Особая актуальность изучения этого культа для этнологии состоит в том, что он, не будучи признанным большинством реформистских течений, являет собой важнейшую и неотъемлемую составляющую религиозной культуры в различных частях исламского мира. Кроме того, культ святых в исламе тесно связан с суфизмом, который сыграл большую роль в распространении ислама по всему миру.

Т.Н. Золотова, занимаясь изучением традиционных календарных праздников белорусов, русских и украинцев Западной Сибири⁵⁵, выявила и обосновала факторы, существенно влиявшие на развитие и трансформацию праздников и обрядов, – это социально-экономический, политический, нравственно-психологический, этнический и религиозный факторы. Кроме того, ею разработана классификация праздничной культуры, основанная на выделении целевой направленности праздничных действий и типов социальных общностей и субъектов праздника⁵⁶. Отмечу и то, что Т.Н. Золотовой была разработана оригинальная авторская программа сбора информации по традиционным праздникам восточнославянского населения⁵⁷.

Не останавливаясь даже на кратком изложении теоретических разработок других омских этнографов, этноархеологов и этносоциологов, отмечу все же разработки В.Б. Богомолова в орнаментоведении, реалогии, костюмоведении, Ш.К. Ахметовой и И.В. Толпеко в этноархеологическом изучении памятников истории и культуры казахов, Ф.М. Буревой в сопряжении археологических и этнографических материалов по орнаменту, А.В. Жука, С.Ф. Татаурова и Л.В. Татауровой в этноархеологии, И.В. Лосевой и Д.М. Лукмановой по выделению принципов и особенностей использования фольклорных источников в этнографических исследованиях, Е.Ю. Смирновой в костюмоведении, А.Н. Блиновой в этнографии детства, Н.Н. Везнер и Н.А. Левочкиной в этноархеологии, И.Н. Черновой в области изучения народных знаний, М.Н. Тихомировой в изучении системы питания и места в ней национальной пищи, О.Н. Артемьевой в изучении представлений о человеческом теле в традиционном мировоззрении русских, Д.Г. Коровушкина (сейчас работает в Новосибирске) в области понятийного аппарата в изучении диаспор, В.П. Кривоногова (работает в Красноярске) в систематизации компонентов и временной протяженности понятия «этнические процессы», А.А. Ильиной в подходах к изучению деятельности национально-культурных организаций и движений, Г.М. Патрушевой в области этнографического

музееведения (прежде всего в обосновании теоретических положений по научной каталогизации музейных предметов) и др.

В заключение еще раз подчеркну, что все названные выше разработки проводились в сопряженности с теоретическими исследованиями ученых других этнографических центров России (прежде всего ведущих московского и Санкт-Петербургского центров) и ряда ученых зарубежных стран.

Отмечу в связи с юбилейной датой В.А. Тишкова ведущую роль в теоретических исследованиях его, его коллег⁵⁸ и то большое будоражащее влияние его научных трудов на работы и деятельность российских этнографов в науке и практике общественной жизни России. Омских ученых сегодня привлекают работы В.А. Тишкова не только о сложности структуры культурных общностей, но и о сложении и развитии общих явлений в многосложных социально-политических общностях, о культурном многообразии и культурном единстве. Например, он пишет: «Сердцевина понятия “культурное многообразие” – это признание многообразных форм самих культурных общностей (не только русской или аварской, но и российской и дагестанской), признание и спонсирование не только различий, но и сходства, одинаковости, которые чаще всего преобладают над различиями, по крайней мере в рамках одной национальной (не этнической!) культуры, каковой является российская культура»⁵⁹. Представляется, что задача изучения сложения и развития российской социально-политической и культурной общности и региональных и полиэтнических культурных общностей, а также сложения и развития общих явлений в культуре соседствующих этнических образований должна войти сегодня в круг основных задач российской этнологической науки.

¹ Тишков В.А. Наука и жизнь: Разговоры с этнографами. СПб., 2008. С. 5.

² Тишков В.А. (Приветствие в адрес омских этнографов) // Вестник культуры: Орган Омского филиала Российского фонда культуры. 2010. № 2. С. 2.

³ Там же.

⁴ Никишенков А.А. (Приветствие в адрес омских этнографов) // Вестник культуры. 2010. № 2. С. 2.

⁵ Dudoignon, Stephane A. Islam in Siberia: Historical and Anthropological Aspects // Asiatic Russia Partnerships and Communities in Eurasia. Kolkata, 2009. P. 80–86.

⁶ Томилов Н.А. Роль ведущих ученых в становлении и развитии омских культурологических и этнографических научных центров // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан. Омск, 2009. С. 9–11; Томилов Н., Жигунова М. Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. М., 2010. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Комарова. С. 285–295.

⁷ Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений / Отв. ред. В.И. Молодин. Омск, 2003; Они же. Материалы к истории археолого-этнографических исследований в Сибири в XX в. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 6. С. 32–48; Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XX века: Омский этнографический центр / Отв. ред. В.П. Корзун, В.И. Матюшенко. Омск, 2007; Селезнев А.Г. История этнографического изучения народов Сибири в России (XII – 20–30-е гг. XX века). Омск, 2002; Томилов Н.А. О периодизации археолого-этнографического направления отечественной науки // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы. Омск, 2000. С. 21–26; Он же. Российское этнографическое сибиреведение

XX века: (к постановке проблемы) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 92–101; *Он же*. Этнографическое сибиреведение: периодизация и научные проблемы // Этнос Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2004. Ч. 1. С. 5–10, и др.

⁸ *Томилов Н.А.* Российская этнографическая наука в исторической ретроспекции // VIII конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург, 2009. С. 379–380.

⁹ *Косвен М.О.* Материалы к истории русской этнографии (XII–XVII вв.) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Вып. 1. С. 30–70; *Гурвич И.С.* Изучение этногенеза народов Севера в советский период // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 5–49; *Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* Советская этнографическая школа // Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления, методы. М., 1988. С. 115; *Лаишук Л.П.* Проблема становления русской этнографической науки // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989. С. 8–36; *Токарев С.А.* История русской этнографии: (Дооктябрьский период). М., 1966.

¹⁰ *Тишков В.А.* Наука и жизнь: Разговоры с этнографами. С. 6.

¹¹ Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2004. С. 3–6.

¹² *Тишков В.А.* Наука и жизнь: Разговоры с этнографами.

¹³ См. о нем: *Бурькин А.А.* Сибиреведение в научной жизни этнографа: Александр Михайлович Решетов // Культурологические исследования в Сибири. 2007. № 2. С. 18–23.

¹⁴ *Захарова И.В., Томилов Н.А.* Указ. соч.

¹⁵ *Захарова И.В., Томилов Н.А.* Указ. соч. С. 20–25; *Томилов Н.А.* Этнографическое сибиреведение: периодизация и научные проблемы. С. 5–10; *Томилов Н., Жигунова М.* Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету. С. 285–295, и др.

¹⁶ *Корусенко М.А., Томилов Н.А., Томилова В.С.* Научные журналы и серии по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии в Омске // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань; Омск, 2010. С. 51–66; *Tomilov N., Tomilova V.* The Journal «Cultural Research in Siberia» and Its Place in the Study of History and Culture (on 10th Anniversary of Its Founding) // Experiment. Los Angeles, 2009. Vol. 15. P. 142–148, и др.

¹⁷ *Бережнова М.Л., Жук А.В., Томилов Н.А.* и др. История. Антропология. Культурология: Программы и избранные лекции / Отв. ред. М.Л. Бережнова. Омск, 2003. Ч. I: Программы учебных и специальных курсов; 2004. Ч. II: Избранные лекции; *Богомолов В.Б., Вилкунд К.Б., Томилов Н.А.* и др. Вопросы и программы по этноархеологии и этнографии / Отв. ред. С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов. Омск, 2002.

¹⁸ *Томилов Н.А.* Алексей Павлович Окладников и Омский государственный университет // Окно в неведомый мир. Новосибирск, 2008. С. 91–95.

¹⁹ *Томилов Н.А.* Всероссийская студенческая научная этнографическая конференция // Советская этнография. 1984. № 4. С. 138–139.

²⁰ *Селезнев А.Г.* О конгрессе // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 1–13.

²¹ *Томилов Н.А.* В.А. Шнирельман и омская этноархеология // Виктор Александрович Шнирельман: Библиографический указатель (к 60-летию со дня рождения). М., 2009. С. 12–19.

²² *Томилов Н.А., Томилова В.С.* Методология научных исследований на страницах журнала «Культурологические исследования в Сибири» // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы. Омск, 2008. Ч. 1. С. 229–237.

²³ *Селезнев А.Г.* Региональные проблемы межнациональных отношений в России // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 137–139.

²⁴ *Тишков В.А.* Политическая антропология: Программа курса для студентов исторического факультета. Омск, 2003.

²⁵ *Селезнев А.Г.* О конгрессе // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 1–13; *Томилов Н.А.* Конгресс этнографов и антропологов России в Омске // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2004. № 1. С. 152–159.

²⁶ Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М., 2006.

²⁷ *Тишков В.А.* (Приветствие в адрес омских этнографов). С. 2.

²⁸ *Томилов Н.А.* Основные направления этноархеологии в Омском научном центре // Р.Ф. Кайндль і українська історична наука. Вижниця, 2004. Ч. 1. С. 84–94; *Он же*. Теоретические проблемы некоторых частных исторических и смежных с ними наук в работах омских этнографов // Вестник Омского ун-та. 2004. № 3. С. 14–24; *Томилов Н.А., Томилова В.С.* Указ. соч. С. 229–237; и др.

²⁹ См., например: *Богомолов В.Б., Томилов Н.А.* Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 125–128; *Корусенко С.Н., Кулешова Н.В., Томилов Н.А.* Этническая генеалогия народов Сибири // Исторический ежегодник. Омск, 2001. Спец. выпуск. С. 147–158; *Корусенко С.Н., Томилов Н.А.* Этноархеология и культурология традиционных сообществ: междисциплинарный подход (на материалах культур населения юга Западной Сибири) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2005. С. 18–22; *Томилов Н.А.* Особенности синтеза хозяйства и культуры у народов южной и средней полосы Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 122–127; *Он же.* Этническая история как научное направление // Проблемы методологии исторических наук. Омск, 1992. С. 7–24; *Он же.* Музееведение, его периодизация и основные понятия // Изв. Омского гос. историко-краеведческого музея. Омск, 1998. С. 52–64; *Он же.* Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 3–14; *Он же.* О музееведении и некоторых его дисциплинах // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск, 1999. С. 7–24; *Он же.* Этноархеология как научное направление // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 75–84; *Он же.* Этническая экология: некоторые методологические проблемы // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002. С. 324–329; *Он же.* Народная культура: сферы, типы и проблемы изучения // От краеведения к культурологии. М., 2002. С. 48–58; *Он же.* О методологии гуманитарных наук // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 2002. С. 18–24; *Он же.* К проблемам методологии некоторых частных исторических и смежных с ними наук // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 52–60; *Он же.* Теоретические проблемы некоторых частных исторических и смежных с ними наук в работах омских этнографов // Вестник Омского ун-та. 2004. № 3. С. 14–24; *Он же.* Социальная значимость музейных историко-культурных ресурсов и музеи Сибири // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2007. № 1. С. 90–93; *Он же.* Методологические аспекты частных исторических наук // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы. Омск, 2008. Ч. 1. С. 20–36; *Он же.* Экономика, культура и культурология // развитие инновационного потенциала агропромышленного производства. Омск, 2008. Ч. I. С. 8–12; *Он же.* Объектно-предметные области этнологии и ее некоторых дисциплин // Методология научных исследований. Омск, 2009. С. 40–53; *Он же.* Этническая экология и традиционно-бытовая культура // Изв. Алтайского гос. ун-та. Барнаул, 2009. С. 219–224; *Он же.* Этнология и ее субдисциплины: объектно-предметные области и вопросы периодизации // Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия. М., 2009. С. 33–40; 58–59; *Он же.* Взаимодействие культур и цивилизационные процессы в Сибири // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 2010. С. 171–176; Этнография (этнология) и ее интеграция с гуманитарными науками // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань; Омск, 2010. С. 43–48; и др.

³⁰ *Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А.* Введение в этноархеологию; *Захарова И.В., Томилов Н.А.* Указ. соч.; *Казанник А.И., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н., Томилов Н.А.* Традиционно-бытовая природно-средовая культура народов Сибири, ее место в этнологии и этнической экологии / Отв. ред. Д.А. Алисов, С.С. Тихонов. Омск, 2008.; *Томилов Н.А.* Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Омск, 1987; *Он же.* Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири) / Отв. ред. В.И. Васильев. Томск, 1993; *Он же.* Этноархеология как научное направление / Отв. ред. С.С. Тихонов. Омск, 1999; *Он же.* Народная культура городского населения Сибири: Очерки историографии и теории историко-этнографических исследований / Отв. ред. В.П. Корзун. Омск, 2010.

³¹ *Томилов Н.А.* Народная культура городского населения Сибири...

³² Там же. С. 19–61.

³³ *Корусенко С.Н.* Этническая генеалогия – новое направление отечественной этнографии // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. А.В. Ремнев, Н.А. Томилов. Омск, 1999. С. 78–81; *Она же.* Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. Омск, 2007; *Корусенко С.Н., Кулешова Н.В.* Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар / Отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск, 1999. (Культура народов России; Т. 5); *Корусенко С.Н., Кулешова Н.В., Томилов Н.А.* Указ. соч. С. 147–158; и др.

³⁴ Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. С. 17–36.

³⁵ Томилов Н.А. К проблемам методологии некоторых частных исторических и смежных с ними наук // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 54–55.

³⁶ Тихонов С.С. Материалы к истории археолого-этнографических исследований в Сибири // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 6. С. 32–48; *Он же*. Проблемы археолого-этнографического изучения древних обществ // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 6. С. 49–79; *Он же*. Интеграция археологии и этнографии: парадигмы применения // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2005. С. 183–195; и др.

³⁷ Казанник А.И., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н., Томилов Н.А. Традиционно-бытовая природно-средовая культура народов Сибири, ее место в этнологии и этнической экологии / Отв. ред. Д.А. Алисов, С.С. Тихонов. Омск, 2008. С. 53–148; Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири / Отв. ред. С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов. Омск, 2005. С. 107–138; Тихомиров К.Н. Миграционные процессы на территории Западной Сибири: (эпоха бронзы – Средневековье): Трансформации культуры и социокультурная адаптация населения / Отв. ред. В.И. Матющенко, С.С. Тихонов. Омск, 2007; и др.

³⁸ Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы. Омск, 2009.

³⁹ Смирнова Т.Б. Миграции как фактор формирования этнической субкультуры немцев Сибири // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 424–430; *Она же*. Немцы Сибири: этнические процессы / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск, 2002; *Она же*. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие / Отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск, 2003; *Она же*. Современные этнические процессы в Западной Сибири: Учебное пособие. Омск, 2003; *Она же*. Этническая история немецкой диаспоры в трудах сибирских ученых // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2008. № 3. С. 63–68; Smirnowa T. Die Sprache als wichtigstes Kriterium zur Charakterisierung der Volksgruppe der Russlanddeutschen: Der historische Aspekt // Sprache als Grundlage für die Identitätssicherung der Russlanddeutschen. М., 2010. S. 36–42; и др.

⁴⁰ Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск, 2004; *Она же*. Этническая, региональная и религиозная идентичность современных русских жителей Западной Сибири // Этническая идентичность и конфликт идентичностей. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 43–61; *Она же*. Идентичность и этнокультурные предпочтения современных русских Сибири: (на материалах эмпирических исследований) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 73–78; Русская культура в Сибири: основные черты и методические рекомендации по изучению // Уч. зап. НИИ прикладной культурологии: научный журнал. Кемерово, 2010. Т. 1 (8). С. 52–70; и др.

⁴¹ Жигунова М.А. Идентичность и этнокультурные предпочтения современных русских Сибири: (на материалах эмпирических исследований) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 73–78; и др.

⁴² См., например: Томилов Н.А. Народная культура городского населения Сибири: Очерки историографии и теории историко-этнографических исследований / Отв. ред. В.П. Корзун. Омск, 2010. С. 32–34.

⁴³ Селезнев А.Г. Проблемы изучения локальных культурных комплексов: (южносибирский лесной культурный комплекс) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 440–449; *Он же*. Или-или: проблема соотношения традиционной и этнической культуры // История и культура Сибири. Омск, 2001. С. 140–153; *Он же*. Особенности исторического развития лесостепных и южнотаежных культур Сибири: (методологический и конкретно-исторический аспекты) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 6. С. 78–98; *Он же*. Культурология традиционных сообществ: к выделению научной субдисциплины // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2004. № 1. С. 123–134; *Он же*. Традиционная культура: к характеристике объектной сферы исследования // Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. М., 2004. С. 287–302; Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма / Отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск, 2004. С. 6–11; Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири:

(традиционные компоненты жизнедеятельности) / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2006. С. 4–15; *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009. С. 8–10; и др.

⁴⁴ Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник. Барнаул, 2009. С. 23.

⁴⁵ *Назаров И.И.* Традиционные знания коренных народов Южной Сибири в области природопользования как основа экологического образования // Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны. Омск, 2010. С. 471–474; и др.

⁴⁶ *Назаров И.И.* Кумандинцы // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 324–374; *Он же.* Кумандинский этнос сегодня // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2008. С. 75–87; *Он же.* Традиционное хозяйство и материальная культура кумандинцев // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб., 2008. С. 125–180; *Он же.* Традиционные знания коренных народов Южной Сибири в области природопользования как основа экологического образования; *Назаров И.И., Редькин А.Г.* Социокультурные технологии сохранения и развития этнокультурного наследия Алтайского края // Сервисные технологии: теория и практика. Новосибирск, 2009. С. 111–119; и др.

⁴⁷ *Мязгов Д.А.* Очерки истории присваивающего хозяйства барабинских татар / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск, 2008; *Он же.* Традиционное хозяйство барабинских татар во второй половине XIX – первой половине XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009.

⁴⁸ *Матвеев А.В.* Традиционная культура путешествия: Общие вопросы // Народная культура Сибири. Омск, 2001. С. 225–230; *Он же.* развитие системы в древности // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 58–62; *Он же.* Сухопутные коммуникации и традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья в XVIII – первой трети XX в.: (по данным этнографии и археологии). Омск, 2003; *Он же.* Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья в XIX – первой половине XX в.: (к реконструкции структур мифологического пространства у русских, казахов и сибирских татар) // Культура как система в историческом контексте. Томск, 2010. С. 75–79; и др.

⁴⁹ *Матвеев А.В.* Традиционная культура путешествия: Общие вопросы. С. 25–30.

⁵⁰ *Корусенко М.А.* Погребальный комплекс у деревни Берняжка // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. Т. 3. С. 161–216; *Он же.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 7; *Корусенко М.А., Татауров С.Ф.* Надмогильные сооружения могильника XVII–XVIII вв. Бергамак II: (опыт поиска современных аналогий) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск, 1996. Ч. II. С. 37–40; и др.

⁵¹ *Корусенко М.А., Полеводов А.В.* К проблеме динамики погребальных конструкций в могильниках XVII–XX веков в низовьях р. Тара // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010. Т. 3. С. 136–140.

⁵² *Корусенко М.А., Полеводов А.В.* Этноархеологический подход к исследованию погребального обряда: к вопросу создания адекватного понятийного аппарата (теоретический этюд) // Культура как система в историческом контексте. Томск, 2010. С. 425–426.

⁵³ *Корусенко М.А., Полеводов А.В.* К структуре понятия «некротифа»: некротифа пространства // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань; Омск, 2010. С. 25–27.

⁵⁴ *Селезнева И.А.* К вопросу об этнографическом подходе к изучению культа святых в сибирском исламе: (теоретические заметки) // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск, 2009. С. 242–244; *Selezneva I., Seleznev A.* Astana: the Sacred Places Within a Cult of Saints in Siberian Islam // Islamic Civilization in Central Asia. Istanbul, 2010. Vol. 2. P. 335–348; *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма; *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Указ. соч.

⁵⁵ *Золотова Т.Н.* Изучение календарной обрядности в России: (историография советского периода) // Исторический ежегодник. Омск, 2001. Спец. выпуск. С. 135–147; *Она же.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX в.) / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск, 2002; *Она же.* Взаимодействие русских, украинских и белорусских традиций в календарных обрядах Среднего Прииртышья // Университеты России и их вклад в образовательное

и научное развитие регионов страны. Омск, 2004. Ч. 3. С. 418–420; *Она же*. Севернорусские традиции в календарных обрядах сибиряков // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность. Архангельск, 2010. С. 314–320; и др.

⁵⁶ *Золотова Т.Н.* Традиционный календарный праздник в культуре России XX – начала XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры. Омск, 2009. № 1. С. 493–504.

⁵⁷ *Золотова Т.Н.* Традиционные и современные календарные праздники русских, украинцев и белорусов // Вопросы и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик. Омск, 2002. С. 184–191.

⁵⁸ См., например: *Тишков В.А.* Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 3–23.

⁵⁹ *Тишков В.А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 7.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ*

К началу XXI в. человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, контуры которых все больше «размываются» в связи с глобализацией культурного пространства, высокой коммуникативностью, плюрализацией культурных языков и кодов, высокой миграционной активностью. Осознавая и переживая свою принадлежность к пересекающимся макрогрупповым множествам, человек стал носителем сложной, множественной идентичности¹. В связи с этим особую актуальность приобрели проблемы сохранения этнокультурной идентичности. Их изучением активно занимаются философы, социологи, этнологи, культурологи, психологи. Рост интереса к заявленной проблеме нашел отражение в проведении целого ряда международных научных конференций, а также утверждению Всемирного дня культурного разнообразия мира во имя диалога и развития (World Day for Cultural Diversity for Dialogue and Development), который впервые отмечался 21 мая 2003 г. При всей подвижности и условности современных этнических границ и при высокой степени культурных взаимовлияний и взаимодействий в современном мире представления о народах и их своеобразии остаются мощной политической и эмоциональной реальностью².

Этнокультурная идентичность находится под защитой международного права, поскольку признано, что именно этнокультурное разнообразие мира лежит в основе развития человечества. Международное сообщество берет на себя обязательства по поддержанию этнокультурной специфики, особенно специфики меньшинств³. Но и культура довольно многочисленных народов, к которым относятся русские, также нуждается в бережном сохранении. Специфика России заключается в своеобразии ее этнокультурных параметров: здесь издавна сосуществовали различные народы, религии, культуры, причем отношения между ними характеризовались многообразием, активностью и толерантностью.

В полной мере это относится и к такому специфичному региону, как Сибирь. Исторически сложилось так, что в формировании современного русского населения Сибири приняли участие выходцы из различных губерний Европейской России и Урала, различные по своему социальному, конфессиональному и этническому составу. С середины XX в. сюда устремились новые переселенческие потоки, связанные с ее промышленным освоением, разработкой нефтяных и газовых месторождений, целинных и залежных земель. После распада Советского Союза этническая мозаичность сибирского региона возросла не только за счет мигрантов из бывших советских республик, но и различных стран дальнего зарубежья. Кроме того, на территории Сибири встречаются различные природно-географические зоны: от тундры, болот и тайги на севере до степей и гор на юге. Поэтому современное русское насе-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-01-00213 а «Русские сибиряки: идентичность и традиционно-бытовая культура (середина XX – начало XXI в.)».

ление Сибири можно принять за некую условную модель русского населения России в целом.

Далее мы рассмотрим наиболее общие и значимые проблемы этнокультурной идентичности русских, основываясь на материалах историко-этнографических и этносоциологических исследований, проводившихся в 1985–2010 гг. экспедициями Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН в различных регионах Западной Сибири и Северного Казахстана под руководством автора. Дополнительными источниками послужили материалы, полученные в 2000-х годах для чтения авторских лекционных курсов: «Русская культура в Сибири: традиции и современность», «Современные этнические процессы у русских Сибири», «Русские сибиряки: проблемы самосознания и культуры»⁴ и др., а также данные Всесоюзных и Всероссийских переписей населения, похозяйственных книг сельских и городских Советов, материалы отделов ЗАГСов и паспортных столов милиции. Следует отметить, что обозначенные ниже проблемы следует рассматривать в комплексе, поскольку все они между собою тесно взаимосвязаны.

В настоящее время русские являются самым многочисленным этносом нашей страны (около 80% населения России). Как справедливо отметил М.Н. Губогло, «без надежной информации об идентификационном пространстве невозможно надеяться на аргументированное обоснование стратегии и политики социально-экономического и этнополитического развития нашего общества»⁵. В советский период этнокультурные бытовые традиции русского населения Российской Федерации в итоге урбанизации, интернационализации, увеличения социальной мобильности были размыты в наибольшей степени⁶, «интерес к русской исторической и культурной проблематике квалифицировался как великодержавный шовинизм»⁷. Подобное отношение встречается и в настоящее время. Так, например, в 2007 г., являясь организатором VI Международной научно-практической конференции «Русский вопрос: история и современность»⁸, я лично столкнулась с подобными обвинениями, как и с явным нежеланием некоторых официальных лиц поучаствовать в организации приветственных речей к участникам пленарного заседания, поскольку они боялись, что их «могут назвать русскими националистами»: «Вот если бы конференция была посвящена немцам или татарам – тогда пожалуйста...».

Самоидентификация русских в составе определенной этнической общности (России, Российской Федерации и за ее пределами), особенности их современного самосознания и культуры находятся в центре внимания многих зарубежных исследователей: Ф.С. Бергхурна, Д. Джоровски, Е. Кинана, Б.Г. Кэрблэ, В. Миллера, Е. Олварса, Дж.С. Решетера, Х. Смита, Р. Хингли и других⁹. Корпус этнографических работ советского периода, посвященных этой тематике, в отечественной науке незначителен. В 1950–1960-е годы появились первые эмпирические труды по этнографии современности. В последующие десятилетия были опубликованы работы, посвященные современным традициям русского городского и сельского населения нашей страны (В.А. Александров, Л.А. Анохина, О.Р. Будина, Г.В. Жирнова, В.Ю. Крупянская, В.А. Липинская, Н.С. Полищук, Л.Н. Тульцева, М.Н. Шмелева и др.). В 1970–1980-е годы изучение современных этнических процессов являлось приоритетным направлением в отечественной этнографической науке, но

русское население в них практически не освещалось. Существенный вклад в устранение этого пробела внесла коллективная монография «Русские: этносоциологические очерки», где целая глава была посвящена национальному самосознанию русских¹⁰. Первой книгой серии трудов Института этнологии и антропологии РАН «Народы и культуры» стала монография, посвященная этнической истории и культуре русских на протяжении X–XX вв. Во введении к ней отмечалось, что «этнография русских изобилует белыми пятнами...»¹¹.

Кроме недостаточной изученности определенные трудности в изучении заявленной проблемы обусловлены значительной численностью русского населения, неоднородностью их социального, этнокультурного и конфессионального состава, большой территориальной разбросанностью. Характерной чертой для русских является значительный диапазон вариативности традиционно-бытовой культуры, обусловленный разнообразными историческими, политическими, социально-экономическими, природно-географическими и другими факторами. В связи с этим существует множество локальных региональных и специфических особенностей в культуре отдельных групп русских (этнических, социальных, конфессиональных). Если ранее для каждой из них была характерна определенная замкнутость, ограниченность брачного круга, то с первой трети XX в. началась активная ломка традиционных устоев и интенсивное смешение.

Следующая сложность в полноценном исследовании заявленной проблемы обусловлена тем, что многое в истории и культуре русских политизировано и мифологизировано. Причем мифы, родившиеся в стародавние времена, превращаются в устойчивые стереотипы, процесс изживания которых может длиться непредсказуемо долго. «В многонациональном Российском государстве русскому народу принадлежит особая роль. Он не только создал это государство, он обеспечивает само его нынешнее существование как естественный носитель русского языка и русской культуры, без которых вся система обречена на стремительный распад. Русский народ является государствообразующим как исторически, так и демографически, и никакой другой народ не может заменить его в этой функции. России как государства и общества без русских быть не может...»¹².

Здесь возникает следующий вопрос: о соотношении этнической и гражданской идентичностей. В пленарном докладе «Русскость, советскость и российскость в польской культурной запрограммированности» на VI Международной конференции «Русский вопрос: история и современность» (Омск, 2007) профессор Института иностранных исследований Лодзинского университета Анджей де Лозари отметил, что в 1980-е годы «поляки более или менее успешно уже стали отличать советское от русского. Существовало себе советское государство, а в нем среди прочих жили русские – с русской культурой, языком и т.п. ... отличать советское от русского не доставляло уже серьезных языковых неприятностей. Провал Советского Союза “все испортил”. Теперь у нас опять серьезные трудности с правильным употреблением определений “русский” и “российский”. На польском, как и на других языках, они не различимы. Поляки растерялись и не только не различают понятий “русский” и “российский”, но все чаще опять отождествляют их с советскостью». Следует учитывать, что российская идентичность не всегда может быть интерпретирована как русская, поскольку не все граждане Рос-

сии являются русскими. В современной гражданской идентичности русских одновременно сосуществуют несколько компонентов: российский, советский (и «бывший советский»), региональный, этнический.

Французские исследователи Марлен Ларюэль и Себастьян Пейруз считают, что «при смешении “русского” и “российского” в националистических кругах обостряется интерес к поиску ответа на вопрос, является ли Россия государством русских или государством всех тех, кто в нем живет»¹³. За последние десятилетия Россия претерпела огромное количество различных изменений. Они коснулись и духовного мира россиян. Уходит в прошлое «новая историческая общность людей – советский народ», меняются критерии социального и национального самоопределения. «Кризис существовавшей советской идентичности вызвал к жизни дискуссии о характере идентификации россиян. Суть разногласий сводится к вопросу: какой идентичности отдать предпочтение – общегражданской или этнической? По всей видимости, поиски новой идентификации должны быть направлены на выявление границ и нахождение взвешенной формулы взаимодействия русскости, российскости и православности как основных групповых форм самоопределения современных русских»¹⁴.

Одной из важнейших является проблема национальной идентификации. В XXI в. «оценка людьми своей принадлежности к определенной нации станет чрезвычайно существенной, поскольку признаки этнической принадлежности людей заключаются не в отмирающей показной символике, такой, как национальные костюмы или блюда, а в полных глубокого значения традициях их народов»¹⁵. В дореволюционной России этничность «была на заднем плане в иерархии идентичностей, и большинство жителей страны до 1920-х годов даже не знали, что означает само слово “национальность”»¹⁶. Между тем современные исследователи считают, что «только сознание национальной идентичности, которое формируется на основе общей истории, общих языка и культуры, только сознание принадлежности к одной нации заставляет далеких друг от друга людей, рассеянных по бескрайним пространствам, чувствовать взаимную политическую ответственность»¹⁷.

Оказалось, что не существует сегодня однозначного ответа на вопрос: «Что значит быть русским?». Родиться в России от русских родителей, говорить на русском языке и любить щи да кашу? Некогда В.И. Даль полагал, что «ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека – вот где нужно искать его принадлежность к тому или иному народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит»¹⁸. Среди основных критериев этнической идентичности в настоящее время чаще всего респондентами указываются национальная принадлежность родителей и родственников («этнические корни»), а также язык и культура, территория проживания и личные ощущения («чувствую, что я русский по духу», «потому что душа у меня русская»).

Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II считал, что «само понятие “русскость” – не этническое, а сверхнациональное, культурное. Оно, может быть, и зародилось как национальное на киевских землях. Ведь, согласно древнерусским летописям, Русью в строгом смысле этого слова первоначально назывались только ближайшие к Киеву земли. Однако с течением времени

это понятие стало универсальным. В русский мир вошли и другие народы, отличные по этническому признаку, однако русские по духу, по принятию православных ценностей»¹⁹. Подтверждением этому служат многие примеры из современности. Так, например, при опросе 2009 г. молодой человек с монголоидной внешностью и далеко не русской фамилией называет себя русским: «Я русский по матери, а если по отцу считать себя татарин, это неверно, так как я не знаю ни языка, ни обычаев, говорю на русском языке и живу среди русских». Иногда принадлежность к русскому народу определяется следующим образом: «Я родилась и живу в России, говорю на русском языке, – значит, я тоже русская». В историко-публицистическом издании читаем: «В дальнейшем я буду писать “русский”, “русские”, имея в виду всех, кто живет в России, считает русский язык родным и является, по сути, носителем русской культуры независимо от этнической принадлежности»²⁰.

Следует отметить, что сибирский регион относится к зонам активных межэтнических контактов. Согласно данным архивов загсов, в отдельных регионах Западной Сибири в 1950–1970-е годы межэтнические браки составляли 38–73% от всех зарегистрированных, в настоящее время на их долю приходится около 20%. Данные наших этносоциологических опросов 1985–2010 гг. свидетельствуют о том, что в семьях 70% опрошенных русских имеются близкие родственники других национальностей, чаще всего – украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской, польской, еврейской, цыганской, чувашской, мордовской, армянской. Также встречаются азербайджанцы, алтайцы, башкиры, буряты, грузины, ингуши, латыши, литовцы, молдаване, ненцы, селькупы, узбеки, хакасы, ханты, шорцы, эстонцы и многие другие. Среди близких родственников русских Сибири имеются американцы, англичане, африканцы, болгары, греки, итальянцы, китайцы, корейцы, норвежцы, турки, французы, финны, чехи, шведы, японцы и др.

Больше половины опрошенных русских полагают, что национальность при вступлении в брак не имеет значения («Лишь бы человек был хороший», «Лишь бы любили и уважали друг друга»). Интересно, что в настоящее время чаще русские девушки и женщины (а не мужчины) вступают в брак с партнером другой национальности. В силу различных причин в таком браке либо русская женщина перестраивается под традиции другой культуры (учится готовить блюда национальной кухни, осваивает язык, обычаи и обряды, принимает религиозную веру мужа), либо разные этнические культуры мирно сосуществуют, причудливо переплетаясь. По-разному в таких семьях определяется этническая принадлежность детей.

Согласно сведениям, полученным нами в паспортных столах, в советское время чаще всего выбор делали в пользу русской национальности или национальности отца. Встречались случаи, когда в паспорт записывали русскую национальность подростку, хотя ни один из родителей к этой национальности не принадлежал. В настоящее время нередко встречаются варианты этнической самоидентификации, противоречащие происхождению. Так, зачастую потомки белорусов в Сибири считают себя русскими. Называют себя русскими дети из украинско-немецких, белорусско-казахских и других семей, где родители принадлежат к различным народам. Согласно данным этносоциологических исследований, проведенных нами совместно с В.В. Реммлером в 1993 г., большинство опрошенных считали, что при выборе национальности подростками из национально-смешанных семей главными являются наци-

ональность отца (40,9%), желание самого подростка (33,3%), язык (22,9%) и национальность матери (21,9%). Место проживания выделили в качестве значимого фактора лишь 5,7% опрошенных. Хотя нам встречались русские девушки, определяющие себя «казашками, так как родились и проживают в Казахстане». Нередко в одной национально-смешанной семье детей записывают по-разному: как правило, сына – на национальность отца, а девочку – русской, поясняя это тем, что «она все равно выйдет замуж и поменяет фамилию».

При опросах 1980-х годов вопрос о национальной принадлежности не вызывал затруднений. Большинство респондентов называли себя русскими. В конце 1980-х – начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, происходит всплеск этнического самосознания. Он был вызван отсутствием стабильности, неуверенности в завтрашнем дне, резкой дифференциацией общества и усилением социальной стратификации, непониманием отдельной частью населения тех социально-экономических и политических реформ, что происходят в современный период. Все это послужило активизации усилий в поиске защитных механизмов человеческого существования, определенному духовному «стержню», что и привело к росту интереса к традиционной культуре, обращению к «этническим корням».

В то же время в 1990-е годы отмечается падение престижа русской этничности, появилась тенденция смены русской национальности и фамилий. При регистрации межнациональных браков все чаще стали встречаться случаи, когда русские мужчины стали брать фамилию жены. Отдельные супружеские пары специально подавали на развод, чтобы жена могла вернуть себе девичью фамилию. После этого они снова вступали в законный брак, но уже оба носили нерусскую фамилию. В газетах появились брачные объявления, в которых (наряду с другими требованиями) указывалась предпочтительная национальность потенциального супруга (супруги): «С целью создания семьи и выезда на постоянное место жительства в Германию познакомлюсь с женщиной немецкой национальности...».

Опросы 2000-х годов демонстрируют многообразие вариантов национального самоопределения, среди которых встречаются самые различные категории²¹. С каждым годом растет число лиц, затрудняющихся четко определить свою этническую принадлежность (не знаю, никакой, трудно сказать, много в нас всякой крови намешано) либо указывающих смешанную и множественную идентичность (метис, гибрид, полурусок, полукровка, наполовину русский, наполовину татарин, русский казах, русская хохлушка; русский, но по крови – белорус; по паспорту немец, но считаю себя русским; пишу русский, а сам – чуваш; цыган молдавской национальности; русский таджик с греческим именем; полячка казахского происхождения; русский немец финского происхождения с польско-украинскими корнями; на 50% – русская, на 25% – немка, на 25% – украинка и др.).

В 2000-е годы в качестве самоопределения национальной принадлежности все чаще встречается бывший топоним «сибиряк». Причем сибиряками считают себя не только русские, но и немцы, казахи, татары, армяне, представители других народов, живущих в Сибири. Иногда русские, недавние вынужденные переселенцы из бывших советских республик, высказывают свое недоумение: «Почему русские сибиряки лучше дружат с местными народами, а к нам относятся хуже, за своих не считают, ведь мы же – тоже

русские». Приведенный пример свидетельствуют о том, что региональная идентичность для жителей Сибири зачастую является более значимой, чем этническая.

Среди вариантов самоидентификации в 2000-е годы появились: гражданин мира, космополит, землянин, европеец, евразиец, интернационалист, советский человек, казак, россиянин и др. На VIII конгрессе этнографов и антропологов России впервые функционировала секция «Идентичность и идентификация». В докладах многих ее участников отмечалась множественная идентичность, фиксируемая у различных народов в разных регионах нашей страны и зарубежья. При подведении итогов работы секции, В.А. Тишков отметил: «Наиболее перспективным для современного мира является подход, который видит этнокультурное многообразие как многообразие форм человеческой идентификации, включая существование культурной сложности на уровне индивида и на уровне коллектива...».

Особой сложностью отличается проблема современной религиозной идентификации. Религиозная принадлежность является одной из наиболее значимых признаков культурной специфики этноса. Но возможность полноценного исследования этой проблемы появилась относительно недавно, в связи со «снятием определенного политического и идеологического давления, практически исключавшего ранее их (религий) изучение. Православие, пронизывающее в действительности все сферы народной жизни, не только не изучалось (за малым исключением), но и нарочито затемнялось, проявления его искажались»²². Как известно, в бланках Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. не было графы «национальность», а записывалось вероисповедание. Религиозные нормы поведения регламентировали все отношения (как коллективные, так и личностные), слова «русский» и «православный» являлись, практически, синонимичными. В современном языке прилагательным «православный» зачастую обозначается лишь внешняя форма некоего христианского религиозного явления, а словом «ортодоксальный» – его сущность²³.

Начиная с 2000 г. при самоопределении все чаще стали встречаться варианты, связанные с религиозной идентичностью: «православная», «христианин», «Божий человек». Это свидетельствует о росте религиозного самосознания. Вопрос о количестве православных в 1950–1960-х годах в СССР практически не обсуждался, а для современной России является дискуссионным. Отдельные исследователи приводят разные цифры, используя различные источники и критерии. По результатам наших исследований в 2000–2010 гг., около 60–80% респондентов считают себя православными. При этом треть из них не принимали обряд крещения, более половины не носят нательный крест, не знают молитв, нерегулярно ходят в церковь, не знают и не отмечают религиозные праздники (за исключением Рождества и Пасхи), не соблюдают религиозные посты, не знают всех тонкостей поведения в церкви и т.д. Таким образом, с точки зрения официальной церкви, эти люди не могут считаться истинными православными. Интересно, что принадлежность к православию многими людьми воспринимается как некая данность: «Я – русская, родилась и живу в России, значит, православная», «Я – частично верующий христианин, так как это вера наших русских предков». После уточняющих вопросов примерно 80% респондентов затруднились четко определить свою конфессиональную принадлежность: «И верю, и не верю»,

«Не верующий, но и не атеист», «Не знаю, кто я – у родителей вера разная», «Верю в высшее космическое начало и вселенскую энергию, никаким конфессиям не принадлежу» и др. Также нам встретились «крещеные /православные атеисты», «частично верующие», «крещеная язычница», «православный мусульманин» и др.

Повсеместно встречается мнение, что соблюдение всех внешних церковных постулатов не обязательно, главное – «верить в душе». Как правило, большинство опрошенных признались, что обращались к религии в результате каких-то сильных потрясений, изменений, в трудные и переломные моменты своей жизни, когда находились в пограничном состоянии, не были уверены в своих собственных силах и пытались прибегнуть к помощи сил сверхъестественных. Вера помогала обрести спокойствие, равновесие, ориентир в дальнейших действиях и поступках. Сегодня в России многие считают себя верующими. Но настоящая вера должна воспитываться с младенчества в религиозной среде. Большинство русских людей были лишены этого в советский период, когда в обществе господствовал атеизм. Кроме того, важно не просто теоретически верить, а практически жить в соответствии с канонами этой веры, не просто признавать существование Бога, но и иметь с ним постоянную практическую связь, реальный духовный религиозный опыт (в молитвах, обрядах и т.д.). Количество истинно верующих, которые знают и соблюдают основные каноны православной веры (включая пост), регулярно посещают церковь и участвуют в религиозных обрядах, не превышает 10%²⁴.

Следующей мы рассмотрим проблему сохранения национального языка. Известно, что язык – средство человеческого общения, мышления и выражения – является своеобразной основой культуры, надежным средством создания, хранения и передачи социальной информации, главным средством выполнения культурой ее функций. Лингвисты подтверждают, что полное овладение языком немислимо без усвоения культуры народа. Обычно язык является символом этнической принадлежности. Но в современном мире наблюдается рост билингвизма и полилингвизма, не всегда совпадает языковая и этническая принадлежности. Человек, считающий себя русским, может слабо знать русский язык. И, наоборот, респондент определяет себя немцем или казаком, но в качестве родного языка называет русский.

Русский язык в настоящее время занимает третье место в мире по степени распространенности, является одним из шести официальных языков ООН (наряду с английским, арабским, испанским, китайским, французским). Но проблема его сохранения является не менее актуальной (рост заимствований, жаргонизмов, снижение уровня литературного языка и др.). Недопустимым является распространение негативной тенденции изучения русского языка в школах Прибалтики и Украины на примере ненормативной и тюремной лексики. «Всесторонняя поддержка русского языка в осуществлении им его многогранных и многоплановых функций поистине стала потребностью, отвечающей как дальнейшему укреплению Российского государства, обеспечению его суверенитета, независимости и целостности, так и реализации геополитических интересов России по восстановлению ее пошатнувшегося авторитета перед странами ближнего и дальнего зарубежья... Признание равноправия всех языков, независимо от численности, компактного или дисперсного расселения их носителей, от политического статуса языков и их

носителей ...от характера структурного развития и границ функционального употребления языков, от масштабов распространения двуязычия и многоязычия, от степени владения языком своей национальностью и взаимосогласованности, устойчивости родного языка и национального самосознания, не обеспечивает адекватное отношение между языковыми правами граждан и языковыми обязанностями должностных лиц в пределах конкретных полномочий, разделенных и законодательно закрепленных между федеральными и субъектными органами власти»²⁵.

Одной из важнейших является проблема сохранения и передачи историко-культурного наследия. Для того, чтобы являться полноценным участником современного диалога культур, необходимо знать не только историю и культуру своего народа, но и других. На протяжении многих веков русская культура впитывала в себя и творчески перерабатывала культурные традиции разных народов. Наличие разветвленной сети музеев различного профиля частично решают эту проблему. Но, в большинстве своем, в музеях представлена материальная культура (орудия труда, предметы утвари, одежда и др.). Между тем данные многочисленных этносоциологических исследований подтверждают, что основные зоны сохранения этнической специфики – в духовной культуре, обрядах, религии. Сфера материальной культуры подверглась наиболее мощно процессам стандартизации и унификации: мы живем в одинаковых квартирах, носим одинаковую одежду, питаемся в общественной столовой и т.д. Между тем представление нематериального духовного наследия в музеях является довольно новой и слабо разработанной проблематикой.

Ранее основным способом передачи этнокультурного наследия являлась межпоколенная связь, в настоящее время она зачастую технически опосредована (аудио- и видеозаписи, диски и др.). Этнические традиции должны прививаться с раннего детства. Но во многих современных семьях вместо того, чтобы рассказать перед сном ребенку сказку или потешку, спеть колыбельную песенку, малыша сажают перед телевизором или компьютером... В качестве позитивного примера следует назвать созданные в 1990-е и более поздние годы национально-культурные центры и общества традиционной русской культуры. Наиболее популярными и массовыми формами их деятельности являются праздники и фестивали, выставки, конкурсы традиционных блюд русской кухни и национальной одежды. Они вполне успешно выполняют просветительские задачи в сохранении русского языка, культуры, традиций, воспитании подрастающего поколения.

Социологи бьют тревогу и говорят о кризисе современной семьи как социального института, поскольку ценность семьи, семейного образа жизни, детей резко снизилась. Изменяются ролевые функции половозрастных групп, более независимыми становятся женщины и молодежь, увеличивается доля малых семей, растет количество разводов и детей, рожденных вне брака. Все чаще встречаются матери-одиночки, воспитывающие ребенка без мужа. Отчуждение отцов от воспитания ребенка ведет к односторонности в формировании его личности. В патриархальной семье почитали старших, дети беспрекословно подчинялись родителям, женщины – мужчинам. Именно в сфере семьи наиболее стойко сохранялись и передавались новым поколениям традиционные элементы культуры. Территориальная разобщенность, отдельное проживание детей и родителей приводят не только к ослаблению

родственных связей, но и к нарушению основного, традиционного способа межпоколенной трансмиссии этнической культуры. Активизирует этот процесс прогрессирующая урбанизация, отток молодого поколения в городскую местность. Растет количество семей, где провозглашается равенство супругов, увеличивается количество так называемых гражданских браков. Напомним, что в 1918 г. был принят «Кодекс законов об актах гражданского благосостояния», регулировавший все аспекты семейных отношений. Церковный брак терял юридическое значение, единственной формой брака стал гражданский брак, заключенный в государственных органах – отделах загса. В настоящее время понятия «гражданский брак», «гражданский муж», «гражданская жена» употребляются по отношению к сожителям.

В традиционной культуре русских с самых ранних лет детей воспитывали так, что девочка станет женой, хозяйкой, матерью, а мальчик – мужем, хозяином, отцом. Основным предназначением каждой девочки являлось будущее замужество. Сегодня все чаще встречаются девушки, нацеленные не на создание семьи и рождение детей, а на успешную карьеру. В целом позже стали создавать семью (это – общеевропейская тенденция). Если еще в середине XX в. 20-летнюю девушку могли назвать «перестарком», то сейчас средний возраст невест составляет 22–25 лет. В ближайшее время прогнозируется еще более позднее вступление в брак. Так, по данным наших опросов, это 25–30 лет («сначала хочется получить высшее образование и устойчивое положение в обществе»). Интересно, что для большинства молодежи отсутствие брачных уз не ограничивает их половую жизнь, и сексуальные связи считаются нормальными, а для юношей – даже полезными и обязательными. Современная молодежь зачастую не готова к будущей семейной жизни (ее учат быть гражданином, профессионалом, но никто не учит, как нужно быть хорошим семьянином). В настоящее время свадьба зачастую становится актом, официально закрепляющим уже сложившиеся супружеские отношения (нередко встречаются случаи регистрации брака после рождения совместных детей). Современные семейные праздники и обряды, с одной стороны, отличаются значительной вариативностью, с другой стороны – унификацией отдельных ритуальных действий.

Все более остро в последние годы встает проблема недостаточного финансирования научно-исследовательской, образовательной и культурной сфер. Не апеллируя к официальным цифрам, представлю эту проблему на личном примере. В 1980-е годы для проведения экспедиционных работ писалась заявка и прилагалась смета, которая практически полностью удовлетворялась. Таким образом, еще в середине 1980-х годов автору удавалось организовать и проводить экспедиции в составе 30–90 человек, причем не на один, два, а даже три полевых сезона в год. В настоящее время проведение экспедиционных исследований существенно сократилось, их финансирование, как правило, осуществляется на условиях долевого участия, многие музеи уже не имеют возможности проводить самостоятельные экспедиционные сборы или закупку предметов для пополнения своих фондов. Во многих вузах сокращаются бюджетные средства, выделяемые на проведение выездных экспедиций и археолого-этнографических и музейных практик.

Престиж работников культуры, науки и образования стремительно падает, поскольку степень их «нужности обществу» определяется соответствующими зарплатами и призывами к самостоятельному «зарабатыванию денег»

по принципу самокупаемости. Здесь будет уместно вспомнить современный анекдот: «Встречаются две бывшие однокурсницы университета. Одна – скромно одетая, бледная, худая, в очках. Другая – шикарная женщина, увешанная драгоценностями и в модном автомобиле. Разговорились. Первая: “Я после университета поступила в аспирантуру, защитила диссертацию, сейчас преподаю на кафедре. А ты?”. Вторая: “А мне просто сразу повезло, и теперь я – валютная проститутка”».

Проблема глобализации и ускорения урбанизации. Современные унифицирующие тенденции этносоциального развития ведут к стиранию этнокультурного многообразия (хотя и существует такое явление, как этнокультурный парадокс). Глобализация способствует распространению массовой культуры, которая сужает многочисленные функции культуры только до одной – развлекательной. Между тем этническая культура несет в себе огромный воспитательный, образовательный, нравственный, патриотический потенциал. Традиционно носителем русской этнической специфики в России считалось сельское население, на долю которого еще в начале XX в. приходилось 80% населения. Сейчас мы наблюдаем полную противоположность: около 80% русского населения проживает в городской местности. В условиях города бывает трудно, а зачастую невозможно воспроизводить свои традиционные этнические традиции. Так, например, в сфере материальной культуры наиболее устойчивым элементом является система питания. Но большинство работающего населения вынуждено питаться не дома, а пользоваться услугами различных предприятий сети общественного питания, где, как правило, предлагается стандартизированный набор блюд. Что уж говорить о традиционной одежде, которую можно встретить лишь среди участников фольклорных коллективов и фестивалей. К тому же многие солидные фирмы вводят для своих сотрудников dress-код, который лишает индивида возможности свободного выбора предпочитаемых форм и элементов костюма.

Справедливости ради следует отметить, что иногда именно город возрождает какую-то народную традицию и транслирует ее в сельскую местность («вторичные формы культуры» или явление «фольклоризма» по К.В. Чистову). Например, в Омской области с 1992 г. проходят Межрегиональные фестивали «Душа России» и «Единение», направленные на возрождение, сохранение и развитие национальных культур. С 2000 г. проводятся Межрегиональные праздники «Егорий Хоробрый», «Троицкие гуляния», «Покровская ярмарка», фестивали казачьей культуры «Наследие» с выездом творческих коллективов в различные районы Омской области. В качестве позитивного примера можно привести деятельность Сибирского культурного центра, который в тесном сотрудничестве с Омской областной общественной организацией «Центр славянских традиций» организует молодежные вечерки, святочные вечера, масленичные и пасхальные утренники, выездные народные гуляния в районных центрах и др.

Известно, что повышение общего уровня общекультурной компетенции ведет к повышению уровня толерантности. Но здесь возникает вопрос профессионализма в представлении этнокультурной проблематики. Всплеск этнического самосознания конца 1980-х – начала 1990-х годов способствовал росту интереса к истории и традиционной культуре народов. Стали возникать различные национально-культурные центры и объединения, в обрядо-

вой практике начали использоваться национальные элементы. На телевизионных экранах страны появилась передача «Играй, гармонь», на омском телевидении – специализированные передачи «Душа России» и «Национальный характер». К сожалению, не всегда можно отметить профессионализм журналистов, освещающих этнокультурные проблемы. Так, например, в многотиражных газетах можно встретить статьи с названиями типа: «Ненцы – лучшие пожарники». (Оказывается, речь идет о сборной команде Ямало-Ненецкого автономного округа, занявшей первое место в соревнованиях пожарных команд. Этнических ненцев в этой команде вовсе не было.) Второй недавний пример. В телевизионной программе первого канала «Доброе утро» 3 января 2011 г. был представлен следующий сюжет: «В магазине приличные валенки стоят 5000 рублей. Мы предлагаем вам сэкономить и всего за 500 рублей СШИТЬ себе валенки». Далее рассказывается, что нужно взять подошву от домашних тапочек, выкроить заготовку из старой меховой шубы и т.д. Но эти меховые сапоги нельзя назвать валенками, так как настоящие валенки не шьют, а «валяют» или «катают» из овечьей шерсти... Современные СМИ не только допускают подобные ляпы, но и зачастую способствуют формированию негативных стереотипов, поскольку журналисты не имеют элементарной этнографической подготовки.

Профессиональная культура все чаще принимает на себя функции фольклорной. Книжные полки пестрят различными изданиями типа «Как провести свадьбу в народной традиции», «Традиции и обряды народов мира», «Национальная кухня» и др. Подобные книги зачастую выпускаются непрофессионалами. Написанный «сценарий традиционной свадьбы» неоднократно воспроизводится, причем без учета региональной, этнокультурной, религиозной и национальной принадлежности жениха и невесты. В качестве позитивного примера можно привести изданное в Омске научно-методическое пособие «Русский народный праздник». Уникальность его в том, что впервые были объединены силы ученых и практиков, это позволило комплексно рассмотреть основные составляющие праздника и представить профессиональные рекомендации по их современному проведению²⁶.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Современная этнокультурная идентичность русских отличается значительным многообразием, аморфностью и отсутствием четкости, зачастую не совпадает самоидентификация и реальная ситуация, этноним и происхождение, языковая, культурная и этническая идентичности. Учитывая, что процессы самоидентификации каждого отдельного человека являются результатом его социализации, инкультурации и адаптации, следует отметить, что сам процесс идентификации подвержен постоянной трансформации, а идентичность всегда множественна и ситуативна. Так, например, выехавшие из России в Германию немцы вдруг начинают осознавать себя русскими, как и мигрировавшие в Израиль или США евреи. Наравне с этнической («русский», «исконно русский», «настоящий русский», «чисто русский», «просто русский», «кровный русский») используются в качестве этнонима другие виды идентичностей: надэтническая, региональная, конфессиональная, гражданская, социальная, групповая и др. Причем начиная с 1990-х годов количество идентификационных номинаций постоянно растет. Все чаще используется (особенно женщинами) гендерная, все реже – этническая самоидентификация, наибольшие затруднения вызывает вопрос о социальной принадлежности. Гражданская

идентификация – «россияне» развита пока довольно слабо. Это напрямую связано с теми сложными и противоречивыми процессами, которые происходят в современном российском обществе. Наиболее определенной представляется региональная идентичность, которая характеризуется положительной динамикой. Так, например, топоним «сибиряк» все чаще используется в качестве этнонима. Новая национальность – сибиряк была зафиксирована официально и в материалах Всероссийской переписи населения 2010 г.

В настоящее время требуется огромное и всестороннее внимание к проблемам восстановления культурной преемственности, восполнения дефицита информации по особенностям региональных и локальных этнокультурных традиций. Мероприятия по изучению и сохранению этнокультурной идентичности русских должны носить комплексный характер. Используя уже имеющийся положительный опыт, необходимо продолжить научно-исследовательскую, методическую, образовательную, воспитательную и культурно-просветительскую деятельность в данном направлении.

¹ *Малыгина И.В.* Этнокультурная идентичность: (Онтология, морфология, динамика): Дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. С. 5.

² *Тишков В.А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 5.

³ Парижская Хартия для новой Европы // Общевропейская встреча в верхах. Париж, 19–21 ноября 1990 г.: Документы и материалы. М., 1991. С. 10–11.

⁴ *Жигунова М.А.* Учебно-методический комплекс дисциплины «Русские сибиряки: проблемы самосознания и культуры» // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане: Сб. научных статей и материалов. Омск, 2010. С. 255–266.

⁵ *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 23.

⁶ *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М.* Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 126.

⁷ *Агафонов В.П., Киришин Е.И.* Проблемы русской нации и перестройка национальных отношений в СССР // Русская нация в Союзе народов СССР: Материалы научно-практической конференции. Куйбышев, 1990. С. 11.

⁸ Русский вопрос: история и современность: Материалы VI междунар. научно-практич. конф. (Омск, 1–2 ноября 2007 г.) / Отв. ред. М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова. Омск, 2007.

⁹ *Пушкарева Н.Л.* Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб., 1997. С. 23–26, 226 и др.; *Allworth E.* (ed). Etnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance. N.Y., 1979. 2: Oxford; Toronto; Sydney; Frankfurt; Paris, 1980. Т. 2; *Hingley R.* The Russian Mind. London; Sydney; Toronto, 1978; *Kloze K.* Russia and Russians. N.Y., 1985; *Fletcher W.C.* Soviet Believers. The Religions Sektor of the Population. Lawrence (Kansas), 1981; *Mead M., Gorer G., Rickman J.* Russian Culture. N.Y., 2001; и др.

¹⁰ *Дробижеева Л.М., Малькова В.К.* Штрихи национального самосознания русского народа // Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 369–425.

¹¹ Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2003. С. 9.

¹² *Никитин А.* Русский народ и Российское государство // Трибуна. 2007. 8 марта. С. 2.

¹³ *Ларюэль М., Пейрсус С.* «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Пер. с фр. Т. Григорьевой. М., 2007. С. 300.

¹⁴ *Буганов А.В.* О русскости в народном сознании и исторической памяти // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы доклада (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург, 2009. С. 48.

¹⁵ *Льюис Д.* После эпохи атеизма: Религии и народы России и Средней Азии / Пер. с англ. С. Сапронова. СПб., 2001. С. 112.

¹⁶ *Тишков В.А.* Российский народ: Книга для учителя. М., 2010. С. 103.

¹⁷ *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы: О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм / Пер. с англ. и нем. М., 2002. С. 369–370.

¹⁸ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 1: А–З. С. 4.

¹⁹ *Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.* Русскость – понятие сверхнациональное // *Родина.* 2007. № 7. С. 5–7.

²⁰ *Мединский В.Р.* О русском пьянстве, лени и жестокости. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 20 (Мифы о России).

²¹ *Жигунова М.А.* Идентичность и этнокультурные предпочтения современных русских Сибири (на материалах эмпирических исследований) // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2009. № 3. С. 73–78.

²² *Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В.* Православие в русской народной культуре: направление исследований // *Этнографическое обозрение.* 1993. № 6. С. 60.

²³ *История религии: учебник:* В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 97.

²⁴ *Жигунова М.А.* Религиозная идентичность в современной культуре русских Западной Сибири и Северного Казахстана // *Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв.* / Под ред. Е.Ф. Фурсовой. Новосибирск, 2006. С. 59–70.

²⁵ *Губогло М.Н.* Год русского языка – 2007: во имя сотрудничества и солидарности // *Русский вопрос: история и современность.* Омск, 2007. С. 12.

²⁶ *Русский народный праздник: Научно-методическое пособие для работников культуры и образования / Отв. ред. М.А. Жигунова, Н.А. Томилов.* Омск, 2005. 2-е изд., испр. Омск, 2006.

Ю.К. Чистов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ: УВАЖАЙ ПРОШЛОЕ, ТВОРИ БУДУЩЕЕ¹

В наши дни все антропологи знают, что музейная антропология барахтается в болотистом отстойнике науки, подходящем только для клоунов и неудачников.

M. Ames²

История создания этнографических музеев и собрания коллекций

В самых ранних коллекциях Европы обязательно содержались «этнографические» экспонаты. Являясь неотъемлемой частью так называемых «кабинетов артифициалий», они представляли в основном курьезы и экзоты из дальних стран.

Ранние этнографические музеи возникли в результате освоения европейцами Эйкумены и знакомства с разнообразием человека и его культур. В истории человечества известны бесписьменные культуры, но неизвестны беспредметные. В основе возникшего на заре коллекционирования интереса к «чужой» культуре, не похожей на собственную европейскую культуру, лежал абсолютно естественный для человека эпох Возрождения и Просвещения интерес, а часто и восхищение перед искусством античности, культурой народов Азии, Африки, Америки, Австралии. Широта и полнота этнографических коллекций европейских музеев всегда были знаком «просвещенности» и политических амбиций государств и их правителей.

Самые старые этнографические музеи Европы ведут свою историю от комплексных музеев и коллекций (кунсткамер, кабинетов редкостей, галерей) XVI–XVIII вв. Этнографические коллекции таких музеев на ранних этапах их создания и развития складывались как коллекции диковинок, привозимых из далеких стран. Естественно, что принципы экспонирования этнографических коллекций в таких музеях отражали прежде всего стремление показать необычность и уникальность предметов быта народов далеких стран. Залы, где эти коллекции могли увидеть редкие посетители, личные гости владельцев кунсткамер, были одновременно и экспозициями и фондохранилищами. Вещи составлялись в достаточно случайные композиции, эстетической задачей которых было поразить воображение, а не дать более или менее полную картину особенностей культуры экзотических народов. Наиболее яркие примеры крупных современных этнографических экспозиций, которые ведут свою историю от коллекций кунсткамер, представляют Музей антропологии и этнографии в Петербурге и этнографический отдел Датского национального музея в Копенгагене.

В петербургской Кунсткамере, которая была основана в 1714 г. по указу императора Петра Великого как первый в России государственный публичный музей, также с самого ее основания был раздел, в котором показывалась коллекция «искусно сделанных вещей». Уже в первое десятилетие

существования петербургской Кунсткамеры в ней сосредоточиваются коллекции, которые, по мнению современников, по своему богатству «едва ли не оставляли за собой все другие музеи Европы». В 1724 г. на базе Кунсткамеры в Санкт-Петербурге была учреждена Императорская Академия наук. К 40-м годам XVIII в., как можно видеть из первого, опубликованного в 1741 г. каталога коллекций музея «*Musei Imperialis Petropolitani*», в Кунсткамере были представлены экспонаты из всех частей света, за исключением Австралии. При этом в первых экспозициях имевшиеся к тому времени этнографические коллекции располагались вперемешку с зоологическими, геологическими, ботаническими и прочими коллекциями, экспонаты образовывали «занимательные» композиции, демонстрируя многообразие мира живой природы и творений рук человека.

Ко времени разделения петровской Кунсткамеры на ряд самостоятельных музеев (Этнографический музей, Анатомический кабинет, Зоологический музей, Ботанический музей, Физический кабинет, Минералогический музей, Нумизматический кабинет, Азиатский музей, Кабинет Петра Великого) в 1830-х годах этнографические ее выставки уже имеют тематические названия: «Новейшие обогащения», «Китайские и другие азиатские вещи», «Лучшие предметы этнографической коллекции из бывшей Кунсткамеры».

В 1879 г. решением Императорской Академии наук были объединены Этнографический музей и Анатомический кабинет в единый Музей антропологии и этнографии. В соответствии со сформированными к концу XIX в. теоретическими представлениями в этнографической науке, экспозиции были построены по географическому принципу: Россия, Азия, Африка, Австралия и Америка. Расположение же коллекций в шкафах иногда следовало «вещеведческому» принципу (например, «Художественно-промышленные изделия», «Принадлежности буддийской веры»), с другой стороны, отдельные шкафы были укомплектованы изделиями из бронзы разных народов, керамическими сосудами и т.п.), иногда типологическому (например, духовые инструменты разных народов, от сигнального рожка папуасов до пастушьего рожка из Могилевской губернии). Одновременно были и витрины, посвященные отдельным собирателям – В.В. Юнкеру, Н.Н. Миклухо-Маклаю. Наряду с «этнографическим» отделением были созданы также экспозиции «краниологического, или антропологического отделения» и «отделение доисторических каменных орудий».

В самом начале XX в. вопрос об изменении экспозиций МАЭ был опять поднят в связи с созданием Этнографического отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей). Были по-разному определены задачи и цели обоих музеев. Академический музей должен был построить на этнографическом материале из быта различных племен и народов экспозицию, показывающую эволюцию человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности, а вновь созданный музей представил на своих экспозициях культуру и быт народов Российской империи.

Следует напомнить, что Российская империя не имела заморских колоний, разве что за исключением Аляски, проданной в 1867 г. США. Все ее колониальные владения в Сибири, Кавказе, Центральной Азии, Прибалтике были включены в единые границы огромного государства. Именно эти народы наряду с традиционной культурой русского народа были представлены в Российском этнографическом музее. В экспозициях Музея антропологии и

этнографии, наследнике коллекций Кунсткамеры, были представлены народы Африки, Азии, Америки, Австралии и Океании, собранные российскими научными экспедициями, мореплавателями, дипломатами, миссионерами. Это не был музей колоний, хотя очевидно, что принципы собирания коллекций и их экспонирования были сходны с таковыми в «колониальных» музеях Европы.

Именно формирование и развитие колониальной системы, совпавшее по времени с формированием этнологии как науки, привело к возникновению в середине – второй половине XIX в. ряда крупных европейских этнографических музеев (Этнографический отдел Британского музея, Национальный музей этнологии в Лейдене, Музей тропической этнографии в Амстердаме, Музей Африки в Тервурене, Бельгия, Трокадеро в Париже, музеи в Берлине, Вене, Музей Питта Риверса в Оксфорде и др.). Экспозиции этих музеев создавались под влиянием различных этнологических школ: эволюционной, сравнительно-типологической, функциональной и пр. Примерно в то же время возникают и ряд европейских национальных этнографических музеев, собиравших и экспонировавших этнографические коллекции по народам, проживающим в той или иной стране.

В Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии основные этнографические коллекции также были собраны как следствие колонизации этих территорий переселенцами из Европы, и принципы комплектования коллекций мало чем отличались от этнографических собраний Европы.

Со времени своего создания и до середины XX в. этнографические музеи Европы играли достаточно важную роль, представляя населению метрополий быт и культуру колониальных стран. Музеи занимались сбором коллекций в колониях и часто играли роль экспертных институтов для правительств своих стран. Но при этом никакой обратной связи не осуществлялось. В конце XX – начале XXI в. ряд европейских музеев, пытаясь осмыслить происхождение своих коллекций и развитие знаний о неевропейских странах, организовали крупные выставочные проекты, посвященные этнологическим исследованиям колониальной эпохи, и даже представили эти материалы на своих постоянных экспозициях (см., например, Музей Центральной Африки в Тервурене и Тропический музей в Амстердаме).

Многие этнографические музеи Европы и Америки в первые десятилетия своего существования и развития планировались и создавались как крупные научно-исследовательские центры и играли ведущую роль в развитии полевых этнографических исследований, их теории, в подготовке специалистов. Впоследствии обучение культурных и социальных антропологов и научная работа в основном стали прерогативой университетов. Впрочем, в ряде случаев связь между университетами и этнографическими музеями не прервалась: Музей Питта Риверса является частью Оксфордского университета, в Кембридже также есть свой антропологический музей, в США многие крупнейшие этнографические музеи с самого начала организовывались при университетах. Сотрудники этих музеев и сегодня активно участвуют в преподавании и университетских исследованиях.

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) в Петербурге и в этом отношении является с самого своего основания уникальным симбиозом музейного и научного центра. Как уже говорилось, музей создавался как основа для последующей организации Академии наук и вот уже почти триста лет является «академическим» музеем.

Кризис или закономерности поступательного развития?

На протяжении всего существования этнографических музеев, или музеев, в которых представлены разные мировые культуры, их задачи и место в культурном контексте постоянно оспаривались. Со временем менялось значение этнографических музеев. В XX в. произошел целый ряд подлинных перемен во взаимоотношениях между музеями и окружающим их миром. Большинство музеев осознало рост своей ответственности в качестве институций, служащих обществу. Этнографические музеи в особенности были втянуты в орбиту изменений, произошедших в результате коллапса колониальной системы.

Некоторыми музейщиками и научными сообществами политические и парадигматические сдвиги XX и начала XXI в. ощущаются и описываются как профессиональный и научный кризис. Другие представители профессионального сообщества переживают и осмысливают те же самые трансформации как столь же мощное обновление и освобождение от властных отношений, которые уже в течение долгого времени ощущались как неприемлемые и неоправданные.

Больше нет колоний, у музеев больше нет монополии на информацию о далеких народах, население мира активно путешествует в далекие страны, смотрит документальное кино, сидя у экрана домашних телевизоров, а с развитием Интернета в последние десятилетия возможности познания далеких стран и народов возросли многократно. Более того, во многих европейских городах процент населения, представляющего выходцев из бывших колоний, достигает иногда 20–30%. Кстати, во многих музеях эти люди работают в качестве кураторов коллекций и научных сотрудников, и совершенно очевидно, что они испытывают совсем иные чувства и эмоции в залах со «старыми», «традиционными» этнографическими экспозициями, посвященными культуре страны их происхождения.

Тот самый М. Амес, который больше двадцати лет был директором Музея антропологии в Университете Британской Колумбии и который является автором чрезвычайно вдохновляющего высказывания, послужившего эпиграфом к этим заметкам, очень остро обозначил эту проблему в своей известной книге «Прогулки к дикарям и музейные витрины. Антропология музеев»³: «Музейные кураторы и антропологи могут по-прежнему говорить о других, но не за них (раньше они, возможно, считали, что имеют на это право, хотя в реальности никогда им не обладали). Они могут говорить вместе с теми, чьи материалы хранят или изучают».

Музеи, имеющие в своем багаже от 100 до 300 лет истории собирания, изучения и экспонирования этнографических коллекций, к концу XX в. в очередной раз оказались перед необходимостью задуматься о концепции развития на ближайшие десятилетия. Я вижу несколько причин, по которым этот вопрос стал в последние годы чрезвычайно актуальным и вызвал многочисленные дискуссии в среде профессионалов. Следует особо подчеркнуть, что динамика парадигмы антропологического знания (этнография – этнология – социокультурная антропология) совпадает с изменением внутренней политики ряда крупнейших стран Европы по отношению к этническим меньшинствам этих стран и проживающим в них группам эмигрантов из бывших

колоний (в странах Нового Света – по отношению к коренному населению), с широким распространением идеи политкорректности: от переосмысления ряда устоявшихся терминов в устной и печатной языковой традиции до переосмысления ряда культурных концепций, в том числе и экспозиций в этнографических музеях.

Природа и смысл экспоната этнографической коллекции, экспонат в зале музея

Экспонатам (а этнографический музей – это хранилище прежде всего подлинников) всегда приписывалась способность «объективно» описывать этнографическую реальность. С точки зрения обыденного сознания они являются «документами эпохи», «овеществленными реалиями культуры».

В чем же принципиальное отличие экспоната от вещи? Можно предположить, что это отличие скрывается в том семиотическом сдвиге, который происходит при попадании артефактов в музейное пространство⁴. И формирование коллекции, и строительство экспозиции всегда основаны на существующих научных классификациях, в основе которых лежат те или иные избранные принципы. Экспонаты отбираются, и отбор этот неизбежно приобретает парадигматический характер, даже если декларируется установка на целостное описание культуры. Какие бы мотивы и принципы ни лежали в основе формирования этнографических коллекций, в любом случае в музей попадают только те вещи, которые удовлетворяют тем или иным принятым на данный момент классификациям, так или иначе классификационная схема всегда явственно проступает сквозь музейные собрания⁵.

Преподавателями теории культурной антропологии в университетах Европы и Нового Света всячески делаются попытки поставить под сомнение значимость этнографических коллекций как научного источника. В недавних публикациях можно встретить заявления, что «коллекции, приобретенные самыми разными способами, давно обесценились или отошли на второй план, а затем вообще приобрели сомнительный характер». Более того, подвергаются острой критике принципы и способы собирания коллекций: «Если бы коллекционерская деятельность этих людей оценивалась в соответствии с этическими нормами нашего времени, картина в большинстве случаев оказалась бы неприглядной»⁶.

Честно говоря, я не очень разделяю эту точку зрения. Может быть, имеется в виду, что некоторые экспонаты, хранящиеся сегодня в музеях, были обменены на бисер и крепкий алкоголь, ножи и пуговицы? Так или иначе, все коллекции были куплены и иногда эквивалентом денег при этом выступали диковинки европейской культуры, которые обменивались на диковинки культуры народов далеких стран и континентов. Может быть, имеется в виду, что предметы этих коллекций были незаконно вывезены из этих стран в Европу в обход современных таможенных правил? Мне не кажется, что в этом случае было совершено больше противозаконных (с точки зрения современных морально-этических норм!) деяний, чем при формировании коллекций музеев *fine art*. Сотрудники музеев обычно достаточно вяло на это возражают, что благодаря этнографическим музеям были сохранены многие вещественные свидетельства традиционной культуры народов и их декора-

тивно-прикладного искусства, которые сегодня исчезли у этих народов бесследно.

Поскольку я твердо убежден в том, что коллекции нашего музея хранят бесценные сокровища, меня всегда интересовала история формирования наших коллекций. Я много раз убеждался в беззаветной любви собирателей коллекций нашего музея к людям, чью культуру они изучали, их полевые дневники – свидетельства лишений, на которые они сознательно шли, чтобы собрать и доставить в музей коллекции, в научную ценность которых они свято верили.

Более того, я убежден, что и в наши дни этнографические музеи должны предпринимать усилия для продолжения собирания коллекций. Они по праву займут свое место в залах музеев через десятки и сотни лет.

Хочется напомнить, что созданный в середине 70-х годов XX в. Национальный музей этнологии в Осаке, Япония (известный также среди специалистов под именем MINPAKU), хранит и экспонирует этнографические коллекции, собранные более чем на 90% в середине прошлого века, когда многие скептически настроенные антропологи считали, что с возможностью сбора этнографических коллекций навсегда покончено. Более того, с 2009 г. началась активная дискуссия о возможности и необходимости создания этнографического музея народов мира в Сеуле, Республика Корея⁷.

Проблема экспонирования этнографических коллекций: дискуссии и практические решения

Любой куратор, который создавал постоянную экспозицию музея или временную выставку, прекрасно знает, что, принимая решения о том, какие экспонаты фондов будут помещены в выставочный зал, как они будут расположены в музейных шкафах и витринах, он несет ответственность за формирование образа «чужих» культур у посетителей музея.

Идея музейной коллекции тесно связана с идеей упорядочения окружающего предметного пространства, элементарного классифицирования и отбора предметов. Познавание того, как в этнографических музеях классифицируются предметы и в чем отличие этих классификаций от того, как предметы и явления классифицировались и группировались в культуре их создателей, – достаточно сложный и интересный вопрос для изучения. Он требует пристального внимания, так как оказывает непосредственное влияние на интерпретацию этнографического материала в выставочном зале. Эту разницу можно объяснять, знать, учитывать или игнорировать, но преодолеть ее невозможно. Что должен предпочесть музей – сгруппировать свои коллекции хотя бы на экспозиции так, как это сделали бы создатели и носители той или иной культуры, или разбить их на такие блоки и разделы, которые будут понятны и интересны посетителю музея, которые актуальны для современных гуманитарных категорий? Поиски решений чрезвычайно трудны, они вызывают бесконечные споры в среде музейных кураторов и критику рецензентов.

Рецензенты, конечно, если они не работают в музее и не являются кураторами коллекций, часто сравнивают музейное фондохранилище с пыльным кладбищем вещей. Создатели этнографических выставок обычно возражают

им, что, может быть, это отчасти и правда, но только до тех пор, пока экспонаты музея не помещены в зал музея в определенном контексте. Всегда надо при этом помнить, что экспонат этнографического музея, когда-то волей собирателя вырванный из естественного контекста, при этом помещается в другой, вновь созданный, искусственный контекст. Это обычно происходит незамеченным при посещении выставки, рассказывающей о культуре «чужого» народа, но часто вызывает отрицательную реакцию при посещении музея носителями этих культур. Это стало одной из главных причин, по которой музеи стали приглашать в качестве соавторов экспозиций представителей коренных народов.

Мне кажется, что здесь уместно привести цитату из статьи директора Национального музея этнологии в Лейдене, Голландия, Стивена Энгелсмана, где он описывает свои парадоксальные впечатления от посещения может быть единственной в мире экспозиции, посвященной этнографии европейцев, которая существует вне пределов европейского музейного пространства, а именно в уже упомянутом этнографическом музее в Осаке: «Мое первое столкновение с ситуацией, когда я сам стал объектом этнологии, произошло несколько лет назад в Осака Минпаку – новом, большом и престижном Японском музее этнологии. В Минпаку есть небольшая экспозиция, посвященная Европе; в этой экспозиции присутствуют три сюжета: европейцы используют замечательные, однако примитивные деревянные сельскохозяйственные орудия, отнюдь не машины вроде тракторов или комбайнов. Они живут в цыганских вагончиках (нечто вроде автофургонов, которые везут лошади), а кроме того, у них дома стоят маленькие самогонные аппараты, поэтому, очевидно, они употребляют много крепкого алкоголя. И это моя Европа? Нет, на самом деле нет; это и не Европа моего отца, матери, бабушек и дедушек. Это Европа, по воле случая представленная в коллекциях Минпаку, собранных японскими профессорами антропологии»⁸.

В подавляющем большинстве этнографических музеев сегодня используется географический принцип экспонирования. Если речь идет о музеях, которые стремятся представить в своих стенах этнографию народов мира, то географические рамки экспозиций весьма широки: Северная Америка, Южная Америка, Африка, Восточная Азия и т.п. Очевидно, что ни состав коллекций, ни экспозиционные площади не позволяют представить этнографию всех хотя бы достаточно крупных этнических групп, не говоря уже о том, что коллекции, представленные в зале музея, иногда собирались на протяжении нескольких столетий. Достаточно типична ситуация, когда музей представляет некие идеальные модели культур «этнографического прошлого» (конец XIX – начало XX в.), претендующие на целостное описание, которое в «классическом» этнографическом музее включает обязательный набор характеристик основных занятий, ремесел, промыслов, поселения, жилища, утвари, одежды, обрядовых практик, народного искусства.

Чрезвычайно популярный в прошлом, а в некоторых музеях и до сегодняшнего дня использующийся прием так называемых обстановочных сцен, когда определенная этнографическая реальность – обряд, занятие ремеслом, интерьер и т.д. – с мельчайшими деталями воспроизводилась, вернее сказать, имитировалась музейными средствами. Такую сцену или экспозицию посетитель в большинстве случаев принимает за адекватное отражение действительности, хотя в ней могут принимать участие вещи из достаточно удален-

ных территориально районов и иногда созданные с разницей в столетия. Эти обстоятельства скрыты от взора посетителя, даже честно и последовательно читающего достаточно полные этикетки к экспонатам, он воспринимает экспонаты не как метафоры, символы репрезентируемой этнографической действительности, а как точное ее отражение⁹.

Таким образом, особенно в глазах критиков, все экспозиции этнографических музеев так или иначе «страдают от состояния фальшивости»¹⁰.

Одна из самых крайних точек зрения была изложена известным британским археологом и музеологом Кеннетом Хадсоном в критической статье «Насколько лжив должен быть этнографический музей?»¹¹, где он написал, что ни один из известных ему музеев не смог передать характерные черты сообществ, представленных в его экспозиции. Гораздо более успешными, по его мнению, в этом отношении оказались документальные фильмы и телевизионные программы. Музейные экспозиции зачастую доставляют визуальное удовольствие, однако они склонны избегать показа страхов, бедности, болезней, тяжелого климата и физических страданий – иными словами, реальности. По мнению Хадсона, этнографические музеи уделяют непропорционально большое внимание традиционной культуре и тем самым поощряют высокомерное и отстраненное отношение к живым людям, принадлежащим к этим культурам. Хадсон выдвигает предположение, что время этнографических музеев, возможно, уже просто прошло.

Не думаю, что музейные кураторы, авторы экспозиций в этнографических музеях согласны с подобной постановкой вопроса. В то же время любая критика, даже несправедливая, побуждает всерьез задуматься о причинах, эту критику побудивших. Какие возможные решения могут преодолеть эту проблему? Естественно, это можно решить путем показа открытого хранения, т.е. демонстрировать коллекцию и ее составляющие такими, какие они есть. Другой более реалистичный выход – отказ от экспозиций, ориентированных на целостное описание культуры, которые представляют не столько этнографическую действительность, сколько сложившийся в головах ученых ее образ. Контекст ее показа не должен замалчивать, скрывать от посетителя условность, символичность, неоднозначность репрезентации. Иными словами, экспозиция или выставка должна быть ориентирована на диалог с посетителем.

Неоднократно делались заявления, что массовая туристическая индустрия, рука об руку идущая с развитием фото- и видеотехники, стремительным ростом интернет-ресурсов приводит к снижению интереса к этнографическим музеям, их коллекциям и ценностям, декларируемым этнографическими музеями. «Диковины» прошлого стали вполне доступны, увидеть и доподлинно запечатлеть их может практически любой¹². По сути сегодня происходит туристическая «колонизация» мира. Эти заявления мне кажутся скорее умозрительными. Появление кино не привело к снижению интереса к театру, появление видеомэгафононов и DVD проигрывателей в конечном счете не упразднило кинотеатров, возможность покупать и читать электронные книги мало отразилась на полках книжных магазинов.

Могу привести пример, который несколько лет назад произвел на меня сильное впечатление. Открытие огромной выставки из коллекций нашего музея «Самураи: тысяча лет культуры и культа» в Финляндии случайно совпало с мировой премьерой американского фильма «Последний самурай» с

Томом Крузом в главной роли. Я думаю, что для японского зрителя этого фильма было много спорного и в сюжете фильма, и в воспроизведении быта и духа самураев, но для жителей Финляндии это совпадение многократно усилило интерес к нашей выставке, которую за шесть месяцев показа посмотрели около 170 тыс. человек.

Действительно, в наши дни люди имеют обширный опыт прямого общения и личного знакомства с различными странами и культурами. Казалось бы, что при этом этнографическим музеям должно становиться все труднее предложить что-либо уникальное и неожиданное. То, зачем раньше нужно было идти в музей, теперь можно увидеть в реальности. Сегодня практически все музейные работники согласны в том, что лучшие выставки объединяют презентацию фактов и апелляцию к опыту. Активизация личного опыта способствует более глубокому восприятию информации в зале музея, интересу к подлинным вещам, собранным музеем много десятилетий назад, открывает интуитивное восприятие и новый взгляд на самые разные вопросы.

В последнее десятилетие мы стали свидетелями реконструкции и реструктуризации ряда известнейших этнографических музеев Европы и Северной Америки. Это также активизировало публичное обсуждение роли и судьбы этнографического музея в обществе начала XXI в.

Одним из первых в 2001 г. открылся заново после полной реконструкции Национальный музей этнологии в Лейдене, Нидерланды. В нем, помимо приведения в порядок хранения коллекции и создания компьютерного каталога фондов, были полностью перестроены экспозиции. Выстроенные по географическому принципу они были снабжены множеством интерактивных мультимедийных программ для посетителей. В том числе, пожалуй, впервые все залы музея были снабжены сенсорными мониторами с электронным этикетажом экспонатов.

Несомненно, три самых больших проекта последнего десятилетия, с которыми я имел возможность познакомиться, – это создание Национального музея американских индейцев в Вашингтоне, Музея на набережной Бранли в Париже, Музея мировых культур в Гетеборге, Швеция. Во всех трех случаях абсолютно положительным фактом являлось стремление правительств США, Франции и Швеции создать музеи с совершенными современными системами экспонирования, хорошо оборудованными фондохранилищами, компьютерными базами данных коллекций, образовательными и информационными центрами.

Как известно, в Вашингтоне новому музею были переданы коллекции вашингтонского Музея естественной истории и нью-йоркского Национального музея американских индейцев (все три организации входят в Смитсоновский институт). В Париже Музею на набережной Бранли были переданы коллекции Музея человека, Музея искусств Африки и Океании и ряда других более мелких парижских этнографических музеев. В Швеции также произошло объединение ряда этнографических музеев страны, прежде всего музеев в Стокгольме и Гетеборге. Объединение и централизация национальных хранилищ этнографических коллекций неизбежно сопровождаются существенным качественным улучшением условий хранения коллекций, их реставрацией и консервацией, созданием современных компьютерных систем учета и хранения. Однако исходной концепцией экспозиционной деятельности этих новых музеев было отрицание или существенная корректировка пред-

шествующего опыта музеев, на основе которых они создавались. Для всех очевиден мотив – чем реконструировать и переделывать, легче пригласить других людей, построить новое здание и начать все сначала.

Кто при этом заказывает музыку? Думаю, что прежде всего политики, которые настаивали на создании политкорректных музеев, задачей которых является борьба с ксенофобией, нетерпимостью, межрасовыми и межэтническими конфликтами. При этом оказывается, что рассказ на экспозиции музея о шаманизме коренного населения Америки унижает это население столь же сильно, как и то, когда этих людей называют индейцами. Рассказ об обряде инициации на экспозиции по этнографии Африки оказывается столь же невозможным, как и показ традиционной одежды женщины на Ближнем Востоке. Якобы это вносит в экспозицию музея оценочность уровня развития традиционной культуры народов различных континентов, а когда в стране проживает значительный процент выходцев из Африки и Ближнего Востока, – обижает сограждан. Поэтому в Париже создается не новый музей этнографии, а Музей набережной Бранли с подзаголовком мелкими буквами: Музей искусств и культур Африки, Азии, Океании, Америки. В Гетеборге новый построенный музей называют не Музеем этнографии, а Музеем современной культуры. Чудом новый музей в Вашингтоне получает название Национальный музей американских индейцев, а не Национальный музей коренного населения.

Все три новых музея позиционируют себя как инновационные музейные, образовательные и информационные центры, специально отмечая в своих информационных материалах, что это музеи нового типа. Этнографические коллекции показываются в Музее Бранли как изобразительный ряд шедевров традиционного искусства вне какого-либо культурного контекста, музей в Гетеборге вообще отказался от постоянных экспозиций в пользу больших концептуальных временных выставок с привлечением этнографических коллекций. В Национальном музее американских индейцев также делается ставка на временные выставочные проекты, а три постоянные экспозиции не посвящены этнографии народов Америки, а лишь используют некоторые этнографические коллекции в качестве вспомогательного иллюстративного материала.

Вместе с тем необходимо отметить и то, что все три упомянутых выше новых музея великолепно организованы, здания, построенные для них, являются шедеврами современной музейной архитектуры, а их экспозиции прекрасно организованы высококлассными музейными дизайнерами. Для того чтобы оценить эти музеи, достаточно перестать сожалеть о том, что этнографические коллекции отныне выставляются в музеях другого типа, и надеяться на то, что не все музеи будут готовы последовать этим примерам.

Между тем ряд музеев принял решение о сохранении своих старых экспозиций, имеющих несомненную ценность для истории науки и истории музеев и даже о частичном возврате к старым приемам экспонирования. Наиболее яркий пример – Музей Питта Риверса в Оксфорде. Его экспозиции, построенные по типологическому принципу Эд. Тайлором и Дж. Фрэзером при создании музея в 1884 г., остаются практически неизменными и даже были дополнены в последние годы рядом разделов, построенных по тому же принципу. В ряде музеев Европы были созданы экспозиции, восстанавливающие отчасти или целиком представление этнографических коллекций в

кунсткамерах (этнографические экспозиции Датского национального музея, экспозиция «Век просвещения» в Британском музее, кунсткамера Школы монаха Франке в Халле, Германия, экспозиция, посвященная кабинету редкостей Георга Римфеуса в Тропическом музее в Амстердаме).

Каждый крупный этнографический музей выбирает сегодня свой собственный путь развития. Одним из самых интересных путей обновления и осмысления места старых этнографических коллекций в современном музее явился опыт Тропического музея, который в конце 2008 г. закончил десятилетний период поэтапной реконструкции и реэкспозиции. Полностью обновив свои постоянные выставки, этот музей не перестал быть этнографическим музеем, региональные экспозиции представляют как коллекции XIX – начала XX в., так и современные, собранные в последние десятилетия. Много внимания уделено истории собирания, создан так называемый «Колониальный театр», где рассказывается о голландцах, живших и работавших в бывших колониях и внесших свой вклад в изучение этих стран. Музей не только сохранил старые манекены, но и сделал серию новых современных представлений людей разных культур. Чрезвычайно важным представляется широкое использование интерактивных мультимедийных музейных технологий, позволяющих сделать путешествие по залам музея захватывающе интересным. В залах этого музея можно увидеть множество шедевров прикладного искусства народов мира, но они не демонстрируются как арт-объекты, а помещены в культурологический и этнографический контекст.

В Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге в 2007 г. была открыта новая экспозиция «Африка», где была сделана попытка современного представления традиционной культуры нескольких регионов континента, наиболее полно представленных в коллекциях музея: Эфиопии, Западного Судана, Верхней Гвинеи, Центральной Африки. Наряду с этим посетитель музея может познакомиться поближе с такими разделами экспозиции, как Повседневная жизнь; Духовная культура; Одежда и украшения; Ремесла и торговля; Война, охота и оружие. Особый раздел экспозиции посвящен истории африканских коллекций музея. Одновременно была сделана попытка сохранения некоторых приемов экспонирования коллекций старейшим этнографическим музеем мира, которая тактично сочетается с информационной насыщенностью этикетажных выставочных текстов, а также с мультимедийной информационной системой для посетителей, включающей электронный этикетаж коллекций, энциклопедический справочник, иллюстрируемый архивом фото-, аудио- и видеоматериалов, а также интерактивную программу для детей. На этой экспозиции можно увидеть десятки жанровых сцен с использованием реставрированных старых музейных манекенов, что тоже является «фирменным» стилем нашего музея, с которым мы решили не бороться, а использовать с пользой для наших посетителей. Наш музей гордится тем, что именно в его стенах впервые в мире были использованы манекены, и это произошло в 70-х годах XVIII в. Здесь же хочу подчеркнуть, что, с моей точки зрения, подробное освещение в музее таких вопросов, как трансформации традиционных культур в современном мире, проблемы глобализации культурного пространства, мультикультурализм современного общества и пр., возможно скорее в рамках временных выставочных проектов или при достаточно регулярной, не реже чем раз в 10–15 лет, полной смене постоянных экспозиций.

Вместе с тем актуальной задачей современного этнографического музея является предоставление посетителям музея различных точек зрения на то, что кажется привычным, и таким образом осмыслить изменившийся, но по-прежнему общий мир.

Коллекции, их значение и соби́рание

Суть всякой коллекции определяется ее серийностью, основанной на сочетании сходства и различия между коллекционируемыми вещами. Попав в музейную коллекцию, предмет быта или ритуала становится музейным экспонатом, лишается практических функций и становится «знаком», оторванным от контекста.

При этом экспонат превращается в «открытую книгу» для посетителя музея, которую он должен «прочитать» с помощью этикетки, выставочного текста, путеводителя, экскурсовода. Музей – это коллекции, открытые для осмотра посетителями, в противном случае речь может идти о личной коллекции или просто хранилище на полках «мертвых», лишенных контекста предметов естественного или искусственного происхождения.

Большинство музеев в последние десятилетия резко сократили сбор новых коллекций или почти полностью отказались от него в пользу создания там, где это еще возможно, фото-, аудио- и видеоархивов.

Не один из музеев мира не имеет возможность экспонировать все свои коллекции, подобно тому, как это происходило в кунсткамерах XVI–XVIII вв. Одновременно ни один музей не обладает достаточно полной коллекцией по культуре тех народов, которые представлены на его экспозициях.

И это, несмотря на заявления критиков этнографических музеев и сторонников реституции культурных ценностей, которые заявляют, что за годы колониальной и постколониальной истории в музейных хранилищах мира скопилось обилие вещей, способное обеспечить гораздо больше музеев, чем их реально существует.

Среди вопросов, на которые пришлось искать ответ уже первым кураторам этнографических собраний, – как классифицировать, группировать и как организовать целенаправленный сбор этнографических коллекций. Чем универсальнее формулировал музей свои задачи, тем сложнее был мучительный поиск ответов. Каждый куратор и хранитель решал эту проблему по-своему и в то же время наследовал все решения своих предшественников и современников. Во многих этнографических музеях подходы к собиранию коллекций сложились достаточно давно под влиянием конкретных исторических условий. Поэтому сегодня все чаще говорят о влиянии личностей собирателей на состав коллекций музея.

Если обратиться к истории собирания коллекций для Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) в Петербурге, то становится очевидным, что до конца XIX – начала XX в. коллекции поступали в музей достаточно случайно. Имеется в виду, что стратегия собирания коллекций не была сформулирована самим музеем, большая часть коллекций была собрана не профессиональными этнографами, а комплексными «академическими» экспедициями, путешественниками, мореплавателями, дипломатами.

При создании музея в 1714 г. его основателем императором Петром Великим был сформулирован чрезвычайно важный принцип, который отличал петербургскую Кунсткамеру от подавляющего большинства европейских коллекций того времени: создавался государственный, публичный музей, собирание его коллекций становилось делом государственной важности, о чем свидетельствуют ряд специальных указов Петра Великого. Император так сформулировал цель создания музея: «Я хочу, чтобы люди смотрели и учились».

Эти указы сыграли чрезвычайно важную роль в формировании коллекций Кунсткамеры, а позже Музея антропологии и этнографии – на протяжении более двух столетий сюда поступали коллекции из всех российских научных экспедиций и путешествий.

Идея создания первого русского музея как части Императорской Академии наук сыграла в его судьбе решающую роль. Сосредоточение в его стенах богатейших коллекций, введение научной обработки и систематизации, а также надзор за коллекциями и экспозициями крупнейшими учеными Академии превратили Кунсткамеру в подлинно научное учреждение, равного которому по постановке работы не имелось во всей Европе.

Золотым веком нашего музея мы называем конец XIX – начало XX в., когда директор Музея антропологии и этнографии академик В.В. Радлов и куратор этнографических коллекций профессор Л.Я. Штернберг развернули планомерную работу по сбору коллекций музея. За годы их работы этнографические фонды музея увеличились с 39 655 экспонатов до 191 110. Музей перешел к систематическому и планомерному научному сбору коллекций, к экспедиционному методу коллекционирования. Были посланы десятки научных экспедиций по регионам России и в зарубежные страны, которым давались четкие инструкции, что собирать, как собирать, как вести документацию при сборе коллекций. Было организовано обучение выезжающих в экспедиции, в том числе фотографированию. Музей очень активно привлекал для работы профессионалов и любителей в отдаленных районах страны, учредив институт корреспондентов МАЭ. Был организован обмен коллекциями-дубликатами с музеями Голландии, Швеции, Дании, Англии, Франции, Германии, США, в результате которого стало возможным создание многих региональных экспозиций, а музеи мира получили коллекции по народам Европейской России, Сибири, Кавказа, Центральной Азии. На основе опыта европейских музеев была перестроена система регистрации и учета коллекций, созданы их научные описания. Количество научных сотрудников за эти годы возросло в 15 раз, созданы научные отделы Европы, Азии, Африки, Америки.

Собирание коллекций нашего музея с тех пор не прекращалось, главным источником являлись и являются сегодня научные экспедиции. Какая бы задача экспедиции ни формулировалась бы сотрудниками музея, идея собрать и привезти в музей экспонаты, пополнить его коллекции стала хорошей традицией и делом чести многих поколений исследователей.

До середины 90-х годов XX в. зарубежные этнографические экспедиции были редким исключением из правил, зато сегодня ежегодно сотрудники музея проводят экспедиционные исследования и сбор коллекций для музея не только на территории России, но и в Африке, Ближнем Востоке, Южной Америке, во многих странах Азии. Многие проекты временных выставок

связаны с историей формирования коллекций музея, с именами выдающихся российских ученых и путешественников – собирателей коллекций музея. Стало традицией во время подготовки таких выставочных проектов организовывать экспедиции в те страны, где они проводили свои исследования много десятков лет назад. Итогом таких поездок в последние годы (Эфиопия, Китай, Филиппины, Бразилия и др.) стали новые коллекции, большой объем фото-, аудио- и видеоматериалов.

В нашем музее организован привлекающий большое внимание посетителей цикл выставок «Экспедиции продолжают...». В основу концепции таких выставок положен показ «старых» коллекций музея из какого-то региона вместе с новыми, недавно приобретенными коллекциями, сопровождаемый фото- и видеоматериалами, на которых можно видеть те самые вещи, которые только что использовались в быту жителями этой страны, в их ритуалах и обрядах. Сегодня эти вещи превратились в экспонаты музея и демонстрируются на выставке.

Изучение и публикация коллекций, предоставление доступа к собраниям музея

Практически все крупнейшие этнографические музеи мира одновременно являются известными научно-исследовательскими центрами. В задачу кураторов коллекций входит не только сохранение и экспонирование коллекций, но и их изучение и публикация. Каталоги и путеводители по этнографическим музеям чрезвычайно востребованы у их посетителей. Научные публикации, посвященные атрибуции коллекций, печатные каталоги наиболее значимых собраний, а также каталоги временных выставок – неотъемлемая часть жизни каждого музея.

С 1900 г. Музей антропологии и этнографии в Петербурге выпускает «Сборник МАЭ», серийное научное издание, на страницах которого публикуются описания коллекций музея и их каталоги. В 2010 г. был опубликован 56 том «Сборника».

В 2006 г. была подготовлена программа публикации серии альбомов с полными каталогами наиболее значимых коллекций музея. До этого при финансовой помощи и активном участии специалистов из Японии и Кореи были опубликованы в соответствующих странах полные каталоги айнских и корейских коллекций нашего музея. В 2010 г. дополненный ценнейшими фотокolleкциями конца XIX – начала XX в. каталог корейского собрания МАЭ был выпущен в виде мультимедийного диска и опубликован в Интернете на сайтах МАЭ и Национального музея этнографии Кореи.

В настоящее время опубликованы каталоги двух ранних и уникальных коллекций, собранных на Аляске в конце XVIII – начале XIX в., – Тлинкиты и Алютиик, начинается работа над каталогом алеутской коллекции. Идет подготовка к изданию каталогов буддийской пластики, шедевров искусства каменного века из собрания музея и др. Чрезвычайно важным проектом является издание серии красочных путеводителей по залам музея. Особо ценной составной частью работы над каталогами коллекций я считаю широкое сотрудничество с музеями тех территорий, где когда-то были собра-

ны эти коллекции, экспертизу специалистами и носителями той или иной культуры.

Для музея, здание которого построено в историческом центре города в начале XVIII в., одной из самых главных проблем является ограниченность экспозиционных площадей, невозможность показа в своих залах всех уникальнейших ранних коллекций по культуре народов мира. Сейчас посетителям доступно для осмотра менее 1% этнографических коллекций нашего музея.

В 2005 г. в МАЭ была разработана концепция публикации подробной информации о наших коллекциях, как выставленных в залах музея, так и хранящихся в фондах средствами современных мультимедийных технологий¹³. Теперь посетители в каждом зале музея могут на сенсорных мониторах увидеть подробную информацию по всем экспонатам в выставочных витринах, а также имеют возможность рассмотреть на мониторе детали экспоната со всех сторон. Вся информация на мониторы поступает из центральной музейной базы данных. На втором этапе проекта, работа над которым идет в настоящее время, предполагается создание каталогов ряда тематических и региональных коллекций нашего музея на его странице в Интернете (<http://www.kunstkamera.ru>) на русском и английском языках. В настоящее время уже доступны ряд таких каталогов, в том числе каталог шедевров фотоколлекций МАЭ РАН (более 41,5 тыс. фотографий второй половины XIX–XX вв.), полный каталог корейских коллекций музея и др. Я убежден, что только такой подход способствует целям и задачам нашего музея: возродить интерес к этнографическим коллекциям у специалистов, играть активную образовательную и просветительскую роль в России и за рубежом, сделать коллекции, собранные много десятков лет назад у различных народов мира доступными представителям этих народов, особенно тем, которые пытаются сохранить и возродить традиционные знания, народные традиции и культуру.

Мечта каждого музея сделать свои фонды открытыми для посетителя, расширить музейное пространство. Многие веб-проекты нашего музея позволяют это сделать в виртуальном пространстве, превращая страницу музея в мировой сети в важнейший образовательный портал. Сегодня ежедневно страницу петербургского Музея антропологии и этнографии в сети посещают более 3,5 тыс. человек, т.е. почти в два раза больше, чем посещают наш музей в среднем ежедневно.

Жанр этнографического музея имеет бесспорное право на существование в современном мире. Сотни тысяч единиц хранения этнографических коллекций, накопленных в музеях мира в XVIII–XXI вв., еще много столетий будут вызывать неизменный интерес у посетителей музеев. Процесс глобализации, теоретически ведущий к минимизации этнических традиций и стиранию культурной и этнической идентичности, только усилит ностальгический интерес человечества к своему прошлому.

¹ В названии статьи использована известная японская поговорка.

² *Ames M. What Could a Social Anthropologist Do in a Museum of Anthropology: Museums, the Public and Anthropology // A Study in the Anthropology of Anthropology. Vancouver, 1986.*

³ *Ames M. Cannibal Tours and Glass Boxes The Anthropology of Museums. University of Washington Press, 1993.*

⁴ Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2004. № 1 (33). С. 81–86.

⁵ Баранов Д. Форум: Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 21–25.

⁶ Котилайнен Э.-М. Новые проблемы представления мировых культур в музее. Форум: Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 48–56.

⁷ Chun Kyung-soo. National Museum of Anthropology: Why the 21st Century Korean Society need it? // The Past, Present and Future of the Ethnology Museums: Symposium. Seoul, Korea 14.06.2010. Seoul, 2010. P. 20–45; Engelsman S. The Mission of the Ethnological Museums // Ibid. P. 46–67; Galla A. Transformations, towards a New Discourse of Ethnology Museums // Ibid. P. 92–107; Chistov Yu.K. Collections of Ethnographic Museum in the 21st Century: Accumulating, Exhibiting, Publishing (the Case of Museum of Anthropology and Ethnography, St.Petersburg, Russia) // Ibid. P. 152–199.

⁸ Энгелсман С. Музейные коллекции, задачи, действия. Форум: Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 118–124.

⁹ Баранов Д. Указ. соч.

¹⁰ Ямагучи М. Поэтика выставки в японской культуре // Открытый музей. 2004. № 3. С. 12–16.

¹¹ Hudson K. How Misleading Does an Ethnographical Museum Have to Be? // Eds. I. Karp, S.D. Lavine. Exhibiting Cultures: The Poetics and Politics of Museum Display. Washington; London, 1991. P. 457–464.

¹² Чистов Ю.К. Экспозиции этнографических музеев начала XX в.: сохранение традиций и новые идеи // Радловские чтения. СПб., 2004. С. 138–145; Он же. Информативность этнографической экспозиции: от этикетки к сенсорному монитору // Радловские чтения. СПб., 2005. С. 131–139; Он же. Форум: Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 108–114.

¹³ Чистов Ю.К. Информативность этнографической экспозиции: от этикетки к сенсорному монитору // Радловские чтения. СПб., 2005. С. 131–139.

РУССКИЕ В ЧЕРНОГОРИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Поводом для этого исследования стали миграции граждан России в начале XXI в. Они рассматриваются нами в контексте глобальных процессов в современном мире и как особый *русско-черногорский феномен*. Россияне интенсивно покупают недвижимость в Черногории, особенно на побережье, для отдыха или работы, временного или постоянного проживания. Их присутствие повлияло на все сферы общественной и культурной ситуации в Черногории, оно заметно и в ее культурной жизни. В СМИ постоянно обсуждается тема адаптации и ассимиляции россиян. Многие вопросы, связанные с русским присутствием на Балканах, заслуживают этнологических и антропологических исследований.

Новые миграции русских в Черногорию особенно активизировались в 2006–2007 гг., а в 2008–2010 гг. несколько сократились¹. Российские граждане интенсивно покупают недвижимость, особенно на черногорском побережье. Нужно принять во внимание и тот факт, что многие россияне находили убежище здесь в более ранний период, особенно после Октябрьской революции². Анатомия событий последних лет прослеживается в данном исследовании через призму социальных и культурных мероприятий. Полевое исследование, систематическое наблюдение за ситуацией в соответствии с современными методологическими подходами в области этнологии и антропологии позволяют сделать новые выводы о *глобальном или русско-черногорском феномене*.

Исследования показали, что российские граждане в начале XXI в. в большом количестве сосредоточились именно на черногорском побережье. Их привлекает красота здешней природы, благоприятные климатические условия, но главным мотивом выбора этих мест, безусловно, стала приятная дружеская атмосфера, непринужденность поведения местного населения, отсутствие языковых барьеров, чувство общности менталитета и доступные цены. Воздействие этих процессов на социальную и культурную жизнь Черногории и Балканского региона в целом находится во взаимосвязи с развитием мирового рынка, вызванным глобальным экономическим кризисом и его проявлением в Черногории³.

Спустя пять лет после начала массового поселения русских в Черногории тема их приезда все еще широко обсуждается. Об этом говорят официанты в ресторанах и кафе, банковские сотрудники, новые / старые соседи, агентства недвижимости и все остальные черногорцы начиная с черногорского побережья до горы Дурмитор. Многие русские приехали сюда в качестве туристов, некоторые по работе, а в большинстве случаев – в качестве покупателей недвижимости. Многие из них остались жить здесь, их дети учатся в школах, получают образование от дошкольного до высшего.

За прошедшие годы продавали – покупали – торговали – разрушали – строили почти всюду, особенно это заметно в тех местах, которые до этого представляли собой заброшенные необработанные территории. Новые владельцы – россияне регистрируют приобретенные дома или квартиры, как и остальные жители, в Республиканском кадастре недвижимости⁴. Купив недвижимость, многие русские решили использовать свое новое жилье в теч-

ние всего года, и они чувствуют себя здесь как дома⁵. Они – интеллектуалы, профессора, доктора наук, врачи, экономисты, художники, военнослужащие, пенсионеры, журналисты и так далее. Большинство их – супружеские пары с детьми, семейные люди. К ним в гости приезжают родственники, друзья, знакомые, в том числе и их деловые партнеры из России. Их возраст в среднем составляет 40–60 лет, в то время как молодежь, кроме молодых пар с маленькими детьми, в большинстве случаев бывают здесь только в летние месяцы.

Очаровывает огромное количество вновь построенных жилых домов, туристических комплексов для аренды или продажи, которые встречаются на каждом шагу, следствием чего стали многочисленные изменения в социальной и культурной жизни Черногории. Исследуя эту тему, я заметила перемены и в культуре проживания. В первую очередь изменился городской облик черногорского побережья, что подтверждают и многочисленные публикации в печатных и электронных СМИ, как государственных, так и частных, причем на русском языке.

Правда, из-за экономического кризиса в последние два года наблюдается стагнация и спад объемов продаж и строительства новых домов. Подобный спад заметен также в работе смешанных черногорско-российских компаний, основанных россиянами, переселившимися в последние годы, как результат их интереса к инвестированию в рынок Черногории. Локальное проявление кризиса следует искать в крупных прямых иностранных инвестициях в черногорскую экономику в период непосредственно до начала самого кризиса, через внедрение частных инвесторов, преимущественно граждан России, которые вышеупомянутыми покупками недвижимости создали виртуальный эффект благосостояния среди местных жителей.

На каждом шагу можно увидеть богатые и разнообразные предложения, нацеленные на *новых мигрантов*, от которых ожидается экономическая прибыль. Маленькие и большие рекламные щиты, развешанные в престижных местах, напоминают местным жителям о еще живой кириллице, в данном случае русской. Печатные и электронные СМИ ежедневно предлагают на русском языке все, что можно купить и съесть, одним словом – потреблять. Еще одним моментом общественной реальности, несомненно, является присутствие русских деятелей искусства в культурной жизни Черногории: либо появление самих авторов, либо специальных культурных программ по русской культуре и искусству.

Внимание СМИ сосредоточено, в частности, на адаптивных и ассимиляционных процессах людей из России, которые переехали в Черногорию. Мы можем заключить, что русские и черногорцы предоставили друг другу новые возможности. И, если оглянемся на общественную жизнь Боки Которской почти столетней давности, когда после Октябрьской революции туда устремилась волна беженцев из России, увидим, что, хотя причины тех миграций отличались от современных, культурная польза и тех, и других очевидна.

В новой среде обитания эмигрантами из царской России был основан целый ряд объединений, связанных с образованием, культурной или творческой деятельностью. Многие из них запомнились по многочисленным культурным мероприятиям. У приезжих был высокий уровень музыкального образования, поэтому организовывались концерты, классические оперные музыкальные вечера. Кроме занятий французским и русским языком, русские давали также уроки балета. В поселке Игалло, в котором в то время жило около трехсот человек, было основано русское филателистическое об-

щество, которое публиковало свой бюллетень, распространяемый по всему миру. Русские беженцы в период между двумя мировыми войнами работали учителями в Низшей реальной гимназии в г. Герцег Нови, где они преподавали черчение, французский язык, физику, химию, математику, географию. Назовем некоторые имена русских педагогов; Аркадий Северинов, Алексей Петрович Сосновский, Георгий Чайка, Никола Краснов, Николай Чаплин и Павел Охимовский. По окончании Второй мировой войны русский язык в гимназии преподавали Феодосий Краснокуцкий и Сергей Кудриевич, а в Педагогическом училище с 1945 г. преподавали русский язык, географию и историю Виктор Булгаков и Григорий Коновалов⁶.

Маргарита Лисенко внесла наиболее значительный вклад в развитие музыкального искусства. Как педагог она более четырех десятилетий работала в г. Герцег Нови. Кроме этого, до Второй мировой войны она организовывала собственные фортепианные концерты и концерты своих учеников. Сразу после войны пианистка активно участвовала в культурных и художественных мероприятиях общества *Орьен*, а после открытия Низшей музыкальной школы была одним из ее первых учителей⁷. Художник Арсений Петрович Сосновский (1895–1967) с женой Галиной, которая тоже была художником, жили в г. Герцег Нови по имеющимся данным до 1934 г. По сведениям, приведенным в каталоге выставки *«Художники русской эмиграции в Черногорию»*, состоявшейся в Подгорице в 2008 г., известно, что этот художник подготовил собственные выставки в Загребе, Праге, Брюсселе, Париже и что его работы находятся в музеях в городах Цегинье, Котора и Загреб, а также в частных коллекциях в Черногории, Сербии, Хорватии, Швейцарии и России. Он также выступал как профессиональный оперный и камерный певец с концертами в Белграде, Загребе и по радио.

Русские беженцы в Герцег Нови основали *Русский клуб*, который был известен как *Русский клуб – читальный зал*. О работе этого клуба находим многочисленные данные в журнале *Альманах*, издававшемся клубом. Пять номеров журнала сохранила Наташа Йовичевич, урожденная Тарасова, дочь русских беженцев, прибывших в Герцег Нови, где у них родились две дочери, Валерия и Наташа, живущие сейчас в Которе. Журнал публиковался на русском языке, тексты были написаны на печатной машинке. По словам Наташи Йовичевич, она передала сохранившиеся журналы Марие Црнич Пейович, исследователю культурного прошлого Боки Которской. Благодаря ее работе *Альманах* снова появился спустя 80 лет⁸. Публикации в *Альманахе* были разнообразными. Среди них есть стихи, проза, клубные новинки, технические достижения, спорт, обзор различных событий в мире, детективные романы, анекдоты и юмор, выдержки из югославских газет, множество иллюстраций и рисунков. Значительная часть статей в этом журнале была написана в шутовском тоне, например в рубрике о работе Клуба. Объявления также писались с юмором, много было объявлений о спресе на жилые. Так, например: «Ищу тихую квартиру. Не обязательно в центре города. Предпочтительно на втором этаже, но без нижнего и желательно в ближайшем время. Государственный служащий. Адрес в редакции». Другое объявление: «Сдаю в аренду комнату на том самом месте, где продается лавровый лист. Сурин»⁹.

Тема беженцев того времени сегодня привлекает внимание многих исследователей гораздо больше, чем современные социальные события, хотя они присутствуют в нынешнем медиа-ландшафте, преимущественно в печатных СМИ на русском языке, хотя и на других языках также. Таких журна-

листных публикаций с каждым днем становится в Черногории все больше. Электронные средства массовой информации, радио и телевизионные станции также включены в *русскую волну*.

Следя за актуальной общественной ситуацией Черногории, в октябре 2009 г. Черногорская академия наук и художеств организовала международный научный симпозиум «Российско-черногорские научные связи в прошлом и настоящем», в котором приняли участие выдающиеся ученые из России. По случаю 300-летия со дня установления официальных отношений Черногории и России в 2010 г. вышла из печати двуязычная монография «Чтоб мы не были далеко друг от друга» (под редакцией Елены Рабкиной) объемом в 239 с. и роскошно иллюстрированная.

Скажу пару слов и о газетах, печатающихся на русском языке в г. Будва, редколлегию которых составляют исключительно россияне. *Русская газета* выходит каждую субботу, начиная с мая 2007 г. Наряду с рекламными сообщениями она следит и за актуальными событиями в областях культуры, спорта, туризма, экономики, дает медицинские советы. *Русский журнал Адриатика* выходит раз в месяц. Этот журнал посвящает каждый номер одному из приморских муниципалитетов, а вводная статья всегда содержит интервью с мэром данного муниципалитета. Журнал богато иллюстрирован и технически хорошо оформлен. Все объявления бесплатны, они дают необходимую информацию приезжим россиянам – от рекламы всех видов товаров до правовых советов. Журнал также печатает материалы по истории Черногории, интересные сведения для туристов, следит за актуальными культурными и политическими событиями¹⁰. На русском языке выходит и *Правовой вестник*, ориентированный на юридическую тематику, в нем публикуются полезные сведения, правовые документы, важные для россиян. Газету *Российский курьер* с 2010 г. можно купить и в Черногории. Она предназначена для Центральной Европы и дает объемную информацию о таких европейских центрах, как Вена и Будапешт, а на восьмой и девятой страницах регулярно помещаются очерки о культурных мероприятиях. *Русский вестник* – газета о Черногории на русском языке, она информирует о важных общественных и культурных событиях. Самые влиятельные черногорские СМИ сообщили в марте 2008 г. о начале издания в Черногории одной из самых популярных российских газет – *Комсомольской правды*, выходящей раз в неделю. В специализированном иллюстрированном журнале *Навигатор Монте-негро* есть рубрики, посвященные культурным мероприятиям, которые сообщают о местных деятелях культуры и гастролях выдающихся российских артистов.

Художники и музыканты из России, принимая участие в музыкальных и художественных мероприятиях в Будве, Которе, Герцег Нови, Баре и других городах, вносят свой вклад в разнообразие культурных предложений, особенно в летний период. Общественное учреждение «Музеи и галереи Подгорицы», галерея Гайо и Александр Арт Групп провели в конце 2008 г. выставку «Художники российской эмиграции в Черногории» и по этому поводу опубликовали содержательный и богато иллюстрированный каталог. Этой выставкой объединились эмигрантская и новая общественно-культурная действительность. О влиянии российских мастеров на черногорскую культуру свидетельствует, например, следующий текст, опубликованный в 2010 г. в подгорицкой ежедневной газете «Дан».

УКРАИНСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ХУДОЖНИКИ ЗАКРЫЛИ ВЫСТАВОЧНЫЙ СЕЗОН

Весной новые шедевры

Роскошная выставка картин российских и украинских художников открыта в шестнадцатый раз в галерее «Кастелло ди Бока» под эгидой Международного фонда «Культурное наследие» из Санкт-Петербурга. Ею в этом году закрылся пленэр художников в Столиве. Залы галереи были малы для того, чтобы все лучшие работы могли быть выставлены. Прилежные художники неустанно работали в течение 15 дней, а публика имела возможность наслаждаться ошеломляющими картинами, холстами с мотивами черногорского приморья и образами национальной истории. Среди тех, кто выставил свои работы, Владимир Переяславец, 94-летний московский художник, до сих пор самый старший участник пленэров, народные художники, заслуженные художники и академики Алексей Суховецкий, Валерий Ржевский, Анатолий Рыбкин, Александр Колотилов, Григорий Гусаков, семейная команда художников – отец Николай Чеботару и его сыновья Алексей и Андрей, чьи картины в «ван-гоговском стиле» были самыми впечатляющими, а также Нина и Юлия Суховецкие, Анастасия Качина, Владимир Кожевников, Викентий Лукьянов, Константин Кокель, Александр Федоров, Константин Долгашев, Владимир Сяров, Ольга Гусакова и Елена Ржевская. «Эта группа художников, учитывая их высокий академический статус, дружеское отношение и сотрудничество, обеспечила пленэру высокое качество», – сказал Виктор Карцев, председатель фонда. Основываясь на решении жюри, состоящего из двенадцати академиков России и Украины, он вручил художникам золотые значки и медали, являющиеся эквивалентом академического признания. Одну из них получила и Оксана Слюсаренко, посол Украины, за поддержку фонда и общины.

– Если есть такая возможность, хорошо было бы открыть пленэры на севере Черногории, на Жабляке, Дурмиторе, так как и там есть красота. Рисовать ее – это возможность презентации Черногории, посредством этих картин весь мир знакомится с вами, что невозможно ни посредством музыки, ни посредством книг, – сказала Слюсаренко. «С самого начала мы с помощью телевидения следим за этим культурным мероприятием. Я имел честь на каждой выставке обратиться к российским и украинским художникам. Я считаю себя очень польщенным тем, что благодаря этому я стал ближе к художникам страны, славящейся культурой, которая учила меня, о которой я мечтал молодым, сказки и легенды которой я превращал в правду, литературные герои которой мне некоторым образом были близки, ближе людей, окружающих меня», – сказал редактор и директор ТВ Колашин Зоран Ракочевич, первый черногорец, который по этому поводу получил «Золотой знак» почетного члена фонда за культивирование черногорско-российской дружбы.

От имени Черногорского объединения коллекционеров предметов культурного наследия Мирко Мишурович вручил В. Карцеву (члену объединения) почетную грамоту за экспертную исследовательскую помощь в поиске, собирании, сохранении и презентации произведений, относящихся к культурному наследию Черногории. Атмосферу выставки украсил исполнением русских песен, джаз-миниатюр и мелодий танго Предраг Йанкович, профессор Консерватории в Цетине, аспирант национальной Консерватории им. П.И. Чайковского в Киеве. Гостем выставки был и Герхардт Скримчик, друг фонда, приехавший из Австрии. В шестнадцать до сих пор организованных выставках участвовали 520 художников. Следующий пленэр намечен на весну, на май, на время нового «пробуждения» приморского пейзажа.

М.Д. Попович

История российской эмиграции актуализирована посредством деятельности Общества сербско-русской дружбы в Боке Которской и Дубровнике, учрежденного в 1990–1991 гг., а в 2003 г. перерегистрованного в Общество сербско-русской дружбы в Герцег Нови и Боки Которской. «Программа об-

щества заключается в упрочении культурных связей с Россией. Основной целью общества является защита Русского кладбища в Савине в Герцег Нови, основанного в 1919–1920 годах. Кладбище было разрушено, а могилы продавались, особенно в 90-е годы XX века». Это общество возбуждает судебные дела, оно смогло защитить небольшую часть кладбища, на которой в наши дни построена церковь, посвященная Святому Федору Ушакову. Российская Дума в 2006 г. поддержала восстановление кладбища. Тогда началась его реконструкция и строительство церкви, законченное в 2008 г. Церковь Св. Федора Ушакова освятил Митрополит черногорско-приморский Амфилохий. Она получила в подарок несколько икон от Русской патриархии, Российского парламента и ряда других организаций¹¹. «За отечество и веру, за царство небесное», так озаглавлен текст, опубликованный в газете *«Новске новине»* в 2009 г. – по случаю 14 октября, дня именин церкви Святого Федора Ушакова, находящейся на Русском кладбище в Герцег Нови. По этому поводу посол Российской Федерации в Черногории Яков Герасимов выразил удовольствие строительством церкви и восстановлением кладбища рядом с ней, так же как и присутствием на литургии немалого числа граждан Герцег Нови и российских предпринимателей, живущих в Боке Которской.

«Чтобы россияне не забыли язык», «Россияне учатся на родном языке, но не на русском», «И преподавание на русском» – это только некоторые из заглавий в ежедневной печати, указывающие на еще один важный факт, касающийся поселения и постоянного проживания русских в этих краях. Российские дети в Будве в начальной школе «Стефан Митров Любиша» имеют возможность факультативно учить русский язык и культуру. Согласно некоторым сведениям, в этой школе учатся около тридцати русских детей с первого по восьмой класс, а в других приморских муниципалитетах русские дети поступают в начальные и средние школы и на факультеты.

По некоторым данным можно ожидать прироста новорожденных детей от смешанных черногорско-российских браков. В частности, в Российском центре в Баре решили открыть агентство, посредством которого люди из России и Черногории познакомились бы друг с другом и вступали в брак. Директор этого центра заявила 13 декабря 2008 г. газете *«Политика»*, что желание черногорцев познакомиться с «женщиной своей жизни» из России посредством их агентства превзошло их ожидания. Этот центр строго охраняет тайну информации о своих клиентах, но интересно, что самому старому жениху 78 лет и он охотно бы женился на русской женщине лет 45.

В заключение скажем, что россиян в Черногории можно встретить в течение всего года в большем или меньшем количестве во всех общественных местах: в супермаркетах, продовольственных магазинах, бутиках, аптеках, на общественных мероприятиях, музыкальных и театральных представлениях, в галереях, библиотеках, на пляжах и в ресторанах, они не беженцы и не туристы, по крайней мере большинство из них, они здесь купили квартиры и дома, или пребывают здесь со своими семьями большую часть года. В отдельных приморских городах свои новые дома приобрели по несколько сотен российских граждан, их присутствие заметно даже в небольших городах. Один из моих собеседников во время разговора, состоявшегося в июле 2008 г. в Герцег Нови, подчеркнул, что он, как и многие другие, ездит в Россию только раз в год ради оформления визы.

Цель настоящей работы – внесение научного вклада в исследование общественно-культурологической ситуации, сложившейся в Черногории после поселения здесь немалого числа российских граждан, что отражается на всем регионе Балкан. Данной работой я хочу обратить внимание экспертов и ученых, занимающихся сходными вопросами, на новый вид миграций, приводя факты, основывающиеся на полевых исследованиях, а также сведениях, предоставленных многочисленными информаторами, печатными и электронными СМИ в 2005–2010 гг.

Складывается общее впечатление, что россиян XXI в. в новой среде устраивают кухня, гостеприимность хозяина и непринужденность, одним словом, они чувствуют себя свободно. Но как и их предшественники начала XX в., новые мигранты через различные культурные события создают свою культурную среду.

¹ Я попыталась определить анатомию событий последних нескольких лет, связанных с *push and pull factors*, понять, что подталкивает людей к выбору новых направлений для миграций.

² Например, истоки связей России и Боки Которской начинаются еще со школы первых русских моряков, которая была создана в г. Пераст в конце XVII в., затем на протяжении XVIII в. проходят через участие жителей Боки в создании русского флота и через русское управление Бокой в начале XIX в. В Боку Которскую эмигрировали в основном офицеры высокого ранга, а затем профессора, врачи, художники и их семьи.

³ «Цены на недвижимость растут, а покупателей все меньше» – заголовок в газете «Вести» от июня 2008 г.

⁴ На сайте Торговой палаты Черногории размещен список зарегистрированных строительных фирм со смешанным иностранным капиталом.

⁵ *Прелевич Ч.* Батюшки, только наличными // Вечерние новости. Белград, 2007. 15 января.

⁶ Русский хор *Байам* в 1922 г. дал концерт русской оперной музыки в Доме хорватов в г. Герцег Нови. В мае 1924 г. там же состоялся «концерт-экзамен моих учеников, которые были сербы и хорваты», писала Наталия И. Фиден. В том же году русская певица Елена Бородина потребовала этот Дом для трех концертов, один из которых был только для учеников из Герцег Нови. Известный русский пианист Никола Чернолуский в 1936 г. дал концерты во многих городах Югославии, среди них и в г. Герцег Нови (См.: *Пејовић Марија Црнић*. Један заборављени часопис // Сборник радова из науке, културе и умјетности. Бока 30. Херцег Нови, 2010. С. 68, 69).

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Сохраненные номера являются уникальными, и ими можно пользоваться только в читальном зале клуба.

⁹ Характерным является и текст объявления «Ищу партнера для преферанса. Игнатьев», из которого видно, что главный инициатор *Альманаха* умел пошутить и на свой счет. Жаль, что на сегодняшний день мы многое не знаем о тех событиях, так бы мы могли узнать имена людей не только в рубрике объявлений и могли бы реально рассмотреть атмосферу и события не только в Русском клубе, но и шире: *Пејовић Марија Црнић*. Op. cit. С. 96.

¹⁰ Газета и журнал выходят в Будве, где находятся их издательства. Они впервые появились в 2007 г. и печатаются тиражом в 2000, 3000–5000 экземпляров, а «Русская газета» распространяется и в России.

¹¹ Госпожа Гордана Стиепчич Булатович, председатель Общества сербско-русской дружбы, предоставила мне упомянутые данные в устной и письменной форме в августе–сентябре 2007 г. в Герцег Нови. Я искренне благодарна ей за предоставленные сведения. Господин Александр Беляков, исполнительный директор Славянского альянса в Герцег Нови, в сентябре 2007 г. при разговоре также дал мне важные данные о постройке церкви и восстановлении русского кладбища. СМИ неоднократно передавали новости о русском кладбище: *Пановић С.* Элита царске Русије // Политика. 2003. Октябрь; *Ignjatović V.* Parastos posle 90 godina // Svedok. Белград, 2007. 16 января; «Дан» // Подгорица. 2007. 30 апреля, 12 мая. (И Путин под Орьеном); *Стрига В., Злотникова Л.* Откривање споменика Русима у Црној Гори, Герцег Нови // Руски Јадран. Будва, 2007. Май. № 4–5.

РУССКИЙ ГОРОД НА НЕРУССКОЙ ЗЕМЛЕ:
ЕВРОПЕЙСКАЯ ПАРАДИГМА
ДЛЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Когда в 1885 г. рубежи Российской империи достигли Кушки, завоеванные земли между Каспийским морем и Памиром представляли собой зону активного межэтнического синтеза, где возникла своеобразная пограничная культура, европейская по своей природе, но впитавшая многие элементы азиатского происхождения. Эта диффузия размывала и фактически лишила серьезных оснований четко артикулированную дихотомию Запад – Восток, на самом деле, как теперь признается многими, ложную, хотя об этом писал сам Редьярд Киплинг¹, а более 30 лет назад аргументированно показал Эдвард Саид – один из крупнейших исследователей и теоретиков постколониального дискурса².

То, что спустя годы и десятилетия после начала модернизации Средней Азии произошло в культуре этого региона мира, наглядно свидетельствует о едва ли не полном исчезновении каких-либо существенных различий между такими геополитическими реалиями, как мусульманский Восток и христианский Запад. Даже конфессиональный акцент здесь уже отступает на второй план, ослабленный семидесятилетним господством атеистической идеологии на всем пространстве многонациональной державы. Различий по сути нет больше не только в политических режимах, утвердившихся на руинах СССР, в какие бы «овечьи шкуры» они ни рядились, нет их и в экономических моделях, повсеместно в той или иной степени ориентированных на свободный рынок. Но прежде всего различия стерлись в репрезентативных сферах человеческой деятельности – в градостроительстве и архитектуре, изобразительном искусстве, литературе, музыке и т.д. – все виды художественного творчества, за исключением разве что некоторых народных ремесел, в этом регионе мира стали развиваться в русле европейской культуры с ее стремлением к индивидуальному самовыражению и личному успеху, поощрением инноваций и активным использованием современных материалов и технологий, т.е. фактически в глубоком отрыве от многовековых местных практик, опиравшихся на традиционализм, преемственность и бесконечное воспроизводство канона.

Между тем во второй половине XIX в. Средняя Азия оказалась в силовом поле европейских традиций не впервые: более чем за две тысячи лет до вторжения русских войск в пределы среднеазиатских ханств и туркменской вольницы эти земли, находившиеся под властью Селевкидов после походов Александра Македонского, пережили эллинизацию, которая оставила впечатляющие следы в местной монументальной архитектуре. Три эталонных памятника: Ай-Ханум, Тахти-Сангин и Старая Ниса, несмотря на сильные ахеменидские традиции, дают примеры использования тех или иных элементов архитектуры классической Греции и прежде всего ордерной системы, не говоря уже о приемах фортификации. А ведь именно ордер, начиная с античности, служит символом и знаком высокой европейской цивилизации. Восприятие и последовательное распространение в Российской империи архи-

тектурного ордера – лучшее доказательство европейского характера русской архитектуры. Вот почему ее движение на Восток, в Туркестан, означало не просто русификацию, но европеизацию покоренного края, его адаптацию к условиям современного мира. Возвращение греко-римских архетипов в эпоху российского императора Александра II и его наследников происходило уже через посредство русского неоклассицизма, в скромной провинциальной версии этого стиля. Но гораздо важнее сугубо архитектурных характеристик – градостроительные принципы, внедрявшиеся русскими переселенцами на новых землях.

Так же как в ходе освоения Сибири и Дальнего Востока, в Туркестанском крае, учрежденном в 1867 г., и в Закаспийской области, образованной в 1881 г. и только через 18 лет включенной в состав Туркестанского края, началось формирование европейской системы расселения, которая по своим принципам восходит к одному из крупнейших явлений градостроительной культуры России XVIII столетия – созданию единой цепочки городов-крепостей, в которых получили распространение общие планировочные и строительные приемы. Военные инженеры, разрабатывая наиболее действенную для того времени оборонительную сеть, учитывали опыт Голландии и Франции и, в свою очередь, способствовали выдвижению русской школы фортификации на господствующую роль в Европе. Крепость данной системы могла быть построена в любом месте, где она была необходима по стратегическим соображениям³. Разумеется, в XIX в. сохранение такой практики на уже освоенных землях потеряло смысл, но оказалось вполне уместным в ходе покорения Средней Азии. Как отмечал современник тех событий, «туркестанские укрепленные пункты, в европейском смысле, не выдерживают никакой критики и вовсе не заслуживают названия крепостей. В войнах с неприятелем европейским они никакого серьезного сопротивления не могли бы представить, но против среднеазиатцев они действительно представляют непреодолимый оплот»⁴.

Впрочем, достаточно быстро такие форты утратили актуальность: колонизация Туркестана перешла в мирное русло и повсеместно началось строительство гражданских поселений, причем возникали они, как правило, рядом с «туземными», но изолированно от них. Это диктовалось не только соображениями безопасности, но прежде всего стремлением к сохранению автономности образа жизни коренного населения и русских/европейских переселенцев. Так возникли двойные, или двуструктурные города: с одной стороны – свободная планировка глиняных массивов однотипных жилищ автохтонов с плоскими крышами, извилистыми, узкими и пыльными проездами, с другой – регулярная планировка четко организованных по европейским канонам мощеных улиц, площадей, парков с отдельно стоящими домами со скатными кровлями⁵. И хотя эти постройки в массе своей также строились из сырца, их фасады имели гладкую штукатурку с побелкой или декоративную облицовку из жженого кирпича. Таковы были Ташкент, Самарканд, Асхабад, Мерв и многие другие новые города, выросшие рядом со старыми. Контраст между ними столь же велик, как различия между далекими прежде народами, вдруг оказавшимися в столь тесном и буквальном соседстве, когда всего лишь глиняная стена или просто улица разделяли миры, отличающиеся едва ли не по всем признакам этнической атрибуции: физической антропологии, языку, религии, материальной культуре и т.д. Абсолютно чуждые друг дру-

гу, эти города даже в транспортном отношении были связаны между собой очень слабо: «Ташкенты – русский и узбекский – до революции были соединены всего двумя мостами через арык Анхор, который служил естественной границей между ними. В результате получились весьма своеобразные двойные города, где обе части механически были поставлены рядом, но оставались в антагонизме: в одном жили покоренные, в другом – покорители»⁶.

Но самое существенное различие между ними, если смотреть на проблему с позиций социально-культурной антропологии, состояло, пожалуй, в восприятии пространства, а следовательно, и в его организации. В последние годы эта проблема актуализировалась в российском общественном сознании⁷. Наряду с геополитическим и ландшафтно-историческим получил развитие и сугубо искусствоведческий дискурс, в котором наметился переход от описательного, частно-дисциплинарного подхода к культурологической интерпретации материала⁸. Так как архитектура, градостроительство – не только самый очевидный, сразу бросающийся в глаза, но и наиболее надежный индикатор экономического состояния, политической системы и конфессионального состава общества (этнические маркеры здесь наиболее сомнительны), на примере строительной деятельности хорошо прослеживаются основные векторы развития Средней или, как теперь принято говорить, Центральной Азии начиная с последней четверти XIX в. до наших дней. До сих пор этот регион выпадал из профессионального поля зрения историков архитектуры России и рассматривался лишь в контексте так называемых национальных историй архитектуры в самих бывших советских республиках, где означенный период хотя и получил должную оценку⁹, но всегда оставался едва ли не на периферии науки, в глубокой тени огромного наследия древности и средних веков.

Между тем историю архитектуры русской Средней Азии невозможно рассматривать вне контекста всей русской архитектуры! Это была архитектура империи, по сути не имевшая ничего общего со строительной культурой народов Средней Азии. Вот почему нынешняя региональная историография в новых независимых государствах региона вполне может проигнорировать сравнительно короткий период существования так называемой колониальной архитектуры, однако история русской архитектуры без этих отделившихся теперь окраин будет ущербной. Более того, архитектура Российской империи это и есть прежде всего архитектура ее имперских владений. Именно они, а вовсе не столицы метрополии обнажают истинное лицо огромного государства, его силу и слабость, демонстрируют амбициозность замыслов и высвечивают плоды их реализации. Такое построение исторических нарративов вовсе не инновация: например, английские историки архитектуры давно уже установили различие между собственно английской архитектурой и архитектурой Британской империи¹⁰. Но и то, и другое – продукты одной культуры, создаваемой одним народом под сенью единой монархии. И здесь нет никакой принципиальной разницы с Российской империей: территориальный фактор (Англия отделяла от ее колоний моря и целые континенты, а коренная Россия расширялась за счет прилегающих стран) в сущности ничего не меняет – новые земли казались чиновникам из метрополии и многочисленным рядовым переселенцам чужбиной, которую предстояло осваивать, превращая в составную часть Родины. Но органической ее частью она так и не стала ни в том, ни в другом случае: поколения англоиндусов и среднеазиатских европейцев оказались не более чем кратковременной девиацией, исчезающей в постколониальную эпоху.

«Где в Азии поселится “Урус”, там сейчас становится земля русской»¹¹, – рассуждал Ф.М. Достоевский после известия о взятии Геок-Тепе в своем «Дневнике писателя», убежденный в цивилизаторской миссии России и русских поселенцев («урусов» – как их называли туркестанские автохтоны). Исследователи даже вывели схему, в которой «эффективный» русский колонизатор преобразовал «чужое» (иностранное, языческое/мусульманское, дикое, кочевое) пространство в «свое» (русское, православное, крестьянско-земледельческое)¹². Но если так происходило в Сибири и на Дальнем Востоке, то в «среднеазиатском подбрюшьи», от которого столь решительно призывал избавиться А.И. Солженицын¹³, этого не произошло, хотя «после прокладки в 1880-е годы сначала Закаспийской, а в начале следующего столетия и Среднеазиатской железной дороги эта территория по всем параметрам и вовсе должна была бы стать неотъемлемой частью России. Но к моменту краха Российской империи она так и осталась колонией. Среди прочего – и потому, что Россия просто не успела «переварить, окультурить новые земли»¹⁴. Впрочем, и того, что было сделано, оказалось достаточно, чтобы навсегда и в корне изменить саму парадигму политического устройства, экономических отношений и всей структуры пространственной организации жилой среды Средней/Центральной Азии.

Компаративный подход к этому материалу показывает, что в русском колониальном опыте ничего уникального нет. Точно так же французы обживали Алжир, англичане – Индию. Во всех колониальных странах пути развития новой архитектуры были примерно одинаковы. Сначала разрабатывался общепринятый тип легкого здания с учетом климатических условий экваториальных стран (жилье дома типа бунгало и т.п.). Затем шел процесс накопления средств архитектурной выразительности. Но, что весьма существенно, европейцы черпали эти средства не из местных культур, а из архитектуры Европы. Бунгало начали разделять «под стиль». Англичане в США и Канаде в начале XIX в. особенно успешно занимались переработкой форм северного неоклассицизма. Там эти сооружения и получили свое название – колониальный стиль. Новое строительство в странах, лишенных собственной монументальной архитектуры (Южная Африка, Австралия, отчасти Индийский архипелаг), совершенно игнорировало местный опыт, носило откровенно европейский характер и было плохо адаптировано к природной среде. Гораздо сложнее была задача европейцев там, где они столкнулись с вековыми традициями: с индийской архитектурой, арабской и т.д. Такие традиции существовали и в Средней Азии. Тем не менее с самого начала колонизации в градостроительстве и архитектуре Туркестанского края была принята ориентация на российский опыт как некую целостность и антипод туземного (средневекового), точно так же как на рубеже XVII–XVIII вв. по воле Петра Великого в самой России был взят курс на вестернизацию и отказ от древнерусского опыта.

К чему это привело? Образ русского поселения оказался на удивление близок образам Европы и Америки, т.е. местам, которые созданы в лоне христианской цивилизации. О полном тождестве понятий *русский* и *европейский/западный* город свидетельствует наблюдение американского дипломата Юджина Скайлера, который в 1873 г. побывал в Ташкенте: «Это было в день моего приезда. Ярко светила полная луна. Я вышел на веранду... и с трудом поверил, что нахожусь в сердце Азии. Казалось, что я попал в один из таких маленьких городков штата Нью-Йорк. Те же широкие пыльные улицы,

обсаженные по обочинам рядами деревьев; журчание воды в кюветках; белые домики, стоящие несколько поодаль от дороги, деревья и палисадники перед ними; большая площадь – вся в цветах, а в центре ее маленькая церковь. Все вместе показалось мне таким знакомым»¹⁵. Удивительным образом ему вторит в своих мемуарах русский писатель Василий Ян. В 1902 г. судьба забросила его, тогда еще совсем молодого человека, в Асхабад: «Когда я приехал в этот казавшийся мне сказочным городок-крепость на границе пустыни и диких гор, то долго чувствовал себя как в стране, похожей на мир из романов Фенимора Купера и Майн Рида»¹⁶. Действительно, новые туркестанские города с их ровным силуэтом, обусловленным преимущественно одноэтажной застройкой, были едва ли не стереотипным воспроизведением не только провинциального среднерусского города, но и той одноэтажной Америки, которая целиком и полностью выросла из европейской градостроительной традиции, точно так же не имеющей ничего общего с культурой американских аборигенов. И так же как в США, где колонисты начали обживать чужое пространство по своим лекалам, креативность русских наглядно проявилась в осуществленной ими попытке радикальной трансформации той географической реальности, с которой они столкнулись в Туркестане.

Эмоциональное насыщение приземистой и однообразной застройки достигалось здесь обязательным присутствием доминант, роль которых, само собой, отводилась культовым сооружениям. По неписаному правилу везде соблюдалась градация объемов: главенствовал православный собор, а храмы иных конфессий занимали подчиненное ему положение. Более того, они могли быть построены только при согласии православного епархиального начальства¹⁷. Привилегированным положением православия как одного из важнейших государственных институтов обусловлено появление самых значительных в художественном отношении построек Туркестанского края. В одном из отчетов о деятельности местной администрации подчеркивалось, что «на первом месте, насколько позволяли средства, стояли заботы об умножении числа храмов Божьих, как об одном из могущественных средств укрепления в Области русского влияния»¹⁸. Только лишь в Асхабадском уезде до 1917 г. было выстроено 16 православных церквей – 8 военных и 8 епархиальных.

В самом начале XX в. не без влияния идейных течений в Петербурге и Москве, связанных с открытием искусства народов, развивавшихся вне европейской художественной традиции, для Туркестана стали предлагаться проекты, более адаптированные к местному контексту. В работах русских архитекторов чаще стали использоваться формы и декоративные элементы исламской архитектуры. В туркестанских городах появились архитектурные мотивы Кавказа и Магриба, преломленные сквозь призму творчества русских авторов, воспитанных на композиционных приемах европейской школы. Однако постройки в «мавританском» и иных «восточных» стилях не получили в городах Туркестана такого распространения, как в Закавказье или Крыму, и не привели к развитию национально-романтического направления, наиболее ярко проявившегося в Баку. Местная аристократия в Туркестане фактически была индифферентна к архитектуре и не выражала своих пристрастий в вопросах стиля, когда речь шла о конкретных объектах. Вместе с тем в условиях военно-колониального управления Туркестанским краем Петербург устанавливал строительные нормы и правила, которые не только достаточно жестко регламентировали порядок застройки новых городов, но и содержали указа-

ния относительно образности возводимых зданий, прежде всего церковных. Этому вполне отвечали и чаяния как непосредственных заказчиков, так и простых русских поселенцев. Исследователи русской архитектуры уже обратили внимание на одно ее наглядно выраженное в иноземной среде свойство: это обостренное стремление к сохранению самобытности, узнаваемого стереотипа, верности образцу и – в специфических условиях противостояния и Востоку, и Западу – к некоторой «самоизоляции».

Такое пограничное состояние – между двумя цивилизациями – предмет не только вековых философских споров о том, что есть Россия, но и вполне конкретная историко-культурная проблема, потому что если попытаться дать внятное определение понятию «русский город», основываясь прежде всего на его историзме, то сразу обнаружится, как нелегко это сделать. Этот образ многомерен и обманчив, трудно уловим и непостоянен. Стереотипные представления о городах Киевской Руси, запечатленные в средневековых миниатюрах, помноженные на археологические данные, ясно показывают, какую эволюцию, если не сказать метаморфозы, претерпели даже старые русские города, причем не только по форме, но и по содержанию. «Русский город, заново сложившийся в период монгольского господства, приобретает совершенно новый вид: вид военного поселения, ставки и караван-сарая одновременно. Симулятивный фасад отчасти европейского типа (стены, крепкие дома) скрывает совершенно кочевое по своему типу поселение, не отличающееся по своей сути от монгольских ставок. Такой город находится в ином культурном пространстве по сравнению с пространством самоуправяемого западного города» (см.: *Надточий Э. Развивая Тамерлана // Отечественные записки. 2002. № 6*). И это ключ к пониманию той модели города, которая в итоге прижилась в Средней Азии в результате российского влияния.

Среди многочисленных дефиниций слова «город», а если точнее – «русский город» – есть одно парадоксальное, но вполне мотивированное определение: «...города у нас существуют преимущественно как надписи на картах и строки в статистических сводках. В России не было и нет городов, если под городом понимать прежде всего социальную организованность граждан... То, что здесь привычно именуется городом, не столько сложилось, сколько было выстроено властью в качестве инструмента подавления и удержания под контролем как правило слабозаселенных сельских и природных территорий. Городом именовался единственно кремль, тогда как ни посад, ни тем более слободы и усадьбы, примыкающие к нему и входящие в его “тело”, не было и нет оснований причислять к городу... Полноценному городскому самоуправлению, а вместе с ним и началам городского сознания не находилось места в российском жизнеустройстве ни до реформы 1861 г., ни после нее, ни тем более к концу царствования Александра III, когда круг лиц, имевших избирательные права в 1870 г., сузился втрое. Особенно ярко это видно из того, что и такое убудочное избирательное право домовладельцев при формировании городских дум не использовалось и на треть»¹⁹. В итоге исследователь делает вывод: «Итак, место городов – в североамериканской трактовке этого классического понятия – в России все еще занимают слободы, имеющие одну лишь внешнюю форму города»²⁰. Сказанное в полной мере относится и к русским поселениям в Средней Азии, причем «слободизация», как выражается В.Л. Глазычев, там была проявлена не менее зримо, чем в коренной России.

Например, новый Ашхабад – тот, что вырос рядом с одноименным туркменским поселением, – формировался исключительно по слободскому принципу, причем это были компактные районы не только по профессионально-цеховым признакам (как и средневековые города), отражающим специфику местной промышленности, но и по этническим. До реконструкции старых кварталов в 70-е годы XX в. в Ашхабаде сохранялись районы компактного проживания армян, персов, азербайджанцев, татар, а традиционные русские слободки (такие, как ашхабадская Хитровка) вследствие массового исхода русских в последней четверти минувшего века превратились в преимущественно туркменские районы. Сегодня там осталось только старое христианское кладбище, закрытое после землетрясения 1948 г., с погребениями русских, поляков, грузин, армян и других ашхабадцев конца XIX – первой половины XX в., со всех сторон окруженное новыми домами туркмен. Похожая ситуация существовала в Мары, Самарканде, Ташкенте, Фергане и других бывших русских городах. Конечно, русскими их теперь никак не назовешь, хотя бы в силу перекроенных государственных границ и отсутствия в них прежнего национального состава населения, где доля русских значительно превышала число всех остальных народов, включая представителей так называемых титульных наций.

Но вот что важно: Россия оставила на своих утраченных территориях не столько материальные свидетельства (они-то как раз повсеместно уничтожаются), а те размытые представления о гражданской ответственности, которые стали теперь принадлежностью менталитета казахов, киргизов, таджиков, туркмен, узбеков, прочно усвоивших традиции российской бюрократической системы при полном отсутствии того, что следовало бы называть гражданским инстинктом. Вот это и делает современные среднеазиатские города до мелочей похожими на современные российские: в обоих случаях суть городского образа жизни далека от той идеальной модели, которая издавна и эффективно работает во многих других странах. «Неудивительно, что традиционная технология власти движет властную элиту к подавлению или извращению идеи самоуправления – краеугольного камня проявления гражданского инстинкта»²¹.

Безусловно, российский колониальный опыт в своей онтологической сущности ничем не отличался от того же британского: обе империи генерировали образы своих колоний как некие содержательно «пустые места», «свободные пространства», бесспорно подлежащие адаптации и функциональной, и эстетической. Более того, правы, пожалуй, те исследователи, которые полагают, что русские несли в завоеванные страны не столько свое представление о мире, сколько идеи, заимствованные у Запада, отчасти у тех же англичан. То есть роль России оказывалась посреднической, а не самобытной²². Эта тема достаточно разработана в современных исследованиях имперских географических дискурсов, но почти не затронута в историко-архитектурных работах.

Несмотря на то что все усилия новых жителей были направлены на воспроизводство имманентной модели жилой среды со всей совокупностью характерных знаков, символов и прочих семантических образов русской культуры, результатом этой активности стала вовсе не точная копия родных мест и градостроительных стандартов метрополии. Русские города в Средней Азии оказались в определенной степени детерминированы автохтонной культу-

рой. Они обрели собственный неповторимый облик прежде всего как средовые объекты, ценные как континуум. Вот почему тотальное разрушение этой среды в советский период быстро обесценило ее отдельные сохранившиеся компоненты, будь то заурядный особняк или действительно оригинальное произведение какого-нибудь профессионального архитектора. Впрочем, аналогичная участь постигла и сами «туземные» поселения: все нивелировала новая идеология, сначала коммунистическая, а затем квазинациональная. Советская власть положила конец и двойным городам: европейская и туземная части вступили в активное взаимодействие. Повсеместный снос «трущоб», как называли европейцы традиционную плотную ткань глиняных построек, означал переселение их обитателей в новые «микрорайоны», скроенные по европейским стандартам. Но старые жители перенесли в построенные для них жилища дух сельского быта, что привело к тотальной деградации всей городской культуры, привнесенной европейцами. Это отсутствие навыков жизни в городе для вчерашних номадов простительно и объяснимо: когда плотность населения, как в современном Казахстане, составляет 6 человек на один квадратный километр, «наличия городской культуры, как понимают ее европейцы, ожидать не приходится»²³.

И все-таки важнейшие элементы русской культуры, за исключением религии, не только сохранились, но и получили интенсивное развитие в СССР. Российская/европейская парадигма вовсе не была отброшена в процессе деколонизации, а стала органическим элементом мышления и градостроительной практики и в новых независимых государствах. Это касается прежде всего репрезентаций власти в каждой из новых столиц, чьи архитектурные образы начала XXI в. объединил ориентализм – сугубо европейский миф о сказочном, никогда не существовавшем Востоке, обильно украшенном арабскими и персидскими мотивами. Осознанно или нет, но в этом проявляется стремление восстановить связь с собственным историко-культурным наследием, столь важным для сохранения национальной идентичности. Современная Центральная Азия стала импортером архитектурных проектов из Турции, Италии, Франции, Саудовской Аравии, Китая, Японии и других стран. Их авторы пытаются дать ответ на невнятные ожидания заказчиков – местных суверенов, стремящихся всеми средствами подтвердить свою легитимность.

Наконец, во всем регионе существует серьезная проблема сохранности исторических сооружений. Охрана памятников старины в Средней Азии – это явление, целиком и полностью связанное с русской колонизацией. Оно является одним из тех новшеств, которые вошли в жизнь этого региона во второй половине XIX в. и получило развитие в XX в. в ходе его советской модернизации. Сама концепция памятника как представляющего общественную ценность охраняемого сооружения – объекта специальных исследований и реставрации – сложилась в европейской культуре только в XVIII в. и связана с широким развитием естествознания. Именно тогда впервые были предприняты попытки применить разработанные в физике, химии, биологии принципы научной систематизации на гуманитарные науки, в том числе на историю, в частности историю искусств. Но мусульманский мир оставался вне этих ментальных движений – древние постройки, утратившие свою функциональную роль, ничего не значили и были обречены на уничтожение. Бережно сохранялись только имевшие сакральный статус объекты мемориального характера. Однако и они не были в массовом сознании (и не явля-

ются до сих пор) носителями специфической культурной ценности как произведения искусства прошлых веков. Поэтому считалось, что их можно – и даже нужно – не просто ремонтировать, подновлять и достраивать по своим представлениям и возможностям, но вполне допускается и полностью снести (в случае их ветхости) и заменить современной постройкой, которая, впрочем, сразу обретает ту же степень святости, что и прежняя.

И хотя официальная политика в нынешних государствах региона, как правило, придерживается международных норм в области охраны и реставрации, выработанных на основе так называемых западных стандартов, она не способна поколебать традиционное мировоззрение мусульман. Истоки этого мировоззрения в средневековой эсхатологии, т.е. в сугубо религиозном понимании учения о развитии мира от сотворения человека до конца света, что само по себе исключает ощущение историчности, эволюционного общественного развития, свойственного атеизму. Не случайно распространение научных знаний, включая искусствоведческие и, как следствие, рост интереса к древним сооружениям, их руинам, развитие археологии и истории архитектуры – все это прямо пропорционально секуляризации стран и народов, которые в ходе новейшей истории стали мировыми лидерами.

Нет ничего парадоксального в том, что выходцы из православной России стали первыми, кто пытался наладить охрану, изучение и реставрацию памятников исламской архитектуры. Религия здесь, конечно, уже не при чем – это были люди как раз не религиозные, сформировавшиеся в пору того духовного кризиса, который охватил Россию во второй половине XIX в. и подготовил почву для русской революции и превращения православной империи в атеистическое государство. Они работали прежде всего в наиболее старых городах с высокой концентрацией исторических объектов, таких, как Мерв, Бухара, Самарканд, Ташкент, Термез и т.д. Однако, несмотря на многочисленные призывы русских археологов и востоковедов принять меры «к поддержанию и охранению от разорения и расхищения памятников и предметов древности в крае», несмотря на создание обществ и кружков любителей археологии, несмотря на охранительные распоряжения колониальных властей, ничто не предотвратило многочисленные случаи частичного и даже полного уничтожения средневековых памятников из жженого кирпича, который употреблялся для вторичного использования при строительстве европейских кварталов многих среднеазиатских городов. Например, сфотографированные профессором Петербургского университета В.А. Жуковским в 1890 г. в Старом Мерве здания мечети Шахруха и медресе Алишера Навои, а также многие другие постройки тимуридского времени, включая фортификацию этого города, в начале XX в. были полностью разобраны для нужд нового строительства, и теперь только его фотографии позволяют составить представление о них. Такая практика продолжалась и в советский период без каких-либо протестных акций со стороны местных жителей.

* * *

Итак, в ходе столетней трансформации культурного ландшафта Средней Азии бывшие русские города, даже изменив свой политический статус и утратив прежний этнокультурный баланс, а зачастую и сами исторические названия, продолжают развиваться по тем же векторам, которые были заданы в самом начале тотальной модернизации этого региона. Европейская при-

вивка оказалась весьма своевременной – она избавила автохтонов от участи соседнего Афганистана и помогла вчерашним рабовладельцам и рабам, опутанным прочными сетями родо-племенных отношений, менее болезненно интегрироваться в новый миропорядок. Правда, эта «инъекция» содержала в себе и вирусы, которые прочно удерживают основную часть населения в состоянии маргинальной бедности и бесправия.

¹ В его знаменитой «Балладе о Востоке и Западе» после утверждения «Запад есть Запад, Восток есть Восток» прямо сказано: «Но нет Востока, и Запада нет», т.е. достаточно только изменить точку зрения.

² *Said E. Orientalism. Western Conceptions of the Orient. N.Y., 1978.*

³ *Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. М., 1989. С. 133.*

⁴ *Костенко Л. Туркестанские войска и условия их бытовой, походной и боевой жизни // Военный сборник 1875 года. № 4. С. 76.*

⁵ *Central Asia: 130 Years of Russian Dominance. A Historical Overview / Ed. E. Allworth. L., 1994. P. 485.*

⁶ *Семенов Н.Н. Особенности планировки городов Узбекистана // Проблемы архитектуры: Сб. материалов. М., 1937. Т. II, кн. 1. С. 228.*

⁷ См., например, специальный номер журнала «Отечественные записки» (2002, № 6), а также некоторые из появившихся следом работ, связанных с интерпретацией культурного смысла пространства: *Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. М., 2003. С. 230–270; Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 277–305; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.*

⁸ Выявление специфики русской/европейской культуры в Средней Азии на основе анализа отдельных артефактов представлено, в частности, в следующих публикациях: *Янов-Яновская Н.С. Русская музыка в Узбекистане: опыт постановки проблемы // Культурные ценности. Международный ежегодник 2000–2001. СПб., 2002. С. 112–124; Мойзер Ф. Строить свое «Я»: в поисках идентичности // Проект Россия. 2003. № 4(30). С. 26–40; Мурадов Р. Метафоры президентского стиля // Курак. Центральноеазиатский альманах: искусство и общество. Бишкек, 2007. № 2(8). С. 38–48; Чухович Б.Л. Памятник независимости. Мифология сферы и дискурсы власти // Неприкосновенный запас. 2009. № 4(66). С. 191–213.*

⁹ См.: *Чабров Г.Н. Русские архитекторы дореволюционного Туркестана // Архитектурное наследие Узбекистан. Ташкент, 1960; Воронина В.Л. Деятельность русских градостроителей в Туркестане во второй половине XIX века // Архитектурное наследство. М., 1977. Вып. 25. Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана. Ташкент, 1988; Хаджиева О. Архитектура Ашгабата. Ашгабат, 1995; Юсупова М. Полвека трансформации архитектуры Узбекистана (На примере «новых городов» Ферганской долины конца XIX – начала XX в.). Ташкент, 2005.*

¹⁰ *Architecture of the British Empire / Ed. R. Fernor-Hesketh. L., 1986.*

¹¹ *Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. М., 1995. Т. 14. С. 510.*

¹² *Ремнев А., Суворова Н. «Русское дело» на азиатских окраинах // Изобретение империи: языки и практики. М., 2011. С. 206.*

¹³ См. его статью-манифест 1990 г. «Как нам обустроить Россию».

¹⁴ *Лолаева С., Рябов А. Средняя Азия в русском и российском восприятии // Неприкосновенный запас. 2009. № 4(66). С. 167.*

¹⁵ Цит. по кн.: *Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 327–328.*

¹⁶ *Ян В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1989. Т. 4. С. 493.*

¹⁷ *Устав Строительный. СПб., 1900. Т. X, ч. 1. Ст. 140.*

¹⁸ *Обзор Закаспийской области за 1897 г. Асхабад, 1898. С. 100.*

¹⁹ *Глазничев В.Л. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1985. 137–144.*

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² *Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры. М., 1995. Вып. 2. С. 270.*

²³ *Мойзер Ф. Указ. соч. С. 27.*

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ УКРАИНЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Радикальные перемены в социально-экономической, политической и этноязыковой жизни населения бывшего СССР после его распада заметно пошатнули позиции русских в бывших союзных республиках за пределами России. В этом были «виноваты» два основных фактора – изменение этнополитической ситуации в странах нового зарубежья, усиление в них роли титульных этносов, их языка и культуры и экономический кризис, который в наибольшей мере ранил те сферы экономики, где были преимущественно заняты русские (высокотехнологичные отрасли тяжелой индустрии).

На Украине ситуация была сравнительно благополучной. Значительная культурная общность украинского и русского народов, вековая совместная трудовая деятельность, сохранение во многих районах Украины русского языка в сфере общения способствовали тому, что русские Украины, в отличие от русских многих других стран нового зарубежья, не почувствовали себя здесь людьми второго сорта, для которых стал закрытым доступ в элитные слои, социально-продвинутые группы. Более сильной на фоне других стран СНГ выглядела и экономика Украины.

Но и в этих условиях проблемы русских, их социального статуса, образования и культурного развития и трудоустройства периодически заявляли о себе с той или иной остротой¹. И на Украине шел процесс ослабления роли русского языка и культуры, сужалось поле деятельности русскоязычных специалистов, немало представителей русского населения потеряли работу и вынуждены были осваивать новые трудовые ниши. Соответственно выросла актуальность проблем выбора своего будущего местной русской молодежью, в том числе вопросов о том, готова ли она пополнить трудовые ресурсы республики или ее интересы больше устремлены в сторону других стран, в том числе России, политика которой по привлечению соотечественников, особенно молодых, в экономику страны реализуется все более активно. Несмотря на заметное снижение численности русских на Украине, они остаются здесь одной из самых многочисленных диаспор в СНГ, занимая второе место после Казахстана и насчитывая в самой Украине более 17% населения по переписи 2001 г.²

В настоящей статье делается попытка на базе материалов этносоциологического исследования русской молодежи Киева (начало первого десятилетия нового века) показать социальные устремления русских юношей и девушек, их профессионально-отраслевые ориентации, представления о равенстве (неравенстве) возможностей своего социального роста в этой республике и путях его осуществления³. Для выяснения особенностей социальных планов русской молодежи Украины материалы исследования в Киеве сравнивались с материалами аналогичных опросов в Кишиневе (Молдова) и Бишкеке (Кыргызстан).

Прежде всего хотелось бы отметить, что в течение многих десятилетий на Украине, как и в большинстве бывших союзных республик, социальный

статус русских был сравнительно высоким. В то же время Украина принадлежала к тем республикам, где особенности трудовой занятости и социального положения украинского и русского населения были выражены в наименьшей степени. Однако и здесь, как и в других республиках, русские отличались более весомой долей горожан и, соответственно, более широким спектром занятий в «городских» отраслях хозяйства. Они опережали украинцев по уровню образовательной и профессиональной подготовки, по доли интеллигенции, относительной массовости работников отраслей тяжелой индустрии и т.п. Согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в городском населении русские составляли 28,6%, в то же время среди всей республиканской интеллигенции – 31%, в том числе среди управленческой – 29,4%, производственной – 33%, научной – 38%⁴.

Сравнительно высокий социальный и имущественный статус родительских семей на фоне доминирования русского языка в сфере труда и образования создавали весьма благоприятные условия для осуществления трудовой карьеры русских юношей и девушек, формирования у них повышенных социальных запросов и ожиданий. Русская молодежь активно пополняла аудиторию вузов и техникумов, а затем и ряды республиканской интеллигенции.

После распада Союза многие представители местного русского населения испытали тяжелый психологический шок. Изменения в этнокультурном и языковом пространстве Украины многими еще долго воспринимались достаточно болезненно. Тем не менее за прошедшие 20 лет большинство русских сумели в той или иной мере адаптироваться к новым условиям жизни, в особенности русская молодежь. Согласно данным опроса, к середине первого десятилетия нового века уже мало кого из молодых людей волновали вопросы этнического неравенства в сфере труда и образования. Так, например, о фактах ущемления здесь своих прав, интересов и достоинства в связи с этнической принадлежностью говорили всего 13% русских. По мнению 74% работающих русских юношей и девушек, их национальность никак не влияла на их служебный рост, всего лишь 2% из них считали, что она затрудняла продвижение по службе (остальные затруднились ответить). Среди причин возможного увольнения с работы буквально единицы назвали плохое знание украинского языка и этническую принадлежность. Менее 10% русских юношей и девушек высказали опасения, что их национальность может помешать им поступлению в вузы Украины.

В этом отношении Украина заметно выделялась среди многих других стран постсоветского пространства. Так, например, в Кишиневе почти треть русской молодежи придерживалась мнения, что этнический фактор негативно скажется (или уже сказался) при поступлении русских в вузы и колледжи Молдовы, 27% работающей молодежи жаловалось на затруднения в продвижении по службе из-за своей национальности или незнания государственного языка. В Бишкеке ситуация была несколько благополучнее, но все же отличалась от киевской – здесь 18% русских юношей и девушек говорили о сложностях при поступлении в вузы в связи со своей национальностью и 23% – о проблемах в карьерном росте.

В то же время нельзя сказать, что этноязыковые проблемы на Украине полностью утратили свою актуальность. Так, например, более 20% молодых респондентов сообщили о том, что бывали случаи, когда они испытывали

неприязненное отношение к себе со стороны украинцев, но это случалось преимущественно в бытовой сфере.

Гораздо более негативное влияние на положение русской молодежи Украины оказывал социально-экономический фактор. В результате свертывания промышленности, сокращения предприятий тяжелой индустрии, ВПК, многих организаций бюджетной сферы (где сосредотачивалась значительная часть русских) при одновременном всплеске деятельности в торгово-посреднической и финансовой областях (где в прошлом русских было относительно немного) вопросы трудоустройства и служебного продвижения для русской молодежи становились все более злободневными.

Тем не менее итоги проведенного нами исследования показали, что социальные запросы русской молодежи Украины оказались весьма высокими, для нее была характерной массовая ориентация на высшее образование и соответствующие ему должности в сфере высококвалифицированного умственного труда. Подавляющее большинство школьников старших классов (88%) хотели бы получить высшее образование. Прочие варианты занятий после окончания школы – поступление в ПТУ, средние специальные учебные заведения, устройство на работу, имели крайне мало сторонников. При сравнении этих данных с материалами, полученными в других республиках, можно отметить более массовые ориентации русской молодежи Украины на вузовское обучение, нежели русских Молдавии и Киргизии. В Кишиневе только 68% русских школьников высказали желание поступить в высшие учебные заведения, в Бишкеке – 81%. Подобные региональные особенности свидетельствовали, на наш взгляд, отнюдь не о недостаточно развитых запросах русской молодежи этих республик, а, скорее, о более серьезных затруднениях в социальном росте русского населения Кыргызстана и особенно Молдовы в сравнении с Украиной.

Русская молодежь Киева говорила о значимости получения высшего образования не только для себя лично, но и для своих сверстников, для всего нынешнего поколения молодых людей. Представлений о том, что в нынешних условиях можно преуспеть и без высшего образования, придерживалось всего 6% школьников, 9% студентов и 19% работающих. Вполне понятно, что работающие, среди которых были и люди, уже достаточно хорошо сумевшие устроиться в жизни, не имея высшего образования, и те, кому пришлось убедиться, что далеко не все профессии дипломированных специалистов остаются в настоящее время востребованными и высокооплачиваемыми, оценивали роль образования критичнее.

По мнению многих русских юношей и девушек, в современный период образование необходимо прежде всего как средство приобретения профессиональных знаний, требуемых для получения работы и заработка. Подобное несколько утилитарное отношение к образованию у молодых людей довольно быстро и четко сформировалось под влиянием новых жизненных реалий. Так, почти половина русских киевлян (42% работающих, 46% школьников и 57% студентов) считали, что высшее образование необходимо современной молодежи для овладения профессией, специальностью. Ценность образования как самостоятельного социального феномена, имеющего социокультурную, личностную и статусную привлекательность, в наш прагматичный век отступила на второй план. Показательно, что в этом отношении материалы

нашего опроса совпали с данными исследований в других регионах, в том числе в России⁵.

И все же для многих молодых людей (около трети) получение высшего образования было необходимо не только для приобретения специальности, но и для повышения культурного уровня. Показательно и перспективно, что такой точки зрения в большей мере придерживались школьники (37%), т.е. самая младшая категория респондентов, ценностные установки которых формировались уже преимущественно в постсоветский период. Тот факт, что русская молодежь, живущая в инонациональном окружении, нуждается в получении высшего образования как в средстве, не только позволяющем ей овладеть определенной профессией, занять более или менее высокое социальное положение, получить соответствующий заработок, но и повысить культурный уровень, приобщиться к ценностям мировой цивилизации, имеет принципиально важное значение. Можно сказать, что для многих русских юношей и девушек вопрос физического выживания в новых условиях, еще совсем недавно занимавший основное внимание большинства населения, стал постепенно вытесняться иными интересами и потребностями.

Об этом говорит и рост запросов молодых людей к качеству преподавания. Так, для значительной массы респондентов идеальным местом для получения высшего образования выступали учебные заведения стран дальнего зарубежья. На продолжение учебы в них ориентировалось около 30% школьников и более 40% студентов. Второе место занимал Киев (29–35% выборов), сохраняющий за собой роль важнейшего образовательного центра, третье место отводилось Москве (12–15%). Несколько иное распределение ответов наблюдалось у русской молодежи Кишинева и Бишкека, для которой основным культурным ориентиром продолжала оставаться Москва. Подобные региональные различия объяснялись не только неодинаковыми представлениями русских, живущих в разных республиках, об уровне образовательной подготовки в тех или иных городах и странах, но и большей «европеизацией» русского населения Украины. Кроме того, «перевод стрелок» с России на страны Европы был связан и со смещением приоритетов у украинцев, в том числе украинской молодежи.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что формированию массовых ориентаций молодых людей русской национальности, живущих на Украине, на высокий образовательный уровень во многом способствовало отсутствие в этой республике явных ущемлений интересов нетитульного населения в сфере труда и образования, широкими процессами демократизации. Подобная обстановка благоприятствовала и росту у местных русских юношей и девушек довольно претенциозных социальных запросов.

Большинство представителей русской молодежи, как было видно, хотели бы получить высшее образование прежде всего для того, чтобы занять соответствующие ему должности и посты. Молодых людей, которые бы не стремились к социальному росту, оказалось сравнительно мало – всего 2% среди школьников, 3% среди студентов, 7% среди работающих (табл. 1). Важно отметить, что и «иждивенцев», не желающих работать, но при этом жить обеспеченно, нашлось в среднем лишь чуть более 12%.

Основная часть русской молодежи (более 70%) собиралась связать свою трудовую судьбу с интеллектуальной сферой деятельности, что не слишком увязывалось с реальными запросами трудового рынка. Так, среди наших ра-

Таблица 1

Социально-профессиональные ориентации русской молодежи, %
(по материалам исследования 2005 г.)

Варианты ответов	Школьники	Студенты	Работающие
1. Хотят стать руководителями в сфере государственного управления самого высокого уровня (министром, президентом)	12	16	12
2. Хотят стать руководителями, владельцами крупного предприятия, учреждения	46	32	27
3. Хотят стать руководителями, владельцами малого предприятия (магазина, кафе и т.п.)	16	13	24
4. Хотят стать высококвалифицированными специалистами	43	49	26
5. Хотят получить ученую степень, стать профессорами, академиками	10	17	7
6. Хотят разбогатеть и не работать	16	13	8
7. Не хотят занимать никаких высоких должностей и званий, готовы стать простыми служащими, рабочими	2	3	7
8. Затруднились ответить	7	4	7
Итого не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.			

ботающих респондентов 26% были заняты профессиями физического труда, отдали же им предпочтение менее 5%. Исследования прошлых лет показали, что и в советский период (70–80-е годы) процент желающих попасть в высшие социальные слои общества был намного выше потребностей в такого рода работах⁶.

Но особенностью нашего времени стало стремление русской молодежи к занятию руководящих должностей, стать руководителями стремилась столь же солидная доля молодых людей (свыше 40%), что и специалистами. Для представителей молодого поколения подобные социальные ожидания не могут не показаться несколько амбициозными и завышенными, тем более, что речь идет о молодежи не титульной национальности.

По сравнению с русскими юношами и девушками Кишинева и Бишкека, русская молодежь Киева чаще претендовала на занятие руководящих постов, в том числе в государственной сфере. Так, если среди киевской молодежи получить портфель руководителя (любого ранга) мечтали 43%, а руководителями государства хотели бы стать в среднем 13%, то в Бишкеке соответственно 37% и 8%, а в Кишиневе – 31% и 6%.

Весьма широкий интерес к работе государственных чиновников проявила студенческая молодежь. 16% русских студентов Киева были согласны взять на себя бразды государственного правления. С одной стороны, массовая ориентация на руководящие должности служит свидетельством активной жизненной позиции молодого поколения русских Украины, их ориентаций на адаптацию в местную среду, причем в высокостатусных ролях, но, с другой, – вряд ли это может соответствовать запросам самой Украины.

Несмотря на то что в последнее время материальное положение многих работников интеллектуальных профессий существенно снизилось, русская молодежь продолжала, как уже отмечалось, стремиться стать специалистами. По числу выборов высококвалифицированные специалисты стояли на втором месте у школьников и работающих и на первом, что вполне понятно, – у студентов. Студенты несколько чаще отдавали предпочтение и научной деятельности. Правда, престиж научного работника из-за низких заработков в настоящее время значительно пошатнулся. Тем не менее почти каждый десятый школьник и каждый шестой студент был не прочь посвятить себя научным изысканиям с тем, чтобы достичь на этом поприще заметных результатов.

Отражением новой реальности стало массовое желание русских юношей и девушек работать в рыночных структурах. Предприятия негосударственной формы собственности пользовались популярностью более чем у 80% респондентов. Показательно, что трудиться здесь молодые люди собирались не в роли простых наемных работников, а в качестве директоров или управляющих, многие хотели бы стать владельцами таких предприятий. Среди претендующих на должности руководителей в частной сфере более половины отдали предпочтение крупным и средним предприятиям. Владение малыми предприятиями казалось русской молодежи менее престижным, тем не менее, например, среди работающих юношей и девушек свыше пятой части были не прочь поучаствовать в малом бизнесе, приобрести свой магазин, ремонтную мастерскую, кафе и т.п.

Вполне понятно, что в столице Украины, где экономические реформы идут достаточно интенсивно и где имеются широкие возможности воспользоваться плодами рыночной экономики, в том числе основать свое дело, приобрести собственность, социальные ориентации местной молодежи выглядели вполне «рыночными». Нельзя не отметить и то обстоятельство, что в негосударственной сфере влияние этноязыковой политики властей ощущалось слабее, и русские юноши и девушки, в том числе слабо знающие государственный язык, имели здесь больше шансов достичь сравнительно высокого положения, желаемого материального благосостояния. Об этом свидетельствует и солидная доля ориентирующихся на рыночные структуры среди русских Кишинева и Бишкека.

Однако столь массовое стремление русской молодежи занять руководящие посты в частной сфере не вполне соответствует реальной ситуации в экономике, ее потребностям в такого рода деятелях. Неудивительно, что в составе работающей молодежи доля тех, кто ориентировался на высокие должности в сфере крупного и среднего бизнеса, была ниже, чем среди студентов и особенно школьников, более далеких от реальной жизни. В действительности (по данным опроса) подобной работой среди респондентов было занято лишь несколько процентов. Если же обратиться к статистике, то можно заметить, что во второй половине первого десятилетия нового века на Украине доля людей, работающих не по найму (включая всех предпринимателей, в том числе занятых индивидуально-трудоустроенной деятельностью), не превышала 20%⁷.

При довольно высоких социальных запросах всей русской молодежи особенно завышенными социальными притязаниями отличались школьники, которые к тому же проявляли массовые ориентации на частную сферу де-

тельности. Вполне понятно, что социальные ожидания школьников в связи с их возрастом и отсутствием должного жизненного опыта не могли не быть наиболее претенциозными. Но и русские студенты в основном не отставали от школьников по «продвинутости» своих социальных планов. Однако они несколько реже связывали свое будущее с бизнесом. Сравнительно скромнее выглядели запросы группы работающей молодежи. В их составе была относительно выше и доля тех, кто вообще не хотел никаких высоких должностей и званий, что вполне объяснимо. Показательно в этом отношении то, что при довольно массовых ориентациях работающей молодежи на частный сектор среди нее оказалось больше людей, чем среди студентов и особенно школьников, готовых работать в нем в качестве простого наемного работника.

Следует, однако, сказать, что социальные планы и работающих юношей и девушек выглядели не слишком реалистичными. Некоторая идеализация своего будущего, свойственная русской молодежи Киева, с одной стороны, свидетельствовала о вполне благоприятных условиях, в которых проходило формирование социальных запросов и трудовых ориентаций ее представителей. Но, с другой, – о недостаточной подготовленности потенциальных трудовых кадров к реальной ситуации на трудовом рынке, к тем будущим социальным ролям, которые отвечали бы социально-экономическим потребностям страны.

Весьма четко это было заметно при сравнении предпочтений русских юношей и девушек работы в тех или иных хозяйственных отраслях с отраслевым составом работающей молодежи (по данным опроса) и всего занятого населения республики (по данным статистики). Интересы молодых людей сосредотачивались на отраслях, где использовался преимущественно умственный труд, престижных и высокооплачиваемых. Лидировали профессии экономистов, юристов, работников банковской сферы, международных отношений. Остались популярными отрасли образования, медицины, науки, культуры, юриспруденции, к которым добавились финансы и недвижимость. Конечно, важно, что популярные в 1990-е годы валютные проститутки и рэкетеры практически перестали упоминаться, однако престиж инженера, квалифицированного рабочего по-прежнему был низким.

Важно, что русская молодежь отказалась от традиционных индустриальных занятий своих отцов и дедов (табл. 2). Вполне понятно, что пришедшие в упадок в период экономического кризиса индустриальные отрасли были не слишком интересны современной молодежи, хотя потребность в индустриальных кадрах с ростом экономики стала повышаться. По данным статистики во второй половине первого десятилетия 2000-х годов на Украине возросла численность работников металлургического производства, пищевой и деревообрабатывающей промышленности. Всего в индустриальной сфере было задействовано около трети занятого населения республики⁸. Согласно же опросу, хотели бы работать в ней менее 10% русских юношей и девушек.

Показательно, что не слишком привлекали молодых людей и активно развивающиеся в нынешнее время отрасли торговли и обслуживания, в которых фактически была занята довольно весомая часть русской молодежи, а в целом по республике (по данным 2006 г.) – более пятой части работающих⁹. Особенно далеки были от этих сфер деятельности предпочтения школьников и студентов.

Обращает на себя внимание довольно активное стремление студентов на работу в управлении, что совпадает с желаниями многих представителей

Таблица 2

Представления молодежи о привлекательности работы в тех или иных отраслях хозяйства и реальная занятость в них работающих, %
(по материалам опроса 2005 г.)

Отрасли хозяйства	Предпочтения				Реальная занятость
	школьники	студенты	работающие	в среднем	
Промышленность, строительство, транспорт, связь	5	10	12	8	21
Торговля, обслуживание, посредничество	10	8	21	13	32
Медицина, образование, наука, культура, юриспруденция	32	35	25	30	26
Финансово-кредитная сфера	21	9	20	16	2
Управление	12	27	8	15	1
Милиция, армия	4	1	2	2	9
Другие отрасли	4	1	4	7	4
Затруднились ответить	12	9	8	9	5
Итого	100	100	100	100	100

русской студенческой молодежи влиться в отряд чиновников, пополнить различные министерства и ведомства. Но эти желания, как уже отмечалось, были довольно далеки от реальности. Так, в 2006 г. в сфере государственного управления и обороны, а также обязательного социального страхования (по данным статистики) трудилось всего 5% занятого населения Украины.

Наименее скорректированными с экономическими запросами времени были отраслевые ориентации студентов и особенно школьников. Но и у представителей работающей молодежи в ряде случаев идеалы существенно расходились с действительностью. Например, доля молодых людей в составе работающих, которые хотели бы стать финансистами или управленцами, во много раз превышала долю реально занятых этими профессиями.

Мечтать о будущем, строить различные жизненные планы свойственно большинству молодежи. Но далеко не все были уверены в том, что они смогут осуществить намеченное. Результаты исследования показали, что во всех группах русской молодежи перевешивала доля тех, кто еще не мог с полной уверенностью утверждать, что сумеет претворить свои планы в жизнь, так ответило более половины респондентов. В то же время и доля оптимистов среди русских юношей и девушек Киева оказалось весьма внушительной, в том числе в сравнении с русскими, живущими в Кишиневе и Бишкеке. В Кишиневе, например, полностью уверенными в осуществлении своих планов было всего 9%, в Бишкеке – 20%, в то время как в Киеве – 29% респондентов. Русская столичная молодежь Молдовы и Кыргызстана чаще русских Украины высказывала опасения в невозможности реализации намеченных планов – 14–16% против 7%.

Отличия состояли и в том, что в Киеве на позитивные результаты ориентировались представители всех исследуемых групп практически в равной

мере. В Кишиневе и Бишкеке особый оптимизм был свойственен лишь самой младшей возрастной группе – школьникам. Студенты и особенно работающая молодежь проявили большую сдержанность в оценке шансов реализации своих планов.

Весьма показательны, что молодежь, выросшая в условиях новой социально-экономической системы, в своем большинстве была ориентирована на достижение своих планов только собственными силами. Ответ, что осуществление их социальных замыслов зависит только от них самих, был получен от 52% школьников, 35% студентов и 39% работающих. Эти данные свидетельствуют о том, что у современной молодежи, хотя еще и не у всей, уже сформировались установки на собственную предприимчивость, ответственность за реализацию своих целей, нежели на патернализм семьи, государства, общества.

Опирается только на собственные силы при претворении в жизнь намеченных планов в наибольшей мере оказалось свойственно школьникам, т.е. младшей возрастной группе. В то же время еще довольно значительная часть студенческой и работающей молодежи ставила возможность осуществления намеченного в зависимость от внешних факторов, условий жизни (36% студентов и 49% работающих против 22% среди школьников). Возможно, в этом проявился еще слабый жизненный опыт школьной молодежи, определенная бравада, максимализм, свойственные подросткам. Тем не менее нельзя не заметить, что влияние на молодых людей индивидуалистическо-достижительной системы ценностей, западного образа жизни с каждым годом усиливается. Лишь 13% школьников, 15% студентов и 7% работающих ожидали помощи в реализации своих жизненных планов от родственников и близких.

Какими же средствами и методами русская молодежь собиралась добиться успеха? Довольно солидная часть русских юношей и девушек (более 40%) были готовы для этого много и упорно работать, совершенствовать свои профессиональные навыки и образование (табл. 3). Следует подчеркнуть, что в этом отношении мнения молодежи из разных республик в целом совпали, что достаточно важно. Однако и в Киеве, и в Кишиневе, и в Бишкеке подобная модель поведения была выбрана далеко не всеми респондентами, хотя, отвечая на данный вопрос, молодые люди могли отметить несколько вариантов ответа. Наибольшая доля приверженцев «трудовой модели» оказалась среди студентов и работающей молодежи, в то время как школьники чаще выбирали ответ «для достижения моих планов любые средства хороши» (43% школьников против 11% студентов и 22% работающих). В этом, скорее всего, сказались не только неопытность и бравада подростков, но и более выраженная перестройка их сознания под влиянием новых реалий, новой системы ценностей. Среди школьников была и несколько выше доля тех, кто высказал готовность для достижения собственных целей нарушить закон и нормы морали, воспользоваться недозволенными методами и т.п., хотя в целом подобные меры приветствовались немногими, что было характерно и для русской молодежи Молдовы и Кыргызстана.

Интересно, что и в Киеве, и в Кишиневе, и в Бишкеке сравнительно больше людей, согласных с целью осуществления намеченных целей вступить в брак по расчету, оказалось среди студентов – в Киеве и Бишкеке – 11%, а в Кишиневе – 16%.

Русская молодежь Украины высказала более массовую готовность, нежели молодежь Молдовы и Кыргызстана, интегрироваться в культуру титуль-

Таблица 3

Представления молодежи о средствах для достижения социальных планов, %
(по материалам опроса 2005 г.)

Варианты ответов	Школьники	Студенты	Работающие
1. Много и усердно работать	33	41	43
2. Постоянно повышать квалификацию, образование	36	57	45
3. Улучшать знание украинского языка и культуры	26	21	18
4. Уехать из Украины	15	20	14
5. Сменить национальность	3	5	1
6. Преступить закон, нарушить нормы морали, искать поддержку в криминальных кругах и т.п.	16	11	9
7. Вступить в брак по расчету	5	11	6
8. Любые средства хороши	43	11	22
9. Другой вариант	1	3	9
10. Затруднились ответить	13	8	6
Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос.			

ного народа. Особенно часто на это соглашались школьники, многие из которых учились в украинских школах. Украинский народ и его культура давно уже стали своими и для немалой части взрослого русского населения. При отсутствии особых ограничений по этноязыковому признаку в сфере труда и образования в республике скорее всего именно близость украинцев и русских способствовала тому, что более пятой части местной русской молодежи не видела своей успешной жизни в Украине без глубокого «включения» в украинский язык и культуру. В Кишиневе даже в условиях жесткой этноязыковой политики на это были готовы только 15% русских юношей и девушек, а в Бишкеке – лишь 4%. В то же время о возможной смене национальности задумывались очень немногие.

Вполне понятно, что на отъезд из республики представители русской молодежи Украины были ориентированы в гораздо меньшей степени, нежели русские юноши и девушки Молдовы и Кыргызстана – соответственно 16% против 27% и 25%. Особенно массовые «чемоданные» настроения были свойственны студентам (20%). Среди потенциальных мигрантов большинство стремилось уехать в страны Европы и гораздо меньшая часть в Россию. В то же время довольно весомая доля молодых людей хотела бы какое-то время поработать за пределами Украины – от 24% среди работающих и 37% среди школьников, до 46% среди студентов, что в нынешних социально-экономических условиях Украины можно считать вполне обоснованным решением. По данным 2006 г. среди безработных республики 38% составляла молодежь до 35 лет¹⁰. И в этом случае именно Россия довольно часто выступала принимающей стороной.

Можно сказать, таким образом, что современная русская молодежь Украины отличается сравнительно высокими социальными запросами и

ожиданиями. В основном это обусловлено как прошлыми весьма солидными социально-экономическими позициями русских в этой республике, так и сравнительно благоприятными этнополитическими условиями в ней в новое время, той атмосферой демократизации, в которой идет социализация русских юношей и девушек. Правда, ситуация в экономике служит существенным тормозом в реализации молодежью своих планов. Потребности трудового рынка далеко отстают от притязаний молодых людей, и вряд ли многие из них сумеют осуществить задуманное. Однако для части русской молодежи занять высокие социальные позиции в этой республике (в отличие, например, от Молдовы) вполне реально. Если человек знает государственный язык, в той или иной мере включен в местную культуру, озабочен государственными интересами, то его этническая принадлежность не играет особой роли.

В настоящее же время, когда у власти стоят более пророссийски настроенные политики, шансы социального роста русских возрастают. Тем более, что сами русские юноши и девушки представляют собой контингент, достаточно важный для экономики страны. Многие молодые люди успешно вписались в новые реалии, сориентировались на работу в рыночных структурах, в новые, не традиционные для русских, виды деятельности, ушли от иждивенческих настроений и т.п. Важно, что, воспринимая новое, русская молодежь пока еще сохранила и часть тех позитивных черт, которые были присущи ее отцам и дедам, – представление о значимости образования как социально-культурной ценности, о том, что для достижения успеха в жизни необходимо прежде всего хорошо и упорно трудиться, открытость для сотрудничества с представителями других народов и т.п.

Можно предположить, что русская молодежь Украины даст пример той третьей модели адаптации русских в иноэтничной среде, о которой писал В.А. Тишков в статье «Русский мир»: «Распад СССР дал им (русским. – Л.О.) три варианта жизненной стратегии: ассимиляция в титульную культуру и язык, отъезд в Россию и отстаивание равного статуса в новом сообществе. К великому сожалению, большинство специалистов и политиков рассматривали только первые два варианта – самые неестественные с точки зрения рациональных человеческих выборов и самые труднореализуемые»¹¹.

¹ Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия. М., 2007.

² Содружество Независимых Государств в 2009 г.: Статистический сборник. М., 2010. С. 186.

³ Опрос проводился в 2005–2006 гг. среди русских жителей Киева, Кишинева и Бишкека в возрасте от 16 до 30 лет по категориям: школьники старших классов, студенты старших курсов дневных отделений вузов, работающая молодежь. Объем выборки по каждому городу составил более 300 человек.

⁴ Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 100, 102, 106.

⁵ Молодежь 97: надежды и разочарования. М., 1997. С. 26; *Субботина И.А.* Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. М., 1998. С. 104.

⁶ *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 236.

⁷ Содружество Независимых Государств в 2009 г. С. 199.

⁸ Рынок труда в странах Содружества Независимых Государств. М., 2007. С. 330, 332.

⁹ Там же. С. 330.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ *Тишков В.А.* Русский мир // Стратегии России, июль 2007 (.doc 52 Кб). <http://Valeritishkov.ru/enqine/documents/document817.doc>. С. 7.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕССА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

Исследование деятельности средств массовой информации (СМИ) по освещению этничности и межэтнических отношений – одно из важных направлений российской этносоциологии и политологии. Но в данной работе я обращаюсь лишь к одному из ее аспектов – к деятельности этнических СМИ, играющих в последние годы немаловажную роль в жизни российского полиэтничного общества.

Как известно, этнические СМИ, и в первую очередь пресса, были созданы в свое время именно для того, чтобы поддерживать и формировать этническую идентичность членов диаспорных групп и этнических меньшинств. Однако если раньше поддержание этнического сознания и психологического комфорта группы происходило в контексте общественной жизни всей страны, на фоне процессов адаптации и интеграции данной группы в доминирующее сообщество, то теперь ситуация изменилась. Исследование более 30 постсоветских изданий современных этнических диаспор, проведенное в ИЭА РАН, показало, что многие газеты, особенно в крупных российских городах, в последние годы целенаправленно используют этот канал для духовного единения и для определенного обособления своих этнических соотечественников в некие отдельные сообщества внутри России или региона.

Одним из способов формирования «обособленной» идентичности у членов этнических групп является информационный акцент прессы на **понятие «Мы»**, естественно – с позитивной оценкой. Это помогает этническим идеологам как бы психологически очертить границу своей группы, отделить «этнических нас» от других. Через этническую прессу людям неоднократно, в разных контекстах повторяют и внушают идеи: *«Мы все – члены одной этнической группы»*; *«Нас объединяют язык, наша история, культура и традиции, национальные герои»*; *«Мы живем в России, но у нас есть наша этническая Родина, наша страна, откуда пришли мы или наши предки и где живут наши родственники»*; *«Мы представляем в этой стране (или в регионе) единое и особое сообщество, связанное нашим прошлым, настоящим и будущим»*; *«В настоящее время мы находимся в России, но не должны забывать своих корней, своей принадлежности к нашему народу, к нашей стране, в которую многие из нас вернутся»*.

Подобные идеи тиражируются большинством этнических изданий, особенно азербайджанскими, грузинскими, еврейскими и др. Со страниц газет лидеры этнических групп обращаются к своим землякам со словами: «Дорогие соотечественники!», в текстах публикаций повторяются объединяющие выражения: «наша нация», «наш народ», «наши земляки»... Вот некоторые конкретные идеологемы, довольно активно распространяемые в последние годы газетой «Азербайджанский Конгресс»: *«Мы – сильный народ, имеющий Родину – молодое государство Азербайджан»*; *«Мы – это единая нация, несмотря на нашу рассеянность»*; *«Мы – это население Азербайджана и азербайджанцы всего мира»*; *«Мы – сильная диаспора. В России нас порядка*

2 миллионов»; *«Мы – турки, которых объединяют единые корни, единые традиции, религия, язык»*¹.

Со страниц этого издания часто звучат фразы: *«Мы – азербайджанцы»; «Мы помним о национальной солидарности всегда»; «Если на исторической родине мы представляем свой род, свою фамилию, то за ее пределами мы представляем свою нацию. Будем помнить об этом и делать все для того, чтобы имя нации “азербайджанец” звучало гордо, как высокое звание»* (А.К. 2007). Показателен в этом отношении девиз, помещенный в шапке этой газеты: *«Солидарность – наша опора»*. Именно формирование этнонациональной солидарности и ее идеологическое акцентирование и стало основным направлением деятельности многих современных этнических изданий.

Формированию этнической идентичности через этнические СМИ способствует также и особая интерпретация ими **идеи родины**. Если, например, для татарской или чувашской газет практически нет сомнений, что «наша Родина – это и Татарстан (или Чувашия), и вся Россия», то, по словам «Еврейской газеты», «мать – Россия» – это «географическая Родина», а Израиль – «историческая Родина». Иногда в подобных случаях газеты используют термин «этническая Родина». «Второй Родиной» для российских немцев называет Россию «Московская Немецкая газета». А для миллионов азербайджанцев, живущих в настоящее время в России, это понятие, как пишут их идеологи, вполне однозначно – это Азербайджан. Одно из многочисленных свидетельств – публикация об азербайджанском писателе, 25 лет прожившем в Москве. Он уезжает на ответственную работу в Баку, и газета с восторгом пишет о том, что «наш соотечественник возвращается к себе домой, на Родину» (А.К. 2007). Эта и ряд других публикаций еще раз показывают, что идеологи диаспор, безусловно, поддерживают в своих соплеменниках представление о стране происхождения как о своем родном доме и, спланивая своих сородичей, поддерживают идею возвращения в свой «этнический дом» или хотя бы мечту об этом.

Таким образом, идеологическая позиция новых (диаспорных) этнических элит и их этническая пресса пока не помогают членам быстро растущих диаспор (в большинстве – мигрантам) определить их жизненную стратегию – остаться и прижиться в России или вернуться обратно на Родину. Подобные материалы заставляют задуматься и принимающую сторону: за какой период и насколько приезжие люди способны адаптироваться в новой для себя стране, интегрироваться в ее сообщество, почувствовать ее «своей» и стать в ней «своим», если им постоянно напоминают, что они находятся не дома, что их дом там, а не здесь? Более того, общий настрой группы на временность и зыбкость их жизни в новом месте, на ощущение некоторой своей чужеродности в принимающем сообществе явно не способствует их адаптации и интеграции. Скорее всего, в этих условиях старшие поколения приезжих могут навсегда остаться лояльными не к России, а только к своей далекой этнической родине.

Еще одним направлением, скрепляющим этническую группу, укрепляющим ее коллективную этническую идентичность, является обсуждение в этнической прессе вопроса о **современной диаспоре**. Термин «диаспора», как показал анализ, в последние годы стал довольно активно использоваться во многих этнических изданиях, причем независимо от того, приехали ли члены этнической группы из других стран или, как, например, чуваша и

татары, находятся в собственной стране. Этнические активисты не только старательно организуют диаспорные структуры в реальности, но и заботятся о формировании коллективных представлений своих соплеменников о них. Например, в газетах идут рубрики: «Диаспора: проблемы и приоритеты», «Будни диаспоры» и др. (А.К. 2008, 2010, 2011). Создание виртуального образа своей этнической диаспоры, ее мифологизирование, своеобразное культивирование в ней своей этничности, закрепление этого понятия в сознании своих соплеменников и стало одной из важных задач этнически ориентированных СМИ.

Смысл диаспорной организации, по мнению ее лидеров, состоит в том, что она способствует *«общению, контактам и взаимодействию азербайджанцев между собой»*, и это особенно важно в условиях, когда *«растет число лиц с пониженным национальным самосознанием»*; *«Диаспоральная организация необходима для укрепления национальной солидарности, чувство которой, чего греха таить, у некоторых слабо развито»*; *«От того, насколько азербайджанцы России будут лучше понимать и поддерживать друг друга, солидарно действовать, будет зависеть образ и авторитет самих азербайджанцев в России»*; *«Разобщенность при ксенофобских настроениях в современной России – путь к очевидной пропасти»*; *«Появились острые вопросы о путях дальнейшего развития азербайджанского сообщества, о его будущем, и без соответствующей консолидации нам не решить многих проблем»*; *«В обретении Азербайджаном лучшего будущего много зависит от диаспоры»*².

Таким образом, очевидно, что укрепление этнической солидарности своих соотечественников в России, формирование и структурирование своего этнического (а иногда и земляческого) сообщества под названием «наша диаспора» – важная стратегическая и идеологическая задача новых постсоветских этнических элит. Эту задачу они и реализуют, в том числе и с помощью своей этнической прессы.

А цель этой консолидации «своих» в единое целое – не только поддерживать этническую идентичность, этноязыковые и бытовые контакты в чужой стране, не только помогать и защищать членов своей общины от ксенофобских настроений россиян, что, естественно, важно для группы. Важнейшая цель кроме всего – это стать заметной и значимой силой в общественном, экономическом и политическом пространстве России и с помощью серьезного потенциала своей диаспоры всемерно и всесторонне участвовать в общественно-политической жизни страны. Об этом прямо говорят в этнической прессе лидеры и идеологи молодых этнических сообществ. *«Есть жизненно важная необходимость внедрения наших соотечественников в еще не освоенные или почти не освоенные страты российского общества* (здесь и далее выделено мной. – В.М.) *...Если, например, сравнивать потенциал нашей и иных диаспор в российских СМИ, прежде всего еврейской и армянской, то мы можем назвать лишь двух азербайджанцев – главных редакторов крупных московских изданий – Азера Мурсалиева (“Коммерсантъ”) и Эльмара Гусейнова (“Эхо планеты”). Тогда как известны десятки имен названных национальностей в московских СМИ. А это весьма действенный политико-лоббистский ресурс для воздействия на общественное мнение, для отстаивания наших национальных интересов. А помимо масс-медиа есть еще наука и культура. Наши соотечественники не представлены в*

законодательных органах российских центров, в военных структурах и т.д. Итак, более глубокая и разнонаправленная интеграция наших соотечественников в разные сферы российского общества – это настоящее требование времени. От этого в огромной мере зависит будущее азербайджанской диаспоры в России»³.

Нельзя не обратить внимание и еще на одно из важных направлений и стратегических целей азербайджанской диаспоры, о чем сообщают ее идеологи: *«Настало время активной практической деятельности по усилению своего влияния на общественное мнение различных стран. Такого мнения сегодня придерживаются многие эксперты в Баку ...Когда у азербайджанского государства появится стратегический союзник – в лице азербайджанской диаспоры?... Не скоро.... Сегодня в Азербайджане проживает 9 миллионов азербайджанцев, а за ее пределами – 42 миллиона. Если поразмыслить и спрогнозировать, каким будет мир через 20–50 лет, то процесс формирования диаспорных структур приобретает уже другое значение и может рассматриваться как **вопрос национального строительства за пределами Азербайджана**... Должна быть разработана методология поэтапного и поступательного развития в заданном направлении с учетом национальных особенностей азербайджанцев, а также религиозного фактора. Наряду с идеологической составляющей (проведение форумов, съездов, круглых столов) **должна быть разработана программа по увеличению политически активной части диаспоры**... программа взаимодействия с деловыми кругами азербайджанской диаспоры, заинтересованными в особых привилегиях и льготах при ведении бизнеса в Азербайджане... Гейдар Алиев считал, что Азербайджанская Республика должна быть объединительным центром для всех азербайджанцев мира»⁴.*

О целях и задачах своей деятельности говорится и в выступлениях представителей других этнических объединений России. Так, например, активисты российского немецкого движения мечтают *«о единстве в отстаивании интересов российского немецкого народа, организационном и политическом»⁵*. Одну из важных целей российской немецкой общины ее лидеры видят также *«в необходимости формирования элиты немецких меньшинств в странах СНГ и в поддержке этого процесса»*. Причем об этом размышляют не только сами российские немцы, но и их сородичи на исторической родине – в Германии⁶.

Представители еврейского сообщества, также неоднократно и в разных формах озвучивающие свои цели в этнической прессе, выделяют свои акценты. Например, Федерация еврейских общин в России (ФЕОР) считает одной из основных своих целей на ближайшие годы *«сделать общину более традиционно ориентированной и одновременно привлекательной для российских евреев всех возрастных категорий, увеличить численность ее активных членов минимум в два раза. Для этого – сбалансировать возрастной состав общины ... уделить первоочередное внимание религиозно-образовательным программам в работе общин и ФЕОР в целом»⁷*. Кроме того, у еврейского сообщества намечен и еще ряд целей, например, *«это продвижение среди евреев, российской интеллигенции и других слоев населения исторических духовных ценностей Земли Обетованной и еврейского народа... Содействие лицам с еврейскими корнями... в самоидентификации и установлении связей с исторической родиной, пробуждение интереса у евреев – граждан РФ к*

жизни государства Израиль и еврейского народа; взаимодействие со всеми еврейскими объединениями и организациями РФ; оперативное информирование общественности в случаях проявления антисемитизма»⁸.

Эти мотивы и задачу своей общины поддерживают и другие еврейские идеологи, в частности главный редактор московской газеты «Еврейские новости». Он видит одну из задач еврейского сообщества и ее печатного органа в том, чтобы, «во-первых, доносить голос еврейской общины до людей, влияющих на власть, а во-вторых, – информировать еврейскую интеллигенцию». При этом, говорит он в интервью газете «Менора», «мы не стремимся к максимальным тиражам. Газета рассчитана прежде всего на актив еврейской общины»⁹.

Основной целью создания Форума армянских организаций Москвы (ФАОМ) является, по словам их организаторов «формирование общего для них информационного пространства, создание единой площадки, которая не только сплотит диаспору и защитит права московских армян, но и усилит их влияние на жизнь российского общества, а также расширит возможности при решении общенациональных вопросов»¹⁰.

Идеологи чувашской диаспоры, как и все другие, также тревожатся за сохранение этничности у расселенной вне республики «половины» чувашского этноса, о ее этнокультурном выживании. Это, по их словам, «обостряет этносоциальный комплекс национальной интеллигенции». Поэтому, например, в перечень задач Чувашской Национально-культурной автономии Москвы включены намерения поддержания этнической идентичности ее членов, в том числе: «пропаганда и развитие чувашской национальной культуры, традиций и укрепление национального достоинства; поддержание и развитие языка, культуры, обрядов; мобилизация наших духовных сил и исторической памяти для сохранения национального самосознания»¹¹.

Однако, кроме этнокультурных стратегий, чувашские активисты считают необходимым включить в перечень задач и «формирование и укрепление на новом месте своих этнических структур» – это организация некоммерческого клуба чувашских предпринимателей, организация чувашского офицерского клуба, создание бюро по трудоустройству чувашской молодежи в Москве и т.д. В задачи вновь созданных этнических структур входит обмен опытом, земляческая поддержка, взаимовыручка, поддержка чувашской молодежи при поступлении в московские вузы и в продвижении по службе, организационное укрепление наших рядов, решение финансовых вопросов...¹² Заметим, к слову, что все эти задачи ставятся и выполняются во многих этнических сообществах и воспринимаются как само собой разумеющееся. Поэтому публично они озвучиваются редко.

Чувашские объединения в России, ретранслирующие ценности национальной культуры за пределы республики, кроме того, могут стать, как говорят их идеологи, «инструментом культурной и иной политики Чувашии... Диаспора, осознающая себя полноправной частью этноса, может предъявить претензии на полноправное участие не только в культурной, но и в общественно-политической и государственной жизни “материнской республики”»¹³.

Таким образом, активизация общественно-политической деятельности современных диаспорных элит – довольно заметное явление в построссийской реальности. Идеологи этнических сообществ с гордостью отмечают

«нарастающее влияние нашей диаспоры в России» и прогнозируют, что участие «в общественно-политической жизни России неизбежно будет нарастать».

Но еще одна серьезная цель этнических политиков и идеологов – помощь своей исторической родине. Идея необходимой помощи, регулярно озвучиваемая этнической прессой (азербайджанские, украинские, грузинские и другие газеты), также консолидирует этническое сообщество. В разных формах членам этнических групп внушают: *«Каждый из нас должен помнить о своей этнической родине, откуда вышел он или его предки. Он всегда должен помогать ей разными способами, в том числе и финансами»*. И члены диаспор помогают строить на своей родине школы, культурные заведения, поддерживают учеников и учителей, других своих земляков, пересылают и привозят туда деньги, заработанные в России (А.К. 2008. № 10, и др.).

Для поддержания этнической идентичности и консолидации членов диаспоры в прессе конструируется ее современный **виртуальный образ**, важными характеристиками которого являются: общие ностальгические воспоминания о своей этнической родине, подчеркивание традиционного коллективизма и групповой солидарности земляков, внутридиаспорной взаимопомощи, приверженности общим этнонациональным ценностям. Как правило, в этнической прессе звучат идеи: *«Нас в России много (изредка – мало). Наши соотечественники живут в этой стране во многих регионах»*. В отдельных случаях в публикациях присутствует гордость, например: *«Мы (чуваши) – одна из самых многочисленных наций в России. И в Москве, и в России мы заявили о себе в полный голос...»*¹⁴. Порой в газетах также специально подчеркивается, что лидеры наших диаспор и общин заботятся о своих членах, организуют различные структуры, помогающие им укорениться или приспособливаться к местной жизни.

Все озвученные газетами виды деятельности многочисленных этнических объединений России, как и неупомянутые здесь, действительно направлены на сохранение своей этничности, на поддержание этнического самосознания, языка, на взаимопомощь и этническую солидарность, на отстаивание интересов своей общины и, кроме того, – на отстаивание интересов своей бывшей страны (или региона). Мы фиксируем особую нацеленность элит на свою диаспорную молодежь, возможно – будущих этнических активистов. Очевидно, что подобная деятельность диаспорных сообществ, как и информация о ней в прессе, во многом ограниченная этническими рамками, безусловно, способствует внутренней консолидации их членов под эгидой своих лидеров.

Основная тематика публикаций о традиционных этнокультурных ценностях, которые также в разной степени пропагандируются на страницах данных изданий, касается «нашей» этнической материальной культуры (кухня, одежда, изредка – традиционное жилище, родная природа), этнических обычаев, традиций, этнической музыки, языка, а в некоторых случаях даже алфавита (например, в татарской, чувашской, в талышской газетах), этнических мифов, легенд и литературы... Психологические характеристики народа встречаются редко.

Разными способами и довольно активно актуализируется в этнической прессе этнонациональная память членов диаспор, что тоже способствует формированию этнической идентичности. Это происходит, например, с по-

мощью очень эмоционального описания многих исторических событий, рассказывающих о бедах или о триумфах, о героях или предателях, о гордости и об унижениях своего народа во время известных и полузабытых уже войн, конфликтов и противостояний с далекими и близкими соседями. Авторами подобных публикаций выступают уважаемые ученые, живущие и в России, и на этнической родине. Как правило, здесь присутствует масса эмоций – гордость, боль, обиды, тревога за свою этническую страну, за свое этническое сообщество, за их будущее. Подобные эмоциональные публикации, напоминающая человеку о его сообществе, о его этнической истории, о национальных героях, конечно же, тревожат его этническое сознание.

Озвучивание «наших» этнических обид в прессе – еще одна форма психологического объединения «своих». Количество материалов на эти темы заметно увеличилось в последние годы. В них озвучиваются и бередятся многие обиды этнических групп в адрес принимающего сообщества. Газеты создают и поддерживают комплекс групповой «этнической обиженности». Обидчики – это, как правило, местные или российские власти, но нередко – и обычные россияне, жители разных национальностей. Обид, оказывается, не так уж и мало: это эпизоды (или мифы) из нашей общей истории (азербайджанцы, татары, карачаевцы, лезгины, чеченцы). Это упреки России в «отсутствии государственной поддержки и финансирования нашим общинам в Москве», в том, что «нам трудно без помощи российского государства сохранять здесь свою этническую идентичность и поддерживать национально-культурное развитие» (азербайджанцы, татары, чуваша в столице). Это недовольство тем, что у диаспорных групп в Москве существуют «проблемы с изучением национального языка» (татары, талыши, азербайджанцы и др.), что в России «мало издают наших книг и не продают их в Москве» (татары)... В некоторых сообщениях звучит тревога о разных формах «контроля за мигрантами»¹⁵, говорится о том, что «наши соплеменники испытывают трудности» в общении с другим населением. В прессе озвучивается и беспокойство соседних государств о морально-психологическом фоне для своих соплеменников и в целом – о судьбе своей диаспоры в России (Азербайджан, Грузия, Украина...).

Таким образом, отмечая заметные изменения в деятельности этнической прессы за последние годы, важно подчеркнуть, что формирование идентичности теперь идет в диаспорных организациях не на основе сближения иногрупп с доминирующим сообществом, а нередко, наоборот, – на основе их выделения и этнического «отделения» от прочих россиян. Этнические СМИ современной России, руководимые новыми активными и дальновидными этническими элитами, со многими их достоинствами и недостатками, оставаясь в целом толерантными изданиями, могут быть и серьезным инструментом для формирования групповых этнических идеологий, для этнической организации и мобилизации своих соплеменников. А что касается направленности их деятельности на культуру и жизнь принимающих (или доминирующих) сообществ, на интеграцию своих групп в российский социум, то она остается здесь пока не очень сильным местом.

- ¹ Газета «Азербайджанский Конгресс» (А.К.). 2007.
- ² Материалы газеты «Азербайджанский Конгресс». 2008–2009.
- ³ Осознанная необходимость // А.К. 2010. 9 апр.
- ⁴ А.К. 2010. 12 февр.
- ⁵ Уральские немцы. 2009. Октябрь.
- ⁶ Московская немецкая газета. 2010.28.01.
- ⁷ Отчетный доклад Правления Федерации еврейских общин России (ФЕОР) IV съезду ФЕОР // <http://www.feor.ru/about>
- ⁸ Информпространство // <http://www.informprostranstvo/>.
- ⁹ Менора – Екатеринбург. 2010. 26 апреля // <http://www.menora.ur.ru/gazeta/>.
- ¹⁰ Ноев Ковчег. 2008. Октябрь. №10.
- ¹¹ Газета «Земляки». 2002. № 2.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Иванов В.П.* Проблемы национально-культурного развития чувашской диаспоры // <http://www.htfi.org/>
- ¹⁴ Земляки. 2002. № 6.
- ¹⁵ А.К. 2008. № 3.

«ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА»
РУССКОГО МИРА МОЛДАВИИ
(этнодемографический аспект)*

Русский мир¹ Молдавии – пестр и многолик, многокультурен и многоэтничен. В него помимо этнических русских, составляющих основу, но не весь Русский мир этой страны, включены украинцы и белорусы, евреи и гагаузы, болгары и чуваша, представители других национальных меньшинств и титульного этноса республики, для которых русский язык – единственный, который они знают и который их объединяет, чьи культурные интересы и запросы в значительной мере ориентированы на Россию и связаны с ней.

Анализируя в представленной статье демографическое воспроизводство русского населения Молдавии, составляющего основу ее Русского мира, мы исходили из важности того положения, что физическое возобновление поколений людей является необходимой предпосылкой этнокультурного воспроизводства, правда, совсем не гарантируя их функционирования как носителей тех или иных этнических качеств.

Как известно, динамика численности и расселение любого народа в рамках тех или иных государств определяются тремя группами факторов: изменениями в его естественном движении, миграциями и, наконец, этнотрансформационными процессами. Этнические различия в естественном движении, в уровнях рождаемости и смертности и разнонаправленные миграционные перемещения людей многих национальностей существенно меняют социально-этнический состав населения регионов, городов и сел, вносят изменения в соотношение этнических групп, в возможности межэтнических контактов, влияют на динамику национально-смешанных браков, что, естественно, отражается на ходе этнических процессов. Все эти факторы взаимосвязаны и взаимообусловлены и, в свою очередь, испытывают на себе влияние иных структур – политической, экономической, социальной.

Динамика численности и национального состава Молдавии. На протяжении всего послевоенного, более чем 40-летнего периода численность и национальный состав населения советской Молдавии динамично изменялись, что было обусловлено различиями в естественном приросте этнических групп, этнотрансформационными процессами (сменой этнического самосознания у части украинского населения на русское, широким выбором русской национальности в качестве своей детьми от браков русских с представителями других национальностей, населяющих Молдавию), а также интенсивными внешними миграционными перемещениями. Темпы роста численности русских в Молдавии за период 1959–1989 гг. были значительно более высокими, чем населения республики в целом: за тридцатилетний период абсолютная численность населения республики выросла с 2,9 до 4,3 млн человек, т.е. на 50,3%, численность русских за этот же период возросла на 91,8%, с 293 тыс. человек в 1959 г. до 562 тыс. человек в 1989 г., главным образом за счет миграционных и ассимиляционных процессов.

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Преемственность и инновационные стратегии в соционормативной культуре народов в изменяющемся мире».

Этническая дифференциация в темпах прироста численности жителей в Молдавии привела к определенным изменениям этнического состава населения, снижению удельного веса одних и повышению доли других национальностей: если в 1959 г. титульная нация – молдаване – составляла почти две трети (65,4%) абсолютного числа жителей Молдавии, то к 1970 г. их доля уменьшилась до 64,6% и затем, несколько сократившись к 1979 г., вновь стала возрастать, достигнув к 1989 г. уровня 1970 г. – 64,6%. За весь рассматриваемый тридцатилетний период (1959–1989 гг.) доля русских в населении республики неуклонно росла: с 10,2 до 13,0%.

По данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., удельный вес городского населения в целом по Молдавии вырос с 22 до 47%. Этот рост был характерен для всех национальностей республики, но в разной мере, что зависело от исходного уровня урбанизированности этноса и темпов прироста его городского населения. Русское население Молдавии, как, впрочем, и других бывших союзных республик, отличалось высокой степенью урбанизированности. Удельный вес горожан среди русских в 1959 г. составлял 66,6%, к 1989 г. он существенно возрос и достиг 86,1%, т.е. абсолютное большинство русских были жителями городов. Доля горожан у титульного этноса республики выросла за рассматриваемый период с 9,6 до 33,5%. Благодаря тому, что большинство русских живет в городах, национальный состав городских поселений очень сильно отличался от сельских: удельный вес русских в городских поселениях в 1989 г. достигал 23,9%, а доля молдаван составляла 46,3%. В сельской же местности Молдавии русских было сравнительно мало: их доля среди сельчан составляла в 1989 г. лишь 3,4%, молдаван же было 80,3%.

Значительная часть русского населения Молдавии была сосредоточена в ее столице: в 1959 г. более трети (35,7%) городских русских являлись жителями Кишинева, к 1989 г. этот показатель возрос до 36,1%.

Произошедшие в 1991 г. геополитические изменения и все последовавшие за этим экономические и социально-политические трансформации на постсоветском пространстве привели к существенным изменениям в численности и этническом составе населения постсоветских государств, в том числе и Молдавии. По результатам проведенной в 2004 г. первой в короткой истории независимой Республики Молдова переписи населения число ее постоянных жителей составило 3388 тыс. человек, что на 208 тыс. меньше, чем в 1989 г. Такое снижение абсолютной численности жителей страны было обусловлено как низким естественным приростом населения, так и, главным образом, его миграционным оттоком. Если до начала 1990-х годов естественный прирост компенсировал миграционные потери населения республики, проявившиеся в последнее перед распадом СССР десятилетие, то начиная с 1992 г. при одновременном падении рождаемости и повышении смертности отрицательная роль миграции заметно выросла и абсолютная численность населения республики впервые за все послевоенное время начала уменьшаться.

При общем снижении абсолютной численности населения Республики Молдова (без Приднестровской Молдавской Республики) в период 1989–2004 гг. наблюдалось резкое уменьшение численности одних этнических групп и слабый прирост абсолютного числа других (табл. 1). Так, при расчете по сопоставимым территориям (без учета населения ПМР) наибольшим снижением численности (в 1,7 раза) отличалось русское население: по данным 2004 г., в Республике Молдова проживало лишь немногим более двухсот

Таблица 1

Изменение национального состава населения Республики Молдова
(по данным переписей 1989 и 2004 годов)

Национальность	Численность населения РМ (без ПМР)			
	1989 г.		2004 г.	
	Абс.	%	Абс.	%
Всего: в том числе	3 595 660	100	3 383 332	100
молдаване	2 513 447	69,9	2 564 849	75,8
украинцы	405 160	11,3	282 406	8,4
русские	350 899	9,8	201 218	5,9
гагаузы	148 679	4,1	147 500	4,4
румыны	2477	0,1	73 276	2,2
болгары	73 489	2,0	65 662	1,9

Рассчитано по: Перепись населения 2004: Статистический сборник. Кишинев, 2006. Т. 1: Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики. С. 301, 326.

тысяч русских. Их численность в 2004 г. составила лишь 57% от численности русского населения Молдавии в 1989 г. (если население в 1989 г. считать только по Правобережным районам без территории Приднестровья). Столь сильное снижение абсолютной численности русских было детерминировано их миграциями за пределы страны, этнотрансформационными процессами, когда часть русских, особенно из национально-смешанных семей, поменяла свою этническую идентичность, а также процессами депопуляции, когда уровень смертности превышал уровень рождаемости, что в наибольшей мере проявилось начиная с 1994 г. Так, например, в 1996 г. естественная убыль русских в Молдавии составила 2582 человека, в 1999 г. – 2062, в 2003 г. – 1903 человека².

Резкое снижение абсолютной численности русского населения привело к существенному снижению их доли в населении страны с 9,8% в 1989 г. до 5,9% в 2004 г.

Распад Советского Союза и последовавшие за ним политические и социально-экономические трансформации на постсоветском пространстве – экономический кризис, этнические конфликты, потоки беженцев и вынужденных переселенцев, резкий спад производства, катастрофическое падение уровня жизни населения, безработица – особенно резко проявились в городах. Нарушение эволюционного развития системы расселения, слом привычных тенденций существенным образом изменили сложившиеся к этому моменту закономерности динамики городского и сельского населения. В 1990-е годы в Молдавии произошла смена урбанизационной динамики с положительной на отрицательную. К 2004 г. соотношение городского и сельского населения в РМ было совсем иным, нежели накануне распада СССР. Доля городского населения, которая в советский период в Молдавии неуклонно росла, существенно понизилась – с 47 до 39%, что отчасти было связано с урбанизационной составляющей Приднестровья, которая не учитывалась при переписи населения РМ 2004 г. Такие крупные городские образования, как Тирасполь, Бендеры, Рыбница, не учтенные в составе городского населения Молдавии

при проведении переписи населения, значимо повлияли на удельный вес городского населения страны. Кроме этого фактора, в снижении доли горожан в РМ определенную роль сыграли такие явления, как «административная рурализация», перевод городских населенных пунктов в разряд сельских. Но самое большое влияние на снижение уровня урбанизации оказали миграционные процессы, как внешние, направленные за пределы страны, так и внутренние, представленные возвратными миграциями недавних горожан в сельскую местность, главной причиной которых явилось замороженное состояние рынка труда в городах в начале 1990-х годов, резкое сокращение спроса на рабочую силу в условиях, когда рыночные механизмы еще не заработали, и как следствие – безработица, основным спасением от которой был возврат к земле, к индивидуальному хозяйству, способному прокормить.

Процессы снижения доли городского населения в республике в разной степени затронули ее этнические группы. В наименьшей мере это коснулось молдаван, удельный вес горожан у которых снизился лишь на 1%-й пункт (с 33 до 32%). Не существенно, лишь на 3%-х пункта сократилась доля городского населения у русских (с 86 до 83%).

Неравномерные темпы прироста (убыли) городского населения у разных национальностей Молдавии, обусловленные особенностями миграционного и естественного движения, административными преобразованиями и территориальными «потерями», привели к изменениям этнического состава как городского, так и сельского населения республики (табл. 2).

Таблица 2

Этнический состав городского и сельского населения Молдавии (%)

Национальность	Городское население				
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2004 г.
Всего:	100	100	100	100	100
в том числе					
молдаване	28,1	35,1	39,5	46,3	63,3
украинцы	19,6	19,6	19,8	18,8	11,2
русские	30,4	28,2	27,3	23,9	12,7
гагаузы	3,4	3,9	3,4	3,1	4,1
болгары	1,8	2,1	2,0	2,0	2,3
	Сельское население				
Всего:	100	100	100	100	100
в том числе					
молдаване	76,1	78,2	79,4	80,3	83,7
украинцы	13,2	11,1	10,6	9,6	6,6
русские	4,4	3,9	3,6	3,4	1,7
гагаузы	3,2	3,3	3,6	3,4	4,5
болгары	2,2	2,1	2,1	2,1	1,7

Если в 1959 г. русские были ведущей национальностью в городском населении Молдавии (30,4%), несколько опережая молдаван, и соотношение этих доминирующих национальностей было приблизительно 1:1, то к 1989 г. доля русских сократилась до 23,9%, а соотношение молдаван и русских составило уже пропорцию 2:1. К 2004 г., времени проведения переписи населения в РМ, в городском населении Молдавии численность молдаван уже в 5 раз превосходила численность русских. При снижении абсолютной численности русских в городах к 2004 г. до 166 395 человек, значительно, в 2,5 раза, снизилась и доля их в городском населении – до 12,7%.

Изменения в этнической структуре сельского населения (1959–1989 гг.) не имели столь яркого проявления, но вместе с тем они были достаточно отчетливы и определены: последовательно росла доля молдаван и гагаузов, снижалась доля русских и украинцев, удельный вес болгар практически не менялся. В период 1989–2004 гг. направленность этих изменений сохранилась, но значимо усилилась их интенсивность: так, доля русских в селе сократилась за 15 лет в два раза, составив к 2004 г. 1,7%, абсолютная численность русских сельчан снизилась до 34 823 человек.

Происходящие изменения в этническом составе городского и сельского населения Молдавии были обусловлены сравнительно более высоким естественным приростом у сельских молдаван и гагаузов, депопуляционными процессами у русских и украинцев, а также разной интенсивностью миграционного оттока представителей всех этносов Молдавии за пределы республики.

Снижение рождаемости. Трансформации в рождаемости, произошедшие в течение последних ста лет в России, позднее в Советском Союзе, и, наконец, на постсоветском пространстве, не сводятся лишь к снижению ее уровня. Эти изменения являются «ярким индикатором радикальных и быстрых изменений в семье, обществе и государстве, свершившихся на протяжении жизни всего трех-четырёх демографических поколений»³. «С одной стороны, снижение рождаемости было исторически неизбежным ответом на общую и последовательную модернизацию общества во всех сферах, с другой – переход от высокой рождаемости к низкой привел к иным темпам изменения численности населения, к принципиальной трансформации демографического баланса между поколениями (количественного соотношения между возрастными группами детей, родителей и прародителей), что, в свою очередь, инициирует и ускоряет соответствующие социально-экономические и политические перемены»⁴.

Молдавия в послевоенный период отличалась самыми высокими темпами снижения рождаемости среди союзных республик. Если в 1950 г. она занимала второе место (после Туркмении) по уровню рождаемости (коэффициент рождаемости составлял 38,9‰ в сравнении с 26,7‰ в среднем по Союзу), то к 1970 г. Молдавия переместилась на восьмое место в ряду союзных республик, которое удерживала до 1987 г. За 20 лет (с 1950 по 1970 г.) коэффициент рождаемости в Молдавии снизился в 2 раза, в то время как в среднем по Союзу это снижение достигало 1,5 раза, в республиках Прибалтики – 1,2–1,5 раза, в Закавказье – 1,2–1,4 раза, в Средней Азии (за исключением Узбекистана и Таджикистана, где уровень рождаемости повысился) – 1,1 раза, в Казахстане – 1,5 раза, на Украине – 1,4 раза, в Белоруссии – 1,5 раза, в России – 1,7 раза.

После 1970 г., когда был отмечен наименьший уровень рождаемости в Молдавии за весь послевоенный период (19,6‰), наметилась тенденция к его возрастанию. Как известно, общий коэффициент рождаемости в значительной степени зависит от возрастной структуры населения, и сильное снижение уровня рождаемости к концу 1960-х – началу 1970-х годов объяснялось тем, что в брачный и детородный период вступало немногочисленное поколение 1940-х годов, что и определило столь малочисленное их потомство. В 1970-е годы в брак вступали послевоенные поколения, более многочисленные, чем их предшественники, что и повлекло за собой повышение рождаемости. К началу 1990-х годов уровень рождаемости в республике вновь стал падать, ибо в детородный период вступило поколение конца 1960-х годов, когда отмечался самый низкий за послевоенный период уровень рождаемости.

К 1989 г. при общем снижении уровня рождаемости в Молдавии коэффициент рождаемости русских снизился за предыдущие 30 лет в 1,6 раза – с 21,3‰ до 13,1‰, что было самым низким показателем рождаемости среди национальностей республики. Следующее снижение рождаемости в 1,8 раза у русских наступило гораздо быстрее – всего за 15 постсоветских лет: коэффициент рождаемости опустился к 2004 г до 7,3‰ (табл. 3), что в немалой степени детерминировано изменением возрастной структуры, существенным постарением русского населения республики. Так, по данным последней переписи 2004 г., среди русских республики доля детей в возрасте от 0 до 9 лет составила всего 7,6% (что меньше показателей 1989 г. в 2,6 раза), а удельный вес лиц старше 50 лет составляет свыше трети всей численности русских республики, в то время как в 1989 г. эта возрастная когорта едва достигала четверти населения. За 15 постсоветских лет средний возраст русских поднялся до 30,6 лет. Все эти данные свидетельствуют о том, что в воспроизводственных процессах русского населения Молдавии произошли резкие изменения, обусловленные главным образом динамикой рождаемости. Но несомненное влияние на изменение возрастной структуры русских республики оказали и развернувшиеся в постсоветский период процессы миграционного оттока русских в Россию, а также процессы международной

Таблица 3

Этническая дифференциация коэффициента рождаемости в Молдавии (‰)

Национальность	1959 год	1970 год	1979 год	1989 год	2004 год
Молдаване	35,2	20,8	21,3	20,9	12,0
Украинцы	26,8	17,8	17,4	15,7	8,1
Русские	21,3	15,4	14,6	13,1	7,3
Гагаузы	45,0	21,1	23,8	22,3	11,2
Болгары	29,3	17,9	21,6	17,3	9,3
В целом по Молдавии	31,5	19,4	20,3	18,9	11,3

Составлено по: Бакурский С.В. Социально-экономические проблемы демографического развития Молдавской ССР. Кишинев, 1984. С. 3; Перепись населения РМ 2004 г.: Статистический сборник. Кишинев, 2006. Т. 1. С. 300; Материалы текущего архива Госкомстата МССР и Национального бюро статистики РМ.

трудоустройственной миграции, вымывающие из страны население в активном трудоспособном возрасте.

Миграция. Молдавия была тем регионом Советского Союза, который отличался устойчивым миграционным приростом населения, в первую очередь русского, что было связано с благоприятными природно-климатическими условиями, традиционно доброжелательными межэтническими отношениями и, не в последнюю очередь, потребностью народного хозяйства республики в квалифицированных кадрах рабочих и специалистов. Однако уже с середины 1970-х годов в Молдавии наметился незначительный миграционный отток населения, связанный главным образом с трудоизбыточностью молдавского села.

В настоящее время наряду с Казахстаном, Грузией и Украиной Молдавия относится к тем странам СНГ, население которых за последние 15 лет понесло наибольшие потери. На Украине и в Молдавии это произошло за счет соединения отрицательного естественного прироста со значительным миграционным оттоком. При этом интенсивность миграционного оборота (численность прибывших и выбывших, отнесенная к населению) составила в Молдавии 15,6%, что ставит ее на третье место (после Казахстана и Киргизии) по показателю «напряженности» миграционной жизни страны⁵. Только за 1991–2004 гг. Молдавия потеряла в обмене с Россией 105,2 тыс. человек, главным образом русских, причем на каждые 100 прибывших в Россию из Молдавии приходился лишь 31 выбывший в обратном направлении⁶.

Материалы многолетних «замеров» миграционной активности русского населения, проводимых нами в Молдавии, дают возможность проследить динамический ряд показателей потенциальной миграции населения в течение 15 постсоветских лет (1993–2007). После острых межнациональных конфликтов начального периода суверенизации Молдавии, когда уровень потенциальной миграции русских был довольно высок, составив в 1993 г. 25% (среди горожан, в Кишиневе – 29%), и это значило, что каждый четвертый русский городской житель Правобережной Молдовы намерен был в перспективе уехать, к концу 1990-х годов он стабилизировался на уровне 10–11%. Несомненно, прошедшие годы оказали свое влияние на формирование решения о миграции. Во-первых, большая часть желающих уехать русских уже покинула республику; во-вторых, зачастую чужой неудачный опыт миграции заставлял задуматься о целесообразности этого шага, более взвешенно оценить преимущества и потери от переезда; в-третьих, годы, прошедшие со времени распада Союза, дали некоторым русским возможность как-то приспособиться к новым условиям существования; в-четвертых, ситуация, во многом обусловленная экономическими трудностями в стране, отодвинула межнациональные конфликты на второй план, заставила часть русских изменить свои прежние намерения и т.д. Но в начале XXI в. уровень потенциальной миграции русских вновь возрастает, хотя причины этого лежат уже не в этнополитической, а в экономической сфере. Это подтверждается и высоким уровнем потенциальной миграции молдаван, титульного этноса республики.

По данным последнего, 2007 г., этносоциологического исследования, проведенного нами среди горожан Молдавии, все те же 20% русских высказали желание уехать, но доля колеблющихся в принятии миграционного решения значительно сократилась в пользу тех, кто не собирается никуда уезжать (56%). Видимо, на эти показатели значительное влияние оказывает

Таблица 4
Потенциальная миграция (%)

Ориентация на отъезд	2003 год		2007 год	
	русские	молдаване	русские	молдаване
1. Да, собираются уехать	20	12	20	18
2. Нет	34	48	56	60
3. Трудно сказать, пока нет определенного решения	43	37	24	22
4. Нет ответа	3	3	0	0
Итого	100	100	100	100

возрастная структура русского населения с большой долей людей пожилого возраста, для которых решение о миграции уже трудно осуществимо. У молдаван доля потенциальных мигрантов лишь немногим ниже – 18% (табл. 4).

Направления возможной миграции русских и молдаван существенно различаются и меняются во времени. Так, по данным исследования 2003 г., почти 70% русских потенциальных мигрантов были ориентированы на Россию, 13% – на страны дальнего зарубежья. Большинство (46%) молдаван – потенциальных мигрантов были ориентированы на переезд в дальнее зарубежье, на Россию было нацелено 29% молдаван. В 2007 г. картина направленности потенциальных миграционных потоков несколько изменилась: у молдаван, при сохраняющейся доминирующей ориентации на страны дальнего зарубежья, заметно сократилось стремление к переезду в Россию. То же можно сказать и о русских: потенциальных мигрантов, ориентированных на переезд в Россию, стало меньше, вместе с тем большей наполненностью стал выделяться миграционный вектор, нацеленный на дальнее зарубежье.

Каковы же основные причины миграции? Что выталкивает русских и представителей титульной национальности за пределы страны? Если в начале 1990-х годов преобладающими были этнически окрашенные миграционные мотивы, связанные с ухудшением межнациональных отношений в Молдавии, унижением национального достоинства русских, законами, ущемляющими права национальных меньшинств, сужением сферы использования русского языка, в том числе и в образовательных целях, и т.п., то уже к концу 1990-х годов в структуре мотивов потенциальной миграции доминирующей стала экономическая составляющая. Несмотря на экономическую доминанту, в мотивации потенциальной миграции русских определенное место все еще занимали причины, связанные с этничностью: это невозможность получить желаемое образование на русском языке и определенная напряженность в межнациональных отношениях. Исследование, проведенное в Молдавии в 2007 г., показало практически аналогичные 2003 г. результаты миграционной мотивации.

Трудовая миграция. В наши дни политическая и социально-экономическая ситуация стремительно меняются, у людей расширяются границы выбора, и мигранты, не ориентированные на эмиграцию, на смену постоянного

места жительства, зачастую ограничиваются лишь временным выездом из страны.

В численности постоянного населения Молдавии, равной 3 383 332 человека, было учтено и временно отсутствующее население, выехавшее за пределы страны, численность которого составила на момент переписи 273 056 человек, или 8,1%. К сожалению, статистические материалы не дают возможности сказать, какова доля русских среди трудовых мигрантов, покинувших страну. Но, как показали материалы этносоциологического опроса, проведенного Центром изучения межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН и Институтом культурного наследия АН Республики Молдова в 2007 г. в городах Молдавии, почти половина всех опрошенных русских (47%) хотела бы уехать из Молдавии на заработки или уже работает за границей, часть из них (26%) ориентирована на то, чтобы вернуться через какое-то время назад, а практически каждый пятый опрошенный хотел бы устроиться за границей на постоянное жительство и не возвращаться в Молдавию. Направленность потенциальной международной трудовой миграции русского населения показала, что самой притягательной страной приложения труда пока еще, безусловно, является Россия, куда хотел бы уехать каждый второй потенциальный мигрант из всех выразивших намерение отправиться на заработки.

Межнациональные браки. Кроме миграции из республики и естественной убыли еще одним фактором, оказывающим влияние на численность русских, хотя в данном случае более опосредованно, стали ассимиляционные тенденции, пробивающие себе дорогу, в частности, через межнациональные браки.

В целом по республике доля национально-смешанных браков среди всех браков, заключенных в течение года, на протяжении тридцати лет советского и постсоветского периода, последовательно снижалась: с 32% в 1970 г. до 22% в 2003 г. Это общее снижение было детерминировано уменьшением доли межнациональных браков у основной, наиболее многочисленной титульной нации республики – молдаван: с 15% в 1970 г. до 10% в 2003 г. Для русских, как и для остальных, наиболее многочисленных национальностей Молдавии (украинцев, болгар и пр.), характерна была противоположная тенденция – увеличение доли межнациональных браков. У русского населения эти процессы проходили наиболее стремительно: если в 1970 г. каждый второй заключаемый брак у русских был национально-смешанным, что и так было очень высоким показателем и свидетельствовало о прорыве эндогамии, то в 2003 г. уже каждые три брака из четырех, заключенных русскими, были межэтническими.

У всех нетитульных народов советской Молдавии в межэтнической брачности среди всех заключаемых в данный год браков чаще встречались браки с молдаванами, наиболее многочисленным этносом республики.

Спустя тридцать лет, к началу XXI в., этническая картина браков в Молдавии очень существенно изменилась. У титульного этноса республики, а также у гагаузов отчетливо проявилась тенденция к увеличению доли моноэтнических браков, у русских и остальных национальностей Молдавии – к значительному росту доли межэтнических браков. Общей тенденцией для всех национальностей Молдавии было снижение доли браков, заключаемых с русскими.

Происходящие мощные изменения в динамике и структуре брачности у разных национальностей Молдавии детерминированы общим повышени-

ем моноэтничности населения республики, обусловленным целым рядом факторов, в числе которых наиболее значимыми выступают снижение рождаемости, идущее более быстрыми темпами у русского, украинского и болгарского населения республики, безвозвратные миграции русского и другого славянского (украинцев, белорусов) населения за пределы Молдавии, начавшееся с конца 1980-х годов, а также проводимая в республике этноориентированная политика с приоритетом прав титульной нации.

Первый фактор – снижение рождаемости у русского, украинского и болгарского населения, происходящее на протяжении нескольких десятков лет темпами, превосходящими эти процессы у молдаван и гагаузов, и второй фактор – миграция русского и другого славянского населения за пределы Молдавии – привели к снижению доли молодежи вышеназванных национальностей в населении и, как следствие, к сужению однонационального рынка брачных партнеров у славянского населения в целом, ибо именно эта межнациональная брачность славянских народов составляла существенную долю в общей межэтнической брачности республики. И третий фактор – политика этноцентризма, стремление к созданию моноэтнического государства, когда становится «выгодным» быть представителем титульной национальности государства. Это не могло не привести к определенному увеличению числа браков нетитульного населения республики с молдаванами, когда альтернативой миграции из страны выступает стратегия на ассимиляцию, если не для самих брачных партнеров, то для их детей.

В советской Молдавии в период с 1959 по 1989 г. во всех наиболее крупных этнических группах отмечалось неуклонное возрастание доли потомков от национально-смешанных браков среди всех детей, родившихся у женщин той или иной национальности. Но при общей тенденции к возрастанию сама эта доля значительно варьировала: минимальной она была у молдаван (3–12%), максимальной – у русских (от 45 до 60%).

За годы существования Молдавии как независимого государства эти процессы претерпели определенные изменения. У многих крупных этнических групп произошло снижение данного показателя на 3–10%-х пункта. Исключение составили украинцы, у которых отмечалась стабилизация этого индикатора, а также русские. У них доля детей, рожденных женщинами от отца другой национальности, значительно возросла: с 60% в 1989 г. до 71% в 1997 г. Таким образом, каждые 7 из 10 младенцев, рожденных русскими женщинами Молдавии, в конце 1990-х годов имели нерусского отца. Эти процессы могли быть обусловлены в значительной степени оттоком из Молдавии русского населения (преимущественно молодых возрастов), что сузило возможности выбора брачных партнеров среди «своих», а также широким распространением у русских смешанных браков. Наиболее «опасным», с точки зрения сохранения русского населения в республике, является рост частоты браков русских женщин с молдаванами, ибо это традиционно сильный канал этнокультурного влияния титульной национальности, способный привести в сложившихся этнополитических условиях к быстрым ассимиляционным процессам у русского населения.

Предпочтительный выбор национальности ребенку, родившемуся в смешанном браке. Как показали результаты этносоциологических исследований в Молдавии, к началу 2000-х годов лишь в браках русских с украинцами для ребенка чаще (в два раза) выбиралась русская национальность,

нежели украинская. Во всех остальных случаях (русско-молдавские, русско-гагаузские, русско-болгарские браки) предпочтение отдавалось нерусской национальности, которая выбиралась в 1,5–2 раза чаще, чем русская.

Принимая решение о национальности своего ребенка, родители исходят из многих обстоятельств, среди которых «престижность» той или иной национальности; «выгода» от принадлежности к той или иной этнической группе в данных условиях и в данное время; желание, чтобы ребенок продолжил этническую линию родителя, и др. Среди всех опрошенных в конце 1990-х годов в Молдавии русских молодых людей лишь около 4% ответили, что хотели бы видеть своих детей русскими; только 17% хотели бы, чтобы их дети выросли людьми, знающими русский язык и культуру. В исследовании 2007 г., проведенном среди городского населения Молдавии, были получены очень сходные результаты: лишь 8% опрошенных русских хотели бы видеть своих детей русскими, 12% высказали желание видеть своих детей людьми, знающими русский язык и культуру.

Таким образом, краткий этнодемографический анализ развития русско-го населения Молдавии свидетельствует, что базовый демографический потенциал Русского мира, представленный этническими русскими, как «шагреневая кожа» неумолимо сжимается. Говоря о «демографических рисках» для русских Молдавии, следует признать их высокими, а демографические перспективы русской диаспоры – неутешительными: практически двукратное сокращение численности русского населения за постсоветский период, резкое снижение и так низкого уровня рождаемости, депопуляция, масштабные миграции из страны молодых трудоспособных людей, высокий уровень потенциальной миграции, значительное постарение русского населения. К тому же демографическое поведение сегодняшних русских, живущих в независимой Республике Молдова, существенно отличается от их поведения в условиях бывшей союзной Республики Молдавии. Во-первых, у русских значительно возросла межэтническая брачность, главным образом за счет повышения доли их браков с представителями титульной национальности – молдаванами. Во-вторых, у русской молодежи, состоящей в смешанных браках, наблюдается стремление к выбору для своих детей нерусской национальности, что свидетельствует о наличии установки на естественную ассимиляцию у значительной части русских, состоящих в подобных браках. Все это говорит о том, что и межнациональные браки в условиях нынешней Молдавии, в отличие от советской Молдавии, будут способствовать снижению численности русской диаспоры в стране.

¹ Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. М., 2007. № 7.

² Текущий архив Национального бюро статистики Республики Молдова. Кишинев.

³ Захаров С. Модернизация рождаемости в России за 100 лет // Россия и ее регионы в XX веке: территория, расселение, миграции. М., 2005. С. 113.

⁴ Там же.

⁵ Топилин А.В. Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. М., 2004. С. 91.

⁶ Рассчитано по: Демографический ежегодник России: 2005. М., 2005. С. 517–518.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АДАПТАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ К СОВРЕМЕННОЙ МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ

В современной динамичной ситуации в экологии, социальных, этнических и геополитических отношениях, вопросах сохранения и развития культуры, самобытности этнических общностей в России¹ проблемы адаптации имеют многоаспектную теоретическую и прикладную актуальность, что убедительно показали итоги успешной реализации под руководством В.А. Тишкова Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»². Сибирскими учеными в рамках проекта «Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах» в широких проблемно-тематических, хронологических и территориальных рамках на основе междисциплинарного подхода установлено, что в традиционных и трансформирующихся обществах в эволюционных и бифуркационных средах наблюдается непрерывный процесс адаптации субъектов и социальных институтов к модернизирующимся природным и социальным условиям. Эволюция моделей адаптивного поведения населения Сибирского региона происходила и происходит под влиянием экологических, этнических, экономических, социокультурных факторов с использованием адаптогенных средств и механизмов в виде общественных институтов, регулятивных норм, социально-психологических воздействий. Исторический опыт жизнедеятельности сибирского населения и современное развитие коренных народов Севера показывают, что для успешного хода адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения важно сохранение сбалансированного соотношения традиционных (придающих устойчивость культуре) и инновационных (обеспечивающих поступательное развитие общества) адаптаций. Важнейшим последствием современных адаптационных процессов стала актуализация задачи выбора каждым человеком определенной жизненной стратегии адаптивного поведения³.

На современном этапе мирового развития музеи являются своеобразными перекрестками основных трансформационных направлений в глобальной экономике, окружающей среде и социокультурными точками пересечения прошлого, настоящего и будущего. Их можно рассматривать как социокультурные институты, актуализирующие историко-культурное наследие как стратегический ресурс, адаптивно-адаптирующиеся локальные системы. Они заняли особое место в изучении истории зарождения, становления и развития культуры народов России, формировании и трансляции региональной идентичности, этнокультурном туризме⁴. Музей является средством и образной моделью способа адаптирования человека к культуре через восстановление целостности мировосприятия, помогающей человеку ориентироваться в мире реальном, адаптироваться в нем, решать проблемы. Он воплощает адаптивные функции посредством объединения в себе интеллектуально-аналитического (науки) и эмоционально-образного (искусства) начала; сакрали-

зации рационального и рационализации сакрального в сознании; единства непосредственной и опосредованной коммуникации; пространственно-временного континуума, создаваемого музеем; декларирования принципа междисциплинарности, высокого уровня синергизма всех форм и способов освоения действительности⁵.

Музеи и музеология в условиях глобализации, как записано в декларации XXXI Ежегодного Международного симпозиума Комитета музеологии ИКОФОМ/ИКОМ ЮНЕСКО (КНР, Чангша, 2008), должны адекватно решать вопросы культурного разнообразия и идентичности, сохранения и трансляции национального наследия, с использованием новых технологий, вести с посетителями социально-ориентированный диалог⁶. На Ежегодном Международном симпозиуме Комитета музеологии Сибири «Музеи для общества XXI века» (Тайвань, Тайпей, 2009), обсуждавшем общемировые и внутригосударственные стратегии, статус и роль музеев в рамках культурной политики, подчеркивалась необходимость сохранения и активной трансляции национального историко-культурного наследия в целом и традиционной культуры жизнеобеспечения этносов в частности⁷. В решении Международной научно-практической конференции «От истории к современности», музейного семинара-тренинга «Музеи в глобальном контексте: процесс и приоритеты», организованных Ассамблеей народа Казахстана и Международным фондом гуманитарного сотрудничества стран содружества (Астана, 2010), была подчеркнута важная интернациональная и геополитическая роль музеев, необходимость отражения в них процессов этнокультурного взаимодействия.

Несмотря на то что культурное наследие все больше начинает рассматриваться в качестве важной составной части индустрии отдыха и развлечений, музеи призваны решать наиболее острые проблемы сохранения культурного и биологического разнообразия, содействовать развитию социальной гармонии, примиряя требования рынка с высокими стандартами научности. В настоящее время при чрезвычайном обострении проблем, связанных с экологией, быстрым исчезновении традиционных систем жизнеобеспечения комплексное исследование региональной культуры жизнедеятельности, удовлетворяющей витальные потребности человека, регулирующие его взаимоотношения с окружающим миром, целесообразно проводить на стыке этнографии, культурологии, музеологии. Представляется весьма актуальным изучение имеющегося зарубежного, российского и регионального опыта, определение новых эффективных путей и способов адаптации результатов историко-этнографических и культурологических исследований в современную музейную практику для эффективной реализации миссии музеев, связанной с межкультурной трансляцией и внутрикультурной рефлексией.

Музей можно рассматривать как пространство диффузии времен. Это проникновение идет от культуры к культуре, от социума к социуму, от человека к человеку. В музее происходит культурная самоидентификация личности в процессе ощущения своей принадлежности к родной культуре и сопоставления ее с другими⁸. При выборе человеком, группой людей определенной жизненной стратегии важное значение имеет прагматика традиционной культуры, возрождение интереса к собственным корням, этничности, религиозным верованиям, системам жизнеобеспечения и культуре жизнедеятельности, формирующейся и функционирующей в результате взаимодействия практик уходящих поколений и опыта новых, процессов адаптаций,

диффузий, аккумуляций. Позиция Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» в этом отношении формулируется следующим образом: «Новые ценности из зерен традиций». Миссия Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника звучит так: «Содействовать единению общества, приобщая людей к познанию истории и сохранению культуры народов Западной Сибири». В контексте локального опыта конкретных людей в глобальных исторических процессах в музеях важное место занимает и призвана занимать комплексная реконструкция культуры жизнеобеспечения этносов, основанная на современных научных достижениях.

В конце XX столетия на всех континентах в обществах различного типа и уровня развития – от традиционных до постиндустриальных наблюдалось явление, получившее название «этнического парадокса современности», характеризующееся двумя тенденциями: глобализацией, прогрессирующей унификацией материальной и духовной культуры, развитием личностного индивидуализма и комплексной этнокультурной фрагментацией и активизацией этнического самосознания людей. В связи с этим активизировались исследования, связанные с изучением проблем традиционной культуры жизнеобеспечения этносов. В результате разнонаправленных теоретических изысканий этнографов, историков, этнокультурологов в исследовании культуры жизнеобеспечения этносов обозначился ряд направлений, в том числе: комплексное изучение материальных (поселения, жилища, одежда, пища, мебелировка, утварь), духовных (применительно к традиционным обществам – народные знания, медицина, обычаи и др.), соционормативных компонентов этнической культуры, призванных непосредственно обеспечивать жизнеспособность этнического коллектива; определение роли и значения адаптивно-адаптирующей функции жизнеобеспечивающей системы в целом; междисциплинарное изучение адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения населения Сибири⁹.

Универсальными основополагающими в развитии культуры жизнеобеспечения можно считать адаптационные процессы как динамический результат взаимодействия субъектов адаптации с внешней средой (как природной, так и социальной), направленной на создание адекватного ей образа жизни, формирование соответствующих ментальных установок, этнических констант. Структура адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX в., разработанная автором статьи как формализованный результат исследований может быть адаптирована к музейной практике, связанной с отражением и представлением посетителям истории заселения и освоения Сибирского региона, так как в ней аккумулирован значительный образовательный и воспитательный потенциал, позволяющий на основе каждого элемента структуры характеризовать такое сложное междисциплинарное понятие, как адаптация, на общетеоретическом, конкретно-научном и практическом уровнях. Прежде всего следует отметить, что на каждом этапе адаптации русского населения Сибири, в целом совпадающем с общепринятыми периодами заселения и освоения Сибирского региона в XVI–XX вв., можно выделить доминирующее содержание. На начальном, преадаптивном, этапе (XVI–XVIII вв.) и особенно в течение первой половины XIX в. интенсивно шел процесс формирования старожилов как структурной части русского этноса, которая к концу XIX – началу

XX в. (периоду массовых переселений, постадаптивному для них периоду) осознавала себя «настоящими сибирскими русскими». Причем разные группы русских в Сибири в рассматриваемый период могли одновременно находиться на разных этапах адаптации: переселенцы – на этапе преадаптации, а затем инадаптации; старожилы – на этапах преадаптации, инадаптации и постадаптации. Для этапа преадаптации в целом характерны различные по продолжительности и глубине адаптации: депривационные, защитные, иногда принудительные, переходящие в добровольные. Индивиды и социальные группы применяли как традиционные, так и новационные модели адаптации.

На этапе инадаптации важное значение имело поддержание старожилами сбалансированного соотношения адаптаций традиционных и новационных, а также апробация адаптаций гиперинновационного характера. Это придавало устойчивость культуре жизнеобеспечения, способствовало дальнейшему накоплению адаптивного потенциала для последующих изменений в обществе. В ходе постадаптации (при глубокой степени адаптации традиционной культуры) ведущими стали новации, реализующиеся посредством компромисса и приводящие к появлению значительного числа паллиативных форм. Роль гиперинновационных моделей адаптивного поведения при модернизации общества увеличилась. Целенаправленное использование институционализированных (государство, община, церковь), нормативно-регулятивных (нормы культуры, традиции, ритуалы, официальные предписания) и личностных средств (миграция, социализация, ценностные ориентации, мотивы, действия, навыки, привычки, подражание) обеспечивало эффективное действие адаптационных механизмов.

Адаптивные практики представляли собой своеобразные алгоритмы формирования жизненного пространства (от выбора места поселений до интерьеров жилых помещений), способов создания адекватного условиям климата костюма, вариативного набора способов заготовки, использования в пищевом рационе местных ресурсов; трансляцию жизнеутверждающих ментальных установок посредством малых фольклорных форм; накопление и актуализацию личного и группового адаптивного потенциала¹⁰. Посетителям музеев на основе введенных в научный оборот результатов исследований и имеющихся в экспозициях и фондах музеев материальных и нематериальных артефактов могут быть представлены стратегии и модели адаптивного поведения населения на разных этапах заселения территории. В рамках научно-образовательной деятельности транслировать информацию, в том числе с помощью информационных и интерактивных технологий, направленную на формирование личности, способной к рефлексии и трансгенерационной передаче оптимальных для данного региона моделей культуры жизнеобеспечения. Структура адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири апробируется как теоретическая модель для проведения дальнейших сравнительно-исторических, этнокультурных, междисциплинарных и музеологических исследований. Значительный интерес для научно-практической деятельности музеев может представлять анализ на ее основе результатов трансфера традиционной культуры Русского Севера на вновь осваиваемые территории России в конце XVI – XVII в.¹¹

Важное значение на современном этапе приобретают исследования, связанные с изучением, сохранением и презентацией этнокультурного насле-

дия, обеспечивающего в информационном обществе культурное многообразие и культурную самоидентификацию. Научные каталоги этнографических коллекций можно рассматривать как важную форму адаптации результатов научных исследований по культуре жизнеобеспечения населения Сибири и к современной музейной практике. Общеизвестным и высокозначимым является вклад омских этнографов, музееведов, культурологов в разработку научно-методологических основ каталогизации и изучение ценнейших коллекций сибирских и российских музеев. В начале XXI в. научная серия «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» (главный редактор Н.А. Томилов) значительно расширилась и к настоящему времени включает 16 монографических каталогов (с комплексным описанием предметов, иллюстрациями, схемами) по хозяйству и культуре народов Севера Сибири, Южной Сибири, казахов, татар, культуре народов и национальных групп Сибири и Казахстана, народов зарубежной Азии¹², восточнославянских народов¹³. В семи из них представлены коллекции, отражающие хозяйство и культуру русского населения Сибири¹⁴. Этнографические коллекции, отражающие культуру того или иного этноса, особенно крупного, рассредоточены, как правило, в различных музейных собраниях. Для эффективного решения научно-исследовательских проблем по их изучению разработана концепция распределенного этнокультурного наследия, основополагающими компонентами которой являются: диспозиционность – репрезентация пластов культуры этноса в музейных коллекциях; функциональность этнографических коллекций, роль и значимость музейных артефактов, семантический смысл предметов, методологическая оснащенность¹⁵. Необходима активная апробация этой концепции, расширяющей проблемное поле междисциплинарного взаимодействия истории, этнографии, музеологии, краеведения с целью формирования сводных музейных каталогов.

Результаты изучения традиционной материальной культуры русских Томского края в коллекциях (3495 единиц фондового хранения) Томского областного краеведческого музея¹⁶ дают возможность для выделения предметного ряда, характеризующего адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири. Заселение на начальном этапе территории выходцами с Русского Севера может быть продемонстрировано с акцентуацией на конструктивные особенности женского костюма, предметов земледелия. Орудия труда, связанные с обработкой дерева и волокнистого сырья, предметы рыболовства являются свидетельством традиционных адаптаций. Образцы охотничьего оружия и орудий труда фабричного производства, элементы городского стиля, металлическая утварь массового производства могут рассматриваться как новационные адаптации.

Анализ культуры жизнеобеспечения автохтонного населения Сибири на основе этнографических коллекций Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, проведенный в соответствии с классификацией, основу которой составляют хозяйственные комплексы, зависящие от конкретных ландшафтно-климатических условий, хозяйственной деятельности населения¹⁷, был положен в основу сравнительной историко-этнографической экспозиции культуры жизнеобеспечения народов Сибири конца XIX – первой половины XX в. В ней представлены важнейшие компоненты материальной культуры (жилище, одежда, утварь), обеспечивающие витальные потребности кочевников-скотоводов: казахов, южных алтайцев, бурят. На

основе репрезентативных и аттрактивных экспонатов показана специфика культуры жизнеобеспечения ханты, манси, кетов, ненцев, селькупов, занимающихся рыбной ловлей, промысловой охотой, оленеводством. В комплексе русского старожильского населения Сибири, связанного с земледелием, экспонируются типовые и уникальные предметы материальной и духовной культуры. В совокупности это научно-экспозиционное произведение можно рассматривать как образную модель трехмерной экосоциальной адаптации «человек–природа–общество»¹⁸. Успешный результат отражения музейными средствами комплексного использования природно-средовых особенностей региона, процессов гибкой экологической и социокультурной адаптации может быть весьма значим для краеведческих музеев Сибирского региона с полиэтничным населением. Таким образом, на основе результатов теоретических исследований по проблемам адаптации населения Сибири, развития в исторической динамике его материальной и духовной культуры, опубликованных каталогов и материалов коллекций крупных сибирских музеев, созданных научно-экспозиционных моделей возможна и актуальна разработка концепции интегрированной проблемно-тематической выставки (в первом приближении виртуальной), отражающей адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири.

В XXI в. чрезвычайно возрастает важность музейных ресурсов для изучения и сохранения национального историко-культурного наследия, сотрудничества с общественностью и государственными структурами, привлечением широких масс посетителей. В зарубежной и российской региональной практике используются различные типы и формы «интегрированных» музеев, ориентированных на культурно-образовательную, социально- и индивидуально-дифференцированную деятельность. Так, например, в национальном лесном парке «Чжангчжанчжи» (КНР), включенном в Список природного наследия ЮНЕСКО, воспроизведена традиционная китайская деревня с соответствующей культурой жизнеобеспечения. В Национальном музее Тайваня используются интерактивные формы адаптации культурного наследия к особенностям восприятия современного человека. Сельский туризм представляется как личностная адаптация к экзотическим природным условиям, культуре жизнедеятельности аборигенного населения. Своеобразной объемной картой Казахстана с историко-культурными и природными объектами (макеты уникальных архитектурных, мемориальных, социокультурных зданий) является этномемориальный комплекс «Атамекен» в г. Астана.

В России в последние два десятилетия идет интенсивный процесс этнокультурного освоения региональных пространств, конструирование этномиров и этнодеревень, их коммерциализация и использование для просвещения и отдыха¹⁹. Для участников VIII Конгресса этнографов и антропологов России интерес как с теоретической, так и научно-практической точки зрения представило изучение методом включенного наблюдения музейно-культурного комплекса «Национальная деревня», открытого в г. Оренбурге в 2007 г. На территории «деревни» расположено 10 национальных подворий, представляющих историю и культуру самых многочисленных по своему составу этнических общностей: русских, татар, казахов, украинцев, башкир, мордвы, армян, немцев, чувашей, белорусов. В каждом из подворий есть историко-этнографический музей, библиотека, кафе национальной кухни. Все строения выполнены с учетом национальных архитектурных особенностей, традици-

онных орнаментов, что можно увидеть и в развернутом иллюстрированном проспекте, выпущенном Министерством культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области. Такую научно обоснованную, интерактивную форму представления, популяризации культуры жизнеобеспечения многонационального Оренбургского края, позволяющую продемонстрировать все многообразие, богатство и особый колорит культуры и народных традиций, можно считать оптимальной и целесообразной, соответствующей актуальным тенденциям мирового музееведения. За несколько лет существования «деревню толерантности» посетили десятки тысяч людей. Проводимые в ней государственные, календарные, национальные праздники способствуют межкультурному диалогу, адаптации населения к условиям проживания в полиэтничном приграничном регионе, укреплению стабильности, межрегиональных и международных связей одного из крупнейших субъектов Российской Федерации. Подобный опыт может быть комплексно исследован и адаптирован к социокультурной ситуации и музейной практике территорий России с полиэтничным населением.

Сибирский регион имеет богатый адаптационный опыт населения в различных природно-климатических зонах, эволюционных и бифуркационных условиях, а его историко-культурное и природное наследие является важным стратегическим и геополитическим ресурсом России. В современных условиях, когда в ряде регионов России заметно обострились межнациональные отношения, особо ценным представляется опыт Сибири, в которой на протяжении значительного исторического периода достаточно мирно уживались многочисленные (и разнообразные в этнокультурном отношении) массы мигрантов, осуществлялся продуктивный обмен культурными ценностями, что нашло отражение в экспозициях и деятельности сибирских экологических и этнографических музеев. Авторами концепций таких музеев являются профессиональные этнографы, археологи, архитекторы, деятели культуры²⁰.

Посредством экомузеев создается универсальный механизм саморегуляции социальных отношений, межпоколенной передачи этнокультурного наследия и экологической этики в естественной среде обитания этносов с музеефицированными памятниками наследия и современной жилой застройкой, территориями традиционного природопользования, охраняемого этнокультурного ландшафта. Изучение этнокультурных ареалов Притомья, сложившихся в результате русской колонизации в конце XIX в., показало, что произошло объединение как прежних этнолокальных групп и улусов-аборигенов, так и поселений русских сибиряков. Вокруг центров межэтнического взаимодействия сформировались на основе совместной хозяйственной деятельности населения, использования русского языка своеобразные локальные комплексы материальной и духовной культуры. Создание в Притомье на этих территориях экомузеев дает возможность местному населению сохранить свою этническую специфику, восстановить механизм самовоспроизводства ценностей и культурных традиций, интегрировать жизненную среду аборигенов в современную среду, установить связь прошлого с будущим через настоящее, что невозможно «государственными и региональными программами возрождения» и обычными средствами музеефикации наследия²¹. В Кузбассе создана сеть экомузеев, каждый из которых выделяется своей этнокультурной спецификой: «Тюльберсий городок», шорский «Тазгол», телеутский «Чолкой», татарский «Калмаки», русско-сибирский «Село Ишим»²².

Значительный теоретический, научно-практический и социокультурный интерес представляет не утратившая актуальности концепция, ориентированная на решение крупномасштабной задачи – превращения г. Ханты-Мансийска в историко-культурный и музейно-туристический центр региона, созданная Музейным комплексом «Государственный окружной музей Природы и Человека» совместно с Этнографическим бюро (Екатеринбург – Тобольск). Принципы стратегии интеграции музеев и подлежащих музеефикации объектов в единый музейный комплекс носят в значительной степени универсальный характер и могут быть использованы в музейной практике других сибирских территорий. В связи с глубокими техногенными изменениями окружающей природной среды в промышленно развитых регионах, массовым уничтожением памятников этнокультурного наследия необходима дальнейшая разработка и реализация проектов средовых музеев. Для этого, несомненно, будут востребованы исследования по культуре жизнеобеспечения населения региона и научно-методические рекомендации по адаптации их к музейной практике. Человек постоянно идентифицирует себя с большими и малыми социальными группами и общностями, с учетом этого адаптивный процесс приобретает жизненные краски, а деятельность, укорененная в определенную культурную среду, – продуктивность.

Региональная идентичность, по мнению В.А. Тишкова, «призвана обнаружить тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, процедуры самоидентификации, в которых образ региона может предстать как образы населяющих эту территорию людей»²³. Музей всегда «вписан» в социокультурную среду, и личность с его помощью увеличивает свои адаптационные возможности относительно реально существующих социокультурных процессов. Для эффективной социокультурной адаптации населения к условиям эпохи глобализации музеев не только должны хранить и презентовать историко-культурное и природное наследие, но и, реагируя на социальные запросы, стать средством межкультурной коммуникации, способствующим формированию веротерпимости, толерантности, стремления постигать и принимать мир других людей. Социокультурная адаптация в этой связи рассматривается как наследование и актуальное использование обычаев, норм поведения, знаний и традиций, выработанных и функционировавших в рамках соответствующих социальных институтов, реализующихся в личной и общественной жизни.

В настоящее время важную роль в трансляции региональной и этнической идентичности, социокультурной адаптации населения играют музеи под открытым небом, музеи-заповедники, документирующие этногенез народов, их быт и культуру посредством комплектования, хранения, изучения и популяризации этнографических коллекций, презентации традиционных систем жизнеобеспечения и культуры жизнедеятельности. Из сибирских самыми крупными и известными являются Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник²⁴, историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»²⁵, Этнографический музей-заповедник народов Забайкалья²⁶, Историко-архитектурный музей под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН²⁷. В музеях под открытым небом, заповедниках памятники деревянного зодчества, экспонаты образуют в музейном пространстве сфокусированное информационное поле, дающее возможность выявления трансформаций в традиционной

народной культуре. В них активно апробируется методика адаптации традиционных форм научно-просветительской работы к новым социокультурным запросам населения с учетом половозрастных и этноконфессиональных особенностей.

Этнографический музей-заповедник народов Забайкалья ведет научно-просветительскую работу с разными слоями населения, выполняя важную функцию формирования в социальном пространстве толерантного отношения к соседним культурам и поддержания интереса современного поколения к собственной этнической истории и культурным ценностям, демонстрируя многовековую мудрость и простоту жизни этноса, транслируемые через музейные коллекции и воссозданную историко-культурную среду²⁸. На основе современных научных достижений целесообразно представлять музейными средствами (сравнительные и проблемные, виртуальные экспозиции, экскурсии, лекции, интерактивные формы) знания и умения, позволяющие людям успешно адаптироваться к новой социальной и информационной среде, активно воздействовать на нее в личных и общественных интересах.

Таким образом, имеется значительный массив историко-этнографических исследований по культуре жизнеобеспечения Сибири, примеры успешного опыта адаптации их к практической деятельности музеев, определяют основные направления перспективного внедрения научных результатов. Вместе с тем очевидно, что для эффективной реализации задачи по адаптации исследований культуры жизнеобеспечения населения Сибири к современной музейной практике необходимо дальнейшее изучение деятельности музеев по презентации культуры жизнеобеспечения, развитие в этом направлении дискурса науки, культуры, образования, выход на новый информационный и интеграционный уровень исследований.

В Институте истории СО РАН в соответствии с Программой Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» выполняется междисциплинарный (на стыке истории, этнографии, музеологии) проект «Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири: традиционные, новационные, информационные аспекты»²⁹. Новационными аспектами являются создание историко-этнографических 3-D реконструкций (виды населенных пунктов, технология строительства), анимационных роликов (внешний вид и интерьеры «черной» избы и хором), сравнительный анализ на основе 3-D моделей адаптации жилищного комплекса в ходе освоения новых территорий Северной Америки и Сибири в XVII–XVIII вв. В рамках проекта создается и апробируется информационная интернет-ориентированная система «Культура жизнеобеспечения населения Сибири: общее и особенное» со следующей структурой: I. Научно-исследовательский ресурс: I.1. Историографический раздел (библиография по теме, тексты статей, дайджесты монографий, каталоги); I.2. Источниковый раздел (архивный документ, архивный рисунок, фотография, музейный предмет (фото, рисунок), фрагмент экспозиции (фото), видео, реконструкция, анимации); I.3. Справочный раздел (информация о музеях, персоналии, события); II. Научно-образовательный ресурс: II.1. Мультимедийные лекции, II.2. Базы знаний; III. Культурологический ресурс: III.1. Экспозиции, III.2. Выставки, III.3. Презентации. В систему уже включены научные исследования, материалы по ряду музеев Сибири, Европейской России, Китая и Тайваня. Наличие системы удаленного доступа позволит участвовать в пополнении и пользо-

вании системой заинтересованных российских и зарубежных ученых, будет способствовать развитию сравнительных историко-этнографических и культурологических исследований, внедрению их в музейную и образовательную практику, способствовать адекватной презентации историко-культурного наследия Сибири в современных информационных системах. Данный репрезентативный научно-информационный ресурс будет активно использоваться в российских междисциплинарных проектах, в частности «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» (Институт истории СО РАН, Российский институт культурологии).

В рамках международного проекта «Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего» представляется перспективной разработка и реализация инициированного Комитетом музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеанского региона и Научным советом по музеям СО РАН проекта «Музейный меридиан» (охватывающего территории Сибири, Казахстана, Монголии, Китая, Индии), предполагающего формирование сравнительных виртуальных экспозиций по культуре жизнеобеспечения и социокультурной адаптации населения в контексте сложных демографических, этнокультурных и геополитических процессов на территории Азии. Гиперновационной формой адаптации результатов научных исследований по проблемам культуры жизнеобеспечения с теоретической и научно-практической точки зрения может явиться разработка концепции и модели интегрированного сетевого Музея Сибири, органично сочетающего глобальное и локальное, традиционное и современное в культуре этносов с учетом этноисторического опыта и реалий XXI в., способствующего формированию общероссийской гражданской солидарности при сохранении собственных идентичностей.

¹ Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2008 гг. Оренбург, 2008.

² Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков, А.Б. Куделин. М., 2009.

³ Ламин В.А., Шелегина О.Н. Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: Мат-лы Всероссийской научно-практич. конф. / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2008. С. 5–11.

⁴ Музеи и этнокультурный туризм: Сборник материалов III Ежегодного Международного симпозиума Комитета музеологии Сибири / Под ред. О.Н. Труевцевой, О.Н. Шелегиной. Новосибирск, 2010.

⁵ Алешина Т.А. Музей как феномен культуры: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 1999. С. 16–17.

⁶ ICOFOM Study Series-IIS 38. 31 Annual International symposium. Museums, museology and global communication. China, Changcha, 2008.

⁷ Proceedings of International Symposium «Museums for the Society in the 21 Century». Taipei, 2009.

⁸ Мастеница Е.Н. Культурологическая парадигма музееведения // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. СПб., 2008. Т. III: Культурная динамика / Отв. ред. Д.Л. Спивак. С. 123.

⁹ Жигунова М.А., Шелегина О.Н. Материальная культура русского населения Сибири в XX веке: традиции и новации // Русский этнос Сибири в XX веке: Сборник научных трудов / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Ламина и чл.-корр. РАН Б.В. Базарова. Новосибирск, 2004. С. 62–63; Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского

населения Сибири в XVIII – начале XX века: (К постановке проблемы). Новосибирск, 2005. С. 321–327.

¹⁰ *Шелегина О.Н., Мамсик Т.С., Комлева Е.В.* Русское население Сибири: этапы адаптации, адаптационные механизмы и практики в XVI – начале XX в. // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2009. С. 266–273.

¹¹ *Шелегина О.Н.* Адаптация результатов научных исследований к музейной практике (на примере изучения севернорусских традиций в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири) // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: Сб. мат-лов Всероссийской научно-практич. конф. / Под ред. А.М. Шаева, Т.Г. Невзоровой, С.А. Герасимова, Е.Б. Заручевской. Архангельск, 2010. С. 321–328.

¹² *Томилов В.С., Томилов Н.А., Корусенко М.А.* Научные серийные издания Омского научного центра России по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск, 2007. С. 37–39.

¹³ *Жигунова М.А., Захарова И.В.* Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2009.

¹⁴ *Жигунова М.А.* Культура восточнославянских народов в этнографических собраниях омских музеев // Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Н.М. Щербин. Новосибирск, 2010. С. 21.

¹⁵ *Смеякова А.В.* Казахские этнографические коллекции в музейных собраниях Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд. культуролог. Кемерово, 2009.

¹⁶ *Артюхова И.В.* Традиционная культура русских в фондах Томского областного краеведческого музея. Томск, 2010.

¹⁷ *Сальникова И.В.* Культура жизнеобеспечения автохтонного населения Сибири (на примере этнографических коллекций Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. С. 66–68.

¹⁸ *Головнев А.В.* Локальные и магистральные культуры в антропологии движения // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2009. С. 238.

¹⁹ *Тишков В.А.* Три карты: физическая, административно-государственная и этническая // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы доклада. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 10.

²⁰ *Кимеев В.М., Афанасьев А.Г.* Экомuzeология: национальные экомuzeи Кузбасса. Кемерово, 1996. С. 24–148; *Тихонов В.В.* Особенности музеефикации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья: Автореф. дис. ... канд. культуролог. Кемерово, 2004.

²¹ *Кимеев В.М.* Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитекtonика, функции. Томск, 2008.

²² *Кимеев В.М., Афанасьев А.Г.* Экомuzeология: национальные экомuzeи Кузбасса.

²³ *Тишков В.А.* Три карты: физическая, административно-государственная и этническая. С. 10.

²⁴ *Акулич Е.М.* Музей и регион: Монография. Екатеринбург, 2004.

²⁵ *Жигунова М.А., Шелегина О.Н.* Этнографические музеи Сибири // Сибирская историческая энциклопедия: В 3 т. Новосибирск, 2009. Т. III. С. 577–578.

²⁶ Там же.

²⁷ *Майничева А.Ю.* Особенности развития музеев под открытым небом в Сибири // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: Сб. мат-ов Всероссийской научно-практич. конф. / Под ред. А.М. Шаева, Т.Г. Невзоровой, С.А. Герасимова, Е.Б. Заручевской. Архангельск, 2010. С. 321–328.

²⁸ *Шагланова О.А.* Этнографический музей народов Забайкалья как модель сохранения этнокультурного наследия автохтонных этносов и этнических групп Байкальского региона // Музеи и этнокультурный туризм: Сборник материалов III Ежегодного Международного симпозиума Комитета музеелогии Сибири / Под ред. О.Н. Труевцевой, О.Н. Шелегиной. Новосибирск, 2010. С. 141–144.

²⁹ *Шелегина О.Н.* О проекте «Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири: традиционные, новационные, информационные аспекты» // Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVII–XX вв.: традиционные, новационные, информационные аспекты: Сб. научных трудов. Новосибирск, 2009. С. 4–11.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЛОКУСЕ БЫТИЯ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Сложившиеся на территории Центральной Азии монгольские народы в основном и главным образом представляли собой кочевую культуру, при этом активно и динамично развивающуюся, усваивающую многие этнокультурные традиции этносов сопредельных территорий.

В пространственном отношении идентификация внутри монгольской меэтнической общности представляла четыре большие этнотерриториальные группы: 1. Южные монголы (овор монгол), 2. Центральные монголы (халха и сопутствующие им дариганга, хотогойты, сартулы, узумчины и др.), 3. Западные монголы (дуурбэн ойрат) и 4. Северные монголы (ара монгол), в основном представленные бурятской этнической общностью. При этом указанные этнотерриториальные группы идентифицировали себя как «хамаг монгол» («все монголы»), подразумевая общие этногенетические корни и истоки.

Как указывают известные отечественные и зарубежные этнологи, в общечеловеческой истории фиксируются всего пять хозяйственно-культурных типов¹: охота, собирательство и рыболовство как самый архаичный хозяйственно-культурный тип (практически все этнические культуры менее или более знакомы в своей этнической истории с этим типом); раннее земледелие; пашенное земледелие – эти два хозяйственно-культурных типа являются основными параметрами оседлой культуры, в целом развивающейся стационарно на конкретной территории; скотоводство – основной хозяйственно-культурный тип, присущий всем монгольским народам, и оленеводство, включающее в себя и таежное, и степное, а также конное оленеводство. Кстати, этническая территория монгольских народов – одна из единственных на нашей планете, где фиксируются все эти пять типов, хотя, как показывает опыт этнической истории, обычно доминирует лишь один из них.

Земледельческий хозяйственно-культурный тип – это ярко выраженная оседлая цивилизация, а скотоводческий и оленеводческий типы хозяйствования – это также ярко выраженная, но кочевая и динамичная цивилизация. Однако для определения корней этнической идентификации и самоидентификации необходимы еще четыре параметра, формирующих уникальность того или иного этноса. И именно эти шесть характеристик любой этнической общности – территория (ландшафт, климат и пр.), хозяйственно-культурный тип (оседлая, кочевая цивилизация), язык, культура, этническое самосознание и особенности психологического склада создают тот уникальный, неповторимый и очень характерный, свойственный только конкретному этносу стереотип мышления, мировосприятия и мироощущения, который сейчас называется модным словом «менталитет». При этом ментальность индивида, как представителя конкретной этнической культуры, всегда будет находиться в русле «своей» культуры.

Современные этносоциальные и этнокультурные процессы в своем контексте фиксируют большую степень ассимиляции традиционных структур культуры, а также изменения некоторых аксиологических характеристик и параметров этнической культуры как в общих характеристиках, так и в ло-

кальных вариантах. Степень вовлеченности и активности диаспор в современную структуру общества и человека как субъекта культуры должны, как нам кажется, рассматриваться не только в контексте этносоциальных и этнополитических процессов, но и в контексте территориальных, региональных и локальных этнокультурных традиций. Анализ полевых материалов, проведенный нами, показывает, что современные процессы глобальной модернизационной интеграции, реально существующее культурное разнообразие человечества, интер- и кросскультурные взаимоотношения и контакты, миграционные и демографические процессы вызывают в современном обществе в свете трансформационных и модернизационных процессов обострение таких феноменов, как этнические корни, этно- и культурогенез, этничность, традиционные этнокультурные ценности, этническая культура и этнический интерес¹.

Сложившаяся на рубеже веков этнокультурная ситуация синхронного существования этносов в полиэтнических пространствах, различающихся друг от друга уровнем культурно-цивилизационного развития, языком, религиозными традициями и образом жизни, а также численностью и традиционным типом ведения хозяйства, обусловила сложности процессов эволюции этнического самосознания и самоидентификации, выявив при этом этноинтегрирующие и этнодифференцирующие факторы.

В связи с этим большую актуальность и огромное социокультурное значение приобретают такие этнические категории, как идентификация и самоидентификация многих этносов. Тем более, новое постперестроечное и пореформенное время внесло принципиальные перемены в социальную структуру общества.

В формировании этнического самосознания большую роль играют интер- и кросскультурные связи с соседними этническими культурами. Этнокультурные традиции монгольской метаэтнической общности исторически взаимосвязаны еще со времен Монгольской империи с китайской и славянской (в основном восточнославянской) метаэтническими сообществами. При этом идентификация и самоидентификация представителей монгольской общности, например, во Внутренней Монголии, происходила на уровне: китайская оседлая культура и культура кочевников; в Синьцзянском автономном районе КНР: китайская оседлая культура и культура как собственно монгольских кочевников, так и кочевая культура тюркских этносов; в Монголии: маньчжурская культура и монгольская кочевая культура, в основном в условиях моноэтнической структуры; в Бурятии и Калмыкии: славянские этнические сообщества и бурятский и калмыцкий этнический стереотип кочевой цивилизации.

Пространственные аспекты этнической культуры, поведенческая (или этническая экология), а также сформировавшиеся общеэтнические сознание и самосознание китайской, славянской и монгольской метаэтнических общностей в результате многих социокультурных факторов все же обладают этнодифференцирующими особенностями. Основными, на наш взгляд, являются факторы, определяющие хозяйственно-культурный тип каждого конкретного этноса. В данном случае монгольский метаэтнос – это яркий представитель кочевой, динамичной цивилизации, а китайский и славянский метаэтносы – это оседлые земледельческие цивилизации со всеми вытекающими отсюда нюансами, аспектами и факторами этнической идентифика-

ции. При этом, и это очень важно, каждая этническая культура в пространстве Центральной и Восточной Азии, а также Южной Сибири соответственно характеру хозяйственно-культурного типа органично заняла свою собственную этническую, экологическую нишу (китайский и славянский этносы – по поймам рек и водоемов, монгольские этносы – в степных районах), обеспечив тем самым свое собственное неповторимое этническое пространство культуры и этнокультурных традиций с соответствующими самосознанием и самоидентификацией.

В теории этносов и этнических культур большое значение придается в основном шести главным характеристикам или параметрам, влияющим на специфику культуры и осознания и идентификации каждого индивида внутри этой культуры, а также восприятиям тех или иных элементов соседней, в каком-то смысле «чужой» для него культуры.

Одним из значимых параметров любого этноса является прежде всего территория, на которой исторически сложилась конкретная этническая группа. При этом большое значение приобретают не только ландшафтные особенности этой территории, но и климатические и погодные условия местности. Не секрет, что этносы, сложившиеся на горных территориях, имеют свои неповторимые и уникальные особенности, выраженные в темпераменте и, соответственно, в уникальной и специфической этнической ментальности. Кавказские народы являются ярким тому примером. В монгольской метаэтнической общности к «горным» этносам можно отнести западных монголов, т.е. ойратов или объединение «дурбэн ойрат» и сопутствующих им представителей других родов и племен – торгутов, дэрбетов, хошутов, зунгаров, баятвов, олетов, мингатов, чоросов и др. К «горным» этносам на территории этнической Бурятии можно также отнести и хонгодоров, поздних выходцев из Западной Монголии, расселившихся в Окинском, Тункинском и Закаменском районах Республики Бурятия. Калмыки, поскольку исторически и этнически считаются ойратами, также по характеру и складу ума относятся к горным представителям монгольской метаэтнической общности.

Равнинно-степное пространство, на наш взгляд, уже в силу специфики ландшафта располагает к спокойствию и уравновешенности. Кстати, разговорный язык «горных» монголов характерен быстрым произношением и сглатыванием многих гласных.

Степные хори, булагаты, хайты, баоань, дунсяне, дауры, барга, монголы, харчины, хорчины, чахары и др. отличаются от «горных» монголов прежде всего очень выдержанным и спокойным этническим темпераментом и особой ментальностью. Естественно, что мировоззренческие аспекты и самоидентификация этих монголов сформировались под влиянием ландшафтных и климатических условий Великой Степи.

При этом характерной и четко выраженной чертой этнической культуры монгольских народов, а значит и этнического самосознания и самоидентификации в «своем» и «чужом» культурном пространстве, является цикличность их мировоззрения и мировосприятия. Цикл – это круг, а для кочевой монгольской цивилизации с самых ранних моментов ее возникновения: земля – круглая; солнце, луна – круглые; юрта – круглая; небосвод и небесная сфера – полукруглые (а полукруг в их традиционном понимании всегда может преобразоваться в круг). Двенадцатилетняя календарная система всех

монгольских народов также циклична – повторяющийся четыре раза 60-летний цикл.

Вся традиционная обрядность монгольских народов, в том числе и религиозная, оригинально и уникально циклична или «заиклизована». Все происходит по кругу. Вместе с рождением ребенка начинается новый цикл новой жизни (первый этап), затем по традициям классической этнологии человек вступает во второй этап своего развития (равно как и этносы), т.е. в стадию перехода из младенческого состояния во взрослое сообщество, из детства во взрослость². Это, как правило, оформляется обрядами перехода, специфическими для каждой конкретной этнической культуры, которые включают в себя обряды отделения, промежуточные обряды и обряды включения. Затем наступает третий этап – брак (для индивида), а для этнических культур – экономический, политический, этносоциальный, этнокультурный альянс. Четвертый этап характеризуется зрелостью индивида и этноса, когда многие этнические культуры уже обозначены по историко-культурным, этнокультурным, хозяйственно-культурным, этнополитическим, военно-политическим, духовным, религиозным и этнопсихологическим параметрам в локусе своего бытия и сопредельных территорий.

И последний, завершающий (пятый) этап – это смерть индивида или исчезновение этнической культуры с мировой арены. Но, учитывая теорию реинкарнации, существующую во многих религиозных культурах, жизненный цикл может снова начаться и продолжать свой путь по кругу. Немаловажно, что «Колесо сансары» в тибетской форме буддизма также имеет пять элементов. Более того, интересно, что человек как биологическое существо вместе с головой и расставленными руками и ногами также может представлять собой пять точек, которые можно соединить пунктиром в круг.

Монгольская метаэтническая общность по многим этим параметрам входит в единую и достаточно целостную систему культуры этносов Центральной Азии, в которую как одна из ведущих культурных доминант входит тибетская этническая общность. На протяжении многих веков монгольские народы были включены в центральноазиатскую культурную среду, и исторические корни их самоидентификации практически восходят от нее или, во всяком случае, имеют очень тесные взаимосвязи с ней.

Культурный комплекс центральноазиатских кочевников обладает своей спецификой, которая выработалась в процессе освоения ими степей Центральной Азии. Этот комплекс отличен от соседнего земледельческого народа и типологически объединяет монгольских и тюркских кочевников.

Внутри центральноазиатского типа «язык культуры» различен у тюрков и монголов (монгольских народов), имеющих особенный, свойственный только каждой из этнокультурных общностей, стереотип, образующий свою знаковую систему, замкнутую в рамках этноса.

В каждом этносе (этносоциальном организме) элементы традиционной культуры маркируют половозрастные, социальные и религиозные слои общества, определяя рамки общения – межличностного, межгруппового и т.д., т.е. выполняют соционормативные функции.

Составляя важную часть системы ценностей и ценностных ориентаций, знаковые системы и отдельные элементы традиционной культуры народов Центральной Азии играли важную роль в социализации подрастающего поколения и тем самым в сохранении устойчивости этноса, так как создавали

своеобразный механизм иммунитета, позволявший противостоять размывающим этническую специфику влияниям чужих культур.

Каждая культура со своими пространственно-временными параметрами тесно связана со своим творцом – этносом, этносоциальной общностью. Элементы культуры, равно как этносоциальные традиции, являясь составной частью всей культуры, в целом выполняют четко определенные функции. Серьезную роль в функционировании культур играет также комплекс религиозных верований самого разного уровня развития – анимизм, тотемизм, фетишизм, политеизм, мировые религии. Именно религия, выступающая в качестве доминирующего элемента всякой культуры, является ведущим фактором в определении своеобразия культур и, на наш взгляд, основной регулятивной силой в развитии этнических культур.

В теории и практике культуры определение, выявление и анализ ценностных ориентаций и систем каждого конкретного этнокультурного и социокультурного сообщества представляется нам одним из доминирующих аспектов, так как аксиологический ряд, а иногда и целые комплексные ряды в каждой конкретной этнической культуре характеризуются специфическим набором и иерархией ценностей, которые выступают как целостная система этносоциальной регуляции, причем достаточно высокого уровня. При этом аксиология как самостоятельная область философской традиции присутствует или возникает лишь тогда, когда понятие бытия, как философская категория, представляется в виде двух элементов – реальности, в которой оказалась та или иная культурная общность, и ценностей этой общности, как традиционных, так и подвергшихся трансформации (в меньшей или большей степени).

Аксиологические проблемы при этом могут решаться с позиций натуралистических, онтологических, этнологических, психологических, трансцендентальных, религиоведческих, социологических и культурологических.

Человек как субъект в его глобальном, а также этносоциокультурном измерении представляется нам уникальным феноменом социальной истории человечества со всеми вытекающими характеристиками ценностей, обусловленных прежде всего конкретными историческими религиозными традициями.

На протяжении многих столетий европейские страны в своем большинстве преодолели процесс секуляризации общества. Уже в XVI–XVII вв. христианские каноны заменяются гражданским правом, и религиозные христианские традиции переходят в сферу нравственной регуляции человека и общества и в основном касаются проблем внутренней жизни индивида.

В условиях глобализации во многих регионах мира, нашей страны и нашего региона в частности проблема идентификации личности как внутри конкретно этнического сообщества, как своеобразном макром мире, так и в процессах универсальной глобализации, как особом цивилизационном микромире, вернулась в политику, экономику, право, образование, причем в новых, зачастую крайне интересных и иногда даже парадоксальных формах.

Зарубежная антропологическая наука, как считает В.А. Тишков, ушла намного вперед в области изучения культурного многообразия, выйдя за пределы собственно этнической и культурной проблематики³. Вместе с тем в области антропологических знаний в отечественной науке значительно расширился круг интересов многих ученых, ориентированных как на клас-

сическую культурную антропологию, так и на относительно новые направления, такие, как социальная, политическая и юридическая антропология, религиоведческие, гендерные исследования, миграционные процессы и диспорные проблемы.

В смысле понимания и интерпретации человека как *Homo sapiens*, как некоего социального феномена, развивающегося в конкретном этнокультурном контексте, а также принимая во внимание многие позитивистские установки естественнонаучного познания (индуктивизм, эмпиризм, биологические законы развития и др.), можно констатировать, что проблема человека является не столько предметом социальной и культурной антропологии, сколько общегуманитарной проблемой, ориентированной прежде всего на понимание значений и символов не только собственной культуры (причем обязательно этнически, этносоциально и этнокультурно обозначенных со специфическими маркерами и символами), но и ориентированной на понимание значений и символов других культур, окружающих его. При этом обязательным условием его бессознательно-сознательного понимания природы других культур должно являться адекватное восприятие и понимание этих культур.

Известный теоретик культуры М.С. Каган считает, что «в средневековой культуре в Европе явственно различаются, по крайней мере, четыре культурных слоя (субкультуры): 1) крестьянский, фольклорный, во многом сохраняющий традиции языческой культуры первобытности; 2) религиозная субкультура, живущая в храмах, монастырях и, в частности, жизни людей этого времени; 3) субкультура светская, рыцарская и придворно-аристократическая, политизированная, этицированная и эстетизированная в совсем ином духе, чем 4) культура религиозно-спиритуалистическая, аскетическая, антигедонистическая; бюргерская культура формирующегося города, культура ремесленников, торговцев, представителей нарождающейся интеллигенции ...»⁴.

Монгольские народы, населяющие регион Центральной Азии, воспринимали ареал своего обитания как некую сакральную территорию с культом Вечного Синего Неба, небесных планет и светил, Млечного пути, Полярной звезды, Земли, со всевозможными «хозяевами» местностей, гор, пещер, деревьев и водных пространств. В свое время весь этот огромный пантеон органично инкорпорируется буддийской религиозной системой, создав особую единую этноконфессиональную культуру региона.

Более того, письменные источники монгольских народов, в том числе генеалогические родословные, фиксируют практически полную адаптацию буддийских этических и ритуальных норм.

Письменные традиции монгольских народов имеют достаточно сложную историю, так как в силу многих историко-культурных причин их письменность представлена в достаточно широком диапазоне – более десяти графических систем, имевших место во всем монголоязычном пространстве, хронотопически фиксирующих различные региональные и локальные вариации.

Рассуждая о том, по каким причинам именно эта письменная традиция, сохранившаяся вплоть до наших дней (монг. – *монгол бичиг*; бур. – *хушан монгол*), была избрана всеми монгольскими народами как основная и фундаментальная, и анализируя письменные традиции монгольских народов как текст культуры в этнокультурологическом контексте мы, выделяем три ас-

пекта развития письменных традиций: 1) этапы адаптации письменных вариантов 2) этапы развития и 3) этапы становления письменной культуры, «живой души» народа.

При этом письменные традиции в своей эволюции представлены в достаточно широком диапазоне – это и памятники рунического письма, родовые и племенные печати (тамги), тексты пайдзе средневекового периода, киданьское письмо, алфавит Али-Гали, монгол бичиг, бурятская старописьменная традиция, ойратское ясное письмо, соембо, горизонтальное квадратное письмо (алфавит Пагба), алфавит Агвана Доржиева, письменность Вагиндары, латинское письмо, кириллическое письмо. При этом руническая письменность хунну – своя особая, несколько отличная (на основе арамейской с использованием согдийской письменной традиции) от древнекитайской иероглифической традиции письма (бичечи).

Протомонгольские этнические общности с самого раннего периода формирования письменной культуры в ее контексте пробовали различные традиции и инновации как инокультурную, т.е. китайскую иероглифику, так и графические символы своей собственной этнической культуры – такие, как следы животных и птиц, обитающих на их этнической территории.

На наш взгляд, монгольская метаэтническая общность имела неограниченные возможности выбора письменных традиций, начиная с иероглифического китайского письма, однако все же они остановили свой выбор на так называемой уйгурской письменности. При этом последние исследования многих монгольских ученых абсолютно авторитетно раскрывают тот факт, что согдийскую письменную традицию, на основе которой базируется уйгурский алфавит, монгольские народы приняли одновременно с уйгурами задолго до периода Чингисхана, т.е. практически и фактически за 700 лет до создания Великой Монгольской империи⁵.

Письменность монгольских народов, как весьма органичный текст культуры, имеет в том числе и многочисленные аспекты внутри своей структуры – естественнонаучный, онтологический, логический, антропологический, так как манера письма сверху вниз в абсолютной степени соответствовала традиционной ментальности и этнокультурным стереотипам монгольских народов. Во время наших полевых исследований в Монголии по Арахангайскому и Увэрхангайскому аймакам в 1985 г. один из информаторов поведал изумительную версию о приобретении письменных традиций монгольских народов. Он утверждал, что вертикальная письменность монголов «спустилась сверху, с неба» – «дэрэсэ буусан, тэнгэрээсэ унасан». Более того, архаические культы Вечного Синего Неба и Матери – Земли у монгольских народов позволяют сделать выводы об абсолютной адекватности стереотипа мышления монголов выбранному варианту вертикальной письменности.

Этнокультурный анклав монгольских этносов, воспринявших буддийскую религиозную культуру, несомненно, имеет общие специфические черты с тибетской этнической традицией, чьи архаичные добуддийские религиозные обряды и ритуалы были практически идентичными.

Феномен адаптации инновационной системы буддийской культуры, в наше время считающейся традиционной для всего ареала Центральной Азии, указывает, возможно, на то, что этносы, насельники этого региона, были практически готовы воспринять и закрепить новую религиозную систему в своих этнокультурных символах. Однако ментальность как духовно-

образующая субстанция религиозных навыков и верований существенно поменялась.

Феноменальным является также и то, что монгольская метаэтническая общность на этом этапе своего развития интегрировалась уже в рамках буддийской культуры, восприняв не только буддийскую обрядовую и культовую практику, но и всю ее докринально-философскую систему, органично внося в их канву и добуддийские религиозные знания и практики.

Феномен буддийской культуры в структуре кочевых традиций монгольских народов, естественно, имеет свои этнодифференцирующие аспекты, но несомненны и его этноинтегрирующие функции. Этноконфессиональная культура монгольских этносов на протяжении уже многих веков практически не может представить себя вне буддийской религиозной традиции.

Этноинтегрирующий фактор буддийской культуры четко фиксируется также в его антропоцентристской, метаэтнической, универсальной направленности, духовной гармонии, нравственном самосовершенствовании, милосердии, сострадании, четкой иерархии Будд и бодхисатв и всего буддийского пантеона во главе с Буддой, тогда как в дошаманской и шаманской культурах присутствуют этнодифференцирующие тенденции, будирующие трайбалистские начала и политеистические традиции с многочисленными жертвоприношениями, различающимися внутри монгольского суперэтноса по родам и племенам, а также строгой функцией шамана как медиатора между миром людей и тенгриев различного ранга.

Этноконсолидирующая и интегрирующая роль буддийских основ и принципов особенно ярко выражена в высокой степени толерантности индивида – человека монгольской метаэтнической общности как субъекта буддийской религиозной культуры.

Буряты, как самостоятельно сложившийся этнос, исторически и генетически представляют собой самую северную часть монгольской метаэтнической общности, или монгольского суперэтноса, со всеми вытекающими отсюда историко-культурными традициями.

В связи с этим исторические корни этнического самосознания и самоидентификации бурят складывались и развивались в недрах единой монгольской метаэтнической общности, представленной в современный период монгольскими этносами Республики Монголия, автономным районом Внутренней Монголии КНР, Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР, этнической Бурятией (вместе с бывшими Агинским Бурятским автономным округом, Усть-Ордынским Бурятским автономным округом, Республикой Бурятия) как самой северной части монголоязычного ареала и Республикой Калмыкия, находящейся в европейской части Российской Федерации.

Религиозные ритуалы, как правило, выполняют защитные психологические функции, где человеческие стремления получают активное (действие) и реактивное выражение (ответ). Исследуя психологические функции ритуала, Э. Фромм подчеркивал их символическую природу: «Подобно тому как символический язык, который мы находим в сказках и мифах, есть особая форма выражения мыслей и эмоций путем воображения в чувственном переживании, ритуал есть символическое выражение мыслей и эмоций в действии»⁶. При этом присутствие «примитивных» религий в современных социумах свидетельствует, по его мнению, о регрессивном начале в эволюции человека и общества.

Религия, как наиболее устойчивый компонент в этнокультурной истории народов Центральной Азии, имеет свои закономерности развития и традиционные стереотипы, которые можно обозначить как системы религиозной культуры⁷. Под религиозной культурой мы подразумеваем определенные исторически сложившиеся религиозные институты, сформированные центральноазиатской этнокультурной средой и функционирующие в качестве норм, идеалов, стереотипов мышления и поведения, ценностно-ориентационных структур, передаваемых из поколения в поколение. При этом религиозная культура является едва ли не самым доминирующим и приоритетным звеном, неотъемлемой составной частью всякой человеческой культуры, необходимым условием ее существования и развития. Причем уровень развития каждой конкретной этнокультурной общности Центрально-Азиатского региона вырабатывал изменение тех методов и способов регуляции религиозной системы, которые на данном этапе соответствовали бы и являлись органичным в ценностном ядре данной культуры. Взаимодействие многочисленных этнических субстратов (тюрки, маньчжуры, тибетцы, монголы) и их культурных традиций способствовало не только обогащению и синтезу, но и их эволюции от низших форм к более высоким, а значит и развитию, совершенствованию всей религиозной системы народов Центральной Азии. Преемственность наиболее общих парадигм религиозной культуры этого региона и их историческая устойчивость диалектически сочетались с процессами ее поступательного развития, в котором опыт предыдущих стадий, все его достижения не отбрасывались, а сохранялись и синтезировались в целостную систему религиозного сознания и поведения. Одной из высших стадий эволюционного развития религиозной культуры этого региона, несомненно, является система религиозных традиций, сложившаяся в результате синтеза тибетского буддизма с традиционными верованиями и культурами, обрядами и обычаями тибетского и монгольских народов Центральной Азии. Буддизм принес этим народам не только высокий уровень религиозного сознания, соответствующего уровню развития религиозно-философского и этического учения мировой религии, но и познакомил с религиозными традициями других народов Востока – индийцев, китайцев, иранцев и др. Вместе с тем тибетизированный буддизм в его специфической центральноазиатской культурно-исторической вариации органично инкорпорировал и ассимилировал предшествующие формы религии и культуры, достигнув органического сплава буддийских и небуддийских элементов, что в конечном итоге привело к образованию достаточно однотипных и устойчивых форм религиозной культуры во всем регионе.

Религиозные символы в культурах многих народов в процессе своей эволюции потеряли свою полноту, но все же остались приоритетными в религиозных обычаях, обрядах и ритуалах. При этом адаптация религиозных теорий и практик мировых религий, таких, как буддизм, христианство и ислам, кроме ярко выраженного интеграционного процесса, носило в какой-то степени и глобализационный характер, изменяя ментальность народов.

Буддийская религиозная культура для кочевой цивилизации монгольской межэтнической общности в разные хронологические периоды, особенно в начале адаптации, была все же инновационной в системе этнокультурных традиций этой общности. И здесь возникает вопрос, какова должна быть специфика этнокультурных традиций (вместе с хозяйственно-культурными

особенностями, социальными, политическими и религиозными аспектами, составляющими единую картину мироощущения и мировосприятия монгольских народов), чтобы по истечении определенного времени эта новая для кочевой цивилизации религиозная культура как в доктринальном, так и в ритуальном смыслах стала восприниматься и декларироваться как традиционная для всей этнической территории монгольского суперэтноса. Когда инновация, влетаясь в традиционную этнокультурную среду, становится традицией? И как человек, как субъект этой религиозной инновации, адаптирует ее, меняя сакральную часть своего внутреннего мира, приобретая другую ментальность?⁸

Общеизвестно, что во взаимоотношениях «культура–общество», «человек–общество», «человек–религия» особый акцент делается на понимании особенностей их проявления на разных уровнях, в разных сферах и на разных этапах истории культуры. В культуре, как одной из главных сфер раскрытия этнического, этнос выявляется в актах коллективного и индивидуального творчества людей, пытающихся раскрыть вовне сокровенный внутренний мир своего мировосприятия, базируясь в основном на тех этнокультурных традициях и феноменах, которые сложились в процессе их исторического развития.

Тема раскрытия специфики ментальности креативного общества и человека внутри этого общества через призму религиозной культуры представляется нам особо актуальной, так как изучение феноменов культуры разных исторических эпох и разных этнических традиций способствуют не только выявлению внешних признаков как индикаторов этничности, но и осмыслению некоторой сущностной специфики этнокультурной общности, которая отличает ее от других этносоциальных групп.

В современных исследованиях религиозных традиций в последнее время все больше преобладает особое и пристальное внимание к религиозной культуре как специфическому фактору индивидуального и социального развития.

Осмысление явления глобализации, наблюдающейся на рубеже тысячелетий, к нашему глубочайшему изумлению, не предусматривает практически четко выраженной теории, тенденции и перспективы развития обществ, сообществ и человеческого мира в целом и его культуры в частности. И здесь возникает проблема, в какой зависимости в процессе глобализации необходимо рассматривать человеческую природу и динамику культуры, религиозную культуру и категории ценности, способы и методы культурной интеграции, а также проблемы и методы свободы и несвободы в стратегии развития культурной перспективы.

Политологические, социологические и экономические аспекты процесса глобализации достаточно освещены в современных научно-практических изысканиях, и они свидетельствуют о том, что этот процесс необратим. Философская же антропология до сих пор не создала теории дальнейших перспектив развития этносов и их культур, в частности религиозных, в структуре этого глобального этносоциального процесса. На наш взгляд, глобализация в значительной степени трансформирует те духовные сферы этнических культур, которые воспитывают личность по определенным стереотипам, расширяя традиционную систему ценностей, деструктивно влияя на морально-

этнический и психологический облик индивида, который все же является членом конкретного этнокультурного и этносоциального организма.

Тема культуры (традиционной, этнической, религиозной синкретичной, современной), роли человеческого фактора в контексте культуры должна подвергнуться серьезному философско-антропологическому осмыслению, так как именно ее феноменальные и уникальные парадигмы всегда остаются вне рамок мегасоциальных процессов.

Не отрицая уже начавшегося процесса глобализации в планетарном масштабе, фиксируя тенденции современных сообществ к интеграции на различных уровнях, хотелось бы все же отметить, что и в XXI в. существует и актуализируется проблема человека в локально-исторических типах культуры, как естественно возникших и самодостаточных этносоциальных систем. Антропологические исследования соотношения традиционного мировоззрения, вышедшего из недр этнической культуры, и философии мировосприятия современных синкретических мегакультур, выявляют (хотим мы этого или нет), что причины дегуманизации, деантропологизации, самоотчуждения индивида, а также появление некоторых деструктивных религиозных центров и организаций, вовлекающих в сферы своего влияния все большее число «растерянных» индивидов, базируются все же на феномене глобализации.

История развития человеческих популяций, с точки зрения как биологических, так и социальных сообществ, свидетельствует, что наиболее серьезными культурогенными субъектами явились полиэтнические культуры, нежели моноэтнические, что, казалось бы, свидетельствует в пользу процесса глобализации. Исчезновение многих этносов, адаптация или поглощение их более крупными этносами, интеграция многих этнокультурных традиций под эгидой конкретного титульного этноса, возможно, также фиксируют момент глобализации. Однако практика культурной антропологии четко отмечает тяготение не только индивида как члена некоего социума, но также и многих этнических и этнокультурных объединений (субэтносов, этносов, суперэтносов) к самоидентификации не на планетарном уровне, а на этническом, этнокультурном, этноконфессиональном, этносоциальном и этно-территориальном уровнях.

Динамика развития, трансформации и модернизации этнических культур на рубеже веков регистрирует феноменальную ситуацию, когда самоидентификация представителей конкретных этнических субкультур и культур, потерявших свои многие классические черты (например: некоторые этносы оказались вне рамок своих автохтонных территорий; доминирующий хозяйственно-культурный тип в силу объективных социальных причин естественно изменился; язык как средство коммуникации и как целостная информационная система, включающая в себя не только язык жестов и мимики, а также огромный пласт языка культуры, долженствующего адекватно воспринимать конкретные культурные феномены, пребывает в довольно критической ситуации; культура со всем своим производительным и творческим потенциалом как традиция, как трансляционная структура представляет фрагменты и реликты собственно этнической культуры), играет огромную роль в сохранении этнического самосознания и того особого целостного психологического склада, который, выражаясь современным языком, можно квалифицировать как этнический менталитет.

Этнические и этнорелигиозные стереотипы, сформированные традицией в глубине веков, все же, на наш взгляд, обладают механизмами регулирования всей системы жизнеобеспечения своих сообществ и индивидов, тогда как глобализационные процессы, являясь инновационными в современный период, еще должны выработать и долго будут вырабатывать механизмы социальной регуляции и адаптации сообществ, вовлеченных в этот процесс.

Глобализационные процессы изменили динамику векторной структуры не только монгольских, но и многих народов, населяющих нашу планету. Во Франции вследствие миграционных потоков появляется все больше вьетнамских и арабских переселенцев. Германия, в «результате исторической вины» перед «неарийскими» народами практически открыла двери перед тюркоязычным населением, которое по демографическим показателям в ближайшие десятилетия может сравниться по численности с немцами. В населении Соединенных Штатов Америки, являющемся генетически и исторически сильно метисированным и молодым этносом, наблюдается все больше африканских, арабских, китайских и других вкраплений.

С точки зрения антропологической географии глобализация приводит к некому так называемому «культурному повороту» или «культурному перевороту»⁹, когда традиционные культурные ценности уже мало соответствуют современным модернизационным процессам, сопряженным не только с тенденцией в размыванию локальных и региональных этнических, этнокультурных и этносоциальных характеристик, но и с тяготением населения к культурному многообразию, культурной конвергенции, а также нередко уже и к четко прослеживаемому размыванию этнической идентичности и размытости культурных границ. Традиционное пространство, занятое локальными, региональными и территориальными этническими культурами, как бы «взрывается» модернизационными процессами, происходящими в рамках глобализационных процессов.

С точки зрения медицинской антропологии монгольская метаэтническая общность (не выходя из своих традиционных миграционных потоков) соответственно своим природным и социально-экономическим особенностям лесостепной территории, которую она исконно занимает, имеет характерные заболевания, выражающиеся в основном во внутренних болезнях, болезнях желудочно-кишечного тракта и почечно-печеночных заболеваниях, тогда как славянские и европейские народы в основном страдают от сердечно-сосудистых заболеваний¹⁰.

Если обратить внимание на традиционные этнокультурные парадигмы в целом монгольских народов, представленных в фольклоре, мифологии, картине мира, мировоззрении и т.д., то здесь вырисовывается довольно оригинальный и уникальный этнокультурный феномен, который фиксирует, что главный эмоциональный «удар» по каждому индивиду (монголу) в основном «приходился» на печень (*эльгэ-зурхэ* – бур.; *элег-зурэх* – монг.), что характерно практически для всей локальной монгольской группы.

С развитием процессов планетарного глобализма представители монгольской метаэтнической общности, очевидно, добровольно были втянуты в различные миграционные потоки: их интерес к европейскому и американскому образованию; тяготение к различным техническим автомобильным инновациям, в целом любовь к традиционной смене мест и познанию новых

земель. Почти в каждом большом европейском городе имеются несколько представителей монгольских диаспор.

Однако в больших масштабах миграционные потоки все же фиксируются по традиционной схеме – смена кочевий по сезонам года, миграция в центральные города для получения образования, смена места жительства в связи с заключением брака и т.д. В последние годы, как указывает Б.В. Базаров, в этом регионе наблюдается ярко выраженная поляризация экономического состояния населения, а также «жесткая социально-имущественная поляризация» наряду с проблемами восстановления некоторых характеристик «социокультурной памяти монголоязычных народов»¹¹.

Кроме того, как показывают многочисленные полевые исследования ИМБТ СО РАН, а также и наши собственные, кроме внутренних, трудовых, временных, сезонных, транзитных миграций, монгольская метаэтническая общность подвергается в настоящее время и урбанизационным процессам.

Полевые эмпирические и архивные источниковедческие материалы, собранные нами во время полевых исследований в Центральной Азии среди автохтонных этносов данного региона (тибетцы – источниковедческие и полевые данные; монгольские народы Внутренней Монголии КНР, Республики Монголия, Республики Бурятия – собственно полевые данные), убедительно свидетельствуют, что многовековая религиозная культура метаэтнических общностей региона Центральной Азии базируется прежде всего на конкретном жизненном материале, на эволюции повседневного человеческого опыта и его бытия на конкретном жизненном пространстве.

При этом религиозная культура этносов Центральной Азии, на наш взгляд, как и все культурные структуры, созданные в результате творческого потенциала автохтонных насельников, включает в себя и естественно-научное определение множества миров и культур, онтологическую множественность материальных миров и культур в бытийном смысле, не отрицая логически возможные миры и культуры, а также вкладывая некий мистический смысл возможной произвольности миров, стало быть, и культур.

В последнее время в философии культуры наметилась тенденция рассматривать этнокультурные феномены не как общечеловеческие производные данные, а как конкретную этнокультурную традицию, созданную не в человеческом пространстве вообще, а в пространстве конкретного места, имеющего, соответственно, все особые геофизические, ландшафтно-климатические, хозяйственно-культурные, языковые и ментальные характеристики, т.е. в конкретном локусе.

Локусы бытия этнокультурных и религиозных традиций народов Центральной Азии, а также каждого конкретного человеческого индивида в культурном пространстве Центральной Азии имеют свою, характерную только этому региону, специфику, где почти каждый конкретный локус бытия сакрален и четко очерчен внутри существующей в этом пространстве религиозной культурой.

Локус бытия кочевника Центральной Азии является для него не только сакральной, родовой или племенной территорией пространства, зафиксированной специфической религиозной культурой на протяжении тысячелетий, о чем пишут многие исследователи, но и гораздо более прозаичным местом, в котором он рождается, растет, взрослеет, стареет и умирает. Уже потому, что каждый человеческий индивид в пространстве Центральной Азии свои-

ми деяниями как бы одухотворяет то место, где он «присутствует» на протяжении всей своей жизни, являясь малой капелькой, частицей своей этнической и, соответственно, религиозной культуры, локус его бытия, а значит и локус бытия его народа, является, как правило, для него священным, оригинальным и неповторимым. Вследствие этого до сих пор является абсолютно актуальным исследование универсального и трансцендентного через конкретное изучение локального, уникального и имманентного.

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1989; *Он же*. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

² Геннеп Арнольд ван. Обряды перехода. М., 1999. С. 15.

³ Интервью с В.А. Тишковым / Подгот. и опубли. В.В. Козловским // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4, № 4. С. 7.

⁴ Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 99.

⁵ См.: Шагдарсүрэн Ц. Монголчуудын усэг бичигийн товчоон. Ц. Улан-Баатар, 2001. С. 277.

⁶ Fromm E. Psychoanalyses and Religion. New-Heaven, 1950. P. 23.

⁷ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983; Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

⁸ Абаева Л.Л. Этноинтегрирующий феномен буддийской культуры в структуре кочевых традиций монгольских народов // Тезисы Международного конгресса востоковедов. М., 2004. Т. II. С. 728.

⁹ Собственные полевые исследования автора в Бурятии, Калмыкии, Монголии и Внутренней Монголии КНР.

¹⁰ Полевые материалы автора, собранные в 1985–2005 гг. на указанных территориях.

¹¹ Там же.

РУССКИЕ ТУВЫ И ХАКАСИИ: АДАПТАЦИЯ К РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Проблема адаптации населения к современным социально-экономическим трансформациям российского общества сегодня является предметом исследования многих отраслей знания, включая этносоциологию. Понятно, что в процессах адаптации в каждом отдельно взятом регионе Российской Федерации есть свои отличия и особенности. Особую значимость в настоящее время представляет изучение адаптационных процессов среди разных этнических групп, живущих на этнически смешанных территориях. В этой связи в данной работе с учетом региональных социально-экономических различий делается попытка показать современное положение, условия и адаптационные возможности русского населения Тувы и Хакасии к проводимым преобразованиям на местах.

Данная работа в основном базируется на материалах официальной статистики, а также результатах этносоциологического опроса, осуществленного в трех республиках Южной Сибири – в Республике Алтай, Республике Тыва и Республике Хакасия по проекту «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни» (2006–2008 гг.). Проект выполнен в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Автор данной статьи был руководителем названного проекта. Целью исследования было изучение степени и масштабов адаптации местного населения к новым социально-экономическим условиям. Анкета реализованного опроса, состоящая из 62 вопросов, была нацелена на выявление мнения опрошенных относительно их социального самочувствия, социальной мобильности и уровня их адаптивности к создавшимся условиям жизни.

Для эмпирического исследования в каждой республике были выбраны представители двух основных этнических групп – титульной национальности и русских. Согласно выборке в каждой республике опрошено по 400 человек. Таким образом, общий объем выборки, построенный на квотных принципах, составил 1200 человек. Опрос в Туве осуществлен среди населения г. Кызыла и Пий-Хемского района, в Хакасии – в столице республики (г. Абакан) и Ширинском районе, в Республике Алтай – в столице (г. Горно-Алтайск), а также Шебалинском и Онгудайском районах. В процессе исследования нами также учитывалось, что названные регионы отличаются неодинаковыми условиями проживания этнических групп по таким показателям, как: а) различия в плотности населения; б) удельный вес титульной национальности; в) занятость в сферах экономики. Кроме того, для более объективного суждения об исследуемых проблемах в заявленных регионах мы решили обратиться к мнению тех, кто, на наш взгляд, лучше всего знает эти вопросы на местах – работники соответствующих государственных органов, политики, журналисты, лидеры общественно-политических партий и движений, ученые. В этой связи нами была разработана анкета для экспертов, включавшая

15 вопросов, и проведен опрос среди названных групп населения. В результате было опрошено по 25 экспертов в каждой республике.

Первое появление русских в Хакасии датируется XVI–XVII вв. Однако массовое заселение русскими этого края началось во второй половине XIX в. В отличие от Хакасии, русские в Туве появились гораздо позже – во второй половине XIX в. В дальнейшем переселение русских на эти территории, правда, с разной степенью интенсивности, наблюдалось на протяжении всего советского времени. К примеру, в Туве за период переписей 1979 г. и 1989 г. численность русских увеличилась лишь на 2,1%. Наиболее высокая доля русских в составе населения Тувы наблюдалась в 1959 г. (40%). В последующие два десятилетия этот показатель заметно сократился и в 1970 г. составил 30,8%, а в 1979 г. соответственно 30,6%. По данным переписи 1989 г., процент русских в Туве чуть возрос и составил почти треть всей ее численности (32%)¹.

В настоящее время, по результатам переписи населения 2002 г., в общей численности населения Тувы доля русских – второй по численности этнической группы республики едва достигает 20%, тогда как большинство населения Хакасии представлено русскими – 80,3%². За период двух последних переписей численность русских в Туве заметно сократилась – с 32% в 1989 г. до 20% в 2002 г. В Хакасии за это время доля русских, хотя и ненамного, но все же возросла – соответственно с 79,5% до 80,3%³. В подавляющем большинстве русские, живущие как в Туве, так и Хакасии, являются горожанами. Среди них удельный вес сельского населения в обеих республиках не превышает 20%.

По мнению специалистов, миграционное поведение населения Сибири выступало и выступает важным средством снятия адаптивного напряжения, купирования социально-территориальной дезадаптации со средой, вызванной как региональными различиями в условиях и образе жизни населения, так и разными темпами урбанизации⁴. По данным нашего исследования, как мы и предполагали, в группе русских Тувы и Хакасии довольно существенна численность прибывших как из других городов этой же республики, так и из-за ее пределов (48% и 54% соответственно). Например, в Хакасии чуть менее половины опрошенных русских прибыли в республику в разное время, главным образом, из других регионов Российской Федерации (44%).

Во всех этнических группах Тувы и Хакасии мотивы миграции достаточно схожи: значительное число опрошенных в качестве основной причины отъезда с предыдущего места жительства в первую очередь назвали семейные обстоятельства. Однако немало и тех, кто объясняет свой отъезд социально-экономическими причинами. Если на втором месте в числе причин переезда у русских жителей Хакасии фигурирует безработица, то русские, живущие в Туве, наряду с безработицей назвали низкую заработную плату (табл. 1. Здесь и далее в таблицах, кроме русских, в качестве сравнения приводятся данные по титульной национальности обеих республик). И это при всем том, что в Туве надбавка к основной заработной плате, так называемый северный и районный коэффициенты, составляют в сумме 90%, в Хакасии – только 20%.

В Туве, в отличие от Хакасии, на протяжении последних нескольких десятилетий наблюдалось постепенное возрастание миграционного оттока русских за пределы республики, пик которого приходился на 1990 г., когда из

Таблица 1

Распределение ответов опрошенных
о причинах отъезда с предыдущего места жительства (%)

Варианты ответов	Республика Тыва		Республика Хакасия	
	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Семейные обстоятельства	62	69	56	49
2. Безработица	18	11	3	13
3. Отсутствие жилья	3	4	11	3
4. Национальные конфликты		2		1
5. Низкая заработная плата	6	10	3	2
6. Неблагоприятная природная и техногенная ситуация		4	6	4
7. Другое	11		21	28
6. Итого	100	100	100	100

республики выехало более 15 тыс. человек⁵. Как известно, основным фактором столь резкого оттока русскоязычного населения из республики явилось обострение межэтнической ситуации. При этом наибольший миграционный поток русскоязычного населения наблюдался из столицы республики и районов, отличающихся наиболее смешанным этническим составом. На наш взгляд, в числе причин миграционного оттока русских из Тувы, особенно отчетливо обозначившегося в 1990-е годы, следует назвать изменившуюся ситуацию на рынке труда, связанную с изменением исторически сложившегося элитного положения русских в социальной иерархии республики. До конца 1980-х годов была высока доля русских и в «престижных» отраслях, и на «чистых» рабочих местах. Однако со временем благоприятные позиции на рынке труда стали потенциальным объектом конкурентной борьбы и для титульной национальности. Говоря об основных причинах повышенной миграционной мобильности русских Тувы, стоит также сказать об их сравнительно слабой интегрированности с титульной национальностью, о наличии существенных этнокультурных различий между основными этническими группами республики. Достаточно отметить, что, по данным последних четырех Всесоюзных переписей населения, среди местных русских владели языком титульной национальности менее 1%.

Традиционно доля промышленных рабочих у русских обеих республик во все времена была значительно выше, чем у титульной национальности, тогда как среди последних несравнимо выше доля работающих в сельском хозяйстве. В современных условиях в обеих республиках более востребованными оказались те профессии, которыми по большей части владело русское население – квалифицированные работники промышленных предприятий, работники торговли и сферы обслуживания и т.д. Таким образом, в адаптационный период русские жители со своим социально-экономическим «багажом» оказались в более выгодном положении, нежели титульная национальность. Хотя, объективности ради, следует отметить, что на первых порах пореформенного периода, когда в по всей стране в массовом порядке

закрывались и свертывали деятельность всевозможные промышленные объекты, прежде всего пострадало русское население, поскольку именно они являлись основным контингентом производственных отраслей. По этой причине многие из них стали безработными, другие «срочно» меняли работу и специальность. Кроме того, в обеих республиках в бедственном положении оказалась, наряду с представителями титульной национальности, та часть русских, которая трудилась в бюджетной сфере, так как у большинства их (пожалуй, кроме сферы управления) резко упала заработная плата.

По сравнению с титульной национальностью – тувинцами и хакасами – для русских исследуемых республик характерна относительно невысокая занятость в таких отраслях, как образование, здравоохранение, наука, культура. Кроме всего прочего, сегодня эти сферы труда, увы, не столь «престижные» и низкооплачиваемы. В целом же, несмотря на существенные пертурбации, наблюдаемые в трансформационные годы в экономике Тувы и Хакасии, существенных изменений в отраслевой специализации местных русских не отмечалось.

Как известно, еще в советские годы представители титульной национальности в регионах опережали местных русских по числу высокообразованных. За годы реформ это соотношение в исследуемых республиках по существу не изменилось, хотя в обоих случаях эти показатели несколько возросли. К примеру, по данным переписи населения 2002 г., в Хакасии среди горожан старше 15 лет удельный вес лиц с высшим образованием, неоконченным высшим и послевузовским образованием достигал у хакасов 22%, у русских – 17%. В 1989 г. численность таковых составляла 18,2% и 13% соответственно⁶.

Что касается представительства основных этнических групп Тувы и Хакасии во властных структурах, то в основе своей эти показатели пропорциональны их этническому составу. Например, из всего числа руководителей и их заместителей в аппарате правительства Тувы 80% составляют тувинцы и 20% – русскоязычные, среди руководителей структурных подразделений и сотрудников 68,3% тувинцев, 28,3% русских и 3,4% – представители других национальностей. В Верховном Хурале (парламенте) республики среди депутатов и сотрудников аппарата численность тувинцев достигает 77%, русских – 22%⁷. Вместе с тем, по сравнению с советским периодом, сегодня участие во власти русских в Туве, хотя и по объективным причинам, заметно сократилось, и они составляют здесь явное этническое меньшинство. Данное обстоятельство, по мнению экспертов, является для определенной части русскоязычного населения раздражающим фактором и служит основной причиной их неудовлетворенности работой местных органов власти.

В свете нашей проблематики представляют особую значимость мнения и оценки русских названных республик как на сложившиеся в стране и в их регионе социально-экономические условия вообще, так и на их собственную жизнь в частности. В данном случае больше позитивных установок выявлено у русских жителей: среди так или иначе приспособившихся к новым условиям жизни доля местных русских в этих республиках примерно вдвое больше, чем доля титульной национальности. С другой стороны, по сравнению с последними, численность русских значительно меньше (почти в два раза) среди тех, кто считает, что, несмотря на то, что «жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше».

Таблица 2

Распределение ответов опрошенных
о возможностях их семейного бюджета (%)

Варианты ответов	Республика Тыва		Республика Хакасия	
	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Денег не хватает на самое необходимое, в том числе на питание	13	13	7	6
2. Денег хватает только на питание	19	9	17	13
3. Денег хватает на питание и предметы первой необходимости	41	45	54	42
4. У нас есть определенные накопления, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения	21	17	18	28
5. Мы имеем возможность ни в чем себе не отказывать	5	14	0	7
6. Затрудняюсь ответить	2	2	4	4
Итого	100	100	100	100

По данным нашего опроса, доля самых обездоленных, тех, кому денег не достаёт на самое необходимое, среди всех опрошенных этнических групп в общем невелика: от 6% до 13%. Хотя удельный вес таковых среди русских Тувы вдвое выше, чем среди русских Хакасии. С другой стороны, среди последних численность тех, кто признал, что могут ни в чем себе не отказывать, заметно меньше, чем в Туве: 7% и 14% соответственно. В целом примерно две трети опрошенных на протяжении уже достаточного времени с трудом решают свои материальные проблемы (табл. 2). Таким образом, процент тех, кто вынужден отказываться не только от предметов роскоши, но и некоторых необходимых вещей и продуктов, за последние годы практически оставался на одном и том же уровне.

Вместе с тем нельзя не отметить, что среди тех, кто считает, что за период реформ их материальный уровень возрос, наиболее высока доля русских Хакасии (36%). Во всех других группах этот показатель колеблется от 17% до 25%, что также, на наш взгляд, не так уж мало. В то же время в среднем треть респондентов убеждены, что их материальное положение значительно ухудшилось. При этом среди местных русских Тувы численность таковых заметно больше, чем среди русских Хакасии (41%). Однако следует помнить, что при оценке своего материального положения каждый исходил из своих представлений об уровне социального благополучия. Кроме того, имеются отличия в ценностных ориентациях и материальных запросах и претензиях.

Среди респондентов также немногочисленна группа критически настроенных на трудности переходного периода. Так, отвечая на вопрос: «Каково Ваше мнение относительно сложившейся современной ситуации?», из всего числа опрошенных только около 15% выбрали вариант «терпеть наше бедственное положение совершенно невозможно». Правда, если взять для сравнения только русских, то доля русских жителей Тувы, давших негативную оценку современной жизни, составила примерно четверть, что значительно

но выше, чем у аналогичной группы в Хакасии. Можно предположить, что подобный расклад обусловлен более сложными социальными условиями, в которых оказались жители Тувы. Между тем, в обеих республиках численность крайне недовольных сегодняшней жизнью больше все же среди русских, нежели представителей титульного этноса. По-видимому, это объясняется в целом повышенными запросами и установками местного русского населения.

В общей сложности около половины всех опрошенных в Туве и более двух третей в Хакасии ответили, что «все не так плохо, а скоро будет лучше» и что «жить трудно, но терпеть можно». При этом в этих республиках доля тех, кто выбрал первую позицию, составила, независимо от национальности, примерно треть всей численности опрошенных. В Туве указавших, «что жить трудно, но терпеть можно», вдвое меньше, чем в соседней республике. Как видим, наиболее терпимыми к сложившейся ситуации оказались жители Хакасии. Хочется верить, что полученные нами позитивные ответы свидетельствуют о действительном улучшении или, по крайней мере, о надеждах на более благополучную социальную ситуацию в недалеком будущем.

В целях улучшения своего материального положения в общей сложности около 85% опрошенных выразили готовность на принятие каких-либо мер. Среди этих мер среди русских, независимо от региона проживания, доминируют такие, как «очень много работать», «повысить квалификацию, профессиональную подготовку, сменить профессию, специальность» (от 57% до 62%), что является свидетельством активной жизненной позиции большинства опрошенных. Иными словами, исходя из сложившихся на данный момент требований рынка и условий конкуренции, население пришло к пониманию того, что для обеспечения достойной жизни необходимо не только много работать, но и осознало реальную необходимость в повышении своих профессиональных навыков. Кроме того, как справедливо отмечают специалисты, именно уровень образования является одним из важных адаптационных потенциалов человека, несмотря на то, что в условиях российского переходного общества использование этого ресурса затруднено несоответствием профиля и направленности полученного образования требованиям складывающегося рынка труда⁸.

Среди населения исследуемых республик в ряду активных форм адаптации к новым экономическим условиям фигурирует дополнительная занятость. Как мы знаем, с началом реформ государство отказалось от двух основных элементов прежней доктрины – института гарантированного права на труд и концепции полной занятости. И в этой ситуации население изменило модели своего поведения. Для одних людей происходящие процессы стали толчком к поиску самостоятельных решений, другие продолжают жить старыми представлениями⁹. Снятие запретов и ограничений на совместительство, а также прессинг материальных обстоятельств обусловили значительный рост вторичной занятости. Как показал наш опрос, для улучшения своего материального положения, кроме заработка на своей основной работе, многие пытаются найти дополнительный доход. При этом таковых среди русских жителей заметно больше, чем среди представителей титульного этноса. Правда, в большинстве своем эти подработки носят эпизодический характер: «да, сезонно», «да, от случая к случаю». Для жителей этих регионов, независимо от их этнической принадлежности, характерно также то,

что зачастую дополнительную работу имеют не те, кто, казалось бы, больше других нуждается в ней – беднейшие слои, т.е. материально необеспеченная часть населения, а, наоборот, более благополучные в материальном отношении социальные группы. Таким образом, дополнительная занятость ни в коей мере не может быть панацеей решения социальных проблем населения. Вместе с тем, вторичная занятость служит индикатором мобильности, активности работающего населения, показывающим степень и возможности адаптации его к новой экономической ситуации¹⁰.

И все же для населения названных республик главным источником существования остается заработная плата по основному месту работы. Однако более трети опрошенных в Туве (38%), а также почти половина опрошенных в Хакасии (48%) признали, что их не устраивает размер оплаты труда. При этом во всех группах значительное большинство (от 55% до 60%), независимо от этнической принадлежности и места проживания, так или иначе были удовлетворены работой. По-видимому, данное обстоятельство сопряжено с невысокими претензиями и требованиями к сфере труда, когда основным мотивом трудовой деятельности становится лишь ее оплата. С другой стороны, в целом 15% из числа опрошенных готовы сменить работу в ближайшее время и около трети (30%) могут это сделать в перспективе, что свидетельствует, особенно в сравнении с 1990-ми годами, о возросшей в наши дни социальной мобильности населения.

Уровень удовлетворенности различными аспектами жизни является важным показателем адаптации населения к современным условиям. По данным нашего опроса, русские респонденты достаточно позитивно оценили климат межэтнического взаимодействия в своих регионах. Доля оценивших межнациональные отношения как напряженные составила в исследуемых республиках от 3% до 10%. Для этих групп населения характерен относительно высокий уровень удовлетворенности своей работой (более 50% в каждой группе), уровнем своей профессиональной подготовки (около 60%), своим образованием (чуть больше 50%), своим положением в обществе (более 60%). В целом эти показатели мало отличаются от данных по титульной национальности.

Как выяснилось, среди опрошенных русских достаточно высока доля недовольных условиями жизни в их городе (селе). Так, респонденты хуже других оценили работу местных медицинских учреждений. Численность таковых составляет в этих республиках подавляющее большинство (от 62% до 85%). Что касается сферы снабжения, то здесь меньше всего претензий у жителей Хакасии (здесь позитивные оценки дали 67% русских), тогда как в Туве эти показатели намного ниже (26%). Среди довольных культурно-бытовыми условиями города (села) наибольший процент составляют опять же русские Хакасии (42%), наименьший – соответственно русское население Тувы (18%). Если в Хакасии работой транспорта не удовлетворена примерно треть всех опрошенных (31%), то в Туве таких подавляющее большинство (69%). В данном случае следует учитывать, что негативные оценки по большей части давались сельскими жителями, где социальная ситуация, мягко говоря, оставляет желать лучшего. В целом же анализ показал, что, во-первых, налицо схожесть в ответах представителей разных этнических групп, проживающих в одной республике, во-вторых, в обеих республиках у русских негативных оценок меньше, хотя и ненамного.

Таблица 3

Отношение опрошенных к переходу России к рыночной экономике (%)

Варианты ответов	Республика Тыва		Республика Хакасия	
	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Полностью положительно	10	5	18	14
2. Больше положительно, чем отрицательно	34	20	37	48
3. Больше отрицательно, чем положительно	30	34	23	16
4. Полностью отрицательно	10	11	8	9
5. Затрудняюсь ответить	17	30	14	13
6. Итого	100	100	100	100

Несмотря на то, что для подавляющего большинства населения нашей страны процесс перехода к рынку, к новым социально-экономическим отношениям был трудным, тем не менее, по результатам нашего опроса, большая часть опрошенных продемонстрировала в целом позитивное отношение к рыночным реформам. В данном случае больше всего положительных оценок именно среди русских жителей Хакасии (более чем вдвое выше, чем у русских Тувы) и соответственно среди них гораздо меньше отрицательных (табл. 3). Возможно, наблюдаемые различные рыночные ориентации населения есть в какой-то мере следствие стартовых возможностей, в которых находились исследуемые нами регионы к началу реформ. Жители районов с более сложной экономической ситуацией оказались менее других готовыми к преобразованиям, отсюда настороженное к ним отношение.

По результатам нашего исследования, больше всего довольных социально-экономическими преобразованиями выявлено среди русских жителей Хакасии (38%) и заметно меньше – среди тувинцев и русских жителей Тувы (26% и 12% соответственно). Половина респондентов обеих этнических групп Тувы и Хакасии выразила недовольство реформами. При этом удельный вес давших отрицательную оценку реформам, в группе титульного этноса и в группе русских практически совпал (табл. 4). Как видим, фикси-

Таблица 4

Степень удовлетворенности населения Тувы и Хакасии социально-экономическими реформами (%)

Варианты ответов	Республика Тыва		Республика Хакасия	
	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Полностью довольна	6	0	4	7
2. Скорее довольна	20	12	17	31
3. Скорее недовольна	31	29	36	36
4. Полностью недовольна	21	21	19	17
5. Затрудняюсь ответить	24	38	24	9
6. Итого	100	100	100	100

руемые в данном случае отличия носят в большей степени региональный характер, нежели этнический. Следует также обратить внимание на то, что многие при ответах на данный вопрос проявили определенное замешательство и «затруднились с ответом», что может, кроме всего прочего, говорить и о некотором непонимании происходящих процессов, в частности касающихся проблем рынка.

Важно сказать, что при весьма значительном разбросе мнений относительно преобразовательных процессов, в конечном счете, большинство населения настроено позитивно и с оптимизмом смотрит в будущее. В общей сложности лишь от 2% до 10% опрошенных к происходящим изменениям испытывают раздражение и агрессию. Примерно столько же тех, кто ощущает беспокойство, страх и беспомощность. Правда, в последнем случае по сравнению с местными русскими доля представителей титульной национальности обеих республик существенно выше – по 20% в каждой группе.

В последние годы в отечественных научных работах все больше осознается огромная роль базовых культурных характеристик сознания в адаптации людей к проводимым преобразованиям¹¹. Понятно, что с переходом на новые рыночные отношения происходят изменения в ценностных ориентациях и предпочтениях. Так, например, существенная часть населения постепенно приходит к осознанию того, что улучшение их жизни зависит прежде всего от них самих (такое мнение высказали во всех этнических группах около половины опрошенных). С другой стороны, немало и тех, кто рассчитывает на поддержку властей, в частности на помощь республиканского руководства. Из числа опрошенных больше всего уповают на это, кроме русских жителей Тувы (34%), также представители титульного этноса (29% хакасов и 31% тувинцев). Таким образом, в этих республиках по-прежнему немало тех, кто твердо ориентируется на государство как ключевой институт в разрешении своих социальных проблем.

Надежды на преодоление трудностей респонденты связывают с различными факторами, степень значимости которых также неодинакова. Как можно было предположить, подавляющему большинству населения помогает преодолеть житейские невзгоды в первую очередь семья и ближайшее окружение. По признанию экспертов, зачастую всевозможную помощь тем, кто находится в наиболее сложном материальном положении, прежде всего оказывают ближайшие родственники. Хотя данное явление в большей мере присуще представителям титульной национальности, в какой-то мере оно имеет место и среди русских жителей исследуемых республик. Что касается чувства уверенности в завтрашнем дне, то многим это дает именно поддержка семьи, родственников, а также собственный оптимизм и возможность заработать. Добавим, что в этих установках нет выраженной этнической специфики.

Несколько слов о политической активности населения. Как мы знаем, наличие свободных выборов является одним из важных признаков современного демократического общества. По результатам нашего исследования, постоянно участвуют в выборах должностных лиц около половины опрошенных русских, что заметно меньше, чем у представителей титульной национальности. Среди них принимают участие в выборах «от случая к случаю» в Туве около четверти, в Хакасии – пятая часть. Сегодня неотъемлемой составляющей общественной жизни нашей страны, безусловно, стали разного

рода общественно-культурные движения и объединения, а также различные политические партии. Вместе с тем, как показали наши исследования, абсолютное большинство местных русских не принимают участие в деятельности каких-либо движений и объединений. Например, в Республике Тыва из общего числа опрошенных участвуют в работе политических партий лишь 5% русских, в Республике Хакасия соответственно 7% русских. Доля участвующих в имеющихся других общественно-политических движениях ничтожно мала. Добавим также, что в сравнении с представителями титульной национальности русское население обоих регионов гораздо хуже осведомлено о работе объединений, которые отстаивают интересы их народа. Так, среди них утвердительный ответ на данный вопрос дали вдвое меньше опрошенных, чем в тувинской и хакасской группах. Таким образом, при всей присущей для всего населения аполитичности, местные русские все же более пассивны.

Рассмотрим, что является основной составляющей этнической идентичности у русских жителей Тувы и Хакасии. В данном случае этот аспект имеет особую значимость, поскольку этническая идентичность означает не только ощущение людьми своей принадлежности к тому или иному этносу, но и еще то, как они представляют свою республику и как они себя соотносят с ней, насколько происходящие в регионе процессы им понятны и близки. В своем исследовании З. Бауман, объясняя резко возросший на данном этапе интерес к проблемам идентичности, особо отмечал, что изучение идентичности «может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем ... концептуальные и аналитические результаты его осмысления»¹².

Что касается исследуемых нами республик, то здесь российская идентичность более всего присуща русским. По данным нашего опроса, 38% русских Тувы и 28% русских Хакасии считают себя «больше представителем Российской Федерации» или «только представителем Российской Федерации». Среди них ощущают себя «в равной мере представителями республики и Российской Федерации» 59% опрошенных в Туве и 58% в Хакасии. В то же время, если среди русских Хакасии ощущают себя «больше представителем республики» или «только представителем республики» 15% опрошенных, то среди русских Тувы – лишь 3%.

Русские зачастую этническую идентичность рассматривают как синоним общероссийской идентичности. И, как мы отмечали в своих предыдущих публикациях, это во многом является следствием идеологии предыдущего периода, когда доминирование русских в РСФСР не ограничивалось только численным превосходством, а пропагандировалось на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности советского общества. Представляют интерес в этой связи мнения жителей относительно того, что является для них Родиной. Более половины опрошенных русских респондентов Тувы и почти половина в Хакасии ответили, что «моя родина – Россия» (67% и 46% соответственно). Среди них нашлись и те, кто считает своей родиной СССР – 15% в Хакасии и 18% в Туве. Как видим, в этих группах государственная идентичность в значительной степени коррелирует с этническим признаком.

По результатам нашего исследования, если для подавляющего большинства тувинцев и хакасов национальная принадлежность «значима» и «очень значима» (72% и 77% соответственно), то среди русских жителей этих республик этот показатель заметно ниже. Правда, в этом ряду несколько выде-

ляются русские Тувы: среди них на значимость этнической принадлежности указали 69% опрошенных. Доля тех, для которых национальная принадлежность «мало значима» или «совсем не значима», составила среди них 23%. По мнению исследователей, в условиях разрушения прежних идеологических, политических, правовых и экономических регуляторов межэтнических отношений этничность для индивида зачастую начинает выполнять больше функций по его защите от общих катаклизмов и помогает ему в этом адаптационном процессе, облегчает интеграцию в новых условиях с помощью этнической самоорганизации¹³.

Говоря о русских Тувы и Хакасии, следует заметить, что у первых значительно превалирует потребность в психологической общности со своим народом. Например, по материалам наших опросов, реализованных в последние десятилетия в этих регионах, русские Тувы гораздо чаще, чем русские Хакасии, выбирают позицию «я никогда не забываю о своей этнической принадлежности» (подавляющее большинство). При этом численность тех, кто часто себя этнически идентифицирует, кто «никогда не забывает, что я – русский», больше среди сельских жителей, среди специалистов среднего звена и неквалифицированных работников. Если говорить о возрасте, это чаще всего пожилые люди. На наш взгляд, выраженная этническая акцентированность идентичности названных групп населения чаще всего имеет под собой социальные корни, поскольку, как мы знаем, именно эти слои более других пострадали от российских преобразований и их последствий.

Оценка степени учета национальных интересов в работе местных (в том числе республиканских) властей существенным образом зависит от того, в какой степени люди разных национальностей, проживающие в республике, имеют необходимые условия для развития своей культуры. Если большинство русских Хакасии убеждены, что в деятельности органов власти как республиканских и особенно городских их национальные интересы «в основном учитываются» или «иногда учитываются» (53% и 37% соответственно), то среди русских жителей Тувы разделяют это мнение значительно меньше людей (25% и 29% соответственно). Данное обстоятельство в Туве, возможно, связано с отмечаемым в последние два десятилетия заметным сокращением численности представительства русских во властных структурах. Как мы уже говорили, это было обусловлено объективными причинами, а именно – заметным уменьшением в этот период общей численности русскоязычного населения в республике.

Для нас было весьма важно мнение опрошенных относительно того, представители каких национальностей легче всего приспособляются к современной жизни. Чаще всего русские обеих республик указывали на то, что «приспособляться всем одинаково трудно» (35% в Хакасии и 39% в Туве). Однако доля тех, кто назвал в этом ряду русских, достигает среди русских Хакасии 34%, среди русских Тувы – 23%. Примерно треть русских Тувы и около четверти русских Хакасии убеждены, что к создавшимся условиям легче приспособляются представители титульной национальности (31% и 22%). В обеих группах, немало считающих, что в новых условиях легче адаптируются «кавказцы».

В числе вариантов, наиболее важных для успешного развития своего народа, респонденты русские обеих республик чаще называли «экономическое процветание», «сохранение культуры, традиций, обычаев моего наро-

да». Кроме того, около четверти русских жителей Тувы считают важным для представителей своей национальности, когда есть «возможность спокойно работать и жить в республике» (23%). По-видимому, это своего рода «отголоски» и реакция на известные события, связанные с межэтническим конфликтом в начале 1990-х.

В целом опрос показал, что в обеих республиках, как у русских, так и у титульной национальности наблюдается доминирование толерантного отношения к другим народам. Это подтвердили и наши эксперты. На данном этапе межэтническую ситуацию в этих регионах можно характеризовать как вполне благополучную и стабильную. Так, по данным опроса, респонденты в подавляющем большинстве, независимо от этнической принадлежности, назвали межэтнические отношения спокойными и благоприятными. Численность оценивших сложившуюся на сегодняшний день этническую ситуацию как напряженную, составила от 6% до 9%. Особо подчеркнем, что в ряду трудностей приспособления к новым условиям жизни «современную межэтническую ситуацию (рост межэтнической напряженности)» указали в обеих этнических группах лишь от 5% до 8% опрошенных.

О значительном улучшении климата межэтнического взаимодействия последнего времени свидетельствуют также наши повседневные наблюдения. Отрадно отметить, что особо позитивные изменения наблюдаются в сфере межличностного бытового общения. В частности, по отношению к Туве можно констатировать, что современный период характерен ростом числа межнациональных браков, что является как следствием, так и явным признаком улучшения этнических отношений в данном регионе.

Говоря об адаптационных процессах, следует особо отметить, что многим в эти трудные годы помогало выжить обращение к религии. Среди русских жителей Тувы и Хакасии распространено главным образом православие. Так, из всего числа верующих русских подавляющее большинство считают себя православными: от 82% в Хакасии до 93% в Туве (табл. 5). За последние годы в православной жизни этих республик отмечается заметное оживление. Свидетельство тому, как регулярность проводимых богослужений, так и существенный рост числа разного рода обрядов, проводимых в церквях. В настоящее время церковь посещают не только представители старших возрастов, но и в той же степени молодежь. Кроме возросшего интереса к православию вообще, это обусловлено и тем, что на территории

Таблица 5

Данные о конфессиональной принадлежности опрошенных (%)

Варианты ответов	Республика Тыва		Республика Хакасия	
	тувинцы	русские	хакасы	русские
1. Буддизм (ламаизм)	80	2		
2. Шаманизм	6		10	
3. Православие	1	93	77	82
4. Верю в своего Бога	10	5	10	16
5. Другое	4		3	2
6. Итого	100	100	100	100

приходов открыты воскресные школы, где желающие могут ознакомиться с Библией, изучить историю христианства.

В современный период церковь уделяет большое внимание информационной работе. Например, сейчас о проведении тех или иных православных мероприятий можно узнать из местной прессы. В Туве, например, издается газета «Благословение», а также есть специальное издание для детей «Незабудка». В известной в республике газете «Центр Азии» не так давно появилась специальная рубрика «Батюшка», посвященная разнообразной религиозной православной проблематике. В городах и селах обеих республик регулярно проводятся традиционные православные празднества (Рождество, Масленица, Пасха). Значительное внимание в этих регионах уделяется культурно-религиозному воспитанию среди школьников. Так, в Каа-Хемском кожууне (районе) Республики Тыва организован православный детский лагерь, где отдыхают и одновременно постигают азы православия дети из малообеспеченных семей. В учебные планы некоторых школ Тувы и Хакасии введены факультативы по изучению традиций и обычаев русского народа, истории православия. С другой стороны, по результатам нашего исследования, если знают и исполняют традиционные обычаи и обряды своего народа примерно две трети опрошенных тувинцев и около половины хакасов, то среди русских жителей эти показатели заметно ниже. Между тем, более трети русских все же признают, что знают их, но не исполняют. Доля тех, кто не знает и не исполняет национальные обычаи и обряды, составила во всех группах от 10% до 20%.

В языковой жизни русского населения названных республиках много общего, вместе с тем, немало и различий. На наш взгляд, это обусловлено прежде всего спецификой этнического представительства русских в этих республиках. В сложившейся ситуации русские Тувы, находящиеся в этническом меньшинстве, в какой-то степени встревожены заметным снижением роли и функций русского языка в республике, чего не отмечается в Хакасии. В небольшой степени это было связано с тем, что в основном законе – как в Конституции Республики Тыва 1993 г., так и в Конституции 2000 г. было записано, что «государственным языком Республики Тыва устанавливается тыва язык. Русский язык на территории Республики Тыва действует как общефедеральный государственный язык»¹⁴. В этих формулировках отчетливо просматривалось законодательное установление доминирующей роли тувинского языка по отношению к русскому. Кроме того, в Туве дальнейшее расширение сферы применения тувинского языка диктует необходимость владения этим языком, по крайней мере, теми русскими, кто претендует сегодня на престижную работу или на какую-либо должность во властных структурах. Между тем, среди русских в числе факторов, затрудняющих местную адаптацию, ни один опрошенный не назвал языковую ситуацию, обусловленную повышением роли языка титульной национальности. Данное обстоятельство, на наш взгляд, прежде всего объясняется высокой степенью толерантности местного населения, их позитивной установкой на межэтнические контакты и взаимодействие.

Применительно к Хакасии можно констатировать, что наряду с наблюдаемым заметным оживлением и активизацией предпринимаемых мер по развитию и распространению хакасского языка основным языком общения в важнейших сферах жизнедеятельности республики был и остается русский

язык. Исходя из этого, можно утверждать, что на данном этапе особых изменений и проблем в языковой жизни русских жителей Хакасии не отмечается.

Итак, в целом процесс приспособления русских жителей Тувы и Хакасии к сложившейся этносоциальной и этнокультурной ситуации на местах, впрочем, как и для титульной национальности, был непростым. Вместе с тем русские жители Тувы и Хакасии при всех проблемах и сложностях переходного периода не утратили жизненную активность, продемонстрировали социальную мобильность и позитивный настрой на адаптацию к современным социально-экономическим условиям. Не случайно, среди них, по данным нашего исследования, приспособившихся к создавшейся ситуации вдвое больше, чем среди титульной национальности. В числе основных факторов, способствующих более успешному приспособлению к новым реалиям жизни, следует назвать в целом их благоприятное отношение к трансформационным процессам как таковым.

Основываясь на результатах нашего исследования, можно констатировать, что выявленные нами различия в разнообразных аспектах жизнедеятельности русского населения Тувы и Хакасии обусловлены не этническими отличиями, а скорее связаны с особенностями и спецификой социально-экономического развития этих республик. В этой связи, видимо, закономерно, что столь много общего в установках и ориентациях жителей разных национальностей одной республики.

Однако, говоря о жизни русского населения Тувы и Хакасии, следует сказать и о существовании некоторых различий между ними. Так, например, русские Хакасии за счет занятости в производственных и хорошо оплачиваемых отраслях лучше материально обеспечены, чем русские, живущие в Туве. С другой стороны, последние, находясь в положении этнического меньшинства, чтобы достичь определенных социальных позиций, вынуждены прикладывать значительно больше сил и энергии, чем русские Хакасии. Как известно, любой этнос, оказавшись в этническом меньшинстве, в иноэтническом окружении, как никогда мобилизуется, обращается к своим этническим корням. Наши исследования показали, что у русских Тувы роль этнической идентификации и важность ее в процессах адаптации гораздо существеннее, чем у русских соседней Хакасии. Хотя у русских по сравнению с титульной национальностью обеих республик роль этнической принадлежности в приспособлении к современной ситуации все же менее существенна. В связи с этническим доминированием во властных структурах республики, русские Хакасии в целом более лояльны к ней и большинство из них считает, что их национальные интересы местная власть учитывает.

Подытоживая сказанное, особо отметим, что масштабы и темпы социальных изменений должны быть не только соразмерны адаптационным возможностям людей, но и должны учитывать как социально-экономическую специфику конкретного региона, так и этнические особенности его жителей.

¹ Народное хозяйство Тувинской АССР: Статистический сборник. Кызыл, 1971. С. 20; Советская Тува в цифрах: Статистический сборник. Кызыл, 1984. С. 15; Некоторые сведения о национальном составе населения // Материалы Федеральной службы государственной статистики: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. Кызыл, 1989. С. 9.

² Национальный состав и владение языками, гражданство: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004. Т. 4, кн. 2. С. 1858.

³ Этнодемографическая ситуация в субъектах Российской Федерации. М., 2007. С. 146.

⁴ *Корель Л.В.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 1998. С. 64.

⁵ Данные о миграции до 1990 г. // Материалы Федеральной службы государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. С. 21.

⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Занятия населения. М., 2005. Т. 9. С. 574.

⁷ Россия: Центр и регионы (по результатам социологических исследований). М., 2001. С. 96, 97.

⁸ Адаптационные стратегии населения: 10 лет исследований. СПб., 2004. С. 65.

⁹ *Бурмыкина О.Н., Нечаева Н.А.* Социокультурные аспекты адаптации населения к рыночной экономике. СПб., 1998. С. 40.

¹⁰ *Аврамова Е.М.* Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 1998. С. 169.

¹¹ *Бурмыкина О.Н., Нечаева Н.А.* Указ. соч. С. 3.

¹² *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 177.

¹³ *Красюков В.А.* Региональные факторы этнической адаптации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. С. 3.

¹⁴ Конституция (основной закон) Республики Тыва. Кызыл, 1993. С. 14; Конституция (основной закон) Республики Тыва. Кызыл, 2004. С. 12.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Особенности процесса формирования этнической идентичности и ее проявление в социальной действительности является насущной проблемой любого, а в особенности поликультурного, общества. Исследование различных аспектов данной проблематики представляется перспективной областью и в Республике Молдова, которая исторически служит местом проживания нескольких больших и малых этнических общностей. Предметом настоящего исследования являются особенности формирования этнической идентичности у детей младшего школьного возраста из русскоязычных семей г. Кишинева.

В психологии под этнической идентичностью в целом принято понимать результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенную степень отождествления себя с ним и обособление от других этносов¹. Несмотря на отсутствие единства взглядов на структуру данного феномена и механизма его формирования, в этнической идентичности, как правило, выделяются два основных компонента: когнитивный и аффективный. Аффективный компонент представляет собой эмоциональный аспект принадлежности к группе² и выражается в аттитюдах: позитивные – удовлетворенность членством в этнической общности, гордость за свой народ, и негативные – отрицание своей этнической идентичности, предпочтение других групп³. Он предполагает чувство принадлежности к этнической общности, выраженность внутригруппового фаворитизма (т.е. группового сознания в сравнении с индивидуальным у отдельной личности) и направленность этнических стереотипов. Последний компонент характеризуется знаком и величиной общей эмоциональной ориентации субъекта по отношению к данному объекту.

Когнитивный компонент включает в себя этническую осведомленность, т.е. знания о своей и других этнических группах, этноним и соответствующие ему этнодифференцирующие признаки, а также этническую самоидентификацию (осознание этнической принадлежности)⁴. Знания о своей и других этнических группах включают в себя этнические установочные образования (стереотипы, предубеждения, предрассудки), т.е. представления о характерных чертах своего народа (автостереотипы), представления о других народах (гетеростереотипы), знания о происхождении и историческом прошлом членов этноса, этнической территории, религии, символикe, экономике как элементах подсистем и сфер этнической культуры⁵. Этническое самосознание проявляется в осознании особенностей этнической культуры общности, ее психологических особенностей, собственных этнопсихологических особенностей, тождественности с этнической общностью, себя в качестве субъекта этнической общности, социально-нравственной самооценке этничности⁶.

Этнодифференцирующие признаки формируются на основе этнической осведомленности, и в их качестве могут выступать самые разные признаки:

язык, ценности, нормы, историческая память, религия, национальный характер, общее происхождение и т.п., даже мелкие элементы быта. Например, исследователями подмечено, что чем примитивнее культуры и чем менее существенно различие между ними, тем выше чувствительность к минимальным различиям. В первобытном обществе минимальная деталь раскраски тела способна вызвать смертельную вражду⁷. Таким образом, значение и роль признаков меняются в зависимости от стадии развития этноса, исторической эпохи, иноэтничного окружения.

Тема исследования этнодифференцирующих признаков в настоящее время является актуальной и потому популярной среди исследователей. Актуальность ее объясняется полиэтничностью многих обществ в условиях миграционных процессов и глобализации, которые обостряют проблему идентификации групп и отдельных индивидов. Подвижность признаков границы этнической группы одним из первых описал норвежский антрополог Ф. Барт, обозначив тем самым новый подход к самому феномену этничности. В настоящее время этничность трактуется в двух основных ключах: примодиализм (историческая обусловленность и «врожденность» этничности) и конструктивизм (этничность является искусственным конструктом, создаваемым с целью группового сплочения и не имеющим реальной подоплеки). С точки зрения известного российского этнолога М.Н. Губогло, суть спора между сторонниками данных подходов упирается в факторы развития идентичности этнического сообщества – внутренние механизмы или внешнее управление⁸.

В основе этничности лежит базовая оппозиция «мы» – «они», т.е. узнавание своих членов группы при наличии этнических границ, отделяющих «чужую» группу. Данный принцип служит основанием функционирования человеческой культуры, поскольку развитие культуры не может осуществляться без постоянного притекания текстов извне, что подразумевает «другого» – партнера в осуществлении этого акта⁹. Возникновение данной оппозиции можно объяснить в рамках адаптивной теории этнической культуры, суть которой сводится к следующему: первичная адаптация этнической общности к определенному ландшафту закрепляется в совокупности стереотипов поведения. Границы этноса при этом поддерживаются механизмом противопоставления «мы – они» (негативное отношение к чужому, непривычному) и эндогамией (размер и целостность популяции, консервация генетического фонда)¹⁰. В ходе истории первичная адаптация с физического уровня переходит на уровень культуры и передается от поколения к поколению при помощи механизма социализации.

Непостоянство признаков и различная их интенсивность, о которых пишут сторонники конструктивизма, являются результатом постоянного процесса сопоставления одной этнической группы с другой. Такие процессы, как глобализация и определенная унификация культур, способствуют интенсификации поиска параметров сопоставления. В рамках нашего исследования идеи конструктивизма о непостоянстве этнических признаков становятся достаточно актуальными, поскольку Республика Молдова и особенно Кишинев являются той самой поликультурной средой, в которой проживает большой процент национальных меньшинств. В этом случае интерес представляет то, на основании каких признаков у детей этнических меньшинств формируется представление о своей этнической принадлежности, основыв-

ваются ли они на неких объективных основаниях или «конструируют» свою этническую идентичность, руководствуясь интуицией при оценке социально-политической ситуации.

Процессу формирования этнической идентичности посвящено достаточно большое количество работ, однако эмпирические исследования предоставляют разные данные о возрастных границах этапов протекания данного процесса. Большинство исследователей, однако, сходятся на мнении, что подростковый возраст является тем рубежом, когда можно говорить о сформированной этнической идентичности. Для того чтобы дать себе правильное самоназвание, необходим целый комплекс этнических представлений, образующий систему этнодифференцирующих признаков, который формируется в подростковый период развития личности¹¹. Многочисленные исследования, проводившиеся в различных странах среди различных возрастных групп детей и подростков, выявили некоторые закономерности протекания данного процесса в зависимости от определенных социальных факторов. Среди них можно выделить следующие: статус группы в этнической структуре общества, влияние этноконтактной зоны, опыт межэтнического общения, язык обучения, культурная близость/схожесть этнических общностей, моно- либо полиэтничность семьи и этническая принадлежность «значимых других», влияние таких источников этнической информации как школа и СМИ, этнических объединений, политическая ситуация в стране.

В городской части г. Кишинева, согласно данным статистики, проживает 15% русских и 8,8% украинцев. Языком, на котором они чаще всего общаются, указали: русский – 97,9% русских и 63,7% украинцев, украинский – 31,1% украинцев, государственный – 2,3% украинцев, 0,9% русских¹². В нашем исследовании приняло участие 300 учащихся трех возрастных групп: 7–8 лет (1-й класс), 9–10 лет (3-й класс) и 12–13 лет (6-й класс) школ и лицеев г. Кишинева с преподаванием на русском языке, в том числе учащиеся школ с изучением украинского языка как предмета. На данный момент в Кишиневе существуют два типа школ в зависимости от языка преподавания: школы с преподаванием на государственном языке и школы с преподаванием на русском языке. В нескольких школах и лицеях существуют классы с изучением украинского языка, в которых обучаются дети, как правило, из украинских семей.

Для исследования процесса формирования этнической идентичности у детей г. Кишинева были выбраны методики, сочетающие легкость выполнения и валидность результатов, а именно разработки психолога из Великобритании М. Барретта и их модификации¹³ и тематический рисунок, которые позволяют работать с детьми любого возраста. Преимущество данной серии методик в том, что они нацелены не на декларируемую этничность, а на этническую идентичность как на осознание себя членом той или иной этнической группы и определенную степень отождествления с ней. Методики М. Барретта являются авторскими качественными полупроективными методиками и были апробированы в Великобритании, Италии, Испании, России, Украине, Грузии, Азербайджане.

Первый этап эмпирического исследования был направлен на определение места этнической идентичности среди других социальных идентичностей испытуемых и, следовательно, степени ее значимости, выраженности в зависимости от возрастной и этнической группы. Ниже приведены графики,

на которых наглядно отображены различные стороны идентичности: этническая, гражданская, надэтническая (в данном случае – «европейская»), религиозная и территориальная (житель г. Кишинева); по оси абсцисс обозначен ранг той или иной идентичности, т.е. важность для испытуемых, по оси ординат – количество школьников, выбравших данную идентичность (в %).

Выявленная при этом в г. Кишиневе множественная, в частности двойная и тройная этническая идентификация обусловлена сочетанием нескольких важных факторов – языкового, территориального и этнической принадлежности близкого окружения.

Среди учащихся школ с преподаванием на русском языке к 10 годам осознание себя как жителя г. Кишинева сочетается с гражданской идентичностью, а этническая принадлежность на десятки доли отстает. Интересно, что уже гораздо меньшая доля детей (на 30% меньше, чем в первом классе) определяет себя как «русских», и наоборот, растет доля «молдаван» (на 6% больше). В подростковом возрасте на первое место выходит религиозная идентичность (60%), что, видимо, связано с психологическими особенностями стадии развития личности в данный период. Далее следует массив из таких идентификаций как принадлежность к малым группам меньшинств, гражданство, этническая принадлежность и городская идентичность, которые незначительно разделяются десятками долями. Почти 40% детей выбирают для себя наднациональную идентичность – европеец, что говорит о следующем этапе в развитии страны – формировании новой идентичности на смену распространенной среди старшего поколения «советской». На возникновение такой идентичности влияет целый спектр факторов, среди которых следует назвать недавнее вступление Румынии в ЕС, роль СМИ, обсуждающих историю Молдовы и возможные пути ее дальнейшего развития, межэтнические браки, трудовую миграцию в европейские страны. Следует также учитывать тот факт, что в процессе взросления развивается саморефлексия, и в дальнейшем важность «европейской» идентичности может ослабеть в результате более критичного к ней отношения.

В школах с изучением украинского языка в первом и третьем классах прослеживается та же тенденция, что и в школах русских, за исключением важности гражданской принадлежности к Украине (20% и 28% соответственно). Возможно, в младшем школьном возрасте дети выбирают эту категорию из-за поездок в Украину, там проживающих родственников, либо гражданство связывается у них в сознании с важностью принадлежности к украинской культуре благодаря специальным занятиям в школе. При этом небольшая часть детей идентифицирует себя как украинцев. Вероятно, данная идентичность используется в качестве отличительного идентификатора за неимением другого, этим и объясняется ее высокая по рангу позиция, поскольку вперед, как правило, выходят главные отличительные признаки. Ситуация меняется в подростковом возрасте, когда 60% опрошиваемых определяет себя как украинцев; при этом снижается доля «молдаван» (39%). Из этого следует, что именно в младшем подростковом возрасте дети начинают осознавать свою этническую принадлежность и отличать от нее региональную. Причисление себя к молдаванам в этом случае объясняется смешанными браками. Следует также отметить значимость религиозной принадлежности во всех возрастных группах (выше, чем в соответствующих группах русских учащихся первых и третьих классов), что, возможно, позволяет выделить

еще один маркер этнической принадлежности для украинцев, причину появления которого следует искать в истории в точках соприкосновения Украины и России и роли для них православия. В любом случае данный факт весьма примечателен и свидетельствует о существовании определенных этнических границ внутри русскоязычного населения города. Достаточно высок также процент самоопределения себя как гражданина Украины. Следует учитывать тот факт, что родители или другие близкие родственники таких детей могут быть гражданами Украины, что говорит о важности данного фактора при этнической идентификации. В подростковом возрасте также начинает играть роль надэтническая идентичность – европеец (39% для русских и 29% для украинцев), появившаяся в матрице идентичностей в связи со стремлением вступления в ЕС Молдовы и Украины, соответствующей пропаганды и развитием сопутствующих настроений. Во времена СССР подобной надэтнической идентичностью была «советская». По приоритетности эта идентичность находится на последних местах. Наглядно перечисленные выше грани идентичности их значимость продемонстрирована далее на графиках.

Таким образом, этническая идентичность во всех исследуемых подгруппах занимает срединное положение (не актуализирована) и сочетается с территориальной и гражданской идентичностями, что говорит о тесной связи этничности с местом проживания. С возрастом актуализируется религиозная идентичность, а ближе к подростковому возрасту – надэтническая.

Влияние статуса группы в этнической структуре общества на формирование этнической идентичности подчеркнуто также в исследованиях О.Л. Романовой среди трех этнических групп подростков. Согласно полученным ею результатам, статус меньшинства сказывается на сложном и противоречивом характере этнической идентичности, т.е. росте внутригруппового предпочтения и тенденции к двойной идентификации¹⁴.

В школах с изучением украинского языка 17% подростков выбрали для себя украинскую идентичность, хотя на данную возрастную группу приходится лишь 10% чисто украинских семей, что также подтверждает сознательность их выбора. Кроме того, следует учитывать роль образовательных учреждений, более или менее активно участвующих в возрождении украинской культуры на территории Молдовы.

В каждой возрастной группе существует определенный процент детей, которые не смогли определить свою этническую принадлежность. Данный факт может свидетельствовать о потенциальной этнической маргинальности данной подгруппы. Возможно, что дети, затрудняющиеся в этническом самоопределении вкупе с теми из них, кто мотивировал свой выбор аффилиативными тенденциями (например, «я – немка, потому что мне нравится немецкий язык»), образуют некую характерную для полиэтнических обществ группу с «глобализированным» сознанием, или, используя термины синергетики, элементы системы, которых не привлекает прежний аттрактор, что в целом соответствует психологическому состоянию общества в транзитный период. Кроме того, выбор идентичности на основе субъективных признаков («нравится») является «конструктом», свойственным особенно группам меньшинств в среде полиэтнических обществ.

К этнодифференцирующим признакам в литературе, как правило, относится осознание кровнородственных связей, знание языка и культуры¹⁵.

Из ответов наших респондентов удалось выделить такие признаки как языковой, территориальный (место рождения, поездки) и этническая принадлежность значимых других (родители, родственники), который сами школьники определяли как национальность. Что касается важности культурного фактора, то, по всей видимости, его значение осознается позже. Интересно также отметить, что согласно периодизации Ж. Пиаже, дети в данном возрасте уже должны отмечать особенности истории своего народа и его культуры. Тем не менее, в данном случае можно говорить о влиянии городской культуры, в которой практически отсутствуют, за редкими исключениями, источники знаний о традиционной культуре, значительно снижаются культурные различия в повседневной жизни представителей различных этнических групп. В более старшем сознательном возрасте источниками этнического знания становятся СМИ. В младшем школьном и доподростковом это, в основном, дом и школа. Проведенное в Республике Алтай сходное исследование среди детей и их родителей также позволило выделить признаки этнической самоидентификации среди испытуемых. Для детей из смешанных семей на первый план вышли родной язык, национальная принадлежность родителей, гражданство и территория проживания, в то время как особенности внешности, культуры и истории своего народа остались на втором плане¹⁶. Результаты, таким образом, согласуются и с нашими наблюдениями о возрастной специфике становления этнической идентичности.

Признаком, определяющим выбор этнической идентичности для «русской» подгруппы является язык, что, видимо, характерно для полиэтнического общества в условиях современного города с вековой традицией общения на русском языке (время вхождения в царскую Россию, СССР). Важность языка при самоопределении также может объясняться ослаблением связи с традиционной русской культурой, Россией. Кроме того, с третьего класса важность получает этническая принадлежность родителей или родственников. Для тех детей, в самоидентификации которых присутствует этноним «молдаванин», важность получил территориальный фактор, т.е. проживание в Республике Молдова. Частично это объясняется этнической принадлежностью одного из родителей. Если же речь идет не об этнических молдаванах, а о русскоязычных подростках, которые используют данный этноним как часть своей этнической идентичности, то можно предположить, что этноним «молдаванин» приобретает гражданское значение (житель Молдовы вне зависимости от этнической принадлежности). Другое объяснение – выбор этнической принадлежности титульного этноса, механизм поддержания своего социального статуса среди этнических меньшинств (например, идентификация русскими детьми себя как украинцев в Харькове)¹⁷.

В группе украинцев, в том числе среди русских респондентов, указавших украинскую идентичность, с возрастом снижается роль таких признаков, как язык и страна проживания, и начинает доминировать этническая принадлежность родителей или родственников (в шестом классе в два раза выше, чем в русских школах). Объяснений может быть несколько. Во-первых, в больших городах Молдовы украинский язык если и используется, то, как правило, на бытовом уровне, поэтому в качестве мотива для идентификации он может выступать опосредованно. С другой стороны, принадлежность к этносу по

крови можно считать «примордиальным» признаком этнической идентичности, поскольку этническая общность выросла из семьи и племени. История поселения русских и украинцев на территории современной Молдовы отличается тем, что украинское население, а именно русины, считаются автохтонным, а значит, имеют уходящие в прошлое культурные традиции¹⁸. Другой немаловажный фактор – влияние информации, получаемой в школах или через различные этнические организации, нацеленной на развитие национального самосознания. Направление конструктивизма говорит в данном случае о «конструировании» этнической идентичности путем подчеркивания этнических особенностей, т.е. направленном влиянии на процесс формирования этнической идентичности. Конечно, этнические СМИ в данный возрастной период не имеют решающего влияния, поскольку дети, как правило, не читают газет. Однако большое влияние оказывают язык обучения (во многих случаях неродной), школьная программа (например, такой предмет как история) и другие факторы. В данном случае подтверждаются изложенные в теоретической части этой работы положения о совместном влиянии на формирование этнической идентичности примордиальных факторов и социальных конструктов.

Интерес представляют единичные случаи мотивации, которые свидетельствуют об относительной свободе этнического самоопределения. Например: «папа – украинец, а я хочу быть русской», друзья, «я – еврей, потому что нравится культура и друзья – евреи». Некоторые объяснения своего выбора, напротив, говорят о предопределенности по ряду причин: «мама сказала» (роль родительского авторитета), «должна считаться», «по паспорту». Эти случаи говорят об определенной степени вариативности при этнической самоидентификации, «конструировании» некоторыми детьми своей этнической принадлежности.

Как отмечают исследователи, для родителей в этнически смешанных семьях сложно воспитывать детей в традициях своего собственного народа, поэтому проявления этнической культуры в них сведены к минимуму¹⁹. В связи с этим, процесс этнической идентификации детей из смешанных семей затруднен, и на начальных этапах ими используются такие «примордиальные» факторы, как родной язык и национальная принадлежность родителей. Позднее, в процессе взросления начинают играть роль более осознанные признаки этничности, зачастую конструируемые сознательно, возможно как компенсация отсутствия переданной органически в процессе воспитания этнической культуры.

На следующем этапе исследования мы определяли аффективное отношение к своей и другим этническим группам. Положительная оценка своей группы (нравятся или очень нравятся) говорит о позитивном отношении к ней и о позитивном характере этнической идентичности в целом. С возрастом оценка своей группы несколько снижается, вследствие более критичного к ней отношения со стороны взрослеющего индивида.

Стоит отметить, что результаты этнопсихологических исследований среди молодежи Республики Молдова, проведенных в недавнем времени И.И. Кауненко и Л. Гашпер, определенным образом сходятся с тенденциями, прослеженными в настоящем исследовании. Так, И.И. Кауненко отмечает, что украинцы более адаптированы к титульному этносу, чем русские,

несмотря на сформировавшуюся у них биэтничность по причине преобладания русского языка в общении. Русские же на данный момент находятся на стадии выработки адаптивного механизма, что отчетливо видно по наличию среди них большой группы колеблющихся (восприятие стабильности мира) и позиции четкого индивидуализма (вытеснение этнической идентичности из матрицы социальной идентичности)²⁰. У русских и украинских респондентов исследовательницы отметили высокий уровень идентификации со своей этнической группой, что «может свидетельствовать о тенденции к идентификации по типу гиперидентичности и актуальности этнической компоненты при построении “Я” концепции»²¹. При этом у молдаван и гагаузов был выявлен более высокий уровень этнической аффилиации, чем у украинцев, русских и болгар, для которых характерны антиаффилиативные тенденции. Гиперидентичность и антифиллиативность являются гранями выделенного Н.М. Лебедевой «синдрома навязанной этничности», т.е. такого состояния личности, когда этническая идентичность доминирует среди остальных социальных идентичностей²², что отражается в свою очередь на этнической толерантности. Синдром тревожный, особенно в силу того, что частично может быть прослежен и у детей, особенно из русской подгруппы. Однако говорить о нем на основе полученных в ходе настоящего исследования данных рано, поскольку они свидетельствуют о слабой выраженности у респондентов важности этнической принадлежности. А особенности восприятия своей этнической группы русскими детьми и подростками можно объяснить особенностями культурно-политической ситуации в Молдове. Эти данные говорят о психологическом состоянии общества, которое находится на стадии определенной трансформации, начавшейся с распада СССР и продолжающейся до сих пор. Украинцы и русские Молдовы в ходе исторических событий выработали различные механизмы адаптации. И.И. Кауненко отмечает, что важным фактором, оказавшим влияние на этническое самоопределение, был разный опыт межгруппового сосуществования, адаптации. Русские всегда были наиболее малочисленной группой, но высокостатусной. Практически все этнические группы владели русским языком и были в той или иной мере биэтничны²³. По этой причине в настоящем исследовании выявлены различия в степени этнической идентификации русских и украинских школьников, а именно более выраженный адаптивный потенциал украинцев и стадия становления культурной адаптации у русских.

С целью изучения этнокультурных представлений школьников была применена методика проективного рисунка. Задание состояло в просьбе нарисовать представителей пяти народов: русского, украинца, молдаванина, румына и американца. В качестве методологического образца обработки рисунков было выбрано исследование тематических рисунков, проведенное Т.В. Ивановой²⁴ среди русской и украинской молодежи. Методика помогла проследить возрастную динамику формирования этнических представлений, а также особенности самоидентификации респондента со своей этнической группой.

Формирование этнокультурных представлений проходит несколько этапов и характеризуется постепенным накоплением информации. Особенность детского рисунка состоит в компенсации этнических знаний за счет других

маркеров: пола и эмоций. Например, «инаковость» американца может выражаться тем, что его изображают единственным мужчиной среди четырех женских фигур или лишают улыбки. Высокий процент изображения идентичных человеческих фигур в первых классах говорит в целом о недостаточной выраженности этнических представлений у детей 7-8 лет, и, следовательно, о небольшой роли этнической принадлежности в их социальной матрице. Данный вывод согласуется с результатами, полученными по методике М. Барретта. В третьих классах наблюдается сокращение количества рисунков с незначительными различиями и идентичных изображений. Ведущими признаками являются пол и эмоциональная окраска, что свидетельствует о нехватке этнических знаний и одновременном развитии этнической идентичности у детей, повышении ее значимости среди других видов социальной идентичности. В шестых классах наблюдается сведение до минимума количества идентичных изображений и с небольшими различиями в деталях. Развитие этнических знаний отражается в достаточно высоком проценте изображения элементов традиционной одежды, причем в школах с изучением украинского языка он несколько выше, чем в русских. Итак, мы наблюдаем детализацию в описании этнического образа с возрастом, причем резкий скачок приходится на 9-10 лет по сравнению с младшими школьниками. В младшей группе респондентов случаются ошибки описания, что говорит о слабости этнических представлений.

Если сравнить результаты настоящего исследования и полученные Т.В. Ивановой в группе молодежи (где использовано большое количество элементов всех выделенных ею категорий описания этноса), то очевидно очень малое количество элементов этнической дифференциации. Например, образ русского включал шапку-ушанку, валенки, телогрейку, окладистую бороду. Образ украинца – шаровары, вышитую сорочку, кушак, усы, казацкий чуб, булаву. Американец предстал в виде человека в деловом костюме, спортивном, ковбойском или в виде толстого «буржуй»²⁵. Интересно отметить отличия и совпадения элементов стереотипного образа в динамике. Исследование Т.В. Ивановой проходило в конце 1990-х годов в Украине. За прошедшие десять лет образ русского утратил деревенский вид (ушанка всего лишь в одном случае). Украинец, напротив, остался в образе казака. Американец же не воспринимается больше как ковбой. Изменение этнических образов и стереотипов со временем, вытеснение одних и замена их другими отражает процесс исторического развития. Яркий пример тому – рисунок американца в образе космонавта, хотя какое-то время назад данная привилегия принадлежала исключительно СССР. Другой пример – румынские курорты на море и в горах, менее доступные и известные на территории Молдовы еще 10 лет назад. Бросается в глаза также малое количество элементов, составляющих этнический образ в представлениях школьников, по сравнению с данными Т.В. Ивановой. Маловыраженные стереотипы или их отсутствие говорят о недостаточном уровне их формирования у испытуемой группы детей и подростков, что соответствует данным когнитивной психологии. Вопрос заключается в том, на основе каких источников этнические стереотипы сформируются в последующем и насколько они будут позитивны. Ответить на него помогает анализ образов русского. Военизированный образ вкупе с большим количеством негативной символики (агрессия, оружие) напомина-

ют о транслируемых по русским каналам бесчисленным сериалам, в которых полярность добра и зла носит образы мафии и милиции / террористов и военных. В отличие от американского кино, в котором также много крови, российские фильмы сняты реалистично и рождают своеобразный образ России как сильного военного государства и ее защитника – вооруженного борца за справедливость. В рисунках испытуемых очень малое количество образов русского, напоминающих о традиционном способе культурной трансмиссии через семью – сказки, песни и т.п., что неудивительно в условиях городской культуры. Главным источником информации, таким образом, выступает телевидение. В такой ситуации тем большее значение приобретает школа, а именно специальные занятия, направленные на формирование позитивных образов своей и других культур, поиск общих символов, событий, сближающих проживающие на одной территории народы. На территории проживания нескольких народов вопрос исторической памяти отмечается повсеместно. Так, в Алтае, несмотря на несколько веков совместного проживания, существует проблема дефицита общезначимых для русских и алтайцев исторических фигур и событий, что негативно отражается на общегражданской солидарности Республики²⁶.

По количеству элементов традиционного костюма при описании своего народа можно судить об определенной степени идентификации с ним; при описании других народов – о степени близости / отдаленности их для респондентов. Для обеих групп респондентов, помимо своей, близок молдавский этнос, но в группе украинцев сильнее выражена этническая идентификация, чем в русской. Молдаван характеризует такая смысловая группа как труд в быту, куда можно отнести и изображения виноградной лозы, а украинцев – пища. Эти две этнические группы изображаются чаще всего в национальной одежде, что говорит об «этнографичности» их образа в представлении школьников. Одним из возможных объяснений данному явлению может послужить тот факт, что исторически украинцы и молдаване на территории Молдовы поддерживали более тесную связь с селом, очагом национального быта и культуры в целом, чем русские, являющиеся, как правило, городскими жителями. Влияние на формирование этнического самосознания имеет также проводимая среди школьников работа по знакомству со своей и другими этническими культурами, особенно в школах с изучением украинского языка. Отметим, что для русских Молдовы традиционная культура может играть менее значимую роль также по причине доминирующей роли в этнической идентификации языка и культуры на основе литературы. Важность имеет также обширный рынок труда в России, приобщающий к русской культуре и языку также титульный этнос. Украинская часть населения Молдовы тоже, как правило, владеет русским языком. В самоидентификации школьников – украинцев недостаточная распространенность родного языка (большинство украинцев в Кишиневе русскоязычны) компенсируется территориальной близостью Украины, важностью традиции.

Образ русского воспринимается извне обеими группами школьников, о чем говорит низкий процент его изображения в национальной одежде в сравнении с молдаванином и украинцем. Размытость образа может объяс-

няться более поздним формированием этнической идентичности у русских детей в связи с такими особенностями социальной ситуации, как важность языка и особая роль России и русской культуры (телевидение, литература, российская внутренняя и внешняя политика, трудовая миграция в Россию) в процессе самоидентификации.

В рисунках четко прослеживается разделение этнической культуры на городскую и сельскую, что соответствует процессу разделения этнической группы на два типа. Как уже не раз упоминалось в тексте настоящей статьи, городская жизнь во многих аспектах нивелирует очевидные для села этнические признаки. Унификация стиля жизни в городе, отход от традиций в быту, взаимопроникновение культур, влияние телевидения на эти процессы приводят к смене набора этнодифференцирующих признаков. Как формируется этническая осведомленность в городе? Если семья оторвана от корней, то основными источниками являются телевидение и книги. Книги, к сожалению, в последнее время значительно уступают в популярности Интернету и телевидению, которые преподносят информацию в субъективно выгодных контекстах под влиянием политики и поп культуры. Через какие каналы, таким образом, возможно формирование представлений о собственной этнической культуре? Вероятно, эти представления подменяются более доступными признаками – языком, территорией проживания, в более зрелом возрасте – гражданской и/или культурной идентичностью. Именно эти этнодифференцирующие признаки становятся маркерами границ, по которым разделяется общество в г. Кишиневе. В случаях, когда семья сохраняет связь с традиционной культурой и культурная трансмиссия происходит более гармонично, как, например, у определенного числа школьников – украинцев, решающее значение при этнической идентификации приобретает этническая принадлежность родителей. Получаемая при этом в школе информация органично ложится на заложенный в семье фундамент, способствуя развитию позитивной этнической идентичности.

В заключение хотелось бы отметить практические аспекты исследования. Результаты показывают общую позитивность восприятия различных этнических групп, за исключением негативных стереотипов, что в целом соответствует возрастным особенностям восприятий межгрупповых отличий. Исследователи отмечают, что фиксация альтернативы «Мы – Они» и стратегия поведения по отношению к чужому начинает развиваться в среднем школьном возрасте²⁷. У старших школьников психологически возможно формирование негативных установок. Подростковый возраст является наиболее сензитивным для формирования позитивного либо негативного межэтнического восприятия²⁸. Результат в целом зависит от достоверности информации о других этнических культурах. Поэтому действенным способом предотвращения ксенофобии является правильным образом построенная образовательная система, способствующая развитию в подростках открытости миру. Большое внимание при этом следует уделять младшим школьникам, вкладывая в них необходимый объем информации, который станет базой формирования позитивного восприятия разного вида инаковости.

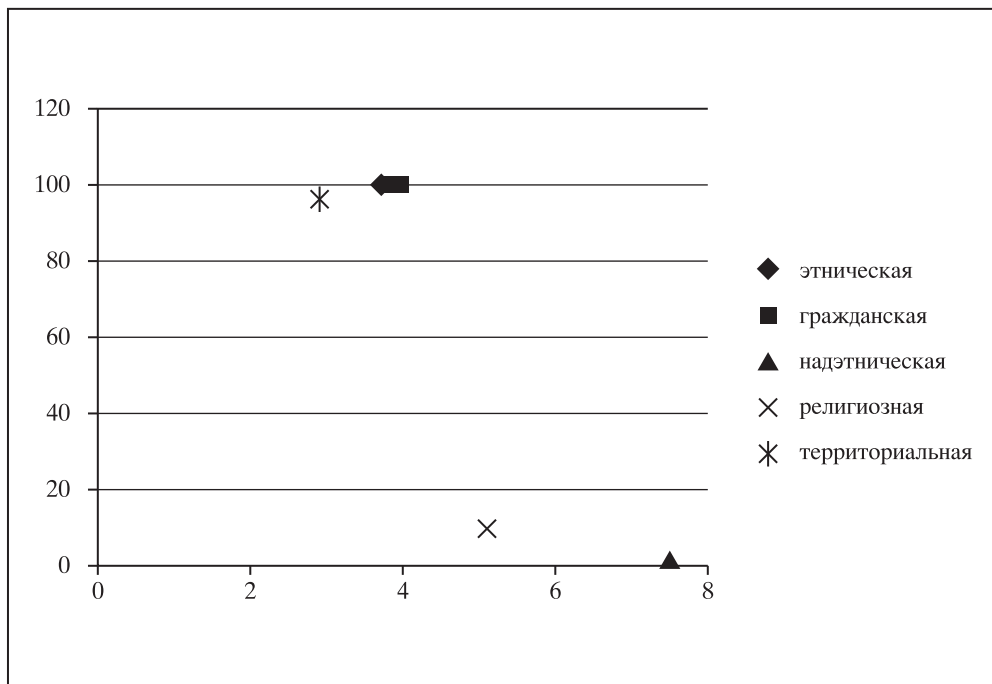

Рис. 1. 1-й класс школ с преподаванием на русском языке

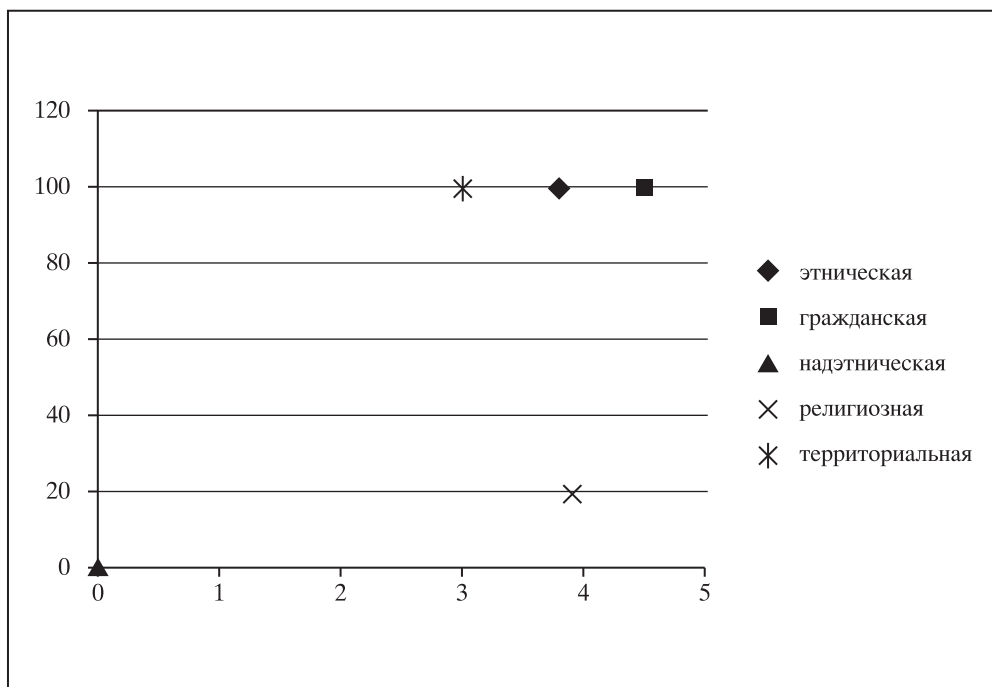

Рис. 2. 1-й класс школ с изучением украинского языка

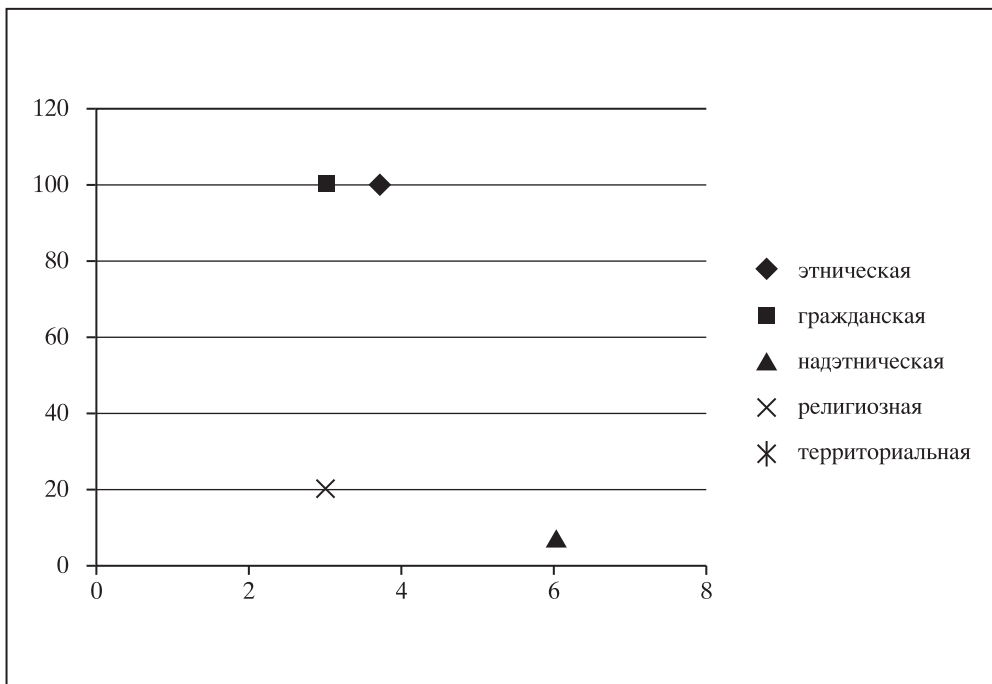

Рис. 3. 3-й класс школ с преподаванием на русском языке

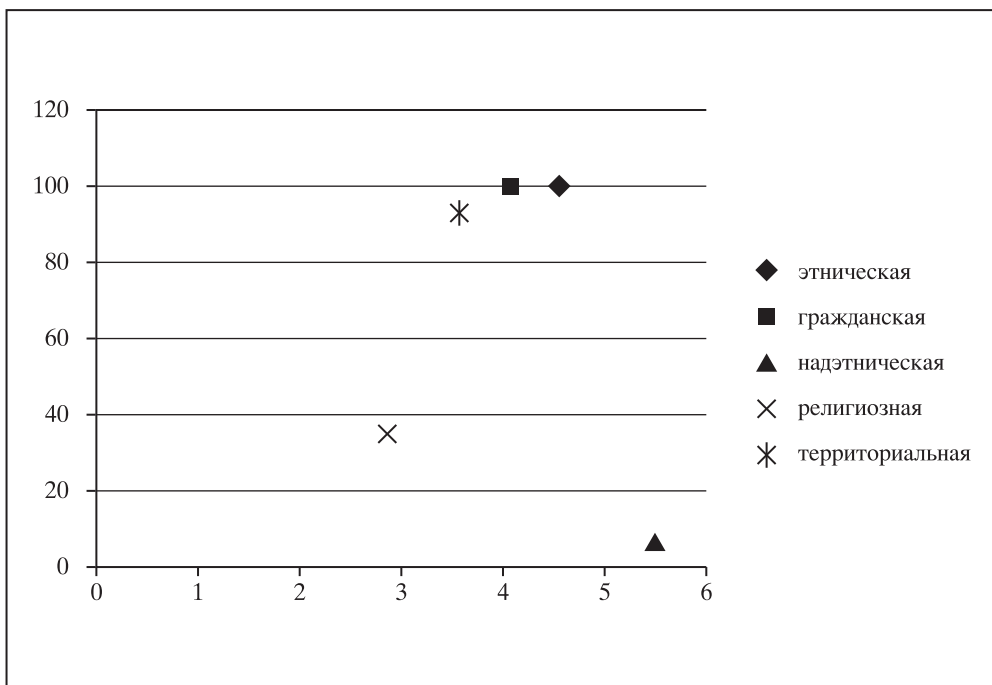

Рис. 4. 3-й класс школ с изучением украинского языка

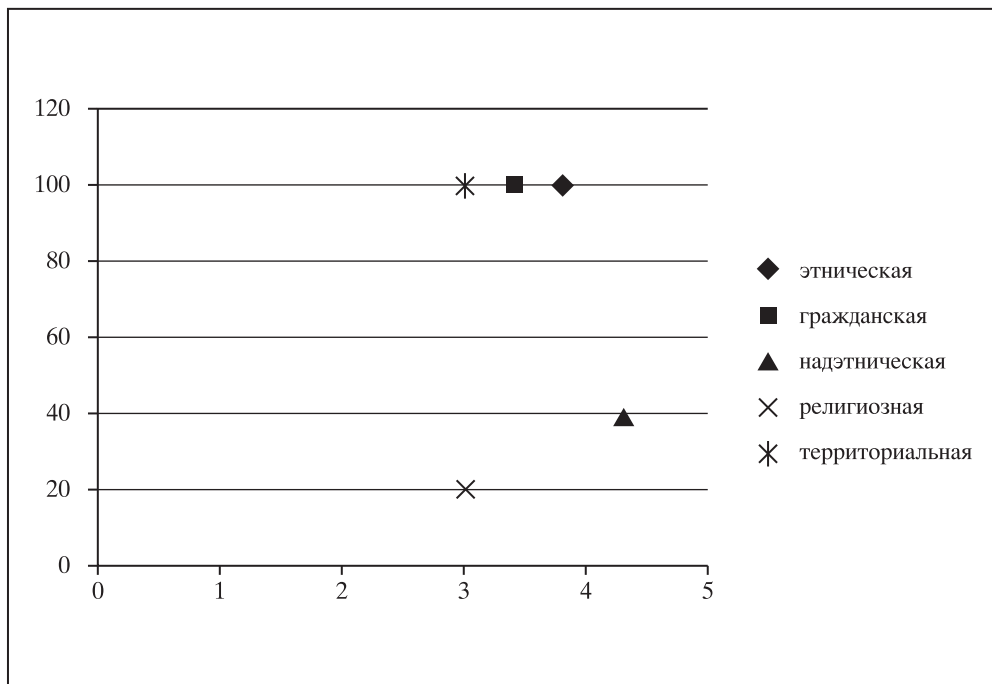

Рис. 5. 6-й класс школ с преподаванием на русском языке

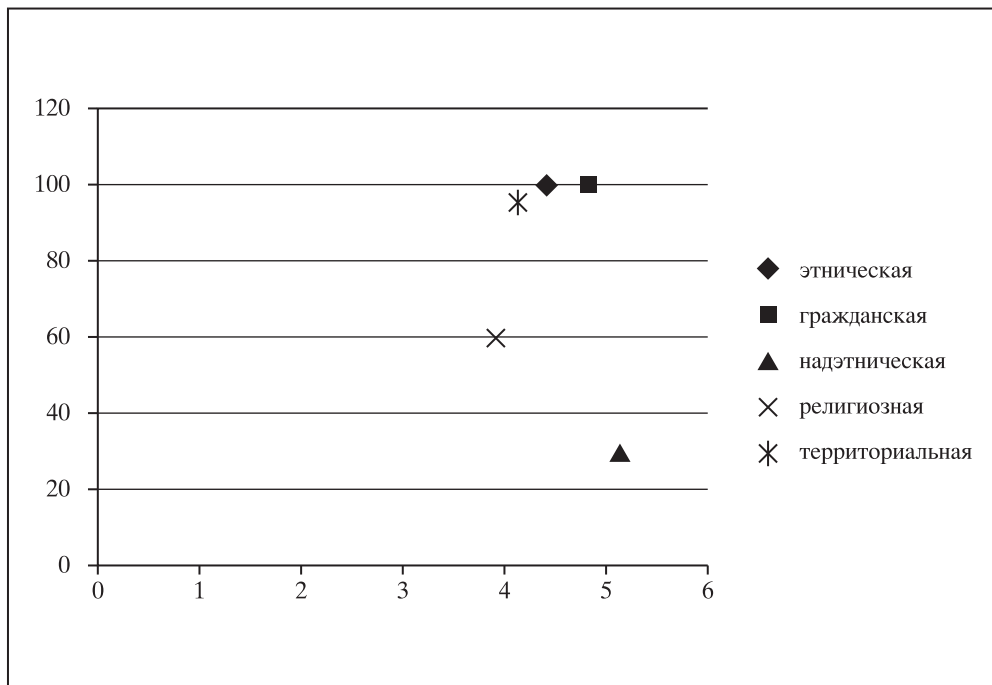

Рис. 6. 6-й класс школ с изучением украинского языка

¹ *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. Учебник для вузов. М., 1999. С. 210.

² *Кауненко И.И., Гашипер Л.* К проблеме этнического самоопределения подростков и юношей Молдовы // Этнографические исследования в Республике Молдова: История и современность. Кишинев, 2006. С. 41.

³ *Стефаненко Т.Г.* Указ. соч. С. 215, 216.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ *Дробизьева Л.М.* Национальное самосознание: база формирования и социо-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 2. С. 7.

⁶ *Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 5. С. 70.

⁷ *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование): Пособие для вузов // М., 2004. С. 93.

⁸ *Губогло М.Н.* К изучению идентичностей: Вопросы теории // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999. С. 290, 291.

⁹ *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 117.

¹⁰ *Борисова О.В.* Категория этничности как эпистемологический феномен // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 124.

¹¹ *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка // Этническая психология. Хрестоматия. СПб., 2003. С. 177.

¹² *Recensămîntul populației, 2004.* Culeg. statistică. Chișinău, 2006. Vol. I. Migrația populației. P. 306.

¹³ *Барретт М.* Развитие национальной идентичности: концептуальный анализ и некоторые итоги западноевропейского исследования // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М., 2001. С. 30, 31.

¹⁴ *Романова О.Л.* Развитие этнической идентичности у детей и подростков / Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1994. С. 17.

¹⁵ *Атнагулов И.Р.* Этнокультурная идентичность нагайбаков: современное состояние и перспективы // VII конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007. Саранск, 2007. С. 167.

¹⁶ *Ушаков Д.В.* Роль семьи в воспроизводстве этничности народов Республики Алтай // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 104.

¹⁷ *Павленко В.Н., Кряж И.В., Барретт М.* Этническая и национальная идентификация и представления у украинских детей и подростков // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 5. С. 63.

¹⁸ *Степанов В.П.* Украинцы Республики Молдова: Очерки трансформационного периода (1989–2005). Кишинев, 2007. С. 24.

¹⁹ *Ушаков Д.В.* Указ. соч. С. 105.

²⁰ *Кауненко И.И.* Психологические особенности этнической идентичности подростков в Республике Молдова: проблемы и перспективы // Moldoscopie. Chisinau, 2006. Nr. 1(XXXII). С. 50.

²¹ *Кауненко И.И., Гашипер Л.К.* Указ. соч. С. 253.

²² *Лебедева Н.М.* Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 3. С. 22.

²³ *Кауненко И.И.* Проблемы этнической идентичности, или Свой Путь (на материале региона Пограничья – Молдовы) // Перекрестки. 2007. № 3–4. С. 128.

²⁴ *Иванова Т.В.* Изучение этнических стереотипов с помощью метода проективного рисунка // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 70–83.

²⁵ Там же. С. 74.

²⁶ *Ерохина Е.А.* Коллективная память в этническом самосознании горноалтайской молодежи // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 120.

²⁷ *Солдатова Г.У.* Психологические механизмы ксенофобии // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 6. С. 15.

²⁸ *Кауненко И.И., Мирон Л.* Психологические особенности межэтнического восприятия подростками друг друга (из опыта национально-смешанных семей) // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999. С. 135.

Раздел III

РОССИЙСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.В. Карлов

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ

Современные процессы глобализации затрагивают все без исключения сферы функционирования человечества и составляющих его народов, включая сферы этническую и этнокультурную. Это обстоятельство ставит перед этнологической наукой задачу осмысления места и специфики этноса и этнического в системе жизнедеятельности современного человечества, ведь этнология сама есть, в числе прочего, также не что иное как специально-профессиональный инструмент идентификации народов средствами науки. Между тем наука для обыденного сознания людей не является ни единственной, ни главной формой идентификации, что делает задачу нашей науки, если можно так сказать, двойственной: это выполнение своей профессиональной функции этнонационального идентификатора и, одновременно, отслеживание и исследование самих особенностей этнической идентификации и идентичности, в том числе соотношения этнической идентичности с другими разновидностями и формами идентичностей современного человека, а также многообразных хронологических, локальных и социальных особенностей их сочетаний.

Усложнение социальной, локально-территориальной, профессиональной динамики в современном мире, развитие и прогрессирование тенденций взаимозависимости воспроизводственных структур человечества ведут, разумеется, и к изменениям в области этнической составляющей современных людей и ее места среди идентификационных механизмов. Актуальность постановки данных проблем для этнологии представляется довольно очевидной. Вместе с тем приходится констатировать, что исследование такого важного круга профессиональных задач не может осуществиться в необходимом объеме без четкого представления о том, какое место занимала этническая идентичность в предшествующие эпохи, как в до-индустриальном, так и в индустриальном обществах.

Круг научных проблем, связанных с последней тематикой, объемлен и сложен. Если же попытаться представить специфику идентификации на этническом уровне в до-индустриальный и индустриальный периоды, то, в самом кратком изложении, акцент следовало бы сделать на следующих особенностях. В до-индустриальных обществах, если иметь в виду главные

идентификационные признаки на уровне массового сознания, самым основным идентификационным параметром и критерием был прежде всеобщеготнически специфичный для каждого народа способ адаптации к среде обитания, включая все его составляющие, т.е. в первую очередь, всю систему жизнеобеспечения и сами способы этого жизнеобеспечения, характер и способы действий. Носитель этнических свойств обладал при этом максимально полным «набором» этнических признаков и качеств.

Индустриальная же эпоха стала временем принципиального изменения самих способов адаптации народов в среде обитания. Для этих новых способов адаптации стала свойственна дифференциация и профессионализация деятельности, а носители этих специализированных способов деятельности в своей профессиональной сфере занятий переставали быть носителями этнической специфики, т.е. этническая идентификация начинала определяться иными, чем ранее, критериями. Выработка этнических идентификаторов и их внедрение в массовое сознание стали, так же как и все другие сферы деятельности в индустриальном обществе, предметом профессиональных занятий специалистов в своих областях, в том числе ученых, идеологов, представителей искусства и литературы и т. д. А функции этнокультурной идентификации сместились из области рефлексии по поводу этнически специфицированного способа адаптации в среде у до-индустриальных народов в область национальной культуры профессионального уровня с ее основными институтами (система образования, наука, литература, искусство, идеология). Идентификация стала сферой, так же как и другие профессиональные сферы эпохи модерна, подверженной разделению на производителей образов и идеологов, их распространителей и потребителей оных на массовом уровне. Иными словами, историческое сознание и самосознание народов тем самым стали все больше и больше зависеть от целенаправленного воздействия профессионалов в своих областях, превращались в феномены общественной жизни, подверженные целенаправленному конструированию. В этом отношении построения современных приверженцев конструктивистских концепций, следует признать, в немалой степени отражают данную сторону объективной реальности. Однако, понимая природу специализации этнонациональной рефлексии в индустриальном обществе, нельзя сводить процессы идентификации исключительно к деятельности данных групп профессионалов, и, тем более, делать из этого вывод об иллюзорности этноса как только лишь продукта и результата конструирования. Ясное понимание природы специализации и роста влияния конструирования идентичностей как раз не умаляет, но, напротив, подтверждает объективность природы этносов и этнического, в индустриальном мире в том числе.

Таким образом, национальная культура и культурно-воспроизводственные структуры в жизни народов индустриального этапа истории стали основными механизмами идентификации. При этом возникли разные уровни идентичностей, которые в равной степени рождались и воспроизводились одним и тем же набором институций. Имеется в виду прежде всего сочетание в жизни большинства народов и государств мира идентичностей этнической и государственно-гражданской, которые чаще всего не противоречат и не взаимоисключают, но дополняют друг друга.

Постиндустриальная эпоха, в которую к концу XX в. вступило человечество, поставило все составляющие его народы перед фактом очередного серьезного изменения самих способов адаптации в среде обитания. Эпоха

модерна сформировала систему адаптации, эффективно действовавшую главным образом в границах национально-государственных структур разделения деятельности и обмена ее результатами, т.е. такую систему, в которой, в развитом варианте, эти разделение и обмен хотя и не замыкались уже в этнических границах и связях, но, тем не менее, практически во всех развитых странах эпохи модерна этнические связи устойчиво сохраняли свое воспроизводственное значение для человека и человечества. Эпоха глобализации привнесла в данные процессы некие принципиально новые грани, нуждающиеся в оценке с этнологической точки зрения. Прежде всего в экономике – основе воспроизводства и адаптации в среде современного человечества, национальные связи стали утрачивать свое преимущественное значение, уступая место транснациональным корпорациям и международным финансовым институтам. Согласно всеобщему убеждению, это стало главной причиной ослабления национальных суверенитетов и усиления воспроизводственной взаимозависимости мира. В отношении же адаптации в среде обитания ведущее положение национальных институтов и структур тоже стало расшатываться благодаря становлению новых адаптационных возможностей. Инструментами адаптации в среде обитания современного человека становится некое триединство «индивид – социум – техника», в котором социум представлен различными посредническими структурами, причем их функционирование имеет, как правило, узкоцелевое назначение и может, таким образом, вообще никак не быть связано с национально-этническими явлениями. Соответственно, и индивид в такой системе адаптационных механизмов вполне способен, обладая достаточными материальными ресурсами, осуществлять свои адаптационные потребности, в свою очередь, без какой-либо опоры на национальные структуры.

Обрисованное состояние воспроизводственных связей не могло не колебать и ослабить реальное значение сложившихся прежних устойчивых идентичностей. Новые, формирующиеся в глобальном мире связи уже находят выражение в появлении таких интернациональных субкультурных групп, какой является, например, так называемый «яппи-интернационал», где ведущую маркирующую роль играет далеко не этническая принадлежность, а характер занятий и стиль жизни. Тенденции к преобладанию в экономике крупных, но с чрезвычайно разветвленными сетями и структурами, мировых корпораций и корпоративных связей, уже сделали более значимыми в жизни многих социально и экономически «продвинутых» индивидов аффилиативные потребности не на национальном уровне, но в рамках взаимодействия с данными структурами и институциями, чаще всего интернациональными и уже относительно свободными от национальных «привязок» (в частности, то, что П. Бергер именует «давосской культурой» и «клубной культурой интеллектуалов»)¹.

Разумеется, для широких масс населения принадлежность к элитным группам как некая альтернатива национально-этническим идентификаторам сколько-нибудь значительно повлиять на изменение идентичностей этнической и государственной не может. Однако на массовом уровне все более значимым явлением стало появление и быстрое прогрессирование в жизни народов постиндустриальной стадии множества микрогрупп, строящихся по самым различным параметрам. Микрогруппы возникают на почве различий в обществе по уровню образования, склонностям в проведении досуга, земляческим связям, возрасту и состоянию здоровья, сексуальным ориентаци-

ям, различным хобби, спортивным предпочтениям и т.д. На фоне размытых в постиндустриальном обществе различий социально-классового характера, тех самых, которые в индустриальную эпоху составляли основы социально-политических характеристик любого государства, множасьщиеся микрогруппы без четких и стабильных границ и оснований, действующие в подвижном, колеблющемся и динамичном поле социальных взаимодействий современного мира, начинают создавать новую для индивида архитектуру распознавания идентичностей, определяющих как сходства индивидов, так и их различия. Такие микротенденции в жизни США стали предметом изучения американского социолога М. Пенна, который прогностически увидел в них основания для больших перемен². Каковы могут быть эти перемены, достаточно убедительно проиллюстрировала его книга на конкретных примерах использования «микрогрупповых» характеристик в широких границах, от маркетинга до большой политики.

Деление общества на микрогруппы стало очевидным еще в предшествующую, индустриальную, эпоху. Уже там каждый индивид стал обладателем достаточно большого набора групповых характеристик, уже там в практику повседневности вошли механизмы ситуативной изменчивости идентификации индивида, когда в одних случаях человеку было более актуальным представлять свою идентичность профессиональную, в других государственную или этническую, в третьих земляческую, в четвертых поло-возрастную, семейную, конфессиональную и т.д. Но, если в индустриальных обществах эти ситуативные смены идентификации все же происходили, главным образом не выходя из рамок внутригосударственных взаимодействий, ныне ситуация начинает меняться. Подстерегающие человечество на таком пути опасности кроются отнюдь не в расширении возможностей и частоты ситуативных перемен идентификаторов: это имманентное свойство постиндустриальной стадии, отражает оно расширение структуры общения в жизни человека и человечества, и в этом смысле может быть благом для мировой цивилизации. Опасности же, не только для воспроизводства этносов и этнических качеств, но, что более важно, для перспектив свободного развития общества и человека, заключаются, вероятно, в том, что и микро-, и макрогруппы современности строятся на основе частных интересов, но не базовых ценностей. Интересы, конечно, важны, но, когда они построены не на базовых ценностях, это колоссально увеличивает возможности манипулирования, в особенности в обществе, распадающемся на множество не формализованных микрогрупп. А установки на целенаправленное культивирование индивидуализации и противопоставление ее традициям и ценностям откровенно закладываются в идеологию глобализма, о чем ясно и недвусмысленно высказался П. Бергер. Рассуждая о различных сферах культурной глобализации, между которыми есть как противоречия, так и совпадения, он констатирует: «Если и есть аспект, который присутствует во всех этих сферах, то это индивидуализация: все сферы зарождающейся глобальной культуры способствуют независимости индивида от традиции и сообщества»³.

Если такие тенденции получают дальнейшее развитие, место этнических качеств и значение национальных культур мира в перспективе окажутся весьма неопределенными. Как справедливо заметили английские исследователи глобализации, «культурная глобализация изменяет *контекст*, в котором происходит производство и воспроизводство национальных культур, меняет средства, с помощью которых это осуществляется, но ее конкретное влияние

на характер и эффективность национальных культур – на власть и влияние их идей, ценностей и содержания – пока еще очень трудно определить»⁴. Вопрос заключается далеко не только и даже не столько в том, что сохранение этносов и национальных культур в перспективе (пусть пока еще далекой) окажется под угрозой. Принадлежность к традиции и сообществу, которым угрожает глобальная индивидуализация, несомненно, являются «видовыми» характеристиками этноса и нации как явлений. Но традиция и сообщество суть базовые отличительные признаки любого человеческого общества вообще, неотъемлемый компонент способа существования человека. Поэтому перспективы «изживания» этих явлений рано или поздно начнут угрожать уже и самому существованию человечества.

В современных условиях отстаивание относительной независимости национально-государственной и этнической составляющих в жизни индивидов разных национальностей становится, перед лицом реальной угрозы размывания этих идентичностей макро- и микропроцессами в глобальном мире, равнозначным отстаиванию и сохранению возможностей свободного развития индивидов и различных сообществ индивидов. Неолиберальные парадигмы развития, как становится достаточно очевидным, все менее и менее могут быть соотнесены с идеями свободного развития и свободы вообще, стремительно превращаются в современную и во многом более жесткую чем ранее форму тоталитаризма и диктата, и давно утратили какую-либо связь с либерализмом классическим. И практически единственным инструментом, еще потенциально сохраняющим возможности противостоять опасному для человечества негативному варианту развития мировых глобальных процессов, пока остается национальное государство. В связи с этим работа В.А. Тишкова, посвященная идентичности российского народа, в которой идет речь о необходимости целенаправленного формирования государственной идентичности, в естественном и непротиворечивом ее сочетании с этническими идентичностями всех составляющих государство народов⁵, появилась как нельзя более своевременно. Реализация обрисованных в ней задач должна только опираться на хорошо продуманную и выверенную политику и практику со стороны государства, которое может и, в современных условиях, обязано создать необходимые условия для свободного развития своих граждан, не ущемляя при этом возможностей ни внутреннего, ни внешнего общения индивидов и народов. Других инструментов, кроме государства, для реализации таких задач, видимо, сейчас не существует. Задачей же этнологии остается осмысление происходящего с профессиональной точки зрения и выработка соответствующего понятийно-терминологического аппарата, адекватного изучению этой сложной и важной области жизнедеятельности людей.

¹ Бергер П.Л. Введение: Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004. С. 10, 11.

² Пенн М. Дж., Залесн К.Э. Микротенденции: Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М., 2009.

³ Бергер П.Л. Указ. соч. С. 16.

⁴ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура. М., 2004. С. 387.

⁵ Тишков В.А. Российский народ: Книга для учителя. М., 2010.

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (штрихи к жизнедеятельности Изеддина Кейкавуса II)*

Контуры этнокультурной биографии

Задача приводимых ниже, увы, отрывочных сведений о жизни Изеддина Кейкавуса¹ II – одного из трёх братьев – сельджукских султанов (1246–1266 гг.) – никоим образом не сводится к подтверждению или опровержению теории «сельджукского» происхождения гагаузов. Она в такой же степени несостоятельна, как и многие другие модели этногенеза, авторы которых с завидной настойчивостью пытаются обнаружить прямолинейную связь между каким-либо современным народом и одним единственным, хотя и родственным народом древности или Средневековья².

Согласно «Хронологической таблице Сельджукидов Рума», составленной академиком В.А. Гордлевским на основе публикаций французских и турецких ориенталистов, можно считать, что Изеддин Кейкавус II был 24-м султаном – сельджукидом Рума³. В отличие от своего отца Гияседдина Кейхюсрева II он не особо прославился среди султанов знаменитой династии Хюсревов, правившей Конийским сельджукским султанатом 230 лет – с 1077 по 1307 г.

Его правление выпало на третий период существования Малоазийского сельджукского султаната. Новейший анализ данных, содержащихся в уникальном источнике по истории стран и тюркских народов Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также стран Юго-Восточной Европы – хронике Ибн Биби, позволил, в частности, болгарскому исследователю Ибрагиму Т. Татарлы выделить три этапа в истории Конийского султаната: 1) период «емисарства-бейлика» (1078–1157 гг.); 2) период султаната (1157–1243 гг.); 3) период монгольской зависимости (1243–1308 гг.)⁴.

Годы зрелой социально-политической деятельности Изеддина Кейкавуса II пришлись на бурные постмонгольские времена, наполненные крутыми изломами и «перестройками» в относительно устоявшемся к началу XIII в. тюркском мире. Перемещения народов, вызванные татаро-монгольским движением, изрядно изменили этническую ситуацию в южнорусских степях, в Крыму, в Малой Азии, в регионах Балканского полуострова и в странах Юго-Восточной Европы.

В современной тюркологии, в том числе в научной и художественной литературе по гагаузоведению, далеко не однозначно интерпретируются спорные страницы жизнедеятельности старшего из трёх братьев сельджукских султанов – Изеддина Кейкавуса II, а также черты его яркой и неоднозначной личности, связанные с его противоречивыми идентичностями. Так, например, маргинальность его *этнической* идентичности была в известной мере предопределена рождением: отец – тюрк-сельджук, потомок огузов, мать – гречанка.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00534а).

Маргинальность его религиозных убеждений, а, следовательно и *религиозной* идентичности, также засвидетельствована историческими фактами. В то время как его земляки и старшие родственники во времена Конийского султаната были приверженцами ислама, сам он «тайно исповедовал православие». В этом тоже был свой резон. «Давнишнее мирное сожительство христианства и мусульманства, – как отмечал В.А. Гордлевский, – ... подготовило быстрое безболезненное восприятие туземной (византийской – М.Г.) культуры пришельцами из Средней Азии»⁵.

Известно, к примеру, что даже жена монгольского завоевателя, основателя монгольской державы в Персии, младшего брата Хенгу-хана – Хулагу-хана (1217–1265), в вассальной зависимости от которого находился, в частности, малоазийский Конийский султанат сельджуков, была христианкой и активно покровительствовала православному населению, часто, по словам академика В.В. Бартольда, «во вред мусульманскому»⁶.

В середине XV в. в Македонии жила христианская семья, выводившая свой род из сельджуков. Это были, как отмечают П. Виттек и академик В.А. Гордлевский, потомки султана Изеддина Кейкавуса II, временно нашедшего убежище у византийского императора Михаила VIII Палеолога (в 1259 г.)⁷. Пауль Виттек не сомневался в том, что православные турки Караферии и Зикхны, ведущие свое происхождение от Изеддина Кейкавуса II, вместе с тюрками Добруджи населяют места, в которых проживали гагаузы до переселения в Бессарабию⁸.

В *политических ориентациях* Изеддин Кейкавус II, хотя и соблюдал нормы обычного права кочевников, но склонялся скорее к византинизму, чем к ценностям и форме устройства Золотой Орды, от которой искал спасения в столице Византии. Бескомпромиссная борьба за обладание тронном Конийского султаната с двумя младшими братьями, Рукнеддином Кылыч Арсланом IV и Алаеддином Кейкубадом II, дает основание думать, что и генетически родственная идентичность, т.е. психологическое ощущение родства с двумя младшими братьями, не отличалась особой прочностью и устойчивостью. Наконец, на собственном опыте он представлял интересы той категории тюркоязычного населения, которая в середине XIII в., проживая в городах, все же испытывала ностальгию по кочевому образу жизни с его привлекательным чередованием летних и зимних стоянок, что было едва ли не любимым, по крайней мере, традиционным занятием.

Романтически настроенный Изеддин Кейкавус II, страстный любитель жизни в ее формальных и неформальных проявлениях (подробнее см. ниже), вместе с тем бывал жестоким, когда ситуация заставляла во имя справедливости принимать жесткие решения или действовать в соответствии с нормами обычного права, унаследованными сельджуками от своих огузских предков. Обратимся к источникам. В третьей части сочинения «Мусамарат ал-ахбар ва мусайарат ал-ахйар» («Беседа об известиях и соперничество хороших»), написанном в 1323 г., излагается краткая история Сельджукидов до времени султана Гияседдина Хюсрева II (1237–1248 гг.) (сына Алаеддина Кейкубада I (1219–1237 гг.) и отца Изеддина Кейкавуса II (1238–1278)). И хотя в одном из сюжетов этого источника речь идет о жизни и смерти одного из высших чиновников Конийского султаната, мы узнаем важные штрихи к портрету султана Изеддина Кейкавуса II. Будучи талантливым и высококвалифицированным человеком, визир умел составлять стилистически без-

упречные тексты и заверять их красивой султанской печатью «тугра». Однако после посещения ставки монгольского хана, от которого Сельджукский султанат находился в вассальной зависимости, Шемсаддин Тогран по прозвищу «тугран» («накладывающий тугру». – *М.Г.*) монополизировал в своих руках большую власть ради увеличения собственных денежных средств. Он стал задерживать выдачу денежного содержания и издавать несправедливые указы от имени султана. Однако превышение полномочий стоило ему жизни. По указанию Изеддина Кейкавуса II он был казнен, а его имущество конфисковано⁹. Вообще наказание за нарушение норм обычного права или за преступления отличались жестокостью. Если кого из чиновников подозревали в измене, следовала конфискация имущества, а его затем – смерть. Иногда с государственного преступника живым сдирали кожу и, набив ее соломой, возили по городам в назидание врагам султана. Так, в частности, поступили с неким самозванцем – Лже-Сиявущем, объявившим себя сыном Изеддина Кейкавуса II¹⁰.

Впечатляющим феноменом этого времени по обе стороны Черного моря выступал необратимый, поступательный переход тюркоязычных кочевников на оседлость. Так, томясь от вынужденного безделья в Константинополе, Изеддин обратился к императору Михаилу VIII с просьбой предоставить своим соплеменникам-тюркам земли, пригодные для кочевой жизни.

«Biz Turk tayifesi yuz, daima sehirde durimazus, disarida bize bir yir ve yurt olsa Anadoludan bize taalluk Turk ivlerin getirup anda yaylasavuz ve kislasavuz dediler»¹¹ («Мы люди тюркского рода-племени, проживание в городе нам не подходит. Если бы нам была выделена земля в Анатолии, мы поселились бы вместе с домочадцами, чтобы жить с летовками и зимовками»). Дословно эта сентенция означала такое маргинальное состояние сельджуков, когда для кочевников город представлялся скорее неудобным, чем комфортным местом проживания. Любопытно ее толкование В.А. Гордлевским и видным болгарским историком П. Мутафчиевым, которые почти одновременно в 1941 г. завершили и издали свои известные труды соответственно о «Государстве сельджуков Малой Азии» и о «Мнимом переселении сельджукских тюрков в Добруджу в XIII в.». При этом В.А. Гордлевский ограничился краткой реферативной передачей смысла обращения Изеддина Кейкавуса II к Михаилу VIII Палеологу: «Мы турки и не можем жить постоянно в городе. Определи нам где-нибудь на стороне землю»¹². П. Мутафчиев же, ссылаясь не на первоисточники – Ибн Биби и Языджиоглу Али, а на предшествующие публикации своих соотечественников М.К. Димитрова и Г.Д. Баласчева, дал более полный, хотя не вполне точный перевод слов из хроники Языджиоглу: «Ние сме хора турци и не можем постоянно в град да живеем. Ако ни се определяше някъде навън място и земя, завели бихме от Анадола нашите сродни турски семейства, за да летуваме там и да зимуваме»¹³ («Мы тюркский народ и не можем жить постоянно в городе. Если предоставишь некие новые места и землю, мы пригласим из Анатолии наших родственников, чтобы можно было жить на летних и зимних стоянках»).

Как видно, в каждом случае при переводе первоисточника на русский и болгарский языки, исследователи не обратили специального внимания на сочетание слов в источнике «Turk tayifesi yuz», которые переводятся как «Мы тюркского рода-племени», так как слово taife, отсутствующее в капитальном новейшем «Турецко-русском словаре» (М., 2005), согласно «Турецко-

русскому словарю», изданному в 1945 г., означает «племя» как выражение этнической идентичности. В «Летописи Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак»), ценном, хотя и малоизвестном источнике по истории Крыма первой половины XVII в. (до 1635 г.), критическое издание которого было осуществлено известным польским ориенталистом А. Зайончковским¹⁴, словосочетание «татар таифеси» – переведено как «татарское племя» с заключенным в нем устоявшимся этническим смыслом¹⁵. Таким образом, можно быть уверенным, что понятие «*tauife*» из хроники Ибн Биби (конец XIII в.) и из летописи Языджиоглу Али (начало XV в.) является адекватным (т.е. синонимом) «таифе» в «Летописи Кипчакской степи» Абдуллаха Ибн Ризавана (начало XVII в.). Кроме того, в переводе В.А. Гордлевского «турки» и П. Мутафчиева «турци» акцент смещается с «тюрки» на «турки», что не соответствует истинному смыслу, содержащемуся в первоисточнике, согласно которому сельджуки не турки, а тюрки.

Один из убежденных сторонников теории сельджукского происхождения гагаузов П. Виттек, мимо статьи которого, посвященной происхождению гагаузов как православного народа Добруджи, не может пройти ни один современный исследователь этнической истории гагаузов, опирался в основном на данные хроники Языджиоглу Али:

«One day the sultan and one of his generals complain to the basileus that being Turks, they cannot endure town life forever; if they were given a dwelling in the country-side, they could summon their nomad families from Anatolia»¹⁶. («Однажды султан и один из его генералов пожаловались базилевсу, что, будучи тюрками, они не могут навсегда остаться в городе: если бы их наделили землей за городом, они могли бы вызвать свои кочевые семьи из Анатолии»).

Хроника Языджиоглу Али зафиксировала это следующим образом: «*Ve evliyadan Sari Saltik, Aleyhirraahme, bazi Turk obalari il Rumeli'ne geciiip, Dobruca nevahisinde sakim oldu ve Dobruca'da iki uc pare Musulman sehri, otuz kirk boluk Turk obalari vardi*»¹⁷ («Вместе с Сары Салтыком сельджуки переселились из Румелии в Добруджу, где уже существовало два или три города и были расселены 30–40 родоплеменных подразделений»).

Среди византийских источников, содержащих политическую хронику XIII в., важное место занимают сочинения Георгия Пахимера (1242 – около 1310) и Никифора Григоры (1295–1359). Летописное изложение событий у первого охватывает время с 1255 по 1308 г. и посвящено главным образом периоду правления византийского императора Михаила VIII Палеолога, у второго речь идет о времени от 1204 до 1359 г.¹⁸

Георгий Пахимер в своей «Хронике» именует сельджукского султана Изеддина Кейкавуса II «персидским султаном *Азатином*», жившим в столице Византии «распутно, проводя время в разврате и пьянстве на перекрестках; ибо, так как город был еще пуст и перекрестки уподоблялись пустыням, то он, бесстыдно садясь там с большой толпой приближенных, предавался Дионисовым оргиям и пьянству»¹⁹.

В литературе Изеддину Кейкавусу II иногда неоправданно приписывают выдающиеся заслуги его отца – сельджукского султана Гиясэддина Кейхюрева II, или достижения его деда Алаеддина Кейкобада I или даже двоюродного деда – Изеддина Кейкавуса I по расширению границ Конийского султаната и укреплению его имиджа среди других малоазийских государств.

В основе каждой из указанных идентичностей сельджукского султана Изеддина Кейкавуса II – *этнической, религиозной, политической, хозяйственно-экономической* – лежали изменения XIII в., связанные с преобразованиями в характере этнической ситуации в пределах Евразийских степей, Малой Азии и Балканского полуострова. Перемены были вызваны не только татаро-монгольским нашествием, но и моральным и материальным «постарением» кочевого хозяйства, связанного с ростом численности населения и нехваткой пастбищ.

Кстати, на сходство элементов традиционной культуры населения Добруджи и бывшего Конийского султаната обратил внимание почти через четыре столетия основатель молдавского, российского и румынского востоковедения господарь Молдовы, сподвижник Петра I князь Дмитрий Кантемир²⁰.

Сельджукско-турецко-гагаузские этнокультурные параллели до сих пор оставались за пределами внимания авторов исследований и публикаций по традиционной культуре гагаузов²¹. Между тем, сельджукские «следы» как этнокультурные параллели в той или иной мере проявляются в драматургии ритуальной обрядности, в этимологической нагрузке и символике двух особо почитаемых гагаузами празднеств народного календаря – Дне св. Георгия («Хедерлез» – 6 мая) и Дне св. Димитрия («Касым» – 8 ноября).

Заглянем в классический первоисточник – монографию В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», почему-то замалчиваемую большинством современных исследователей, в том числе и теми, кто накопил ценные полевые материалы о содержании и бытовании народных праздников гагаузов на рубеже XX и XXI столетий. Принципиальное значение имеет сообщение В.А. Мошкова о том, что указанные праздники в соответствии с традициями скотоводческого, а не земледельческого календаря, делят год на две части – на лето от св. Георгия до «Касыма» и на зиму от «Касыма» до св. Георгия²², – и сообщение А. Манова о том, что День св. Георгия важнее Пасхи²³.

Сегодня даже убежденные сторонники «болгарской» теории происхождения гагаузов, не признающие в их менталитете и в культурном наследии отзвуков кочевой жизни²⁴, не возражают против того, что, во-первых, в недалеком прошлом в гагаузских селах Болгарии День св. Георгия («Хедерлез») считался «праздником пастухов»; во-вторых, что в дни пастушеского праздника хозяева воздерживались от выгона своих овец на пастбище²⁵. Вместе с тем, скотоводческий по происхождению праздник еще в раннем Средневековье пришелся по душе оседлым народам Балкан и дополнился обрядами и ритуалами весеннего обновления природы. «Основните моменти на обичая включват събиране на билки, зеленина, свежи клонки, цветя, гадания за здраве и брак; къпане и миене за здраве; гадания и предсказания за времето; обрядно-магически практики за опазване на реколтатах»²⁶ («Составными частями весеннего праздника выступали собиране лекарственных трав, зелени, свежих веток, цветов, гадания о состоянии здоровья и о браке, купание и мытье, участие в магических обрядах с целью сохранения урожая»).

Из сообщения известной болгарской исследовательницы Живки Стаменович видно, что по мере адаптации среди оседлого балканского населения, скотоводческий праздник «дозагружался» элементами из жизни этого населения и его земледельческого труда. В драматургии «Хедерлеза» возрастала удельный вес и значение элементов обрядности растительного происхождения. В праздник собирали лекарственные травы, зелень, свежие ветки, цве-

ты, загадывали о состоянии здоровья и семейных отношений, совершали магические обряды во имя сохранения урожая. Яркий праздник, олицетворяющий радостное оживление природы, привлек внимание Православной церкви, служители которой постарались придать ему христианское содержание и обрамление. Более того, в 50-е годы XX в., в период социалистического строительства в Болгарии, День св. Георгия был утвержден в качестве официального праздника «Дня животновода». Однако смещение акцента с догматики традиционного праздника, доставшегося в наследство от прошлой кочевой жизни, связанной со скотоводством, вряд ли можно считать корректным в качестве праздника животноводов. И христианская, и социалистическая доктринальная начинка праздника «Хедерлеза» мешали восстанавливать стертые страницы прошлой кочевой жизни гагаузского народа.

Между тем, еще в Средние века, чем дальше на запад, огибая берега Черного моря южным и северным путями, двигались сельджуки, печенеги, куманы и другие тюркоязычные народы, тем сильнее становились межэтнические контакты и взаимодействия племен. Здесь на Балканах, как и чуть раньше в пределах Малой Азии, традиционные культуры кочевников и оседлого населения пришли в тесное соприкосновение. В итоге и те, и другие стали делить год на летний сезон от Дня св. Георгия до начала зимнего сезона в День св. Димитрия.

Поэтому, путешествуя по Турции, академик В.А. Гордлевский не без удивления обнаруживал значимые итоги «межэтнического смешения», выражавшиеся в том, что праздник «Хедерлеза» справлялся, например, в Стамбуле «всем населением, мусульманским и христианским»²⁷.

В своих теоретических построениях этот автор не допускал возможности массового перехода тюрок в Малой Азии в христианство в эпоху Сельджукидов Рума. Он полагал, что это могло иметь место раньше, когда тюркские племена служили Византии, т.е. до битвы при Манцикерте в 1071 г., с которой началось завоевание Малой Азии сельджуками. Тем не менее он доверял народным преданиям о том, что какая-то часть тюрок была насильно обращена в христианство и стала осознавать себя греками. «Веру отдали, но язык не отдали, – говорили соседи о гагаузах, как будто раньше гагаузы исповедовали ислам»²⁸.

Когда в Турции возникло пуристическое движение против арабских слов, в ряде случаев малопонятных и неудобных, «Касым» из народного календаря перешел в официальный календарь, и стал обозначать в турецком языке месяц ноябрь, хотя в арабском языке «касым» означал «разделяющий год на две половины». В хозяйственной жизни Турции день «Касыма» играл ту же роль, что и день «Хедерлеза» у гагаузов. «Прежде даже войско распускалось на зимние квартиры, – писал В.А. Гордлевский, – и, если бы начальство вздумало его задерживать, оно все-таки разошлось бы самовольно. Так было исстари, в эпоху сельджукидов, т.е. в XII–XIII вв.»²⁹.

Трудно переоценить вывод академика В.А. Гордлевского о преемственности в сфере традиционной культуры Сельджукидов XIII в. и тюрок на рубеже XIX–XX вв. в свете информации, содержащейся в книге Дмитрия Кантемира «Система, или Состояние мохамеданской религии», находившийся в советские времена в спецхране. Напомню попутно, что в статье «Дмитрий Кантемир – востоковед», опубликованной в 1961 г., М.П. Губоглу хотя и от-

реферировал ее оглавление, выражал сожаление в том, что она оставалась под запретом³⁰.

При изучении средневековой истории вероятных предков гагаузов особенно остро ощущается дефицит документов и других нарративных источников. Поэтому любые сведения, прямо или косвенно дающие повод связать культуру и историю гагаузов с теми или иными группами тюркоязычного населения «во времени и пространстве» (В.А. Тишков), представляют непреходящий интерес. Таковым, в частности, видится развернутое описание гостеприимства («страноприимства») в упомянутой книге Дмитрия Кантемира. «Страноприимство, – характеризует автор гостеприимство населения двух регионов Османской империи – Добруджи и Конии – понеже есть аки сестра щедроты, по истине в турецком роде есть суть, бо зело прилежащий страноприимству, и всем мимоходящим странникам, ничтоже рассуждая о религии, столь представляють и место ко предпочитию показывают. Две суть в Турецкой империи, зело пространные страны, една Европейская яже называется Добруджие... другая Иконийская в Анатолии, сихъ глаголю стране жители, толикое являют человеколюбие, и страноприимство... всякими дому господин имеет во дворе своем особливую горницу для гостей странных уготованную...»³¹.

В этом бесценном сообщении прославленного молдавского мыслителя и общественного деятеля начала XVIII в., в течение 22 лет наблюдавшего жизнь населения Османской империи, его культуру и историю, догматику и практику исламской религии, видится связующее звено в истории гагаузов, прерванное временем и пространством. Обнаруженные Д. Кантемиром этнокультурные параллели в жизнедеятельности населения Конии и Добруджи открывают перед этнологией широкие перспективы для изучения этнической истории гагаузов путем междисциплинарных исследований в области материальной и духовной культуры, влияний религиозных и народных верований и традиций на формирование этнических групп и этнических общностей. Методологическими ориентирами в поисках забытых или утерянных звеньев в цепи этнической истории гагаузов могут служить наработки французской историографии конца XX в., показавшие эффективность создания «Живой истории» (Л. Февр) путем стыковки истории с антропологией и этнологией³².

«Грамматика жизни», т.е. принципы, правила и философия жизни на Востоке в отличие от женской красоты, которая быстро распускается и быстро увядает, сохраняются долго и передаются из поколения в поколение. Гостеприимство как важную составную часть культурного наследия, как отголосок культа предков гагаузы сохранили не только ментально и вербально – в пословицах, поговорках и поверьях, но и в понимании его в качестве неотъемлемой составной части «человечности» («адамлыка» – от слова «адам» – «человек») ³³.

Можно думать, что гостеприимство («адамлык») как потенциальная душевная и реальная готовность современных гагаузов принимать гостей, вполне корреспондирует с упомянутым выше сообщением Дмитрия Кантемира об особой ответственности жителей Добруджи и Конийского региона, с редким великодушием встречающих гостей на рубеже XVII–XVIII вв.³⁴

Существуют две версии вступления Изеддина Кейкавуса II сначала на этнополитическую арену Византии и далее для защиты земель Добруджи,

где письменные источники засвидетельствовали наличие поселений предков гагаузов в XIII в., накануне их миграции в Бессарабию. В XIII в. эти земли нуждались в защите от внешних нападений. Согласно одной версии, адептом и певцом которой является известный болгарский историк, крупнейший специалист по истории средневековой Болгарии Петр Мутафчиев, появление Изеддина Кейкавуса II в Северо-Восточной Болгарии не сопровождалось сколько-нибудь массовым переселением его соплеменников – тюркоязычных сельджуков в Добруджу и в некоторые другие районы Балканского полуострова. Его аргументация построена главным образом на сообщениях греческих хронистов и прежде всего на «Истории» Пахимера, заканчивающей изложение исторических событий 1308-м годом. Но учтем, что подобно русским монахам-летописцам византийские хронисты не проявляли какой-либо симпатии к тюркоязычным кочевникам, считая их варварами, не способными овладеть догмами и ценностями православной религии.

Согласно другой версии, подкрепленной данными из персидской хроники Ибн Биби, написанной на персидском языке в 1282 г. и переведенной в 1424 г. на тюркский, дополненной и получившей название «Огуз-наме» («Сельджук-наме»), бегство Изеддина Кейкавуса II из Конийского султаната сначала в столицу Византии, а затем на Балканы и далее в Крым сопровождалось вселением тюркоговорящих сельджуков в Добруджу и их смешение с ранее осевшими там остатками тюркоязычных печенегов, узов, куман (половцев) и крымских татар.

Под напором Хулагу-хана, владевшего к середине XIII в. Туркестаном, Персией, Месопотамией и Малой Азией и предпочитавшего жить в северо-западной части Азербайджана, Изеддин Кейкавус II, как уже говорилось, вынужден был искать покровительства в Византии у императора Михаила VIII Палеолога. Султан вместе со своей семьей и свитой надеялся на серьезную помощь в борьбе с монгольскими завоевателями, однако его надежды не оправдались. Слабеющая Византия была не в состоянии идти на открытую конфронтацию с могущественным Хулагу.

Византийский император оказался в ситуации «буриданова осла» между желанием использовать Изеддина Кейкавуса II и его войско в своих интересах и страхом потерять доверие и лояльность Хулагу-хана. С одной стороны, он опасался нависшей над ним угрозы с Востока, а с другой – сам надеялся использовать Изеддина Кейкавуса II в борьбе с наступающими с востока монголами и угрожающими с запада крестоносцами. Исходя из сложившейся геополитической ситуации Михаил Палеолог принял сельджукского беглеца с большими почестями и не лишил его иллюзий вернуть ему власть над Конийским султанатом. С этой целью он позволил беглецу сохранить внешние атрибуты его султанского достоинства, в том числе личных телохранителей. Однако узнав, что султан тайно ищет возможности для примирения с Хулагу-ханом и монгольскими правителями, Михаил Палеолог предусмотрительно отправил его свиту и семейство в Никею, а самому предложил поселиться в Добрудже.

В июле 1261 г. был освобожден от крестоносцев Константинополь, и Михаил VIII Палеолог пригласил в столицу Изеддина Кейкавуса II. По уже приводившимся выше сведениям греческих хронистов, оказавшись отстраненным от политических дел, султан повел себя недостойно, предавшись

пьяным оргиям и распутству. Сам же император, убедившись, что тот не представляет серьезной угрозы, попытался урегулировать отношения с монгольской элитой. Сближение с нею было подкреплено браком незаконной дочери императора с Апагой, сыном и наследником Хулагу. По сообщению Пахимера, византийская принцесса была сосватана за самого Хулагу, но пока она находилась в пути, тот в 1265 г. умер, и невеста в соответствии с монгольскими обычаями досталась Апаге.

В византийской столице Изеддин Кейкавус II убедился в нереальности своих ожиданий помощи от императора и по подстрекательству своих сторонников решился на государственный переворот. Однако император был вовремя оповещен, убил одного и ослепил другого руководителя сельджукской армии и помиловал лишь тех тюркских солдат, которые согласились принять православие. Изеддин Кейкавус II и двое его старших сыновей были брошены в крепость. «Его слуги были высечены и одетые в посрамление в женские платья прогнаны с царских глаз; жена, дочь, мать и сестра султана, равно как и дети его и вся прислуга, заключены в крепких тюрьмах; а все его сокровища, деньги серебряные и золотые, богатые покрывала, одежды и пояса, также жемчуг и драгоценные камни – словом все предметы персидской роскоши, как называли их, сданы в общественное казнохранилище»³⁵.

Еще накануне мятежа Изеддин Кейкавус II установил контакт с одним из своих влиятельных родственников, проживавшим в Северном Причерноморье. В письменном обращении к нему султан писал, что, во-первых, византийский император, казавшийся другом, на деле оказался «настоящим врагом», во-вторых, советовал своему родственнику «вуйча» (дяде, брату матери) вместе с болгарским царем Константином напасть на Византию, чтобы вызволить султана из плена.

В отличие от византийских хроник несколько иначе выглядит версия судьбы Изединна Кейкавуса II в «Огуз-наме», представляющем собой раннее изложение истории сельджуков. Версия основана на переработке сочинения Ибн Биби придворным поэтом султана Мурада III (1574–1595) Сеидом Локманом.

Сообщение персидской летописи совпадает с данными византийских хронистов в той части, где говорится, что Изеддин, не выдержав угроз Хулагу хана и интриг со своим братом Рукнеддином Кылыч Арсланом IV, отправился на корабле из Анталии, что на берегу Средиземного моря и вместе со своим семейством, слугами и сокровищами прибыл в Константинополь.

Хан Золотой Орды Берке освободил из плена Изединна Кейкавуса II и предоставил одному из его младших братьев Рукнеддину Кылыч Арслану IV место для проживания в Крыму³⁶. После смерти Изединна Кейкавуса II Сары Салтык при содействии хана Берке вернул сельджуков, оказавшихся в Крыму, обратно в Добруджу (см. об этом выше).

Противники теории «сельджукского» происхождения гагаузов, полагаясь на авторитет П. Мутафчиева, считают, что не существовало реального Сары Салтыка и что его культ появился в Добрудже лишь в XV–XVI вв. Но в этом случае остается непонятным, каким образом автор персидской хроники XIII в. Ибн Биби и османской начала XV в. Языджиоглу Али знали о том, что люди Изединна Кейкавуса II вместе с Сары Салтыком попали сначала

в Добруджу, затем переселились в Крым, и, наконец, часть их вернулась в Добруджу и очутилась в плотной христианской среде в незначительном количестве.

Еще в оригинальном источнике «Мусамарат ал-ахбар ва мусайрат ал-ахй-ар» («Беседа об известиях и соперничестве хороших»), написанном в 1323 г., приводятся сведения «об отъезде султана Изз ад-дина, о его жизни в Константинополе, о заговоре и заключении султана в крепость, об освобождении его во время похода золотоордынского хана Беркая и о его пребывании в Крыму»³⁷.

Пауль Виттек, внимательно и беспристрастно проследивший судьбу Изеддина Кейкавуса II по некоторым персидским, византийским и тюркским источникам, подводит итог своим исследованиям, связывая судьбу сельджукского султана и его наследников с этнической историей балканских гагаузов. Согласно его теории, один из его сыновей возвращается в Малую Азию и занимает трон Конийского султаната, другой сын заканчивает жизнь как исламский святой, третий сын завершает свой жизненный путь как правоверный мусульманин среди христианского населения. Однако его потомки и сподвижники принимают православие, несмотря на то что сражались под знаменами оттоманского султана, главного проповедника ислама. Часть этих воинов вернулась в Анатолию и сохранила себя в исламе, в то время как другая часть осталась на Балканах и приняла православие³⁸.

Тема личности Изеддина Кейкавуса II и роли, сыгранной сельджуками в середине XIII в. в межэтнических отношениях в странах, прилегающих с юга и с севера к Черному морю, представляет интерес как один из ярких эпизодов этнических движений и межэтнических смешений, которыми так богата судьба тюркоязычных кочевников и изучение которой позволяет видеть сюжеты, факты и события, заложившие основы этнической истории.

В «Исследованиях, замечаниях и лекциях о русской истории», изданных в 1857 году, М. Погодин догадывался о *смешанном характере южнорусских кочевников*. Анализируя этнический состав Черных клобуков, он, в частности, отмечал: «Черный Клобук поставлен здесь как сумма под слагаемыми». К такому выводу его подвигло летописное сообщение под 1169 г., где было сказано, что «К Мстиславу Изяславичу пришли Берендичи все, и Торки, и Печенеги, и весь Черный Клобук». Более того, М. Погодин предполагал, что и термин «Пиршане, Поросье, по Реи употреблялось так же для означения всех этих племен»³⁹.

Приводными ремнями межэтнического смешения служили социально-экономические процессы, проявляющиеся наиболее ощутимо в торговых центрах, расположенных в Крыму и по берегам Черного моря⁴⁰. Причиной многих кардинальных сдвигов в этнической ситуации Причерноморских степей, Малой Азии и Балканского полуострова, послужила сложная обстановка, создававшаяся для тюркоязычных народов после татаро-монгольского нашествия. Иногда процессы межэтнического смешения искусственно прерывались. Так, например, в 1779 г. крымские греки и армяне были выселены из полиэтничного Крыма; греки поселены в Мариуполе, а армяне – в Нахичевани⁴¹.

Межэтническое смешение – основа маргинальности личности Изеддина Кейкавуса II

Изучение повседневной жизни тюркоязычных сельджуков, стоявших по выражению В.А. Гордлевского «на перепутье между Востоком и Западом», исключительно важно не только для восстановления истории и культуры огузов, двигавшихся на запад из просторов Сибири и Средней Азии, но и для понимания межэтнических отношений с местным населением.

Маргинальные идентичности Изеддина Кейкавуса II, рассмотренные в первой части работы, подобно «бренду», фокусируют в себе XIII век как время коренных перемен в судьбе малоазийских и балканских тюрок, как время крупных трансформационных сдвигов и сложнейших межэтнических отношений, имевших место в Малой Азии и сопредельных странах Юго-Восточной Европы, включая Крым, Причерноморские степи, Бессарабию, Добруджу, районы Румынии и Венгрии⁴². Не вдаваясь в подробности, перечислим вкратце элементы традиционной культуры гагаузов, связанные с православием, но имеющие аналогии в исламской культуре и прежде всего в традиционной культуре сельджуков и осман, солидаризируясь при этом с примерами, попавшими в поле зрения известного турецкого исследователя Харуна Гюнгера в его опубликованных трудах и на сайте в Интернете⁴³.

Знаменательные, с точки зрения сопоставительной этнологии, черты материальной и особенно традиционной духовной культуры современных гагаузов некоторые исследователи обоснованно усматривают в итогах интерференции православной и исламской культур, происходившей в XIII–XIV вв. с традиционной культурой сельджуков. В частности, вполне корреспондируют сохранившиеся у гагаузов до сих пор обычаи жертвоприношения, номинированные и в гагаузском, и в турецком языке словом «Курбан»⁴⁴ и связанные с культом предков. С тем же культом связаны и популярные обычаи оказания помощи бедным и омовения умерших⁴⁵.

Когда отец Изеддина Кейкавуса II погиб в 1211 г. от случайного удара, приняв противника за одного из членов своей свиты, тело султана было омыто розовой водой, надушено мускусом и похоронено временно на мусульманском кладбище, а затем перевезено в Конюю и погребено в гробнице его предков из династии Хюсревов⁴⁶.

В известной мере корнями, уходящими в XIII–XIV вв., отмечены в гагаузских нарративных источниках такие представления, как плохое отношение к попам, безгреховное убийство цыган за кражу лошадей, настороженное отношение к сглазу и связанные с этим муски, обереги и другие предохранительные приемы. Согласно полевым наблюдениям и опубликованным фольклорным текстам, среди гагаузов существует поверье, что в первую очередь в ад попадут попы и что утренняя встреча с попом ничего хорошего не сулит, удачи не принесет. Отсутствие какой-либо эйфории в отношении к попам находит свое отражение в гагаузском фольклоре. Так, например, в одной из пословиц обличается жадность: «Папаза некадар версен, доймаз» («Попу сколько бы не дал, все-таки не насытится»)⁴⁷.

В другой выражается недоверие к нему: «Попазын лафларыны сесля, амма иаптына иапма» («К словам попа прислушивайся, но не делай того, что он делает»). Вряд ли можно судить об уважительном отношении к попу,

судя по легковесному авторитету батюшки: «Баалы попаз кавга иапмаз» («Связанный поп скандал не учинит»). Перевод В. Зайнчковского звучит не вполне корректно: «Связанный поп не дерется»⁴⁸.

В гагаузском и турецком языке «ад» обозначается одним и тем же словом: «senëet», «sendem» – в гагаузском, sehennem – в турецком, северный ветер – словом «Пойраз». Более 700 лет проживая по соседству со славянскими народами, румынами и молдаванами, гагаузы, тем не менее, обращаются к Богу – Allahim, в отличие от лиц другой национальности, исповедующих православие и предпочитающих термин: Voje, Teos, Rom, Dumnezeu. В повседневной жизни популярны словосочетания: Allah biler («Бог его знает»), Allah nismet etmesin («не дай Бог»), Allah verar («Бог даст»), Allaha sükül («слава Богу»), Allahlan («с Богом»), Allah seni korusun («иди с Богом, храни тебя, Бог»). На заднем стекле микроавтобуса, на котором однажды мне довелось путешествовать по азиатской Турции, было написано: «Allah korusun» («Боже сохрани»), что означало, как объяснил водитель, «Не уверен, не обгоняй».

Гагауз, совершивший хадж, получал почетное звание – хаджи. Для мусульман, совершивших хадж в Мекку для поклонения храму Каабе и в Медину к гробнице Мухаммеда устраивался день празднеств – «Хаджи-байрам»⁴⁹. Впечатляет сходство традиционных обычаев: как у сельджуков, так и у гагаузов в драматургии свадебного ритуала важная роль принадлежала свату (дүнүр, дүнүрджу)⁵⁰. В Турции до сих пор в любом магазинчике или сувенирной лавке можно увидеть светло-голубой глаз в дорогом или простом обрамлении. Издавна среди малоазийских и балканских тюрок обереги от сглаза считаются одинаково предохраняющими от неприятностей человека, независимо от его религиозного вероисповедания.

Склонность гагаузов к скотоводству как реликт прежней кочевой жизни, вероятно, идет из глубины веков, из доисламских времен. Поэтому во имя здоровья домашних животных в первые 10 дней месяца марта (babu marta) у гагаузов принято носить подобно браслету туго переплетенные красные и белые нитки. Страсть к ковроткачеству до недавнего времени была одной из сильнейших в образе жизни гагаузов. Вряд ли гагаузская девушка могла рассчитывать на удачного жениха, если она не умела искусно ткать ковер или покрывать причудливым узором полотенце, растительным орнаментом рукав рубашки или дарственный платок своему избраннику. Как тут не вспомнить всемирно знаменитые бактрийские, парфянские или известные сельджукские ковры. Неудивительно, что гагаузское ковроткачество хотя и пришло в Бессарабию из Добруджи, на самом деле уходит своими корнями в тюркское искусство ковроделия времен сельджукидов, когда особенно славились ковры, сделанные кочевниками или бывшими кочевниками. И это мастерство несет в себе не меньше информации, чем извлеченные из земли монеты или остатки разбитой бытовой утвари⁵¹.

Не только в религиозных воззрениях смешивались исламские и христианские догмы и нормы поведения, но и в быту различных групп населения происходило взаимопроникновение культурных артефактов и навыков жизнедеятельности. В упомянутой хронике Ибн Биби имеется красочное описание пира, устроенного византийским императором в честь улаженного спора с сельджукским султаном Изеддином Кейкавусом II. При звуках музыки на

стол подавались турецкие и греческие кушанья, а вино, вопреки догмам ислама, «лилось рекой».

Но сколь бы противоестественными и шаткими не выглядели аналогии, они «льют воду» на понимание этнокультурных и этнополитических параллелей, а следовательно, и на перипетии этнической истории, в том числе и на сельджукские следы в традиционной культуре гагаузов. Однако сколько бы увлекательными аналогии не были, в них все же исчезает осязательность фактов и отсутствует убедительность нарративных источников. Погоня по следам исчезнувших культур и народов продолжается.

Многоязычие Изеддина Кейкавуса II не являлось чем-то оригинальным. Для Малой Азии XIII в. была характерна ситуация, благоприятная для просачивания иноэтнических и иноземных влияний. Смешение языков и народов в Малой Азии было глубоким и масштабным. Например, в хронике Ибн Биби упоминается полиглот Закария, владевший кроме тюркского и персидского еще пятью языками⁵². Из той же хроники известно, что родной дед Изеддина Кейкавуса II сельджукский султан Алаеддин Кейкубад I «бесподобно играл» в шахматы⁵³. Согласно хронике Языджиоглу он в часы досуга делал луки, плотничал, разрисовывал, шорничал, изготавливал ножи. Считалось, что если султан на все способен, то и люди его не должны были уступать ему⁵⁴. Более того, он знал наизусть и часто повторял рубаи Омара Хайама, не смущаясь тем, что они написаны на персидском языке. Ибн Биби оправдывает двуязычие и иноязычие художественных увлечений сельджукского султана тем, что в то время, т.е. в начале XIII в., турецкой (сельджукской) поэзии еще не существовало⁵⁵.

На формирование романтических черт в характере и в поведении Изеддина Кейкавуса II, вероятно, оказал влияние его двоюродный дед Изеддин Кейкавус I. По его повелению, в частности, было написано специальное «Введение» к сочинению Ибн Ала с изложением в стихах народных преданий о завоевании предками сельджуков Малой Азии⁵⁶.

С именем Изеддина Кейкавуса II связано укоренение этнической идентичности тюркок-сельджуков. Он был достойным продолжателем дела своего отца Гияседдина Кейхюсрева II (1237–1245 гг.) и своих дедов: родного – Алаеддина Кейкобада I и двоюродного – Изеддина Кейкавуса I (1210–1219). Именно на Изеддина Кейкавуса II историей была возложена миссия борьбы за утверждение тюркского языка в Конийском султанате. Этническое самосознание и чувство любви к своему Конийскому государству укреплялось у его обитателей в непростых условиях татаро-монгольского нашествия в пределы Малой Азии.

«Прежде понятие о родине, – как было замечено В.А. Гордлевским, – было чуждо и непонятно: сплошь и рядом турок (имеется в виду тюркок. – М.Г.) бросал государство и уходил в Византию; родственник султана мол, из мести, мог предаться монголам, но так поступали и соседи – “просвещенные византийцы”. Теперь представители области Карамана, феодалы сельджукидов, взяли на себя защиту поправленных прав. Это они, беи уджей: Караман, Зейнал Хаджи, Бунсуз, захватив 30 тысяч конников, пошли на Конью и требовали, чтобы на престоле был водворен Изеддин Кейкавус II; это они повели борьбу за торжество турецкого (тюркского. – М.Г.) языка»⁵⁷.

Торговля и государственность – катализаторы перехода от кочевой жизни к оседлости

Интерес к взаимовыгодной торговле, развивающейся по портовым городам на берегах Черного и Средиземного морей, возбуждал аппетиты сельджукской аристократии. Так, например, прадед Изеддина Кейкавуса II конийский султан сельджуков Гияседдин Кейхюсрев I, озабоченный поисками выхода к Средиземному морю, в 1207 г. завоевал Анталию и заключил с венецианцами успешный торговый договор. «Огуз-пастух, – комментировал В.А. Гордлевский рынок полукочевых тюрок на Запад, – превращается в купца, он зовет купца из-за моря»⁵⁸.

Во второй половине XI в. сельджуки окончательно освоили Малую Азию. Вместо бесконечного поиска новых пастбищ и кочевания с места на место они начали воздвигать государственность. Султан Месуд водворяется в завоеванной в 1077 г. Сулейманом Конье и объявляет ее столицей государства Сельджукидов.

Сельджукские султаны унаследовали от предков-огузов страсть к лошадям. Конь как утеха наездника, совершающего набеги, высоко ценился среди сельджуков Малой Азии⁵⁹. До сих пор Каппадокию именуют в переводе с хеттского «Страной чистокровных лошадей». В соционормативной культуре гагаузов культ коня занимает видное место⁶⁰. Туркоязычные кочевники Малой Азии в XIII в. проявляли большой интерес к блестящим украшениям. В хронике Языджиоглу Али упоминаются шапки, пояса, украшенные драгоценными камнями, ювелирные изделия. Ювелирное дело процветало в Конийском султанате в городах на побережье Средиземного моря. Понимал толк в драгоценных камнях и дед Изеддина Кейкавуса II конийский султан Алаэддин Кейкубад I⁶¹. Жена султана Гисседдина Кейхюсрева II Гюрджи-хатун, грузинка, заплатила однажды большие деньги за поднесенный ей рубин: 180 тысяч диргемов. Роскошная жизнь султана и украшения должны были укреплять его имидж и авторитет.

На рубеже XIII–XIV вв. на территориях Причерноморья процветала ювелирная торговля. Носителям тюркских языков и диалектов были хорошо известны названия драгоценных камней: *yasut* – рубин, *laal* – Бадахшанский рубин, *chabut-yarent* – сапфир, *smurut* – изумруд, *yalmaz* – алмаз, *ingcu* – жемчуг⁶².

В одной из средневековых хроник сообщается, что «красивый невольник-христианин продавался на базаре в Кайсери за 50 акча, т.е. за ту же сумму, что и корова»⁶³. В портовых городах на малоазиатском и крымском побережье купцы из Генуи и Венеции скупали «живой товар» и сотнями и тысячами развозили его по средиземноморским странам. В соответствии заключенным в 1220 г. с торговым договором Сельджукиды предоставляли купцам большие льготы и привилегии. Товары, пользующиеся повышенным спросом, как, например, серебро и золото в слитках или монетах, а также зерно были освобождены от пошлин. Дед Изеддина Кейкавуса II Алаэддин Кейкубад I, продолжая политику брата и отца, допускал свободный беспошлинный ввоз в страну дорогостоящих товаров, пользующихся спросом у богатейшей сельджукской прослойки. Гильом де Рубрук встретил в столице Конийского султаната двух итальянских купцов, генуэзца и венецианца, которым султан Изеддин Кейкавус II предоставил исключительное право на торговлю квасцами в Малой Азии⁶⁴.

Даже султан, проживая в середине XIII в. в городе, тоскует по кочевой жизни. Ему не сидится на месте: из Коньи он часто передвигается в Кайсери, а на зиму уходит к Средиземному морю – в Анатолию. Отзвуки кочевой жизни далеких предков сохранились, по словам В.А. Гордлевского, у турок до конца XIX в. Деревни и города, расположенные на побережье Средиземного моря, летом вымидали, жители забирали скот и поднимались на яйлы, в поисках там прохлады от душного зноя⁶⁵.

Дополнительный свет на жизнь тюркоязычных кочевников проливают археологические раскопки, начатые во второй половине XX в. в Буджакской степи, в Крыму и на западных границах Золотой Орды, но, к сожалению, прерванные после распада Советского Союза. Анализ полученного инвентаря, особенно монет, подтвердил предположение известного российского археолога Г.А. Федорова-Давыдова о том, что находки джучидских монет на западе причерноморских степей указывали на более интенсивное развитие товарно-денежных отношений степняков Приднестровья во второй половине XIII в., нежели где-либо восточнее в степях Дешт-и Кипчака⁶⁶.

Оживленную торговлю с итальянскими колониями в Северном Причерноморье наладил дед Изеддина сельджукский султан Алаеддин Кейкубад I (1219–1237 гг.). В одной из подписанных им грамот он именовал себя: «Ала-ед-дин, великий султан Иконии и властитель всех земель, находящихся на востоке и в полночной стране, а также Великой Каппадокии» («*Alatinus Magnus Soldanus Iconii e Potestas omnium terrarium per Orient et Septentrionalem Plagam existentium et Magnae Cappadociae*»)⁶⁷.

Изеддин Кейкавус II был приверженцем справедливости, хотя мотивировка справедливости порой вытекала скорее из экономических, нежели из правовых или нравственных побуждений. Как и другие султаны из династии Хюсревов, он, в частности, ревниво оберегал интересы купцов. Стоило где-нибудь или кому-нибудь обидеть купца, как сельджукский султан «предпринимал поход, чтобы наказать грабителя. Всё похищенное у купца, всё, что он потерял, восстанавливалось из военной добычи или из запасов, бывших в распоряжении наместника-феодала. Так, например, желая загладить неприятное впечатление, какое могло произвести за границей известие о небезопасности путей, султан Изеддин Кейкавус I (двоюродный дед Изеддина Кейкавуса II) освободил купцов из Хорасана и Ирана, иранцев или арабов, ограбленных в Анатолие, от уплаты торговых пошлин»⁶⁸.

Для создания благоприятных условий на торговых путях сельджукские султаны и их высокопоставленные чиновники строили караван-сарай («конаки»). Как тут не напомнить, что в пору развития базаров в Буджаке, жилищные гагаузы возводили большие дома с запасом «свободных» комнат для приезжих гостей в базарный день. Такие дома назывались «конак еви». Уходила ли эта традиция своими корнями в сельджукскую торговую цивилизацию, трудно сказать. Однако современные путешественники до сих пор любят караван-сараями, выстроенными сельджукскими султанами на стыках и перекрестках малоазийских дорог. Таков, в частности, караван-сарай Султанхан, построенный в 1229 г. султаном Алаеддином Кейкубадом I. Построенный на стыке дорог из Коньи, Ладика и Анкары, он имел важное торговое и стратегическое значение, так как караваны и сотни верблюдов вместе со своими сопровождающими находили в нем удобный и безопасный приют. Караван-сарай был разрушен во времена монгольского нашествия, но восстановлен, судя по надписи, султаном Изеддином Кейкавусом II⁶⁹.

На рубеже XIII–XIV вв. разбогатевшая часть тюрок причерноморских степей, куман, остатков печенегов и узов, а также сельджукидов Малой Азии, обладала значительным накоплением. По свидетельству хрониста Никифора Григора (1295–1359 гг.), когда сельджуки бежали на запад, спасаясь от татаро-монгольского нашествия, «дороги запрудили этим народом, женщинами, мужчинами, молодыми людьми. Все богатство турок (значит, оно было. – М.Г.) – серебро, золото, ткани, драгоценности – все переходило в руки римлян»⁷⁰. Об оживленной торговле по всему побережью Черного моря можно судить не только по данным нарративных источников, но и по археологическим материалам. Особое значение при этом имеет топография монетных находок, на изучение которых в связи с проблемами этногенеза гагаузов, в частности, обратил внимание болгарский исследователь Г. Атанасов⁷¹.

Раскопки, предпринятые одесским исследователем А.О. Добролюбским и молдавским ученым Н.Д. Руссевым, показали, в том числе, что в землях, прилегающих к Нижнему Дунаю, преобладают монеты XIII в. Так, например, клады, найденные в ходе раскопок, проведенных к западу от Днестра – Аккерманский, Оцеленский и Узунбаирский – насчитывают сотни монет конца XIII в., и в этом отношении с ними не может сравниться ни один из известных кладов джучидских монет более позднего времени⁷². Обширный новонайденный нумизматический материал позволил предположить, что в конце XIII в. на Нижнем Дунае возник и успешно функционировал центр тюркоязычных кочевников, в котором, как в «плавильном котле», происходило смешение различных групп тюркоязычного населения⁷³.

О наличии интенсивных межэтнических связей между тюркоязычными кочевниками Крыма, Подунавья и Добруджи можно судить по монетам болгарского царя Георгия I Тертера (1280–1292 гг.), чеканенных после 1285 г. На них изображены полумесяц, звезда и фигурка человека. Появление этих символов красноречиво свидетельствует о наличии торговых связей между Болгарским государством и Золотой Ордой, между которыми, подобно природному мосту, пролегла Добруджа, населенная к тому времени этнически смешанным населением из остатков печенегов, узов, куман и новопришельцев – турок-сельджуков, потомков среднеазиатских огузов. Еще одним героем на этнополитической сцене Подунавья и южных пределов Буджакской степи был в конце XIII в. хан Ногай с крымскими татарами. Так, на одной из серебряных монет Узунбаирского («Узун баир», «длинная гора». – М.Г.) клада с изображением татарской тамги исследователи прочитали имя повелителя западных пределов Золотой Орды – темника Ногая. По предположению монета была отчеканена в г. Вичине в устье Дуная⁷⁴.

Маргинальность духовных воззрений и религиозной идентичности

Двоевластие и троевластие, особенно когда на Конийском престоле оказались Изеддин Кейкавус II и двое его младших братьев, порождало соперничество, ослабляло авторитет и имидж враждующих группировок, подрывало предписания «мохамеданской религиозной системы».

По данным болгарского исследователя Валерия Стоянова, последним потомком куманов, знавшим отдельные фразы и молитву «Отче наш» на языке своих предков, был Стефан Варон. С его смертью в 1770 г. язык куманов пе-

рестал быть «живым» языком⁷⁵, хотя немало его следов (слов) сохранилось в ряде современных тюркских языков, в том числе в гагаузском.

После победы при Манцикерте (Малазкиртя) Малая Азия в 1071 г. перешла во владение к сельджукам. Однако еще за два десятилетия до этого события византийский император Константин Мономах в знак благодарности Великому Сельджукиду Тогрул-беку восстановил в Константинополе мечеть и обеспечил ее существование⁷⁶.

Официальная религиозная идентификация огузов представляла, по мнению В.А. Гордлевского, лишь «внешнюю оболочку». Приверженность исламу не мешала огузам и их потомкам – сельджукам Малой Азии долгое время сохранять одновременно со старым родовым именем, воспринимаемым как прозвище, и новое мусульманское имя. В источниках зафиксированы случаи, когда родовое имя или прозвище вытесняло более позднее имя, едва ли не насильно навязанное исламом огузам.

О маргинальности религиозной идентичности, выраженной в форме приверженности одновременно к двум религиозным догмам, свидетельствуют надписи на некоторых монументальных постройках в Малой Азии. Например, отец султана Изеддина Кейкавуса II Гияседдин Кейхюсрев II именовал себя «истребителем неверных и многобожников», «султаном Рума, Армении, Диярбекира и Сирии», «повелителем побережья»⁷⁷. Не случайно В.А. Гордлевский вслед за В.Д. Смирновым сделал вывод «об исконном двоеверии христианского населения Малой Азии», зародившемся на почве старых культур, когда двоеверие росло и крепло на основе взаимодействия религиозных систем.

Немалую роль в налаживании социального капитала (Френсис Фукуяма) между группами населения, исповедующего *ислам или христианство*, сыграло сплочение в общей борьбе с наступающими крестоносцами. Выбор местного населения между сельджуками и крестоносцами способствовал складыванию межэтнической и межконфессиональной солидарности. Потерпев поражение и разочарование от мнимых освободителей Гроба Господня, Византия прибегла к сельджукам, видя в них спасение от крестоносцев.

Молитву «Отче наш», в течение столетий передававшуюся на куманском языке в устной и письменной форме, выдающийся венгерский востоковед Ю. Немет слышал у себя на родине в окрестностях г. Карпат в детстве⁷⁸.

О наличии домусульманских обычаев хоронить покойного свидетельствовал Языджиоглу Али. Так, например, когда в Конью привезли тело двоюродного деда Изеддина Кейкавуса II султана Гияседдина Кейхюсрева I (1192), павшего в битве с греками, его сын Изеддин Кейкавус I (1210–1219), во-первых, устроил богатые поминки, следуя правилам культа предков, во-вторых, поместил в усыпальнице его верховую лошадь, которую по пятницам покрывали красным туркестанским атласом⁷⁹. Идеологема обычая исходила из того, что лошадь, как спутник человека на земле, служила талисманом, служившим хозяину и охраняющим его после смерти⁸⁰.

С целью утверждения католицизма среди половцев, проживавших в начале XIII в. в Карпато-Дунайских землях, папским престолом были организованы специальные епископии. Из ряда опубликованных документов, в том числе из письма папы Гонория III куманскому епископу (Episcopo cumanorum)

от 28 августа 1217 г., из послания от 7 июля 1218 г., а также из письма каноников Куманской (половецкой) епископии папе Гонорию III видно, что куманские епископии уже имели определенную организационную структуру. Их первостепенная задача состояла в последовательном обращении куман в христианскую веру, в крещении тех групп населения, которые еще не были охвачены христианизацией.

Не только этническая, но и конфессиональная ситуация Малой Азии была пропитана духом смешения и плюрализма. Великолепные памятники эпохи расцвета сельджукидов сочетали в себе стили разных культур. Так, например, городские стены столицы сельджукидов сохранили вплоть до середины XIX в. обломки античных и византийских надписей. Языческие алтари, христианские надгробья, изображения святых, генуэзские кресты, римский орел «и арабский лев», надвратные барельефы Ормузда и Аримана. По словам французских наблюдателей, восторгавшихся конийскими культурными памятниками, можно было видеть «беспорядочное смешение памятников, стилей, собранных из разных эпох»⁸¹.

Постмонгольский период характеризовался процессами межэтнического смешения не только в южночерноморских, но и в северночерноморских территориях, населенных соответственно потомками огузов и кыпчаков. Неоднократно переселявшиеся в Венгрию куманы смешивались с венгерским населением. Процессам межэтнического смешения в немалой мере способствовали два куманских епископа, о деятельности которых известно по историческим данным за 1217–1218 и 1228–1241 гг.⁸²

Другая часть куман, проживавшая в Крыму, Причерноморских степях, на Придунайских землях и в Буджакской степи, смешивалась с ногайскими татарами. При этом межэтнические контакты были настолько интенсивными, что академик Ю. Клапрот предполагал возможность формирования некоей единой тюркоязычной «нации»⁸³.

Вместе с тем, при добровольном переходе или насильственном переводе населения из одной религиозной системы в другую, порой особой идиллии не наблюдалось. Так, например, когда войско сельджукского султана Алаедина Кейкобада I завоевало в Крыму город Судак в 1221 г. (или в 1222 г., точно не установлено), было приказано «простить жителей Сугдака в преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов, там были установлены *михраб* (священная молитвенная ниша в стене мечети, “Ворота рая”, ориентированная на Каабу в Мекке. – М.Г.), *минбар* (кафедра или трибуна в мечети, предназначенная для чтения Корана и проповедей. – М.Г.), и *шариат* (свод религиозно-этнических и правовых предписаний, опирающихся на Коран, сунну и мусульманское право. – М.Г.). Отдельные “блики” демократии проявлялись, например, в том, что один из султанов династии Хюсревов Алаеддин Кейкубад I демонстративно являлся в суд, и всякий мог предъявить к нему иск или подать жалобу»⁸⁴.

Об относительной открытости этого режима можно, в частности, судить по карьере Мюбаризедина Чавлы, бывшего одним из эмиров, который достиг высокого статуса несмотря на свое рабское происхождение. Ему удалось занимать высокие государственные посты в периоды правления Гияседина Хюсрева I.

Этнически смешанные браки

Переселения огузских племен в Малую Азию в XIII в. представляли собой «внешнюю сторону» этногенетических процессов. Внутренняя же состояла из смешения традиционных огузских обычаев, сложившихся в пору кочевой жизни, с элементами иранской культуры и культуры местного разноэтнического населения. Здесь, в Малой Азии, как отмечал В.А. Гордлевский, «в гаремы Сельджукидов вступали невольницы, наложницы и жены из местных христианок, потомки тюркских племен, давно осевших в Малой Азии, уроженки Кавказа, представительницы различных национальностей»⁸⁵. Так, например, как говорилось выше, жена султана Изеддина Кейкавуса II была грузинкой. Султан Кейхюсрев II был женат на Газия-хатун, дочери Эюбида (князя Алеппо)⁸⁶.

В источниках содержится немало сведений о незаконнорожденных детях, которые делали впечатляющие карьеры. Так, например, рождение одного из высших сановников Конийского султаната Садедина Кьопека связывали с любовным приключением отца Изеддина Кейкавуса II сельджукского султана Гияседдина Кейхюсрева I, занимавшего трон султаната в 1192–1196 гг. и в 1205 г.⁸⁷ Овладев городом Аланьей, один из сельджукских султанов Алаеддин Кейкобад I взял себе в жены дочь побежденного градоначальника. Город был населен представителями различных национальностей, но об этнической принадлежности дочери градоначальника прямых сведений нет. Рожденные от христианок или женатые на христианках Сельджукиды, как отмечал В.А. Гордлевский, внешне исповедовали ислам, но втайне это были христиане⁸⁸. Византийский хронист Никифор Григора сообщает, что «султан Азатин (Изеддин Кейкавус II. – М.Г.), сын христианских родителей, был омыт святым крещением. Сделавшись султаном и вождем турок, он соблюдал обряды благочестия втайне и исполнял все обычаи христиан, а в Константинополе почитал святые иконы»⁸⁹. Когда грузинская царица выдала свою дочь Тамару за сына сельджукского султана, она выговорила условия для сохранения ею христианского вероисповедания⁹⁰.

Многообразие форм межэтнического смешения и взаимного влияния религиозных систем отчетливо выделось блестящему знатоку восточных источников В.А. Гордлевскому. Подводя итоги своих исследований формальных и неформальных аспектов образа жизни сельджуков, он, в частности, писал: «... султан Рукн-эд-дин требует от Тамары, чтобы на его глазах тот, кто хочет сохранить жизнь, растоптал крест, символ христианства, а христиане клянутся, что из храмов они будут изгонять мусульман, но все это – затверженные слова, подсказанные духовенством, а жизнь сглаживает рознь, люди тянутся друг к другу, их сближает любовь, побеждает красота, побеждают общие интересы: царевич Салтукид отрекается от веры, очарованный красотой грузинки; грузинка, невеста Сельджукида, о вере которой заботятся родные, – попав в Конию, переходит в ислам. А низы населения, конечно, легко и быстро отбрасывают религиозные сомнения»⁹¹.

Характерно, что следы символического отказа от своей религиозной идентичности, бытовавшего среди сельджуков XIII в., проявили себя в добровольно-принудительной форме в первые послевоенные годы в среде гагаузов. В конце 1940-х годов, в пору энергичного внедрения колхозного строя, мобилизации гагаузской молодежи в ФЗУ и трудовую армию, в пору актив-

ной борьбы с религиозностью и насаждения атеизма, тем, кто вступал в комсомол, предписывалось доказывать свое неверие в Бога топтанием икон. Не берусь судить, кто внедрял эту варварскую процедуру: ретивые начальники из центра или местные радикально настроенные активисты? Или из наследия воображаемых предков была извлечена и реанимирована практика надругательства над святынями религии во имя отказа от религиозной идентичности?

В литературе существует немалая путаница по поводу этнической принадлежности родителей Изеддина Кейкавуса II и двух его братьев. Так, например, в комментариях к публикации сочинений трех великих европейских путешественников Плано Карпини, Гильома де Рубрука и Марко Поло говорится буквально следующее: «У султана Гиаседдина была любимая жена (вторая) по имени Тхамар, дочь грузинской царевны Русуданы. Гиаседдин умер в 1246 или в 1247 г., оставив нескольких сыновей. Ему наследовал Рокн-ад-ин кулуг Арслан, его сын от дочери одного греческого священника. Кроме того, у него были сыновья Аззеддин Кай Кавус и от дочери грузинской царицы – Алаеддин Кей Кобад»⁹².

Судя по новейшей историографии и нарастающему интересу к изучению сельджуков Малой Азии и сопредельных территорий, актуализируется исследование социокультурного вклада в историю гагаузов и других тюркоязычных народов Балканского полуострова и стран Юго-Восточной Азии. Итогом такого интереса может стать установление места сельджукидов в истории гагаузов и снятие пелены молчания, которая вызывалась пристрастиями националистически настроенных историков, пытающихся обвинить кочевые народы в их наступательной энергетике, направленной на разрушение культуры народов, исповедующих православие.

Обе тенденции – актуализация интересов к истории и культуре средневековых сельджуков и современных гагаузов – находит отражение в новейшей историографии Турции и в ряде европейских стран. Так, например, в недавно увидевшей свет монографии Чарльза Кинга «The Moldovans. Romania, Russia, and the Politics of Culture» высоко оцениваются сложившиеся в постсоветский период турецко-гагаузские экономические и культурные связи, в том числе оказание турецкой стороной финансовой помощи Комратскому государственному университету, открытие турецко-гагаузских лицеев и библиотек, совершенствование социокультурной инфраструктуры и далее говорится: «... два выдающихся советских и турецких социолога – Михаил Губоглу и Кемал Карпат, гагаузы по происхождению, а также вышеназванные (турецко-гагаузские. – *М.Г.*) связи сделали гагаузов интересными для турецких интеллектуалов» («... two of the most prominent Soviet and Turkish sociologists – Mikhail Guboglu and Kemal Karpat – were of Gagauz extraction, and these preexisting links made the Gagauz of some interest to Turkish intellectuals»)⁹³.

Интервенция христианства в систему архаических культов объясняется пониманием того, что основной смысл ритуалов полуоседлого или оседлого населения связан не с доктринальными установлениями, а с практической системой жизнеобеспечения. Принципиальное значение Курбана (обряда жертвоприношения) состоит не столько в том, чтобы воздать должное Богу, обеспечить богатый урожай, приумножить приплод скота и уберечь его от потерь и других бедствий, сколько в том, чтобы не уронить свое достоинство перед всемогущим общественным мнением, чтобы никто не смог

упрекнуть в жадности или в отсутствии чувства «человечности» (адамлык) и солидарности.

В середине XIII в. с приходом сельджуков на Балканы, в том числе в Добруджу, сомкнулись два потока тюркских передвижений – *северный*, представленный печенегами, куманами (половцами) и узами (торками), и *южный*, в лице сельджуков – наследников Изеддина Кейкавуса II, принявших православие и смешавшихся с ранее осевшими здесь «северными» тюрками. Черное море в итоге оказалось внутренним «двориком» тюркского мира. Вызывают доверие, хотя и требуют дополнительных исследований, два важных вывода. Во-первых, мнение П. Виттека о том, что синтетическая тюркская общность взяла себе в качестве этнонима имя того султана, кто глубоко был связан с ее этнической историей. Наследники Кейкавуса стали именовать себя в соответствии с его именем – гагаузами. Во-вторых, обнаруженное сходство в системе духовной жизни Конийских и Добруджанских тюрков. По мнению Д. Кантемира, это может служить прекрасным доказательством сохранившихся сельджукских следов в ментальности и в стратегиях повседневной жизни гагаузов в полном согласии с этнокультурными звеньями непрерывной этнической истории: Конийские сельджуки XIII в. – Добруджанские тюрки на рубеже XVII–XVIII вв. – Буджакские гагаузы XIX–XXI вв.

¹ В написании имен сельджукских султанов в источниках и среди специалистов нет единообразия. Так, например, в хронике Георгия Пахимера упоминается Азагин, В.А. Гордлевский называет то же историческое лицо Изз-ад-дин Кей-Кавус; В.В. Бартольд – Изз-ад-дин Кайкавус; турецкий исследователь Кемаль Карпат – Изз-ад-дин Кей-Кавус. Примеров не счесть. И все же наиболее предпочтительным представляется слитное написание без дефисов в соответствии с нормами русского языка: Иззеддин Кейкавус, Алаеддин Кейхюсрев, Гиясэддин Кейхюсрев и т.д. Именно так они и пишутся в интересах единообразия в данном тексте. Название такого важнейшего источника, как Ибн Биби далее пишется раздельно, а Языджиоглу – слитно.

² *Карпат Кемаль Х.* Сельджукско-Анатолийское происхождение гагаузов // ЭО. 1994. № 3. С. 36–43; *Ангели Ф.А.* Очерки истории гагаузов – потомков огузов (середина VIII – начало XXI в.). Кишинев, 2007; *Губогло М.Н.* Огузы и гагаузы: воображаемые предки и реальные потомки // *Origin of Turkmen People and Development of World Culture.* Asgabad, 2011. P. 425–426.

³ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов Малой Азии. 1941. С. 185–186.

⁴ *Татарлы И.Т.* Ибн Биби и неговата Малоазийска история // *Годишник на висшия ислямски институт.* Брой първи. София, 2008/2009. С. 180.

⁵ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 134.

⁶ *Бартольд В.В.* Хулагу // *Бартольд В.В. Соч. М., 1971. Т. VII: Работы по исторической географии и истории Ирана.* С. 512.

⁷ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 180.

⁸ *Wittek P., Yazicioglu Ali* on the Christian Turks of Dobruja // *Bulleten of the School of Oriental and African Studies.* 1952. Vol. XIV. P. 652–653.

⁹ *Бартольд В.В.* О некоторых восточных рукописях в Константинополе и Каире // *Бартольд В.В. Соч. М., 1973. Т. VIII. С. 228, 232; Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 140.

¹⁰ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 146.

¹¹ *Yazicioglu Ali.* No 1391–1392: цит. по: *Cungor H.* Argunsah Gagauz Turkleri (Tarih-Dil-Folklor ve Halk Edebiyati). Ankara, 1991. S. 11.

¹² *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 47.

¹³ *Мутафчиев П.* Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. // *Избрани произведения.* София, 1973. Т. II. С. 614.

¹⁴ *Zajaczkowsky A.* La chronique des steppes Kipchak. Edition critique avec la tradition Francaise du XVIIIe siècle. W-wa, 1966; *Трепавлов В.В.* История ногайской орды. М., 2001. С. 39, 714.

¹⁵ *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. II / Под ред. А.С. Тверитиновой. С. 23.

¹⁶ *Wittek P.* Yazijioghli' Ali on the Christian Turks of the Dobruja // British School of the Oriental and African Studies. 1953. XIV. N 3. P. 648.

¹⁷ *Yazicioglu Ali.* Revan 1390. Vol. 464: цит. по: *Gungor H.* Argunsah. Ibid. 1991. S. 11.

¹⁸ *Острогорски Г.* Историје Византије, Белград, 1969. С. 393.

¹⁹ *Пахимер Г.* История о Михаиле и Андронике Палеологах... Рязань, 2004. С. 115.

²⁰ *Кантемир Д.* Книга систима или состояние мухамеданския религии. СПб., 1722; *Guboglu M.* Dimitrie Cantemir – orientaliste // SAO. 1960(1961). Vol. III. S. 129–160; *Густерин П.В.* Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М., 2008; *Ангели Ф.А.* Эпоха и новая трактовка родословия Кантемиров: конец XIV – первая половина XVII в. Кишинев, 2010; *Цвиркун В.И.* Димитрий Кантемир: страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010.

²¹ *Сорочяну Е.С.* Терминология гагаузской календарной обрядности // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки). М., 1995; *Шабашов А.В.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002; *Квилликова Е.Н.* Гагаузы Молдавии и Болгарии. Кишинев, 2005; *Она же:* Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев, 2007; *Стаменова Ж.* Празничен календар // Стаменова Ж., Средкова С. Гагаузите в България. Записки от терена. София, 2007. С. 196–258; *Мирчева Д.* Календарни празници и обичаи на гагаузите в Каварненско // Живка Стаменова, Соня Средкова и др. Гагаузите в България. София, 2007. С. 259–287; и др.

²² *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. Гл. XIII: Народный календарь // ЭО. 1902. № 3. С. 48–49.

²³ *Мановъ А.* Потеклото на гагаузите. Техните обичаи и нрави: въ две части. Варна, 1938. С. 120, ст. 64.

²⁴ *Стаменова Ж.* Указ. соч. С. 7–17.

²⁵ Там же. С. 235.

²⁶ Там же.

²⁷ *Гордлевский В.А.* Народный календарь // Избранные сочинения. М., 1962. Т. III: История и культура. С. 61.

²⁸ Там же. С. 140.

²⁹ Там же. С. 63.

³⁰ *Guboglu M.* Op. cit. P. 152–153.

³¹ *Кантемир Д.* Указ. соч. С. 228.

³² *Соколова М.Н.* Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979. С. 297–298.

³³ *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. VI: Семья и общественные отношения у гагаузов; VII: Отношения гагаузов к другим народностям // ЭО. 1901. № 2. С. 16; *Губогло М.Н.* Воображаемая вероятность. Новейшие размышления о происхождении гагаузов. М., 2010. С. 249–250.

³⁴ *Кантемир Д.* Указ. соч. С. 228.

³⁵ *Пахимер Г.* Указ. соч. С. 153–154.

³⁶ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 18 и след.

³⁷ *Бартольд В.В.* О некоторых восточных рукописях в Константинополе и Каире. С. 233.

³⁸ *Wittek P.* Les gagaouzes – Les gens de Kaykaus // Rocznik Orientalistyczny. С. XVIII. Krakow, 1959. S. 12–24.

³⁹ *Оболенский М.А.* Половецкие слова // Москвитянин. 1850. Кн. 1; *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1857. Т. V. Период удельный. С. 196; *Голубовский П.* Половцы в Венгрии // Университетские известия. Киев, 1884. № 12. С. 153, 154.

⁴⁰ *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

⁴¹ *Тунманн.* Крымское ханство / Пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь, 1936. С. 82.

⁴² *Карпов С.П.* Латинская Романия. СПб, 2000; *Она же.* История Трапезундской империи. СПб., 2007.

⁴³ *Güngör H.* Argunşah. S. 25–47.

⁴⁴ *Губогло М.Н.* Воображаемая вероятность. С. 230–248.

⁴⁵ Там же. С. 263–266.

⁴⁶ *Мелиоранский П.* Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в VII–VIII веках // Византийский временник. СПб., 1894. Т. 1, вып. 3/4. С. 629.

⁴⁷ *Zajaczkowski W.* Пословицы и поговорки гагаузов из Болгарии. Extrait des Folia Orientalia. Krakow, 1964. Vol. V. 1962. P. 154.

⁴⁸ Ibid. P. 132.

⁴⁹ *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1961. Вып. 1. С. 250.

⁵⁰ *Гордлевский В.А.* Изъ комментариев к старо-османскому переводу хроники малоазийских сельджуков, т.-н. хроники Ибнъ-Биби // Оттиск из Древностей Восточных. М., 1912. Т. IV, вып. 1. С. 6.

⁵¹ *Царева Е.Г.* Тотемные изображения на ворсовых коврах Средней Амударьи // У истоков цивилизации: сб. ст. к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004. С. 202–224; *Она же.* Между львом и тигром (Место и время встречи изменить нельзя) // Курсом развивающейся Молдовы. М., 2009. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия / Под ред. М.Н. Губогло. С. 135–148.

⁵² *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 71.

⁵³ *Гордлевский В.А.* Изъ комментариев... С. 6.

⁵⁴ Там же. С. 101.

⁵⁵ Там же. С. 7.

⁵⁶ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 12.

⁵⁷ Там же. С. 38.

⁵⁸ Там же. С. 33.

⁵⁹ Там же. С. 55.

⁶⁰ *Губогло М.Н.* Воображаемая вероятность. С. 316–318.

⁶¹ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов ... С. 104.

⁶² *Drimba V.* Codex Comanicus. Edition diplomatique avec Fac-similies. Bucarest, 2000. С. 97.

⁶³ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 128.

⁶⁴ *Плано Карпини.* История Монголов. 3-е изд.; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 3-е изд.; Книга Марко Поло: 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997. С. 187.

⁶⁵ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 47.

⁶⁶ *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966. С. 216; *Добролюбский А.О., Руссев Н.Д.* Новые аспекты изучения кочевнических древностей на западе Золотой Орды // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985. С. 60–61.

⁶⁷ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 34.

⁶⁸ Там же. С. 118.

⁶⁹ Там же. С. 119.

⁷⁰ Там же. С. 37.

⁷¹ *Атанасов Г.* Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век. Велико Търново, 2009. С. 481.

⁷² *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979. Табл. 13; *Добролюбский А.О., Руссев Н.Д.* Указ. соч. С. 61.

⁷³ *Piescu O., Simon G.* Le grand tresor de monnaies et lingots de XIII et XIV siecles, truve, en Dobroudja septentrional. Note preliminaire // Revue des etudes sud-est europeenne. 1964. Т. II, N 1–2. S. 217–228; *Добролюбский А.О., Руссев Н.Д.* Указ. соч. С. 61.

⁷⁴ *Piescu O., Simion G.* Op. cit. S. 226; *Добролюбский Л.О., Руссев Н.Д.* Указ. соч. С. 61.

⁷⁵ *Стоянов В.* Bulgaro-Turcica 3: История на изучаването на “Codex Cumanicus” // Историческо бъдеше. София, 1997. № 1. С. 43. По просьбе участника Венецианской конференции Александра Айбабина очерк «История изучения Кодекса Куманикус» была передана Валерию Стояновым в его распоряжение и опубликована на русском языке с искажением имени автора. См.: *Стоянов Г.* Кодекс Куманикус. История изучения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь, 2003. Вып. 10.

⁷⁶ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 23.

⁷⁷ Там же. С. 34.

⁷⁸ *Немет Ю.* Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 135.

⁷⁹ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 57.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 131.

⁸² *Голубовский П.* Указ. соч. С. 68; *Князький И.О.* О половецких епископиях в Карпатско-Дунайских землях (Сообщение) // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы. До середины XIX в. Кишинев, 1980. С. 244–245; *Стоянов В.* Указ. соч. 1997. С. 58.

⁸³ *Klaproth J.* Notice sur un dictionnaire persan, coman et latin manuscrit legue par Petrarque a la Republique de Venise // Journal asiatique: 1 serie. P., 1826. T. 8. S. 106; *Стоянов В.* Указ. соч. 1997. С. 58.

⁸⁴ *Якубовский А.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. Л., 1927. С. 58.

⁸⁵ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 165.

⁸⁶ Там же. С. 33.

⁸⁷ *Татарлы И.Т.* Указ. соч. С. 155.

⁸⁸ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов... С. 180.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 32.

⁹¹ Там же. С. 177. См. также: *Гордлевский В.А.* Двоеверы // Гордлевский В.А. Соч., М., 1962. Т. III: История и культура. С. 39.

⁹² *Джовани дель Плано Карпини.* Указ. Соч. С. 404.

⁹³ *King Charles.* The Moldovans. Romania, Russia and the Politics of Culture. Stanford (Cal.), 2000. P. 222.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ РОССИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I

В 60–70-х годах XVIII в., когда на престоле уже находилась Екатерина II, в системе межличностных отношений наблюдаются заметные изменения. Если при Елизавете Петровне офранцуживание высших кругов русского общества носило больше внешний характер, то при Екатерине оно заметно повлияло и на идейную сферу. Происходит становление нового эстетического направления русского классицизма. Распространяется просветительская философия о главенстве разума, гармонии человеческой личности, явно заметна ориентация на культуру античного мира. Это сочетается с принципами хозяйственной практики, направленной на быстрое увеличение собственного производства. Представление о личной независимости, все большее освобождение от опеки государства определяют специфику повседневного поведения провинциального дворянства, формировавшего новый тип культуры¹.

Если в начале века отсутствие постоянного общения между людьми порождало и особые типы личности – людей угрюмых и нелюдимых или, наоборот, горячих и вспыльчивых, то возвращение в усадьбы людей еще относительно молодых и повидавших мир, посетивших другие страны, внесло в повседневность провинции динамизм и веселость. В 1760–1770-е годы жизнь провинции становится более общественной. Как пишет Н. Чечулин, «вновь поселившиеся помещики значительно увеличили число провинциального дворянства, принесли с собой и сообщили и прежним помещикам большую привычку к обществу, большую потребность во взаимном общении; круг знакомств необходимо становится шире и знакомые чаще виделись между собою; вошло в обычай раза три-четыре в год выезжать из своих домов и недели в две-три объехать всех знакомых на довольно значительном расстоянии»².

Таким образом, обществом все чаще стали называть места коллективных сборов вне службы и собственного дома. В провинции это были, как правило, другие дома, где осуществлялось общение между людьми, приобретавшее регулярный характер. На глазах меняется отношение к прошлой жизни и появляется стремление идти в ногу со временем, не отставать от соседа, привить детям чувство изящного, соответствующего новым вкусам. В деревнях и селах у провинциальных дворян постепенно появляются собственные библиотеки, их хозяева читают книги не только на русском, но и на иностранных языках. Нередкими становятся споры на литературные и философские темы, идет обмен мнениями о политической жизни. Недавно прибывшие со службы дворяне часто своими мыслями еще были в своих полках, коллегиях, прочих государственных учреждениях. Дошло уже до того, что в провинции стали выписывать газеты и становится нормой посещение Петербурга и Москвы, где делались значительные покупки и среди приобретаемых предметов нередко были книги и журналы. Новый характер стали носить и дворянские застоля – пир, званый обед, открытый стол, которые, как отме-

чается в литературе, вместе с другими видами собраний формировали также и общественное мнение³.

Губернская реформа привела к тому, что в городах стало больше дворян и местное городское общество все больше старается подражать столицам. В домах высокопоставленных лиц, обычно у губернатора, устраиваются балы, и представители местного общества не только играют в карты, танцуют и участвуют в разного рода играх, но и ведут разговоры о политике, литературе и искусстве. Явно замечается проявление умственных интересов, вплоть до занятий наукой – ботаникой, астрономией, физикой. В провинции широкое распространение получают визиты, сочетавшиеся с обменом мнениями не только по хозяйственным вопросам, но и о политике, литературе, даже философии. Как заметит впоследствии А.С. Пушкин, «хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где люди честные, умные, образованные». По мнению исследователей, в XVIII в. хождение в гости было основным способом общения. Именно эта форма связи между людьми стала наиболее частой и разнообразной по своему характеру⁴.

Строительство больших домов из камня, разведение садов, парков, привлечение музыкантов, званые обеды на десятки гостей, модная одежда, распространение карет привело к большим тратам и, как следствие, усиление требований к крестьянам. Как отмечается в литературе, «“ножницы” между производственными возможностями крестьян и стремлением дворян повысить прибыльность имений все более расходились, подрывая основы сосуществования усадьбы и крестьянского двора»⁵. Как известно, не все исследователи согласились с утверждениями ряда авторов об объективной необходимости крепостного права – самой тяжелой формы угнетения в сфере сельскохозяйственного производства, предназначенного для получения прибавочного продукта для отбывания государственных и владельческих повинностей⁶.

Стремление дворян жить как все приводило порой к жизни выше средств, к разорению. Это была обратная сторона этого нового процесса приобщения к цивилизации. Как отмечалось, все более распространяется карточная игра. Карты – новый источник разорения. Распространение получает разного рода коллекционирование, прежде всего дорогих предметов искусства, тоже требовавших значительных трат⁷. XVIII век – век создания и становления нового общества, следовательно, стал и веком дальнейшего наступления на права крестьян. Известно, что обыкновенно барщина занимала половину всего крестьянского рабочего времени, но нередко достигала четырех-пяти дней. В апреле и сентябре рабочий день составлял 11–13 часов, а в летние месяцы – 14–16 часов⁸. Так крестьянство расплачивалось за требования дворян-помещиков. Это был его своеобразный вклад в становление дворянского общества⁹.

Помещики, однако, не были заинтересованы в разорении крестьян. Существовала и система ссуд, и создание помещиками запасных хлебных магазинов, и совместная крестьян и помещиков помощь погорельцу и т.д.¹⁰ Тем не менее, не случайно именно в первой половине 1770-х годов происходит самое крупное в истории России крестьянское восстание под руководством Е.И. Пугачева. Это была реакция на наступление дворянства, прозвучавшая очень серьезным звонком предупреждения. В какой-то степени он был услышан, но не всеми и не навсегда.

К концу XVIII в. при всех значительных изменениях в дворянском обществе во многих свидетельствах очевидцев отмечается падение нравов в высшем обществе. Правда Н. Чечулин, специально изучавший этот вопрос, считает это явным преувеличением и доказывает, что нравственность в XVIII в. была не хуже, чем в другие времена. Но не только известная книга М. Щербатова, но и ряд других свидетельств показывают, какие были в области нравственности колебания и в лучшую, и в худшую сторону. Элементы развращенности в обществе находят отражение во многих источниках. Это еще одна составляющая издержек общественного прогресса. Несомненно также и падение роли церкви и религиозности общества в XVIII в.

Еще С.М. Соловьев, сам вышедший из духовной среды и хорошо знавший ее, писал: «В XVIII веке смотрели на религию с презрением и не могли не радоваться унижительному состоянию служителей религии»¹¹. Такая тенденция объяснялась несколькими причинами. Петр I, несомненно, ослабил роль высшего духовенства. Не случайно в заговоре, во главе которого стоял царевич Алексей, принимали участие и многие духовные лица. Ряд из них был казнен, а церковь в целом подверглась петровскому реформированию¹².

Антицерковные, антирелигиозные выпады прослеживаются и в тогдашней литературе. Исследователи давно обнаружили их в сочинениях А.Д. Кантамира, человека, несомненно религиозного, осудившего «русское высшее духовенство», и в сатире М.В. Ломоносова «Гимн бороде», где известный ученый выступал не только против старообрядцев, но и официального православного духовенства, которое под «покровом святости» было врагом знания и прогресса. Эта сатира обратила внимание Синода, и Ломоносов был привлечен к церковному суду за дерзость и свободомыслие. На этом суде он вступил в полемику со своими судьями, но все-таки сатира его была сожжена¹³.

Отношение властей и общества к церкви в XVIII в., однако, было довольно сложным и неоднозначным. Тот же Соловьев упоминал о принятии Петром I самых действенных мер для поднятия материального благосостояния белого духовенства¹⁴. Исследователи, изучавшие петровскую эпоху в наше время, отмечают твердую ориентацию власти на сохранение традиционной православной религиозности и усиление контроля над ее соблюдением¹⁵. Но особенности тогдашней религиозности были налицо, заметно было и умножение числа богохульств, прослеженных на основе изучения архивов карательных органов, специально за ними наблюдавших¹⁶.

В Тайной канцелярии и Тайной экспедиции Сената число так называемых богохульных дел умножалось. То, что ими занимались организации политического сыска, не случайно, поскольку богохульство тесно связывалось с борьбой против существующего строя в целом. Простой народ видел связь церкви с государством, с властью и освящение ею крепостного права. Не случайно, как отмечал еще В.О. Ключевский, даже в Комиссии по уложению требовали расширения крепостного права «классы, его не имевшие, например купцы, казаки, даже духовные, к их стыду»¹⁷. Такие настроения духовных лиц не могли не замечаться в народе и следовала соответствующая реакция не только по отношению к церкви, но и к религии¹⁸. В XVIII столетии отмечено падение уважения к служителям культа. Как отмечал Чечулин, даже в семидесятых годах встречаются еще отзывы о сельских священниках,

совпадающих с отзывами о них Посошкова и Татищева, что «от них несет навозом» и что они «совсем от пахотных мужиков неотменны»¹⁹.

По мере того как помещики все более приобретали светский облик, заметно повышали образование и свое, и своих детей, все более европеизировались и предпочитали нередко французскую речь, священники утратили свое влияние в помещичьих семьях и «стали сами смотреть на дворян скорее как на господ, чем как на равных, ездили к ним не в гости уже, а на поклон; дворяне, с своей стороны, стали относиться к духовенству как к низшим, а не как к равным»²⁰. Этот процесс стал достаточно заметным в русской провинции и явился одной из особенностей складывавшегося провинциального общества. Свои особенности в этом отношении были и в столичных городах.

В литературе отмечается иное положение двора и царской семьи в Петербурге, нежели в Москве, и в плане их религиозности, поскольку участие в религиозных действиях перестает быть основой официальной придворной жизни. Происходит формирование нового подхода к религиозным обычаям предков. Особенностью петербургского общества было и ослабление иконопочитания, и исчезновение слепой веры в чудеса, и падение веры во влияние святых мощей, хотя почитание святых сохранялось. Основное внимание акцентируется всего лишь на нескольких святых, прежде всего на Александре Невском и Андрее Первозванном. При Петре I резко сокращается число официальных канонизаций, меньше стали соблюдаться посты²¹.

Все это новые черты формировавшегося петербургского общества. В Москве этот процесс был более медленным. Но и там, при всей московской оппозиционности, тоже наблюдаются те же тенденции, хотя и с определенным опозданием. Там, однако, более сильным было традиционное боярство, но оно чувствовало свою ущемленность. Табелью о рангах 1722 г. оно в значительной степени лишалось своих прежних привилегий. Это повлекло за собой и появление их идеологов (Б.И. Куракин и др.), отстаивавших фамильные привилегии, и сокрушавшихся по поводу ослабления «первых фамилий», прежде всего княжеских. Но и раньше их первенство было тоже относительно. Не случайно в современной литературе пишут, понимая общество как народ, что «русское общество многие века состояло не из иерархии господ, а из иерархии холопов, попиравших один другого»²². Русский XVIII век при этом продемонстрировал заметный процесс возрастания борьбы за личную свободу в среде дворянства, проявление в его среде своеобразной фронды, подмеченной в литературе. Интересна эволюция понятийного аппарата, проявившаяся в соответствующих документах. «Холопы», «сироты» и «богомольцы» XVII в. в 1703 г. по воле Петра I все поголовно стали «нижайшими рабами», а в 1786 г. в соответствии с указом императрицы Екатерины II были названы «верными подданными»²³.

Вместе с тем, источники конца XVIII в., фиксирующие дворянские настроения, говорят о возрастании в среде высшего сословия пожеланий именоваться не подданными, а гражданами²⁴. Члены нового общества желали быть личностями, и борьба за личное начало все более возрастала. Это хорошо видела Екатерина II, в условиях после Французской революции не установившаяся перед репрессиями против ряда видных членов тогдашнего общества. Екатерина, оказавшая значительное воздействие на становление русской общественности, буквально расправилась над одним из властителей ее дум Н.И. Новиковым. Арестам и ссылкам подвергаются А. Радищев и

Ф. Кречетов, Н.Н. Трубецкой и И.П. Тургенев и ряд других деятелей общества. Как подчеркивал В.Н. Бочкарев, «расправляясь так сурово с малейшим проявлением независимого общественного мнения, Екатерина уничтожала ту небольшую группу русской интеллигенции, которая, вполне сознательно относясь к французским событиям, могла в той или иной степени выражать свое сочувствие революционному перевороту»²⁵.

В 1790-е годы начались репрессии Екатерины II против видных деятелей общества, что не могло не вызвать внутреннего ропота в его рядах. Авторитет императрицы стал падать, хотя многие понимали и ее опасения перед революционными событиями той эпохи. Не случайно она стала готовиться к вооруженному отпору Французской революции. Эволюция политики Екатерины II хорошо прослеживается и по числу политических дел, заведенных при ней. Если в 1740-х годах их было 2478, а в 1750-х – 2413, то в 1760-х – 1246, в 1770-х – 1094, а в 1780-х только 992. Но в 1790-х годах ситуация существенно меняется, и таких дел было уже 2861²⁶.

За 34 года ее правления общество значительно укрепилось, повысилась его повседневная активность, возросла грамотность, наметились даже определенные черты размежевания. Но в целом, недовольство общества к концу правления Екатерины II, несмотря на достижения ее царствования, было несомненным. В литературе отмечается ослабление союза образованной элиты и государства, в это время находившее свое проявление на уровне оценочных реакций и терминологических предпочтений²⁷. Все более становилось ясно, что продвижение по службе и награды далеко не всегда зависят от деловых качеств, ума и прилежания. Екатерининский фаворитизм, низость придворных нравов встречали все большее внутреннее неодобрение в широких кругах дворянства²⁸. Следует уход в личную жизнь и в общество, теряет престиж государственная служба, возникают альтернативные ориентации в духовной и идейной сферах.

Сменивший Екатерину Павел I не обладал политическими талантами в такой степени, как его мать. Давние конфликты с ней, когда явно противостояли друг другу екатерининский двор и гатчинский двор Павла I, привели к действиям по принципу «все наоборот». Именно этим объясняется освобождение Н. Новикова, А. Радищева, Т. Костюшко и ряда других общественных деятелей, подвергнутых Екатериной преследованиям, которые, как казалось, сблизят императора с русским и польским обществом. Многообещающим было начало правления Павла и для масонов, а масонство было одним из проявлений общественной деятельности. Еще в 1784 г. И.В. Лопухин написал восторженную песню, где выражал уверенность увидеть в лице Павла истинного масонского императора²⁹. Но торжествовали они недолго. Вскоре масонство вновь было осуждено и постепенно переходит в оппозицию к императору.

Вообще оппозиционным становится подавляющая часть общества, особенно столичного. При Екатерине II дворянин все-таки стал ощущать определенную личную свободу, он стал более независимым в своих действиях. Общественная жизнь стала заметно более разнообразной, чем раньше, и столичное общество отличалось уже довольно высоким уровнем образования и культуры. Как свидетельствовали очевидцы, в момент кончины Екатерины Петербург, после Парижа и Лондона, «был самою оживленною, самою изящною европейской столицей». Это было мнение иностранцев, отмечавших вне-

шний блеск, роскошь и хороший вкус петербургского высшего общества³⁰. С воцарением Павла произошло внезапное и неожиданное изменение облика российской столицы. Последовали многочисленные запреты, которые касались и моды, и даже словоупотребления. По указу 1797 г. одни слова предписывалось употреблять, другие заменять. Среди них, слово «граждане» было заменено словом «обыватели», а термин «общество» вообще отменяется и ничем не заменяется³¹. Запрет слова соответствовал образу мыслей и действий тогдашнего российского самодержца, отрицательно относившегося к обществу как таковому и к общественной деятельности в целом.

Когда позднее у Павла I появились апологеты, то известный мемуарист Н. Греч заметил им, что если бы они пожили в годы правления этого царя, то их мнение было бы другим. При всех задумках Павла I по реорганизации управления в стране и регулировании социальных отношений, при его нацеленности на наведение порядка, время его характеризуется как мрачное и нервное. Многие очевидцы свидетельствуют, что страна как бы оцепенела, люди ушли в себя, внутренне не принимая сложившуюся ситуацию. Как впоследствии писал историк А. Корнилов, «общество даже не пыталось выразить свое отношение к Павлу каким-либо общественным протестом. Оно ненавидело молча, но, конечно, именно это настроение дало многочисленным деятелям переворота 11 марта 1801 г. смелость устранить Павла»³².

При этом нельзя сказать, что при Павле прекратилась всякая общественная деятельность. Как это ни странно, в 1798 г. начал выходить «Петербургский журнал» И.П. Пнина, просуществовавший целый год и имевший черты явно либерального издания³³. Не обошлось при Павле и без создания кружков радикального характера. Если при Екатерине II можно говорить о кружке А.Н. Радищева или кружке Ф.В. Кречетова, который в литературе называют организацией, – кружках, несомненно, радикального характера, то при Павле создается кружок отставного полковника В.М. Каховского. Собственно тайных кружков из офицеров воинских частей располагавшихся в Смоленской губернии, было несколько и входило в их состав около ста человек. В их числе называют и будущего генерала А.П. Ермолова, а также полковников П.С. Дехтерева, П. Киндякова, И. Бухарова, Г. Сухотина и др. Хотя эти оппозиционные кружки, которые в литературе называют преддекабристскими, действовали тайно, в 1798 г. они были раскрыты, и их члены подвергаются суровым наказаниям. Некоторые были осуждены на пожизненное заключение, другие сосланы в разные губернии страны, в том числе в Сибирь³⁴. В обществе, таким образом, проявляется оппозиционность и такого рода, ставшая составной частью той самой фронды, о которой пишут в современной литературе. Заметна борьба за духовную свободу, за внутреннюю независимость, даже за независимость от господствующего общественного мнения. Ф.В. Ростопчин даже при этом писал: «Я презираю общественное мнение, подчиненное придворному влиянию и направляемое наглыми глупцами, которые, не имея собственной репутации, посягают на другую»³⁵. И эти слова были произнесены фаворитом Павла I в августе 1795 г., то есть еще при Екатерине II.

Интересную позицию заняла при Павле его супруга, императрица Мария Федоровна. Она, его вторая супруга – немка по происхождению и француженка по воспитанию, как писал ее биограф, «любила Францию, ее блеск, общественную жизнь, моды, литературу, искусство»³⁶. События Француз-

ской революции отшатнули Марию Федоровну от Франции и французов. С кончиной Екатерины и восшествием на престол Павла, она была поставлена «начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц». Всего лишь через полгода она уже была назначена главной начальницею над всеми воспитательными домами, которые основала и опекала Екатерина II. Мария Федоровна будет управлять воспитательными домами 32 года (до 1832 г.), и при своем супруге, и при двух царствовавших сыновьях, и превратит эту отрасль в целое ведомство, известное как Ведомство учреждений императрицы Марии (с 1854 г.). Мария Федоровна создает ряд благотворительных и учебных образовательных учреждений, преимущественно женских, привлекая к их деятельности и значительные общественные силы.

При ней в 1798 г. звание опекунов заменяется званием почетных опекунов, отвечавших за ту или иную сферу деятельности этой разветвленной системы образования и воспитания. Мария Федоровна развила активную деятельность и привлекла к ней ряд видных деятелей общества. Н.М. Карамзин, лично близкий к ней, выражал мнение, что Мария Федоровна была бы лучшим министром просвещения в России, а П.А. Плетнев назвал ее министром благотворительности³⁷. Ее участие в благотворительной деятельности было действительно значительным вплоть до формирования «Императорского батальона», сражавшегося во время антинаполеоновских войн³⁸. Складывалась, таким образом, любопытная картина. Павел I, безусловный противник общественной инициативы, выпускает из заключения ряд видных деятелей общества. Он же, запрещая употреблением слова «общество», назначает свою законную супругу ведать важной отраслью воспитания, образования и благотворительности, т.е., по сути, ответственной за связи с общественностью. Еще один из парадоксов его царствования, имевший, однако, далеко идущие последствия, поскольку императорская фамилия несколько не желала оставлять все усиливавшиеся позиции общества без внимания и контроля. Именно с тех пор супруги императоров стали своеобразными связующими звеньями между верховной властью и обществом.

Говоря о составе общества, необходимо видеть в нем не одних только дворян, хотя они и составляли подавляющее большинство новой общественности. В общественной жизни принимали участие и купцы³⁹, и мещане, и даже крепостные крестьяне, прежде всего крепостная интеллигенция. Сыном костромского купца был Ф.Г. Волков – основатель первого в России профессионального театра. Из купцов происходил В.В. Крестинин, избранный в 1791 г. членом-корреспондентом Академии наук. Видными общественными деятелями были Ф.В. Каржавин и другие выходцы из купечества⁴⁰. Что касается дворян, то среди них следует выделить не только служилых и неслужилых, но и противоречия между служилым и родовым дворянством. Это противоречие заметно проявилось во время Комиссии по выработке нового уложения 1768 г. Оно было столь заметным, что в литературе даже пишут о «двух дворянствах»⁴¹. Вообще, поляризацию русского общества выделяли многие иностранцы, поскольку она явно бросалась в глаза. М. Вильмот, прибывшая в Россию в самом начале XIX в., подчеркивала: «Для здешнего общества характерно резкое деление на высших и низших». И далее она подчеркивала, что в России нет средних классов, характерных для Англии⁴².

Как уже отмечалось, большинство из них были дворянами. При этом хорошо известно отличие столичного общества от провинциального. В 50-х го-

дах XVIII в. И.П. Елагин, выпускник сухопутного кадетского корпуса, уже известный как автор стихов довольно фривольного характера, пишет сатиру «На петиметра и кокеток». Много позднее В.О. Ключевский, описывая нравы дворянского общества, счел необходимым остановиться на двух, как он писал, «любопытных типических представителях», блиставших в царствование Елизаветы. Они получили название «петиметра» и «кокетки». Кокеток также называли щеголихами. Петиметр – великосветский кавалер, воспитанный во французском духе и презирующий все русское, даже русский язык. Кокетка – великосветская дама, тоже воспитанная по-французски. Главная ее цель состояла в том, чтобы продемонстрировать свои наряды и изящные манеры⁴³. Вся жизнь этих двух столичных общественных типов заключалась в бесконечных перемещениях по домам великосветского общества, манерничании и распространении различных слухов⁴⁴.

Были ли эти типы господствующими в период становления нового общества? На этот вопрос ответить нелегко, но еще тогдашняя русская литература обратила их в объект насмешек и сатиры. Не только Елагин, но и А.П. Сумароков подвергли их язвительной критике. По всей вероятности они были характерны для раннего периода истории общества, когда особенно было принято подражательство, и легковесность подменяла образование. Даже в 1760-х годах примерно 8% отставных дворян, т.е. уже прошедших военную или гражданскую службу, были неграмотными⁴⁵. Но еще Ключевский отмечал изменение ситуации, наполнение внутренней духовной и идейной пустоты, развившейся склонностью к чтению. Поначалу чтение было средством заполнения досуга, затем переходит в моду, а далее становится характерной чертой благовоспитанности. Неразборчивое чтение приобретает затем определенный уклон в сторону изящной словесности, чувствительной поэзии. Как писал Ключевский, «от всех этих явлений остался сильный осадок в понятиях и нравах общества, которым и характеризуется елизаветинский момент в развитии дворянского общества. Этот осадок состоял в светской выправке, в преобладании наклонности к эстетическим наслаждениям и в слабонервной чувствительности»⁴⁶.

Уже в XVIII в. выделяются люди, которых в литературе называют вождями общества. К ним относят Д. Голицына, В. Татищева или, например, членов кружка Петра III (в то время, когда он был еще наследником⁴⁷), позднее возглавлявшегося братьями Воронцовыми. Одной из заметных фигур столичного общества был русский барин новой формации, человек образованный, светский и хлебосольный. В литературе сохранились многочисленные описания той поры, где фигурируют портреты этих представителей общества. Такой общественный тип сложился в середине XVIII в., как бы в противостоянии боярам прежней эпохи, не отличавшихся ни образованием, ни изысканностью. В конце этого столетия «истинным патриархом и коноводом высшего общества столицы», т.е. Петербурга, считался родственник правящей династии Л.А. Нарышкин⁴⁸. Был он оберштамейстером и занимал видное место при дворе. Выдвинулся он еще при Елизавете Петровне и затем, по словам М.М. Щербатова, был «главным любимцем» Петра III. После непродолжительной опалы он занял видное место и при дворе Екатерины II, которая ценила Нарышкина за его остроумие и находчивость. Но одновременно дом самого Нарышкина был одним из центров притяжения петербургского общества и не только высшего.

Любой дворянин, с хорошей репутацией, а также любой заслуженный офицер мог быть представлен хозяину и затем хоть каждый день мог обедать и ужинать в его доме. Л.А. Нарышкин особенное внимание уделял известным литераторам, хорошим музыкантам, художникам, а также людям остроумным, умевшим украсить общество шутками и каламбурами. Хозяин сам разыскивал таких людей и старался привлечь в свое общество, тем самым делая его особенно привлекательным. Примечательно, что к нему в дом нередко приезжали люди ему даже не знакомые по фамилиям, но всех он принимал с одинаковым радушием. Что любопытно, у него в доме не было карточной игры, столь распространенной в тогдашнем обществе и ставшей первой страстью дворянства и в провинции, и в столицах. В доме Нарышкина предпочитали музыку, танцы, разного рода игры. Каждодневный стол состоял из шести блюд на обед и четырех на ужин. Парадный стол и балы, на которые приходили гости уже по специальному приглашению хозяйина, отличались поистине лукулловыми пирами.

Одним из центров притяжения петербургского общества был и дом графа А.С. Строганова, куда приходили только приглашенные хозяином гости. От имени Л.А. Нарышкина и А.С. Строганова ежедневно раздавали милостыню деньгами и продуктами и разного рода пособия. Постоянную помощь от них получал ряд бедных семей. Подразумевая Нарышкина и Строганова, Екатерина II в шутку часто говорила: «Два человека у меня делают все возможное, чтоб разориться и никак не могут!»⁴⁹ Действительно, после смерти оба они оставили огромные состояния и весьма незначительные долги.

Л.А. Нарышкин скончался в 1799 г. и, как пишут в литературе, общество лишилось своего главы, но сыновья его продолжили традиции отца. А.Л. и Д.Л. Нарышкины стали достойными продолжателями дела отца. Оба они бесподобно умели сочетать в обхождении благородный тон и естественную фамильярность, сохраняя к себе глубокое уважение. Дом А.Л. Нарышкина называли Афинами. Как и отец, он тоже жил открыто, и у него собирались многие петербургские знаменитости. Хозяин собирал людей талантливых и веселых и сам отличался умом и остроумием. Его брат Д.Л. Нарышкин, женатый, как пишется в литературе, на первой красавице столицы княжне М.А. Четвертинской, жил несколько другой жизнью. Его дом тоже был одним из центров притяжения Петербурга, но отличался некоторой официальностью и меньшей свободой. Сюда гости приходили по приглашению.

Был в Петербурге и ряд других домов, отличавшихся своими приемами и собиравших у себя представителей прежде всего высшего общества. К ним, например, относился и дом князя А.Б. Куракина (князь Алексей), который, как и его брат Александр, занимал высокие посты и при Павле I, и при Александре I. Он был активным членом общества, где отличалась особой любезностью его супруга Н.И. Куракина. Может быть, даже больше чем в Петербурге подобный тип русского барина был замечен в Москве⁵⁰. Там гремело имя А.Г. Орлова, родного брата фаворита Екатерины II Г. Орлова, одного из тех братьев Орловых, которые активно участвовали в перевороте 1762 г. Среди братьев он был наиболее энергичным и являлся главным организатором переворота и даже виновником кончины Петра III. Активно участвуя в государственных делах, а затем и в русско-турецкой войне, он, после того как его брат попал в немилость, в конце 1775 г. ушел со службы и переехал жить в Москву. Здесь, и в самом городе, и в собственных имениях он приобрел ши-

рокую известность своим гостеприимством и различными затеями. Вообще, как сообщало впоследствии III отделение «Во времена Императрицы Екатерины II высшее московское общество представляло собой как бы особый род аристократической республики и руководило общественным мнением»⁵¹.

Общественные деятели типа Нарышкиных и Орлова были явлением редким по своему размаху, но они были своеобразными общественными магнитами, притягивавшими значительное число москвичей и петербуржцев, навязывая им своеобразный образ жизни, который постепенно уходил в прошлое, но в свое время играл весьма заметную роль. Это была общественная мода той поры, накладывавшая заметный отпечаток на все общество. Отнюдь не всегда лидеры общества были только общественными деятелями в полном смысле этого слова. Многие из них одновременно могли быть и на государственной службе. Но они же были и членами общества и, порой, даже больше членами общества, нежели государственными чиновниками.

Интересно, что уже в первой половине XVIII в. заметную роль в качестве руководителей общественных предприятий стали играть и женщины. Отмечают роль М. Кантемир, княжны Черкасской, дочери канцлера А.М. Черкасского, а также и других женщин, например, молодую Елизавету Петровну, когда она не была еще ни императрицей, ни даже не числилась наследницей престола. Как пишет А. Кизеветтер, «в 30–40-х годах XVIII в. видную роль в высшем обществе Петербурга и при самом дворе играла дочь кн. Трубецкого Анастасия Ивановна, бывшая замужем сначала за бывшим молдавским господаром Кантемиром, потом за герцогом Гессен-Гомбургским. Блестящая красотой и образованием, Анастасия Ивановна была любимицею императрицы Елизаветы»⁵². Вообще, как отмечается в литературе, кружок «родственных душ» собирался чаще всего не вокруг хозяина, а вокруг хозяйки дома⁵³.

Ситуация складывалась таким образом, что на протяжении XVIII в. общество все чаще возглавляли люди, тесно связанные с художественной литературой, зарождающейся журналистикой, с театром, в меньшей степени с наукой⁵⁴. Литература все больше приобретала характер владычицы умов, и в обществе постепенно усиливается влияние писателей. Они становятся желанными гостями в домах знати, в салонах, в сельских и городских усадьбах. Чрезвычайное влияние приобрел театр как место общения, не говоря уже о его эстетическом и идейном влиянии. В Москве к концу XVIII в. было уже 5 театров, из которых лишь один казенный⁵⁵. В России появляется и крепостной театр, да и вообще крепостная интеллигенция (музыканты, актеры, танцоры, художники). Из них вышли В.А. Тропинин, А.Н. Воронихин, П.И. Жемчугова, Е.С. Семенова, Е.А. и М.Е. Черепановы. Часть из них по своему образованию и таланту как бы органически входят в состав формирующегося общества. По повелению Н.П. Шереметева от 21 марта 1799 г., актерам его театра назначалось жалованье, и больше всех получала П. Жемчугова⁵⁶, которой ее хозяин дал вольную, а затем вступил с ней в брак. Домашние спектакли устраивались во многих знатных домах Петербурга⁵⁷.

Вожди общества были людьми разных взглядов и разных подходов. Первым теоретиком русского либерализма А.А. Кизеветтер называет В.Н. Татищева⁵⁸. Это мнение можно оспорить. Единства взглядов, конечно, не было, хотя еще рано говорить о каких-то идейных направлениях. М. Щербатов, А. Радищев, Н. Новиков, которые в обществе были хорошо известны, конечно,

не отличались единым подходом в оценке тогдашних явлений. Но появление вождей общества, имевших авторитет и влияние, побуждало власть выработать к ним и обществу вообще свою линию поведения, которая не была неизменной и испытывала немалые колебания. Должно было определиться и общество по отношению к власти.

Вождь общества или, как нередко его называли, душа общества был неформальным лидером в местах общения людей. Он не всегда являлся представителем власти и мог быть не самым знатным или самым богатым. Общество выдвигало своих руководителей, способных овладеть обществом и вести его в определенном направлении. Лидеры общества могли вступать в противоречие с властями и, например, как произошло с Новиковым, подвергаться этими властями преследованиям. Со временем менялось и само понимание общества, шла его эволюция, развитие в разных направлениях. С одной стороны, под обществом разумелась публика, т.е. такое общество, в которое не входил простой народ, а были представлены как властные структуры, так и неслужилая часть верхов. Когда применялось выражение «у нас было общество», то под этим разумелись гости, а они могли быть разного происхождения. С другой стороны, формируется новое общество, как бы общество в обществе. Сердцевиной этого последнего поначалу становится неслужилое дворянство. Оба этих процесса, оба этих общества стали, по существу, порождением XVIII в.

В этом столетии, даже когда существовал закон об обязательной службе, всегда была определенная прослойка неслужилого дворянства. С десятилетиями она увеличивалась, но особенно она расширилась после указа 1762 г. С 1762 по 1771 гг. с государственной службы уволились 74% служилых, из них 5902 военных и 636 чиновников уволились на свое пропитание, т.е. без пансиона. В полную отставку за тот же срок уволились одних офицеров 5413 человек, что составляло 47,8% офицерского корпуса⁵⁹. Перемещение значительного числа офицеров в свои имения, с одной стороны, способствовало оживлению общественной деятельности на местах, с другой – породило проблемы у местной администрации. Одно дело, когда в имениях жили женщины, инвалиды или глубокие старики, другое, когда приехали боевые офицеры, многие из которых участвовали в военных действиях, например, в Семилетней войне. Независимое положение молодого офицерства сразу же бросалось в глаза местной администрации, привыкшей к бесконтрольным действиям. Этот процесс не мог не привести к определенным шероховатостям во взаимоотношениях формирующегося общества и бюрократии. Создание дворянских собраний с их корпоративной системой и заметным самоуправлением, куда, однако, входили как служилые, так и неслужилые дворяне, также добавил администрации новые проблемы.

Все-таки поместное дворянство имело свои собственные экономические и социальные интересы и по мере возможности их отстаивало. В этом одна из объективных причин складывания дворянского общества. Имевшее тенденцию к обособлению еще до начала XVIII в. светское общество стремилось к самоорганизации для отстаивания своих интересов. Оно, по мере ощущения своей силы, желало воздействовать и на страну в целом. Одной из форм деятельности общества стало участие его в разного рода филантропических акциях. Первое российское студенческое общество – «Собрание университетских питомцев», созданное И.Е. Шварцем и Н.И. Новиковым в 1781 г.,

известно также своими филантропическими акциями. Ими же создается в 1782 г. «Дружеское ученое общество», которое организовало в Москве публичную библиотеку, бесплатную аптеку, а также две школы. Во время голода 1787 г. члены общества оказывали помощь нуждающимся крестьянам⁶⁰.

Это был один из самых первых примеров активного участия в борьбе с голодом светского общества. Используя свои издания, Н.И. Новиков обратился за помощью к обществу с предложением помочь голодающим, и начались сборы денежных средств как среди членов самого «Дружества», так и людей в него не входивших. Только один московский богач, купец Г.М. Походяшин выделил 50 тыс. рублей⁶¹. На собранные деньги Новиков и его сподвижники организуют раздачу хлеба в Москве и ее окрестностях. Этой помощью смогли воспользоваться до 100 казенных и помещичьих селений. Затем создается, за счет возвращаемого крестьянами хлеба и денег, постоянный хлебный магазин, существовавший до 1792 г.⁶² Таким образом, наряду с церковной и государственной благотворительностью⁶³ появляется и благотворительность общественная, потребовавшая и соответствующей организации.

¹ См.: *Миц С.С.* Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

² *Чечулин Н.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века: Исторический очерк. СПб., 1889. С. 58, 59.

³ *Елисеева О.* Жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008. С. 183.

⁴ *Рабинович М.Г.* Город и городская образ жизни // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1990. Ч. 4. С. 252, 284.

⁵ *Тихонов Ю.А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков: Существование и противостояние. М., 2005. С. 418.

⁶ Там же.

⁷ *Дворянская и купеческая усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки.* М., 2001. С. 282.

⁸ *Кизеветтер А.* Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов н/Д, 1904. С. 32.

⁹ *Лютти А.* Русский абсолютизм XVIII века // Итоги XVIII века в России. М., 1910. С. 36.

¹⁰ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 424, 425.

¹¹ *Соловьев С.М.* Мои записки // Соч. М., 1993. Кн. XVIII. С. 540.

¹² *Церковь в истории России (XI – 1917 г.): Критические очерки.* М., 1967. С. 171, 172.

¹³ *Ситовский В.В.* Этапы русской мысли. Пг., 1924. С. 37–39.

¹⁴ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. М., 1993. Кн. XII. С. 243.

¹⁵ *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» – град святого Петра: Петербург в общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 315.

¹⁶ *Анисимов Е.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 24–26.

¹⁷ *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Соч. М., 1989. Т. V. С. 127.

¹⁸ См.: *Кауркин Р.В.* Антицерковный протест как одна из форм социального протеста народных масс во второй половине XVIII в. в России // Феодализм в России: Тез. докл. и сообщ. М., 1985. С. 210, 211; *Комисаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке: Очерки секуляризационной реформы 1764 г. М., 1990.

¹⁹ *Чечулин Н.* Указ. соч. С. 38.

²⁰ Там же. С. 39.

²¹ *Агеева О.Г.* Указ. соч. С. 316–321.

²² *Анисимов Е.* Россия без Петра. СПб., 1994. С. 147, 186.

²³ *Марасинова Е.Н.* Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 300.

²⁴ Там же. С. 303–305.

- ²⁵ Бочкарев В.Н. Русское общество Екатерининской эпохи и Французская революция // Отечественная война и русское общество: 1812–1912: в 7 т. М., 1912. Т. 1. С. 62.
- ²⁶ Черникова Т.В. «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5. С. 157.
- ²⁷ Марасинова Е.Н. Власть и личность. С. 307.
- ²⁸ Там же. С. 337–339.
- ²⁹ Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1999. С. 139.
- ³⁰ Шильдер Н.К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 300.
- ³¹ Ключков М.В. Павел и Франция // Отечественная война и русское общество. Т. I. С. 66.
- ³² Корнилов А. Курс истории России XIX в. М., 1912. Ч. 1. С. 67.
- ³³ Кизеветтер А. Из истории русского либерализма: Иван Петрович Пнин // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 72.
- ³⁴ Семенова А.В. Временное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 103–105; Светлов Л.А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века // Из истории русской философии XVIII–XIX вв.: Сб. ст. М., 1952. С. 66–71.
- ³⁵ Цит. по: Марасинова Е.Н. Власть и личность. С. 344.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 663 (Мария Федоровна). Оп. 1. Д. 123. Л. 4.
- ³⁷ Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна (1759–1828): Ее биография. СПб., 1892. Т. 1. С. VI.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 663. Оп. 1. Д. 123. Л. 6–6 об.
- ³⁹ Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX века: Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М., 2002. С. 197, 198.
- ⁴⁰ История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. первая: От Средневековья до середины XIX века. С. 292–295.
- ⁴¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. Т. V. С. 194; Романович-Словатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 63.
- ⁴² Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 220–240.
- ⁴³ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. Т. V. С. 154.
- ⁴⁴ Зоммер В. Крепостное право и дворянская культура в России XVIII века // Итоги XVIII века в России. С. 393–397.
- ⁴⁵ Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 53.
- ⁴⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. Т. V. С. 156.
- ⁴⁷ Кизеветтер А. Русское общество в восемнадцатом столетии. С. 18, 21.
- ⁴⁸ Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1846. Ч. 2. С. 77.
- ⁴⁹ Там же. Ч. 1. С. 221.
- ⁵⁰ См: Пылаев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1898.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 5; Россия под надзором: Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 18.
- ⁵² Кизеветтер А.А. Один из реформаторов русской школы // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. С. 123.
- ⁵³ Елисеева О. Указ. соч. С. 233.
- ⁵⁴ См.: Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века. М., 1999.
- ⁵⁵ Чечулин Н. Указ. соч. С. 80.
- ⁵⁶ Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция в России. М., 1983. С. 114.
- ⁵⁷ Елисеева О. Указ. соч. С. 237.
- ⁵⁸ Кизеветтер А.А. Из истории русского либерализма: Иван Петрович Пнин. С. 63.
- ⁵⁹ Фаизова И.В. Указ. соч. С. 197.
- ⁶⁰ Кизеветтер А.А. Московский университет и его традиции // Кизеветтер А. Исторические отклики. М., 1915. С. 328.
- ⁶¹ История предпринимательства в России. С. 287–292.
- ⁶² Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т. 3. С. 369–370; Нилова О.Ю. Указ. соч. С. 168–190.
- ⁶³ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – начало XX века. М., 2005. С. 20–39.

ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ (опыт Нагорного Карабаха)*

В условиях начавшейся в СССР перестройки и демократизации внеочередная сессия Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) Азербайджанской ССР приняла решение (поддержанное массовыми демонстрациями в Степанакерте и Ереване) «О ходатайстве перед Верховными советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР о передаче Нагорно-Карабахской автономной области из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР»¹. Это привело к вспышке националистических чувств и настроений со стороны азербайджанского населения и к погромам армян, спровоцированным местными властями в Сумгаите (февраль 1988 г.), Кировабаде (ноябрь 1988 г.) и особенно в Баку (январь 1990 г.). Созданный в январе 1989 г. Комитет особого управления НКАО, подчинявшийся Президиуму Верховного Совета СССР, не удовлетворил конфликтующие стороны и был упразднен в ноябре того же года. Народный фронт Азербайджана перекрыл коммуникации области, проходящие через Азербайджан и организовал блокаду Армении, пережившей 7 декабря 1988 г. катастрофическое землетрясение. В 1988–1989 гг. около 170 тыс. азербайджанцев Армении и более 350 тыс. армян Азербайджана вынуждены были покинуть свои дома, став беженцами.

После принятия 30 августа 1991 г. парламентом Азербайджана «Декларации о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Демократической Республики 1918–1920 гг.» (это были годы, когда Нагорный Карабах не входил в ее состав, а считался только «спорной» территорией) совместная Сессия народных депутатов Нагорного Карабаха и Совета народных депутатов Шаумянского района Азербайджана приняла 2 сентября 1991 г. «Декларацию о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики в границах НКАО и Шаумянского района». В ответ власти Азербайджана 26 ноября 1991 г. приняли Закон «Об упразднении НКАО»². Однако уже через два дня, 28 ноября, Комитет Конституционного надзора СССР упразднил его как противоправный³.

10 декабря 1991 г., после состоявшегося в присутствии международных наблюдателей референдума о статусе Нагорного Карабаха, бюллетени для которого были напечатаны на трех языках – армянском, азербайджанском и русском, Нагорно-Карабахская Республика (сокращенно НКР) была объявлена независимым государством⁴. Решение о проведении данного референдума было принято в соответствии с Законом СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», статья 3 которого гласила: «В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проекты 07-01-18001е и 10-01-00118а).

образований сохраняется право на самостоятельное решение о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе». 28 декабря 1991 г. были проведены выборы в первый парламент НКР, которые Азербайджан не признал законными.

С конца 1991 г. нагорно-карабахский конфликт, корни которого уходят в досоветские времена (что придает ему особую остроту), перешел в тяжелую кровопролитную войну в открытой форме, которая привела к многочисленным человеческим жертвам и искалеченным судьбам с обеих сторон. Были периоды, когда более половины территории Нагорного Карабаха находилось под контролем азербайджанских войск, а его столица Степанакерт и другие населенные пункты подвергались массированным авианалетам и артиллерийским обстрелам.

В результате вооруженного этапа конфликта отряды самообороны карабахских армян, а затем созданной ими Армии обороны НКР к 1994 г. взяли под свой контроль 85% территории НКР (в том числе 9 мая 1992 г. г. Шуши) и 8% соседней с нею территории районов непосредственно Азербайджанской республики, превращенных в огневые точки: Лачинский (что дало возможность пробить жизненно важный коридор к Армении и частично выйти из блокады), Кельбаджарский, Кубатлинский, Зангеланский, Джебраильский районы – полностью, Физулинский и Агдамский – частично (что дало возможность создать вокруг НКР так называемый «пояс безопасности»). Азербайджан сохранил контроль над 15% территории НКР, в том числе над Шаумянским районом.

5 мая 1994 г. представители Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха (при посредничестве России и Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ) оформили в г. Бишкеке протокол, на основании которого 9–11 мая главами оборонных ведомств сторон конфликта была подписана «Договоренность о прекращении огня», вступившая в силу 12 мая 1994 г.⁵ Хотя с этого времени военные действия фактически прекратились, благодаря системе военно-политического баланса сил конфликтующих сторон, окончательный мир в регионе до сих пор не наступил.

После распада СССР нагорно-карабахский кризис стал объектом международных миротворческих усилий ООН и СБСЕ (с 1995 г. – ОБСЕ). 24 марта 1992 г. на Хельсинкской сессии Совета СБСЕ с участием 12 стран было принято решение о созыве в Минске конференции по Нагорному Карабаху и созданию «постоянно действующего форума для переговоров» – Минской группы по Нагорному Карабаху. С марта 1994 г. по апрель 1997 г. прямые трехсторонние переговоры по нагорно-карабахскому урегулированию проводились в рамках Минской группы при сопредседательстве России, а также Швеции, затем Финляндии, США и Франции, но они не принесли положительных результатов. С весны 1997 г. основной формой ведения переговорного процесса с руководством сторон конфликта стала «челночная дипломатия», т.е. периодические поездки сопредседателей Минской группы в Баку, Ереван, Степанакерт. С конца 1998 г. элементами переговорного процесса стали также периодические встречи президентов Азербайджана и Армении под эгидой российской дипломатии и США, но и эти встречи, используемые во многом лишь для выяснения сложных отношений между сторонами, ни к какому положительному результату не приводили.

К концу 2007 г. переговорный процесс в рамках Минской группы ОБСЕ фактически зашел в тупик, что во многом было связано с противоположностью позиций сторон по ключевым аспектам урегулирования. Граждане Нагорного Карабаха в соответствии с международными нормами о праве народов на самоопределение ставят целью юридическое признание Азербайджаном (а также международным сообществом) статуса о государственной независимости Нагорно-Карабахской Республики и участие НКР в переговорах. При этом важно отметить, что независимость НКР не нарушает принцип территориальной целостности Азербайджанской Республики, поскольку Нагорный Карабах де юре никогда не входил в ее состав и только 5 июля 1921 г. партийным органом Кавбюро РКП(б) был, вопреки воле его граждан, присоединен со своей этнической территорией к Азербайджанской ССР. Азербайджан отказывается признавать НКР конфликтующей стороной и ее участие в переговорах и требует на первом этапе переговоров возвращения семи районов, контролируемых Армией обороны НКР, а на втором этапе – возвращения самого Нагорного Карабаха с обещанием предоставить ему вновь «широкую автономию» (в рамках которой в результате целенаправленной дискриминационной политики руководства Азербайджана доля армянского населения сократилась с 94,4% в 1921 г. до 75,7% в 1979 г.⁶, а за период 1926–1976 гг. стало на 85 армянских населенных пунктов меньше и на 17 азербайджанских больше⁷), грозя в противном случае военным реваншем.

Из-за противоположных позиций Азербайджана и Армении по ключевым вопросам, а также исключения из переговорного процесса Нагорного Карабаха, являющегося основной стороной конфликта, так и не было до сих пор достигнуто его урегулирование, в частности 2 ноября 2008 г. во время трехсторонней встречи Президента России в его подмосковной резиденции Майендорфе с Президентами Азербайджана и Армении, по результатам которой была принята совместная Декларация по урегулированию конфликта⁸; на встрече этих президентов 25 января 2010 г. в Красной поляне (г. Сочи); в рамках саммита «Большой восьмерки» 26 июня 2010 г. в Канаде; на саммите ОБСЕ на высшем уровне в декабре 2010 г. в Астане и на целом ряде других встреч.

В настоящее время Нагорно-Карабахская Республика представляет собой существующее де факто государство со всеми необходимыми органами государственной власти и управления, имеющее тесные социально-экономические и культурные связи с Республикой Армения. Через Армению осуществляются и все взаимоотношения НКР с внешним миром. Представительства НКР в настоящее время действуют помимо Еревана в Москве, Вашингтоне, Париже, Сиднее и Бейруте, где тесно координируют свою работу с посольствами Республики Армения. Начиная с 1996 г. в НКР четыре раза проводились президентские выборы путем свободного волеизъявления ее граждан.

Численность армянского населения республики, согласно первой, проведенной в условиях независимости, переписи 2005 г., составила 137,7 тыс. человек (в том числе мужчин – 66,5 тыс., женщин – 71,2 тыс.)⁹. Это свидетельствует, во-первых, о существенном сокращении населения по сравнению с данными предыдущей переписи 1989 г. (145,5 тыс.), и, во-вторых, о заметном преобладании в 2005 г. женщин. Оба фактора, несомненно, являются результатом пережитой войны, когда многие мужчины погибли.

Особенно существенно сократилось население города Шуши. После освобождения его в 1992 г. сюда возвратилось около полутора тысяч преж-

них жителей, а также поселились семьи беженцев из Азербайджана. Во время военных действий город сильно пострадал, в нем до сих пор еще немало разрушений, но на их фоне возвышается отреставрированный кафедральный собор XIX в. Сурб Аменаприкч (Всеспасителя). Город стал административным центром и резиденцией главы Арцахской епархии.

В последние годы правительство НКР пытается восстановить исторический облик Шуши и привлечь сюда иностранных туристов, для чего в 2006 г. была принята специальная программа и создан Фонд «Возрождение Шуши» – одного из пяти крупных городов в Закавказье в начале XX в. За прошедшие годы Фонд сделал немало. Шуши получил новый герб, флаг и гимн; были реализованы многие социально-экономические и строительные проекты, разработан генеральный план города, в котором новые строения должны будут гармонично сочетаться с его прежним обликом. В ряде исторических зданий планируется разместить объекты туризма и здравоохранения, ведется работа по реконструкции системы водоснабжения. В настоящее время в Шуши работают драматический, кукольный и детский театры, музыкальная школа, действует вновь построенный Центр искусства, ремесел и туризма, проводятся разного рода мероприятия – фестивали, концерты, спортивные соревнования, научные конференции. 19 января 2008 г. состоялся телемост «Ереван – Шуши – Вифлеем», связавший Шуши с армянами всего мира с целью напомнить им о том, что восстановить этот средневековый город можно лишь совместными усилиями всего народа¹⁰.

Война привела к тому, что НКР стала по своему составу практически многонациональной. По переписи 2005 г. из общего числа ее постоянного населения в возрасте 7 лет и старше 122 051 чел. армяне составляли 121 725 чел. (99,73%), русские – 154 чел. (0,13%), украинцы и греки – по 21 чел. (по 0,017%), грузины – 10 чел. (0,008%), азербайджанцы – 6 чел. (0,0049%), другие национальности – 114 чел. (0,093%)¹¹.

По полу и семейному положению население НКР в возрасте 15 лет и старше по данным этой переписи распределялось следующим образом: из общего числа этой категории населения в 104 761 чел. никогда не состояли в браке 26 723 чел. (25,5%), находились в браке 64 367 чел. (61,5%), в разводе – 2421 чел. (2,3%), вдов и вдовцов было 11 250 чел. (10,7%); в том числе среди 49 653 мужчин никогда не состояли в браке 15 357 чел. (30,9%), находились в браке 32 031 чел. (64,5%), в разводе – 632 чел. (1,3%), вдовцов было 1633 чел. (3,3%); среди 55 108 женщин – соответственно 11 366 (20,6%), 32 336 (58,7%), 1789 (3,2%), 9617 (17,5%). Данные переписи показали также, что доля как мужчин, так и женщин, состоявших в браке, была выше среди сельского населения (соответственно 66,3 и 63,6%), чем среди горожан (62,8 и 54,5%), что прежде всего объясняется более ранним возрастом вступления в брак сельской молодежи. В результате войны среди женщин отмечена большая доля вдов как среди горожан (15,8%), так и особенно среди сельского населения (19,4%)¹².

За годы своей полевой практики я была в Нагорном Карабахе несколько раз – в конце 1960-х годов, в середине 1970-х годов, в 1987, 2001 и 2007 гг. Это дало возможность выявить динамику этнокультурной ситуации, наблюдаемой там в период нахождения НКАО в составе Азербайджанской ССР, а затем уже в последний (начиная с 1988 г.) период, отмеченный тяжелейшими социальными потрясениями и их гуманитарными последствиями во вре-

мя войны, а затем преобразованиями в послевоенный период в независимой республике, фактически существующей уже в течение 20 лет¹³.

Первым пунктом моих поездок был столичный город Степанакерт. Если раньше, миновав границу Армении, последние 65 км приходилось проезжать по совершенному бездорожью, то сейчас к нему ведет прекрасное шоссе, построенное во второй половине 1990-х годов в соответствии с мировыми стандартами. Еще в 2001 г. о прошедшей войне напоминали встречавшиеся на полях вдоль дороги таблички с надписью: «Внимание, мины!», но в 2007 г. их уже не было. Степанакерт приятно поражает своей чистотой, ухоженностью, богатой растительностью, нарядно одетой публикой, особенно молодежью. За последние годы в нем появилось немало новых современных зданий, в которых разместились различные учреждения, гостиницы, жилые дома горожан. Несмотря на то, что во время войны город существенно страдал от бесконечных бомбардировок и артобстрелов, а его жители вынуждены были месяцами ютиться в подвалах, уже во время моей поездки в 2001 г. это трудно было себе представить, поскольку разрушенных зданий практически не было видно, так как их старались по мере возможности тут же восстанавливать, чтобы поднять моральный дух горожан. В 2007 г. в Степанакерте повсюду шла стройка, высились башенные краны, народ благоустраивал свой город. Любой приехавший сюда человек мог отметить, что город живет полноценной жизнью. В нем имеются все учреждения, присущие столицам, работают различные магазины (включая бутики), рынки, кафе, рестораны, салоны красоты, дети учатся в школах, в том числе в музыкальных, спортивных, школе искусств, студенты – в восьми высших учебных заведениях, в том числе в Арцахском государственном университете (в нем учатся более 5 тыс. студентов, что составляет 71,8% от общего числа студентов в НКР), в Университете им. Григора Нарекаци, в Институте прикладного искусства «Гюрджян».

В городе продолжают функционировать две республиканские библиотеки, богатый экспонатами Арцахский историко-краеведческий музей (основан в 1938 г.). Действуют Союз писателей и Союз художников (с 1988 г.), преобразованный в 2007 г. в «Международный Союз художников Арцаха», Центральный дом шахмат и шахматная школа, рассчитанный на 15 тыс. зрителей Центральный стадион, 10 спортивных федераций. В Степанакерте успешно работают такие старейшие государственные коллективы, как Драматический театр им. Ваграма Папазяна (основан в 1932 г.), организованный в 1958 г. Ансамбль песни и танца, а также созданные в 1990-е годы и тоже получившие статус государственных эстрадный ансамбль «Карабах», камерный хор «Вараракн», ансамбль «Мы – наши горы», детско-юношеский ансамбль «Дети Арцаха», не раз с успехом гастролировавшие с концертными программами за рубежом.

В Нагорном Карабахе налажен выпуск около 30 периодических изданий, действует одно общественное телевидение и пять радио-FM. С 2004 г. в Степанакерте при поддержке государства проводится «Всеармянский интеллектуальный фестиваль», в котором принимают участие несколько команд из НКР, Джавахка (Грузия), Гориса, Гюмри и других городов Армении. В июле 2006 г. был создан Центр культурологических исследований «Диалог». В настоящее время в НКР действуют 238 средних школ, колледжей и других общеобразовательных заведений.

Экономика Нагорного Карабаха понесла серьезный урон от войны и нарушения традиционных хозяйственных связей, которые существовали в советский период. В частности, пострадали такие крупные промышленные предприятия, как Карабахский шелковый комбинат, конденсаторный завод, обувная фабрика, ковроткацкие фабрики, на которых работало несколько тысяч человек. Хотя с конца 1990-х годов и начали функционировать отдельные промышленные предприятия, многие из них вынуждены работать не на полную мощность. Поэтому правительство НКР проводит последовательную политику привлечения иностранных инвестиций, в частности капиталов армянской диаспоры, и всячески поддерживает частное предпринимательство.

В настоящее время уже многие объекты промышленности и сферы услуг находятся в собственности представителей армянской диаспоры за рубежом. Для привлечения туристов в этот богатый историко-культурными памятниками (их насчитывается более 3 тыс.) край в разных его районах швейцарской компанией «Сиркап Армения» выстроено несколько современных гостиниц. В 2007 г. правительством утверждена государственная программа развития туризма, который является перспективной сферой развития экономики Нагорного Карабаха. Динамичный рост в республике получила ювелирная отрасль. В целом экономика НКР тесно интегрирована с экономикой Республики Армения в единый комплекс с общими собственниками и правовой базой. Общей является и денежная единица – армянский драм.

В результате завершившейся к 2000 г. приватизации малых и средних объектов, в основном в сфере обслуживания, и начавшейся вслед за ней приватизации крупных предприятий в НКР уже заметно, по мнению специалистов, оживление предпринимательской деятельности в сфере мелкого и среднего бизнеса, в банковско-финансовой сфере и торговле. За короткое время были восстановлены разрушенные во время войны линии электропередач, а также построено много новых линий и трансформаторных подстанций, что позволило полностью возродить всю систему электроснабжения республики. Кроме того, разработана и уже осуществляется программа перспективного развития электроэнергетики, в частности строительство 18 микрогидроэлектростанций на местных реках. Активно ведутся работы по проведению газопровода.

Важное стратегическое значение имеет начавшееся в 2000 г. на средства международного Всеармянского фонда «Айастан» строительство главной внутриреспубликанской автомагистрали «Север–Юг» протяженностью 169 км, которая соединит не только районные центры от Мартакерта до Гадрута, но и порядка 70 селений республики¹⁴. Торжественное открытие одного из участков этой современной автомагистрали я наблюдала в 2001 г. в Мартакертском районе.

Автомобильный транспорт в республике имеет особое значение, поскольку железная дорога до сих пор заблокирована. Протяженность всех внутренних автодорог НКР составляет 1248 км, но по большинству из них передвигаться можно с большим трудом, поскольку в советское время дороги здесь не благоустроивались. Чтобы проехать из одного населенного пункта в другой, надо было обязательно ехать через азербайджанские города Агдам или Физули. Поэтому реконструированная по мировым стандартам автомагист-

раль, связывающая Нагорный Карабах с Арменией, позволяет осуществлять внешние связи НКР.

Основная моя работа по сбору этнографического материала проходила в селах, причем в 2000-е годы для обследования были выбраны десять сел, в которых я уже собирала полевой материал в прежние годы. Это давало возможность выявления определенных тенденций этнокультурного развития карабахских армян за прошедший период, особенно последний – с 1988 г. Это села Аветараноц, Вардадзор (бывш. – Пирджамал), Нахиджеваник, Хндзиристан Аскеранского р-на, Азох и Тог Гадрутского р-на, Гиши и Сос Мартунинского р-на, Атерк и Ванк Мартакертского р-на.

Перечисленные села в разной степени пострадали от войны. Наибольшим разрушениям подверглись села Вардадзор и Нахиджеваник, расположенные на границе с Азербайджаном, а также находившееся в течение восьми месяцев в оккупации одно из наиболее крупных сел – Атерк. Повсюду свято чтут светлую память о погибших воинах. Их называют воинами-освободителями (азатамартикнер), на кладбищах им поставлены памятники из черного мрамора с их изображениями в полный рост и, как правило, в военной форме; в семьях, школах, клубах висят их портреты; за столом третий тост произносится в их память; их матери и вдовы пользуются большим уважением. В Степанакерте одна из главных магистралей названа улицей Воинов-освободителей; в память о них в республике регулярно проводятся состязания-мемориалы по различным видам спорта.

Сейчас в селах восстанавливаются разрушенные жилые дома, школы, больницы, здания администрации как за счет зарубежной финансовой помощи, так и на благотворительные средства уроженцев данных сел, проживающих теперь вне пределов Нагорного Карабаха.

Хотя жизнь здесь постепенно налаживается, основное беспокойство сельских жителей продолжала вызывать нехватка рабочих мест. В результате большинство из них имели основной источник дохода только от собственного хозяйства, даже в том случае, если они работали или получали пенсию либо какое-то пособие.

Бесплатная раздача земли началась здесь с осени 1998 г. из расчета 0,6 га на одного члена семьи. Желавшие получить землю большей площади могут ее арендовать. Сельские жители стараются трудиться на своей земле как можно лучше, в селах начали появляться крупные фермерские хозяйства, в каждом населенном пункте имеется по несколько небольших частных магазинов, товары для которых их владельцы привозят из Степанакерта или Еревана. В то же время многие сельские жители с ностальгией вспоминали колхозы, когда они были обеспечены постоянной работой, техникой, удобрениями и гарантированной оплатой.

В селах до сих пор сохраняются некоторые дома, построенные в конце XIX – начале XX в. Это каменные двухэтажные сооружения, с балконами на оба этажа, под двухскатными крышами, покрытыми жостью или черепицей. Нижний этаж такой постройки отводился для хранения домашних запасов, а верхний предназначался для жилья и приема гостей. Окна, узкие снаружи и расширяющиеся вовнутрь, проделывались в боковых стенах со стороны балкона. В свое время эти дома, построенные в подражание городским, были новшеством для карабахских сел. Их строили в основном в тех районах, где сильнее было развито отходничество в крупные города.

Подобного типа дома, давно ставшие традиционными для Нагорного Карабаха, сейчас особенно распространены в Гадрутском и некоторых селах Мартунинского района. Дома более поздней постройки сделаны также из камня, в основном они двухэтажные, с балконами в два этажа. Нижний этаж по традиции приспособлен для хозяйственных нужд, а верхний – жилой. Но в отличие от прошлого, в этих домах вместо одной большой жилой комнаты верхнего этажа сделано несколько: обычно гостиная и две или более спален. Во время войны и спустя несколько лет после ее окончания жители (из-за отсутствия газа и из-за необходимости обогревать помещение печкой и на ней же готовить еду) были вынуждены все время проводить только на нижнем этаже. Многие дома во время обстрелов серьезно пострадали и находились в аварийном состоянии.

К 2007 г. положение несколько улучшилось, во-первых, в ряд сел уже начал поступать постоянный газ, в другие села проводился газопровод, во-вторых, многие аварийные дома, в первую очередь их крыши, были отремонтированы. В то же время мало вписываются в народную культуру построенные благодаря зарубежной финансовой помощи для семей погибших, беженцев, а также многодетных семей небольшие типовые одноэтажные дома.

Хотя в большинстве домов сохраняется мебель старых образцов, к 2007 г. интерьер некоторых из них, преимущественно жилищ успешных предпринимателей, заметно обновился: сделан ремонт, приобретены новая мебель, импортные бытовая техника и сантехника. Сельские жители выражали большое удовлетворение тем, что стало возможным смотреть телепередачи из Еревана и Степанакерта, чего они были лишены прежде.

По-прежнему в семьях большое внимание уделяется постельным принадлежностям, причем количество их в силу стойко сохраняющегося обычая гостеприимства намного превышает число членов семьи. По традиции одеяла и тюфяки шьют из овечьей шерсти, которую периодически моют и взбивают. В то же время в домах карабахских армян, к сожалению, практически исчезли традиционные ворсовые и безворсовые (капеты) ковры ручного производства. Причина этого в том, что, с одной стороны, во время войны многие дома были разграблены, а, с другой стороны, семьи были вынуждены из-за нужды продавать ковры, которые охотно скупали зарубежные армяне.

Если в середине 1970-х годов я еще застала у женщин самого старшего поколения бытование традиционного костюма, то уже в 1987 г. он мне ни разу не встретился. Женщины этого поколения носили появившийся еще в 1920–1930-е годы костюм, являвшийся переходным от традиционного, к которому он приближался по своему общему силуэту, к городскому. Он состоял из платья темных тонов, отрезного по талии, с длинными рукавами, передника, головного платка или косынки, туфель либо тапочек фабричного производства. Женщины среднего поколения носили городскую одежду, которая сейчас распространилась и среди старшего поколения.

Мужской традиционный костюм карабахских армян стал исчезать из быта гораздо раньше, чем женский – уже с начала XX в., что было связано с более подвижным образом жизни мужчин, в частности, с традицией отходничества. В 2001 г. я видела только одного старика в с. Атерк, на ногах которого были традиционные самодельные трехи, изготовленные из грубой сыромятной кожи, с кожаными шнурками. В отличие от горожан сельчане

старшего и нередко среднего поколения носят кепку. Воевавшие мужчины иногда продолжают носить камуфляжную военную форму.

Одежда юношей и девушек уже давно не отличается от городской, при этом они предпочитают, особенно в праздники, нарядную одежду модного покроя. Новшеством у девушек и молодых женщин стали брюки.

Свадебная одежда сельских жителей, как это стало принятым еще в 1970-е годы, такая же, как и в городе: у невесты весь ансамбль светлых тонов, преимущественно белого цвета – платье модного покроя, фата, украшенная цветами, перчатки, туфли; у жениха – черного цвета костюм, туфли и белая сорочка.

Специального траурного одеяния у карабахских армян по-прежнему нет. Лишь пожилые женщины покрывают голову черным платком. После войны платье черного цвета нередко носят вдовы.

Несмотря на трудности послевоенного времени питанием карабахские семьи себя обеспечивают, чему во многом способствуют благоприятные для развития сельского хозяйства природные условия, а также то, что помимо земли они содержат и по несколько голов домашнего скота (в основном, коров и свиней), а также птицу, нередко – пчелиные улья. Кроме того, сельские жители по традиции широко используют в пищу растущие здесь в изобилии ягоды, орехи, разного рода дикорастущие фрукты и травы. Особенно это помогало им во время войны, когда пища была довольно скудной. В 2000-х годах у карабахских армян вновь стали популярны разнообразные традиционные блюда.

Излишки сельской продукции местные жители продают на рынках. Но поскольку денежной массы все же не хватает, между жителями разных районов налажен и натуральный обмен продуктами, например, картофель обменивают на лук, пшеницу – на виноград или привозимые из Армении овощи и рыбу.

Поскольку во время войны площади сельскохозяйственных угодий, в том числе посевов зерновых и особенно (в несколько раз) плантаций винограда в Нагорном Карабахе значительно сократились, что во многом произошло как из-за трудностей с его реализацией, так и в связи с необходимостью увеличения количества злаковых для питания в условиях блокады. В 2000 г. правительством НКР была разработана специальная программа «Виноград», предусматривающая восстановление этой важной для республики отрасли сельского хозяйства.

В селах меня прежде всего интересовал вопрос, какие изменения в семейно-бытовую культуру карабахских армян привнесла война. Полученные в ходе обработки похозяйственных книг сельских администраций (ранее – сельсоветов) данные в одних и тех же 10 селах позволили выявить определенные тенденции, произошедшие в структурном составе их семей за последнюю треть века: с середины 1970-х годов до осени 1987 г. и с осени 1987 г., т.е. по существу с начала Карабахского движения, до настоящего времени.

В целом за оба периода в обследованных селах шло сокращение числа хозяйств – с 2520 до 2495 и затем до 2221. Однако если в первый период подобное сокращение, особенно в селах Хндзиристан (с 220 до 194), Тог (с 221 до 196), Атерк (с 587 до 545) происходило за счет интенсивной миграции армянской молодежи на учебу и работу за пределы Карабаха, то изменения во второй период объясняются главным образом войной. Поэтому в тех селах, которые были подвергнуты большому разрушению, число хозяйств к 2007 г., по сравнению с довоенным 1987 г., заметно сократилось, например, в селах

Нахиджеваник (со 128 до 62), Вардазор (со 117 до 93), Атерк (с 545 до 408), Сос (с 247 до 212).

По численному составу обследованные в эти годы хозяйства в целом по 10 селам распределялись следующим образом (табл. 1):

Таблица 1
Распределение хозяйств по численному составу*

Годы обследования	Всего хозяйств	В том числе				
		одиночки, %	состоящие из (число человек), %			
			2-3	4-5	6-7	8 и более
1974-1975	2520	18,0	25,7	22,5	25,5	8,3
1987	2495	17,4	25,7	27,8	24,2	4,9
2001	2375	16,1	27,4	32,8	19,3	4,4
2007	2221	15,1	25,5	33,0	21,2	5,2

*Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских администраций (в 1974-1987 гг. – сельских советов).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в целом за оба периода в численном составе хозяйств отмечены постепенное снижение доли одиночек (с 18% в середине 1970-х годов до 17,4% в 1987 г. и до 15,1% в 2007 г.) и увеличение доли семей в 4-5 человек (соответственно с 22,5 до 27,8% и до 33,0%). В то же время в селах, наиболее сильно пострадавших от войны, доля одиночек заметно возросла, например, в с. Вардазор (с 12,8 в 1987 г. до 34,2 в 2001 г. и 33,3% в 2007 г.) и Атерк (соответственно 9,9 – 16,8 – 19,6%). Что касается семей в 6 и более человек, то если в довоенный и первый послевоенный периоды, к 2001 г., шел процесс сокращения их удельного веса (с 33,8 до 29,1 и до 23,7%), то к 2007 г. он несколько возрос – до 26,4%. В 2007 г. наибольшая доля многочисленных семей была отмечена в селах Аветараноц (27,7%), Ванк (36,1%) и Сос (39,1%).

Соответственно менялось и распределение хозяйств по числу поколений (табл. 2):

Таблица 2
Распределение хозяйств по числу поколений*

Годы обследования	Всего хозяйств	В том числе с числом поколений, в %			
		1 (включая одиночек)	2	3	4
1974-1975	2520	30,8	50,0	18,7	0,5
1987	2495	33,1	42,1	23,8	1,0
2001	2375	29,3	44,6	24,8	1,3
2007	2221	26,9	41,6	29,3	2,2

*Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских администраций (в 1974-1987 гг. – сельских советов).

По этому показателю отмечена следующая тенденция. Если к 1987 г., по сравнению с серединой 1970-х годов, происходил рост доли однопоколенных семей (до 33,1%) и семей из 3–4-х поколений (до 24,8%), то к 2001 и особенно к 2007 г. удельный вес таких семей снизился (до 26,9%), а доля семей из 3–4-х поколений продолжала расти (до 31,5%). Так, за 6 лет (с 2001 до 2007 г.) доля многопоколенных семей особенно возросла в селах Хндзиристан (с 15,8 до 26,5%), Аветараноц (с 23,2 до 30,9%), Ванк (с 29,8 до 40,4%). В то же время в наиболее пострадавших от войны селах доля семей из 3–4-х поколений, напротив, сократилась, в основном за счет отъезда или гибели части населения, в частности насильственной смерти стариков, которым трудно было выехать за пределы края. Так, с 1987 по 2001 г. доля таких семей сократилась в с. Вардадзор – с 24,8 до 6,3%, с. Атерк – с 36,8 до 20,9%.

Миграция молодежи до 1987 г., естественно, влияла на возрастной состав сельского населения и, в частности, на рост и состав однопоколенных хозяйств, которые в подавляющем большинстве случаев состояли из пожилых супругов либо одиночки – старика или чаще – пожилой женщины (в обследованных селах их было в эти годы 729 и 757). К 2001 г. число таких семей уменьшилось до 696. Одновременно следует подчеркнуть, что опросы в 2000-е годы показали, что сельская молодежь, как правило, не намерена никуда уезжать, что дает благоприятную перспективу на будущее.

Внушает оптимизм и определившаяся в последнее десятилетие тенденция к увеличению рождаемости. Например, если в 1999 г. в целом по НКР родилось около 1500 детей, то в последующие годы ежегодно рождалось свыше 2000 детей, а в 2009 г. родился 2821 ребенок, что на 403, или 16,7% превысило показатель 2008 г. Немалую роль в этом играет разумная демографическая политика властей, направленная на материальное стимулирование рождаемости и многодетности. 26 января 2010 г. постановлением правительства НКР была утверждена концепция демографической политики, направленной главным образом на решение вопросов рождаемости, здоровья, продолжительности жизни¹⁵.

О распределении хозяйств по числу детей до 17 лет в семьях (что косвенно позволяет судить о динамике рождаемости в целом по обследованным селам за период с середины 1970-х годов до 2007 г.) см. таблицу 3:

Таблица 3

Распределение хозяйств по числу детей до 17 лет*

Годы обследования	Всего хозяйств	Число детей, %				Нет детей, %
		1	2–3	4–5	6 и более	
1974–1975	2520	13,4	26,2	16,4	2,1	41,9
1987	2495	15,6	30,8	7,0	0,3	46,3
2001	2375	14,6	31,5	4,8	0,1	49,0
2007	2221	17,7	33,8	4,0	0,3	44,2

* Рассчитано по данным похозяйственных книг сельских администраций (в 1974–1987 гг. – сельских советов).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что к 1987 г., по сравнению с серединой 1970-х годов, была отмечена тенденция к снижению рождаемости, в частности к увеличению доли семей с одним ребенком (с 13,4 до 15,6%), двумя-тремя детьми (с 26,2 до 30,8%) и одновременно к резкому сокращению доли многодетных семей с четырьмя и более детьми (с 18,5 до 7,3%), а также к увеличению (с 41,9 до 46,3%) доли семей, не имевших детей в возрасте до 17 лет (обычно это семьи, дети которых были уже взрослыми, либо хозяйства одиночек). К 2001 г., еще в тяжелый послевоенный период, наблюдалось очень небольшое увеличение доли семей с двумя-тремя детьми (с 30,8 до 31,5%), продолжающееся сокращение доли многодетных семей (с 7,3 до 4,9%) и увеличение доли семей без детей (с 46,3 до 49,0%). Заметный рост доли семей с двумя-тремя детьми был отмечен лишь в селах, наименее пострадавших во время войны: в с. Аветараноц (с 31,4 до 39,5%), Хндзиристан (с 21,6 до 30,8%), Сос (с 25,9 до 34,9%) и Гиши (с 34,9 до 40,8%).

К 2007 г. во всех селах, кроме с. Гиши, увеличилась доля семей, имевших детей до 17 лет, что привело к сокращению удельного веса семей, не имевших детей в этом возрасте, особенно в селах Аветараноц (с 46,4 до 38,2%) и Ванк (с 48,2 до 38,6%). В целом по всем селам процент семей без детей сократился с 49,0 до 44,2%, что объясняется определившейся в последние годы тенденцией к увеличению рождаемости.

Наличие детей в семьях, безусловно, влияет на структурный состав семей. Проведенное обследование показало, что в целом по родственному составу в 10 селах как в 1987 г., так и в 2000-е годы наибольшую долю представляли семьи, состоящие из родителей с их неженатыми (незамужними) детьми или из брачной пары без детей, хотя доля их к общему числу хозяйств постепенно снижалась (с 48,8% в 1987 г. до 45,2% в 2001 г. и до 43,4% в 2007 г.). Особенно заметное снижение их доли произошло к 2001 г., например, в селах Нахиджеваник (с 50,0 до 42,7%), Сос (с 41,2 до 33,9%), Гиши (с 51,6 до 38,8%), т.е. в военный и в первые годы послевоенного периода. Однако к 2007 г. удельный вес таких семей вновь увеличился: в с. Нахиджеваник – до 53,3%, в с. Сос – до 40,1%, в с. Гиши – до 43,5%.

За период с 1987 до 2001 г., как результат войны, во всех селах увеличилась доля нехарактерных для сельских армян неполных семей, состоявших из матери (чаще всего вдовы) с детьми, особенно в селах Нахиджеваник (с 3,1 до 12,0%), Хндзиристан (с 1,0 до 10,1%), Гиши (с 1,7 до 7,0%), Атерк (с 3,8 до 8,6%). В ряде случаев вдова с детьми переходила жить либо к родителям (или одному из них) погибшего мужа, либо к своим родителям. К 2007 г. доля таких семей в этих селах несколько снизилась: в с. Нахиджеваник – до 9,7%, в с. Хндзиристан – до 7,6%, в с. Гиши – до 6,8%, в с. Атерк – до 5,4%. В селах Вардадзор, Аветараноц, Азох и Тог она, напротив, стала еще выше: соответственно 11,8; 9,3; 10,5 и 12,8%.

Практически мало изменилась за 20-летний период доля сложных семей, включающих в свой состав одного или обоих родителей мужа (в 1987 г. она составила 20,7%, в 2001 г. – 20,0%, в 2007 г. – 20,9%), и доля более усложненных семей, в которых родители жили с женатыми и неженатыми (незамужними) детьми и внуками (соответственно 3,4; 2,8; 3,1%). Одновременно несколько увеличилась доля семей, отнесенных в разряд «прочие» (с 6,5% в 1987 г. до 7,9% в 2001 г. и 9,2% в 2007 г.). Это семьи, в которых жили, например, брачная пара (или один из супругов) с невесткой-вдовой или с внуками,

матери с разведенной дочерью и внуками, сестра или брат главы семьи, племянники, две незамужние сестры, два неженатых брата. За период с 2001 до 2007 г. увеличилось с 14 до 25 число неразделенных семей, состоявших из родителей и двух женатых сыновей либо из двух женатых братьев.

Как показали наблюдения, в семьях карабахских армян в целом продолжают сохраняться такие этнокультурные традиции, как гостеприимство, взаимопомощь, главенство старшего в доме мужчины, глубокое уважение к старшим, признание их авторитета, трудовых заслуг. Правда, приходилось слышать и мнение стариков о том, что война отрицательным образом повлияла на отношения между людьми, которые стали жестче, что прежнего уважения к старшим уже нет.

Этническая специфика в основном сохраняется в семейной обрядности, особенно в таких важных обрядах жизненного цикла, как свадебные и похоронно-поминальные.

Присутствие на некоторых свадьбах, а также просмотр видеокассет с записями свадеб, проведенных в Нагорном Карабахе в 2000-е годы, показал, что отмечаются они, как правило, с большим размахом. Приглашается множество гостей, накрываются столы с обилием закусок, напитков, обязательным набором из трех-четырех горячих блюд, фруктами, печеными сладостями; торжества сопровождаются игрой музыкантов и народными танцами и песнями.

Свадьба карабахских армян по традиции включает в себя три основных момента: сговор (хнамахос), обручение (ншандрек) и свадебный пир (харсаник). Сговор уже в 1980-е годы совершался зачастую формально, так как молодые люди в большинстве случаев предварительно сами решали вопрос о браке. Обязательным обрядом, как правило, считается обручение, когда в дом девушки приходят жених, его родители (либо один из них), кто-нибудь из близких родственников жениха и преподносят ей обручальный подарок в качестве залога (ншан).

Во время самой свадьбы по-прежнему большое значение придается ее кульминационному моменту – перевозу невесты в дом жениха, роли обязательных свадебных персонажей: посаженного отца (пелли), свиты жениха и ее главы (макаров и макарбаши), брата и сестры невесты (харснахпер и харснакуйр), некоторым послесвадебным обрядам, например, совершаемому через неделю после свадьбы обряду «мытья головы» невесты (клохлан), последующему визиту молодых в дом родителей невесты (гонах).

Хотя многочисленные в прошлом обряды магического характера, направленные на то, чтобы уберечь молодых от «злых сил», обеспечить им плодородие и благополучие в будущей семейной жизни, либо исчезли, либо потеряли прежний смысл, некоторые из них устойчиво сохраняются. Например, в доме невесты готовится «свадебное дерево» (харси царр), украшенное фруктами, сладостями, мишурой, а сверху курицей, которое для молодых выкупает пелли. Когда невесту подводят к дому жениха, его мать обсыпает девушку орехами, конфетами, зернами пшеницы и дает молодым по ложке меда; под ноги им кладут принесенные из дома невесты две тарелки, которые они должны разбить одним ударом; в знак пожелания молодой первенца-сына ей на колени сажают маленького мальчика. В ряде случаев сохраняется сопровождающийся игрой музыкантов и танцами традиционный обряд мсацу, когда накануне свадебного пира в доме жениха режут теленка или другой

скот для приготовления «свадебного мяса»; при этом в дом невесты сторона жениха отправляет барана, украшенного красной лентой, а также несколько бутылок вина и водки.

В день свадьбы из дома жениха в дом невесты принято также посылать нечетное число испеченных сладких изделий – биши – с начинкой из муки, сахарного песка и масла. В ответ сторона невесты посылает в дом жениха уже четное число подобных изделий, а для самой невесты – одно такое изделие и халву. Стойко существует обычай, когда после брачной ночи мать жениха посылает матери невесты в знак «чистоты» ее дочери красные яблоки и бутылку красного вина или коньяка, перевязанную красной лентой. Раньше по этому поводу посылали простыню с постели новобрачных, при этом звали соседей, чтобы все удостоверились в девственности невесты.

Несмотря на то, что свадьба рассматривается как важнейшее событие в жизни каждого человека, которое полагается достойно отметить, и поэтому к ней готовятся заранее, пышность той или иной свадьбы во многом зависела от благосостояния людей, особенно переживших тяжелые военные и послевоенные годы. Мне встречались семьи, которые не в состоянии были отметить весь свадебный цикл, в частности обручение, дать дочери хорошее приданое (по сравнению с 1970–1980-ми годами сейчас приданое в целом стало намного скромнее и включает в себя только два комплекта постельных принадлежностей, посуду и одежду, а мебель, телевизор, холодильник и т.п. уже, как правило, не дают), преподнести невесте много дорогих украшений (обычно их насчитывается от 5 до 10).

В отношении похоронно-поминальной обрядности следует отметить, что если с конца 1970-х годов в здешних селах, как и в селах Армении, наметилась тенденция к сокращению числа поминальных дней, в частности, к объединению некоторых из них, то затем, вследствие большого числа жертв пережитой войны, весь поминальный цикл был восстановлен. Поминки вновь стали в обязательном порядке проводить в день похорон, на следующий после похорон день (инкнаһог), на 7-й, 40-й дни после смерти и в годовщину (ее отмечают ровно через год в день смерти), когда примерно за неделю раньше срока на кладбище устанавливают памятник. При этом похороны, включающие в себя целый ряд традиционных элементов, в послевоенный период стали еще более многолюдными и требуют еще больших материальных затрат (в частности, поминальный стол почти перестал отличаться от свадебного), что вызывало обоснованное недовольство со стороны стариков.

К числу официальных праздников, отмечаемых сейчас в Нагорном Карабахе, относятся, помимо новогоднего, праздник Материнства и Красоты – 7 апреля, День Победы и День освобождения Шуши – 9 мая, День провозглашения Нагорно-Карабахской республики – 2 сентября, День независимости Республики Армения – 21 сентября. Постепенно восстанавливаются и такие забытые здесь в советский период (к 1930 г. в Карабахе были закрыты все церкви) христианские праздники, как Рождество и Крещение (армяне отмечают их один за другим – с вечера, после заката солнца, 5 января до вечера 6 января), Пасха, а также обряды венчания и крещения. Прежде всего это происходит в селах, находящихся поблизости от действующих церквей, особенно в расположенных недалеко от храмов Амарас (IV в.) и Гандзасар (XIII в.). Уже к 2001 г. в Нагорном Карабахе были отреставрированы и открыты 17 цер-

квей, в том числе построена одна новая, велись работы по восстановлению и строительству других.

Одновременно среди карабахских армян, как и в Армении, по-прежнему бытует дохристианский обряд жертвоприношения – матах. Его совершают как около старых церквей и часовен, так и около имеющегося в каждом селе священного места – сурба. Это могут быть священные, по народным представлениям, камень, дерево, родник, гора. Жертвенное мясо (сейчас в основном петуха) полагается затем сварить дома и разделить на семь домов. Голову и лапки петуха, а также красные ленточки привязывают к ветвям находящегося у сурба дерева.

Во время своих поездок я посещала школы, клубы, библиотеки, детские сады, больницы. Особенно благоприятное впечатление производили школы. Несмотря на то, что школьные здания и имеющийся в них инвентарь нередко еще оставались старыми, они по возможности отремонтированы (в том числе и спортивные залы), в помещениях очень чисто, школьники аккуратно и даже нарядно одеты; практически все учителя с высшим образованием; более половины выпускников продолжают свою учебу в вузах и техникумах Карабаха и Армении. Конечно, в школах еще многого не хватает, в частности не везде есть современное лабораторное и компьютерное оборудование, не во всех школах имеются учителя иностранных языков, не везде работают финансировавшиеся прежде колхозами школьные столовые.

В то же время, если в 2001 г. ни в одном из обследованных сел не было детского сада, то в 2007 г. детские сады работали в 8 из 10 сел. В с. Тог на средства благотворителей в течение нескольких последних лет действует музыкальная школа. В ней 30 учеников, пять педагогов, все с высшим образованием. Занятия проводятся по классам фортепиано, скрипки и народного музыкального инструмента канон; есть также хор.

В заключение отмечу, что собранные мною в 2000-х годах полевые материалы показывают, что в целом на сохранение карабахскими армянами этнокультурных традиций война фактически не столь уж сильно повлияла, за исключением того, что сейчас народ стал жить беднее, поэтому многие обряды проводятся, по словам местных жителей, «по сокращенной программе».

Разумеется, в Нагорном Карабахе еще многое предстоит сделать и по заживлению губительных ран, нанесенных войной, в том числе и тяжелейших травм в душах людей, и по развитию социально-экономической и культурной жизни, а для этого важно мирное политическое урегулирование застарелого нагорно-карабахского конфликта. Если в регионе будет стабильный мир, то вполне обоснованна надежда на его экономическое, культурное и демографическое процветание, поскольку для этого уже имеются определенные предпосылки: наметившееся оживление экономики, приостановление миграции молодежи, сокращение доли однопоколенных семей, состоящих из лиц пожилого возраста, тенденция к повышению уровня рождаемости. Немаловажную роль играет и такой фактор, как высокий моральный дух карабахцев, присущий им на протяжении всей их многовековой истории, их безграничная любовь к своей земле и стремление к свободе.

¹ Газета «Советский Карабах» (Степанакерт). 1988. 21.02.

² Закон был опубликован в газете «Бакинский рабочий». 1992. 7.01.

³ Статус Нагорного Карабаха в политико-правовых документах. Ереван, 1995. С. 82–84.

⁴ Там же. С. 85–87.

⁵ Подробно об этом см.: *Казимиров В.Н.* Мир Карабаху: Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. М., 2009. С. 146–164.

⁶ Азербайджанская сельскохозяйственная перепись 1921 г. Баку, 1924. Т. III, вып. XVII. С. IV; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 126, 127.

⁷ Достижения Нагорного Карабаха в девятой пятилетке. Статистич. сб. Степанакерт, 1976. С. 5.

⁸ Майендорфская Декларация 2 ноября 2008 года и реакция на ее принятие. М., 2009. С. 12, 13.

⁹ Рассчитано по: Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской республики 2005 г. (показатели НКР). Степанакерт, 2006. С. 47, 56, 69 (на арм., англ., рус. яз.).

¹⁰ *Григорян М.* Шуши: императив возрождения // Арцах. 2009. № 2. Август. С. 4, 5.

¹¹ Рассчитано по: Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской республики 2005 г. С. 199–201.

¹² Там же. С. 88, 89.

¹³ Полевые материалы и отчеты по экспедициям хранятся в Научном архиве Института этнологии и антропологии РАН.

¹⁴ Подробно см.: Нагорно-Карабахская республика: Путь к вершинам. Степанакерт, 2001. С. 40–51; *Заяц Д.В.* Нагорно-Карабахская республика // География. М., 2004. № 43 (770). 16–22 ноября. С. 3–14.

¹⁵ *Маилян З.* Стимулирование роста рождаемости – задача приоритетная // Арцах. 2010. № 1. Март. С. 6.

КОГДА РАЗДАЕТСЯ КЛИЧ:
ПРАВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И МАРГИНАЛЫ
В ПРОШЛОМ И ТЕПЕРЬ

В наши дни мы можем в очередной раз наблюдать новый виток политического кризиса в Молдове, углубляющегося общественного неустойчивости этой республики. Погром здания Парламента и Президентуры Республики Молдова, их поджог, разграбление и водружение на крыше флага соседнего государства, т.е. очередная попытка какой-то «Цветной» революции и связанная с ней попытка государственного переворота толпой маргиналов 7 апреля 2009 г., вызвала негативную реакцию в мире. Тем не менее организаторам этого буйства удалось достичь главной цели: вызвать правительственный кризис, потеснить от власти людей, называющих себя «коммунистами», и привести к кормилу власти партии, манифестирующие себя «либеральными», но на самом деле являющимися по духу и программе наследниками Народного фронта образца начала 90-х годов XX в., который уже приводил Молдову на грань гражданской войны¹.

Выступая год спустя на митинге перед участниками погрома в центре Кишинева, и.о. Президента Молдовы М. Гимпу и его единомышленники называли толпу маргиналов «героями» и спасителями «демократии» и «свободы» в Молдове от ужасного «тоталитарно-коммунистического режима». Мы видим, как маргинальные толпы погромщиков, управляемые какими-то политическими силами, очень легко идут на подобного рода акции, приводят к власти неких людей и тут же бесследно исчезают. В точном соответствии с принципом, известным еще со времен М.Е. Салтыкова-Щедрина: когда раздается клич, из нор выползают те Ивановы, которые сейчас нужны; те Ивановы, которые сейчас не нужны, сидят в норах и дрожат!

Как это было, к примеру, в Киргизии во время «тюльпанной революции» по свержению Акаева, а потом повторилось в деталях через пять лет, когда толпа свергала уже его преемника. Так же бывало и в Грузии, и в Украине, и в других государствах бывшего СССР и стран Восточной Европы. Немаловажную роль в обострении такого рода кризисов играет прогрессирующий рост радикального правого экстремизма, который, будучи в определенной степени порождением сложившейся системы и реакцией на нее, парадоксальным образом служит ее сохранению и даже укреплению, порождая хаос и дестабилизируя обстановку в той степени, которая провоцирует активизацию репрессивного аппарата и упрочение имеющихся структур власти.

Среди причин катастрофического роста напряженности, обусловленного распространением экстремизма, не последнее место принадлежит определенным пластам социальной психологии, которые, к сожалению, сравнительно редко изучаются аналитиками – историками, этнологами, конфликтологами, социологами, политологами. А между тем и в нашем прошлом, и в нашем настоящем (к сожалению, вероятно, и в будущем) мы часто убеждаемся в той поистине дьявольской силе, которую высвобождает конфликт между идеалами и интересами в сознании определенных социальных групп, называемых маргинальными. Механизм генезиса данного конфликта недостаточно

ясен и мало изучен. Психологический и социальный парадокс заключается в том, что вождям правых сил – будь то контрреволюционные формирования черносотенцев в начале XX в., или фронтистские организации конца века, антинародные по сути своей – удавалось привлекать для решения своих задач довольно внушительные количественно массы людей, интересы которых объективно расходились с названными задачами непримиримым образом. И вряд ли успехи предводителей правоэкстремистских организаций объясняются лишь элементарной демагогией, ложью или личными «талантами» вождей толпы, поскольку эти субъекты, как правило, если и нормальны психически, то в интеллектуальном отношении обычно имеют весьма посредственные способности или гораздо ниже средних, а в нравственной области – не выше уровня питекантропа². В чем же тогда дело? В данном сообщении мы попытаемся ответить на данный вопрос, опираясь на факты столетней, двадцатилетней давности, факты нашей злободневной действительности.

В период, предшествовавший 1905 г., и непосредственно в процессе Первой русской революции организаторы местных погромных обществ – КРУП («Кишиневские русские патриоты»), Бессарабская патриотическая лига и проч. – для расширения социальной базы этих формирований вынуждены были апеллировать не только к предрассудкам масс, к их низменным инстинктам и темноте, но и к более глубоким их устремлениям, в первую очередь, к безотчетной мстительности за мрак своего беспросветного быта, неосознанному и подавляемому в себе бунтарству, иррациональной ненависти к виновникам своих страданий, виновникам таинственным и всемогущим. Этот полудивильный бунт мещанства носил болезненно невротический характер и основывался на психопатологических комплексах личностей, подобных Смердякову. Но психоанализ З. Фрейда вряд ли подойдет для описания политических движений многотысячных масс и деятельности их организаций, для описания конкретных социально-психологических моделей правого экстремизма в Бессарабии или Молдове.

Почему «маленький человек» в тогдашней (как, собственно, и в сегодняшней) социально-политической ситуации часто предпочитал не революционное, а контрреволюционное действие? Почему примыкал к тем силам, которые, вне всякого сомнения, не могли, да и не собирались хоть в какой-нибудь степени реформировать систему во имя удовлетворения насущных интересов трудового люда? Да просто потому, что идеалы этого человека были прямо противоположны его интересам, причем, противоположны объективно, в действительной практике, а не субъективно, в его сознании. Безусловно, легитимные идеалы «маленького человека», его искренняя преданность вере истинной, народу православному и царю самодержавному, эти идеалы самым причудливым образом преломляли или даже извращали его социально-классовые интересы, интересы насущные, можно сказать – кровные. Поэтому главным виновником всех бед и тягот тяжелой действительности ему представлялась не прогнившая самодержавная система, не экономический строй государства, основанный на сверхприбылях капиталистической и феодалской полукрепостнической эксплуатации большинства населения страны, а наоборот, внутренние или внешние враги системы, подчас мифические, а подчас и реальные.

Все беды – конечно же! – исходили от врагов святой Руси и царя-батюшки. Кто они, известно: интеллигенция, пытающаяся ограничить самодержав-

вие какой-то непонятной конституцией, рабочие, подкупленные японцами да англичанами, конечно же инородцы, т.е. евреи, поляки, армяне и всякие там басурмане, а нередко и чиновники, министры, земцы, скрывающие от царя горе народное. Цель всех врагов – свергнуть царя православного и поставить царя иудейского, расчленив Россию на мелкие кусочки, чтобы продавать их частями западным банкирам-сионистам и вместе обирать бедных христиан.

Такой образ врага в гущу правозэкстремистских сил начала XX в. порождался умопомрачительной мешаниной социально-классовых интересов и уровнем сознания и интеллекта, духовных идеалов, нравственного развития и морального состояния их носителей. Неестественные комбинации того и другого, основанные на мифологизированном мировосприятии элементов «народной темноты», позволяли лидерам черносотенства создавать массовые контрреволюционные организации, в которых самыми многочисленными элементами являлись не землевладельцы, промышленники и банкиры, интересы которых эти организации защищали, не помещики, бюрократия и даже не ростовщики, лабазники и мироеды, а элемент действительно демократический: городские низы, мещанство, мелкие ремесленники, подмастерья, крестьяне, отчасти даже рабочие. Иными словами, массовую основу праворадикального лагеря составлял тот общественный элемент, с которым никак не связывается обычно крайняя реакционность, а тем более контрреволюционный экстремизм.

В данном случае мы не ставим задачи углубления в процессы формирования правозэкстремистской идеологии, которая была взята на вооружение черносотенцами и навязана определенному социально-психологическому типу как «народному» защитнику престола и отечества³. Отметим лишь, что российский консерватизм с 80-х годов XIX в. стал принимать все более агрессивные формы, не избегая даже призывов к определенным репрессивным действиям. И, что характерно, эта тенденция сопровождалась интенсивным ростом явной «левизны» в правозэкстремистской идеологии: активная, подчас просто злобная критика капиталистических порядков Западной Европы, критика всех «язв» капитализма, а заодно и всего того, что в общественном сознании ассоциировалось с «Западом» – свободы печати, свободы слова и других буржуазных свобод, парламента, конституционного устройства и проч. При этом критика продажности буржуазных газет (а эту продажность ассоциировали со свободой печати), критика проституции, культа доллара, культа чистогана должна была в общественном сознании как бы противопоставить родное самодержавное отечество с его святостью и идейностью продажному и безыдейному капитализму Запада. Формирование этих стандартов общественной психологии сопровождалось активной критикой правыми и «собственной» (т.е. бессарабской, российской) интеллигенции, которая увлеклась, якобы, идеями насквозь прогнившего Запада, вместо того чтобы ежеминутно заботиться о благе собственного народа. Проклинался «культ» естественных наук и раздавались призывы «вернуться к вере», критиковалась даже дворянская элита, которая оторвалась от народа и не предана царю так же, как народ. Не избежали критики справа даже министры, даже правительство за его неспособность прищемить хвосты всяким капиталистам и мироедам (конечно же, иноверцам, иноплеменникам), угнетающим православный люд.

Все эти элементы «левизны» несколько не изменяли реакционной сущности стереотипов правоэкстремистской пропаганды, но существенно усиливали ее взрывоопасный потенциал. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что верхи с большим подозрением наблюдали за консолидацией идеологии правого экстремизма вплоть до середины 1905 г. И не только в силу названных псевдореволюционных поползновений. Бюрократия вообще не вырабатывает своей собственной идеологии, а всегда паразитирует на идеологии какого-либо класса (это может быть с одинаковым успехом либерализм, национал-социализм, марксизм-ленинизм, консерватизм, маоизм и т.д., и т.п.). Бюрократические самодовлеющие системы обычно считают себя верхом совершенства и не нуждаются в идеологическом обосновании. Ни критики, ни защиты самих себя такие авторитарные системы не приемлют. И та взрывчатая идеологическая смесь, которая была подготовлена долгими годами спокойного созерцательного развития консерватизма и воспринята впоследствии правыми экстремистами для боевых действий, оставалась на первых порах (примерно, до конца 1902 г. в Бессарабии и до августа 1905 г. в России) организационно и политически не оформленной. Эту смесь составляли примитивные предрассудки и политические мифы с элементами социальной критики, эклектические заимствования из арсенала демократических, народнических идей; она была обильно нашпигована запалами призывов к скорому, буквально немедленному активному действию, действию сиюминутному и беспощадному.

Первая русская революция потребовала всеобщей мобилизации и консолидации этой «народной силы» в стране. В Бессарабии она вышла на политическую арену во всей своей красе даже несколько раньше, осуществив первую радикальную акцию весной 1903 г. Основу этой силы составляли маргинализованные городские слои, которые, несмотря на всю разношерстность, пестроту и противоречивость, обладают, как показала история, некой устойчивостью и поразительной способностью к самовозрождению в изменившихся исторических и социально-политических условиях, выполняя (что самое поразительное!) фактически идентичные функции в совершенно разных внешне обстоятельствах, функции общественного и политического фундамента реакции, основы правого максимализма и экстремизма.

Речь идет о тех общественных силах, которые чрезвычайно восприимчивы к настроениям, замешанным на иррациональной ненависти и готовности к агрессивному слепому бунту невротического характера. Эти силы, как правило, равнодушны или даже враждебны к реальным программам действий, отражающим их интересы, если для их понимания необходима определенная степень подготовки и напряжение интеллектуальных усилий. Зато они легко и охотно отзываются на призывы к скорому и активному действию, сиюминутным акциям, создающим иллюзию простого и быстрого решения всех накопившихся проблем.

Классическим примером такого рода мог бы послужить квартирный вопрос и проекты его решения в конце 80-х годов XX в., которые обсуждались не только в Молдавии, но и во многих других республиках СССР – прибалтийских, закавказских, среднеазиатских. Тогда центральные власти приняли достаточно авантюрное и популистское решение обеспечить к концу XX в. каждую семью в стране отдельной квартирой. Компетентное, спокойное, деловое обсуждение специалистами жилищной проблемы, глубокая прора-

ботка всех возможных вариантов снятия напряжения в этой сфере не имела почти никакого резонанса и не привлекала к себе внимания широких кругов митингующей общественности. Зато истеричные призывы немедленно очистить республику от тех, кого раньше называли «инородцами», а теперь стали называть «пришельцами», «мигрантами», «оккупантами», «манкуртами» и т.д., вызывали мгновенную реакцию многочисленных толп возбужденных субъектов, которым их вожди, главным образом поэты и поэтессы, представители так называемой «творческой интеллигенции», клятвенно обещали в скором времени предоставить не просто отдельные квартиры, но еще даже и с мебелью. Исступленный энтузиазм и ярость толп подогревались лозунгами типа «Чемодан! Вокзал! Россия!», или «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!», или «Утопим русских в жидовской крови!» Они уже были готовы к немедленному изгнанию всех «врагов нации», чтобы приступить к скорейшему решению квартирного вопроса – разделить освободившееся жилье между «добрыми хозяевами этой земли». В Чечне, Киргизии, Азербайджане, Казахстане и многих других республиках фронтистские лидеры предупреждали «своих», чтобы они не вздумали даже за бесценок покупать жилье у бегущих в панике «оккупантов», поскольку вскоре получат его бесплатно (в наиболее «горячих точках» именно так и произошло, имелись ли подобные факты в Молдавии нам неизвестно).

Простота таких решений вполне соответствует умственному уровню булгаковского Шарикова, который, прочитав переписку Энгельса с Каутским, пренебрежительно заметил, что «оба они не правы», – нужно просто все взять и поровну разделить. Это сходство современных маргиналов с литературным героем «Собачьего сердца» отнюдь не случайно, ибо и самого Шарикова можно отнести к существам определенного социально-психологического строя маргинального типа. Ведь усилиями профессора Преображенского безобидный и милый пес Шарик приобрел все внешние признаки человека. Однако исчезновение пса не означало рождения человека. Созданное в результате лабораторного эксперимента существо, утратив одну сущность – животного, не приобрело нового качества – человеческого. Поэтому оно было чрезвычайно опасно для общества именно в силу своего переходного типа, каковым и являются по определению маргиналы. Стремление к немедленному решению всех проблем бытия они сочетают с чрезвычайно примитивным их пониманием, полным отсутствием цивилизованного сознания и морали, какого бы то ни было представления о культуре. Многие трагедии и ужасы гражданской войны и послевоенных десятилетий Советской России объясняются именно тем, что к власти в стране в ее центре и на местах пришли десятки и сотни тысяч подобных шариковых, которые и стали «строить социализм» в соответствии со своим уровнем его понимания. И не было в реальной жизни таких профессоров преображенских и не было таких ассистентов борменталей, которые смогли бы вернуть эту страшную массу субъектов в естественное для них состояние.

В периоды революционных кризисов в обществе всегда активизируются силы, готовые откликнуться на радикальные призывы погромного свойства; более того, активизируются силы, толкающие своих лидеров к безграничному экстремизму. Однажды став во главе толпы, ее лидеры вынуждены публично и ежечасно взвинчивать свой радикализм, чтобы постоянно быть впереди, чтобы не только соответствовать растущим аппетитам ведомых, но

и постоянно опережать эти настроения, иначе эти силы выдвинут нового лидера, забудут, а то и растопчут зазевавшегося. В свое время В.И. Ленин относил к этим силам «элементы народной темноты», т.е. «всех тех, кто более всего задавлен, замучен городской капиталистической цивилизацией, кто доведен до положения хуже зверя»⁴.

Обратим внимание на слова о тех, кто задавлен цивилизацией города. Представляется, что именно в них скрывается суть проблемы, именно те, кто доведен городской цивилизацией «до положения хуже зверя», как нам представляется, дают много поводов для размышлений об истоках правого экстремизма в люмпенизированных и маргинализованных слоях современного общества. Но такой анализ хотелось бы начать не с нашего времени, а с периода, когда капитализм набирал мощь и когда капитализация общественной жизни порождала определенные процессы в средних слоях городского населения и в умах многих их представителей.

Действительно, как в прошлые времена, так и в современном мире широкая урбанизация, характерная для капиталистического, индустриального или постиндустриального общества, предполагает усиление процессов «раскрестьянивания», миграции крестьян, жителей сел в города. Лишаемые добровольно или в силу необходимости привычной патриархальной деревенской среды с ее особым образом жизни, основанном на строгом соблюдении различных регламентирующих постулатов, традиций и обычаев, раскрестьяненные слои, т.е. горожане «в первом поколении» вовлекаются в кругооборот городской жизни, которая основана на иных началах, оставляющих мало места традициям и обычаям предков. Они вынуждены порывать с тем деревенским укладом жизни, который был для них естественным и привычным. И, поскольку в городе нет благоприятных условий для такого уклада, эти люди приобретают черты, характерные для маргинализованных субъектов, т.е. особое сознание и поведение личностей, в силу определенных обстоятельств вырванных из родной стихии и неспособных интегрироваться в большое референтное сообщество (в данном случае – городскую цивилизацию), по отношению к которому они и выступают в качестве маргиналов. Городской образ жизни, как правило, воспринимается новыми маргиналами как враждебный мир, виновный в их повседневных тяготах и неустройстве, виновный в развале устоявшегося веками деревенского быта и моральных устоев, в развале, как выразился один российский писатель, лада.

Нет ничего удивительного, что психология этих людей спонтанно восстает против множества сопутствующих городской цивилизации явлений и против урбанистического образа жизни в первую очередь, с его противоречивостью и темпами, всеобщей отчужденностью и равнодушием, свободой выбора на различных уровнях жизни и быта, альтернативностью. Психология маргиналов не приемлет присущего городам стирания национальных и религиозных различий между личностями. Как катастрофа, как разрушение всего мироздания, всей стабильной системы ценностей, на которых держится мир, воспринимается сознанием маргиналов забвение горожанами родных наречий и патриархальных обычаев, не говоря уж о межнациональных браках городского населения и его веротерпимости, да и вообще о довольно индифферентном отношении ко всему, что свято для глубокого провинциала, в силу обстоятельств попавшего в урбанистическую среду. Если, скажем, у сельского молдаванина отношение к родному колодцу трепетное, – над ко-

лодцем или родником в селах часто ставят распятие, то городскому молдаванину никогда не придет в голову повесить икону или распятие над водопроводным краном в своей квартире. Да и вообще он вспоминает о своем кране, только когда отключают горячую или холодную воду.

И на бытовом, и на классовом, и на всех прочих уровнях в поведении, в образе жизни, в мировоззрении городского населения имеются существенные различия и несопоставимые стереотипы, отличающие его от сельского. Объемные процессы классовобразования в индустриально-урбанистическом обществе выдвигают на первый план не место рождения, национальность или язык, вероисповедание человека, его земляческие привязанности и местный патриотизм своего села или околицы, а в первую очередь место человека в общественном производстве. Формирование классового самосознания не может не восприниматься свежерекрутируемыми из деревни слоями как полное обезличивание и деморализация. В их сознании или подсознании это создает крайне болезненные движения и в конечном счете приводит к острой психологической драме маргинальных слоев населения, замученных городской цивилизацией. Драма заключается в необходимости коренной ломки в сознании и на практике всех стереотипов, представлений и регламентаций сельского образа жизни, приобщения к городскому образу жизни, городской культуре и субкультуре, что не всегда удается в первом поколении.

Эта драма делает маргинальные слои податливыми к радикальной, экстремистской идеологии. Глухое, плохо осознаваемое недовольство тяготами жизни, готовность жестоко и беспощадно уничтожить своих «врагов» (которых они представляют себе весьма смутно и неясно), жгучее нетерпение и жажда поскорее отомстить кому-нибудь за нелегкое свое существование определяют активность маргиналов, отзывчивость их толп на призывы своих лидеров, создающих понятный образ врага, виновного во всех прошлых и нынешних несчастьях нации. Мифологизация массового сознания данных слоев облегчает установление в его глубинах устойчивого образа врага, в роли которого обычно выступает другой народ, другое государство или даже другой язык, иногда другая вера. Еще чаще в образе врага выступают различные жупелы пропагандистского толка, не имеющие в реальной действительности приписываемых им свойств и значений: «мигранты», «оккупанты», «манкурты», «партократы», «жидомассоны», «олигархи», «интерфронтовцы», «империалисты» и т. д., и т. п.

Поскольку мифологизированное общественное сознание маргиналов сохраняет веками устоявшиеся сельские стереотипы определенного феодального мировоззрения и соответствующего ему кругозора, эти слои легко отзываются на лозунги немедленного закрытия всех предприятий крупной индустрии (как это было в Кишиневе с заводом персональных компьютеров, строительство которого так и не завершили по «требованию общественности»), маргиналы проявляют враждебность к рабочему классу, ученым и другим представителям интеллигенции, с отчаянным ликованием окунаются в мелкобуржуазную стихию разрушительного анархистского бунта, направленного против общественного порядка, норм культуры и морали.

Вообще бунт полуцивилизованной правоэкстремистской массы направлен почти всегда на образованные слои общества (то, что современные маргиналы формально могут и сами принадлежать к интеллигенции «в первом поколении» в принципе ничего не меняет, ненависть к истинной культуре и

природной интеллигентности лишь усиливается). Причины этого легко объяснимы. Неприязнь вчерашнего сельского жителя, раскрестьяненного крестьянина, попавшего в город, неприязнь к непонятым ему вкусам, интересам и предпочтениям интеллигентных кругов, их образу жизни и этическим принципам определяется прежде всего огромным разрывом между двумя уровнями культуры, которые почти не имели никаких точек соприкосновения. Один уровень, – это рафинированная интеллигентская культура образованных городских слоев со всеми их духовными исканиями и поисками, близостью к ценностям мировой культуры, общечеловеческим проблемам. Другой уровень – это, по выражению классиков, «идиотизм деревенской жизни», основанная на вечном недоедании, пьянстве, бесправии, порке, татарщине «культура», включающая всевозможные суеверия, поразительную неосведомленность в элементарных вопросах общественного и личного бытия, упрямая приверженность к целому комплексу бессмысленных, но почитаемых обрядов, навязываемых старшими младшим. Оба этих уровня в принципе несопоставимы, но сталкиваясь и конфликтуя в реальной жизни на каждом шагу, они высекали искры вражды и непонимания, тем более, что праворадикальные теоретики целенаправленно и методично натравливали маргиналов на интеллигенцию, обвиняя во всех бедах «дрянное образованное общество».

И все же наиболее сильнодействующим и «безотказным» рычагом мобилизации этих сил была и остается апелляция их лидеров к национальному возрождению, земляческому патриотизму и голосу крови, а по существу к нанашеству, кумовству и проч. Возбуждение злобы и ненависти к представителям других наций и народов было и остается наиболее эффективным средством мобилизации маргиналов на активные политические действия. В начале XX в. главными врагами маргиналов Бессарабии назначались евреи, поляки, армяне, народы, исповедующие ислам, и прочие «инородцы» (а по сути не инородцы, а иноверцы); в конце XX в. ими назначались русские, гагаузы, украинцы и прочие «мигранты», «пришельцы», «русофоны». Борьба против «инородцев» всегда была приоритетной задачей правоэкстремистского бунта.

Здесь возникает еще один интересный и даже, на первый взгляд, парадоксальный вопрос: а почему именно средние слои городов, почему мещанство, ремесленники, рабочие, мелкие торговцы и прочая пестрая городская толпа, почему не крестьяне, не сельские жители стали носителями правоэкстремистской психологии? В конце XIX в. села, как правило, были мононациональными по составу даже в таких полиэтничных регионах, как Бессарабия. Поэтому национальных конфликтов в сельской местности обычно не возникало, с семьей какого-нибудь мелкого торговца-еврея (или ремесленника, шинкаря, аптекаря, музыканта) жители села почти всегда жили дружно и мирно. Почвы для конфликтов не возникало, хотя бы потому, что никто крестьянам не навязывал чуждый им стиль жизни. А инонационалы и иноверцы, живущие рядом, как правило, спокойно и с уважением относились к обычаям и укладу жизни соседей.

Положение коренным образом менялось в городах или местечках. Когда же раскрестьяненный житель попадал в бессарабский город или местечко, он окунался в совершенно иную атмосферу, сталкиваясь на улицах с массой людей самых разных национальностей, вероисповеданий, языков, со мно-

жеством синагог, костелов, молитвенных домов, с массой еврейских лавок, магазинчиков, ремесленных мастерских. На каждом шагу он видел армянских ростовщиков, польские банкирские дома, турецкие ломбарды, французские банкирские конторы, русских столоначальников, немецких колонистов. Он слышал вокруг себя множество непонятных языков и наречий. Он ощущал психологический дискомфорт, раздражение, стресс.

Привыкший жить по определенным правилам и законам, которые в его сознании только и гарантировали всеобщую гармонию и благодать, маргинал в городе терялся не в силах объяснить ужасающего противоречия. Никто не соблюдает в городе его традиций, не подчиняется строгим ритуалам и обрядам, столь необходимым в жизни человека, в конце концов никто и не мыслит так же, как и он, но живут несколько не хуже, а во многом и лучше его, соблюдающего как следует все заветы и обычаи предков, живущего в соответствии с требованиями отцов. И казалось, что евреи везде и всюду, что они уже захватили весь город и скоро захватят всю страну, что они только и желают обмануть, обокрасть, разорить, уничтожить его, бедного православного обывателя, такого несчастного и такого беззащитного. Непонимание окружающей действительности, невозможность интегрироваться в новую среду, страх и сумятица в душе порождали жгучее желание найти защиту у сильного покровителя, у понимающего все единоверца и единомышленника.

Таким образом, маргиналы психологически ждали своих вождей и были подготовлены к встрече с ними. Их восприимчивость к черносотенной агитации вызревала объективно в их уровне культуры и образе жизни, окружающей действительности. У маргиналов не вызывали сомнений излюбленные мифы черносотенной пропаганды, вроде того, что “инородцы” – изверги рода человеческого, что в их религиозных книгах прямо написано о необходимости обманывать, угнетать и изводить христиан ради завоевания мирового господства, что существует всемирный сионистский заговор, что разрушение культур всех народов – одна из главных задач этого заговора, что иудеи поедают сердца маленьких детей, а на крови крещеных младенцев замешивают мацу... Подобные «идеи» черносотенных агитаторов, брошенные в сознание городских маргинальных низов, вызывали бурное брожение, порождая опасный взрывчатый материал. А потом достаточно было одной искры, чтобы вспыхнули многодневные погромы, от которых в ужасе содрогалось все человечество.

«Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас!» – сказал российский самодержец 23 декабря 1905 г. на встрече в Царскосельском дворце с делегацией от партии Союз русского народа, наиболее массовой черносотенной организацией защитников трона, вобравшей в себя в разгар первой революции большинство местных правоэкстремистских организаций и провинциальных «патриотических» обществ. Этому боевому и деятельному Союзу предшествовало Русское собрание, созданное в 1900 г. не как политическая партия, а в виде некоего культурно-воспитательного и просветительского общества, в руководстве которого среди активных членов числились бессарабские землевладельцы (они же – и российские политики) братья Крупенские, аккерманский помещик Пуришкевич, кишиневский публицист Крушеван, бессарабский губернатор Харузин, а также еще два десятка местных землевладельцев, бояр, чиновников, священников.

Между прочим самодержец всея Руси принял за десять дней до начала революции депутацию Русского собрания под председательством князя Голицына, которая попыталась «повергнуть на благовоззрение государя императора выражения своего воззрения на происходящие в родной земле события и на наш заветный государственный уклад». На что русский царь «всемиловитейше» ошастливил членов собрания следующими словами: «Благодарю от души за честные русские мысли; в том, что вы прочитали, ничего ни добавить, ни убавить нельзя!». Гораздо определеннее высказывался министр внутренних дел России В.К. фон Плеве. В первые же после еврейского погрома в Кишиневе дни, когда по городу еще носился пух от вспоротых подушек, под ногами скрипело стекло от тысяч разбитых окон, а лужи крови на мостовых еще не смыл весенний дождь, министр втолковывал депутатам от кишиневского еврейства, искавших у него защиты: «Передайте... молодежи, вашим сыновьям и дочерям, передайте вашей интеллигенции: пусть не думают, что Россия – старый и разлагающийся организм, она одолеет и справится с революционным движением... Не скрою от вас, революционное движение беспокоит нас: мы, по временам, когда то здесь, то там устраиваются демонстрации, приходим даже в замешательство. Но мы справимся с этим. Знайте же, что если вы не удержите вашей молодежи от революционного движения, мы сделаем ваше положение настолько несносным, что вам придется уйти из России всем до последнего человека».

Другими словами, несмотря на ряд международных скандалов и санкций ряда западных стран против России, правительство сочло возможным никак не маскировать свое отношение к погромам. Ведь их цель была очевидной – удержание власти в своих руках, сохранение существующей системы в целом и в отдельных частностях, – и в то время цель еще не была достигнута. Функции и задачи привлечения маргинализованных толп к погромам еще только формулировались. И, поскольку Кишиневский погром был только первым пробным шаром в бесконечном ряду опытов по натравливанию одной части народа против другой его части, дезавуирования его смысла не было. Но ни «борцами за демократию», ни «спасителями свободы», ни даже защитниками самодержавия погромщиков тогда никто не называл.

Следует подчеркнуть, что мы рассматриваем не историю погромов в Бессарабии и современной Молдавии, не историю возникновения и деятельности правоэкстремистских организаций в прошлом и настоящем, не их программные конструкции и методы осуществления таковых. Мы лишь обращаем внимание на те психологические пути, по которым шло, идет или может идти манипулирование социальными низами и низведение их до уровня тупого орудия в борьбе против передовой части общества, прогрессивных социальных сил. Если же взять в качестве объекта сами погромы, то там можно обнаружить все, что угодно: и сознательную «работу» подстрекателей из среды самих торговцев, которым было важно ликвидировать конкурентов, и провокации жандармов, и активное спаивание на чьи-то темные деньги десятков босяков, нищих, воришек и прочего сброда, участвовавшего в погромах для наживы и куража, и многое другое.

Важно и то, что до середины 1905 г. самодержавие рассчитывало только на свои силы – полицию, армию, жандармерию, чиновников, которые должны были раздавить смуту самостоятельно, без привлечения общественных сил. Правый экстремизм вспыхивал в отдельных регионах империи, в частности

и в Бессарабии, больше спонтанно, больше по зову сердца монархистов, чем по понуждению. Хотя и перед революцией, и в самом ее начале в правительстве среди циничных, но дальновидно мыслящих чиновников находились личности, понимающие необходимость и неизбежность привлечения масс, подчеркнем: «неформального» их привлечения на сторону царизма. Публикуя в Женеве секретную записку директора Департамента полиции МВД А.А. Лопухина, В.И. Ленин отметил: «Против народной революции, против классовой борьбы нельзя опираться на полицию, надо опираться тоже на народ, тоже на классы. Такова мораль записки г. Лопухина. И такова же мораль, к которой на практике приходит самодержавное правительство...»⁵.

Действительно, ни прежде, ни теперь мобилизация маргиналов не осуществлялась сама по себе, спонтанно. Она проводилась централизованно, так сказать, в плановом порядке органами государственной власти или их конкурентами из среды «оппозиции», готовой занять кабинеты государственных чиновников, во имя неких политических целей, в основе которых – сохранение государственной власти в руках тех, кто ею обладал и кто боялся ее потерять, либо тех, кто в смуте решил ее приобрести. В конце 80-х – начале 90-х годов XX в. в Молдове сложился даже своеобразный альянс, состоявший из национал-бюрократической номенклатуры, городских и пригородных маргинальных слоев, а также выпущенных из тюрем уголовников под условием проявить себя на ниве «национального возрождения», и, наконец, элитных кругов националистических прорумынских слоев творческой интеллигенции, выполнявших посредническо-организаторские функции между высшей бюрократией и маргинальным дном.

Этот альянс помог укрепить жесткую тоталитарную форму правления, расшатанную в первые годы перестройки, помог установить в Молдавии систему бюрократической власти национальной элиты, сплотить и консолидировать вокруг национальной идеи чиновничий аппарат. Раздувая милитаристский психоз в стране, он направлял недовольство маргинальных низов на указанных им «врагов», выводя из-под удара свою собственную клановую систему, превращавшуюся из псевдокоммунистической в национал-кастовую. Мы можем определенно сказать, что задачи, поставленные перед этой чудовищной коалицией ее создателями и архитекторами, были успешно выполнены. Чиновно-бюрократический режим в Молдавии не только не был разрушен под напором демократии первых лет эры гласности, но был укреплен и законсервирован в качестве еще более жестокого, безжалостного и антигуманного этнототалитарного режима компрадорской буржуазии и продажного, но спяянного общими интересами национального чиновничества.

Нельзя не отметить, что первый такого рода опыт создания альянса бюрократии, творческой интеллигенции и маргиналов с подобными целями был проведен в Бессарабии в начале XX в. и оказался неудачным. Тогда в губернии сложился своеобразный триумвират, который составили: вице-губернатор Устругов при молчаливой поддержке престарелого губернатора фон Раабена, начальник кишиневской охранки жандармский ротмистр Левендаль и литератор, издатель махрово-черносотенной газеты «Друг» Крушеван. Задачи перед этим альянсом были поставлены, видимо, не без участия министра внутренних дел империи фон Плеве: объединить усилия администрации, «благонамеренного» общества и представителей «народа» (т.е. разного рода босяков, пьянчуг, искателей легкой наживы и т.д.) с целью отвести

гнев народных масс от царя-батюшки и всей прогнившей бюрократической системы страны. Для этого следовало указать народу на его «истинных» врагов-кровопийц – евреев, поляков, образованных интеллигентов, студентов и прочих либералов, будораживших умы людей требованиями различных свобод, конституции, парламента и т.д.

Газета «Друг», популярная среди завсегдатаев трактиров и кабаков, развернула усиленную кампанию, распространяя слухи об убийствах евреями христианских детей в ритуальных целях и о прочем в этом духе. В первых числах апреля 1903 г. в дни христианской Пасхи в Кишиневе произошел беспримерный по своей жестокости и бессмысленности еврейский погром, в котором участвовали городские маргиналы и сбегавшиеся из окрестных сел крестьяне. Органы правопорядка – полиция, жандармы, городовые и т.д. – полностью бездействовали в течение нескольких дней, когда в условиях полной безнаказанности бесчинствующая толпа устроила кровавое побоище и массовый грабеж незащищенного еврейского населения. Наконец, эскадрон одной из воинских частей легко рассеял толпу погромщиков, разбежавшихся по своим норам сразу же, как только увидевших реальную противостоящую силу.

Почему же кишиневский погром 1903 г. не достиг своих целей? Вся страна, вся Россия, все цивилизованное человечество содрогнулось от неслыханного злодеяния: в начале XX в. при всех благах и достижениях цивилизации толпа подонков и уголовных преступников в современном европейском городе совершенно свободно грабит, насилует и убивает ни в чем не повинных людей. И это при полном бездействии властей, как в дикой пустыне, как в индейских прериях времен открытия Америки! Состоялся суд. Понесли наказание и погромщики, и бездеятельные чиновники. А через полтора десятилетия пала и вся система монархического абсолютизма⁶.

Иной была реакция общества в последних десятилетиях XX в. Особенности кишиневских бесчинств конца XX в. в том, что ни погромы, ни убийства, ни избиения граждан не всколыхнули Советский Союз, – видели, мол, и не такое. В Молдавии не состоялось никаких показательных или хотя бы закрытых судов, никто не был наказан за свои преступления даже в форме отеческого бурчания высокого начальства. Наоборот, общество постоянно слышало из уст этого начальства воинственные кличи «ливанизировать» Молдавию и «бейрутизировать» Кишинев, покарать «обнаглевших чужаков». Снегур, Друк, Косташ, Мошану, Хадырка, Лари, Виеру, Дабижа и прочие вожди маргинальных толп постоянно призывали их к походам на Комрат, на Дубоссары, на Бендеры и Тирасполь, чтобы придать убийствам и бесчинствам массовый характер, чтобы поразить мир масштабностью своих злодеяний.

В итоге и результаты другие – система бюрократического абсолютизма спасена с некоторыми незначительными последующими модернизациями; вся национальная номенклатура коммунистических времен по-прежнему дружно восседает в своих уже «демократических» креслах, продолжая руководить разграбленной, поруганной, раздираемой Молдовой с огромной прибылью для себя.

И еще одно отличие, которое нельзя не заметить. Паволакий Крушеван был, наверное, единственным известным бессарабским интеллигентом, согласившимся на альянс с властями и подонками ради несправедного, преступ-

ного дела. Через несколько лет после погрома он умирает в одиночестве и презрении, – образованное бессарабское общество отвергло его и забыло о нем. Что же нам сказать об образованном молдавском обществе конца XX в.? Что же сказать о писателях и поэтах Молдовы, открыто призывавших маргиналов к погромам, насилию и убийствам обозначенных ими «врагов»? Что сказать об интеллигентах, выводящих на площади детей, чтобы довести их своими бессмысленными, абсурдными и преступными лозунгами до иступленного экстаза и тупой ненависти к собственным согражданам иной культуры или языка?

Очевидно, что духовное одичание, озверение, моральная пустота и безнравственная низость этих господ тесно связаны с прерыванием генетической связи и духовности между различными поколениями бессарабской интеллигенции и нынешними представителями данного социального слоя. Но дело не только в этом. Ведь в конечном счете корни этих процессов питаются соками все той же маргинализации, связанной с процессами урбанизации, неспособностью маргиналов к позитивному существованию в социально приемлемых рамках, их попытками навязать обществу свою примитивную антикультуру, свои бесчеловечные антиценности.

В этом плане у нас остается мало поводов для оптимизма. Поскольку всегда и всюду, где бедствующему индивиду с более или менее низким уровнем духовного развития приходится сталкиваться с урбанистической цивилизацией, эта его духовная ущербность становилась и будет становиться эмоциональным двигателем правозэкстремистской эволюции. Ибо он, ущемленный и задавленный городом, по-прежнему будет стихийно восставать против урбанизации, сам того совершенно не осознавая.

Когда-то Ленин увидел в черносотенстве не просто ту или иную форму тактики правительства, его политику в кризисные моменты, а ясно разглядел в нем фактор раскола внутри народа, т.е. такого раскола народа, который обращен против самого народа для спасения гибнущей системы авторитарного правления бюрократического абсолютизма. Но еще раньше, за тысячи лет до этого древнегреческий философ Платон заметил, что натравливание одной части народа – охлоса – на основную массу народа – демоса – оказывается предвестником тиранической формы правления, которая несет населению «тягчайшее и самое горькое рабство»⁷. Поэтому маргиналы как яркие представители охлоса не случайно играли в истории Молдавии и продолжают играть в настоящее время столь зловещую роль.

Положение в Молдове не может как-то измениться само собой. Наоборот, чем безнаказаннее чувствуют себя маргиналы, тем на все более страшные преступления они могут пойти. И нет у общества другого пути, кроме как ограничить их агрессивно-разрушительную энергию бесконтрольного бунта силой закона, силой здравого смысла и морального превосходства.

¹ *Бабилунга Н.В.* Барометр показывает бурю. Кишинев, 1987; *Он же.* Территориальная идентичность как фактор политической стабильности Приднестровья // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999; *Он же.* Этнический конфликт как средство решения политических задач в Молдове // Материалы юбилейной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной 70-летию ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Тирасполь, 2000.

² *Бабилунга Н.В.* Маргинальные слои как основа правого экстремизма в Молдове: прошлое и настоящее // Мысль (Кишинев). 2002. № 2(16). Июль.

³ *Бабилунга Н.В.* К социально-психологической характеристике черносотенства в России // Экономическая и общественно-политическая жизнь России нового времени: Сборник докладов и сообщений. М., 1992. Ч. 2.

⁴ *Ленин В.И.* Между двух битв // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 57.

⁵ *Ленин В.И.* Предисловие к брошюре «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 333.

⁶ *Бабилунга Н.В.* Кишиневский погром 1903 года и маргинальные слои: актуальные уроки трагических событий столетней давности // Социогуманитарные и естественнонаучные проблемы устойчивого развития Приднестровья. Тирасполь, 2005.

⁷ *Бабилунга Н.В.* Раскол Молдавии и конституционные акты ПМР // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1999. № 4; *Он же.* Охлократия – прямой путь к рабству // Мысль(Кишинев). 2000. № 2(10).

ЗАДРАВНАЯ ЧАША В ИСТОРИИ
РУССКОГО СВЕТСКОГО ЭТИКЕТА
(X–XVII века)

Обычай пить сообща за чье-либо здоровье издавна был знаком многим народам мира. Именно в совместной трапезе нередко проявлялась дружба или родственные связи между людьми, а во многих случаях общее застолье даже способствовало их установлению. Однако независимо от того, что и как пили за праздничным столом, обычай воздвигать бокал или кубок стал традиционным на многих пиршествах. Торжественно обращенный к гостю тост чаще всего выражал пожелание долгих лет жизни и благоденствия тому, за чье здоровье выпивали¹.

История русского застолья и связанный с ним обычай пить «за здравие» восходят к дохристианскому периоду, когда было принято отмечать семейные и общинные праздники, радость встречи после долгой разлуки, победу над врагом и горечь утраты близких. Об этом свидетельствуют археологические находки кубков, круглых чаш и специально предназначенных для этого сосудов в виде рогов, а также их изображения на каменных изваяниях². Из таких рогов пили на совместных пирах или братчинах, посвященных очередной победе воинской дружины: встречая победителей, народ «честь творил вином и медом». Наиболее роскошными считались крупные рога тура, оправленные чеканным серебром. О том, что за общей трапезой был распространен обычай пускать по кругу чашу с напитком, писал Гельмгольд: «Есть у славян удивительное заблуждение, а именно: во время пиров и возлияний они пускают вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов»³. Этот обычай сохранялся и во времена правления князя Олега (879–912), успешно ходившего походами со своей дружиной на Царьград (Константинополь) – «на греки». Тесные связи славян с Византией и другими соседними странами выражались также в торговле и обмене различными товарами. Показательно, что князь Игорь, заключивший в 944 г. договор с греками, принимал у себя и византийских посланников. Сохранились изображения греков, подносящих князю дары в виде сосудов, скорее всего наполненных вином⁴. Об этом говорят и летописи: «Киевляне в Олеговы времена уже имели вина греческие и вкусные плоды теплых климатов»⁵. Славяне любили принимать гостей, всякий гость был для них священным: «Встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки». Они ничего не жалели для щедрого угощения друзей, доказывая свое радушие изобильной трапезой.

Самыми распространенными хмельными напитками на Руси были мед и пиво. Мед был известен в глубокой древности и как сладость (*mel* – лат.), и как алкогольный напиток (*mulsum* – лат.). Его пили германцы (*meth*), скандинавы (*mjod*) и литовцы (*medus*). В греческом языке слово «мэду» означало хмельной напиток⁶. Мед был «душою славных пиров» славян. В «Повести временных лет» упоминается мед как напиток, выставленный княгиней Ольгой (945–964) для древлян на поминках ее мужа князя Игоря (912–945):

«Посем седоша древляне пити, и повеле Ольга отроком своим служити пред ними»⁷. В летописях также говорится о больших пирах князя Владимира (980–1015), устраиваемых для своей дружины. Известно, что однажды, когда в 996 г. на русские земли напали печенеги, князь дал обет построить храм во имя праздника Преображения Господня в том случае, если он спасется от врагов. Когда же неприятель удалился, князь исполнил свой обет, созвав к себе на пир вельмож, посадников, старейшин из других городов. Владимир приказал сварить «триставарь меду» и восемь дней праздновал с ними победу, угощал и бедных, а возвратившись в Киев, устроил пир не только для своих приближенных, но и для всего народа. «С того времени сей Князь всякую неделю угощал в Гриднице, или в прихожей дворца своего, бояр, гридней (меченосцев княжеских), воинских сотников»⁸.

Для приготовления пива, которое в древности называлось *олуй*⁹, использовали рожь и ячмень. Тогда же научились готовить и хлебный квас. В том, что мед и пиво были на Руси самыми распространенными напитками, нет ничего удивительного. Так сложилось исторически, что земли, на которых жили древние славянские племена, были приспособлены для земледелия, и потому восточные славяне изначально возделывали пшеницу, рожь, овес, просо и другие культуры. Помимо пива и меда известен был *перевар* – горячий напиток из меда на зверобое, шалфее, лавровом листе, имбире и перце, по вкусу и способу приготовления напоминающий сбитень, а также квас, морс, водица и другие напитки¹⁰.

Русь с давних времен была тесно связана с Византией, или Восточной Римской империей, от которой русские заимствовали много обычаев и порядков. Не случайно, что именно при князе Владимире в 988 г. была официально крещена Русь. С распространением христианства обычай пить за здравную чашу стал сопровождаться молитвенным воззванием. На сербском языке слово *всбаукга* («здраница») означает как саму чашу, так и тост. В этом значении и под тем же названием обычай пить за чье-либо здоровье был распространен в Византии и на Руси¹¹. Немаловажно, что установления великокняжеской власти регламентировали поведение русских людей в гражданской жизни, а церковный устав – в духовной сфере.

Помимо меда и пива не менее распространенным напитком было виноградное вино. После Крещения Руси потребность в вине, преимущественно красном, резко возросла, поскольку помимо основного предназначения как праздничного напитка его стали употреблять при совершении Евхаристии – главного христианского Таинства – причащения Святых Тайн. С тех пор Тело и Святая Кровь Иисуса Христа даются верующим в потире – особой евхаристической чаше, форма которой приобрела классический вид и сохраняется до сих пор. Наиболее известные вина привозились из Прамны, около Смирны, из Маронеи на побережье Фракии, вино из которой могло быть разбавлено в 20 раз большим количеством воды. Хиосское вино, особенно из местности Ариузии, считалось самым лучшим. Это отмечал и побывавший на Святой Земле в 1104–1107 гг. игумен Даниил на пути в Иерусалим: «На этом острове (Хиос. – *Т.В.*) – мастика, вино доброе и всякая овощ». Очень ценились вина Малой Азии (Сирии)¹². Привезенное вино называлось «греческим» или «сирским» («сурьским»). До середины XII в. его разбавляли по греческому обычаю: на три части воды брали одну часть вина или на пять частей воды – две части вина. Вино, смешанное в равных долях с водой,

считалось слишком крепким. Причем воду доливали в вино, а не наоборот. Помимо Византии в X–XI вв. ввоз вин шел через Новгород, который получал из Западной Европы немецкие (рейнские) и французские (бургундские) вина и переправлял часть импорта в Московское и Тверское княжества, а взамен покупал московский мед для экспорта в Западную Европу. Вот откуда в древнерусском лексиконе появились такие слова, как «романея» – название бургундского вина, «мальвазия» (мармазея) (так называли вино по одноименному городу в Италии) и др.¹³

Поскольку на Руси не было своего вина, то привоз его из дальних стран делал напиток очень дорогим и престижным. Ввиду своей исключительности вино служило своеобразным эквивалентом алкогольных напитков по силе воздействия и по терминологии. До XIII в. все виды вина называли просто «вином». В русском языке термин «вино» был воспринят при переводе Евангелия на старославянский язык от латинского *vinum*, а не от греческого слова *οἶνος*. Но уже с середины XII в. под вином подразумевали только чистое вино, не разбавленное водой, и стали все чаще употреблять термин «ощьтно вино», т.е. вино кислое, сухое. «Вино осмрънено» означало вино виноградное сладкое, с пряностями, «вино церковное» – вино виноградное красное, высшего качества, десертное или сладкое, не разбавленное водой. А в 1273 г. впервые в письменных источниках появляется термин «вино твореное», но он уже относился к хмельному напитку из хлебного сырья. После монголо-татарского нашествия, а затем упадка и крушения Византийской империи (1453) импорт греческого вина сократился, что повлекло за собой расцвет медоварения в XIII–XV вв. и появление новых способов для производства алкогольных напитков¹⁴.

Воспринятые от греков православные обычаи и обряды были перенесены и в обычную, мирскую, жизнь. А с появлением первых русских обителей быт их насельников стал определяться уставами по образцу известных «киновий» или общежительных монастырей Православного Востока, где на каждой трапезе благословлялись хлеб и вино¹⁵.

Источники сообщают, что за великокняжескими и святительскими «столованьями» в торжественные дни поднимались задравные чаши, однако в отличие от языческих времен перед тем как выпить за здоровье князя, текст здравицы зачитывали вслух в виде многолетия. Обычно совершалось молитвословие или пение тропарей, отчего чаши стали называть «тропарными». На праздниках предписывалось пить не более 2–3 чаш – в начале и конце праздничного пира, во имя Иисуса Христа и Богородицы. Давались также советы петь во время пира «доброгласную псалтирь» вместо «бесовских» песен¹⁶.

Слово «мед» встречается в значении сладости под 1008 г. («Остромирово Евангелие»), а как крепкий хмельной напиток мед упоминался в одном из памятников древнерусской литературы – «Изборнике Святослава» (1073): советовалось пить мед «не добро хмелен» и даже хорошее вино разбавлять водой, ибо крепкое вино «голову портит». Довольно рано на Руси получило хождение поучение, которое приписывается святому Василию Великому, архиепископу Кесарийскому. В нем говорилось, что когда «уготовляются три чаши, и пир, пока их пьют, изображается чинным, вполне упорядоченным, полным радости и довольства». С принятием большего числа чаш настает «поганных веселие, еже упиватися без меры». О седьмой чаше в поучении со-

общалось так: «Еже есть богопрогневательна, Духа Святого оскорбительна, ангел отгонительна, бес возвеселительна». А учредитель иноческого жития на Руси игумен Киево-Печерской обители преподобный Феодосий Печерский (1036–1091), чтобы регламентировать употребление хмельных напитков среди иноков, ввел обычай произносить трижды здравицу в конце монашеской трапезы во славу Господа, в честь Богоматери и за здоровье князя, «а более не позволяем»¹⁷.

Одновременно с христианской верой Древняя Русь восприняла византийскую музыкальную культуру. С XI в. церковные песнопения изображались в виде знаменной нотации, которой пользовались музыканты. Поскольку репертуар включал тексты литургических песнопений, существовало множество певческих знаков предметов, употребляемых для богослужения. Изображением жертвенной чаши стал графический знак «чаша полная»: округлая чаша с точкой внутри, а выражение «чаша полная» перешло в русский язык как метафора полнокровной жизни. В это же время получает христианское содержание традиция совместного пения за столом: «Всяк, иже правя пение, с Богом беседует и с святыми»¹⁸.

В дальнейшем употребление хмельных напитков тесно связывалось с моральными нормами, ограничивающими их чрезмерное питье. Князь Владимир Мономах (1113–1125) в своем «Поучении» советовал остерегаться пьянства и блуда, уважать любого гостя: «Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам он ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то пищей и питьем; ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым»¹⁹.

В XII в. в княжеском быту для питья хмельных напитков вкруговую стали использовать чаши в виде шарообразного сосуда²⁰ или чары – большие серебряные сосуды, которые позднее получили название братин. Они бытовали и раньше, но нет точного указания на то, когда они впервые появились²¹. К этому времени относится большая чара одного из черниговских князей с вычеканенной по краю надписью: «А се чара князя Володимирова Давыдовича, кто из нее пьет тому на здоровье, а хваля Бога своего и господаря великого князя». На общественных пирах все еще пользовались рогом. Упоминание о нем имеется в краткой редакции первого законодательного документа – «Русской Правде», один из пунктов которого предусматривал наказание за драку во время пиршества и за нанесение увечья чашей или рогом²². Кроме этих сосудов для питья широко применялись разного рода ковши – деревянные или металлические, обнаруженные в культурных слоях Новгорода, Пскова, Владимира. В XIV–XVI вв. имущество московских князей включало значительное число сосудов из драгоценных металлов высокохудожественной работы. В их числе были ладьевидные ковши разных размеров и форм для разливания – наливка, чернило, а также круглые – овкач, чум, питий ковш. Высокие цилиндрические или призматические, а иногда расширявшиеся кверху «достаканы» были предшественниками современных стеклянных стаканов. В XIV–XV вв. они еще были редки и привозились из Византии, отчего и назывались «достакан царегородский». Для употребления вина русская знать пользовалась стеклянными бокалами сирийского и вообще восточного производства, а керамические поливные кубки зеленого цвета привозили из города Любеча²³.

На великокняжеских пирах и праздничных обедах гостей обслуживало множество слуг, в том числе и чашники, подававшие к столу напитки (с XIII в.). Так называли и придворного виночерпия, у кого находились в ведении все напитки, ему подчинялись также чарочники. Чашники ведали также пчеловодством, медоварением, питейными погребями. Эта должность сохранялась при царском дворе до начала XVIII в. Свои чашники были и в монастырях²⁴.

К XIV в. Великое Московское княжество возвысилось среди других русских княжеств. Значительно возросла роль Москвы, которая стала превращаться в главный политический, административный и религиозный центр. Увеличился ее престиж как русской столицы в глазах правителей западноевропейских государств, которые все чаще стали отправлять своих послов в Московию. Их прием обычно проходил в Кремле, где уже началась кардинальная перестройка основных соборов и других важных сооружений. Здесь же стали отмечать главные праздники церковного календаря и совершать венчание на царство. Все это накладывало обязанности на правящие власти совершенствовать правила приема гостей и приводить придворный этикет в соответствие с общепринятыми в соседних странах правилами.

В XV в. на всех пирах или «столах» после совершения молебна митрополиту (или патриарху) наливали первую чару или братину, которая называлась «Богородицына чаша», потом он давал испить из нее царю и всем присутствующим. Перед тем, как выпивали вторую чашу, совершался молебен о здравии и благоденствии царя и его семейства. Над третьей братиной, выпитой за здравие митрополита (или патриарха), также возглашалось многолетие. Этот порядок произнесения здравии известен под названием «Чин за приливом о здравии царя». Возможно, что этот чин перешел в устав из южно-славянских источников²⁵.

С XV в. на Руси виноградное вино стали разделять по цвету – на красное (1423) и белое (1534) – и по степени выдержки. Так, «вино ветхое» означало выдержанное, старое, марочное, а «вином ординарным» стали называть вино нерастворенное (1526–1542), чтобы отличить его от вина, непосредственно подаваемого к столу и разводимого водой по греческому обычаю. В середине XVI в. и особенно в XVII в. все виноградные вина стали называть по стране их происхождения. Фряжскими назывались французские, итальянские и генуэзско-крымские вина (до 1476 г.); вино угорское означало, как правило, разные сорта венгерского токайского вина; вино ренское (1680) – мозельские вина. А греческие и малоазийские вина уже встречались исключительно под локальными названиями: коское, бастро (1550–1570), мальвазия (1509–1520), кипрское. Красное греческое вино называлось церковным или служебным (1592), поскольку его употребляли при богослужении. Французские вина с конца XV по XVI в. различались по маркам, например, романе (Романе-Конти, бургонское), мушкатель (1550). В XVII в. появляются испанские вина (херес, марсала, малага, мадера)²⁶.

В грамоте великого князя Василия II (1425–1462), посланной митрополитскому дому, порицалось посещение княжескими и боярскими людьми праздничных пиров и братчин без приглашения. В жалованной грамоте Иоанна III (1462–1505) Свято-Троицкому Сергиеву монастырю тоже напоминалось о наказании тех, кто незванными приезжали на братчину. По-видимому, нарушений было много, поэтому еще в одной грамоте 1504 г. Иоанна III митропо-

личьей кафедре к нарушавшим применялись более суровые меры: «А кто к ним приедет на пиры и на братчины незван... а кто у них учнет пити сильно, и учинится у них туго какова гибель, и тому то платити вдвое без суда и без sprawy». Размер штрафа оговаривался в «Судебниках» – специальных юридических документах того времени. Так что известная поговорка «Незванный гость хуже татарина» имеет древние корни²⁷.

Дальнейшее возвышение Москвы и расширение международных связей с другими государствами повлекло за собой повышение авторитета русского монарха, увеличился его престиж в глазах собственного народа и особенно иностранцев, когда придворный этикет обставлялся более сложными церемониями. Все торжественные приемы стали проходить в Грановитой, Золотой и Передней палатах в Большом Дворце в Кремле. На праздничных пирах, устраиваемых по случаю венчания на царство, бракосочетания царственных особ, рождения наследников, их крестин, именин, объявления наследников престола, приема иностранных послов, высокопоставленных лиц, знатных иностранцев, представителей поместных восточных церквей и т.д., теперь обязательно поднимались чаши с произнесением текста особого чина «О здравии царя и царицы с царевичами и царевнами».

Иностранные послы и путешественники, посещавшие Московию во время правления Василия III (1505–1533), не преминули отметить пышность и торжественность приемов в своих записках и дневниках. Немецкий посланник Сигизмунд Герберштейн, посещавший Московию в 1516–1517 и в 1525–1526 гг., был приглашен на один из таких приемов и был свидетелем того, что все пили заздравную чашу, желая царю удачи, победы и здоровья. Особый почет царь оказывал митрополиту: «Всякий раз, как государь угощает митрополита обедом, он, в случае отсутствия своих братьев, обычно предлагает ему первое место за столом. А на поминках, если он пригласит митрополита и епископов, то в начале обеда сам подает им пищу и питье, а затем назначает своего брата или какое-нибудь лицо княжеского достоинства, чтобы они заменяли его до конца обеда». Посланника удивил и обычай пить до дна: «Тот, кто начинает, берет чашу и выходит на середину комнаты; стоя с непокрытой головой, он велеречиво излагает, за чье здоровье пьет и чего ему желает. Затем, осушив и опрокинув чашу, он касается ею макушки, чтобы все видели, что он выпил все, и желает здоровья тому, за кого пьют»²⁸.

Эти традиции сохранялись и во время правления Иоанна IV (1533–1584), при котором значительно расширились границы Русского государства, а общение с представителями других государств стало теснее. Для него был сочинен текст здравицы или «Чаши в честь царя и Великого князя Иоанна IV Васильевича и митрополита Всероссийского Макария», которая представляла собой молитвословие за здравие царя и митрополита²⁹.

Русский праздничный стол в отличие от повседневного всегда отличался изобилием еды и напитков. Нередко случалось так, что на званый обед у царя, когда нужно было угощать иностранных послов, число блюд доходило до 500. Однако подлинным украшением стола была красивая посуда из драгоценных металлов, в которой подавали напитки и разливали их гостям.

В описях царского домашнего имущества есть указание на то, что заздравными чашами были братины для индивидуального пользования: «братина золота резана с чернью с лапы и с яхонты Государевы Царевычевы и Великого Князя Федора Ивановича, всея Руси Царицы и Великие княгини

Ирины». Братины нередко дарились по какому-либо случаю: «Братина золотая гладка по венцу дорожки, весу в ней гривенка и пол два золотника, а принесла ту братину к Государю на новоселье 91-го (года) июня в 20 день Царица и Великая Княгиня Марья». Братины были именными: «Братина золотая, по венцу и по ней резаны травы с чернью, по венцу ж меж трав подпись имя Царевича Князя Ивана Ивановича, в клейне (клейме) яхонт лазорев, весу две гривенки и 15 золотник; а ударили челом Царевичю и князю Ивану старцы Футьня (Хутьня?) монастыря»³⁰.

Имущество русских князей начала XVI в. в обязательном порядке включало предметы утвари из серебра. Так, например, в списке имущества Волоцкого князя Ивана Борисовича указаны 30 серебряных блюд, 5 мисок, 9 чарок, 8 ковшей, 1 достакан. В духовной грамоте князя Дмитрия Ивановича Жилки, брата Василия III, перечисляется утварь, включающая и братины: «А судов моих в казне, да две братины, што мне дал князь великий Василий, а на них по четыре крушки золочены, а в них писано имя великого князя Васильево; да пять братинок, а в них венцы, а в них писано имя князя Дмитрея Ивановича; да люди и звери писаны, золочоны»³¹. Искусные изделия отечественных мастеров дополнялись дорогими подарками от представителей разных государств. Во время правления Иоанна III «златари» – серебряных дел мастера из Далмации и Хорватии привозили в дар царю золотые и серебряные чаши³².

Один из иностранцев, посетивших Москву при Иоанне IV, Бухава был свидетелем тому, что бояре ели и пили в основном из деревянной посуды с позолоченными краями, которую делали монахи. Оловянные блюда и тарелки составляли тогда большую редкость, но каждый боярин имел непременно серебряный кубок, который подавали гостям³³.

Английский путешественник Климент Адамс посетил Московию в 1553–1554 гг. и, будучи приглашенным на один из пиров, отмечал особенности придворного этикета, а также роскошную сервировку стола. Пир состоялся в Золотой палате Кремля, посредине которой стоял невысокий квадратный стол. На нем было множество драгоценных ваз и кубков, сделанных из золота. Особенно отличались четыре большие сосуда высотой 5 футов, тут же стояли серебряные кубки, из которых пил царь. С особой торжественностью царь угощал гостей и передавал им лучшие блюда. Ту же роскошь и вместе с тем строгость в соблюдении этикета наблюдал другой английский подданный, Антоний Дженкинсон, посетивший царя в 1557–1558 гг. Он заметил, что, когда царь отпивал из кубка, все присутствующие на трапезе вставали.

В известном литературно-историческом памятнике XVI в. – «Домострое», написанном протопопом Сильвестром, регламентировалась не только хозяйственная жизнь людей того времени, но давались советы, как своевременно делать съестные припасы, приготовить пиво, мед, сбитень, чем потчевать гостей, как вести себя за столом. Например, говорилось о том, что «перед началом трапезы прежде всего священники славят Отца и Сына и Святого Духа, потом Деву Богородицу и вынимают освященный хлеб, а по окончании трапезы освященный хлеб выставляют и, помолясь, как должно вкушают и освященную чашу Пречистой Богородицы пьют. Потом же пусть скажут о здравии и за упокой. И если едят в благоговейном молчании или за духовной беседой, тогда им невидимо ангелы предстоят и записывают дела добрые, а еда и питье тогда в сладость. Если же станут еду и питье хулить,

точно в отбросы сразу превращается то, что едят». Эти рассуждения о благочестивом поведении за столом во многом схожи с изображением подобных трапез в древнерусских рукописях³⁴. Советы автора «Домостроя» о том, как правильно вести себя за столом, остаются актуальными и поныне.

Во время правления царя Феодора Иоанновича (1584–1598) к послеобеденным чашам присоединились другие: после чаши Богородицы следовала чаша святому, например, святителю Петру, за чашею царя – чаша царицы, иногда царевен, затем – митрополита или патриарха. В сказании 1589 г. об избрании на патриарший престол патриарха Иова, первого всероссийского патриарха, говорилось об обеде, устроенном по этому случаю: «После стола была чаша Пречистыя Богородицы столовая, да после Петру чудотворцу, а стих велели пети славник перваго гласа: “Божественного свыше явления...”, а потом чаша государя царя и великого князя Феодора Иоанновича всея Руси самодержца, а стих велели патриархи пети: “Пособивый Господи кроткому Давиду...” А молитву говорил за государево здоровье отец и богомolec новопоставленный Иев патриарх. А после молитвы дьяки певчие государю царю пели многолетие большое, да чаша государыни царицы и великие княгини Ирины, а стих пели славник шестаго гласа: “Одесную Спаса гредста Царица” и потом молитва, и по молитве пели многолетие. И после тое чаши, Иева патриарха Московского и всея Руси чаша, да чаша Иремея, патриарха вселенского». Надо полагать, что за чашами пили вино, разбавленное водой. Не случайно московские купцы Трифон Коробейников и Юрий Греков, отправившиеся в 1582, 1593–1594 гг. во Святую Землю, присутствуя на Пасхальной трапезе отмечали: «И по Божественной литургии сядет патриарх во церкви со христианы, и вкуси мало хлеба и мало вина с водою, и нам грешным вкусившим хлеба мало и вина с водою»³⁵.

Новая «Чаша Государева» или здравица была составлена в честь Бориса Годунова (1598–1605). По восшествии на престол он в 1602 г. повелел искусным книжникам сочинить молитву о его здоровье, для того чтобы ее читали во всех домах, на трапезах. Об этом есть упоминание в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825), в которой можно прочесть такие строчки: «И Царскую на то воздвигнув чашу, Мы молимся Тебе, Царю небес».

Подтверждением тому, что чаши, предназначенные для прославления царя, входили в обязательный набор праздничной утвари того времени, служит опись «пожитков» Бориса Годунова, в которой помимо «судов серебряных, чеканенных травами и фигурами, с финифтью, чернью и позолотой» упоминались четыре братины, а среди «“судов деревянных” – восемь братин “троецких”, т.е. из Свято-Троицкой Сергиевой лавры и семь братин “корельских”»³⁶.

За здоровье царских особ полагалось пить стоя. Так, датский герцог Иоанн, жених царской дочери Ксении Годуновой, будучи на приеме в Москве на Новый год, поднимал кубок, стоя с московскими сановниками и датскими послами. А королева Англии Елизавета, стоя пила «Чашу царя Бориса» на приеме, устроенном в Лондоне в честь приезда русских послов Г.И. Микулина и И. Зиновьева. Об этом говорилось в их отчетах – «статейных списках» о поездках в Лондон в 1600–1601 гг.³⁷

Торжественный обряд молитвословия над заздравными чашами совершался и в последующие царствования, менялись только тексты здравниц. В соблюдении обряда провозглашения «Чаши» выражались преданность и

благоговение к русским монархам, нарушение этикета считалось за великое преступление, почти наравне с оскорблением царского величия.

С воцарением в России династии Романовых задравные речи по-прежнему адресовались непосредственно царю и его ближайшему окружению. Сохранился текст «Чаши» или речи, произносившейся при питье за здравие Михаила Феодоровича (1613–1645), из сборника, хранящегося в библиотеке новгородского Софийского собора. В нем кроме царя упоминался и патриарх Филарет³⁸. Чин подразделялся на светский, гражданский и церковный, духовный. Возглашение о здравии царствующего монарха по известному чину – «Чин за приливок о здравии царя» – делалось в конце обеда. Весь чин или порядок приема был заранее расписан. Причем здравицу произносили и в тех случаях, когда гости не присутствовали на приеме, но им передавали еду и напитки и просили выпить за здоровье правящего государя. В Дворцовых разрядах сохранились записи царских «подач ествы и пития» пяти иностранным гостям. Из них следует, что в соответствии с гражданским чином в 1634 г., когда принимали Якова Руселя, царский стольник, привезший иностранному гостю подачу, должен был поставить «еству» на стол, преподнести ему ковш вина и молвить: «Чаша Великого Государя и Великого Князя Михаила Федоровича, и многих государств Государя и Обладателя, дай Господи, Великий Государь наш Царь и Великий Князь Михайло Федорович, всея Руси Самодержец, здоров был». Что же касается церковного чина, то он в первую очередь предназначался для монастырей, где хранился на особых свитках, украшенных заглавными буквами с золотом и красками. Такие свитки с царскими многолетиями хранились в Соловецком, Спасском и других монастырях.

Перед «Чином за приливок о здравии царя», если чин совершался у патриарха или даже в палатах царя, был чин благословения «панагии» или «Богородичного хлеба» – просфоры, из которой на литургии вынимается часть в честь Пресвятой Богородицы. Этот чин совершается обыкновенно в монастырях. Просфора приносится к столу из храма после богослужения в особом сосуде, называемом «панагиаром» или «панагиею», и ее частицы раздаются на обеде после молитвы в воспоминание явления Богоматери апостолам при их трапезе, после вознесения Ее на небо³⁹.

При Алексее Михайловиче (1645–1676) была введена царская монополия на приготовление всех хмельных напитков, в первую очередь меда и пива. Это делалось не только в целях контроля за прибыльным промыслом, но и не допущения разгула и пьянства. При нем вышло несколько указов, согласно которым все питейные заведения – винные, пивные и водочные «кружала» (так стали называть в XVII в. кабаки – от немецкого слова «Krug» – кружка) стали находиться под непрерывным контролем государства. Владельцы кружечных дворов, «целовальники», должны были отчитываться приказу под названием «Большой приход». Водка тогда называлась «горячим вином», ее распродавали на кружечных дворах. Напитки сначала продавали и отмеряли шкаликами, «сткляницами», «крючками», потом ведрами, четвертью, штофом и полштофом. При царском дворе потребляли вино простое, двойное и тройное (по крепости), а также «вино с махом» – смесь $\frac{2}{3}$ простого и $\frac{1}{3}$ двойного.

В «Уложении» 1649 г., а потом и на Московском соборе 1666 г. оговаривались дни и часы, когда можно было торговать хмельными напитками и

когда запрещалось. Особенно это касалось постов: «А в Великий пост и о Светлой неделе; и в Успенский пост тоже; и в воскресные дни во весь год, а Рождественского и Петрова постов в среды и пятки, с того кружечного двора продавать не велено».

Из всех праздничных напитков наиболее престижными считались вина из Греции, Венгрии, Франции, Германии и других стран. Критское вино особенно ценилось за его сладкий вкус⁴⁰.

Для подачи хмельных напитков к праздничному столу при царском дворе хранилось множество посуды и утвари («судов»), сделанных преимущественно из золота и серебра и украшенных самоцветами и эмалью. Так, известно, что в 1668 г. было выдано в Крестовую палату «судов серебряных: 30 кубков податочных, 15 братин, 20 ковшей лебедей, 20 чарок»⁴¹.

В собрании Оружейной палаты сохранились «живые свидетели» застольной церемонии XVII в. – братины круглой формы. На одной из них есть две надписи: «Божиею милостию великий государь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России самодержец» и «Повелением великого государя в сию братину наливается Богородицына чаша». На другой чаше написано: «Повелением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Белья России самодержца в сию братину наливается святейшего патриарха чаша».

Из круглых братин пили также на поминках. Возможно, отголоском дохристианских времен является традиция установки братин на царских гробницах. Известно, что в XVII в. серебряная братина стояла на гробнице Иоанна – сына царя Иоанна IV.

Сосуды для питья отличались одна от другой своими размерами. Братины большой емкости («ендовы») служили только сосудом, из которого напитки наливали в более мелкие сосуды для подачи гостям. Для удобства слива некоторые большие братины имели ручку и специальный носик («рыльце»). В некоторых случаях напиток просто зачерпывали из большой братины небольшими чарками или ковшами. В царском обиходе были даже очень маленькие, почти игрушечные братины для царевен.

Братина была непременно металлическая, преимущественно золотая или серебряная: «Любовь уподобися сосуду злату, ему же разбития никогда не бывает, аще и погнетя». Она упоминается в некоторых поступлениях в патриаршую домовую казну, например, в расходной книге Казенного приказа 1635 г. Для питья меда, пива и кваса употребляли стопу – большой стакан на поддоне, иногда с крышкой.

Плоская расплюснутая рукоять у ковшей, чарок и других сосудов называлась пелюсть или пелюска, иногда полкою. Сохранились также надписи на чарках: «Совершенная любовь яко сосуд злат из него на здравие испивати милости и любви»⁴².

При царском дворе всегда имелись достаточные запасы вина для приема большого числа гостей, их хранили в погребах в бочках, ведрах, кадках, кадочках и других емкостях разной величины, отсюда пошли их названия: бочка раманейная, бочка полуамная, полбочки полуамной, бочка беременная и т.д. «Беременная» бочка вмещала 10 ведер, одно ведро было рассчитано на 12–14 л. В бочонок входило до 5 ведер. В одной из сохранившихся описей запасов Сытенного дворца 1657 г., которые строго учитывались в переписных книгах Дворцового приказа, говорилось: «Да в погребе вина церковно-

го две бочки амных... полных. Вина же церковного полбочки полуамных. Бочка полуамная ренского полна, в полбочке беременной ренского не много поменьше полубочки. Да полбочечки русской французского питья ведер с пять. Бочка беременная раманей полна Бочка-же беременная раманей почата немного старая. Бочка мушката амная почата в треть. Мешечек раманей ведра в полтора. В четырех склянницах раманей не полны».

Размеры запасов вин и других хмельных напитков соответствовали числу гостей на царских пирах. Достаточно привести сведения о выпитом на приеме, устроенном 12 ноября 1667 г. в Москве в честь польских послов. За столом было выпито 2 кружки анисовой водки, 2 кружки коричневой водки, 8 кружек боярской водки. Значительно больше было выпито вина: 5 ведер лучшей романей, 5 ведер бастры, 2 ведра рейнского вина, 5 ведер алкана, 4 ведра фряжского вина, 2 ведра церковного вина. Не меньше было выпито меда и пива, а браги – всего 6 ведер⁴³.

Приготовление пищи доверялось пожилым и опытным людям, среди них были сушеный старец, поваренный старец, подкеларник, хлебенные старцы и др. В реестрах или перечнях придворных должностей указывалась должность чашника и отдельно – чашника-старца. О них говорится в «Росписи жалованья служилым людям патриаршего двора при святителе Иоасафе II и Иоакиме».

Гостей, собиравшихся за праздничным столом, обслуживало большое количество слуг. А в обязанности некоторых из них входило хранение посуды, которую подавали на праздничный стол. Она включала оловянные и медные «суды» под разными названиями: оловяник, гривенка, третник, кунган. В переписной книге 1657 г. имеется опись Скатертной и Судовой палат Дворцового приказа, в которой, например, говорится: «У чашника старца Корнилия на лицо судов оловянных и медных. Пять оловеников больших весу полпята пуда»⁴⁴. Во время посещения Москвы Мейербергом в правление Алексея Михайловича у бояр столовая посуда была уже в основном оловянная.

В быту бояр, духовенства, купечества, служилого сословия и зажиточных горожан серебряные братины с именами владельцев и замысловатыми изречениями не были редкостью. Средние слои стремились подражать более богатым и зажиточным горожанам, поэтому столовая посуда включала бутылки с округлым туловом или кубышки для подачи на стол и разливания жидкостей, фляги, кумганы – сосуды, похожие на восточные кувшины с высоким носиком, небольшие чарочки для крепких напитков, братины, напоминавшие по форме небольшой горшок с шаровидным туловом и служившие для питья вкруговую (откуда и ее название) и енды – невысокие сосуды с округлым туловом и удлиненным носиком-сливом.

Для употребления напитков горожане держали в доме стеклянную посуду – стаканы, рюмки. Казенную водку хранили в бутылках или штофах из мутно-зеленого стекла. В конце XVII в. европейские мастера научились делать хрустальную посуду, добавив в очищенную стеклянную массу новые окиси металлов. По составу и отделке различают два вида хрусталя – английский (свинцовый) и богемский (кальциевый). Хрусталь сразу вошел в моду, став символом роскоши⁴⁵.

Будучи очень благочестивым, царь старался не отходить от канонов в соблюдении древних церковных обычаев и обрядов, поэтому застольный

этикет, принятый при царском дворе, во многом напоминал этикет, принятый на Православном Востоке. Это неудивительно: там часто бывали русские люди. Иеромонах Арсений (Суханов), посетив в 1649 г. Иерусалим по поручению патриарха Иосифа, в своем «Проскинитарии» упоминал о заздравных чашах на приеме у Иерусалимского патриарха. Подобные чаши, предназначенные для тостов или здравиц, были адресованы и Алексею Михайловичу. Известна краткая молитва из «Чина заздравной Чаши» из рукописного нотного сборника XVII в. с упоминанием имени царя: «Иже неизреченною мудростию составивы всяческая слово Христе Боже иже времена и лета нам предложи и дела рукою твоею благослови благоверного царя нашего и великаго князя Алексея Михайловича самодержца всея Руссии и силою твоею возвесели подая ему на сопостаты победы яко един благ и человеколюбец».

Благодаря сохранившимся текстам здравиц известно, что царю возглашали многолетие с пением по нотам после трапезы и в монастырях. В Песношском монастыре такой текст начинался со слов: «Чин и устав на трапезе за приливок о здравии благочестивому и христолюбивому царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу». Чин совершали при всех столах, устраиваемых на приемах патриархов, митрополитов, епископов, а иногда в царских палатах, когда на торжественных обедах присутствовали церковные иерархи. Заканчивался такой обед благодарной молитвой ко Господу, чашами во славу Бога, в честь Богородицы или святого и затем – о здравии царя. Перед каждой чашей пели тропари⁴⁶.

Русские послы, отправляясь за границу и участвуя в дипломатических приемах, не забывали провозглашать тост за здоровье царя. В «статейном списке» русского посла П.И. Потемкина, побывавшего в Париже, есть указание на то, что когда в королевских палатах был устроен стол для посланников и всех посольских людей, то в числе многих тостов произносили здравицу за здоровье русского царя: «...пили за столом про многолетнее здоровье великого государя и великого князя Алексея Михайловича... государыни... царицы, великой княгини, их чад»⁴⁷.

Большое значение придавалось приемам у русских патриархов, которые различались в зависимости от степени важности принимаемых гостей. Посещение патриарха в Крестовой палате обычными или, можно сказать, рядовыми визитерами было коротким. Прием же важных лиц, как, например, русского царя и знати, иностранных правителей и послов, патриархов, митрополитов и архимандритов, обставлялся очень торжественно. Перед входом в Патриарший дом их встречал сам патриарх, члены собора, бояре, думные дьяки, дворецкие и приказные люди, охраняемые вооруженными стрельцами. На всех праздничных и торжественных обедах святителей в начале и в конце праздничного застолья воздвигалась панагия, т.е. сосуд с вложенным в него литургийным Богородичным хлебом. На праздничных обедах у патриархов, устраивавшихся, например, в Богородичные праздники, посвященные Божией Матери, присутствовавшим за столом гостям предлагалась общая, братская, круговая чаша, наполненная вином или медом. Такой чашей всех гостей обносил сам хозяин при одновременном пении присутствующими тропаря Пресвятой Богородице, отчего такие круговые чаши назывались «Богородичными», «Пречистыми» или «Тропарными». А поскольку они употреблялись за обедом и выпивались за чье-либо здоровье, то назывались

еще «трапезными» или «здравными». В одном из «патриарших выходов» на праздник Успения Божией Матери 15 августа 1667 г. на приеме у патриарха после стола «чаша была Богородицы, но токмо государь царь жаловал, раздавал», т.е. Алексей Михайлович сам обносил гостей задравной чашей.

Характерными для царского стола были так называемые подачи или подарки в виде хлеба, разных блюд и напитков. Ими оделялись не только присутствующие на трапезах гости, но и отсутствующие. Так, в 1671 г. в Успенев день были посланы подачи царице в с. Преображенское. Кушанья несли пешие стрельцы на руках; боярские дети и подьячие подносили напитки – романею, рейнское и бастр в кубках, накрыв их чарками, красный и белый мед – в серебряной кружке⁴⁸. Подачу в виде трех кубков с напитками в 1672 г. на праздник Рождества Христова Святейшему Патриарху присылали с царского стола. Подачи посылали и важным иностранным гостям. В соответствии с придворным этикетом в 1654 г. царский стольник передавал напиток грузинскому царевичу Николаю Давыдовичу со словами: «Чаша великого государя Алексея Михайловича...»⁴⁹.

За царя приносили здравицы по всей России. В изданном в 1860 г. описании Московской Оружейной палаты есть указание на застолье донских казаков XVII в.: «За всяким кушаньем пили мед за здравие. Первая чаша за здравие государя; хозяин возглашал: “Здравствуй, царь, государь в Кременной Москве, а мы донские казаки на тихом Дону”». Потом следовала чаша войска Донского: «Здравствуй, войско донское, с верху до низу, с низу до верху», после нее – чаша за здоровье атамана, всех гостей и т.д. На многих сосудах были надписи, например: «Чарка добра человека, питии из нее на здравие, хваля Бога и моля про господарево многолетнее ево здравие»⁵⁰.

Довольно часто царя и московских патриархов помимо светских правителей посещали иностранные духовные лица, например, из Лаодикий, Тырнова, Грузии, много иноков приезжало со Святой горы Афон, а также простые миряне⁵¹. Многие из них получали кроме благословения и денежной помощи еще и ценные подарки в виде мехов, тканей и посуды. Прием же представителей вселенских церквей проходил очень торжественно. Когда Россию посетил для сбора пожертвований патриарх Антиохийский Макарий, то ему была оказана высокая честь присутствовать на царском обеде в Кремле, устроенном 12 февраля 1656 г. Сохранилось подробное описание, сделанное сыном патриарха диаконом Павлом Алеппским, в котором он пишет, что после окончания утреннего богослужения царь сначала принял патриарха в Патриарших палатах, а потом пригласил его разделить с ним трапезу: «...это большой почет и великая честь». Прием состоялся в тот же день в большой палате, где были расставлены кругом столы, царь сидел на переднем месте и перед ним стоял большой стол, весь покрытый серебром. На прием был также приглашен патриарх Сербский. При входе патриархов он встал, снял корону и поклонился. Они благословили его и пропели «Достойно есть» перед иконами, которые были над его головой. Патриарх Никон сел по левую руку от царя и рядом с ним сел патриарх Антиохийский Макарий. Гостей обслуживали 200–300 стольников, все они были из бояр и носили красивую одежду голубого цвета, украшенную драгоценными камнями и золотом, и светло-зеленые колпаки. Одни стольники подносили гостям хлеб, другие – блюда с кушаньем, иные – кубки с напитками. Все это они подносили сначала царю, а он рассылал с ними всем присутствующим.

«Стольники, т.е. служащие за столом, поставили перед царем и обоими патриархами серебряные тарелки с тремя такими же кубками, – писал Павел Алеппский. – Министров и приближенных царя посадили за длинным столом, и каждый из них, прежде чем сесть, подходил, кланялся до земли царю, шел и садился. Все они находились с левой стороны нашего владыки патриарха». Другие иерархи сидели направо от царя за дальним столом. За столами, расставленными рядами посередине, сидели настоятели монастырей, священники и монахи и другие гости. Затем оба патриарха встали и прочитали молитву над трапезой и благословили царя и трапезу. Стольники поднесли царю большие продолговатые хлебы, которые он рассылал всем присутствующим: сначала патриархам, а потом своим подчиненным. Смысл этого обычая состоял в следующем: «Всякого, кто ест этот мой хлеб и изменит мне, оставит Бог». Первое, что вкусили, был этот хлеб с икрой. Затем царь встал, подал каждому из патриархов по три кубка вина вместе, а потом послал их также всем своим боярам. Стольник при этом брал от него кубки и выкрикивал громким голосом имя того, кому царь хотел передать кубок.

К столу виночерпии подали критское вино, вишневую воду и мед разных сортов. У того стола, на котором было размещено множество кубков, стояли бояре, и один из них вместе со служителями наполнял беспрестанно сосуды, которые разносили присутствующим. Потом стольники стали подавать разные кушанья.

«Так продолжалось от послеполудня почти до полуночи, так что нам стало невмоготу, – писал Павел Алеппский. – Затем царь встал и стольники начали подносить ему серебряные кубки с вином; сначала он подал их патриархам, которые выразили ему свои благопожелания, певчие же пропели ему многолетие; потом раздавал он всем присутствующим собственноручно, каждому по кубку, ибо эта круговая чаша за его здоровье, и выпивают ее в знак любви к нему. Один из ближних вельмож стоял подле него, поддерживая его правую руку. Всякий подходивший к царю сначала кланялся ему до земли издали, затем приближался, целовал его руку и, приняв чашу, возвращался назад и выпивал ее, потом кланялся ему вторично и уходил. Так шло до последнего. Вместе с ними подходили и мы. Затем патриарх вторично выразил свои благопожелания, и певчие пропели многолетие царице и ее сыну Алексею. Царь опять раздавал собственноручно всем присутствующим до последнего другие кубки. Потом по его приказанию певчие пропели многолетие патриарху Московскому, кир Никону, и царь, сначала выпив его здравицу, также раздавал вино всем присутствующим. Затем по его приказанию пропели многолетие патриарху Антиохийскому и всем боярам, и была выпита четвертая круговая чаша, которую раздавал патриарх собственноручно, причем архидиакон поддерживал его правую руку».

Раздав кубки, царь встал, оба патриарха прочитали молитву, после чего внесли панагию на серебряном блюде, и все получили от нее частицу. После прочтения послеобеденной молитвы царь простился с Антиохийским патриархом и назначил ему в провожатых своих бояр до монастыря, где гости жили. Гости прибыли туда уставшие, удивляясь русскому придворному этикету. «Но каково было положение царя, который оставался на ногах непрерывно около четырех часов с непокрытой головой, пока не роздал всем присутствующим четыре круговые чаши! Да продлит Бог его дни и да возвысит его знамена славы и победой! Не довольно было ему этого: в мину-

ту нашего прибытия в монастырь ударили в колокола, и царь и его бояре с патриархом пошли в собор, где слушали вечерню и утреню и вышли только на заре, ибо было совершено большое бдение. Какая твердость и какая выносливость! Наши умы были поражены изумлением при виде таких порядков...», – писал потрясенный Павел Алеппский⁵². Столь же подробно он описал и застольный этикет на обеде у патриарха Никона, состоявшемся в четверг на сырной неделе (масленице) по случаю поминовения московских митрополитов и патриархов⁵³.

В некоторых случаях заздравная чаша получала название «прощальной». Это случалось, например, в Прощеное воскресенье, когда после совершения обряда прощания в Успенском соборе государь шел прощаться к патриарху в сопровождении бояр и прочих чинов в Крестовую палату. В сенях палаты еще до прихода государя был устроен царский питейный поставец от Сытного дворца с разными винами и медом. За поставцем сидел для отпуска всяких питей думный дворянин с думным дьяком, которые заведовали Приказом Большого Кремлевского дворца. У поставца находились степенный и путный ключники, чарочники и дворцовые стряпчие. «И посидя немного», государь приказывал стольникам нести напитки. «Наложа» по три кубка романеи, да ренского, да бастры, думный дворянин сдавал питья стольникам, которые чинно, один за другим, с кубками в руках, входили в палату и подносили питья патриарху. Приняв кубки, Святейший отливал из каждого для себя и потом подносил государю «всех питей по три кубка». Государь «накушивал» и отдавал стольникам, которые возвращали их на поставец. После того стольники в том же порядке вносили кубки для бояр. Точно так же подносили их патриарху, который потом подавал боярам, окольным и думным людям «всех трех питей по кубку». Во второй раз с тою же церемонией подносились были в золотых ковшах красный мед: государю три ковша, боярам по одному. Напоследок подносили в серебряных ковшах белый мед «тем же обычаем». После этого государь иногда жаловал из своих рук чашами митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, потом давал по ковшу белого меда патриаршему боярину, дьякам, казначею, ризничему, причем чашничали те же стольники. После этого государь с патриархом молились и царь уходил⁵⁴.

Заздравную чашу воздвигали после окончания стола по случаю рождения наследников престола и их крестин и других почетных столов. Сначала патриарх «действовал Пречистую», т.е. совершал чип возношения просфоры или хлеба в честь Пресвятой Богородицы, после чего «молитвословили» над заздравными чашами царю и патриарху. После «стола» патриарх обращался с молитвенным воззванием к Богу, говорил заздравную речь и первым выпивал чашу с вином, а потом передавал ее царю, митрополитам и боярам. Когда праздновали именины царя (день тезоименитства), то городские главные воеводы митрополиты, монастырские власти устраивали столы (даже на войне), а после их окончания пили заздравные чаши. В это время в Москве и в других городах «всякого чину не работают и свадеб не играют и мертвых не хоронят»⁵⁵.

Поминальную чашу поднимали во время «сборов» – поминальных трапез, которые происходили после службы в Кремле в Дворцовой «панакхидной полате» («Сборной» палате) или в патриаршей Крестовой палате. На трапезы приходили патриарх, царь с приближенными и духовенство, их

обносили обычно медом в чарках или кубках. В конце стола пели заупокойный тропарь над кутьей, а затем возносили чаши за здоровье царя и патриарха. В XVIII в. эта практика поминок значительно упростилась и продолжала сохраняться лишь в старообрядческой и купеческой среде⁵⁶.

Что же касается церковного чина, то он соблюдался в дни тезоименитства царя и в другие торжественные даты после окончания трапезы и молитвы за царя. Однако церковный чин не получил повсеместного распространения, поскольку хмельные напитки во многих обителях не пили. Еще Федор Иоаннович в 1591 г. запретил употреблять в монастырях медовый квас, а в 1621 г. вышел царский указ о запрещении употребления «пьянственного питья» в обителях. При Алексее Михайловиче указом 1642 г. запрещалось принуждать пить заздравные чаши тех монахов, которые дали обет не вкушать хмельного питья и медвяного квасу. Учитывая эти указания, в монастырях были составлены свои, особенные правила под названием «Чин и устав на трапезе за приливом о здравии благочестивейшему царю и великому князю», внесенный в «Требник». После трапезы настоятель поднимал чашу, обращаясь ко всей братии со словами: «Дай, Господи, дабы Государь наш...» и зачитывал текст «Чашы», но вместо вина пили обычно пресный мед или сыченый квас и очень редко – романею, скорее всего разведенную водой⁵⁷.

За ограничения в употреблении хмельных напитков выступали и церковные иерархи. Архиепископ Рязанский и Муромский Мисаил писал в грамоте в 1651 г.: «Игумены, дети смирения нашего, не держите у себя по монастырям в погребах, ледниках, кельях ни вина, ни пива, ни медов хмельных. Прикажете строго в вотчинах монастырских служителям и крестьянам, чтобы не курили вина к праздникам, не варили пьяного вина и браги и не готовили хмельных медов... И вы, соборные, городские, посадские и уездные священники и диаконы, также не держите в своих домах вина и пива, браги и всякого хмельного питья. Не ходите по кабакам, не пейте и в других местах... Учите своих детей духовных и прихожан страху Божию и запрещайте ходить в кабаки, равно и в домах держать вино, пиво и всякое хмельное питье»⁵⁸.

В севернорусских обителях, живших особо строгой уставной жизнью, хмельные напитки полностью исключались из пищевого рациона. В Спасо-Преображенском монастыре, расположенном на о. Валаам на Ладожском озере, запрещалось употреблять какие-либо хмельные напитки как инокам, так и приезжавшим туда паломникам. В Соловецком монастыре на Белом море, особенно в то время, когда его наместником был архимандрит Досифей, также воспрещалось пить любые «горячие» напитки⁵⁹.

Торжественный обряд молитвословия над заздравными чашами совершался и в последующие столетия в зависимости от обстоятельств. «Дворская обрядность давала высокое значение сему обычаю, как выражению преданности и благоговения к самодержцу; нарушение его считалось за великое преступление, почти наравне с оскорблением царского величия», – писал И.М. Снегирев.

В период совместного царствования Петра и Иоанна Алексеевичей были вновь написаны тексты с нотным пением о их здоровье. Особая здравица была произнесена на обеде в Грановитой палате в 1689 г. по случаю дня рождения царевны Софии. Когда же престол занял Петр I, был составлен чин, посвященный царю, с упоминанием царевича Алексея, царицы и ца-

ревны, которых поименно перечислял в молитвенном возгласии архимандрит (или игумен). Известен также «Чин, егда бывает заздравная чаша в день ангелов великих государей», который соблюдали в монастырях, и в молитвословии на трапезе поминались царь Петр и царевич Алексей. Однако многие новшества, введенные во многих сферах жизни русского народа во времена правления Петра I, привели к тому, что прежние молитвенные возгласы при поднятии чаши за здоровье царя постепенно стали заменяться здравицами наподобие западноевропейских тостов. Да и само застолье все больше походило на принятые в Западной Европе пиры с пением гимнов или банкеты («бинькеты»), которые, кстати, появились в России еще в 1675 г.

С расширением международных связей в правление Петра I при дворе и в домах знатных вельмож ассортимент хмельных напитков значительно увеличился. Путешествия, войны, другие события и обстоятельства способствовали проникновению в Россию, среди прочих новшеств, западноевропейской посуды. Это были пивные кружки, кубки, стаканы, бокалы и другие изделия известных мастеров. Стол богатого горожанина украшали также бутылочные и рюмочные приборы – «передачи», приспособленные для передачи из рук в руки бутылок и рюмок за столом. Придворная знать перенимала многие традиции, не свойственные прежде русскому застолью.

При всем различии имущественного положения разных слоев населения застольный этикет был практически одинаковым. В зажиточных домах, приглашая к себе гостей, хозяин либо сам ездил к ним, либо посылал с приглашениями слуг.Guestы обычно встречали у порога дома, в особо торжественных случаях – с хлебом-солью. Дом тщательно прибирали, для застолья всегда отводилась лучшая комната, праздничный стол накрывали красивой скатертью и расставляли на нем изысканную и дорогую посуду.

Рассаживать гостей за столом по рангу также входило в обязанности хозяина. Нередко на этом строились отношения хозяина с гостями и в дальнейшем. Место по правую руку от хозяина считалось самым почетным. В обязанности жены хозяина входило угощать гостей и потчевать их чаркой вина по очереди. Хозяин, наливая гостям, первым отвеживал хмельного напитка, будь то чарка вина или кубок с медом. После того как гости рассаживались по отведенным им местам, начиналось угощение. Хозяин разрезал хлеб на куски и раздавал их гостям. Он же подавал почетным гостям лучшие или «опричные» блюда. Корб, посетивший Москву в 1698 г., наблюдал «поцелуйный обряд», согласно которому жена или дочь хозяина дома, поднеся кубок с вином почетному гостю, ждала, чтобы он ее поцеловал, и затем молча удалялась, но в начале XVIII в. этот обряд исчез⁶⁰. В крестьянской среде тоже не обходилось без церемоний, но об этом следует написать отдельно.

В повседневном русском лексиконе сохранились слова и выражения, непосредственно связанные с заздравной чашей. В XIX в. слово «заздравный» означало «относящееся к пожеланью кому здравия, многолетия, благополучия», отсюда пошло выражение «поднести кому-либо заздравный кубок». Соответственно существительное «заздравие» означало «пожеланье кому здравия, с обычными обрядами и опороженьем заздравного кубка, с криком ура, с пальбой». Слово «заздравщина» означало «пир или попойка с заздравьем», «заздравная пирушка». Глагол «заздравствовать» означал начать здравствовать, желать здравия кому-либо, отсюда пошло существительное «заздравствованье».

Старинное слово «зравица» означало как сам заздравный кубок, так и пожелание, тост – «заздравие» («Он с лавки встает, он речи ведет, зравицу пьет»; «Чью зравицу пьем, того чествуем»). Глагол «здравствовать» означал не только быть здоровым, но и пить или подносить зравицу. Из «заздравной просфоры» на проскомидии вынимается частица за чье-либо здравие, а выражение «отслужить заздравный молебен» связано с общей молитвой о здравии.

Производные слова – глаголы «здравствоваться», «здороваться» вызвали появление обращения «Здравствуйте!», ставшего обычным приветствием при встрече или свидании. Это же значение имеется в официальном приветствии нижних военных чинов высшему: «Здравия желаю!»

Глагол «здравничать» означал пить за чье-либо здоровье, чокаться, пить чью-либо зравицу, отсюда пошло слово «здравничанье» – питье за чье-либо здоровье, «здравствователь», «здравствовательница» – кто кому здравствует, желает здравия, кто пьет чью-либо зравицу. Отсюда производные слова – «здравщик», «здоровщик», «здорователь» – то же, что и «здравствователь». Все это отразилось в многочисленных пословицах и поговорках: «Чье винцо, того и заздравьеце!»; «Кому скоромно, а нам на здоровье!»; «Не твоему здоровью пьют, не отзывайся спасибо!»; «С твоим здоровьем и говорить скоромно»; «За здоровье того, кто любит кого!»; «Здравствуй, стаканчик, прощай, винцо!». В повседневном быту распространились слова и выражения, в которых встречалось упоминание о чаше: «Чаша, море Соловецкое, пить здоровье молодецкое!»; «Дом как полная чаша»; «Дом, чаша чашей»; «Какову чашу другу налил, такову и самому пить»; «Не твоя чаша, не тебе и пить». Прилагательные «чашный», «чашечный» означали все, что относилось к чаше. От слова «чаша» пошло выражение «чашничать», «бражничать», «пировать»⁶¹.

В современной жизни есть достаточно приятных поводов, чтобы пригласить гостей по случаю дня рождения, юбилея, семейного торжества и другой памятной даты и разделить с ними совместное застолье. При этом будет произнесено немало здравий и тостов, история и значение которых сейчас практически забыты. Эта небольшая статья была призвана напомнить, откуда эта традиция берет начало, какие обычаи и обряды были связаны с подготовкой праздничного стола и приемом почетных гостей, какие напитки были предпочтительны на праздничном застолье и как их подавали. И несмотря на то что приведенные в ней примеры касались в основном придворного этикета, основные этические положения застольного поведения стали традиционными для всего русского народа.

¹ Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990. С. 149; Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. С. 5.

² Петрухин В.Я. Праславянская культура и древние славяне // История культур славянских народов. Т. 1: Древность и Средневековье. М., 2003. С. 55.

³ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 64; Гельмгольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 129.

⁴ Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. ГИМ. М., 1996. С. 8; Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 355.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 64, 67, 105, 117, 167, 170.

⁶ Похлебкин В.В. История важнейших пищевых продуктов. М., 1997. С. 57.

⁷ Повести Древней Руси. Л., 1983. С. 42, 43.

⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. С. 157.

⁹ Пыляев М.И. Старое житье. Очерки и рассказы о бывших в отшедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней жизни. СПб., 1897. С. 6.

¹⁰ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 52.

¹¹ Снегирев И. Заздравные чаши // Русский архив. 1909. № 6. С. 199–203.

¹² Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли // Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 12; Жиро П. Быт и нравы древних греков. Смоленск, 2000. С. 130, 178, 179, 327.

¹³ Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1892. С. 56, 295.

¹⁴ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 53–59, 69, 70, 71.

¹⁵ Орлов А. Чаши государевы. М., 1913. С. 3.

¹⁶ Скабалланович М. Толковый Типикон. Киев, 1910. С. 61–69.

¹⁷ Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Т. 1. С. 468; Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 182; Слово писаное святым Феодосием Мнихом // Православный собеседник. 1858. Ч. 3. С. 255.

¹⁸ Вагнер Т.К., Владышевская Т.Ф. Искусство Древней Руси. М., 1993. С. 190; Смирнов С. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: Тексты и заметки. М., 1912. С. 96.

¹⁹ Повести Древней Руси. С. 85, 86; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 3–4, кн. 2. С. 86.

²⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1991. Т. 4. С. 585.

²¹ Никольский В. К вопросу о формах и происхождении древнерусской братины // Труды Оружейной палаты. М., 1925. С. 77; Просвиркина С.И. Русская деревянная посуда. М., 1957. С. 44.

²² Ржигза В.Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси. М., 1929. С. 53.

²³ Базилевич К.В. Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 3; Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 206–216.

²⁴ Даль В.И. Указ. соч. Т. 4. С. 585.

²⁵ Орлов А. Указ. соч. С. 26; Мансчетов И. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 274–278.

²⁶ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 157, 158.

²⁷ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 54, 56, 62.

²⁸ Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988. С. 109, 219.

²⁹ Орлов А. Указ. соч. С. 4, 5.

³⁰ Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов // Временник Общества истории и древностей Российских. М., 1850. № 7.

³¹ Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. С. 409; Лухачев Н.П. Дипломатика. СПб., 1901. С. 85.

³² Постникова-Лосева М.М. Серебряные изделия ювелиров Сербии и Дубровника XIV–XVIII веков в музеях Москвы и Ленинграда // Древнерусское искусство: зарубежные связи. М., 1975. С. 175–183.

³³ Пыляев М.И. Указ. соч. С. 5.

³⁴ Домострой / Сост. В.В. Колесова. М., 1990.

³⁵ Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова // Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 57.

³⁶ Никольский К.Т., прот. О службах Русской Церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. С. 77.

³⁷ Снегирев И. Указ. соч. С. 199–203; Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 176, 177.

³⁸ Строев П.М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы П.М. Строева // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1882. Т. XLI. № 2. Прил. С. 445.

³⁹ *Никольский К.Т., прот.* Указ. соч. С. 237–256.

⁴⁰ *Костомаров Н.Н.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 189; *Павел Иовий Новокамский.* Книга о посольстве // Библиотека иностранных писателей о России. М., 1836. Т. 1. Отд. 1. С. 50.

⁴¹ *Писарев Н.Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. С. 181.

⁴² Опись Московской Оружейной палаты. М., 1885. Ч. 2. Кн. 2; *Орлов А.* Указ. соч. С. 15.

⁴³ *Писарев Н.И.* Указ. соч. Прил. С. 33, 34; *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 184; *Романов П.В.* Застольная история государства Российского. СПб., 2000. С. 20.

⁴⁴ *Писарев Н.И.* Указ. соч. Прил. С. 14, 17, 20, 27, 47.

⁴⁵ *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 5.

⁴⁶ *Орлов А.* Указ. соч. С. 18, 24.

⁴⁷ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 259.

⁴⁸ *Орлов А.* Указ. соч. С. 23.

⁴⁹ Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 103, 104.

⁵⁰ *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1855. С. 129.

⁵¹ Там же. С. 302.

⁵² *Забелин И.Е.* Некоторые придворные обряды и обычаи царей московских // Московские ведомости. 1847. № 54. С. 421; *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 18.

⁵³ Там же. С. 302.

⁵⁴ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII ст. М., 1895. Ч. 1. С. 319; *Он же.* Домашний быт русских цариц в XVI–XVII ст. М., 1869. С. 344; *Писарев Н.И.* Указ. соч. С. 215, 216.

⁵⁵ *Забелин И.Е.* Некоторые придворные обряды и обычаи царей московских // Московские ведомости. 1847. № 54. С. 421; *Котошихин Г.* Указ. соч. С. 18.

⁵⁶ *Голубцов А.* Соборные чиновники и особенности службы по ним // ЧОИДР. 1907. Кн. 3. С. 47, 48.

⁵⁷ *Орлов А.* Указ. соч. С. 10.

⁵⁸ Русский паломник. 1998 (Джорданвилль). № 17. С. 10.

⁵⁹ Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального перво-классного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. Отд. 3. Гл. 4. С. 274.

⁶⁰ *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 158.

⁶¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 578, 579, 675, 676; Т. 4. С. 585.

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ МОЛДОВЫ И ЮЖНОЙ УКРАИНЫ: ЖИЛИЩНАЯ ПРАКТИКА

Возникновение феномена старообрядчества относится к середине XVII века – ко времени Церковной реформы. Сначала раскольниками, а с 1782 г. старообрядцами¹ стали называть приверженцев «старой веры», не принявших религиозных нововведений патриарха Никона. До сегодняшнего дня неотъемлемой чертой старообрядческой культуры является соблюдение церковных обрядов в их дониконовском варианте.

Из-за гонений царского правительства и преследований официальной православной церкви старообрядцы были вынуждены бежать на окраины и за пределы Российской империи. На территорию Пруто-Днестровского междуречья первые старообрядцы переселились в начале XVIII в. По данным В.С. Зеленчука, одним из первых старообрядческих поселений на этой территории стало с. Куничное (Кунича)². И по сегодняшний день старообрядцы проживают в ряде поселений современной Молдовы (Кунича, Покровка, Новая Грубна, Егоровка, Сакаровка, Старая Добруджа, Троицкое, Семеновка и др.) и Одесской области Украины (Старая Некрасовка, Новая Некрасовка, Муравлевка, Коса, Мирное, Жебрияны (Приморское)), городах (Вилково, Измаил, Килия и др.).

За старообрядцами Бессарабии закрепился термин «липоване». Происхождению этого термина посвящен целый ряд научных работ³. Наиболее устойчивая в историографии точка зрения по данному вопросу заключается в том, что первоначально «пилипоны», а позже «липоване» – это приверженцы филипповского толка («филиппоны», «пилипоны», «липоване»). Позднее название «липоване» распространилось на всех старообрядцев Бессарабии, в том числе и не принадлежавших к последователям филипповского толка⁴.

В силу постоянной необходимости прятаться от преследований, старообрядцы вели замкнутый образ жизни. Это во многом способствовало сохранению ими большинства культурных традиций исторической родины. Конечно, сохраняя свои традиционные черты, старообрядческая культура в некоторой степени воспринимает те новшества, которые позволяют ей выживать в условиях общемировых тенденций. Стержнем же старообрядческого мировоззрения остается духовность, сквозь призму которой осуществляется сохранение традиционных и приобретение новых культурных черт.

Гонения, которым подвергались старообрядцы, привели и к тому, что у них сформировалось совершенно особое отношение к своему, защищенному, безопасному пространству, воплощением которого в первую очередь является жилище. Представляя собой одну из важнейших категорий этнической культуры, традиционное жилище, в свою очередь, может служить надежным и информативным источником по ментальности изучаемого этноса или этнической группы.

Изученность темы. В этнографической науке существует целый ряд работ, посвященных традиционному восточнославянскому жилищу. Среди

них исследования Д. Зеленина⁵, Е. Бломквист⁶, Л. Желтова⁷, М. Зениной⁸, Л. Чижиковой⁹, И. Верняева¹⁰ и др. Однако в перечисленных работах жилище рассматривалось практически только как объект материальной культуры. Ученые-этнографы, как правило, не уделяли должного внимания детальному описанию и анализу обычаев и обрядов, народных представлений, связанных с жилым комплексом, не исследовалось и восприятие жилища носителями различных культур. При этом взгляд на традиционное жилище как на сугубо материальный объект не дает возможности разглядеть самые яркие особенности культуры. Ведь в пределах одного региона дома носителей различных культур внешне достаточно сходны. Культурное своеобразие выражается в особенностях восприятия жилища как своего пространства, способах его освоения, представлениях, связанных с ним, что может отражаться в обрядности, организации пространства и т.д. Отсюда вытекает необходимость изучения жилища как единства материального и духовного объектов, тем более, что грань между ними и так носит достаточно условный характер.

Именно в таком ключе выполнено исследование А.К. Байбурина по восточнославянскому жилищу. В своей работе «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян»¹¹ ученый рассматривает жилище в семиотическом аспекте. В первой части автор останавливается на обрядах, предваряющих и сопровождающих строительство жилища, и обрядах, совершаемых при переходе в новое жилище. Во второй части представлены семиотические аспекты организации внутреннего пространства восточнославянского жилища: автор рассматривает значимые элементы жилища (двери, окна, матицу, углы дома, печь, пол, потолок) сквозь призму их символического значения, останавливаясь на этнографических особенностях жилища восточных славян в разных регионах.

Отрывочные сведения о жилище старообрядцев непосредственно Бессарабии XIX – начала XX в. находим в некоторых историко-этнографических описаниях края. Так, в работе известного этнографа А.С. Афанасьева-Чужбинского «Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра» содержится несколько упоминаний о липованском жилище. Одно из них касается жилища в местечке Маяки на левом берегу Днестра: «... хозяйка, ласково приветствовав меня, ввела в хорошо убранную комнату, передний угол которой уставлен древними иконами в богатых окладах...»¹². Впечатление этнографа от липованского жилища в Белоусовке: «Женщина пустила меня в большую чистую комнату»¹³. А вот и другое упоминание: «Как оглянулся на стены, у меня душа так и вошла в пятки. Кажется, что в эту хату со всего света собрались большие черные тараканы и не только на стенах и потолке, но везде – на столе, на окнах, а у печки сидели такими кучами, что страшно вымолвить». Тут липованка объяснила гостю: «Где тараканы в доме, там и благословение»¹⁴.

Описание старообрядческого жилища XIX в. находим в очерке Г. Бахталовского «Посад Вилков»: «...остов дома делали из дерева, переплетали камышом и веревками, обмазывали илом или глеем, привозимым из Дуная, накрывали камышом, в окна вставляли стекла, а не пузыри, печки устраивали из сырца, топили камышом, огонь добывали из кремня кресалом, освещали дом рыбьим жиром»¹⁵.

В связи с жилищной практикой старообрядцев Молдовы показательны свидетельства Н. Надеждина: «Весь домашний быт их (речь идет о старооб-

рядцах Молдавии. – *Н.Д.*) есть быт наших околomosковских поселян: та же русская изба с углами и крышей под князек, с русской печью, даже с русскими ухватами, кочергою и помелом...»¹⁶.

Проблематикой старообрядческого жилища на территории современной Молдовы и южной Украины занимались Л.Н. Чижикова, В.И. Наулко и А.А. Пригарин.

Л.Н. Чижикова рассматривала традиционное жилище русских-старообрядцев в русле эволюционизма, уделяя основное внимание материальной стороне исследуемого объекта. Исследовательница также проследила ряд культурных взаимовлияний, отразившихся на особенностях старообрядческого жилища. Так, под влиянием молдавской культуры сформировался стиль украшения комнат в яркой цветовой гамме, с обилием ковров, вышивок. Как и у украинцев, у старообрядцев дома обычно расположены в углу усадьбы, на некотором расстоянии от забора, окнами на солнечную сторону. В старообрядческом жилище Молдавии сохранились особенности русского жилища центральных и северных районов России: традиция строить бани. Под влиянием русских бани стали строить в ряде молдавских и украинских сел¹⁷.

В.И. Наулко в своем исследовании «Развитие межэтнических связей на Украине»¹⁸ представил сравнительно-этнографическую характеристику традиционного жилища на территории Украины. Автор рассмотрел развитие народного зодчества в этнически смешанных районах Украины, обратив особое внимание на процессы этнокультурных взаимоотношений.

А.А. Пригарин применил постмодернистский подход к изучению традиционного старообрядческого жилища юго-западной Украины: исследователь рассмотрел жилище сквозь призму структуры этнической выразительности. Под выразительностью народной архитектуры автор понимает ее уникальность, своеобразие в конкретном контексте сравнения. В жилищной практике липован Подунавья А.А. Пригарин выделяет четыре уровня выразительности: метаэтнический – уровень сопоставления липованской архитектуры с домостроительным опытом славян в целом; этнический уровень – в сравнении с жилищем русских других районов; региональный и локальный – при привлечении материала из практики соседнего населения; а также субэтнический или этноконфессиональный уровень – отличительные свойства жилищ старообрядцев Подунавья¹⁹. А.А. Пригарин также прослеживает сохранение особенностей традиционной культуры старообрядцев на материале жилища: это бытование бани, обычай крепить икону над дверьми, расположение печи в противоположном углу от входа в некоторых липованских постройках и др.²⁰

Кроме указанных исследований отрывочные сведения о жилищной практике старообрядцев интересующего нас региона находим в ряде статей и монографий, посвященных русской культуре Молдовы и Украины. Так, в монографии «Русское население городов Бессарабии XIX века» Н. Абакумова-Забунова отмечает, что к традиционным национальным особенностям материальной культуры, особенно стойко сохранявшимся русскими жителями Бессарабии, относится русская печь²¹.

В пятом номере периодического научного сборника «Липоване: история и культура русских-старообрядцев» опубликована статья В.В. Грябан и М.К. Чучко «Традиционное жилище буковинских липован в исследованиях австрийского архитектора К.А. Ромшторфера»²². Последний отмечал бед-

ность липованского дома, который при этом по пространственной организации напоминал венгерское и немецкое жилище²³.

Упоминание о старообрядческом жилище содержится в статье Л.Н. Свинцовой «Традиции, культура, особенности быта старообрядцев»: «В зависимости от доходов хозяина дома, окон по фасаду дома было от трех до восьми. Непременным условием были высокие резные двустворчатые ворота с крышей и калиткой (форткой). Все ручки, завесы, засовы, украшения на дверях и воротах кованые» (Свинцова, Интернет).

Таким образом, обобщение накопленного материала по жилищной практике старообрядцев современной Молдовы и южной Украины позволяет говорить об отрывочности и недостаточном количестве сведений по данной проблематике.

Источники. Кроме литературы по теме основными источниками для данной работы послужили полевые материалы, собранные в 2009 г. во время экспедиции в Одесской области Украины, а именно в старообрядческих селах Новая и Старая Некрасовка, Приморское (Жебрияны) и в г. Вилково.

Усадебный комплекс. По данным А.А. Пригарина, традиционное название усадьбы, характерное как для старообрядческого, так и для остального населения Молдовы и южной Украины, – это план. Данное название, по мнению исследователя, сохранилось еще с первой трети XIX в., когда государство наделяло крестьян приусадебными участками, согласно плану²⁴. При этом передняя, расположенная ближе к улице, часть усадьбы носит название двор. Здесь расположены жилые и хозяйственные постройки. Дальнюю от улицы часть липованской усадьбы занимают огород и сад. Эта часть усадьбы сохранила название гарман (примерно до середины XX в. здесь был расположен ток, который впоследствии заменил огород с садом).

Что касается расположения дома по отношению к улице, то в обследованных селах он чаще всего обращен к улице узкой торцовой стороной. Для защиты жилища от холодных ветров с северной стороны фасадную стену с окнами и входной дверью старались преимущественно ориентировать на юг. Некоторые дома, к примеру, в Новой Некрасовке, в Вилково, выходят продольной стороной непосредственно на улицу. Последний вариант застройки был характерен для южнорусских губерний²⁵.

Для рассмотренных сел невозможно выделить один явно преобладающий вариант застройки двора: встречаются однорядные, двухрядные и даже скученные типы застройки.

От улицы усадьбы отгораживаются забором. В XIX – начале XX в. заборы делались из камыша – плетень. Были распространены и деревянные заборы, причем перед домом ставили маленькие заборчики либо не ставили их совсем (дом выходит непосредственно на улицу), а рядом с домом – высокие. О высоких заборах, ограждающих липованские усадьбы, писал и исследователь буковинских липован Д. Дан: «В тех местностях, где они проживают вместе с иноверцами, они обычно ограждают свое жилье и сады высокими заборами, чтобы спрятать их от заинтересованных взглядов чужаков и чтобы защитить свою собственность, что придает их домам некую таинственность»²⁶. Ворота в XIX – начале XX в. делали из камыша или деревянные, с конца XX в. – уже металлические.

А.А. Пригарин отмечает наличие двух принципиально разных видов жилища у старообрядцев рассматриваемой территории до начала XX в.

Это невысокая двухкамерная постройка с чамурной крышей-потолком – так называемая бурдейка – и хата (наличие потолка и камышовой крыши – главное отличие от бурдейки). Бурдейка являлась временным жилищем либо постоянным для малообеспеченной части населения²⁷.

В более позднее время во временной постройке, которую располагали в конце двора, липоване жили до начала и во время строительства нового дома (а в ряде случаев, при экономически неблагоприятном положении семьи и в течение всей жизни). Когда дом был готов, эту постройку сносили.

С советского времени в усадебном комплексе начали появляться так называемые флигели или летние кухни. Липоване, имевшие свои дома, строили у себя во дворе флигели – помещения, в которых готовили еду, а в зимнее время еще и грелись. Поэтому перед строительством нового дома люди жили во флигелях, после чего к этой небольшой постройке переходили в основном хозяйственные функции.

На некоторых старообрядческих усадьбах сегодня имеются две постройки, предназначенные для жилья: «старый» и «новый» дома. В первом живут родители, а во втором – дети со своими семьями. Некоторые семьи предпочитают перестраивать старые дома, обновлять их и жить под одной крышей с родителями. В этом случае усадебный комплекс включает одну жилую постройку.

Кроме жилой постройки (жилых построек) на усадьбе располагаются постройки хозяйственного назначения, а в задней части усадьбы – огород с садом. Огороды долгое время не ограждались. «Каждый знал межу», – как объясняли местные жители. Иногда для удобства на этой меже выкапывали небольшие канавки. Современный усадебный комплекс зачастую включает палисадник, расположенный либо перед домом, либо во дворе. Его ограничивают от остального пространства невысоким заборчиком, обычно деревянным.

Что же касается отдельных хозяйственных построек, то необходимо отметить, что они появились в усадебном комплексе только в середине XX в. До этого времени все помещения находились под одной крышей. Жители липованских сел рассказывали, как содержали кур на чердаке. Старообрядческое жилище такого типа описал К.А. Ромшторфер, исследовавший буковинских липован. В рассмотренном им жилище амбар с кадками для фруктов располагался в задней части прихожей, а овин и конюшня примыкали к жилой части дома²⁸.

С середины XX в. во дворе липованской усадьбы располагаются флигель (помещение для приготовления еды), сарай (для хранения инвентаря), лабаз (помещение для дров), половник (для хранения соломы и половы), комора (для хранения продуктов и вина); кроме этого, постройки для содержания домашних животных и птицы: саж (помещение для кабанов), курник / курятник (для домашней птицы), кролятник (для кроликов), коровник или конюшня (помещение, в котором держали коров и/или коней).

Отдельно следует остановиться на обязательном элементе липованской усадьбы – бане. Интересно, что наличие остальных построек зависело от материального положения владельцев усадьбы. Баня же присутствует практически во всех усадебных комплексах липован Молдовы и южной Украины. Показательно, что наличие бани как отдельной постройки характерно для северной и центральной частей России²⁹.

Баня состоит из двух помещений: предбанник и сама баня. В бане с одной стороны стоит печь-каменка, которая накаляется до 100 градусов. Другую стену занимает полок – широкая скамья, на которой парятся. Напротив – обычная скамейка. Топят баню липоване преимущественно хламом. Приблизительно до середины XX в. были распространены черные / курные бани: без дымоходов, дым через камни шел в помещение. С середины XX в. распространение получили белые бани – с дымоходом. Традиция париться в бане по субботам соблюдается в липованских селах неукоснительно. Липоване говорят, что «без бани грешно». Однако вместе с тем баня является «нечистым местом»: здесь нет икон, а перед тем, как войти в баню, нужно снять крест.

Под влиянием традиций соседнего украинского населения во второй половине XX в. во дворах у липован стали появляться отдельные плиты с духовкой – гарнушка или кабиця. Практически в каждом дворе у липован есть колодец и/или бассейн.

В липованской усадьбе есть и место для отдыха: под навесом. Нередко под навес выносят кровать – летом (а иногда и зимой) это еще и место для сна на свежем воздухе.

Типы старообрядческих жилищ. В местах проживания старообрядцев можно выделить несколько типов жилищ с точки зрения строительной техники: каркасные дома, глинобитные (из вальков) и саманные.

Каркасные дома долгое время строились в Вилково, Приморском (Жебри-яхах), Новой Некрасовке. Основу каркаса этих жилищ составляли вертикальные столбы, скрепленные поперечными балками, пространство между которыми заплетали камышом, лозой, хворостом.

Более распространенным типом жилища среди липован Молдовы и Одесской области Украины в XIX в. были глинобитные дома (из земли и глины с соломой), а примерно с конца XIX – начала XX в. – саманные (из необожженного кирпича – самана). В этом состоит отличие традиции у старообрядцев изучаемого региона от строительной традиции их исторической родины, где дома, как известно, в то время были деревянными. Налицо адаптация к условиям региона. При этом характерно, что первое время после переселения старообрядцы стремились к сохранению традиции деревянного зодчества. Л.Н. Чижикова тоже указывала на стремление липован строить дома согласно старинной русской традиции: так, в с. Кунича Флорештского района современной Молдовы около 200 лет назад строили рубленые дома из дубовых бревен³⁰.

Подготовка к строительству. Традиционно среди липован бытовал запрет на то, чтобы начинать строительство хаты во время религиозного праздника, в том числе и в воскресенье. Однако старожилы отмечают, что в советский период строительство по воскресеньям стало традицией. Сами липоване так объясняют возможность работы во время религиозного праздника: «Поработаем, а потом помолимся: у Бога прощения попросим – Бог простит»³¹.

Что же касается выбора места строительства, то местные жители говорили, что нельзя строить хату на меже или в яме. Эти представления перекликаются с информацией, закрепленной в старинной русской пословице: «Межи да грани – ссоры да брани». В этом контексте любопытен ответ жительницы Новой Некрасовки на вопрос о выборе места для дома: «Строить

нельзя на плохих местах. Плохие места – это где ссоры были, заклятье. Кто-то наслал злобу на место – жизни нет в доме»³².

Начало строительства. До первой половины XX в. дома строились липованами без фундамента. На первый день строительства – на закладчину / заклаченье или на чамур приглашались соседи и родственники: приблизительно от 30 до 70 человек. В этот день из замеса (глина с соломой) делали вальки и выкладывали стены. В Новой и Старой Некрасовках старожилы рассказывали, что месить глину с соломой звали детей, чаще девочек: они топтали глину ногами. А в Приморском замес предпочитали делать при помощи коней.

Эти действия сопровождалось целым рядом ритуалов. Так, на закладчину было принято нести хозяевам хлеб, вино, полотенца и цветы. В восточном углу располагали стол, на который ставили принесенные хлеб, вино. В этом же углу ставили крест, на который завязывали рушники (полотенца). Этот крест при строительстве поднимали до крыши. У многих липован на домах до настоящего времени можно увидеть крест у крыши – «оберег от недоброго».

Сохранился и такой обычай: в центр замеса ставят бутылку и устраивают соревнование: кто быстрее доберется до бутылки. Потом эту бутылку забирают, а в замес бросают хозяина или хозяйку. В другом варианте этот ритуал совершается не на первом, а на последнем чамуре или на потолочинах.

Также в первый день строительства в правый (восточный) угол было принято бросать деньги либо зерно. Копейки собирали в платочек и клали в угол. Местные жители рассказывали: чем больше денег бросишь в передний угол, тем лучше будет. Когда же бросали в угол пшеницу, то желали хозяевам дома благополучия. В этих обычаях, вероятно, проявляется отголосок древнего ритуала строительной жертвы, описанного у целого ряда этнологов³⁴.

По окончании работ хозяева накрывали столы отдельно для мужчин и для женщин. После закладчины ждали несколько недель, чтобы глина высохла, а потом продолжали строительство.

Крыша. Любопытно, что если на закладчину приглашались как мужчины, так и женщины, то на возведение крыши звали только мужчин.

Для липованских сел характерны преимущественно двускатные крыши с усеченным сверху фронтоном. Конструкция крыши – деревянная, стропильная. По данным местных мастеров, стропила (кроквы) располагали через 1 м 20 см. На них уже набивали рейки, а дальше – материал перекрытия. Традиционно самым распространенным среди липован материалом для покрытия крыши был камыш или папура, из-за чего в селах нередко случались пожары. Поэтому к середине XX в. липоване стали переходить на другие, современные материалы перекрытия крыши – шифер, черепицу.

В старообрядческих селах до сегодняшнего дня перед домом и со стороны входа принято делать небольшой вынос крыши – поднавесок. Сейчас этот вынос все чаще называют навесом.

Потолок. Потолки в начале XX в. липоване делали из глины и камыша. Такие потолки часто обвисали (из-за тяжести глины). Поддерживала же потолочную конструкцию продольная балка – матица. Предпочтительным материалом для матицы была акация. К матице на проволоках подвязывали поперечные балки, на которые и укладывали камыш. Показательно, что в

старообрядческих селах Украины матицу называют украинским словом *сволок* – один из примеров взаимовлияния традиций старообрядцев и соседнего, в данном случае украинского населения.

Стены. Готовые стены мазали глиной, причем первая обмазка делалась из глины с соломой, а вторая и третья – из глины с половой (измельченная солома). Потом стены белились. Штукатурить начали только в советское время.

С обычаем перебеливать стены несколько раз в год непосредственно связан ритуал обновления жилища, совершаемый перед большими праздниками.

Пол. Полы в липованских жилищах до середины XX в. были земляные. Земляной пол здесь имел особое название – зем / земь. На пол клали навоз, глину. Когда было холодно, стелили солому. Респонденты-старожила рассказывали, что раньше было принято менять солому на полу раз в неделю, обычно в субботу: за неделю солома «стаптывалась». Только более состоятельные люди могли себе позволить деревянные полы. В современном липованском жилище полы уже штукатурятся, на смолу кладут плиты ДВП.

Освоение нового жилого пространства. Согласно восточнославянским представлениям, построенный, но не заселенный людьми дом является объектом, уже выделенным из остального пространства, но еще не занявшим свое место в том ряду универсальной классификации, который дает человеку необходимый ориентир в окружающем мире³⁴. Поэтому существуют ритуалы, направленные на включение нового дома в «свое пространство». Кроме того, необжитый дом считается «нечистым»³⁵. Это позволяет говорить о направленности ритуалов освоения жилого пространства на очищение жилища.

Перед тем, как войти в новый дом, липоване обязательно светят его от «нечистой» силы. Для этого в дом приглашают священника, который освящает жилище. Этот обряд получил название посвящение. Показательно, что среди липован практически не распространен обычай впускать в дом сначала животное (кошку, курицу), которое наделяется очистительной функцией. В данном случае, как видно, очищение жилища целиком возлагается на обряд с религиозной составляющей. При этом своеобразным логическим продолжением «посвящения» выступает внесение в жилище иконы.

По традиции икона была первым предметом, который вносили в новый дом. Кстати, этот обычай сохранился и по сей день. Абсолютно все респонденты отмечали защитную функцию иконы в доме, которая служит своеобразным оберегом в липованском жилище. При этом важно, чтобы иконы были непременно старообрядческими. Объяснение этому можно найти еще у известного русского историка Н.И. Костомарова: «По всеобщему верованию, благодать не пребывает над тем образом, который писан человеком не православной веры»³⁶. У старообрядцев – «человеком не православной веры» в ее дониконовском варианте.

Планировка жилого пространства. По данным респондентов, с конца XIX в. самой распространенной среди липован была трехкамерная планировка жилого помещения, которая включала заднюю хату, сенцы и переднюю хату. Задняя хата представляла собой жилую часть дома. Там стояла печь с лежанкой, стол, лавки, кровать. В восточном углу располагали икону.

Сенцы выполняли хозяйственно-бытовую функцию: там нередко ставили стол с лавкой, полки для хранения чего-либо.

Со стороны улицы располагалась передняя хата. Ее также называли холдной хатой, поскольку она не отапливалась. В передней хате не жили: это комната для гостей. Здесь отмечали самые важные праздники: дни рожденья, крестины, свадьбы, Пасху, Рождество. В этой комнате стояли кровать, гардероб, стол, лавка, сундук, в переднем углу – икона. Передняя хата – светлая, нарядная комната. Ее старались красиво украсить: липованки специально для этого мережкой вышивали занавески, делали накидки с кружевами, которыми застилали кровать. Показательно и то, что многие респонденты-старожилы именно переднюю хату называют самым важным и ценным местом жилого пространства. В новых домах, построенных в конце XX или в начале XXI в., уже увеличивается количество комнат, отделяется кухня.

Что касается оформления жилого пространства, то оно зачастую представляется очень скромным. Если войти в липованское жилище, очень редко можно увидеть на стенах обои или какие-то украшения. Старожилы отмечают, что в начале XX в. было принято вешать на стены фотографии. Только с середины века начали украшать углы, стены вышитыми гладью полотенцами (рушниками), ими же стали обрамлять фотографии, иконы, а над кроватью или над лежанкой начали вешать ковры. Ряд исследователей, в частности Л. Чижикова, видят в этом проявление влияния украинской и молдавской культур на традиционное старообрядческое жилище³⁷.

Сакральные центры старообрядческого жилища. Сакральным центром жилого пространства старообрядцев является традиционное место расположения иконы – передний угол, который в обследованных липованских селах также называют передний кут³². Для переднего угла сохранилась традиционная ориентация на восток. Здесь находится божничка: в ней кроме иконы помещается лампадка, нередко божничку обрамляют вышитыми полотенцами (рушниками).

Сегодня некоторые липоване располагают икону уже не только в переднем углу, но и в других углах или на столе, на гардеробе. Дело в том, что икон в доме может быть много, поэтому они зачастую просто не помещаются в углу.

Сакральную нагрузку также несет пограничное пространство – пространство около окон и дверей. До сих пор среди липован бытует обычай над входной дверью вешать иконку или крестик, защищающие внутреннее пространство дома и его обитателей. Более того, то же самое делается и в помещениях для домашних животных: вешают крестик над дверью «на удачу».

Половозрастная структура жилого пространства старообрядцев. Информацию о том, что имеет место разделение пространства на мужское и женское, можно найти еще в фольклорных текстах культур. Так, внутреннее пространство жилища традиционно считается женским, а внешнее – мужским. Об этом говорит, например, русская пословица «Кошка да баба завсегда в избе, а мужик да собака завсегда на дворе».

В свою очередь, маркерами структуры внутреннего пространства, по которым этнологами выделяется мужское, женское и детское места в доме, являются такие конструктивные элементы и детали, как порог, дверь, углы, печь, окно, лавка. Наиболее ценная и почетная часть жилого пространства –

передний угол – традиционно ассоциируется с главой дома, с хозяином. Не случайно большинство респондентов мужским местом в доме назвали место в переднем углу/место за столом. При этом местные липованки подчеркивали, что место мужа в доме было четко определено, никто другой не смел на него претендовать.

Женская часть хаты – пространство около печи. Д. Зеленин и А. Байбурин приводят целый ряд обычаев, бытовавших среди восточных славян, в которых печь выступала женской покровительницей и заступницей³⁹. В. Зеленчук писал об обычае «пе куптьорь», защищавшем права женщины в традиционном обществе, который был распространен среди населения Бессарабии⁴⁰. Среди старообрядческого населения эти обряды не зафиксированы, но женским местом в хате единодушно называется место у печи либо на кухне. При этом показательно, что печь играет знаковую роль во внутреннем пространстве хаты, совмещая в себе функции границы и центра пространства. С ней связаны представления о домашнем очаге, благополучии, основательности.

Женское место в доме – это и место у окна. Недаром русское выражение «сидеть у окна», так же как «сидеть за печным столбом», означает «женский удел». Соответственно и лавка, располагавшаяся под окном, у славян традиционно считалась женской лавкой. Однако на сегодняшний день среди липован было утрачено разделение лавок на женские и мужские.

Кроме мужского и женского пространства в жилом помещении можно выделить и так называемое детское. Одним из детских мест в доме является люлька. По данным респондентов, в начале XX в. было принято вешать люльку на матицу посередине комнаты. Мать с лежанки доставала до люльки и качала ее. Когда же дети немного подрастали, их местом становилась печь – самое теплое место в доме. Старожилы отмечали, что в начале века на печи спали по 5–6 детей. Мать укладывала детей на печь на рогожу без подушек. Печь была местом для детей и во время прихода гостей. Показательно, что эти данные соотносятся со славянскими мифологическими представлениями, согласно которым дети появлялись на свет из иного мира. А роль символической границы между мирами в славянском жилище играла именно печь⁴¹. Сегодня, когда часть бытовых функций печи перешла к плите, войдя в липованское жилище, можно увидеть ребенка на стульчике у плиты.

Нередко детским пространством на время прихода гостей были углы: дети находились там, чтобы не мешать старшим.

Важной частью дома в рассматриваемом контексте является и порог. Долгое время порог был местом захоронения детей, умерших некрещеными. Порог традиционно играл важную роль при совершении обряда крещения ребенка. Так, в придунайском селе Мирное среди местного населения распространен такой обычай: «По приходу из церкви кум сначала клал ребенка на пороге комнаты на подушку и кожухи, которые перед этим готовила свекровь матери новорожденного. При этом кумовья говорили: “У вас взяли некрещеного, а вам принесли крещеного”»⁴². Порог по сути олицетворял пограничье внутреннего и внешнего миров. Человек еще периода мифологического мышления выработал представление об определенной системе перехода из одного состояния в другое. Так, новорожденный, не прошедший определенных ритуалов посвящения, не мог считаться частью внутреннего

мира. Позже эти ритуалы сменились обрядом крещения. Лишь крещеный новый человек (ребенок) помещался в постоянное внутреннее пространство дома.

Запретными для детей местами в жилище старообрядцы называют погреб и переднюю хату: первое рассматривается как опасное пространство, второе – пространство для гостей.

Поверья, связанные с жилищной практикой липован. В старообрядческих селах было зафиксировано представление об особых свойствах пограничного пространства. В частности, липоване говорят о том, что ничего нельзя передавать через порог, через открытое окно и через ворота. Причину этого сами жители назвать не могут, но верят, что если запрет нарушить, в семье может случиться несчастье – вплоть до смерти одного из людей, проживающих в доме. Возможным объяснением указанного запрета видится распространенное среди представителей многих этносов поверье о том, что пограничное пространство – сфера обитания умерших предков, которых нельзя тревожить. Кроме того, это граница между мирами своего и чужого, переход которой регламентируется определенным набором правил.

Среди местных жителей также бытует поверье, согласно которому все водоемы усадьбы должны быть закрыты, «чтобы черт хвост не мочил». Одна из жительниц Новой Некрасовки рассказала о таком варианте поверья: «Нельзя оставлять ведро с водой на бассейне без плавающей в нем камышинки или не перекрестить его веревкой. Говорили, что шишман⁴³ придет, в воде покушается и солью⁴⁴ оботрется»⁴⁵.

Что же касается различных духов, обитающих в усадьбе, то кроме шишмана (черта) иногда вспоминают и о домовом. Однако рассказы о домовом не столь распространены и зачастую ироничны, к примеру: «Слышат люди ночью стук – это домовый. От домовых раньше молитвой спасали. Но сейчас уже больше живые домовые...»⁴⁶. Чаще сами липоване затрудняются сказать что-то определенное о домовых, нередко объясняя это тем, что они люди верующие и в домовых не верят. При этом местные жительницы с удовольствием рассказывают истории, услышанные в соседних украинских или молдавских селах, где образ домового более детально прорисован. В этих рассказах домовый представляется «лохматеньким, как котенок», невысоким, добрым существом.

Собранная информация о поверьях, связанных с жилым комплексом липован, вскрывает противоречие в мировоззрении старообрядцев: с одной стороны, они глубоко религиозны («верующие, поэтому в домовых не верим»), а с другой – суеверны (представления о шишмане и т.д.).

* * *

Таким образом, обобщение рассмотренного материала позволяет сказать, что жилищная практика липован Молдовы и южной Украины включает несколько компонентов. Во-первых, это традиции исторической родины старообрядцев – выходцев из разных регионов России. Во-вторых, результат адаптации к условиям региона. Третий компонент – традиции, заимствованные у соседнего населения. При этом важную роль как в строительной практике, так и в домашней жизни липован играет религиозная составляющая.

Следует отметить и то, что, воспринимая определенные новшества, затрагивающие преимущественно внешний аспект жизнедеятельности, старообрядческая культура все же сохраняет свое своеобразие и уникальность.

¹ *Абакумова-Забунова Н.В.* Русское население городов Бессарабии XIX века. Кишинэу, 2006. С. 105.

² *Зеленчук В.С.* Расселение и численность русского населения в Бессарабии XVIII–XIX вв. // Проблемы географии Молдавии. Кишинев, 1969. Вып. 4. С. 115–127.

³ *Литинская В.А.* Этнонимы и конфессионимы русского населения в Румынии // ЭО. № 5. 1998. С. 44–55; *Горбунов Ю.Е.* К вопросу о происхождении названия «липоване» // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Одесса, 2000. С. 135–144; *Пригарин А.А.* «Пилипони» в Подунав'ї наприкінці XVIII – на початку XIX ст. // Записки историчного факультету ОНУ ім. І.І.Мечникова. Вып.14. Одесса, 2003. С. 67–78; *Пригарин А.А.* Народная этимология «некрасовцы» и «липоване» в контексте устной истории группы // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Одесса, 2008. Вып. II. С. 110–116; *Абакумова-Забунова Н.В.* Еще раз к вопросу о названии «липоване» (в контекст дискуссии) // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Одесса, 2008. Вып. V. С. 17–22.

⁴ *Субботин Н.И.* История так называемого Австрийского или Белокриницкого священства. М., 1895. Вып.1. С. 76.

⁵ *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

⁶ *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилище, хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ. М., 1956. Т. XXXI. С. 1–460.

⁷ *Желтов А.А.* Русская баня и старинный северный быт // ЭО. №3. 1999. С. 35–51.

⁸ *Зенина М.Л.* Жилище подмосковных сел второй половины XIX – первой половины XX века // ЭО. №1. 2000. С. 53–70.

⁹ *Чижикова Л.Н.* Этнографические особенности русского населения Молдавии // СЭ. №3. 1973. С. 28–42; *Она же.* Жилище русских // Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М., 1979. С. 11–81; *Она же.* Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). М., 1988.

¹⁰ *Верняев И.И.* Русские: Этнографическая характеристика: Учебно-методическое пособие. СПб., 2006.

¹¹ *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

¹² *Афанасьев-Чужбинский А.С.* Поездка в Южную Россию. СПб., 1863. Ч. 2: Очерки Днестра. С. 416.

¹³ Там же. С. 205.

¹⁴ Там же. С. 186.

¹⁵ *Бахталовский Г.* Посад Вилков: исторический и бытовой очерк. По документам Вилковской Посадской Управы, Вилковской Свято-Николаевской церкви и устным свидетельствам старожилов. Кишинев, 1881. С. 21.

¹⁶ Цит. по: *Абакумова Н.В.* И вдали от России храня свой закон и обычай. Русское население Молдавии конца XVIII – начала XX в.: этнографические аспекты историографии // Вне России: Сб. научных статей о русских и русской культуре Молдовы / Отв. ред. академик К.Ф. Попович. Кишинев, 1997. С. 16.

¹⁷ *Чижикова Л.Н.* Этнографические особенности русского населения Молдавии. С. 34–36.

¹⁸ *Наулко В.И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975.

¹⁹ *Пригарин А.А.* Жилище и его место в структуре строительных и обрядовых практик липован на Дунае // Традиционная культура: Научный альманах. Одесса. 2009. № 2 (34). С. 28–42.

²⁰ *Пригарин А.А.* Комплекс организации пространства (крестьянский двор и его постройки) // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Одесса. 2007. № 4. С. 54–72.

²¹ *Абакумова-Забунова Н.В.* Указ. соч. С. 281.

²² *Грябан В.В., Чучко М.К.* Традиционное жилище буковинских липован в исследованиях австрийского архитектора К.А. Ромшторфера // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Одесса. 2008. № 5. С. 145–147.

²³ Там же. С. 173.

²⁴ Пригарин А.А. Комплекс организации пространства. С. 54.

²⁵ Чижикова Л.Н. Жилище русских. С. 68.

²⁶ Цит. по: Мысько Ю.В. Региональные особенности этнокультуры старообрядцев Буковины XIX века (по материалам Д. Дана) // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Одесса. 2004. № 1. С. 113.

²⁷ Пригарин А.А. Комплекс организации пространства. С. 63.

²⁸ Грябан В.В., Чучко М.К. Указ соч. С. 172.

²⁹ Чижикова Л.Н. Жилище русских. С. 73.

³⁰ Чижикова Л.Н. Этнографические особенности русского населения Молдавии. С. 28–42.

³¹ Записано со слов Колодеевой Анны Ивановны, 1920 г.р., с. Новая Некрасовка Измаильского района, Украина.

³² Записано со слов Черновой Лидии Нифонтовны, 1940 г.р., с. Новая Некрасовка Измаильского района, Украина.

³³ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С.168; Афанасьев А. Религиозно-языческое значение избы славянина // Отечественные записки. М., 1851. Т. LXXVI. Июнь. Отд. II. С. 53–66.

³⁴ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 104.

³⁵ Там же. С. 105.

³⁶ Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Домашняя жизнь русского народа. М., 2008. С. 259.

³⁷ Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. С. 109.

³⁸ Любопытно, что для других углов (печного, дверного) среди местного населения названий не сохранилось.

³⁹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 310, 364; Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. С.164.

⁴⁰ Зеленчук В.С. Семейный быт крестьян Бессарабии второй половины XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 10.

⁴¹ Русская мифология: Энциклопедия. М., 2006. С. 182.

⁴² Захарченко Г.Н. Родильная обрядность // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Одесса. 2007. № 4. С. 85.

⁴³ Черт, нечистая сила.

⁴⁴ Поэтому соль тоже всегда чем-то накрывали.

⁴⁵ Записано со слов Арешкиной Хавронии Сафроновны, 1929 г.р., с. Новая Некрасовка Измаильского района, Украина.

⁴⁶ Записано со слов Черновой Лидии Нифонтовны, 1940 г.р., с. Новая Некрасовка Измаильского района, Украина.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ СЕТИ
СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ПРИУРАЛЬЕ:
ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ МИКРОЗОН РАССЕЛЕНИЯ*

В условиях сокращения численности населения Российской Федерации, в особенности сельского, при одновременном нарастании мирового продовольственного кризиса и повышении в мировой экономике спроса на посевные площади, особую актуальность приобретает проблема сохранения населения пустеющих сельскохозяйственных территорий. Рецепты, предлагаемые для решения этой задачи, обычно формулируются в рамках ограниченного экономического подхода, т.е. сугубо в терминах восполнения трудовых ресурсов, без учета факторов этнокультурной среды и исторических закономерностей этногрупповых форм расселения.

Исследование динамики сети сельских поселений на Южном и Среднем Урале показывает, что на протяжении нескольких столетий здесь возникали и исчезали особые «расселенческие» зоны с характерной географической конфигурацией, хозяйственной спецификой и этническим составом, причем устойчивость каждой «зоны» во времени отнюдь не исчерпывается экономическими причинами. Почему в одном случае большое и богатое село за какие-нибудь три десятилетия бесследно исчезает, а экономически слабая деревенька существует столетие? Этнокультурные характеристики населения в этих процессах крайне важны, но их роль понятна далеко не во всех случаях.

Уже имеющиеся знания говорят о том, что по крайней мере на протяжении XX в. этническая специфика жителей была неизменным атрибутом процессов, связанных с эволюцией сети сельских поселений в смешанных регионах¹. Проводившаяся в 60–70-е годы XX в. ликвидация «неперспективных» деревень привела к миграции совершенно иного качества, не предусмотренной инициаторами этой политики.

Пренебрежение фактором этнической мозаичности территорий не только приводит к просчетам в миграционном планировании, но может также вызывать и появление общественно-политических последствий. В одних случаях упразднение населенного пункта воспринимается обществом как акт административных преобразований или экономической целесообразности, а в других – как политика этнического неравенства, что может породить проблемы на местном уровне.

Кроме того, при планировании региональной политики, как правило, учитываются лишь различия между субъектами Федерации, тогда как внутререгиональные различия, зачастую более контрастные, обычно ускользают от внимания. В то же время в регионах с полиэтничным составом населения такие местные различия также нередко приобретают этнический характер или воспринимаются населением как таковые.

Традиционный подход этнической географии, оперирующий обобщенным понятием «этническая территория», зачастую абстрагируется от ре-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект 10-01-00055а «История этнической статистики в России и перспективы ее развития»).

ально существующей сети поселений, с установившимися между ними хозяйственными, культурными, бытовыми и иными связями, и от процессов эволюции системы сельского расселения. Кроме того, при таком подходе часто ускользают от внимания особенности природно-географических условий, в которых существуют эти поселения, транспортных коммуникаций, административных границ и др.

Имеющиеся на сегодняшний день исследования эволюции сети сельских поселений на протяжении длительных исторических периодов по отдельным регионам, как правило, не касаются этнической специфики, либо затрагивают этот вопрос как один из дополнительных. Исследований, которые были бы ориентированы в первую очередь на изучение динамики сети сельских поселений в сочетании с динамикой этнической мозаичности, до настоящего времени практически не имеется.

При этом принципиально важен переход от исследования поселений как некоей совокупности безотносительно к их местоположению и соседству к изучению именно сети поселений. Необходим комплексный анализ процессов эволюции сети сельских поселений, который рассматривал бы особенности расселения с учетом административных границ (как нынешних, так и существовавших в прошлом), речной сети и водоразделов, расположения лесов и обрабатываемых земель, особенностей хозяйственного освоения территории, наличия хозяйственных связей между поселениями (в рамках крупных сельскохозяйственных предприятий или сферы притяжения промышленного центра), изменений транспортной сети и, безусловно, этнокультурной характеристики населения (причем не только этнической принадлежности, но и такой, например, как особенности брачных и религиозных связей между поселениями).

Задача такого исследования, с нашей точки зрения, состоит в том, чтобы на основании анализа историко-статистических и картографических материалов:

- выделить исторически сложившиеся зоны расселения;
- провести анализ эволюции сети сельских поселений внутри этих зон;
- в соответствии с характером эволюции выделить варианты (модели) динамики систем расселения;
- определить роль пространственно-географического, этнического и административного факторов для каждой модели.

Настоящая статья посвящена первому из перечисленных этапов анализа, не столь простому, как может показаться на первый взгляд, точнее, общему подходу к выделению микрзон расселения. Для некоторых регионов России выделение таких сложившихся микрзон, кустов, гнезд сельских поселений не представляет проблемы. Речь идет в первую очередь о тех территориях, где господствует приречной тип заселения ввиду сложных условий освоения водоразделов, – в таежной, степной или горной местности. Однако для средней полосы, где расселение исторически приняло относительно равномерный характер, проблема не столь проста, и в отграничении какой-то части территории в качестве отдельного объекта анализа неизбежно будет присутствовать больший или меньший элемент субъективизма. Можно выявить те населенные пункты, с которыми сложились или существовали в прошлом наиболее тесные и жизненно важные отношения для отдельного поселения или небольшой группы поселений, но покрыть такими исследо-

ваниями большую территорию – слишком сложная задача. К тому же необходимо исследовать разнообразные связи – демографические, социальные, экономические, транспортные и др.

Часто в качестве такой микрозоны выбирается территория, находящаяся под юрисдикцией отдельного сельсовета (сельской администрации) или относившаяся в советское время к отдельному колхозу или совхозу, что во многих случаях совпадает. Безусловно, хозяйственные связи и административное деление – важные основания для выделения микрозон расселения. Однако одного только этого критерия может быть недостаточно. Во-первых, при этом не учитываются этнокультурная близость жителей селений и исторически сложившиеся связи между ними, что не всегда соотносится с границами сельсоветов. Во-вторых, ввиду сложного экономического положения, в котором в настоящее время находятся многие сельскохозяйственные предприятия, значение таких факторов уменьшилось. В-третьих, необходимо учитывать и другие виды связей, установившиеся между жителями разных селений, – семейные и родственные, транспортные (основанные на конфигурации дорожной сети), школьные (ведь есть случаи, когда в одной школе учатся дети из деревень, которые административно относятся не только к разным сельсоветам, но и к разным районам и даже к разным субъектам Федерации).

И самое главное – границы сельсоветов многократно изменялись, тогда как для поставленной задачи необходимо провести анализ эволюции сети поселений внутри определенной заданной территории. Это означает, что такую административную единицу, как сельсовет, можно рассматривать в качестве основы для выделения микрозоны расселения только в том случае, когда исследуется определенный временной срез или, в крайнем случае, такой период, в течение которого границы этой административной единицы оставались неизменными. Однако даже и в этом случае необходимо учитывать не только административные и экономические связи.

Следует отметить при этом, что изменение административного деления внутри районов часто, в свою очередь, вызывается изменениями в самой системе расселения. Налицо замкнутый круг. Получается, что мы должны исследовать изменение системы расселения в пределах каких-то зон, границы которых сами зависят от изменения системы расселения.

Для дореволюционного периода важную информацию о связях селений, а часто и об их происхождении, несет факт принадлежности их к одному и тому же сельскому обществу или иному традиционному социально-территориальному подразделению. Так, в отношении башкирских селений следует обратить внимание на их принадлежность к одной и той же башкирской волости или тюбе.

Линия, которая когда-то была границей между башкирскими волостями, как оказалось, в некоторых случаях может иметь значение не только для самих башкир, но и для того населения, предки которого когда-то поселились на башкирских землях на положении припущенников². Можно ограничиться только одним фактом. Районный центр Калтасы в Башкирии и окружающие его марийские и русские деревни, с одной стороны, и марийские деревни, которые находятся несколько западнее, на р. Качмаш, – с другой, согласно всем справочникам по административному делению при любых изменениях этого деления, постоянно относились к разным сельсоветам. Об историчес-

ком характере этого рубежа говорит то обстоятельство, что в 20-е годы XX в. здесь проходила граница между Краснохолмской и Калегинской волостями, в дореволюционный период – между Киебаковской и Кутеремской волостями, а ранее к востоку от этой линии находились деревни припущенников Ички-Еланской башкирской волости, а к западу – деревни припущенников Гарейской башкирской волости. Таким образом, несмотря на тот факт, что на протяжении разных эпох менялись характер административно-территориального деления и его составляющие, черта, некогда разграничившая земли двух родоплеменных групп башкир, продолжает иметь определенное значение и в наши дни для населения иной этнической принадлежности, которое забыло о существовании этих родоплеменных групп уже много лет тому назад.

Немаловажную роль для выделения микроразделов расселения играет речная сеть. Как показывает изучение эволюции системы расселения, во многих случаях заселение территорий различными группами населения начиналось с речных долин, а водоразделы осваивались позже. Поэтому более тесные связи могли складываться в пределах бассейнов рек, а водоразделы на каком-то этапе служили рубежами между микроразделами расселения. Что же касается водораздельных селений, то они могли возникать как в ходе развития сети приречных поселений, если их растущему населению требовались новые площади для осуществления хозяйственной деятельности, так и в ходе расселения новых, «пришлых» групп населения, если приречные территории были заняты прежним населением. Иными словами, можно выделить как водораздельные селения, генетически связанные с приречными, так и водораздельные зоны расселения, появление и эволюция которых должны рассматриваться отдельно. Поэтому в процессе выделения микроразделов необходимо учитывать не только современную картину расселения, но и историю заселения и освоения территории в предшествующие периоды.

Кроме того, надо иметь в виду и то, какую роль играет река для местных жителей не только в их хозяйственной деятельности, но как объединительный или же разграничительный фактор. С этой точки зрения важно отличать, с одной стороны, реку как основной объединитель, вокруг которой складывается сеть поселений, где жители ощущают свое пространственное единство, а с другой – реку-рубеж, реку-границу. При этом можно привести факты, когда одно превращается в другое. Так, на карте, составленной в 1944–1945 гг., от районного центра Караидель в Башкирии до южной границы Караидельского района показано семь паромных переправ через р. Уфа (в Бердяше, Ново-Янсейтове, Айдосе, Верхне-Тургенеёве, Кирзе, Тураеве и Атамановке). В 1959 г. на реке была построена Павловская ГЭС. Возникло Павловское водохранилище, под водой оказался ряд селений. На карте, составленной в 1983 г., мы видим только две переправы. Но дело не только в этом. Если до постройки водохранилища все сельсоветы, расположенные вдоль течения р. Уфа на этом участке, включали деревни на обоих берегах реки, то после этого в новых конфигурациях административного деления каждый сельсовет включает деревни либо только на левом берегу, либо только на правом. Так, река-объединитель превратилась в реку-рубеж.

Безусловно, важным критерием выступает этнический состав жителей. Часто в качестве микрозоны вполне можно выделить группу селений, жители которых принадлежат к одной и той же национальности, отличающейся от национальности жителей соседних деревень. Но и этот критерий не является абсолютным. Во-первых, могут существовать кусты селений, между жителями которых давно установились тесные взаимоотношения, но которые, тем не менее, принадлежат к различным национальностям. Во-вторых, формальное совпадение этнической принадлежности не всегда означает то, что люди воспринимают соседей в качестве социально или культурно близкой группы³. В-третьих, этнический состав отдельных селений может меняться, тогда как наша задача состоит в том, чтобы выделить микрозону как территорию с фиксированными границами. Это означает, что и данный критерий может работать только в сочетании с другими.

Еще один критерий – транспортная связь, дорожная сеть. При неоспоримости того факта, что наличие тесных взаимоотношений между жителями селений обычно связано с существованием дороги между ними, этот критерий при выделении микрозон носит вспомогательный характер. К тому же его роль двоякая. С одной стороны, наличие дороги могло облегчать освоение территории и возникновение новых поселений. Так было, например, в восточной, «зауфимской» части Караидельского района Башкирии, когда в конце XIX в. вдоль Сибирского тракта и южнее его стали возникать новые русские деревни и поселки. Это служит основанием для того, чтобы селения, связанные с этим трактом, выделить в качестве отдельной микрозоны. С другой стороны, если генетически связанные и находящиеся на небольшом удалении одно от другого селения с некоторых пор стали относиться к разным сельсоветам и к разным сельскохозяйственным предприятиям, дорога между ними может перестать использоваться и попросту зараста. Так произошло с деревнями Староямурзино и Новоямурзино в Балтачевском районе Башкирии. Таким образом, если в первом случае наличие дороги было фактором изменения структуры поселенческой сети, то во втором ее отсутствие стало не фактором, а напротив – результатом изменения такой структуры.

Тем не менее в случае неясности в отношении того, к какой из соседних микрозон следует отнести то или иное селение, имеет смысл обращать внимание также и на конфигурацию дорожной сети.

Как известно, негативный результат – это тоже результат. Поэтому отсутствие дороги, соединяющей два селения, может рассматриваться как аргумент в пользу того, что их следует отнести к разным микрозонам расселения. То же самое, конечно, можно сказать и о различии в этническом составе населения двух деревень, и о расположении их в разных речных бассейнах, и о постоянной принадлежности их к различным административным единицам при любых изменениях административного деления, и, тем более, о случаях, когда названные факты встречаются одновременно.

Подводя итог сказанному, необходимо признать, что при выделении микрозон расселения необходимо проследить всю эволюцию расселения в данной местности, ключевые моменты истории существующих сейчас и существовавших ранее населенных пунктов, не упуская из виду ни одного из названных здесь критериев.

¹ Мазур Л.Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке: статистико-этнографическое описание. Екатеринбург, 2003; Коростелев А.Д. Динамика расселения и этнической идентификации населения Ермекеевского района Башкирии (вторая половина XIX – конец XX в.) // Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии: Сб. статей. М., 2006.

² «Припущенники» – категория населения, поселившегося в Башкирии в XVII–XIX вв. на землях башкир-вотчинников (реже на землях других владельцев) на особых условиях. В этническом отношении включала татар, марийцев, удмуртов, чувашей, а также часть самих башкир, переселившихся с территории своих вотчин на земли других башкирских волостей.

³ Подробнее см.: Коростелев А.Д. Свои и чужие: когда «не работает» этническая идентичность // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 81. Июль–август.

«ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕНЩИН»
КАК ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ЖЕНЩИН
(культурное наследие
антропологов-феминисток первой волны)

Социальные группы, сложившиеся на определенной территории в ходе исторического развития общества, осознающие себя членами данной общности и носителями одной культуры (ценностей, норм, языка, религии, исторической памяти и т.д.), веками исследовались этнографами с позиции некой универсалистской идеи в отношении прошлого и настоящего всех представителей этноса – как мужчин, так и женщин. Казалось бы, именно этнографам более, чем представителям иных гуманитарных дисциплин, были очевидны различия в социальных статусах, а следовательно, в социальных нормах, ожиданиях, ролях и т.д. мужчин и женщин в каждой из традиционных культур. Именно им, сопоставлявшим и сравнивавшим образы жизни, быт и повседневность, культурные привычки и обыкновения народов, приходилось постоянно наталкиваться на примеры различий между социальным положением и ролями мужчин и женщин. Эти различия описывались. Но, составляя свои описания, этнографы с удивительным постоянством договаривались считать в качестве «отправной точки» ожидания и нормы, социальные роли и статусы мужчин в исследуемых ими обществах. Именно с описания мужских ролей и статусов начинались все этнологические труды, именно они представляли в них некой «нормой», а обнаруженные примеры несовпадений с этой «нормой», относящиеся к женщинам, рассматривались как «отклонение», «необычность» или «аномалия»¹.

Сами ученые принимали как должное представление об иерархии мужского разума над женской эмоциональностью – и это лишь укрепляло существующие социальные конвенции. Восприятие женщин как «вторичных» по отношению к мужчинам, при всем своеобразии и разнообразии их женских «культур», воспринималось учеными как само собой разумеющееся. Оно сохранялось годами, складывавшимися в столетия, в среде как «теоретиков», так и «практиков»².

Однако уже зарубежной этнологии XIX столетия известны имена не только мужчин, но и женщин-ученых. Проникая разными путями в мужскую профессиональную сферу (чаще всего как жены миссионеров и путешественников), женщины-этнографы не сразу заявили о своей «особости» как ученых³. Можно сказать и так: овладение профессией включало тогда обучение видению мира в «мужской перспективе»⁴: так или иначе, но и ученые-женщины вплоть до середины 20-х годов XX в. мыслили принадлежность к биологическому полу как определяющую все социально-половые роли людей⁵. Но при всем таком отношении женщины-ученые мало-помалу вносили и свое в методы и проблематику этнографического исследования – то самое «свое», что было присуще именно женщинам как аналитикам.

В начале XIX в. женщины-этнографы внесли в изучение повседневного быта народов такие аспекты, которые были практически «закрытой темой» для мужчин. Ведь так или иначе, но исследователи-мужчины, собирая

информацию, стремились получить ее у социально значимых представителей того или иного этноса (если это были «примитивные» народы, то у старейшин, вождей, а если представители каких-то религиозных сект, то у их руководителей, «духовных учителей», носителей власти и сакрального знания). Это происходило оттого, что исследователи-мужчины изначально считали мужскую роль, функцию, работу более значительной и подходили к исследованию именно с этим предубеждением. Опрашивая женщин, они интересовались их жизнями лишь во вторую очередь⁶. Если мужчинам-исследователям приходилось разговаривать с женщинами-информантками, то они трактовали полученные от них сведения (часто совсем неполные) в категориях мужского опыта и мужской системы ценностей. Появившиеся же в науке женщины-этнографы заинтересовались такими сторонами жизни, которые для мужчин казались не первостепенно важными, – традициями и ритуалами, связанными с менструациями, зачатием ребенка, его вынашиванием, выкармливанием, старением женщин, воспитанием девочек, заготовкой и приготовлением пищи, устройством места для сна детей и взрослых.

Кроме того, женщины-этнографы (в США это были Ф. Райт и Х. Мартино, публиковавшие свои работы еще в 1820–1830-е годы) были среди тех, кто первыми обратили внимание на необходимость этнографического изучения не только «примитивных» народов, чьи традиции и нравы в сопоставлении с европейскими и американскими оценивались как «примитивные» и «варварские», но и образа жизни самих американок, в том числе образованных представительниц высшего класса⁷.

Х. Мартино, объездившая в 30-е годы XIX в. все Соединенные Штаты, собрала материал о семейной жизни своих соотечественниц, о «жизни буддара и кухни» и получила информации куда больше, чем это мог бы сделать исследователь-мужчина. Вывод, в котором она пришла, о том, что мужчины-американцы «забывают» свои демократические убеждения, едва речь заходит об отношении к женщине, о нелиберальности практик отношений мужчин с «киным полом», позволили считать Х. Мартино (вслед за Ф. Райт) одной из пионерок феминистских подходов в этнологии⁸.

Вопрос о значимости изучения на равных «этнологии колонизаторов» наравне с «этнологией колонизируемых» лишь сейчас зазвучал в научном дискурсе. Ведь и российские женщины-этнографы, как правило, дворянки или происходившие из привилегированного сословия, практически не исследовали (с этнографической точки зрения) жизнь своих «сестер» по социальному слою; в советский период исследовательницы всегда «оставляли за бортом» изучение «самих себя», образа жизни и повседневности представительниц интеллигенции, сосредотачиваясь на «выездах в поле» в деревню и провинциальные городки. В западной этнологии ситуация была иной, но не намного. И там тоже не одно столетие этнология и антропология изучали «порабощаемые» или, мягче, «окультуриваемые» народы куда с большим рвением, нежели писали «этнологию колонизаторов» и, следовательно, неизбежно занимались исполнением своих собственных предсказаний: положение женщин в незападных культурах чаще всего описывалось исследователями (вне зависимости от пола) как «закабаленное» и «угнетенное», поскольку выглядело таким в оценках представителей «просвещенного Запада»⁹.

Попыткой преодолеть высокомерие исследователя, изучающего жизнь «непросвещенного» и «недостаточно цивилизованного» народа, стал новый шаг феминистского направления в зарубежной этнологии: речь о признании женщинами-антропологами ведущим исследовательским принципом «помещение себя вовнутрь» анализируемого предмета (чтобы «изучить жизнь других женщин, чтобы лучше понять свою») ¹⁰.

Первое осуществление такой попытки связывают с событиями более чем вековой давности и с именем Алисы Флетчер – исследовательницы, не один год изучавшей жизнь женщин в племенах американских индейцев («сиу») в конце XIX столетия ¹¹. Своим личным примером А. Флетчер показала перспективность нового (для того, естественно, времени) подхода в этнологии – длительного проживания в исследуемом сообществе, значимости методики, которую ныне именуют «включенным наблюдением», важности глубинных интервью, которые можно получить лишь при условии вхождения в очень близкие, неформальные, длительные повседневные отношения, которые при различии полов ученого и информанта установить не всегда возможно. По сути это был призыв «всегда, по возможности, говорить, видеть, думать, чувствовать и действовать как член изучаемой культуры, оставаясь в то же время обученным антропологом, явившимся из иной культурной среды» ¹². Подобный подход известен благодаря Б. Малиновскому, младшему современнику А. Флетчер. Они оказались необычайно созвучными современному мышлению в социальной антропологии, между тем как впервые этот подход был очерчен и предпринят на практике именно женщиной-ученым, изучавшей женские же традиции и ритуалы в небольшом этническом сообществе ¹³.

Для того чтобы осуществлять «помещение себя внутрь изучаемого», *insiding'a* – женщины-этнографы начала XX в. активно включились в число тех исследователей, которые помимо собственных наблюдений и их описаний стали применять метод интервьюирования, схожий с современной «устной историей», и комплексного использования разных типов и видов источников (например, прессы, официальных документов, когда речь шла об «этнологии повседневности» американского или европейского общества). Факты «устной истории» комбинировались с данными иных источников, тем самым перепроверялись гипотезы и догадки, в то время как традиционно действовавшие исследователи строго разделяли виды эмпирического материала (с ним работали этнографы и социологи) и виды исторических источников (их обрабатывали историки).

Первой женщиной-антропологом, предложившей применять этот новый подход, была Елси Парсонс – одна из первых учениц Франца Боаса, психистка (шла Первая мировая война), одна из активнейших участниц феминистского кружка в Гринвич Вилладж, основанного в 1912 г. ¹⁴ Именно она первой из антропологов предложила исследовать особенности материнского воспитания, отношения к женским проблемам (менструальных запретов, старения и климакса) в разных культурах, причем не абстрагируясь от собственного опыта (как обычно призывали делать для «объективности» любого исследователя), но – напротив! – настоятельно включая его в круг антропологического рассмотрения. Так родились ее книги «Семья» (1906), «Женщины старых правил» (1913), «Общественный закон» (1916), сделавшие Е. Парсонс заметной фигурой в кругу ведущих американских антропо-

логов 1920-х годов. Парсонс много и часто публиковалась в ведущих журналах («American Anthropologist», «The Journal of American Folklore», «Men» и др.)¹⁵. Задолго до К. Леви-Стросса и развившей его идеи Г. Рубин Е. Парсонс высказала догадку о причинах принудительной гетеросексуальности любого общества, написав: «женщины – это важнейшая статья примитивной торговли»¹⁶. Любопытно, что причиной универсальности мужского доминирования и женского подчинения в большинстве культур Е. Парсонс считала «всеобщность страха перед инновациями и нелюбви к необычному»¹⁷, но присутствие этого страха она не считала непреодолимым, призывая «создавать новые стандарты и ставить новые задачи», практические в том числе.

С точки зрения историографа, важно подчеркнуть: описанные выше исследования женщин-этнологов вообще и кросс-культурные очерки Е. Парсонс в частности публиковались в период дезинтеграции женского движения, его «незаметности» на фоне мировых социально-политических потрясений, в то время как позднейшие (конца 1960–1970-х годов), как известно, подпитывались и поддерживались «второй волной» феминизма. Потому-то работы Е. Парсонс вполне можно считать «феминистской пропагандой с помощью этнографических приемов»¹⁸.

Современные американские феминистки настаивают на том, что именно женщины-исследовательницы были первыми, кто сделал вышеописанные революционные для теории полевых исследований шаги.

Еще одна подвижка в этой области относится к середине 1920-х годов. Именно тогда Х.М. Линд и Ф. Вильямс догадались взять в качестве объекта наблюдения над жизнью одних только женщин в обычном американском городе, которому дали сводный псевдоним Middletown («Среднегорск»). Но вклад этот «остался незамеченным»¹⁹, а успехи, как это часто бывало в мировой истории науки, оказались приписанными их мужьям или коллегам, якобы раньше них догадавшимся использовать подобные подходы к тематике и источникам.

Неудивительно, что первая из женщин-этнографов, сумевшая поставить под сомнение «природность» и «естественность» распределения социальных ролей между мужчинами и женщинами, – знаменитая Маргарет Мид, автор 25 книг, удостоенная в 1949 г. звания Выдающейся Женщины года в области науки, не имела официальной ставки в Колумбийском университете, где проработала всю жизнь. М. Мид, которую теперь нередко именуют «символом этнографии» и даже «Матерью Мира», отнюдь не сразу оказалась признанной мужским научным сообществом²⁰. Она включилась в научные исследования в 1920-е годы, когда в мировой науке развернулась ожесточенная полемика между сторонниками детерминизма биологического (бывшего подкреплением для расистских теорий) и прогрессивно-либеральной школой детерминизма культурного (Ф. Боас), защитницей которого, вслед за своим учителем Ф. Боасом, была, как мы помним, Е. Парсонс. Однако М. Мид не была близка ее идеям и пошла дальше и ее, и всех своих учителей, поставив вопрос о соотношении «индивидуального» и «культурного». От экспедиции к экспедиции (М. Мид отдала всю жизнь описательной антропологии «примитивных» народов, о чем говорят названия ее работ: «Взросление на Самоа», «Как растут на Новой Гвинее» и др.), от книги к книге росла убежденность исследовательницы в том, что отношения полов в любых

из проанализированных ею сообществ являлись не заданными природой, а социально и культурно сконструированными.

Свои гипотезы, переросшие в твердые, подкрепленные фактами убеждения, М. Мид изложила в книгах «Пол и темперамент в трех примитивных обществах» (1935) и в особенности в обобщающем труде «Мужчина и женщина: изучение полов в изменяющемся мире» (1949). Эти книги были революционным прорывом, обогнавшим историю науки, а потому, по словам самой М. Мид, оказались «самыми непонятыми»²¹. В них исследовательница настаивала на социальной природе родительских чувств (причем не только отцовства, но и материнства, которому всегда приписывалась «инстинктивность» и «природность»), социально-культурной обусловленности распределения родительских и семейных ролей между мужчинами и женщинами, социальной основе психологических механизмов формирования половой идентичности у детей. В этих книгах М. Мид впервые в этнологии пола было показано, какую огромную роль играют в любом обществе стереотипы фемининности и маскулинности («социальные установки относительно темперамента в связи с фактами половых различий» в терминологии М. Мид). Убедительность и простота изложения (М. Мид всегда выступала против «упаковывания» – ее термин – новых теорий в «жаргон, понятный лишь специалистам») привлекли внимание массы исследователей, и тотчас в адрес исследователя-новатора полетели упреки в «забывании» и «недооценке» биологического субстрата.

Однако исследовательница была непоколебима. «Многие, если не все, личностные черты, которые мы называем маскулинными или фемининными, имеют не биологическую, а социальную природу, – писала она. – Стандартизированные личностные различия... являются порождениями культуры, требованиям которой учится соответствовать каждое новое поколение мужчин и женщин»²². Современные этнологи, антропологи и этнопсихологи, признавая теоретическую значимость и фактическую обоснованность многих гипотез М. Мид, касающихся пола и формирования половой идентичности, подчеркивают, однако, что не только культура (особенно в традиционной ее части), но и социум в целом, различные сферы социальной деятельности оказывают влияние на воспроизводство гендерных стереотипов, по которым по-прежнему «учатся» быть мужчинами или женщинами новые и новые поколения.

В то же время методы работы М. Мид нередко вызывают критику у современных ее последовательниц. В отличие от своих предшественниц (например, от описанной выше А. Флетчер) М. Мид, живя на Самоа и в других африканских племенах, поселялась обычно в домах знакомых американцев, а не жила среди туземцев; вопрос о репрезентативности собранных ею рассказов информанток, способных поведать о сексуальных обычаях и конфликтах на этой почве, перед ней не стоял²³. Весьма скептически относилась исследовательница и к анализу влияния общественно-производственных и политических структур на гендерные стереотипы и гендерные роли, поскольку она настаивала более на культурной, нежели на социальной детерминации наблюдаемых ею явлений. Однако эти упреки не изменяют оценки трудов М. Мид как пионерских, без которых не было бы рождены многие значимые труды ее современниц, прежде всего работы Ф. Каберри (первой

усомнившей в «униженности» и «подавленности» женщин в племенах австралийских аборигенов)²⁴.

Однако сама М. Мид не считала свои работы как-либо связанными с феминистской теорией или практикой и прямо писала об том, что ей не хотелось бы, чтобы ее труд «Пол и темперамент» рассматривали как «основание для феминистских идей»²⁵. Она оставалась верной продолжательницей своего учителя Ф. Боаса с его концепцией культурного детерминизма.

Между тем в европейской и американской науке все большее значение приобретали функционалистские (Бронислав Малиновский в Великобритании, Талкот Парсонс в США) и структуралистские (Клод Леви-Стросс во Франции) концепции. Именно К. Леви-Стросса многие современные этнологи феминистской ориентации справедливо считают не столько основателем структуралистского проекта в этнологии и антропологии, сколько теоретиком, чьи исследовательские вопросы дали повод для размышлений многим аналитикам, работающим в области этнологии пола и гендерных иерархий. Задача науки, как полагал К. Леви-Стросс, состоит в выявлении структур, скрытых за внешней картиной явлений и неосознаваемых человеком – на этом, собственно, и основывался его призыв пожертвовать всем исторически случайным (и, следовательно, коренящемся в индивидуальной, групповой и коллективной психологии) во имя выявления общей и единой «модели», структуры со своими связями и соответствиями²⁶. Этнологи-феминистки обратили постановку этой задачи на область анализа иерархий полов. И как у К. Леви-Стросса излюбленным методом изучения была «модель» («не совсем равная» эмпирически полученным фактам, а бывшая как бы «высшим порядком реальности»), так и антропологи-феминистки предложили использовать в качестве «модели любого угнетения» парадигму отношений между мужчинами и женщинами.

Гипотезы М. Мид и теоретические построения К. Леви-Стросса (наряду со структурным функционализмом Т. Парсонса, которого многие социоантропологи считали именно антропологом)²⁷ оказались сильнейшим импульсом к возникновению новых подходов в этнологии – «символической антропологии» К. Гирца (с его позицией «понимающего» исследователя) и «интерпретационной антропологии» 1970-х годов (придававшей значение антропологу как посреднику, а не просто наблюдателю). Гендерная концепция американского психолога Р. Столлера уже обретала своих первых сторонников, в том числе с начала 1970-х годов и среди антропологов. Главным шагом для возникновения гендерного направления в этнологии и антропологии было признание существования «мужских предубеждений» в науках о народах, т.е. «неточности» практик описания народов и их взаимоотношений через описание интеракций доминирующих социальных групп, мужчин, в качестве основных и главных. В центре научной работы феминисток «второй волны» оказалась борьба с этими взглядами²⁸. Однако понятия «феминистская антропология» тогда не было. Продолжающее расти число женщин-исследователей среди этнографов мало меняло картину: работы женщин-ученых, изучавших пути развития научного знания, практически не отличались от работ, написанных их коллегами-мужчинами²⁹.

Желание «выговорить» свои исследовательские цели и интересы появилось у женщин-антропологов вместе с обретениями второй волны фе-

минизма – быстрым ростом женского самосознания, умениями ставить «неудобные» вопросы, требовать, настаивать, добиваться намеченного. Первые работы, написанные с позиций женского опыта, ставящие женщин в центр социально-антропологического повествования, выглядели, как теперь считают историографы женских исследований, поистине революционными³⁰: их авторы, исследовавшие женщин, не пытались распространить свои гипотезы на все общество, в то время как мужчины-этнологи, интервьюировавшие по большей части мужчин, полагали, что их выводы непременно касаются обоих полов³¹.

«Универсализм» вопросов мужчин (в которых не акцентировалось мужское/женское восприятие) вел их к желанию «универсализировать» выводы. Между тем женщины-антропологи, стремясь подчеркнуть различия, а не сходства, концентрировали внимание на иных сторонах анализа³². Скажем, при изучении семьи они ставили в центр не исследование форм родства (излюбленная тема мужчин-фамилистов), но анализ типов воспитания мальчиков и девочек, сексуальных предпочтений, «форэйджинга» (так именуется в американской феминистской литературе весь процесс, связанный с пищей – от ее добывания, в том числе стояния в очередях, поездках в супермаркеты, и до домашних застолий и уборки после них).

В известной степени созданию термина «форэйджинг» способствовала работа феминистской исследовательницы М. Девулт, обратившей внимание на отсутствие в языке – именно потому, что он создан мужчинами, – термина, который бы охватывал все, связанное с «накармливанием» семьи, «всем, что вокруг пищи» – планированием распределения денег, покупкой, нарезкой, готовкой, помывкой посуды, «исправлением ошибок» в случае желудочных заболеваний, уборкой кухни. Среди ее вопросов были такие необычные для исследователя домохозяйства, как, например, «Кто первым встает из-за стола?», «Кто подает забытые приборы или, например, соль, соус?»³³. Есть примеры еще более «невыразимых» на мужском языке элементов женской повседневности. Например, в исследовании о ней, названном «Подразумеваемые навязывания», другая американка, Э. Станко остановилась на так называемых «защитных маневрах» – так она назвала все, что относится к распределению обязанностей в течение дня, выбору места жительства, определению форм, времени и содержания досуга, т.е. тому, что на самом деле обычно навязывается мужчинами женщинам и чему не пытаются дать сводное название, потому что они считают, что это и не следует обсуждать (говоря: «само собой решается»)³⁴.

«Новые антропологи» – исследовательницы 1970-х – изучали именно женщин, специально женщин и, собственно, только их.

Идейные вожди новой – женской – антропологии направляли своих учениц в экспедиции, стараясь прежде всего создать некий «банк данных» по обычаям, обрядам, повседневности женщин в Азии и Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке, выясняли, что значило и значит «становиться женщиной» в разных культурных средах³⁵. Часть женщин-ученых открыто заявляли, что считают своей задачей осознанное внесение феминистских принципов в анализ любых социальных отношений. Уяснение же того, что следует понимать под «феминистскими принципами», еще только складывалось – и складывалось долго, в дискуссиях и спорах. К началу 1980-х годов у антропологов, начертавших на своих трудах феминистские лозунги, стали

появляться серьезные теоретические концепты. Они были близки, с одной стороны, неомарксизму (так как ставили задачу понять истоки угнетения)³⁶, а с другой – неофрейдизму и структурализму. Одна из первых книг, изданных антропологами-феминистками, – а это был сборник статей, отредактированный Рейной Рейтер, «К антропологии женщины» (1975) – открыто провозглашала: «Корни этой книги – в женском движении»³⁷. Этнологические исследования феминисток «второй волны» имели конечной целью (осознаваемой или нет) стремление разобраться в жизни собственных, в культуре и политике собственной страны, разобраться – и изменить.

Первооткрывательницами феминистской антропологии и этнологии обычно называют не тех ученых, кто сделал карьеру в традиционной науке начала – середины XX в., а тех, кто сумел вырваться за рамки господствующей тенденции. Это авторы сборника «Женщины, культура и общество» под редакцией М. Розальдо и Л. Ламфер (так же, как и книга Р. Рейтер, она была издана в 1975 г.)³⁸.

Среди ученых дам, приславших статьи в этот сборник, особняком стоит имя Шерри Ортнер (род. 1941, ученицы К. Гирца) – автора статьи «Соотносится ли женское с мужским так же, как природное с культурным?»³⁹. Если до этой статьи Ш. Ортнер в центре внимания феминисток было желание просто доказать всеобщность «мужского господства» в европейских и американской культурных средах, то Ш. Ортнер поставила целью выявить истоки механизма такого господства. Исходной посылкой исследовательницы являлось наблюдение: во всех культурах «женщина» и «женское» трактуется как нечто низшее, менее ценное, поскольку связывается с «природным» и Природой, которую человек старается освоить и покорить. В основе такого «привязывания» «женского» к «природному», доказывала автор статьи, лежит способность женщин вынашивать, рожать и воспитывать детей (т.е. репродуктивная функция), которая у мужчин отсутствует, позволяя им «исполнять свою работу» в культуре и обществе без перерывов.

Есть по крайней мере три очевидные причины «кажущейся очевидной» близости женщины к Природе, полагала Ш. Ортнер: функции женского тела, «оставляющие мужчин свободными для культуры»; социальные позиции, которые продолжают эти функции; социальные роли, которые порождаются этими позициями и формируют представления об особой психологии женщины как «менее окультуренной». По указанным причинам во все исторические эпохи (не исключая и современной) женщин рассматривали как часть «природного» (чье дело – рожать), а мужчин, действующих в социальном пространстве, представляли частью «большой культуры», «большой Истории», которую они изменяли, творили и возвеличивали.

Продолжатели Ш. Ортнер легко распространили ее наблюдения о «природном» и «культурном» на историю колонизаций. Как «женское» подавляется «мужским», как «природное» осваивается «культурным», так и «первобытно-низшие» народы – в идеологических обоснованиях любых колонизаций – представляются поднимаемыми «до уровня» цивилизованных народов. Не случайно история «окультуривания» женского как природного предстала у Ш. Ортнер как история безжалостного использования женского репродуктивного потенциала. Как мужчины оправдывают вытеснение женщин в менее престижную сферу частной, домашней, семейной жизни «заботой» о здоровье женщин, так и экспансионисты во все времена име-

ли возможность оправдания своих действий цивилизационной миссией. Работы Ш. Ортнер вышли далеко за рамки феминистского проекта: в них содержалось предостережение об опасности наложения западных культурных координат на общества другого типа, что поставило под сомнение доселе существовавшие оценки многих антропологов. Следствием развития феминистского проекта в антропологии и этнологии стали концепты современного экофеминизма, которые равным образом нацелены на преодоление потребительского отношения к природе и притеснения женщин в разных культурных средах⁴⁰.

Сборник статей «Значения пола: Социальное конструирование пола и гендера», подготовленный Ш. Ортнер совместно с Х. Уайтхед⁴¹, ставил задачей представить фактический материал к истории конструирования гендерных стереотипов (сама Ш. Ортнер опубликовала в нем статью о значении сексуальности в иерархически организованных обществах). Чуть позже в историографической статье-обзоре теоретических достижений в социальной антропологии от интерпретативной и символической антропологии до философии постмодерна ей удалось выявить множественность «источников» феминистского проекта в этнологии; среди них – марксизм, структурализм, структурный функционализм, культуролого-экологические концепты, постмодернистское отрицание иерархий подходов и приемов анализа⁴². Обобщающее значение имела и одна из последних книг Ш. Ортнер «Делая гендер: политика и эротика культуры», посвященная М. Розальдо, увлекшей Ш. Ортнер феминистскими исследованиями в социальной антропологии. По сути дела эта книга явила научному миру лицо современной феминистской антропологии как антропологии гуманистической, не отрицающей и даже подчеркивающей положительную значимость влияния исследователя-«посредника» на исследуемый им материал⁴³.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов развенчание прежних мифов – о том, что женщины – менее значимые информаторы; о ведущей роли мужчин в первобытных обществах⁴⁴ – сопровождалось в работах феминисток-антропологов аргументацией тезиса о том, что «пол» и «гендер» строго разделены, поляризованы, и влияние биологического субстрата почти не значимо⁴⁵. Существование биологических различий между полами никто не пытался оспаривать, но подчеркивалось: биологические различия не могут считаться первопричиной социального неравенства между мужчинами и женщинами⁴⁶. Вслед за неомарксистами теоретики феминистской антропологии находили причины гендерной асимметрии в области социально-экономических отношений. И если, писалось тогда, в эпоху охоты и собирательства женский вклад (собирательство) был даже более существенен мужского (охоты), то с эволюцией аграрных обществ мужчины вытеснили женщин из сферы производственной в быстро отделяющуюся от нее приватную сферу⁴⁷. Другие, основывавшие свое научное моделирование на психоаналитических теориях, полагали, что причины возникновения гендерного неравенства – в универсальных различиях социализации девочек (которые всегда могли идентифицировать себя с матерью) и мальчиков (которые вынуждены были на определенном этапе искать иную, нематеринскую, модель – отца, друга, учителя и т.д., а для того ориентировать себя на соревновательные и достигательные жизненные стратегии)⁴⁸.

Эти вопросы оказались в центре внимания еще одного классика феминистской антропологии – Гейл Рубин. Ее эссе «Обмен женщинами: заметки по “политэкономии” пола»⁴⁹ – научное размышление, родившееся под влиянием идей К. Леви-Стросса о смысле обмена подарками в установлении социальной коммуникации. «Родство служило упорядочению общественных отношений, – записала она. – Это был способ организации экономической, политической, обрядовой, а также сексуальной деятельности человека»⁵⁰. Г. Рубин существенно развила логическое заключение К. Леви-Стросса о том, что брак – ни что иное, как древнейшая форма торговли, в которой женщина выступала в качестве «ценного дара». Запрет инцеста предстал в ее построениях жестким предписанием, «вынуждающим брать не-родственников, а это – наивысшее правило дарения»⁵¹. Соглашаясь с К. Леви-Строссом в том, что введение инцестуозных запретов – это «начало культуры», она увидела в «поражении» женщин процесс, одновременный зарождению культуры. Отсюда следует, что перестройка общества на началах гендерного равенства потребует усилий бóльших, нежели, например, уничтожение классов, ведь речь пойдет о перестройке всех культурных значений. Одним из культурных явлений того же времени, что и «поражение» женщин, Г. Рубин назвала и механизм «принудительной гетеросексуальности», заставляющий направлять сексуальное желание только на противоположный пол: «Подавление гомосексуальной составляющей сексуальности и вытекающая из него дискриминация гомосексуалистов – продукты той самой системы, которая создает угнетение женщин»⁵². Так было доказано, что в обществе сексуальное влечение любого рода – продукт культурно регулируемый, исторически обусловленный, изменчивый, как и вся «поло-гендерная система»⁵³.

Помимо Ш. Ортнер и Г. Рубин третьей крупнейшей исследовательницей, чьи идеи легли в основу феминистского проекта в антропологии, была и остается Джоан Хубер (ныне – Президент Американской социологической ассоциации). Главное достижение Дж. Хубер – ее концепция гендерной стратификации⁵⁴, т.е. объяснительная модель того, как принадлежность к определенному полу могла стать основой социального неравенства⁵⁵. В свое время Ф. Энгельс совершил огромный прорыв, включив в свою экономическую теорию такую тему, как «воспроизводство человеческого капитала» (вопрос о репродукции). Но марксистская теория все-таки не объяснила самого факта полового разделения труда⁵⁶. Приписав к «язвам капитализма» все вопросы, связанные с неполноправием женщин, современные марксисты не озадачились выяснением того, пишет Дж. Хубер, почему же в «некапиталистических странах проблемы женского неравенства» или, точнее, «неполного равенства» остались неразрешимыми⁵⁷. К тому же марксисты не пытались «заглянуть внутрь домохозяйства и выяснить, каким образом происходящее там включено в макроэкономику»⁵⁸. Как раз это и удалось Джоан Хубер, одной из первых сделавшей попытку сконструировать модель гендерной стратификации социума с учетом женской домашней работы. Речь шла о необходимости учета той самой «невидимой» и «незамечаемой» нами повседневности – домашнего труда женщин, который не дает прибавочного продукта и не включается в совокупный национальный доход. Однако, обратила внимание исследовательница, в случае, когда такие услуги в семье не приобретаются автоматически с браком, а покупаются на рынке труда, подобный труд становится именно трудом, имеющим высокую товарную

стоимость. Помимо этой более чем очевидной реальности Дж. Хубер обратила внимание и на менее очевидную – стоимость и цену реализации тех задач воспроизводства, решение которых недоступно мужчинам (рождения и грудного вскармливания детей).

Включив в свой анализ влияние нескольких факторов на содержание женской домашней работы, в том числе экологический, технологический (особенности производства пищи), демографический (периоды роста и падения рождаемости), Дж. Хубер пришла к ряду выводов, позволяющих понять связь между гендерной стратификацией и поддержанием «патриархатного порядка» в обществе.

Члены семьи, производящие продукты, во всех известных обществах располагали большей властью и престижем, чем потребляющие. Мужчины были отнесены к производящим продукты, а женщины – только к их потребляющим, поскольку, считала Дж. Хубер, женщины («члены семьи, производящие себе подобных») были в состоянии выполнить не только задачу воспроизводства людей (чего мужчины сделать не могли), но и некую работу, совместимую с ней, а именно домашнюю. Она всегда совместима с беременностью, родами, грудным вскармливанием. Женщины, таким образом, оказались выполняющими двойную социально-экономическую задачу, а общество – стратифицированным, причем наибольшая власть и престиж в нем стали принадлежать тем, кто контролирует распределение материальных ценностей за пределами семьи и вознаграждает за труд, а также определяет само понятие «производительного труда», к коему на протяжении веков домашняя работа, а также вынашивание и вскармливание ребенка не относились.

Взяв для анализа пять типов культур – охоту и собирательство, мотыжное земледелие, кочевание, пропашное земледелие и индустриальное общество, – Дж. Хубер рассмотрела, что делают для производства пищи мужчины и что – женщины⁵⁹. Далее было изучено, каковы при этом формы брака, структура семьи (свободный брак, полигамия, моногамия); какую направленность имеют демографические тренды смертности, рождаемости, разводимости. Статус женщин оказался всегда находящимся в прямой зависимости от степени участия в обеспечении членов общества пищей, и в некоторые эпохи у ряда этносов потребность в воспроизводстве населения полностью исключала женщин из деятельности, дающей право на власть и престиж. Это происходило там, где добывание еды предполагало длительное отсутствие вне дома (кочевые общества, охота), либо когда война была значимым способом увеличения «излишков». Так было доказано, что исключение женщин из той деятельности, которая связана с оружием и технологиями, не биологично, а социально⁶⁰. Усовершенствование орудий труда, приводящее к увеличению количества пищи, а также снижение уровней смертности и рождаемости оказали непосредственное влияние на положение женщин. В постиндустриальную эпоху их статус начал улучшаться, так как развитие технологий сделало физические различия полов все менее значимыми, однако, заключала она, «женская работа должна быть оплачена», и «сам факт того, что женская работа будет оплачена, может быть более важным, нежели вопрос о том, сколько таким образом она заработает»⁶¹.

Значимость концепции гендерной стратификации была очевидна для всех гуманитарных наук. Она была важна и для развития гендерных иссле-

дований в этнографии, так как показывала, что эксплуатация женщин дома служила поддержанию патриархального порядка в самых разных обществах. Практически повсюду обладание общественной властью было связано с возможностью породить публичную, т.е. находящуюся вне домашней сферы, культуру. То, что веками считалось прогрессивным (совершенствование орудий труда), могло иметь весьма плачевные последствия для женщин (отдаление их от публичной сферы); следовательно, само понятие прогресса (столь любимое сторонниками теории модернизации) – довольно относительно⁶².

* * *

Накопив к началу 1980-х годов солидный методологический багаж за счет развития идей ряда социальных теоретиков, феминистская этнология и антропология превратились к рубежу столетий в одно из наиболее сильных и устойчивых академических направлений. Вопрос о путях современного развития феминистской антропологии, ее перспективах в системе социального знания требует специального рассмотрения.

¹ Lamphere L. Gender // Encyclopedia of Cultural Anthropology / Eds. D. Levinson, M. Ember. Vol. 2. N.Y., 1996. P. 488.

² Clifford J. On Ethnographic Authority // Representations. 1983. N 2. P. 117; Feminist Methods in Social Research / Eds. S. Reinartz, L. Davidman. N.Y.; Oxford, 1992. P. 48.

³ Di Leonardo M. Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Post-modern Era. Los Angeles, 1991. P. 5.

⁴ Slokum S. Woman The Gatherer: Male Bias in Anthropology // Toward an Anthropology of Women / Ed. R. Reiter. N.Y., 1975. P. 49; Feminism and Methodology / Ed. S. Harding. Indiana, 1987; Whose Science? Whose Knowledge: Thinking from Women's Lives / Ed. S. Harding. Buckingham, 1991.

⁵ Visweswaran K. Histories of Feminist Ethnography // Annual Review of Anthropology. 1997. Vol. 26. P. 591.

⁶ Pine F. Gender // Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / Eds. A. Barnard, J. Spencer. N.Y., 1996. P. 253.

⁷ Wright F. View of Society and Manners in America, in a Series of Letters from that Country to a Friend in England, during the Years 1818, 1819, 1820. N.Y., 1821; Martineau H. Society in America. N.Y., 1837; Hoecker-Drysdale. H. Martineau: Kritische Socialforschung: Theorie und Praxis // Honegger C., Wobbe Th. Frauen in der Sociologie. München, 1998. S. 28–60.

⁸ Feminist Methods in Social Research. P. 48.

⁹ Reiter R. Introduction // Towards the Anthropology of Women / Ed. R. Reiter. N.Y., 1975. P. 8.

¹⁰ Rapp R. Anthropology: Feminist Methodologies for the science of man // Revolutions in Knowledge. Feminism in the Social Sciences / Eds. S.R. Zalk, J. Gordon-Kelter. San Francisco; Oxford, 1992. P. 79.

¹¹ Mark J. Alice Fletcher // Four Anthropologists: An American Science in its Early Years / Ed. J. Mark. N.Y., 1980. P. 241.

¹² Mark J. A Stranger in Her Native Land: Alice Fletcher and the American Indians. Lincoln (NE), 1988. P. 39–41; Ethnographic Feminisms / Eds. S. Cole, L. Phillips. Ottawa, 1995.

¹³ Powdermaker H. Field Work // International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. D.L. Sills. N.Y., 1972. P. 46.

¹⁴ Lamphere L. Feminist Anthropology: the legacy of Elsie Clews Parsons // American Ethnologist. 1989. Feb. Vol. 16(3). P. 518–533; Rosenberg R. Beyond Separate Spheres: Intellectual Roots of Modern Feminism. New Haven, 1982. P. 170–171.

¹⁵ Parsons E.C. The Family: An Ethnographical and Historical Outline. N.Y., 1906; *Idem*. Higher education of women and the family // Am. J. of Sociology. 1909. N 14(6). P. 758–765; *Idem*. The Old Fashioned Woman: Primitive Fancies about the Sex. N.Y., 1913; *Idem*. Social Rule: A

Study of the Will to Power. N.Y., 1916; *Idem*. Mothers and Children in Zuni // *Man*. 1919. Vol. 19. P. 168–173.

¹⁶ *Parsons E.C.* The Old Fashioned Woman. P. 192–202, 296–297.

¹⁷ *Parsons E.C.* Fear and Conventionality. N.Y., 1914. P. 119.

¹⁸ *Cott N.* The Grounding of Modern Feminism. New Haven, 1987. P. 37, 163; *Deacon D.* Elsie Clews Parsons. Inventing Modern Life. Chicago, 1997. P. 354.

¹⁹ *Lynd R.S., Lind H.M.* Middletown. A Study of American Culture. N.Y., 1929; *Feminist Methods in Social Research*. P. 288.

²⁰ *Ганова Е.И.* Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования / Ред. И.А. Жеребкина. Т. I. СПб., 2001. С. 373; *Кон И.С.* Маргарет Мид и этнография детства // *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988. С. 398–399.

²¹ *Mead M.* Sex and Temperament in Three Primitive Societies. N.Y., 1950. P. IV.

²² *Ibid.* P. 191.

²³ *Кон И.С.* Указ. соч. 1988. С. 416.

²⁴ *Kaberry*. 1939.

²⁵ *Mead M.* Sex and Temperament. N.Y., 1935. P. VIII. Феминистки упрекали «мать науки» в том, что она «глотифицировала» женскую социальную роль вместо выявления истоков неравенства и путей его преодоления (*Fiedan B.* The Feminine Mystique. N.Y., 1963. P. 137).

²⁶ *Зельнов И.* Структурализм // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1988. Вып. 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Ред. И. Зельнов, М. Крюков. С. 161; *Леву-Спросс К.* Структурная антропология. М., 1995. С. 303.

²⁷ *Visweswaran K.* Histories of Feminist Ethnography // *Annual Review of Anthropology*. 1997. Vol. 26. P. 591–621.

²⁸ *Thompson J.B.* Ideology and Modern Culture. Critics Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford, 1990. P. 132–133, 264; *Abu-Lughod L.* Can there be a feminist Ethnography? // *Women Performance*. 1990. Vol. 5(1). P. 7–27.

²⁹ *Ardener S.* The Representations of Women in Academic Models // *Visibility and Power* / Eds. L. Dube, E. Leacock, S. Ardener. Delhi, 1986. P. 10.

³⁰ *Goodale J.* Tiwi Wives. A Study of Women in Melville Island, North Australia. Seattle, 1970; *Caplan P.* Engendering Knowledge. The Politics of Ethnography // *Anthropology Today*. Dec. 1988. Vol. 4(6). P. 14.

³¹ *Pine F.* *Op. cit.* P. 253.

³² *Ardener S.* *Op. cit.*

³³ *McGee R.J., Warms R.L.* RL Anthropological Theory: An Introductory History. L., 1996. P. 391; *DeVault M.L.* Women and food Housework and the Production of family Life. Ph.D. Dissertation, Northwestern University, Evanston (Ill.), 1984; *Idem.* Doing Housework: feeding and family Life // *Families and Work* / Eds. N. Gerstel, & H.E. Gross Philadelphia, 1987. P. 178–191.

³⁴ *Stanko E.* Intimate Intrusions. N.Y., 1985.

³⁵ *Bell D.* Daughters of Dreaming. Minneapolis (MN), 1983. P. 33.

³⁶ *Jaggar A.M.* Feminist Politics and Human Nature. Totowa (NJ), 1988; *MacKinnon C.* Feminism, Marxism, Method, and the State: Towards feminist jurisprudence // *Feminism and methodology* / Ed. S. Harding. Bloomington, 1987; Почти все феминистки-антропологи считают марксистм концепцией, созданной мужчинами и для мужчин (андроцентричной). См: *Mies M.* The Dynamic of sexual Division of Labor and Integration of rural Women into the World Market // Ed. L. Beneria. Women and Development. N.Y., 1982. P. 2–3.

³⁷ *Reiter R.* Introduction // *Towards the Anthropology of Women* / Ed. R. Reiter. N.Y., 1975. P. 11.

³⁸ *Women, Culture and Society* / Eds. L. Lamphere, M.Z. Rosaldo. Stanford, 1974.

³⁹ *Ortner S.B.* Is Female to Male as Nature is to Culture? // *Women, Culture and Society* / Eds. L. Lamphere, M.Z. Rosaldo. Stanford, 1974. P. 67–88.

⁴⁰ *Карпенко Е.* Гендерная проблематика в экологии // Введение в гендерные исследования / Ред. И.А. Жеребкина. СПб., 2001. Т. I. С. 498–500.

⁴¹ *Sexual Meanings: The Cultural Construction of Gender and Sexuality* / Eds. Sh. Orthner, H. Witehead. Boston, 1981.

⁴² *Orthner Sh.* Theory of Anthropology Since the Sixties // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. N 126(1). P. 126–166.

⁴³ *Orthner Sh.* Making Gender: The Politics and Erotics of Culture. Boston, 1996.

⁴⁴ *Conkey M.W., Williams S.H.* Original Narratives: The Political Economy of Gender in Archaeology // Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era / Ed. M. di Leonardo. Los Angeles, 1991. P. 102–139.

⁴⁵ *Shapiro J.* Anthropology and the Study of Gender // A feminist Perspective in the Academy / Eds. E. Langland, W. Gove. Chicago; London, 1981. P. 110–115; *Lauth J.* Gleichwertig, andersartig, nachrangig. Variationen zum Geschlechterkonflikt aus ethnologischer Sicht // Feministische Perspektiven in der Wissenschaft / Eds. A. Kreis-Schink, B. Liebig, K. Schafroth. Zürich, 1993. S. 53.

⁴⁶ *Quinn N.* Anthropological Studies on Women's Status // Annual Review of Anthropology. 1977. Vol. 6. P. 181–225.

⁴⁷ *Friedl E.* Women and Men: An Anthropologist's View. N.Y., 1975. P. 108; Подробнее см.: *Ardner Sh.* The Social Anthropology of Women and Feminist Anthropology // Anthropology Today. 1985. Vol. 1(5). October. P. 24.

⁴⁸ *Chodorow N.* The Reproducing of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley, 1978.

⁴⁹ *Rubin G.* The Traffic in Women: Notes on the Political Anthropology of Sex // Toward an Anthropology of Women / Ed. R.R. Reiter. New York; London, 1975. P. 157–210.

⁵⁰ *Рубин Г.* Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории / Ред. Е. Гапова, А. Усманова. Минск, 2000. С. 99.

⁵¹ Там же. С. 104.

⁵² Там же. С. 110.

⁵³ *Рубин Г.* Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Введение в гендерные исследования / Ред. И. Жеребкина. Хрестоматия. Т. II. СПб., 2001. С. 476.

⁵⁴ *Хубер Дж.* Теория гендерной стратификации // Антология гендерной теории / Ред. Е.И. Гапова, А. Усманова. Минск, 2000. С. 77–98.

⁵⁵ *Huber J.* Sex Stratification: Children, Housework and Jobs. N.Y., 1983; *Idem.* A Theory of Gender Stratification // Feminist Frontiers II: Rethinking Sex, Gender, and Society / Eds. L. Richardson, V. Taylor. N.Y., 1989; *Idem.* Micro-Macro Linkages in Gender Stratification // Micro-Macro Linkages in Sociology / Ed. J. Huber. Beverly Hills (Ca), 1991. P. 11–28; *Idem.* Comparative Gender Stratification // Handbook of Sociology of Gender / Ed. J. Saltzman Chafez. N.Y., 1999.

⁵⁶ *Пушкарева Н.Л.* «Женский» вопрос в теории марксизма (почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастлив?) // Женщина в российском обществе. 2002. № 1. С. 2–14.

⁵⁷ *Huber J.* Sex Stratification: Children, Housework and Jobs. P. 4. Ср.: *Sokoloff N.* Between Money and Love: The Dialectics of Women's Home and Market Work. N.Y., 1980. P. 114, 196.

⁵⁸ *Гапова Е.И.* Указ. соч. С. 375.

⁵⁹ *Blumberg R.L.* A General Theory of Gender Stratification // Sociological Theory. 1984. N 2. P. 23–101; *Lenski G., Lenski J.* Human Societies. N.Y., 1978.

⁶⁰ *Huber J.* Sex Stratification: Children, Housework and Jobs. P. 43.

⁶¹ *Ibid.* P. 50.

⁶² *Friedl E.* *Op. cit.* P. 182.

ТРАДИЦИОННОЕ ОТНОШЕНИЕ К КОНФЛИКТАМ В МОЛДАВСКОМ СЕЛЕ

Обращение к означенной в названии статьи теме было продиктовано как слабой степенью ее изученности в современной молдавской этнографической литературе, так научной и практической ее значимостью. В качестве основных для освещения указанной проблемы будут использованы литературные источники, личные наблюдения автора и паремиологический материал.

Многочисленные конфликты, в том числе и межэтнические, которыми были ознаменованы последние десятилетия прошлого и начала XXI в., способствовали активизации поисков менее болезненных выходов из них. Вполне закономерным представляется усиление внимания различных слоев общества в тот период к традиционным культурам, одной из характеристик которых была толерантность¹. Рассмотрим проявление этого феномена в молдавской народной культуре.

Пословицы и поговорки, отразившие многовековой опыт и мудрость народа, свидетельствуют о негативном отношении молдаван к конфликтам. «Там, где царит мир, будет благополучие, процветание, а где война – бедность» – гласит одна из молдавских пословиц. В других сообщается о том, что «счастье обходит места, где правят ссоры и оскорбления» и «рая враждой и ненавистью не достичь»².

Толерантность в мировидении молдаван связана с представлением об умении творить добро, о добре как таковом и о доброте. «Делать добро всегда лучше, нежели творить зло» – говорится в одной из молдавских пословиц; «Разбрасывай свою доброту и налево, и направо, а в другой для себя ситуации найдешь ее» – гласит другая.

Сотворенное человеком добро, в представлении молдавских крестьян, всегда к нему возвращается. Совершивший хороший, добрый поступок, вправе рассчитывать на такое же к себе отношение. Согласно народной морали, молдаванин должен был дарить добро не только милым его сердцу людям, а любому, каждому. Злые деяния человека также возвращаются к нему – верили в народе. «Тот, кто роет яму другому, сам в нее попадет», «Кто сеет зло, его и пожнет», «Хочешь добра, не делай другим зла» – учат молдавские пословицы³.

Народный опыт не мог не зафиксировать противоречивый характер самой жизни человека. В пословицах и поговорках молдаван встречаются такого рода факты. В них подмечено, что «зло творить легче, чем добро», «зло спешит быстрее, нежели добро». И все же злой, недобрый человек негативно воспринимался сельским сообществом, что также нашло отражение в пословицах и поговорках: «не делай зла, и недобрый словом тебя никто не помянет». Одна пословица предостерегала, что «злой человек как уголь, если не сожжет тебя, то закоптит». «Если народ платит тебе ненавистью, то ничего не значат ни честь, ни власть твоя» – утверждала другая⁴.

Репутация дурного, злого человека не сулила ничего хорошего. Как правило, с ним старались не общаться. В народе верили, что плохой человек,

войдя в чужой дом, мог навредить домохозяевам, а также негативно повлиять на результат выполняемой ими работы. Опасен он был, полагали крестьяне, и новобрачным, и новорожденным. Вот почему полагалось защищаться и от явной, и от тайной злобы с помощью известных в крестьянской среде магических практик.

Согласно народной молве, возникновение ссор было делом рук дьявола. Порой отдельные люди в своем коварстве, творимых кознях были значительно искусней самого черта. В молдавской народной сказке «Черт и баба» рассказана подобная история. Супружеская пара жила счастливо и мирно, не реагируя на происки хвостатого, что привело его в отчаянье. И тогда одна пожилая женщина предложила черту свои услуги за определенную плату. Клеветой, хитростью она так искусно столкнула супругов, что испугала самого черта.

Известный писатель И. Друцэ в романе «Белая церковь» вывел образ такого человека, разжигающего распри, богатеющего на военных конфликтах. Неудивительно, что писатель наделил его фамилией, в переводе на русский язык означающей «жестокий, свирепый» (*cruntu*). Сельчане не считают его христианином, ибо весь его стиль жизни и мировосприятия был сориентирован на зло, из двух жизненных ситуаций он всегда выбирал войну, ссору, силовые разборки. Дурной вестью для него было сообщение о примирении любых конфликтующих сторон. Сельчане порой завидуют его благосостоянию, но самого его не уважают и стараются обходить стороной, не ожидая от него ничего хорошего для себя⁵.

Еще Д. Кантемир писал о разрушительном воздействии частых военных действий на характер людей. Непостоянство, нестабильность в их поведении, отсутствие понимания ими ценности жизни привели, как полагал мыслитель, к особой жестокости, поэтому, убивая, они не считают даже это грехом⁶.

Ион Друцэ в упомянутом романе пишет о потере духовности жителями одного из молдавских сел, растоптанного военными действиями. И у его жителей нет жалости к обездоленным, тем более нет для них защиты, нет единения. Писатель устами своей героини подводит итог: и это уже не село, а простое скопище людей⁷. Общественное мнение играло прежде важную роль, а объединенными усилиями сельчане могли решить важные вопросы. Пословицы и поговорки молдаван являются дополнительным тому аргументом. «Если рвется одно звено, вся цепь распускается» – гласит одна из них. В другой утверждается, что там, «где человек один, силы нет, а где много – сила растет»⁸.

Негативно относясь к конфликтам, осложнившим и без того его непростую жизнь, молдавский крестьянин учился избегать их, а если они и случались, то старался найти способ быстро потушить огонь вражды. Этот опыт, передававшийся из поколения в поколение, был закреплен в пословицах и поговорках. Одним из способов уйти от ссоры была такая черта в поведении, как терпение. «С терпением можно и море перейти, а со злом и ручей – непреодолима преграда», «терпение помогает получить масло из сметаны» – сулились в пословицах и поговорках выгоды, которые мог получить терпеливый человек. В реальной же жизни терпения без границ быть не могло. И хорошо оно, терпение, к месту – учила одна из пословиц, а в другой давался совет бояться людей, которым все по нраву, все по вкусу⁹.

Стремясь соблюсти меру во всем и положительно оценивая подобное поведение, крестьянин-молдаванин именно в этом видел действенное средство уйти от ссор, разногласий, перебранок, способных при определенных условиях перерасти в затяжные, глубокие конфликты. Его наблюдения, раздумья, опыт запечатлела пословица, гласящая, что «Маленькие причины порождают большие ссоры»¹⁰.

В крестьянской среде особым достоинством считалась сдержанность и в речах. Чувство меры в вербальном поведении помогало избежать конфликтов. Молчание в народном представлении ассоциировалось с золотом, медом, удовольствием. «Молчание часто дороже ответа», «молчи или скажи что-то лучшее, более умное, нежели молчание» – учили молдавские пословицы¹¹.

Излишняя откровенность, бывало, обходилась недешево: «Скажешь правду, и тебе разобьют голову». В других пословицах звучало предостережение: «Не любую правду нужно говорить», «Если хочешь мира, спокойной жизни, смотри, слушай и молчи»¹².

Воспринимая умение молчать как особый дар, какую-то высокую добродетель, молдаванин не умалял значения слова, умения говорить друг с другом в реальной, повседневной жизни. Особенно важны они были в налаживании нормальных отношений. «Где ведется диалог, там нет места гневу», «Хороший разговор способен потушить пожар быстрее, чем бочка воды» – утверждают молдавские пословицы. Ласковое слово, верили сельчане, способно воздвигнуть серьезные преграды для ссор, перебранок, конфликтов. «Сладкие речи больше хлеба могут дать», «Медовые уста способны привести к важному результату» – подытоживали житейский опыт крестьян молдавские пословицы.

Предотвратить конфликт могло помочь и умение крестьянина подавить в себе гнев. В различных жанрах устного народного творчества молдаван говорится о последствиях совершенных под воздействием гнева действий. «Гнев к добру не ведет», «Гнев старит, а смех молодит» – утверждают пословицы и поговорки. Одна из молдавских народных притч так и называется «Горе тому, кто не умеет обуздать свой гнев»¹³.

Многоликие конфликтные ситуации имеют множество обозначений в языке, что свидетельствует в определенной степени о частоте их возникновения в деревенской среде (*răfuială, ceartă, dușmănie, vrajbă, ură, mânie, gâlceavă, sfadă*). Пословицы и поговорки молдаван зафиксировали состояния, возникающие в результате ссоры, а также народные выражения, обозначающие направленные на создание конфликтной атмосферы действия. Следовательно, в различных источниках должны содержаться и материалы, освещающие методы, используемые молдаванином для преодоления конфликтов. Иностранцы, посетившие Молдову в конце XVI – начале XVII в., отмечали отсутствие громких судебных процессов по поводу разразившихся в среде молдаван ссор. Возникающие разногласия они пытаются решить с помощью друзей с обеих сторон, что является, по мнению одного из путешественников, хорошей традицией. Иногда в роли примирителя выступал господарь, пользующийся непререкаемым авторитетом. Другие заграничные визитеры писали о бытовавшем у молдаван обычае на Пасху и Рождество прощать своих недругов. В эти дни в Молдове выпускали из темниц заключенных. Подобная практика была известна и другим народам¹⁴.

Антиохийский патриарх Макарий в 50-е годы XVII в. писал о практиковавшемся обычае выпускать всех заключенных в субботу так называемой «белой недели», ибо в первую пятницу великого поста закрывались все трибуналы, и государь не появлялся нигде, кроме церкви. Об этом же свидетельствовал и Павел Алеппский, побывавший в Молдове в период между 1654–1656 гг.¹⁵

Важную роль в сохранении мира среди сельчан или скорейшем примирении конфликтующих сторон призваны были сыграть этические нормы, сообразно которым строилась вся жизнь сельского сообщества. Они прежде всего предусматривали послушание детей. Считалось грехом ругаться с родителями, а проклятие матери воспринималось как самая суровая кара. В молдавской мифологии есть образ умершего, проклятого отцом и матерью (*afurisit*), представляющего опасность для мира живых. Герои молдавских народных сказок, за какие-то проступки наказанные родителями, безропотно несут свой крест и осознают необходимость искупления этой вины. Один из них, превращенный в лошадиную голову и только ночью обретающий лик золотоволосого юноши, знает, что, лишь заслужив прощение родителей, он сможет навсегда вернуть человеческий облик.

Пословицы и поговорки молдаван также учат внимательному, уважительному отношению к родителям и более старшим по возрасту сельчанам, независимо от наличия той или иной степени родства с ними. «Благословение родителей, – говорилось в одной из пословиц, – укрепляет дом детей». Другие пословицы напоминали, что «старых людей следует почитать, как своих родителей». Мнение взрослых, пожилых людей являлось определяющим при решении важных вопросов, что нашло отражение в ряде пословиц у молдаван. Одна из них гласила: «В присутствии стариков молчи и слушай»¹⁶.

Послушание было одной из черт поведения, которая помогала уходить от конфликтов. В молдавских народных сказках герои, отличающиеся послушанием, несмотря на превратности судьбы, становились счастливыми и в конце концов обеспечивали своим родным материальное благополучие. В первые недели жизни ребенка родители пытались предугадать, будет ли он послушным. Знаком, предвещавшим непослушание, было поведение младенца во время ритуала крещения. Если при погружении в воду он пищал, это всеми воспринималось как предупреждение о появлении на свет непослушного дитя. Такие предсказания, верили в народе, были необходимы. Узнав раньше о зле, можно было предотвратить или ослабить его действие. Матери мечтали о том, чтобы во взрослой жизни их дети стали всеобщими любимцами, приятными в общении людьми. Народная мудрость предполагала разумное послушание. В паремиях молдаван говорилось: «Слушай и младших, и старших, а решение принимай сам». В молдавской семье и малы, и старые были заинтересованы в сохранении нормальных, уважительных взаимоотношений. Существовала система запретов и предписаний, знакомая с детства каждому. В определенной степени это помогало уйти от конфликтных ситуаций, сохранив в семье лад.

Наказание детей в большие праздники воспринималось как дурное предзнаменование. В эти дни ребяташки старались вести себя примерно, чтобы не навлечь на себя гнев родителей. В противном случае, говорили в ряде молдавских сел, конфликтных ситуаций в отношениях детей с родителями

на протяжении длительного времени не избежать. Нельзя было оскорблять друг друга и сеять раздор, чтобы в течение всего года жить без ссор и перебранок. Взрослые подавали детям пример. Они воздерживались наказывать своих детей в праздничные дни. К Рождеству рассорившиеся соседи, родственники непременно должны были примириться. Молдаване говаривали, что хранить злобу в душе в такой большой праздник – грех. В канун постов также полагалось искать примирения и непременно следовало наладить испортившиеся отношения¹⁷. Как известно, христианская мораль предполагала в эти периоды не только воздержание от пищи, но и от дурных поступков, злых мыслей.

Судебные разбирательства конфликтов сельчан, как отмечали исследователи, не проводились во время важных полевых работ весной, летом и в период сбора винограда с 15 сентября до 15 октября. Тяжбы не рассматривались в течение 12 дней Рождества, в первую неделю великого поста, страстную и пасхальную недели. В это время не полагалось даже исправникам собирать налоги.

Благоприятным временем для примирения, кроме больших праздников, у молдаван считались периоды, когда совершались некоторые обряды семейного цикла. Так, знаток основ традиционного быта молдаван, упоминавший писатель И. Друцэ в романе «Белая церковь» сообщал о фактах примирения рассорившихся родственников во время похорон кого-то из их родных. Его герой из рода Крунту, отгородившийся от глаз сельчан, постоянно осуждавших его, высоким плетнем, общался с родственниками, с которыми был в ссоре – «на ножках», во время похорон. Но как только был брошен последний ком земли в вырытую могилу, родственники расходились, чтобы никогда даже не слышать друг о друге¹⁸. Единение, пусть даже временное, скорее всего было продиктовано желанием не портить отношения с предками. Отголоски культа предков и культа мертвых слышны в традиционных культурах достаточно долго, тем более в XVII – начале XVIII в., о которых и повествует писатель в своем романе. Общественное мнение было на страже этих традиций.

Встречаются факты примирения находившихся в ссоре соседей в случае смерти кого-то из близких у одной из сторон в более близкое к нам время (Ставчены, 90-е годы XX в.). В данном случае можно увидеть следы традиционного уклада жизни молдаван, согласно которому смерть одного из сельчан и его похороны воспринимались как событие, в котором должно было участвовать все село, тем более соседи. В основе этого явления, возможно, лежат народные представления о том, что покойник мог навредить людям. Отсюда и шло стремление всячески ублажать умершего¹⁹. В определенной мере с культом предков был связан и обычай *не куптьор*, когда девушка выступала инициатором заключения брака. Это был конфликт не только межличностного свойства. Нарушались принятые обществом правила заключения брака. Девушка, прокравшись в дом парня, пряталась на печи, ассоциировавшейся с местом, связанным с предками. При всем нежелании парня жениться и противодействии его родителей он обязан был в этом случае взять ее в жены. Если родители парня продолжали препятствовать, село их осуждало. Возникшая конфликтная ситуация разрешалась при помощи неписаных законов, соблюдаемых молдавским селом. Автор статьи наблюдал данную практику даже в середине 60-х годов XX в. (с. Сесены, тогда –

Каларашский район). Эта нетрадиционная практика заключения брака была описана в художественной литературе. Молодые, не получив благословения родителей, становились изгоями в своей среде и обрекали себя на скитания до тех пор, пока не были ими прощены. Паремии молдаван подтверждали важность согласия родителей на брак своего сына или дочери. От этого, свято верили в крестьянской среде, зависело счастье новой семьи²⁰.

Крестьяне полагали, что их благополучие зависит и от их связи с предками. Для сохранения хороших, добрых отношений с ними совершались многочисленные обряды. Не допускалось и мысли о том, что возможен конфликт с предками. Со временем подобные представления забылись, однако в обществе сельчан практикуются и сегодня ритуалы поминального свойства, продолжают бытовать и определенные запреты. Так, например, не разрешалось ничего уносить с кладбища. Если такие проступки и имели место, то в недавнем прошлом они осуждались. За виновником, преступившим дедовские законы, надолго закреплялась «слава» никчемного человека. Факт такого рода автором был зафиксирован в 60-е годы XX в. (с. Сесены). Человек в возрасте около 30 лет унес венки с могилы недавно похороненного, уважаемого в селе директора школы к себе домой и спрятал их на чердаке. Очень быстро злоумышленник был найден. Детям долго как бы в назидание взрослые показывали на него пальцем. Усмешки, ехидные фразы сельчан сопровождали его не один десяток лет. Соблюдение нормы, принятых этических канонов было необходимым условием для сохранения или приобретения вновь мира в сельской среде.

Общественное мнение было решающим при рассмотрении конфликта, где одной из сторон был «чужак», а другой – все село. Если он не соблюдал принятых правил, его изгоняли с территории села. Таким образом разрешались подобные спорные ситуации. Еще путешественники, побывавшие в Молдове в XVII в., писали об этом. Крестьяне, по их свидетельствам, путнику давали приют, необходимые продукты, но плохого поведения гостя, если он был лишен человеческих качеств, могли и побить²¹.

Умение вести себя в чужом доме, стремление соблюсти норму – существующие каноны – могло уберечь от конфликтов. Ион Друцэ в своем романе «Клопотница» описал, как стать уважаемым гостем, не нарушив общепринятых правил: «...Если судьба или удача бросили тебя в воды этого праздника, ты должен быть достойным гостем, уметь правильно испробовать угощение, вовремя сказать доброе слово хозяевам, иначе какой смысл имеет наше пребывание в этом мире, именуемом жизнь»²².

Не все спорные вопросы были в центре внимания сельского сообщества. Так, внутрисемейные ссоры решались домочадцами. Женщина 65 лет, уроженка с. Корнова, но давно живущая в поселке городского типа Ставчены, в 1997 г. на вопрос автора о том, была ли реакция со стороны соседей на конфликты между супругами, ответила отрицательно. Более чем 30-летнее проживание автора в данном населенном пункте дает ему право сделать вывод о том, что в любые конфликтные ситуации соседи стараются не вмешиваться, если не затронуты их интересы. В лучшем случае будут наблюдать за всем происходящим, стоя у окна, слегка отодвинув шторы. Вмешательство посторонних лиц, как правило, не практиковалось. Согласно народной философии, молдаванин с трезвой головой в ссоры других не вмешивается, он молчит во время шумных споров²³.

Известный современный этнограф Е.А. Постолаки, делясь воспоминаниями о своей маме Ольге Яровой, урожденной Юрчининной, рассказала о том, как нужно вести себя, если вспыхнет ссора. «Не тот глуп, кто выпил и скандалит, а тот, кто ввяжется в этот конфликт, желая подкорректировать поведение скандалиста» (Nu-i prost cel care a băt și face scandal, dar e mai prost acela, care ați pune mintea cu el și vrea să-l îndrepte)²⁴.

Неоднократно упомянутый и цитируемый И. Друцэ в своем романе «Белая церковь» описал конфликтную ситуацию, возникшую между толпой и личностью – героиней романа Екатериной. Все село насмехалось над ней, над ее бедностью, искренней верой, подвижничеством, и на ее защиту из всего этого скопища людей не встал никто. Только ее приемыш, маленький бессильный человек рискнул бросить вызов насмешникам: «...Целое село издевалось над одним человеком – вещи известные у нас в Молдове, но подожди, кажется, нашелся кто-то, готовый встать на ее защиту. Маленький птенчик, подвязанный крестообразно платком на груди, концы которого связаны на спине, опустив полы одежды Екатерины, поднял с земли камушек и направился к ним против тех, кто осмелился надсмехаться над его матерью»²⁵.

Невмешательство в чужие ссоры, особенно внутрисемейные, было продиктовано прежде всего представлением о том, что «мой дом – моя крепость», в котором существуют свои собственные законы. К тому же многолетний опыт не одного поколения учил крестьян, что расширение границ конфликта не способствует его разрешению, скорее, наоборот. Ситуация, описанная И. Друцэ, сложилась в населенном пункте, пострадавшем от военных действий. В нем нет церкви, нет единения, утрачены традиции. Героиня романа, эта набожная женщина, своим стремлением вернуть сельчан к прежней жизни, к христианским добродетелям, выбивается из толпы, на данный момент она чужая среди них. Отсюда и насмешливо-презрительное отношение к ней. Быть услышанным и неосмеянным в любом коллективе – задача не из самых легких. В этом сумело убедиться на своем собственном опыте огромное число людей в разное время, в разных странах и на любых континентах.

И все же рано или поздно носители и создатели традиционных культур искали примирения, от которого зависела их жизнь, благосостояние. Паремии молдаван свидетельствуют о том, что часто путь к миру лежал через осознание своей неправоты: «ошибка имеет право на прощение», «не ошибается только тот, кто ничего не делает», «признанная ошибка наполовину прощена»²⁶. Зачастую крестьяне верили, что виной их страданий были их собственные грехи, неправильное поведение. И. Друцэ в романе «Время нашей доброты» описывает такой эпизод, когда для сельчан страшным испытанием стало нашествие волков. Люди просят прощения у родственников, соседей, домочадцев и, совершая крестное знамение, обращаются за помощью к Господу Богу. Народная философия пыталась оценить последствия конфликта между человеком и природой, предлагала пути восстановления утраченного равновесия.

В крестьянской среде бытовало мнение, что природные катаклизмы были следствием дурных поступков и злой воли каких-то людей. Следовало прибегнуть к магическим практикам, чтобы предотвратить или по возможности ослабить эти явления. Все обычаи и обряды молдаван, направленные на вы-

зывание дождя или на его прекращение, служат своеобразной иллюстрацией. Один из примеров такого рода содержится в книге, повествующей о имевших место в крае событиях после 1918 г. Памятники Александру I и Александру II готовили к сносу, предварительно закрыв их полностью полотном. 10 июня 1918 г. в кафедральном парке собралась огромная толпа, в которой было много женщин, требовавшая открыть памятники. В толпе говорили, что закрытие памятников вызвало сильную засуху. Автор книги видит в данном акте влияние пророссийски настроенного духовенства²⁷. Надо полагать, что если бы в народе не были живы представления о причинах засухи и т.п., то вряд ли удалось собрать такую массу людей. О других причинах, толкнувших народ выразить свой протест действиям властей, говорить не буду, поскольку это не является темой данной статьи. Но и они очевидны.

В крестьянской среде верили, что в конечном итоге спор будет разрешен в пользу того, за кем правота, а злой, недобрый человек будет наказан. Представления и чаяния сельчан отразил паремиологический материал²⁸.

Другие жанры устного народного творчества также зафиксировали подобные настроения жителя молдавского села. Так, в народной сказке «Поп в козьей шкуре» повествуется о бедняке, попавшем из-за своего нищенского состояния в критическую ситуацию. Ни поп, ни сельчане не хотели помочь ему похоронить умерших близких. Терпение, смекалка, умение выносить удары судьбы помогли крестьянину выйти из конфликта без потерь. Он сумел по обычаю похоронить умерших и к тому же смог сохранить свою жизнь, без ропота отдав найденные золотые монеты попу. Богатые, но жадные поп и попадя были наказаны, на всю жизнь оставшись в козьих шкурах – *Pora cu pele de capră* (поп в козьей шкуре)²⁹. Пословицы и поговорки молдаван учили, что «тот, кто не довольствуется малым, не будет иметь и большего», «кто хочет много выиграть, рискует потерять и ту малость, которая у него была»³⁰.

Разрешение конфликтных ситуаций часто зависело от силы духа, моральных качеств вовлеченных в нее сторон. В одной из сказок-притчей молдаван говорится о молодом человеке, принявшем важное решение – сохранить жизнь своему отцу, несмотря на приказ императора умертвить всех стариков в стране. Он не только выполнил свой сыновний долг, но и получил, благодаря советам и опыту своего отца, богатый урожай в сложных климатических условиях. Соблюдение им этической нормы помогло, как повествует притча, восстановить важную роль стариков в жизни молодых людей / *De când nu-i voie de omorât oamenii bătrâni* (так как не позволено убивать стариков)³¹.

При возникновении спорных вопросов у молдаван было принято обращаться к уважаемым на селе людям. Эта практика была зафиксирована в произведениях устного народного творчества. Так, в одной из притч повествуется о вражде двух братьев, рассорившихся из-за дележа отцовского наследства. В конце концов они обратились за помощью к старому человеку, дававшему им такой совет и в такой форме, что они поняли, как далеко зашли в своих распрях, став посмешищем среди сельчан, и решили помириться. Следует заметить, что и в свидетели приглашали, как правило, добрых, мудрых, чаще – пожилых людей.

В сельской среде полагали, что если конфликт завершился братоубийством, следовало вывести из этой трагедии определенные уроки в назидание другим. Так, в одной из демифологизированных сказок рассказывается о

том, как из зависти старший брат убил младшего. И тогда их лики были помещены на луне, чтобы ночью, когда буйствуют злые духи, люди, увидев все произошедшее, не сворачивали бы с праведного пути – *Ымпэриру ку сфа-дэ; Дой фраць мокань* (разрешение ссоры двумя братьями моканами)³².

Негативно воспринимая конфликтные ситуации разного рода и стремясь как можно быстрее разрешить их, крестьяне свое поведение старались выстроить, исходя из знаний, которые сегодня мы бы отнесли к народной психологии. Это было важно не только для них самих, но и для подрастающих поколений. Опыт сельчан молдаван, доказывающий возможность не допустить возникновения конфликта или быстро локализовать его, учил молодых людей соблюдать общепринятые нормы, видеть в них важное средство сохранения спокойствия и мира.

Отразившись в пословицах и поговорках, знакомых каждому с детства, эти представления и опыт народа выполняли важную воспитательную роль, являлись одной из составляющих систем традиционного воспитания. Переданный опыт позволял вести себя адекватно реальности. Известный американский культуролог и этнолог Лесли Уайт отмечал: «...человек должен быть способен вести себя соответственно ситуации». В этом существенную помощь ему оказывают знания, которые он может приобретать бесконечно. «...Его чувственный опыт переводится в понятия и накапливается в его вербальной традиции. Кроме того, он может легко передаваться от одного индивида, поколения или народа – к другому»³³.

Вера крестьянина в торжество справедливости помогала ему жить, преодолевать трудности. И это тоже был урок молодым поколениям – с надеждой на светлое будущее смотреть на мир. Вот почему, должно быть, пословицы и поговорки гласили: «Все плохое напиши на проточной воде, а все хорошее высеки на камне», «Все несправедливости забудь на песке, а благодеяния сохрани на мраморе», «Плохое пусть все смоеся, а хорошее пусть прибавляется»³⁴.

Последним штрихом к статье, в которой, без претензий на исчерпывающее изложение, автор рассмотрел традиционное отношение молдаван к конфликтам, могут быть слова русского писателя Личутина, сказанные, правда, по другому поводу и о другом народе, но вполне уместные и здесь: «Прежней культуры нам уже не испить, а земно поклониться ей надо. И что-то, что было до нас, и в нас вольется»³⁵.

¹ *Башиева С., Геляева А.* Толерантность и норма как основа этнического мировидения народов Кавказа (лингвокультурологический аспект) // Известия Международной Академии Высшей школы. М., 2002. № 4. С. 101–107; Российский старый порядок: опыт исторического синтеза // Отечественная история. 2000. № 6. С. 43–93; *Лукьянец О.* Русские о мире и ссорах, путях решения конфликтов // Вестник Славянского университета. Кишинев, 2002. С. 97–98.

² *Grosu E.* Dicționar de proverbe și zicători. Chișinău, 2007. P. 120, 126.

³ *Ibid.* P. 74

⁴ Провербе ши зикэторь / Ред. В. Чиримпей. Кишинэу, 1981. P. 48.

⁵ *Folclor din Țara fagilor.* Chișinău, 1990. P. 235–236; *Druță I.* Povara bunătății noastre // Scrieri. În 4 vol. Chișinău, 1990. Vol. 3. P. 183.

⁶ *Лукьянец О.* Этнографические материалы в трудах Дм. Кантемира // Мысль. Кишинев, 2003. № 4. С. 55.

⁷ *Druță I.* Op. cit. P. 79.

⁸ *Grosu E.* Op. cit. P. 79, 80.

⁹ *Ibid.* P. 118, 119.

- ¹⁰ Ibid. P. 120.
- ¹¹ Ibid. P. 57–58.
- ¹² Ibid. P. 118, 65, 58.
- ¹³ Ibid. P. 80, 57, 55, 56, 120; Крестомацие де фолклор молдовенеск / Ред. В. Чиримпей. Кишинэу, 1989. С. 168.
- ¹⁴ Călători străine despre Țările Române. Vol. 3. Bucuresti, 1971. P. 173–174; Vol. 6. Bucuresti, 1973. P. 56; Лукьянец О. Русские о мире и ссорах, путях решения конфликтов. С. 97–98.
- ¹⁵ Berechet Șt. Procedura de judecată la Slavi și Români. Chișinău, 1926. P. 102–103; Călători străine despre Țările Române. Vol. 6. P. 56.
- ¹⁶ Крестомацие де фолклор молдовенеск. С. 133–138; Grosu E. Op. cit. P. 35, 33, 63.
- ¹⁷ Зеленчук В. Религиозные верования // Молдаване. Кишинев, 1977. С. 270; Constantinescu O., Stoian I. Din datina Basarabiei. Chișinău, 1936. P. 17, 48, 86, 137; Лукьянец О. Традиционные этические нормы у молдаван // Этносоциология и этносоциологи. М., 2008. С. 228–237; Grosu E. Op. cit. P. 48.
- ¹⁸ Berechet Șt. Op. cit. P. 147; Druță I. Op. cit. P. 185.
- ¹⁹ Зеленчук В. Указ. соч. С. 270, 285, 286.
- ²⁰ Grosu E. Op. cit. P. 35.
- ²¹ Iorga N. Istoria românilor prin călători. Bucuresti, 1928. Vol. I. P. 323.
- ²² «...Dacă soarta ori norocul te-au adus și te-au vărsat și pe tine în apele acelei petreceri, trebuie să fii musafir destoinic, să știi a gusta bucate, să știi a spune o vorbă frumoasă stăpînilor, pentru că, altminteri, ce rost ar avea aceasta trecere a noastră prin lume, care se numește viața. (Druță I. Clopotnița // Scrieri. În 4 vol. Chișinău, 1990. Vol. 4. P. 416).
- ²³ Grosu E. Op. cit. P. 119, 120.
- ²⁴ О. Иурчиșин-Іаровоі, 1918, Țaul – в пересказе Е.А. Постолаки.
- ²⁵ «...Mă rog, un întreg bătându-și joc de un singur om – lucruri cunoscute la noi în Moldova, dar stai că pare să se găsească unul care cearcă să-i ia apărarea... Un puișor îmbrobodit, cu băsmaua făcută cruce la piept și apoi legată la spate, se desprindă de poala Ecaterinei, ridică de jos un bulgăraș și pornește cu el împotriva celor ce și-au găsit să rădă de maica lui» (Druță I. Biserica albă. P. 213).
- ²⁶ Grosu E. Op. cit. P. 100.
- ²⁷ Druță I. Povara bunătații noastre // Scrieri. În 4 vol. Chișinău, 1990. Vol. 2. P. 14; Giurguea E.N. Din trecutul și prezentul Basarabiei. Buc., 1928. P. 89.
- ²⁸ Grosu E. Op. cit. P. 75, 74, 76.
- ²⁹ Folclor din Țara fagilor. P. 243–244.
- ³⁰ Grosu E. Op. cit. P. 93.
- ³¹ Folclor din Țara fagilor. P. 242.
- ³² Крестомацие де фолклор молдовенеск. С. 169, 173.
- ³³ Vaïm Л. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004. С. 333.
- ³⁴ Grosu E. Op. cit. P. 74, 75, 77.
- ³⁵ Цит. по: Подюков И. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1990. С. 9.

Е.Н. Квилинкова

ГАГАУЗСКИЙ ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИНАМИКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГАГАУЗОВ

*О способах идентификации своего языка
различными группами гагаузов*

Язык является одним из важных этнодифференцирующих признаков. Становление названия гагаузский язык и идентификация своего языка как гагаузского шло одновременно или даже вслед за ростом и завершением процесса становления национального самосознания. В этой связи представляется необходимым рассмотрение роли и функциональной значимости языка у групп гагаузов на протяжении различных исторических периодов. Данная проблема тесно связано с вопросом идентификации различными региональными группами гагаузов своего языка и началом использования названия «гагаузский язык».

В первую очередь отметим, что родной язык у различных групп гагаузов называется по-разному. В настоящее время «бессарабские гагаузы» (Молдовы и Одесской области Украины) называют его «*gagauzça*» (гагаузский), но в недалеком прошлом для его обозначения использовали название «*türkçä*», под которым понимали, по-видимому, диалект турецкого языка, так как его не смешивали с турецким.

Сведения об этом, относящиеся к концу XIX – началу XX в., содержатся в работе В.А. Мошкова. Он писал, что гагаузы Бессарабии называли свой язык «то турецким “тюрк”, то гагаузским, в некоторых случаях исключительно турецким», но при этом, как отмечал исследователь, они дифференцировали собственный язык и язык турок-осман, говорящих «по-османски»¹. В официальных же документах язык «бессарабских гагаузов» вплоть до конца XIX в. называли «турецкий» или «турецкое наречие»².

Полевые исследования, проведенные нами в гагаузских селах Молдовы в начале XXI в., показали, что некоторые информаторы старшего возраста (80–90 лет) продолжали называть свой язык «*türkçä*»: *Sän nerdän türkçeyi bilersin?* («Ты откуда знаешь по-турецки?») ³.

Гагаузы Болгарии редко используют для своего языка название «*gagauzça*». В основном они называют его «*türkçä*», но противопоставляют турецкому языку «*aslı türkçä*» (досл. настоящий турецкий). На вопрос: «Можно ли с вами пообщаться на гагаузском?», некоторые из них отвечали, что не знают этого языка, поскольку не идентифицировали свой язык с данным названием. Когда же вопрос звучал: «Можно ли с вами пообщаться на «тюркчя»?», они охотно соглашались.

Сведения о разделении гагаузами Болгарии собственного (гагаузского) и турецкого языка приводятся также болгарскими учеными⁴. Одним из обозначений собственного языка у указанной группы гагаузов было «*gagauzçasъna тюркче*»⁵. Аналогичная картина характерна и для гагаузов Греции, которые дифференцируют свой язык и турецкий: «*gagauz türkçäsı*» и «*türkçäsıma*»⁶. В основном же они называют свой язык «*türkçä*».

Совершенно иным является способ языковой идентификации, зафиксированный нами у гагаузов Приазовья (Украина). Для обозначения родного языка они употребляют выражение «*bizimcesinä*» / «*bizimcä*» (букв. «по-нашему»), а также называют его «*bulgarca*» (букв. «болгарский»); иногда даже используют сложное словосочетание – «*болгарский-турецкий*». При этом они отделяют его от настоящего болгарского языка, по отношению к которому используют определение «*tukanca*» или «*болгарский-славянский*». Употребление по отношению к родному языку определения «булгарджа» связано, по-видимому, с тем, что данная группа гагаузов довольно четко идентифицирует себя как «болгары», но при этом отделяет себя от славянских болгар, называя их «туканнар». Отметим, что опрошенные нами информаторы болгарским языком не владели, за исключением разве что отдельных фраз. Согласно их высказываниям, в прошлом «в доме» они общались на «своем» (т.е. гагаузском. – *Е.К.*) языке. У данной группы гагаузов процесс забвения родного языка ввиду утраты его функциональной значимости происходит быстрыми темпами. Некоторые из тех, кому за 70 лет, иногда разговаривают между собой на гагаузском, но значительная часть тех, кому 40–50 лет, вовсе не знают родного языка. Друг с другом они общаются главным образом на русском языке.

В настоящее время нельзя дать однозначную оценку способу этнической и языковой идентификации, зафиксированному нами у гагаузов Приазовья. Несомненно, это связано с процессом в области этнической идентификации гагаузов. Данный вопрос нуждается в тщательном исследовании и требует проведения социологического опроса у разных групп гагаузов.

Согласно К. Иречку, В.А. Мошкову, Л.А. Покровской, И. Градешлиеву и другим исследователям и ученым, язык причерноморских гагаузов Болгарии близок к диалектам турецкого языка тюркоязычного населения Балканского полуострова⁷. Еще большее турецкое влияние, особенно в области лексики, проявляется в языке гагаузов Греции. Однако, как мы уже отмечали, для всех групп гагаузов характерна дифференциация собственного языка и турецкого, под которым, по-видимому, понимают современный турецкий язык, употребляющийся в Турции. В этой связи следует особо отметить, что нельзя ставить знак равенства между турецким и гагаузским языками.

Язык и религиозность (взаимоотношения прихожан и местного духовенства в связи с вопросом о языке)

Начало более широкого употребления названия «гагаузский язык» связано с изданием в начале XX в. религиозных книг на гагаузском языке. Однако отсутствие литературы на родном языке и совершение богослужения на непонятном языке являлось только частью общей проблемы. Из архивных данных и сведений, содержащихся в работе В.А. Мошкова, видно, что гагаузы переселились в Бессарабию целыми селами вместе со своим духовенством. Однако многие из них не были допущены Кишиневским Епархиальным начальством к совершению богослужения ввиду их несоответствия предъявляемым требованиям. Им разрешено было совершать лишь требы⁸. В результате во многие гагаузские приходы были назначены священники

иной этнической принадлежности (русские, малороссы, молдаване), не владеющие языком прихожан. Они не только не могли дать элементарных религиозных знаний на понятном для прихожан языке, но даже не в состоянии были полноценно исповедовать их.

В этой связи В.А. Мошков писал: «Что касается национальности духовенства в гагаузских селах, то из-за Дуная вместе с ними пришли преимущественно священники-греки... Между новейшим бессарабским духовенством встречаются чаще всего малороссы и молдаване. Священники же из гагаузов пока еще очень редки...»⁹. Однако из архивных документов за 20–50 годы XIX в. видно, что во многих селах священники были из местной среды (как тогда писали, «из болгар» или «из греков») ¹⁰. Из этого можно предположить, что к концу XIX в. ввиду проводимой Епархиальным начальством политики данная ситуация принципиально изменилась. Клировые ведомости за 1909 г. отражают указанные изменения ¹¹. Это, несомненно, не могло не повлиять на религиозность прихожан.

Описывая положение инонациональных священников в гагаузских селах, В.А. Мошков отмечал: «Священник, долго прослуживший в гагаузском селе, конечно, научается говорить со своей паствой на их родном языке, но вначале или разговаривает с ними по-молдавски, где понимают этот язык, как в с. Конгаз и в Этулии, или же разговаривает только с теми из своих прихожан, которые говорят по-русски. В таких случаях, как мне рассказывал из своей практики один русский священник, бывает очень затруднительна исповедь. “Выучишь, – говорил он, – с голоса несколько вопросов по-гагаузски и задаешь их то одному исповеднику, то другому, смотря по вдохновению. А что мне на это отвечают вопрошаемые, одному Аллаху известно”» ¹².

Их приведенной цитаты следует, что такой важный религиозный обряд как таинство исповеди совершался формально, что, естественно, не устраивало прихожан. Поэтому уже с начала XIX в., т.е. практически сразу же после переселения в Бессарабию во многих гагаузских селах остро стоял вопрос о назначении в приход священника, знающего их язык. От жителей различных гагаузских колоний в 1810–1820-е годы в Дикастерию были направлены прошения о назначении в их села священников «нашей нации» ¹³, понимающих их язык. Поступали также прошения (1826) о разрешении прихожанам исповедоваться не у местного священника, а у другого духовника (Михаила Петрова), «знающего по-турецки» ¹⁴. Иногда сельские общества на основании принятого ими решения «избираем и одобряем» сами пытались назначить в свой приход «своего» священника, владеющего их языком, который, как правило, был выходцем из их же этнической среды ¹⁵. При этом использовали различные методы борьбы за свои интересы, например, отказывались выделять плату прежнему священнику и т.д. ¹⁶ Однако только в редких случаях Дикастерия соглашалась утвердить подобные решения ¹⁷. Несомненно, данная политика не могла не отразиться на общем состоянии религиозности.

Отсутствие богослужения на родном (понятном) языке не вызывало у прихожан потребности в постоянном посещении церкви и тем самым в немалой степени влияло на внешнюю религиозность гагаузов. В одном из архивных документов отмечалось, что **жители колонии Бешалма – «болгары, говорящие по-турецки»** (выделено нами. – Е.К.), при богослужении в церкви «ничего не понимают и не имеют благоповедения при слушании Слова

Божьего»¹⁸. В этой связи ввиду сложности в общении с прихожанами дьячок данной колонии Н. Гончаренко просил перевести его в другой приход. Однако просителю в переводе было отказано на том основании, что его вторая причина – «скудные доходы» не убедила духовное начальство в необходимости перевода.

Сведения о том, что языческие обряды сохраняются ввиду незнания прихожанами других языков, на которых можно произносить поучения, отмечалось в донесении, поданном на имя архиепископа Иринарха в 1848 г.: **прихожане в Комрате не понимают поучений, произносимых на русском, а больше понимают молдавский язык, хотя, будучи болгарами, говорят на турецком языке**¹⁹.

По сути трудность в общении между местным духовенством и прихожанами являлась одной из причин, по которой первые обращались к Епархиальному начальству с прошениями о переводе их из гагаузского села в другой приход.

Незнание священниками языка прихожан, официально именуемого турецким, сопровождалось их пренебрежительным отношением к инородцам. Нередко первые использовали по отношению к пастве оскорбительные выражения, которые задевали их религиозные чувства и национальную гордость. Из многочисленных жалоб прихожан гагаузских приходов видно, что наиболее часто употребляемые по отношению к ним оскорбления были следующие: «татары», «язычники», «еретики» и др. Как зафиксировано в материалах дела (за 1905–1906 гг.), священник с. Дезгинже протоиерей Н. Лашков «ругает нас разными обидными словами: нечестивыми, язычниками, дураками», «турками», «дьяволами, нечестивцами, некрещеными»²⁰. В том же документе в качестве оправдания, высказанного священником в свою защиту, было то, что прихожане «не признают некоторых праздников (т.е. работают в эти дни. – *Е.К.*), называя их русскими» (например, Вознесение, Покрова Пресвятой Богородицы, память Св. Предтечи Иоанна Крестителя и др.).

В 1905–1906 гг. жителем с. Кубей Аккерманского уезда Георгием Колевым была написана жалоба на местного священника Скодигора за то, что он выгнал всех прихожан из церкви, назвав их татарами²¹. Аналогичного рода жалобы поступали и раньше. Так, жители с. Чиаший Измаильского уезда (1826) требовали уволить местного священника М. Черноморцева, который называл их «татары проклятые и прочими еретиками»²².

В деле по обвинению священника с. Кулевчи Аккерманского уезда С. Кирсанова в грубом обращении с прихожанами и вымогательстве денег за исполнение религиозных обрядов (за 1893–1894 гг.) содержится оценка, данная им своей пастве. В материалах судебного разбирательства фигурирует его высказывание о том, что он «свой авторитет устанавливал в ходе официальной и неофициальной борьбы среди враждебных России и всего русского болгар»²³.

Приведенные документы являются лишь частью общей картины взаимных претензий между духовенством и прихожанами, в основе которых язык и этническая принадлежность священника играли не последнюю роль. Вместе с тем до начала XX в. в официально проводимой Кишиневским епархиальным начальством политике не придавалось значения вопросу о владении священником языком паствы. Это способствовало развитию у населения Бессарабии религиозной индифферентности и вело к постепенному

снижению религиозности. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что довольно слабое проявление внешних форм религиозности у гагаузов в немалой степени связано с вопросом о владении священником языком прихожан.

Вместе с тем отметим, что в начале XX в. вопрос о назначении в приход «своего» священника в известной степени был активизирован революционными событиями в Российской империи, которые сопровождались движением национальных окраин.

Религиозная литература на гагаузском языке и процесс становления языковой идентификации у гагаузов Бессарабии

Начало употребления названия «гагаузский язык», по-видимому, относится к концу XIX – началу XX в. В определенной степени более активное употребление термина «*gagauzça*» для обозначения родного языка связано с изданием в начале XX в. (с 1907 г.) Кишиневским Православным религиозно-просветительным Христианско-Рождественским Братством религиозных книг на гагаузском языке (Молитвенник, Псалтырь, Евангелие и др.).

В качестве предыстории вопроса отметим, что Кишиневское Епархиальное начальство, обеспокоенное стремительным увеличением с конца XIX в. числа раскольников и активизацией деятельности различных протестантских сект, обратило серьезное внимание на вопрос о религиозном состоянии прихожан. В результате выяснилось, что обучение в школах «инородцев» Закону Божьему ведется на непонятном для них языке (на русском), а у некоторых народов (в частности, гагаузов) отсутствует какая-либо религиозная литература на родном языке. С целью предупреждения сектантства и усиления религиозности населения Епархиальное начальство поручило Христорождественскому Братству издание религиозных книг на языке народов, проживающих на данной территории.

Так, в статье священника Игната Макрицкого «Закон Божий и инородцы в Бессарабии» (1908) затрагивается вопрос о преподавании Закона Божьего на национальных языках для инородцев (в частности, для молдаван и гагаузов). В ней отмечается, что дело религиозно-нравственного развития и просвещения инородцев поставлено неудовлетворительно. Дети по-русски заучивают Закон Божий и историю Ветхого и Нового Заветов, не понимая их, а молитвы заучивать для них еще сложнее. После школы их забывают. В этой связи автор статьи задает вопрос: «Для чего это, если богослужение в церквях ведется на молдавском языке?» Продолжая свою критику, он пишет: «Законоучителя решаются набивать головки детей молдаван или гагаузов (подчеркнуто нами. – Е.К.) неудобоваримыми славянскими выражениями, которые непонятны даже детям коренных русских крестьян». Для разрешения вопроса, по его мнению, «в деле преподавания Закона Божьего в народных школах в местностях с инородческим населением следует ввести родной язык населения (подчеркнуто нами. – Е.К.). Только на родном языке инородцев могут быть ими выучены основные положения веры и нравственности, развито религиозное чувство и молитвенное настроение.

На родном языке населения можно поставить дело преподавания Закона Божьего на ту высоту, на которой по требованию программы Закон Божий должен находиться»²⁴.

В начале XX в. довольно часто публиковались официальные и неофициальные сообщения о важности издания религиозных книг на национальных языках. В одном из опубликованных в КЕВ документе (Положение о Кишиневской Епархиальной типографии) конкретно указывалось, что ее целью является «печатание книг, брошюр и листов церковного, религиозно-нравственного содержания на языках: русском, молдавском, гагаузском и болгарском»²⁵.

Огромную роль в издании религиозной литературы на гагаузском языке сыграл религиозный деятель и просветитель протоиерей М. Чакир, который являлся членом Христо-Рождественского Братства. Для печатания религиозной литературы на языке малых народов необходимо было продемонстрировать значимость данного вопроса и получить разрешение от Священного Синода.

В 1907 г. в неофициальном разделе КЕВ была опубликована заметка «Одна из духовных потребностей гагаузов». В ней отмечалось: «В Бендерском, Аккерманском, Измаильском уездах проживает гагаузов около 70 000. Письменности своей не имеют, обучаются в школах на русском языке, в храмах – на славянском языке, обыденный язык – турецкий народный (подчеркнуто нами. – *Е.К.*)». Далее дается своего рода обоснование необходимости издания книг на понятном для гагаузов языке: «От жителей сел Томай (Комратской волости Бендерского уезда) и Бешалма (3 округ Бендерского уезда) поступило обращение к епископу Кишиневскому и Хотинскому с прошением о том, чтобы Епархиальное начальство, заботящееся о просвещении молдаван чрез печатание книг на их языке, возбудило ходатайство о разрешении печатать молитвы, Евангелие, и др. душеспасительные книги на гагаузском языке (подчеркнуто нами. – *Е.К.*), так как они очень нуждаются в них»²⁶.

Как отмечается в той же заметке, прошение было передано Преосвященным Владимиром на рассмотрение и обсуждение Кишиневского Христианско-Рождественского Братства как вопрос, заслуживающий внимания. В результате было признано необходимым и полезным учредить переводческую комиссию под председательством протоиерея М. Чакира, знатока гагаузского языка, и поручить ей дело перевода. Преосвященный Владимир возбудил ходатайство пред Святым Синодом о разрешении печатать на гагаузском языке Евангелие, молитвенник, часослов, акафисты, листки, брошюры и книжки религиозно-нравственного содержания Христианско-Рождественскому Братству. Было принято решение, что они будут печататься кириллицей и русскими буквами²⁷.

При обсуждении вопроса о необходимости издания книг на понятном для гагаузов языке в Отчете Кишиневского Православного Христианско-Рождественского Братства за 1907 г. указывалось: «В южных уездах Бессарабии в настоящее время проживают до 70 тыс. **гагаузов-христиан** (выделено нами. – *Е.К.*)»²⁸. Народ этот плохо владеет русским языком, а большая часть русской речи совсем не знает, молитв они не знают, и самое богослужение, совершаемое на славянском языке для них совсем не понятно. Давно создавалась крайняя необходимость перевода богослужения на гагаузский язык»²⁹. По инициативе члена Совета братства, протоиерея М. Чакира – знатока га-

гаузского языка, Советом назначена была комиссия из лиц, хорошо владеющих гагаузским языком, в которую вошли: архимандрит греческой церкви в Кишиневе Софроний, протоиерей Михаил Чакир, священник Федор Чакир, Константин Статов.

Из приведенной нами выдержки видно, что акцент сделан на конфессиональной принадлежности гагаузов (гагаузы-христиане), в то время как при проведении Всероссийской переписи 1897 г. они были зафиксированы как «турки-гагаузы», т.е. в качестве этнодифференцирующего признака за основу был взят используемый ими язык, все еще обозначаемый в официальных документах как турецкий.

В указанном отчете Христианско-Рождественского Братства за 1907 г. отмечается, что 31 октября 1907 г. Святым Синодом был издан Указ:

1. Предоставить Кишиневскому епархиальному начальству чрез посредство Кишиневского Православного Христианско-Рождественского Братства печатать на гагаузском языке славянским шрифтом на первых порах Евангелие, акафисты, часослов, а молитвенник, листки, брошюры и книжки религиозно-нравственного содержания на русско-гагаузском языках (в параллельных переводах) русским текстом.

2. Учредить переводческую комиссию под председательством члена местной консистории протоиерея Михаила Чакира для перевода Евангелия, акафиста, молитв, песнопений, листков и т.д. и печатания на гагаузском языке.

3. Поручить цензурирование книг, листков и т.д. М. Чакиру, как знатоку гагаузского языка.

4. Отмечалось, что в учрежденную переводческую комиссию журнала Совета Братства (от 22 декабря 1907 г.) вошли лица, хорошо владеющие гагаузским языком – «знатоки гагаузского языка»: член местной Духовной Консистории протоиерей Спиридон Мураневич, протоиерей Кириак Топалов, иеромонах Ново-Нямецкого монастыря Никанор³⁰.

Из отчетов Христианско-Рождественского Братства видно, что название языка – гагаузский – дано в соответствии с уже утвердившимся этнонимом – гагаузы. Столь четкая идентификация языка объясняется тем, что в комиссию входили священники-гагаузы, возглавляемые М. Чакиром, которые, по-видимому, не были лишены чувства «национального горения». Для того чтобы покончить с ситуацией, при которой ввиду языковой близости турок и гагаузов последних нередко воспринимали как турок-христиан, они четко дифференцировали свой язык, идентифицировав его с этнической принадлежностью.

Отметим, что для других материалов, публикуемых в КЕВ за тот же период, не всегда столь четко обозначена идентификация языка гагаузов как «гагаузского». Так, например, в одной из заметок, опубликованной в КЕВ в 1908 г., отмечается, что председатель комитета Епархиальной типографии протоиерей М. Чакир преподнес Высокопреосвященному архиепископу Владимиру псалтырь на молдавском языке и молитвенник на гагаузском наречии (подчеркнуто нами. – *Е.К.*). Интересным в этой связи является дополнение, что «он (М. Чакир. – *Е.К.*) обратил внимание на то, что «80 000 гагаузов Бессарабии, говорящих на одном из туранских наречий – древне-турецком языке, не имеют ни молитв, ни Евангелия...»³¹. Данное им уточнение, по-ви-

димому, было связано с необходимостью разъяснить вводимое ими обозначение «гагаузский язык».

В этой связи отметим, что на обложке Евангелия (1908) также дано уточняющее слово – «гагаузча тюркчя». На изданном же значительно позже Псалтыре (1936) достаточно четко отражается проводимая М. Чакиром дифференциация языков: «găgăuzsea-(tiurcsea)», «gagauzlar için hem tiurclear için)» (для гагаузов и турок/тюркских народов).

О сложностях перевода книг на гагаузский язык в связи с тем, что этот язык «не выработан», отмечалось в многочисленных отчетах переводческой комиссии, в которой цензором и председателем был М. Чакир. «Сделанные председателем комиссии переводы молитв и нескольких зачал из Евангелия были рассмотрены сельскими священниками, знающими гагаузский язык. Прочитаны были и в нескольких гагаузских приходах и одобрены, хотя и заявлено было при этом одним священником, что, при невыработанности гагаузского языка, некоторые места перевода требуют при прочтении народу пояснений. На это же указал и член переводческой комиссии протоиерей Спиридон Мураневич в своем докладе от Совета Братства. Ввиду таких заявлений сделаны некоторые исправления в переводе молитв, и молитвенник в 1908 г. был издан на славянско-гагаузском языках»³². В одном из отзывов об изданном вслед за молитвенником Евангелии на гагаузском языке отмечалось, что «перевод сделан в высшей степени удачно. Подбор слов приурочен к обиходной речи гагаузов...»³³.

Начиная, примерно, с 1910 г. в различного рода отчетах, документах и заметках, опубликованных в КЕВ, активно используется термин «гагаузы» в значении этнической принадлежности³⁴. Единичные сведения об этом встречаются и ранее, например, за 1899 г.³⁵ Одновременно с утверждением этнонима на страницах Кишиневских епархиальных ведомостей³⁶ и в архивных документах³⁷ используется название «гагаузский язык».

Из имеющихся материалов видно, что процесс языковой идентификации довольно активно протекал в первое десятилетие XX в. Иногда в данный период проскальзывают факты, указывающие на сохранение в официальных кругах Кишиневской епархии прежнего стереотипа по отношению к этнической принадлежности гагаузов, фигурировавших в течение целого столетия в официальных документах как болгары. Так, в КЕВ за 1908 г. в разделе «вакантные места» указано с. Авдарма (3 округ, Бендерского уезда). Там же приведена полная информация об условиях работы в приходе (церковный дом, 1035 душ мужского пола, 120 десятин земли; 680 руб. общественного жалованья). При этом особо оговаривается, что «на это место будет определен исключительно священник-болгарин, который мог бы на своем языке исповедовать прихожан»³⁸. Несомненно, что в данном случае речь идет о священнике-гагаузе.

В некоторых заметках (например, за 1906 г.) четко обозначается этническая принадлежность гагаузов, но при этом дается обтекаемая формулировка по отношению к используемому ими языку, например: «мы ...православные по вере, гагаузы по нации, встревоженные аграрными брожениями, проявленными в соседних селах, сегодня в количестве 240 домохозяев, по приглашению нашего местного священника явились в здание церковно-приходской школы на приходскую беседу, и, получив от него на нашем родном языке разъяснение истинного смысла аграрных движений и смут, чинимых

внутренними врагами России...»³⁹. Вероятно, употребление в этой заметке не вполне конкретного названия для обозначения языка гагаузов – «наш, родной» – не случайно, так как подобный способ идентификации своего языка и в настоящее время характерен для гагаузов Приазовья (о чем мы упоминали выше).

Оценивая роль и значение такого события в жизни народа, как начало издания религиозной литературы на гагаузском языке, отметим, что она не только способствовала повышению религиозной грамотности гагаузов, но значительно активизировала процесс, происходивший в области их этнического самосознания.

Издание литературы такого содержания не сводилось только к задаче повышения религиозной грамотности и удовлетворения религиозных потребностей (богослужение на родном языке) гагаузов Бессарабии. Можно предположить, что, издавая богослужебную литературу на гагаузском языке, М. Чакир (как главный переводчик и ответственный за издание) ставил перед собой и более глобальную задачу: объединить различные группы гагаузов на основе языка и религии. Так, в одном из отзывов о значении изданного Кишиневским Христианско-Рождественским Братством Евангелия на гагаузском языке данный момент особо выделен: «апостольский подвиг на благо не только 60 тысяч бессарабских гагаузов, лишенных слова Божия на их языке, но и для зарубежных гагаузов задунайских, проживающих в Румынии, Болгарии и Турции, совершенно лишенных какой-либо письменности на их языке»⁴⁰.

Основные этапы гагаузской письменности

Известно, что на Балканах гагаузы пользовались караманлийской религиозной литературой, написанной на турецком языке греческими буквами. Согласно приводимым К. Иречком данным, турецкая письменность «неизвестна гагаузам Болгарии; собственного богослужебного языка они не имеют, а потому в их церквах служат либо по-болгарски, либо по-гречески, и только проповеди произносятся на турецком языке. Языком школьным являются также языки болгарский или греческий»⁴¹.

После переселения в Бессарабию гагаузы длительное время продолжали пользоваться караманлийской литературой. Данные об этом находим в работе В.А. Мошкова⁴². Интересными являются сведения (1905), приводимые И. Халиппой о том, что Венелин, занимавшийся изучением фольклора бессарабских болгар, «первым обратил серьезное внимание на бессарабских гагаузов, столь ныне интересующих как историков, так и филологов, особенно после того как у гагаузов (правда, у Рушукских) открыта была своеобразная письменность с греческим алфавитом, турецким лексиконом и чисто христианским ортодоксально богословским содержанием». В заключении он в качестве задачи для Бессарабского церковного Историко-Археологического общества пишет: «Каждая из народностей, обитающих в Бессарабии, своеобразно восприняла свет христианства, его культуру и мировоззрение, и потому они имеют одинаковые права на внимание к ним науки»⁴³.

В начале XX в. в результате деятельности Кишиневского Христианско-Рождественского Братства и гагаузского религиозного деятеля и просвети-

теля М. Чакира появились книги на гагаузском языке. Вначале они издавались на базе кириллицы, а в румынский период – на латинице.

И лишь полвека спустя, в 1957 г., была введена гагаузская письменность (на базе кириллицы), издан первый учебник по гагаузской грамматике (Д.Н. Танасоглу, Л.А. Покровская). Данное событие способствовало завершению процесса идентификации собственного языка как «гагаузского» и, несомненно, определенным образом повлияло на усиление этнического самосознания. Однако, как справедливо отмечает М.Н. Губогло, введение письменности «вряд ли оказало бы сколько-нибудь заметное влияние на формирование этнической идентичности гагаузов, если бы вслед и благодаря письменности не появилась бы художественная литература, воздействующая на рост самосознания не только с помощью слова и логики, но и благодаря пробуждаемым чувствам и душевным озарениям»⁴⁴.

В 1994 г. был принят закон о создании на легитимной основе Автономного национально-территориального образования «Gagauz Yeri» в составе Республики Молдова, и с этого же времени официально признанным является алфавит на базе латинской графики с использованием некоторых специальных символов. В рамках данного образования государственными признаны молдавский, гагаузский и русский языки. Гагаузский язык в качестве предмета преподается в школах, вузах. В Комратском государственном университете готовят преподавателей гагаузского языка.

Гагаузы Украины и в настоящее время пользуются гагаузской письменностью на базе кириллицы, принятой в 1957 г.

Архивные и этнографические данные в связи с вопросом о билингвизме гагаузов

Вопрос о функционировании языка у гагаузов требует ответа на другой спорный вопрос: были ли они в основной своей массе двуязычны при переселении в Бессарабию? Болгарские ученые Г. Занетов и В. Матеева придерживаются точки зрения о билингвизме гагаузов⁴⁵. Аналогичная мысль была высказана Л.А. Покровской: «Усвоение гагаузами турецких и болгарских песен было возможно, с одной стороны, благодаря развившемуся среди них двуязычию, то есть знанию большинством гагаузов болгарского разговорного языка, а с другой – близости гагаузских говоров в Болгарии к местным турецким говорам»⁴⁶. Однако вряд ли можно согласиться с нею в том, что заимствование сюжетов песен у болгар свидетельствует о двуязычии большинства гагаузов.

Обнаруженные нами материалы, хранящиеся в Национальном архиве РМ, не дают оснований для однозначных утверждений о гагаузско-болгарском двуязычии по отношению к гагаузам Бессарабии. В материалах дел фонда ф. 205 имеются отказы священников работать в гагаузских селах. Одной из причин для такого отказа служило незнание ими языка прихожан. Как мы выше отмечали, до конца XIX в. язык, на котором говорили «бессарабские гагаузы», в официальных документах обозначался как «турецкий» или «турецкое наречие»⁴⁷. Архивных сведений, позволяющих говорить о том, что гагаузы какого-то села в основной своей массе одновременно владели и болгарским языком, нам зафиксировать не удалось. Так, в качестве причины для

перевода из колонии Бешалма Буджакского уезда в с. Гасан-Батыр (дело за 1823–1824 гг.) священник Каневский указал на трудности в работе из-за незнания им языка, на котором говорят прихожане – «**на турецком наречии**». Здесь же отмечается, что некоторые из них говорят по-молдавски⁴⁸. Это позволяет высказать предположение о том, что среди жителей села, возможно, были и молдаване. Вместе с тем в результате тесных контактов с местным населением часть гагаузов могла, в определенной степени, овладеть молдавским языком на бытовом уровне и стать двуязычной. Впрочем, думается, что их число было незначительным.

В деле за 1823–1824 гг. священника Кишиневского Болгарского Вознесенского собора И. Батку, переведенного (согласно распоряжению Консистории) в колонию Болград, имеется его прошение о переводе на прежнее место работы, т.е. в г. Кишинев. В качестве причины священник назвал незнание им языка жителей, что создавало для него огромные трудности в работе: «**жители тамошние все имеют наречие на турецком языке, а иные вовсе болгарского языка не понимают** (выделено нами. – *Е.К.*) ...по причине незнания мною турецкого языка не могу быть почти между бессловесными для меня прихожанами»⁴⁹. На основании содержащихся в документе сведений можно предположить, что часть жителей соседних с Болградом колоний, которые посещали, причащались и исповедовались в Болградском соборе (возможно, и определенная часть жителей самого Болграда), не владели болгарским языком. Учитывая этот факт, становится понятным, какие из прихожан не знали болгарского языка.

В деле о переводе священнослужителей и монашествующих в другие приходы Кишиневской епархии за 1819–1820 гг. имеется прошение пономаря колонии Кубей И. Телеуцы, который просил перевести его в другое село, так как «там **болгарские переселенцы 1818 г. говорят на турецком языке** (выделено нами. – *Е.К.*) и он лишается дневного пропитания»⁵⁰. Очевидно, что в основе данного прошения лежит незнание местным духовенством языка прихожан.

В сообщении священника местной церкви с. Гайдар Бендерского уезда отмечалось, что речь Преосвященнейшего Павла, Епископа Кишиневского и Хотинского, он передавал прихожанам на «понятном им турецком языке»⁵¹.

Интересные сведения об использовании языка и довольно четко обозначенной этнической дифференциации (в основе которой лежал не только языковой признак) приведены священником с. Твардица П. Казанаклий, который хорошо знал болгар и гагаузов, так как был выходцем из местной среды. В Кишиневских епархиальных ведомостях в 1873 г. опубликована его статья, в которой описаны обычаи и обряды этого села, религиозность прихожан, их этническая принадлежность и др. Он писал: «Национальность твардицкая не гагаузы, именующиеся только болгарами, а собственно болгары, говорящие на болгарском языке». И там же он дал примечание по вопросу о разделении задунайских переселенцев: «Болгарские поселенцы Бессарабии разделяются на три категории: 1) болгары – выходцы из Македонии и Румынии, говорящие болгарским языком; 2) комермерии – выходцы из Добруджи, говорящие по-турецки; 3) гагаузы – эта категория болгар, по местному сказанию, произошла от смешения болгарского племени с турецким. По местному же сказанию, **эти последние болгары вовсе не говорят по-болгарски** (вы-

делено нами. – *Е.К.*)»⁵². В приведенных сведениях, вероятно, отражается разделение гагаузов на «греческих» и «болгарских», хотя использованный им термин «комермерии» нам ранее встречать не доводилось, в том числе в научной литературе. Таким образом, сведения П. Казанаклий являются еще одним подтверждением высказанного нами предположения об отсутствии гагаузско-болгарского билингвизма у гагаузов Бессарабии.

Аналогичные свидетельства за более поздний период приведены в отчете (за 1891 г.) благочинного 1 округа Измаильского уезда С. Топалова. Он писал о «затруднениях, встречающихся при собеседовании» священника с. Старо-Трояны с прихожанами, «где **поселяне говорят на турецком языке** (выделено нами. – *Е.К.*), мало понимая русский язык, и то мужчины, а женщины совсем не понимают других языков»⁵³.

Что касается вопроса о билингвизме гагаузов (гагаузско-болгарском), то он требует специального исследования. Пока невозможно однозначно ответить на вопрос о том, были ли гагаузы до переселения в Бессарабию двуязычны или же двуязычие существовало только в смешанных гагаузско-болгарских селах и семьях. На основании приведенных данных, позволяющих рассмотреть ситуацию с языковым вопросом в некоторых гагаузских и смешанных гагаузско-болгарских селах, можно с определенной долей вероятности говорить о том, что в начале XIX в. (и позже) гагаузы Бессарабии в основной своей массе все же не владели болгарским языком.

Сведения аналогичного содержания по гагаузам Бессарабии приводятся Н.С. Державиным, а по гагаузам Болгарии – К. Иречек и А. Мановым. Так, в своей работе, опубликованной в 1937 г. Н.С. Державин отмечал, что гагаузы «поют колядки по-болгарски, не зная ни одного болгарского слова»⁵⁴. Практически то же самое о гагаузах Болгарии в конце XIX – начала XX в. писал К. Иречек: в Варненском округе мальчишки часто пели болгарские песни, не понимая их содержания⁵⁵. Более конкретным являются сведения А. Манова, согласно которым, в начале XX в. гагаузы Северо-Восточной Болгарии твердо и упорно поддерживали свою национальность. Болгарские семьи, заселившиеся в гагаузских селах, «вместо да побългарят гагаузите, сами си били погагаузчени». Далее он отмечал, что болгарские учителя в гагаузских селах вместо того, чтобы обучать болгарскому, сами выучивались турецкому и воспринимали их нравы и обычаи⁵⁶. Впрочем, вряд ли данный процесс был столь однозначным в этот период (30-е годы XX в.), как это показано у А. Манова.

В настоящее время у гагаузов Болгарии наиболее часто используемый для общения язык – болгарский. Соответственно значительная часть песен также исполняется ими на болгарском языке. Это, по словам информаторов, связано главным образом с распространением и расширением системы школьного образования. Что касается «бессарабских гагаузов», то в смешанных гагаузско-болгарских селах Молдовы и юга Украины они в той или иной степени владеют болгарским языком на бытовом уровне (как и болгары гагаузским). О реальном билингвизме гагаузов Молдовы можно говорить по отношению к русскому языку, который является средством общения. С его помощью гагаузы получают знания в школах и вузах, а также происходит его приобщение к мировым культурным ценностям.

О функциональной значимости гагаузского языка

В современном период в Автономном национально-территориальном образовании «Гагауз Ери» с большими трудностями, но все же идет процесс возрождения народной культуры и языка. Гагаузский язык, история и литература преподаются в качестве самостоятельных предметов в школах и вузах. Он сохраняет свою функциональную значимость как язык общения в быту и активно используется различными поколениями.

В настоящее время в гагаузских селах Болгарии довольно сложно найти информатора, знающего песни на родном языке; многие из них забыты. Зачастую они предлагают спеть песни на болгарском языке. Гагаузский язык используется в основном лишь пожилыми людьми в тех селах Болгарии, где гагаузы составляют большинство населения. Поколение среднего возраста понимает родной язык, но уже не говорит на нем или же говорит с трудом.

Однако языковая ситуация не во всех селах одинакова. Например, в с. Генерал Кантарджиево редко, но все же встречаются пожилые гагаузы, не владеющие или слабо владеющие болгарским языком. В отмеченном населенном пункте гагаузский язык, народные песни сохранились несколько лучше, чем в остальных исследованных нами селах. У информаторов данного села более яркими являются воспоминания о народных обычаях и обрядах. Это объясняется, вероятно, особым географическим расположением указанного населенного пункта (его удаленностью от путей сообщения и даже некоторой изолированностью от соседних сел); сложившимися историческими условиями – довольно длительным временем нахождения села в составе румынской Добруджи (до Второй мировой войны), во время которого болгарский язык, по сообщениям информаторов, не употреблялся. Таким образом, приведенные нами факторы в целом в немалой степени способствовали сохранению функциональной значимости родного языка и традиционной обрядности. В селах Болгарево и Орешак общение людей старшего возраста также нередко происходит на гагаузском языке.

Причины проявления маргинальности по отношению к собственному языку

Из приведенных выше сведений видно, что у гагаузов Болгарии, в результате происходивших объективных (и некоторых субъективных) процессов, использование родного языка ограничено кругом поколения старшего возраста. Другой причиной, оказавшей влияние на данный процесс, является негативное отношение к собственному языку как к языку турок-завоевателей, насильственно навязанному им в период османского завоевания.

В книге болгарского общественного и культурного деятеля Балчо Нейкова «Факийско предание» приводятся известные у гагаузов рассказы, в которых описывается история их отуречивания в период османского завоевания⁵⁷. Маргинальное отношение гагаузов Болгарии к родному языку имело место в предшествующий (социалистический) период. В определенной степени этому способствовала официальная точка зрения о том, что гагаузы – это отуреченные болгары. В результате часть гагаузов не желала, чтобы их дети разговаривали на этом языке, и потому не обучала их родному языку.

Негативное отношение к собственному языку имеет место и у части гагаузского населения Греции.

Вероятно, маргинальное отношение к собственному языку у части гагаузского населения Болгарии и Греции объясняется тем, что ненависть к туркам-османам в определенной степени вылилась в отрицательное отношение к своему языку, который, ввиду значительной близости его к турецким балканским говорам, воспринимался как турецкий.

Подобное восприятие своего языка в настоящее время не характерно для «бессарабских гагаузов», возможно потому, что после переселения в Бессарабию контакты с турками прекратились, и соответственно отсутствовала почва для негативного отношения к своему языку. Кроме того, этническое самосознание гагаузов на территории Бессарабии постепенно усиливалось, чему в значительной степени способствовал язык, роль и значение которого в религиозной и культурной жизни этноса только возрастали. Вместе с тем некоторыми гагаузскими исследователями отмечается, что в советский период в результате доминирования русского языка у гагаузов возникло чувство неполноценности к собственному языку, которое способствовало «обрусению» нескольких поколений. Однако, делая такие выводы нельзя не учитывать тот факт, что религиозная литература на гагаузском языке появилась лишь в начале XX в., а гагаузская письменность – в 1957 г. В настоящее время продолжается процесс становления гагаузского литературного языка. В этой связи упрек в сторону русского языка не выглядит достаточно обоснованным.

Смешанные браки и языковой барьер

До середины XX в. из-за языкового барьера контакты и смешанные браки с болгарями не имели у гагаузов Болгарии особого распространения. По словам информаторов с. Кичево, родители давали сыну благословение на брак в случае, когда девушка могла изъясняться на «тюркчя» и, естественно, была единоверкой (христианкой). При этом они добавляли, что «из соседних болгарских сел у них было не много сватов, а вот из квартала Кестрич (г. Варна) и из с. Орешак их было много. Позже, когда гагаузы овладели болгарским языком, они стали брать невест и из соседних болгарских сел». С увеличением межэтнических браков и усилением функциональной значимости болгарского языка в с. Кичево значительно усилился процесс утраты гагаузского языка и фольклора.

В некоторых селах запрет на брак распространялся и на представителей своего же этноса, проживающих по соседству. Например, в с. Болгарево в прошлом родители не давали согласия на брак сыну или дочери, если жених или невеста были не из их села. В определенной степени это объясняется тем, что в первой половине XX в. у сельского населения во многом сохранялся традиционный образ жизни. В целом подобного рода запреты способствовали сохранению «гагаузского духа» у представителей данного села. Для жителей же с. Генерал Кантарджиево, ввиду изменившихся исторических условий (во время вхождения села в Румынию), соблюдение эндогамии (запрета на браки вне своего села) являлось одним из способов сохранения собственной этничности.

Аналогичные сведения о функционировании болгарского языка в гагаузских селах Болгарии и заключении межнациональных браков (между гагаузами и болгарами) приводятся болгарским этнографом С. Средковой⁵⁸. На территории Бессарабии до середины XX в. межэтнические браки между гагаузами и болгарами, согласно сведениям А.В. Шабашова, также не получили широкого распространения⁵⁹.

Язык как один из маркеров этничности

Известно, что язык, наряду с другими важными частями культуры, выступает как один из маркеров этничности. Именно язык позволяет человеку идентифицировать себя в качестве члена той или иной этнической группы, и одновременно язык позволяет идентифицировать другого как чужого, как не принадлежащего к его собственной группе.

В настоящее время для старшего поколения гагаузов, проживающего на территориях Болгарии, Греции и других государств, этническая самоидентификация связана с их языковой особенностью (использованием в быту гагаузского языка), а также в определенной степени с бытовой обрядовой сферой, духовной и материальной культурой собственной этнографической группы. Представители среднего возраста свою этничность связывают с некоторыми основополагающими элементами духовной культуры их предков (и в первую очередь с языковыми особенностями), служащими культурными маркерами. Они ощущают себя уже просто болгарами или греками, но имеющими предками представителей определенной этнокультурной группы. Молодое поколение практически не ощущает давления маргинальности, так как их родным языком является язык того этноса, к которому они себя причисляют и который составляет национальное большинство той страны, где они проживают. Язык предков для них выступает в роли иностранного. Более того, в последнее время восприятие ими родного языка меняется, что в немалой степени связано с усилением торгово-экономических отношений с Турцией и востребованностью партнеров, понимающих и знающих турецкий язык. Внуки с помощью бабушек пытаются овладеть языком предков, объясняя это тем, что знание языка не бывает лишним.

В заключение добавим, что столь разнообразные способы языковой (и этнической) идентификации связаны с различными историческими условиями, в которых находились указанные группы гагаузов. В конечном итоге именно они в значительной степени повлияли на процесс самосознания гагаузов и стали причиной региональных различий в данной области.

¹ *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда: Этнографические очерки и материалы. (Изд. с сокращениями). Кишинев, 2004. С.19.

² НА РМ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 4156; Ф. 205. Оп. 1. Д. 4153; Ф. 205. Оп. 1. Д. 2556. Л. 19, 108; *Кёппен П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. VI. С. 63; *Державин Н.С.* О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // СЭ. 1937. № 1. С. 80.

³ Полевые материалы автора, с. Конгаз.

⁴ *Стаменова Ж.* Гагаузите. Проучвания и обща характеристика // Българска етнология. 2000. Бр. 1. С. 5–24. С. 18.

⁵ *Боев Е.* Междубългарски наименования, прозвища и прякори (с кратък речник). София, 2006. С. 24.

⁶ *Квилинкова Е.Н.* О языковой и этнической идентификации гагаузов Греции // *Revista de etnologie și culturologie*. Chișinău, 2006. P. 279–290; *Она же.* Некоторые вопросы идентификации и идентичности гагаузов // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. VI. Chișinău, 2006. С. 98–103; *Она же.* О принципе двойной самоидентификации гагаузов в прошлом и настоящем // *Закон и жизнь*. № 11 (180). Кишинэу, 2006. С. 36–44; *Она же.* О языковой и этнической идентификации гагаузов Греции // *Revista de etnologie și culturologie*. Chișinău, 2006. P. 279–290; *Она же.* Традиционная духовная культура гагаузов: этно-региональные особенности. Кишинев: Buziness-Elita, 2007; *Она же.* Идентичность гагаузов в прошлом и настоящем // *Традиционная культура*. М., 2008. № 1. С. 87–98; *Она же.* Идентификация своего языка различными группами гагаузов и становления названия «гагаузский язык» (по архивным, историографическим и этнографическим данным) // *Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья*. Вып. 2. Одесса, 2008. С. 80–94.

⁷ *Покровская Л.А.* Современный гагаузский язык: (курс лекций). Комрат, 1997. С.40; *Мошков В.А.* Турецкие племена на Балканском полуострове // *Известия Русского географического общества*. Т. 40. Вып. 3. М., 1904; Переиздано. Кишинев, 2005. С. 29–32; Цит. по: *Державин Н.С.* Указ. соч. С. 83–85; *Градешилев И.* Гагаузите. 2-е изд. Добрич, 1994. С. 8.

⁸ НА РМ. Ф. 208. Оп. 14. Д. 1. Л. 133–136 (за 1838 г.).
⁹ *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда: Этнографические очерки и материалы // *ЭО*. 1901. № 4. С. 29.

¹⁰ НА РМ. Ф. 208. Оп. 14. Д. 1 (за 1838 г.); Оп. 14. Д. 11 (за 1858 г.).

¹¹ Там же. Оп. 10. Д. 134 (за 1909 г.).

¹² *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда // *ЭО*. 1901. № 4. С. 29.

¹³ НА РМ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 2069 (за 1818 г., с. Татар-Копчак); Ф. 205. Оп. 1. Д. 2556 (за 1819–1820 гг., с. Кубей, Баурчи, Бешалма); Ф. 205. Оп. 1. Д. 4156 (за 1823–1824 гг.); Ф. 205. Оп. 1. Д. 4153 (за 1823 г.); Ф. 205. Оп. 1. Д. 1232. Л. 1; и др.

¹⁴ НА РМ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 5093. Л. 4.

¹⁵ Там же. Ф. 208. Оп. 3. Д. 5485 (за 1918 г.).

¹⁶ Там же. Оп. 33. Д. 5485; Оп. 19. Д. 595. Л. 1; и др.

¹⁷ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1232. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 2556. Л. 19, 108.

¹⁹ Деятельность архиепископа Иринарха в период управления им Кишиневской епархией (1844–1858) // *КЕВ*. 1911. № 33–34. С. 1150.

²⁰ НА РМ. Ф. 208. Оп. 5. Д. 2638. Л. 80–87 (дело за 1905–1906 гг.).

²¹ Там же. Д. 2709. Л. 7–13, 17.

²² Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 5093. Л. 7 (дело за 1826 г.).

²³ Там же. Ф. 208. Оп. 5. Д. 1698. Л. 8.

²⁴ *КЕВ*. 1908. № 26. С. 983–986.

²⁵ *КЕВ*. 1910. № 43. С. 389–392.

²⁶ *КЕВ*. 1907. № 27–28. С. 900–901.

²⁷ Там же.

²⁸ По Всероссийской переписи 1897 г. на территории Бессарабской губернии общая численность гагаузов составила 55 790 душ (См.: *Державин Н.С.* Указ. соч. С. 80–81). Немногим позже в одном из материалов, опубликованных в *КЕВ* за 1908 г., указана иная численность гагаузов Бессарабии – 80 000 человек (*КЕВ*. 1908. № 5. С. 1638–1658).

²⁹ *КЕВ*. 1908. № 36. С. 7.

³⁰ Там же. С. 8.

³¹ Там же. № 5. С. 1638–1658.

³² Там же. 1909. № 37–38. С. 1499–1544.

³³ Там же. 1910. № 36. С. 1280–1281.

³⁴ НА РМ. Ф. 208. Оп. 5. Д. 3444. Л. 78; Оп. 5. Д. 3179. Л. 819; Ф. 208. Оп. 4. Д. 2265. Л. 11; Ф. 208. Оп. 3. Д. 4723. Л. 8, 54, 55, 81, 83, 343–351; Ф. 208. Оп. 4. Д. 4056. Л. 19, 21, 29, 106 и др.

³⁵ Там же. Ф. 208. Оп. 4. Д. 2265. Л. 11.

³⁶ *КЕВ*. 1914. № 8. С. 387–393.

³⁷ НА РМ. Ф. 208. Оп. 4. Д. 4140.

³⁸ *КЕВ*. 1908. № 50. С. 239.

³⁹ Там же. 1906. № 4. С. 126–128.

⁴⁰ Там же. 1910. № 36. С. 1280–1281.

⁴¹ Цит. по: *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда... Кишинев, 2004. С. 7.

⁴² *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. 1901. № 2. С.43–48; 1901. № 4. С. 29.

⁴³ КЕВ. 1905. № 7. С. 162.

⁴⁴ *Губогло М.Н.* Русский язык в этнополитической истории гагаузов (вторая половина XX века). М., 2004. С. 135.

⁴⁵ *Занетов Г.* Български народни песни от с. Конгаз, Бесарабия // Списание на БАН. Кн. XLV. № 22. София, 1933. С. 121–144; *Матеева В.* Поглед върху етноложките изследвания за фолклора на гагаузите // Български фолклор. Кн. 1–2. София, 1999. С. 103–110.

⁴⁶ *Покровская Л.А., Чернышева М.Б.* Народные песни гагаузов. М., 1989. С. 5.

⁴⁷ НА РМ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 4156; Оп. 1. Д. 4153; Оп. 1. Д. 2556. Л. 73, 13; *Кёппен П.* Указ. соч. С. 63; *Державин Н.С.* Указ. соч. С. 80.

⁴⁸ НА РМ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 4156. Л. 1, 1 об.

⁴⁹ Там же. Д. 4153. Л. 9–10.

⁵⁰ Там же. Д. 2556. Л. 19, 108.

⁵¹ *Нефталимов Е.* Посещение Его Преосвященством Преосвященнейшим Павлом, Епископом Кишиневским и Хотинским, церкви в селении Гайдар Бендерского уезда, 25 апреля 1873 года // КЕВ. 1873. № 12. С. 497.

⁵² КЕВ. 1873. № 18. С. 693.

⁵³ НА РМ. Ф. 208. Оп. 4. Д. 1716. Л. 92.

⁵⁴ *Державин Н.С.* Указ. соч. С. 14.

⁵⁵ *Иречек К.* Пътувания по България / Превод от чешки Стоян Аргиров. София, 1974. С. 890.

⁵⁶ *Манов А.* Потеклото на гагаузите: техните обичаи и нрави. В две части. Варна, 1938. С. 35.

⁵⁷ *Нейков Б.* Фракийско предание. Сборки от народния живот. София, 1985. С. 281–282.

⁵⁸ *Средкова С.* На трапеза при гагаузите // Българска етнология. 2000. Бр. 1. С. 68.

⁵⁹ *Шабашов А.В.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002. С. 347.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Согласно данным ВЦИОМ, в России главным событием отечественной истории XX в., которым сегодня гордится наибольшее количество россиян (82%), является Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Однако наши представления, взгляды, оценки, чувства, отношение к тем годам и людям подвержены изменениям и манипулированию. Наша историческая память представляет непрерывный диалог прошлого с настоящим. Меняемся мы, меняются власти, трансформируются представления о прошлом. Изменение взглядов на историю Отечественной войны связано не только с открытием новой информации, изучением ранее засекреченных документов, сколько с изменившимися политическими реалиями, в условиях которых наблюдается тенденция приуменьшить роль России в мире, лишить ее значимых исторических побед. С интересом наблюдаем, в каком направлении корректируется сегодняшнее освещение этого периода жизни страны, какие персонажи исчезают, какие появляются из небытия, как расставляются акценты при презентации новых архивных данных, под каким углом прочитываются привычные тексты. Безусловно, новые интерпретации коснулись изменений в школьных учебниках по истории отечества, соответственно изменились знания о войне у подрастающего поколения. Что касается учебников бывшего СССР, они во вновь образованных государствах претерпели трансформации в различной мере. Исходя из степени радикальности пересмотра истории Великой Отечественной войны, можно выделить три исторические версии.

Первый подход близок к традиционной позднесоветской концепции и включает в себя следующие позиции – решающий вклад в победу в войне СССР; Великая Отечественная война продемонстрировала преимущество социалистического строя над миром капитализма; морально-политическое единство советского народа стало залогом победы над фашизмом; результатом победы СССР во Второй мировой войне стали народно-демократические революции в странах Восточной Европы.

Второй подход содержит трансформацию исторических версий Второй мировой войны. В рамках этой концепции, как правило, освещаются ранее замалчиваемые исторические факты, связанные с пактом Молотова–Риббентропа. Каждая страна в учебнике по истории стремится представить свой вклад в победу над фашизмом как наибольший. Поднимается тема коллаборационизма в нейтральном ключе. Присутствует критическое отношение к советской социально-экономической системе. Осуждению подвергаются действия советского руководства на первых этапах войны, поднимается проблема депортированных народов.

Третий этап исторических версий основан на радикальном пересмотре событий Второй мировой войны. В таких учебниках ставится знак равенства между Гитлером и Сталиным и утверждается их общая ответственность за

развязывание войны. В них принижается роль СССР в победе над фашизмом. Среди главных факторов, определивших поражение Германии и победу СССР, называются климатические (сильный мороз) и помощь союзников. Коллаборационисты рассматриваются как борцы за независимость государств. Останавливается внимание на неоправданно больших человеческих ресурсах, брошенных на борьбу с фашизмом.

Наименьшим трансформациям в разделе о Второй мировой войне с советских времен подверглись учебники Белоруссии, Казахстана, Армении, Узбекистана. Самые большие изменения имеют место в учебниках стран Балтии, Украины, Грузии. Место России – посередине, степень исторической ревизии согласуется с вышеуказанным вторым подходом¹.

В нашей стране история преподается в рамках параллельных курсов «Всемирная история» и «Отечественная история». В связи с этим ключевые события истории изучаются дважды. В учебниках новейшей истории рассматривается Вторая мировая война, в учебниках по отечественной истории речь идет о Великой Отечественной войне.

Учебники по истории можно разделить на написанные в 90-е годы XX в. и вышедшие после 2000 г. К первой категории относится, в частности, учебник С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской «Россия в истории мировой цивилизации IX–XX вв.» (М., 2000), в котором отразились проблемы перестроенного времени. Так, ключевые оценки истории собственной страны в нем опираются на западный подход ко Второй мировой войне. В рамках этой концепции равная ответственность за развязывание Второй мировой войны возлагается на Германию и СССР, широко освещается роль в боевых действиях союзников. В один ряд с такими сражениями, как битвы под Сталинградом и на Курской дуге, ставятся военные операции в Северной Африке, на Тихом океане и в Атлантике.

Однако начиная с 2000-х годов трактовка основных военных событий претерпевает существенные изменения, становясь близкой к учебникам СССР – освещается решающая роль СССР в победе над фашизмом, появляется тема героизма советского народа, акцентируется значение ключевых битв Великой Отечественной войны на территории СССР, широко освещается партизанское движение. Наряду с этим появляются новые темы, отсутствовавшие в советских учебниках: в частности, освещается роль Русской православной церкви в войне и ее патриотическая деятельность; поднимается тема коллаборационизма на войне; раскрывается трагическая история депортации народов. В разделе, посвященном итогам войны, сделан акцент на необходимости перехода общества к гуманизации человеческих ценностей, демилитаризации общества².

В 2010 г. нами был проведен опрос населения на тему «Великая Отечественная в представлении школьников столицы». Всего было опрошено 300 школьников старших классов в школах Восточного округа г. Москвы. Также были проанализированы рисунки учащихся младших и старших классов на тему о Великой Отечественной войне.

Цель исследования – выявить особенности исторического осознания Великой Отечественной войны, включающего в себя содержание, характер, оценку и объем знаний о войне.

Интерес к истории Великой Отечественной войны

В целом до 80% опрошенных интересуются историей Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Однако среди девушек таких оказалось несколько меньше. Они реже смотрят фильмы о войне, меньше читают книги на эту тему, потому что *«эмоционально тяжело читать и смотреть про горе, насилия, убийства, голод и непомерный труд...»*. Тем не менее 9 мая воспринимается юношами и девушками как Великий праздник. Для каждого третьего респондента война имеет персональный характер, так как их деды и прадеды принимали в ней участие или были труженниками тыла. Каждый третий участник опроса вспоминал, что у них в семье были погибшие на войне. К этому списку можно добавить годы жизни в оккупации, угон в Германию, пребывание в лагерях смерти, ранний уход из жизни родственников после войны.

Самый распространенный источник знаний о войне для молодежи – уроки истории Отечества (88%); художественные фильмы (85%); далее идут информационные телевизионные программы (83%). Необходимость дать учащимся адекватное представление о наиболее значимых эпизодах войны конкурирует с невозможностью сохранять с течением времени объем изучаемого материала: таковы жесткие рамки создания и подачи учебных текстов. Например, если в учебнике истории СССР под редакцией М.П. Кима, изданном в 1977 г., освещению Великой Отечественной войны отводилось 40% всего объема, то в современных учебных пособиях для общеобразовательных учреждений интересующему нас периоду уделено 10% объема учебника³.

В числе основных источников знаний о войне фигурируют семейные воспоминания (43%), а также встречи молодежи с ветеранами (38%). Пресса редко упоминается в анкетах молодых людей в качестве основных источников информации. Характерно, что события военной поры молодые люди обсуждают не со сверстниками, а с собеседниками из поколений отцов и дедов.

Знание фактов и персоналий

Большая часть анкеты включала в себя вопросы на знание некоторых фактов и событий военных лет. Предполагалось выяснить, насколько учащиеся знают советских и немецких главнокомандующих; основные битвы ВОВ и города-герои; советских партизан и разведчиков; имена героев, совершивших подвиги в ВОВ; писателей военных лет, песни, фильмы и книги о войне.

Итак, знает ли молодежь полководцев ВОВ? В целом да, и достаточно хорошо. Бесспорным лидером общественного мнения по частоте упоминания является маршал Г.К. Жуков. В непосредственной близости по рейтингу от него находится маршал К.К. Рокоссовский, затем маршал М.Н. Тухачевский, генерал В.И. Варенников. Другие военачальники упоминаются в несколько раз реже.

Узнаваемость немецких командующих в памяти молодых людей связана не с их победами, а преимущественно с их поражениями. Яркий пример – фельдмаршал Паулюс, также учащиеся называли имена Гитлера, Геринга, Гимmlера.

В представлениях о военных деятелях германского вермахта чувствуется влияние на историческую память молодежи телесериала «Семнадцать

Таблица 1

Доля респондентов, правильно указавших две и более фамилий деятелей военных лет, песен, фильмов, книг о войне

Советские военачальники	45
Немецкие командующие	22
Основные битвы ВОВ и города-герои	42
Советские партизаны и разведчики	8
Имена героев, совершивших запоминающиеся подвиги в войну	8
Писатели военных лет	5
Песни военных лет	28
Фильмы о войне	15
Книги о войне	5

Таблица 2

Персонажи Великой Отечественной войны

Советские полководцы	Немецкие командующие	Советские партизаны и разведчики	Писатели военных лет	Фильмы о войне	Песни военных лет
Жуков, Рокоссовский, Тухачевский, Варенников	Гитлер Паулюс Геринг Гиммлер	З. Космодемьянская О. Кошевой Р. Зорге Исаев	Симонов Твардовский Шолохов	«А зори здесь тихие» «Семнадцать мгновений весны» «Гости из бу- дущего»	«Катюша» «Священная война» «Темная ночь» «Синий платочек»

мгновений весны». Учащиеся пытались поставить в ряд командующих зав. партийной канцелярией Бормана и шефа гестапо Мюллера, министра пропаганды Геббельса. Среди основных сражений учащиеся называли Курскую дугу, битвы под Сталинградом и Москвой, взятие Берлина.

Среди советских партизан и разведчиков чаще других называли Зою Космодемьянскую, действовавшую в тылу врага и воспетую в поэме М. Алигер. Также упоминалось имя Олега Кошевого и других молодогвардейцев, о которых написал в своем произведении А. Фадеев, в дальнейшем по этой книге был поставлен фильм. Образы разведчиков Р. Зорге и Исаева (прототипа Штирлица) также запечатлелись в народной памяти, что связано не только с их боевыми заслугами и проявленным мужеством, но и с увековечением их памяти в книгах, кинофильмах, песнях. То же можно сказать о героях войны, совершивших запоминающиеся подвиги, учащиеся называли среди них Матросова, Гастелло, Маресьева. Надежными хранителями памяти о героях войны являются названные их именами города и села, улицы, школы, дома культуры, библиотеки. Такого рода «подсказки» более надежны для народной памяти, и их можно только приветствовать. С началом войны многие писатели стали фронтовыми корреспондентами и вели художественную ле-

топись войны. В верхних строках рейтингов были имена и произведения писателей: К. Симонова «Живые и мертвые», А. Твардовского «Василий Теркин», М. Шолохова «Судьба человека».

Ощущают ли наши современники дыхание военной поры? На основе материалов исследования на эти вопросы можно дать утвердительный ответ. Пока поются песни военных лет, продолжают показываться фильмы военной поры и создаются новые на ту же тему, стоят на книжных полках школьных и домашних библиотек книги про Великую Отечественную войну, память о ней будет сохраняться в будущих поколениях.

Лучшие песни, созданные перед войной и во время войны, пережили своих создателей и исполнителей, поются до сих пор не только на концертах, посвященных праздничным датам. Знаменитые песни «Катюша» и «Священная война» стали символами военных лет. Лирические песни «Синий платочек», «Смуглянка-молдаванка», «Землянка», «Темная ночь» и некоторые другие выдержали испытание временем. Ленинградская симфония Д.Д. Шостаковича тесно связана с местом и временем ее создания и первого исполнения в осажденном городе. Полагаем, что лучшим произведениям искусства, созданным в годы войны, и в дальнейшем предстоит долгая жизнь.

Поразительно единство выбора и признания респондентами таких кинофильмов о Великой Отечественной войне, как «А зори здесь тихие», «Семнадцать мгновений весны», «Курсанты» и «Гости из будущего».

Причины Победы

Одной из ведущих причин победы СССР в Великой Отечественной войне являются, по мнению учащихся, патриотизм и героизм советских людей. Практически 100% из числа опрошенных назвали данный фактор наиважнейшим и определяющим. Абсолютное большинство молодежи гордятся нашими военачальниками, полагая, что их военное искусство также в решающей степени обеспечило верх над немецко-фашистскими захватчиками. Географические и суровые по сравнению с Европой климатические условия тоже сыграли свою роль в победе над немцами. Проигрывая в первые месяцы войны пространство, Советский Союз выигрывал время, чтобы оправиться от первых ударов и собрать силы для отражения агрессора. Вспомним, что Гитлер собирался закончить военную кампанию на Востоке до зимы. По-видимому, у него были проблемы и с зимним обмундированием для солдат, и с военной техникой, не подготовленной к боевым действиям в зимних условиях.

Ответы молодежи отличаются спецификой в оценке руководящей и направляющей роли коммунистической партии как факторе победы. Сегодня деятельность коммунистов во время войны в СМИ практически не освещается, образ коммунистической партии и ее главы И. Сталина чаще подается в негативном ключе. Между тем мы имеем дело с реальностью истории – нравится это кому-то или нет. За годы войны почти три миллиона коммунистов отдали свою жизнь во имя Победы, в процентном отношении больше, чем беспартийные.

С утверждением «коммунисты первыми поднимались в атаку, последними покидали поле боя» полностью согласны всего 34% молодежи; 20% такое

суждение считают «пропагандой». Но наибольшее число молодых (41%) затруднились ответить на этот вопрос.

К Сталину большинство молодежи относится отрицательно в связи с репрессиями, которые были широко распространены в то время, особенно перед войной, что ослабило вооруженные силы, по мнению опрошенных. Однако заслуги И. Сталина в победе в ВОВ большинство респондентов признают.

Вспоминая и пропуская через разум и сердце историю Великой войны и Великой Победы, респонденты обязательно задают себе вопрос: а могли бы ныне живущие поколения, современная Россия и Российская армия выдержать такое испытание? Сегодня кажется невероятным, как можно было не дрогнуть, выстоять и победить. История не знает сослагательного наклонения. Тем не менее позволительно провести мысленный эксперимент и перенести респондентов из 2010 г. в год 1941-й. Наши респонденты попытались ответить на очень непростой вопрос: «Как Вы считаете, победила бы сейчас наша страна в такой войне?». Большинство учащихся ответило на этот вопрос утвердительно.

Нас также интересовали представления молодежи о попытках фальсификации результатов Второй мировой войны в мире. На вопрос о причинах искажения результатов войны ответы учащихся носили следующий характер: *«Пересмотр результатов ВОВ делается с целью приуменьшения роли России»*; *«Разобщение наций некогда единого государства и их обособление»*; *«В мировой политике есть установка на то, что у СССР и ее преемницы России не должно быть значимых мировых побед»*; *«Россия не должна быть победительницей, у нее все должно быть мелким»*. Учащиеся довольно объективно описывали страны, искажающие результаты войны, во главе которых в настоящее время, по их мнению, стоят бывшие республики СССР (Прибалтика, Украина, Грузия) и бывшие страны социалистического лагеря. Учащиеся приводили примеры из учебников США и Канады, которые кажутся им абсурдными, в которых было написано, что США победитель в войне, так как сбросил атомную бомбу, которой в то время не было ни в одной стране мира.

Анализ рисунков о Великой Отечественной войне

Нами были проанализированы основные сюжеты рисунков учащихся начальной школы и старших классов о войне. Результаты анализа показали, что рисунки учащихся младших классов отличаются эмоциональной насыщенностью, старшеклассников – знанием предмета и разнообразием сюжетов. Учащиеся младших классов преимущественно изображали бой между русскими бойцами (не советскими) и немцами. На танках и самолетах отчетливо видны символы воюющих государств, для России – трехцветный флаг, звезда, реже серп и молот. Для немцев – свастика. Младшие школьники часто путали СССР и Россию. Рисовали технику, не соответствующую времени, – современные сверхзвуковые самолеты, атомные крейсеры или, напротив, конницу, что простительно для младшего возраста, когда о войне можно знать лишь понаслышке.

Рисунки старшеклассников отличались многообразием сюжетов, которые можно разделить на несколько блоков: проводы бойца на войну; солдаты

Рисунки школьников о Великой Отечественной войне

в бою; День Победы 9 мая; 23 февраля. Новым явлением были рисунки с религиозным содержанием, например, боец, целующий нательный крестик перед боем, помощь ангелов-хранителей в бою.

Результаты исследования исторической памяти молодежи позволяют сделать вывод о том, что история Великой Отечественной войны в принципиальных вопросах едина для младшего и старшего поколений населения нашей Родины. Героическое прошлое страны сохраняется и «работает» на консолидацию современного российского общества, на связь и преемственность поколений.

¹ Гузенкова Т.С. «Своя война» (Великая Отечественная война в учебниках истории и представлениях школьников России, Белоруссии, Украины и Приднестровья) // Вторая мировая и Великая Отечественная война в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. Материалы Международной конференции. 8–10 апреля 2010 г. М., 2010. С. 13; Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

² Жуковский С.Т., Жуковская И.Г. Россия в истории мировой цивилизации IX–XX вв. М., 2000; Загладин Н.В. Всемирная история: XX в.: Учебник для 11 класса. М., 2006; Киселев А.Ф. История России XX–XXI вв.: Учебник для 11 класса. М., 2008.

³ История СССР. 1938–1976 гг.: Учебник для 10 класса / Под ред. члена-корреспондента РАН М.П. Кима. М., 1977.

ТРАДИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Проблемы межэтнических отношений и национальной политики, проводимой политическим руководством Казахстана, приобрели особую актуальность в начале 1990-х годов и до настоящего времени периодически будоражат общественное мнение. На закате перестройки Н. Назарбаев высказывался об особом пути Казахстана в решении национальных проблем, заключающемся в консолидации общества, обеспечении «полного равенства всех наций и народов республики, всех людей, независимо от их национальной принадлежности, политических убеждений и религиозных взглядов»¹. Тогда, в 1991 г., Н. Назарбаев был уверен, что Казахстану удалось избежать национального отчуждения, наметившегося в начале 1990-х годов в других союзных республиках. Спустя 12 лет известный специалист по Центральной Азии М.Б. Олкотт по-другому оценила результаты этнополитического развития Казахстана: «Каждому постсоветскому государству было непросто найти свое определение народа, но в Казахстане эти усилия сопровождались наибольшими противоречиями. Его руководство гордо заявляет, что страна является самым многонациональным из преемников Советского Союза, но, похоже, лишь малая часть ее жителей разделяет эту гордость. В этническом разнообразии многие видят источник напряженности. Внешние наблюдатели считают, что условием выживания и процветания Казахстана должен стать скорее гражданский патриотизм его населения в отношении общей родины, чем этнически обусловленная преданность казахов (или русских) своей земле. Правда, руководству страны, в котором преобладают казахи, по-видимому, труднее осознать эту истину, чем сторонним советчикам»².

Следует добавить, что трудности «осознания истины» в такой деликатной сфере, как межэтнические отношения, и корректировки национальной политики усугубляются практическим отсутствием в современном Казахстане серьезных и глубоких исследований по межэтническим отношениям, за исключением редких публикаций казахстанских этносоциологов и политологов. Парадокс, но в Советском Казахстане тема межэтнических отношений всегда находилась в фокусе внимания социальных философов, историков и обществоведов. Выходили фундаментальные исследования по истории и проблемным моментам национальной политики и межэтнических отношений в Казахстане таких авторов, как Н.Ж. Джандильдин, С.З. Зиманов, Г.Ф. Дахшлейгер, М.М. Сужиков, Р.Б. Абсаттаров и др. В современном Казахстане лишь спорадически обращались к изучению протекающих этнополитических и этносоциальных процессов Н.Э. Масанов, Ж.Е. Бабакумаров, А.Т. Забирова, А. Нысанбаев, З.К. Шаукенова.

На наш взгляд, существует несколько причин слабого интереса ученых к процессам, которые определяют настоящее и будущее казахстанского общества. Во-первых, в Казахстане под предлогом многочисленных оптимизаций и «внедрения мирового опыта» по модернизации образования и науки практически разгромлена, как система, академическая наука. Министр образова-

ния и науки В. Школьник прямо заявил по республиканскому телевидению об отсутствии необходимости финансирования фундаментальных исследований, так как нужных специалистов и технологии можно купить в развитых странах. В результате падения роли академической науки произошел серьезный откат уровня научных исследований. В появляющихся публикациях по национальной проблематике большинство авторов оперируют понятиями и категориями уже анахроничной социобиологической примордиалистской парадигмы.

Во-вторых, играет роль политическая конъюнктура и идеологический «заказ». За последние десять лет изданы многочисленные монографические исследования по институту президентства в Республике Казахстан, но практически не было крупных публикаций по этнополитическим процессам в Казахстане. Ученый мир старался не затрагивать опасную тематику, фактически отдав ее на откуп официальной власти. Попытка Н.Э. Масанова критически оценить проводимую национальную политику и особенности этно-регионального раскола казахского народа привела к навешиванию на него ярлыков «национал-нигилиста» и «манкурта».

В-третьих, казахстанские историки занялись в основном критикой дореволюционного колониализма и советской национальной политики, как продолжения прежней русской экспансии. Антиимперский мейнстрим в казахстанском историописании задавался академиком М.К. Козыбаевым, сведшим основные положения советской национальной политики к ограничению права наций на самоопределение, «созданию “кукольных” национальных образований» и централизацию власти над народами страны³. В то же время он признавал серьезные проблемы с объективным исследованием прошлого, так как «на смену крайней политизации в прошлом сегодня пришло много любительства и коммерциализации. История стала писаться в угоду тугого кошелька... возродились к жизни средневековые реликты родового и жузового самовосхваления... И все это происходит под знаком научно-исторической обусловленности»⁴. Примером упрощенного социобиологического примордиального подхода являются взгляды социального философа Д. Кшибекова, сведшего все многообразие советской национальной политики к политике ассимиляции через межнациональные браки и созданию в короткие исторические сроки советского этноса. По его мнению, не может быть единой для всех этносов национальной идеи: «У каждого этноса она своя»⁵.

Следует признать, что в казахстанской науке не сформировалась мощная когорта ученых, занимающихся исследованиями острых проблем национальной политики и динамики межэтнических отношений, концепций нации и национализма применительно к местным условиям, как в российской науке. Особо следует отметить труды В.А. Тишкова, С.А. Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.М. Дробизевой, Ж.Т. Тощенко, С.В. Чешко и других ученых, выведших изучение национальных процессов в российской науке на качественно новый международный уровень и показывающих пример научного объективизма.

Казахстанские исследователи, в отличие от российских коллег, избежали острых научных дискуссий по проблемам развития современного общества. В результате общественное мнение республики оказалось не готовым к плюралистическому пониманию сущности наций и национализма и было

взбудоражено полемикой в конце 2009–2010 гг. вокруг проекта официальной «Доктрины национального единства Казахстана», в которой выдвигались вполне современные конструктивистские идеи достижения национального единства и формирования гражданской казахстанской нации. Против формулировки «казахстанская нация» выступили известные деятели культуры, литературы, составляющие «цвет» казахской элиты, главные редакторы газет и журналов, руководители общественных организаций, выразившие свою тревогу за судьбу казахской нации, которой грозит угроза растворения в казахстанской нации.

В этнонационалистической критике «Доктрины национального единства» объединились и либеральная и национально-ориентированная оппозиция. Либералы из демократической партии «Ак жол» предложили альтернативный проект под названием «Концепция новой национальной политики в Казахстане на 2011–2020 годы», открыто провозгласив курс на строительство этнократического государства. Доктринальные положения казахстанских европейски ориентированных либералов, написанные в духе идей раннего романтического национализма «крови» и постулатов догматического марксизма-ленинизма, мало отличаются от риторики националистических организаций. В «Концепции» прямо утверждается приоритет этнонациональных начал: «Важным фактором консолидации казахстанского общества является государствообразующая казахская нация. Меняется мир, меняются и формы проявления этнического. Ни одно государство не формировалось без нации. Но при этом всегда был государствообразующий этнос, который либо подавлял, либо ассимилировал или объединял остальных. Все это зависит от методов обеспечения единства. Соответственно и возрождение казахского народа как государствообразующей нации – ключевая проблема для устойчивого развития Казахстана. В этом сегодня должны быть заинтересованы все этнические общности»⁶. В середине 1990-х годов в процессе сбора научного материала автор беседовал с одним из лидеров казахских национальных движений, призывавших Н. Назарбаева определиться с приоритетами и строить либо национальное государство, либо гражданское общество. Активный азатовец и искренний патриот Казахстана был весьма удивлен, узнав, что основой современного национального государства как раз и является гражданское общество.

Неразбериха в концептуальных подходах, отсутствие цельных и современных научных концепций развития казахстанского общества диктуют необходимость объективного анализа истории национальной политики современного Казахстана. На наш взгляд, в освещении этнополитических процессов следует учитывать влияние советской национальной политики и формировавшегося в те годы межэтнического солидаризма на современную внутриполитическую ситуацию и национальную политику в Казахстане.

Казахстанская государственность возродилась в результате советской национальной политики, направленной на решение национального вопроса, ликвидацию фактического и юридического неравенства народов бывшей Российской империи. В начале XX в. национальный вопрос был одним из самых главных вопросов в России, настоятельно требовавшим своего разрешения и сыгравшим большую роль в крушении царской империи. «Восстание окраин» заставило большевистское руководство скорректировать прежнюю универсалистскую программу и проводить более прагматичный курс,

блокируясь зачастую с национальными движениями, а затем расправляясь с временными «попутчиками». В Казахстане таким временным союзником являлись лидеры алашевского движения. Следует признать, что альтернативы проведенной большевиками национальной политики, при всех ее издержках, не было, и для своего времени она являлась передовой, беспрецедентной по уступкам различным этническим группам. Впервые в мировой практике создавались национально-государственные образования различного уровня и готовились кадры этнических элит через политику позитивной дискриминации. В короткие по историческим меркам сроки советской власти удалось в целом снять межэтническое отчуждение и решить национальный вопрос дореволюционного периода.

Большевики с момента установления своего контроля над страной оценили опасность отчуждения национальных окраин от советской власти и отсутствие там широкой социальной базы поддержки. В редакционной статье газеты «Жизнь национальностей» от 27 апреля 1920 г. успех антисоветского сопротивления в Казахстане объяснялся враждебностью национальной интеллигенции, местного чиновничества и крупных родовых групп, находившихся во вражде к родам, поддерживавшим большевиков, из чего был сделан неутешительный вывод: «Во всей Киргизии найдется едва ли два-три десятка надежных коммунистов»⁷. В феврале 1921 г. А. Байтурсынов писал, что в образованной Казахской автономии образовалось два враждебных класса – русские и казахи⁸. Аналогичная взрывоопасная ситуация сложилась в Туркестане, где в годы Гражданской войны раскол населения произошел не по классовому принципу, а по этнической и конфессиональной принадлежности. Союзниками советской власти выступали русское кулачество, казаки и боевые отряды армянских дашнаков, терроризировавшие местное мусульманское население, подпитывая тем самым басмаческое движение⁹.

Межэтническая вражда и угнетение местного населения в дореволюционной Центральной Азии не были всеобъемлющим явлением, как это изображается в современных национальных исторических нарративах. За десятилетия российского господства произошло замирение региона, налаживались связи между пришлым и местным населением. В конце XIX в. становится очевидным широкое проникновение в казахскую среду европейских начал, проводником которых являлось русское население края. Г.Н. Потанин с удовлетворением писал о происходящих переменах в жизни казахского общества: «Киргизская жизнь сильно изменилась сравнительно с прошлым и особенно сильно изменяется в последнее время. Она становится гораздо культурнее, земледелие увеличивается; появляется травосеяние, только огородничество терпит фиаско в борьбе с недисциплинированной толпой скотоводов. Степь усеяна зимовками, то есть не переносными жилищами из сырцового кирпича. В юртах множество фабрикатов: железные кровати и матрацы, керосиновые лампы, гнутые стулья, швейные машинки»¹⁰. Наряду с широким распространением европейского фасона одежды и пищи выдающийся русский исследователь отмечает широкое распространение русского языка и стремление к получению образования на нем среди казахской молодежи, зачастую вопреки воле родителей. «В последнее время, – пишет он, – замечается необычное стремление киргизских детей учиться. Дети рвутся в казенные школы, где обучение поставлено по-европейски; рвутся наперекор желаниям и вкусам родителей, рвутся не только мальчики, но и девочки.

И на этой почве часто бывают препирательства родителей с детьми. Школьная сеть становится с каждым годом гуще. Степь усеяна аульными школами, в которых и мальчики и девочки учатся русскому языку»¹¹. Сами казахи в начале XX в., по свидетельству А.Н. Букейханова, сравнивая старые времена и современность, приходили к выводу: «В сравнении со стариною пища стала хуже, а жизнь (в общем) – лучше прежнего»¹².

Широкомасштабный конфликт в казахской степи разразился в связи с массовым крестьянским переселением и изъятиями миллионов десятин земель в переселенческий фонд. Как правило, это были самые плодородные и обеспеченные водой территории. Н. Масанов полагает, что отчуждались земли, на которых казахи вели подсобное земледельческое хозяйство, и как следствие «ликвидировались необходимые предпосылки для развития земледельческого хозяйства собственно казахского населения. Тем более, что происходило вытеснение казахского земледелия не только посредством изъятия земли, но и аренды и, самое главное, экономически более рационально организованным и эффективным земледелием русского крестьянства, сартского, уйгурского и дунганского населения»¹³. Отчуждение у кочевых общин земельных «излишков» проводилось не только в рамках Российской империи на рубеже XIX–XX вв., но практически повсеместно государствами со смешанным земледельческим и кочевым населением, такими, как Китай, Иран, Пакистан, Кения, Турция, государства Северной Африки, в течение всего XX в. и неизменно влекло кровавые столкновения и применение военной силы и террора против кочевых общин.

Кочевая община всегда балансировала на грани бедности и стремилась оградить своих сородичей от потери главного богатства – скота и земли, даже путем давления на богатых сородичей, организации отпора конкурентам и государственной власти. Не случайно в казахском фольклоре так популярен образ бедняка и хитреца Алдар-косе, обманывающего богачей, чиновников и священнослужителей и восстанавливающего справедливость. Земельная политика царизма в начале XX в. рассматривались казахами как вопиющая несправедливость и вела к конфронтации значительной части казахского населения, как с государством, так и с переселенцами. Кочевники Северной Евразии входили в состав Российской империи на условиях незыблемости их традиционного образа жизни и нерушимости границ землепользования кочевых общин. Верховным донатором и гарантом этих прав, с одной стороны, была персона русского царя или «ак-падши (белого царя)», воплощавшего народные представления и мечтания о верховной власти как справедливом арбитре и заступнике¹⁴, с другой, сама кочевая община. В петиции, принятой в июне 1905 г. в Каркаралинском уезде и отправленной на имя председателя Комитета министров Российское государство обвинялось в нарушении права частной собственности на землю, «приобретенной кровью отцов», и передаче лучших земель переселенцам.

По поводу последствий землеустроительной политики в Западной Сибири ученые отмечают, что прямым следствием землеустройства было не только усиление борьбы старожилов и переселенцев, но и вражда между русским и «туземным» населением, вылившаяся в бесконечные столкновения, взаимные жалобы и судебные тяжбы¹⁵. В том же Петропавловском уезде в начале XX в. отмечалась следующая неприглядная картина: «Русские переселенцы являлись в новый край с понятиями и привычками своей роди-

ны. Переселенцу кажется возмутительным, что эти люди (казахи. – С.К.) не дают царю солдат, живут в норах «як звири», пользуются таким земельным пространством – “земли больше, чем у наших панов”. Поэтому переселенцы не считают зазорным вытравить казахские покосы, растащить лес с зимовок, вырубить рощи. С другой стороны киргизы не успевают осваиваться с понятиями границ и поэтому имеют частые столкновения с поселенцами из-за потрав. В свою очередь, поселенцы также травят киргизские пастбища и даже пашни»¹⁶.

Групповые конфликты порождало различное отношение казахов и русских крестьян к кражам скота. Казаки и казахи терпимо относились к скотокрадам, даже приветствовалась удаль барымтачей. Очень часто угоном лошадей занимались состоятельные скотоводы или их дети. В казахском обычном праве за угон скота на воров налагались штрафы и компенсировался причиненный ущерб¹⁷. Для казаков, сообщает Ч. Валиханов, «отнять у киргиза барана, украсть у него быка или лошадь считается молодежесством и ничем больше; так что офицеры даже не делают выговоров за это нижним чинам, а частенько и сами опустошают аулы»¹⁸. Русские крестьяне-переселенцы по-другому относились к вопросам кражи собственности, сурово карали виновников за воровство и бродяжничество, не разбирая степени вины, происхождения и причин, подтолкнувших человека к преступлению. В Тургайской области, по данным А.А. Кауфмана, убийства казахов, просто заподозренных в конокрадстве, или проезжавших на хороших лошадях были обычным явлением. В свою очередь, пострадавшие казахские общины, «раздраженные захватами и самовольством переселенцев, вели себя беспокойно, и до администрации доходили слухи о намерениях напасть и сжечь Кустанай»¹⁹. Частые угоны скота у переселенцев вынудили царскую администрацию ввести в 1893 г. круговую поруку, взыскивая стоимость украденных животных с казахов той волости, где произошла кража²⁰. Все это способствовало росту готовности казахского населения вооруженным путем отстаивать свои интересы. Так, 3 июля 1903 г. управляющий Спасским заводом докладывал, что прикочевывавшие прежние владельцы земель, отведенных для горных разработок, отказывались уходить, угрожая вооруженным сопротивлением²¹.

Рост отчуждения и враждебности к официальной власти, попирающей прежний социальный порядок, и русским переселенцам, отнимающим отцовскую землю, имел место во многих районах российской Центральной Азии. Среди местного населения распространялись поговорки: «Если увидел русского друга – держи камень за пазухой» или «Если у тебя есть русский друг – держи всегда топор наготове»²². Кардинальные изменения трансформационного порядка вызывали, как правило, рост депривации (обездоленности) и социального протеста у наиболее пострадавших от инноваций групп населения, спянных кровными узами. Один из адаевских аксакалов с горечью резюмировал: «Оседлые выгнали нас из речек в овраги, потом из оврагов – в лощины, а оттуда – прямо на вершины гор!»²³.

Обострялись конфликты не только между русским и местным населением, не менее острой была конкуренция между кочевыми и оседло-земледельческими этническими общностями. Русское завоевание Туркестана открыло новые возможности для экономического и демографического подъема оседло-земледельческого узбекского населения (сартов). Современники

отмечают: «В первое время после завоевания края туземцы ходили испуганные и унылые, страшась новых пришельцев... Они боялись за свою веру и обычаи, и не было конца нелепым слухам, которые распускали темные и злонамеренные люди. Но приглядевшись к своим новым завоевателям, сарты успокоились и оценили выгоды, которые сулила им жизнь бок о бок рядом с более образованным и сильным народом... с приходом русских все изменилось: взаимная вражда кончилась, и всякий может предаваться свои заботам и трудам»²⁴. Ранее оседло-земледельческое население Средней Азии страдало от набегов и опасалось селиться по соседству с кочевниками, но замирение кочевников позволило оседлому мусульманскому населению Центральной Азии значительно расширить территорию своего проживания и хозяйствования, применяя древнюю китайскую стратегию «шелковичного червя», поедающего чужую территорию мелкими кусочками. И. Гейер с некоторым сочувствием к простодушным степнякам пишет: «Когда русское оружие усмирило степь и киргиз (казах) уже не мог безнаказанно грабить сарта, последний, преодолев страх, вышел из городов и стал самостоятельно колонизовать степь, занимая в ней лучшие земли»²⁵.

Трудовые навыки и опыт ведения поливного земледелия узбеков позволяли им вести более производительное и товарное хозяйство, чем кочевники казахи и киргизы. Е. Марков, путешествовавший по Средней Азии в начале XX в., с тревогой писал о растущей экономической мощи сартов (оседлых узбеков), воспользовавшихся замирением края и установлением строгих порядков. Конкурентные преимущества сартов перед представителями других народов очевидны и в будущем, полагает Е. Марков, именно они могут бросить вызов российскому могуществу: «Малоизвестный Европе сарт деятелен и предприимчив. Состязаться с ним чрезвычайно трудно, встает он рано, ест очень мало, воздержан во всем, сух, легок, всегда на ногах, всегда притом трезв; всюду бегает сам, всюду все разнохивает и знает. Где дело касается его корысти, он не упустит ничего и не пренебрежет ни одной копеечкой. Вместе с тем он живет чрезвычайно просто... С его терпением, скромностью и настойчивостью он везде и всегда добьется того, что ему нужно»²⁶.

В отличие от русских крестьян, активно обменивавшихся новыми технологиями ведения сельского хозяйства с оседающим казахским населением, среднеазиатское дехканство бережно хранило секреты эффективного земледелия. В бытовом сознании дехкан и жителей среднеазиатских городов кочевники считались неумехами и лентяями. Закрытость общин среднеазиатских народов позволяла поддерживать внутреннюю сплоченность и аскриптивные связи, в то же время являлось серьезным препятствием не столько для модернизации по европейскому пути, сколько для налаживания межэтнического диалога, основой которого может стать культурная интерференция и размывание групповых «перегородок». Не случайно после распада СССР межэтнические конфликты разворачивались между мусульманскими этносами, или же внутри них, как это имело место в Таджикистане и Кыргызстане.

Победившей советской власти пришлось урегулировать многочисленные конфликты, и следует признать, что задача решения национального вопроса была весьма сложной. Европоцентристский прогрессизм большевиков способствовал формированию основных принципов и подходов в национальной политике, остававшихся практически неизменными на протяжении

нии всей истории Советского государства и заключавшихся в выравнивании социально-экономического, политического и культурного уровня народов. Это предполагала глубокую модернизацию социальных институтов и всего образа жизни. В резолюции X съезда РКП(б) специально подчеркивалось: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость национальностей, которую они унаследовали от прошлого, дать возможность остальным народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении»²⁷. Один из видных казахских теоретиков по национальной политике 1920–1930-х годов Н. Нурмаков успех ликвидации фактического неравенства ставил в зависимость от успеха национально-государственного строительства советских республик, представляющих «ту необходимую форму, в которой пролетариат выполняет свою задачу в национальном вопросе путем действительной и длительной помощи отсталым национальностям в деле их хозяйственного и культурного развития, в деле перехода к социализму, минуя капитализм»²⁸. Фактически в Советском государстве в ходе национально-государственного строительства и проведения политики позитивной дискриминации были созданы фундаментальные основы функционирования будущих суверенных государств, образовавшихся после распада СССР.

Утвердившаяся с подачи западных советологов, таких, как А. Авторханов, Р. Пайпс, М.Б. Олкотт, А. Некрич, негативная оценка советской национальной политики в настоящее время поддерживается в национальных «историописаниях». Тем не менее следует сказать, что национальная политика 1920–1930-х годов позволила преодолеть межэтническое отчуждение, примирить этническое и гражданское в сознании советских людей, сформировать основы социального и политического солидаризма, сплотив народы перед Великой Отечественной войной. Если в годы Первой мировой войны национальные окраины Российской империи восстали, то в годы Великой Отечественной войны миллионы советских граждан из национальных республик достойно влились в ряды Красной Армии. Символично, что Рамазан Амангельдиев, сын вождя крупнейшего антироссийского восстания 1916 г. Амангельды Иманова, погиб осенью 1941 г. в сражении за древнюю российскую столицу.

Негативные моменты политики позитивной дискриминации и поощрения этнических элит проявились позже, в годы хрущевской «оттепели» в латентной форме оказывали влияние на социальное развитие и этнополитическую ситуацию в союзных республиках. Попытка Н.С. Хрущева в конце 1950-х годов отойти от сталинской концепции «ограниченного суверенитета» союзных этнонаций показало непримиримость противоречий между интернационалистскими идеями и реальной практикой развития межэтнических отношений. Конфликт зимы 1958 – лета 1959 г. Центра с рядом республиканских организаций (Грузии, Латвии, Азербайджана) вокруг принятия Закона «О связи школы с жизнью» был решен испытанным силовым давлением через подавление политического этнонационализма, чистку партийно-государственного аппарата и ротацию управленческих кадров. Через почти 30 лет М.С. Горбачев попытается вернуться к таким методам, но потерпит поражение от укрепившихся этнических элит, сумевших, спекулируя на исторической памяти, проблемах национальных языков, провести эффективную политическую мобилизацию титульных наций.

В Казахстане оформление политического национализма титульной нации и негативные последствия расширяющейся практики позитивной дискриминации в сфере образования и кадровой политики проявились к концу 1970-х годов, т.е. позже, чем в большинстве союзных республик. Освоение целины и подъем индустриального сектора в эти годы привлек миллионы людей из различных уголков страны. Сложившиеся прочные традиции межэтнического сотрудничества и толерантность советских людей закладывали основы региональной общности – казахстанцев. Относительно Казахстана можно сказать, что провозглашавшиеся лозунги о «братской дружбе народов» имели под собой реальную основу. Весьма ощутимой была межэтническая толерантность и сотрудничество между казахами и русскими. В какой-то мере злая поговорка «если хочешь стать русским, стань сначала казахом», отражала процесс нивелирования специфических черт этнической культуры и ментальности населения республики.

Доминировавшие в республике казахская и русская номенклатура соблюдали определенные правила политической «игры», находя консенсус по наиболее острым проблемам. Так, партийная элита во главе с осторожным технократом Д.А. Кунаевым сумела блокировать попытки Н.С. Хрущева передать часть Западного Казахстана Туркмении, целинные области и Караганду в состав РСФСР и вернула из состава Узбекистана Чимкентскую область после отставки Хрущева и руководителя республики Ф. Юсупова²⁹. В 1979 г. казахстанское руководство умело сорвало реализацию уже принятого постановления Политбюро ЦК КПСС о создании Немецкой автономной области в Казахстане. Один из бывших руководителей КГБ СССР Ф. Бобков, непосредственно курировавший «автономистский» проект, отмечает, что за этим стоял Д. Кунаев, обвинивший чекистов в разжигании межнационального конфликта: «сами немцы не хотят автономии, но вы ее навязываете»³⁰. По свидетельству О. Сулейменова, республиканское руководство не возражало против создания немецкой автономии, но среднее звено аппарата сумело организовать сопротивление, мобилизовав студенческую молодежь и ветеранов войны³¹. Успешное подавление автономистского движения немцев стало возможным благодаря открытой или скрытой поддержке русской части населения республики.

События конца 1970-х годов показали неудовлетворенность части населения преференциями, создаваемыми политикой позитивной дискриминации и проявлявшимися при поступлении в вузы и подборе управленческих кадров. Этнизация наиболее престижных социальных «ниш» порождала стабильную неуверенность у нетитульного населения союзных республик. Расширенное рекрутирование национальных кадров в управление осуществлялось благодаря протекционизму в вузовской системе. В феврале 1986 г. были преданы гласности цифры, характеризующие ситуацию с набором студентов в алма-атинские вузы: в КазГУ доля студентов-казахов составляла 75,8%, в Институте народного хозяйства – 73,7%, в Железнодорожном – 79,5% и т.д. В наиболее престижных вузах процветало землячество и родовые связи. По данным на 1987 г., в КазГУ в родственных связях находились 90 сотрудников; в Политехническом институте – 46, в Народнохозяйственном – 195 и т.д.³² Аналогичная ситуация наблюдалась в вузах Караганды: в Кооперативном институте работали 54 сотрудника, находивших в родственных связях; в Политехническом – 91; в Медицинском – 120³³. Значительная часть не

только русской, но и казахской молодежи северных и восточных областей выезжала в соседнюю РСФСР с целью получения высшего образования.

С конца 1970-х годов при проведении кадровой политики $\frac{2}{3}$ мест котируются за представителями титульной этнонации. На начало 1986 г. казахи доминировали в ЦК Компартии Казахстана, областном партийном и советском аппарате, руководстве вузов и АН Казахской ССР. На начало 1986 г. из 166 членов ЦК Компартии Казахстана 92 представляли казахскую часть населения (54%), из 51 кандидата в члены ЦК Компартии Казахской ССР – 30 были казахами (58 %), из 18 первых секретарей обкома – 11 человек (61%)³⁴. Из трех тысяч председателей исполкомов Советов разных уровней 1870 человек (61%) были казахи, 612 (20%) – русские, 135 (4,5%) – немцы³⁵. Несмотря на усиливающуюся этнизацию, казахская политическая элита «делилась» долей представительства в управлении с русскими. Сам Д.А. Кунаев, несмотря на покровительство близким родственникам и игнорирование проблемы диспропорций в этнонациональном представительстве, оставался подлинным интернационалистом.

После декабрьских событий 1986 г. новое партийное руководство во главе с Г. Колбиным попыталось уравновесить этническое представительство в республиканской номенклатуре в соответствии с этнонациональным составом населения и провело масштабную чистку партийно-государственного аппарата и системы высшего образования. В конце 1987 г. казахи составляли 39% (13 человек) среди членов Бюро ЦК Компартии Казахстана, 41% (65 человек) в составе членов ЦК КПК. Из 18 секретарей обкомов партии было 7 казахов³⁶. В то же время Г. Колбин понимал опасность чрезмерного давления на укрепившуюся в 1960–1970-е годы этнонациональную элиту и в марте 1987 г. осудил «навешивание на весь казахский народ», заметив, что в республике «имеют место среди некоторой части русского населения проявления неводержанности, неуважения к людям коренной и других национальностей»³⁷. Смело обратился Г. Колбин и к табуированной теме угасания сферы применения казахского языка. Он пообещал в короткие сроки выучить казахский язык и поручил проработать программу языковой политики. После отъезда в мае 1989 г. Г. Колбина в Москву языковое реформирование приобретет иную направленность, нацеленную на утверждение легитимности притязаний на доминирование этнической элиты.

В результате распада Советского Союза руководство Казахстана оказалось перед сложнейшими проблемами, порожденными дезинтеграцией единого экономического, политического, исторического и культурного пространства. Анализ национальной политики казахстанского руководства в 1990-е годы показывает умеренность и преемственность основных ее принципов с национальной политикой советского периода. Давление на верховную власть оказывалось формирувавшимися с начала 1990-х годов общественными движениями, имевшими в значительной мере этнонациональную направленность. Конфликт этнических элит остро проявился в процессе принятия Конституций 1993 и 1995 гг. В текст первой Конституции под давлением казахских депутатов, в числе которых был известный ученый С.З. Зиманов, было внесено положение, определявшее Казахстан как «государственность самоопределившейся казахской нации». Н. Назарбаев выступал против этой формулировки, но добился с помощью русской части депутатского корпуса лишь исключения из текста Основного закона откровенно этнократического

положения, согласно которому главой государства может быть только этнический казах³⁸. В Конституции РК 1995 г. положение о «государственности самоопределившейся казахской нации» было устранено, и в Преамбуле Конституции было декларировано: «Мы, Народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидавая государственность на исконно казахской земле... принимаем настоящую Конституцию». Явной уступкой русскоязычной части населения было внесение в ст. 7 п. 2 Конституции положения об официальном статусе русского языка. Основные принципы национальной политики регламентируются статьями Конституции РК, посвященными общественному согласию, казахстанскому патриотизму (ст. 1 п. 2), языкам (ст. 7), гражданству (ст. 10,11,12), равенству всех перед законом и судом (ст.14), недопустимости дискриминации в любых ее проявлениях, способных нарушить национальное, межэтническое согласие (ст. 14 п. 2).

В национальной политике в Казахстане следует отличать декларативную часть от реальной практики ее воплощения. Практически все официальные документы, в том числе Послания Президента РК с 1997 по 2011 г., пронизывает идея консолидации казахстанцев. До 1997 г. институтом, определявшим основные направления национальной политики, являлся Государственный комитет по национальной политике, созданный в апреле 1995 г. и разработавший проект Концепции национальной политики Республики Казахстан. В настоящее время сферой межэтнических отношений занимается такая квазиструктура, как Ассамблея народов Казахстана, статус и прерогативы которой до сих пор неясны.

Осторожными были подходы власти в реализации кадровой и языковой политики. В течение 1990-х годов сохранялось достаточно широкое представительство русских в высшем звене управления. В 1994 г. доля казахов, занимавших руководящие должности в правительстве, составляла 61,2%, русских – 32,8%, этнических меньшинств – 6%³⁹. Падение представительства русских было заметно в среднем звене госаппарата. По данным казахстанских политологов, доля славян в составе первых руководителей в областных администрациях с 1992 по 1993 г. сократилась практически повсеместно: в Актюбинской области с 43 до 10%, в Алма-Атинской – с 35,7 до 22%, в Восточно-Казахстанской – с 42,8 до 30%, в Кустанайской – с 57, 1 до 30%, в Южно-Казахстанской – с 26,6 до 18%, в Северо-Казахстанской – с 73,3 до 40% и в Алма-Ате – с 43,7 до 26%⁴⁰. Причиной этого сокращения была начавшаяся массовая миграция европейских групп населения из Казахстана. Первыми выезжали люди, обладавшие социальным капиталом и финансовыми возможностями. Советник Президента РК Е. Ертусбаев в своей книге приводит впечатляющие факты и список чиновников, переехавших в Россию и переведших туда значительные материальные ресурсы⁴¹. В Россию переехали практически все бывшие министры и областные акимы из числа славян. Сложившаяся по этому поводу казахская поговорка гласит: «Если разбогатеет казах, то он берет вторую жену. Если же разбогатеет русский, то он уезжает в дальние края».

Исход славян и немцев из Казахстана был следствием стабильной неуверенности нетитульного населения в своем будущем. Если корейцы, узбеки, уйгуры и представители кавказских народов, благодаря сохраняющимся сильным изначальным связям, смогли погасить тревожные ожидания своих диаспор, то значительная часть русских после отказа от введения двойного

гражданства и введения казахского языка в официальное делопроизводство предпочла выезд за пределы Казахстана. Комплексное этносоциологическое исследование городского русского и казахского населения, проведенное коллективом Института этнологии и антропологии РАН под руководством В.А. Тишкова в декабре 1994 г. в 4 крупных и 4 мелких городах Казахстана, показало, что только 40,1% опрошенных русских считали себя гражданами Казахстана. Среди казахов гражданами Казахстана идентифицировали 93% опрошенных. Установка на возможную миграцию наблюдалась у $\frac{2}{3}$ опрошенных русских.

Размах последовавшей в 1990-е годы миграции привел к сокращению численности русских в период с 1989 по 2009 г. на 2,5 млн человек, с 6227 тыс. человек до 3793 тыс. человек. Численность украинцев сократилась с 896 тыс. до 333 тыс. человек, немцев – с 957 тыс. до 178 тыс., белорусов – с 182 тыс. до 66 тыс.⁴² Ряд казахских этнодемографов в своих штудиях положительно оценивали в первой половине 1990-х годов миграционный исход, полагая, что «произойдет селективный отбор на гражданство»⁴³, или, как считал А.Б. Галиев, отъезд русских «снизит межнациональную конкуренцию и смягчит социальную напряженность на рынке труда»⁴⁴. Однако на практике выезд миллионов людей серьезно повлиял на социально-экономическое развитие сельского хозяйства, индустриального сектора, привел к падению качества образования и медицинского обслуживания населения. Собственные наблюдения автора и материалы этносоциологических исследований показывают, что казахи в массе своей не желают отъезда казахстанских славян и немцев, с которыми, в отличие от «мусульманских» групп населения, сложились дружеские и партнерские отношения.

В начале XXI в. политическое руководство Казахстана фактически отстранилось от активной национальной политики. На наш взгляд, создание и передача разработки мер по совершенствованию межэтнических отношений Ассамблее народов Казахстана не сняло проблему социально-политического отчуждения и миграционного оттока неказахского населения. Тревожные настроения русских северных областей находят отражение в появлении многочисленных слухов о грядущих территориальных обменах, тотальном внедрении казахского языка во все сферы или произвольной смене названия городов. Демагогическая риторика «национал-патриотов» также влияет на рост межэтнического недоверия. Жесткие межэтнические столкновения последних пяти лет представителей казахского населения с чеченцами в Алма-Атинской области, с турецкими рабочими в Мангыстаусской области и курдами в Южном Казахстане позволяют говорить о том, что пределы межэтнической толерантности подвижны и в случае усугубления социально-экономической ситуации или усиления межэтнической конкуренции возможны вспышки насилия, которые не способна погасить местная власть и Ассамблея народов Казахстана.

Представляется, что казахстанской элите следует присмотреться к опыту демократических стран по восстановлению межэтнического доверия в обществе, в первую очередь учесть мировую практику конструирования гражданской нации и в связи с этим вести широкую разъяснительную кампанию среди населения. В то же время необходимо законодательное закрепление права «вето» на принятие нормативно-правовых актов, ущемляющих интересы отдельных этнических групп, как это принято в демократических

многосоставных обществах, и прекратить произвольную кампанию с переименованиями населенных пунктов и улиц. В кадровой политике возможно ограниченное применение позитивной дискриминации, квотирование за русскими и представителями этнических меньшинств определенной номенклатуры должностей в государственном аппарате.

¹ Назарбаев Н.А. Без правых и левых. М., 1991. С. 224, 225.

² Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь. М., 2003. С.70.

³ Козыбаев М.К. Избранные труды. Алматы, 2006. С. 158.

⁴ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Алматы, 2000. С. 17.

⁵ Кишибеков Д. Национальная идея. Алматы, 2007. С. 32–35.

⁶ Концепция новой национальной политики Республики Казахстан на 2011–2020 годы // <http://www.forensicsciences.ru/news.aspx?nid=7446708>

⁷ Киргизы и Советская власть // Жизнь национальностей. 1920 г. 27 апр. № 12.

⁸ Цит. по: Бейсембиев К.Б. Победа марксистско-ленинской идеологии в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 31.

⁹ См.: Рыскулов Т.Р. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925; Сафаров Г. Колониальная революция. М., 1921; Брайнин С.Х. Первые шаги Советов в Семиречье. М., 1934; Устинов В.М. Турар Рыскулов: (Очерки политической биографии). Алматы, 1996.

¹⁰ Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы, 2006. С. 307.

¹¹ Потанин Г.Н. Указ. соч. С.100.

¹² Букейханов А. Павлодарский уезд // Казахи: историко-этнографические труды. Астана, 2007. С. 69.

¹³ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы, 1995. С. 231.

¹⁴ Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 5.

¹⁵ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. С. 194.

¹⁶ Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. 3: Петропавловский уезд. СПб., 1910. С. 75.

¹⁷ Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889. Т. 1. С. 169–171.

¹⁸ Валиханов Ч.Ч. Собр.соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 31.

¹⁹ Кауфман А.А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб., 1897. С. 9.

²⁰ Турсунбаев А.Б. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967. С. 61.

²¹ Там же. С. 60.

²² Остафьев В. Колонизация Степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск, 1895. С. 54.

²³ Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). Астана, 2007. С. 46.

²⁴ Вульфсон Э.С. Как живут сарты. М., 1908. С. 116.

²⁵ Гейер И.И. По русским селениям Сыр-Дарьинской области (Письма с дороги). Ташкент, 1893. Т. 1: Чимкентский уезд. С. 93.

²⁶ Марков Е. Россия в Средней Азии. М., 1901. Т.1. С. 525, 526.

²⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференции и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 366.

²⁸ Нурмаков Н. Национальное строительство в РСФСР: К 15 годовщине Октября. М., 1933. С. 15.

²⁹ Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачева. Алматы, 1994. С. 152–158.

³⁰ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 306.

³¹ Сулейменов О. Красота спасет мир // Евразия. 1993. № 1. С. 44.

³² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 156. Д. 1668. С. 37.

³³ Казахстанская правда. 1987. 14 нояб.

³⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 158. Д. 1858. Л. 116.

³⁵ Там же. Оп. 157. Д. 1647. Л. 120.

³⁶ Там же. Оп. 1666. Д.1672. Л. 1; Д. 1672. Л. 15.

³⁷ Там же. Оп. 1647. Д.1647. Л. 28.

³⁸ *Абдильдин С.А.* Парламент Казахстана. От Союза к государственности. Алматы, 1993. С. 149, 150.

³⁹ *Галлиев А.Б., Бабакумаров Е., Жансугурова Ж., Перуашев А.* Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики. Алматы, 1994. С. 43, 44.

⁴⁰ Там же. С. 53–55.

⁴¹ *Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев: логика перемен. Астана, 2001. С. 263–266.

⁴² См.: Агентство Республики Казахстан по статистике. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Астана, 2010.

⁴³ *Татимов М.Б.* До обвальной миграции далеко // Казахстанско-российская газета. 1995. № 6. С. 15.

⁴⁴ *Галлиев А.Б.* Миграция населения и этническая среда // Казахстанская правда. 1994. 8 июля.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ И ПУБЛИКАЦИЙ АКАДЕМИКА В.А. ТИШКОВА*

1967

- Отчет лорда Дарэма «О состоянии дел в Британской Северной Америке, 1839» как исторический источник // Вопросы новой и новейшей истории. – М., 1967. – С. 273–294. – (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; № 284).
- Рец.: *Lanctot G. A History of Canada.* Toronto. Vol. 1. 1963. 393 p.; vol. 2. 1964. 289 p.; vol. 3. 1965. 304 p.; *Ланкто Г.* История Канады. Торонто, 1963–1965. Т. 1–3 // Новая и новейшая история. – 1967. – № 4. – С. 149–152.

1969

- Исторические предпосылки Канадской революции 1837 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1969. – 19 с.

1970

- Политические взгляды и деятельность Уильяма Лайона Макензи: (к истории освободительной борьбы в Канаде) // Из истории международных отношений и освободительных движений XIX–XX веков. – М., 1970. – С. 302–343. – (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; № 343).
- Восстание 1837–1838 годов в Канаде: (обзор литературы) // Новая и новейшая история. – 1970. – № 5. – С. 171–180.

1971

- Англо-американская война 1812–1814 годов // Основные проблемы истории США в американской историографии от колониального периода до гражданской войны 1861–1865 гг. – М., 1971. – С. 155–179.

1973

- Проблема заселения и развития капиталистических отношений в Канаде в период английского колониального господства (конец XVIII – первая треть XIX в.) // Американский ежегодник, 1973. – М., 1973. – С. 123–155.
- Рец.: Национальные проблемы Канады. М., 1972. 231 с. // Новая и новейшая история. – 1973. – № 2. – С. 193, 194.

1974

- К истории возникновения франко-канадского национального вопроса // Вопр. истории. – 1974. – № 1. – С. 76–90. – Рез.: англ. (С. 222).
- О подготовке советских историков к конгрессу [22 авг. 1975 г., Сан-Франциско (США)] // Новая и новейшая история. – 1974. – № 6. – С. 199–202. – (Навстречу XIV Международному конгрессу исторических наук).
- Рец.: *Morison S.E.* The European discovery of America. The Northern voyages, A.D. 500–1600. N.Y., 1971. 712 p.; *Морисон С.Э.* Открытия европейцев в Америке. Северные путешествия, 500–1600 гг. // Вопросы истории. – 1974. – № 3. – С. 194, 195.

* Список составлен Н.А. Дубовой на основе: Валерий Александрович Тишков. Материалы к библиографии ученых. История. Вып. 35 / Сост. Г.М. Тихомирова, Н.М. Ансерова. М.: Наука, 2011.

1975

- Американская революция XVIII в. и колониальная политика Великобритании в Канаде // Американский ежегодник, 1975. – М., 1975. – С. 93–123.
- Ричард Б. Моррис о характере американской революции // Там же. – С. 246–250.

1976

- Россия и восстание 1837–1838 гг. в Канаде // Американский ежегодник, 1976. – М., 1976. – С. 283–299.
- Экспедиция американских колонистов в Канаду, 1775–1776 гг. // Война за независимость и образование США. – М., 1976. – С. 127–137.
- Квебек и Новая Шотландия // Там же. – С. 424–436.
- Американские лоялисты: старые мифы и новые интерпретации // Вопросы истории. – 1976. – № 1. – С. 176–181.
- Общее годовичное собрание Отделения истории АН СССР [16 марта 1976 г.] // Вопр. истории. – 1976. – № 6. – С. 137–140.
- Проблемы новой и новейшей истории на XIV Международном конгрессе исторических наук [Сан-Франциско, 22–29 авг. 1975 г.] // Новая и новейшая история. – 1976. – № 1. – С. 62–78. – Соавт.: Тихвинский С.Л.
- Рец.: *Фурсова Л.Н.* Иммиграция и национальное развитие Канады, 1946–1980 гг. М., 1975. 439 с. // Новая и новейшая история. – 1976. – № 4. – С. 183–185.
- Рец.: *Katz M.* The people of Hamilton, Canada West. Family and class in a Mid-Nineteenth-Century City. Cambridge (Mass.), 1975. 381 p.; *Kamuy M.* Народ Гамильтона, Западная Канада. Семья и класс в городе середины XIX в. Кембридж (Масс.), 1975. 381 с. // Новая и новейшая история. – 1976. – № 6. – С. 193–195.

1977

- Страна кленового листа: начало истории. – М.: Наука, 1977. – 175 с.: ил., 4 л. ил. – (Страны и народы). – Библиогр.: С. 167–168*.**
- Политика двуязычия в Канаде // Расы и народы: ежегодник. – М., 1977. – [Вып.] 7. – С. 207–224: табл. – Библиогр.: 32 назв.
- Основные направления современной канадской историографии: (обзор новейших исследований) // Новая и новейшая история. – 1977. – № 2. – С. 166–180.
- Язык и политика: (о проблеме двуязычия в Канаде) // США: экономика, политика, идеология. – 1977. – № 2. – С. 109–117.
- Великий Октябрь и национально-освободительное движение народов: [Междунар. науч. конф. «Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки», Баку, май 1977 г.] // Вестник АН СССР. – 1977. – № 10. – С. 5–13.
- К 70-летию академика Е.М. Жукова // История СССР. – 1977. – № 5. – С. 237–239. – Соавт.: Дружинин Н.М., Рыбаков Б.А., Ковальченко И.Д.

1978

- Освободительное движение в колониальной Канаде. – М.: Наука, 1978. – 384 с.: ил. – Библиогр.: С. 371–381.**
- Годичное Общее собрание [Отделения истории АН СССР, 27 февр. 1978 г.] // Вопр. истории. – 1978. – № 5. – С. 127–129.

1979

- Освободительное движение в колониальной Канаде: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1979. – 48 с.
- Квебек на перепутье // Канада на пороге 80-х годов. Экономика и политика. – М., 1979. – С. 231–258. – Соавт.: Банцескин Н.Б.

* Здесь и далее выделено В.А. Тишковым.

- Введение // Зарубежные концепции истории Канады: реф. сб. – М., 1979. – Ч. 1. – С. 5–26. – (Проблемы всеобщей истории).
- О сотрудничестве с музеями исторического профиля // Вестник АН СССР. – 1979. – № 8. – С. 100–104.
- То же // Вопросы истории. – 1979. – № 4. – С. 150–152.
- Сессия годовичного Общего собрания Отделения истории АН СССР // Вопр. истории. – 1979. – № 7. – С. 124–127.

1980

- Канада 70-х годов // Новая и новейшая история. – 1980. – № 1. – С. 139–153.
- Памяти Евгения Михайловича Жукова // Народы Азии и Африки. – 1980. – № 6. – С. 237–240.
- Годичное Общее собрание [Отделения истории АН СССР, 3 марта 1980 г.] // Вопр. истории. – 1980. – № 5. – С. 123, 124.
- XV Международный конгресс исторических наук [Бухарест, 10–17 авг. 1980 г.] // Вопр. истории. – 1980. – № 12. – С. 3–23. – Соавт.: Тихвинский С.Л.
- Пер.: Суанкей Б. Габриэль Дюмон и восстание 1885 г. в Саскачеване: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 141 с.
- Послесловие // Там же. – С. 133–140.
- Рец.: Леценко Л.А. Фермерское движение в Канаде 1900–1939 гг. Киев, 1979. 242 с. // Новая и новейшая история. – 1980. – № 6. – С. 224–226.

1981

- Канада в период английского колониального господства // Проблемы историографии Канады. – М., 1981. – С. 46–80.
- Конгресс исторических наук: [XV Междунар. конгр. ист. наук, Бухарест, 10–17 авг. 1980 г.] // Вестник АН СССР. – 1981. – № 3. – С. 112–123.
- Итоги исследований советских историков в десятой пятилетке // Вопр. истории. – 1981. – № 2. – С. 3–25. – Соавт.: Пиотровский Б.Б.
- Всемирный форум историков: [XV Междунар. конгр. ист. наук, Бухарест, 10–17 авг. 1980 г.] // Обществ. науки. – 1981. – № 2. – С. 182–190. – Соавт.: Тихвинский С.Л.
- Рец.: The past before US. Contemporary historical writing in the United States. Ithaca; London, 1980 // Вопросы истории. – 1981. – № 8. – С. 171–176.
- Ред.: Проблемы историографии Канады / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 1981. – 311 с.
- Предисловие // Там же. – С. 3–13.

1982

- История Канады. – М.: Мысль, 1982. – 268 с.: ил. – Соавт.: Кошелев Л.В.**
- Индейцы Канады во второй половине XX в. // Советская этнография. – 1982. – № 3. – С. 40–53: табл. – Рез.: англ. (С. 175).

1983

- Политика многокультурности в Канаде // Сборник советских докладов для XI МК АЭН. – М., 1983. – На англ. яз.
- Статус профессии историка в США // Вопросы истории. – 1983. – № 1. – С. 40–57.
- Юбилейная научная сессия [Отделения истории АН СССР, посвященная 60-летию образования СССР, 1–2 дек. 1982 г.] // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 114–117.
- Важное средство теоретико-методологической и идейно-воспитательной работы историков // Вопросы истории. – 1983. – № 9. – С. 84–93. – Соавт.: Тихвинский С.Л.
- К вопросу о доступности архивных документов в США // Советские архивы. – 1983. – № 4. – С. 71–80. – Рез.: фр. (С. 96).
- 44-й Международный конгресс американистов: [Манчестер (Англия), 5–10 сент. 1982 г.] // Советская этнография. – 1983. – № 2. – С. 137–140.
- Норвежское жилище в музее под открытым небом в Тронхейме // Советская этнография. – 1983. – № 5. – С. 129–141: рис.

Рец.: Национальные, этнические проблемы в Америке: [Национальные проблемы Канады. М., 1972; Национальные процессы в США. М., 1973; Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974; Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981; Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982] // Коммунист. – 1983. – № 8. – С. 123–126.

Ред.: Количественные методы в советской и американской историографии: материалы сов.-амер. симпоз. в г. Балтиморе, 1979 г. и г. Таллине, 1981 г. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. – М.: Наука, 1983. – 427 с.

Введение: Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Там же. – С. 5–22. – Соавт.: Ковальченко И.Д.

1984

Статус женщин в исторической профессии в США // История и историки: историограф. ежегодник, 1980. – М., 1984. – С. 287–297: табл. – Библиогр.: 22 назв.

Актуальные проблемы антропологии и этнографии: [по материалам XI Междунар. конгр. в Канаде, авг. 1983 г.] // Вестник АН СССР. – 1984. – № 1. – С. 88–97. – Соавт.: Бромлей Ю.В.

XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук [Канада, 14–25 авг. 1983 г.] // Советская этнография. – 1984. – № 1. – С. 15–29. – Рез.: англ. (С. 174). – Соавт.: Бромлей Ю.В.

1985

История и историки в США. – М.: Наука, 1985. – 352 с.

Новые формы общественной активности канадских индейцев // Исторические судьбы американских индейцев: проблемы индеанистики. – М., 1985. – С. 328–338.

Англо-французское двуязычие в Канаде // Советская этнография. – 1985. – № 4. – С. 47–56: табл. – Рез.: англ. (С. 174, 175).

Мир должен прийти нам на помощь: Интервью с индейским вождем // Расы и народы. М., 1985. – № 15. – С. 230–241.

Ред.: История: науч.-попул. очерки / Отв. ред. В.А. Тишков, С.Л. Тихвинский. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 96 с.

Ред.: Северо-американские индейцы в прошлом и настоящем: реф. сб. // Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИНИОН АН СССР, 1985. – 389 с. – (Проблемы всеобщей истории).

Предисловие // Там же. – С. 6–24. – Соавт.: Стельмах В.Г.

1986

«Мир должен прийти нам на помощь»: (беседа с индейским вождем) // Расы и народы: ежегодник, 1985. – М., 1986. – Вып. 15. – С. 230–241.

История и историки в ядерный век: [по материалам XVI Международного конгресса исторических наук, Штутгарт, 25 авг. – 1 сент. 1985 г.] // Вестник АН СССР. – 1986. – № 2. – С. 107–118. – Соавт.: Тихвинский С.Л.

Этнография и взаимопонимание между народами: [по материалам заседания совета Комиссии по изучению проблем мира при Международном союзе антропологических наук (МСАЭН), Москва, 19–24 авг. 1985 г.] // Вестник АН СССР. – 1986. – № 7. – С. 113–115.

XVI Международный конгресс исторических наук // Вопр. истории. – 1986. – № 1. – С. 3–25. – Соавт.: Тихвинский С.Л.

Новый Орлеан глазами этнографа // Советская этнография. – 1986. – № 3. – С. 124–134: ил.

Аборигены Канады: современная этноязыковая ситуация // Советская этнография. – 1986. – № 6. – С. 35–46: табл. – Рез.: англ. (С. 172).

1987

Этнические процессы // Этнические процессы в современном мире. – М., 1987. – С. 426–441. – Совм. с др.

Стражи ворот длинного дома // Встречи с историей: науч.-попул. очерки. – М., 1987. – [Вып. 1]. – С. 40–46.

1988

- Алгонкины // Народы мира: ист.-этногр. справ. / Гл. ред. Ю.В. Бромлей. – М., 1988. – С. 48, 49.
Алгонкины виргинские // Там же. – С. 49.
Апачи // Там же. – С. 63, 64.
Арапахо // Там же. – С. 66, 67.
Атапаски // Там же. – С. 73, 74.
Гуроны // Там же. – С. 148.
Делавары // Там же. – С. 154.
Зуны // Там же. – С. 166.
Индейцы // Там же. – С. 171–176. – Соавт.: Березкин Ю.Е.
Ирокезы // Там же. – С. 182, 183.
Кри // Там же. – С. 233.
Меномини // Там же. – С. 300.
Микмаки // Там же. – С. 302.
Монтанье-наскапи // Там же. – С. 310.
Навахо // Там же. – С. 318.
Пуэбло // Там же. – С. 374, 375.
Этническая экология коренного населения Америки: эволюция предмета и научных подходов // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. – М., 1988. – С. 3–12. – Библиогр.: 17 назв.
Изучение истории семьи и статуса женщин в США // Вопр. истории. – 1988. – № 4. – С. 54–67.
Современная этническая ситуация на Гавайях // Советская этнография. – 1988. – № 3. – С. 47–64; рис., табл. – Рез.: англ. (С. 175).
Рец.: Главные темы американской истории: [История США: в 4 т. 1983–1987] // Коммунист. – 1988. – № 13. – С. 122–126.
Рец.: *Поздеева Л.В.* Канада в годы Второй мировой войны. М.: Наука, 1986. 336 с. // Новая и новейшая история. – 1988. – № 1. – С. 192–194.
Ред.: *Григулевич И.Р.* Латинская Америка: Церковь и революционное движение, 1960 – начало 80-х гг. / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1988. – 174 с.

1989

- Да изменится молитва моя!..: О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. – М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1989. – 54 с.**
Историческая демография в США // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. – М., 1989. – С. 183–208.
Введение. Этнология США: условия и тенденции развития // Этнология в США и Канаде. – М., 1989. – С. 3–14. – Библиогр.: 23 назв.
Этнодемографические исследования // Там же. – С. 127–147. – Библиогр.: 56 назв.
Этнические процессы на пороге XXI века // Гипотезы. Прогнозы. Будущее науки. – М., 1989. – Вып. 22. – С. 233–252. – Совм. с др.
Гласность и межэтнические отношения в СССР // Ежеквартальник третьего мира. – 1989. – Т. 11, № 4. – С. 148–159.
О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. – 1989. – № 1. – С. 73–89. – Рез.: англ. Библиогр.: 9 назв.
XII Международный конгресс антропологических и этнологических наук [Загреб, 24–30 июля 1988 г.] // Советская этнография. – 1989. – № 3. – С. 127–139. – Соавт.: Шнирельман В.А.
О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. – 1989. – № 5. – С. 3–14. – Рез.: англ. Библиогр.: 14 назв.
Народы и государство // Коммунист. – 1989. – № 1. – С. 49–59.
Ред.: Этнология в США и Канаде / Отв. ред. Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. – М.: Наука, 1989. – 328 с.

1990

- Коренное население Северной Америки в современном мире / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1990. – 397 с. – Совм. с др. Авт.: Введение. С. 3–5; Этапы колониальной политики. С. 45–60. Соавт.: Стельмах В.Г.; Современные индейские резервации и общины.**

С. 61–92. Соавт.: Стельмах В.Г.; Статус аборигенов и индейская политика правительств. С. 93–123. Соавт.: Стельмах В.Г.; Земля и труд индейцев в современной экономике капитализма. С. 124–166. Соавт.: Стельмах В.Г.; Социальная организация и условия жизни. С. 167–200. Соавт.: Стельмах В.Г.; Этноязыковая ситуация. С. 201–230. Соавт.: Чешко С.В.; Индейское образование. С. 231–255. Соавт.: Скрозникова В.А.; Культура и духовная жизнь. С. 256–288. Соавт.: Чешко С.В.; Этнические процессы. С. 321–354. Соавт.: Чешко С.В.; Опыт политической организации и борьбы за самоопределение. С. 355–385. Соавт.: Стельмах В.Г.; Заключение. С. 386–392.

Тропой слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. – М.: Мысль, 1990. – 317 с.: ил. – Библиогр.: с. 310–314. – Соавт.: Стельмах В.Г., Чешко С.В.

Человек и общество глазами современных этнологов и антропологов: [по материалам XII Международного конгресса этнологических и антропологических наук]: обзор. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 48 с. – (Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования»). – Соавт.: Шнирельман В.А. [Выступление на годичном Общем собрании АН СССР [март 1990 г.] // Вестник АН СССР. – 1990. – № 7. – С. 109–112.

Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопр. философии. – 1990. – № 12. – С. 3–15.

Об идее нации // Обществ. науки. – 1990. – № 4. – С. 83–95.

Ассамблея наций или союзный парламент?: (этнополитический анализ состава Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР) // Советская этнография. – 1990. – № 3. – С. 3–18: рис., табл. – Рез.: англ. (С. 174).

Доклад на Ученом совете Института этнографии АН СССР об итогах и перспективах работы института [январь 1990] // Там же. – С. 141–148.

О новой Конституции СССР // Советская этнография. – 1990. – № 5. – С. 10–14.

Этнополитический анализ советского парламента // Нар. депутат. – 1990. – № 7. – С. 6–15: табл. Соединенные Штаты СССР // Родина. – 1990. – № 7. – С. 39–42.

1991

Этничность и власть в СССР: (этнополитический анализ республиканских органов власти). – М.: ИЭА РАН, 1991. – 39 с. – (Межнациональные отношения в СССР; вып. 12).

Советский Союз до и после перестройки: (опыт этнологического прогноза) // Гипотезы. Прогнозы. Наука и фантастика: междунар. ежегодник. – М., 1991. – Вып. 24. – С. 8–24.

Аборигены Канадского Севера: (отчет о научной командировке в Канаду) [12–26 сент. 1989 г.] // Расы и народы: ежегодник. – М., 1991. – Вып. 21. – С. 225–245. – Соавт.: Соколова З.П.

Этничность и власть в СССР: (этнополитический анализ республиканских органов власти) // Советская этнография. – 1991. – № 3. – С. 3–18: табл.

Самоубийство Центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. – 1991. – № 6. – С. 4–12.

Оставьте себе горные вершины!: [заметки о советском этнонационализме] // Новое время. – 1991. – № 27. – С. 30–32: ил.

Тяжело Союз сохранить, еще труднее уничтожить // Новое время. – 1991. – № 38. – С. 4–6: ил.

Национальность – коммунист?: (этнополитический анализ КПСС) // Полис. – 1991. – № 2. – С. 32–43: табл.

Ред.: Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века: материалы сов.-амер. симпози. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. – М.: Наука, 1991. – 359 с.

Введение: Аграрная эволюция в историко-сравнительной перспективе // Там же. – С. 5–17. – Соавт.: Ковальченко И.Д.

1992

К оценке исторических последствий индейско-европейских контактов // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. – М., 1992. – С. 5–17. – Библиогр.: 39 назв.

Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1992. – Вып. 2: Межнациональные конфликты в посттоталитарном обществе. Ч. 1. Общие проблемы. – С. 23–42.

- Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 1. – С. 5–19. – Библиогр.: 24 назв.
- Этнонационализм и новая Россия // Свободная мысль. – 1992. – № 4. – С. 19–24.
- Заключение // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. – М., 1992. – С. 264–269. – (Проблемы индеанистики).
- Ред.: Этнос и его подразделения: [материалы конф., Уфа, сент. 1989 г.]: в 2 ч. / Под ред. В.А. Тишкова, Р.Г. Кузеева. – М.: ИЭА РАН, 1992. – Ч. 1. – 183 с.; Ч. 2. – 172 с.

1993

- Межнациональные отношения в Российской Федерации: доклад на заседании Президиума РАН 23 февр. 1993 г. – М.: ИЭА РАН, 1993. – 72 с.**
- Русские в Средней Азии и Казахстане. – М.: ИЭА РАН, 1993. – 24 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 51).**
- Русские как меньшинства (пример Эстонии). – М.: ИЭА РАН, 1993. – 24 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 52).**
- Введение // Национальная политика в Российской Федерации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Липки, сент. 1993). – М., 1993. – С. 4–7.
- Стратегия и механизмы национальной политики // Там же. – С. 8–40: табл. – Библиогр.: 8 назв.
- Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. – Омск, 1993. – С. 265–277.
- Материалы по проблемам межнациональных отношений в Российской Федерации, болевых точках и механизмах их урегулирования // Российский этнограф. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 5–36.
- Русские уходят: (Миграции и беженцы в СССР: русские) // Российский этнограф. – М., 1993. – Вып. 3. – С. 5–20: табл.
- Русские вне России: мифы и политика: (вместо вступления) // Русские в новом зарубежье: Средняя Азия: этносоциологический очерк. – М., 1993. – С. 4–13.
- Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. – 1993. – № 1/2. – С. 3–38: табл. – Библиогр.: 30 назв.
- Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 110–124.
- Русские идут?: [диалог] // Этнополис. – 1993. – № 2. – С. 3–12. – Соавт.: Мяло К.
- «Это была наука, и еще какая!»: (беседа В.А. Тишкова со старейшим российским этнографом Л.П. Потаповым) // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 1. – С. 106–114.
- Стратегия и механизмы национальной политики в Российской Федерации // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 5. – С. 12–34. – Рез.: англ. Библиогр.: 15 назв.
- О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – № 4. – С. 5–14.
- Ред.: Национальная политика в Российской Федерации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Липки, сент. 1992 г.) / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1993. – 179 с.

1994

- Россия как многонациональная общность и перспектива межэтнического согласия / Экспертный совет «Круглого стола бизнеса России», Академический центр «Российские исследования». – М., 1994. – 30 с. – (Политология; Вып. 4. Аналитический проект «Россия в третьем тысячелетии»). – (Серия обзоров к Первому конгрессу российских предпринимателей).
- Русские // Народы России: энциклопедия. – М., 1994. – С. 270–283: ил.
- Предисловие // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы международной конференции [25–27] янв. 1993 г. – М., 1994. – С. 3–6. – Соавт.: Ямсков А.Н.
- Национальности и национализм в постсоветском пространстве: (исторический аспект) // Там же. – С. 9–34.
- Введение // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: материалы международной конференции 1993 г. – М., 1994. – С. 3–7.
- Женщина в российской политике и структурах власти // Там же. – С. 8–16.

- Пути и механизмы предотвращения и трансформации этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1994. – Вып. 7. – С. 58–67.
- «От конфликта к согласию» // Бюл. / Сеть этнологогического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1994. – № 2. – С. 3, 5.
- С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 118–133: фото.
- Ред.: Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: материалы международной конференции 1993 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1994. – 448 с.
- Ред.: Народы России: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: БРЭ, 1994. – 479 с.
- Предисловие // Там же. – С. 3–4.
- Ред.: Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы международной конференции [25–27 янв.] 1993 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1994. – 320 с.

1995

- Чеченский кризис: аналитическое обозрение / Центр комплексных социальных исследований и маркетинга. – М., 1995. – 73 с. – (Сер.: Политология; вып. 8; Общероссийское объединение «Круглый стол бизнеса России»). – Соавт.: Беляева Е., Марченко Г.**
- Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Исторические записки. – М., 1995. – Вып. 1. – С. 147–171.
- Федерализм и национализм в многонациональном государстве // Межнациональные отношения в России и СНГ: семинар Московского центра Карнеги: доклады 1994–1995 гг. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 157–172.
- Что есть Россия?: (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. – 1995. – № 2. – С. 3–17.
- Россия: от межэтнических конфликтов к взаимопониманию // Этнополис. – 1995. – № 2. – С. 36–51.
- Амбиции лидеров и надменность силы: заметки о чеченском кризисе // Свободная мысль – 1995. – № 1. – С. 19–28.
- О российском казачестве // Свободная мысль – 1995. – № 12. – С. 101–103.
- «Нелишне узнать из первоисточника»: (беседа В.А. Тишкова с С.И. Бруком) // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 1. – С. 89–101.
- Амбиции лидеров и надменность силы // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1995. – № 4. – С. 3–11.
- Обмен мнениями о мировом опыте // Там же. – С. 11–13. – Соавт.: Ставенхаген Р.
- Постсоветские миграции // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1995. – № 5. – С. 3–6.
- Толерантность как стратегия предотвращения конфликтов // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1995. – № 6. – С. 3–10.
- От мониторинга к раннему предупреждению // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1995. – № 7. – С. 4–10.

1996

- Концептуальная эволюция национальной политики в России. – М.: ИЭА РАН, 1996. – 40 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 100).**
- Введение // Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. – М., 1996. – С. 7–10.
- Миграции и миграционная политика // Там же. – С. 11–54. – Соавт.: Комарова О.Д.
- О нации и национализме: Полемиические заметки // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 30–38.
- Семь вариантов: Заметки о выходе из чеченского кризиса // Свободная мысль. – 1996. – № 5. – С. 43–55.
- Полвека полевой этнографии: (беседа В.А. Тишкова с Е.П. Бусыгиным) // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 1. – С. 117–131. – Рез.: англ.
- Семь вариантов ради одного: [о разрешении чеченской проблемы] // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1996. – № 8. – С. 4–8.

- О концепции государственной национальной политики // Бюл. / Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1996. – № 9. – С. 3–7.
- Ред.: Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 1996. – 238 с.
- Ред.: Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. – М.: ИЭА РАН, 1996. – 200 с. – (Библиотека российского этнографа).

1997

Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997. – 528 с.

- О серии «Народы и культуры» // Русские. – М., 1997. – С. 5, 6. – (Народы и культуры).
- Начало русской истории (X–XIV века) // Там же. – С. 11–18. – Соавт.: Александров В.А.
- Народные миграции и образование российского государства (конец XIV – середина XVI века) // Там же. – С. 18–21. – Соавт.: Александров В.А.
- Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. – С. 15–43.
- Концептуальная эволюция национальной политики в России // Федерализм. – 1997. – № 3. – С. 71–108.
- О феномене этничности // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 3. – С. 3–20. – Дискус.: Этнографическое обозрение. – 1998. № 1. – С. 34–36.
- О толерантности // Толерантность и согласие: [материалы междунар. конф. «Толерантность, взаимопонимание и согласие», Якутск, июнь 1995 г.] / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 1997. – С. 17–38.
- Геополитика чеченской войны // Свободная мысль. – 1997. – № 4. – С. 65–74.
- «А у нас в России ...» – это где?: (о геополитической спешке по поводу России) // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1997. – № 2. – С. 4, 5.
- Как разрешить осетино-ингушский конфликт // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1997. – № 3. – С. 2, 3.
- О российском паспорте // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1997. – № 5. – С. 7, 8.
- Геополитический анализ чеченского кризиса // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1997. – № 11. – С. 3–11.
- Современная Россия и российская этнология: [докл. на II Междунар. конгр. этнографов и антропологов, Уфа, 1997, 1–5 июня] // Вестник АН Респ. Башкортостан. – 1997. – Т. 2, № 4. – С. 24–27.
- Ред.: Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 308 с.
- Вынужденные миграции: (комментарий к программе действий) // Там же. – С. 7–14.
- Ред.: Очерки по культурной антропологии американского города / Отв. ред. В.А. Тишков, Э.Л. Нитобург. – М.: Наука, 1997. – 314 с.
- От редакторов // Там же. – С. 5–10. – Соавт.: Нитобург Э.Л.
- Ред.: Семья, гендер, культура: материалы междунар. конф. 1994 и 1995 гг. / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 416 с.
- Ред.: Толерантность и согласие: [материалы междунар. конф. «Толерантность, взаимопонимание и согласие», Якутск, июнь 1995 г.] / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 307 с.
- Ред.: Тревоги мира: Социальные последствия глобализации мировых процессов: докл. ЮНРИСД, подгот. для Всемир. встречи на высшем уровне в интересах социального развития / Отв. ред. В.А. Тишков; ред. О.Д. Комарова; Науч.-исслед. ин-т соц. развития. – М., 1997. – 160 с.

1998

- Введение // Белорусы. – М., 1998. – С. 5, 6. – (Народы и культуры). – Соавт.: Пилипенко М.Ф.
- Русские диаспоры и политика России // Русские в современном мире. – М., 1998. – (Новые исследования по этнологии и антропологии).

- Единство и многообразие культур // Народы и религии мира: энциклопедия. – М., 1998. – С. 5–14. – Библиогр.: с. 13, 14.
- Меньшинства в постсоветском контексте // Расы и народы: ежегодник. – М., 1998. – Вып. 24. – С. 13–18.
- Демократизация и национальности. Прощание с пятым пунктом // Демократические процессы в Центральной Азии: опыт и перспективы. – Бишкек, 1998. – С. 243–248.
- О нации и национализме // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления и Владикавказского центра этнополитических исследований ИЭА РАН. – Владикавказ, 1998. – С. 7–21.
- Забудь о нации: (постнационалистическое понимание национализма) // Вопр. философии. – 1998. – № 9. – С. 3–26.
- То же // Этнографическое обозрение– 1998. – № 5. – С. 3–26. – Рез.: англ.
- «Этнография – наука подробная»: [беседа В.А. Тишкова с К.В. Чистовым] // Там же. – С. 121–136. – Рез.: англ.
- К вопросу о государственной политике на Северном Кавказе: [докл. на II Междунар. конгр. «Мир на Северном Кавказе через язык, образование, культуру», Пятигорск, сент. 1998 г.] // Вестник Пятигорского лингвистического ун-та, 1998. – № 4. – С. 29–32.
- О российском паспорте // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1998. – № 16. – С. 9–10.
- О перспективах Сети этнологического мониторинга // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1998. – № 17. – С. 3–7.
- Трудный путь от этнонационализма // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1998. – № 18. – С. 6–9.
- Городской бунт и ксенофобия // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1998. – № 19. – С. 6–8.
- Опасности незрелой политики и плохой экспертизы // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1998. – № 20. – С. 6–8.
- Судьба этнологической экспертизы // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1998. – № 22. – С. 6–8.
- Ред.: Вынужденные мигранты и государство / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 1998. – 420 с.
- Введение // Там же. – С. 7–12.
- Ред.: Народы и религии мира: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Рос. энцикл., 1998. – 928 с.
- Предисловие // Там же. – С. 3.
- Ред.: Русские в современном мире / Ред. В.А. Тишков, Е.А. Шервуд. – М.: ИЭА РАН, 1998. – 396 с. – (Новые исследования по этнологии и антропологии).

1999

Пути мира на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад / Центр по изуч. и урегулированию конфликтов ИЭА РАН; авт. большей части текста; общ. рук. и отв. ред. В.А. Тишков. – М., 1999. – 184 с.

- Концептуальная эволюция национальной политики в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. – М., 1999. – С. 31–54. – Библиогр.: 26 назв.
- О серии «Народы и культуры» // Русские. – 2-й тираж. – М., 1999. – С. 5, 6. – (Народы и культуры).
- Начало русской истории (X–XIV века) // Там же. – С. 11–18. – Соавт: Александров В.А.
- Народные миграции и образование Российского государства (конец XIV – середина XVI века) // Там же. – С. 18–21. – Соавт.: Александров В.А.
- Антропология российских трансформаций // Общество и экономика. – 1999. – № 3/4. – С. 39–61.
- Феномен сепаратизма // Там же. – С. 75–88.
- То же // Федерализм. – 1999. – № 3. – С. 5–32.
- Стратегии противодействия экстремизму // Этнопанорама. – 1999. – № 1. – С. 40–44.
- То же // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1999. – № 23. – С. 6–11.
- От федерализма до сепаратизма, или Как превратить «национальный очаг» в большой международный пожар // Рос. Федерация сегодня. – 1999. – № 22. – С. 49–51.

- Реквием по сепаратизму // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1999. – № 24. – С. 6–10.
- Научная экспертиза и конфликты на Северном Кавказе // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1999. – № 26. – С. 6–8.
- Еще раз об этнологической экспертизе в России // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 1999. – № 28. – С. 6, 7.
- Ред.: Обычное право и правовой плюрализм: (материалы XI Междунар. конгр. по обычному праву и правовому плюрализму, Москва, авг. 1997 г.) / Ред.: В.А. Тишков, Н.И. Новикова. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 251 с.
- Вступительное слово // Там же. – С. 6–8.
- Ред.: Человек и право: Книга о Летней школе по юридической антропологии (Звенигород, 22–29 мая 1999 г.) / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. – М.: Стратегия, 1999. – 195 с.

2000

Политическая антропология = Political anthropology. – Нью-Йорк и др.: Mellen press, 2000. – 338 с. – (Российские исследования в гуманитарных науках; т. 14).

- Единство и многообразие культур // Народы и религии мира: энциклопедия. – М., 2000. – С. 5–14. – Библиогр.: с. 13, 14.
- Алгонкины // Там же. – С. 36, 37.
- Алгонкины виргинские // Там же. – С. 37.
- Апачи // Там же. – С. 51, 52.
- Арапахо // Там же. – С. 54.
- Атапаски // Там же. – С. 62.
- Гуруны // Там же. – С. 152. – Соавт.: Истомин А.А.
- Делавары // Там же. – С. 159. – Соавт.: Истомин А.А.
- Зуни // Там же. – С. 175. – Соавт.: Истомин А.А.
- Индейцы // Там же. – С. 182–191. – Соавт.: Березкин Ю.Е., Истомин А.А.
- Ирокезы // Там же. – С. 195–197. – Соавт.: Истомин А.А.
- Кри // Там же. – С. 263.
- Меномини // Там же. – С. 340, 341. – Соавт.: Истомин А.А.
- Микмаки // Там же. – С. 343.
- Монтань-наскапи // Там же. – С. 352, 353. – Соавт.: Истомин А.А.
- Навахо // Там же. – С. 362, 363.
- Пуэбло // Там же. – С. 429, 430. – Соавт.: Истомин А.А.
- Самый историчный век: диалог истории и антропологии // Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. – М., 2000. – С. 270–297.
- Трансформации, статистика и перепись населения России // Перепись – 2002: проблемы и суждения: [сб. ст.]. – М., 2000. – С. 20–28. – (Исследования по прикладной и неотложной антропологии; док. № 132).
- Исторический феномен диаспоры // Исторические записки. – М., 2000. – Вып. 3. – С. 207–236. – Библиогр.: 25 назв.
- То же // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 43–63. – Рез.: англ.
- То же // Этнопанорама. – 2000. – № 2. – С. 2–12.
- «Нация – это метафора»: [беседа] // Дружба народов. – 2000. – № 7. – С. 170–182.
- Антропология российских трансформаций: [доклад на открытии III Конгресса этнографов и антропологов России, Москва, июнь 1999 г.] // Этнографическое обозрение. – № 1. – С. 3–19. – Рез.: англ.
- Как предотвратить третью чеченскую войну? // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2000. – № 29. – С. 6–9.
- Кого и как считать в многоэтничной стране? // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2000. – № 32. – С. 6–8.
- Прежде чем «предупредить и управлять», лучше научиться сначала сотрудничать: (к выходу бюллетеня «Конфликт – диалог – сотрудничество») // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2000. – № 30. – С. 119, 120.
- Семь лет Сети этнологического мониторинга // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2000. – № 33. – С. 6–10.
- Социально-демографическая ситуация и перепись населения в России // Этнопанорама. – 2000. – № 3. – С. 23–28.

- Актуальные проблемы национальной политики: [беседа] // Там же. – С. 77.
Этнография только кажется романтической...: [о нац. отношениях] // Якутия. – 2000. – 14 дек. – С. 2.
Ред.: Народы и религии мира: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Науч. изд-во БРЭ, 2000. – 928 с.
Предисловие // Там же. – С. 3.

2001

- Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны.** – М.: Наука, 2001. – 552 с.: ил. – Библиогр.: с. 537–545.
Этнология и политика: научная публицистика. – М.: Наука, 2001. – 240 с. – Пер. на кит. яз. в 2008 г.
Меньшинство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001. – Т. 2. – С. 527. – Библиогр.: 11 назв.
Национализм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001. – Т. 3. – С. 39–41. – Библиогр.: 22 назв.
Нация // Там же. – С. 41–43. – Библиогр.: 5 назв.
Раса // Там же. – С. 413, 414. – Библиогр.: 10 назв.
Этничность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001. – Т. 4. – С. 482–484. – Библиогр.: 31 назв.
Диалог истории и антропологии на рубеже столетий // Историческая наука на пороге XXI века. – Новосибирск, 2001. – С. 145–160.
Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М., 2001. – С. 9–44.
Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социал. антропологии. – 2001. – Т. 4, № 4. – С. 5–34.
Новая политическая антропология // Там же. – С. 68–74. – Библиогр.: 11 назв.
Война и мир на Северном Кавказе // Свободная мысль. – XXI. – 2001. – № 1. – С. 47–61.
Язык и алфавит как политика // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2001. – № 35. – С. 6–14.
То же // Этнопанорама. – 2001. – № 1. – С. 71–73.
Уроки Минтимера Шаймиева // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2001. – № 36. – С. 6, 7.
Смутный язык приводит к смутной политике: (в связи с поездкой В.В. Путина в г. Уфу) // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2001. – № 37. – С. 6–14.
Кризисная парадигма: (как Немцов и Явлинский избрали Ходырева губернатором Нижнего Новгорода) // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2001. – № 38. – С. 6–15.
Прощание с Миннацем // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2001. – № 39. – С. 6, 7.
Серьезные опасения и напрасные страхи: (политика цифр в переписи населения 2002 года) // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2001. – № 40. – С. 6–9.
Новые российские паспорта нужно выдавать быстрее и решительнее // Этнопанорама. – 2001. – № 2. – С. 67, 68.
Ред.: Антропология насилия / Отв. ред. В.А. Тишков, В.В. Бочаров. – СПб.: Наука, 2001. – 536 с.
Ред.: Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. – М., 2001. – 400 с.

2002

- Этничность и толерантность в средствах массовой информации.** – М.: ИЭА РАН, 2002. – 348 с. – Соавт.: Малькова В.К.
Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002. – С. 331–350.
Культура толерантности в России и стратегии противодействия экстремизму // Диагностика толерантности в средствах массовой информации. – М., 2002. – С. 19–37.

- Социально-культурный аспект феномена терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. – М., 2002. – С. 22–31.
- Война и культура // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2002. – С. 6–14.
- Социально-культурный аспект терроризма // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: ежегодный доклад [за 2001 г.] / Центр по изучению и урегулированию конфликтов ИЭА РАН. Сеть этнол. мониторинга и предотвращения конфликтов. – М., 2002. – С. 7–10.
- Сложные сообщества: перспективы постсоветских государств // Национальная библиотека в современном социокультурном процессе: Румянцевские чтения – 2002: тез. и сообщ. – М., 2002. – С. 65–74.
- Горизонты российской этнологии: к 70-летию Института этнологии и антропологии РАН // Новая и новейшая история. – 2002. – № 5. – С. 3–18.
- Восприятие времени: [доклад на пленарном заседании IV Конгресса этнографов и антропологов России, Нальчик, 20–23 сент. 2001 г.] // Этнографическое обозрение – 2002. – № 3. – С. 14–25. – Рез.: англ.
- Закон о гражданстве, миграции и межэтнические отношения // Бюл. / Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2002. – № 41. – С. 6, 7.
- О состоянии разрешения проблем перемещенных лиц в России // Этнопанорама. – 2002. – № 2. – С. 49, 50.
- О механизмах предотвращения насилия // Там же. – С. 78–80.
- Политика этнического многообразия // Этнопанорама. – 2002. – № 3/4. – С. 20–23.
- Что делать с экстремизмом? // Этносфера. – 2002. – № 8. – С. 14, 15.
- Участие в переписи – гражданская обязанность // Этносфера. – 2002. – № 9. – С. 11.
- Ред.: История и семиотика индейских культур Америки / Отв. ред. В.А. Тишков, А.А. Борода-това. – М.: Наука, 2002. – 574 с.
- Ред.: Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Ред. В.А. Тишков, В.С. Малахов. – М.: Наука, 2002. – 356 с.
- Ред.: Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии (Санкт-Петербург – Пушкин, 20–26 авг. 2001 г.) / Ред. В.А. Тишков, Н.И. Новикова. – М.: Стратегия, 2002. – 398 с.

2003

- Реквием по этносу: Исслед. по соц.-культ. антропологии. – М.: Наука, 2003. – 543 с.**
- Историко-антропологический анализ переписи населения. – М.: ИЭА РАН, 2003. – 39 с.: табл. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 161). – Рез.: англ.
- О феномене этничности // Горизонты антропологии. – М., 2003. – С. 29–41.
- Переписи населения и конструирование идентичностей // На пути к переписи. – М., 2003. – С. 9–38.
- Приветствие заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН // Великий Волжский путь: материалы II этапа междунар. науч.-практ. конф. «Великий Волжский путь», Санкт-Петербург – Стокгольм – Санкт-Петербург, 5–14 авг. 2002 г. – Казань, 2003. – Ч. 1. – С. 50–52.
- «Волжская цивилизация»: методологические проблемы исследования // Там же. – С. 148–155.
- Историко-антропологический анализ переписи населения // Исторические записки. – М., 2003. – Вып. 6. – С. 39–85: табл. – Библиогр.: 47 назв.
- Как оказалась возможной этнография переписи? // Этнография переписи. – 2002. – М., 2003. – С. 9–30.
- «Пожар способствовал ей много к украшенью»: (российская этнология: статус дисциплины и состояние теории) // Российская наука о человеке. – СПб., 2003. – Вып. 1. – С. 190–196.
- О Ю.В. Бромлее // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология, 1960–1990-е гг. – М., 2003. – С. 5–9. – Рез.: англ.
- Демографические и этнокультурные аспекты здоровья // Тезисы докладов сессии «Наука – здоровью человека», [Москва, 2003 г.]. – М., 2003. – С. 13, 14. – Соавт.: Вишневский А.Г.
- «В Академии сосредоточены лучшие научные кадры»: [интервью] // Вестник РАН. – 2003. – Т. 2, № 8. – С. 117, 118.
- Увлечение диаспорой: (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. – 2003. – № 2. – С. 160–183.

- После многонациональности. Культурная мозаика и этническая политика в России // Знамя. – 2003. – № 3. – С. 179–194.
- Миграционный вызов России // Знамя. – 2003. – № 6. – С. 187–189.
- Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 5. – С. 3–23. – Рез.: англ.
- Власть, право и авторитет в мультикультурном государстве // Россия: третье тысячелетие. – 2003. – № 7. – С. 10, 11.
- Война и школа: (вместо введения) // Мир в Чечне через образование. – М., 2003. – С. 5–12.
- Власть, право и авторитет в мультикультурном государстве // Россия: третье тысячелетие: вестник актуальных прогнозов. – 2003. – № 7. – С. 10, 11.
- Предисловие // Прибалтийско-финские народы России. – М., 2003. – С. 5–9. – (Народы и культуры). – Соавт.: Чешко С.В.
- Предисловие // Традиционная материальная культура сельского населения Кубы. – М., 2003. – С. 3–11.
- Предисловие // Тюркские народы Крыма: Караймы. Крымские татары. Крымчаки. – М., 2003. – С. 5–7. – (Народы и культуры).
- Ред.: На пути к переписи / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Авиаздат, 2003. – 527 с.
- Ред.: Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра: материалы международной научной конференции, 20–23 марта 2003 г. / Под ред. Ю.К. Чистова, В.А. Тишкова. – СПб.: ИЭА РАН, 2003. – 307 с.

2004

- Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году.** – М.: ИЭА РАН, 2004. – 322 с. – Соавт.: Степанов В.В.
- Формирование этнического состояния населения России // БРЭ. Россия. – М., 2004. – С. 171–177. – Библиогр.: 21 назв. – Соавт.: Зорин В.Ю., Степанов В.В.
- Новая политическая антропология и российская этнология // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: сб. в честь Ю.В. Арутюняна. – М., 2004. – С. 26–38.
- Сущность и управление культурным многообразием // Правовые аспекты этнических отношений в России. – М., 2004. – С. 343–370.
- Этнические загадки советских переписей населения // Социальные трансформации в российской истории: [доклады международной научной конференции, 2–3 июля 2004 г.]. – Екатеринбург; М., 2004. – С. 405–424.
- Этничность и право в современной России // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. – М., 2004. – С. 7–12.
- То же // Правовые аспекты этнических отношений в России. – М., 2004. – С. 7–14.
- Культурные свободы в современном мире // Человек, культура и общество в контексте глобализации современного мира: материалы III Международной научной конференции – М., 2004. – Вып. 3. – С. 77–80.
- Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. – М., 2004. – С. 688–692. – Библиогр.: 6 назв.
- Демографические и этнокультурные аспекты здоровья в Российской Федерации: [доклад на совместной сессии Общего собрания РАН и РАМН] // Вестник РАН. – 2004. – Т. 74, № 5. – С. 440–449: рис., табл. – Соавт.: Вишневский А.Г.
- Язык и перепись населения России 2002 г. // Вопросы филологии. – 2004. – № 2. – С. 93–100: табл. – Рез.: англ. Библиогр.: 9 назв.
- Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 14–31.
- Вступая во второе десятилетие // Этнопанорама. – 2004. – № 1. – С. 6–10.
- Культурное многообразие в современном мире // Этнопанорама. – 2004. – № 3/4. – С. 2–9.
- «Народы Дагестана»: (Ростов-на-Дону, дек. 2003 г.) // Науч. мысль Кавказа: Приложение. – 2004. – № 3. – С. 151–161. – Соавт.: Жданов Ю.А.
- Создать народ для государства // Россия: третье тысячелетие. – 2004. – № 9. – С. 118–121.
- Миграция – это благо или зло? : [интервью] // Эхо планеты. – 2004. – № 48/49. – С. 6–8: ил.
- Проблемы управления культурным многообразием // Хроника ООН. – 2004. – № 1. – С. 41.
- Без мигрантов у России нет будущего: [интервью] // Политический журнал – 2004. – № 47. – С. 68–71.

- Вступительное слово // Академическая и вузовская наука народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М., 2004. – С. 6, 7.
- Предисловие // Бураты. – М., 2004. – С. 5–7. – (Народы и культуры). – Соавт.: Чешко С.В.
- СМИ и ксенофобия: (предисловие) // Малькова В.К. Москва – многокультурный мегаполис. – М., 2004. – С. 7–13.
- Ред.: Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 2004. – 716 с.
- Ред.: Кочевники тундры и их фольклор / Отв. ред. В.А. Тишков. – Екатеринбург, 2004. – 343 с.
- Ред.: Современное состояние и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.А. Тишков. – Новосибирск, 2004. – 183 с.

2005

- Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 383 с.**
- Опыт этнологического мониторинга. – М.: ИЭА РАН, 2005. – 188 с.**
- После Беслана: дискус. рос. и амер. экспертов. – М.: ИЭА РАН, 2005. – 31 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 176). – Совм. с др.**
- Россия в Калифорнии: Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: в 2 т. / сост. и подгот. А.А. Истомина, Дж.Р. Гибсона, В.А. Тишкова; предисловие (с. 14–25) В.А. Тишкова, А.А. Истомина. – М.: Наука, 2005. – Т. 1. – 753 с.: ил.
- Отчет по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» за 2004 г. / координаторы: В.И. Молодин, В.А. Тишков; предисловие (с. 3–9) В.А. Тишкова, В.И. Молодина. – М., 2005. – 142 с.: ил. – Библиогр.: с. 130–133.
- Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Многоэтнические сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана: материалы междунар. науч. конф., Москва, 25–27 мая 2004 г. – М., 2005. – С. 255–287: табл. – Соавт.: Кисриев Э.Ф.
- «Евразия» как метафора и о миссии российской нации // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: тез. докл. – СПб., 2005. – С. 22–28.
- Предисловие // Народы Западной Сибири: Ханты. Ненцы. Энты. Нганасаны. Кеты. – М., 2005. – С. 5–8. – (Народы и культуры). – Соавт.: Чешко С.В.
- Народы Западной Сибири в XX – начале XXI в. // Там же. – С. 733–740. – Соавт.: Соколова З.П.
- Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005. – С. 588–600.
- Демографические и этнокультурные аспекты здоровья в Российской Федерации // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. – М., 2005. – С. 426–444: рис. – Соавт.: Вишневский А.Г.
- Культурное многообразие в современном мире // IV Международный конгресс «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру»: [материалы конгресса, 21–24 сент. 2004 г.]. – М., 2005. – С. 44–56.
- То же // Бюл. Владикавказского ин-та управления. – 2005. – № 13. – С. 5–22.
- Кризис понимания России // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. – М., 2005. – Вып. 1. – С. 50–60.
- То же // Эксперт. – 2005. – № 13. – С. 84–88.
- То же // Жизнь национальностей. – 2005. – № 1. – С. 19–23: портр.
- Самоопределение российской нации // Международные процессы. – 2005. – № 2. – С. 17–27.
- Россия в этническом измерении: (по результатам переписи 2002 г.) // СоцИс. – 2005. – № 9. – С. 64–74: рис., табл.
- Отрицание России // Отечественные записки. – 2005. – № 1. – С. 240–252.
- О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 1. – С. 3–22.
- Об антропологии как дисциплине в российской традиции // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 2. – С. 6, 7.

- Заключительное слово [на методологическом семинаре Института этнологии и антропологии РАН] // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 3. – С. 129–131. – (Обсуждение книги В.А. Тишкова «Реквием по этносу»).
- Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Политический класс. – 2005. – № 5. – С. 72–78: портр. – Рез.: англ. (с. 128). Библиогр.: 8 назв.
- Миф об умирании России // Россия: третье тысячелетие. – 2005. – № 12. – С. 19–26.
- То же // Родина. – 2005. – № 6. – С. 34–37.
- Рыночная экономика и этническая среда // Общество и экономика. – 2005. – № 12. – С. 20–37.
- Можно ли решить проблемы Северного Кавказа, не меняя местную номенклатуру? // Большая политика. – 2005. – № 2. – С. 34.
- Ред.: *Еленевская М., Фиалкова Л.* Русская улица в еврейской стране: Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 2005. – Ч. 1. – 353 с.; ч. 2. – 243 с.
- Ред.: Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана: материалы международной научной конференции, Москва, 25–27 мая 2004 г. / Нац. акад. наук США; Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН; Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 2005. – 287 с.
- Введение // Там же. – С. 5, 6.
- Ред.: Российская этнология и антропология: каталог книжной выставки: к 70-летию Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН / Отв. ред. В.А. Тишков, О.Л. Милова. – М.: ИЭА РАН, 2005. – 110 с.

2006

- Аборигены Севера США и Канады в условиях глобализации // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Северной России. – М., 2006. – С. 352–381. – Библиогр.: 50 назв.
- Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН: в 2 кн. – М., 2006. – Кн. 2. – С. 318–332. – Библиогр.: 36 назв.
- Роль Общественной палаты Российской Федерации в развитии межнациональных отношений, противодействии ксенофобии и экстремизму // Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации: справочные и итоговые материалы международного семинара «Международные правовые гарантии защиты национальных меньшинств и проблемы их соблюдения». – М., 2006. – Т. 1, ч. 1–3. – С. 144–148.
- Есть такая нация // Реальность этноса: Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности. – СПб., 2006. – С. 18–24. – Библиогр.: 7 назв.
- Российский мир // Русская гамма: истоки национального многообразия. – М., 2006. – С. 79–82.
- Репрессивное законодательство на руку коррупции // *Графова Л.И.* Кому выгодна война с мигрантами: сборник публикаций 2001–2005 гг. – М., 2006. – С. 212–221.
- Война и культура // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С. 9–17.
- Новая политическая антропология // Антропология власти: хрестоматия по полит. антропологии: в 2 т. – СПб., 2006. – Т. 1. – С. 49–56. – Библиогр.: с. 55–56.
- Выступление по теме // Отношения России и Запада в преддверии встречи «Большой восьмерки»: материалы заседаний круглого стола Аналитического совета, 13 июля 2006 г. – М., 2006. – С. 67–69.
- О филологе Федоте Петровиче Филине // Памяти Федота Петровича Филина. – М., 2006. – С. 7, 8. – (XX век. Имя в лингвистике).
- О российском народе // Восточноевропейские исследования – 2006. – № 3. – С. 16–34: рис., табл. – Библиогр.: 6 назв.
- То же // Дружба народов. – 2006. – № 8. – С. 179–197.
- Тормоз развития российской государственности: [интервью] // Финансы, экономика, безопасность. – 2006. – № 8. – С. 28–31.
- Что провоцирует нетерпимость // Стратегия России. – 2006. – № 5. – С. 23–29.

- Нужна консолидация // Стратегия России. – 2006. – № 8. – С. 29, 30. – (Главная тема: Россия и Запад).
- О культурном многообразии // Этнодиалоги. – 2006. – № 1. – С. 150–168.
- XX Международный конгресс исторических наук [Сидней (Австралия), 3–9 июля 2005 г.] // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1. – С. 3–11. – Соавт.: Бибииков М.В., Волков В.К.
- Этномониторинг сложных сообществ // Там же. – С. 158–171.
- Страсти по демографии // Эксперт. – 2006. – № 5. – С. 68–71: ил.
- По поводу положения финно-угорских народов России // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 1. – С. 4–6.
- Церкви и мечети строят в дни мира, а не в дни войны // Этносфера. – 2006. – № 2. – С. 10–13.
- Кандидатский максимум: [о поправках к ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: беседа] // Трибуна. – 2006. – 28 июля. – С. 5.
- Конфликт между россиянами // Моск. новости. – 2006. – 15 сент. – С. 32–33.
- России нужны новые жители: [о миграционной политике: беседа] // Гудок. – 2006. – 27 нояб. – С. 6.
- Рец.: *Алексеев В.В.* Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. 642 с. // Вестник РАН. – 2006. – Т. 76, № 3. – С. 272–274.
- Ред.: Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России // Отв. ред. В.А. Тишков, В.И. Молодин. – М.: Стратегия, 2006. – 382 с.
- Ред.: Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 19–20 апр. 2005 г. // Отв. ред. В.А. Тишков, Х.И. Ибрагимов. – М.: Наука, 2006. – 575 с.
- Ред.: Этнокультурное взаимодействие в Евразии: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН: в 2 кн. // Под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина, В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – 466 с.
- Введение // Там же. – С. 5–20. – Соавт.: Молодин В.И.
- Ред.: Этнокультурное взаимодействие в Евразии: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН: в 2 кн. // Под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина, В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2006. – Кн. 2. – 341 с.

2007

- Российский Кавказ: книга для политиков** // Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Росинформагротех, 2007. – 384 с.: табл. – Библиогр.: с. 383–370. – Совм. с др.
- Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу.** – М.: ИЭА РАН, 2007. – 31 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 196). – Соавт.: Шабаетов Ю.П.
- Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / Рук. проекта В.А. Тишков. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2007. – 527 с.: граф., табл. – (Москва национальная). Авт.: Мировые мегаполисы и проблемы межэтнического согласия. С. 509–521.
- Чечня как сцена и как роль // Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. – СПб., 2007. – Т. 2: Политическая культура и политические процессы. – С. 464–481.
- Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия // Там же. – С. 482–493.
- Антропология НПО // Там же. – С. 494–506.
- Социально-культурный аспект терроризма // Там же. – С. 507–514.
- Как и зачем изучать национализм // Национализм в мировой истории. – М., 2007. – С. 4–35. – Библиогр.: 68 назв.
- Российская нация и ее критики // Там же. – С. 558–601. – Библиогр.: 88 назв.
- Конфликт в сложных обществах: введение к русскому изданию // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра. – М., 2007. – С. 12–22. – Библиогр.: с. 21–22.
- Неправительственные организации на Северном Кавказе и их потенциал для миротворчества // Там же. – С. 457–472. – Библиогр.: с. 471, 472.
- О культурном многообразии // Человек в культурной и природной среде: тр. Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения акад. В.П. Алексеева, Москва, 15–17 ноября 2004 г. – М., 2007. – С. 64–78. – Рез.: англ. Библиогр.: 32 назв.

- Понимание и управление культурным многообразием в России // Идентичность и культурное многообразие: можно ли ими управлять? – М., 2007. – С. 3–22.
- После переписи // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года. – М., 2007. – С. 3–16.
- Этническое измерение России // Там же. – С. 17–63: табл. – Соавт.: Степанов В.В.
- Культурное многообразие России, или Россия как нация наций // Россия в 2008–2016 годах: Сценарии экономического развития. – М., 2007. – С. 52–62.
- Три стратегии демографической политики // Там же. – С. 64–70: табл.
- О нации и национальном строительстве в России // Политические процессы в современной России: курс лекций. – М., 2007. – С. 144–165.
- Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества // Гражданское общество: история и современность. – Чита, 2007. – Ч. 1. – С. 5–16.
- Российский народ и национальная идентичность // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: материалы V Международного конгресса, 8–12 окт. 2007 г. Проблемы укрепления мира, межэтнического и этноконфессионального согласия на Северном Кавказе. – Пятигорск, 2007. – С. 117–124.
- Русский мир // Русский язык в странах СНГ и Балтии: международная научная конференция, Москва, 22–23 окт. 2007 г. – М., 2007. – С. 68–78: табл.
- Русский мир: смысл и стратегии // Русский мир: смысл и стратегия России: материалы заседания круглого стола, 28 мая 2007 г. – М., 2007. – С. 3–31: табл. – (Материалы заседания круглого стола // Фонд «Единство во имя России»; 55). – Дискус.: с. 33–42, 68–70.
- Судьба Советского Союза: был ли другой исход? // Перестройка для страны и мира: как она видится двадцать лет спустя. – М., 2007. – С. 125–127, 142, 143.
- [Выступление] // Многонациональная Россия в XXI веке: диалог культур и религий, права человека: материалы международной конференции, 20 июня 2006 г. – М., 2007. – С. 19–23.
- [Выступление] // Человеческий капитал в стратегии национального развития: материалы заседания круглого стола, 13 марта 2007 г. – М., 2007. – С. 30–34.
- Предисловие // Абхазы. – М., 2007. – С. 5–6. – (Народы и культуры). – Соавт.: Чешко С.В.
- Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение – 2007. – № 5. – С. 96–115: табл. – Библиогр.: 19 назв. – Соавт.: Кисриев Э.Ф.
- Что есть Россия и российский народ // Pro et contra. – 2007. – Т. 11, № 3. – С. 21–41. – Рез.: англ. (с. 124).
- Концепцию нужно модернизировать: [интервью] // Бизнес: организация, стратегия, системы. – 2007. – № 10. – С. 88–91: портр.
- Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества // Этнопортрета. – 2007. – № 1/2. – С. 2–10.
- Демографические «голодоморы»: [взгляд на демографическую ситуацию 1930-х годов] // Родина. – 2007. – № 7. – С. 84–89: рис.
- Русский мир: метафора и реальность // Родина. – 2007. – № 10. – С. 12–17: фото, табл.
- Что за лукавыми цифрами? // Стратегия России. – 2007. – № 4. – С. 20–22: фото.
- Идентичность и многообразие: можно ли ими управлять? // Стратегия России. – 2007. – № 5. – С. 44–55.
- Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. – 2007. – № 7. – С. 21–38: портр., табл.
- То же // Рус. мир.ru. – 2007. – Вып. 0. – С. 41–49.
- Миры дальние и близкие // Стратегия России. – 2007. – № 12. – С. 48–50.
- От Отделения историко-филологических наук Российской академии наук // Новая и новейшая история. – 2007. – № 3. – С. 3, 4. – Соавт.: Деревянко А.П., Фурсенко А.А., Петров А.Е.
- Ред.: Национализм в мировой истории // Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – М.: Наука, 2007. – 601 с.
- Ред.: Русский язык в странах СНГ и Балтии: международная научная конференция, Москва, 22–23 окт. 2007 г. // Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2007. – 570 с.
- Ред.: Этнокультурный облик России: перепись 2002 года // Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. – М.: Наука, 2007. – 516 с.
- Ред.: Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра: пер. с англ. // Под ред. В. Тишкова, М. Устиновой. – М.: Наука, 2007. – 583 с.

- К программе социально-экономического развития России, 2008–2016: научный доклад.** – М.: Ин-т экономики РАН, 2008. – 246 с. – Совм. с др.
- Устойчивость и подвижность этнокультурных границ.** – М.: Старый сад, 2008. – 230 с.
- Единство в многообразии: публикации из журн. «Этнопанорама» 1999–2008 гг.** – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2008. – 184 с.
- Наука и жизнь: Разговоры с этнографами.** – СПб.: Алетейя, 2008. – 175 с.: ил. – (Историческая книга).
- Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости.** – М.: Индрик, 2008. – 159 с.: ил. – Рез.: англ.
- Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: ст. и интервью.** – М.: Academia, 2008. – 84 с.: табл.
- Молодые москвичи. Кросскультурное наследие // Рук. проекта. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2008. – 659 с.
- Культурное многообразие в современном мире // Современная Россия: курс лекций. – М., 2008. – С. 271–292.
- Российский народ и национальная идентичность // Государственная национальная политика: теория, законодательство, практика: материалы Комитета Гос. Думы по делам национальностей (четвертый созыв, 2004–2007 гг.). – М., 2008. – С. 47–54.
- То же // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6, № 4. – С. 135–142.
- Введение // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. – М., 2008. – С. 3–9: табл.
- Российская нация и российские национальности // Там же. – С. 10–18.
- Кем себя считают россияне // Там же. – С. 19–43: табл. – Соавт.: Степанов В.В.
- Что есть Россия и российский народ // Наследие империй и будущее России. – М., 2008. – С. 455–491.
- Русский мир // Горизонты современного гуманитарного знания: к 80-летию акад. Г.Г. Гамзатова. – М., 2008. – С. 599–606: табл.
- Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества // Этнические процессы и межнациональные отношения. Формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия в московском мегаполисе. – М., 2008. – С. 27–45.
- То же // Бюл. Владикавказского института управления. – 2008. – № 24. – С. 5–28.
- Российская нация и российские национальности // Этнические категории и статистика: дебаты в России и во Франции. – М., 2008. – С. 5–19.
- Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Там же. – С. 93–124: табл. – Библиогр.: 19 назв. – Соавт.: Кириев Э.Ф.
- От общественного восприятия – к общественному сознанию // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. – М., 2008. – С. 5–10.
- Российская нация и российские национальности // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: ежегодный доклад [за 2007 г.] // Центр по изучению и урегулированию конфликтов ИЭА РАН. Сеть этнол. мониторинга и предотвращения конфликтов. – М., 2008. – С. 7–12.
- Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник РАН. – 2008. – Т. 78, № 5. – С. 415–422: рис., табл.
- [Выступление при обсуждении научного сообщения В.П. Козлова «Архивные материалы – основа исторического исследования»] // Вестник РАН. – 2008. – Т. 78, № 7. – С. 595.
- Обучение и воспитание в поликультурном обществе // Этнодиалоги. – 2008. – № 1. – С. 121–137.
- Нация и национальная идентичность в России // Вестник российской нации. – 2008. – № 1. – С. 120–128.
- Национализм в мировой истории // Вестник российской нации. – 2008. – № 2. – С. 126–142.
- Мировой принцип: угроза безопасности не в миграции, а в миграционной политике // Стратегия России. – 2008. – № 3. – С. 37–41: фото.
- Этномониторинг, закон и государственная политика // Бюл. // Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2008. – № 77. – С. 6–9.

- Размышления об итогах жизни: беседа с Севьяном Израилевичем Вайнштейном // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 2. – С. 70–86. – Рез.: англ. Библиогр.: 22 назв. – Соавт.: Вайнштейн С.И.
- Расширять человеческие контакты! // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. – М.: Старый сад, 2008. – С. 6.
- Россия – это нация наций // Этнопанорама. – 2008. – № 1/2. – С. 2–4.
- Национальная идентичность – основа государства // Россия. – 2008. – 19 июня. – С. 9.
- Российский народ и национальная идентичность // Профиль. – 2008. – 23 июня.
- Предисловие // Тюркские народы Восточной Сибири. – М., 2008. – С. 5–8. – Народы и культуры). – Соавт.: Чешко С.В.
- Рец.: Религии мира: история, культура, вероучение. М., 2006. 400 с. // Новая и новейшая история. – 2008. – № 2. – С. 197–199. – Соавт.: Пучков П.И.
- Ред.: *Далгат Б.К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследования и материалы 1892–1894 гг. // Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 2008. – 380 с.
- Ред.: Народы России: атлас культур и религий // Отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Кузьмина. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. – 255 с.
- Ред.: Российская нация: становление и этнокультурное многообразие // Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 2008. – 306 с.
- Ред.: Русские: история и этнография // Под ред. И.В. Власовой, В.А. Тишкова. – М.: АСТ: Олимп, 2008. – 748 с.
- Введение // Там же. – С. 3–6. – Соавт.: И.В. Власова.
- Ред.: Северный Кавказ в национальной стратегии России. – М.: ИЭА РАН, 2008. – 264 с.
- Введение. Новые стратегии для Северного Кавказа // Там же. – С. 7–12.

2009

- Культура и пространство. Кн. 1. Образы российских республик в Интернете. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 147 с. – Соавт.: Малькова В.К.**
- Двадцать лет спустя: опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений: материалы для обсуждения на методологическом семинаре ИЭА РАН, 26 ноября 2009 г. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 50 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 200). – Рез.: англ.**
- Молодежные субкультуры Москвы // Рук. проекта В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 543 с.: ил.
- Национализация прошлого (история в постсоветском нацистроительстве) // Проблемы методологии изучения и преподавания современной истории: материалы международной конференции, 29 сент. 2009 г. – М., 2009. – С. 56–65.
- Понимание и управление культурным многообразием в России // Повестка дня для России: аналитические материалы Фонда «Единство во имя России» за 2007–2008 годы. – М., 2009. – С. 3–44.
- [Выступление при обсуждении доклада Президента РФ Д. Медведева «Национальные проекты: от стабилизации к развитию»] // Там же. – С. 130. – (Круглые столы).
- Русский мир: смысл и стратегия России // Там же. – С. 185–203.
- Когда «чужой» станет «своим». О ригидности массовых стереотипов (в соавт. с В.В. Степановым) // Новые этнические группы... 2009. С. 73–81.
- Формула и динамика национальной идентичности // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году: ежегодный доклад [за 2008 г.] / Центр по изучению и урегулированию конфликтов ИЭА РАН. Сеть этнол. мониторинга и предотвращения конфликтов. – М., 2009. – С. 5–14.
- Грузинско-югоосетинский конфликт // Там же. – С. 11–12.
- Гражданская идентичность и этнокультурное развитие // Там же. – С. 56–57.
- Кем себя считают россияне // Там же. – С. 63–83: табл. – Соавт.: Степанов В.
- Нетитульное население в республиках Российской Федерации // Там же. – С. 93–98: рис. – Соавт.: Степанов В.
- Гармония разнообразия: [беседа] // 100 лидеров промышленности и науки Содружества. – М., 2009. – Кн. 14. – С. 78–81: портр.
- От общественного восприятия – к общественному сознанию // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. – 2-е изд. – М., 2009. – С. 5–10.

- Победить экстремизм можно, только объединив усилия всех // Экстремизм и национальный вопрос в России: научно-практический семинар. – М., 2009. – С. 30–33.
- Образ страны и национальная идентичность // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские чтения, 14–15 мая 2009 г. – СПб., 2009. – С. 139–142.
- Актуальные проблемы этнологии // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: [материалы международной научно-практической конф.]. – Уфа, 2009. – С. 5–9.
- Вопросы о национальности и языке во Всероссийской переписи населения 2010 года // Всероссийское совещание статистиков по вопросам Всероссийской переписи населения 2010 года. – М., 2009. – С. 141, 142.
- Виктор Шнирельман: скрупулезное достоинство // Виктор Александрович Шнирельман: библиогр. указ.: (к 60-летию со дня рождения). – М., 2009. – С. 508.
- Национальная идентичность: (о смысле дебатов) // Вестник российской нации. – 2009. – № 1. – С. 107–117.
- Важно правильно выбрать цели и подходы: [отклики на проект издания журнала «Вестник российской нации» и деятельность Общероссийского союза общественных объединений «Российская нация»] // Там же. – С. 215–217.
- И русский, и российский // Вестник российской нации. – 2009. – № 2. – С. 85–97. – (Российская нация: страницы истории и современность).
- О национальном идеале и ценностях // Вестник российской нации. – 2009. – № 3. – С. 40–48.
- О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Вестник российской нации. – 2009. – № 5. – С. 83–107.
- Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России // Вестник российской нации. – 2009. – № 6. – С. 45–61. – Рез.: англ.
- О культурном многообразии, поведенческих стратегиях и нормах «нашего времени» // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 7: Гостеприимство и ярмарки как институт соционормативной культуры. – М.: Старый сад, 2009. – С. 30–63.
- Духовно-нравственное воспитание российских школьников // Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 55–64. – Соавт.: Данилюк А.Я., Кондаков А.М.
- Учебный предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России» // Педагогика. – 2009. – № 9. – С. 14–23. – Соавт.: Данилюк А.Я., Кондаков А.М.
- Три карты: физическая, административно-государственная и этническая // Этнопанорама. – 2009. – № 1/4. – С. 2–7.
- Отсрочка приговора: [долгосрочные прогнозы] // Профиль. – 2009. – № 26. – С. 49: портр.
- Историческое содержание Русского мира // Этносфера. – 2009. – № 8. – С. 18–23: табл.
- «У нас больше общего, чем различий» // Наш дом – Татарстан. – 2009. – № 4. – С. 14–19.
- Ред.: Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии) // Урал. отделение РАН. Ин-т истории и археологии; Отв. ред. В.А. Тишков. – Екатеринбург, 2009. – 493 с.
- Ред.: Народы России: атлас культур и религий. – 2-е изд. // Отв. ред. А.В. Журавский, О.Е. Казьмина, В.А. Тишков. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2009. – 319 с.
- Ред.: Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции // Под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 429 с.
- Ред.: Теология в системе научного знания и образования: материалы обществ. слушаний // Обществ. палата Российской Федерации. Комиссия по межнациональным отношениям и свободе совести / Под ред. В.А. Тишкова. – М., 2009. – 119 с.
- Предисловие // Там же. – С. 5–7.

2010

- Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе.** – М.: ИЭА РАН, 2010. – 264 с.: ил. – Библиогр.: 247 назв. – Соавт.: Аствацатурова М.А., Хоперская Л.Л.
- Российский народ: книга для учителя.** – М.: Просвещение, 2010. – 192 с.
- Навеки в памяти. Члены РАН о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Отв. сост. В.А. Тишков. – М.: Наука, 2010 – 331 с.: ил. – (К 65-й годовщине Победы).
- Постнационалистическое понимание национализма? // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: в 3 т. – М., 2010. – Т. 1. – С. 196–227. – Библиогр.: с. 225–227.
- Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство. – М., 2010. – Кн. 2: Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. – С. 7–58: ил., табл. – Библиогр.: с. 57–58. – Соавт.: Малькова В.К.

- Национализация прошлого (история в постсоветском национализме) // Проблемы методологии изучения и преподавания современной истории = Methodological issues in contemporary history research and teaching. – М., 2010. – Ч. 1. – С. 110–128: фото. – (История современной России). – На рус. и англ. яз.
- Новейшая история государственной этнополитики в Российской Федерации // Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество: материалы VI Международного конгресса, 11–15 окт. 2010 г.: симпозиум. 1–3. – Пятигорск, 2010. – С. 6–20.
- Пространство, граница и культура в советской и постсоветской этнологии // Человек: его биологическая и социальная история: труды международной конференции, посвященной 80-летию акад. В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения), Москва, 9–12 ноября 2009 г. – М., 2010. – Т. 1. – С. 45–54. – Библиогр.: 16 назв.
- 20 лет российской этнополитики // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году: ежегодный доклад [за 2009 г.] // Центр по изучению и урегулированию конфликтов ИЭА РАН. Сеть этнол. мониторинга и предотвращения конфликтов. – М., 2010. – С. 7–15.
- Новое в достижениях Института этнологии и антропологии РАН // Народна творчість та етнографія. – 2010. – № 2. – С. 6–14 (на укр. яз.).
- Гражданское общество и власть: сотрудничество ради перемен // Там же. – С. 16–21.
- Новые подходы в российском законодательстве в сфере этнокультурной политики // Там же. – С. 38–43. – Совм. с др.
- Демографические и этнокультурные аспекты здоровья в Российской Федерации // Научные сессии Общего собрания Российской академии наук, 2002–2009. – М., 2010. – С. 146–160: рис., табл. – Соавт.: Вишневецкий А.Г.
- Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Там же. – С. 439–449: рис., табл.
- Историческая память как компонент национального самосознания // Исторические записки. – М., 2010. – Вып. 13. – С. 142–152.
- Европейская языковая хартия и защита прав в России // Европейская языковая хартия в России. – М., 2010. – С. 4–10. – Соавт.: Соколовский С.В.
- Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в Российской Федерации // Диалог культур и партнерство цивилизаций. Становление глобальной культуры: X Международные Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. – СПб., 2010. – С. 208–215.
- Что такое современное государство? // Современное государство: политико-правовые и экономические исследования: сб. науч. тр. – М., 2010. – С. 8–13.
- Историческая наука: новые вызовы и задачи для России // Вестник российской нации. – 2010. – № 1/2. – С. 73–86. – Рез.: англ.
- Кем себя считают россияне: региональный аспект // Вестник российской нации. – 2010. – № 3. – С. 112–153: табл. – Соавт.: Степанов В.
- Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина): [Нарышкин С.Е. О старой и новой России, или Постигание национальной истории в журн. «Вестник российской нации» (2010. № 1/2)] // Вестник российской нации. – 2010. – № 4/5. – С. 12–25.
- История и историки: власть стереотипов // Стратегия России. – 2010. – № 8. – С. 55–62: портр.
- Этнологические и антропологические исследования в российской академической науке // Новая и новейшая история. – 2010. – № 2. – С. 3–21. – Соавт.: Пивнева Е.А.
- «Государство никто не обязывает быть единым»: [интервью] // Русский журн. – 2010. – 23.02.
- Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России: извлечения // Народное образование. – 2010. – № 1. – С. 39–46. – Соавт.: Данилюк А.Я., Кондаков А.М.
- Мировые мегаполисы и проблемы межэтнического согласия // Жизнь национальностей. – 2010. – № 3. – С. 41–47: ил.
- Введение. Историко-культурные адаптации: теория и результаты исследований // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. – М., 2010. – С. 5–10: табл.

- Предисловие // Народы Северо-Востока Сибири: Айны. Алеуты. Ительмены. Камчадалы. – М., 2010. – С. 5–7. – (Народы и культуры). – Соавт.: Чешко С.В.
- Предисловие // Калмыки. – М., 2010. – С. 5, 6. – (Народы и культуры). – Соавт.: Чешко С.В.
- Предисловие // Молдаване. – М., 2010. – С. 5–7. – (Народы и культуры). – Соавт.: Чешко С.В.
- Рец.: Движение как феномен истории и культуры: [Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. 496 с.] // Вестник РАН. – 2010. – Т. 80, № 1. – С. 947–950.
- Ред.: Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН // Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 543 с.
- Ред.: Культура и пространство. Кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест // Под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 2010. – 183 с.

2011

- Новая историческая культура. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 60 с.**
- Этнополитология. Политические функции этничности. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – Соавт. Ю.П. Шабаев. – 400 с.**
- Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 2(31). – С. 4–16.
- Основы религиозных культур и светской этики: книга для учителя: 4–5 классы: справ. материалы для общеобразовательных учреждений // Под ред. В.А. Тишкова, Т.Д. Шапошниковой. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – 240 с. Авт.: Введение. С. 3–5; Разд. 1. Религия и общество. С. 5–29; Разд. 2. История религиозной ситуации в России. С. 29–61.
- Новая историческая культура (размышления после XXI Международного конгресса исторических наук) [Амстердам, 22–28 авг. 2010 г.] // Новая и новейшая история. – 2011. – № 2. – С. 3–23.
- Этнополитология сегодня: [интервью] // Политическая наука: этническая политика. – 2011. – № 1. – С. 264–276.
- О Юрии Борисовиче Симченко // «Не любопытства ради, а познания для...». – М.: Старый сад, 2011. – С. 7–10.
- Вместо заключения. О культурной сложности современных наций // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции // Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова, А.Ф. Яковлева. – М.: «Издательство Икар», 2011. – С. 243–256.
- Предисловие к докладу. Этническая политика России на современном этапе // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. – С. 7–9.
- Конфликт на юге Кыргызстана в июне 2010 г. и его международная оценка // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. – С. 10–14.
- Россия и Европейская языковая хартия. Вместо предисловия // Правовой статус финно-угорских народов и этнокультурные потребности российской школы / Под ред. В.А. Тишкова. – М., 2011. – С. 5–11.
- Обязательства России по поддержке финно-угорских языков в контексте этнокультурной ситуации (в соавт. С.В. Соколовским, В.В. Степановым, Д.А. Функом) // Правовой статус финно-угорских народов и этнокультурные потребности российской школы / Под ред. В.А. Тишкова. – М., 2011. – С. 42–55.
- Ред. Правовой статус финно-угорских народов и этнокультурные потребности российской школы. – М., 2011. – 287 с.
- Ред. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. – 513 с.
- Ред. Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции // Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова, А.Ф. Яковлева. – М.: «Издательство Икар», 2011. – 266 с.

Публикации на иностранных языках

1981

L'historiographie soviétique contemporaine // Rev. Int. Soc. Sci. – 1981. – Vol. 33, N 4.

1983

L'historiographie soviétique contemporaine // Rev. Int. Soc. Sci. – 1981. – Vol. 33, N 4. – S. 5–24.

1986

Dejiny Kanady. – Praha: Svoboda, 1986. – 404 s. – Co-aut.: Košelev L.V.

War and peace // Peace and war. – New Brunswick; Oxford, 1986. – P. 223–244.

1989

US ethnology: present state and trends of development // Foreign ethnology through the eyes of soviet experts. – M., 1989. – P. 40–54.

1990

Anthropology, ethnology, history: two tendencies // Grand thèmes méthodologie. Sections chronologiques I. Rapports et abrégés / Comité international des sciences historiques. – Madrid, 1990. – P. 175–180. – Co-aut.: Bromley Yu.V.

An Assembly of Nations or an All-Union Parliament?: (an ethnopolitical analysis of the USSR Congress of People's Deputies and Supreme Soviet) // J. Sov. Nationalities. – 1990. – Vol. 1, N 1. – P. 101–127.

Ethnicity and power in the republics of the USSR // J. Sov. Nationalities. – 1990. – Vol. 1, N 3. – P. 33–66.

1991

The Soviet Empire before and after Perestroika // Theory Soc. – 1991. – Vol. 20, N 5: Special issue on ethnic conflict in the Soviet Union. – P. 603–629.

1992

Inventions and manifestation of ethno-nationalism in and after the Soviet Union // Ethnicity and conflict in a post-communist world. – Oslo, 1992. – P. 41–65.

The crisis in soviet ethnography [and comments] // Curr. Anthropol. – 1992. – Vol. 33, N 4. – P. 371–394. – Co-aut.: Abrahamian L.H., Chichlo B. The social and the national in the historical and anthropological perspective // Soc. Sci. – 1992. – Vol. 22, N 3. – P. 52–67.

1993

Governing Post-Soviet ethnicity: Ethnic states or plural societies? // Russia, Ukraine and the U.S. response. [Twelfth conference, Jan. 9–14, 1993]. – Queenstown, 1993. – P. 65–71.

Der Kommunismus entlässt seine Völker: Ethno-nationalismus in Russland und der Gemeinschaft Unabhängiger Staaten // Der Überblick. – 1993. – N 3. – S. 34–98.

1994

Nationalities and conflicting ethnicity in post-communist Russia. United Nations research institute for social development: Discussion: paper N 50. – Geneva, 1994. – 48 p.

The Burden of the Past: Experiences with Ethnic Mediation and Governance in the Former Soviet Union // Anthony McDermott (ed.) Peacekeeping and Multinational Operations. – N 2: Ethnic Conflict and International Security. – Oslo, 1994. – P. 70–83.

Perspectives on ethnic accord in post-soviet space // Cult. Surv. Quart. – 1994. – Vol. 18, N 2/3. – P. 52–57.

1994/1995

Post-Soviet ethnography. Not a crisis but something more serious // *Anthrop. Archeol. Eurasia*. – 1994/1995. – Vol. 33, N 3: Spec. issue. – P. 87–92.

1995

The Russians in Central Asia and Kazakhstan // *Muslim Eurasia: conflicting legacies* – London, 1995. – P. 289–310.

Ethnonationalism as a source of intolerance – prospects for civic nation-building in Russia // *Democracy and tolerance: proc. of the Int. conf.*, Seoul, Republic of Korea, 27–29 Sept. 1994. The Korean National commission for UNESCO. – Seoul, 1995. – P. 101–120. Don't kill me, I'm a Kyrgyz!: An anthropological analysis of violence in the Osh ethnic conflict // *J. Peace Res.* – 1995. – Vol. 32, N 2. – P. 133–149.

What is Russia?: prospects for nation-building // *Security Dialogue*. – 1995. – Vol. 26, N 1. – P. 41–54.

1996

Post-Soviet nationalism // *Europe's new nationalism. States and minorities in conflict*. – Oxford, 1996. – P. 23–41.

Ethnic conflicts in the context of social science theories // *Ibid.* – P. 52–68.

On tolerance // *The HFG Rev.* – 1996. – Vol. 1, N 1: The politics of violence. – P. 13–17.

Ред.: *Ethnicity and power in the contemporary world* / ed. K. Rupisinghe, V. Tishkov. – Tokyo etc.: United Nations Univ. press, 1996. – 298 p.

1997

Ethnicity, nationalism and conflict in and after the Soviet Union: the mind aflame. – London: SAGE publ., 1997. – 334 p. – Пер. на кит. яз. в 2009 г.

Political anthropology of the Chechen war // *Security Dialogue*. – 1997 – Vol. 28, N 4. – P. 425–437.

Minorities and the Post-Soviet states // *Warreport*. – 1997. – Jan. / Feb. – P. 20, 21.

Tolerance and accord for transforming societies // *Culture of peace and democracy*. – М., 1997. – P. 146–165.

1998

La Caucase du Nord: problemes et politique // *Nouveaux Mondes*. – 1998. – N 8. – P. 147–156.

U.S. and Russian anthropology: unequal dialogue in a time of transition // *Curr. Anthropol.* – 1998. – Vol. 39, N 1. – P. 1–17.

Taking responsibility // *Warreport*. – 1998. – N 58. – P. 70–73.

1999

From ethnos to demos: the quest for Russia's identity // *Russia after communism*. – Washington, 1999. – P. 61–90. – Co-aut.: Olcott M.B.

Ethnic conflicts in the former USSR: the use and misuse of typologies and data // *J. Peace Res.* – 1999. – Vol. 36, N 5. – P. 571–591.

2000

Forget the «nation»: post-nationalist understanding of nationalism // *Ethnic Racial Stud.* – 2000. – Vol. 23, N 4. – P. 625–650.

2001

Understanding violence for post-conflict reconstruction in Chechnya / Center for applied studies in international negotiations, Geneva, 15–17 Nov. 2000. – [S.l.], 2001. – 60 p.

The anthropology of Russian transformations // Times – places – passages. Ethnological approaches in the new millennium: [Seventh Int. Congr. of Int. Soc. for Ethnology and Folklore: plenary pap.]. – Budapest, 2001. – P. 55–78.

The conflict prevention capacities of the Russian government in the Caucasus // Conflict prevention in the Caucasus: actors, response capacities and planning processes. – London, 2001. – P. 17–39.

2002

History and legacies of the USSR: the demise of a multiethnic experiment // Searching for peace in Europe and Eurasia. – London, 2002. – P. 27–38.

Contra la retórica de las quejas: antropología de las transformaciones en Rusia // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. – Barcelona, 2002. – N 59. – P. 73–80.

The diaspora as a historical phenomenon // Anthropol. Archaeol. Eurasia. – 2002. – Vol. 41, N 1. – P. 54–88.

Ред.: Local governance and minority empowerment in the CIS / ed. V. Tishkov, E. Filippova. – Budapest, 2002. – 331 p.

2004

Chechnya: life in a war-torn society / foreword by M.S. Gorbachev. – Berkeley etc.: Univ. California Press, 2004. – 284 p.

Conflicts starts with words: Fighting categories in the Chechen conflict // Facing ethnic conflicts: toward a new realism. – Oxford, 2004. – P. 78–95.

2005

Russia as a European nation and its Eurasian mission // Russia in Global Affairs. – 2005. – Vol. 3, N 4. – P. 84–100.

The population census and the construction of identity // Anthropol. Archaeology Eurasia. – 2005. – Vol. 44, N 2. – P. 10–40.

La diversité culturelle dans le monde contemporain // R. Le Coadic, E. Filippova (eds.) Debats sur l'identité et le multiculturalisme. Paris: Arbres. 2005. P. 5–24.

2006

The Russian World – Changing Meanings and Strategies. Carnegie Papers. No. 95. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 2006. 60 p.

Society for the anthropology of Europe // Anthropol. News. – 2006. – Vol. 47. – P. 48, 49. – Co-aut.: Smith A.

2009

What Are Russia and the Russian People? // Russian Politics and Law. – 2009. – Vol. 47, N 2. – P. 30–59.

2010/2011

Contemporary ethnopolitical processes // Anthropol. Archaeol. Eurasia. – 2010/2011. – Vol. 49, N 3. – P. 9–25.

2011

Espace, frontière et culture dans l'ethnologie soviétique et post-soviétique // Panorama de l'anthropologie russe contemporaine / Sous la direction de B. Petric et E. Filippova. – Paris, 2011. – P. 27–43.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.В. Согрин</i> Ученый и гражданин в меняющейся стране.....	3
---	---

Раздел I ОБРАЗЫ РОССИИ

<i>А.О. Чубарьян</i> Стереотипы и образы России в европейском мышлении и массовом сознании	18
<i>В.В. Алексеев</i> Русская идея: от мессианизма к прагматизму	35
<i>Ю.С. Пивоваров</i> Русская власть и исторические типы ее осмысления, или Два века русской мысли	46
<i>Вяч.А. Никонов</i> Империя, государство и нация в России накануне революции 1917 года (по мотивам идей В.А. Тишкова)	92
<i>М.К. Горшков</i> Социальные основы формирования гражданской нации в современной России	103
<i>В.М. Михайлов</i> К вопросу об эволюции государственно-гражданской идентичности россиян	115
<i>В.В. Трепаевлов</i> Категория «российская цивилизация» и феномен полиэтничности	124
<i>А.Н. Аринин</i> Модернизация России как условие межэтнической стабильности	138
<i>К.Э. Разлогов</i> Что строим: крепость или автострады? Об актуальных направлениях культурной политики в государствах – участниках СНГ	151
<i>М.Ю. Мартынова</i> Академик В.А. Тишков и российская этнология: об исследованиях Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук...	168
<i>Шэнминь Ян, Хун Дин</i> Процесс развития китайской этнологии и ее особенности.....	186
<i>Е.И. Пивовар</i> Гуманитарное сотрудничество на постсоветском пространстве: механизмы и перспективы развития глазами историка	195
<i>В.И. Васильев</i> Академик В.А. Тишков в истории академической научно-издательской деятельности	204
<i>С.П. Карпов</i> Межэтнические отношения и смешанные браки на окраине Латинской Романии (Тана, XIV–XV века).....	208

Раздел II
ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ
ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

<i>Ю.В. Арутюнян</i> Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции	216
<i>Л.М. Дробижева</i> Мифы и реальность современного полиэтнического общества.....	224
<i>А.В. Буганов</i> История и этнография русского народа в исследованиях Института этнологии и антропологии РАН (1990–2010 годы).....	233
<i>Н.Ф. Бугай</i> Проблема нациестроительства в Российской Федерации: общее и особенное ...	241
<i>В.Ю. Зорин</i> Государственная национальная политика в России на современном этапе	250
<i>А.Ю. Чистяков</i> Региональная геральдика и идентичность: этническая символика в гербах республик Российской Федерации.....	265
<i>Г.А. Комарова</i> Отечественная этнография и этносоциология: опыт междисциплинарной интеграции.....	273
<i>Н.А. Дубова</i> Антропологические и этноэкологические исследования на рубеже тысячелетий	298
<i>Н.А. Томилов</i> Омский этнографический центр и его теоретические исследования.....	319
<i>М.А. Жигунова</i> Этнокультурная идентичность русских: современные проблемы изучения и сохранения	337
<i>Ю.К. Чистов</i> Этнографический музей: уважай прошлое, твори будущее	351
<i>Д. Радойичич</i> Русские в Черногории в начале XXI века.....	367
<i>Р.Г. Мурадов</i> Русский город на нерусской земле: европейская парадигма для Средней Азии	374
<i>Л.В. Остапенко</i> Русская молодежь Украины: социальные ожидания и пути их реализации.....	384
<i>В.К. Малькова</i> Этническая пресса современной России и ее проблемы	395
<i>И.А. Субботина</i> «Шагреновая кожа» Русского мира Молдавии (этнодемографический аспект)	403
<i>О.Н. Шелегина</i> Результаты и перспективы адаптации исследований культуры жизнеобеспечения населения Сибири к современной музейной практике	414
<i>Л.Л. Абаева</i> Идентичность в локусе бытия монгольских народов	425
	669

<i>З.В. Анайбан</i>	
Русские Тувы и Хакасии: адаптация к региональной социальной и этнокультурной ситуации	439
<i>Н.В. Иванова</i>	
Этническая идентичность и особенности ее формирования в полиэтнической городской среде	454

Раздел III

РОССИЙСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>В.В. Карлов</i>	
Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений	469
<i>М.Н. Губогло</i>	
О роли личности в этнической истории (штрихи к жизнедеятельности Изеддина Кейкавуса II)	474
<i>В.Я. Гросул</i>	
Общественность России в годы правления Екатерины II и Павла I	498
<i>А.Е. Тер-Саркисянц</i>	
Динамика этнокультурной ситуации (опыт Нагорного Карабаха)	511
<i>Н.В. Бабилунга</i>	
Когда раздается клич: правый экстремизм и маргиналы в прошлом и теперь ...	527
<i>Т.А. Воронина</i>	
Заздравная чаша в истории русского светского этикета (X–XVII века).....	541
<i>Н.С. Душакова</i>	
Особенности традиционной культуры старообрядцев Молдовы и Южной Украины: жилищная практика	561
<i>А.Д. Коростелев</i>	
Исследование динамики сети сельских поселений в Приуралье: проблема выделения микрозон расселения.....	574
<i>Н.Л. Пушкарева</i>	
«Исследования женщин» как исследования для женщин (культурное наследие антропологов-феминисток первой волны)	580
<i>О.С. Лукьянец</i>	
Традиционное отношение к конфликтам в молдавском селе.....	594
<i>Е.Н. Квилинкова</i>	
Гагаузский язык сквозь призму динамики этнической идентичности гагаузов..	604
<i>И.А. Снежкова</i>	
Великая Отечественная война в представлениях российских старшеклассников	621
<i>С.Ш. Казиев</i>	
Традиции национальной политики и межэтнических отношений в Казахстане в XX – начале XXI века	628
Список научных трудов и публикаций академика В.А. Тишкова.....	642

Научное издание

ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ
ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

*К 70-летию
академика В.А. Тишкова*

Утверждено к печати

Ученым советом

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Российской академии наук

Заведующая редакцией Н.Л. Петрова

Редакторы Л.В. Абрамова, М.М. Леренман,

В.Н. Токмаков, В.М. Черемных

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Ю.И. Духовская

Технический редактор Т.В. Жмелькова

Корректоры Г.В. Дубовицкая, Е.А. Желнова, Т.А. Печко

Подписано к печати 14.09.2011

Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 54,7. Усл.кр.-отт. 54,7. Уч.-изд.л. 57,0

Тип. зак.

Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-036718-0

9 785020 367180